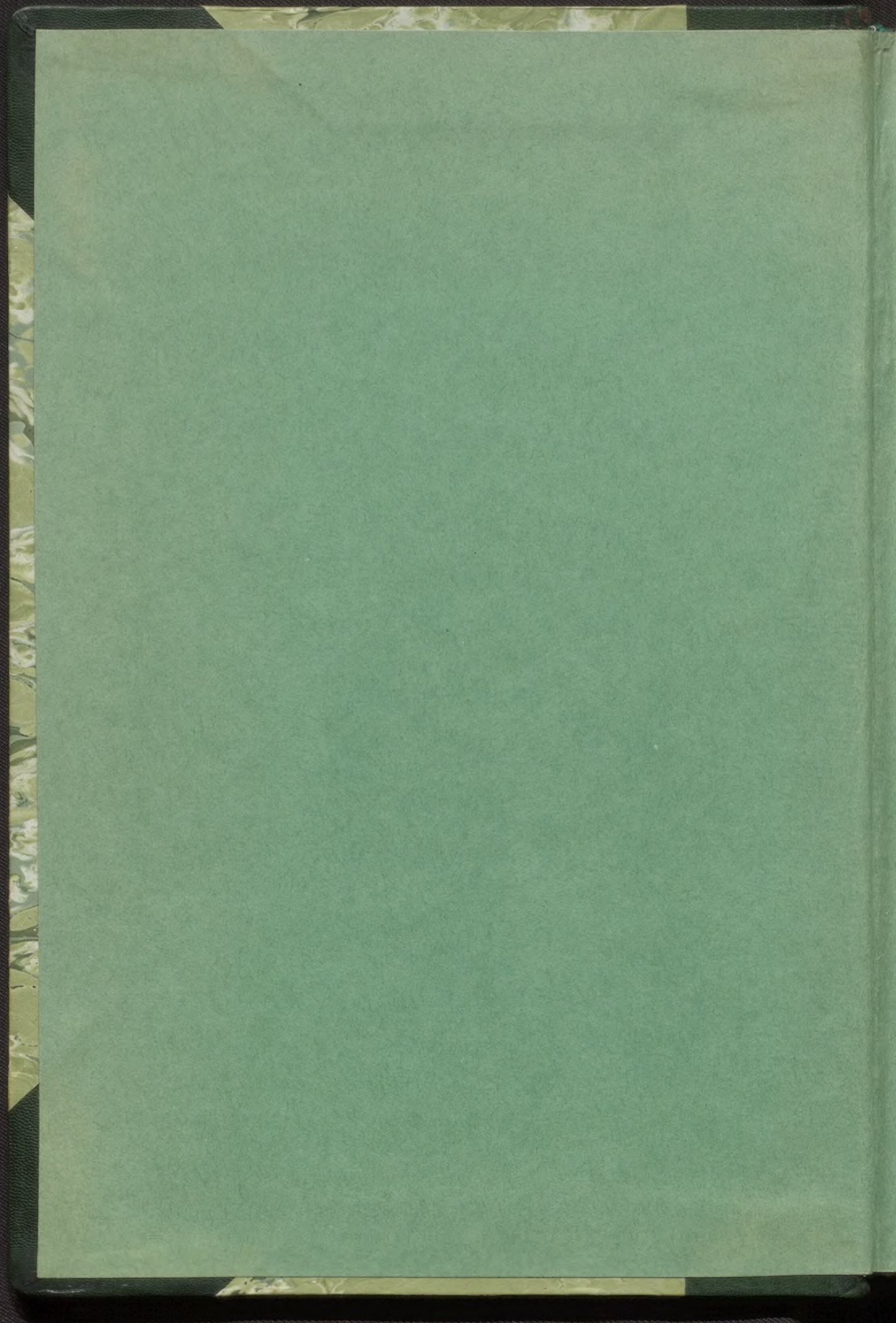
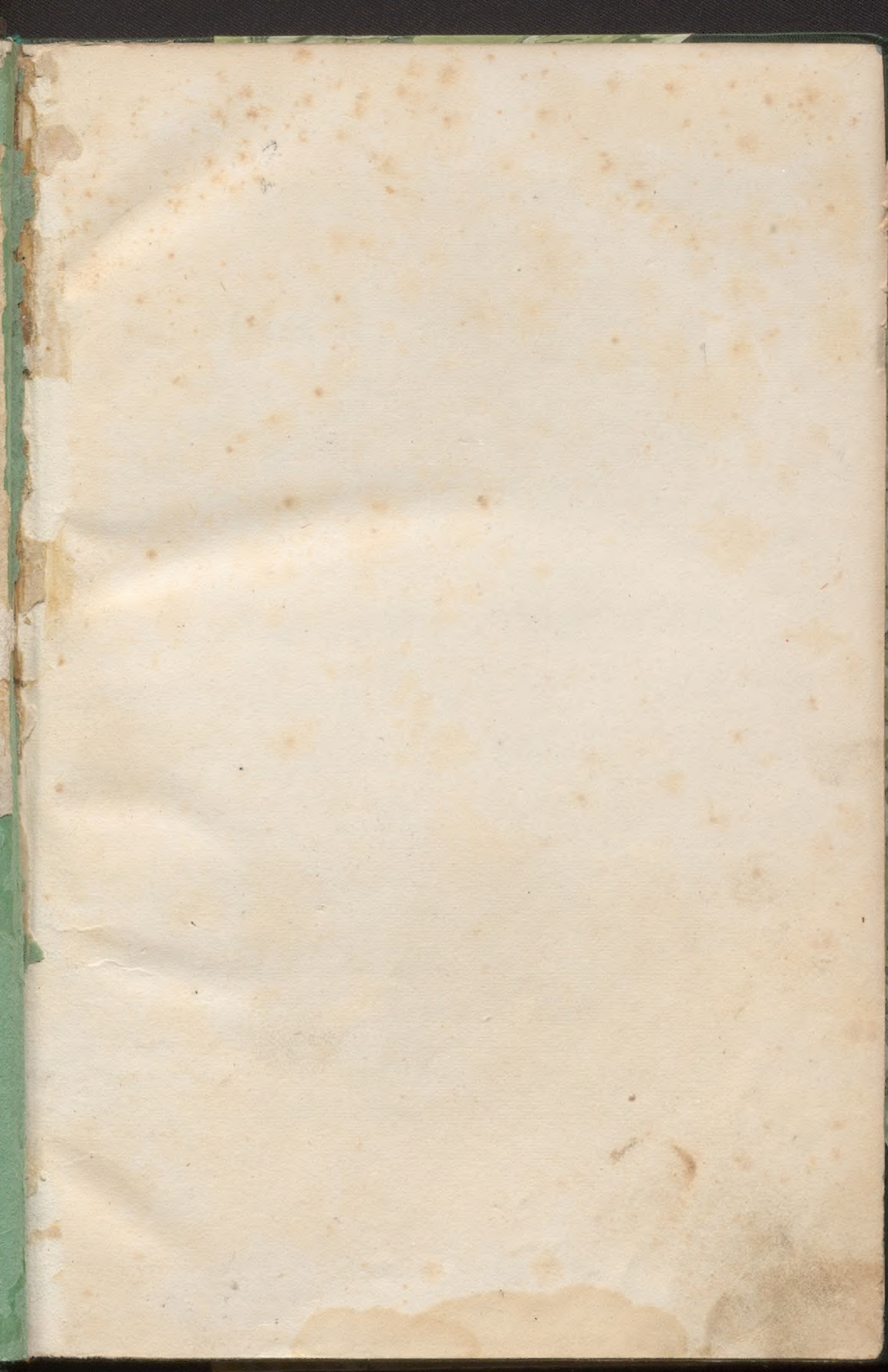

LIBRARY
OF THE
MUSEUM

OF THE
MUSEUM

Agustín de Iturbide, Marqués de Guadalupe
por G. 1790.

Agustín de Iturbide, Marqués de Guadalupe
por G. 1790.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОСТАВЛЕННОЕ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ОТКРЫТІЙ

МАТЕЛАНА, ТАСМАНА, ДАМПИЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, БАЛАНСА, КАРТЕРЕ, БУГЕНВИЛЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЙГА,
ВАНКУБЕРА, ДАШТРАСТО, ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ГОЛОВИНА, ПОРТЕРА, КОЦЕБУ,
ФРЕЙСИНЕ, БЕЛЛИНГШТУЭНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ, ПОЛЬДИНГА, БИЧИ, ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА,
ЛАПЛАСА, МОРЕЛЯ, И ПР.

ИЗДАНО ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЯ,

Капитана Французскаго Королевскаго Флота.

СЪ КАРТАМИ И МНОГОЧИСЛЕННЫМЪ СОБРАНИЕМЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ, ГРАВИРОВАННЫХЪ НА МѢДИ, СЪ
РИСУНКОВЪ ИЗВѢСТНАГО СЕНСОНА, РИСОВАЛЬЩИКА, СОВЕРШИВШАГО ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ ДЮМОНЪ-
ДЮРВИЛЕМЪ, НА АСТРОЛЯБИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе

А. Плюшара.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Издателя Энциклопедическаго Лексикона, А. А. Плюшара.

1857.

ВОДЫ СВАТЫ

ИЗ ПАТЕНСТВА И ОТКРЫТИИ

Печатать дозволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ

Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Юля 4 дня 1837,

Ценсоръ П. Корсаковъ.

1837

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

*Океанія. — Острова Вавиту. — Манжія. — Вайту-
таки. — Тубуэ, и проч. — Перельздъ отъ острововъ
Таити къ островамъ Тонга.*

Буря, застигнувшая насъ 29 Апрѣля ввече-
ру между островами Таити, была слабѣе той
которую мы терпѣли прежде: по истеченіи
сорока восьми часовъ N. W. вѣтеръ стихъ и
Океанъ могла держаться, ожидая возвраще-
нія попутнаго S. O. Пендлетонъ не хотѣлъ
утомлять судна и шель прямо на высоту остро-
ва Вавиту; тутъ вѣтеръ переходя съ галса на
галсъ, дозволилъ намъ взять направленіе къ
Тонгъ. Когда я совершенно узналъ Пендле-
тона, ознакомился съ его фатализмомъ, въ
который вмѣшивались набожныя и высокія
мысли, я не удивлялся болѣе непостоянству
его предпріятій и порывамъ неизъяснимымъ
для Филиппа и для всякаго, кто не пости-
галъ причины его поступковъ. Экипажъ, не
смотря на неограниченную довѣренность
къ своему капитану, первому владыкѣ послѣ
Бога, самъ экипажъ, говорю я, не довѣрялъ
иногда ему: «Капитанъ нашъ великій геній
или великій простякъ,» говорили матросы;
«великій геній, потому что онъ никогда попу-
стякамъ не становился у берега; великій про-

стякъ, потому что никогда не выходитъ на
берегъ во время.»

И могли ли эти необразованные люди
говорить иначе, когда выраженіе лица Пен-
длетона было всегда въ противоположности
съ впечатлѣніями здраваго разсудка? На
этотъ разъ, напримеръ, когда дулъ вѣтеръ
N. W., Пендлетонъ казался довольнымъ, и
вдругъ нахмурился, когда поднялся попутный
для насъ S. O. Могъ ли онъ сказать матро-
самъ: «Тамъ, подъ 31° 25' юж: шир: и 132°
10' зап. долг., говорятъ, находится группа
острововъ, означенная на нѣкоторыхъ Аме-
риканскихъ картахъ; капитанъ Ж. Митчелъ
увѣряетъ, что видѣлъ ихъ въ 1823 году, и
что они имѣютъ сорокъ восемь миль про-
тяженія отъ запада къ востоку. Но я, Пен-
длетонъ, сомнѣваюсь въ существованіи этихъ
острововъ, и хотѣлъ бы убѣдиться въ спра-
ведливости моего сомнѣнія.» Пендлетонъ
могъ думать все это, но не могъ сказать.

Не одно это сомнѣніе было причиною со-
жалѣній капитана: въ томъ же направленіи

находятся группа островов Бассъ и остр. Рапа.

Группа островов Бассъ (Bass) состоитъ изъ четырехъ островковъ, лежащихъ подъ $27^{\circ} 40'$ юж. шир. и $145^{\circ} 50'$ зап. долг. Они были открыты въ 1803 году мореплавателемъ, который назвалъ ихъ своимъ именемъ, и были вторично видѣны Паульдингомъ (Paulding); болѣе ничего не извѣстно объ нихъ. Бассъ и нѣкоторые географы приняли ихъ за острова Коронадосъ (Coronados) Кевроса; но вѣроподобнѣе, что этимъ именемъ назывались острова Глочестеръ въ архипелагъ Помоту.

Островъ Рапа гораздо значительнѣе острововъ Бассъ. Онъ замѣченъ въ первый разъ Ванкуверомъ, 22 Декабря 1791 года. Жители этого острова сначала были очень боязливы и недовѣрчивы въ сношеніяхъ съ мореплавателемъ, но вскорѣ сдѣлались смѣлѣе, и непреодолимая склонность къ воровству, свойственная вѣсѣмъ Океанійскимъ племеніямъ, вполне обнаружилась въ нихъ. Наиболѣе ихъ прельщало желѣзо; они старались красть даже гвозди корабля. Ванкуверъ нашелъ въ жителяхъ Рапа большое сходство съ жителями острововъ Тонга. По догадкамъ его, начальник острова назывался Корай, а островъ Опаро. Этимъ именемъ островъ Рапа долго былъ означаемъ на картахъ. Почва состояла изъ песчаныхъ прибрежій, опушенныхъ зеленою, и безплодныхъ холмовъ, надъ которыми нависли скалы. Ванкуверъ принялъ эти скалы за села: ему казалось, что онѣ, подобно Ново-Зеландскимъ ущельямъ, были укрѣплены. Островъ имѣлъ флотилію: до тридцати лодокъ собрались вокругъ корабля. на нихъ находилось 300 человекъ. Народонаселеніе Рапа полагали въ 1,500 чел. Островитяне были средняго роста, весьма дородны, но стройнаго сложенія, веселой и пріятной наружности, съ бритыми головами и почти совершенно нагѣе. Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ лицъ носили поясы изъ древесныхъ листьевъ.

Послѣ Ванкувера, вѣроятно многіе подходили къ Рапа, но никто не оставилъ свѣдѣній объ этомъ островѣ. Двадцать лѣтъ спустя, объ немъ упоминаетъ Элисъ. По преданію этого миссіонера, въ 1814 году, капитанъ Пауель, застигнутый тишью близъ этихъ береговъ, сдѣлался предметомъ довольно страннаго покушенія жителей Рапа. Имъ не доз-

воляли взойти на корабль; они схватились за веревку, висѣвшую у кормы, и устроивъ родъ морской упряжи, изъ 50 человекъ, стали тянуть корабль къ берегу. Одинъ угрозы заставили ихъ оставить предпріятіе.

Элисъ подошелъ къ островамъ Рапа въ 1817 году Января 26. Когда завидѣли его корабль, онъ тотчасъ былъ окруженъ двадцатью лодками. Жители были тѣ же, которыхъ видѣлъ Ванкуверъ; смуглые, стройные, черты лица ихъ были правильны, волосы черные и кудрявые, тѣло нагое, не испещренное рисунками, но прикрытое только поясомъ изъ драцены. Взойдя на корабль, они до того сдѣлались смѣлы, что нужно было употребить противъ нихъ силу. Они крали не только вещи, но и людей. Одинъ изъ нихъ, плотный и высокій мужчина, схватилъ подъ руку маленькаго матроса, и бросился бы съ нимъ въ море, если бѣ бѣдный мальчикъ не успѣлъ увернуться; одинъ изъ прислужниковъ былъ отъ нихъ избавленъ подоспѣвшими людьми. На палубѣ происходили странныя сцены. Находившійся на кораблѣ догъ, огромная, смѣлая и дикая собака, привязанная на цѣпи, увидя незнакомыхъ, оробѣла до того, что не только не лаяла и не бросалась, но спряталась въ будку и дрожала вѣсѣмъ тѣломъ. Страхъ собаки еще увеличился, когда одинъ изъ дикихъ, подошедъ къ ней, схватилъ ее и хотѣлъ бросить съ нею въ море. Но собака была на цѣпи, цѣпь была прикрѣплена къ будкѣ, а будка къ палубѣ. Сначала дикарь, казалось, все хотѣлъ унести съ собою; но видя, что усилія его будутъ тщетны, онъ отказался отъ этой добычи, бросился на кошку, схватилъ ее, кинулся въ воду, и доплывъ до лодки, гдѣ кошка привела всѣхъ въ удивленіе. Въ слѣдствіе столь явныхъ насилій, надо было прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Капитанъ былъ вынужденъ велѣть очистить палубу; это приказаніе было медленно и съ большимъ трудомъ исполнено матросами. Догъ, ободрившись отъ страха, началъ лаять и тѣмъ способствовалъ къ исполненію повеленія капитана. Наконецъ, освобожденный отъ своихъ посѣтителей, корабль поплылъ къ Таити. Элисъ удостовѣрился, что настоящее имя острова есть *Рапа*. Въ 1825 году подходилъ къ Рапа Таитскій кутерь, отвозившій въ Таити двухъ жителей этого острова. Ласково принятые миссіонерами, эти дикіе полюбилъ Христіанскіе обычаи и научились

читать. Когда их нашли довольно свидѣ-
нцами, то отправили на родимый островъ съ
двумя Таитянами, воспитанными миссіонера-
ми. Прибытіе ихъ на Рапа было причиною
настоящаго торжества. Жители подняли на
руки лодку, въ которой находились прѣзжіе,
и принесли ихъ такимъ образомъ на берегъ.
Дружескія сношенія водворились съ жите-
лями; вымѣняли нѣсколько сандальнаго дере-
ва на съестные припасы, и просили капита-
на этого кутера возвратиться къ ихъ бере-
гамъ. Онъ это исполнилъ. Въ слѣдующемъ
Январѣ Таитскіе миссіонеры прибыли въ
Рапа, съ тѣмъ, чтобы тамъ поселиться. Съ
ними были ихъ жены и двое изъ ихъ соотече-
ственниковъ; съ запасомъ Таитскихъ книгъ
и Евангельскихъ поученій, они привез-
ли земледѣльскія орудія, семена и строе-
вой лѣсъ, для построенія часовни. Г. Дэвисъ
(M. Davies), одинъ изъ первыхъ Англійскихъ
миссіонеровъ на Таити, не смотря на отвра-
щеніе нѣкоторыхъ, учредилъ миссію, труды
коей въ послѣдствіи были не безуспѣшны.
Уже многіе обратились къ Христіанской вѣ-
рѣ, когда Долфинъ присталъ къ берегу этого
острова, въ Іюль 1826 года. Со времени Ван-
кувера, мѣстоположеніе и нравы жителей ма-
ло измѣнились: 2,000 человекъ жили въ
жалкихъ хижинахъ и питались рыбою и та-
ро. Послѣ Паульdingа никто изъ извѣст-
ныхъ мореплавателей не приставакъ къ остр.
Рапа; одни Таитскіе миссіонеры имѣли нѣ-
которыя сношенія съ жителями, которые
нынѣ все обращены къ Христіанской вѣрѣ.
Отъ нихъ извѣстно намъ, что ужасная зараза
истребила большую часть народонаселенія:
изъ 2,000 чел. едва ли осталась 500! Рапа ле-
житъ подъ 27° 36' юж. шир. и 146° 32' за-
пад. долготы. Мѣстоположеніе острова гори-
стое, возвышенное; окружность его отъ де-
сяти до двѣнадцати миль. Остроконечныя
горы, вышиною отъ двухъ до трехъ сотъ
футовъ, составляютъ внутреннюю часть
острова. Издалека ихъ легко можно при-
нять за укрѣпленныя селенія, что и при-
вело Ванкувера въ заблужденіе. Эта гори-
стая часть острова вовсе необитаема. Все
жители поселены на восточномъ берегу,
близъ рейда; тутъ они закупаютъ таро,
которымъ прокармливается вся колонія. За-
ливъ, называемый Аурай, вдается въ землю
на нѣсколько миль; входъ въ него довольно
труденъ, но просторъ и глубина позволяютъ
кораблю удобно становиться; недалеко отъ

этого мѣста есть хорошая прѣсная вода. Де-
ревья и кустарники, рѣдко разбросанныя по
хребтамъ горъ, суть единственные произве-
денія растительности острова. Подъ этою
широкою находятся уже растенія, свойст-
венныя умѣренному климату.

Къ W. N. W. отъ Рапа, на разстояніи
сорока миль, на Американскихъ картахъ
подъ 27° 21' юж. шир. и 148° 47' зап. долг.
показана подводная скала въ десять миль
протяженія, открытая въ 1830 году Уиксомъ
(Weeks) капитаномъ корабля Нью-Ведфордъ,
и названная имъ Ланкастеръ. До повѣ-
рныхъ изслѣдованій можно сомнѣваться въ
существованіи этого опаснаго мѣста. Подоб-
ному же сомнѣнію подлежитъ островъ, от-
крытый въ 1824 году капитаномъ Кемпелъ,
подъ 26° юж. шир. и 153° 19' запад. долг.
Этотъ мнимый островъ, какъ и многіе дру-
гіе, которые мы выбрасываемъ изъ картъ, мо-
жетъ быть, быть не что иное какъ облако.

За этими островами и подводными скала-
ми, къ которымъ Пендлестонъ, къ великому
своему сожалѣнію, не могъ подойти для обо-
зрѣнія, слѣдовали острова Вавиту, ясно ви-
димые съ *Океаніи*. Издалека островъ по-
казался намъ средней величины, плодород-
ный, лѣсистый, покрытый растительностію
въ родѣ Таитской. Съ четверть часа мы шли
вдоль южной его оконечности, какъ вдругъ
подъѣхала лодка съ тремя туземцами, изъ
коихъ одинъ, вѣроятно, былъ старшина. По
скромному и ловкому обхожденію, по уваже-
нію этихъ людей къ предметамъ расбросан-
нымъ на палубѣ, ясно было, что миссіонеры
успѣли образовать ихъ и внушить имъ нѣко-
торыя правила. Дѣйствительно, все жители
Вавиту обращены въ Христіанство. Посла-
ныя желанія, чтобы *Океанія* остановилась у
ихъ острова; но Пендлестонъ не полагалъ его
довольно удобнѣйшимъ, и потому не хотѣлъ
оставить прямого своего пути. Къ тому же
въ народѣ царствовала заразительная бо-
лезнь, которая изъ 3,000 жителей оставила
только 700 душъ. Мы подарили кое какія
бездѣлушки нашимъ посѣтителямъ и пошли
подъ вѣтри парусами къ Тубуэ, гдѣ должны
были остановиться.

Вавиту, или какъ его обыкновенно называ-
ютъ, Райвавай, открытъ Испанцемъ Гайяngo-
сомъ (Gayangos) 5 Февраля 1775 года. Жи-
тели этого острова показались ему буйными
и склонными къ воровству. Они не татуиро-

вали тѣла; одежда была сдѣлана изъ растеній, въ родѣ папируса, какъ у жителей Танити. Лодки были весьма красивы, оружіе хорошо выработано. Въ 1791 году Брутонъ осматривалъ этотъ островъ, а въ 1811 онъ былъ замѣченъ капитаномъ Генри, который полагалъ, что онъ первый его нашелъ. После него многіе купеческіе корабли приставали къ Вавиту. Но только въ 1822 году обращенные въ Христіанство Тантіе выстроили тамъ часовню, для распространенія истинной вѣры, и вскорѣ совершенно успѣли въ этомъ. Вавиту лежитъ подъ 23° 50' юж. шир. и 150° 12' зап. долг. и имѣетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати миль въ окружности.

Вскорѣ Вавиту совершенно скрылся изъ виду, и 4 Мая утромъ мы увидѣли островъ Тубу; въ то же утро *Океанъ* бросилъ якорь на глубинѣ въ пять брассовъ, между подводными скалами западнаго берега. На этомъ берегу поселились все жители острова, до 300 душъ. Они живутъ въ двухъ небольшихъ селеніяхъ; между хижинами есть каменные оштукатуренные домики, наподобіе, тѣхъ которые мы видѣли на островахъ Танги; эти жилища менѣе удобны, нежели красивы, и крѣпче здоровы и безопасны, нежели первобытныя хижины дикихъ. Только что мы стали на якорь, тотчасъ бросились въ лодку и отправились къ берегу, гдѣ вышли, окруженные жителями острова. Они наперерывъ изъявляли намъ дружественное расположеніе, разговаривали съ нами на своемъ Полинезійскомъ нарѣчій, которое было мнѣ совершенно извѣстно. Многіе предлагали намъ проводить насъ въ селеніе, весьма незанимательное. Хижины походили на хижины жителей Нука-гивы. Но не смотря на предупрежденія Пендлетона, я осмотрѣлъ внутренность острова. «По крайней мѣрѣ попросите одного изъ старшинъ служить вамъ проводникомъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Мнѣ указали значительнѣйшаго изъ всѣхъ, короля Тубу. Его величественнѣйшій на одинъ изъ подводныхъ камней съ опущенными въ воду ногами, удилъ рыбу для своего обѣда. На вопросъ мой, угодноли ему будетъ служить мнѣ провожатымъ, онъ покачалъ головою, указывая мнѣ на трепещущую въ рукахъ его удочку. Я понялъ, и вынувъ изъ кармана хорошенькій перочинный ножичекъ, просилъ принять его въ вознагражде-

ніе. Это произвело удивительное дѣйствіе: онъ бросилъ удочку и пошелъ передо мною, повторяя увѣренія въ дружбѣ и говоря, что онъ мой истинный пріятель.

И такъ мой новый пріятель, король дикихъ, прежде всего повелъ меня къ болотистому мѣсту; приближаясь, онъ сталъ на колѣна, какъ дромадеръ, и знаками приглашалъ меня взлѣзть къ нему на спину. Волею или неволею я долженъ былъ воспользоваться этимъ самоотверженіемъ и сѣсть верхомъ на спину моего друга; такимъ образомъ мы прошли триста туазовъ въ самой нечистой болотной водѣ. Мѣсто было скользкое, поща довольно тяжелая, и бѣдный мой другъ прибылъ на другой берегъ, запыхавшись, весь въ грязи и въ черной вонючей тинѣ. Онъ сейчасъ обмылся у ближайшаго водопада; туалетъ его не могъ ни мало пострадать, ибо онъ былъ совершенно нагой. За болотомъ находилась большая долина, покрытая кокосовыми, хлѣбными и банаевыми деревьями; изрѣдка являлись развалившіеся хижины, давно уже необитаемыя. Впрочемъ эта лѣсная долина представляла довольно пріятное зрѣлище. Мы гуляли по ней почти уже три четверти часа, какъ товарищъ мой закричалъ такимъ пронзительнымъ голосомъ, что я невольно содрогнулся: я подумалъ, что Пендлетонъ не безъ причины совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ. По страху мой былъ тщетенъ. На вызовъ короля показался вдали одинъ изъ жителей, который какъ привидѣніе выскочилъ изъ гущи кустарниковъ; вмѣсто непріязненныхъ намъреній, онъ, по другому знаку своего начальника, взлѣзъ на вершину кокосоваго дерева, снялъ нѣсколько орѣховъ и бросилъ ихъ намъ. Я съ удовольствіемъ высосалъ молоко; чтобъ довершить угощеніе, мой другъ, король, пригласилъ меня войти въ хижину; тамъ подали намъ сушенаго тѣста и плоды хлѣбнаго дерева. Не смотря на желаніе воспользоваться гостепріимствомъ туземцевъ, я не могъ проглотить ни куска.

Отдохнувъ, мы возвратились къ берегу, по другой дорогѣ, усаженной дикимъ сахарнымъ тростникомъ. При входѣ въ селеніе было кладбище; на могиллахъ стояли двѣ или три статуи грубой работы. Выйдя на берегъ, я хотѣлъ тотчасъ же отправиться на корабль, но король удержалъ меня обѣдать, желая, говоритъ онъ, вознаградить меня за

худое угощеніе во время прогулки. Тутъ съестныя припасы были лучше и разнообразіе. То же самое тѣсто, необходимое блюдо во всѣхъ обѣдахъ, явилось, но съ рыбою, наловленною королевскими руками; жареныя курицы, таро, плоды хлѣбнаго дерева и другіе не менѣе вкусные фрукты, были поданы въ заключеніе обѣда. Всѣ кушанья были обернуты банановыми листьями и симметрически разложены на соломенныхъ циновкахъ, лежавшихъ на землѣ; вокругъ хижины стояла многочисленная прислуга, готовая исполнить приказанія амфитріона; нѣсколько гостей, конечно начальники, хотя и подчиненные моему другу, стояли въ кружкѣ, пили и ѣли съ нами. Король прислуживалъ мнѣ самъ, и никому кромѣ меня не оказывалъ подобной вѣжливости. Желая изъяснить признательность за его вниманіе, я предложилъ ему мою флигу съ ромомъ; мы пили изъ нее вмѣстѣ. Замѣти, что онъ слишкомъ часто обращается къ фляжкѣ, и не зная какого онъ права въ такомъ видѣ, я предложилъ ему поподчинять гостей этимъ напитокомъ, указавъ ему на двухъ, по видимому, старшихъ послѣ него. Это предложеніе разсердило короля; онъ схватилъ фляжку, сирягалъ ее между ногъ и съ грознымъ видомъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я ничего пить не дамъ, это слишкомъ хорошо для нихъ.» Впрочемъ это легкое облако неудовольствія нисколько не затмилло дружбы нашей. Когда я не напоминалъ болѣе объ ромѣ, король опять сдѣлался также ласковъ, предупредителенъ и вѣжливъ какъ прежде. Онъ готовъ былъ все уступить мнѣ, домъ, жену и подданныхъ. Подарокъ мой тронулъ его до глубины души. Если бы мнѣ пришло тогда въ мысль быть королемъ острова, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы въ этомъ. Мой пріятель вѣрно отказался бы для меня отъ престола; ромъ сдѣлалъ его необыкновенно откровеннымъ и нѣжнымъ. Когда Пендлетонъ хотѣлъ меня освободить изъ его объятій, я долженъ былъ поцѣловаться съ нимъ носомъ разъ пять или шесть; онъ плакалъ какъ ребенокъ и бросился за мною въ воду, когда лодка отвалила отъ берега. Посѣщеніе мое было вѣрно эпохою въ его жизни; на островѣ Тубуэ малѣйшее происшествіе составляетъ эпоху.

Тубуэ открытъ Кукомъ въ Августѣ 1777 года. Онъ не останавливался здѣсь, но имѣлъ сношенія съ жителями подѣланными

ми къ нему на лодкахъ длиною въ 30 футовъ; на каждой изъ нихъ было по семи или восьми человѣкъ. То были люди мужественнаго вида, съ кожею желтовато-смуглаго цвѣта, съ черными, гладко причесанными волосами, съ круглыми, полными лицами, но жестокаго нрава. Пріѣхавшіе къ Куку, были нагѣ, но изъ оставшихся на берегу нѣкоторые были прикрыты чѣмъ то бѣлымъ. На груди ихъ висѣли перламутровыя раковины.

Послѣ Кука явился въ Тубуэ бунтовщики съ Боунти, которые, какъ мы уже видѣли, тщетно желали неоднократно тамъ поселиться. Потомъ въ 1801 году, прибыли миссіонеры, успѣвшіе, не смотря на довольно сильное сопротивленіе островитянъ, частію волею, частію неволею, водворить между ними вѣру Христіанскую. Когда въ 1826 году Паульдингъ посѣтилъ этотъ островъ, то вѣроисповѣданіе частію было уже Христіанское, частію же владычествовало идолопоклонство: теперь, кажется, оно совершенно уничтожено.

Тубуэ не имѣлъ болѣе пяти или шести миль въ ширину, вмѣстѣ съ бурунами, которые окружаютъ его; не менѣе того, высокіе и лѣсистые холмы покрываютъ островъ. Равнины и крутые берега усыяны растеніями, доказывающими плодородность почвы. Со времени открытія острова, на немъ были свиньи, дворовыя птицы и вообще всѣ произведенія земель, подъ тропиками лежащихъ. Народонаселеніе въ Тубуэ, какъ и въ смежныхъ съ нимъ островахъ, постепенно уменьшается. Сперва считали до 1,000 жителей; теперь не болѣе трехъ сотъ. Островъ лежитъ подъ 23° 24' юж. шир. и подъ 150° 41' зап. долготы.

Направляясь къ Риметара, мы видѣли изъ далека Руруту, иначе называемый Огитероа, островъ, открытый Кукомъ въ 1767 году, и найденный безлюднымъ и почти ненаселеннымъ. Жители были стройны, мужественной наружности, татуированы только подъ мышками и на ладоняхъ. Одежда ихъ была сдѣлана изъ хорошо выработанной и окрашенной матеріи; оружіе изъ крыпкаго дерева, хорошо выдѣлано; лодки съ мелкою рѣзбою были украшены перьями на носу и кормѣ. Этотъ островъ, совершенно забытый съ 1811 года, былъ посѣщенъ въ 1822 году Тантескими миссіонерами. Нынѣ всѣ жители его обращены въ Хри-

стіанство. Онъ лежитъ подъ $23^{\circ} 27'$ юж. шир. и $153^{\circ} 6'$ зап. дол.; окружность его отъ двѣнадцати до тринадцати миль.

Океанія стала противъ Риметара и тотчасъ спустила въ море лодку, ибо одинъ изъ соотечественниковъ Пендлетона, пріятель его, съ которымъ онъ велъ переписку, находился на островѣ. Пендлетонъ одинъ вышелъ на берегъ, чтобы переговорить съ нимъ, и не болѣе трехъ часовъ употребилъ на это посѣщеніе. *Океанія* между тѣмъ держалась въ нѣкоторомъ отдаленіи, потому что крутые берега острова были опасны и вредны для здоровья. Этотъ клочекъ земли обратилъ на себя вниманіе своею плодородностію. Тамъ поселились Христіанскіе миссіонеры, служившіе ередоточіемъ всемъ окрестнымъ группамъ. Риметара, открытый въ 1811 году К. Генри, до прибытія туда въ 1821 году миссіонеровъ, былъ совершенно забытъ. Паульдингъ, посѣтившій островъ сей въ 1826 году, нашелъ на немъ до трехъ сотъ жителей, помѣщавшихся въ маленькихъ хижинахъ вокругъ большаго оштукатуреннаго дома, въ которомъ жили пасторы ихъ, властители и проповѣдники острова. Поля были застѣны картофелемъ, табакомъ, манною и таро. Островъ изобиловалъ съѣстными припасами: въ нѣсколько часовъ Англійскій мореплаватель успѣлъ снабдить свой экипажъ тридцатью свиньями и большимъ количествомъ разныхъ овощей. Идопоклонство было совершенно истреблено; обломки колоннъ, бывшихъ нѣкогда вышиною въ 60 футовъ, одни означали мѣсто прежняго морая. Зданіе это было разрушено по приказанію миссіонеровъ. Островъ плоскій, длина его до трехъ миль, ширина не болѣе; онъ окруженъ подводными скалами и лежитъ подъ $22^{\circ} 38'$ юж. шир. и $154^{\circ} 22'$ зап. долготы.

За Риметара подъ $21^{\circ} 48'$ юж. шир. и $157^{\circ} 14'$ зап. дол. *Океанія* прошла мимо маленькаго коралловаго островка, окруженнаго подводными скалами. Поверхность его была устлана кустарникомъ. Онъ открытъ капитаномъ Паульдингомъ (1) въ 1826 году который не нашелъ на немъ ничего кромѣ морскихъ птицъ. Они владычествовали, и ни мало не тревожились видя матросовъ. Прибрежье было совершенно покрыто ихъ яйцами.

Плаваніе наше отъ острова къ острову продолжалось еще нѣсколько дней. Прошедъ мимо рифа, открытаго Паульдингомъ, *Океа-*

нія направилась къ сѣверу, и проходила мимо Маути, Мити-аро, Ватіу, Мануэ и Вангу-таки. Всѣ эти острова, покрытые зеленою, принадлежать къ группѣ, извѣстной въ запискахъ миссіонеровъ подъ наименованіемъ острововъ Гервея (Harvey). *Океанія* видѣла ихъ только изъ дали, и не подходила къ нимъ; но вотъ что о нихъ извѣстно.

Самый южный изъ этихъ острововъ есть остр. Манжія; онъ былъ открытъ въ 1777 году Кукомъ, у котораго на кораблѣ находился въ то время дикій Май, взятый имъ изъ Таитскаго архипелага. Май служилъ толмачемъ Англійскому капитану. Онъ уговорилъ островитянъ, подѣхавшихъ къ нему на лодкахъ, взойти на палубу. Сначала они болѣли, но потомъ ободрившись, взошли. Эти туземцы были красивы собою, мужественнаго вида, небольшого роста, но хорошо сложены, пріятной наружности и всеелаго нрава. Черные волосы ихъ были подняты вверхъ и связаны кусочкомъ матеріи. Они носили бороды; руки ихъ и другія части тѣла были татуированы. Въ длинныя отверстія, сдѣланныя въ нижней части ушей, они привѣшивали разныя украшенія и вещицы. Кукъ подарилъ одному изъ нихъ перочинный ножикъ; онъ тотчасъ положилъ его въ ухо, какъ въ футляръ. (Рис. I. ф. 1.) Другіе привѣшивали стеклянныя бусы или кусочки ткани, сдѣланной изъ коры бруссопетинъ, блестящей, глинивитой и сходствовавшей съ матеріею, выдѣлываемою на островѣ Тонга. Хорошо построенныя лодки ихъ сзади оканчивались развиною. Кукъ недолго стоялъ здѣсь; онъ хотѣлъ было выйти на берегъ, но недоброжелательство и угрозы жителей, собравшихся на берегу, заставили его переменить намѣреніе. Таитскіе миссіонеры были настоятельные и счастливые; они поселились тамъ въ 1823 году, и, не смотря на всѣ сопротивленія, обратили жителей къ Христіанской вѣрѣ. Мѣстоположеніе Манжія или Манайя довольно возвышено; онъ имѣетъ въ окружности около пяти миль. Растительность мѣстами низка, густа и цвѣта темнаго, мѣстами рѣдка и свѣтлѣе. Нѣкоторые холмы, красноватаго цвѣта, безплодны и покрыты папоротникомъ. Въ 1823 году, жителей на островѣ считали 1,500 чел. Вершина острова находится подъ $21^{\circ} 55'$ юж. шир. и подъ $160^{\circ} 18'$ зап. дол. Въ тридцати шести миляхъ отъ Манжія къ $N\frac{1}{4}O$ лежитъ островъ Маути, открытый

только въ 1821 году, въ то время, когда проповѣдники Таитскіе прибыли туда для распространенія Евангельскаго ученія въ архипелагѣ, мало до того постигасмоя. Капитанъ Байронъ въ 1825 году подходитъ къ Маути, и былъ восхитенъ гостепріимствомъ жителей; ни какаѣ страна, по мнѣнію его, не представляетъ видовъ богаче и красивѣе; ни въ какомъ народѣ нѣтъ лучшихъ нравовъ, болѣе принции и скромности. Маути теперь совершенный рай, особливо со времени обращенія его въ Христіанскую вѣру; подробности обращенія дикарей въ Христіанство очень любопытны.

Въ 1821 году этотъ островъ былъ подѣ властью короля острова Ватіу, который самъ принявъ недавно Христіанскую вѣру, хотѣлъ способствовать къ обращенію жителей Маути. Подѣхавъ къ острову съ двумя миссіонерами, онъ сошелъ на берегъ, былъ окруженъ толпою островитянъ и началъ говорить имъ такъ: «До сего времени вы поклонялись безчувственнымъ, безсловеснымъ кускамъ дерева, идоламъ, которыхъ вы сами дѣлали. Вы были въ заблужденіи; теперь узнаете истиннаго Бога; люди эти, притѣхавшіе со мною, научатъ васъ познавать его.» После этой короткой рѣчи, онъ повелѣлъ низвергнуть идоловъ; что было немедленно исполнено. Такимъ образомъ идолопоклонство, царствовавшее въ Маути во всей силѣ еще утромъ, къ вечеру уже не существовало. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весь островъ исповѣдывалъ вѣру Христіанскую. Породный и лѣсный островъ Маути имѣетъ восемь миль въ окружности; жителей на немъ считается до 200. Онъ лежитъ подѣ 20° 6' юж. шир. и 159° 35' зап. долготы.

Въ двадцати пяти миляхъ къ сѣверу отъ Маути, лежитъ Мити-аро, другой плоскій, лѣсный островъ; жителей на немъ не болѣе ста душъ, и тѣ съ трудомъ получаютъ необходимую пищу съ безплодной почвы. Онъ также находился подѣ властію короля острова Ватіу; открытіе и обращеніе въ Христіанство здѣсь совершились такъ же какъ на Маути. Мити-аро лежитъ подѣ 19° 54' юж. шир. и 160° 4' зап. долг. Онъ имѣетъ три или четыре мили длины и одну ширины.

Островъ Ватіу, называемый миссіонерами Атуи, лежитъ въ двадцати восьми миляхъ къ

Ю. З. отъ Мити-аро. Онъ открытъ въ 1777 году Кукомъ, который отправилъ на землю трехъ офицеровъ своего экипажа, въ соупствіи Таитянина *Мани*. Островитяне приняли сначала иностранцевъ съ нѣкоторою вѣжливостію; пригласили ихъ на представленіе и подчивали разными яствами. Это доброе расположеніе не долго продолжалось; привычка къ воровству взяла верхъ: они обокрали своихъ гостей и даже хотѣли задержать ихъ въ плѣну. Если бы *Мани* не угрозилъ имъ пушками фрегата и не познакомилъ ихъ, посредствомъ маленькихъ фейрверковъ, съ смертоюсною силою пороха, то вѣроятно плѣнные были бы подвержены большой опасности и долговременнѣйшему заключенію. *Мани* нашелъ на Ватіу трехъ соотечественниковъ своихъ, оставшихся живыми изъ двадцати человѣкъ, которые опрокинулись съ лодкою среди моря. Эти Таитяне жили уже восемнадцать лѣтъ на Ватіу; довольные обращеніемъ туземцевъ они не хотѣли возвратиться въ отечество на Англійскихъ корабляхъ. После Кука никто не былъ на островѣ Ватіу, до миссіонеровъ, прибывшихъ туда въ 1821 году, для проповѣдыванія Христіанской вѣры. Успѣхи обращенія сначала были весьма слабы, но теперь весь островъ исповѣдуетъ Христіанскую вѣру. Островъ не высокъ; онъ имѣетъ шесть миль въ окружности, и опоясанъ со всѣхъ сторонъ подводными скалами; жителей нѣсколько сотъ душъ. Вершина его лежитъ подѣ 29° 3' юж. шир. и 160° 28' зап. долготы.

Въ десяти миляхъ къ С. З. отъ Ватіу, лежитъ островокъ Фенуа-пти называемый Ока-тутайя Кукомъ, открывшимъ его въ 1777 году; онъ плоскъ, берега блѣдно-песчаные, но во внутренности довольно лѣсу. Кукъ не нашелъ жителей на островѣ, но видѣлъ ихъ полуразвалившіеся хижины, могилы и обнесенныя оградами земли. Миссіонеры не упоминаютъ объ этомъ островѣ, въ запискахъ своихъ объ островахъ Гарвей; вѣроятно по необитаемости, онъ не обратилъ на себя ихъ вниманія. Онъ лежитъ подѣ 19° 51' юж. шир. и 160° 38' зап. долготы.

Въ двадцати верстахъ къ С. З. отъ Ватіу, лежитъ островъ Мануа, замѣченный Кукомъ въ 1773 году и названный имъ островомъ Гарвей. Въ первое свое путешествіе Кукъ считалъ его необитаемымъ; но подошедъ къ нему въ 1777 году, нашелъ на немъ жителей

дикихъ, недоступныхъ, не позволившихъ ему выйти на берегъ. Островитяне лицомъ и обращеніемъ сходятся съ жителями Новой Зеландіи, однако же они не татуируютъ тѣла. По ихъ намекамъ должно было понять, что на островѣ нѣтъ ни свиней, ни банановъ, ни хлѣбныхъ деревьевъ. Мануэ, казалось, зависѣлъ отъ короля остр. Ватіу; можно предполагать, что онъ, по примѣру другихъ острововъ, былъ обращенъ въ Христіанскую вѣру; но миссіонеры нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ ясно. Опустился ли этотъ островъ или остался преданнымъ идолопоклонничеству, не извѣстно. Онъ состоитъ изъ трехъ или четырехъ небольшихъ островковъ, низменныхъ, окруженныхъ подводными скалами, и имѣетъ шесть миль въ окружности. Южная оконечность лежитъ подъ 19° 23' юж. шир. и 161° 18' зап. долготы.

Въ двадцати миляхъ отъ него къ С. З. находится островъ Вайту-таки, иначе называемый миссіонерами Анту-таки. Блей открылъ его въ Апрѣлѣ 1789 года. Онъ имѣлъ сношеніе съ туземцами, въ обхожденіи которыхъ проявлялись откровенность и доверіе. Блей узналъ отъ нихъ, что на островѣ нѣтъ ни свиней, ни собакъ, ни ямса; нѣ таро, но множество кокосовъ, дворовыхъ птицъ, хлѣбныхъ и банановыхъ деревъ. Не смотря на убѣжденія, капитанъ не могъ сойти на землю, но подарилъ имъ одного борова, одну свинью и нѣсколько другихъ предметовъ. Эти дикари казались вѣжливыми и обходительными сосѣдей своихъ, жителей Мануэ; не все ихъ тѣло, какъ у Таитлянъ, но одні ноги и руки были татуированы. Послѣ Блея чрезъ два года, сюда заходилъ Эдвардсъ; потомъ островъ былъ забытъ до 1821 года, когда прибылъ миссіонеръ Вильямсъ, который оставилъ тутъ двухъ Таитскихъ проповѣдниковъ. Предпріятіе ихъ имѣло скорый и счастливый успѣхъ; король Таматоа сдѣлался ревностнымъ Христіаниномъ, и подданные послѣдовали его примѣру. Миссіонеръ Барисъ, бывший на этомъ островѣ въ 1825 году, описываетъ плѣнительнымъ образомъ мѣсто и нравъ жителей. «Церковь, говоритъ онъ, окончена; островитяне выстроили изъ большихъ глыбъ коралла площадь въ 600 футовъ длины и 8 ширины; вдоль берега тянутся 114 домовъ, всѣ оштукатуренные; во многихъ изъ нихъ находятся кушетки и диваны; 600 душъ обраще-

ны уже въ Христіанскую вѣру.» Народонаселеніе простиралось тогда до 1,500 чел. Вайту-таки состоитъ изъ группы небольшихъ плоскихъ островковъ; въ центрѣ которыхъ одинъ значительно возвышается надъ другими. Цѣнь подводныхъ скалъ, въ тридцать или сорокъ миль окружности, тинется вокругъ него по всѣмъ направленіямъ. Северная оконечность лежитъ подъ 18° 47' юж. шир. и 162° 8' зап. долготы.

За нимъ слѣдуетъ островъ Раро-тонга, самый значительный въ этомъ архипелагѣ; онъ открытъ только въ 1814 году небольшимъ судномъ миссіонеровъ. Въ 1823 году король острова Ватіу направилъ туда миссіонеровъ; они оставили тамъ двухъ проповѣдниковъ родомъ изъ Таити, поручивъ имъ заняться обращеніемъ жителей въ Христіанство; успѣхъ увѣчалъ ихъ труды; меньше нежели черезъ годъ, Король Макеа, семейство его и главнѣйшіе члены правленія, читали уже первоначальныя Таитскія книги; болѣе 1,500 жителей были окрещены. Успѣхи по части земледѣлія подвигались столь же быстро, и весь островъ покрывался обильными плантаціями. Народонаселеніе простиралось тогда почти до 7,000 чел., число равное съ населеніемъ Таити. Важность этого мѣста рѣшила одного Англійскаго миссіонера поселиться тамъ въ 1827 году. Въ прежнія времена власть раздѣлялась между тремя начальниками, находившимися въ безпрестанной враждѣ, но съ тѣхъ поръ какъ вошло Христіанство, Макеа былъ признанъ самодержавнымъ властителемъ. По географическому положенію своему Раро-тонга мало извѣстенъ; знаютъ только, что онъ лежитъ подъ 21° 11' юж. шир. и 162° 33' зап. долготы.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Раро-тонга, на картахъ показаны еще три острова: Рокебургъ, открытый Уайтомъ, капитаномъ корабля *Medway*; островъ довольно возвышенный простирающійся на двадцать миль отъ востока къ западу подъ 21° 39' юж. шир. и 163° 0' зап. долг.; Армстронгъ, показанный въ другомъ спискѣ подъ 21° 22' юж. шир. и 163° 23' зап. дол. и наконецъ Рурути, небольшой островокъ, открытый капитаномъ Генри въ 1811 году, и лежащій подъ 20° 20' юж. шир. и 162° 20' зап. долг. Объ островахъ сихъ нѣтъ ни какихъ подробныхъ свѣдѣній; даже существованіе ихъ не совсемъ достоверно. Миссіонеры, часто плававшіе

въ этихъ водахъ, не упоминаютъ объ островахъ въ описаніи острововъ Гарвей.

Океанія съ помощію попутнаго Ю. В. вѣтра прошла мимо всей этой цѣпи острововъ и островковъ, и 10 Мая утромъ была уже въ виду группы Пальмерстонъ, низменныхъ и лѣсистыхъ утесовъ, которые Помаре въ послѣдній годъ своего парствования хотѣлъ обратить въ Ботани-бей Таитскихъ острововъ; смерть его помѣшала ему исполнить намѣреніе, и острова Пальмерстонъ остались, какъ прежде, необитаемы. Кукъ видѣлъ ихъ два раза, въ Іюнь 1714 года и въ Апрель 1777. Онъ запасае здѣсь кокосовыми орѣхами, пальмовою канустой, сердцевинною молодыхъ кокосовъ, мягкими ягодами нанлануса, рыбою и птичьими яйцами. Имъ открыто, что эта группа состоитъ изъ девяти или десяти невысокихъ и узкихъ острововъ, болѣе или менѣе покрытыхъ лѣсомъ и лежащихъ на кругломъ подводномъ утесѣ, простирающемся отъ стѣвера къ югу на шесть миль. Большой лагунъ занимаетъ середину. Пальмерстонъ былъ необитаемъ: ови только обломки челнока и весло, найденные на берегу, свидѣтельствовали, что здѣсь были какіе нибудь рыбаки съ соседнихъ острововъ. Въ 1791 году эти острова видѣлъ Эдвардъ; а потомъ и другіе новѣйшіе мореплаватели. Группа Пальмерстонъ лежитъ подлѣ $18^{\circ} 4'$ юж. шир. и $165^{\circ} 30'$ зап. долготы.

Прямой путь отъ Пальмерстона къ островамъ Тонга, обѣщая намъ весьма незначительныя открытія; Бевериджскія и Никольсонскія подводныя скалы, которыхъ существованіе сомнительно; потомъ островъ Саважъ, покинутый, забытый вѣсми мореплавателями, послѣ пріема которыхъ жители встрѣтили Кука. Открывъ эту землю, онъ хотѣлъ осмотрѣть берегъ. Два раза и съ двухъ сторонъ пытался пристать; но оба раза жители сопротивлялись съ немовѣрною люто-стію и остервененіемъ. Однако нѣсколько залпovъ заставили ихъ отступить и скрыться въ соседнихъ лѣсахъ, откуда Кукъ не смѣлъ ихъ выгнать. Онъ не углублялся во внутренность острова, ибо мѣстоположеніе было въ пользу его противникамъ. Островитяне были нагис, голыю и полену обвертывали простою бѣлою тканію и неперцляли узорами тѣло. Оружіе ихъ состояло изъ копій, дубинъ и дротиковъ. Рѣзба, ко-

торою были украшены лодки, свидѣтельствовала о ихъ искусствѣ. Островъ съ той стороны гдѣ вышелъ на берегъ, былъ немного возвышенъ и усеянъ мелкимъ кустарникомъ. Вертикальные обрывы наполюбістий, вышиною въ сорокъ футовъ, составляли берегъ, основаніе котораго подмывали волны. Форестеръ полагалъ, что внутренность острова, въ прежнія времена покрытая водою, превратилась въ плодородную долину, въ слѣдствіе вулканическаго взрыва. Это предположеніе не было ни опровергнуто, ни подтверждено. Окружность острова Саважъ, по мнѣнію Кука, въ одиннадцать миль. Капитанъ Дюерре, шедшій въ 1823 году въ которомъ разстояніи отъ этого острова, опредѣлилъ его протяженіе отъ $18^{\circ} 59'$ до $19^{\circ} 10'$ юж. шир., и отъ $172^{\circ} 2'$ до $172^{\circ} 14'$ зап. долготы.

Но мы не должны были видѣть ни острова Саважъ, ни Бевериджскихъ, ни Никольсонскихъ мелей. Путь на стѣверъ былъ гораздо богаче предметами и любопытнѣе; Пендлтонъ предпочелъ его: онъ хотѣлъ обратиться къ островамъ Тонга, уже послѣ острововъ Гамоа, до сего времени етоль кратко и неопредѣлительно описанныхъ. И такъ, *Океанія* пройла островъ Пальмерстонъ, направилась къ С. З.; вѣтръ былъ благопріятенъ, а море до того тихо, что эготъ маленькій обходъ ни мало не задержалъ насъ. Впрочемъ Филиппъ ворчалъ менѣе обыкновеннаго: изъ чего я заключаю, что онъ чувствовалъ нѣкоторое влеченіе къ островамъ Гамоа, потому что то былъ дикій архипелагъ, а Филиппъ боялся, что уже болѣе не встрѣтитъ этого въ цѣлой *Океаніи*.

Признаюсь, я тоже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ приближался къ странамъ, которыхъ Христіанство не пріучило еще къ кротости и гостепріимству. *Океанія* производила двойное впечатлѣніе: она дарила тихія, пріятныя ощущенія, съ которыми мы должны были скоро разстаться, чтобъ приготовиться къ другимъ, къ ощущеніямъ драматическимъ, къ несчастнымъ случаямъ и бѣдствіямъ всякаго рода, дозаповѣднаго рубежа которыхъ мы уже почти достигли. Острова Гамоа и Тонга находились еще въ Полинезій, но были смежны съ Меланезією, въ нравахъ, въ обычаяхъ и въ образѣ жизни туземцевъ, это соседство было весьма ощутительно. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ находился архипелагъ Вити, населенный угрюмыми и не-

миролюбивыми племенами. Путешествіе наше до сего времени тихо, спокойно совершавшееся среди народа полуобразованнаго, могло быть, обратится въ какую нибудь кровавую драму. По крайней мѣрѣ, видѣ мѣстности и людей должны были измѣниться. Я былъ въ восхищеніи. Всякой день раскрывая карту, я дѣлалъ и передѣлывалъ сто разъ мореходныя вычисленія. Какъ воспитанникъ Пендлетона, который гордился своими успѣхами, я сдѣлался довольно порядочнымъ географомъ, и не переставалъ умножать замѣчаніями и опытами теоретическія свои познанія. «Капитанъ», спросилъ я его, когда Океанія открылась передъ нами, «и такъ мы ихъ не увидимъ?» Я указывалъ между тѣмъ на множество Полинезійскихъ островковъ, разбѣланныхъ между архипелагомъ Гаваи и островами Гамоа, на пространствѣ почти 700 миль. «Конечно», отвѣчалъ онъ; «но какое намъ до нихъ дѣло! Вѣдь они не что иное, какъ ничтожныя клочки земли, необитаемыя по большей части и сомнительныя для многихъ. Имянной списокъ ихъ не длиненъ, и весьма незанимателенъ; его можно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ.» — «Слушаю», сказалъ я. — Капитанъ продолжалъ, указывая на картѣ каждый островъ.

«Вотъ утѣсь Мануэль-Родригесъ, который только по привычкѣ копируютъ съ старинныхъ Испанскихъ картъ. Въ наши времена никто еще не встрѣчалъ его на своемъ пути, и я полагаю, что въ скоромъ времени его уничтожатъ. Кажется, придется также вычеркнуть предполагаемый островъ Малленъ, указанный какимъ-то Американцемъ, равно какъ и эти два утѣса и островъ, полагаемый на югъ отъ острововъ Смита. По крайней мѣрѣ достоверно, что острова Смита, точно существуютъ. Они были открыты въ 1807 году Джонсономъ, капитаномъ Англійскаго фрегата Коривалисъ, и видѣны вторично въ 1815 году Дайотомъ, капитаномъ Испанскаго корабля Фернандо. Эта группа необитаемыхъ острововъ, коралловаго свойства, покрыта тощими растеніями. Окружность ее до девяти миль отъ С. З. къ Ю. В. Она лежитъ подъ 16° 53' с. шир., и 171° 52' зап. долготы.

«Далѣе, еще весьма сомнительныя острова Санъ-Педро и Баркеръ, равно какъ и два или три мели возлѣ экватора, полагаемыя къ востоку не въ дальнемъ разстояніи отъ Жильбертовыхъ острововъ. Нью-Нантукетъ;

открытый въ 1824 или 1825 году китоловнымъ судномъ Лоперомъ и показанный подъ 0° 11' с. шир., и 176° 40' зап. долг., долженъ, быть встрѣченъ къ намъ нибудь вторично, чтобъ имѣть право находиться на картахъ.

«Существованіе Пальмиры гораздо вѣрнѣе. Этотъ островъ, первоначально открытый Американцемъ Фаннингомъ; нѣсколько лѣтъ спустя, вторично найденъ капитаномъ Макай. Пальмира, островъ низкій, простирающійся на три мили; онъ имѣетъ два лагуна въ срединѣ, и много выдающихся скалъ, изъ коихъ одна, со стороны запада, простирается въ море почти на три мили. На сѣверѣ есть мѣсто удобное для якорной стоянки, глубиною въ восемнадцать брассовъ. Имя его дано ему капитаномъ Саулъ Пальмиры, который опять увидѣлъ его въ 1802 году. Онъ необитаемъ и лежитъ подъ 5° 50' с. шир. и подъ 164° 45' зап. дол. Въ четырехъ или пяти миляхъ, къ северу, находится опасный рифъ, открытый и разсмотрѣнный капитаномъ Фаннингомъ. Онъ имѣетъ видъ четверти мѣсяца и занимаетъ почти шесть миль отъ сѣвера къ югу.

«Открытіемъ Вашингтонова острова, показаннаго на картахъ Арроусмита подъ названіемъ Нью-Нръ, мы также обязаны Фаннингу. Эта возвышенная земля покрыта зеленью, но необитаема и окружена скалами. Ост. лежитъ подъ 4° 45' с. шир. и 162° 28' зап. дол. Ближе къ экватору находится группа острововъ Фаннингъ, названная по имени открывшаго ихъ. Она состоитъ изъ трехъ небольшихъ островковъ, лѣсистыхъ и окруженныхъ подводными камнями, между которыми есть весьма удобное якорное мѣсто. Два островка, находящіеся на сѣверѣ, простираются каждый на девять миль; третій островокъ, на востокъ, не болѣе шести миль въ длину. Въ то время, когда Фаннингъ находился здѣсь, островъ былъ покрытъ морскими птицами, до такой степени смѣлыми, что ихъ безъ всякаго сопротивленія можно было брать руками. Фаннингъ нашелъ островъ необитаемымъ, и полагалъ, что онъ никогда не былъ населенъ. Однакожъ Макай, пристававшій къ нему, нѣсколько лѣтъ спустя, съ тѣмъ чтобы заготовить голотуріями и черепахами, нашелъ правильно обтесанные камни, и, разрывъ въ одномъ мѣстѣ землю на два фута, открылъ подземелье, выложенное камнемъ и наполненное испомъ, остатками человѣческихъ костей,

и разными орудіями изъ камня, раковинъ, кости, также украшениями, коньями и стрѣлами. Въ свою очередь, Г. Ле-Гоарантъ останавливался тутъ въ 1828 году, и встрѣтилъ двадцать пять судовъ, занятыхъ ловлею гологурій. Островъ Фаннингъ лежитъ подъ 3° 48' с. шир. и 161° 25' зап. долг. Это тотъ самый, ост. который многіе мореплаватели называютъ *Америка*.

«Ближе къ югу лежитъ островъ Христмасъ, открытый Кукомъ въ Декабрѣ 1777 года. Онъ нѣсколько дней стоялъ тутъ на якорѣ и запасся черепахами и рыбою. Это лѣсистый, низкій и необитаемый островъ, имѣющій около пятнадцати миль въ окружности и мѣсто, довольно удобное для якорной стоянки, на западной сторонѣ, гдѣ берегъ такъ глубоко вырѣзанъ, что выгибается въ видѣ полумѣсяца. Онъ лежитъ подъ 1° 59' с. шир. и 159° 50' зап. долготы.

«Объ островѣ Джервисъ, по словамъ Арроусмита извѣстно только то, что онъ открытъ капитаномъ Броуномъ, и въ 1822 году опять замѣченъ капитаномъ Локомъ. Его ставятъ подъ 0° 30' юж. шир. и 162° 18' зап. долг. Островъ *Броке*, положенный на Американской картѣ къ юго-востоку, не въ дальнемъ разстояніи отъ острова Джервиса, можетъ быть, есть тотъ же самый островъ, но показанный въ двухъ различныхъ мѣстахъ.

Островъ Малденъ открытъ капитаномъ Байрономъ 29 Іюля 1825 года. Онъ низменъ, лѣсистъ и на двѣнадцати или пятнадцати миляхъ окружности своей окруженъ подводными скалами. Въ то время онъ былъ необитаемъ, но многіе признаки доказывали, что островъ былъ прежде населенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны были обширныя четырехугольныя платформы, изъ обтесанныхъ коралловыхъ глыбъ. Онъ былъ ровно складенъ, на серединѣ возвышался одинъ камень, служившій вѣроятно алтаремъ. (Рис. I. ф. 2.) Наружностію онъ походилъ на моран жителей Нука-гивы и Танги. Островъ лежитъ подъ 4° юж. шир., и 157° 20' зап. долг. На одной изъ Американскихъ картъ, на половинѣ пути отъ Малдена до Нука-гива, отмѣченъ еще одинъ островъ, существованіе котораго сомнительно.

«Обратимся теперь къ острову Старбуку, открытому въ 1823 году капитаномъ того же имени, въ то время какъ онъ перевозилъ въ Европу короля Ріо-ріо съ его супругою. Байронъ вторично видѣлъ этотъ островъ въ

1825 году. Онъ нашелъ его гораздо безплоднѣе острова Малдена, увѣряютъ, что на мадрепорическомъ его грунтѣ нѣтъ ни одного дерева. Старбукъ лежитъ подъ 5° 58' юж. шир. и 157° 26' зап. долготы.

«Островокъ *Каролина* открытъ Братономъ въ 1795 году и, по словамъ Арроусмита, нѣсколько лѣтъ послѣ того опять замѣченъ Бассомъ; но Паульдингъ, останавливавшійся здѣсь въ 1825 году, описалъ его подробнѣе другихъ. Островъ *Каролина*, низменный, окруженный со всехъ сторонъ подводными скалами, длиною отъ шести до семи миль и шириною въ половину. На немъ есть нѣсколько большихъ деревьевъ, но болѣе кустарника. Онъ необитаемъ, но видны нѣкоторые слѣды промышленности дикихъ. Онъ лежитъ подъ 9° 55' юж. шир. и 152° 20' зап. долг. Китоловы видѣли этотъ островъ и называли его *Торитонъ*.

«Объ островѣ *Флинтъ* мы имѣемъ только то свѣдѣніе, что онъ открытъ, какъ полагаютъ Крузенштернъ, въ 1801 году; этотъ мореходецъ ставитъ его подъ 11° 30' юж. шир., и 154° 30' зап. долг. Нѣкоторые географы думаютъ, что это древній Перигрино Квирова.

«Острова Пенринъ въ первый разъ замѣчены были издалека *Северомъ*, капитаномъ корабля Меди-Пенринъ; но Коцебу постигъ ихъ въ 1816 году и входилъ въ сношенія съ жителями. Они похожи на уроженцевъ Нука-гивы: тѣло ихъ не татуировано, но покрыто правильно рубцами. Они ходили нагѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ, носившихъ полсы изъ грубой ткани. Тамъ отращаютъ чрезвычайно длинныя ногти, въ особенности начальники: у многихъ ногти были на три дюйма длиннѣе пальцевъ. Сношенія Коцебу съ дикими не всегда были миролюбивы. Сначала робкіе, туземцы постепенно ободрялись, и съ удивительною дерзостію начали хватать и красть все; когда ихъ останавливали, они прибѣгали къ угрозамъ. Видя, что надо поугатъ этихъ воровъ, Коцебу велѣлъ выстрѣлить изъ ружья; шумъ этотъ привелъ ихъ въ ужасъ: они все бросились въ воду; потомъ, достигнувъ лодокъ, опять окружили корабль. Но знакъ для спятія съ якоря былъ уже данъ. Судно, готовое къ отъѣзду, пустилось въ морю опрокинуло нѣсколько лодокъ, стоявшихъ на пути. Группа Пенринъ состоитъ изъ нѣсколькихъ низкихъ острововъ, покрытыхъ кокосовыми

и другими деревьями; грунтъ вездѣ кораллового свойства. Центръ ихъ лежитъ подъ 9° 2' юж. шир. 159° 55' зап. долготы.

«За ними слѣдуетъ островъ Пескадо, сохранный Арроусмитомъ, но весьма сомнительный; далѣе лежатъ острова Гумфри и Рирсонъ, которые вѣроятно были смытаны съ первымъ островомъ. Рирсонъ и Гумфри открыты Патриксономъ въ 1822 году; онъ описалъ ихъ низкими и населенными островами, подъ 10° 32' юж. шир., и 163° 10' зап. долг.; за ними слѣдуютъ острова Суворова, названные лейтенантомъ Лазаревымъ именемъ корабля его; это группа нѣсколькихъ маленькихъ острововъ подъ 13° 2' юж. шир., и 165° 5' зап. долг. Что же касается до острововъ Денджеръ, открытыхъ Байрономъ въ 1765 году, кажется, они были видѣны Менданою въ 1595 году и названы имъ Solitaria. По словамъ Байрона, они составляютъ группу изъ трехъ низкихъ острововъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, населенныхъ и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ опасными рифами, простирающимися къ западу болѣе нежели на четыре мили отъ берега. Байронъ видѣлъ тамъ челнокъ, но не могъ войти въ сношенія съ жителями. Положеніе ихъ опредѣляется подъ 10° 15' с. шир. и 168° 18' зап. долг.; но это не вѣрно.

«Свѣдѣнія объ островѣ Кларенсъ гораздо вѣрнѣе; капитанъ Эдвардъ открылъ его въ 1791 году, но не останавливался здѣсь; въ 1825 году прибылъ Паульдингъ; Долфинъ легъ въ дрейфъ въ виду острова, и вскорѣ былъ окруженъ множествомъ лодокъ, въ которыхъ было отъ четырехъ до восьми челвѣкъ въ каждой. Когда одна изъ нихъ подошла довольно близко, ей бросили съ корабля веревку, чтобъ она могла стать къ борту. Дикіе схватили конецъ веревки, но вмѣсто того, чтобы употребить ее какъ слѣдовало, вытянули какъ можно длиннѣе, и потомъ отрезали. Первое дѣйствіе ихъ уже было наглое воровство. Ни мало не заботясь о слѣдствіяхъ этого поступка, они продолжали грести къ судну, прося новой веревки; и такъ какъ имъ рѣшительно отказывали, то одинъ изъ дикихъ, сильный и плечистый мужчина, взявъ на палубу. Его окружили, хотѣли съ нимъ говорить, но онъ, ни о чемъ не заботясь, шелъ прямо къ своей цѣли, какъ будто бы на кораблѣ нѣкого не было, остановившись на кормѣ онъ сдѣлалъ знакъ лодкѣ, чтобъ она подошла ближе; потомъ, хва-

тая вес, что попалось, кѣтки, веревки, посуду, желѣзо, съѣстные припасы, орудія, бросалъ ихъ безъ церемоній товарищамъ, которые подбирали и устанавливали въ лодкѣ. Нѣкоторые изъ моряковъ хотѣли остановить дерзкаго вора, но онъ такъ разсердился, что покраснѣлъ до ушей, и продолжалъ еще съ болѣею дѣятельностію свою работу. Тогда Паульдингъ счелъ нужнымъ вѣшаться въ дѣло; онъ слегка ударилъ ружьемъ отважнаго островитянина, но тотъ ни сколько не смутившись, схватилъ ружье за стволъ, и, какъ Паульдингъ сопротивлялся, то онъ обхватилъ его обѣими руками, и бросилъ бы въ море ружье и самого капитана, если бы экипажъ не помогъ во время. Воръ ускользнулъ; онъ бросился въ воду и достигъ лодки, въ которой съ торжествомъ стѣлъ на свою добычу.

«Примѣръ этотъ сманилъ и другихъ островитянъ. Начались самыя наглыя мошенничества. Однажды дикари утащили съ одной лодки руль: капитанъ съ трудомъ отнялъ его и положилъ возлѣ себя, но въ ту минуту, какъ онъ повернулъ голову, одинъ изъ жителей опять укралъ его; и бросился съ добычею въ море. Въ другой разъ они хотѣли унести лодку, который иногда бросали изъ предосторожности. Ни угрозы, ни просьбы не помогали; надо было измѣрить глубину воды съ опасеніемъ потерять всякой разъ свинецъ и веревку.

«Подобный надзоръ и непріязненный дѣйствія продолжались цѣлое утро. Около ста челноковъ постоянно окружали судно; находившіеся въ нихъ островитяне изрядка бросали на корабль камни, дубины, кокосовые орѣхи, съ прощительными и буйными криками. Одинъ тяжелый орѣхъ попалъ въ голову лекаря: только шпилька спасла его отъ тяжелой раны. Толпа осаждавшихъ уменьшилась на часъ времени; одну изъ лодокъ отгнали съ корабля въ море, чтобъ узнать въ окрестности глубину и пайти мѣсто, удобное для положенія якоря; при видѣ этой лодки, дикари побросались въ разныя стороны; приказаніе было исполнено. Но когда лодка возвращалась къ корвету, въ одно мгновеніе матросы были окружены челноками, весла были вырваны изъ ихъ рукъ, и дикіе грозили имъ дубинами. Затруднительное положеніе было прервано выстрѣломъ изъ пистолета, ранившимъ одно-

го шито въ руку, другіе были разсыпаны въ воду и т. п.

Не смотря на это происшествіе, довѣренность возстановилась. Челюпки опять появились; раненый вѣзъ на палубу, гдѣ его перевязали и осыпали подарками. Тогда между ними завелась маленькій торговля сношеній. Дикіе обмѣняли хорошо выработанныя пышовки, удочки, разные украшения изъ раковинъ и кости, на кусочки желѣза и старыя гвозди. Но честность не всегда присутствовала при этихъ сдѣлкахъ, и многіе изъ дикихъ имѣли случаи показать свое искусство въ воровствѣ.

«Почти всѣ жители этого острова были вооружены, одни длинными копьями, другіе оружіемъ, немного выгнутымъ наподобіе сабли. Копья были отъ восьми до двѣнадцати футовъ длины; штыя имѣли двѣ или три оконечности, съ насаженными на нихъ, въ разстояніи двухъ футовъ, рядами зубовъ акулы, крѣпко приязанныхъ плетешками изъ кокосовыхъ волоконъ. Сабли были точно также унизаны; отъ чего раны, нанесенныя ими, становились чрезвычайно опасными и часто смертельными. Цѣ некоторыя изъ дикихъ носили на головахъ вѣтки изъ сухихъ кокосовыхъ листьевъ. Вся одежда состояла изъ куняка, сплетеннаго изъ листьевъ, и передничка въ два или три фута ширины и четыре длины. Этотъ передничекъ оканчивался бахрамою, служившею украшеніемъ и вѣтвѣ зашитой отъ москитовъ, которыми острова изобилуютъ. Сильныя, красивые складомъ, съ кожею бронзоваго цвѣта, покрытою рубцами, доказывавшими, что копья и сабли у нихъ были очень часто въ дѣйствіи, они сплетали волосы очень красиво въ длинныя косы, и носили короткія и не густыя бороды.

«Кларенсъ, по словамъ Паульдинга, состоитъ изъ низкихъ и лѣсныхъ острововъ, лежащихъ на подводныхъ скалахъ, по видимому, простирающихся очень далеко. Паульдингъ говоритъ, что приставая къ острову, который былъ уже отъ него въ самомъ близкомъ разстояніи, онъ едва могъ разсмотрѣть отдаленнѣйшіе изъ нихъ. Группа эта находится подъ 9° 12' юж. шир. и 173° 50' зап. долг.

«Въ сорока миляхъ отъ ост. Кларенса на С. В. лежитъ островъ Йоркъ, открытый Байрономъ въ 1765 году. Этотъ мореплаватель нашелъ его необитаемымъ и запасся тутъ

кокосами. Послѣ Байрона, Едвардсъ видѣлъ его въ 1791 году, а Паульдингъ въ 1825. Островъ былъ тогда населенъ народомъ одного происхожденія съ жителями Кларенса, но они были не такъ смѣлы, лѣнивы, несравненно бѣднѣе и болѣе ихъ подвержены болѣзнямъ. Группа эта есть нѣчто иное какъ цѣпь низкихъ и лѣсныхъ островковъ, обозначенныхъ одними подводными скалами на пространствѣ тридцати миль въ окружности. Она лежитъ подъ 8° 33' юж. шир. и 174° 20' зап. долг.

«Мы приближаемся къ концу этого описанія» сказалъ Пендлстонъ; «этотъ продолжительный урокъ уже измучилъ меня. — Остр. Сидней, открытый въ 1823 году Эмманомъ, по словамъ Парди, я вновь видѣнный де Гоарантомъ въ 1828 году, низменъ и необитаемъ; онъ лежитъ подъ 4° 27' юж. шир. и 173° 4' зап. долг.; за нимъ слѣдуетъ Бирни, по словамъ Парди, открытый въ то же время тѣмъ же мореплавателемъ; онъ лежитъ подъ 3° 21' юж. шир. и 173° 50' зап. долг.; наконецъ ост. Мари, недавно открытый кораблемъ того же имени; это группа островковъ въ 20 миль въ окружности, съ лагуною внутри, лежитъ подъ 2° 48' юж. шир. и 174° 30' зап. долг.; остаются только остр. Гарднеръ и Артуръ; ихъ полагаютъ, первый подъ 4° 30' юж. шир. и 176° 42' зап. долг.; а другой подъ 3° 33' юж. шир. и 178° 20' зап. долг. Но существованіе ихъ весьма сомнительно.

ГЛАВА II.

*Перевѣдъ изъ Таити на острова Тонга.
— Острова Гамоа.*

Въ то время какъ Пендлстонъ открывалъ мнѣ сокровища географическихъ своихъ познаній, легкое судно не дремало на океанѣ; *Океанія* неслась къ группѣ острововъ Гамоа; ии малѣйшее измѣненіе вѣтра не тревожило парусовъ; судно было такъ спокойно въ быстрой бѣгѣ своемъ, что казалось неподвижно; однако, оно шло по девяти и десяти узловъ. Съ вечера 13 Мая сталъ чаекъ и водоръзовъ возвестили намъ близость земли. Съ разсвѣтомъ она открылась. Мы приближались къ острову, со всехъ сторонъ окруженному, на пространствѣ шести миль, подводными камнями, посреди которыхъ пока-

ывался скудный кустарникъ;» Это островъ Розы, «сказалъ мнѣ Пендлетонъ,» единственное открытіе вашего соотечественника, капитана Фрейсине; онъ называлъ его именемъ жены, которая сопровождала его въ путешествіи вокругъ свѣта.» Однако островъ Розы ни мало не возбуждаетъ веселыхъ мыслей; этотъ скудный и угрюмый утесъ, населенный морскими птицами, лежитъ подъ 14° 33' южной широты и 170° 26' западной долготы. Коцебу видѣлъ его въ 1824 году.

Обогнувъ островъ съ сѣверной его стороны, мы увидѣли вершину острова Опуиъ, и шли мимо южнаго берега въ продолженіе дня. Онъ перпендикулярно возвышается почти на 200 туазовъ, и до самой вершины покрытъ прекрасными деревьями, надъ которыми возвышаются кокосовыя рощи. Какъ бы въ противоположность другимъ островамъ океана, на которыхъ селенія всегда бывають расположены по берегамъ, здѣсь села кажутся какъ будто повисшими среди горъ, въ нестрыхъ шахматныхъ посявахъ ямса и пататовъ. Когда мы были уже въ виду острова, нѣсколько челноковъ отделились отъ берега, чтобъ съѣхаться съ нами, но мы неслись такъ быстро, и притомъ находились въ столь далекомъ разстояніи, что они могли насъ догнать. — Послѣ Опуа мы завидѣли острова Леонъ и Фауфу, которые низменны и несравненно меньше.

Мы шли тогда прямо къ Мауну, гдѣ бѣдный нашъ капитанъ Делангли, товарищъ Лаперуза, былъ такъ безжалостно умерщвленъ со всеми своими матросами. На слѣдующій день съ стѣсненнымъ сердцемъ я увидѣлъ эту роковую землю. *Океанія* была отъ нее на 4 или на 5 миль, и обогнувъ сѣверную оконечность, прошла вдоль берега не болѣе какъ на двѣ мили разстоянія. Съ палубы можно было рассмотреть длинный рядъ подводныхъ камней; волны, разбиваясь на нихъ, покрывали море бѣлою цѣпой. — Кое гдѣ цѣпь этихъ подводныхъ скалъ раздѣлилась и образовывала небольшіе заливы, служившіе убѣжищемъ челнокамъ жителей той земли. Страна непрерывно представляла самыя очаровательныя мѣстоположенія: то являлся густой дремучій боръ, то красивыя группы деревь, разбросанныя по полянамъ; здѣсь лощина, тамъ деревушка подъ тѣнію густой зелени, далѣе потоки, катившіеся въ море, или каскады, который пѣни-

стымъ дождемъ стремился съ вершины крутыхъ береговъ; вездѣ обнаруживались слѣды благоденствія и населенности, вездѣ были деревни, челноки, пашни, огороды въ полномъ цвѣтѣ, и хорошо выстроенныя жилища. Насладившись въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ этимъ пріятнымъ зрѣлищемъ, мы приплыли къ самому заливу, который столь уже извѣстенъ трагическою смертію Делангли и его товарищей (Рис. II.)

Предъ нами разстилась равнина на отлогомъ морскомъ прибрежьи, совершенно схожая съ тою, мимо которой мы только что прошли; она была такъ уединенна, такъ тиха, что съ открытаго моря можно было почестъ ее еще необитаемою. За кулономъ густой зелени не видно было ни легкаго дыму трубъ, ни челнока, который бы качался на поверхности залива или лежалъ на пескѣ. По этой тишинѣ и уединенію трудно было узнать страну, гдѣ Лаперузъ былъ такъ внезапно окруженъ безчисленнымъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ разными съѣстными припасами. — *Океанія* легла въ дрейфъ противъ самаго залива, и мы ждали весьма долгое время прежде, чѣмъ могли кого либо увидѣть. Наконецъ небольшой челнокъ, въ которомъ сидѣли три человека, вышелъ изъ бухты, и люди начали грести направляясь къ намъ. Когда они вполнѣ подошли къ шлюпу, одинъ изъ нихъ взлѣзъ на палубу, бояливо, съ недовѣрчивостію, безпрестанно оглядываясь, какъ будто страшаясь внезапнаго нападенія. Не смѣя перелѣзть за сѣтки по бортамъ, онъ изъ за нихъ подавалъ намъ нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, въ замѣнъ конхъ ему дали кусочекъ желѣза, который онъ въ знакъ благодарности приложилъ ко лбу. — Послѣ этого обмѣна, сдѣланнаго довольно охотно, недовѣрчивость его возобновилась; онъ съ подозрѣніемъ осмотрѣлъ палубу; казалось, собирался съ духомъ, и вдругъ, какъ будто уступая какому то внезапному порыву краснорѣчія, началъ длинную рѣчь, которая мало по малу сдѣлалась чрезвычайно выразительною. Въ нѣкоторыхъ періодахъ тѣлодвиженія помогали голосу. Ораторствующій указывалъ намъ попеременно то землю, то *Океанію*, предлагая втроити морякамъ испытать гостепріимство туземцевъ. Мы слушали съ вниманіемъ, но ничего не понимали; даже познанія Пендлетона, довольно обширныя

по части Полинезийских наречій, были недостаточны; онъ едва могъ, кое гдѣ, схватить смыслъ нѣсколькихъ словъ. Ораторъ съ своей стороны, видя, что собраніе было безмолвно и внимательно, продолжалъ разсказъ, сопровождаемый разными тѣлодвиженіями, и вѣроятно долго бы еще говорилъ и махалъ руками, если бы другія пріѣхавшія лодки не помѣшали ему.

Тогда *Океаніл* была окружена посѣтителями, сначала робкими, но потомъ сдѣлавшимися наглыми, шумливыми и безстыдными ворами. — Безъ мѣры, которая Пендлетонъ приказалъ взять, эти бѣсенята приступомъ взяли бы нашъ шлюпъ. Дерзость ихъ дошла до того, что многія предосторожности сдѣлались недостаточными. Надо было разставить кругомъ всего корабля матросовъ, вооруженныхъ пиками, и не смотря на это, дикари все еще пробирались. Лишь только они взлѣзали на палубу, какъ тотчасъ же подобно хищнымъ звѣрямъ бросались на все, что только могли достать, и если быцѣлый эккиаждъ не употребилъ усилій, чтобы вытолкать дикарей, они конечно разграбили бы судно до послѣдняго гвоздя.

Посѣтители не имѣли однако съ собой ничего для обмена. Челноки ихъ были наполнены одними кокосовыми орѣхами; и когда у нихъ просили другихъ какихъ нибудь припасовъ, то они указывали на землю, и знаками выражали, что тамъ можно найти съѣстные припасы въ изобиліи. Обращеніе ихъ съ нами не могло успокоить Пендлетона на счетъ участи, которая ожидала его при сходѣ на берегъ, хотя вокругъ *Океаніи* ихъ было весьма немного, но, казалось, что шлюпъ сдѣлался ихъ собственностію; вмѣсто того чтобы радоваться и съ благодарностію принимать незначущіе подарки наши, они грубо вырывали ихъ изъ рукъ. Тѣ изъ этихъ людей, которые успѣвали протолкаться на палубу, и выпросить или украдкою похитить гвоздь, топоръ или какую нибудь стеклянную вещь, изъ далека показывали ее своимъ товарищамъ, сидѣвшимъ въ челнокахъ, которые отъ злобы, ревности и неудачи скрежетали зубами, грозили копыями на матросовъ, какъ бы требуя, чтобы и ихъ выпустили на палубу, или по крайней мѣрѣ дали имъ подарки. Выраженіе всѣхъ этихъ лицъ было отвратительное, звѣрское; одинъ только изъ десяти, кото-

рые находились на югѣ шлюпа, человекъ молодой, вѣроятно начальникъ, или сынъ старшины, отличался отъ прочихъ благовидностію и пріятнымъ выраженіемъ лица. Одинъ онъ обращался съ Англичанами вѣжливо: вмѣсто того чтобы бросаться и вырывать изъ рукъ подарки, которые ему давали, онъ бралъ ихъ вѣжливо и ловко, и нѣсколько разъ прикладывалъ ко лбу. Когда же обращался къ пріятелямъ своимъ, сидѣвшимъ въ челнокахъ, то дѣлалъ имъ на счетъ всего, что видѣлъ, веселыя и колкія замѣчанія, которыя возбуждали всеобщій и продолжительный смѣхъ; однимъ словомъ, по видимому, онъ былъ добрый и веселый малый. — Но товарищи его, или равные ему, не имѣли въ обращеніи своемъ ничего человѣческаго. Они ревѣли какъ звѣри, и подобно имъ, повиновались скорѣе какому то врожденному влеченію, нежели разсудку. Одинъ изъ нихъ увидѣвъ голую руку матроса, сдѣлалъ ужасное тѣлодвиженіе, выражавшее, что ему бы было пріятно отвѣдать кусокъ столь вкуснаго на видѣ мяса. Это нескрытое молодчество заставило насъ всѣхъ содрогнуться. Что касается до меня, я чувствовалъ, что былъ излѣченъ отъ любопытства, и въ этотъ разъ уже не говорилъ ни слова о поѣздкѣ на землю.

Всѣ жители острова высоки, красивы сложены и удивительно мускуловаты. Выраженіе ихъ черныхъ лицъ сурово, но черты правильны. Щегольство состояло въ прическѣ. У иныхъ длинныя, гладкіе, черныя волосы свободно развивались по шеѣ и плечамъ; у другихъ были связаны, завиты или густо взбиты, образуя на головѣ родъ шара, который часто былъ покрашенъ тѣмъ то желтымъ. Другіе, красили волосы въ красную краску и завивали длинными цуклями, отъ чего ихъ прическа сходствовала съ парикомъ. Надо полагать, что эта часть ихъ убранства стоила имъ большихъ трудовъ. Одежда состояла изъ фартуха, который прикрывалъ имъ животъ и половинцу ладвей; матерія была выдѣлана изъ какого то туземнаго произведенія. На иныхъ вмѣсто передничка надѣты были панталоны, подвизанныя на брюхѣ и оканчивавшіяся у коленъ. На груди не многихъ висѣли стеклянные бусы. Кожа ихъ была весьма мало разрисована, но многочисленные рубцы свидѣтельствовали, что войны въ той странѣ были перѣдки и не очень милостивы; женщинъ было весьма мало и

ладьяхъ, и тѣ очень не красивыя; можетъ быть, на землѣ были и хорошенькія: главнѣйшіе старшины острова, жены ихъ и дѣти, не отважились бы выѣхать въ открытое море для обозрѣнія Европейскаго корабля.

Число челноковъ часть отъ часу умножалось, и не взирая на самый строжайшій присмотръ, палуба наполнялась посѣтителями, прокрадывавшимися какъ контрабанда. Смѣлость возрастала съ числомъ. Наши гости дѣлались безстыдными ворами, а товарищи ихъ безпрестанно намъ угрожали. Съ одной ладьи на другую перелетали продолжительныя рѣчи, походившія на воинскіе переговоры. Дикіе пальцами указывали на корабль, считая его, по видимому, легкою и вѣрною добычею. Наконецъ, по данному знаку, всѣ внезапно схватили оружіе и грозили намъ коньями. «Ого!» сказалъ Пендлстонъ, «вотъ кризисъ. Эти люди употребляютъ во зло наше терпѣніе; пора развязаться съ ними.» По командѣ капитана начали освобождать палубу отъ посѣтителей съ помощью копій и веревокъ, это было скоро сдѣлано. «Перейдемъ черезъ эту дрянь!» сказалъ Пендлстонъ! Принялись за работу; легкое судно повернуло по вѣтру, округлившись паруса возвратили ему привычный ходъ, и это безчисленное множество челноковъ въ безпорядкѣ внезапно очутилось подъ килемъ и боками *Океанія*; шлюпъ, не сворачивая съ пути, прошелъ черезъ триста лодокъ, заслонявшихъ ему дорогу. Пятьдесятъ были опрокинуты и потоплены; множество другихъ претерпѣли сильную порчу. Можетъ быть, флотилія эта полагала заслонить намъ дорогу, но это притязаніе было жестоко наказано. Море представляло видъ ужаснаго крушенія. Весла, мачты, реи, трескали со всѣхъ сторонъ, поверхность воды была усыяна человѣческими головами и обломками челноковъ.

Въ первыя минуты смятенія, дикари начали было спасать опрокинутыя ладьи, разставляя мачты, исправлять уронъ, и не имѣя средствъ, къ отомщенію, болѣе дѣйствительному, толпа эта начала вопить, произнося ужасныя ругательства и угрозы противъ нашего шлюпа, который летѣлъ уже на всѣхъ парусахъ, презирая этотъ безсильный гнѣвъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе раздраженные, цѣплялись за нижнія части корабля, стараясь оттуда вскарабкаться на палубу: но одинъ-два удара шестомъ повер-

гали ихъ въ море, и шлюпъ съ торжествомъ продолжалъ путь свой.

Въ теченіе ночи *Океанія* прошла разстояніе, отдѣляющее Мауну отъ Ойолавы. 14 Мая съ разсвѣтомъ мы были уже на разстояніи двухъ миль отъ небольшого островка, находящагося возлѣ восточной оконечности Ойолава. Тутъ нѣсколько челноковъ подѣлывали къ намъ; люди казались гораздо дружелюбнѣе тѣхъ, съ которыми мы разсѣгались наканунѣ; можетъ быть и отъ того что число ихъ было несравненно менше. Мы сочли ихъ за рыболововъ и обмѣняли рыбу на разныя бездѣлки. Однако *Океанія* не останавливалась; мы продолжали путь мимо южнаго берега Ойолавы; земля отъ нижней части береговъ до вершины горъ казалась плодосна и имѣла пріятную наружность. Ни одна страна *океана* ни даже прелестный островъ Таити не представляли глазамъ нашимъ красивѣйшаго амфитеатра зелени; столь безконечной цѣпи очаровательныхъ мѣстоположеній. Къ сожалѣнію, не могли мы найти мѣста у этого острова, гдѣ бы можно было становиться на якорь; онъ до сего времени весьма малозвѣстенъ, потому что Европейскія суда не цѣли возможности останавливаться здѣсь долго.

Проходя вдоль берега, мы видѣли, какъ челночки, одинъ за другимъ отдѣлялись отъ земли и приближались къ *Океаніи*. Однако Пендлстонъ не хотѣлъ ихъ дожидаться и легъ только въ дрейфъ противъ острова Платъ, который находится противъ западной оконечности острова Ойолавы и соединяется съ нею медью въ ровень съ поверхностью воды.

Островъ Платъ, можетъ быть названъ перлою острововъ Гамоа, этой группы, столь щедро награжденной дарами природы; это низкій островокъ, на срединѣ котораго есть небольшое возвышеніе съ совершенно плоскою вершиной. Судя по множеству судовъ, выходившихъ намъ на встрѣчу, надо полагать, что земля эта очень многолюдна. Внезапно изъ всѣхъ челноковъ образовался какъ бы плывучій городъ или пространнѣй базаръ, усыянный плодами, овощами и порослятами: все это покачивалось на волнахъ на подобіе Китайскаго рынка на Вэй-цзинъ. Море исчезло подъ безчисленнымъ множествомъ челноковъ и человѣческихъ головъ. Обращеніе этихъ людей было ни дерзко, ни сурово. Они не угрожали намъ, не обкрадывали,

как жители острова Мауны; но напротив того, обходились дружески, прилично, и весьма честно. Веселье и безпрестанный хохот ихъ были иногда даже слишкомъ шумливы, но за исключеніемъ этого, ихъ не въ чемъ было упрекать. Когда имъ запрещали вѣззать на палубу, они повиновались, призывали товары свои къ снастямъ, и съ радостью принимали все, что имъ давали въ обмѣнъ. Одинъ изъ предметовъ, именно связка обручей съ боченковъ, была не ловко брошена и упала въ море; тутъ представилось зрѣлище чрезвычайно странное: море въ этомъ мѣстѣ было весьма глубоко, однако десять дикихъ бросились въ воду и поймали обручи, прежде нежели они дошли ко дну; они боролись въ водѣ, какъ рыбы, и долго оспаривали другъ у друга кусочки желѣза. Ни одинъ гвоздь не пропалъ.

Вотъ торговля, на которую надѣялся Филиппъ. За вещи цѣною въ два піастра, за кусочки дряннаго желѣза, за обломки стекла или дюжину старыхъ гвоздей, онъ получилъ пятьдесятъ свиней, безчисленное множество дворовыхъ птицъ, фруктовъ и кореньевъ. Стекланные бусы голубаго цвѣта были оценены выше всѣхъ прочихъ товаровъ, и предлагаемые за нихъ овощи, плоды и корни были несравненно лучше другихъ; многіе были намъ даже совершенно не извѣстны. Глядя на это безчисленное множество съѣстныхъ припасовъ, нагруженныхъ на челнокахъ усыпавшихъ море, нельзя было понять, какъ на этомъ маленькомъ островкѣ могло произрастать въ такомъ изобиліи столько разнообразныхъ произведеній. Это было почти невѣроятно.

Обмѣны наши все еще продолжались, когда внезапное появленіе какойто огромной ладьи, прекратило ихъ. «*Эгуи іа егуи*» Начальникъ! начальникъ! закричали владыцы челноковъ, окружавшихъ шлюпъ, и въ одно мгновеніе все они раздвинулись и очистили дорогу. Ладья пристала. Она была обширна, разукрашена жемчужными раковинами и управляема десятию человѣками, которые подвигали ее пагелями. На головѣ старшины, правившаго рулемъ, какъ и на гребцахъ, надѣты были вѣнки изъ зеленыхъ вѣтвей, означавшіе дружеское съ ихъ стороны расположеніе. На кормовой оконечности лодки, на подмосткахъ покрытыхъ циновками, стоялъ скорчившись пожилой, человѣкъ держа

надъ собою раскрытый зонтикъ Европейскаго издѣлья. Эта вещь видимо служила укрѣпленіемъ, ибо тѣло его уже не могло боятся дѣйствій солнечныхъ лучей. Тонкая ткань была накинута на его плеча, матерчатый кушакъ обвивалъ станъ, а на головѣ надѣта была чалма. Когда онъ былъ такъ близко, что голосъ его могъ быть услышанъ, то закричавъ что-то гребцамъ, которые немедленно очистили ему дорогу, онъ схватился за трапъ и съ тремя изъ своихъ людей быстро вѣззъ къ намъ на палубу.

Человѣкъ этотъ былъ ростомъ въ пять футовъ шесть дюймовъ, худощавый, но еще бодрый и весьма проворный. Въ чертахъ лица его не было ничего отвратительнаго; выраженіе ихъ было суровое, но необыкновенно умное. На всемъ тѣлѣ не было ни малѣйшаго разрисовки. Войдя на палубу, онъ спросилъ начальника (*эгуи*). Филиппъ, встрѣтившій его, показалъ ему капитана, сидѣвшаго на вахтенной скамьѣ. Тогда онъ подошелъ къ нему, наклонилъ голову, произнесъ нѣсколько словъ на природномъ нарѣчьи и схвативъ локти Пендлетона, приподнялъ ихъ два или три раза, произнося по Англійскіи: *Very good* (очень хорошо). Послѣ этого полудикаго, полу-Европейскаго привѣтствія, онъ растолковалъ ему, что былъ король острова Платы, и приказалъ подданнымъ своимъ положить къ ногамъ Пендлетона назначенные для него дары. Они состояли изъ ямса и трехъ прекрасныхъ свиней, называемыхъ имъ *боака*; въ обмѣнъ этихъ подарковъ. Пендлетонъ далъ ему топоръ, два ожерелья изъ голубыхъ стекланныхъ бусъ и шелковый цвѣтной платокъ, который капитанъ самъ обвязалъ вокругъ его чалмы; изумленный такимъ богатствомъ, дикій, казалось, не хотѣлъ вѣрить, что все это ему принадлежитъ, и потому недовѣрчивая и скромная благодарность его выразилась только нѣсколькими *very good*, произнесенными въ полголоса. Наконецъ онъ осмѣлился спросить, точно ли все это его собственность; точно ли этотъ топоръ, платокъ, а наиболѣе бусы, принадлежатъ ему? Когда его въ томъ удостовѣрили, тогда радость его сдѣлалась безпредѣльною: забывъ скромность, приличную его царскому достоинству, онъ съ восхищеніемъ расхаживалъ по палубѣ, стараясь, какъ казалось, угадать дѣйствіе, произведенное платкомъ на его головѣ; игралъ безпрестанно ожерельемъ, радуясь какъ дитя яркому от-

ливу бусъ; скакалъ какъ ребенокъ, которому подарили гремушку, и кричалъ непрерывно: *very good, very good*. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, гладилъ локти Пендлетона и постукивалъ своимъ посохомъ о носъ Филиппа, который съ большою готовностію обонялся бы безъ столь частыхъ и близкихъ знакодь его признательности. Видя своего владыку до такой степени довольнымъ, подданные не могли оставаться равнодушными, и потому вслѣдъ за нимъ, и подражалъ всѣмъ его тѣлодвиженіямъ, ходилъ, запыхавшись, его секретарь, или казначей, толстый молодой человекъ, походившій складомъ на гипопотама; потъ лилъ съ него градомъ; онъ не успѣвалъ выдѣлывать всѣ выразительныя тѣлодвиженія, возложенныя на него его ролью, заставлявшюю непрестанно подражать во всемъ королю. Наконецъ восторгъ этихъ людей утихъ; всѣ подарки были осторожно уложены въ корзину, и оба начальника, т. е. начальникъ острова и корабля объявили желаніе говорить другъ съ другомъ.

Владыка острова Платы вѣроятно видалъ уже Европейцевъ, судя по его шелковому зонтику и двумъ или тремъ пластрамъ, сохраняемымъ имъ съ величайшимъ тщаніемъ. Когда Пендлетонъ началъ распранивать его объ этомъ, онъ разсказалъ намъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посѣщая въ ладѣ весьма отдаленный островъ, на югѣ, онъ встрѣтился съ начальникомъ кокого то корабля, который подарилъ ему зонтикъ и пластры. Желая вѣрнѣе доказать справедливость своего разсказа, онъ пальцемъ дотронулся до одной изъ пушекъ *Океаніи*, и подражая звуку выстрѣловъ, показалъ, что точно слышать ихъ; потомъ изъяснилъ произведенное ими дѣйствіе: закрывъ глаза, онъ какъ мертвецъ повѣсилъ на сторону голову; пантомима эта была такъ хорошо выражена, что товарищи его съ почтеніемъ и страхомъ отступили отъ пушекъ. Между тѣмъ какъ это происходило, нѣсколько дикихъ, посмѣяе другихъ, начали устраниать вахтенныхъ. «Стрѣляйте въ нихъ изъ *пуасъ* (пушекъ),» сказалъ намъ *егун*. Откровенно ли онъ это говорилъ, мы не знали.

Подзорная труба капитана всего болѣе поразила его. Онъ сперва принялъ ее за маленькую пушечку, и, казалось, страшился становиться противъ трубки. Замѣтивъ страхъ его, Пендлетонъ показалъ ему, чтобы онъ приложилъ глазъ къ стеклу. Онъ послѣдо-

валъ его совѣту, но оптическій феноменъ былъ для него такъ странный и неожиданный, что онъ кинулъ трубу, и она конечно бы разбилась, если бы Пендлетонъ не поймалъ ее на лету. Капитанъ началъ успокоивать его, нарочно самъ нѣсколько разъ смотрѣвъ въ трубу, но всѣ старанія остались тщетны. Владыка острова Платъ принялъ за чародѣйство дѣйствіе этой чудесной машины, которая показала ему родныхъ и друзей его, стоявшихъ въ разстояніи двухъ миль, такъ близко, что можно было ихъ тронуть рукою; могъ ли онъ изъяснить это чудо?

Впрочемъ король былъ чрезвычайно благосклоненъ и къ *Океаніи* и къ ея капитану. Видно было, что ему весьма хотѣлось приманить насъ къ себѣ на землю, гдѣ обращеніе его вѣроятно перемѣнилось бы; для достиженія желаемой цѣли, онъ не щадилъ ничего: ласки, предложенія, обѣщанія снабдить насъ мясомъ, плодами, картофелемъ, поросятами, сколько кому будетъ угодно, были щедро расточаемы; онъ расхваливалъ свой великолѣпный домъ, цыновки, лодки, скотный дворъ. Но Пендлетонъ оставался непоколебимъ; онъ боялся довериться ему; наконецъ дикій прибѣгнулъ къ послѣднему убѣжденію: онъ подвелъ его къ челокамъ, тѣснившимся вокругъ корвета, и указавъ на женщинъ, которыхъ онъ называлъ на своемъ нарѣчій *варакки*, онъ съ презрѣніемъ покачалъ головою, говоря: *no good* (не хороши). Полагая, что умыселъ его уже поняли, онъ обратился къ острову, и протянувъ руку въ ту сторону, лютымъ голосомъ, какъ продавецъ выхваляющій свой товаръ, произнесъ нѣсколько разъ, *very good* варакки (очень хорошія женщины). Онъ сопровождалъ эти предложенія такими движеніями, что Пендлетонъ не могъ удержаться отъ смѣха. «Филиппъ,» закричалъ онъ, «это до тебя касается. Старикъ вѣрно уже сманилъ этимъ какихъ нибудь мореходцевъ, онъ, кажется, слишкомъ опытенъ въ убѣжденіяхъ.» Не смотря на свои подозрѣнія, капитанъ вышелъ бы на берегъ, если бы нашлось удобное мѣсто, чтобы положить якорь; но плыть къ землѣ въ небольшой шлюпкѣ было бы слишкомъ неосторожно. Притомъ штиль и теченіе сносили *Океанію* прямо къ подводнымъ скаламъ, и отплытіе отъ острова становилось необходимо. Паруса были усилены и при звукѣ, тихой, тошной, прощальной пѣсни дикихъ, легкій

корветъ нашъ, постепенно освобождался отъ окружающихъ его лодокъ, пустился въ море смело и быстро. Еще прощаясь съ нами *егун* повторялъ: *маруа, маруа!* и толпа подданныхъ его съ челноковъ, долгое время преслѣдовала насъ тѣми же восклицаніями: *маруа, маруа.*

На слѣдующій день мы шли вдоль южнаго берега обширнаго и прекраснаго острова Поли. Густыя облака скрывали его вершину; но по бокамъ холмовъ, возвышающихся на подобіе амфитеатра, видны были селенія, окруженныя богатыми плантаціями. Эта земля есть безъ сомнѣнія красивѣйшая обильнѣйшая, и наиболѣе населенная изъ всѣхъ острововъ. Съ палубы мы могли различить тысячи людей, стремившихся къ берегу, чтобъ взглянуть на корветъ. Въ утро подошли къ намъ еще около сорока лодокъ, но палуба и пространство между деками были уже завалены съѣстными припасами, притомъ же нельзя было терять времени: поднявшійся попутный восточный вѣтръ общалъ многимъ сократить нашъ путь къ островамъ Тонга. 12 Мая, въ 6 часовъ вечера, послѣ этого краткаго и любопытнаго обозрѣнія группы острововъ Гамоа, *Океанія* пошла направляясь къ югу.

ГЛАВА III.

Острова Гамоа. Исторія и Географія.

Цѣль острововъ Гамоа занимаетъ около ста миль пространства, съ востока на западъ подъ 14° юж. шир. Западные острова суть самыя большіе; средний островъ Мауна не такъ великъ, а три восточные суть наименьшіе; островъ Роза есть не что иное какъ скала.

Опунъ, Леонъ и Фанфу, отдѣленные другъ отъ друга небольшими проливами, возвышены, покрыты лѣсами, которые изъдалека представляютъ какъ бы одинъ островъ. Они находятся подъ 14° 13' юж. шир. и 171° 42' и 172° 2' зап. долготы.

Мауна, гористый, покрытый лѣсомъ и плодородный островъ, тянется на 7 миль съ О. N. O. на W. S. W; ширина его отъ шести до семи миль. Близъ него лежатъ и два меньшіе островка на В. З.; зап. конечность лежитъ подъ 14° 21' ю. шир. и 173° 7' з. долготы.

Ойолова, пріятно расположенный и еще плодороднѣйшій островъ, имѣетъ не менѣ

40 миль въ длину и 10 въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Нѣсколько маленькихъ островковъ прикрываютъ его съ востока и запада. Въ числѣ ихъ находится многолюдный и плодородный остр. Плата. Конечность острова Платы лежитъ подъ 13° 53' юж. шир. и 174° 25' зап. долготы.

Пола, прекрасный островъ, есть послѣдній на западъ. Удивительные разказы Лацеруза и Коцебу заставляютъ насъ сожалѣть, что онъ не былъ подробнѣе обозрѣнъ. По красотѣ его мѣстъ и неоспоримой плодородности земли, его можно бы назвать Океанійскимъ Елизіумомъ. Весь островъ имѣетъ видъ огромнаго конуса, который Коцебу сравниваетъ съ конусомъ Муна-роа въ Гавай, а вершину съ вершиною горы Тенерифъ. Островъ этотъ, имѣющій не менѣе ста миль въ окружности, простирается отъ 13° 26' до 13° 48' юж. шир. и отъ 174° 30' до 175° 8' зап. долготы.

По всѣмъ вѣроятностямъ, острова Гамоа, суть тотъ же самый архипелагъ, который открытъ Голландцемъ Роггевейпомъ въ 1772 году и названъ островами Боуманъ. «Подъ 12 градусомъ юж. шир.,» говоритъ этотъ мореплаватель, «открыли нѣсколько острововъ весьма пріятной поружности, покрытыхъ фруктовыми деревьями и овощами. Земли были перестѣсаны горами и долинами; нѣкоторые имѣли 10, 15 и до 20 миль въ окружности. Каждое семейство, казалось, имѣло особое правленіе, и племена раздѣлялись на различныя степени, какъ на островѣ Насхи.

Островитяне вышли въ открытое море къ Голландцамъ, и предлагали имъ рыбу, кокосовыя орѣхи, бананы и множество превосходныхъ плодовъ, за которые имъ платили различными Европейскими желѣзными мелочами. Судя по многочисленности мужчинъ и женщинъ, прибывшихъ на берегъ, полагали, что эти острова весьма населены. Мужчины были бѣлые, и отличались отъ Европейцевъ только тѣмъ, что кожа ихъ сильно загорѣла отъ солнца. Тѣло ихъ было исписано различными красками; оружіе состояло изъ лука и стрѣлы. Искусно выдѣланная ткань съ бахрамою прикрывала ихъ съ пояса до пятъ; шляпы были изъ той же самой ткани, а на шеѣ висѣли гирлянды цвѣтовъ. Они одарены кроткою и пріятною наружностію, остроумны и веселы. — «Народъ этотъ», прибавляетъ повѣствованіе,

«честите и образованіе всѣхъ жителей Южнаго Оксана; насъ приняли за боговъ, и плакали когда мы уѣхали.»

Вотъ разсказъ Роггевейна, заблудившійся, какъ въ повѣствованіи его путешествій, и перепутанный еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ ученый Флеріе сдѣлалъ его комментаторомъ. Неувѣренность въ географическомъ означеніи береговъ, ошибки и недоразумѣнія въ замѣченныхъ происшествіяхъ, поставили подробности этого путешествія въ число извѣстій, весьма недостоверныхъ, и потому мало уважасящихся.

Изъ этого послѣдовало, что открыватель, по праву, хотя и не по дѣлу, островъ Гамоа, былъ Бугенвиль. Онъ въ 1768 году наткнулся на эти острова; нѣсколько дней, послѣ отбытія изъ Таити, осматривалъ Оупу, Леонъ, Фаифу, а наиболѣе Маупу, видѣлъ изъ далека Ойлаву, но не могъ замѣтить *Ноаи*. Бугенвиль имѣлъ сношенія съ жителями; но описаніе, имъ оставленное, ни мало не сходствуетъ съ описаніемъ Роггевейна. — «Люди эти,» говоритъ онъ, «не такъ благоуравнены какъ жители Таити: лица ихъ выражаютъ болѣе дикости; они лукавы, хитры, и беспрестанно стараются обмануть насъ въ обмѣнахъ. Примѣчательнѣе всего въ этомъ народѣ, искусство въ мореплаваніи. Лодки ихъ лучше устроенныя, нежели у другихъ жителей Океанійскихъ земель, стремятся по водѣ съ чрезвычайною быстротою. По этой именно причинѣ, Бугенвиль называлъ группу сихъ острововъ островами Мореплавателей (*Iles des navigateurs*), названіе, которое долго сохранилось на картахъ, но должно быть уничтожено и замѣнено природнымъ названіемъ острововъ Гамоа.

Цѣлью путешествія Лаперуза было подробное обозрѣніе этихъ острововъ, обозрѣніе начертанное Бугенвилемъ. Декабря 6 1787 года онъ явился и пролежалъ здѣсь десять дней, въ теченіе которыхъ несчастное приключеніе лишило экспедицію одного изъ лучшихъ ея офицеровъ.

Въ первые дни Лаперузъ имѣлъ съ жителями восточныхъ острововъ мирныя, хотя незначительныя сношенія. 9 Декабря онъ бросилъ якорь предъ Мауною, на мѣстѣ глубокою въ 30 брассовъ. Въ тотъ же вечеръ, капитанъ Делангль отправился съ нѣсколькими офицерами на трехъ вооруженныхъ гребныхъ судахъ, для обозрѣнія многолюднаго селенія, гдѣ они дружески были при-

няты. Было уже довольно поздно и темно; жители разложили большой огонь, чтобы освѣтить посѣтителѣмъ дорогу. Все обошлось мирно, и суда благополучно возвратились къ кораблямъ.

На другой день при разсвѣтѣ все было также тихо. Островитяне пріѣхали къ кораблю торговать; они промѣнивали съѣстные припасы на разныя желѣзныя вещи, а болѣе на мелкій стеклянный товаръ, чрезвычайно прельщавшій ихъ; шлюбки отправились между тѣмъ на берегъ за прѣсною водою, а за ними и оба капитана фрегатовъ, въ своихъ шлюбкахъ. Сношенія въ этотъ день были не столь спокойны. Матросы, посланные для охраненія мѣста, гдѣ запасаются прѣсною водою, допустили себя до разврата съ женщинами, и одинъ изъ дикихъ забравшись украдкою въ судно, ударилъ матроса дубиною. Въмѣсто того чтобы наказать зачинщика, Лаперузъ велѣлъ бросить его въ воду. Нужно было употребить болѣе строгости съ народомъ дикимъ, сильнымъ и слишкомъ надѣвшимся на преимущество своей тѣлесной силы; нужно было доказать могущество Французовъ и дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія, не убывая на лету одного или двухъ голубей, но иначе.

Однако Лаперузъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ людей, отправился осматрѣть селеніе, прикрытое лѣскомъ плодовыхъ деревьевъ. Хижинны были расположены вокругъ прекрасной поляны въ 50 сажень въ діаметрѣ. Стоя у дверей хижинъ своихъ, дикіе, мужчины, женщины, старцы и дѣти умоляли Лаперуза осчастливить ихъ посѣщеніемъ. Онъ входилъ въ нѣсколько хижинъ. Во всѣхъ полѣ были выстланы выбраннымъ мелкимъ камнемъ, поднятъ на два фута отъ земли и обиты соломяною циновкою. Всѣ почти эти жилища были эллиптической формы: ни поддерживали крышу устланную кокосовыми листьями. Во внутренности царствовала вездѣ чистота и щегольство. Чтобы утѣрить зной жаркихъ дней, во многихъ хижинахъ развѣшены были циновки, которыя подымались и опускались на подобіе нашихъ сторъ. Затѣмъ роскоши: молоденькіе голубки или маленькіе попугаи, воспитанные дома, дополняли имуществва этихъ жилищъ. Все, казалось, могло бы служить доказательствомъ счастья, благоуравленія и спокойствія народа; но глубокія раны, заживленныя, или еще не зажившія, обнару-

живали буйныя привычки и воинственный дух этих людей.

На фрегатах во время отсутствія начальниковъ, отважность ихъ проявилась яснѣе. Не смотря на бдительность часовыхъ, нѣсколько дикихъ взобрались на палубу, накрали различныхъ вещей; нужно было для огражденія дѣйствовать сплoю. Худощавость и сравнительно малый ростъ Французовъ не внушали этимъ геркулесамъ ни какого уваженія. Нужно было бы доказать имъ наше превосходство; употребивъ средства кровавыя. Этого не сдѣлали. Манерузу надлежало пріобрѣсти знаніе обращаться оплтностію и отблагодарить за наставленіе; но фрегатамъ это дорого обошлось.

Впрочемъ судьба, казалось, гнала капитана Делангля къ злополучію. 10 числа онъ обозрѣлъ красное селеніе въ сосѣднемъ небольшомъ заливѣ. На другой день, не смотря на сопротивленіе Манеруза, онъ хотѣлъ возвратиться туда. 11-го, около полудня, обѣ шлюбки фрегатовъ и обѣ большія гребныя лодки отпавились на мѣсто снабженія прѣсною водою. Суда были вооружены фалконетами, а матросы ружьями и саблями. Прибывъ къ мѣсту, куда онъ наканунѣ приставалъ, Делангль, вмѣсто безподобнаго бассейна, который ожидалъ увидѣть, нашелъ только груду коралловъ и узкій извилистый каналъ. Дѣйствіе прилива и отлива мѣняло видъ этого мѣста. Капитанъ острова хотѣлъ воротиться, чтобъ найти ближайшее мѣсто для пріобрѣтенія прѣсной воды, но доброе расположеніе жителей успокоило его. Онъ остался. Выкатили на берегъ бочки, разставили солдатъ для охраненія работающихъ, и спокойно принялись за дѣло. Сначала, число жителей было не свыше 200. Деланглю съ его оборонительными средствами не было ни какой опасности, но мало по малу со всѣхъ сторонъ сходились нѣмые караваны лодокъ, и вскорѣ болѣе 1500 островитянъ покрыли берегъ и загромодили небольшой заливъ. Тогда начались смутенія и безпорядки. Чтобы прекратить ихъ, Делангль, на бѣду, вздумалъ раздавать подарки людямъ, которыхъ онъ принималъ за начальниковъ. Это не поправилось ни тѣмъ, кого дарили, ни тѣмъ, которые ничего не получали; послѣдніе сдѣлались завистливы до бешенства, и тутъ уже сраженіе казалось не пабѣжнмъ.

Делангль приказалъ вернуться къ шлюб-

камъ; дикіе не препятствовали, но вошли въ воду и слѣдовали за Французами, которые также принуждены были идти въ воду, чтобъ добраться до судовъ. Во время этой переправы ружья и патроны были подмочены. Все было еще спокойно, до приказанія сняться, чтобъ пуститься въ путь; но въ эту минуту нѣсколько камней было брошено. Делангль отвѣчалъ выстрѣломъ изъ ружья на воздухъ, это было знакомъ общаго нападенія островитянъ.

Делангль былъ тогда на одной изъ лодокъ; едва успѣлъ онъ раза два выстрѣлить, какъ 50 дикихъ напали на него, и сбили его съ ногъ палками, а вновь набѣжавшіе умертвили его. Убитый уже, онъ получилъ еще 200 ударовъ; потомъ разъяренные дикари привязали тѣло его къ шлюбкѣ. Подлѣ начальника пали, въ ту же минуту, натуралиста Ламанонъ, капитанъ Таленъ и нѣсколько матросовъ. Дикіе стекались со всѣхъ сторонъ, разсыпались тамъ и сямъ, и потому почти не подвергались дѣйствию фалконетовъ и ружей. Экипажи осажденные справа и слева, сзади и спереди, не знали кому повиноваться и какъ обороняться. Битва была ужасная; въ этой кровавой стычкѣ, выгода положенія должна была взять верхъ надъ преимуществомъ оружія и уничтожить его. (Рис. II).

Нельзя было въ одно и то же время защищаться отъ нападенія и сталкивать съвннн на мель шлюбки; и такъ ихъ бросили и уже кое какъ добрались до гребныхъ судовъ, стоявшихъ благополучно подалѣе въ морѣ. Это движеніе было полезнымъ отводомъ. Дикіе, по врожденной страсти къ грабежу, бросились на оставленные имъ шлюбки, какъ стая хищныхъ птицъ на мертвое тѣло, отнимая другъ у друга махѣйшія бездѣлны. Въ нѣсколько минутъ шлюбки были разбиты, и отливывали обломками; лавки, весла, снасти, гвозди, все было похищено. Занявшись этимъ истребленіемъ, дикари забыли объ убѣгавшемъ экипажѣ, который добравшись до гребныхъ судовъ своихъ, сбросилъ въ море всѣ бочки съ водою, чтобъ облегчить грузъ и очистить мѣсто, и направился въ открытое море. Однако же, въ самомъ узкомъ мѣстѣ фарватера, печальный случай едва не подвергъ снова опасности этихъ несчастныхъ. Лодка съ Астролибинъ съѣла на мель; положеніе было чрезвычайно опасно; съ обѣихъ сторонъ этого прохода

оставалось не болѣе 10 футовъ: цѣпь подводныхъ камней легко позволяла островитянамъ сдѣлать новое нападеніе на убѣгающихъ.

Впрочемъ грабежъ шлюбокъ уже былъ оконченъ, и разъяренная толпа, упоенная первымъ успѣхомъ, оставалась совершенно въ бездѣйствіи. Была минута, когда дикари бросились было съ ужасными криками на суда, полагая пайти новую добычу и падѣясь помѣшать отступленію Французовъ, но нѣсколько выстрѣловъ, произведенныхъ во время, спасли моряковъ отъ вторичнаго несчастія. Суда освободились, и достигли счастливо до фрегатовъ. Бѣгство было поистинѣ благополучно. Если бы островитяне не занялись грабежомъ шлюбокъ, экипажъ, лишенный начальниковъ, съ судами заваленными и худо вооруженными, можетъ быть, погибъ бы до послѣдняго человѣка. Когда увидѣли приближавшіяся лодки, наполненные ранеными, когда узнали о смерти капитана Делангя и его товарищей, крикъ ужаса раздался на фрегатахъ. Въ ту же минуту хотѣли отмстить за погибшихъ. Около ста лодокъ, наполненныхъ мужчинами, женщинами и дѣтьми, собравшись вокругъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ, могли бы служить достойною жертвою памяти Делангя. Экипажъ горѣлъ местию, и, можетъ быть, рѣшительная мѣра въ ту минуту была бы благоразумною. Должно было бы потребовать тѣла Французовъ, которые этими людьми были оставлены, вѣроятно для своихъ шпіежествъ. Но Лаперузъ почелъ за пужное воспротивиться влеченію моряковъ; онъ умирилъ гнѣвъ ихъ, употребивъ всю свою власть, и холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ разогналъ флюгилію. Конечно, не легко было капитану казаться столь милосерднымъ и не платить за смерть друга мщеніемъ, равнымъ его горести. Но это несчастное приключеніе послужило ему по крайней мѣрѣ урокомъ, и впредь уже въ обхожденіи съ дикими онъ не былъ такъ снисходителенъ.

На другой день, не смотря на предшествовавшее кровопролитіе, нѣсколько лодокъ опять столпились вокругъ кораблей Лаперуза. Экипажи были раздражены; капитанъ самъ едва удерживался: если бы онъ могъ найти вѣрное якорное мѣсто, то разрушилъ и сжегъ бы селенія, расположенныя на берегу, но онъ предпочелъ оставить эти несчастныя воды. Приказано было снѣгаться съ

якоря, и 14 Декабря Лаперузъ обогнулъ острова Ойолаву, гдѣ опять встрѣтился съ другими лодками островитянъ. Эти дикари были совершенно похожи на жителей острова Мауны; но въ обхожденіи были гораздо скромнѣе и ласковѣе. Жены и дѣти сопровождали ихъ. Вечеру фрегаты легли въ дрейфъ въ виду прекраснаго селенія. «То было», говоритъ Лаперузъ, «большое пространство, покрытое жилищами съ вершинъ горъ до самаго берега моря. Горы находятся почти въ срединѣ острова, и легкая покатость ихъ представляетъ видъ амфитеатра, покрытаго деревьями, домами и зеленью; дымъ подымался изъ средины селенія, какъ изъ огромнаго города, а море было устлано безчисленнымъ множествомъ лодокъ привлеченныхъ отчасти однимъ любопытствомъ, отчасти желаніемъ что либо вымѣнять.»

Осмотрѣвъ еще разъ островъ Полу, Лаперузъ оставилъ этотъ архипелагъ. Въ 1791 году Англичанинъ Эдвардъ снова посѣтилъ его, и далъ ему другое названіе. До 1824 года никто изъ извѣстныхъ мореплавателей не былъ тамъ. Но этотъ годъ ознаменованъ открытіями капитана Коцебу; онъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ подтвердилъ, въ другихъ исправлялъ то, что говорилъ Лаперузъ. Изъ показаній его должно заключать, что жители западныхъ острововъ Ойолава, острова Плата и Пола гораздо скромнѣе и обходительнѣе жителей Мауны. Отъ чего же происходить это несходство между двумя соседними народами: отъ коренныхъ ли обычаевъ? Отъ нѣкоторой ли разности въ образѣ правленія, которое на западныхъ островахъ приняло видъ болѣе правильный, между тѣмъ какъ на восточныхъ—болѣе безначальный? Тамъ власть правителей уважается; здѣсь же ее вовсе нѣтъ; народъ самовластенъ, и не признаетъ другаго закона, кромѣ своей воли!

Впрочемъ племя, населяющее острова Гамона неоспоримо принадлежитъ Полнезійскому семейству, хотъ оно и измѣнилось отъ содѣйства съ Малазійцами. По словамъ Лаперуза, обыкновенный ростъ мужчины, пять футовъ, десять дюймовъ, члены тѣла колоссальны и соразмѣрны. Наріе, прикрытыя листьями, ниспадающими до коленъ, эти люди, казалось, были одѣты въ разрисованное платье. Включенные длинныя волосы придавали имъ видъ еще болѣе свирѣпый. Женщины имѣли

тѣже самыя преимущества, какъ и мужчины. Высокія, легкія, стройныя, часто хорошенекія собой, онѣ въ пріемахъ и тѣлодвиженіяхъ своихъ позволяли себѣ отвратительныя своевольства. Чувства скромности и стыдливости были имъ вовсе чужды. Въ кратковременное пребываніе Французскихъ экипажей, всѣ онѣ были готовы къ ихъ услугамъ; старухи *услужницы* устроивали эти любовныя сдѣлки.

Жители были сведущи въ рукодѣльяхъ; они весьма искусно обдѣлывали деревотвердыми базальтовыми топорами, дѣлали блюда или подносы на трехъ ножкахъ и строили лодки, весьма удобныя подѣ парусами. Кроме тканей, изъ растений подобныхъ папирусу, и обыкновенныхъ на островахъ, здѣсь выдѣлываютъ мягкія и шелковистыя матеріи, въ родѣ тѣхъ, которыя жители Новой Зеландіи выработываютъ изъ *форміума* (*phormium*). Неизвѣстно изъ какихъ растений обитатели острововъ Гамоа дѣлаютъ свои ткани.

Народонаселеніе этихъ острововъ въ точности не опредѣлено. Однако если бы захотѣли сдѣлать исчисленіе, руководствуясь повѣствованіями Лаперуза и Коцебу, гдѣ они означаютъ многочисленныя селенія, открытыя ими, и множество лодокъ, должно полагать, что жителей на всемъ архипелагѣ Гамоа по крайней мѣрѣ до 50,000. Слѣдовательно это самый значительный пунктъ Океанійской географіи. Будемъ надѣяться, что нынѣшнія свѣдѣнія опредѣлительнѣе познакомятъ насъ съ нимъ.

Свершивъ священныя обязанности свои въ восточной Полинезій, миссіонеры обратятся вѣроятно къ западнымъ странамъ; болѣе дикимъ, конечно, но богатѣйшимъ. Обращеніе ихъ въ Христіанство будетъ подвигомъ важнымъ. Тамъ, можетъ, нѣкоторые пострадаютъ за Христа, но дѣло, единожды неполненное, будетъ полезнѣе и принесетъ имъ болѣе чести. Имъ предоставлена еще слава; объяснить важныя географическія вопросы, которые для рѣшенія требуютъ и вѣры апостола и добросовѣстности ученаго. Да постигнуть они всю важность этой миссіи, содѣлывающей ихъ достойными награды небесныхъ и земныхъ.

ГЛАВА IV.

Перевѣдъ отъ острововъ Гамоа къ островамъ Тонга. — Нюга. — Острова Тонга.

13 Мая. явилась новая земля. То была группа острововъ *Нюга*, находившихся у насъ подѣ вѣтромъ. Они открыты Шутеномъ; онъ бросилъ противъ нихъ якорь 11 Мая 1616 года. Островитяне выѣхали на встрѣчу въ легкихъ маленькихъ челнокахъ, изъ дерева похожаго на красное. Они обмѣняли коренья и плоды на гвозди и мелкія стекляныя вещи. Все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока пилотка не отделилась отъ корабля, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли удобнаго якорнаго мѣста. Думая легко съ него справиться, около двадцати челноковъ окружили ее, грозя матросамъ копьями. Надо было прибѣгнуть къ оружію; одинъ изъ дикихъ палъ, пораженный пулею. Товарищи его хотѣли завлечь жителей всего острова къ отмищенію; но тѣ изъ нихъ, которые приставали къ кораблю, бывъ довольны сдѣланнымъ имъ пріемомъ, не желали вступать въ дѣло, которое могло худо для нихъ окончиться.

Островитяне эти, подобно жителямъ острововъ Гамоа, были безсовѣстные воры: они кидались на все, какъ на добычу, и унесъ что нибудь бросались въ море; многіе пытались украсть даже гвозди и болты корабля. Сильные и рослые, они ходили нагѣ, за исключеніемъ небольшого пояса, на подобіе маротъ; ихъ было татуировано, бороды сбриты, а надрѣзанная нижняя мочка уха висѣла до плеча. Волосы, какъ у жителей острововъ Гамоа, были причесаны съ искусствомъ и вложены пучками. На шеѣ носили ожерелья изъ раковинъ, зубовъ и птичьихъ перьевъ. На парусахъ ихъ лодокъ нарисовано было изображеніе пѣтуха. Хижинъ, выстроенныхъ въ линію вдоль берега, казались весьма населенными.

Шутенъ остался нѣсколько дней передъ островами Нюга, къ величайшему удовольствію удивленныхъ дикарей. Они не могли довольно наглядѣться на корабль и чтобы удостовѣриться въ его прочности, поднимали подѣ подводную часть его и тамъ бросали въ нее камнями. Всегда готовые къ обмѣнамъ, они заваливали палубу свиньями, дворовыми птицами, зеленью, плодами, и удалялись до-

вольствуясь весьма малымъ. Вскорѣ Голландскій мореплаватель принялъ подарки и посѣщеніе короля, или *лапу*, одного изъ соседнихъ острововъ. Онъ вѣхалъ въ большой лодкѣ, сопровождаемой толпою маленькихъ. Его приветствовали звуками трубъ и барабаннымъ боемъ; этотъ шумный пріемъ, казалось, привелъ его въ восхищеніе; король началъ говорить; произнесенная имъ рѣчь была повторена всеми присутствовавшими; она показалась Голландцамъ весьма доброжелательною и учтивою; за этимъ король послалъ на палубу трехъ человекъ, которымъ поручилъ поднести капитану въ подарокъ отъ него, прекрасную цыновку. Депутаты исполнили возложенное на нихъ порученіе съ почтительностію, стоя на коленяхъ. Шутенъ въ замѣтъ цыновки далъ имъ старый топоръ, нѣсколько стекляныхъ мелочей, старыхъ гвоздей и кусокъ полотна, подарки, отъ которыхъ король пришелъ въ совершенное восхищеніе. Казалось, что подданные охотно повиновались власти этого монарха. Нѣсколько челноковъ остановились въ положеніи непріятномъ для Голландцевъ; они сказали о томъ его дикому величеству, который тотчасъ же закричалъ: *франу! франу!* и лодки удалились. Не смотря на убѣжденія капитана, король не хотѣлъ войти на корабль, а послалъ сына своего, который съ своей стороны упрашивалъ Голландцевъ сойти на берегъ.

Этотъ миролюбиво проведенный день нисколько не позволялъ предвидѣть того, что должно было произойти въ слѣдующій. Благосклонный пріемъ и ласковое обхожденіе, были конечно не что иное, какъ хитрость, имѣющая целью заманить Европейцевъ на берегъ. Но видя, что уловка эта имъ не удалась, островитяне прибѣгнули къ силѣ. Утромъ 13 Мая, цѣлая флотилія окружила корабль. Она состояла изъ 23 двойныхъ лодокъ, въ которыхъ находилось около двадцати человекъ въ каждой, и изъ 45 простыхъ лодокъ, по пяти человекъ въ лодкѣ. Самъ король, пріѣхавшій въ двойной лодкѣ, началъ осматривать положеніе корабля; потомъ, когда онъ удостоверился въ силѣ своего флота, одинъ изъ жителей ударилъ въ нѣчто похожее на барабанъ, и всѣ отвѣчали на этотъ призывъ пронзительнымъ крикомъ. То былъ сигналъ сраженія. Двойная лодка, въ которой сидѣлъ король, первая вступила въ дѣло; она плыла прямо къ

кораблю, побуждаемая всею силою гребцовъ; но вмѣсто того чтобы разбить его, сама разбилась, и его дикое величество долженъ былъ достигъ берега вплавь. Остальные продолжали упорствовать и бросать камнями, до тѣхъ поръ, пока пальба съ борта и огонь нѣсколькихъ фалконетовъ, заряженныхъ пулями и старыми гвоздями, не разсыпалъ это сборище. «Безъ сомнѣнія,» говоритъ историкъ этой экспедиціи, «нѣкоторые изъ нихъ были убиты и ранены; дикари удалились, совѣсть не ожидая подобныхъ залповъ, которые для нихъ такимъ непонятнымъ и страннымъ образомъ погубили нѣкоторые изъ ихъ людей. Должно думать, что для этого предпріятія король собиралъ силы свои; ибо тутъ было болѣе 1,000 челов., между коими одинъ совершенно бѣлый.» На другой день Шутенъ удалился отъ острововъ, давъ имъ названіе острововъ *Socos* и *Verader* (Измѣнниковъ).

Валлисъ видѣлъ ихъ опять въ 1767 году, но не останавливался, ибо не нашелъ удобнаго якорнаго мѣста. Одинъ только гребные суда его имѣли сношеніе съ низменными островами. Мореплаватель нашелъ въ жителяхъ нѣкоторое сходство съ Таитянами, и замѣтилъ, что у всѣхъ первый суставъ мизинца былъ отрѣзанъ. Тутъ Голландское названіе острововъ было переименовано на имена *Боскавенъ* и *Кеппелъ* (*Bascawen et Keppel*). Потомъ въ Апрѣль мѣсяцъ 1781 года прибылъ въ эти мѣста Испанецъ Морель; изнуренный, нуждаясь во всемъ, онъ запасся здѣсь жизненными припасами, и по этой причинѣ называлъ островами *Утѣшенія* (*Consolation*). Морель утверждаетъ, что туземцы говорятъ тѣмъ же самымъ нарѣчіемъ, которое употребляютъ жители Вавао. Они обошлись съ Испанцами честно и привѣтливо. Послѣ Мореля явился въ 1787 году Лаперузъ, который видѣлъ одинъ только высокій островъ, названный Шутеномъ *Впроломнымъ*. Онъ вошелъ въ торговое сношеніе съ обитателями его, которые, по его словамъ, имѣли большое сходство съ жителями Гамоа. Лаперузъ подтверждаетъ, что у нихъ одинъ или два сустава пальца отрѣзаны. Послѣ Лаперуза никто въ подробности не осматривалъ острововъ *Нуга*, о которыхъ однако упоминаетъ въ своихъ приключеніяхъ Меринеръ, этотъ отчетливый и точный историкъ острововъ Тонга.

По словамъ Лаперуза, небольшая группа острововъ *Нуга* состоитъ изъ двухъ остров-

ковъ, раздѣляемыхъ проливомъ шириною въ три мили. Сѣверный представляетъ видъ сахарной головы, покрытой лѣсомъ съ низу до верху; онъ имѣетъ въ поперечникѣ около трехъ миль. Другой, сѣтъ низкая и плоская земли съ возвышеніемъ на срединѣ. Пролитъ, шириною въ полтора саженя; разсѣкаетъ его на двѣ части; длина его до трехъ миль съ половиною, а ширина не болѣе двухъ. Съ южной его стороны подводные камни вѣтвятся довольно далеко и образуютъ мѣсто глубиною въ двадцать и двадцать пять брасовъ, удобное для якорной стоянки. Сѣверный островъ лежитъ подъ 15° 50' ю. шир: и 176° 25' зап. долг:

Пендметонъ, съ самаго отъѣзда изъ Гамоа велѣлъ, сколько можно болѣе держаться къ вѣтру; предосторожность его была оправдана послѣдствіями. *Океанію* снесло стремленіемъ почти на тридцать миль въ направленіи къ западу. На слѣдующій день мы могли только пройти между островами Амаргура и Вавао, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ послѣдняго. Наконецъ 15 числа пройдя съ разсвѣтомъ мимо низкихъ острововъ Гапан, и оставя съ правой стороны вулканическія вершины Као и Тофуа, мы до полудня стали на рейдъ у сѣверной стороны острова Намука.

Появленіе наше вскорѣ привело въ движеніе небольшую бухту, казавшуюся необитаемою. Изъ-за всѣхъ утесовъ, изъ-за всѣхъ выдвинувшихся въ море песчаныхъ мысовъ, изъ всѣхъ бухтъ, однимъ словомъ, со всѣхъ точекъ острова явились лодки нагруженные разными припасами: свиньями, кореньями и плодами. Легкія и красныя, эти лодки вмѣщали въ себя отъ сорока до пятидесяти человѣкъ. Черезъ часъ по пріѣздѣ нашемъ, ихъ собралось уже около ста вокругъ *Океаніи*. «Осторожнѣе!» кричалъ Пендметонъ боцману. «Не надо впускать весь этотъ народъ на корабль. Джонъ! приготовить стѣнки и разставить вездѣ часовыхъ?» Лишь только приказанія капитана были выполнены, какъ ужасный шумъ обратилъ общее вниманіе. «Капитанъ,» сказалъ боцманъ, «одинъ изъ дикихъ хочетъ войти на палубу; онъ не слушаетъ приказаній и выдаетъ себя за старшину, за егун, или короля.

«О! если онъ король, то надо обходиться съ должнымъ его сану почтеніемъ!» отвѣчалъ Пендметонъ смѣясь: «мы будемъ по крайней мѣрѣ вести переговоры съ рав-

нымъ.» Преступленія нарушили! Минимый король вошелъ на корабль, но за нимъ потянулось такое множество подданныхъ, что надо было опять прибѣгнуть къ строгости. Болѣе шестидесяти островитянъ вошли уже; пора было подумать о предосторожности.

Хотя жизненные припасы находились въ изобиліи на *Океаніи*, но жители отдавали свои такъ дешево, что вскорѣ палуба была завалена свиньями и грудамъ мяса. Матросы въ замѣнъ давали туземцамъ разныя желѣзныя вещи и синія стекляшныя ожерелья, которыхъ дикіе цѣнили выше всего. Стекляшныя вещи другаго цвѣта не имѣли уже той цѣны и не были у нихъ въ такомъ уваженіи. Впрочемъ жители съ перваго взгляда казались обходительнѣе всѣхъ Полинезійцевъ, которыхъ я до того времени видѣлъ. И точно, въ нихъ не было ни того торговаго фанфаронства, которое начинается между Гавайцами, ни тѣхъ уловокъ дѣтской простоты и корыстолюбивой лести, которыя такъ хорошо обрисовываютъ характеръ Таитянъ; но обнаруживалось болѣе смиленности, болѣе сознанія собственнаго достоинства и болѣе совѣсти. Скромные въ обхожденіи, они замѣтно боялись быть въ тягость; сохраняли какую то степенность и не казались ни докучливыми просителями, ни безсовѣстными ворами. Я былъ отъ нихъ въ восхищеніи. «Вотъ по крайней мѣрѣ люди, съ которыми можно имѣть сношенія,» сказалъ я Пендметону. Да, отвѣчалъ капитанъ, только въ продолженіе одного или двухъ дней. Они обманули даже Кука, который назвалъ острова эти островами Друзей. Но съ тѣхъ поръ многіе другіе рассказы вовсе не оправдали это прекрасное названіе. Мы теперь уже знаемъ, какъ принимать первыя изъявленія дружбы дикарей. Англичанинъ Маринеръ и капитаны Дюрвилъ и Диллонъ открыли намъ, что тутъ было болѣе дипломатическихъ, нежели душевныхъ порывовъ, болѣе расчетливости, нежели правды. Дикіе приходятъ къ вамъ съ оливковою вѣтвью въ рукѣ, а за поясомъ у нихъ кинжалъ. Они ласкаютъ и льстятъ, чтобъ лучше разсмотрѣть мѣсто куда ударить. Теперь они честны, предупредительны, даже пѣжны, ибо увѣрены, что мы сильнѣе ихъ; но если бы насъ бурею выбросило на ихъ берегъ, они на насъ не оставили бы и рубахи. Честность ихъ просто коварство: они болѣе хитры, нежели

длы. Никогда еще не видали, чтобъ они прибѣгали къ насилію, не утвердившись въ пользѣ и умѣстности. О! нѣтъ! не надо полагаться на этихъ людей: у нихъ когти какъ у соседей ихъ въ Вити; только они скрываютъ ихъ.

Пендлетонъ разочаровалъ меня; это противодѣйствіе было такъ сильно, что перемѣнило даже физическія впечатлѣнія. Въ лицахъ жителей, на которыхъ я до тѣхъ поръ видѣлъ только доброжелательство и скромность, вдругъ проявились вѣроломство и коварство; я замѣчалъ косвенные взгляды, которые старались казаться дружескими; въ кроткихъ и воздержныхъ движеніяхъ я предугадывалъ скрытное шпіонство: столь могущественны бываютъ предубѣжденія, и такъ велико вліяніе ихъ на наши сужденія.

Пендлетонъ съ своей стороны не довольствовался одною умственною недоувѣренностію къ островитянамъ. Ему нужно было наполнить бочки водою; а въ Намукъ было для того удобное мѣсто. Но приключеніе Делангли и его товарищей, было еще слишкомъ свѣже въ памяти, чтобъ отважиться зайти на землю, не взявъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей. Подойдя къ начальнику, онъ спросилъ его: согласенъ ли онъ остаться заложникомъ на *Океаніи*, пока лодки будутъ у берега его острова. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ посредствомъ Англійскаго дезертера, поселившагося въ Намукъ. Выслушавъ его, начальникъ улыбнулся, потомъ принявъ важный видъ: «Скажите Европейскому начальнику,» отвѣчалъ онъ чрезъ переводчика; «да, скажите начальнику, командующему этимъ судномъ, что уже годъ-какъ жители Гапан приняли Христіанскую вѣру, и что они не сдѣлаютъ собратьямъ своимъ ни какаго зла.» Пендлетонъ удивился: онъ не зналъ внезапнаго ихъ обращенія, и не хотѣлъ вѣрить: «Христіане или нѣтъ, все равно, я спрашиваю, согласны ли они остаться заложниками?» — «Конечно согласны,» отвѣчалъ король, «если это пріятно нашимъ братьямъ Европейцамъ.» И такъ короля дикихъ заперли въ комнату съ пятью или шестью изъ его офицеровъ, и чтобъ доставить имъ какое нибудь развлеченіе, Пендлетонъ велѣлъ поднимать ихъ лучшими кушаньями и винами; пѣніе показался нашимъ аманатамъ очень пріятнымъ.

Между тѣмъ шлюбка отправилась подъ начальствомъ младшаго лейтенанта. Пен-

длетонъ и Филиппъ оставались на *Океаніи*; первый изъ предосторожности, второй въ слѣдствіе: всегда перемежающагося болѣзненнаго состоянія. Что касается до меня, то я не могъ пріучить себя видѣть отправляющееся безъ меня судно. Я выпросился на берегъ; Пендлетонъ не могъ мнѣ отказывать ни въ чемъ. Мы плыли къ берегу, сопровождаемые множествомъ лодокъ на парусахъ и веслахъ. На берегу ожидала насъ многочисленная толпа (Рис. IV Ф. 1.); но вмѣсто шумнаго и докучливаго пріема, которымъ насъ вездѣ встрѣчали, туземцы обошлись съ нами съ честностію и приличіемъ; Среди народа прохаживались нѣсколько чело-вѣкъ: степенные и порядочные другихъ, родъ наставниковъ, которымъ, казалося, порученъ былъ надзоръ, и которые въ тотъ день вѣроятно напоминали народу о вѣжливости и вниманіи къ чужестранцамъ. Я узналъ въ нихъ природныхъ пастырей, церковнослужителей, образованныхъ миссіонеровъ въ странахъ гдѣ они проповѣдывали Христіанскую вѣру.

Между тѣмъ матросы наполнили бочки водою изъ пруда, находящагося на прибрежьи и имѣющаго до шестидесяти сажень длины и отъ двадцати до тридцати ширины. Вода оказалась солоновата и не такъ хороша, какъ полагалъ Пендлетонъ, и потому офицеръ не считалъ нужнымъ сдѣлать полный запасъ, и оставилъ нѣсколько пустыхъ бочекъ. Пока занимались этою работою, я осматривалъ островъ, сперва съ осторожностію, не слишкомъ удалившись отъ матросовъ, потомъ постепенно ободренный, успокоенный мыслію объ аманатахъ и побуждаемый предложеніями одного изъ помощниковъ миссіонеровъ, изъявившаго желаніе быть моимъ вожатымъ, я отважился идти въ середину острова, не предупредивъ даже о томъ лейтенанта.

Прежде всего меня поразилъ страшный видъ обыкновенныхъ жилищъ. Они едва ли имѣли восемь или девять футовъ вышины; по тростниковымъ стѣнамъ, вмѣсто того чтобъ быть вертикальными, какъ въ другихъ архипелагахъ, расходились постепенно въ наружу, а крыша окачивалась остріемъ или шпичкою. Все вмѣстѣ представляло видъ пятиугольника, составленнаго изъ дровяныхъ вѣтвей. Самые большіе изъ домовъ имѣли двадцать или тридцать футовъ длины и восемь или девять ширины; отверстіе, величинною въ два квад-

ратные фута, на вышине 18 дюймовъ отъ земли находилось съ одной изъ большихъ сторонъ. По огромнымъ грудамъ ямса, которыми завалена была внутренность этихъ строений, можно было принять ихъ за простые магазины, если бы циновки и деревянные изголовья, разбросанные кое гдѣ, не обнаруживали, что это жилища и спальни. Въ числѣ домовъ нѣкоторые были красивѣе и роскошнѣе по наружности: они состояли изъ крышъ, поддерживаемыхъ столбами, между которыми проходилъ со всехъ сторонъ воздухъ; полъ былъ весь покрытъ циновками. Сначала я принялъ ихъ за жилища старшинъ; но то были просто убожища жителей во время дня. Другія служили имъ только ночью.

Вокругъ жилищъ, то по нѣскольку вытесть, то порознь, находились прекраснѣйшія поля, лучшія изъ видѣнныхъ нами въ этомъ поелѣ земли, плантаціи ямса, таро и кава, были въ особенности хорошо содержимы. Земля была взборонена и очищена отъ сорныхъ травъ; каждое поле было огорожено и защищено, отъ бродящихъ вокругъ людей и животныхъ, красивымъ и прочнымъ палисадникомъ изъ камыша или сахарнаго тростника. Я шелъ, восхищенный этими доказательствами плодородія и изобилія; предубѣжденія мои исчезли: на такой хорошей землѣ люди не могутъ быть дурны. Инстинктъ плодоядія сроденъ только звѣрямъ, побуждаемымъ къ нему голодомъ; но разъ насытившись, даже самыя хищныя животные остаются смирны. Притомъ, какъ очаровательно здѣсь природа! какими красивыми сводами зелени, какими разнообразными и пышными узорами, изгибалась она передо мною своею свѣжую и блестящую растительность!

Погулявъ полчаса, я принялъ къ берегу небольшого озера, длиною въ три мили, а шириною около мили, отдѣляемаго отъ морязкимъ языкомъ земли. Три маленькіе островка, обтѣнные густою тѣною, казались, покоившись глубокимъ сномъ среди волнъ озера; какъ оазисы среди Океана песчаныхъ степей. Они глядѣлись въ прозрачное и чистое зеркало его водъ, едва смущаемое на мигъ полетомъ морской птицы.

Съ возвышенной поляны, поросшей травою и кустарникомъ, я могъ обнять вдругъ все это мѣстоположеніе, эту восхитительную, хотя неполную картину острова Намука, къ которому натуралистъ Форстеръ такъ

основательно пристрастился. Оттуда обозрѣвалъ я все измѣненія этой земли, то плоской, то лѣсной, перерываемой холмами, изрѣзанной изгородами и кустарникомъ, и разбѣянными по мѣстамъ кунами кокосовыхъ деревьевъ и казуаринъ; въ центрѣ острова возвышалась гора, въ составъ которой было видно присутствіе базальта, тогда какъ остальной грунтъ неоспоримо былъ мадрепорической. Если бы отъ общаго обозрѣнія я перешелъ къ подробностямъ, то сколько бы открылось восхитительныхъ гармоническихъ видовъ, сколько новыхъ цвѣтовъ; какія яркія краски, сколько птицъ съ блестящими перьями, какіе голуби, попугаи, коростели, не считая мелкихъ породъ, между коими есть тысячи различныхъ видовъ и оттѣнковъ!

Воскличаніе мое было прервано голосами нѣсколькихъ людей, которые, казалось, довольно горячо спорили съ моимъ проводникомъ. Сначала мнѣ вздумалось, что дѣло шло о томъ, кому я достанусь, и, я невольно схватился за пистолеты. При этомъ движеніи одинъ изъ подходящихъ подбѣжалъ ко мнѣ, и подозрѣніи Пендлетона возродились въ памяти моей съ полною силой. Я готовъ былъ вступить съ нимъ въ бой. Къ счастью, дѣло окончилось однимъ опасеньемъ. Новопришедшіе оспаривали только у проводника моего честь водить меня; бывъ почти увѣрены въ томъ, что труды ихъ будутъ вознаграждены подаркомъ какихъ нибудь Европейскихъ вещей. Я прекратилъ споръ, позволивъ всемъ быть моими проводниками; и пошелъ обратно, по той же дорогѣ, къ мѣсту, гдѣ люди запасались прѣсною водою, все еще опасаясь, чтобы живописное мое похождение не окончилось драматическою развязкою. Впрочемъ новые тѣлохранители вели себя самымъ пристойнымъ образомъ. Они съ благодарностью принимали то, что я имъ давалъ, но сами ничего не выпрашивали. Помощникъ миссіонера, знавшій нѣсколько Англійскихъ словъ, былъ толмачемъ моимъ. Въ сношеніяхъ съ этими людьми, я могъ уже замѣтить, что народный языкъ ихъ, хотя и былъ въ основаніи общій всемъ жителямъ Полинезій, но между партіями обитателей острововъ Таити и Тонга существовала почти такая же разница, какъ между Итальянскимъ и Испанскимъ. Два слова, чаще другихъ употребляемыя ими въ разговорѣ съ Европейцами, два слова, которыми они изображали качество предметовъ, которые хотѣли купить или про-

дать, определяли и въ некоторыхъ образомъ предварительные пункты торга, два слова, *хорошо* и *худо*, выражались у Таптянъ словами *майтаи* и *гию*; а у жителей Тонга словами *лейлей* и *кови*. Изъ этого видно какъ велика разница.

Разговаривая съ проводниками, я дошелъ до берега, гдѣ уже не нашелъ шлюбки. Соскучившись ждать меня, лейтенантъ Раймбоу утѣхалъ; но онъ сидѣлъ на кормѣ, направилъ подзорную трубу на берегъ, и казалось, стерегъ минуту моего возвращенія, чтобы подѣхать къ берегу. Опасенія мои не долго продолжались, однако по таинственному шептанью между жителями, по скрытымъ любостыжательнымъ ужимкамъ, которыя замѣнили сохраняемый ими дотоле откровенный и пріятный видъ, я понялъ, какъ было бы ужасно мое положеніе, въ случаѣ, если бы меня похитили. «Какъ вы неосторожны,» сказалъ мнѣ Раймбоу: сигнальный флагъ къ отъѣзду уже цѣлый часъ какъ поднятъ на мачтѣ; я мѣшкаль сколько могъ. Пендлетонъ будетъ сердиться. Онъ Катонъ для дисциплины.» — Я молчалъ, ибо чувствовалъ себя виноватымъ; взойдя прежде всѣхъ на *Океанію*, я самъ разсказалъ все капитану, который побранилъ меня. Но такимъ образомъ я отвратилъ грозившую бурю; доброму лейтенанту ничего не досталось. Многого стоило Пендлетону это воздержаніе.

Въ тотъ же вечеръ мы оставили рейдъ Намуки; на другой день, 16 Мая, стоя рано утромъ на палубѣ, я увидѣлъ передъ нами, не въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой, двѣ ужаснѣйшія массы, двѣ недоступныя, по видимому, крутыя, чернющіяся скалы; каждая въ полмили шириною. «Вотъ лучшіе лоцманы,» сказалъ мнѣ Пендлетонъ, «прекрасныя вѣхи, поставленныя природою среди моря, чтобы указывать вѣрный путь судамъ въ извѣстныхъ проходахъ Тонга-табу.» Едва слова эти были произнесены, какъ раздался на марсѣ крикъ. «Хорошо!» продолжалъ капитанъ; и сѣлъ на картъ обѣ скалы Гунга-тонга и Гунга-гапан; потомъ велѣлъ наблюдать новую землю на ю. зан. То былъ островъ Атата; чрезъ полчаса, когда онъ былъ уже въ виду, Пендлетонъ отдалъ приказаніе, и весь экипажъ сталъ на мѣста: одни на марсахъ, другіе на палубѣ; самъ капитанъ неподвижно стоялъ у руля. *Океанія* должна была пройти въ узкомъ проходѣ; по

обѣмъ сторонамъ котораго находились подводныя скалы; съ шумомъ и пѣною волновавшія надъ собою море; за этимъ узкимъ проходомъ открылось мѣсто, казавшееся, судя по наружности, тихимъ, но въ сущности гораздо опаснѣйшее. Дно было устлано подводными кораллами различныхъ яркихъ цвѣтовъ; одни видѣлись поверхъ воды, другіе, скрытые подъ водою на различной глубинѣ, какъ бы подводные книжалы, ежеминутно могли вознестись острыми своми въ бока корвета, разорвать его и, разбитаго, изнуреннаго, выбросить на утѣсъ. Въ эту торжественную минуту безмолвная тишина водарилась на палубѣ; чело капитана, подернутое глубокими морщинами доказывало возможность опасности; на марсахъ, на бугспритѣ, вездѣ сверкали глаза, которые, казалось хотѣли вѣззаться въ море; всѣ старались измѣрить глубину его, узнать число подводныхъ камней, мѣста гдѣ находились пропасти, всѣ хотѣли найти удобный для судна проходъ и какъ бы вырыть мѣсто, достаточное для помѣщенія его килей.

Для благороднаго шлюпа земля была смертію. Корабль тоже, что рыба; когда мало воды, онъ ложится на бокъ и умираетъ. Земля есть величайшій врагъ корабля; созданнаго для пространнаго и глубокаго моря; завидя землю, къ которой онъ стремится, корабль чувствуетъ опасенія и недовѣріе. Ни одна изъ опасностей, которыхъ имя пугаетъ наше воображеніе, не можетъ для корабля быть ужаснѣе опасности происходящей отъ близости земли. Корабль перенесетъ Антидскіе ураганы, дафэнъ китайскаго моря; бури мыса Доброй Надежды, и шквалы Ледовитаго моря; пусть молнія разгромитъ его мачту, сифонъ наводнитъ его палубу, вѣтеръ разнесетъ ключьями паруса; не пріятельскія ядра сокрушаютъ бока и ребры, — онъ выдержитъ все; онъ перенесетъ долгое и трудное крейсированіе, нуждаясь въ водѣ и въ хлѣбѣ, рука въ руку со скорбутомъ и желтою лихорадкою; дней двадцать сряду онъ будетъ выкачивать воду, будто въ водяной болѣзни; онъ не умретъ отъ всѣхъ этихъ бѣдствій; его введутъ въ верфь, и онъ спасенъ, излеченъ, перерожденъ; ему дадутъ новыя члены, новый и блестящій полсъ, мачты, краснѣе прежнихъ, паруса крѣпче тѣхъ, которыхъ онъ лишился; онъ осуществитъ басно Феникса, онъ возродится. Но если онъ разобьется у береговъ; если онъ ударится о

коралловыя откосы, что останется отъ него? Безобразныя развалины; обломки, которые гордое море съ пренебреженіемъ выброситъ бурею на берегъ!

Тамъ, гдѣ мы находились, все это было во сто разъ страшнѣе. Если крушеніе выброситъ васъ на Европейскій берегъ, вамъ грозитъ бѣда только отъ таможенной стражи, которая строго соблюдая свои постановленія, не хочетъ ничего знать кромѣ тарифа и циркулярныхъ предписаній; но если вы прошли таможенную цѣнь, вы свободно можете дышать, вы вне опасности. Мы были совершенно въ другомъ положеніи: въ случаѣ крушенія, намъ пришлось бы спастись на новую Тавриду, гдѣ путешественника, постигнутаго несчастіемъ, принесли бы въ жертву; предъ нами находились дикія племена, о которыхъ столько различныхъ мнѣній; племена подозрительныя, жестокія по расчету, если не по природнымъ склонностямъ. Было странно, могу сказать безъ зазвѣстій совѣсти: да, было странно, за что матросы, офицеры, пассажиры, всякій въ свою очередь отправлялся смотреть кранбалки.

Была моментъ, когда мнѣ показалось, что мы тронули килемъ землю. Корабль потерялъ ходъ, и была обильная дрожь; онъ встрепенулся; будто китъ, который хочетъ страхнуть съ себя багоръ. Если бы можно было освидѣтельствовать бока *Океана*, мы бы увидѣли на нихъ длинную царящцу: остріе коралловой глыбы провело ее по обшивкѣ, какъ алмазь проводитъ черту по стеклу. Но это продолжалось не долго; только лишился морщина появилась на мбу Пендлетона; онъ поднялъ было рупоръ, но опять опустилъ его; не отдавъ приказанія. Самыя опасныя мѣста были пройдены; Тонга-габу поочередно открывала нашимъ взорамъ свои чудеса: почву, покрытую ковромъ роскошнаго прозябанія: уединенныя жилища, деревни и фйтоки, расположенныя этакими. Мы приближались къ гавани; мы были вне опасности. Къ двумъ часамъ ланчъ былъ уже брошенъ у островка Цанрай-моду, гдѣ предпочтительно становятся Европейскія суда.

Здѣсь привычное стеченіе жителей встрѣтило насъ. Еще убирались паруса; а уже до шестидесяти байдаръ было кругомъ шлюна. Островитяне совершенно сходились съ теми, которыхъ мы видѣли наканунѣ. Пендлетонъ приказалъ брать тѣ же предо-

сторожности въ сношеніяхъ съ ними. Между тѣмъ три байдары, побольше и по красивѣе другихъ, открыли себѣ дорогу между простыми байдарами. На нихъ находились три начальника острова, три великіе воуи. Мы приняли ихъ, съ ихъ свитою. Въсѣтъ съ ними въ качествѣ посланника и переводчика былъ Англичанинъ, по имени Синглестонъ, матросъ, избѣгшій участи своихъ товарищей при несчастіи корабля Портъ-о-Пренса, захваченнаго островитянами въ 1804 г. Еще два Англичанина, Джонъ-Ридъ и Ритчеръ, поселившіеся на этихъ островахъ, сопровождали благородныхъ гостей.

Намъ разсказали исторію этихъ вождей. Тонга-габу признавалъ въ прежнее время надъ собою власть одного только Туи-тонги; но переворотъ заставилъ этого царя бѣжать въ Вавао, и власть досталась главнѣйшимъ вождямъ, въ числѣ которыхъ находились наши гости: Тагофа, начальникъ Бен, Палу, начальникъ Муа, и богатый помѣщикъ Лавака; упоминали еще о многихъ другихъ вождяхъ: Готая, который управлялъ округомъ Гифо, гдѣ долго нѣтъ свое пребываніе миссіонеры; Тубо, который принявъ Христіанскую вѣру, потерялъ уваженіе своихъ подданныхъ; Аван-матун, Гула-кай, Мафу, Вейгала, Огпа и проч.

Впрочемъ владычество надъ этою частию острова болѣе принадлежало, кажется, нашимъ посетителямъ. Лавака, человекъ глупый и обыкновенный, не имѣлъ другаго права на уваженіе, кромѣ богатыхъ своихъ помѣстій. Тагофа и Палу были самые могущественные вожди въ этой странѣ: первый былъ храбръ какъ Ахиллъ, другой хитеръ и краснорѣчивъ какъ Улиссъ; сила перваго состояла въ оружіи, сила другаго въ словѣ.

Тагофа былъ человекъ лѣтъ сорока пяти; ростомъ не болѣе пяти футовъ и трехъ дюймовъ; но чрезвычайно крѣпкаго сложенія. Физіономія его имѣла нѣчто важное и благородное. широкое чело выражало умъ, глаза живые и смѣлые; уста тонкія и розовыя, волосы рѣдкіе, завитые и темныя: при первомъ на него взглядѣ, вы бы не угадали въ немъ этой предприимчивой храбрости; въ его прѣсмахъ не было ничего жестокаго и суроваго. Онъ былъ въ одно время воинъ и дипломатъ; полководецъ двухъ тысячъ солдатъ; войска весьма значительнаго въ Тонга-габу, и хитрый политикъ, успѣвшій

исполнить свое намѣреніе въ усыновленіи своего сына, Туи-тонга-фафиною. Одежда его ничѣмъ не отличалась отъ одежды прочихъ островитянъ; онъ носилъ только широкую юбку изъ гибискуса, и ходилъ босой и съ открытою головою (Рис. IV. ф. 2).

Палу имѣлъ видъ вздутой массы, натертой масломъ и едва двигавшейся; впрочемъ въ его фізіономіи, довольно пріятной и спокойной, нѣсколько выражались тонкость и важность. Волосы его были короткіе и гладкіе, лице круглое и полное, шея жирная, лобъ широкій (Рис. IV. ф. 3). Краснорѣчивый и смѣливый отъ природы, онъ одинъ изъ всѣхъ островитянъ могъ понимать и кое какъ говорить по Англійски. Синглетонъ и Джонъ-Ридъ находились въ его службѣ, и были его учителями; и они то научили его коверкать довольно бѣгло ихъ языкъ. Онъ впрочемъ былъ самъ страстнымъ Англоманомъ; щеголялъ Европейскимъ обхожденіемъ, кушалъ по Англійски, пилъ ромъ по Англійски и предлагалъ тосты одинъ за другимъ — точно Англичанинъ.

Каждый изъ вождей имѣлъ съ собою свой дворъ, или лучше сказать, отрядъ тѣлохранителей. Тѣлохранители эти называются *мата-булеями*; число ихъ неопредѣлено, и потому возрастаетъ вмѣстѣ съ богатствомъ и знатностію вождя. Палу, Тагофа и Лавака привели съ собою толпу мата-булеевъ, которыми были наполнены байдары. Не всѣхъ пустили на палубу, но все-таки ихъ набралось до пятидесяти человѣкъ.

Пендлетонъ рѣшился съ перваго дня постановить правила для сношеній съ жителями; онъ объявилъ переводчику Синглетону, что иначе нельзя начать мѣны между экипажемъ и островитянами, какъ по заключеніи условій съ начальниками. Онъ требовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ оставался постоянно на кораблѣ заложникомъ, для безопасности шлюбокъ, отправлявшихся на берегъ. Когда Синглетонъ объяснилъ это требованіе Американскаго капитана, три властелина изъявили удивленіе, искреннее или притворное, не знаю. Тагофа нахмурилъ брови, Палу закусилъ губы, одинъ Лавака оставался не подвижнымъ: врядъ ли онъ понялъ въ чемъ дѣло. Палу рѣшился отклонить это предложеніе: онъ около четверти часа ораторствовалъ съ важностію и довольно пріятно. Его слова казались трогательны и сильны,

но переводчики не умѣли, кажется, передать намъ ихъ достойнымъ образомъ. «Ужели,» говоритъ онъ» вы намъ не доверяете? намъ, лучшимъ друзьямъ Европейцевъ? Можемъ ли мы васъ обидѣть? Вы доставляете намъ вещи любимыя нами: желѣзо, полотно и ожерелья изъ голубаго стекла. Если мы васъ обидимъ, вы уже не воротитесь къ намъ; у вашихъ матросовъ есть ружья, если даже и недостаточно тѣхъ, которыя съ вами, то вашъ великій царь имѣетъ другія, и можетъ уничтожить Тонга-табу. Чего вамъ бояться? Пріѣзжайте на берегъ; эгуи защититъ васъ: вѣрьтесь нашимъ обѣщаніямъ.» — Когда Пендлетону было передано содержаніе рѣчи, онъ не далъ переводчикамъ докончить. «Какъ же,» — сказалъ онъ; «знаемъ мы ваши уловки. Слышали мы о вашихъ поступкахъ съ капитанами Дюрвидемъ и Диллономъ. Сперва пріязнь, потомъ измѣна! Ихъ примѣры служатъ намъ урокомъ. Скажите вашимъ вождямъ, и, это мой ультиматумъ: одинъ изъ нихъ останется на кораблѣ; не то *Океаніи* снимается съ якоря, и оставляетъ рейдъ Пангай-моду.» Дикіе вожди, видя твердость и рѣшимость Пендлетона, должны были уступить. Палу согласился остаться съ нѣкоторыми изъ своихъ мата-булеевъ. Тагофа и Лавака обѣщали пріѣхать къ нему на смѣну, когда ему понадобится быть на берегу.

По заключеніи этого трактата, начались мѣны. Болѣе тридцати постытелей не позволено было пускать на корабль; остальные представляли свои произведенія и получали за нихъ наши товары. Предметы потяжелѣе поднимались на блокахъ. Байдары были нагружены свиньями, птицами, овощами и плодами. Все можно было имѣть за безцѣнокъ; но голубой стеклярусъ болѣе всего цѣнились между дикарями. Страсть къ нему въ Тонгѣ была столько же сильна, какъ въ Таити страсть къ галунамъ. За пять бусинокъ можно было имѣть курицу; за пятьдесятъ, свинью. Мнѣ достался почти цѣлый кабинетъ естественной исторіи: раковины, кораллы, мадрепоры, за двадцать стеклушекъ; и полный музейъ оружія, употребляемаго у островитянъ: кинжалъ, булава, копье, щитъ, за пятьдесятъ бусинокъ. Другія Европейскія произведенія требовались также, но не съ такимъ жаромъ. Ножи, ножницы, перстни, зеркала, находили покупателей. Желѣзо не столько требовалось. Го-

раздо выгодѣе можно было бы сбить ружья и порохъ. Къ несчастію этихъ дикихъ торговцевъ, на нашемъ кораблѣ было изобиліе всего; уже съ недѣлю матросы кушали по царски, свѣжую свинину каждый день, съ двумя штуками дворовыхъ птицъ на брата; палуба была завалена бананами, ясомъ, арбузами. Островитинамъ пришлось имѣть дѣло съ людьми, которыхъ нужда не заставляла быть сговорчивыми. Матросы покупали не изъ надобности, а по обжорству; за то они болѣе торговались, и островитяне по неволѣ дѣлались уступчивѣе. Не смотря на то, что они должны были отдавать свои вещи за безцѣнокъ, *Океанія* представляла съ утра до вечера видъ ярмарки. Нѣсколько сотъ продавцевъ, мужчинъ и женщинъ, повисли къ руселамъ, желая взлѣзть на палубу; они шумѣли, болтали, кривлялись, но въ существѣ были добрые и честные люди, совѣтанные въ своихъ торгахъ, и боялись докучать намъ. Гавайцы, Нука-гивцы и Таитійцы были не столь обходительны.

Въ первый день три вожди остались на кораблѣ; они съ нами откушали, и провели ночь въ нашихъ каютахъ. Но *Океанійскому* обычаю, каждый изъ нихъ выбралъ себѣ одного *офа*, пріятеля, что соответствуетъ званію *таіо* въ Таити, и ограждалось тѣми же правами и обязанностями. Пендлстонъ долженъ былъ сдѣлаться офою Палу; Тагофа былъ моимъ; Лавака достался Филиппу; главнѣйшіе мата-буленъ выбрали друзей между офицерами и боцманами; остальные должны были довольствоваться простыми матросами. Каждая чета передала другъ другу свои имена, и дружба еще лучше запечатлѣлась нѣсколькими стаканами грока.

Пендлстонъ долженъ былъ на другой день съѣхать на берегъ. Обезпечивши свою безопасность взятыми впередъ мѣрами, онъ хотѣлъ навѣстить Гифскаго вождя, Гата, который въ непродолжительномъ своемъ визитѣ обѣщалъ ему доставить двухъ лоцмановъ для облегченія его плаванія по архипелагу Вити. Начальство надъ *Океаніею* было ввѣрено Филиппу, съ строгимъ приказаніемъ: о-стерегаться байдаръ. Шлюпка съ капитаномъ и десятию вооруженными матросами потѣхала на берегъ. Въ этотъ разъ, какъ и всегда, я сопутствовалъ Пендлстону. Мы отправились на самомъ разсвѣтѣ: Гифо былъ отъ насъ въ пятнадцати миляхъ; въ продолженіе всего пути должно было грести, чтобы

достигнуть западной оконечности острова промежъ коралловыхъ отмелей. Мы косъ какъ пропни это трудное пространство; нѣсколько разъ матросы бросались въ море, чтобы освободить шлюбку отъ подводныхъ камней. Пришлось наконецъ посадить шлюбку на мель, и пѣшкомъ пробраться, иногда погружаясь въ воду по самыя плеча, довольно далеко до берега, по коралламъ, о которые дробился буруръ.

Мокрые и изнуренные, мы вышли на сухой песчаный берегъ. Видъ этого мѣста утѣшилъ насъ послѣ утомительнаго переезда. Со всѣхъ сторонъ представились взорамъ восхитительные домики, подъ тѣнію густыхъ деревьевъ, окруженные палисадами. Свѣжая зелень, видъ изобилія и счастья, вся эта природа: солнце, воды, лѣса, все заставляло насъ позабыть скуку и труды; я не видалъ долины, за исключеніемъ Намукской, столь плодородной и хорошо обработанной. Посты кавы были настоящіе сады, содержимые съ удивительнымъ стараніемъ, порядкомъ и изысканностію. Вы бы въ нихъ не нашли ни одной сорной травки.

Пройдя около ста шаговъ по берегу, нашъ маленькій караванъ достигнулъ Гифо. Деревня эта имѣла что то подобное укрѣпленію; заборы довольно прочной постройки и каналы наполненные водою, безъ сомнѣнія служили защитою во время прежнихъ войнъ. Сотни домиковъ, то разсыпанныхъ по лѣсу, то собранныхъ группами, открывались нашимъ взорамъ. Всѣ они сохраняли видъ дикой постройки, за исключеніемъ одного дома, имѣвшаго форму Европейскую, столь обыкновенную въ Таити. Этотъ домикъ былъ въ два этажа, деревянный, выкрашенный зеленою краскою и съ четырьмя окошками по фасаду. (Рис. V. ф. I.); къ нему примыкалъ садикъ съ палисадомъ. Здѣсь жили прежде Англійскіе миссіонеры, посланные изъ Тонга-табу, Гг. Томасъ, Гутчинсонъ и другіе; но во время нашего посѣщенія домикъ былъ уже пустъ. Миссіонеры послѣ долгихъ успій потеряли надежду обратить Гата, начальника Гифо; ихъ преемники, вмѣсто того чтобы безплодно проповѣдывать здѣсь, поселились въ Нику-лафа, столицѣ благочестиваго Тубо.

Гата, хотя и остался непреклоннымъ въ своемъ лзычествѣ, не хотѣлъ однако показаться намъ суровымъ дикаремъ. Онъ даже далъ намъ замѣтить, что охотнѣе склонится

на преобразование политическое, нежели на религиозное. Онъ былъ почти философъ. Приемъ, сдѣланный намъ, имѣлъ видъ торжества. Эту этого семейства, мата-булей и слуги собрались въ кружокъ на малай (площади) предъ домомъ. Народъ, стоя съ скромнымъ и внимательнымъ видомъ, ожидалъ пріишествия вождей. Когда онъ, показавшись, его легко можно было узнать по великопному ожерелью изъ кашелотовыхъ зубовъ, отличительному знаку его званія, генералиссимуса. (Рис. V. ф. 2.). Онъ приблизился къ кружку агусей, и только что увидѣлъ насъ, подавъ намъ руку, и посадивъ подлѣ себя; потомъ онъ сдѣлалъ знакъ для открытія кавы, весьма важнаго обряда въ Океаніи, родъ возліянія, то религіознаго, то чисто гражданскаго, то имѣющаго все торжество священнаго таинства, то обращеннаго въ простой обрядъ семейнаго чая, или пунша, къ обряду въживности или въ оргію между островитянами. На этотъ разъ кава была устроена въ честь намъ; Гата приготовилъ его изъ пріязни къ посѣтителямъ.

По данному знаку, одинъ изъ главѣйшихъ мата-булеевъ, сидѣвшій на другомъ концѣ круга, взялъ широкое блюдо, родъ треножника, внутренность котораго, лоснившаяся отъ осадковъ жидкости, свидѣтельствовала многократное и долгое его употребленіе. Взявъ тогда изъ рукъ одного островитянина огромную связку кава, предназначеннаго для употребленія этого дня, Гата роздалъ по одному корню стоявшему кругомъ народу; выбирая мужчинъ, помоложе, и женщинъ, посвященъ. Они должны были исправлять должность тисковъ, и жевать кава, какъ жуютъ солодковой корень, чтобы вода скорее и лучше упиталась послѣ хмѣльнымъ веществомъ, содержащимся въ корняхъ. Въ пять минутъ это жеваніе совершилось: всякій представилъ свою порцію истертаго на зубахъ корня. Мата-булей собралъ все въ вазу; и въ то время, какъ наливали воду на корни, онъ ихъ мѣшалъ, давилъ, чтобы извлечь весь сокъ. Наконецъ собравши все въ довольно рѣдкую сѣтку, онъ произвелъ послѣднюю и рѣшительную операцію: выдавилъ изъ корней всю жидкость; то, что оставалось, было уже одно воднистоесущество, безъ всякаго вкуса: иначе кава не была бы довольно крѣпкою. Мата-булей, который приготовляетъ кава, долженъ быть увѣренъ въ свое искусство.

Если кава не будетъ сдѣлана удачно въ торжественномъ случаѣ, операторъ покрывается стыдомъ.

Кава въ этотъ разъ удался отлично. Мата-булей считался мастеромъ этого дѣла въ своемъ племени. Каждый заблаговременно приготовилъ свой стаканъ. Стаканы дѣлаются изъ кокосовыхъ листьевъ, и служатъ на одинъ только разъ: вынвинивъ кава, ихъ бросаютъ. Они были разставлены кругомъ большой вазы, и мата-булей наполнилъ ихъ. При каждомъ изъ нихъ Гата говорилъ: «подай такому-то,» слѣдуя іерархическому порядку племени въ этомъ угощеніи, и начиная съ самыхъ знатныхъ вождей. Въ этотъ разъ пріѣзжимъ были отданы невозможныя почести: намъ подали кава первымъ. По мѣртъ того какъ Гата называлъ по имени кого либо изъ присутствовавшихъ, тотъ хлопалъ руками, чтобы показать, гдѣ онъ сидитъ, важно глоталъ свой кава и бросалъ стаканъ далеко отъ себя. Угощеніе не простиралось далѣе круга созданныхъ гостей; народъ, стоявшій далѣе, не былъ удостоенъ этой чести; но я освѣдчилъ одного дикаря: не имѣя возможности выпить до конца мою порцію, ибо вѣдкій и крѣпкій напитокъ жегъ мнѣ горло, я передалъ ее островитянину; онъ съ восторгомъ выпилъ. Пендлетонъ, привыкшій уже къ кава, глоталъ его какъ ромъ.

Это угощеніе, хотя приготовленное съ нѣкоторымъ церемоніаломъ, не имѣло однако всей важности большихъ народныхъ кава, собраній политическихъ или религіозныхъ; на которыя сходятся самые знатные вожди острова, и на которыхъ часто происходить драки за старшинство мѣсть. Англичанинъ Меринеръ первый разсказалъ эту церемонію со всеми подробностями обрядовъ и этикета.

Въ эти чрезвычайные случаи, вождь представляющій въ кава — самый знатный между всеми — садится на два или на три шага отъ стѣны дома, на цыновкѣ, покрывающей полъ, обращая лицомъ къ малаю, гдѣ застѣваетъ кругъ гостей. По сторонамъ президента исправляютъ должность церемоніемеровъ два мата-булей. Затѣмъ сидятъ вожди по старшинству, потомъ мата-булей, наконецъ муан, если приглашены лица изъ этого низшаго класса. Иногда гости садятся не по чинамъ, но по очереди, кто послѣ кого пришелъ; эгидетъ въ этомъ не такъ строгъ

какъ въ самомъ угощеніи. Посреди круга и противъ председателя, сидитъ приготовитель кава: обыкновенно мата-булей, или муа, или туа, или даже иногда эгун (Рис. VI. ф. 1).

Кругъ кава можно раздѣлить на двѣ части: высшую, составленную изъ знати, на краю которой сидитъ президентъ, и низшую, въ которой заставляютъ младшіе вожди и прочіе гости. Кругомъ послѣдней егонтъ народъ, составивъ такимъ образомъ другой внѣшній кругъ.

Это раздѣленіе не есть произвольное; оно служитъ основаніемъ новыхъ категорій. Такимъ образомъ никто, какого бы ни былъ званія, не можетъ сѣсть въ высшій кругъ, если его отецъ или кто другой изъ родственниковъ старѣе его сидитъ въ томъ кругѣ, какъ бы то ни было далеко. Если же онъ сидитъ когда входитъ отецъ, то сынъ тотчасъ долженъ удалиться въ низшій кругъ.

Когда все находится на мѣстахъ, одинъ изъ церемоніймейстеровъ зоветъ слугу, который входитъ въ средину круга. По данному ему приказанію, онъ приноситъ назначенное количество кавы и кладетъ къ ногамъ председателя; потомъ по другому знаку передаетъ каву приготовителю. Тогда начинается работа послѣднего: онъ разламываетъ каву на мелкіе куски, очищаетъ его посредствомъ заостренныхъ раковинъ, и раздаетъ жевателямъ. Совершенное молчаніе, царствовавшее до этого времени, прерывается; лишь только операторъ вручитъ своимъ сосѣдямъ нѣсколько кусковъ кава, со всехъ сторонъ раздаются восклицанія: *май ма кава! май, май ма кава! май э кава!* (дай мнѣ кава! дай мнѣ кава!) Для занятія, о которомъ мы говоримъ, выбираются лучшіе въ племѣ обществу членовъ: зубы самые здоровые и молодые. Кава жуетъ разомъ племою этой толпою и откладывается въ банановыя листья, откуда бросаютъ корень въ общую чашу. По окончаніи этой работы глубочайшая тишина снова воцаряется.

Тогда операторъ наклоняетъ нѣсколько чашу и показываетъ ее председателю; говоря: *коэ кава, гени гуа ма* (вотъ изжеванный кава); если тотъ найдетъ количество достаточнымъ, то отвѣчаетъ: *палу* (мѣнай). Два помощника тотчасъ присоединяются къ оператору: одинъ наливаетъ воды, другой отгоняетъ мухъ. Мата-булей, сидящій подлѣ

президента въ должности церемоніймейстера, командуетъ при работѣ, точно какъ командуютъ солдатамъ для заряжанія ружей въ двѣнадцать темповъ: *лингви авай!* (лей воды); *мау э вай* (довольно воды); *палу гуэрэ татау, беа фака мау!* (мѣнай вездѣ ровно и разомъ). Все эти приказанія исполняются. Наконецъ, когда вода довольно настоялась, мата-булей говоритъ: *ай э фу* (клади въ фу). Фу, сѣтка, о которой мы говорили; она дѣлается изъ волокистой коры гибискуса. Ее приносятъ въ такомъ количествѣ, чтобы покрыть весь настой, надъ которымъ она плавать. Тогда начинается самая трудная работа, которая должна прославить или покрыть стыдомъ оператора; все количество кава должно быть собрано въ сѣтку, и потомъ изъ нее должна быть выжата вся жидкость въ чашу. Сила, ловкость, пріемы оператора, обращаютъ на себя вниманіе всехъ присутствующихъ. Все замѣчаютъ малѣйшія его движенія, принимая безпокойное участіе въ его работѣ.

Наконецъ кава готова, и волокистые остатки корня выброшены вонъ; наскоро дѣлаются стаканы изъ банановыхъ листьевъ; операторъ произноситъ: *гуа маэ кава мен* (кава готова). Мата-булей отвѣчаетъ: *фака-тау* (наливай). Тогда нѣсколько человекъ выходятъ изъ низшаго круга съ множествомъ стакановъ. Операторъ опускаетъ въ жидкость кусокъ фу, завернутого въ связку, и это служитъ ему вмѣсто губки, изъ которой онъ выжимаетъ потомъ жидкость въ стаканы. Всякая порція равняется почти трети пииты. Слуга кричитъ: *кава гуа-гека* (кава налить). Мата-булей отвѣчаетъ: *ан-гуи ма* (подай тому то....), называя по имени старѣйшаго вождя, и слуга подходитъ къ означенному лицу со стаканомъ; то же повторяется для всехъ другихъ.

За этимъ важнымъ церемоніальномъ наблюдаетъ мата-булей; обыкновенно начальникъ и председатель круга получаетъ первый или третій стаканъ, чаще третій, потому что первый посылается отъ мата-булея его собрату, сидящему по другой сторонѣ вождя. Это правило имѣетъ впрочемъ свои исключенія. Иногда пріѣзжій вождь, или посылитель изъ сосѣдняго острова, получаютъ первый стаканъ. Въ обыкновенномъ кава, тотъ, кто подаетъ корни, хотя и младше другихъ вождей, получаетъ прежде всехъ свою порцію. Но всегда почти председатель по-

лучаетъ первый или третій стаканъ, а товарищъ мата-булея распорядителя—второй или четвертый. Потомъ стаканы подаются по старшинству.

Въ большіе каба, гдѣ заѣдастъ нѣсколь-ко сотъ почетныхъ лицъ, не считая народа, который толпится кругомъ, нѣтъ возможности, чтобы каждый получилъ порцію; тогда угощаютъ только особъ высшаго круга и ихъ родственниковъ, сидящихъ въ низшемъ кругу, соблюдая по возможности чинъпочта-ніе. По осушеніи перваго сосуда председатель приказываетъ иногда подать другой, третій, даже четвертый. Тотъ же церемоніяль соблюдается каждый разъ. Были примѣры, что вожди высшаго круга сами подавали корни, замѣняя такимъ образомъ амфитріона. Но никогда старшій вождь не принимаетъ участія въ каба младшаго, и, если даже это случится, младшій выходитъ изъ круга и предоставляетъ председательство старшему. Въ религіозныхъ каба соблюдаются тѣ же обряды, съ тою только разницею, что тамъ пред-сѣдаетъ жрецъ, и всѣ хранятъ глубокое мол-чаніе.

Маленькій не столь важный каба, кото-рымъ насъ угостили начальникъ Гифо, далъ намъ понятіе объ этихъ обрядахъ. Въ этотъ же день еще другое зрѣлище ожидало насъ: едва окончился каба, два служителя съ тор-жественною важною представили вождю живую свинью. Гата пропелъ нѣ-сколько словъ; они немедленно отправились готовить свинью для нашего угощенія. Я нѣсколько разъ слышалъ отлич-ныя похвалы поваренному искусству остро-витянъ, и не могъ упустить случая удосто-вѣриться въ этомъ собственнымъ наблюде-ніемъ. Пендлетонъ вызвался мнѣ сопутство-вать, и самъ Гата повелъ насъ.

По убіеніи животнаго, его натерли сокомъ банановаго отрубка, потомъ обдали пламе-немъ горящихъ камышей, обрили острыми раковинами и обмыли. Послѣ этихъ приго-товленій сдѣлали круглое отверстіе въ ниж-ней части брюха и вынули кишки, желу-докъ и печень. Чтобы ни какаля нечистота не попала въ тѣло животнаго изъ его внут-ренности, были взяты всѣ предосторожно-сти; связали даже заднепроходную кишку. Изъ трехъ предметовъ, вынутыхъ изъ жи-вотнаго, только печень была обмыта и вло-жена назадъ; желудокъ и кишки должны бы-

ли изжариться отдельно на горячихъ угляхъ (Рис. VI. ф. 2.).

Между тѣмъ вытопили печь, которая была не что иное, какъ кругообразная яма, выры-тая въ землѣ, глубиною въ два фута. Часть ея наполняется камнями, которые сохра-няютъ въ ней жаръ; потомъ зажигается боль-шой огонь. Когда камни достаточно раска-лятся выбираютъ вонъ головы, оставляя только угли и золу, окружаютъ ихъ смо-ченными вѣтвями, и покрываютъ слоемъ зеленыхъ листьевъ. Животное начиняется внутри раскаленными камнями, окуты-вается листьями хлѣбнаго дерева, сдѣлан-ныя въ немъ отверстія затыкаются проб-ками изъ листьевъ; наконецъ оно кладет-ся въ печь, окруженное со всѣхъ сто-ронъ банановыми листьями; возлѣ кладутъ печень, мясо и картофель, которые должны быть испечены вмѣстѣ съ нимъ. Все это по-крывается достаточнымъ слоемъ земли, что-бы не испарилось. Такимъ образомъ свинья средней величины выпечена въ часъ вре-мени; если животное слишкомъ велико, его рѣжутъ на части.

Когда свинья была готова, слуги подали ее съ большимъ церемоніяломъ въ домъ Га-та. Сѣли за столъ: островитяне сложи ноги, мы на сумки, которыя взяли съ собою. Ис-печенная такимъ образомъ свинья была по истиннѣ превосходнымъ блюдомъ. Отъ ка-чества ли мяса, или отъ способа пригото-вленія, она показалась намъ несравненно вкуснѣ Европейскаго кушанья этого рода. Она не такъ жирна, не такъ тяжела для же-лудка и гораздо нѣжнѣе. Можетъ быть, это-му много способствуютъ листья банановаго и хлѣбнаго дерева.

Послѣ обѣда занялись дѣлами. Пендле-тонъ долженъ былъ условиться съ Гата на счетъ обѣщанныхъ ему лоцмановъ; онъ хотѣлъ также отобрать нѣкоторые коммерче-скія свѣдѣнія, весьма для него важныя, но вовсе не занимательныя для меня. Я оста-вилъ его съ вождемъ и съ переводчикомъ Синглетономъ, а самъ отправился съ дру-гимъ Англичаниномъ осмотрѣть окрестно-сти. Мы углубились подъ свѣжіе и темные своды ближнихъ лѣсовъ, гдѣ каждое изъ этихъ необыкновенно красивыхъ деревьевъ возбуж-дало наше удивленіе. Здѣсь возвышалось банановое дерево, изящное въ своихъ фор-махъ и доставляющее островитянамъ мно-жество предметовъ: превосходный плодъ,

большія столовыя салфетки, стаканы для чаю и для умыванія послѣ пиршествъ; наконецъ прозрачную воду, которая вытекаетъ изъ открытыхъ его жилъ; далѣе росли: папан, дерево съ плодами ароматическими и яркими цвѣтомъ; латаны, изъ котораго дѣлаютъ опахала для вождей; вакуа, простой и сложный, соединяющій сто деревъ въ одномъ деревѣ; слабый и полезный гибискусъ, изъ клейкой коры котораго дѣлаютъ хорошую ткань; красивые папоротники извѣстно разбрасывались по этому прозябанію; какъ гордые вожди поднимались легкія и смѣлыя кокосовыя деревья, то прямыя, то слегка согбенныя, благодѣтельныя для этихъ острововъ; годныя на все, дающія двадцать разныхъ предметовъ для употребленія жителей: орѣхи или молоко для пищи или для питья; масло для туалета, строевой лѣсъ, солому для крышъ, веревки для байдаръ и пр.

Мѣстами, среди лѣсовъ показывались часовни, посвященныя духамъ, окруженныя правильными рядами деревъ; молебни, содержимыя весьма хорошо, и еще чаще файтока, надгробные памятники, особенно почитаемые здѣсь. Въ Гифо эти памятники не столь огромны и великолѣпны, какъ въ Муа. Въмѣсто огромныхъ камней, наставленныхъ правильными рядами, мы видѣли только холмики, покрытые дерномъ, съ небольшимъ сараемъ на вершинѣ, гдѣ обитаетъ духъ (Рис. VII. ф. 1). Деревья, осыпаяющія эти гробницы, обыкновенно казуаринны, столь же священныя, какъ и самыя гробницы. На нихъ вѣтвяхъ сидятъ сотнями огромныя чеканчики. Сцѣпляясь когтями, эти животныя располагаются одно надъ другимъ, такъ, что ихъ примешь за черныя и продолговатыя кисти плодовъ, висящія на вѣтвяхъ. Путешественникъ легко обманется; но стоитъ только бросить камень на дерево, чтобы полнѣе явленіе: цѣлая туча чудовищныхъ летучихъ мышей съ крикомъ улетаетъ, потомъ отвратительныя животныя возвращаются одно за другимъ и сцѣпляются по прежнему на вѣтвяхъ. Кромѣ этихъ летучихъ мышей, довольно безобразныхъ, мы видѣли въ здѣшнихъ лѣсахъ прекрасныхъ горлицъ, съ зелеными перьями и пунцовою головою, блестящихъ зимородковъ, переливчатыхъ разноцвѣтныхъ попугайчиковъ, паракитокъ и красивыхъ филедоновъ.

Вечеръ наступалъ; Пендлетонъ распростился съ Гата и мы отправились къ лодкѣ.

На взморьѣ Синглетонъ указалъ капитану на просторныя и правильныя ямы среди коралловъ. «Отсюда», говорилъ онъ, «взяли островитяне огромныя камни для своихъ построекъ въ Муа. Нѣкоторые изъ этихъ камней имѣютъ двѣнадцать футъ длины, при соразмѣрной толщинѣ. Ихъ извлекали при пониженіи воды, потомъ ставили на деревянные катки и толкали въ море сколько можно было далѣе; когда вода поднималась, приходили байдары для нагруженія. Иногда впрочемъ эти камни доставлялись изъ другихъ мѣстъ, гораздо отдаленнѣйшихъ, съ острововъ Гапайскихъ или изъ Вавао.»

Благодаря искусству нашихъ гребцовъ, мы въ этотъ разъ не были принуждены ходить по самому полю въ водѣ. Вскоръ мы свободно плыли среди рыбацкихъ байдаръ, изъ которыхъ одни шли подъ парусами, другія на веслахъ. Многія изъ нихъ держались довольно близко отъ насъ, будто наши сторожевыя шлюбки. Экипажи плыли и стройно ударяли веслами въ воду: пѣсня была рифмованная, пріятная, распѣвалась медленно, ее легко можно было разслушать. Я тогда же записалъ ее, но послѣ мнѣ не удалось узнать ея смыслъ. Англичане, которые совершенно владѣли Тонгайскимъ языкомъ, сказывали, что эта пѣсня состояла изъ словъ непереводимыхъ, что встрѣчается въ каждомъ языкѣ:

*Иго коіа
Оту гуай мабуна;
Ан-ги-га-ге,
Оту гуай таффе.*

Часть гребцовъ плыла первый стихъ: *Иго коіа*, другіе отвѣчали: *Оту гуай мабуна*; первые плыли опять *Ан-ги-га-ге*, вторые оканчивали стихомъ: *Оту гуай таффе*. Такимъ образомъ они чередовались по цѣлымъ часамъ, по цѣлымъ днямъ.

Это пѣніе сопровождало насъ до самаго корабля. На кораблѣ все было благополучно. Палу съ Филиппомъ свели тѣсную дружбу; они для препровожденія времени осушили по бутылкѣ рому, и выкурили нѣсколько трубокъ. Мыны продолжались между экипажемъ и островитянами безъ всякой непріятности; люди, ввущенные на корабль, вели себя весьма скромно. Не было ни какого повода къ ссорѣ, и мы не могли имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія измѣны, чтобы принять новыя мѣры предосторожности. Пен-

длетонъ, хотя и усюкошенный, рѣшился однако же на другой день остаться самъ на шлюпѣ. И одинъ поѣхалъ въ Ниуку-лафа, настоящее мѣстопребываніе вождя Тубо, принявшаго Христіанскую вѣру. Это мѣсто прославилось въ войпахъ Тонга-табу и почиталось священнымъ, но иначе нежели Мафанга.

Ниуку-лафа отстоитъ на двѣ мили отъ рейда Пангай-моду; чрезъ полчаса я былъ тамъ вмѣстѣ съ Синглетонъ, моимъ необходимымъ проводникомъ. Лишь только мы вышли на берегъ, онъ повелъ меня къ двумъ байдарамъ, встаннымъ на прибрежье подъ навѣсами. Онъ были самыхъ колоссальныхъ размѣровъ: одна имѣла въ длину 86 футъ съ платформою въ 41 футъ въ длину и 18 въ ширину. Въ ней могло помѣститься до двухъ сотъ человѣкъ. Другая была только футомъ короче. Обѣ казались стары, изгнившія; онѣ были не способны къ плаванію. Ихъ хранили какъ образцы, какъ благоговѣйныя воспоминанія старины. Островитяне рассказывали чудеса о подвигахъ этихъ двухъ судовъ, о ихъ быстротѣ на ходу и крѣпости въ битвахъ. Байдары меньшаго размѣра, формъ болѣе легкихъ и по виду болѣе ловкія, были побѣждены этими старухами. Теперь уже болѣе не строятъ подобныхъ, самыя большія байдары имѣютъ не болѣе 60 футъ въ длину.

По тропинкамъ, по сторонамъ которыхъ росли великолѣпныя деревья, мы пошли въ церковь этого округа, небольшое зданіе, содержимое опрятно и построенное по образцу Тантскихъ церквей. Оно дѣйствительно было построено двумя Тайтійцами, по имени Тафета и Гапа, и женщиною Тан: только эти три проповѣдника могли предпринять съ успѣхомъ дѣло, въ которомъ многіе миссіонеры не успѣли. Это было въ 1826 году; они оставили свое отечество, чтобы отираться въ Вити, и только проездомъ были въ Тонга-табу. Но здѣсь Тубо такъ хорошо принялъ ихъ, такъ убѣждалъ ихъ остаться при немъ, показалъ такое усердіе къ Христіанству, что они рѣшились отказаться отъ своего намеренія и поселились въ Ниуку-лафа. Они были счастливы въ проповѣдываніи: почти всѣ родственники вождя, его друзья и часть подданныхъ обратились въ Христіанство; можно было думать, что весь островъ послѣдуетъ ихъ примѣру. Ничего не бывало. Миссіонеры Томасъ и Гут-

чинсонъ не имѣли успѣха, какъ мы видѣли, въ Гифо, и Тубо обращеніемъ своимъ потерялъ часть своего вліянія на страну. Впрочемъ не задолго до насъ метрополія послала вспоможеніе въ Тонга-табу: Гг. Тарниеръ, Уаткинсъ и Унъ прибыли въ Ниуку-лафа и съ помощію эгуи Тубо хотѣли распространить въ странѣ свѣтъ Христіанства. Синглетонъ, рассказавшій мнѣ все эти подробности, повелъ меня къ жилищу этихъ пастырей. Мы не застали никого: они поѣхали навѣстить Пендлетона, вмѣстѣ съ своимъ неразлучнымъ Тубо.

Ничто не удерживало меня болѣе въ Ниуку-лафа, между тѣмъ было рано. «Пойдемте въ Мафанга,»—сказалъ мнѣ Синглетонъ; «это мѣсто священное для идолопоклонниковъ, уважается даже тогда когда кипитъ междоусобная война.» Мы отправились, проходя подъ сводами густой зелени; Тонга-табу представляетъ видъ безконечнаго сада, почти однообразно ровный, съ площадкою посреди, составленною изъ растительныхъ веществъ, медленно скопившихся на коралловомъ основаніи. Чѣмъ ближе мы подходили къ Мафангѣ, тѣмъ болѣе великолѣпія и богатства замѣчали въ домахъ, въ садахъ, въ часовняхъ и въ малыхъ. То была священная полоса острова; мѣсто табу въ высшей степени; здѣсь находились наиболѣе уважаемые храмы, самыя благородныя фай-тока, самыя знаменитыя гробницы. На этой землѣ всякая вражда прекращалась; непримиримые враги должны были взаимно уважать другъ друга: пролить кровь въ Мафангѣ, значило-осквернить цѣлый островъ. Синглетонъ, объяснилъ мнѣ это, рассказывалъ гораздо занимательнѣйшимъ образомъ, нежели я то дѣлаю, привилегіи мѣста, по которому мы шли, потомъ прибавлялъ: Вы, сударь, Французъ; да будетъ же вамъ извѣстно, что одинъ Французскій капитанъ осмѣлился стрѣлять изъ пушекъ по этому мѣсту, и былъ, ей богу, правъ. Безъ его рѣшимости, шесть матросовъ корвета остались бы на вѣчно въ Тонга-табу, гдѣ ихъ задержалъ вѣроломный Тагофа. Нѣсколько негодяевъ съ корабля подали ему мысль къ этому поступку: экипажъ одной шлюбки былъ схваченъ; одинъ изъ людей, посланныхъ для отысканія гребцовъ, былъ убитъ..... О! тогда надо было видѣть командира *Астролябии*! Онъ поставилъ свой корветъ здѣсь, на одинъ кабельтовъ отъ коралловыхъ мелей, съ ежем-

нудною опасностію наскочить на нихъ, и сталъ стрѣлять по священному мѣсту, по Мафангъ, окруженной палисадомъ и рвомъ; онъ оставался пять дней въ этомъ гибельномъ положеніи, пока не возвратили людей. Капитанъ Дюрвилъ въ этомъ случаѣ поступилъ весьма хорошо; мысль его стрѣлять по Мафангъ была особенно счастлива; то было, можетъ быть, единственное средство образумить цѣлый островъ. Тагофа хотѣлъ наслѣдовать на своемъ; но другіе вожди не согласились. Не много народу было убито пушками, три или четыре человѣка; но ядра разрушали фай-токаи и часовни *готуаевъ* (боговъ). Жители, во что бы то ни стало, должны были остановить подобное оскверненіе святилищъ.»

Четыре года прошло съ того времени, а еще были видны на нашей дорогѣ слѣды этой войны: кокосовыя деревья, перерезанныя или разщепленныя ядрами, и кровли, пробитыя насквозь, свидѣтельствовали о мщеніи *Астролябии*.

Разговаривая съ моимъ проводникомъ, я дошелъ до жилища храбраго Фака-фануа, верховнаго стража и правителя священнаго мѣста. Старикъ пріялъ насъ весьма радушно; онъ самъ повелъ меня въ часовни *готуаевъ*, и особенно хотѣлъ, чтобы я осмотрѣлъ внимательнѣе моельню Тун-фака-тун, которую онъ, кажется, чрезвычайно уважалъ. Можетъ быть, въ ней пребывалъ его семейный богъ, или великій богъ, заступникъ Мафанги.

Всѣ эти часовни, моельни, Фай-токаи имѣли тотъ же характеръ, какъ зданія этого рода въ Гифо. Они однако же были великолѣпнѣе и въ большемъ размѣрѣ, сообразно со святостию мѣста. Дома, сады, огороды, были также опрятнѣе на видѣ. Я входилъ въ нѣкоторые жилища и видѣлъ въ нихъ только куски тканей, веревки и сосуды, которые показались мнѣ обтѣлованными приношеніями. Въ одномъ изъ этихъ домовъ я видѣлъ нѣсколько человѣческихъ почесныхъ изваяній, грубо вырѣзанныхъ изъ дерева. Я ихъ взялъ въ руки, и Фака-фануа нѣсколько тому не противился, что заставило меня думать, что они не имѣли ни какого религіознаго значенія.

Мы пришли на малай или публичную площадь Мафанги (Рис. VII. ф. 2), обсаженную прекрасными деревьями, подъ которыми въ большіе праздники собирается все народо-

населеніе Тонга-табу. Когда *Астролябия* стрѣляла по Мафангъ, на этомъ малаѣ была главная квартира Тагофы: лучшіе его воины расположились подъ чудовищнымъ фиговымъ деревомъ, но первое ядро съ корабля сорвало огромную вѣтвь и воины съ крикомъ разбѣжались.

Осмотрѣвъ Мафангу я распростился съ Фака-фануа, отблагодаривъ его за вниманіе нѣсколькими бездѣлками, и послѣдовалъ за Синглетономъ, который хотѣлъ еще показать мнѣ деревню Нугу-нугу, мѣстопребываніе старухи Тун-тонга-фафини. То же прозвѣщеніе, тѣ же своды зелени представились и на этой дорогѣ. Въ самой гущѣ лѣса Синглетонъ остановился сказать мнѣ: «Здѣсь былъ убитъ Французъ съ корвета *Астролябии*, о которомъ я говорилъ вамъ; согласитесь, что дѣло было не совсѣмъ благоразумно; девятнадцать человѣкъ должны ли были углубляться въ подобную глушь, гдѣ могли стеречь ихъ человѣкъ 500 въ засадѣ! Если бы островитяне были немножко проворнѣе, они перебили бы тогда многихъ изъ вашихъ соотечественниковъ.»

Деревня Нугу-нугу также сохраняла воспоминанія *Астролябии*. Французы сожгли ее въ отмщеніе за обиду. Съ того времени она обновлена и перестроена: видъ ея обнаруживалъ особенное благосостояніе. Безъ сомнѣнія, пребываніе старой Тунтонга-фафини способствовало этому. Отъ времени до времени хитрый Тагофа навѣщалъ эту женщину, единственную наслѣдницу духовной власти Тун-тонгаевъ. Онъ успѣлъ даже склонить ее усыновить его сына, дитя семи или восьми лѣтъ, чтобы впослѣдствіи передать своему роду власть Тун-тонгаевъ.

Когда Синглетонъ повелъ меня къ старухѣ, дитя было при ней; я увидѣлъ мальчика хорошенкаго собою и одѣтаго въ кусокъ полотна, съ обнаженными плечами, безъ другаго убора, кромѣ ожерелья изъ голубыхъ стеколъ, съ бритою головою, по обычаю тонгаевъ, и съ висящими по сторонамъ ея завитыми волосами, которые лоснились отъ кокосоваго масла (Рис. VIII. ф. 2). Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня вошелъ Тагофа. Физиономія моего пріятеля была не такъ благосклонна, какъ въ тотъ день, когда мы прощались съ нимъ именами. Онъ вошелъ съ многими мата-булеями, едва посмотрѣвъ на меня, подошелъ прямо къ своему сыну, распростерся предъ нимъ ницъ, взявъ ногу

дитяти, поставилъ ее себѣ на затылокъ; и нѣсколько минутъ оставался въ этомъ положеніи. Таковъ обрядъ *моэ-моэ*, или цѣмова-ніе ноги, почестъ, воздаваемая только Тун-тонгаю. Когда эгун окончилъ его, мата-бу-лен последовали его примѣру, и долго безпокоили дитя своимъ почтеніемъ.

Но того требовала политика Тагофы; онъ первый подчинился обряду, чтобы освятить его въ глазахъ другихъ. Тагофа, Наполеонъ своего острова, могущественнѣйшій воинъ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, подчинился этому смѣшному и унижительному обряду, зналъ, что подобныя продѣлки имѣютъ великое вліяніе на чернь, и служатъ важнѣйшими инстинтутами. Всѣ должны были подражать ему, за исключеніемъ одной только Тун-тонга-фаины, которая усыновила дитя и была, по званію своему, старше его. Настоящая мать, дочь Палу и супруга Тагофы, тоже должна была поклоняться своему ребенку. Она вошла нѣсколько послѣ своего мужа и охотно исполнила обрядъ. Она была весьма не дурна собою; волосы лоснились отъ кокосоваго масла; плеча, грудь до пояса, были обнажены; ниже она была обвѣзана широкимъ передникомъ. (Рис. VIII. ф. 1).

Намѣреніе Тагофа было очевидно; онъ хотѣлъ замѣнить въ своемъ отечествѣ республиканскій федерализмъ духовнымъ самодержавіемъ; онъ хотѣлъ возстановить Тун-тонга, котораго власть могла бы обуздывать мелкія притязанія вождей и возвратить единство правительству, утратившему его. Дитя, Тун-тонга-фаина, мата-булен, жена, воины, въ глазахъ Тагофа были только орудія, съ помощію которыхъ онъ шелъ къ своей цѣли, мѣленно, но прямо и вѣрно. Онъ все рассчиталъ, все предусмотрѣлъ. Чтобы обезоружить Палу, самаго сильнаго изъ своихъ соперниковъ, онъ женился на его дочери: съ того времени ихъ частныя выгоды стали общими. Глупый Гавака и робкій Тубо не имѣли средствъ противиться. Одинъ только Гата, начальникъ Гифо, храбрый воинъ и искусный политикъ, могъ противустать; но онъ царствовалъ на другомъ концѣ острова, спокойный, довольный тѣмъ, что самъ былъ независимъ и не простиралъ взоровъ далѣе своего округа; къ тому же онъ былъ слишкомъ старъ, и желалъ только, чтобы все оставалось по прежнему. Тагофа все это понималъ, и потому не спѣшилъ; что же

касается до другихъ вождей, то они не имѣли ни какого вліянія.

Такимъ образомъ должно надѣяться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ молодой Тагофа, благодаря постояннымъ успѣхамъ своего отца, пріобрѣтетъ высокое званіе Тун-тонга, съ которымъ соединено столько привилегій. Ничто, кажется, не можетъ противиться этому ходу дѣлъ, развѣ только постепенное распространеніе Христіанства; когда Тонга обратится въ Христіанскую вѣру, какъ обратился Таити, тогда званіе великаго жреца, обрядъ *моэ-моэ*, часовни и пышнѣе политическое образованіе страны, все исчезнетъ, все измѣнится, все приметъ другое направленіе, другой видъ. Это возвышеніе своего семейства, замышленное Тагофой, медленно имъ пріуготовленное, замѣнится тогда полудикимъ, полухристіанскимъ образомъ правленія, владычествующимъ въ архипелагахъ восточной Полинезіи. Тагофа опасается этого переворота и силится предупредить его; онъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ преслѣдователемъ новой вѣры; онъ не принимаетъ ни какихъ предложеній миссіонеровъ, и если бы смѣлъ, то преслѣдовалъ бы ихъ открыто. Впрочемъ, если Тонгайскіе проповѣдники понимаютъ настоящимъ образомъ свое положеніе относительно этого вожда, то они должны скорѣе всего обратиться къ честолюбивому инстинкту Тагофы: этимъ только можно склонить его; по расчету, онъ приметъ Христіанскую вѣру, по убѣжденію—ни когда.

Такъ прошелъ этотъ день. Вода понижалась; я шелъ въ водѣ по колѣна на островъ Онеата; оттуда перешелъ на Манима; наконецъ на Пангай-моду, куда пріѣхала за мною шлюбка. Мы обѣдали на корветѣ, съ Синглетономъ, моимъ проводникомъ и товарищемъ.

Пендѣстонъ былъ въ большихъ хлопотахъ во время моего отсутствія. Весь день онъ былъ занятъ визитомъ миссіонеровъ и приготовленіемъ чрезвычайнаго пира для его *офал* или пріятеля, Палу. Эгунъ былъ въ такомъ восторгѣ, что на другой день хотѣлъ отплатить тѣмъ же. Я былъ приглашенъ; онъ обѣщалъ намъ всѣхъ родовъ удовольствій и увеселеній. Лейтенантъ Рембовъ долженъ былъ ѣхать съ нами; но Филиппу надо было оставаться на кораблѣ. Пендѣстонъ все боялся еще измѣны. Палу вызвался насъ угощать, и потому на мѣсто его долженъ былъ

поступить въ свою очередь заложникомъ Та-гоа.

Въ девятомъ часу утра мы отправились въ Муа на катеръ. Обогнавъ Папгай-моду съ сѣверной стороны, мы вошли въ про-странный заливъ, которымъ раздвоенъ сѣ-верный берегъ Тонга-табу. Мы наслажда-лись спокойнымъ и пріятнымъ плаваніемъ въ этомъ баеесинѣ, усаженномъ зелеными ост-ровами и обтннутомъ полосою кокосовыхъ деревь. Катеръ присталъ къ дому, гдѣ долго жилъ миссіонеръ Доури, но близости огром-наго фиговаго дерева, подѣ навѣсомъ кото-раго укрывались байдары и Англійская шлюб-ка, принадлежащая Палу (Рис. VIII ф. 3).

Палу принялъ насъ важно у дверей своего дома, окруженный своими мута-булеями. Тотчасъ подали неизбежный кава; потомъ мы были свободны до пиршества. «Пойдемъ смотреть фан-тока,» сказалъ мнѣ Пендле-тонъ; «здѣшніе почитаются лучшими на островѣ.» Синглетонъ повелъ насъ. Первый фан-тока, видѣнный нами, принадлежалъ славному Финау, о которомъ упоминается въ повѣствованіяхъ Кука. Это прямоуголь-ный памятникъ изъ камней, сложенныхъ планими и окруженныхъ дерномъ; посреди его видѣлись развалины часовни. Другой фан-тока служилъ семейнымъ мавзолеемъ, въ которомъ хранились остатки Тугу-Аго, бра-та его Тубо-малогги, и его сына Тубо-тоа; далѣе возвышался гробъ Тафоа, дѣда Мумуи, и его сестры Фучи-пала. Здѣсь была погре-бена вся знать: подѣ этими зданіями лежала вся исторія страны. Не смотря на то, что это мѣсто весьма тщательно содержится, прозябеніе съ каждымъ днемъ прокрады-вается на зданія; кустарники покрываютъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ гробахъ были статуйки изъ дерева, но какъ я уже замѣтилъ, имъ не оказывали ни какого особеннаго почтенія.

Далѣе мы видѣли фан-тока фата-фаіевъ, древнихъ духовныхъ владыкъ острова. Пре-жде они содержались весьма хорошо, были обсажены прекрасными деревьями и покры-ты лучшимъ дерномъ, но запущены съ того времени, какъ Тун-тонга оставилъ Тонга-та-бу. Все дома, окружавшіе гробы, пришли въ ветхость, а сады заросли дикою травой и кустами. Нѣкоторые памятники совершенно покрылись хворостомъ, другіе едва замѣт-ны; нельзя разсмотрѣть настоящей формы ихъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые лучше сохра-нились, представляетъ еще прямоугольную

постройку изъ камней въ нѣсколько ярусовъ и оканчивается маленькою впадиною, гдѣ пребываетъ душа Тун-тонги (Рис. IX. ф. 1); камни, изъ которыхъ построено этогъ мо-гильный алтарь, имѣютъ до двадцати футъ въ длину и отъ шести до восьми въ ширину. Внутренность наполнена землею и камнями. Самые высокіе изъ этихъ памятниковъ имѣютъ пять рядовъ ступеней, и до двадца-ти футъ въ высоту. Я измѣрилъ одинъ фан-тока, составившій прямоугольникъ въ сто восемьдесятъ футъ въ длину и сто двадцать въ ширину. Выдолбленный камень на вер-шинѣ служилъ, говорятъ, престоломъ; на которомъ сидѣла Тун-тонга-фафина во вре-мя погребенія Тун-тонга. Иные гробы мень-шаго размѣра имѣли форму овальную или эллиптическую.

Эти огромныя постройки, для которыхъ бы-ли необходимы значительныя понятія въ ста-тикѣ, Механикѣ и Архитектурѣ, служатъ не-оспоримымъ свидѣтельствомъ весьма древ-няго образованія. Даже со времени построе-ній этихъ гробницъ, народы эти пришли въ упадокъ. Потеряли ли между ними вкусъ къ искусствамъ, погасъ ли религіозный энтузі-азмъ, послѣ отбытія отсюда духовныхъ главъ, все равно, но уже болѣе не строятся подоб-ныя фан-тока. Последний въ родѣ Финау перенесъ, говорятъ, въ Вавао, царскія гроб-ницы; въ слѣдствіе повелѣній его были воз-двигнуты два монумента, одинъ для умер-шаго Тун-тонга, другой для его отца. Но въ Тонга-табу уже миновало время этихъ пост-роекъ; самымъ знатнымъ вождямъ воздвига-ются нынѣ маленькіе курганы, или большіе прямоугольники изъ дерну, окруженные глыбами корала.

Послѣ прогулки мы возвратились въ домъ Палу. Пиръ былъ изготовленъ; вскорѣ всѣ усадились кругомъ стола; жареная свинья, какъ и всегда, служила основою обѣда; мы ѣли съ аппетитомъ, который всегда возбуж-дается утреннею прогулкою, употребляя вмѣсто хлѣба ямсъ и печеные бананы. Но Палу приготовилъ намъ особенный сюр-призъ: самый искусный поваръ былъ за-званъ и страдалъ обѣдъ, достойный Тун-тон-га. Все соусы, все приправы, извѣстныя островитянамъ, были поданы. Сперва *ван-уфи*, ямсъ, вареный и растертый въ моло-къ изъ кокосовыхъ орѣховъ; потомъ *ван-чи*, родъ желе изъ ма и сока корня *чи*; *бобои*, другое блюдо изъ тѣхъ же веществъ; потомъ

му-лон, му-эффену; листья таро; паренные и кипяченые съ сокомъ кокосоваго орѣха; тао-гуту, родъ пирога изъ корня магоа и кокосоваго орѣха; ве-гало, молодые кокосовые орѣхи, варенные въ своемъ молокѣ; наконецъ аутай, внутренность молодыхъ кокосовыхъ орѣховъ, и сокъ изъ корня чи, смѣшанные съ кокосовымъ молокомъ, и проч. и проч.

Всѣ эти блюда были поданы на банановыхъ листьяхъ. Каждый бралъ свою порцію и ѣлъ, не подчуя другихъ; слуги подавали ковши съ водою или съ кокосовымъ молокомъ. Чтобы лучше угостить насъ, Палу велѣлъ подать бутылку стараго рома, полученную вѣроятно въ подарокъ отъ какого нибудь Европейца; на этотъ напитокъ щедрость его не простиралась даже меня и Пендлетона.

Палу оставилъ насъ послѣ обѣда; по желанію Пендлетона, мы почили навѣстить Тамагу, сестру изгнаннаго Туи-тонга, которая впрочемъ почиталась въ числѣ первыхъ лицъ на островѣ. Она одна была представительницею благороднаго и могущественнаго семейства Фата-фан. Она именовалась Фака-кана, и обитала въ прекрасномъ домѣ на берегу моря, въ небольшой деревнѣ Палса-магу. Тамагу приняла насъ, окруженная женщинами и родственниками; ея физіономія имѣла выраженіе пріятное, благородное и радужное (Рис. IX. ф. 2). Ей было лѣтъ за шестьдесятъ; она видѣла всѣхъ мореплавателей посѣтившихъ эти берега; помнила Кука, Валлеса, Лаперуза, Блейя и д'Антркасто; за три года предъ тѣмъ ее навѣстили Дюрвилъ, который изъ сообщенныхъ ею любопытныхъ свѣдѣній узналъ, что Лаперузъ прежде крушенія въ Ваникоро, и нѣсколько дней спустя послѣ своего отправленія изъ Ботанибея, становился на якорь въ Намукъ; старуха подтвердила намъ это, присовокупивъ разсказъ о дракѣ Французовъ съ островитянами; она приписывала смерть Француза тому, что онъ поступилъ безчестно при мнимо-вой сдѣлкѣ съ островитянами; здѣсь всѣ этого мнѣнія.

Подлѣ Тамаги находились два ея младшіе брата и молодой человекъ, по имени Лату, сынъ старшей ея сестры. Онъ имѣлъ первенство надъ своими дядьями, которые должны были воздавать ему почестъ моз-моз, не смотря на то, что были старше его лѣтами.

На возвратномъ пути изъ дома Тамаги,

недалеко отъ Туи-тонгайскаго источника, мы видѣли чудовищное дерево, именуемое здѣсь меа и принадлежащее къ роду смоковницъ. Оно растетъ на самомъ берегу моря; часть его вѣтвей распростерта надъ нимъ, и тѣнь отъ нихъ ложится далеко по водѣ. Этотъ колоссальный меа составляетъ одинъ почти цѣлую рощу; онъ не такъ высокъ, но кажется составленнымъ изъ множества разныхъ стволовъ, постепенно соединенныхъ въ одно. Цѣльный ли онъ или составной, не имѣетъ не менѣе 100 футъ въ окружности, по измѣренію капитана Дюрвиля. Высота его около 120 футъ; одна изъ вѣтвей, нависшихъ надъ моремъ, имѣетъ въ окружности 18 футъ. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ, что стволъ его есть одно дерево (Рис. X. ф. 1).

Это дерево въ особенности посвящено Туи-тонгаю, и огромностию своего кажется достойно его обширной духовной власти. Послѣ своего вѣщанія, этотъ сановникъ садился подъ его тѣнь. Окруженный приближенными, онъ исполнялъ здѣсь предписанный обрядъ, между тѣмъ какъ Туи-тонга-фафина совершала очистительныя омовенія въ ближнемъ источникѣ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ женщинъ. Всякому другому было подъ смертною казнью запрещено умываться въ этомъ источникѣ. Теперь источникъ оскверненъ; его не охраняетъ болѣе Туи-тонга.

По возвращеніи въ деревню Муа, мы осмотрѣли дома, гдѣ группы женщинъ были заняты тканьемъ полотень. Однѣ искусно снимали кору съ молодыхъ тростей брусонецъ и счищали ее раковинами; другія гнули ее противъ природнаго уклона и обмакивали въ воду. Въ другомъ мѣстѣ ее растягивали на бревнѣ, которое служило станкомъ, и колотили небольшимъ молотомъ призматической формы, гладкимъ или съ нарѣзками. Отъ времени до времени полотно опять складывалось на станкѣ, чтобы снова колотить и растягивать его; потомъ, когда оно получало нужную тонкость и крѣпость, его сушили. Обыкновенная его длина пять или шесть футъ, ширина въ половину менѣе; но дѣлаютъ полотно гораздо большаго размѣра. Натуральный его цвѣтъ бѣлый; для лакированія и крашенія употребляютъ другія процессы. Его растягиваютъ на широкую доску, покрытую слоемъ весьма плотныхъ жилистыхъ веществъ. Работница опускаетъ тряпку въ

краску изъ коры кока, и проводить ее по полотну, которое отъ того получаетъ темный и блестящій цвѣтъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока весь кусокъ будетъ окрашенъ: обыкновенно оставляются каймы на двухъ сторонахъ, и другія, шире, на двухъ концахъ, неокрашенныя. Для полученія чернаго цвѣта мѣшаютъ съ сокомъ кока сажу, добываемую изъ маслянистаго орѣха *mutuui* (*aleurites triloba*). Подобныя ткани и по цвѣту и по прочности несравненно превосходятъ Таитійскія. Англичане во время путешествій Кука брали ихъ для мѣтровой торговли съ другими островами Полинезій.

Я ходилъ изъ дому въ домъ, чтобы подсмотреть нравы этого народа, его обычаи, домашнюю жизнь и промышленность. Вездѣ меня поражали какія нибудь особенности; здѣсь, мать брала голову своему ребенку зубомъ акулы такъ же хорошо, какъ Азіатскій брадобрей своею бритвою; тамъ, семейство сидѣло за своимъ кава; тутъ вели войну съ крысами, или изготовляли стги для рыбной ловли; вездѣ явленія были любопытны и достопримѣчательны. Вообще женщины показались мнѣ скромнѣе и честнѣе, нежели на другихъ посѣщенныхъ мною архипелагахъ. Безъ сомнѣнія, онѣ бы не устояли предъ искушеніемъ подарка Европейскою вещицею, но по крайней мѣрѣ не приступали къ мужчинамъ сами. Къ тому же насильственный страхъ удерживалъ ихъ; онѣ по опыту знали, какой гибельный ядъ принесли съ собою Европейскіе моряки въ Полинезію; онѣ не доверяли уже имъ и пугались страшныхъ послѣдствій связи.

Путешественники справедливо замѣтили, что жители этихъ острововъ почти все лишены одного или двухъ составовъ на мизинцѣ. Операция эта, весьма обыкновенная здѣсь, называется *муту-нима*. Она совершается по случаю болѣзни близкаго родственника: его утипаютъ гниль божества и даруютъ исцѣленіе. Я былъ свидѣтелемъ подобнаго жертвоприношенія, въ домѣ, гдѣ лежалъ больной. Дѣти кругомъ плакали; дѣвушка лѣтъ семи подозвала къ себѣ молодаго чело-вѣка, который стоялъ недалеко съ топоромъ въ рукѣ; она хотѣла отрубить себѣ составъ палеца, чтобы спасти жизнь отца. Операторъ положилъ ся руку на колоду и однимъ ударомъ отсѣкъ первый составъ. Дитя даже не закричало; но чтобы остановить кровь, приставилъ палецъ къ ларамъ какой-то за-

женной травы. Обыкновенно раны заживаютъ этимъ способомъ въ два дня.

Подобныя жертвоприношенія могутъ возобновляться каждый разъ въ тяжкую болѣзнь близкаго родственника. После двухъ первыхъ составовъ мизинца можно жертвовать суставами слѣдующихъ пальцевъ. Это вещь самая обыкновенная между островитянами: они терпятъ по одному свои составы, безъ всякой жалобы. Когда у нихъ еще не было стали, они употребляли для совершенія этой операціи камень или заостренную раковину.

Далѣе на Муайскомъ малѣ я видѣлъ двухъ эгуевъ, которые съ жаромъ играли въ *леагви*, любимое развлеченіе бождей; важный Палу былъ страстнымъ охотникомъ до этой игры. Когда мы его держали заложникомъ на кораблѣ, онъ съ утра до вечера сражался съ своимъ мата-булсемъ; два игрока становятся одинъ противъ другаго, каждый съ тремя деревянными брусочками въ рукѣ. Начинаящій дѣлаетъ свободною рукою одно изъ трехъ слѣдующихъ движеній: поднимаетъ руку открытую или сжавъ кулакъ, или наконецъ сжавъ, но вытянувъ указательный палецъ. Другой долженъ тотчасъ же повторить то движеніе. Если ошибется, онъ терлетъ одну ставку; если не ошибется, то начинаетъ въ свою очередь. При каждой проигранной ставкѣ онъ отдаетъ выигравшему одинъ брусочекъ. Все пять брусочковъ составляютъ партію. Иногда *леагви* играется въ четверомъ; тогда становится точно такъ, какъ садятся въ вистъ. Эта игра напоминаетъ *мурру* Испанитанцевъ и жителей Прованса.

Впрочемъ не одно это сходство встрѣчается въ обычаяхъ Тонгайцевъ и жителей южной Франціи. *Фапа-калай* есть родъ охоты съ ручными птицами, привязанными за ногу. Тонгайскій охотникъ становится съ своимъ живымъ оружіемъ подъ искусственнымъ навѣсомъ изъ вѣтвей, сквозь которыя онъ засматриваетъ прилетающихъ птицъ; надъ нимъ, на вѣтвяхъ, привязанъ самецъ птицы *калай*, которая есть родъ канкромы. Она шумно бьетъ крыльями, а самка въ клѣткѣ, стоящей въ вѣтвяхъ, отвѣчаетъ. На знакомые звуки прилетаютъ другіе калаи, и охотникъ убиваетъ ихъ изъ лука или изъ ружья.

Въ то время какъ я продолжалъ въ деревнѣ наблюденія свои, Палу приготовилъ намъ праздникъ во всей формѣ. Многочисленная

толпа была собрана на мает, и мѣсто было предложено самое почетное мѣсто.

Игры начались чѣмъ-то воинственнымъ. До тридцати воиновъ съ булавами вышли на площадку; они дѣлали разныя эволюціи проворно и въ порядкѣ; потомъ раздѣлились и стали по обѣимъ сторонамъ сцены. Тогда изъ одного изъ этихъ двухъ лагерей выступили воины, вызывая на бой противниковъ; къ нему вышелъ другой, и между ними началась драка. Вскорѣ всѣ воины, одинъ за другимъ, стали драться попарно. Каждый разъ побѣдитель простирался ницъ предъ Палу, потомъ вставалъ и отходилъ въ сторону. Старцы, въ родѣ судей на турнирахъ, провозглашали побѣду, и собраніе съ шумомъ и восклицаніями повторяло имена побѣдителей.

Междудѣйствія турнира были заняты кулачнымъ боемъ и борьбою, весьма не продолжительными и служившими только къ развлеченію зрителей. Наиболѣе забавляла въ этомъ веселость бойцовъ. Они смѣялись; отъ времени до времени однако раздавались тяжеловѣсные удары и выходили изъ боя люди окровавленные, но все смѣющіеся. Побѣдители не хвастались, были скромны въ побѣдѣ и никогда чрезъ мѣру не гордились сою.

Другое зрѣлище, менѣе забавное, представлялось намъ, когда двѣ бабы стали драться, нѣтъ родъ кистени въ рукахъ. (Рис. X. Ф. 2.) Это продолжалось не долго; чрезъ минуту одна изъ нихъ признала себя побѣжденною, и радостныя восклицанія толпы приветствовали другую.

Послѣ борьбы начались пляски. Палу приказалъ, чтобъ намъ проплясали *гейва*. После драки обратилось въ танцевальный залъ. Предстали двадцать музыкантовъ, не пѣвшихъ другихъ инструментовъ, кромѣ бамбуковыхъ тростей. Музыка состояла въ томъ, что тростями били по землѣ такъ, и чѣмъ длиннѣе была трость, тѣмъ звуки были ниже. Для контраста, другіе три музыканта съ живостію стучали по своимъ *пафа*, которые издавали высокіе, острые звуки. *Пафа*, родъ барабана изъ одного обрубка, длиною отъ двухъ до четырехъ футъ и соразмѣрной толщины, съ выдолбленнымъ отверстіемъ на двухъ третяхъ его длины. По этимъ инструментамъ бьютъ двумя цилиндрическими палочками изъ крыскаго дерева длиною въ два фута. Изъ двадцати му-

зыкантовъ, десять только имѣли бамбуковыя трости и *пафа*; остальные пѣли.

Пляска началась. Четыре группы, каждая изъ двѣнадцати человекъ, вышли на сцену; танцоры держали въ рукѣ лопаточки изъ тонкаго и легкаго дерева, и съ ними дѣлали странныя, но красивыя фигуры: они, то обращали ихъ вправо и влево, наклонялись въ томъ же направленіи, то отбрасывали ихъ въ другую сторону, или съ удивительною быстротою перебрасывали изъ руки въ руку. Пляска, сперва тихая и степенная, по немногу оживилась: плясуны начали пѣть, и хоръ музыкантовъ вторилъ ихъ речитативы; наконецъ, актеры, музыканты и зрители начали рѣвѣть въ одинъ голосъ. Эта музыка оглушила меня.

Четыре группы танцоровъ сдѣлали еще кое-какія фигуры, то вмѣстѣ, то отдѣльно; смѣшивались, перемѣнялись мѣстами, снова раздѣлились, приближались одинъ къ другому, расходились опять и окончили общемою пляскою.

Во второй пляскѣ оркестръ былъ составленъ изъ двухъ барабановъ и двадцати музыкантовъ. Актеры въ этотъ разъ стали въ два ряда: въ одномъ человекъ тринадцать, въ другомъ не болѣе пяти. Старшій сынъ Палу, прекрасный собою молодой человекъ, по имени Канонъ-гата, занималъ средину первой линіи, какъ самое почетное мѣсто. Эта новая труппа плясала и пѣла около четверти часа. Движенія каждую минуту измѣнялись; такъ былъ то медленный и важный, то быстрый и шумный. Плясуны наблюдали его съ такою точностію, что казалось одна воля управляла всѣми. Послѣ этой труппы вышла третья, которая раздѣлилась на три линіи. Одинъ изъ актеровъ произнесъ прологъ, на который отвѣчали другіе, какъ въ интермедіяхъ Греческаго театра. Потомъ вся труппа стала очередоваться съ оркестромъ, притѣвая строфы въ кадансъ. Иногда пѣвцы съ пріятностію и быстротою махали лопатками. Зрители отвѣчали имъ при этомъ *маи! маи! фан-фог!* (хорошо! хорошио! еще!). Послѣ нѣкоторыхъ новыхъ эволюцій актеры вышли въ ряды зрителей.

Всѣ эти пляски называются общимъ именемъ *мей-тау-паги*, потому что въ нихъ держатъ лопатки, называемыя *паги*. Мерцисръ говоритъ, что онѣ заимствованы съ остро-вовъ Цуга. Но Тонга-табу имѣетъ собствен-

ния свои пляски, не менше славныя и разнообразныя. Намъ еще оставалось видѣть *бу-мен*, или ночныя пляски, которыя принадлежатъ собственно преданіямъ здѣшняго племени. Было восемь часовъ пополудни, и вскорѣ по всемъ угламъ малая засветились факелы.

Оркестръ заигралъ, и, какъ всегда, тихіе и медленные звуки бамбуковыхъ тростей соединились съ острыми погами нага; отъ этого контраста породилась странная и дикая гармонія. Вышли двадцать молодыхъ дѣвушекъ, хорошенькія собою, полунагія, съ Китайскими розами и другими яркими цвѣтами въ волосахъ, съ гирляндами изъ листьевъ на головѣ и по всему тѣлу. Онѣ выстроились кругомъ музыкантовъ и пропѣли меланхолическую пѣсню, сопровождая ее стройными движеніями, то поднимая руки надъ головою, то опуская ихъ на пагую грудь. Иногда онѣ выскакивали впередъ на одной ногѣ, потомъ отступали медленно, какъ бы подражая движенію волнъ. Потомъ онѣ обратились къ зрителямъ, пошли къ намъ мѣрными шагами, и остановились въ некоторомъ разстояніи. Двѣ изъ нихъ отделились отъ другихъ, и пошли въ противную сторону, кругомъ сцены, до группы своихъ подругъ. Другія сѣдовали ихъ примѣру, потомъ все собралось опять кругомъ музыкантовъ. Тогда фигуры стали живѣе. Тѣ, которыя предводительствовали хорамъ, дѣлали пируэты, хлопали въ ладоши, щелкали пальцами и пѣли. Пѣніе впрочемъ утихло по мѣрѣ того, какъ движенія становились быстрѣе и живѣе. Наконецъ тѣлодвиженія, до того времени скромныя, начали принимать характеръ довольно неблагопрістойный. Такова ночная пляска *бу-мен*, совершенно подобная той, которую видѣлъ и описалъ Кукъ (Рис. XI).

Послѣ этихъ балдерокъ явились мужчины, человѣкъ пятнадцать, одни молодые, другіе уже зрѣлыхъ лѣтъ, но ловкіе и здоровые, какъ юнѣши. Новая труппа повторила тѣ же движенія, что и женщины, раздѣлившись на два хора кругомъ оркестра; такъ, что одни были обращены лицомъ вправо, другіе влѣво. Пѣніи, движенія, все повторялось съ большою выразительностію. Пляска сдѣлалась подъ конецъ до того быстрою, что мы, зрители, не могли почти перевести духа.

Этимъ не кончилось еще зрѣлища. Палу хотѣлъ непременно показать намъ все народныя увеселенія. Послѣ бала настала ко-

медія. Вышли на сцену двѣнадцать человѣкъ; изъ нихъ одинъ, главный актеръ, другіе хористы; первый начиналъ пѣть, другіе отвѣчали. Потомъ мы видѣли сцену довольно странную. Девять женщинъ стали напротивъ насъ: одинъ мужчина всталъ съ мѣста и обоими кулаками ударилъ первую женщину, за тѣмъ вторую и третью; четвертую онъ ударилъ въ грудь; одинъ изъ зрителей, увидѣвши это, бросился съ булавою на него и нанесъ ему такой ударъ по головѣ, что тотъ безъ чувствъ упалъ. Его спокойно унесли, и другой островитянинъ сталъ продолжать побои, но наносилъ удары уже по спинамъ женщинъ. Послѣ этой несправедливой мѣры, онѣ начали плясать; но, повидимому, довольно дурно, ибо ихъ заставили начать снова.

Эта странная и варварская сцена была прервана приходомъ шута, который развлекалъ зрителей своими проказами. Судя по слову *ю-руни*, которое онъ часто повторялъ, и по жестамъ, наиболѣе обращаемымъ въ нашу сторону, легко было понять, что мы служили предметомъ его колкостей и что толпа забавлялась на нашъ счетъ.

Я не буду входить въ безконечныя подробности объ этихъ пляскахъ; не буду говорить, какъ актеры и актрисы составляли правильные и концентрическіе круги, сдѣлывались, расходились, гуляли въ кольца, какъ змѣи, и всегда съ порядкомъ и согласіемъ оканчивали свои фигуры. Но я не могу не обратить вниманіе читателя на послѣднюю пляску, пляску аристократическую, въ которой удостоились принять участіе самъ Палу съ своими мата-булеями и бывшими тамъ эгуями. Расположеніе фигуръ было почти то же, но дѣйствующія лица были уже не тѣ. Искусство ихъ и ловкость были чрезвычайны; они съ такою гибкостию раскачивали головы отъ одного плеча до другаго, что вы бы подумали, что ихъ составы вывихнуты, какъ у нашихъ фигляровъ. За ними вышелъ актеръ, принимая речитативъ, съ жестами еще болѣе искусными; онъ принималъ положенія необыкновенно выразительныя: не трудно было узнать въ его особѣ перваго виртуоза на островѣ; благородныя фигуранты съ своей стороны обладали несравненно высшимъ талантомъ, нежели ихъ простонародные собратья. Вся эта пляска была крайнимъ выраженіемъ Тонгайскаго искусства, пѣніемъ и пляскою образцовыми. Дюжій Палу плясалъ

вмѣстѣ со всѣми; весь въ поту; но съ оживленнымъ взглядомъ, едва дыша, онъ казался, не боялся соперничества самыхъ молодыхъ и ловкихъ плесунѣвъ. Собраніе единодушными рукоплесканіями приветствовало достойнаго эгуа.

Былъ двенадцатый часъ ночи. Пендлетонъ уже утѣхалъ; праздникъ не могъ заставить его забыть шлюпъ. Мы ужинали вдвоемъ съ Палу, и я расположился переночевать у него на циновкѣ, подложивъ подъ голову суму вмѣсто деревяннаго изголовья, употребляемаго у островитянъ. Ночь была тиха; не смотря на усталость и безпокойства, причиняемые неотвязчивыми мониками, я спалъ точно на моемъ рундукѣ на шлюпѣ; подлѣ меня храпѣли тѣлохранители Палу. Самъ эгуа спалъ въ своемъ гаремѣ, отъ котораго насъ отдѣляла ширма изъ циновокъ.

На другой день на разсвѣтѣ я долженъ былъ еще разъ приняться за кава; послѣ чего Палу приказалъ приготовить байдару, чтобы отвезти меня на корабль. Приказанія его исполнялись медленно и вяло; гребцы искали, казалось, предлога не торопиться. Напрасно просилъ я Синглтона и Палу, чтобы меня скорѣе отправить; ничего не дѣлалось. Я догнѣ вовсе не безпокоился; потому что Пендлетонъ располагалъ спать не ранѣе, какъ на другой день, но я терялъ терпѣніе и досадовалъ. Между тѣмъ нельзя было не замѣтить необыкновеннаго стеченія островитянъ. Вчерашній балъ могъ быть причиною присутствія множества мужчинъ и женщинъ; но я видѣлъ воиновъ, которые шли толпами и въ нѣкоторомъ порядкѣ, почти все вооруженные булавами. Въ скоромъ времени Муайскій заливъ покрылся байдарами, которыя выходили въ открытое море.

Тогда только я сталъ опасаться измѣны. Воображенію моему представились и прежнее поведеніе островитянъ, и частыя ихъ перемѣны и неожиданныя нападенія на корабли, стоявшіе у ихъ береговъ; и недавняя еще война *Астролабін*. Нужно было дѣйствовать рѣшительно. Я схватилъ заворотъ Синглтона и грозно спросилъ его: «ты не измѣнникъ?»—Я, сударь, избави меня Богъ! «Если такъ,» прибавилъ я; то что ты думаешь объ этомъ движеніи воиновъ?»—Странно; отвѣчалъ онъ; клянусь я ничего не понимаю; весьма можетъ быть, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ кроется измѣна. «Хорошо же: пойдемъ къ Палу, и ты переведешь ему мои слова.»

Эгуа шелъ на взморье: я сталъ съ нимъ говорить такимъ тономъ, что онъ былъ принужденъ уступить; байдара была приготовлена, и мы поплыли. Была пора ѣхать; съ *Океаніи* уже раздался призывный выстрѣлъ, и вооруженная шлюбка была отправлена за мною; самъ Филиппъ ѣхалъ на ней.

Приготавливаясь сниматься. Это было рѣшено въ то же утро. Тагофа, бывшій заложникомъ, бѣжалъ. Онъ бросился въ плавь еще до разсвѣта; между тѣмъ изъ всѣхъ заливцевъ выходили въ море большія байдары въ военномъ вооруженіи; безъ сомнѣнія затѣмъ чтобы напасть на насъ; всѣ они, казалось, стремились къ одной цѣли. Палу, по приказанію Беайскаго вождя, долженъ былъ задержать меня; но онъ посовѣстился, сдать меня Филиппу и удалился безъ всякихъ объясненій. Синглтонъ, прощаясь со мною, промолвилъ: «Слава Богу, что такъ кончилось!»

Мы прибыли къ кораблю въ молчаніи. Шлюбка была тотчасъ поднята, и вскоре судно снялось съ якоря. На ловкомъ нашемъ шлюпѣ, съ такимъ бодрымъ экипажемъ, мы не имѣли даже надобности употребить силу противу островитянъ. Мы вышли изъ канала прежде, нежели союзныя байдары успѣли соединиться. Тагофа могъ глазами слѣдить *Океанію* которая развернувъ паруса свободному дуновенію S. O., будто волшебствомъ улетѣла отъ окружавшей ее безсильной измѣны.

ГЛАВА V.

Архипелагъ Тонга. — Географія.

Если считать всѣ острова и островки Тонгайскаго архипелага, то ихъ наберется до ста, на пространствѣ двухъ сотъ миль отъ С. на Ю; и отъ пяти до шестидесяти отъ В. на зап. т. е. отъ 18° до 20° ю. шир. и отъ 176° до 178° зап. дог.

Но этотъ обширный архипелагъ долженъ дѣлиться на три группы: въ южной сторонѣ остр. Тонга; собственно такъ называемые; въ центрѣ острова Гапан; на сѣверѣ острова Гафулу-гу; кромѣ того другіе, разсѣянные около нихъ.

Самый южный въ архипелагѣ островъ *Доа*, открытъ въ 1643 году Тасманомъ, который далъ ему названіе Миддельбурга. Это земля средней высоты, довольно населенная, въ

двенадцать миль протяженіемъ отъ N. N. W. къ S. S. O. и въ шесть или семь миль шириною. Форестеръ, осмотрѣвшій этотъ островъ въ 1773 г., представляетъ восхитительную картину гостепримныхъ нравовъ его жителей.

Здѣсь нѣтъ хорошихъ якорныхъ мѣстъ, и потому мало мореплавателей заходили сюда послѣ Кука. Эоа прежде записанъ отъ Тун-тонга; но съ того времени, какъ эта власть рухнула, онъ повинуется особенному царьку. Вершина острова лежитъ подъ 21° 25' ю. шир. и 175° 17' вост. долг. Въ нѣсколькихъ миляхъ на S. W. лежатъ островки Катао.

Тонга-табу, главный островъ архипелага, плодороденъ, не весьма высокъ и покрытъ богатымъ произрастеніемъ. Тасманъ первый открылъ его и назвалъ *Амстердаломъ*. Тонга-табу имѣетъ восемнадцать миль протяженія отъ O къ W. и двѣнадцать миль въ ширину. Обширный проливъ втѣсняется въ него съ сѣверной стороны и даетъ ему форму неправильнаго полумѣсяца. Вдоль сѣвернаго берега тянется гряда подводныхъ камней, между которыми, подъ покровомъ зелени, покоятся маленькіе островки. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Атата, Пангай-моду, Онеата, Нугу-нугу, Фафаа, Малиноа, Оневан, Ногу и Тау. Здѣсь есть довольно безопасныя и якорныя мѣста; но входъ труденъ и опасенъ. Противъ западнаго устья пролива лежитъ небольшой низменный островокъ. Эоа-чи, имѣющій мило или двѣ въ длину.

На этомъ низменномъ островѣ прѣсной воды мало; но если копнуть на некоторую глубину, можно найти воду, годную для питья. Флора богата; въ ней много общаго съ Малайзіею; находятся виды, которыхъ нѣтъ въ восточной Полинезіи.

Островъ прежде раздѣлялся на округа; Гифо въ западной сторонѣ, Муа въ центрѣ, Гагва на востокъ, и Лего, который занималъ всю южную сторону; безплодную и менѣе населенную. Со времени уничтоженія Тун-тонга, это древнее раздѣленіе уже не существуетъ. Каждый маленькій округъ имѣетъ своего пачальника, и всѣ начальники сносятся между собою, чтобы жить въ мирѣ и дружбѣ. Митвіа не согласна на счетъ народонаселенія. Англичанинъ Синглетонъ полагалъ около 20,000 душъ; капитанъ Дюрвилъ до 15,000; капитанъ Вальдегравъ до

12,000; миссіонеры считаютъ 4000 въ одномъ округѣ Гифо. Вѣрно то, что Тонга-табу можетъ выставить пять тысячъ войска. Якорное мѣсто Пангай-моду лежитъ подъ 21° 8' ю. шир. и 177° 33' зап. долг.

Въ двадцати пяти миляхъ на сѣверъ отъ Тонга-табу лежатъ двѣ скалы, Гунга-тонга и Гунга-гапай, въ двухъ миляхъ одна отъ другой; онѣ будто маяки, указываютъ мѣстоположеніе большаго острова, но не приступны, высоки какъ орлиныя гнѣзда и увѣнчаны терновникомъ. Подобно вулканическимъ островамъ Као и Тобуа, эти скалы служатъ полезными указателями для плаванія въ этомъ морѣ. Таизъ нихъ, которая южнѣе, лежитъ подъ 20° 36' ю. шир. и 177° 44' зап. долг.

Гапайская группа имѣетъ шестьдесятъ миль протяженія отъ N. N. O. къ S. S. W. и отъ двадцати пяти до тридцати миль ширины. Она составлена изъ низменныхъ острововъ, связанныхъ между собою непрерывными грядами подводныхъ камней. Всѣ острова признавали надъ собою власть Тун-тонга; теперь каждый имѣетъ своего царя и особенное правленіе. Говорятъ, Христианство въ нихъ дѣлаетъ успѣхи; они лѣсны, плодородны и многолюдны. Между ними примѣчательны:

Лефука, главный островъ въ группѣ, столица царства Финау I, имѣющая шесть миль протяженія отъ N. N. O. къ S. S. W. и три мили въ ширину. Лежитъ подъ 19° 50' ю. шир. 176° 49' зап. долг.

Намука, открытая въ 1643 году, Тасманомъ, и прозванная имъ *островомъ Роттердамъ*. Мы уже говорили, какъ она богата прекрасными мѣстоположеніями. Окружность ея отъ десяти до двѣнадцати миль. Ю. шир. 20° 15' и зап. дол. 177° 19'.

За тѣмъ слѣдуетъ *Фоа*, *Вига*, *Гаано*, *Ничица* и *Футуна*, лѣсные и низменные островки, имѣющіе въ окружности отъ 4 до 7 миль. Остальные острова маловажны.

Цельза съ точностію опредѣлить народонаселенія Гапайской группы; но судя по силѣ войска, съ которымъ Финау I отправился на покореніе Тонга-табу, можно предполагать до 10,000 душъ. Въ этой группѣ должно замѣтить:

Тобуа, островъ, открытый въ 1774 году Кукомъ, видѣнный имъ опять въ 1777 году, вновь открытый Морелемъ въ 1781 году и

названный имъ Санъ-Кристоваль, и потомъ посещенный Лаперузомъ, Блесъ и Эдвардомъ. Этотъ островъ высокъ, лѣнестъ, многолюденъ, и увѣчанъ вулканическою верниною. Весь архипелагъ получалъ отсюда базальты и агаты, изъ которыхъ дикіе дѣлали свои топоры. Тофуа была мѣстомъ священнымъ, столицею морскихъ боговъ. Жители вѣрили, что акулы не нападали на тѣхъ, которые купались у его береговъ. Меринеръ посетилъ вулканъ острова, и далъ ему тридцать футовъ въ діаметръ. Изверженія бывають три раза въ недѣлю, а иногда два раза въ мѣсяцъ. Подняться на вершину вулкана трудно отъ неисчисленныхъ камней, покрывающихъ его бока.

Къ этому острову пригавалъ Блей съ своею шлюпкою, когда на его корабль возгорѣлся бунтъ. Островитяне, вмѣсто того чтобы снабдить его живностию, были расположены употребить противъ него насиліе. Они хотѣли задержать его и его людей; онъ едва спасся, оставивъ во власти туземцевъ одного изъ своихъ матросовъ, котораго тутъ же умертвили, и потащили въ ближній ма-лай, чтобы предать землѣ. Потомъ, когда Меринеръ посетилъ островъ, ему показали мѣсто, гдѣ совершилось злодѣяніе. Островитяне говорили, что по всему пространству, гдѣ тащили тѣло Англичанина, трава высохла и уже болѣе не произрастала. Тофуа имѣетъ 12 миль въ окружности; и лежитъ подъ 19° 46' юж. шир. и 177° 33' зап. дол.

Као, открытый въ 1774 Кукомъ, былъ видѣнъ имъ опять въ 1777; потомъ въ 1781 Морелемъ, который назвалъ его Монте-Гермозо, и Лаперузомъ въ 1787. Это весьма высокій островъ, многолюдный и имѣющій въ окружности девять миль. Лежитъ подъ 19° 42' юж. шир. 177° 3' зап. долготы.

Аатай, открытый Морелемъ въ 1781, обозрѣнъ Лаперузомъ въ 1787, и потомъ въ 1791 г. Эдвардомъ, который назвалъ его островомъ Бикертонъ. Это также островъ высокій, многолюдный, почти кругообразный въ шесть или семь миль въ окружности. Лежитъ 18° 47' юж. шир. 177° 30' зап. дол.

Послѣдняя группа въ этомъ архипелагѣ есть Гафулу-гу; она составлена изъ двухъ большихъ острововъ, Вавао и Нагай-моду, и около десяти островковъ, лежащихъ кругомъ ихъ.

Вавао открытъ въ 1781 Морелемъ, и получилъ отъ него названіе *Маіорги*; его ви-

дѣли потомъ Лаперузь, Эдвардъ, назва- ній его *островомъ Говъ*, и Малессина. Это самый большой островъ въ архипелагѣ; протяженіе его до двадцати миль отъ N. N. O. къ S. S. W, ширина отъ 10 до 12 миль. Здѣсь, какъ и въ Тонга-Табу, море составляетъ заливъ, въ которомъ есть хорошія якорныя мѣста. Почва имѣетъ нѣкоторыя неровности и представляетъ прекрасныя виды; но во внутренности, по словамъ капитана Вальдеграва, который посетилъ его, есть много мѣстъ совершенно дикихъ, покрытыхъ только шиями, дикими травами, ямсомъ и плющами. Поэтому то онъ менѣе населенъ, нежели Тонга-табу. Основаніе острова мадрепорическое, хотя и замѣтны въ немъ слѣды вулканическаго дѣйствія. На немъ были прежде особенныя владѣтели, которые признавали надъ собою власть Тун-тонги; но въ началѣ нынѣшняго вѣка, онъ былъ завоеванъ Финау I, и присоединенъ къ его Гапайскому царству. Финау II, сынъ завоевателя, отказался отъ этихъ острововъ и доволѣствовался островомъ Вавао. Въ 1830 г. Вальдегравъ нашелъ самовластнаго царя, по имени Финау, лѣтъ тридцати, безъ сомненія сына или племянника Финау II. Вальдегравъ полагаетъ на Вавао до 6,000 душъ; другіе думаютъ, что населеніе значительнѣе. Срединна острова лежитъ подъ 18° 41' юж. шир. и 176° 20' зап. долготы.

Нагай-моду имѣетъ въ длину отъ 7 до 8 миль, но весьма узокъ, и отдѣленъ отъ Вавао тѣснымъ проливомъ, гдѣ есть хорошія якорныя мѣста.

Между окружными островами примѣчательнѣе *Таонга*, *Лека-лека*, и въ особен- ности *Тунга*, прославленный тѣмъ, что некогда онъ служилъ убѣжищемъ любовной чѣ- ты отъ преслѣдованій какого то тирана. Мѣ- сто, гдѣ любовники скрывались, было нече- ра въ 40 футовъ въ вышину и почти такой же ширины, въ которую нѣтъ другаго входа кромѣ тѣснаго отверстія въ 8 или девять футовъ въ длину; и на нѣсколько футовъ ниже уровня моря. Она служитъ теперь для боль- ныхъ кава.

На N. W. отъ Вавао не въ далекѣ лежитъ Амаргура, послѣдній изъ острововъ Тонгай- скаго архипелага. Онъ не занимаетъ большаго пространства, но высокъ и населенъ. Это имя далъ ему Испанецъ Морель, от- крывшій его въ 1781 г.; Эдвардъ въ 1791 назвалъ его *Герднеромъ*. Настоящее же его

названіе не извѣстно. Онъ лежитъ подъ 17° 57' юж. шир. и 177° 20' зап. долготы.

Нѣкоторые географы причислили къ Тонгайскому архипелагу и островъ Пиль-стартъ, лежащій въ тридцати сличкомъ лигахъ южнѣе отъ Тонга-табу, высокій и лѣсистый, имѣющій въ окружности отъ 3 до 4 миль. Его открылъ Тасманъ въ 1643, потомъ видѣлъ Кукъ въ 1773, а Морель въ 1781 далъ ему имя *ла Сола*. Его почитали необитаемымъ до 1819 г., когда Фрейенце, придерживавшись довольно близко, увидѣлъ у береговъ людей и байдары. Безъ сомнѣнія, люди эти принадлежатъ Тонгайскому племени; можетъ статься, они приходили на рыбный промыселъ отъ другихъ острововъ, или были мореходы, занесенные сюда противными вѣтрами. Островъ лежитъ подъ 22° 30' юж. шир. и 178° 24' зап. долготы.

Тонгайскій архипелагъ составляетъ западную оконечность Полинезій. Въ нѣкоторомъ разстояніи западнѣе лежатъ группа Вити, первая земля Малазій. Впрочемъ и тамъ встрѣчается Полинезійскій типъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи на нѣкоторыхъ изъ Ново-Гибридскихъ острововъ, на маленькихъ островахъ Ротума, Тиконія, Дафъ и др. Впрочемъ это примѣчается только въ небольшихъ племенахъ и со всеми признаками очевиднаго переселенія. Главное племя въ этой полосѣ, Полинезійское, занимающее всѣ большіе западные острова, до появленія Малайскаго. Тонгайскіе острова скорее могли передать свое племя Меланезійскимъ, нежели получить отъ нихъ; они образовали нѣсколько этихъ варваровъ, но сами не заразились отъ нихъ варварствомъ; Тонгайскій типъ переселилъ типъ Вигійскій.

Тонгайскій архипелагъ, въ особенности островъ Тонга-табу, хотя и лежитъ подъ самымъ тропикомъ, имѣетъ температуру постоянно умеренную. Въ Апрѣль и Маѣ термометръ на *Астролабѣ* показывалъ отъ 23° до 26°, и періодическіе вѣтры значительно умѣряли жаръ. По словамъ миссіонеровъ, воздухъ на островѣ здоровъ и чистъ; зимою, когда дуютъ южные вѣтры, климатъ становится почти холоднѣе.

Періодическіе вѣтры здѣшнихъ морей суть S. S. O. и O. S. O. Впрочемъ въ Февраль, Мартъ и Апрѣль, иногда господствуютъ N. W. и W., и производятъ бури и дожди съ сильными шквалами. Въ это время

года Ланеруэ и Дюрвилъ терпѣли здѣсь штормы. Почти всегда зыбь съ S. W., происходящая отъ бурь Южнаго моря, причиняетъ большой бурунъ на южномъ берегу Тонга-табу. Землетрясенія должны быть часты на этихъ островахъ, потому что первые миссіонеры, поселившіеся здѣсь въ 1797 г., свидѣтельствуютъ, что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ было три землетрясенія. Безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ этихъ явленій должно быть соседство огнедышущей горы Тофуа.

ГЛАВА VI.

Архипелагъ Тонга — Исторія.

Голландецъ Тасманъ открылъ эти острова 19 Января 1643 г. Онъ увидѣлъ сперва островъ Пильстартъ, а на другой день Доа, потомъ Тонга-табу, названные имъ *Миддебургомъ* и *Амстердамомъ*. Якорь былъ брошенъ въ открытомъ заливѣ Гифо (называемомъ Голландцами *бухта Маріа*); островитяне навѣстили Тасмана на своихъ байдарахъ. Дикари эти были безоружные, и обошлись съ нимъ дружелюбно и честно. Естьли бы не страсть ихъ къ воровству, то поведеніе ихъ можно было бы назвать прекраснымъ. Старый вождь, по видимому, облеченный верховною властію, часто бывалъ на кораблѣ; онъ оказывалъ Европейцамъ большое вниманіе, дружбу и уваженіе, и съ живѣйшею благодарностію принималъ сдѣланные ему подарки. Въ числѣ подарковъ находилось деревянное блюдо, которое было потомъ сохранено, какъ драгоценность, владѣтелями острова, и получило странное назначеніе: оно сперва служило для пенитенціи преступниковъ въ судѣ; затѣмъ удостоилось еще высшей почести: сдѣлалось памятникомъ Тун-тонги въ его отсутствіе; ему оказывали то же почтеніе, какъ и самому духовному главѣ. Можетъ быть, этому то обстоятельству должно приписать то, что здѣсь сохранилось воспоминаніе о первыхъ Голландцахъ, посетившихъ островъ. Когда Кукъ пріѣхалъ сюда въ 1774 г., островитяне говорили ему о посѣщеніи Тасмана, и чтобы опредѣлить эпоху этого происшествія, они присовокупили, что тогдашній Тун-тонга, Пулаго, былъ пятимъ преемникомъ Фата-файа 1645 года.

Отъ Тонга-табу Тасманъ отправился къ острову На-мука, который назвалъ *Роттердамомъ*. «Жители Роттердама, говорить его повѣствованіе, походятъ на жителей Амстердама (Тонга-табу). Они права кроткаго, безоружны, но большіе воры. Здѣсь мы напались водою и достали свѣжей провизіи. Осмотрѣвъ островъ, мы видѣли на немъ множество кокосовыхъ деревъ, разсаженныхъ съ большею правильностію, и прекрасно расположенные сады съ множествомъ фруктовыхъ деревъ въ прямыхъ линіяхъ, что было весьма красиво на видъ. После Роттердама мы открыли нѣсколько другихъ острововъ.»

Этотъ простой рассказъ писанъ рукою самаго Тасмана; онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что и теперь мы находимъ эти острова въ такомъ точно видѣ, въ какомъ описалъ ихъ Голландскій мореходецъ за двѣсти лѣтъ предъ симъ. Описанія Тасмана, Кука и Дюрвиля сходны между собою, съ тою только разницею, что описаніе перваго быстро и поверхностно, тогда какъ два послѣдніе болѣе углубились въ свой предметъ и дополнили извѣстія, оставшія ихъ предшественникомъ.

Кукъ бросилъ якорь у береговъ Эоа въ Октябрѣ 1773. Островитяне обошлись съ нимъ дружелюбно. Въ особенности одинъ изъ вождей, по имени Тап—онъ, оказалъ самую искреннюю дружбу, повелъ Англичанъ въ свою деревушку, угостилъ ихъ чѣмъ могъ, даже музыкою и кавою. Естественныи испытатель Форстеръ былъ вѣстѣ съ Кукомъ; онъ отлучился, чтобы осмотрѣть страну, и на пути нашелъ вездѣ пріятливый пріемъ. «Старикъ и молодые,» говоритъ онъ, «мужчины и женщины, всѣ насъ ласкали, цѣловали наши руки съ самою живою привязанностію; клали наши руки на свои сердца, и смотрѣли на насъ съ умиленною нѣжностію.» Не смотря на этотъ ласковый пріемъ, почти всѣ островитяне были вооружены булавами всевозможныхъ формъ, луками, копьями и стрѣлами. Это оружіе вѣрно не всегда было у нихъ безъ употребленія.

Впрочемъ ни чѣмъ не было нарушено доброе согласіе между жителями и ихъ гостями. Форстеръ осмотрѣлъ окрестности того мѣста, гдѣ корабль Кука стоялъ на якорѣ. Что бы осмотрѣть внутренность острова, говоритъ этотъ натуралистъ, мы изобразились на холмъ промежъ цвѣтущихъ садовъ,

окруженныхъ плетнемъ изъ бамбуковыхъ тростей и живыми изгородами изъ *erythrina corallodendron*; затѣмъ мы вышли на тропинку, промежъ двухъ оградъ; по обѣимъ сторонамъ были разсажены съ такимъ же порядкомъ, какъ и въ нашихъ садахъ, ямсъ и банановыя деревья. Тропинка вела къ широкой полянѣ, покрытой богатыми жатвами; за поляною была восхитительная прогулка, подъ кокосовыми деревьями, разсаженными въ четыре ряда на пространствѣ одной мили, до другой тропинки, по обѣимъ сторонамъ которой были правильныя плантаціи, обсаженныя кругомъ нампельмусами. Тропинка эта вела къ возвышенной долинѣ, куда сходились многія дорожки. Здѣсь мы вышли на красивую поляну, покрытую нѣжнымъ и свѣжимъ дерномъ, и окруженную тѣнистыми деревьями. На одной ея сторонѣ былъ пустой домъ; хозяева вѣроятно находились на прибрежьи. Г. Годжъ ериво валь съ натуры этотъ восхитительный пейзажъ. Мы дышали легкимъ ароматическимъ воздухомъ; морской вѣтеръ освѣжалъ атмосферу; нѣкіе тысячи птицъ и воркованіе горлицъ звучали надъ нами. Корни дерева, подъ которыми мы сидѣли, были весьма любопытны; они возвышались на восемь футовъ отъ земли; а стручья на деревѣ были длиною въ аршинъ и толщиною въ два или три дюйма. Это плодородное и уединенное мѣсто осуществляло для насъ тѣ чудесныя пейзажи, которые создаетъ воображеніе романистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было найти уголокъ, который бы болѣе благоприятствовалъ уединенію; если бы здѣсь былъ источникъ свѣжей воды, или ручеекъ; къ несчастію, на островѣ нѣтъ воды. Вѣдь я видѣлъ крытую аллею, оканчивавшуюся у другой поляны, на концѣ которой находилась холмъ съ двумя хижинами на вершинѣ. Кругомъ холма были посажены бамбуковыя трости, и предъ нами рядъ казуариновъ. Островитяне, сопровождавшіе насъ не хотѣли приблизиться къ этому мѣсту; мы пошли одни; намъ съ большимъ трудомъ удалось заглянуть во внутренность хижины, потому что крыша спускалась на поларшин на почти отъ земли. Въ одной изъ хижинъ находился недавно принесенный трюфль; другая была пуста.»

На слѣдующій день Кукъ положилъ якорь у округа Гифо предъ островомъ Тонга-Табу. Жители съ радостію пріѣзжали на го-

рабъ, и промѣнивали свѣжія провизіи на самыя пустыя Европейскія вещицы. Одинъ изъ вождей этого мѣста, котораго Кукъ называетъ *Аттаго*, а Форстеръ *Аттаха*, по настоящему имени котораго было Тага, особенно подружился съ великимъ мореходцемъ, (Рис. XII. Ф. 1.), и оказывалъ ему большое вниманіе и почтеніе.

Первое мѣсто, которое посетилъ Кукъ, было главный Фан-тока, курганъ съ часовнею на вершинѣ. Изъ часовни вышли три старца и произнесли рѣчь или родъ молитвы чужеземному посетителю. По всему острову были подобныя памятники. Тага повелѣ своихъ гостей во внутреннюю часть острова, гдѣ они видѣли другой Фан-тока, гораздо больше и значительнѣе перваго. Въ смежномъ домѣ жилъ старій вождь, пригласившій путешественниковъ отдохнуть у него, и раздѣлить съ ними завтракъ, состоявшій изъ ямса и другихъ плодовъ. Рѣчи были вѣроятно неизбѣжными церемоніаломъ при посѣщеніи этихъ священныхъ мѣстъ, потому что старшій изъ жрецовъ началъ тоже рѣчь, обращаясь то къ божествамъ Фан-тока, то къ Куку, доколь Кукъ не сдѣлалъ головою знака, что онъ соглашается. Ораторъ, по видимому, былъ не довольно силенъ въ своемъ дѣлѣ, онъ часто прерывалъ свое слово и, казалось, спрашивалъ конца фразы у стоявшаго подле жреца. Кукъ ничего не понялъ изъ этой длинной рѣчи. Народъ, собравшійся кругомъ, спокойно смотрѣлъ на Англичанъ, занятый ими гораздо болѣе, нежели церемоніею.

Послѣ непродолжительнаго отдыха Кукъ и Тага вмѣстѣ возвратились на корабль. Былъ часъ обѣденный; островитянина посадили за капитанскій столъ; но въ это время пріѣхалъ на корабль полуслѣпой старикъ, эгуи того округа. Каково было удивленіе зрителей, когда Тага всталъ и отошелъ въ сторону, чтобъ не быть замѣченнымъ новымъ гостемъ. Тага былъ вождь второстепенный, а слѣпой старикъ былъ изъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ на островѣ. Обѣдать за однимъ столомъ, съ такою важною особою, было бы святотатство со стороны Тага. Впрочемъ благородный и столько уважаемый эгуи, по истинѣ, не могъ внушить большаго уваженія. По словамъ Кука, онъ самъ до того оглушѣлъ отъ старости, что не понималъ ни мало своей важности; капитанъ просилъ его назначить ему свиданіе, и рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Я напелъ эгуи, сидѣ-

щаго, съ такою глухою и мрачною важностью, что не смотрѣлъ на все, что мнѣ объ немъ сказывали, я считъ его полудурнымъ и уважаемымъ народомъ по какимъ нибудь суевѣрнымъ понятіямъ. Я поклонился ему и сталъ говорить; но онъ не только не отвѣчалъ, даже не смотрѣлъ на меня. Физиономія его постоянно сохраняла свое спокойное выраженіе. Я собирався выйти, когда молодой и понятливый островитянинъ сталъ мнѣ толковать и убѣдительно доказывать, что онъ былъ царемъ или главнымъ лицомъ на островѣ. Я поднесъ ему подарки: рубаху, топоръ, кусокъ красной ткани, зеркало, нѣсколько гвоздей и стеклянному. Онъ принялъ, или лучше сказать, позволилъ, чтобы эти вещи были положены на него и кругомъ его, нисколько не измѣнивъ своей важности, не говоря ни слова и не обращая лица ни направо ни нѣлѣво. Онъ все время былъ неподвиженъ какъ истуканъ, и оставался въ томъ же положеніи, когда я отправился на корабль. Но едва я прибылъ на корабль, какъ получилъ извѣстіе, что эгуи послалъ къ морскому берегу множество провизій. За ними отправилась шлюбка, привезшая до двадцати корзинъ жаренныхъ банановъ, ямса, плодовъ, хлѣбнаго дерева и жареную свинью въ двадцать фунтовъ вѣсомъ. Г. Эджекомъ и матросы, отъѣзжая на корабль, извѣстились отъ островитянъ, что это подарокъ отъ *арики* или царя острова, корабельному *арики*. Важность приношенія убѣдила меня въ важности значенія глупаго вождя.

Впослѣдствіи это таинственное лице сдѣлалось болѣе извѣстнымъ. Имя его Ламулибу; онъ принадлежалъ къ божественному семейству Фата-фан, которому, по его происхожденію, воздавались большія почести, хотя власть его въ существѣ часто была весьма ограничена.

Первое пребываніе Кука у береговъ Тонга-табу не было ознаменовано ни какимъ непріятнымъ явленіемъ. Кромѣ немногихъ дерзкихъ покражъ, все обошлось благополучно. Воровъ преслѣдовали; но частныя наказанія не причинили общаго раздора. Одинъ изъ этихъ удалыхъ дикарей, укравъ куртку матроса, бросился въ море, достигъ берега, не смотря на то, что по немъ сдѣлали восемь выстрѣловъ, и уже на берегу былъ схваченъ матросами. Другой прокрался въ каюту боцмана, укралъ книги и другія вещи и бросился съ борта. Его замѣтили и погнались въ шлюпку. Поймать дикаря было мудрено: онъ

только изредка выказывал голову и нырял как рыба, когда къ нему подъезжали. Матросъ со шлюбки, въ одной изъ этихъ эволюцій, забросилъ на него крюкъ и потащилъ его къ кораблю; однако жъ онъ, не смотря на боль и потерю крови, успѣлъ вырвать крюкъ изъ своего бока и продолжать плыть къ берегу; за нимъ опять погнались. Тогда страдалецъ по отчаянному вдохновенію нырнулъ подъ шлюбку и выбилъ руль; этимъ онъ спасся, потому что не было средства продолжать погоню.

Не смотря на частыя стычки, островитяне не нарушали мира съ кораблемъ Кука. Они разстались дружными, и даже трогательнымъ образомъ. Старый Латулибулу не выходилъ изъ своего опѣмѣнія, но добрый Тага горько плакалъ. Онъ умолялъ Кука скорѣе возвратиться и привезти ему полную одежду подобную своей. Въ замѣнъ онъ обѣщалъ ему полный грузъ свиней, дичи, корисей и плодовъ.

Въ слѣдующемъ году Кукъ зашелъ опять въ этотъ архипелагъ, и сталъ на якорь на сѣверной сторонѣ Намукан. Бывшіе съ нимъ естественныя испытатели обозрѣли внутренность острова; они говорятъ, что мѣстности представляютъ восхитительныя картины; дружеское расположеніе и радушіе жителей постоянно охраняли всѣхъ Европейцевъ на островѣ; одинъ только хирургъ корабля былъ менѣе другихъ счастливъ: онъ находился на берегу, когда на него напали дикари толпою, отняли у него ружье, галстухъ и носовой платокъ; грабители хотѣли продолжать и не оставили бы на немъ ничего, но онъ вздумалъ схватить футляръ отъ ружья и прицѣлиться на самыхъ дерзкихъ. Это движеніе перепугало было дикихъ; вскорѣ однако же они оправились, и были готовы опять на него напасть, когда явилась молодая дѣвушка съ длинными вьющимися волосами, прекрасная какъ ангелъ; она взяла Англичанина подъ свое покровительство, защитила его противу всѣхъ; для утоленія его жажды, подала ему нѣсколько кусковъ намельмуса; и стерегла его, доколѣ не прибыла за нимъ шлюбка.

Покражи отъ времени до времени нарушали миръ, то на корабль, то на берегу. Кукъ не любилъ прощать подобныхъ дерзостей и строго наказывалъ воровъ. По случаю покражи оружія, онъ приказалъ взять съ берега двѣ большія двойныя байдары; одинъ изъ островитянъ вздумалъ противиться и

Кукъ велѣлъ стрѣлять по нему весьма близко дробью. Несчастный, почти нагой, былъ приведенъ въ ужасное положеніе; плачь и крики его тронули даже непреклоннаго капитана. Позвали хирурга; чтобы перевязать его рапы. Хирургъ хотѣлъ тотчасъ приложить катаплазмъ изъ банановъ, но островитяне принесли сахарнаго тростника, извлекли изъ него мякоть и предложили употребить ее, какъ надежнѣйшее лекарство. Когда была сдѣлана перевязка, островитяне стали ласковѣе къ Европейцамъ. Форестеръ, свидѣтель этой сцены, описываетъ ее такъ: «Женщины, присутствовавшія при перевязкѣ раненаго, показывали особенное желаніе возстановить миръ; робкіе взоры ихъ выражали укоризну. Болѣе пятидесяти женщинъ, съѣвъ на цветущую поляну, приглашали насъ съѣсть возлѣ нихъ и изъясняли какъ могли дружбу и гнѣзность. Особенно ласкова была подруга хирурга; одна изъ первыхъ красавицъ на островѣ, она была прекрасно сложена; черты ея лица совершенно правильныя, одушевлялись выраженіемъ необыкновенной гнѣзности; большіе и черные глаза были исполнены огня; цвѣтъ лица ея былъ гораздо блѣднѣе, нежели у другихъ. Туалетъ ея состоялъ изъ куска матеріи темнаго цвѣта, стянутого подъ грудью и широко распушеннаго внизу; это платье на ней было мнѣ самой изящной Европейской одежды.

Вскорѣ Кукъ открылъ на сѣверѣ отъ Намуканъ Гапайскіе острова; онъ прошелъ между Као и Тофуа, и удостоверялся въ томъ, что на послѣднемъ изъ нихъ было огнеступищее жерло. Когда суда были подъ вѣтромъ, пошелъ дождь, и можно было замѣтить, что дождевая вода имѣла терпкій и острый вкусъ; капли, попадавшія въ глаза, причиняла боль. Безъ сомнѣній въ ней были асфальтъческіе элементы. Въ это второе путешествіе, Кукъ назвалъ группу Тонгайскихъ острововъ *архипелагомъ Друзей*; но вскорѣ названіе это было замѣнено настоящимъ ихъ именемъ.

Третье путешествіе Кука, въ 1777 г., было несравненно важнѣе другихъ. Едва онъ бросилъ якорь на Намукскомъ рейдѣ, на корабль прибылъ вождь, по имени Тубо; три дня спустя явился изъ Тонга-табу эбуи, несравненно могущественнѣе; Фианау, человекъ высокаго роста, съ тонкимъ станомъ, фізіономією, довольно похожій на Европейца: онъ называлъ себя царемъ всѣхъ Тонгайскихъ

острововъ, и въ самомъ дѣлѣ, по гордому и смѣлому его виду, по самовластнымъ пріемамъ, а болѣе всего по глубокому уваженію, которое ему оказывали его единоземцы, его можно было считать настоящимъ владѣтелемъ. Подходя къ нему, все падали ницъ и прикладывали руки съ обѣихъ сторонъ къ ступнямъ его ногъ. За малѣйшее отступленіе отъ этого обряда, виновники обрекались жестокому толчкамъ и палочнымъ ударамъ. Финнау объявилъ себя другомъ Кука; онъ каждый день пріѣзжалъ на корабль обѣдать и этимъ избавилъ Англійскаго капитана отъ другихъ посѣтителей, недостойныхъ сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ. Онъ освободилъ корабль вмѣстѣ съ тѣмъ отъ воровъ, а следовательно отъ хлопотъ, преслѣдованій и наказаній. Кукъ не всегда смѣлъ употребить оружіе противъ преступниковъ; онъ прибѣгалъ къ ударамъ плетью или налагалъ тяжелыя контрибуціи живностію и провизіями; наконецъ, видя, что все эти наказанія не могли унять воровства, онъ вздумалъ бить голову преступникамъ, и стыдъ обуздалъ страсть островитянъ къ кражѣ.

Изъ Намука Кукъ хотѣлъ отправиться въ Тонга-табу; но это не нравилось Финнау. Онъ такъ убѣдительно просилъ мореплавателя зайти прежде на Гапайскіе острова, что Кукъ согласился. 17 Мая корабль его сталъ на якорь у острова Лесуга, и былъ немедленно окруженъ множествомъ байдаръ, съ которыхъ дикіе предлагали всякаго рода провизію за Европейскіе товары. По приглашенію Финнау, Кукъ съѣхалъ на берегъ, гдѣ онъ былъ принятъ съ большими почестями; для него устроены были зрѣлища, балы, и концерты. Среди празднества ему поднесли подарокъ истинно царскій: двѣ огромныя пирамиды были устроены на берегу; шесть свиней и двѣ черепахи составляли вершину одной; двѣ свиньи и шесть домашнихъ птицъ вершину другой; основанія состояли изъ мяса, картофеля, фруктовъ и овощей; онъ былъ сложенъ самымъ живописнымъ образомъ. На эти учтивости Кукъ отвѣчалъ салютами изъ своихъ орудій и фейверверками. Сцена проходила на берегу моря, подъ деревьями, въ присутствіи четырехъ или пяти тысячъ зрителей. Но наступленіи ночи берегъ былъ освѣщенъ факелами. Между тѣмъ среди этихъ торжественныхъ изъясненій дружбы составилъ ужасный заговоръ, не достигшій впрочемъ своей цѣли, и только въ послед-

ствѣн открытій Меринеру. Если вѣрить его повѣствованію, то Финнау и Гапайскіе вожди намѣревались умертвить Кука и бывшихъ съ нимъ офицеровъ на *бу-мен* (ночной пляскѣ); и потомъ захватить корабль. Все вожди согласились на это злодѣйство; но между ними одни полагали, что ночное время болѣе благоприятствовало исполненію предпріятія; тогда какъ другіе, въ томъ числѣ и Финнау, хотѣли дѣйствовать днемъ. Это разногласіе спасло Европейцевъ.

Между тѣмъ приближалось время, когда хитрый Финнау долженъ былъ сложить съ себя ложное титулоу верховнаго владѣтеля. Это чуть-чуть не случилось при появленіи вождя Латулибуау, котораго Кукъ въ прежнее путешествіе считалъ царемъ острововъ. Какъ духовный глава, онъ былъ старше Финнау; послѣдній умѣлъ въ этомъ случаѣ уклониться отъ опасности; когда Лату пріѣхалъ на корабль, онъ былъ глубже и неповоротливѣе прежняго; Финнау представился, будто не замѣчаетъ его, и безтолковый Эгуи не обратилъ на это вниманія.

Но вскорѣ явился настоящій Тун-тонга, царь этихъ острововъ. Его звали Пулаго-фата-фат. Извѣщенный о скоромъ его прибытіи, Финнау заблаговременно избѣгнуть первой встрѣчи; онъ уѣхалъ въ Вавао, а какъ Кукъ изъявилъ желаніе посѣтить этотъ островъ, то онъ отклонилъ его отъ намѣренія, утѣряя, что тамъ нѣтъ якорнаго мѣста. Все это были плути.

Пулаго прибылъ на Гапайскіе острова, когда Кукъ находился еще на рейдѣ Гуа-лева; объ немъ сказали, что онъ верховный владѣтель Тонгалъ. Кукъ сперва не вѣрилъ; впрочемъ принялъ новое лице съ почестью. То былъ человекъ маленькаго роста, весьма дорожный, лѣтъ сорока; съ гладкими волосами, съ пріятною фizioномією, выражавшею важность и умъ. (Рис. XII. ф. 2). Онъ проворно взошелъ на палубу, внимательно осмотрѣлъ корабль, сдѣлалъ Куку весьма разумительные вопросы, и настоятельно спрашивалъ, зачѣмъ онъ прибылъ? После вѣжливаго пріема на палубѣ, Кукъ просилъ царя сойти въ каюту; но этому воспротивились островитяне царской свиты; они объявили, что особа царя была священна, табу, и что никто не можетъ ходить надъ его головою. Эта трудность была устранена; матросамъ было приказано не ходить по шканцамъ. Впрочемъ самъ Пулаго былъ не такъ

щекотливъ, какъ его дворъ; онъ сошелъ внизъ, отобѣдалъ съ Кукомъ, ѣлъ и пилъ вѣжливо, и настоятельно требовалъ, чтобы его признали истиннымъ владѣтелемъ Тонги. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было въ этомъ сомнѣваться. На берегу никто при немъ не смѣлъ пикнуть; придворные, входившіе къ нему, клали голову подъ плечу монарха, и никто рѣшительно не исключался изъ этого обряда.

Еще болѣе удостоверился въ званіи Пулаго недѣлю спустя, когда Кукъ отправился въ Намука, куда и онъ послѣдовалъ за нимъ въ своей байдарѣ. Тамъ находился въ это время Финау, который еще недавно такъ важничалъ, выдавалъ себя за царя, затѣвалъ заговоры въ Гапахъ, а теперь не зналъ какъ выпутаться изъ своихъ проказъ. Встрѣча съ Пулаго на Англійскихъ корабляхъ крайне смутила его; прошептавъ своему государю нѣсколько словъ на ухо, онъ, казалось, успокоился. Въ тотъ же день публично было признано его ничтожество: онъ не могъ сѣсть за капитанскій столъ вмѣстѣ съ Пулаго, и предъ отправленіемъ, долженъ былъ исполнить обрядъ моэ-моэ предъ Туи-тонгаемъ. Пулаго былъ въ самомъ дѣлѣ верховнымъ владѣтелемъ острововъ, но во времена Кука можно было легко въ этомъ ошибиться, потому что политическое образованіе острововъ было темно и запутано до крайности. Только недавнія изслѣдованія капитана Дюрвиля, собравшаго все прежнія свѣдѣнія, и дополнившіе ихъ собственными наблюденіями, объяснили этотъ вопросъ.

Главою Тонгайскаго общества былъ съ незапамятныхъ временъ туи-тонга, котораго званіе объясняется отъ самаго его имени (*туи* значить господинъ). Онъ былъ облеченъ духовною властію, вліяніе которой простиралось по всему архипелагу и далѣе, такъ напримѣръ на острова Ниуга, Гамоа и Вити; хотя свѣтская его власть была нѣсколько ограниченна, однако же все дѣлалось отъ его имени, и ни одинъ эгунъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, не могъ избѣгнуть обряда моэ-моэ. Великія почести и преимущества были присвоены званію духовнаго главы; онъ не былъ обязанъ татуировать тѣло и подвергаться обрѣзанію; о немъ иначе нельзя было говорить какъ особеннымъ партіею; особенные обряды соблюдался при его женитьбѣ, похоронахъ и въ траурѣ послѣ его смерти. Наконецъ было особенное торжество, на-

зываемое *натчи*, тогда со всего архипелага приносили къ стопамъ его первинки всѣхъ произведеній земли, бывшихъ дотоле *табу*.

Достоинство это было наследственное. Оно переходило отъ старшаго брата къ младшему и потомъ опять къ дѣтямъ старшаго. Одно только семейство Фата-фай могло давать туи-тонгаевъ, что подтверждается, какъ преданіями, такъ и древними и обширными *фаи-такалми* (гробами) этого семейства. Туи-тонга хотя и окруженный всеобщимъ уваженіемъ, былъ самъ обязанъ простираться ницъ предъ старшими сестрами своего отца и дѣда, и даже предъ ихъ дѣтьми и внуками, которые принимали иногда титулъ *та-мага*.

За Туи-тонгаемъ слѣдовали первоклассные его сановники: Туи-гата-калава, Туи-кана-каболо и Гата. Первые два были гражданскіе, третій военный. Власть этихъ сановниковъ была впрочемъ весьма не опредѣленная и почти всегда зависѣла отъ личныхъ ихъ достоинствъ.

Еще за долго до переворота, изгнавшаго туи-тонга изъ Тонга-табу, званіе Туи-гата-калава впало почти въ забвеніе. Глава семейства Финау, котораго видѣлъ Кукъ, нося титулъ туа-кана-каболо, соединилъ понемногу въ свои руки всю власть, которую и передалъ своимъ пресмникамъ Му-мун и Туугаго. Такъ продолжалось до общаго возстанія, когда все вожди провозгласили себя независимыми.

Почти наравнѣ съ семействомъ Фата-фай было семейство Тубо, потому что званіе туи-гата-калава и туи-кана-каболо давались только его членамъ. Въ наше время, если бы эти званія были восстановлены, робкій Тубо, этотъ усердный Христіанинъ, и его двоюродные братья Гула-кай и Огиди, были бы законными кандидатами.

Расчетливая политика заставляла эти два семейства посредствомъ кровныхъ связей соединять свои выгоды. Первая жена туи-тонга выбиралась обыкновенно изъ семейства Тубо. Впрочемъ честолюбіе и зависть брали иногда верхъ надъ родствомъ, и эти страсти мало по малу подрывали могущество обоихъ семействъ.

Когда Кукъ былъ въ третій разъ на этихъ островахъ, въ 1777 г., царствовавшій тогда туи-тонга, Пулаго, женился на дочери Мари-вагви, главы дома Тубо. Мари-вагви получилъ по наследству званіе туи-гата-кала-

вал, послѣ своего брата Тубо-лагія, а сынъ Тубо-лагія, честолюбивый Финау, былъ облеченъ властію тун-кана-каболо. Тун-тонга по женѣ былъ двоюродный братъ Финау.

Пребываніе Кука у береговъ Тонга-табу длилось болѣе мѣсяца, и было цѣлѣю непрерывныхъ празднествъ. Всѣ вожди усердно честили своего гостя. Пулаго, Мари-вагви, младшій его братъ Му-мун, и Финау, каждый въ свою очередь угощали капитана и его офицеровъ. Борьбы, театральныя представленія, битвы, пляски, пѣнія, пиршества, одно блистательнѣе другаго, непрерывно были устраиваемы для Англичанъ. (Рис. XIII). Мы уже описали эти потѣхи островитянъ; но особенно замѣчательно въ этомъ путешествіи великое торжество *натчи*, котораго никто не видѣлъ послѣ Кука, и которое вѣроятно не возобновится.

Праздникъ этотъ былъ данъ 8 Іюля въ Муа. Кукъ и его товарищи съѣхали поутру на берегъ, и застали Пулаго предсѣдающимъ въ каба, въ оградѣ не весьма опрятной. Въ неходѣ десятаго часа отправились къ великому малаю. За ними по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ на эту площадь, шли толпы людей, вооруженныхъ копьями и булавами; они выстроились на малаѣ и пропѣли хоромъ жалобную и тихую пѣснь. Остальные островитяне проходили между тѣмъ предъ ними одинъ за другимъ, каждый съ корнемъ ямса на дубинѣ, и клали плоды у ногъ пѣвцовъ. Тун-тонга и двѣнадцатилѣтній его сынъ пришли въ свою очередь и сѣли на траву. Тогда Англичанъ просили сѣсть возлѣ этихъ знатныхъ особъ, но съ тѣмъ чтобы они сняли башмаки и развязали бы волосы изъ уваженія къ вождямъ. Когда все количество ямса было принесено, каждая дубина была положена на плеча двухъ человекъ, всѣ эти люди устроились церемоніальнымъ порядкомъ, и группами въ десять или двѣнадцать человекъ прошли по малаю скорымъ шагомъ. Предъ каждымъ отрядомъ шелъ воинъ, вооруженный булавою и сопровождаемый другими воинами. Вся процессія состояла изъ 250 человекъ; за нею слѣдовалъ островитянинъ съ живымъ голубемъ на палкѣ, покрытой узорами. Они отправились къ близкому фай-токаю, гдѣ ямсъ былъ сложенъ въ двѣ груды.

По окончаніи этихъ пріуготовительныхъ обрядовъ, Пулаго сказалъ Куку, чтобы матросы его оставались на шлюпкахъ, потому

что тотчасъ весь островъ долженъ былъ подвергнуться торжественному табу; и что каждый, кто бы ни попался, чужой или туземецъ, будетъ, *мать т. е.* убитъ. Капитанъ настоятельно просилъ, чтобы ему позволили, одному или съ небольшою свитою, присутствовать при этомъ обрядѣ. Тун-тонга не соглашался, уклонился всѣми средствами, и наконецъ послѣ большихъ усилій со стороны Европейцевъ и долгихъ сопротивленій со стороны островитянъ, Куку удалось остаться въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ видѣть въ подробности всю сцену фай-токаа.

За оградой находилось уже множество островитянъ. Они шли процессіею, несъ шесты, къ которымъ были привѣшены деревянные изображенія ямса, и представляли видъ людей, обремененныхъ этою ношею. Такъ они прошли мимо Англичанъ, направляясь къ большому дому Пулаго. Здѣсь Англичанъ встрѣтило новое строгое запрещеніе присутствовать. Имъ удалось однако же получить этого за высокимъ деревяннымъ заборомъ, въ которомъ они сдѣлали пожарами дыры, чтобы смотрѣть на происходившее.

Площадь малая и ведущія къ ней дороги были покрыты народными толпами, посреди которыхъ пробирались люди съ небольшими палками и съ кокосовыми листьями. На встрѣчу къ нимъ вышелъ старикъ; онъ сѣлъ посреди дороги, съ важностію произнесъ продолжительную рѣчь и отошелъ. Новопришедшіе построили тогда наскоро небольшой сарай посреди малаа, приставъ на одну минуту по окончаніи работы, потомъ сѣмшались съ толпою. Сынъ Пулаго, предшествовавшій чѣтырьмя или пятью островитянами, пошелъ въ свою очередь посѣдить у сарая; двѣнадцать женщинъ высокаго званія подступили къ нему попарно; каждая пара держала въ рукахъ кусокъ бѣлаго полотна фута въ три длиною, развернутаго въ промежуткахъ каждой пары. Это имѣло видъ безконечной движущейся ткани. Женщины приставъ подлѣ молодаго принца, окутали его нѣсколькими кусками полотна, потомъ отошли въ сторону и тоже сѣмшались съ толпою.

Тогда вышелъ Пулаго; предъ нимъ шли чѣтыре человека; онъ сѣлъ по лѣвой сторонѣ своего сына, что заставило молодаго князя встать съ мѣста и соединиться съ вождями свиты его отца, подлѣ навѣсомъ ближняго сарая. Это движеніе подамо поводъ къ страннымъ маневрамъ: нѣкоторые изъ острови-

тѣмъ пробѣжали чрезъ площадь; потомъ воротились; другіе устрѣмились къ принцу, неся зеленія вѣтви, и послѣ разныхъ движеній и остановокъ заняли опять свои мѣста. Въ эту минуту появилась большая процессія, пришедшая изъ фэй-тока, не прямою дорогою, но послѣ долгихъ изворотовъ. Она направилась къ правой сторонѣ сарая, гдѣ стоялъ молодой принцъ, люди простерлись ницъ, положили на землю свои деревянные ямы, съ почтеніемъ отошли въ сторону и услышавъ по крайнѣ малой. Во время этого церемоніальнаго хода, три человека, слѣдшіе подлѣ властителя, произносили медленнымъ и ровнымъ голосомъ какое-то заклинаніе или молитву. Наступила опять тишина; потомъ вышелъ ораторъ; ставъ на краю площади, онъ произнесъ продолжительную рѣчь, которую отъ времени до времени прерывалъ, чтобы подходить къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены палочки, принесенныя процессіею, и ломать ихъ. По окончаніи рѣчи, или молитвы, Пулаго и его свита вѣдали, прошли между двухъ рядовъ зрителей и дѣйствующихъ и скрылись. Затѣмъ толпа разошлась; переломанныя палочки остались на малай; этимъ окончился первый день праздника *натчи*.

На другой день рано поутру церемонія началась опять, и не смотря на сопротивленіе островитянъ, Кука снова присутствовалъ. Когда онъ пришелъ, толпа была уже многочисленна, и на землѣ лежали тамъ и сямъ связки кокосовыхъ листьевъ, привязанныя къ палочкамъ. Капитанъ узналъ только, что эти связки были табу. Мало по малу толпа увеличивалась; особю назначенный сановникъ, произносилъ каждой новоприходившей группѣ рѣчь, въ которой часто повторялось слово *арики*.

Когда наступилъ торжественный часъ, Кука хотѣлъ опять удалиться; онъ устоялъ однако же въ намереніи съ своимъ обыкновеннымъ упорствомъ; ему позволили остаться, съ тѣмъ, чтобы онъ обнажилъ свои плеча подобно островитянамъ. Кукъ согласился на этотъ обрядъ, и полу-нагой остался смотреть церемонію. Когда прибыли на малай принцъ, женщины и царь, начались вчерашніе обряды: ходъ женщинъ съ полотнами, бѣганья и молитвы; въ то время какъ процессія шла въ двухъ или трехъ шагахъ отъ Кука, его заставляли опускать взоры и принимать скромный и стыдливый видъ, какъ будто молодую дѣвушку. Это было безъ со-

мнѣнія не весьма легко для суроваго лица и гордаго взгляда Англійскаго мореходца.

Ходъ процессіи былъ тотъ же, что и наканунѣ, съ тою разницею, что вмѣсто деревяннаго или настоящаго ямса, островитяне несли на палкахъ по кокосовому листу. Лишь только эти палки были положены на землю, явилась другая группа: каждая пара держаа корзинку изъ пальмовыхъ листьевъ; потомъ трестя съ рыбками, привѣшенными къ кривымъ палочкамъ. Корзинки были поставлены къ ногамъ старика, который бралъ ихъ въ руки и ставилъ на землю, бормоча какую-то молитву. Рыбокъ отдавали двумъ островитянамъ; державшимъ въ рукахъ зеленія вѣтви: первая рыбка клалась на правую сторону, вторая на лѣвую. Все это дѣлалось весьма чинно; но когда дошла очередь до третьей рыбки, человекъ, сидѣвшій сзади тѣхъ, которые принимали это приношеніе, бросился схватить ее; они начали отнимать, и такимъ образомъ рыбка была разорвана на многія части. Защищникъ спора бросалъ позади себя кусочки, которые ему удавалось схватить; другіе два продолжали класть подлѣ себя свои кусочки. Эта забавная сцена продолжалась до тѣхъ поръ, пока защищнику не удалось схватить цѣлую рыбку; тогда собраніе стало рукоплескать, восклицая: *мали! мали!* (хорошо! хорошо!) Послѣ этого эпизода размищеніе рыбъ продолжалось безъ помѣхи.

По окончаніи дѣйствія были произнесены молитвы, для приготовленія къ главнѣйшему обряду праздника; къ обряду, состоявшему въ томъ, что царь оказывалъ необыкновенную милость своему сыну: съѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ кусокъ поджареннаго ямса, подаваемого въ одно время тому и другому. Въ эту торжественную минуту Кука заставили оборотиться спиною, чтобы онъ не могъ ничего видѣть. Капитанъ украдкою поглядывалъ; но сцена была заслонена отъ него толпою островитянъ; ему не удалось ничего разглядѣть.

Новыя эволюціи и шествія, то въ ту, то въ другую сторону, иногда молчаливыя, иногда сопровождаемыя шумнымъ пѣніемъ, движеніемъ рукъ и ногъ, слѣдовали за этимъ обрядомъ *натчи*, между отцомъ и сыномъ. Праздникъ заключился представленіемъ сраженій, единоборствъ и кулачнымъ боемъ, необходимою принадлежностію всѣхъ народныхъ увеселеній.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ *натчи*, не явля-

ний ни какого смысла для жителей Евронейца; заключалъ какое нибудь аллегорическое значеніе: Ямы настоящія и деревянныя; кокосовыя листья, шесты, молитвы, бой, шествія, обряды, вкушеніе пищи сына съ отцемъ, все это составляло религіозныя эмблемы народныхъ мнѳовъ. Въ этомъ нельзя усомниться, судя по благоговѣйному виду собранія, по важности обрядовъ, по выбору свидетелей и дѣйствующихъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ, и по строгому этикету, которому подчинили даже Европѣецъ. Англичане для удовольствія своего любопытства должны были раздѣться до самаго пояса, распустить волосы по плечамъ, сѣсть поджавъ ноги и принять видъ униженія и скромности. Впрочемъ этотъ *натчи*, по словамъ островитянъ, былъ не изъ самыхъ важныхъ. Куку сказалъ, что чрезъ три мѣсяца Тонга-табу будетъ праздновать другой *натчи*, на которой соберутся жители всего острова, и жители Гавайя и Вавао, съ приношеніями всякаго рода, и что эту великую и страшную церемонію ознаменуютъ человѣческими жертвоприношеніями.

10 Іюля 1777 г. Куку оставилъ Тонга-табу, подвергаясь нѣкоторымъ опасностямъ среди подводныхъ камней восточнаго берега; онъ положилъ якорь у острова Эоа, гдѣ его принялъ вождь Тагофа, названный Тайона во второмъ путешествіи Кука. Англичане узнали, что Эоа почти весь принадлежалъ великому эгуямъ Тонга-табу, и что сюда приходили ихъ суда, чтобъ собирать произведенія острова. Въ кратковременное пребываніе Англичанъ, не случилось ничего достопримѣчательнаго, кромѣ наказанія одного островитянина, который нарушилъ законъ табу, относительно женщины; и былъ схваченъ въ минуту преступленія; привелъ его на круглую площадку, ему булавою разбили черепъ и сломали одну ногу. Безъ заступничества Англичанъ, его бы убили до смерти. Соучастница любовныхъ проказъ получила только нѣсколько палочныхъ ударовъ, потому что она была гораздо знатнѣйшаго рода.

Наконецъ 17 Іюля 1777 г. Куку отплылъ изъ архипелага, осмотрѣвъ и описать въ немъ все, кромѣ острова Вавао и прилежащихъ ея.

Честъ эта была предоставлена Испанцу Морелю, командовавшему фрегатомъ *la Princesa*. Этотъ мореплаватель терпѣть крайній

недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, когда 26 Февраля 1781 г. увидѣлъ островъ *Амаргура*; онъ проходилъ въ разстояніи отъ него не болѣе двухъ миль; и зашелъ бы сюда, если бы берега не были такъ неприступны, и видъ острова такъ безплоденъ. Продолжалъ плаваніе къ югу, Морель открылъ на другой день землю, которая оканчивалась возвышенною площадкою. Самая вершина казалась погорѣлою, но свѣжее и богатое произбненіе раскидывалось по бокамъ. На разстояніи одной лѣги отъ острова къ кораблю вышли байдары, нагруженныя бананами и кокосовыми орѣхами; капитанъ купилъ ихъ для своего экипажа. Одинъ изъ вождей взошелъ на корабль, и пригласилъ Мореля зайти къ этому острову, который онъ называлъ Латай. Морель отказался, не видя якорнаго мѣста, и болѣе еще потому, что на восточной сторонѣ онъ открылъ земли, обширнѣйшія, и безъ сомнѣнія, во всѣхъ отношеніяхъ значительнѣйшія.

Четыре дня спустя, онъ достигъ Вавао, и положилъ якорь въ безопасномъ заливѣ, названномъ имъ *портомъ Убѣжища*.

Здѣсь изобиліе замѣтно голодъ на его кораблѣ; матросамъ было всего въ волю, свисей, куръ, кореньевъ и плодовъ. На корабль прѣзжалъ эгуп, котораго Испанецъ называлъ Тюбу, безъ сомнѣнія тотъ самый, который названъ Кукомъ Тубо, родной братъ тунгата-кавалы Марп-вагуя и дядя Финау, человекъ преклонныхъ лѣтъ и весьма дородный; его почти подняли на таляхъ на палубу. Съ нимъ была его жена, молоденькая, милая и до того хорошенькая женщина, что Морель уподоблялъ ее самымъ красивымъ Европейкамъ. Взойдя на палубу, благородные посѣтителѣ устлѣсь на рундукахъ, а сопровождавшіе ихъ островитяне тотчасъ подолзли цѣловать имъ ноги. Послѣ этого обряда начались взаимныя привѣтствія. Тубо поднесъ въ подарокъ капитану байдару, нагруженную пататами, за что Морель отблагодарилъ прекрасными подарками. Гостей повели по фрегату, показали имъ каюты, баттарен, вѣщали и закулки; они утѣхали весьма довольные, и приглашая Мореля навѣстить ихъ на островъ. Капитанъ, принявъ приглашеніе, съѣхалъ на берегъ 7 Марта съ вооруженнымъ отрядомъ, и удостоился почести кава, который онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ, не зная впрочемъ, сколь важенъ этотъ обрядъ.

«Тюбо,» говоритъ онъ, «чрезвычайно меня обласкалъ, и цѣловалъ болѣе ста разъ. Свита его усялась въ кружокъ, въ томъ самомъ порядкѣ какъ пришла. Принесли два коврика изъ пальмовыхъ листьевъ; на одинъ изъ нихъ сѣлъ царь, а на другой посадили меня; по правую его сторону. Всѣ хранили глубокое молчаніе; только тѣ, которые сѣдѣли подлѣ Тюбо и которые, судя по ихъ лѣтамъ, казались наиболѣе почитаемы, съ точностію повторяли всѣ его слова; въ скоромъ времени принесли корней, изъ которыхъ сдѣлали въ ушатахъ особеннаго рода напитокъ, весьма горькій на вкусъ, судя по гримасамъ кушавшихъ этотъ напитокъ. Напитокъ былъ поданъ въ чашкахъ, сдѣланныхъ изъ банановыхъ листьевъ. Три или четыре молодые Индійца разносили его; мнѣ и Тюбо подали первымъ; я не могъ даже отвѣдать питья: одинъ видъ его былъ мнѣ противенъ. Островитянинъ, сѣдѣвшій подлѣ Тюбо, показывалъ, кому подавать; я замѣтилъ, что многимъ вообще не подавали. Послѣ этого предо мною положили жаренные пататы и совершенно зрѣлые бананы; я отвѣдалъ ихъ. Немного спустя, большое количество этихъ плодовъ было доставлено на лодкахъ, для раздачи моимъ солдатамъ.»

Морель навѣстилъ Тюбо въ собственномъ его жилищѣ. Царица прибыла на аудіенцію, сопровождаемая восемью или десятью молодыми служанками отъ 16 до 18 лѣтъ. Однѣ отгоняли отъ нея мухъ; другія поддерживали царицу, которая была такъ закутана, что насилу могла ходить. Увидѣвъ Испанскаго капитана, она улыбнулась и привѣтно повторила: *леле! леле!* (хорошо! хорошо!)

Тюбо обласкалъ своего гостя и непрерывно угощалъ его праздниками, которые такъ простоюшю описаны Морелемъ; что мы приводимъ здѣсь собственный его разсказъ; тѣмъ болѣе, что этотъ Испанецъ наблюдалъ столь же хорошо, какъ всѣ другіе мореплаватели.

«Царь пригласилъ меня» говоритъ Морель, «на праздникъ, нарочно для моего пріѣзда устроенный. Слѣхавъ на берегу 12 числа, въ густомъ лѣсу, прилежащемъ къ порту, я увидѣлъ круглое довольно большое пространство, въ которомъ деревья были срублены до самыхъ корней. Вскорѣ Индійцы попарно потянулись къ дому Тюбо; неся на плечахъ длинныя шесты, къ которымъ были привѣшены пататы, бананы, кокосы и рыбы. Тю-

бу приказалъ отнести эти провизіи къ очищенному отъ деревьевъ пространству, гдѣ ихъ сложили въ груду кубической формы, вышиною въ двѣ вары.

«Эгун и почтенные старцы пришли за Тюбо, который взялъ меня за руку, и повелъ къ кругу, гдѣ насъ ожидали болѣе 2000 Индійцевъ. Мы усялись на плетенки изъ пальмовыхъ листьевъ, нарочно для насъ принесенныя; народъ усялся также; по различію кастъ и семействъ было строго соблюдаемо: одни не смѣшивались съ другими.

«Царь предложилъ мнѣ тогда принять всѣ эти плоды, и тотчасъ приказалъ отнести ихъ на шлюбку, которая почти совершенно была нагружена ими. Когда послышники возвратились, толпа смолкла и царь началъ говорить; люди, по лѣтамъ и званію, имѣвшіе право сѣдѣть возлѣ него, повторяли его слова.

«Я не понималъ, къ чему все это клонилось, и потому, на всякій случай, приказалъ солдатамъ, находившимся подлѣ командою штурмана, быть въ готовности стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ при первомъ непріязненномъ дѣйствіи островитянъ.

«Изъ толпы вышелъ молодой человекъ крѣпкаго сложенія; онъ держалъ лѣвую руку на груди, а правою билъ себя по локтю. Проходя кругомъ площади, онъ дѣлалъ множество прыжковъ предъ группами островитянъ не его племени; вскорѣ предсталъ передъ нимъ соперникъ изъ числа послѣднихъ; онъ дѣлалъ тоже; потомъ они стали бороться грудъ съ грудью, и съ такимъ ожесточеніемъ, что всѣ ихъ жилы и мускулы вздулись. Наконецъ одинъ изъ нихъ упалъ съ такою силою, что я думалъ, что онъ уже не встанетъ. Впрочемъ онъ поднялся, покрытый пылью, и удалился не смѣя оглянуться. Побѣдитель поклонился царю, а одноплеменики его запылилъ плечо, не зная, въ честь ли побѣдителя, или въ посмѣяніе побѣжденнаго.

«Единоборства возобновились и продолжались нѣсколько часовъ; одинъ изъ бойцевъ сломалъ себѣ руку; другіе получали ужаснѣйшіе удары. Между тѣмъ представились бойцы другаго рода: руки и кисти ихъ были опутаны толстыми веревками; новый бой былъ несравненно ужаснѣе прежней борьбы; удары наносились въ лобъ, въ брови, вообще въ лице. Получивъ сильный ударъ, боецъ разгарался болѣею яростію. Многіе падали съ перваго удара. Зрители смотрѣли на это

съ нѣкоторымъ уваженіемъ, и не вѣсмъ дозволялось принимать участіе въ боѣ.»

Въ числѣ зрителей были и женщины, въ особенности прислужницы царицы. Онѣ показались мнѣ вовсе не такими, какъ прежде. Тогда я нашелъ ихъ весьма дурными; но въ этотъ день, наряженные въ лучшіе уборы, съ плащами, красиво застегнутыми большимъ узломъ близъ лѣваго бока, съ огромными бусами на шеѣ, съ волосами искусно причесанными, натертыми масломъ довольно пріятнаго запаха, эти женщины, умыты такъ чисто, что не было ни пылинки на ногѣ ихъ тѣлѣ, обратили на себя все мое вниманіе; я нашелъ ихъ очень красивыми.

«Царь приказалъ женщинамъ показать искусство свое въ кулачномъ боѣ. Онѣ такъ усердно принялись за это, что вѣроятно остались бы все безъ зубовъ, если бы отъ времени до времени ихъ не разбирали. Это зрѣлище тронуло меня до того, что я просилъ царя повелѣть прекратить бой; онѣ уважили мою просьбу; состраданіе мое къ дамамъ съдѣлалось предметомъ всеобщихъ похвалъ.

Тюбу приказалъ пѣть старухъ, у которой на груди была привѣшена мѣдная чаша; она пѣла около получаса съ движеніями и жестами, какъ актриса, декламирующая на сценѣ.

По окончаніи всѣхъ представленій, мы возвратились въ царскій домъ. Царица приняла меня съ обыкновенными изъясненіями своей благосклонности: на вопросъ, отъ чего она не была на праздникѣ, царица отвѣчала, что не любитъ подобныхъ увеселеній.

Мы до того подружились съ Тюбу, что онѣ называли меня своимъ *гоха*, т. е. сыномъ (вѣроятно *офа*, что значить другъ). Простясь съ нимъ и съ царицею, я отправился на корабль. Берегъ былъ покрытъ Индійцами, которые всячески ласкали моихъ моряковъ, за то, что они удостоили присутствовать на ихъ праздникѣ.

«Побѣдители на играхъ донесли меня до палубки на рукахъ. Тюбу изъ дома смотрѣвшій на эту толпу и знавшій, что мнѣ было весьма непріятно, когда Индійцы слишкомъ сближались съ моими людьми, приказалъ своимъ офицерамъ разогнать островитянъ, и даже разсердился на нихъ до того, что самъ вышелъ съ толстою палкою въ рукѣ и сталъ бить каждаго, кто ему попадался. Всѣ убежали въ лѣсъ; только двое, которымъ крѣпко досталось отъ царской палки, упали безъ

чувствъ наземлю; незнаю, оправдятся ли они потомъ.»

Вотъ повѣствованіе Мореля; простое, трогательное, почти пастушеское. Среди этихъ праздниковъ и дружескихъ утѣреній, попытки воровства обнаруживали однако же иногда обыкновенный инстинктъ островитянъ. Испанцы были принуждены стрѣлять въ одного изъ нихъ, который два раза пытался снять цѣпь съ руля. Впрочемъ это не произвело размолвки, и островитяне провожали Мореля съ изъясненіями грусти.

Морель далъ этой группѣ острововъ названіе *Донтъ-Мартинъ-де-Маіорга*; на нашей картѣ она названа *Гафулу-гу*; главный ея островъ есть Вавао. Испанскій капитанъ, находясь подъ парусами, видѣлъ послѣ Гапайскіе острова, и принялъ на палубѣ вождя, который называлъ себя царемъ сорока-восьми острововъ. Плывъ далѣе къ югу, онѣ видѣлъ островъ Тофуа, названный имъ Санъ-Кресто-валъ; скалы Гунга-тонга и Гунга-гапай, которыя онѣ называлъ Ласъ-колубрасъ, островъ Нильстартъ, названный имъ Ла-сола, наконецъ, какой то островъ Васкезъ, котораго никто послѣ него не видѣлъ. Достигши 30° ю. ш., онѣ направился къ сѣверу, намѣреваясь зайти опять въ Вавао; но вѣтры и теченія, отнеся его въ сторону, заставили продолжать прямое плаваніе къ островамъ Маріанскимъ.

Лаперузь прибылъ къ этимъ островамъ въ исходѣ Декабря 1787; онѣ видѣлъ одинъ за другимъ острова Вавао, Амартура, Латай, Као, Тофуа, и скалы Гунга-тонга и Гунга-гапай. 31 числа, когда онѣ шелъ мимо скалъ Тонга-табу, къ нему пристали семь или восемь байдаръ; одинъ изъ находившихся на нихъ островитянъ называлъ себя сыномъ Фипау. Кратковременныя сношенія Лаперуза съ этими людьми были весьма дружески; затѣмъ онѣ видѣлъ островъ Нильстартъ и продолжалъ плаваніе въ Ботани-бей. Но мнѣнію капитановъ Дюрвиля и Диллона, основанному на свидѣніяхъ, собранныхъ при самыхъ источникахъ, Лаперузь оставивъ эту колонію, опять посетилъ Тонгайскій архипелагъ, предъ крушеніемъ своимъ у скалъ Ванкоро. Мнѣнія двухъ капитановъ различествуютъ въ одномъ только: Дюрвиль, основываясь на разсказѣ самой Тамаги, слышанномъ при свиданіи съ нею въ Тонга-табу, говоритъ, что Лаперузь провелъ десять дней въ Намукъ; и что островитяне сохраняли воспоминаніе о немъ подъ названіемъ *Луаджи*, такъ же какъ они

сохранили воспоминаніе объ д'Антраксто, под наименованіемъ *Селенари*. По мнѣнію Англичскаго капитана, Лаперузь не бросалъ здѣсь вовсе якоря, а только крейсировалъ предъ островомъ одинъ сутки.

Въ Апрѣль 1789 года капитанъ Блей явился въ Тонгайскомъ архипелагѣ. Онъ провелъ три дня въ Намукѣ, гдѣ нашелъ двухъ вождей, по имени Тубо и третьяго Тайпа. По ихъ сказанію, Пулаго, Финнау и Тубо были еще живы. Два дня послѣ отплытія отсюда, на корабль Боунти сдѣлалось возмущеніе, въ слѣдствіе чего Блей съ нѣсколькими матросами, которые оставались ему вѣрны, былъ покинутъ на произволъ моря въ шлюбкѣ. Объ этомъ несчастіи мы уже говорили. Блей прибылъ въ Тофуа, гдѣ жители сперва обошлись съ нимъ дружелюбно, но послѣ сіюю хотѣли задержать его; завязалась драка на приморьѣ, и одинъ изъ матросовъ, оставшійся отъ своихъ, былъ изрубленъ дикими. Шлюбка удалось отчалить, но за нею погнались байдары, и если бы Англичане не бросили въ море кос-какихъ пожитковъ, то не спаслись бы отъ свирѣпыхъ своихъ гонителей.

Послѣ Блея капитанъ Эдвардсъ два раза заходилъ въ Намуку въ 1791 г., и удостовѣрился въ сильной страсти островитянъ къ воровству, которое неоднократно подавало поводъ къ дракамъ. Одинъ изъ воровъ былъ убитъ. Впрочемъ вожди оказали весьма дружеское расположеніе къ Европейцамъ; царь, котораго Эдвардсъ называетъ *Фетиафи* (безъ сомнѣнія Фата-фан), согласился съѣсть на корабль вмѣстѣ съ однимъ изъ Тубо, чтобы отправиться въ Тофуа. Былъ ли этотъ Фата-фанъ самъ Пулаго, или его братъ, неизвѣстно; но должно думать, что около этого времени Пулаго умеръ, потому что д'Антраксто уже не засталъ его. По сказанію капитана Дюрвиля и его переводчика Синглстона, Пулаго умеръ и былъ похороненъ въ Вавао. Положительно извѣстно только то, что Финнау уже не существовалъ во время пребыванія здѣсь Эдвардса.

д'Антраксто зашелъ въ Тонга-табу 23 Марта 1793 года. Тогда верховная власть находилась въ рукахъ Тубо или Му-муа, младшаго брата Тубо-лаги и Марп-вагви, который наследовалъ званіе тун-гата-калава. Двадцати-пяти-лѣтній Фата-фай, сынъ Пулаго, котораго собственное имя было Фуа-пунун-гава, еще не носилъ титула тун-тонга. Его тетка Тина имѣла большое вліяніе; ей

воздавались почести, присвоенныя только сапу тамати, или тун-тонги-фаины. Въ повѣствованіи д'Антраксто играетъ также значительную роль какой-то Финнау, но не дозволю, кто онъ: Финнау-лука-ламо, который умеръ во время первыхъ миссіонеровъ, или Финнаутуту-аго, двоюродный братъ Финнау, времени Кука. Впрочемъ имя Финнау часто встрѣчается въ семействѣ Тубо.

Первыя сношенія Французскихъ мореплавателей съ островитянами были ознаменованы кровопролитіями. Поводомъ къ нимъ было природное стремленіе дикихъ къ воровству. Въ одной изъ этихъ дракъ Французскій матросъ былъ тяжело раненъ; Финнау отдалъ виновника въ руки капитана, прося убитъ его; но д'Антраксто довольствовался наказаніемъ плетью.

Для Французскаго капитана были также даны праздники, не столь впрочемъ величественныя и важныя, какъ тѣ, которыми чествовали прежде Кука. 30 Марта д'Антраксто былъ на одномъ изъ нихъ по приглашенію Тубо; все здѣсь было мелочно, грязно и безвкусно. Щедрый капитанъ сдѣлалъ подарки, которые были приняты довольно холодно. На его вопросы отвѣчали принужденно; все уклонялось и казалось смущеннымъ. Тун-тонга, эгун, народъ, все имѣли видъ недовѣрчивости, все искали предлога къ удаленію отъ Европейцевъ. Замѣтивъ это, д'Антраксто покинулъ праздники, не дождавшись окончанія, и возвратился на корабль.

Если вѣрить тому, что послѣ сказывали капитану Дюрвилю, поспѣшный отъѣздъ спасъ д'Антраксто и его товарищей. Вѣтайнъ былъ составленъ заговоръ; праздникъ служилъ только прикрытіемъ измѣны; къ счастью, Европейцы удалились въ то время, когда заговорщики не совсѣмъ еще были готовы къ совершенію злодѣянія. Синглстонъ часто слышалъ рассказы объ этомъ случаѣ отъ стараго своего покровителя Веа, который не одобрялъ заговора, но не имѣлъ силъ отвратить его.

Какъ бы то ни было, д'Антраксто понялъ наконецъ, что ласки не всегда были лучшимъ средствомъ, чтобы внушить дикарямъ уваженіе къ Европейцамъ. Кражи продолжались, дикари не слушали жалобъ, и д'Антраксто приказалъ наконецъ стрѣлять картечью по самымъ дерзкимъ; тронъ убили. Этотъ урокъ не помѣшалъ однако жъ другимъ возвратиться въ слѣдующій день на своихъ байдаркахъ

для обыкновенныхъ мѣнъ съ моряками. Надо впрочемъ замѣтить, что воры принадлежали къ низшему разряду народа; вожди не только не жалѣли объ нихъ, и не думали мстить, но были, кажется, готовы сами убить ихъ. Они, можетъ быть, любили воровство въ большомъ видѣ; мелочное же казалось имъ преступленіемъ, достойнымъ наказанія.

Тамага-тпина перѣехала на островъ Паи-гай-моду, и поселилась въ виду кораблей, чтобы нѣсколько дней угощать Европейцевъ. 3 Апрѣля она дала Французскимъ офицерамъ праздникъ, который состоялъ преимущественно изъ дневныхъ плясокъ. «Музыка,» говоритъ д'Антраксто,» была то медленная, то быстра; она придавала пляскѣ особенную живость и производила прекрасный эффектъ. Въ этихъ балетахъ есть какое-то общее согласіе, столь же строгое, какъ въ нашихъ лучшихъ спектакляхъ; я не сомнѣваюсь, что они весьма понравились бы даже на сценѣ Парижской Оперы.»

Д'Антраксто нѣсколько разъ имѣлъ случай замѣтить, что глубокое уваженіе жителей къ нѣкоторымъ членамъ священнаго семейства вовсе не было признакомъ высокой власти послѣднихъ. Онъ приводитъ въ примѣръ любопытное происшествіе, случившееся на самомъ кораблѣ. Фата-фай вмѣстѣ съ своимъ тестемъ находились въ каютѣ капитана, отъ котораго получилъ какіе то подарки, въ то самое время, когда вошелъ братъ вождя Тубо; Фата-фай постыжился спрятать полученныя имъ вещи, какъ будто боясь, чтобы у него не отняли ихъ. Но предосторожность ни къ чему не послужила. Новый посѣтитель увидѣвъ подарки, подошелъ къ царю, вырвалъ ихъ у него изъ за пояса. Фата-фай не противорѣча уступилъ; но когда они вмѣстѣ вышли, Фата-фай остановился у порога, протянулъ назадъ погу, и братъ Тубо униженно совершилъ обрядъ моз-моз. Такимъ образомъ пресмникъ тун-тонгасъ имѣлъ право давать цѣловать свою погу каждый часъ и каждую минуту, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ защитить свою собственность отъ родственника, который его грабилъ. Странное и необъяснимое противурѣчіе!

Пробывъ здѣсь двѣ недѣли, д'Антраксто оставилъ Тонга-табу 9 Апрѣля. Островитяне сохранили воспоминаніе его пребыванія подъ названіемъ *Селенари*; кажется, это есть испор-

ченное слово *général* (генералъ), ибо такъ большею частію называли этого капитана.

Послѣ него на Намукскій рейдъ заходилъ Американскій корабль, съ котораго бѣжали шесть матросовъ, первые Европейцы поселившіеся на этихъ островахъ. Четверо изъ нихъ не долго тамъ оставались: но другіе два, Конелли и Емблеръ, перѣехали въ Тонга-табу, гдѣ навсегда поселились. Оба они были негодни, отъ которыхъ островитяне не могли научиться ничему доброму.

Въ Апрѣлѣ 1797 г. прибылъ капитанъ Вильсонъ, командиръ корабля *Duff*, отправленнаго съ миссіонерами. Званіе тун-тонга принадлежало тогда Фуа-нунун-тава, котораго Вильсонъ называетъ общимъ именемъ Фата-фай. Старый Тубо-му-муй еще держалъ въ своихъ рукахъ свѣтскую власть; удрученный лѣтами, онъ ввѣрилъ правленіе сыну своему Финнау-тугу-аго, храброму, но жестокому и буйному человеку, успѣвшему уже изгнать изъ Тонга-табу вдову Шулаго и ея приверженцевъ.

Лишь только корабль сталъ на якорь, капитанъ Вильсонъ съѣхалъ на берегъ, чтобы узнать расположеніе вождей; на первый его предложеніе они отвѣчали, что будутъ рады, если между ними поселятся нѣкоторые Европейцы. Въ слѣдствіе этого увѣренія, десять миссіонеровъ вышли на островъ Гифо и поселились тамъ подъ особеннымъ покровительствомъ Тугу-аго. Они выбрали его менѣе по довѣренности, которую онъ внушалъ, нежели по страху, который къ нему все питали. По описанію Вильсона, онъ былъ человекъ лѣтъ сорока, мрачный, задумчивый; говорилъ мало, но когда сердился, ревѣлъ какъ левъ; Фата-фай, напротивъ того, былъ мужчина здоровый и хорошо сложенный, однихъ почти съ нимъ лѣтъ, но отличавшійся пріятностію обхожденія и кротостію нрава; поступъ его была благородная и величественная; все въ немъ показывало почитливость, умъ и желаніе образоваться.

Среди этихъ переговоровъ касательно поселенія Европейцевъ на островъ, собралась неожиданная гроза. Однажды, безъ всякихъ предварительныхъ угрозъ, корабль *Датфъ* былъ вдругъ окруженъ сотнями байдаръ, на коихъ находилось до 3,000 вооруженныхъ островитянъ. Эмблеръ, одинъ изъ Американцевъ, поселенныхъ на островъ, предупредилъ Вильсона что противъ него составленъ заговоръ, зачинщикомъ котораго былъ какой

то Финау, и что флотилия островитян; по видимому, мирная, готовилась захватить его судно. Тотчас были сдѣланы приготовленія къ защитѣ. Когда байдары подошли къ кораблю, на палубу пускали только начальниковъ, чтобъ взять ихъ заложниками; за другими присматривали. Зачинщикъ Финау замѣтилъ, что Европейцы приняли всѣ мѣры осторожности, и долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній; онъ тотчасъ сталъ увѣрять всѣхъ въ своемъ дружескомъ расположеніи.

Нѣсколько дней спустя, въ бурную ночь, часу въ двѣнадцатомъ, замѣтили съ корабля байдару, которая осторожно подбиралась подъ бунниртъ. Нетрудно было догадаться, что дикіе хотѣли отрубить канатъ, чтобы корабль, гонимый господствовавшимъ тогда вѣтромъ, съѣлъ на коралловыя меліи у береговъ. Часовой выстрѣлилъ изъ ружья по шлюбкѣ, и сидѣвшіе въ ней спаслись впасть.

15 Апрѣля Даффъ вступилъ подъ паруса, оставивъ миссіонеровъ на произволъ островитянъ. Положеніе проповѣдниковъ было сперва довольно пріятно; имъ оказывали уваженіе, ихъ снабжали всѣмъ необходимымъ, они могли, кажется, надѣяться, что предпріятіе будетъ успешно.

Между тѣмъ старикъ Му-муи опасно занемогъ. Для исцѣленія должно было, по древнему обычаю, принести въ жертву одного изъ членовъ его семейства. Тугу-аго избралъ для этого своего младшаго брата Колл-лалю. Его заманили въ засаду въ Ниукалафъ; тоноша отчаянно защищался; вырвался изъ рукъ убійцъ, но наконецъ былъ задушенъ тремя Витійцами, ободряемыми родною его сестрою. Братоубійца Тугу-аго похоронилъ жертву со всѣми почестями и часто самъ приходилъ плакать надъ его гробомъ; опершись локтями о колѣни, закрывъ лице руками, онъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ оставался въ этомъ положеніи, потому удалялся печальный.

Это убійство не спасло однако жизни Му-муя. Его готовились хоронить съ обыкновеннымъ церемоніаломъ; многіе раздирали себя тѣло и размозжали черепъ. Говорили даже, что двѣ изъ женъ покойника хотѣли принести себя въ жертву на фэй-тока. Площадка, гдѣ лежало тѣло, каждый день покрывалась приношеніями разнаго рода. Наконецъ 2 Мая наступили похороны: въ нихъ предсѣдали Туи-тонга, Фа-фина и Фа-

та-фай. Съ разсвѣтомъ четыре тысячи народа собралось кругомъ фэй-тока. Придикомъ звукъ трубъ и восклицаній толпы, сто человекъ, вооруженные копьями и булавами, вышли на фэй-тока. Они стали жестоко драться, рѣзались, кололись, разбивали другъ другу черепы; удары, наносимые булавами, раздавались въ воздухъ на разстояніи пятнадцати и двадцати сажень; поляна обратилась въ кровавое болото! Одинъ въ изступленіи бросался самъ на копья и вонзалъ ихъ себѣ въ тѣло, другіе пробивали себѣ насквозь ладони и руки; все это сопровождалось самыми трогательными словами, самыми нѣжными прощаніями, обращенными къ покойнику. Одинъ изъ жителей Вити, слуга покойника, намазалъ себѣ темя и волосы масломъ и зажегъ ихъ. Онъ важно ходилъ по площади съ пылающею головою. Послѣ этой первой партіи страдальцевъ, появилась вторая, потомъ третья, и каждый изъ нихъ силълся превзойти своими неистовствами предшествовавшую; каждый старался выдумать себѣ истязаніе, до высшей степени ужасное.

Заунывные и нѣжные пѣсноп замѣнили эти жестокія дѣйствія; около ста сорока женщинъ вышли, одна за другою, въ одну линію, каждая съ корзиною, наполненною пескомъ; за ними шли восемьдесятъ мужчинъ, держа по корзинѣ въ каждой рукѣ; они пѣли: «*вотъ благословеніе усопшихъ!*» Женщины повторяли ихъ слова. Потомъ явилась другая толпа женщинъ съ множествомъ кусковъ ткани, повторяя тотъ же печальный припѣвъ. Эти группы вмѣстѣ пошли къ гробу, покрывая на пути прекрасными цыновками и драгоценными полотнами все пространство поляны между хижинною, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежало тѣло, и могилою. Вскортъ при звукѣ трубъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, и при жалобныхъ напѣвахъ толпы, тѣло было вынесено въ фэй-тока, на огромной связкѣ изъ черныхъ полотень. Снова начались приношенія: гробъ покрыли полотнами, веколѣнными цыновками и разными драгоценными предметами. Каждый островитянинъ, каждый вожь несъ подарокъ, соразмѣрный своему званію и состоянію. Тугу-аго прислалъ тридцать пять тюковъ полотна, на тридцати пяти носилкахъ. Между тѣмъ истязанія продолжались: одни давали себѣ рубить по составу отъ пальцевъ, другіе пзувѣчивали и царапали себѣ лицеко-

косовыми скорлупами, привязанными къ пальцамъ. Рождественники и слуги покойника наиболѣе отличались неистовою ревностію въ изъясненіи грусти.

Тѣло было положено въ гробъ, т. е. въ углубленіе въ верхней части фая-тока, покрытое каменною плитою въ восемь футъ длины, въ четыре ширины и въ одинъ футъ толщиною. Чтобы поднять этотъ камень, дѣйствовали двумя толстыми веревками, устроили точку опоры и употребили силу ста пятидесяти человекъ. Когда тѣло было опущено въ яму, могилу закрыли медленно, а женщины и дѣти горько плакали, восклицая: «*мой отецъ! мой отецъ! о лучший изъ вождей!*» Въ то время какъ камень спускался надъ могилою, въ отвѣтъ бросали еще полотна и циновки; иные въ порывѣ быстраго снѣжени терзали себя, какъ будто боясь потерять послѣднюю минуту. Наконецъ неистовство утихло. Когда веревки были сняты, съ вершины могильнаго бугра раздался продолжительный крикъ, на который отвѣчали всѣ присутствовавшіе, разрывая гирлянды изъ листьевъ драцены, виствншія у каждаго на шеѣ. Такъ прошелъ первый день траура. Трауръ продолжался еще около мѣсяца, но уже съ меньшимъ неистовствомъ, и 28 Мая кровавыя похороны заключились огромнымъ бу-мен.

Таковъ былъ народъ, среди котораго жили миссіонеры, принужденные быть свидѣтелями этихъ языческихъ обрядовъ, почти не предвидя возможности уничтожить ихъ; къ тому же положеніе ихъ вовсе не улучшалось. Американскіе дезертиры Консели и Емблеръ, къ которымъ присоединились товарищи ихъ Морганъ, дѣлали имъ множество непріятностей. Хотя Тугу-аго не вѣрилъ этимъ злымъ людямъ и продолжалъ оказывать покровительство миссіонерамъ, но они заблагоразсудили не оставаться долѣе подъ защитою одного только вождя и разсѣлились по всему острову. Только двое остались при немъ; другіе избрали себѣ покровителями четырехъ эгуевъ, самыхъ сильныхъ послѣ Тугу-аго. 14 Мая Тугу-аго принялъ торжественно званіе туп-кана-кабою, и переименовалъ свое имя Финнау-тугу въ Талай-табу, названіе божества его семейства. Подъ опасеніемъ смертной казни надо было называть его этимъ именемъ: Тугу не любилъ шутить съ тѣми, кто провинился. Гости его, миссіонеры, не однократно имѣли случай видѣть

примѣры его неумолимой строгости. Кто имѣлъ несчастіе не понравиться ему, тому, безъ причины, безъ суда, онъ приказывалъ отрубить руку. Однажды разгнѣвавшись на какого то бѣдняка, онъ повелѣлъ схватить его, связать руки надъ головою, и въ этомъ положеніи жечь ему подмышки раскаленными головнями. Миссіонеры насилу выпросили страдальцу помилованіе.

Около этого времени Тонга-табу претерпѣлъ сильные удары землетрясенія, которые нѣсколько разъ возобновлялись и привели въ ужасъ все народонаселеніе. Жители приписывали бѣдствіе гнѣву готуасвѣ и употребляли противу нихъ заклинанія, пѣсни и приношенія. Удары были часты; ихъ почти можно было предчувствовать; нѣкоторые были такъ сильны, что разрушали строенія и выворачивали деревья съ корнями.

Корабль Даффъ заходилъ еще разъ въ Тонга-табу и отплылъ въ Европу 7 Сентября 1797 г., препоручивъ миссіонеровъ покровительству Бога. Послѣ этой эпохи, тридцать лѣтъ сряду ни одинъ извѣстный мореплаватель не посѣщалъ эти мѣста, ни одна Христіанская миссія не была сюда посылана; развѣ случайно приставали къ берегамъ какіе нибудь искатели приключеній, и тѣ почти все погибали. Исторія этого періода осталась бы совершенно не извѣстною, если бы Англичанинъ Мернеръ, претерпѣвшій кораблекрушеніе въ *Прищевомъ портѣ*, не собралъ отъ жителей нѣкоторыхъ свѣдѣній и не передалъ ихъ намъ.

Верховнымъ владѣтелемъ и тираномъ страны былъ тогда Туго-аго, или Талай-табу. Онъ царствовалъ какъ палачъ: рубилъ, изувѣчивалъ свой народъ, какъ Турецкій паша. Для препровожденія времени, въ одномъ собраніи кава онъ велѣлъ отрубить лѣвыя руки двѣнадцати изъ своихъ слугъ. Когда ему не нравилось чье либо лице, онъ приказывалъ отрезать носъ или ухо, или выколоть глаза: таковы были эго царскія забавы.

Жестокость его, доходившая до безумства, вывела наконецъ изъ терпѣнія другихъ вождей, и въ томъ числѣ могущественнаго эгуя, по имени Тубо-шуга. Вместе съ братомъ своимъ Финнау, владѣтелемъ всѣхъ Гапайскихъ острововъ, платившихъ дань Туго-аго, они рѣшились освободить архипелагъ отъ неистоваго изверга. Для исполненія этого предпріятія, они въ одинъ вечеръ, кажется, въ Маѣ 1799 г., соединились съ

своими товарищами въ Гифо, гдѣ Туго-аго имѣлъ пребываніе, подѣ предлогомъ поклоненія и принесенія ему даровъ. Поздній часъ вечера не позволялъ имъ явиться къ нему, и потому ихъ пригласили переночевать. Когда все заснуло, заговорщики встали: Финау долженъ былъ съ своими людьми стеречь выходы изъ царскаго дома, а Тубо-ниуга взялъ на себя проникнуть внутрь дома и умертвить тирана собственною рукою. Смѣлый заговорщикъ достигъ свою жертву, и чтобы Туго-аго зналъ, чья рука несетъ ему смерть, онъ разбудилъ его, говоря: «гляди, это я, Тубо-ниуга;» потомъ ударомъ булавы умертвилъ его на мѣстѣ. За этимъ убійствомъ послѣдовало ужасное кровопролитіе; все семейство зу погибло, за исключеніемъ трехлѣтняго мальчика, котораго Тубо-ниуга усыновилъ и спасъ отъ смерти.

Эта горсть людей счастливо совершила свое предпріятіе, но не имѣла довольно силы, чтобы тутъ же противустать мстительному нападенію друзей и родственниковъ жертвы. Тубо-ниуга и Финау удались въ округъ Гагви, для наблюденія за движеніями противниковъ. При извѣстіи о случившемся, весь островъ Тонга-табу встрепетнулся. Призывный голосъ военной трубы раздавался съ конца на конецъ; открылось поголовное вооруженіе противу убійцъ. Они съ своей стороны соединили все свои силы морскія и сухопутныя, разбили непріятельскій флотъ, вышли на берегъ въ Гифо и завязали дѣло съ находившимся тамъ войскомъ. После упорнаго сраженія, Финау и его братъ принуждены были уступить; они возвратились въ Гагви, гдѣ случай доставилъ имъ могущественнаго союзника. То былъ Тун-гала-фатай, побѣдитель острововъ Вити, знаменитѣйшій воинъ Тонгайскихъ острововъ. Собравъ подобныхъ себѣ бродягъ, онъ два года воевалъ съ храбрыми и жестокими племенами Вити, опустошилъ ихъ земли и жилища, истребилъ обитателей, и упоенный успѣхами и грабежомъ, возвратился въ Тонга-табу въ то самое время, когда Финау былъ принужденъ уступить превосходству противныхъ силъ. Какова была радость побѣжденныхъ, когда ихъ пришли предложить свой союзъ люди, дышавшіе только войною и радовавшіеся случаю воевать на родной землѣ. Неугомонный предводитель бродягъ страдалъ смертельною бо-

лезнію; ему оставался еще день жизни; онъ рѣшился воспользоваться имъ по сердцу.

Непріятельскія дѣйствія начались на другой же день, 29 Мая. Тун-гала-фатай, Финау и Тубо-ниуга двинулись къ округу Гифо; противники ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали боя, что встрѣтили ихъ на половинѣ пути. Сойдясь, оба войска остановились для отдыха, будто по общему согласію; но Тун-гала-фатай, потерявъ терпѣніе, бросился съ своими воинами на непріятельскій отрядъ. Битва сдѣлалась общою; обѣ стороны дрались съ неистовымъ мужествомъ; кровопролитіе было ужасно. Три вѣсначальника, Тун-гала-фатай, Тубо-ниуга и Финау, оказали чудеса храбрости. Первый, чувствуя, что болѣзнь должна скоро прекратить его жизнь, искалъ смерти геройской; онъ приготовилъ себѣ ложе изъ груди непріятельскихъ тѣлъ и палъ подѣ двадцатью ударами. Тубо-ниуга, одаренный болѣею силою, стоялъ еще окруженный труппами сорока непріятелей, сраженныхъ его булавою; Финау, соединяя благоразуміе съ храбростію, былъ осторожнѣе ихъ, и не бросался слѣпо въ опасности. Одушевленные тремя вождами, воины дрались какъ львы; непріятель былъ разбитъ. Но побѣда стоила дорого Финау и не обезпечивала его отъ новыхъ нападеній со стороны приверженцевъ умерщвленнаго зу. Онъ удалился въ свои владѣнія, въ Гапай, дважды побѣдилъ въ Намукт своихъ противниковъ, и тѣмъ утвердилъ свою власть надѣ всемъ архипелагомъ. Не обошлось безъ преслѣдованій и казней; ужасная месть постигла многихъ эгуевъ и мата-булсевъ. Однихъ кучами бросали въ байдары, которыя были потомъ пробиваемы или пускались въ открытое море; другихъ привязывали къ шестамъ, воткнутымъ въ землю, и морили голодомъ. Островитяне утверждаютъ, что и донынѣ въ шумѣ волнъ слышны стоны этихъ жертвъ.

По утвержденіи своей власти, Финау и Тубо-ниуга замыслили покорить Вавао. Владѣтельный князь этихъ острововъ, находившійся въ зависимости отъ Туго-аго, сопротивляясь воителямъ, хотѣлъ истомить ихъ ежедневными стычками; но эта партизанская война длилась не болѣе двухъ недѣль, и Финау остался наконецъ владѣтелемъ большаго острова. Онъ ввѣрилъ правленіе его брату своему Тубо-ниуга, а самъ возвратил-

ся въ Гапай, для приготовленія похода на Тонга-табу.

Въ Тонга-табу царствовало тогда самое плачевное безначаліе. Отъ Туго-аго не осталось прямаго наследника, и потому множество искателей имѣли притязаніе на верховную власть. Островъ былъ раздѣленъ на двадцать партій, между коими дробилась правительственная сила. Въмѣсто одного царя, ихъ было двадцать, и каждый сидѣлъ запершись въ своей крѣпости; они нападали одинъ на другаго, грозили другъ другу, дрались, но вопросъ, кто будетъ первенствовать оставался не рѣшеннымъ. Миссіонеры находились въ самомъ критическомъ положеніи между этими мелкими и не постоянными царьками, изъ которыхъ многіе угнетали ихъ и весьма немногіе оказывали имъ слабое покровительство. Три миссіонера были умерщвлены въ 1799 г. по разбитіи покровителей ихъ вождя Веа-тчи. Пятеро найдены и спасены кораблемъ, который, къ ихъ счастью, зашелъ въ Тонга-табу въ Январѣ 1800. Наконецъ послѣдній, пасторъ Визонъ, жившій съ нѣкотораго времени въ Вавао, имѣлъ счастье спастись на корабль, находившемся въ виду береговъ, въ то время, когда уже было дано повелѣніе умертвить его.

По удаленіи миссіонеровъ безначаліе въ Тонга-табу еще усилилось. Туи-тонга, для сохраненія своей жизни, долженъ былъ удалиться въ Вавао, куда съѣзжались отъ времени до времени, для поклоненія, островитяне со всѣхъ другихъ острововъ. Финау торжествовалъ; пребываніе при немъ духовнаго главы Тонга освящало его права; онъ громкогласно хвалился этимъ, и называлъ своихъ соперниковъ буштовщиками и нечестивцами.

Островъ, раздраемый междоусобіемъ, былъ неприступенъ для Европейцевъ. Не долго спустя по убійствѣ миссіонеровъ, экипажъ корабля *Аргосъ*, претерпѣвшаго крушеніе у группы острововъ Вити, искалъ спасенія на Тонгайскихъ островахъ и весь погибъ въ битвахъ съ дикими, за исключеніемъ одного только человека, который успѣлъ спастись на шедшій мимо корабль. Вскорѣ на этихъ берегахъ совершилось новаго рода злодѣйство: до того времени дикіе имѣли дѣло только съ военными судами, и потому ихъ коварные умыслы не могли имѣть успѣха; но съ купеческими кораблями имъ гораз-

до легче было управиться. Первою ихъ добычею былъ корабль *Duke-of-Portland*, капитанъ Милонъ. Измѣною одного Малайца и Американскаго дезертира, по имени Дойль, вся команда была умерщвлена, за исключеніемъ хилаго старика, четырехъ юнговъ и мулатки, по имени Элизы Мозей. Дикари пощадили ихъ на время, ради возраста, желая употребить этихъ людей для сгуженія и разрушенія судна, съ тѣмъ, чтобы потомъ умертвить ихъ также, дабы не оставалось ни какихъ слѣдовъ злодѣянія. Дойль управлялъ всѣмъ и былъ душею этого злодѣйства. Уже нѣсколько дней сряду корабль разгружали, когда въ одно утро старикъ съ юнгамъ напали въ распloxъ на измѣнника, убили его, согнали съ корабля дикарей, и перерубивъ канаты, вышли въ море, оставляя на островѣ Элизу Мозей. О судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно; нѣтъ почти сомнѣнія, что они погибли гдѣ нибудь у другихъ береговъ.

Ню-Йоркскій корабль *Союзъ*, капитанъ Псаакъ Пендлетонъ, испыталъ въ свою очередь ужасное бѣдствіе. 1 Октября 1804 года онъ зашелъ въ Тонга-табу; капитанъ, субрекартъ и нѣсколько матросовъ съѣхали на шлюбокъ на берегъ. День прошелъ, прошла и ночь, они не возвращались. На другой день старшій по капитану офицеръ, Рейтъ, сильно безпокоился о судьбѣ своихъ товарищей, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день, какъ и наканунѣ, ни одна байдара съ берегу не подходила къ кораблю. Тонгайцы только знаками требовали, чтобы другая шлюбка была отправлена, стараясь дать понять, что капитанъ купилъ свиней и припасы, для перевоза которыхъ одной шлюбки было не достаточно. Рейту это показалось странно, тѣмъ болѣе, что военныя байдары стали мало по малу окружать судно, и что дикари, вооруженные булавами, видимо готовились къ абордажу. Чтобы унять ихъ нѣсколько, выставили орудія, готовы къ дѣлу; дикіе удалились и оставались въ нѣкоторомъ разстояніи. Между тѣмъ большая байдара, отчаливъ отъ берега, поспѣшно гребла къ кораблю, пробираясь между флотиліей байдаръ; на бакѣ стояла женщина; съ корабля легко узнали, что она не принадлежала къ племеніи дикихъ. Американцы были удивлены этимъ явленіемъ, особенно, когда женщина, съ живостію переговоривъ нѣсколько словъ съ эгуемъ байдары, вдругъ бросилась

въ море, чтобы въ плавь спастись на корабль. Съ моря она кричала офицеру «остерегитесь! дикіе убили на берегу капитана и его людей.» Тотчасъ стали стрѣлять по байдарѣ, чтобы спасти женщину, которую приняли на корабль; островитяне, видя, что они теряютъ свою добычу, внезапно со всѣхъ сторонъ устремились на корабль. Ядра картечь, ружейный огонь, ничто не могло остановить ихъ. Море было покрыто трупами и обломками байдаръ; стоны раненныхъ и умирающихъ оглашали воздухъ, но дикари все съ большимъ остервененіемъ цѣплялись къ кораблю, рѣшась, по видимому, овладѣть имъ, или погибнуть. Они бы достигли своей цѣли, если бы Рейгъ не отрубилъ канатовъ. Когда, развернувъ паруса, корабль получилъ ходъ и растоптавъ килемъ байдары, вырвался изъ рукъ дикарей, тогда раздались ихъ свирѣпыя восклицанія, какъ ревъ тигра, выпустившаго свою добычу.

Легко угадать, что женщина, которую взяли на корабль, была Элиза Мозей, спасшаяся отъ бѣдствія корабля *Duke-of-Portland*. Она рассказала, какимъ образомъ дикіе успѣли притворною дружбою заманить капитана и его товарищей во внутренность острова, и тамъ умертвили ихъ. Они хотѣли заманить еще другую шлюбку, чтобы тоже сдѣлать съ ея экипажемъ. Но Элиза рѣшилась спасти несчастныхъ. Она предложила дикимъ свои услуги: увѣряя, что будетъ содѣйствовать обману и просила чтобы ее отправили къ кораблю уговорить офицера послать на берегъ другую шлюбку. Между тѣмъ тайное намѣреніе ее состояло въ томъ, чтобы открыть истину и спастись на корабль. Рѣшимость этой женщины была увѣнчана успѣхомъ. Корабль плылъ свободно по океану, чудомъ спасенный отъ дикарей Тонга-табу. Но роковая гибель ожидала его далѣе; нѣсколько дней спустя онъ разбился у острововъ Вити, гдѣ дикари изжарили и съѣли несчастныхъ моряковъ.

Послѣ этого бѣдствія весьма немногіе купеческіе корабли заходили въ Тонга-табу. Капитанъ Тарибуль прошелъ въ 1803 году близъ Эоа не останавливаясь; Кембъ, на корабль Гаррингтонъ, зашелъ въ Тонга-табу въ 1809 г., и предвидя нападеніе, вышелъ въ море, не имѣвъ сообщеній съ берегомъ; напротивъ того, Броунъ, капитанъ корабля *Port-au-Prince* сдѣлался жертвою своей неосторожности.

Port-au-Prince былъ превосходный корабль; экипажъ его состоялъ изъ ста чело-вѣкъ; двадцать четыре 12 фунт. пушки и восемь каронадъ того же калибра представляли вѣрныя средства защиты; онъ зашелъ на Гапайскіе острова, въ Лесуга, 29 Ноября 1806 г. Обманутый дружескими пріемами островитянъ, капитанъ Броунъ съѣхалъ на берегъ 1 Декабря, и чрезъ полчаса была рѣшена судьба его и его судна. Броуна умертвили на берегу вмѣстѣ съ его товарищами, а между тѣмъ эгуи Тубо-тоа овладѣлъ кораблемъ. Изъ 62 Европейцевъ 36 были убиты, 26 удержаны въ плѣну. Въ числѣ послѣднихъ находился и Меринеръ (Рис. XIV. ф. 1), о которомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, и которому мы обязаны самыми любопытными подробностями этой исторіи. Меринеръ, умный и хорошо воспитанный молодой чело-вѣкъ, былъ въ самомъ жалкомъ состояніи, когда царь Финнау принялъ въ немъ участіе: онъ взялъ его къ себѣ и почти усыновилъ. Меринеръ сдѣлался настоящимъ Тонгаемъ; онъ принялъ нравы и одежду островитянъ, и приновился къ ихъ обычаямъ. Другой Европейецъ, Синглетонъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе въ томъ же году, подобно Меринеру, покорился своей судьбѣ, и жилъ въ Тонга-табу еще въ 1831 г., когда туда заходилъ капитанъ Вальдегравъ.

Добыча такого корабля, каковъ *Port-au-Prince*, была весьма важна въ политическомъ отношеніи для царя Финнау; ему достались пушки, военные снаряды, реп, мачты, веревки, желѣзо. Онъ такъ дорожилъ всѣми этими вещами, что безъ милосердія казнилъ смертію всякаго, кто осмѣливался похитить что нибудь, говоря, что жизнь такого бездѣльника была не нужна обществу.

Чтобы легче и скорѣе добыть желѣзо изъ корабельнаго корпуса, Финнау приказалъ сжечь корабль до самой ватерлиніи; такимъ образомъ подводная часть всплыла и была вытащена на берегъ, гдѣ ее сломали и разобрали. Сами Англичане должны были работать при этомъ; они показали дикимъ механическія средства свести пушки на берегъ; научили ихъ употребленію пушекъ, и сами сдѣлались артиллеристами Финнау. При этомъ было много явленій забавныхъ и любопытныхъ. Большая часть вещей на кораблѣ были совершенно новы для дикарей; они не знали, какъ и куда употреблять

ихъ, и удивлялись всему, что имъ показывали. Такъ напримѣръ часы, безпрестанный ихъ шумъ и незамѣтное движеніе, привели этихъ людей въ совершенное смущеніе; они брали ихъ въ руки, поворачивали во все стороны, съ испугомъ отбрасывали и опять приступали къ нимъ. Сперва они сочли ихъ животнымъ, потомъ думали, что это растеніе. Наконецъ обратились къ Меринеру, который растолковалъ имъ, сколько могъ, механизмъ часовъ; когда они поняли нѣсколько, то все кричали: *фонуа-бото* (какая умная страна!).

Ободренный новопріобрѣтеннымъ оружіемъ и Европейцами, которые были въ его службѣ, Финау замыслилъ снова покорить Тонга-табу. Онъ образовалъ свое войско и артиллерію, состоявшую изъ Англичанъ съ четырьмя походными каронадами, собралъ все свои силы въ Намука, сдѣлалъ имъ смотръ на малѣ, посадилъ на 170 байдаръ и на другой же день присталъ къ Нангаймоду. Отъ Мафанга, мѣста священнаго, которое обѣ воюющія стороны должны были уважать, были посланы подарки къ Гапайскому царю, и онъ вмѣстѣ съ своими матабулеями отправился туда для совершенія обряда *моги* на гробъ своего отца. Онъ снялъ съ себя обыкновенныя свои одежды изъ крашенныхъ полотня, покрылся простыми цыновками, и въ знакъ смиренія надѣлъ на шею гирлянды изъ листьевъ *ифи*; сановники его сдѣлали тоже: они все съли по восточному предѣ гробомъ, поджавъ ноги; около минуты были себя кулаками по щекамъ, не произнося ни одного слова, ни одной жалобы; засимъ одинъ изъ главныхъ матабулеевъ произнесъ слѣдующее воззваніе къ духу отца Финау. «Узри», говорили онъ, «сего вождя, пришедшаго въ Тонга на пораженіе враговъ; будь къ нему благодатенъ; даруй ему твое покровительство: онъ идетъ на войну, убѣжденный въ правоту своего дѣла; онъ всегда оказывалъ глубокое уваженіе къ тун-тонгаю, и тщательно исполнялъ все священные обряды.»—Послѣ этой молитвы были положены на фай-тока въ стебли кава, и Финау удалился вмѣстѣ съ своими людьми.

Военныя дѣйствія открылись въ тотъ же день. Финау подвинулся къ крѣпости или коло Нику-лафал, одному изъ самыхъ неприступныхъ мѣстъ на островѣ. Это цитадель круглой фигуры, занимающая пространство

отъ четырехъ до пяти акръ, во ста сажень отъ берега. Она была ограждена двойнымъ рядомъ напсадовъ вышиною въ девять футовъ и рвами глубиною въ двѣнадцать футовъ. Чрезъ каждые пятнадцать сажень находились платформы въ девять квадратныхъ футовъ, откуда осажденные могли метать камни и бревна. Кромѣ многихъ небольшихъ выходовъ, крѣпость имѣла четверо воротъ, которые внутри закрѣплялись толстыми перекладинами изъ кокосоваго дерева. Для обыкновеннаго образа войны островитянъ, крѣпость эта была неприступна; но она не устояла противу артиллеріи Финау. Сперва ружейнымъ огнемъ были очищены платформы; потомъ пушки начали свое дѣло. Финау, сидя на креслѣ, доставляемъ ему съ корабля, смотрѣлъ на дѣйствіе артиллеріи. Онъ не могъ видѣть вреда, который былъ наносимъ непріятелю, и потому сперва разгнѣвался; но чрезъ нѣсколько часовъ войдя въ крѣпость, изъ которой гарнизонъ удался, онъ увидѣлъ до четырехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ, поздравилъ Меринера и его товарищей съ ихъ искусствомъ, благодарилъ за содѣйствіе, и съ тѣхъ поръ сталъ обходиться съ ними гораздо лучше.

Въ уносѣннѣ побѣды, крѣпость Нику-лафалъ была сожжена; но нѣсколько дней спустя, жрецы начали утверждать, что боги ихъ требовали выстрѣлить крѣпость снова; войско Финау было употреблено на эту работу.

Война приняла однако же оборотъ, котораго не ожидалъ Гапайскій царь. Непріятель избѣгалъ общей встрѣчи, гдѣ артиллерія перессиливала и храбрость и превосходство войска, ставилъ засады, истреблялъ цѣлыя отряды, драгся изъ-за кустовъ, изъ-за ущелий. Въ одной изъ этихъ стычекъ, Меринеръ упалъ въ яму и неминуемо погибъ бы, если бы не былъ спасенъ храбростью четырехъ преданныхъ ему товарищей. Тридцать Гапайцевъ пали кругомъ его, послѣ упорнаго сопротивленія. Въ этомъ дѣлѣ наиболѣе удивило нашего Европейца единоборство одного Гапайскаго вождя съ Тонгайскимъ. При первомъ ударѣ, булавы ихъ сломались; они вступили въ кулачный бой, затѣмъ стали бороться грудью съ грудью; изнеможенные, полумертвые отъ усталости, они упали на землю одинъ возлѣ другаго, цинались, кусали другъ друга, пока въ нихъ была сила, потомъ остались совершенно недвижимы отъ изнуренія. Оправившись мало

по малу, они не рѣшились начать снова борьбу, и по обоюдному согласію удалились каждый къ своей крѣпости.

Война, обратившаяся такимъ образомъ въ частныя стычки, породила ужасныя бѣдствія. Поля остались не засеянными; сдѣлался голодъ; стали убивать, жарить и есть плѣнниковъ. Одинъ былъ человеческое мясо по вкусу, другіе по нуждѣ, третьи изъ честн. Когда плѣнники были съедены, воины одной партіи стали убивать другъ друга и своихъ ближнихъ для пропитанія. Меринеръ говоритъ, между прочимъ, что два брата заманили къ себѣ свою тетку, обѣщавъ дать ей мяса, умертвили ее и раздѣлили между собою тѣло. Въ Тонгайскомъ войскѣ также свирѣпствовалъ голодъ. Двѣ дочери Нугунугуйскаго вождя пригласили двухъ молодыхъ вождей сыграть партію *лафо*; ставка была со стороны дѣвушекъ корень мяса, который онѣ облизывались раздѣлить съ ними безъ всякаго себѣ возмездія, въ случаѣ проигрыша; но въ случаѣ выигрыша, молодые люди должны были также получить половину мяса, съ тѣмъ однако же, чтобы въ награжденіе поставить человеческое тѣло и раздѣлить его пополамъ съ дѣвушками. Дѣвушки выиграли, и молодые люди, свѣвъ въ засаду у непригтельской крѣпости, поставили имъ, для исполненія своего обязательства, половину пойманнаго непригтеца.

Финнау видѣлъ необходимость возвратиться въ свои владѣнія послѣ столь долгой отлучки; онъ искалъ только удобнаго предлога кончить кровопролитную и бесплодную войну. Смерть туй-тонгаля представила ему благовидную причину. Онъ хотѣлъ быть на похоронахъ этого духовнаго главы, умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ. Однако жъ не желая утратить плодовъ своихъ подвиговъ, онъ уступилъ крѣпость Нику-лафа Вейскому вождю Таркаю, одному изъ лучшихъ воиновъ Тонга-табу, принявшему его сторону и признавшему его гу или царемъ всего архипелага. Все это было только притворствомъ съ его стороны, и прежде нежели Финнау съѣлъ, на суда, крѣпость была предана огню. Еслибъ не жрецы, заставлявшіе его спынить отъѣздомъ, то Финнау отмстилъ бы за измѣну, и вѣроятно Таркай и его семейство были бы истреблены, но политическая месть должна была уступитьъ религіозному обряду. Финнау возвратился въ Намука, потомъ въ Лефуга, гдѣ совершался тогда об-

рядъ торжественнаго спятія табу, наложеннаго на всѣ произведенія почвы. Новый туй-тонга председатель на этомъ торжествѣ, и пять дней спустя женился на одной изъ дочерей Финнау, дѣвушкѣ лѣтъ восемнадцати; туй-тонгаю было лѣтъ около сорока; кажется, онъ былъ младшій братъ своего предшественника.

Другая война вспыхнула нѣсколько времени спустя. Одинъ изъ сыновей Тубо-аго, по имени Туба-тоа, поклялся отомстить за смерть своего отца его убійцѣ Тубо-ниуга. Онъ далъ обѣтъ не пить кокосоваго молока, доколѣ не совершитъ мщенія. Съ твердостью стремясь къ цѣли, онъ вкрался въ пріазнь къ Финнау, сталъ очернять Тубо-ниуга и представлять его опаснымъ соперникомъ. Эти намѣтки подѣйствовали на умъ Финнау; онъ началъ завидовать брату за сильное вліяніе его въ Вавао, и даже далъ замѣтить, что желалъ бы отъ него отдѣлаться.

Для Тубо-тоа было довольно. Рѣшившись на смертоубійство, онъ подстергъ минуту, когда Тубо-ниуга былъ въ Лефугѣ, и подослалъ четырехъ убійцъ, которые умертвили его предъ глазами Финнау. Финнау не оказалъ ни какого сопротивленія, но потомъ публично протестовалъ. Тѣло убитаго было похоронено съ величайшими почестями и со всѣмъ церемоніаломъ, присвоеннымъ его сану, въ могилѣ его предковъ.

Чтобы лучше держать подъ своею властію далекую страну, Финнау назначилъ въ это время правительницею Вавао тетку свою, Туй-уму. Вожди присягнули въ вѣрности Гапайскому царю надъ чапсею священнаго кава; но чрезъ три недѣли Вавао и его правительница возстали противъ Финнау, обвиняя его въ соучастіи въ убійствѣ Тубо-ниуга. Весь островъ провозгласилъ свою независимость, и въ Фель-тоа начали строить крѣпость.

Новая война отвлекла вниманіе Гапайскаго царя отъ замысловъ на Тонга-табу. Для него гораздо важнѣе было покореніе Вавао. Финнау немедленно переехалъ въ Ганао, одинъ изъ Гапайскихъ острововъ, съ 4000 войска, и оттуда, на трехъ байдарахъ, съ авангардомъ своимъ поплылъ въ Вавао. Онъ вышелъ на берегъ въ Най-афу, мѣсто священное на этомъ островѣ, такъ же какъ Мафанга въ Тонга-табу. Отсюда Финнау двинулся къ самой цитадели бунтовщиковъ, и открылъ предъ нею переговоры. Вавао-

скіе вожди не уклонялись от переговоров; они соглашались признать Финау своимъ царемъ, но съ тѣмъ что бы онъ поселился на ихъ островѣ, и удержалъ бы при себѣ только небольшое число Гапайцевъ; въ случаѣ же нежеланія его оставаться постоянно въ Вавао, они предлагали ему платить ежегодную подать и управляться сами собою, а не намѣстниками изъ Гапайцевъ. «Мы утомлены войною,» говорили они; «желаемъ прочнаго и спокойнаго мира.»

Финау съ гнѣвомъ принялъ это предложеніе; онъ съѣлъ на байдары съ угрозами; возвратился въ Ганао, собралъ весь свой флотъ и отправился противу бунтовщиковъ съ 5,000 войска, на 150 байдарахъ. Англійскіе артиллеристы находились при немъ съ двумя пушками. На слѣдующій день они вышли на берегъ въ Най-афу, и на третій день грозныя ихъ силы находились уже предъ крѣпостью.

Осажденные не упали духомъ. Они встрѣтили непріятеля тучею стрѣлъ. Финау не отвѣчалъ и потребовалъ краткаго перемирія, чтобы родственники и друзья, находившіеся въ двухъ воюющихъ сторонахъ, могли свидѣться и проститься. Это произвело трогательное явленіе; съ той и съ другой стороны было пролито много слезъ; дикіе съ нѣжностію обнимались, горюя о тяжелой необходимости войны. Можетъ быть, все окончилось бы миролюбно; но одинъ изъ осажденных пустилъ стрѣлу въ Меринера, который стоялъ въ первыхъ рядахъ; онъ не попалъ въ него; Англичанинъ выстрѣлялъ изъ ружья и убилъ зачинщика. Это было знакомъ общей кровопролитной битвы, которая кипѣла цѣлый день. Почти все убійцы Тубо-иуги лишились жизни; жена Тубо-тоа попала въ плѣнъ. Но осажденнымъ дорого стоили ихъ успѣхи; пушки опустошали ряды ихъ и не оставляли имъ другой надежды кромѣ геройской смерти. Впрочемъ громоносныя жерла не устрашали смѣлыхъ дикарей; многіе приступали къ нимъ отчаянно, даже ругались надъ ними. Одинъ изъ осажденных, чтобы ободрить своихъ, вышелъ на единоборство съ пушкою. Когда хотѣли изъ нее стрѣлять, онъ приступилъ прямо къ той пушкѣ, которою управлялъ Меринеръ. Англичанинъ навелъ на него жерло, но въ то мгновеніе, когда выпалили, дикарь уналь на землю и спасся отъ ядра; потомъ всталъ; ругаясь надъ пушкою, и пу-

стилъ въ нее свое копье. Меринеръ прицѣлился въ него изъ ружья, но и въ этотъ разъ пущенная изъ крѣпости стрѣла отвратила выстрѣлъ, и безстрашный витязъ съ торжественнымъ восклицаніемъ возвратился въ крѣпость. Съ того времени его прозвали *Фана-фануа*, что на ихъ языкѣ значитъ пушка (*фана* лукъ и *фануа* земля.)

Битва упорно продолжалась до самой ночи. Крѣпость устояла противу всѣхъ усилій Финау. Неудача заставила его отступить въ Най-афу, гдѣ онъ съ своей стороны долженъ былъ укрѣпиться. Тогда война обратилась въ вылазки и частныя стычки, на которыхъ побѣда оставалась то на той, то на другой сторонѣ. И эта война была ознаменована геройскими подвигами, похищеніемъ жепъ, человеческими жертвами, эпизодами воинственными и религіозными, вызовами, единоборствами, точно Гомерическая эпопея.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ послѣ долгихъ и безплодныхъ усилій, Финау, видя, что насильственные средства не помогали, обратился къ мирнымъ переговорамъ. Онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ Вавайскими вождями, и успѣлъ склонить ихъ признать его своимъ царемъ. Онъ обѣщалъ имъ тогда поселиться въ Вавао съ небольшимъ числомъ мата-булессъ, и отправить остальное войско на Гапайскіе острова, правленіе которыхъ ввѣрялъ Тубо-тоаю. На другой же день онъ вышелъ въ крѣпость съ главными офицерами своего войска; поклонился царницѣ Туи-уму, и окончательно заключилъ миръ. Но едва совершивъ это, онъ тотчасъ же нарушилъ условія, предалъ огню крѣпость Фель-тоа и удержалъ за собою Най-афу. Обезоруживая своихъ непріятелей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильно возбудилъ ихъ опасенія; они рѣшились присоединиться къ Таркаю и къ недовольнымъ Тонгатабу, вмѣсто того чтобы ожидать на островѣ рѣшенія своей судьбы. Послѣдствія оправдали ихъ опасенія.

Около того времени (1807-1808) корабль изъ Портъ-Джакеона доставилъ обратно на эти острова Тонгатабуйскаго вождя и жену его Фата-фай, которые провели два года въ Англійской колоніи Сидней. Финау видѣлся съ эмигрантами, описавшими ему не весьма пріятными красками образъ жизни и гостепріимство Европейцевъ. Они рассказали, что въ городахъ, видѣнныхъ ими, можно было умереть съ голоду предъ лавкою, набит-

тою съестными припасами; что тамъ только деньги дѣлали людей эгуями, и что несчастные жители съ утра до вечера работали, для добыванія денегъ.

Слово деньги произвело глубокое впечатлѣніе на умъ Финау. Онъ спрашивалъ объ этомъ предметѣ поясненій у Меринера и у всѣхъ Англичанъ. «Что такое деньги?», говорилъ онъ; «изъ чего онѣ дѣлаются? Нежелѣзо ли это? Можно ли изъ нихъ дѣлать оружіе, или какіе полезные инструменты? Гдѣ ихъ достаютъ? Если ихъ можно дѣлать, отчего каждый не займется этою работою, чтобы потомъ ихъ мѣнять на нужные ему вещи?» Въ отвѣтъ на это, Меринеръ объяснилъ, какъ только могъ, монетную систему Европы, употребленіе денегъ, достоинство драгоценныхъ металловъ, ихъ рѣдкость и пользу, какъ предметовъ роскоши, привилегію, присвоенную царямъ чеканить изъ нихъ монету съ своимъ гербомъ, служащую необходимымъ средствомъ всѣхъ оборотовъ. Финау съ трудомъ постигалъ все это; другой бывший тутъ вождь Фили-моэ-ату лучше понималъ дѣло. «Да», говорилъ онъ, «понимаю; вотъ какъ это дѣлается: деньги удобнѣе хранить у себя, нежели другое имущество; можно отдавать свое имущество за деньги, потому что, какъ только что понадобится, то можно за деньги достать все необходимое. Имущество, въ особенности съестное, можетъ испортиться; деньги не портятся. Къ тому же, хотя деньги не имѣютъ сами по себѣ ни какой цѣны; имѣютъ однако ту цѣну, что ихъ иначе достать нельзя, какъ за какую нибудь вещь; слѣдовательно, онѣ будутъ имѣть свою цѣну до тѣхъ поръ, пока ихъ будутъ принимать въ замѣнъ припасовъ.»—Такъ говорилъ Фили-моэ-ату, человекъ весьма понятливый между своими единоземцами; онъ постигалъ съ рѣдкимъ остроуміемъ полезную сторону нашей монетной системы; но Финау не склонился на его доводы. «Нѣтъ», говорилъ онъ, «это не такъ; безумно будетъ приписывать такую цѣнность металлу, не имѣющему существеннаго достоинства. Если бы это было желѣзо, дѣло другое: изъ него можно дѣлать ножицы, ножи, топоры; а серебро, на что оно годится? Когда у васъ лишній ямсъ, вы промываете его на полотно. Правда, серебро удобнѣе можно хранить, оно не портится; но что изъ этого выходитъ? Всякій станетъ его копить у себя, вмѣсто того чтобы дѣлиться съ друзьями и сосѣдями, какъ

слѣдуетъ благородному эгуи. Люди сдѣлаются скупцами и себялюбцами. Съ припасами этого не будетъ: всякій сбудетъ ихъ за вещи полезные, или подаритъ сосѣдямъ, слугамъ, родственникамъ. О! «прибавилъ Финау,» теперь я понимаю отчего *Мана-Дангви* (Европейцы) такіе эгоисты! деньги тому причиною!»

Впрочемъ Финау, при всей своей философіи, сталъ сожалѣть, что приказалъ сжечь съ кораблемъ боченки талеровъ, цѣну которыхъ теперь понималъ. Сперва онъ счелъ ихъ за *паанги*, родъ каменныхъ дисковъ, которыми островитяне играютъ. «Теперь я понимаю», говорилъ онъ Меринеру, «всю важность этого приза; донынѣ я думалъ, что вашъ корабль принадлежалъ какому нибудь бѣдняку, какому нибудь повару короля Георга, потому что на корабль капитана Кука, принадлежавшемъ королю, было множество ожерельевъ, топоровъ, зеркалъ, а на нашемъ были только желѣзные крючки, масло, кожи и двѣнадцать тысячъ паангъ, какъ я тогда думалъ. Но такъ какъ эти паанги были деньги, то я понимаю, что вашъ корабль принадлежалъ знатному человеку.»

Покореніе Вавао было послѣднимъ военнымъ подвигомъ Гапайскаго царя. Умерщвленіе нѣкоторыхъ Вавайскихъ вождей и дипломатическіе переговоры заняли время, свободное отъ удовольствій; но главнымъ его занятіемъ были рыбная ловля и охота. Меринеръ жилъ спокойно въ Вавао, и отдыхалъ отъ трудовъ войны въ прекрасномъ имѣніи, пожалованномъ ему царемъ. Онъ былъ счастливъ, сколько можно быть счастливымъ на этихъ островахъ; но онъ грустилъ о родинѣ; получивъ наконецъ отъ царя позволеніе стечь на Нью-Йоркскій корабль *Норе*, капитанъ Чезъ, на которомъ отправлялись трое изъ его товарищей, онъ видѣлъ приближеніе желанной минуты, но его не приняли, потому что на корабль было уже слишкомъ много народу и мало провизіи; Меринеръ долженъ былъ остаться и ждать лучшаго случая.

Финау, равно искусный политикъ и храбрый воинъ, старался всегда привлекать на свою сторону людей сильныхъ. Ку-муала, Тонга-табуйскій мата-булей, возвращавшійся изъ экспедиціи на Витійскіе острова, былъ имъ принятъ, и получилъ отъ него пособіе. Вождь, который защищалъ противъ его войска крѣпость Муку-лафа, по имени Тубо-

малогн, брать Тубо-тоа, утомленный войною и осадой, выдержанною имъ въ Гифо вмѣстѣ съ вождемъ Гатаемъ, были имъ также приняты весьма почетно, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ переселился на успокоеніе въ Гапайскій архипелагъ.

Но Финнау не долго жилъ; его молодая дочь Со-омай-лангун (небомъ данная), скончалась послѣ шестинедѣльной болѣзни, и на другой день послѣ ея похоронъ, совершенныхъ съ большими почестями, самъ Финнау опасно заболѣлъ; вотще принесли въ жертву одного изъ его сыновей для умилостивленія боговъ; вотще перенесли самого Финнау изъ капища въ капище; изъ кумирни въ кумирню и даже въ самый домъ тун-тонга. Болѣзнь усиливалась; и Финнау скончался на малаѣ своего дома въ Най-афу.

По смерти его должно было опасаться, что разные вожди: Тубо-тоа, Вуна-лаги и Финнау-фиджи, станутъ оспаривать владѣніе островомъ Вавао у его сына Муз-нгонго. Но молодой князь, подкрѣпляемый совѣтами своего благороднаго дяди, Финнау-фиджи, твердою рукою взялъ бразды правленія. Разсудивъ, что раздѣленіе власти можетъ ослабить ее, онъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ надъ Гапайскими островами, и объявилъ: что довольствуется только правленіемъ группы Гафулу-гу. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своей юности въ Гамоа, и взялъ себѣ на этомъ островѣ двухъ женъ. По его возвращеніи оттуда, двѣ дочери Гапайскихъ вождей вступили также въ его гаремъ.

Рышавшись на раздѣленіе своихъ владѣній, котораго требовала здравая политика, Вавайскій царь принялъ имя Финнау II и созвалъ подданныхъ на малаѣ Най-афу, гдѣ послѣ торжественнаго кава, произнесъ слѣдующую рѣчь, которая можетъ служить образцемъ Тонгайскаго краснорѣчія.

«Услышьте меня, вожди и воины!

«Кто изъ васъ недоволенъ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ въ Вавао, тотъ теперь же можетъ отправиться въ Гапай.

«Ибо никто не долженъ остаться въ Гафулу-гу съ недовольнымъ духомъ и съ желаніемъ другаго мѣстопробыванія.

«Моя душа удрочена горестію при воспоминаніи тѣхъ бѣдствій, которыя были причинены непрерывными войнами вожда, почивающаго нынѣ въ малаѣ.

«Многое мы совершили, но что изъ этого? страна опустошена, поля заросли дикою

травой, и нѣтъ рукъ для воздѣланія земли. Если бы мы были всегда въ мирѣ, островъ былъ бы населенъ.

«Главныхъ вождей и воиновъ уже нѣтъ, и мы должны довольствоваться обществомъ людей ничтожныхъ. Не безумно ли воевать!

«Развѣ жизнь не слишкомъ уже кратка!...

«Развѣ человекъ, живущій въ покоѣ и довольный своею судьбою, не доказываетъ этимъ благородства души?

«Безумно сокращать то, что само по себѣ не долговечно.

«Кто изъ васъ можетъ сказать: желаю смерти; жизнь мнѣ надоела?

«Посудите! не безумно ли вы себя вели?

«Мы искали предмета, который насъ лишилъ всего, что намъ было существенно необходимо.

«Я не скажу вамъ: откажитесь отъ всякаго желанія воевать.

«Если война приблизится къ нашимъ землямъ, если непріятель придетъ на опустошеніе нашихъ владѣній, мы тѣмъ храбрѣе, тѣмъ удобнѣе отразимъ его, что наши владѣнія будутъ лучше процвѣтать.

«Обратимъ все наше вниманіе на землѣдѣліе, потому что оно только можетъ спасти нашу страну.

«Зачѣмъ искать распространенія владѣній?

«Развѣ они недостаточны для нашего пропитанія? ихъ произведенія превышаютъ все наши нужды...

«Можетъ быть, рѣчи мои неблагоразумны... Старикъ мата-булен сидятъ подлѣ меня: пропну ихъ сказать, правъ ли я?

«Я еще молодъ, знаю это; будетъ неразумно съ моей стороны, по примѣру моего предшественника, управлять только по собственнымъ мыслямъ, и не слушать совѣта стариковъ.

«Примите мою благодарность за любовь и вѣрность вашу къ нему.

«Финнау-фиджи и присутствующіе здѣсь мата-булен знаютъ, какое стараніе приложилъ я къ изученію того, что полезно нашему правленію.

«Не говорите себѣ: зачѣмъ слушаться намъ легкомысленныхъ рѣчей мальчика.

«Вспомните, что слова мои только отголосокъ мнѣній Тун-уму, Улу-валу, Афу, Футу, Ало и всѣхъ вождей и мата-булесей Вавао.

«Послушайте! напоминаю вамъ, если кто изъ васъ предпочитаетъ другую страну,

если кто недоволенъ нынѣшнимъ порядкомъ вещей, тотъ пусть пользуется теперь единственнѣмъ случаемъ уѣхать съ острова: послѣ онъ уже никогда не будетъ имѣть сообщеній съ Гапайскими островами.

«Изберите себѣ мѣстопребываніе; можете переселиться въ Фиджи, въ Гамоа, въ Гапай, въ Фатуна, въ Лотума.

«Только тотъ, кто желаетъ постоянного мира, долженъ остаться въ Гафулу-гу.

«Чье сердце жаждетъ войны, того не удерживаю.

«Земли Тонга и Фиджи кипятъ войною; отъправьтесь на любой изъ этихъ острововъ, чтобы насытить вашу воинственную отвагу.

«Встаньте! ступайте каждый въ свой домъ, и подумайте о томъ, что завтра же байдари отъправляются въ Гапай.»

Какъ все важно въ этой рѣчи! сколько благородства мыслей, сколько здраваго ума, краснорѣчія и политики! Безъ сомнѣнія молодой Финнау не самъ собою составилъ эту программу царствованія. Дядя его Финнау-Фиджи, храбрый и благоразумный человекъ, и самые мудрые изъ Вавайскихъ эгуевъ, конечно участвовали въ сочиненіи этого манифеста. Онъ превосходитъ, кто бы ни былъ сочинителемъ. Онъ служитъ поясненіемъ рѣшенія Финнау отказаться отъ Гапая; онъ явно осуждалъ предшествовавшее царствованіе, и предсказывалъ перемену политики. Если бы могъ встать изъ гроба старикъ Финнау, который возвысился войною и дипломатіею, но которому не достало времени и средствъ для достиженія несравненно высшихъ цѣлей, онъ бы отвергъ миролюбивыя рѣчи сына. Какаѣ разницы между этими двумя царями и ихъ системами! Пожираемый жаждою къ завоснаніямъ, Финнау I часто ропталъ предъ Меринеромъ на недостатокъ своихъ средствъ; онъ досадовалъ, что архиепископъ недостаточно обширенъ для его видовъ. «О! для чего боги,» говорилъ онъ, «не сдѣлали меня царемъ Англіи! итъ въ цѣломъ мірѣ ни одного острова, какъ бы онъ малъ ни былъ, котораго бы я не покорилъ. Англіійскій царь недостойнъ владѣть такою силою. У него столько огромныхъ кораблей, и онъ терпитъ оскорбленія его подданныхъ отъ такихъ незначущихъ острововъ, какъ Тонга. Будь я на его мѣстѣ, я не послалъ бы такъ миролюбиво просить свиней и ямса; итъ! я пришелъ бы съ воинственнымъ челомъ и съ громомъ болотани (Великобританія) и показалъ бы

имъ, кто достоинъ быть властелиномъ. Только люди съ предпріимчивымъ духомъ достойны имѣть у себя пушки; они одни должны управлять міромъ; а ты, которые даютъ себя въ обиду и не мстятъ, созданы быть рабами.»

По принятіи правленія, Финнау сдержалъ свои обѣщанія; онъ отпустилъ воиновъ въ ихъ дома, и далъ новое развитіе земледѣлію и полезнымъ ремесламъ. Онъ возобновилъ крепость Фель-тоа, чтобы обезопасить островъ отъ нашествія сосѣдей, и запретилъ пускаться въ свои владѣнія кого бы то ни было изъ Гапайцевъ и Тонга-табуйцевъ. Только Туботою, Гапайскому царю, было дозволено пріѣзжать въ Вавао, каждый годъ, въ празднество большого натчи, для исполненія религиозныхъ обрядовъ надъ гробомъ умершаго эгу. Даже при этомъ посѣщеніи Ваваоскій царь принималъ все мѣры для отвращенія всякаго покушенія съ его стороны на спокойствіе острова. Предосторожность его простерлась до того, что онъ отказался отъ ежегодной подати, которую Туботоа хотѣлъ платить ему, какъ преемнику Финнау I. Сначала онъ не могъ не позволить, чтобы одна байдара, принадлежавшая Тонга-манаю, члену семейства туй-тонга, пріѣзжала разъ въ годъ, съ приношеніями верховному первосвященнику по случаю празднованія натчи; но лишь только умеръ туй-тонга, онъ посѣщилъ уничтожить этотъ санъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякій предлогъ къ сообщеніямъ между двумя группами. Духовная власть была такъ малозначуща въ политическомъ отношеніи, что для уничтоженія ея достаточно было самой простой причины: «Обитатели Тонги живутъ безъ туй-тонга, следовательно и островъ Вавао также можетъ безъ него обойтись.» Вотъ какимъ образомъ уничтожилось званіе первосвященника и вмѣстѣ съ нимъ обрядъ натчи.

Эта мѣра обезпечила миръ острова Вавао. Въ то время какъ на другихъ островахъ свирѣпствовала война, въ областяхъ Финнау думали только о внутреннихъ улучшеніяхъ. Спокойствіе и благоденствіе продолжалось тамъ еще до того времени, когда Меринеръ нашелъ Европейскаго капитана, который согласился взять его къ себѣ на корабль. Онъ со слезами распростился съ Финнау, съ своими пріятелями на Вавао, и съѣхъ на Портъ-Джаксонскій корабль *Favorite*, (капитанъ Фискъ), отправленный на жемчужный про-

мысль. Финнау проводилъ Англичанина на корабль; удивленный и привлеченный всѣмъ, что онъ на немъ видѣлъ, Финнау хотѣлъ было отправиться вмѣстѣ съ Европейцами, но капитанъ отказался взять его, зная, что онъ обманется въ ожиданіяхъ. *Фаворитъ* придерживался потомъ между острововъ Гаано и Лефуга, чтобы взять оттуда остальныхъ моряковъ корабля *Port-au-prince*.

Со времени отправленія Меринера (1810 г.) прекращается точная исторія этого архипелага. Кажется, что послѣ долгихъ и кровавыхъ междоусобій, война окончилась только отъ всеобщаго утомленія. Тонга-табу раздѣлился тогда между разными вождями, независимыми одинъ отъ другаго. Гата остался владѣтелемъ Гифо; Таркай, владѣтель Беа, оставилъ по своей смерти этотъ округъ брату своему Тагофа, какъ и онъ храброму и хитрому; отецъ Палу, имя его не извѣстно, утвердился въ области Муа, принадлежавшей древнимъ Фата-фалъ, а послѣдникамъ ихъ Беа-тчи и женщины Тамагъ предоставилъ только права на пустыя почести. Преминикъ древняго и могущественнаго Тубо, остался въ униженіи въ Нику-лафа. Наконецъ самъ туи-тонга, котораго еще въ дѣтствѣ Финнау свергнулъ съ престола, этотъ богъ, изгнанный изъ своего Олимпа, кумиръ, опрокинутый съ подножія, жилъ въ неизвестности въ Вавао, почти забытый и принужденный ограничиться небольшимъ насльдственнымъ имѣніемъ. Финнау II умеръ вскорѣ послѣ отправленія Меринера, и доныне не узнано, кто ему насльдовалъ.

Въ теченіе этого времени весьма немногія суда заходили въ архипелагъ. Описанные нами три несчастные случая, и множество покушеній, отъ которыхъ съ трудомъ отдѣлались Европейскіе корабли, заставили мореходцевъ считать эту землю гибельною. Они удалялись отъ нея, или съ трепетомъ къ ней подходили. Наконецъ въ 1822 году миссіонеры показали болѣе смѣлости. Проповѣдническая ревность сдѣлала то, чего страшилась меркантильная предпримчивость. Веселеское Общество рѣшилось послать миссію въ этотъ архипелагъ. Вальтеръ Лаури, его жена и два ремесленника, Тилли и Тиндаль, прибыли въ Тонга-табу 16 Августа на корабль *Св. Михаила*. Царь Палу принялъ ихъ ласково и поселилъ въ Муа, гдѣ они построили домъ весьма удобный, освѣжаемый прекраснымъ воздухомъ, на берегу моря (Рис.

XIV. ф. 2). Они немедленно стали заниматься улучшеніями по части земледѣлія, и проповѣдываніемъ религіи. Но оба предпріятія не сдѣлали ни какихъ успѣховъ въ продолженіе 14 мѣсцевъ, когда здоровье госпожи Лаури заставило искать переменъ климата. Миссіонеръ съ женою возвратился въ Портъ-Джаксонъ; ремесленники хотѣли остаться; но вскорѣ потомъ опасенія со стороны островитянъ, и даже приказаніе самаго Палу, заставили ихъ покинуть домъ мисіи. Одинъ изъ нихъ, Тилли, сѣлъ на корабль, а товарищъ его, Тиндаль, пошелъ искать покровительства у Гата, Гифскаго вождя.

Два миссіонера, Томасъ и Гутчинсонъ, прибывшіе нѣсколько лѣтъ спустя на этотъ архипелагъ, нашли въ Іюнѣ 1826 года Англичанина Тиндаля въ округѣ Гифо.

Они сами поселились тутъ и начали трудиться надъ обращеніемъ дикихъ въ Христіанство. Но и въ этотъ разъ труды миссіонеровъ были безуспѣшны. Гата не только не хотѣлъ самъ подать примѣръ обращенія, но съ неудовольствіемъ глядѣлъ на усилія миссіонеровъ. Два Тайтійца, Христіане и проповѣдники, были счастливѣе при Нику-лафскомъ вождѣ Тубо; они крестили его съ семействомъ, и многихъ его подданныхъ. Этотъ примѣръ нисколько не подѣйствовалъ однако же на упрямство другихъ вождей; даже Тубо потерялъ остатокъ своего вліянія, уже и до того ослабленнаго природною его робостію.

Въ такомъ состояніи находились острова Тонга-табу, когда сюда зашелъ корветъ *Астролябія* въ Апрѣлѣ 1827. Капитанъ Дюрвилъ располагалъ остаться весьма недолго, чтобы только провѣрить свои хронометры и запастись провизією; но судьба опредѣлила иначе: 9 Апрѣля корветъ былъ у острова Эоа и на другой день хотѣлъ положить якорь у Пангай-моду; сильная буря съ N. W. заставила егоклониться отъ своего пути. Цѣлые десять дней *Астролябія* должна была бороться съ вѣтрами и теченіями. Наконецъ, 20 числа, въ полдень, послѣ быснаго шквала вѣтеръ перешелъ къ S. O., и корвету удалось войти въ проливъ съ восточной стороны. Черезъ часъ или два, онъ достигалъ якорнаго мѣста; но вѣтеръ совершенно стихъ, оставивъ корабль на произволъ теченій въ узкомъ каналѣ, среди множества подводныхъ камней. Теченіемъ понесло *Астролябію* въ самый бурный съверной стороны пролива.

Она освободилась быстрым маневромъ; но вѣтеръ поворотилъ къ S. S. O., и прижалъ корветъ къ подводной коралловой стѣнѣ, возвышающейся вертикально изъ глубины моря, такъ, что предъ нею на 80 саженьхъ глубины не находили дна.

Положеніе корабля было самое критическое; капитанъ Дюрвилъ сдѣлалъ все, что было человѣчески возможно для отвращенія опасности. Онъ занесъ шпринги; но острія коралловъ перерѣзали канаты, и верны потерялись. Только двѣ цѣпи держали корабль трое сутокъ. Оторвись одно ихъ звѣно, и *Астролябія*, ударясь о скалы, сдѣлалась бы легкою добычею для островитянъ; весь экипажъ остался бы въ рукахъ этихъ людей, дружба которыхъ была весьма сомнительна. Вотъ чѣмъ окончилась бы вся труды, все свѣдѣнія, драгоценныя для науки и собранія съ такими опасностями! Экспедиція столь важная для ученаго міра и для мореплаванія, погибла бы безъ вѣсти на Тонга-табуйской скалѣ! Каково было положеніе капитана? Онъ самъ столько же страдалъ въ душѣ, сколько красивый его корабль былъ мучимъ волнами. Въ то самое время, когда *Астролябія* находилась въ этомъ несчастномъ положеніи, къ ней явились посетители. Первые были три Англичанина, поселенные на островъ, Синглетонъ, старый поселенецъ Тонга-табу, и Ридъ и Ритчетъ. Все они, въ особенности первый, предложили свои услуги Французскому капитану; они были ему полезны какъ переводчики и посредники въ переговорахъ съ островитянами. За ними пріѣхалъ Палу съ другими вождями. Чтобы обезпечить себя сколько нибудь отъ измѣны, капитанъ потребовалъ, чтобы этотъ эгунъ остался заложникомъ на кораблѣ, и такъ какъ онъ охотно согласился, то капитанъ уступилъ ему собственную свою каюту. Вождь Тагофа только на другой день навѣстилъ корветъ.

Уже двадцать четыре часа корветъ находился въ этомъ опасномъ положеніи, и чѣмъ болѣе оно длилось, тѣмъ было ужаснѣе; цѣпи не выдержали, и корабль, раскачиваемый высокою зыбью, подобно маятнику былъ не далѣе какъ на пять футовъ отъ коралловой стѣны. Три или четыре удара объ эту стѣну могли обратить его въ дребезги; даже раггоуть не устоялъ бы отъ подобнаго потрясенія. (Рис. XV. ф. 1). Случись это несчастіе ночью, не многимъ бы удалось спасти свою жизнь. Капитанъ Дюрвилъ все предвидѣлъ:

онъ хотѣлъ взять мѣры для спасенія по крайней мѣрѣ одной части экипажа. Основываясь на дружескихъ увѣреніяхъ вождей и на разсказахъ Англичанъ, онъ рѣшился перевести большую половину своихъ людей на островъ Пангай-моду, гдѣ бы они оставались подъ покровительствомъ Тагофа, а самъ желалъ остаться на кораблѣ вмѣстѣ съ Палу и съ другими моряками. Нельзя было думать объ общемъ спасеніи; должно было оставаться въ бездѣйствіи, и молить только Бога, чтобы якорь устоялъ до перемѣны вѣтра, которая бы дозволила вступить подъ паруса.

Часть экипажа, назначенная къ высадкѣ, уже приготовила свой багажъ, когда пріѣхалъ на корабль ремесленникъ, бывшій при миссіонерахъ. Онъ спросилъ, куда они ѣдутъ, и узнавъ объ ихъ предначначеніи, сказалъ капитану: «Вы погубите своихъ людей; пока ихъ дикіе не ограбятъ до чиста, ихъ жизнь будетъ въ большой опасности.» Капитанъ отвѣчалъ ему, что онъ полагался на дружеское расположеніе Тагофа и Палу и на увѣренія Англичанъ. «Не вѣрьте имъ,» возразилъ ремесленникъ; «островитяне и ихъ вожди мошенники, и Англичане не лучше ихъ. Да хотя бы Тагофа и Палу въ самомъ дѣлѣ были искренны въ своихъ обѣщаніяхъ, они не въ силахъ защитить васъ отъ народа. Васъ ограбятъ, и если станете защищаться, то убьютъ. Слова эти заставили капитана призадуматься. Къ тому же, при видѣ вещей, которыя сгружались на шлюбку, островитяне, спокойные до того, стали гласно роптать. Они хищнически смотрѣли на эти богатства, и самая опасность не утратила ихъ при надеждѣ на добрую добычу. Капитанъ не могъ болѣе колебаться; онъ далъ приказаніе матросамъ остаться и взять обратно вещи со шлюбки. Весь экипажъ *Астролябіи* долженъ былъ нераздѣльно подвергнуться одной участи. На всякій случай, чтобы спасти отъ угрожающей гибели ученые труды экспедиціи, капитанъ приказалъ сложить въ жестяной ящикъ бумаги, журналы, и всякаго рода ученые документы, и препоручилъ одному изъ матросовъ и агенту миссіонеровъ, который впрочемъ съ трудомъ согласился на это, перевезти этотъ ящикъ на гичкѣ въ Гифо. и сдать Гг. Томасу и Гутчинсону. Этимъ онъ спасалъ по крайней мѣрѣ ученые плоды своего путешествія, гичка же была бы ему совершенно бесполезна въ случаѣ крушенія.

Только гичка отчалила, вѣтеръ усилился и зыбь увеличилась. *Астролябия* представляла самое плачевное зрѣлище: матросы до того времени не теряли бодрости и несли развлечения въ мѣтѣ вещей съ дикими; но наконецъ они поняли всю опасность своего положенія. Ночь прошла въ трепетномъ безпокойствѣ. Капитанъ продолжалъ брать вѣдѣры предосторожности. Къ вечеру спустились въ линкѣ хронометры, нѣкоторые инструменты, официальные инструкции, рекомендабельныя письма разныхъ правительствъ, и все это съ офицеромъ было отправлено къ миссіонерамъ. Въ то же время, для предупрежденія безпорядка, который бы могъ случиться, если бы ночью народъ сталъ спускаться въ гребниа суда, было приказано половинѣ экипажа оставаться въ нихъ. Словомъ, все приготовленія были сдѣланы, все приказанія были отданы на случай несчастія.

Ночь прошла; насталъ день; положеніе корвета не измѣнилось. Между тѣмъ Тагофа и Палу оставались все время на кораблѣ; ихъ угощали наилучшимъ образомъ и подчивали капитанскимъ виномъ и ромомъ. Судьба корвета не занимала ихъ вовсе; они были равнодушными зрителями смертной борьбы прекраснаго корабля. Для нихъ, какъ и для другихъ вождей, которые не умѣли скрыть своей тайной радости, гибель корабля представляла желанный случай грабежа и обогащенія. Но они не обнаруживали никакого признака боязни или нетерпѣнія; напротивъ того, оказывали постоянную дружбу и благосклонность, и отгоняли прочь единоплеменцевъ, которые хотѣли пристать къ кораблю. Пріѣхалъ еще третій вождь, Лавака, о которомъ Англичане сказали, что онъ самый могущественный вождь на всемъ островѣ, и который показалъ еще большее безстрастіе; то былъ самый пустой человекъ; и вліяніемъ своимъ былъ обязанъ единственно своему богатству.

22 числа пріѣхалъ на корабль миссіонеръ Томасъ вмѣстѣ съ Тубо, единственнымъ Христіанскимъ эгуемъ. Тубо не любилъ другихъ вождей, и представлялъ ихъ людьми опасными; но наружно обходился съ ними весьма осторожно. Капитанъ Дюрвилль разсудилъ, что если ему удастся привязать къ себѣ одного изъ Тонга-табуейскихъ вождей, то въ случаѣ крушенія онъ поддержитъ его своими людьми, огнестрѣльнымъ оружіемъ, и побѣдитъ другихъ или обезпечитъ себя отъ ихъ нападѣній. Онъ предложилъ Тубо наступатель-

ный и оборонительный союзъ; вызвался содѣйствовать ему въ возстановленіи его правъ и званія тун-кана-каболо и дать ему первенство надъ соперниками. При этихъ предложеніяхъ, Тубо и миссіонеръ, его пріятель, съ удивленіемъ и страхомъ сказали: «Не думайте объ этомъ; Тагофа и Палу слишкомъ сильны; чтобы вступать съ ними въ борьбу. Мы погубимъ себя и не спасемъ васъ.» Но, возразилъ капитанъ, въ случаѣ крушенія, что намъ дѣлать? — *Keep your ship!* (берегите свой корабль) отвѣчалъ миссіонеръ. Все ихъ совѣты состояли въ словахъ: *Keep your ship*. Капитану ничего болѣе не оставалось ожидать; онъ принялъ спокойный видъ, чтобы ободрить свой экипажъ, и сталъ заниматься съ натуралистами, бывшими на кораблѣ, приведеніемъ въ порядокъ ихъ коллекцій; точно какъ въ кабинетѣ естествоиспытателя.

Впрочемъ 22 числа, между тремя и четырьмя часами, вѣтеръ сталъ видимо измѣняться, и корветъ поставилъ немедленно въ наурса; шлюбки начали буксировать; цепи были выпущены изъ клюзовъ; экипажъ предался радости, при надеждѣ освободиться изъ мелей; но каковъ былъ его ужасъ, когда мнугъ черезъ десять, корабль ударился о мель! подъ гальюномъ было неболѣе четырехъ футовъ воды! гибель была неотвратима; капитану оставалось только принудить эгуевъ къ рѣшительному объясненію. Онъ призвалъ въ свою каюту Палу, Тагофа и Лавака; объяснилъ имъ опасность, въ которой находился корабль, спросилъ, что они намѣрены дѣлать, и сталъ ихъ закидывать, чтобы они защитили людей, которыхъ враждебныя силы природы выбрасывали на ихъ берегъ. Онъ обѣщалъ добровольно уступить имъ бывшія на кораблѣ вещи, съ тѣмъ чтобы они оставили ему и его морякамъ то, что необходимо для возвращенія на родину. Эгунъ внимательно выслушали; послѣ чего ораторъ триумфатора, Палу, отъ лица всѣхъ принялъ предложеніе капитана, но далъ замѣтить, что къ этому его побуждала болѣе собственная благосклонность, нежели желаніе добычи, и что онъ скорѣе погибнетъ, чѣмъ дастъ въ обиду своихъ друзей Французовъ. Дѣйствительно, въ ту минуту, когда корветъ ударился о мель, къ нему бросилась было стая байдаръ, будто на легкую добычу, но Палу вынесъ на палубу и грознымъ голосомъ далъ имъ повелѣніе удалиться.

Къ счастью, положеніе корвета вскорѣ пе-

ременилось, и благорасположеніе вождей не было подвержено продолжительному испытанію. Пока еще длились ихъ совѣщанія съ капитаномъ, удалось достать концы вынущенныхъ цѣпей, и когда Дюрвилъ вышелъ на палубу, корветъ былъ въ томъ же положеніи, какъ до спятія съ якоря, все въ большой опасности, но уже не въ такой крайности. Экипажъ ободрился. *Астролѣби* спасена была чудеснымъ образомъ отъ гибели; ей предназначено было довершить свою полезную и тяжкую кампанію.

Впродолженіе ночи опасность не увеличилась; на слѣдующій день, 23 числа, удалось отодвинуться на нѣсколько сажень отъ мелей; наконецъ 24 числа при перемѣнчивыхъ дуновеніяхъ съ *Н. О.* съ помощію буксировки, корветъ освободился отъ роковой стоянки и медленно поплылъ къ якорному мѣсту. Во внутренности пролива онъ еще разъ тронулся о мель, но опасность была не столь велика; онъ послѣ еще два или три раза приостанавливался, и наконецъ 26 числа къ вечеру положилъ якорь у островка *Пангай-моду*.

Впродолженіе опасности, три эгуа, бывшіе на кораблѣ, постоянно оказывали дружеское расположеніе. Мы видѣли ихъ поведеніе въ минуту крайности; когда все окончилось благополучно, ихъ радость казалась непритворною. Нѣсколько подарковъ, сдѣланныхъ весьма кстатіи, еще болѣе привязали ихъ къ капитану. Между экипажемъ и островитянами также царствовало доброе согласіе; жнны производились честно и безъ ссоры. Нѣсколько разъ офицеры и натуралисты съѣзжали на берегъ; они провели тамъ даже ночь, и не было ни малѣйшаго признака измѣны. Капитанъ продолжалъ однако же систему предосторожностей; все мѣры были приняты; часовые регулярно смѣнялись, строго соблюдалъ приказаніе не допускать никого къ кораблю.

Обезпеченный съ этой стороны, Дюрвилъ обратился къ занятіямъ другаго рода. Онъ желалъ какъ можно скорѣе оставить эти острова; но верны, закинутые въ первое время опасности, были вознагражденіемъ потерей для корвета; ему хотѣлось попытаться достать хотя нѣкоторые изъ нихъ. Нѣсколько дней сряду шлюбки безуспѣшно трудились. Другія шлюбки были заняты географическою описью береговъ или доставленіемъ припасовъ на корветъ.

Въ продолженіе первой недѣли только офицеры и натуралисты съѣзжали на берегъ, гдѣ ихъ принимали весьма хорошо. Капитанъ постоянно оставался на кораблѣ, для точнѣйшаго соблюденія принятой имъ системы. Наконецъ, 4 Мая, онъ поѣхалъ на китоловомъ суднѣ навѣстить миссіонеровъ въ *Гифо*. Дорога была долгая и утомительная; онъ нашелся въ необходимости сдѣлать часть пути пѣшкомъ, въ водѣ почти на футъ. Миссіонеры приняли его учтиво и приветливо; они повели его въ *Пангай*, прекрасный и большой общественный домъ, въ *Му-муйскій* файтока и въ молельни *готуаевъ*. Въ этотъ день онъ имѣлъ также свиданіе съ *Гатаемъ*, начальникомъ округа. Въ слѣдующіе дни капитанъ посетилъ *Шуку-лафа*, *Мафанга* и *Муа*. Последняя его поѣздка сопровождалась нѣкоторымъ церемоніальнымъ. Вождь *Палу* нѣсколько разъ изъявилъ желаніе принять у себя Французскаго мореплавателя; и сдѣлать для этой аудіенціи торжественныя приготовленія. Капитанъ и офицеры въ мундирахъ поѣхали 9 Мая на катерѣ; но вмѣсто того чтобы встрѣтить толпу народа, собравшагося для ихъ пріѣзда, веселаго и радушнаго хозяина, игры, ширшества, пляски, праздники, Французы видѣли только не многихъ людей изъ простаго народа, женщинъ и дѣтей. *Палу* принялъ ихъ съ видомъ принужденнымъ и угрюмымъ; онъ угостилъ ихъ бѣднымъ каномъ, между тѣмъ какъ ихъ желудки ожидали чего нибудь посуществнѣе. *Палу*, дотошъ откровенный и радужный, казался недоверчивымъ. Переводчикъ сказалъ капитану, что вождь недавно лишился одного изъ своихъ дѣтей, и другое было въ опасности. Это полененіе, истинное или ложное, успокоило капитана; онъ продолжалъ свои наблюденія; посетилъ надгробныя памятники *Финау*, *Тубо-агон* и *Тафоа*, которые содержались довольно дурно, и заросли дикимъ кустарникомъ. Впрочемъ памятники были, точно такіе какъ въ *Гифо*, и поѣздка капитана не представила ничего особенно любопытнаго, кромѣ посѣщенія имъ *Тамаги*. Мы выпишемъ здѣсь его разсказъ.

«Оттуда,» говоритъ онъ, «меня повели къ *Тамагъ*; домъ ея находится въ прекрасномъ мѣстоположеніи, на берегу моря, въ деревушкѣ *Палеа-магу*. Собственное имя *Тамаги* *Фана-кана*; она приняла меня приветливо, въ кругу своихъ женщинъ. Ей между пятидесяти и шестидесяти лѣтъ; она сохраняетъ

еще слѣды прежней красоты; правильныя черты лица, пріятное обхожденіе, и даже нѣкоторая любезность, благородство и приличіе, весьма замѣчательны въ этой дочери дикаго племени (Рис. IX. ф. 2). Я надѣялся получить отъ нея самый любопытный свѣдѣніи, и не былъ обманутъ въ ожиданіи. Тамага съ удовольствіемъ вспоминала о корабляхъ Дантраксто, на которые тѣдила вмѣстѣ съ своимъ матерью, вдовой тун-тонга Пулаго. Старшую сестру Пулаго, занимавшаго тогда первое мѣсто въ Тонга, Дантраксто называлъ Тинъ; но этого имени не знала ни Тамага, ни кто другой изъ присутствовавшихъ. Можетъ быть, это Тиней-такала, которая тогда была тун-тонга-фаиною.

«Тамага сохраняла весьма ясное воспоминаніе о корабляхъ Кука; и неумудрено: тогда ей было восемь или девять лѣтъ. Она объяснила мнѣ это, показывая дѣвочку, этихъ лѣтъ.

«Я сталъ спрашивать; были ли другіе Европейцы въ Тонга, въ промежутокъ времени отъ Кука до Дантраксто. Подумавши нѣсколько минутъ, она отвѣчала, что незадолго до прибытія Дантраксто, два большіе корабля, такіе же какъ и его корабль, съ пушками и множествомъ Европейцевъ, заходили въ Намука, и оставались тамъ десять дней. Они имѣли флагъ совершенно бѣлый, и не такой какъ у Англичанъ. Гости были весьма дружны съ островитянами; имъ дали домъ на берегу, гдѣ они производили мѣну своихъ вещей. Одинъ изъ островитянъ уступилъ офицеру съ корабля деревянную скамейку за ножъ; получивши ножъ, онъ хотѣлъ унести проданную вещь, и офицеръ убилъ его. Впрочемъ это не нарушило мира, потому что островитянинъ былъ виноватъ. Жители называли корабль Лаперуза *Аудэжи*, такъ какъ корабль Дантраксто — *Селенари*.

«Не оставалось ни какого сомнѣнія, что Лаперузъ заходилъ въ Намука на возвратномъ пути изъ Ботани-бея, какъ онъ и располагалъ.»

Между тѣмъ, какъ капитанъ Дюрвиль собиралъ эти свѣдѣнія на берегу, офицеры, натураллисты, хирурги и рисовальники корвета, занимались работами, каждый по своей части. Они проводили по нѣскольку часовъ въ день на островѣ, и даже перѣдко почевали у своихъ *офа* или друзей; сперва не было причинъ жалѣться въ этой доверчивости; но *Астролябии* не было суждено оставить эти острова безъ кровопролитія. Слѣдуя толь-

ко природному влеченію, островитяне выдержали бы, можетъ быть, до конца свое подозрительно-дружеское обхожденіе съ Французами; и послѣ трехъ-недѣльнаго пребыванія у ихъ береговъ, корветъ распростился бы съ ними съ благодарностію за ихъ ласки; но измѣна на самомъ корветѣ вымѣшалась въ дѣло и вооружила ихъ противу Французовъ.

Для поясненія этого обстоятельства, должно знать, что въ экипажѣ корвета, поспѣшно собранномъ въ Тулонѣ, было нѣсколько негоднѣвъ, взятыхъ изъ тюремъ и осужденныхъ кончить срокъ своего заключенія въ экспедицію, предназначенной для открытій. Къ несчастію и къ стыду экспедиціи, здѣсь были люди, рѣшившіеся измѣнить ей въ пользу дикихъ, чтобы съ дикими вмѣстѣ ограбить свой корабль. Капитанъ Дюрвиль зналъ это; онъ старался по возможности пренебрегать слишкомъ близкимъ сношеніемъ своихъ моряковъ съ островитянами; болѣе всего онъ желалъ сократить время своего пребыванія у острововъ, чтобы злые замыслы не успѣли созрѣть; но претерпѣнное имъ несчастіе, остановка для отысканія верповъ и недостатокъ живности, слишкомъ продлили его пребываніе на рейдѣ Пангай-моду; дезертиры и измѣнники воспользовались этимъ.

Составился заговоръ, въ составъ котораго до того распространился по острову, что капитанъ былъ предувѣдомленъ объ этомъ мисіонерами. 12 числа онъ получилъ извѣстіе и тотчасъ же рѣшился сняться 13, а не 14 числа, какъ сперва располагалъ. Въ то же время онъ приказалъ строжайше наблюдать, чтобы никто не съѣзжалъ съ корабля. 13 поутру все было готово къ снятію съ якоря. Оставалось только послать на берегъ гичку за рулевымъ, который былъ на островѣ, и за нѣсколькими мѣшками песка. Огиранивши шлюбку, капитанъ распростился съ вождами, которые по обыкновенію пріѣхали на корабль, и далъ имъ на прощаніе кое-какіе подарки. Разставаясь друзьями, вожди, казалось, сожалѣли объ отъѣздѣ Французовъ, но ничто не обнаруживало, чтобы они хотѣли силою ихъ удержать.

Въ девять часовъ послышался шумъ на берегу. Островитяне напали на гичку и хотѣли схватить находившихся въ ней матросовъ. Матросы принуждены были уступить превосходству силъ (Рис. XV. ф. 2). Капитанъ тотчасъ приказалъ вооружить барказъ: въ немъ съли 23 человека подъ начальствомъ

офицеровъ Грессіена и Парі: Хирургъ Гемаръ вызвался имъ сопутствовать. Старанія этого маленькаго отряда, отрезать дорогу похитителямъ, были тщетны. Дикіе удалились съ своими плѣнниками. Къ тому же по мелководью баркасъ не могъ пристать къ берегу. Онъ остановился въ извѣстномъ разстояніи; экипажъ бросился въ воду, и оттуда стали стрѣлять въ дикарей (Рис. XVI. ф. 1). Когда отрядъ вышелъ на берегъ, дикіе пропали изъ виду вмѣстѣ съ Европейцами, находившимися въ ихъ власти. Удалось только спасти трехъ человекъ, рулевого, гардемарина Дюдмена, который провелъ ночь у своего *офа*, и молодаго матроса, по имени Капнака. Сколь быстро ни происходило все это, по уже сдѣлалось ясно, что самъ Тагофа участвовала въ заговорѣ. Встрѣтя гардемарина Дюдмена, онъ сильно ударилъ его кулакомъ. Съ Капнакомъ онъ обошелся не такъ жестоко; и вѣроятно скажась надъ его молодостию, позволилъ ему спастись къ своимъ. Такимъ образомъ оставалось въ плѣну девять человекъ: гардемаринъ Фараге и восемь матросовъ.

Этотъ поступокъ островитянъ былъ бы загадкою для Французовъ, если бы незамѣтили на корветѣ, что одинъ изъ матросовъ, негодай, по имени Симонетъ, бѣжалъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ потомъ капитаномъ Диллономъ, Симонетъ давно замыслилъ свой побѣгъ, и 12 числа поутру потихоньку спустился въ одну изъ байдаръ Тагофы; одинъ изъ гичечныхъ гребцовъ, по имени Ребуль, послѣдовалъ его примѣру. Такимъ образомъ Тагофа пріобрѣлъ въ свою службу двухъ Европейцевъ, что между дикими было немаловажнымъ преимуществомъ. Другіе вожди стали этому завидовать; они рѣшились захватить силою гичечныхъ матросовъ. Такъ говорили по крайней мѣрѣ они потомъ въ свое оправданіе Англійскому капитану. Что касается до Симонета, онъ нѣсколько не скрывалъ своего побѣга; и Дюдменъ видѣлъ его вмѣстѣ съ дикими, въ платѣхъ и съ оружіемъ, тогда какъ другіе матросы были совершенно ограблены.

Экипажъ баркаса сжегъ жилища дикихъ въ Папгай-моду и въ Манима, и въ половинѣ четвертаго часа возвратился къ кораблю. Немедленно на немъ былъ отправленъ новый отрядъ изъ офицеровъ, боцмановъ и людей надежныхъ. Двадцать человекъ хорошо вооруженныхъ должны были по возможности преслѣдовать Тагофа въ его крѣпости Беа;

итти вдоль берега, сжигать дома и байдары, убивать всѣхъ, кто окажетъ сопротивленіе и щадить только стариковъ и женщинъ. Цѣль капитана Дюрвиля состояла въ томъ, чтобы страхомъ принудить дикихъ къ выдачѣ плѣнниковъ.

Экспедиція исполнила свое дѣло весьма благоразумно. Деревни Пугу-пугу и Олева были преданы огню; пять прекрасныхъ байдаръ были также сожжены; затѣмъ отрядъ двинулся къ Мафангъ. Но по мѣрѣ приближенія его къ священному мѣсту, дикіе, убѣгавшіе дотолѣ, собирались и оказывали сопротивленіе. Одинъ изъ Французовъ, капралъ Ричардъ, погнавшись за дикаремъ, углубился въ лѣсъ, гдѣ напали на него восемь человекъ съ булавами и копьями и такъ изранили капрала, что онъ въ ту же ночь умеръ на кораблѣ, и на другой день былъ похороненъ на берегу въ Папгай-моду. Это заставило Французовъ быть осторожнѣе. Мѣстность препятствовала имъ отвѣчать на ружейный огонь непріятеля; къ тому же этотъ образъ войны ни къ чему не велъ. Сожженіе деревень было достаточно для устрашенія жителей. Для перваго дня это мщеніе было полезно; нужно было потомъ приступить къ дѣйствіямъ, болѣе рѣшительнымъ.

Капитанъ Дюрвиль зналъ, что Мафанга была священнымъ мѣстомъ на островѣ, и что въ случаѣ нападенія на Мафангу весь островъ Тонга-табу смутится такъ, что другіе вожди примутъ участіе въ дѣлѣ, въ которомъ дотолѣ былъ замѣшанъ только Тагофа, и что взаимная зависть и желаніе спасти святыню, принудятъ къ немедленной выдачѣ плѣнниковъ. Не смотря на опасный берегъ, обставленный рифами, капитанъ рѣшился дѣйствовать противу Мафанги.

Въ то время, какъ дѣлались приготовленія, пріѣхала на корабль байдара съ гардемаринномъ Фарагетомъ и съ переводникомъ Синглетономъ. Гардемаринъ былъ плѣнникомъ Палу, который, увидѣвъ, что не можетъ его склонить остаться при себѣ, послалъ его обратно на корветъ. Не оставалось уже ни какого сомнѣнія, что главою заговора былъ Тагофа вмѣстѣ съ своими мата-буеями. Синглетонъ говорилъ даже, что другіе вожди осуждали его поведеніе на утрѣннемъ совѣтѣ. Но Тагофа былъ Наполеономъ, Ахиллесомъ Тонга; онъ одинъ предписывалъ всѣмъ законы. Впрочемъ, для возстановленія мира, Синглетонъ го-

ворилъ, что онъ уполномоченъ обѣщать, что всѣ Французы, которые не пожелаютъ остаться на островѣ, будутъ возвращены на корабль. Капитанъ считъ недостойнымъ согласиться на предложеніе, въ которомъ было замѣтно ухищреніе Симонета, желавшаго лично съѣздить на капитуляцію «Ни одинъ изъ людей, вѣрныхъ мнѣ отъ моего Короля,» сказалъ онъ Синглетону, «не останется на островахъ. Если завтра же плѣнники не будутъ всѣ возвращены, я разрушу Мафангу.»

15-го числа корветъ сталъ на шпринги, и при пушечномъ выстрѣлѣ поднялъ большой флагъ. Островитяне въ отвѣтъ на это подняли много бѣлыхъ флаговъ на длинныхъ пестяхъ. Полагая, что эти флаги могли быть сигналами мира, капитанъ послалъ на берегъ шлюбку; но островитяне выказали свое истинное расположеніе, выстрѣломъ изъ ружья, которымъ пробило насквозь шлюбку; Нельзя было медлить долѣе наказаніемъ ихъ вѣроломства.

16-го поутру, началась пальба. Тридцать выстрѣловъ было сдѣлано ядрами и картечью. Съ перваго выстрѣла оторвало вѣтвь большого фиговаго дерева, подъ тѣнію котораго на малаѣ былъ расположенъ Тагофа съ своимъ войскомъ. Паденіе вѣтви было оглашено пронзительными криками, за которыми наступила глубокая тишина. Дикіе, укрывшись за песчанымъ валомъ или въ ямахъ, наскоро вырытыхъ, не только мало терпѣли отъ стрѣльбы, но даже несли ядере зарывшихся въ песокъ. (Рис. XVI. ф. 2.). Полудни корветъ стоялъ такъ близко къ отмелямъ, что при отливѣ воды, дикіе могли подойти къ нему на двадцать сажень.

Еще три дня *Астролабля* держалась въ этомъ опасномъ мѣстѣ. Погода до того времени хороша, вдругъ сдѣлалась бурною. Порывы вѣтра грозили выбросить судно на мелъ, гдѣ море дробилось сильными бурюномъ. Опасность была несколько не менше той, которой недавно еще избѣгли, а въ случаѣ крушенія, нельзя уже было ожидать пощады; война началась и, можетъ быть, на сторонѣ непріятеля были уже убиты, за которыхъ онъ готовился мстить. Волненіе было такъ сильно, что могло съ минуты на минуту сорвать корабль съ якорей и выбросить на подводные камни. Экипажъ безпокоился и унывалъ. Можетъ быть, многіе завидовали судьбѣ тѣхъ изъ товарищей, которые были

въ плѣну у дикихъ, и которые отъ времени до времени показывались на берегу. Будущность не предвѣщала ничего хорошаго; война въ двухъ шагахъ отъ мелей; по временамъ залпы среди безмолвія на берегу и на кораблѣ; двойная опасность отъ моря и отъ дикихъ; упрямство Тонгайскихъ вождей, — все это наводило черныя предчувствія. На кораблѣ стали опасаться заговора между матросами, и капитанъ Дюрвилъ готовился, можетъ быть, отказаться отъ своего плана, когда 19 числа отчалила отъ берега небольшая байдара, на которой матросъ по имени, Мартингъ, пріѣхалъ отъ имени Тагофы съ предложеніемъ выдать плѣнныхъ, если прекратятся военныя дѣйствія. Вечерняя заревая пушка, заряженная картечью, убила одного изъ вождей низшей степени, и это обстоятельство заставило дикихъ сдѣлать предложенія о мирѣ.

Дѣло было благополучно приведено къ окончанію. Одинъ изъ мата-булесей Тагофы по имени Вай-тотай (Рис. XVII. ф. 1.), пріѣхавъ со страхомъ и трепетомъ объявить, что не было возможности выдать дезертировъ Симонета и Ребуля, которые бѣжали, но что остальные всѣ будутъ сданы. Нетерпѣливо желая оставить это опасное мѣсто, капитанъ согласился; онъ даже показалъ видъ, будто вовсе забылъ о вещахъ, похищенныхъ при ограбленіи гички. Шлюбка была послана за плѣнниками; они пріѣхали въ самомъ странномъ нарядѣ, покрытые лохмотьями, какъ и островитяне, полученными отъ Тагофы, когда ихъ ограбили. Наконецъ 21 Мая *Астролабля* оставила Тонга-табу, пробывъ здѣсь мѣсяцъ, среди опасностей крушенія, войны и бунта.

Три мѣсяца спустя, сюда зашелъ корабль Ост-Индійской компаніи *Research*, которымъ командовалъ капитанъ Дилонъ. Онъ останавливался сперва у острова Эоа, но никто съ корабля не съѣзжалъ на берегъ. Капитанъ не доверялъ дикимъ. Къ счастью онъ былъ предупрежденъ объ одной ихъ хитрости, которая нѣсколько уже разъ вводила въ обманъ Европейцевъ: Эоайцы придумали заманивать къ себѣ шлюбки съ кораблей посредствомъ байдаръ, въ которыхъ сажались лучшія ихъ красавицы. Эти сирены вертѣлись кругомъ корабля, доколѣ не удавалось имъ заманить обольщенныхъ матрозовъ на берегъ. Тамъ бросалось на нихъ нѣ-

сколько сотъ человекъ, привизывали ихъ къ деревьямъ и не выдавали иначе, какъ заставивъ капитана заплатить выкупъ Европейскими товарами. Эта хитрость была безопаснѣе явныхъ насилій. Но Эвайцы не всегда довольствовались этимъ. Капитанъ Англіискаго корабля *Supply* имѣлъ неосторожность пустить слишкомъ много посѣтителей на палубу. Вдругъ дикіе напали на Европейцевъ, убили капитанскаго брата и одного матроса, и сбросили капитана за бортъ. Капитанъ упалъ однако не въ море, но въ шлюбку; стоявшую у борта, и къ счастью, нашелъ въ ней подзорную трубу; онъ велѣлъ, взявъ трубу и навелъ ее будто ружье на дикихъ. Это до того испугало ихъ, что они разбѣжались, и экинажъ, обѣдавшій въ то время въ жилой палубѣ, успѣлъ напасть на нихъ съ крюками и пиками, убилъ нѣкоторыхъ и выбросилъ остальныхъ въ море. Такимъ образомъ *Supply* былъ спасенъ.

Research избѣгнулъ этихъ опасностей и 15 Августа положилъ якорь въ Пангай-модускомъ рейдѣ, гдѣ оставался до 26. Педанія приключенія *Астролиби* заставили капитана Дилона взять всевозможныя предосторожности, чтобы не подвергнуться подобной участи; онъ не съезжалъ на берегъ, заставлялъ островитянъ снабдить его водою и дровами на байдарахъ, и строго приказалъ не пускать никого на корабль. При всемъ этомъ, дикіе въ ночь съ 19 на 20 числа сдѣлали попытку овладѣть кораблемъ. Въ 3 часу утра, капитана разбудилъ шумъ подъ окнами его каюты. Онъ сталъ смотрѣть, и хотя ночь была темная, разглядѣлъ большую байдару, за которою слѣдовали другія. Онъ, казалось, готовился вмѣстѣ напасть на корабль. Для предупрежденія подобнаго покушенія, капитанъ тотчасъ выстрѣлилъ по байдарѣ изъ пистолета, и чрезъ Тонгайскаго переводчика сказалъ, что если байдары не отдалятся, то имъ станутъ стрѣлять изъ пушекъ. Дикіе принуждены были отступить. Пребываніе здѣсь Дилона не доставило ни какихъ новыхъ свѣдѣній объ этихъ народахъ. Онъ узналъ только, что островъ Ротума, хотя отстоящій отсюда на шестьсотъ миль, признаетъ надъ собою власть Тонга-табуйскихъ острововъ. Почтенный Фана-фануа, страхъ Мафанги, узнавъ, что *Research* долженъ былъ зайти въ Ротума, просилъ капитана Дилона взять на корабль его втораго сына, дочь 14 лѣтъ и одного

изъ служителей. Эти депутаты должны были требовать подать, которую жрецы Ротума обыкновенно платили жрецамъ Тонга-табу. Уже прошло три года, какъ Фака-фануа послалъ туда своего старшаго сына, и казалось, пламенно желалъ получить извѣстіе объ этомъ юномъ.

Мореплаватель, послѣ всѣхъ посѣтившій архипелагъ Тонга, есть, сколько намъ извѣстно, Вальдегравъ, капитанъ военнаго шлюпа *Серинганатинамъ*. Ставъ на якорь въ Пангай-моду, въ пеходѣ Мая 1830, Вальдегравъ находился постоянно въ самыхъ миролюбивыхъ сношеніяхъ съ туземцами. По его словамъ, въ то время Туп-тонга снова появился на Тонга-табу, и хотя Тагофа все еще былъ сильнѣйшимъ старшиною острова, по вліянію своему на дѣла, и потому протушанію, которое ему оказывали жители, однако переворотъ совершился въ пользу Тубу, который не переставалъ быть искреннимъ и преданнымъ Христіаниномъ. Ему возвратили все семейныя права.

Подобно самымъ счастливымъ мореплавателямъ, Вальдеграву удалось присутствовать на нѣкоторыхъ празднествахъ, и между прочимъ на одномъ, которое давалъ одинъ старшина изъ Мори, по имени Партоиъ, въ честь туп-тонга, по возвращеніи его съ острововъ Гапайскихъ.

«Въ 9-ть часовъ утра туп-тонга занялъ мѣсто подъ крышею обширнаго овальнаго зданія для кавы, со всѣхъ сторонъ открытаго. Чиновники его помѣстились по сторонамъ. По правую руку стала пожилая женщина, обязанная ему прислуживать. Противъ туп-тонга, въ разстояніи почти на 25 туазовъ, поставили на землю двѣ большія чаши съ кавою, и съ каждой стороны сѣли на корточкахъ, въ полукругинъ, старшины и главныя особы. За ними стали все остальные присутствовавшіе. Человекъ, въ родѣ главнаго кравчаго, стоявшій влѣво отъ Туп-тонга, возвышалъ громко имя особы, которой слѣдовало подносить чашу съ кавою, всегда доливаемую дополна, слуги подносили ее при сѣданъ до земли. Когда церемонія кавы окончилась, наступила игра между двумя отрядами старшинъ, изъ двадцати человекъ каждый. Туп-тонга находился въ одномъ изъ нихъ. Игра состояла въ томъ, чтобы втыкать перпендикулярно конь въ кольцо, толщиною около фута, всаженный въ землю. Первый воткнулъ свое кольцо горизонтально, другіе

последовали за ними; паровя, чтобы острия их копий падали въ вертикальномъ направленіи. Это требовало большого искусства: изъ двадцати копій, только пять, съ обѣихъ сторонъ были воткнуты какъ слѣдуетъ. Партия состояла изъ тридцати ударовъ, но ни въ томъ ни въ другомъ отрядѣ не достигли этого числа, хотя неоднократно переначинали. Туи-тонга воткнулъ одно копье, а Партона два. Играющій становится въ пятнадцать шаговъ отъ мѣты и цѣлитъ въ столбъ такимъ образомъ, чтобы попасть перпендикулярно. По окончаніи игры, на поприще принесены были свиньи, которыхъ пересчитывали, и Туи-тонга самъ раздавалъ ихъ; на нашу долю пришлось четыре свиньи съ соразмѣрнымъ количествомъ мяса. После обѣда начались танцы: къ ночи все снова сонилось на то же мѣсто, освѣщенное факелами. Дворъ, расположившійся въ центрѣ круга, состоялъ изъ тридцати или сорока человекъ. Распорядитель оркестра билъ по тремъ пустымъ бамбукамъ, лежащимъ передъ нимъ на землѣ; для басовыхъ нотъ ударилъ о землю другими бамбуками, у которыхъ нижняя часть была глухая; другіе хлопали въ ладоши, въ подражаніе цимбаламъ; а главный распорядитель тиннулъ одну тенорную ноту, звукъ которой слышался не прерываясь. Напрасно старался я узнать, какъ это дѣлалось; мѣра собнодалась какъ нельзя лучше; и голоса пѣли съ большимъ ладомъ. Въ продолженіе пяти часовъ хоръ перемѣнился только два раза. Пѣску начали женщины; онѣ стояли въ полукругѣмъ лицомъ къ хору, наблюдая съ большимъ вниманіемъ мѣру и сопровождая пляску пѣніемъ. Въ непрерывномъ движеніи рукъ и головы, эти женщины принимали самыя прелестныя положенія; онѣ то уклонились въ сторону съ легкостью, то кружились съ чрезвычайною быстротою, или, не додѣлавъ круга, мгновенно обращались назадъ;—исполняя все это самымъ гармоническимъ образомъ. Восемьдесятъ женщинъ участвовали въ каждомъ танцѣ; и все шевелились совершенно одинаковымъ образомъ и въ одну минуту. Мѣра, сначала тихая, стала постепенно оживляться, и наконецъ сдѣлалась чрезвычайно быстрою. Отъ головы до ногъ тѣло казалось въ судорожномъ движеніи; эта пляска окончилась всеобщимъ восклицаніемъ.

«Другой танецъ, исполняемый равнымъ числомъ женщинъ, заступилъ мѣсто прежня-

го и былъ сопровождаемъ четырьмя танцами мужскими. Разница состояла въ томъ, что мужчины часто двигали ногами, тогда какъ женщины едва отдѣляли ихъ отъ земли. Это составляло очаровательное зрѣлище. Одежда женщинъ начинала только отъ пояса до ногъ; но руки и грудь были обнажены; взоры зрителей могли свободно любоваться ихъ прекрасными формами. Нарядъ богатый и драпированный со вкусомъ состоялъ изъ кусковъ ткани, украшенныхъ стеклырусомъ и цвѣтами. Намъ было очень пріятно присутствовать при ихъ туалетѣ и разсматривать украшенія, которыя имъ приносили. Мы восхищались ими, до той минуты, когда, въ заключеніе всехъ утонченностей туалета, принесли кокосовое масло пахнувшее сандаловымъ деревомъ; и стали обливать имъ голову, плеча и все тѣло. Эти женщины показались намъ скромными безъ неприступности. Дочь Партона занимала первое мѣсто въ одномъ изъ танцевъ; сестра ея въ другомъ, два прелестныя созданія лѣтъ около 15. Туи-тонга предводительствовалъ въ одномъ изъ мужскихъ танцевъ, сынъ его, одиннадцати-лѣтній ребенокъ, въ другомъ. Пужна большая сила, чтобы въ одно и то же время плясать и пѣть, особенно къ концу фигуръ; я пробовалъ аккомпанировать пѣніе четверть часа и утомился, хотя пѣлъ сидя. Мужчины были одѣты однообразно, исключая начальниковъ партій; только одѣ руки ихъ были открыты; прочее же окутано матеріями. Около пояса было напутано такое множество тапы, что онѣ выдавались впередъ на шесть вершковъ, и совершенно заслоняли формы тѣла. Въ одиннадцать часовъ съ половиною, пляска кончилась.»

Изъ Тонга-табу капитанъ Вальдегравъ направилъ путь на Вавао; чтобы узнать подробности о судьбѣ двухъ китоловныхъ судовъ, на которыя недавно напали туземцы. *Серинганатнамъ* присталъ къ группѣ 4 Юня вечеромъ, и на другой же день Вальдегравъ сошелъ на берегъ, потребовать отчета у старшинъ острова въ оскорбленіи, нанесенномъ Британскому флагу. Пусть разскажетъ самъ капитанъ:

«Меня проводили, говоритъ онъ, въ большой домъ для кавы, гдѣ я нашелъ короля; онъ сидѣлъ, по лѣвую руку стоялъ Англичанинъ по имени Броунъ; съ каждой стороны становились по порядку главные старшины, а напротивъ ихъ тѣ, которые моло-

же чиномъ. Вокругъ дома, на лужайкѣ, между фан-тока покойнаго короля и домоу кавы, толпились до 3000 народа. Король просилъ меня сѣсть. Стоя передъ нимъ съ шляпой на головѣ, также какъ и мои офицеры, я отвѣчалъ ему: «Король Георгъ прислалъ меня спросить тебя, Финнау, зачѣмъ ты умертвилъ капитана *Елисаветы* и китолововъ *Ремблера*; я не сяду, доколѣ не узнаю причину убійства?» При сихъ словахъ Финнау задрожалъ отъ страха и гнѣва. Въ первый разъ еще его вопрошали такимъ образомъ передъ лицомъ его народа. «Вотъ священникъ (миссіонеръ), прибавилъ я; спроси его: онъ тебѣ скажетъ, что я прѣхалъ не съ тѣмъ чтобъ наказывать, но только чтобъ узнать подробности происшествій». Тогда Финнау объявилъ очень тихимъ голосомъ, что шхиперъ *Ремблеръ* и они торговали дружно, какъ вдругъ двое изъ его экипажа дезертировали. Въмѣсто того чтобы потребовать ихъ отъ короля острова, шхиперъ вздумалъ отнимать ихъ силою; и открылъ огонь по людямъ, стоявшимъ на берегу. Выблещи были выданы; но послѣ, когда капитанъ имѣлъ неосторожность сойти на землю, народъ возсталъ и убилъ его, не пощадивъ и экипажа его лодки. Что касается до *Елисаветы*, то, по словамъ Финнау, первый ея сношенія съ землею были столь дружелюбны, что восхищенный капитанъ обѣщалъ подарить ему ружье. Но въ минуту отъѣзда, отказалъ въ этомъ подаркѣ; тогда Финнау принялся размышлять: *Елисавета*, какъ и *Ремблеръ*, подумалъ онъ просебя, станеть стрѣлять въ народъ; лучше же ее предупредить; въ слѣдствіе этого разсужденія, онъ убилъ капитана и нѣсколькихъ матросовъ. Впрочемъ, онъ прибавилъ, что очень жалеть, что поступилъ такимъ образомъ, и впередъ этого не сдѣлаетъ. Хорошо, возразилъ я на это объясненіе, я передамъ королю Георгу твои слова. — «А простишь ли ты?» и Финнау сталъ настаивать о прощеніи. Я не имѣю права прощать; я прѣхалъ только узнать о дѣлѣ. — «Станешь пить каву?» Я снулъ шляпу и присѣлъ подлѣ него. Народъ приветствовалъ эту минуту живымъ восклицаніемъ: кавъ была принесена и я выпилъ свою долю. Потомъ Финнау пригласилъ меня остаться почевать на берегу: я посоветовался съ офицерами и принялъ предложеніе.

«Послѣ кавы мы удалились въ казу, за-

мѣтельную своею чистотой и опрятною наружностью: двойная плетенка изъ кокосовыхъ листьевъ покрывала полъ. Король просилъ меня велѣть офицерамъ выйти, и въ продолженіе трехъ часовъ разсказывалъ мнѣ всю исторію убійства, и снова изъявлялъ сожалѣніе. Послѣ обѣда онъ хотѣлъ показать мнѣ свою ловкость; взявъ ружье, далъ промахъ по вѣтвѣмъ птицамъ, въ которыхъ стрѣлялъ, и заключилъ убійствомъ несчастной курицы, которую въ ту минуту оцѣнали, изжарили и съѣли. Засимъ слѣдовалъ новый кавъ. Пока это продолжалась, Финнау такъ настойчиво сталъ просить у меня шляпу, что я ему подарилъ ее. Вечеромъ была пляска въ большомъ домѣ для кавы; и послѣ двухъ новыхъ ужиновъ, мы возвратились наконецъ въ казу, гдѣ должны были почевать. На другой день, позавтракавъ, я предложилъ ему вѣхать со мною на корабль; онъ согласился; но министръ его просилъ меня дать слово, что королю будетъ позволено возвратиться на землю. Я предложилъ залогъ и прибавилъ: «Мой хирургъ отправляется за четыре мили отсюда во внутренность острова; чтобы навѣстить вашего любимаго племянника; священникъ также за нимъ слѣдуетъ; — неужли вы думаете, что я оставилъ бы ихъ въ вашихъ рукахъ, если бы имѣлъ намѣреніе васъ обидѣть?» Король Георгъ повѣсилъ бы меня, если бы я нанесъ вамъ хотя малѣйшій вредъ, обѣзавши себя словомъ. «Хорошо же, поѣдемъ» сказалъ онъ. Мы размѣстились въ двухъ лодкахъ, сопровождаемые 29 особами. Когда мы проѣзжали мимо байдаръ, туземцы поднимали радостный крикъ. По прибытіи на корабль, Финнау смотрѣлъ маневры морскихъ солдатъ, и два раза ему и старшинамъ его свиты подносили вино. Онъ обошелъ весь корабль, называя каждую вещь и пробовалъ дуть въ свистокъ боцмана. Слыша барабанъ, возвѣщавшій обѣдъ офицеровъ, онъ пошелъ за людьми и сѣлъ съ ними за одинъ столъ. Отобѣдавъ съ ними, онъ вошелъ въ мою каюту и присѣлъ къ моему обѣду. Морскіе солдаты снова маневрировали въ продолженіе получаса, и восхищенные туземцы изъявили радость свою новымъ крикомъ. Въ половинѣ четвертаго часа пополудни, Финнау и его свита оставили корабль, и лодка, которая отвозила ихъ, возвратилась къ 9 часамъ, нагруженная мясомъ, который онъ послалъ намъ въ подарокъ.

Финну король неограниченный; приказанія его исполняются строго и немедленно; ему нѣтъ еще тридцати лѣтъ; онъ идолюпоклонникъ, имѣетъ двухъ дѣтей и трехъ женъ. Жениться можетъ только на дочеряхъ знатныхъ старшинъ. Наслѣдникъ его есть плоть той изъ его женъ, которая происходитъ отъ благороднѣйшей фамиліи. Маложинцы короля многочисленны.»

Вотъ что сообщаютъ капитанъ Вальдегравъ, который впрочемъ видѣлъ эту страну мелькомъ. О дѣйствіяхъ миссіонеровъ извѣстно утвердительно только то, что поселившіеся въ Гифо, они убѣдились въ непреклонномъ упорствѣ Гаты, и потерявъ всякую надежду на успѣхъ, пересѣхали въ 1830 г. на острова Гапайскіе, гдѣ обратили въ Христіанство короля и большую часть его народа. Въ слѣдующемъ году Вавао былъ свидѣлемъ тѣхъ же успѣховъ. Наконецъ самый Тонгатабу, казалось, увлекся этимъ религіознымъ движеніемъ. Трое миссіонеровъ, живущихъ въ Нику-лафа, вмѣстѣ съ благочестивымъ Тубо каждый день приобретаютъ Христіанской вѣрѣ новыхъ последователей. Желательно, чтобы въ числѣ этихъ проповѣдниковъ нашлся хотя одинъ Эллисъ, для сохраненія памяти о правахъ и вѣрѣ, которые они стараются искоренить; только подобныя труды, какъ вѣрные документы для всеобщей исторіи Земнаго Шара, могутъ оставить намъ любопытныя извѣстія о прежнемъ состояніи этой страны.

ГЛАВА VII.

Острова Тонга. — Нравы. — Обычаи. — Исповѣданіе.

Группа Тонга, ближайшая къ архипелагу Вити, занимаемому племенами смуглаго цвѣта, принадлежитъ очевидно еще къ тому племени или къ той породѣ, которую мы означали именемъ Полинезійской; и по какой-то странности довольно трудно объясняемой, эта порода здѣсь благороднѣе, чище, правнѣе, часто бывае нежелан на нѣкоторыхъ островахъ гораздо болѣе удаленныхъ отъ Меланезіи. Наружность жителей Тонги пріятна; обращеніе ихъ важно и пристойно. Разсматривая черты ихъ лица, вы нередко замѣтите орлиныя носы, сжатія губы и волосы по большей части гладкіе: Тонгайцы высоки и соразмѣрны въ складѣ тѣла. Прибавьте къ этому едва смуглый цвѣтъ ко-

жи, въ особенности у женщинъ и у старшинъ, и тогда не трудно понять, сколько можетъ существовать соотношеній между этими людьми и населенцами южной Европы. Есть женщины, формы которыхъ столь прекрасны и чисты, что могли бы служить образцами нашимъ художникамъ. Можно замѣтить только одинъ недостатокъ: ноги и слѣды у нихъ чрезмерно толсты.

Живя въ климатѣ умеренномъ, имѣя пищу обильную и добываемую безъ труда, туземцы вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ. Однако они подвержены малярии, элафгангіазису, простудамъ и особенной сыпи на разныхъ частяхъ тѣла. Старики здѣсь многочисленнѣе, нежели на другихъ Полинезійскихъ группахъ, за то они слабѣе, дѣятельнѣе и силнѣе.

Мы видѣли, каковъ былъ характеръ этихъ народовъ; сначала мягкій, вкрадчивый и привлекательный въ обращеніи, но любящій выгоды и деньги, готовый всегда къ измѣнѣ и жестокий при случаѣ. Каждый мореплаватель смотрѣлъ на нихъ сквозь свою призму, — одинъ восхищаясь ими чрезъ мѣру, другой, можетъ быть, слишкомъ порицая ихъ. Гостепріимные хозяева и вмѣстѣ убійцы своихъ гостей; благосклонные и жестокие; щедрые и скупые; глубоко-скрытные и храбрые прежде всего; важные, добрые между собою; умные, хитрые, сообразные для образованности — Тонгайцы соединяютъ въ себѣ эти противоположности, и отличаются собственно соединеніемъ ихъ. Общественныя связи здѣсь благородны и чужды соблазна; семейства управляются безъ насилія, жены не живутъ въ постыдномъ униженіи и табу не безсмысленно строго. Потому-то капитанъ Дюрвиль, не стѣняясь, ставитъ жителей Тонги на одну черту съ обитателями Новой Зеландіи. Они одарены самыми высокими качествами и чрезвычайно сильною властію надъ собою, простирающею только отъ ума твердаго и возвышеннаго.

Тонгайцы могутъ быть раздѣлены на пять разрядовъ: тун-тонга, эгун, мата-булен, мун и тун.

Мы уже достаточно объяснили, что такое тун-тонга и его семейство. Эгун или благородные, составляли, по видимому, классъ поземскихъ владѣльцевъ. Они занимали въ государствѣ первыя должности, назначали въ каждый округъ политическаго старшину,

почти независимаго отъ тун-тонга, и подчиненнаго ему только одними требованіями этикета. Эта независимость, кажется, едва ли существовала встарину; но въ наше время она сдѣлалась фактомъ достовернымъ. Вокругъ самыхъ могущественныхъ эгуевъ, старшинъ округовъ, толпились другіе, подчиненные эгуи, которые шли за звѣздою патрона, какъ спутники за планетою. Чтобы означить владѣніе островами, округомъ или селеніемъ, они прибавляли къ слову *тун* (господинъ) названіе владѣнія. Отсюда происходятъ тун-вавао, тун-ганаи, тун-намука.

Однѣ женщины передавали благородство: если мать не была благородною, то и дѣти не могли быть благородны. Ни въ какомъ случаѣ фортуна, судьба и богатство не возвышали состоянія. Даже нынѣ, не смотря на переворотъ сокрушившій почти все старое на Тонга-табу, въ кавахъ и въ торжественныхъ собраніяхъ могущественный и грозный Тагофа принужденъ уступать дорогу робкому Тубо, ничтожному Лату и другимъ членамъ Фата-фасвъ, на которыхъ онъ едва смотритъ въ другое время.

За эгуями слѣдуютъ мата-булеи, умное и полезное учрежденіе, существующая мѣра для правленія феодальнаго. Мата-булеи суть опекуны эгуевъ и ихъ совѣтники съ дѣтства. На нихъ возложено управленіе землями, наблюденіе за церемоніями и сохраненіе преданій. Рѣдко, эгуи совершаютъ важное дѣло, не посоветовавшись съ своими мата-булеями. Мата-булеи суть естественные посредники между народомъ и знатыми: это ступень отъ безземелья къ владѣнію.

Классъ муевъ, почти весь составленъ изъ родни мата-булеевъ. Имъ предоставлены такъ называемыя свободныя искусства, какъ-то построеніе байдаръ и большихъ казъ, обдѣлка китовыхъ усовъ и приготовленіе неводоу. Другія ремесла принадлежатъ туимъ, послѣднему классу, который самъ подраздѣленъ на категоріи, смотря по цѣнности ремесла. Состоящіе въ послѣдней степени суть повара и земледѣльцы. Рабовъ же, собственно такъ называемыхъ, не существуетъ вовсе; попадавшіеся въ плѣнъ на войнѣ, убивали, промѣнивали, возвращали, или вербовали въ войско побѣдителя.

Бывало, когда архиепископъ, покорный тун-тонгаю, находился подъ управленіемъ благоустроеннымъ и почтеннымъ, войны конечно

были рѣдки, и то только частныя. Тѣ, которыхъ мучила любовь къ битвамъ, плыли на острова Вити, — гнѣздо ужасныхъ и долговременныхъ распрей. Бунтъ Финнау измѣнилъ это мирное состояніе. Десять лѣтъ острова были добычею войны. Не разъ арміи числомъ отъ 2 до 3,000 человекъ сходились, и тогда вполне обнаруживался предпримчивый и воинственный духъ туземцевъ. Всякій, кто былъ въ силѣ носить оружіе, отдавался въ распоряженіе эгуя, и слѣдовалъ за нимъ въ его походахъ. Обыкновенно избѣгали правильныхъ сраженій; война состояла въ стычкахъ и печальностяхъ. Побѣжденные, или отдавались въ руки побѣдителя, или обращались въ бѣгство на пріятельскій островъ, увлекая на лодкѣ женъ, дѣтей, старцевъ, словомъ, все, что могло быть для нихъ драгоценно. Сколько подобныхъ бѣгствоу поглотило оксанъ, довершая дѣло побѣдителя.

Оружіемъ этихъ народовъ были конья и булавы разныхъ видовъ. Нынѣ у нихъ сверхъ того завелось небольшое количество ружей, и въ особенности множество штыковъ надѣтыхъ на длинныя рукоятки (Рис. XVII. ф. 2).

Понятіе о преступленіи островитяне заключаютъ почти безъ изыятія въ нарушеніяхъ табу и въ неповиновеніи старшинамъ; двойное преступленіе весьма рѣдко. Палочные удары суть обыкновенное наказаніе; въ случаяхъ болѣе важныхъ, преступникъ казнится смертію. Послѣднее не извѣстность жителямъ Тонга. Когда между двумя эгуями существуетъ вражда, основанная на убѣдительныхъ доводахъ, тогда они нападаютъ другъ на друга. Иногда смерть одного изъ бойцовъ прекращаетъ единоборство; но чаще всего оно оканчивается непритворнымъ примиреніемъ.

Управленіе имуществами, игра, пляска, прелестъ бесѣды, составляютъ главное препровожденіе времени эгуевъ и мата-булеевъ. Уже было разъ говорено о *леагви* и *фанакалин*. Въ родѣ послѣдняго увеселенія есть еще *дэсія-туби*, охота на приманку. *Фана-гуама*, или охота на крысъ, есть забава еще болѣе благородная: одни знатные эгуи предаются ей. Предъ начатіемъ охоты, «служители» рассыпаютъ по землѣ приманку, и бросаютъ кое-гдѣ маленькіе куски дерева, чтобы дать знать туимъ, что они должны очистить мѣсто для господъ. По окончаніи приготовленій, стекаются охотники, вооруженные луками и стрѣлами. Дружина, раздѣленная на двѣ

равныя части и предводимая двумя высшими по чину старшинами, должна отличаться показъ въ этомъ странномъ упражненіи. Стрѣлки становятся въ рядъ одинъ за другимъ, соблюдая притомъ, чтобы люди одной партіи очередились съ людьми другой. Когда появляется крыса, передовой стрѣлокъ пускаетъ въ нее стрѣлу; убилъ ли онъ если далъ промахъ, во всякомъ случаѣ онъ становится уже позади другихъ. Такимъ образомъ каждый въ свою очередь принимаетъ участіе въ охотѣ; партія убившая десять крысъ, одерживаетъ побѣду.

Другія игры или упражненія суть: *ало*, ловля бонита; *толо*, метаніе копьемъ, о которомъ было говорено; *фашифо*, купанье въ бурунахъ; *фанга-туа*, бой булавами; *фугу*, кулачный бой; *таупана*, метаніе копьями; *лафо*, родъ палета; *гифо* и *габо*, игры женскія, состоящія въ бросаніи на воздухъ шаровъ. Искусство играющей заключается въ томъ, чтобы постоянно держать въ воздухъ пять шаровъ, перебрасывая ихъ сряду съ одной руки въ другую (Рис. XVIII. ф. 1).

Что касается до разговоровъ, то они все почти вертятся на одномъ предметѣ *Нана-лагисахъ* или Европейцахъ. Нѣкоторые рассказчики въ особенности обладаютъ талантомъ заинтересовывать слушателей или заставлятъ ихъ смѣяться, передавая то, что знаютъ о нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Разумѣется, что въ этихъ разсказахъ не обходится безъ нелѣпыхъ преувеличеній и подробностей собственнаго изобрѣтенія; но эти-то басни дороже для слушателей всѣхъ достовѣрныхъ подробностей и точныхъ наблюденій.

Разнообразныя занятія жителей показываютъ, что промышленность между ними не въ младенчествѣ. Нельзя не упомянуть о построеніи байдаръ (*фа-кава*), въ которомъ племя Тонгаевъ превосходитъ; о дѣланіи ожерельевъ изъ кашалотовыхъ зубовъ (*фанта-ле*); о построеніи склеповъ для погребенія старшинъ (*то-фанга-та-жака*); о дѣланіи неводовъ (*джіа-кобенга*); о рыбной ловлѣ неводомъ и удочкой (*то-фунга-то-таи-ика*); о построеніи казъ (*тонга-фале*); объ искусствѣ разрисовывать тѣло (*та-тату*); о рѣзбѣ на булавахъ (*тонгуи-акао*); о цирюльномъ промыслѣ (*фан-кева*), производимомъ или посредствомъ заостренной раковины или съ помощью пемзы; наконецъ о поваренномъ искусствѣ (*фан-уму*). Всѣ эти промыслы наследственные; но есть другіе, случайные, какъ напр.

производство хирургическихъ операцій, постройка укрѣпленій, фабрикація всревокъ и оружія.

Крестьяне или *каи-фануи* обрабатываютъ землю деревяннымъ орудіемъ въ родѣ лопаты, называемымъ *гау*. Фабрикація матерій, плетенки и корзины обыкновенно находится въ рукахъ женщинъ. Въ первообразномъ видѣ матерія называется *мана*; приготовленная и окрашенная, она принимаетъ названіе *гнату*.

Плетенки самыя тонкія (*гнафи-гнафи*) дѣлаются изъ листьевъ пандануса. Плетенки спальныя (*фу-ла*) дѣлаются двойныя и бываютъ разной величины: нѣкоторыя доходятъ до 10 футовъ длины на 6 ширины. Плетенки для парусовъ (*ла*), столь же крѣпкія, сколько легкія; плетенки для ковровъ (*такау*); плетенки, украшенныя рисунками (*татау*); наконецъ плетенки для крышъ (*бау-ла*), — пополняютъ номенклатуру предметовъ этого рода промышленности. Корзины бываютъ разныхъ родовъ, какъ и плетенки. Всѣ эти работы суть рукодѣлія женщинъ, также какъ фабрикація гребней изъ волоконъ кокосовыхъ и добываніе нитокъ изъ коры *олонга*.

Пища старшинъ Тонгаевъ состоитъ изъ завтрака, сопровождаемаго обыкновенною кавою, изъ обѣда около полудня и изъ ужина при закатѣ солнца. На самыхъ большихъ обѣдахъ, передъ каждымъ становится его порція. Не существуетъ закона, запрещающаго женщинамъ быть за столомъ съ мужчинами; но низшему запрещается ѣсть или пить въ присутствіи высшаго. Никто не смѣлъ ѣсть при туитонгѣ, и по какому то странному закону онъ самъ не имѣлъ права ѣсть при старшихъ членахъ своей фамиліи.

Всякая не обрученная молодая дѣвушка, можетъ отдаться первому, кто ей понравится: Нареченныя, и это почти всегда случается съ дочерьми старшинъ, обязаны соблюдать вѣрность столь же строго, какъ жены. Впрочемъ женщины самыя вольныя въ поведеніи, не чужды нѣкоторой скромности. Изъ совѣстно часто перемѣнять обладателей своихъ.

Замужнія женщины обыкновенно бываютъ пыломудренны и вѣрны. Въ случаѣ прелюбодѣйства законъ предастъ обоимъ виновныхъ оскорбленному супругу: властью неограниченно женою, онъ можетъ безъ пощады убить ее; но чаще онъ ее отвергаетъ, и тогда она снова становится свободною и совершенно вольною въ своихъ дѣйствіяхъ. Эгун могутъ

брать столько женъ, сколько имъ угодно; мѣста занимаютъ они между собою по рожденію.

Церемонія супружества обходится безъ большаго этикета. Женихъ отправляется за своей невѣстой въ домъ ея родителей и даетъ столъ друзьямъ обѣихъ фамилій. Этимъ ограничиваются всѣ обряды гражданскіе и религиозные.

Тун-тонга, слишкомъ высока для того, чтобы какая либо женщина могла сдѣлаться его женою и носить это званіе. Сей верховный жрецъ собираетъ въ свой гаремъ дочерей самыхъ знатныхъ эгуевъ, которые всегда очень довольны такимъ выборомъ, и наследникомъ духовной власти бываетъ сынъ той изъ женъ, которая всѣхъ благороднѣе по крови. Некоторые женщины изъ фамилій фата-тан, и между прочими Тамага, пользовались почти подобнымъ преимуществомъ. Они не могли избирать себѣ супруга, но имъ позволялось имѣть нѣсколько любовниковъ, мѣнять ихъ, когда хотѣли, и ни одинъ изъ нихъ не могъ имѣть притязанія на какія бы то ни было права.

Въ странѣ, гдѣ одно рожденіе даетъ благородство, женщина, выходя замужъ, не теряетъ ни своего мѣста, ни правъ фамиліи. Если супруги неравныхъ состояній, то низшій изъ нихъ, прежде нежели приступить къ кушанью, долженъ подчиниться моэ-моэ, въ отношеніи къ старшему члену хозяйства, подъ опасеніемъ нарушить правило табу. Женщина, которая выходитъ за мужа высшаго званія, выигрываетъ въ личномъ уваженіи; но не такъ бываетъ съ мужемъ, который беретъ жену ниже его званіемъ.

Женщины, даже матерн семействъ, часто усыновляютъ постороннихъ дѣтей, съ которыми они обращаются какъ съ собственными. Эти усыновленія имѣютъ конечно политическую цѣль. Дѣти наследуютъ званіе матерей; имъ принадлежатъ тѣ же почести, тѣ же обряды этикета, хотя бы они были ребятами. Мальчиковъ подвергаютъ чему-то похожему на обрѣзаніе. Разрисовка тѣла употребляется между людьми нѣсколько пожилыми; узоры отличаются разнообразіемъ и вкусомъ. У женщинъ разрисовывается одна только ладонь.

Дома имѣютъ обыкновенно фигуру овала, въ тридцать футовъ длины, въ 20 ширины и отъ 12 до 15 вышины. Они состоятъ только изъ крыши, поддерживаемой совокупленіемъ

многихъ столбовъ и брусевъ, хорошо прилаженныхъ и соединенныхъ связями. Полъ изъ убитой земли посыпанъ слоемъ сухой травы, сверху которой разложены плетенки изъ кокосовыхъ листьевъ. Внутренность можетъ быть раздѣлена на нѣсколько покоевъ посредствомъ разноштанчанныхъ плетеныхъ. Другія плетенки, разложенныя по скату крыши, въ случаѣ нужды опускаются, дабы защитить казу отъ дождя, вѣтра или солнца (Рис. XVIII. ф. 2).

Одни хозяева дома имѣютъ особенную комнату; прочіе же члены семейства спятъ кое-какъ въ большой залѣ. При этомъ не забываютъ однако отдѣлять оба пола. Служители имѣютъ маленькія прилегающія казы. Постели состоятъ изъ плетеныхъ, а дневныя одежды суть единственные покрывала для ночи. Утварь сихъ жилищъ немногочисленна: одинъ или два деревянныя кувшины для кавы, высушенные тыквы съ водою, кокосовые сосуды, наполовинные масломъ для туалета, скамьи и подушки изъ дерева, вотъ почти все. Обведенные огородами, эти домики группируются небольшими селеніями. Селенія называются *коло*, когда они укрыты, и самое важное изъ всѣхъ принимаетъ титулъ *муа*. Это родъ столицы. Впрочемъ селенія содержаны прекрасно: ихъ пересѣкаютъ тропинки, окружаютъ изгороди и по мѣстамъ осынаютъ рощи.

Пища островитянъ, здоровая и разнообразная, состоитъ изъ предметовъ общихъ цѣлой Полинезій. Только поваренное искусство достигло въ архипелагѣ Тонга гораздо болѣе прихотливости, нежели въ прочихъ группахъ. Меркнеръ приводитъ до тридцати различныхъ блюдъ. Что касается до одеждъ, то они состоятъ изъ тонкой плетенки или изъ куска матеріи, которою жители обертываютъ тѣло, и опутавъ почти два раза вокругъ туловища, прикрѣпляютъ на поясъ. Женщины обыкновенно закрываютъ грудь; но мужчины ходятъ всегда съ открытою грудью. Простой народъ довольствуется часто однимъ передничкомъ изъ листьевъ и поясомъ, похожимъ на *маро* Танга. Мальчики долго не надеваютъ платья; но дѣвочки начинаютъ одѣваться гораздо ранѣе. Иногда туземцы носятъ на головѣ маленькія шапочки, или куски матеріи, свернутыя въ видѣ чалмы, или простыя забрала, сплетенныя изъ листьевъ кокосоваго дерева, и защищающія ихъ зрѣніе отъ палящихъ лучей солнца.

Уборка волосъ составляетъ самую существенную часть туалета. Нѣтъ общей моды, которая бы ее единообразила. Одни носятъ волосы длинныя и распущенныя, другіе стригутъ ихъ вилоть. Но есть еще такіе, которые посредствомъ ѣдкихъ составовъ окрашиваютъ ихъ въ цвѣта: бѣлый, красный, или самый свѣтлый, и потомъ завиваютъ съ большимъ стараніемъ. Нѣкоторые Тонган-денди боятся шевелить головой, отъ страха, чтобы не разстроить громадной прически. Женщины, напротивъ, носятъ очень короткіе волосы. Но что отличаетъ оба пола, это та утонченная опрятность, въ которой они содержатъ свое тѣло. Употребленіе бань, соединенное съ втираніемъ кокосоваго масла, даетъ ихъ кожѣ мягкость и необыкновенную красоту. Когда женщины идутъ на праздникъ, такимъ образомъ вымытыя, намащенные, благоухающія, съ ихъ многочисленными и разнообразными украшеніями, ихъ ожерельями изъ раковинъ, итичьихъ перьевъ, зубовъ акулы или изъ китовыхъ усовъ, то онѣ истинно пѣлительны, исполнены пѣги и прелестей. Илюды пандануса, или душистые цвѣты, то обвиваютъ ихъ нѣжныя головки, то въ гирляндахъ рисуются фестонами вокругъ ихъ красивыхъ плечей и груди. Въ мочки ушей, гдѣ уже приготовлены большія дыры, онѣ вдѣваютъ цилиндры трехъ вершковъ длины, и тростинки, наполненныя желтымъ порошкомъ.

Мы говорили уже о музыкальныхъ ихъ инструментахъ: кромѣ *нафа*, родъ барабана, употребляются бамбуки разныхъ величинъ; *фанго-фанго*, родъ флейты, сдѣланной изъ бамбука, закрытой съ двухъ концовъ, и имѣющей шесть дырочекъ, въ которыя дуютъ поздряни. На Тонга знаютъ также свирѣлку-пана, состоящую изъ осьми или десяти постепенно укорочивающихся тростинокъ, параллельно прилегающихъ одна къ другой; звуки, извлекаемые изъ этого инструмента, довольно неправильны.

Подобно Танги и островамъ Гавайскимъ, Тонга-табу имѣетъ свои пѣсни, въ которыхъ или изображаются историческія событія первыхъ вѣковъ, или живописуются сцены вымышленныя, и наконецъ такія, которыя служатъ просто аккомпаниментомъ для танцевъ. Мы видѣли, сколько этихъ танцы граціозны, красивы, благородны и разнообразны.

Тонган, сколько можно видѣть, не обожаетъ фетишей, коихъ твердо держатся въ во-

сточной Полинезій. Въ ихъ язычествѣ болѣе эмблематическаго, нежели существеннаго; оно состоитъ въ полномъ духовномъ поклоненіи *готуасамъ*, божествамъ отвлеченнымъ и доволно неопредѣлительнымъ. *Готуасъ* Тонгасъ есть почти тоже, что *атуа* Таитянь, хотя религіозная идея первыхъ, ихъ символъ, правила и обряды гораздо темнѣе и непонятнѣе Таитскихъ.

Готуасы бываютъ всѣхъ званій; они расположены въ іерархическомъ порядкѣ, не считая готуасовъ или духовъ эгуевъ и матабулевъ, которые получаютъ эту честь послѣ ихъ смерти. *Готуасы-ну* суть духитмы, посланные въ міръ, чтобы терзать людей.

По словамъ Кука, между главными богами считаются:

Кала-фумонга, творецъ большей части предметовъ; богъ женскаго пола, заставляющій на небѣ, предводитель стихій и страшный въ своемъ гнѣвѣ (это *кала-фила-тонга* Вильсона).

Гали-аи-тубо, богъ войны, покровитель гу или короля Вавао, которому онъ даетъ непосредственно совѣты.

Туи-фуа-болоту, или старшина *Болоту*, достоинствомъ ниже предыдущаго, не смотритъ на пышность своего тѣла.

Гигулео, спальный богъ, уважаемый фамилією туи-тонга.

Тубо-тотан, буквально значить Тубо морской, богъ путешественниковъ, котораго призываютъ садясь въ байдару.

Алаи-валу, богъ хранитель фамиліи гу, которому поклоняются въ Офу.

Ало-ало, богъ стихій, призываемый властями земель.

Мави, который встрѣчается также на Тонга, гдѣ онъ считается какимъ-то Энкеладомъ или Атласомъ, несущимъ на своей спинѣ земно, и отъ малѣйшаго движенія котораго возникаютъ землетрясенія.

Потомъ слѣдуютъ *Гала-апи-апи* и *Туу-болоту*, боги подвластные, которые блюдутъ за моремъ и путешествіями; *Тогви-уку-меа* и *Тубо-бугу*, облечены почти въ тѣ же должности; *Тага-лоа*, богъ искусствъ и ремеселъ, который вытанилъ острова Тонга на поверхность моря, удаляя рыбу.

Этотъ послѣдній, кажется, имѣетъ преимущество быть хранителемъ странныхъ и любопытныхъ преданій. Меринеръ приводитъ одно изъ нихъ, служащее историческимъ до-

кументомъ и вмѣстѣ образчикомъ туземной литературы. Повторимъ его здѣсь:

«Богъ Тангалоа и его два сына пошли на житье въ Болоту.

«Долго жили они тамъ; однажды Тангалоа сталъ такъ говорить двумъ сыновьямъ своимъ:

«Возьмите вашихъ двухъ жепъ и ступайте въ мѣръ обитать Тонгу.

«Раздѣлите землю пополамъ и живите отдельно. Они отправились.

«Имя старшаго было Тубо; имя младшаго Вапа-ако ули.

«Младшій былъ большой искусникъ. Онъ первый сталъ дѣлать топоры, стекляныя ожерелья, материн изъ *папа-лангви* и зеркала.

«Тубо былъ не таковъ: онъ любилъ одну праздность.

«Онъ только гулялъ, спалъ, да завидовалъ трудамъ своего брата.

«Соскучивъ безпрестанно просить у него подарковъ, онъ задумалъ его убить, и спрятался для этого дурнаго дѣла.

«Однажды онъ повстрѣчалъ брата на прогулкѣ и убилъ его.

«Тогда ихъ отецъ прибылъ въ Болоту, пламеня отъ гнѣва.

«Онъ спросилъ сына: зачѣмъ ты убилъ твоего брата? развѣ ты не могъ трудиться подобно ему! бѣги, несчастный, бѣги!

«Скажи семейству Вапа-ако-ули, скажи, чтобъ оно пришло сюда.

«Они явились, и Тангалоа отдалъ имъ слѣдующія приказанія:

«Ступайте и спустите эти байдары въ море; держите путь на западъ, къ великой землѣ и тамъ оставайтесь.

«Вапа кожа сдѣлается бѣла какъ душа вапа, ибо душа вапа прекрасна.

«Вы получите всякія способности, будете дѣлать топоры, разнаго рода хорошія вещи и большія байдары.

«Между тѣмъ я велю вѣтру все дуть отъ вашей земли къ Тонгѣ.

«И имъ нельзя будетъ догнать васъ въ ихъ худыхъ байдаркахъ.»

«Послѣ сего Тангалоа сказалъ старшему брату:» ты будешь черенъ; ибо душа твоя дурна, ты будешь бѣденъ.

«У тебя нѣтъ хорошихъ вещей; тебѣ не бывать на землѣ твоего брата. Ты не можешь доухать до нея на твоихъ дурныхъ байдаркахъ.

«Но братъ твой будетъ иногда навѣщать Тонгу, чтобъ торговать съ тобой.»

Довольно любопытно найти въ Оксанической легендѣ исторію разсыянія рода чело-вѣческаго; противоположностей людскихъ породъ; отдѣленія добрыхъ отъ дурныхъ; убійства Авеля и наказаніе Каина.

За первообразными богами слѣдуетъ множество *готуасовъ*, духовъ скончавшихся эгуевъ и мата-булесевъ, которые имѣютъ власть вдохновлять жрецовъ и являться ихъ друзьямъ и родственникамъ. Ихъ призываютъ на *фай-токаяхъ*, составляющихъ предметъ глубокаго почтенія. Впрочемъ это почтеніе распространяется на все божества безъ исключенія. Примеры богоотступничества рѣдки, потому что съ строгимъ соблюденіемъ уставовъ богослуженія сопряжено нѣкоторое физическое благосостояніе. Всякое нарушеніе наказывается самими богами, которые посылаютъ виновнымъ тяжкую болѣзнь и даже смерть: общепринятая система временныхъ наказаній сильно содѣйствуетъ къ утвержденію покорности обрядамъ и вѣры въ преданія.

Боги обыкновенно изъясняютъ свое присутствіе какимъ то особеннымъ свистомъ; изъ уваженія къ божеству туземцы, стараются всѣми силами не свистать.

На островахъ Тонга, жрецы не составляютъ, такъ какъ въ другихъ Полинезийскихъ группахъ, привилегированной касты отличительнаго сословія. Жрецовъ дѣлаетъ природа, а не призваніе. Надобно, чтобъ жрецы имѣли способность вдохновенія, чтобъ ихъ, хоть изрѣдка посѣщалъ какой нибудь богъ. Тогда они становятся *фаге-геге*, т. е. необыкновенными, отдѣльными отъ другихъ людей, существами самыми чистѣйшими. Когда восторженность жреца окончилась, то съ нею вмѣстѣ онъ теряетъ и духовное свое значеніе; дѣлаясь существомъ простымъ, жрецъ снова вступаетъ въ отправленіе своего общественнаго чина, обыкновенно низкаго. Эгун въ самомъ дѣлѣ бываютъ рѣдко жрецами, особенно тѣ, которые повыше званіемъ.

Этотъ родъ вдохновенія; конечно имѣетъ своихъ шарлатановъ и плутовъ; но Меринеръ заставляетъ вѣрить, что восторгъ вдохновеннаго, происходящій отъ большой раздражительности мозга, бываетъ иногда вовсе не поддѣльный и глубокий. Можетъ быть, Тонгайскіе жрецы въ самомъ дѣлѣ ощущаютъ въ себѣ тѣ же органическіе феномены, которые

древность замѣчала въ пнѣяхъ и сибиллахъ, и которые новѣйшій магнетизмъ воспроизвелъ такъ убѣдительно, что обезоружилъ самыхъ невѣрующихъ. Жрецъ Тонга, подверженный вліянію божества, дѣлается сперва задумчивымъ и мрачнымъ; онъ кажется въ борьбѣ съ непреодолимою силою, которую ему хочется побѣдить; побѣжденный ею, онъ уступаетъ и начинаетъ говорить, сначала глухимъ голосомъ, какъ будто вынужденный, принисвоенный силою; потомъ, возвышаясь мало по малу до судорожнаго состоянія, онъ торопится говорить, бросаетъ слово на слово; рѣчи его сталкиваются и сильно звучатъ; онъ самъ принимаетъ положеніе, знаменующее вызовъ и угрозу. Тогда начинается какое-то эпилептическое и нервическое сотрясеніе; потъ течетъ съ его чела, ротъ его въ безпрерывной дерготѣ, зубы щелкаютъ, губы дѣлаются черными. Онъ почти задыхается; пульсъ становится неровенъ; онъ бы верно умеръ, если бы обильныя слезы не пролились изъ его глазъ. Эти слезы облегчаютъ жреца, который оправляется отъ страшнаго припадка и послѣ встѣ за четверыхъ голодныхъ.

Иногда боги нисходятъ съ Волоту не только къ жрецамъ, но и къ другимъ людямъ. Это оказывается также въ припадкахъ черной немочи, составляющихъ особый характеръ такого откровенія. Въ подобномъ случаѣ надобно изготовить большой кава и сѣдовать церемоніалу, предписанному для жрецовъ. Меринеръ рассказываетъ объ одномъ молодомъ и прекрасномъ эгуѣ, который находился въ состояніи вдохновенія, не могъ отгадать, какой богъ его мучилъ. Его привели къ одному старому жрецу, который объявилъ ему, что женщина, умершая за два года и жившая въ Волоту, воспламенилась къ нему сильною страстію, и потому является. Жрецъ прибавилъ, что она желаетъ, чтобы онъ поскорѣе умеръ, для того чтобы вкусить отъ него наслажденіе, и что эта участь постигнетъ его чрезъ нѣсколько дней. Меринеръ не говоритъ оправдалось ли странное пророчество.

Съ жрецами совѣгуются также о больныхъ, которыхъ водятъ въ капища. Когда ребенокъ при смерти, тогда мать несетъ его къ жилищу жреца, въ сопровожденіи подругъ и родственницъ, надѣвающихъ на шею гирлянды изъ листьевъ *пчи*; онъ составляетъ кругъ, въ срединѣ котораго она садится на корточки и про-

ситъ у жреца заклинаній для излеченія ребенка (Рис. XIX. ф. 1.); жрецъ произноситъ ихъ и принимаетъ какой нибудь подарокъ, въ видѣ вознагражденія.

Табу, торжественный запретъ тяготящій надъ всею Полинезією, имѣетъ свою особенную фizioномію въ архипелагѣ Тонга. Мы уже видѣли, что къ женщинамъ этихъ острововъ онъ снисходителенъ, нежели гдѣ либо. Но въ немъ замѣтны еще другія черты, которыя его рѣзко отличаютъ.

Прикасавшійся къ особѣ высшаго чина, чрезъ это одно дѣлался табу, и не смѣлъ болѣе употреблять своихъ рукъ. Чтобы освободиться отъ запрещенія, ему нужно было сначала исполнить церемонію моэ-моэ, а потомъ умыть ноги старшему. Когда по близости не случилось воды, довольствовались сокомъ изъ сучка банановаго дерева. Кто опасался, не тронулъ ли онъ, незамѣтивъ того, припасовъ, руками, объявленными табу, тотъ, для избѣжанія всякихъ гибельныхъ послѣдствій, бросался на колѣни передъ старшиною высшаго чина, и схвативъ его ногу, прижималъ ее къ своему животу. Этотъ обрядъ назывался *фата*. Чѣмъ выше достоинствомъ былъ старшина, тѣмъ обрядъ былъ дѣйствительнѣе. Потому то преимущественно обращались къ старшинамъ фамиліи *фата-фат*. Въ отсутствіи тун-тонга, священный сосудъ, назначенный именно для сего предмета, былъ облакаемъ силою того же отпущенія, чрезъ простое прикосновеніе. Оловянный сосудъ, оставленный Кукомъ, долгое время отправлялъ эту важную службу. Одинъ кава былъ избавленъ отъ всякаго рода табу.

Церемонія *натчи*, уже описанная нами, влекла за собою такое потребленіе припасовъ, что на нѣкоторые изъ нихъ налагался потомъ временный табу, оканчивавшійся другою церемонією, называемою *фака-лаги*. Она состояла въ выставкѣ множества припасовъ, жареныхъ свиней, ямса и пататовъ, приносимыхъ въ малап короля, гдѣ ихъ раздавали эгуямъ, которые дѣлили ихъ между народомъ. Меринеръ рассказываетъ, что на томъ праздникѣ, который онъ видѣлъ, было не менѣе четырехъ сотъ свиней и безчисленное множество ямса.

Другой праздникъ, подобный *натчи* и называемый *тао-тао*, состоитъ въ приношеніяхъ *ало-ало*, богу стихій, для того чтобы онъ далъ землѣ плодородіе. Кулачный бой

служить дополненіемъ этого праздника, въ родъ сатурналій, гдѣ всѣ чины смѣшаны, гдѣ самага тун-тонга можетъ побить послѣдній изъ туевъ, не боясь быть наказаннымъ за оскорбленіе. Эту суматоху наиболѣе отличаетъ веселость бойцевъ, даже тѣхъ, которымъ всѣхъ болѣе достается. Въбѣситься на челоуѣка, который сломалъ вамъ руку или ногу, значило бы поступить малодушно. По закрытіи поприща, совершается церемонія моэ-моэ, служащая какъ бы очищеніемъ праздника, въ которомъ забыто всякое чинопочтаніе.

Церемонія *науджіо* есть отвратительный обычай, повелевающій зарѣзать дитя, для изпрошенія у боговъ выздоровленія больному старшинѣ. Науджіа необходимо употребляется еще, когда старшина оскорбилъ чѣмъ нибудь боговъ неумышленно. Нѣкогда, по смерти тун-тонга, въ торжественномъ науджіа закалывали его первую жену, чтобы похоронить въ одно время ихъ тѣла. Финау II уничтожилъ этотъ обычай. Впрочемъ, туземцы съ отвращеніемъ покоряются церемоніи науджіа: они плачутъ и горько сожалеютъ о жертвѣ; но считаютъ закланіе необходимою.

Обряды погребальные уже были описаны по случаю смерти одного члена фамиліи Фата-фан. Погребеніе тун-тонга еще пышнѣе. По духовномъ владыкѣ носятъ трауръ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Табу, налагаемый на тѣхъ, которые коснулись его тѣла, продолжается по крайней мѣрѣ десять мѣсяцевъ и пятнадцать для его ближайшихъ родственниковъ. На цѣлый мѣсяць запрещено брить бороду и натираться масломъ въ продолженіе дня. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, траурныя женщины день и ночь стоятъ у фан-тока, отлучаясь только затѣмъ, чтобы наскоро поѣсть въ соседнихъ хижинахъ.

Въ день похоронъ жители въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, одѣтые въ старыя платья, идутъ каждый съ собою по *тому* или факелу изъ кокосоваго дерева, и покуску *болата* (вѣтка банана), приходятъ и садятся въ сорока туазахъ отъ гробницы. Одна изъ траурныхъ женщинъ проситъ поѣтчиковъ приблизиться. Тогда двое изъ людей, стоящихъ за фан-тока, трубятъ въ раковину, а шесть другихъ совершаютъ кругообразное шествіе между народомъ и Фан-тока. По окончаніи процессіи, зрители ломаютъ свои болатъ,

всходятъ на надгробный холмъ и осыпаютъ его томами и болатами.

Наступаетъ ночь, и звуки раковинъ все еще раздаются, между тѣмъ какъ корифеи поютъ какой-то речитативъ, частію на языкѣ Гамоа, частію на неизвѣстномъ діалектѣ. Это есть предвѣстіе странной и неблагопріистойной церемоніи, смыслъ которой разгадать трудно. Когда смолкнутъ раковины, одна изъ траурныхъ женщинъ садится впереди фан-тока и говоритъ народу: «о люди! вы собраны здѣсь для исполненія возложенныхъ на васъ обязанностей; встаньте и постарайтесь исполнить ихъ вполне.» Исполненіе обязанностей состоитъ во всеобщемъ испражненіи, которое вскорѣ покрываетъ и заражаетъ священный холмъ.

На другой день съ разсвѣтомъ, женщины перваго чина, супруги и дочери главныхъ старшинъ, являются въ процессіи, сопровождаемыя своими служанками. Онѣ несутъ корзинки и съ помощію широкихъ раковинъ, убираютъ нечистоту, оставленную наканунѣ. Мало найдется такихъ женщинъ, которыя дерзнули бы не принимать участія въ этомъ изъясненіи религіознаго смиренія. Четырнадцать ночей продолжаются эти странствія. Наконецъ на шестнадцатый день являются тѣ же женщины, но на этотъ разъ украшенныя лучшими своими нарядами. Съ вѣтками изъ цвѣтовъ на головѣ, съ красивыми корзинками въ рукахъ, онѣ выражаютъ нантомимой тѣ противныя должности, которыя еще вчера онѣ дѣйствительно отправляли. По словамъ туземцевъ, этотъ символическій обрядъ означалъ, что нѣтъ отвратительнаго и низкаго служенія, когда дѣло касается духовнаго старшины.

Туку-кава есть церемонія, также принадлежащая къ трауру. Она состоитъ въ принесеніи вѣтки кавы къ часовнѣ или гробницѣ, если кто хочетъ исполнить надъ собою обрядъ *тугви*, т. е. рѣзать себя и вѣлчески уродовать. Тѣлесныя изгязанія, о которыхъ мы говорили не рѣдки, ни легки. Они напоминаютъ какъ факиры и жогі въ Индіи умерщвляютъ свою плоть. Великая молитва называется *лоту*.

Чары и предвѣщанія играютъ важную роль на этихъ островахъ. Сны, молнія, чиханіе, неожиданно прорѣзанный зимородокъ, все обращается у нихъ въ знаменіе, а иногда служить поводомъ къ оставленію предпріятій уже доведенныхъ до половинны. Главныя

чары суть *татао*, состоящая въ спрятаннй вещи въ фан-тока, для того чтобъ погубить се-хозяина; *кабе*, родъ вдохновенія, слѣдующаго извѣстнымъ правиламъ; наконецъ *та-иу*, вертене кокосоваго орѣха на одномъ мѣстѣ и исканіе совѣта и знаменія въ положеніи, въ которомъ онъ остановится.

Врачебное искусство туземцевъ ограничивается чаще всего чарами, очистительными жертвами, молитвами и колдованіями. Однако они употребляютъ нѣкоторые соки растений, принимая ихъ внутрь, но не имѣя къ нимъ особенной довѣренности.

Хирургическое искусство доведено гораздо выше. Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, они бросаютъ родъ рожечной крови, посредствомъ острыхъ раковинъ, и называютъ эту операцію *тафа*. *Тапа* есть родъ моксы отъ медленныхъ и упорныхъ опухолей. Она производится прикладываніемъ зажженной тряпки, которая растрываетъ кожу и ускоряетъ на-рѣзаніе. *Каузо* есть открытіе на груди раны, для выпущенія неправильно застоявшейся крови, или для вынітія зубчатаго острія сломанной стрѣлы. Меринеръ описываетъ одну изъ подобныхъ операций, совершенную съ большимъ искусствомъ. Извлеченіе было совершено съ помощію куска бамбука и черепка отъ раковины; больной выздоровѣлъ чрезъ шесть недѣль, не смотря на то, что стрѣла вошла въ правый бокъ, между пятымъ и шестымъ ребрами, на вершокъ ниже сосца; она переломилась въ трехъ вершкахъ отъ оконечности, и даже нельзя было допустить конца ее зондою. *Токо-лози*, замѣшванный у Витійцевъ, есть родъ заволюки, пропускаемой черезъ мочевою проходъ и служащей для оттягиванія въ случаяхъ *гита* или тетаносовъ, часто бывающихъ на Тонга. Тотъ же способъ облегченія употребляется противъ ранъ въ животѣ и слабости въ цѣлой системѣ. Наконецъ туземцамъ известна *бока* или кастрація; *туги-туги*, родъ втиранія простою смѣсью воды съ масломъ, употребляемаго отъ нѣкоторыхъ болѣй. Они лечатъ съ успѣхомъ отъ вывиховъ и переломовъ, а въ глазныхъ воспаленіяхъ даютъ вѣжущій сокъ спондіа или горькій сокъ *буаю*. Раны отъ огнестрѣльнаго оружія они оставляютъ открытыми, не только для того чтобъ легче вынуть пулю, но еще для того, чтобъ обратитъ фистульную рану въ живую, которую вылечить можно и скорѣе и легче.

Что касается до отвратительныхъ болѣзней, называемыхъ *каги* и *пала*, состоящихъ изъ гадкихъ и почти неизлечимыхъ вередовъ, то для смягченія ихъ они прикладываютъ какой то горькій сокъ изъ растений. Но противъ *фуа* или элефантіазиса и противъ *момоко*, родъ чахотки, нѣтъ пособій.

Языкъ Тонга, скажемъ снова, есть ідиомъ Полинезійскій. Онъ богаче, звучнѣе, нежели языкъ восточныхъ группъ, и имѣетъ больше буквъ и чиселъ. Онъ допускаетъ всѣ созвучія и чрезъ то получаетъ большую силу и разнообразіе. Рѣчь Финау, преданіе о Тонгалоа и его сыновьяхъ, служатъ свидѣтельствомъ тому, какъ важны, строги и сжаты его формы. Эти образчики литературы Тонгайской заставляютъ жалѣть, что изученіе страны сей еще такъ не полно и частно. Океанія есть рудникъ едва открытый; нѣсколько жилъ разработаны; но кто знаетъ, не скрываются ли еще въ безизвѣстности самыя богатыя?

Произведенія Тонгайскаго архипелага вообще въ тѣсной связи сходства съ произведеніями архипелаговъ Танти и Нука-гива. Впрочемъ здѣсь показываются нѣкоторые растения Азіятскихъ острововъ, которыхъ далѣе къ востоку, кажется, уже нѣтъ.

Въ числѣ произведеній царства растений должно замѣтить. Зонтичную пальму (1);

1) * *Corypha umbraculifera*, зонтичная пальма; растение очень замѣчательное, изъ семейства настоящихъ пальмъ. Прямой, столбообразный стебель возвышается до 80 фут. безъ сучьевъ и вѣтвей; верхнюю его коронуеъ нукъ перистыхъ листьевъ, раскидывающихся во всѣ стороны, наподобіе парасоля. Эта пальма въ продолженіе многихъ лѣтъ (около 60—80), все растетъ, увеличиваясь въ вышину и толщину, но не двѣтъ ни разу; достигши зрѣлости, она зацвѣтаетъ, въ первый и послѣдній разъ, продолжаясь стеблемъ въ цвѣтную ножку, развѣтвляющуюся по мѣрѣ возрастанія на многія простыя отрасли, покрытыя, какъ и она, чешуеобразными листочками; ножку съ ея вѣтвями самовидно уподобляютъ канделябру испанскаго размѣра, ибо она возрастаетъ до 30 футовъ; по мѣрѣ ея появленія и дальнѣйшаго развитія, нукъ листьевъ рѣдѣетъ, и почти совсѣмъ пропадаетъ. Цвѣтки выходятъ изъ-за чешуекъ; они весьма многочисленны; лодистые плоды круглы, съ малое яблоко, гладки, зелены и сочны, съ орѣхомъ внутри, имѣющимъ крепкое ядро; плоды, въ нечисленномъ множествѣ, висѣваютъ цѣлыя 14 мѣсяцевъ. Тутъ величественный столбъ разрушается; пальма начинаетъ пропадать, пуская отпрыски отъ корня. Она растетъ въ Восточной Индіи, по Малабарскому Берегу и на Цейланѣ. Большіе листья ея употребляются на дѣло шалашей, зонтиковъ и на покрывку крышъ. Малайцы пишутъ на нихъ какъ встарину писывали на папирусѣ. Орѣхи отъ плода, обточенные, выдолбленные и покрашенные въ красный цвѣтъ, употребляются на ожерелья, подобныя корольковымъ. Цвѣточная покрывка содержитъ сокъ, который засыхая на солнцѣ, становится весьма сильнымъ рвотнымъ. — Должно замѣтить, что эта пальма не растетъ на островахъ Тонга, и что сѣюда включена авторомъ, вѣроятно, по не досмотрѣнію.

Mussaenda frondosa (2); душистый панданъ (3); *Hernandia ovigera* (4); казуаринны (5); различные роды гибискуса (6); *Inocarpus edulis* (7); фиги или смоквы (8); *abrus precatorius* (9); *gossypium religiosum* (10); *melandinus scandens* (11); *Tacca pinnatifida* (12); *Saccharum spontaneum* (13); и пр.

За исключением свиньи и собаки, которая очень редка, архипелагъ не имѣетъ четвероногихъ, кромѣ крысы, и другихъ сосцевитаю-

2) * *Mussaenda frondosa*, изъ семейства *Rubiaceae*, въ которомъ находятся известные: марена, хина и проч.; кустъ до 9 фут. вышиною, природный Восточной Инди. Цветки его, мелкіе, не представляющие ничего замѣчательнаго, расположены въ видѣ метелки, на которой бываетъ нѣсколько весьма красивыхъ листьевъ, не зеленыхъ, но цвѣтныхъ: обстоятельство, по которому Румеръ въ описаніи амбоинскихъ растений далъ этой муссендѣ названіе листа принцессина (*Folium principissae*).

3) * *Pandanus odoratissimus*. Родъ пандана объясненъ уже нами во второй части, гдѣ мы упомянули и объ этой породѣ, т. е. панданъ душистый.

* 4) *Hernandia ovigera*, большое до 60 фут. вышиною дерево, растущее по воднистымъ мѣстамъ обѣихъ Индій, съ тонкими ломкими вѣтвями; дерево очень мягко, и столь легко принимаетъ огонь, что жители Гвианы пользуют имъ вместо тута. Индеецкою (*ovigera*) названа эта гернандія по лицевиднымъ красноватымъ плодамъ. Принадлежитъ семейству *Myristiceae* вмѣстѣ съ мускатнымъ орехомъ. Есть еще гернандія пунинная (*Hernandia sonora*) изъ одного съ предыдущею отечества, замѣчательная по издаваемому ею при встрѣтѣ шуму, похожему на звукъ гремучекъ, и происходящему отъ косточекъ плода, свободно трясущихся въ засохшей оболочкѣ его.

* 5) *Casuarinas*, казуаринны, деревья изъ семейства растений, которому они дали свое имя (*Casuarineae*), съ длинными, тонкими, бороздчатыми вѣтвями, висящими или нѣтъ, сѣроватыми, вмѣстѣ всякихъ листьевъ имѣющими по мѣстамъ родъ чешуекъ; цвѣтутъ сережками. Этихъ породъ немного; разсыяны по Инди, Мадагаскару, Новой Голландіи и другимъ островамъ Тихаго Океана, также на Вандименовой Землѣ. Это печальныя деревья, изъ весьма крепкой древесины которыхъ дикіе дѣлаютъ свои страшныя оружія, наносящія смерть, напоминающую казуаринами, такъ бы ея памятниками и живыми эмблемами. Имя казуаринъ взято отъ сходства голыхъ прутьевъ ихъ вѣтвей съ голыми перьями крыльевъ казуара, птицы тенныхъ странъ, весьма большой, и вовсе не летающей.

* 6) *Hibiscus*; этотъ родъ растений объясненъ тамъ же во 2 части.

* 7) *Inocarpus edulis*, дерево острововъ Южнаго моря, особенно находимое на Танги, изъ семейства *Sapoteae*, растений вообще тропическихъ, съ вкусными плодами, и молоку подобнымъ безвреднымъ сокомъ, приносящее съдѣльный плодъ, похожій вкусомъ на каштаны, хотя хуже ихъ и тверже. Клейкій сокъ, получаемый изъ коры его, употребляется дикими для укрѣпленія остриевъ въ древкахъ стрѣлъ. Цвѣты мелкіе; листья до 9 дюймовъ въ длину. Растеніе, замѣчательное болѣе по годности плодовъ въ пищу, нежели по другимъ какимъ отношеніямъ.

* 8) *Espèce de Ficus*, породы фигъ или смоквъ, которыхъ много, деревнистыхъ и кустарниковъ, но все изъ теплыхъ странъ принадлежитъ семейству *artocarpaeae*, известнаго хлѣбнаго дерева: вмѣстѣ съ нимъ, шелковицамъ и брусоевцею, они замѣчательныя цвѣтеніемъ: мелкіе цвѣтки скрыты внутри ягоды, которая высвѣсивъ даетъ то, что называется винными ягодами. Образованію плодовыхъ семянъ отъ цвѣтовъ, скрытыхъ внутри ягоды, и потому изъятыхъ отъ благотворнаго вліянія воздуха, способствуютъ проникающія туда пчелы, которыя содѣйствуютъ и высвѣиванію вкусныхъ ягодъ. Разныя породы фигъ замѣчательны еще по другимъ отношеніямъ: *Ficus religiosa*, обожаемая въ Инди и неприкосновенная; Бенгальская, разрастающаяся легко въ цѣлые лѣса;

сикоморовая, съ истиннымъ деревомъ, изъ котораго Египтяне дѣлали гробы муміямъ, и проч. — Самое большое дерево, замѣченное Диорилемъ на островѣ Муа, было также изъ рода фигъ; оно имѣло 100-футъ въ обхватъ, и 120-футъ вышины; называется тамъ мса.

9) *Abrus precatorius*, Индійское кустарное вьющееся растеніе изъ семейства *Papilionaceae*, — т. е. съ мотыльковыми цвѣтами и стручками, — близкое къ Турецкимъ бобамъ. Замѣчательно по родящимся въ короткихъ стручкахъ семенамъ, небольшимъ, круглымъ, яркаго краснаго цвѣта съ густымъ чернымъ пятномъ на каждомъ. Эти красивыя семена употребляютъ въ Инди и Америкѣ на ожерелья и браслеты; они употребляются еще и на четки; отъ чего и придано растенію названіе *precatorius*, молитвенныя. Листья; настоянныя въ водѣ, даютъ ей очень замѣтную сладость; этотъ напитокъ называется въ Инди ваги. Американцы пользуют растеніемъ, какъ мы лагрисю или солодовымъ корнемъ.

10) *Gossypium religiosum*, одна изъ породъ растений, дающихъ хлопчатую бумагу; растетъ деревцою аршинъ до 6 вышиною; съ желтыми цвѣтами. Хлопокъ имѣетъ изкрасна-желтый цвѣтъ, какъ Китайская палка, приготовляемая изъ этой бумаги безъ покраски. Принадлежитъ Инди и Китаю.

11) *Melandinus scandens* изъ семейства *Apocynaeae*, болѣею частью породъ своихъ принадлежащаго жаркому полю, а меньшею умирному, кустарное растеніе съ цвѣтущими стеблями, не представляющее себѣ ничего замѣчательнаго, а ботанисту любопытное по видоизмѣненію устройствъ цвѣтовъ и плодовъ, служащаго основаніемъ отдѣльному роду растений; принадлежитъ Новой Шотландіи.

12) *Tacca pinnatifida*, изъ семейства, *Tisceae* (которому родъ *Tacca* далъ имя), близкаго къ растеніямъ перечнымъ, съ толстыми шнуроватыми корнями, изъ которыхъ выходятъ большіе листья на длинныхъ черешкахъ, разрывные; стебли нѣтъ; высокая прямая стрѣлка съ крупными цвѣтами выходитъ изъ срединъ листьевъ; плодъ есть ягода несъиспользуемая. Растетъ на Мадагаскарѣ, въ Ост-Индіи, на островахъ Маріанскихъ, и на ост. Танги, гдѣ жители вѣдятъ корни его. Семейство *Tisceae*, состоящее изъ 2 родовъ, съ одной порокою въ каждомъ, замѣчательно между прочимъ весьма распространенныя нитями пылевыхъ головокъ цвѣтка, принимающими видъ лепестковъ цвѣточныхъ, къ которымъ непосредственно прирастаютъ пылевыя головки. — Общій паружный видъ такъ напоминаетъ то же устройство, какое замѣчено было въ объясненіи о родѣ арумъ.

13) *Saccharum spontaneum*, порода сахарнаго тростника, растущая въ Малабарѣ и въ Инди, вышиною до 6 фут. съ узкими, свернутыми листьями, ни къ чему не употребляемая. — Названіе *Spontaneum*, какъ бы самородный, дикій, приданное Линею, въ противоположность обыкновенному, разводимому на дѣло сахара, даетъ мысль о двоякомъ сахарномъ тростникѣ, разводимомъ, и дикорастущемъ. Но и разводимый на дѣло сахара есть также дикорастущій въ своемъ отечествѣ; съ другой же стороны, сахара (говоря ботанически) дикорастущаго, не употребляемаго на дѣло сахара, есть нѣсколько, родовъ даже и въ южной Европѣ. Такъ трудно быть точнымъ въ выборѣ именъ растеній.

щих, кроме летучих собак (14); въ числѣ птицъ замѣчательны горлицы, дергачи (15), филедоны (16); маленькіе очень красивые попугайчики (17); зимородки (18); есть два или три рода змѣй, гидрофисъ (19); и маленькія ящерицы. Рыбы и слизняки безчисленны и разнообразны.

ГЛАВА VIII.

Архипелагъ Вити.

Я рѣшился наконецъ оставить эти Полинезійскія группы, съ ихъ правами столь разнообразными, такъ скоро смягчившимися подъ вліяніемъ Христіанской вѣры. Минувавъ фарватеры Тонга-табу, *Океаніи* на всѣхъ парусахъ полетѣла прямо къ архипелагу Вити, гдѣ Пендлстонъ думалъ застать сандальнымъ деревомъ. Послѣ Вити предположено было обозрѣть постепенно Новую Гебриду, Ваникоро, архипелагъ Соломоновъ, Новую Ирландію, новую Британію, страны, составляющія дикую Меланезію, которую такъ мало посѣщали.

14) *Rousette, pteropus vulgaris*, летучая собака, вампиръ, животное изъ семейства летучихъ мышей, съ тѣломъ не болѣе 8½ дюймовъ, но въ разстлутыхъ крыльяхъ имѣющее три фута, и получившее названіе собакъ отъ формы головы. Водятся на островахъ Тихаго моря, въ Африкѣ и на Мадагаскарѣ, питаются плодами, и предпочтительно бананами; безвредное; держится тамъ повиснувъ на высокихъ деревьяхъ и пальмахъ, откуда вылетаетъ на промыселъ вечеромъ.

15) *Le Rôle*, порода дергачей, птицы подлѣ имени очень извѣстной, у нихъ водятся по лугамъ, и трескучимъ крикомъ своимъ оживляющей сонное безмолвіе темныхъ лѣтнихъ ночей. Порода дергача, свойственныхъ островамъ Тихаго моря, есть несколько.

16) *Philedon*, родъ птицъ, изъ числа воробейныхъ или пѣвчихъ, близкій къ дроздамъ, красивый перьями; принадлежить жаркимъ странамъ, и питается пастушескими, медомъ, цвѣтами, храбро оспариваемымъ у птицъ, которыя больше и сильнѣе, и особенно у попугаевъ. Крикъ ихъ болѣею частью рѣзокъ и неприятенъ; но инны имѣютъ пѣніе, какъ разсказываютъ, удивительно пріятное; живутъ стадами, не удаляясь отъ людей.

17) *Perruche*, одно изъ названій, данныхъ породамъ попугаевъ съ длинными хвостами, на концы перья лежатъ уступами, и со щечками голыми, но покрытыми перышками. Они все принадлежать странамъ жаркаго пояса въ старомъ и новомъ свѣтѣ.

18) *Martin-pêcheur*, зимородокъ на Танти и островахъ Дружества; онъ называется орооро и коато-оо; почитается священнымъ и неприкосновеннымъ.

19) *Hydrophis*, водяная змѣя, зачислѣвшаяся Линеемъ въ родъ медяницъ, но послѣ отдѣлена отъ туда въ особый родъ *Hydrophis*. Онъ въ самомъ дѣлѣ проводитъ день спрятавшись въ водѣ; а ночью кусаетъ купающихся и плавающихъ; хвостъ сжатъ и туго; онъ служитъ имъ вместо весла.

Подобный маршрутъ былъ для меня сокровище. Жадный до всего неизвѣстнаго, я представлялъ себѣ, что найду на группахъ, къ которымъ мы стремились, новыя ощущенія, живыя, печальныя, не столь однообразныя; я мѣрялъ глазомъ на картѣ эти важныя земли, возлѣ которыхъ Танти, Тонга-табу казались микроскопическими, незначительными островками. «Что за приключенія, что за прогулки ожидаютъ насъ!» сказалъ я въ восторгѣ. Пендлстонъ слушалъ и смотрѣлъ на меня съ своею насмѣшливою и значительною улыбкою. «Да,» отвѣчалъ онъ, «прогулки славныя, и что важнѣе, продолжительныя, ибо съ нихъ рѣдко возвращаются. На этотъ разъ, однако, мой любезный товарищъ, вы будете гулять одинъ! На *Океаніи*, никто не имѣетъ желанія жертвовать себя на жаркое для какого нибудь Витійскаго величества. На этихъ островахъ вообще тѣдятъ любознательныхъ, и это выливается въ тѣхъ, которые наиболѣе расположены къ сему грѣху.» — «Даже не пристають къ берегу?» — «Какъ можно рѣже, потому что это всегда сопряжено съ опасностью. На этихъ группахъ вы не найдете болѣе людей подобныхъ тѣмъ, съ которыми мы разстались, иногда коварныхъ, корыстолюбивыхъ, непостоянныхъ, склонныхъ къ грабежу, но по крайней мѣрѣ пріятныхъ въ обществѣ и не чуждающихся гостепріимства. Нѣтъ, вы не найдете болѣе островитянъ, которые бы стали звать васъ осмотрѣть ихъ островъ, раздѣлить ихъ транезу, а потомъ присутствовать при ихъ обрядахъ и праздникахъ; не найдете дикарей говорливыхъ и общительныхъ, которые все открываютъ, все показываютъ иностранцу, и казы, и моран и жилища частныя, и духовныя святилища. Все это исчезло для насъ, пока не прибудемъ на Новую Зеландію. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго; люди почти равны съ животными; дикіе и свирѣпые, они избѣгаютъ Европейцевъ, и если даже ищутъ ихъ, то для того только чтобы убитъ. Таковъ общій характеръ племенъ Меланезійскихъ. Вы не можете вообразить себѣ, въ какомъ состояніи варварства и униженія они еще находятся, какую ненависть питаютъ къ просвѣщенію, какая ужасная анархія ихъ пожираетъ и губитъ. Башнемены, Африны, Беды Цейлана, Негритосы Манильскіе, едва-ли ниже ихъ образованностью. Вы сами увидите! За то со времени открытія этихъ обширныхъ странъ, отъ Тасмаца, который первый на-

иселъ ихъ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, какъ мало мореплавателей осмѣливались къ нимъ приближаться; какъ кратки, несовершенны и противорѣчащи ихъ описанія! Правда, что для наблюденія было немного пищи, ибо фizioлогія дикаго человѣка не представляетъ ничего разнообразнаго и рѣзкаго; но если бы предметъ былъ точно любопытенъ, то какъ собрать вѣрные свѣдѣнія о земляхъ столь недоступныхъ? Изыскатели самые смѣлые и осторожные не имѣли успѣха. Кукъ на Ново-гѣбридскихъ островахъ; не могъ ступить на землю безъ помощи тушекъ. Картере въ Санта-крузѣ, Бугенвилѣ и Сюрвилѣ на островахъ Соломоновыхъ и, еще недавно, капитанъ Морель, тяжкими опытами узнали немолимое звѣрство этихъ племенъ. Ихъ истребить, но никогда не приведуть къ просвѣщенію. Мѣдицветный типъ, уже свыкшійся въ обращеніи съ нашимъ Европейскимъ оружіемъ, когда нибудь завоюетъ эти земли и мало по малу поглотитъ типъ черный (негритяпскій). Но до того времени, вдаваться во внутрь острововъ Меланезійскихъ будетъ всегда бесполезною неосторожностью и опасностью безъ вознагражденія. Что касается до меня, то я никогда не видалъ этихъ людей иначе какъ съ корабля, стараясь кое какъ окончить мой размѣръ, но избѣгая всячески вводить мой экипажъ въ частыя и прямыя съ ними сношенія.»

Такимъ образомъ Пендлетонъ безпощадно сокрушалъ лучшія мои мечтанія. Тонкимъ и осторожнымъ описаніемъ онъ сокращалъ маршрутъ, который я заранѣе обставилъ чудными приключеніями и случаями. Но что нужды! Я не переставалъ надѣяться; я думалъ, что случай, этотъ богъ, который превыше всѣхъ расчетовъ человеческихъ, обманетъ на сей разъ предположенія моего достойнаго капитана: трудность предпріятія только болѣе возбуждала во мнѣ желаніе.

Посреди этихъ неудачъ и ожиданій, *Океанія* быстро подвигалась впередъ; въ тридцать шесть часовъ, она перелетѣла пространство, разделяющее острова Тонга отъ острововъ Вити. 27 Мая утромъ, мы оставили въ большомъ разстояніи низменные земли острова Батоа; послѣ чего вошли въ проходъ, разделяющій острова Онгъ-геа и Булангъ-га, земли посредственной высоты, по видимому, необитаемыя и покрытыя лѣсомъ до самаго берега. Такимъ образомъ

продолжая путь къ N. N. W, мы миновали послѣдовательно съ правой стороны Ангазу, Намуку, Комо, Голо-руа; а съ лѣвой Марамба, Камбара, Вангара и Табунесики. Наконецъ 28 пополудни, легли въ дрейфъ подъ вѣтромъ въ разстояніи полмили отъ Лагвемба. Въ Лагвемба, Пендлетонъ хотѣлъ взять одного или двухъ лоцмановъ, чтобы дойти до Вануа-лебу и войти именно въ бухту сандалнаго дерева. Нашъ быстрый отъѣздъ изъ Папгаи-моду помѣшалъ двумъ знакомымъ съ этими мѣстами Тонгайскимъ морякамъ перейти на корабль, чтобы помочь намъ своею опытностью. И такъ, нужно было употребить природныхъ Витійцевъ, менѣе свѣдущихъ, и болѣе коварныхъ. Все некусство Европейскаго капитана съ трудомъ освободило бы его изъ лабиринта коралловъ, который разделяетъ два большіе острова этого архипелага: Вануа-лебу и Вити-леву.

Океанія едва успѣла показаться въ виду Лагвемба, какъ три байдары уже подошли къ ней; онѣ проходили на Тонгайскія, хотя были менѣе, не столь красивы и управлялись съ меньшимъ искусствомъ. Ихъ экипажи состояли частью изъ Тонгайцевъ, частью изъ Витійцевъ, что опредѣляло еще яснѣе противоположность двухъ типовъ. Я былъ уже приготовленъ описаніями Пендлетона; но эти люди не производили во мнѣ непріятнаго чувства. Кожа ихъ дымнаго цвѣта, худощавые члены, взбитые волосы, плоское лице, мутные глаза, все составляло противоположность съ правильною, открытою и даже благородною фizioномією Полинезійцевъ. И тѣ и другіе вошли на корабль; по первымъ словамъ легко было замѣтить, что языкъ измѣнился вмѣстѣ съ наружностью людей. Самъ Пендлетонъ, лингвистъ весьма искусный, не понималъ ни слова Витійскаго діалекта, и безъ услужливаго содѣйствія переводчиковъ Тонгайскихъ, мы бы остались въ совершенномъ недоразумѣніи. Впрочемъ скоро новый помощникъ появился на палубѣ *Океаніи*. Этотъ человѣкъ былъ болѣе другихъ; его черты и пріемы отличали его отъ дикой орды. Пріѣхавъ въ маленькой байдарѣ, онъ быстро взбѣжалъ по трапу и бросился къ ногамъ Пендлетона. Тогда посреди рыданій, перерывавшихъ его слова: «Господинъ капитанъ», сказалъ онъ по Испански: «заклинаю васъ Богоматерью и святыми, спасите меня изъ рукъ

этих людей; я такой же бѣлый и Христіанинъ, какъ вы. Богъ наградитъ васъ за ваше доброе дѣло и въ этомъ свѣтъ и въ будущемъ.» — «Хорошо, хорошо», отвѣчалъ Пендлстонъ, поднимая его. «Кто ты и откуда?» Бѣднякъ оправился и разсказалъ свою исторію.

То былъ Манилецъ, по имени Гернандо, который за семь или восемь лѣтъ прибылъ на острова Вити съ Испанскимъ кораблемъ *la Concepción*. Буря въ отменяхъ, отдѣляющихъ оба большіе острова, выбросила его съ сорока соотечественниками на этотъ непризнанный берегъ. Одна часть экипажа потонула или досталась въ пищу Каннибадамъ; другая разсыпалась между различными племенами острова. Старшины составили себѣ изъ нихъ родъ почетной гвардіи или штаба мушкетеровъ; это званіе давало имъ нѣкоторыя преимущества, и потому они не могли жаловаться на свое положеніе. Но когда возникала брань между Витійскими корольками, то и они, подобно прочимъ, подвергались опасности попасться въ плѣнъ, быть изжаренными и съѣденными. Этотъ ужасный конецъ постигъ большое число. Гернандо избѣжалъ его какимъ-то чудомъ.

«Однако, четверо товарищей моего бѣдствія, прибавилъ Испанецъ», были недавно приняты въ виду Лагвембу судномъ, несшимъ бѣлый флагъ. Мнѣ это сказалъ Тумбуа-накаро, племянникъ великаго Ориво, старшины Имбао, моего господина и патрона. Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ подробности этого счастливаго освобожденія, въ свою очередь я сталъ изыскивать удобнаго случая, я нарочно прибылъ на Лагвембу, и вотъ шесть мѣсяцевъ жду, чтобъ показалось какое либо Европейское судно. Когда я васъ завидѣлъ, то мысль о свободѣ заиграла во мнѣ; я употребилъ все мольбы, чтобы склонить одного старшину, взять меня на корабль въ качествѣ переводчика, обѣщая за то выпросить ему у васъ нѣсколько подарковъ. Именемъ Богородицы и святыхъ заклинаю васъ, не отвергните моленія, извлеките меня изъ ада, гдѣ рано или поздно меня сожрутъ эти демоны.» Пендлстонъ успокоилъ бѣднаго и согласился оставить его при себѣ. Привыкшій къ Витійскому языку, Гернандо могъ служить переводчикомъ при покупкѣ сандаловаго дерева; на этотъ разъ интересъ денежный какъ то поладилъ съ выгодами человечества. Старшины, пріѣхавшему въ байда-

рѣ, дали родъ выкупа, состоявшаго изъ топора и небольшого количества пороха. За эту плату Испанецъ былъ свободенъ. Нужно было видѣть тогда, съ какимъ шумомъ этотъ несчастный бросился изъяслять свою признательность. Съ трудомъ могли остановить его слезы; но еще труднѣе было умѣрить порывы его радости. Наконецъ пылъ прошелъ, и дабы съ перваго же дня быть полезнымъ, Гернандо избралъ между туземцами, подвѣзжавшими къ судну, двухъ самыхъ искусныхъ лодчановъ. Они обѣщали направить шлюпъ къ Вануа-лебу. Окончивъ все распоряженія, мы оставили Лагвембу.

Видимый на разстояніи нѣсколькихъ миль, этотъ островъ показался намъ весьма возвышеннымъ, красиво-неровнымъ, плодороднымъ и покрытымъ чудною растительностію. Кровли нѣкоторыхъ большихъ казъ выдавались надъ вершинами густыхъ деревьевъ, тѣсно растущихъ до самаго берега; на югѣ рядъ страшныхъ подводныхъ камней казалъ его неприступнымъ, хотя Гернандо и увѣрялъ, что между ними ходятъ байдары и малыя суда.

Едва потерявъ изъ виду Лагвембу; *Okeanin* оставила за собою въ право Неау и Бату-бора, острова средней величины, менѣе лѣсистые, нежели предшествовавшіе, и довольно возвышенные. Последний отличался особенно огромною скалою, возвышавшеюся надъ самымъ центромъ. Гранью своихъ сторонъ и вершиной плоскою какъ столъ, она походила на алмазъ. Благодаря этой странной горѣ, островокъ видѣлся издалика и служилъ для судовъ драгоценнымъ путеводителемъ.

Однако мы приближались къ огромной цепи рифовъ, почти соединяющей Вануа-лебу съ Вити-леву. На горизонтѣ видѣлась уже вершина высокаго острова Каро, который стоитъ при самомъ входѣ въ эти опасныя мели. Пендлстонъ хотѣлъ было пройти чрезъ нихъ, съ тѣмъ чтобы держать прямо на *Vugia*, къ бухтѣ сандаловаго дерева (*Sandal's bay*), какъ вдругъ вѣтеръ, до того времени дувшій съ *S. O.*, внезапно перскинулся на сѣверъ, съ жестокими, крутыми шкваломъ. Капитанъ упорствовалъ два дня, не смотря на порывы и дождь; онъ держался вопреки темныхъ бурныхъ почей и угрюмости волнистаго моря. Въ мѣстахъ, устьянныхъ подводными камнями, которыхъ никто почти не знаетъ, посреди теченій, обманывающихъ са-

мья точныя выкладки, *Океанія* съ часа на часъ могла погибнуть. Была минута, когда она находилась въ нѣсколькихъ брассахъ отъ опасныхъ островковъ Нугу-толу, тогда какъ все считали, что до нихъ еще нѣсколько миль къ востоку. Наконецъ, видя, что погода не поправляется, Пендлетонъ перемѣнилъ путь. Дорога къ сѣверу была невозможна; онъ задумалъ обогнуть аргинелагъ съ юга; не имѣя болѣе нужды въ двухъ лоцманахъ, которые были при немъ на кораблѣ, онъ рѣшился высадить ихъ прохода мимо Муала, гдѣ жизнь ихъ могла быть въ опасности, при себѣ же вознамѣрился оставить только Испанскаго скитальца. Приказанія были даны въ ту же минуту; крейсировка, полная опасностей, была оставлена для легчайшаго плаванія. Все удовольствіе мое въ этой двухдневной борьбѣ съ волнами и вѣтромъ, состояло въ томъ, что я первый замѣтилъ высокія пики горъ, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежали; казалось, Вауа-лебу, а другія большому острову Табе-уни. Табе-уни есть та земля, передъ которою бросилъ якорь неустрашимый Тасманъ, Колумбъ этой группы. Не такъ давно она была единственною частью ея, о существованіи которой знали достоверно.

Мы уже оставили съ лѣвой стороны высокія вершины Нао и приближались къ Муало, когда вахтенный завидѣлъ байдару, которая то взлетала на самый хребетъ волны, то исчезала подъ нею. Видя, что она приближается къ *Океаніи*, одинъ изъ нашихъ лоцмановъ, сохранившій до того видъ спокойный и озабоченный, вдругъ радостно крикнулъ: «Онъ узналъ друзей,» сказалъ намъ Гернандо: «теперь онъ не будетъ бояться попасть въ руки какого нибудь враждебнаго племени.» Въ самомъ дѣлѣ, байдара была изъ Муалы и, по видимому, направлялась къ Имбао. Но мѣръ сокращенія разстоянія, можно было различать экипажъ этого легкаго судна; патронъ стоялъ на кормѣ. Сдѣлали окликъ, узнали другъ друга. Витійскій начальникъ былъ племянникъ сильнаго Ориво, старшины Имбао, тотъ самый Тумбуа-накаро, котораго капитанъ Дюрвилль принялъ разъ на свой корабль и который былъ нѣсколько дней пассажиромъ на *Астролабѣ*. Тумбуа-накаро былъ для насъ тѣмъ же, чѣмъ и для Г. Дюрвилля: человекомъ отличнымъ отъ своего племени. Въ продолженіе часа, проведеннаго

имъ на кораблѣ, онъ сохранилъ самый приличный тонъ, важность благородную и естественную; его приемы и рѣчи нисколько не противорѣчили умной его физиономіи. Эта благосклонность, этотъ аристократизмъ, выразившійся во всѣхъ движеніяхъ Витійца, казался намъ еще выше отъ бѣдности наряда; Тумбуа-накаро не имѣлъ на себѣ ничего, кромѣ матросскаго камзола, довольно поношеннаго, и маро, почти нисколько не покрывшаго его тѣла (Рис. XIX. ф. 2).

Сступивъ на *Океанію*, Тумбуа-накаро завелъ рѣчь съ капитаномъ. Онъ говорилъ, что возвращался изъ Муалы, гдѣ собиралъ дань для дяди своего Ориво, и что теперь ѣдетъ въ Нао. На распросы наши объ этомъ островѣ и другихъ земляхъ архинелага, онъ сообщилъ свѣдѣнія, довольно сбивчивыя; рассказывалъ, что еще прежде гостилъ на одномъ суднѣ, которое носило бѣлый флагъ (конечно *Астролабѣ*), и спѣшилъ предупредить наши малѣйшіе вопросы. Съ первыхъ словъ Пендлетона, онъ охотно согласился взять съ собою двухъ Витійскихъ кормщиковъ, увезенныхъ съ Лагвембы, тѣмъ болѣе, что они принадлежали къ его колену и что онъ ихъ весьма хорошо зналъ. Одинъ изъ нихъ въ особенности былъ изъ хорошей фамиліи; отсутствіе его изъ отечества, продолженное еще нѣсколько времени, подвергло бы жену его неминуемой гибели: по прошествіи назначеннаго срока, ихъ принесли бы въ жертву. По добравшись до Имбао, легко можно было перевезти ихъ на Лагвембу, или по крайней мѣрѣ извѣстить ихъ семейства о томъ, что они живы и скоро воротятся. Послѣ разговора оба пассажира вошли въ байдару къ Тумбуа-накаро, который продолжалъ свой путь, восхищенный полученными отъ насъ подарками.

Когда этотъ эпизодъ окончился, *Океанія* находилась въ небольшомъ разстояніи отъ Муалы; издали островъ показался намъ изобильнымъ и веселымъ; берега его, опоясанные зеленою каймою кокосовыхъ деревьевъ, выставляли ихъ, какъ будто хвастаясь. Широкий подводный камень, одѣвающий его съ западной стороны, вѣроятно представлялъ гдѣ нибудь хорошее якорное мѣсто, если только существуютъ проходы между его кораллами.

Втеръ подулъ сильный отъ S. O., нельзя было долѣе продолжать нашихъ наблюденій подъ парусами. Шлюпъ видѣлъ только, какъ мелькнули еще разъ на небоскло-

нѣ отвѣснныя горы Тотуа и Мотогу, и какъ вслѣдъ за ними Муала закатился въ разливѣ вечерней зари, на завтра новая земля открылась предъ нами. То былъ Кадабонъ, островъ значительно выше предыдущихъ, но до такой степени гористый и неровный, что едва ли могъ быть многолюденъ. Близъ Ю. В. оконечности возвышался величественный пикъ съ крутыми ребрами, съ тупою вершиной. Этотъ конусъ вышиною около 600 футовъ былъ сверху до низу покрытъ зеленью; здѣсь мѣстами посреди открытыхъ разрывовъ видѣлись прелестныя долины, убранныя кокосовыми, банановыми и другими плодовыми деревьями (Рис. XX. ф. 1).

Отъ Кадабона мы потянулись къ Вату-леле, избѣгая близлежащихъ рифовъ недавно открытыхъ капитаномъ Дюрвилемъ. *Океанъ* прошелъ въ двухъ миляхъ мимо западнаго берега этого острова. Съ этой точки Вату-леле казался изобильнымъ и многолюднымъ; тысячи островитянъ прибѣжали на берегъ; они прыгали при видѣ шлюпа и слѣдовали за его движеніями съ неутомимымъ любопытствомъ.

Наконецъ, послѣ долгаго странствованія въ Витійскомъ архипелагѣ, 4 Июня, на разсвѣтъ, мы находились менѣе нежели въ двухъ лигахъ отъ большаго острова Вити-леву. Отъ самыхъ Гавайскихъ острововъ я не видалъ еще другой земли столь замѣчательной. Вити-леву съ своими террасами, начинающимися съ морскаго берега и достигающими его внутреннихъ пиковъ, зеленѣющей, прекрасный, покрытый плодами и цвѣтами, имѣлъ наружность болѣе веселую, нежели вулканической Гавай съ своими непрерывными разрывами и измученною почвой. Впрочемъ этотъ дальній видъ, который такъ предвѣщаетъ въ пользу Витійскаго острова, составляетъ единственное географическое свидѣніе, какое только объ немъ существуетъ. *Астролибъ* обозрѣвъ сей архипелагъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ, опредѣливъ положеніе его береговъ посредствомъ множества географическихъ съсмѣтокъ, не рѣшилась приставать къ Вити-леву. Самые выгодные результаты не стоятъ опасности, которой подвергается въ подобномъ предпріятіи.

Пендлстонъ поступилъ также осторожно. Застигнутый тихою погодою на Ю. В. отъ Вити-леву, онъ приказалъ лечь въ дрейфъ, твердо увѣренный, что байдары станутъ поды-

тязать къ нему на этомъ разстояніи. Дѣйствительно, вскорѣ мы увидѣли пять или шесть додокъ, отплывавшихъ отъ берега. На одной изъ нихъ, самой большой, было тридцать туземцевъ, и на кормѣ сидѣлъ человекъ, пріемы и повелительный тонъ котораго обнаруживали въ немъ важную особу. Экипажъ его байдары и ближайшихъ къ ней, повиновались малѣйшимъ его знакамъ съ безпримѣрною уступчивостью. Когда лодки подошли къ шлюпу, на нихъ пронзилось минутное смятеніе, за которымъ послѣдовали шумъ и споры. Старшина спокойный и неподвижный на своемъ амвонѣ, произнесъ только одно слово, и все умолкло.

Однако Пендлстонъ, обезопасивъ себя иъ которыми мѣрами, уже явился на палубѣ корабля съ нашимъ новымъ посредникомъ Геррандо. Вошли въ переговоры, и старшина Вити-леву, обрадованный тѣмъ, что можетъ быть понять, просилъ позволенія взойти на корабль. Когда Пендлстонъ изъявилъ согласіе, онъ бросился по лѣстницѣ съ довѣрчивостью и твердостью, которыхъ невозможно описать, поклонился по своему капитану и офицерамъ, и съ важностью усялся. Онъ говорилъ, что съ этого возвышеннаго мѣста ему можно видѣть все, что дѣлается въ байдарахъ, и держать людей своихъ въ должномъ порядкѣ. Дѣйствительно, однимъ словомъ, однимъ движеніемъ онъ укрощалъ ихъ, и тѣмъ далъ намъ весьма высокое понятіе о власти и вліяніи, которыми пользовался. Вскорѣ завязался разговоръ, и мы узнали кто онъ.

Его звали Уиунгъ-лебу; онъ предводительствовалъ коленомъ Наиронгъ-га. Его ростъ, доходившій до 5 футовъ 9 вер., его правильныя формы, лице истинно прекрасное, не смогри на смуглость, наружность благородная, и вмѣстѣ тихая, ласковая, дѣлала изъ него человека *порядочнаго*, который странно противорѣчилъ съ обществомъ Витійскихъ Каппи-баловъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я могъ убѣдиться, что аристократія Океанійская происходитъ отъ семействъ, наилучше надѣленныхъ въ отношеніи физическомъ и нравственномъ. Самые красивые, самые умные повѣлываютъ прочими; берутъ женъ изъ своего круга и упрочиваютъ такимъ образомъ въ своемъ родѣ двойное преимущество рожденія и чина. Уиунгъ-лебу плѣнилъ насъ всѣхъ: онъ принялъ съ умѣренностью и достоинствомъ все, что ему было поднесено, но самъ ничего не просилъ, ни прямо, ни

косвенно. Байдары, прибывшія съ нимъ, содержали весьма небольшое количество припасовъ и Унунгъ-лебу казался въ отчаяніи. Онъ не могъ явить себя предъ нами столь великимъ и щедрымъ, какъ бы ему хотѣлось. За то надо было видѣть, какъ онъ упрасивалъ капитана при прощаніи пристать съ судномъ къ берегу его селенія. Но его словамъ, тамъ можно было найти кучу чудесныхъ вещей и въ особенности *хорошенькихъ женщинъ*: это обстоятельство онъ выразилъ знакомъ весьма красноречивымъ. Потомъ видя, что Пендлетонъ немного опасается этихъ сиренъ и ихъ представителя, Унунгъ-лебу прибавилъ, что если шлюпъ предпочитаетъ провести на этомъ мѣстѣ ночь, то онъ придетъ на другое утро, какъ можно ранѣе, лодки, нагруженные свиньями и плодами. «Если тишь продолжится», отвѣчалъ Пендлетонъ, «то вы меня застанете еще здѣсь; если же подуетъ вѣтеръ, то я воспользуюсь имъ, чтобы продолжать путь.»

Во время этого свиданія, мы имѣли возможность дѣлать фізіологическія наблюденія. Обитатели Вити-леву сохраняютъ типъ Меланезійскій, проявляющійся во всѣхъ своихъ видахъ. Лице плоское, носъ сплюснутый, губы толстыя, щеки выпуклыя, волосы курчавые, цвѣтъ кожи бронзовый или черныя, вотъ ихъ главные черты. У тѣхъ, которыхъ мы видѣли, нижняя мочка уха была вытянута и составляла кольцо чрезвычайной ширины; они носятъ ожерелья и браслеты изъ раковинъ; оружіе ихъ состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ, копій и небольшихъ палицъ изъ твердаго дерева, длиною отъ 12 до 18 вершковъ, оканчивающихся весьма тяжелымъ лблокомъ, которое иногда бываетъ утыкано человѣческими зубами. Это опасное и страшное оружіе привѣшивается къ поясу. Въ числѣ утвари, находившейся на ладьяхъ, мы замѣтили нѣсколько грубой глинной посуды, безъ сомнѣнія выдѣлываемой туземцами. Эту промышленность втроемъ занесли къ нимъ народы западные, ибо Полинезійцы, опередившіе ихъ въ образованіи, и самые Тонгайцы, не знаютъ ее вовсе.

Хотя между нашими посѣтителями и было нѣсколько человекъ, имѣвшихъ что то похожее на проказу, но Витійцевъ вообще нельзя назвать неопытными. Высокіе и хорошо сложенные, они носятъ волосы тщательно убранные, завитые, напояженные и расцвѣченные бѣлой, красной, сѣрой или черной

пудрой, по вкусу каждого (Рис. XX. ф. 2). Тумбуа-накаро, старшина Имбао, имѣлъ ту особенность, что спереди его волосы были прекраснаго чернаго цвѣта, между тѣмъ какъ сзади они были темнокрасныя, что придавало имъ видъ поддѣльный. Одежда островитянъ Вити-леву ограничивалась широкою полосой матеріи, которая походитъ покроемъ на маро. Однако мы видѣли, что они иногда надѣваютъ куски матеріи, весьма похожія на тѣ, которыя дѣлаются на Тонгѣ. При размынахъ они спрашивали прежде всего пороку и ружей, не скрывая ни мало, на какой предметъ: «убивать нашихъ непріятелей»; говорили они, «и вѣтъ ихъ мясо: вотъ чего намъ хочется.»

Впрочемъ сношенія наши съ жителями Вити-леву были весьма миролюбивы. Они честно обходились при продажѣ, были тихи и сговорчивы. На вопросы отвѣчали такъ ясно, какъ только умѣли, иногда затрудняясь и стараясь попасть въ новый кругъ идей, къ которому они не привыкли. Отъ нихъ мы узнали, что между Наиронгъ-га и Имбао существовала въ то время война; Унунгъ-лебу объявилъ намъ даже, что Тумбуа-накаро злой человекъ (*tanata-tza*), хотя и признавался, что онъ далъ пристанище *Нана-лангвисамъ* (бѣлымъ); потерпѣвшимъ крушеніе при берегахъ его области, и имѣлъ о нихъ попеченіе.

Къ десяти часамъ вечера вѣтеръ подулъ снова отъ S. O, и сколько ни весело было намъ проводить время съ Витійцами, но *Океанія* сиялась, расправила паруса и пустилась въ море. 5 Іюня, при разсвѣтѣ дня, мы увидѣли цѣпь острововъ Малало, Витонга и Бивуа, образующихъ западную границу архипелага Вити. Пендлетонъ отказался отъ своихъ поисковъ сандалнаго дерева въ архипелагъ; вѣтеръ, случай, свѣдѣнія полученныя имъ отъ Унунгъ-лебу, все побудило его къ этому. Онъ направилъ шлюпъ къ S. E. и мы поплыли къ южной части Новой Гвинеи.

ГЛАВА IX.

Архипелагъ Вити. — Географія.

Заключенный между 16° и 20° ю. шир., 174° и 179° В. Д. по Париж. мерид., Архипелагъ Вити занимаетъ пространство 100 миль отъ сѣвера къ югу и 90 миль отъ востока къ западу. Онъ состоитъ изъ двухъ боль-

шихъ острововъ, двухъ нѣсколько меньшихъ, пятнадцати средней величины, и наконецъ изъ безчисленнаго множества островковъ, подводныхъ камней и рифовъ. Хотя послѣдніе труды капитана Дюрвиля значительно содѣйствовали къ опредѣленію настоящаго положенія сихъ странъ, но о большей части изъ нихъ существуютъ свѣденія все еще не полныя. Вотъ однако на чемъ застаетъ ихъ новѣйшая Географія.

Архипелагъ Вити имѣетъ два большіе острова: Вити-леву и Вануа-лебу.

Вити-Леву, самый важный и самый большой изъ двухъ, имѣетъ 70 миль протяженія отъ востока къ западу и около 60 миль отъ сѣвера къ югу. Земли расположены весьма выгодно, и все доказываетъ, что онѣ должны быть плодородны. Диллонъ говоритъ, что Вити-леву раздѣляется на 4 округа: Рева, Тауцара, Брета и Имбао. Послѣдній есть важнѣйшій изъ всѣхъ; онъ занимаетъ восточную часть острова; старшина его Орива, принявшій титулъ *Абути-валу*, покорялъ своей власти почти всѣ восточные острова. Вити-леву, по словамъ Диллона, имѣетъ сто тысячъ жителей, изъ нихъ половина принадлежитъ области Имбао. Географическія границы суть: къ югу $13^{\circ} 16'$ ю. шир.; къ востоку $176^{\circ} 12'$ вос. долг.; къ западу $174^{\circ} 46'$ вос. долг. Положеніе сѣвернаго берега не было еще съ точностью изслѣдовано.

Вануа-лебу, который, кажется, почти также обширенъ, какъ Вити-леву, еще очень мало извѣстенъ. Предполагаютъ, будто островъ имѣетъ округи: Пао, Дагонъ-робе, Така-нова и Буа. Говорятъ, что въ послѣднемъ находится бухта *Sandal-wood* (сандайнаго дерева) съ надежнымъ якорнымъ мѣстомъ, но не всегда доступная. Каждый изъ округовъ имѣетъ своего старшину. Эти начальники ведутъ между собою непрерывную войну. Было время, когда сандайнае дерево изобиловало на островѣ и преимущественно на западномъ берегу. Около первыхъ годовъ настоящаго столѣтія наѣхало множество бродягъ Испанскихъ, Американскихъ, Англійскихъ, которые увезли съ собой богатѣйшіе грузы. Съ тѣхъ поръ, хорошія деревья стали рѣже и добывать ихъ уже не такъ легко какъ прежде. Но Крузенштерну, Вануа-лебу имѣетъ пятьдесятъ миль въ окружности, и простирается отъ $16^{\circ} 18'$ до 17° ю. шир.,

и отъ $176^{\circ} 41'$ до $175^{\circ} 12'$ вос. долг. Все это требуетъ еще подтвержденій.

Между этими двумя островами существуетъ каналъ или проливъ, имѣющій отъ двѣнадцати до пятнадцати миль шир., опасный, мало посѣщаемый и устланный во всю длину подводными камнями. Другой каналъ, почти такой же какъ первый, отдѣляетъ Вити-леву отъ *Кандабона*, положеніе котораго было опредѣлено экспедиціею на *Астролабін*; этотъ послѣдній островъ гористъ и оканчивается на ю. зап. пикомъ большой высоты. Протяженіе его около тридцати миль отъ О. Н. О. къ W. S. W. ширина измѣняется отъ четырехъ до девяти миль. По словамъ Гумбуа-накаро, на немъ до десяти тысячъ жителей, что кажется нѣсколько преувеличено. Западный пикъ лежитъ подъ $19^{\circ} 6'$ ю. шир. и $175^{\circ} 30'$ в. долг.

Вотъ три главные острова архипелага Вити. Представляемъ теперь быстрый перечень прочимъ, начавъ съ юга и востока и оканчивая сѣверомъ и западомъ.

Оно, открытый въ 1819 г. Русскимъ мореплавателемъ Беллинсгаузеномъ, ост. высокий и населенный, имѣетъ пятнадцать миль въ окружности, коралловую отмель на S. W. и два малые необитаемые острова, каждый до мили въ окружности; вершина острова лежитъ подъ $20^{\circ} 39'$ ю. ш. и $178^{\circ} 55'$ вос. долг.

Бамоа, открытъ въ 1773 Кукомъ, названъ имъ его *островомъ Черепахъ*, потому что онъ здѣсь нашелъ множество этихъ животныхъ; д'Антрасто въ 1793, а Дюрвилъ въ 1827 обозрѣвали его. Островъ мало возвышенъ, слабо населенъ, имѣетъ около четырехъ или пяти миль въ окружности, съ рифомъ, который простирается почти на двѣ мили отъ берега. Когда Кукъ сошелъ на землю, туземцы разбѣжались. Шесть или семь лѣтъ назадъ, одно Американское судно попало въ этихъ рифахъ, и островитяне, найдя якорь, дотащили его до Лагвембы. Лежитъ подъ $19^{\circ} 48'$ ю. ш. и $179^{\circ} 21'$ в. дол. Въ четырехъ или пяти миляхъ на S. W. отъ острова находится опасный рифъ, въ четыре или пять лигъ въ окружности, устланный коралловыми вершинками на подобіе капиталей. Кораллы возвышаются иногда на 15 ф. надъ поверхностью моря.

Онга-лебу, открытый и видѣнный издали Вильсономъ въ 1797, былъ снова узрѣнъ въ близнѣ въ 1827. Земля возвышена и лѣси-

ста; окружность острова от шести до семи миль; съ нимъ смежны, другой островъ, также возвышенный, но не столь обширный, называемый Онгъ-геа-рики, и два песчаные острова, Нугу-шонгъ; все вмѣстѣ окружено рифомъ. Жители этихъ мѣстъ были перерезаны Тонгаами, которые обратили группу въ притонъ для своихъ войскъ. Ю. шир. $19^{\circ} 8'$, в. дол. $179^{\circ} 10'$.

Булангъ-га, сколько извѣстно, былъ открытъ судами *Гаррингтономъ* и *Елисаветой*, которыя несправедливо называли его *Лаквеба*. Въ 1797 г. Вильсонъ видѣлъ его издали, а въ 1827, Дюрвилъ обозрѣлъ его подробно. Этотъ островъ возвышенъ, лѣсистъ и пріятнаго вида; длина его до 6 миль отъ N. N. W. къ S. S. O., ширина не болѣе трехъ миль; онъ окруженъ буруномъ. Жителей считаютъ до восьмидесяти. Ю. шир. $19^{\circ} 8'$; в. дол. $179^{\circ} 1'$.

Острова *Ангъ-газа*, были усмотрѣны въ первый разъ Блейемъ въ 1789, во второй разъ Вильсономъ въ 1797, и обозрѣны Дюрвилемъ въ 1827. Группа состоитъ изъ трехъ или четырехъ маленькихъ острововъ, возвышенныхъ и необитаемыхъ; главный имѣетъ не болѣе четырехъ или пяти миль въ окружности и лежитъ подъ $18^{\circ} 57'$ ю. шир. и $179^{\circ} 7'$ в. долг.

Намука, открытъ Блейемъ въ 1789, а въ 1797 усмотрѣнъ Вильсономъ, который назвалъ его *Neat's Tongue*; Дюрвилъ обозрѣлъ его въ 1827. Это островъ возвышенный, имѣющій 4 мили отъ востока къ западу и одну милю въ ширину; онъ окруженъ обширнымъ рифомъ. Некогда многоподный, Намука едва имѣетъ нынѣ сто жителей: такъ истребительны были частыя войны между Имбао и Лагвембой. Онъ изобилуетъ свиньями и ласомъ. Лежитъ подъ $18^{\circ} 53'$ ю. шир. и $178^{\circ} 55'$ в. долг.

Марамбо, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; маленький, возвышенный островъ, лѣсистый, необитаемый, имѣющій отъ 3 до 4 миль въ окружности. Ю. шир. $19^{\circ} 1'$, в. долг. $178^{\circ} 48'$.

Камбара, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; возвышенный островъ; отъ 9 до 10 миль въ окружности. Это *Аполло* Крузенштерна, открытъ, по его словамъ, судами *Гаррингтономъ* и *Елисаветой*. На немъ считаютъ до ста жителей; они дайвики. Короля Лагвембы и занимаются ловлей черепахъ и из-

готовленіемъ копій и байдаръ. Лежитъ подъ $18^{\circ} 58'$ ю. шир. и $178^{\circ} 39'$ в. долготы.

Вангара, обозрѣнный Дюрвилемъ въ 1827. Островъ возвышенный и необитаемый; протяженія его отъ N. N. O. къ S. S. W. до $2\frac{1}{2}$ миль. Этотъ островъ на картѣ Крузенштерна названъ *Фоокафа*. Ю. шир. $18^{\circ} 53'$, в. долг. $178^{\circ} 43'$.

Мозе, открытъ Блейемъ въ 1789, усмотрѣнъ Вильсономъ въ 1797 и названъ имъ *Danger*; Дюрвилъ обозрѣлъ его въ 1827. Островъ возвышенный, имѣющій около 10 миль въ окружности и окруженный буруномъ. На немъ не болѣе сотни жителей. На широкомъ бурунѣ, на в. отъ острова, разбилося судно *Арго*; и самъ капитанъ Вильсонъ едва избежалъ отъ гибели. Ю. шир. $18^{\circ} 41'$, в. дол. $179^{\circ} 5'$.

Комо, открытъ Блейемъ въ 1789 и обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827. Возвышенный островъ отъ 3 или 4 миль въ окружности; на немъ не болѣе 40 жителей. Ю. шир. $18^{\circ} 44'$, в. долг. $178^{\circ} 58'$.

Голо-руа, открытъ Блейемъ въ 1789, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827. Маленькій, возвышенный и необитаемый островокъ. Ю. шир. $18^{\circ} 40'$, в. долг. $178^{\circ} 51'$.

Енгау, усмотрѣнъ издали Вильсономъ въ 1797, а Дюрвилемъ въ 1827; островъ возвышенный и необитаемый; пространство его еще не опредѣлено въ точности. Ю. шир. $18^{\circ} 19'$, в. долг. $178^{\circ} 56'$.

Лагвемба, открытъ, по словамъ Крузенштерна, судами *Гаррингтономъ* и *Елисаветой*, которыя назвали его по ошибкѣ *Амакомбо*; капитанъ Дюрвилъ обозрѣлъ его вблизи въ 1827; возвышенный островъ, пріятнаго вида, онъ тянется на пять миль отъ с. къ ю. и по крайней мѣрѣ на столько же отъ в. къ з.; окруженъ бурунами, которые широко облегаютъ его на в. Жителей не болѣе тысячъ. Король Лагвембы беретъ дань со всехъ острововъ, лежащихъ на ю., по въ свою очередь, онъ даникъ Короля Имбао. Ю. шир. $18^{\circ} 12'$, в. долг. $178^{\circ} 47'$.

Тибуне-сикки или *Товоонаселли*, по картѣ Крузенштерна; въ 1827 г. его обозрѣвалъ Дюрвилъ; маленький, необитаемый островъ, отъ двухъ до трехъ миль въ окружности. Ю. шир. $18^{\circ} 46'$, в. долг. $178^{\circ} 33'$.

Банге-бану, или *Капоо-Кадооа*, по картѣ Крузенштерна; обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; возвышенный островъ съ пятидесятью

жителями, отъ 4 до 5 миль въ окружности. Ю. шир. 18° 22', в. долг. 178° 20'.

Неау, обозрѣнный Дюрвилемъ въ 1827, и на картѣ Крузенштерна названный *Odida* по смѣшенію съ слѣдующимъ; островъ возвышенный, отъ 7 до 8 миль окружности; на немъ до сотни жителей. Ю. шир. 17° 59', в. долг. 178° 31'.

Дзизил, на картѣ Крузенштерна, названный *Фаворитъ*, былъ обозрѣнъ въ 1827 г. Дюрвилемъ; островъ возвышенный, окружность его отъ девяти до десяти миль. Жителей до 1000. Ю. шир. 17° 59', в. долг. 178° 14'.

Бату-бара, обозрѣнный Дюрвилемъ въ 1827 г.; легко можетъ быть, тотъ самый островъ, который Вильсонъ видѣлъ въ 1797 и называлъ *Гисейсъ*; онъ очень возвышенъ; имѣетъ не болѣе трехъ или четырехъ миль въ окружности, и не смотря на то, обитаемъ. Ю. шир. 17° 25', в. долг. 178°.

Азата, открытый въ 1797, Вильсономъ; который назвалъ его *Hamilton*; обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; островъ возвышенный, обитаемый, имѣющій шесть миль въ окружности. Ю. шир. 17° 15', в. долг. 178° 31'. Къ W. S. W. отъ Азаты, лежатъ три лѣсныхъ и необитаемыхъ островка, называемые Нугу-толу; они возвышаются надъ рифомъ, имѣющимъ до 3 миль въ длину.

Манго, открытъ Вильсономъ въ 1787 и названъ имъ *о. Коксъ*. Дюрвилемъ видѣлъ его издали въ 1827; островъ очень возвышенъ; имѣетъ 4 или 5 миль въ окружности и до 400 жителей. Ю. шир. 17° 24', в. долг. 178° 18'.

Каназеа, открытъ въ 1797 Вильсономъ, который назвалъ его *Симсъ*. Дюрвилемъ видѣлъ его издали въ 1827; островъ возвышенный, отъ 3 до 4 миль въ окружности; жителей около 100. Ю. шир. 17° 17', в. долг. 178° 18'.

Гадоу, открытъ Вильсономъ въ 1797; возвышенный островъ отъ 2 до 3 миль протяженіемъ съ с. къ ю.; безъ сомнѣнія тотъ самый, что у туземцевъ называется *Муна*; жителей 80. Ю. шир. 17° 16', в. долг. 178° 30'.

Скоттъ, открытъ Вильсономъ въ 1797; возвышенный островъ отъ 10 до 12 миль въ окружности; вѣроятно это *Бануанъ-балабу* туземцевъ; въ немъ 2000 жителей. Ю. шир. 17° 12', в. долг. 178° 26'.

Миддлтонъ, открытъ Вильсономъ въ 1797; островъ возвышенный, имѣющій 7

или 8 миль въ окружности. Ужъ не *Кабава* ли это туземцевъ? Ю. шир. 17° 6', в. долг. 178° 26'. Этотъ островъ вмѣстѣ съ предъидущимъ и еще трѣмъ маленькимъ островамъ, который Вильсонъ назвалъ *Сурлингъ*, окружены однимъ общимъ рифомъ.

Ширдингъ, открытъ Вильсономъ въ 1797; возвышенъ, имѣетъ 5 или 6 миль окружности. Ю. шир. 17° 10', в. долг. 178° 38'.

Три-Брата, открыты въ 1797, Вильсономъ; три острова на одной и той же подводной скалѣ, занимающей пространство отъ 4 до 5 миль къ W. S. W. Можетъ быть, не это ли *Нугу-толу* туземцевъ? Ю. шир. 17°, в. долг. 178° 40'.

Скарсъ, открыты Вильсономъ въ 1797; тоже три островка, окруженные рифомъ въ 5 или 6 миль въ окружности. Не второй ли это *Нугу-толу*? Ю. шир. 17° 6', в. долг. 178° 24'.

Блаффъ, открытъ въ 1797 Вильсономъ; маленький, необитаемый островъ, окруженный рифомъ. Кажется, сдѣла ли это не *Малима* туземцевъ. Ю. шир. 16° 56', в. долг. 178° 32'.

Неита-умба, открытъ въ 1797, Вильсономъ, который назвалъ его *Direction*; обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; возвышенный островъ, имѣющій 3 или 4 мили въ окружности; жителей не болѣе шестидесяти. Ю. шир. 18° 2', в. долг. 178° 18'.

Лау, открытъ Вильсономъ въ 1797; маленький островъ, низменный и необитаемый, съ буруномъ, простирающимся на 6 или 8 миль отъ с. къ ю.; у туземцевъ называется *Вабиа*. Ю. шир. 16° 44', в. долг. 178° 24'.

Нугу-лаудзала, открытъ Вильсономъ въ 1797, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; маленький островъ, низменный и необитаемый, съ буруномъ, простирающимся на 10 или 12 миль отъ с. къ ю.—Ю. шир. 16° 43', в. долг. 178° 31'.

Санди, открытъ въ 1643 Тасманомъ; усмотрѣнъ снова Вильсономъ въ 1797. Маленькій низменный островъ съ рифомъ отъ 12 до 15 миль отъ с. къ ю. и съ малымъ числомъ жителей. Вѣроятно это *Ненгеле-лебу* туземцевъ. Ю. шир. 16° 20' в. долг. 178° 41'.

Огромные подводные камни, названные въ 1797 Вильсономъ *Харибда* и *Сцила* (*Charibd-Reef, and Scylla-Reef*), соединяютъ эти острова почти вплоть съ слѣдующими:

Фаревель, открытъ Тасманомъ въ 1643, снова усмотрѣнный Вильсономъ въ 1797. Ост-

ровъ возвышенный, имѣетъ три или четыре мили въ окружности и сотню жителей. Нѣтъ сомнѣнiя, что это *Zigombia* туземцевъ.—Ю. шир. $15^{\circ} 42'$, в. долг. $177^{\circ} 42'$.

Идудердсз, открытый Тасманомъ въ 1643, вновь увидѣнный Вильсономъ въ 1797. Значительная и возвышенная земля, но очень дурно обозначенная. Ю. шир. $16^{\circ} 16'$ в. дол. $177^{\circ} 24'$.

Іанудза, открыты въ 1643 Тасманомъ, снова увидѣнные въ 1797 Вильсономъ, который называлъ ихъ *Clusters*; обозрѣнные въ 1827 Дюрвилемъ. Группа изъ 4 или 5 возвышенныхъ, необитаемыхъ островковъ, занимающая пространство отъ 4 до 5 миль отъ с. къ ю.—Ю. шир. $16^{\circ} 36'$, в. дол. $177^{\circ} 51'$.

Рембз, открытый въ 1643 Тасманомъ, снова усмотренный въ 1797 Вильсономъ, довольно издалика; онъ называлъ его *Gillet* и *Tate*. Дюрвилемъ видѣлъ ихъ тоже издали въ 1827. Земля возвышенная и значительная; пространство ея еще не известно въ точности. Не знаютъ даже, составляетъ ли она одинъ островъ или нѣсколько. На ней считаютъ до ста жителей. Ю. шир. $16^{\circ} 33'$ в. дол. $177^{\circ} 37'$.

Табе-уни, открытъ въ 1643 Тасманомъ, вновь усмотрѣнъ въ 1797 Вильсономъ, который называлъ его *Lamberts*; обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827. Земля чрезвычайно возвышенная, имѣющая по крайней мѣрѣ 22 мили протяженiя, отъ с. в. къ ю. з. и отъ 10 до 12 миль ширины. Жителей считаютъ тысячу. Ю. шир. $17^{\circ} 14'$, в. дол. $177^{\circ} 28'$. На с. в. оконечности есть маленькій островъ, называемый *Bugbani*. Кажется, что Табе-уни раздѣляется отъ Вауа-лебу только узенькимъ каналомъ.

Онгомеа, открытъ въ 1643 Тасманомъ, усмотрѣнъ вновь въ 1797 Вильсономъ, который называлъ его совокупно съ слѣдующимъ *Ross*; въ 1827 они обозрѣны Дюрвилемъ, засвидѣтельствовавшимъ, что они точно отдѣляются другъ отъ друга узенькимъ каналомъ. Островъ высокій и многолюдный; имѣетъ 6 миль протяженiя отъ О. Н. О. къ W. S. W. и 3 или 4 мили ширины. Ю. шир. $16^{\circ} 48'$, в. долг. $177^{\circ} 41'$.

Лаудзала, открытъ въ 1643 Тасманомъ, видѣнъ въ 1797 Вильсономъ и обозрѣнъ въ 1827 Дюрвилемъ. Островъ возвышенный; имѣетъ около 5 или 6 миль въ окружности

и сотню жителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ байдара изъ Тонга потерпѣла крушенiе при этихъ берегахъ и Каппибалы убили и съѣли всѣхъ людей экипажа. Ю. шир. $16^{\circ} 41'$, в. дол. $177^{\circ} 53'$.

Коро, видѣнный издали въ 1827 Дюрвилемъ. Очень высокій островъ, длиною по крайней мѣрѣ 12 миль отъ N. N. O. къ S. S. W. и отъ 4 до 5 миль шириною, съ буруномъ на восточной сторонѣ. Полагаютъ, что на немъ до 1000 жителей. На картѣ Крузенштерна онъ названъ *Гороо*. Не известно, кто его открылъ. Ю. шир. отъ $17^{\circ} 12'$ до $17^{\circ} 26'$, восточной долготы 177° .

Неурай, открытъ Блейемъ въ 1789, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; островъ высокій; имѣетъ отъ 9 до 10 миль въ окружности и 1000 жителей. Ю. шир. $17^{\circ} 50'$ в. долг. $176^{\circ} 57'$.

Нао, открытъ Блейемъ въ 1789, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; очень высокій островъ, имѣющий по крайней мѣрѣ 10 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. и 4 или 5 миль ширины. Число его жителей полагаютъ до 5000. Ю. шир. $18^{\circ} 21'$, в. долг. $176^{\circ} 53'$. На в. и ю. существуетъ бурунь, гдѣ погибъ бригъ *Эмза*.

Муала, открытъ въ 1827 Дюрвилемъ, высокій островъ въ 7 миль протяженiя отъ О. Н. О. къ W. S. W. и 5 миль отъ N. къ S. На немъ считаютъ 1000 жител. Окружающіе его подводные камни опасны. Это, можетъ быть, островъ *Мерла-Еавоо*; Крузенштерновой карты. Ю. шир. $18^{\circ} 35'$, в. долг. $177^{\circ} 27'$.

Мотугу, открытъ въ 1827 Дюрвилемъ, который видѣлъ его издали; островъ высокій, имѣющий по крайней мѣрѣ 5 миль пространства и 1000 жител. Ю. шир. $18^{\circ} 55'$ в. дол. $177^{\circ} 45'$.

Фотуа, открытъ въ 1827 Дюрвилемъ, который видѣлъ одинъ его вершины; высокій островъ имѣющий по крайней мѣрѣ 11 миль протяженiя отъ в. къ з. и 1000 жител. Ю. шир. $18^{\circ} 55'$, в. долг. $177^{\circ} 45'$.

Батигуи, открытъ Блейемъ въ 1789, обозрѣнъ въ 1827 Дюрвилемъ, который видѣлъ его издали; островъ высокій, имѣющий по крайней мѣрѣ 3 мили пространства. Жителей до 1000. Это безъ сомнѣнiя тотъ островъ, что у Крузенштерна на картѣ показанъ подъ именемъ *Ватега*. Ю. шир. $17^{\circ} 48'$, в. долг. $176^{\circ} 42'$.

Балау, или *Бумлоо* по картѣ Крузенштерна; обозрѣнъ издали Дюрвилемъ въ 1827; островъ высокій; пространство не извѣстно; жителей до 1000 человекъ. Ю. шир. $17^{\circ} 44'$, в. долг. $176^{\circ} 22'$.

Вакиа, по картѣ Крузенштерна, у туземцевъ *Вакаиа*, маленький островъ съ сотнею жителей. Ю. шир. $17^{\circ} 35'$, в. долг. $176^{\circ} 40'$.

Гуммокъ, (по картѣ Крузенштерна), можетъ быть, тотъ самый, который островитяне называютъ *Нингани*; онъ имѣетъ въ окружности одну или двѣ мили. Ю. шир. $17^{\circ} 32'$, в. долг. $176^{\circ} 20'$.

Пасаежъ на картахъ Крузенштерна, или *Вату* туземцевъ. Окружность его до двухъ миль. Юж. шир. $17^{\circ} 24'$, зап. долг. $176^{\circ} 22'$.

Магани, на картахъ Крузенштерна, называемый островитянами Магунъ-гай. Двѣ или три мили въ окружности и жителей около 50. Лежитъ подъ $17^{\circ} 28'$ ю. шир. и $176^{\circ} 40'$ в. долготы.

Мату-рики, открытый Блейемъ въ 1789, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; онъ названъ Верать (*Verat*) на картѣ Крузенштерна; высокій островъ, простирающийся по крайней мѣрѣ на 4 мили, имѣющій до 1000 жителей. Лежитъ подъ $17^{\circ} 48'$ ю. шир. и $176^{\circ} 17'$ в. долготы.

Леле-убилъ, два низменные и лѣсистые островка, открыты въ 1827 Дюрвилемъ, каждый не болѣе мили въ окружности; лежатъ подъ $17^{\circ} 58'$ ю. шир. и $176^{\circ} 19'$ вост. долготы.

Нугу-лаго и *Нугу-лебу*, два островка покрыты лѣсомъ, не возвышенные; каждый, по крайней мѣрѣ въ одну милю въ окружности. Они открыты Дюрвилемъ въ 1827; лежатъ подъ $18^{\circ} 13'$ ю. шир. и $175^{\circ} 51'$ в. долготы.

Умбенга, открытый Дюрвилемъ въ 1827; высокій островъ, имѣющій болѣе девяти или десяти миль въ окружности. Народонаселеніе простирается до двухъ тысячъ. Островъ этотъ отдаленъ отъ Кандабона узкимъ проливомъ, и на сѣверъ окруженъ бурунами и множествомъ маленькихъ островковъ, пространство которыхъ еще не опредѣлено. Онъ находится подъ $18^{\circ} 55'$ ю. шир. и $176^{\circ} 24'$ в. долготы.

Вату-леле, открытый Дюрвилемъ въ 1827; низменный лѣсистый островъ съ подводными камнями, тянущимися далеко на

востокъ. Народонаселеніе около 2,000, душъ. Пространство отъ N. N. O. къ S. S. W., до девяти миль, ширина отъ 2 до 3 миль; лежитъ подъ $18^{\circ} 33'$ ю. шир. и $175^{\circ} 11'$ в. долг.

Малоло, открытый въ 1827 году Дюрвилемъ. Группа возвышенныхъ острововъ, окруженныхъ подводными рифами; самый большой имѣетъ отъ 7 до 8 миль въ окружности. Народонаселеніе до 1,000 душъ; большой лежитъ подъ $17^{\circ} 45'$ ю. шир. и $174^{\circ} 42'$ в. долг.

Накаро, открыты Дюрвилемъ въ 1827. Группа составленная изъ 10 высокихъ населенныхъ островковъ; наиболѣе имѣютъ двѣ или три мили въ окружности. Северн. островъ лежитъ подъ $17^{\circ} 33'$ ю. шир. и $174^{\circ} 37'$ в. долг.

Битонго, открыты Дюрвилемъ въ 1827; группа изъ двухъ большихъ и четырехъ маленькихъ высокихъ островковъ, между которыми самыя значительныя имѣютъ двѣ или три мили въ окружности. Они лежатъ подъ $17^{\circ} 26'$ ю. шир. и $174^{\circ} 34'$ в. долг.

Бисау, видѣнные издали Дюрвилемъ въ 1827. Группа изъ трехъ или четырехъ острововъ, возвышенныхъ и населенныхъ; самой большой имѣетъ семь или восемь миль въ окружности. Острова эти, по видимому, образуютъ ю. з. часть острововъ, открытых въ 1794 капитаномъ Берберомъ, и лежатъ подъ $17^{\circ} 16'$ ю. шир. и $174^{\circ} 38'$ в. долг.

Матазуа-лебу, *Сара-леву*, и *Сара-рара*. По показаніямъ туземцевъ, такъ называются главнѣйшіе острова, открыты Берберомъ въ 1794, и не совѣтъ опредѣлительно показанныя на картахъ Крузенштерна. Самыя большіе могутъ имѣть отъ 15 до 18 миль окружности. Впрочемъ вся эта группа столь мало извѣстна, что не знаютъ даже точнаго ея положенія. Надо отмѣтить ихъ почти между $16^{\circ} 38'$ и $17^{\circ} 41'$ ю. шир. съ одной стороны, а съ другой между $174^{\circ} 40'$ и 175° в. долг.

Круглый, на картахъ Крузенштерна, въ три или четыре мили въ окружности; лежитъ подъ $16^{\circ} 38'$ ю. шир. и $175^{\circ} 10'$ в. долг.

Андуа, на картахъ Крузенштерна, въ четыре или пять миль въ окружности; лежитъ подъ $16^{\circ} 50'$ ю. шир. и $175^{\circ} 54'$ в. долг.

Сколько ни длиненъ этотъ списокъ, онъ вѣроятно еще не заключаетъ въ себя всѣхъ Витѣйскихъ острововъ. Туземцамъ извѣстны

многіе другіе: это дѣлствуеъ изъ списка даннаго старшинами Тумбуа-накаро и Унонгъ-лебу, Г. Гемару, натуралисту находившемуся на *Астролбии*. Списокъ былъ напечатанъ въ описаніи этой экспедиціи. Но до собранія полнѣйшихъ документовъ, новыми наблюдателями, сказанное нами заключаетъ послѣднія и новѣйшія географическія свѣдѣнія объ архипелагѣ Вити.

ГЛАВА X.

Архипелагъ Вити.—Исторія.

Уже сказано было, что Тасманъ открылъ группу Вити. Онъ впрочемъ видѣлъ только часть сихъ обширныхъ и многочисленныхъ земель. Изъ записки его явствуеъ, что въ первыхъ числахъ Февраля 1643, суда зашли въ лабиринтъ острововъ, отсѣюду ополсанныхъ подводными камнями, скалами и мелями, отъ коихъ они съ трудомъ могли удалиться. Тасманъ назвалъ эти земли островами принца Вильгельма и Гемскирскими мелями. (*Is des Prince Guillaume et bas fonds de Heemskerk*). Въ наши времена наблюденія Г. Дюрвиля удостовѣрили, что острова, замѣченные Тасманомъ, были названы на новѣйшей картѣ Яндза, Рамбе, Табе-уни и Лаудзала.

Въ 1774, Кукъ открылъ островъ Батоа; въ 1777, во время третьяго путешествія своего, онъ собралъ въ Тонга-табу нѣсколько свѣдѣній объ островахъ Фиджи, называемыхъ Вити на Тонгайскомъ языкѣ. Блей проходилъ въ свою очередь между этими группами въ 1789; когда лишенный начальствованія кораблемъ, онъ бѣжалъ въ шлюпку, ища гостепріимной страны. Полагаютъ, что онъ прошелъ тогда между большими островами Вити-леву и Вануа-лебу; но въ его положеніи подробное обзореніе было невозможно. Даже позже, возвращаясь изъ Танти на корабляхъ: *Providence* и *Assistance*, онъ шелъ вдоль всей южной части архипелага; но отъ забвенія ли, или отъ безпечности, ни одно изъ дѣйствій этого путешествія не было обнародовано. Въ 1793 д'Антраксто узналъ однако нѣкоторые подробности о земляхъ Витійскихъ, и видѣлъ мимоходомъ островъ Кука, Батоа. Вскорѣ послѣ того капитанъ Мейтландъ также прошелъ мимо нихъ и назвалъ ихъ *Землями вольности* (*terres de liberté*); за нимъ Берберъ, капитанъ ко-

рабля Артуръ, шелъ вдоль западной стороны; но ни тотъ, ни другой не передали намъ результата своихъ открытій. Капитанъ Вильсонъ, напротивъ того, составилъ карту путешествія своего въ с. в. части, гдѣ онъ неоднократно былъ близокъ къ гибели въ 1797. Показанія его, хотя и не совсемъ вѣрныя, открыли по крайней мѣрѣ средство отыскать эти видѣнные имъ острова. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ текущаго столѣтія, нѣсколько купеческихъ судовъ заходили, кажется, въ архипелагъ Вити. Торговля сандалнаго дерева привлекала туда купцевъ изъ Индійскихъ и Европейскихъ портовъ: область Имбао была средоточіемъ ихъ обмѣновъ. Тамъ находился рейдъ, которому Англійскіе и Американскіе путешественники дали названіе *Бухты Сандалнаго дерева*. Рѣдко случалось, чтобы три или четыре судна не останавливались тутъ каждый годъ, для нагрузки драгоценнымъ снѣгомъ деревомъ, которое они скоро и прибыльно сбывали на Китайскихъ рынкахъ. Нигдѣ сандалная эссенція не была лучше и свѣжѣе, и не одинъ стволъ, привезенный изъ Вити, послужилъ къ выдолбленію изъ него гроба богатому мандарину. Подобные куски дерева, тѣмъ драгоценнѣе, что жители небесной имперіи высоко чтутъ великолѣпіе жилищъ для смертныхъ остатковъ своихъ.

Множество купеческихъ судовъ останавливались въ Вити, въ первыхъ годахъ этого столѣтія; но одно изъ нихъ не открыло своего путешествія, напротивъ того, всѣ старались затенить походы свои покровомъ таинственности, изъ опасенія возбудить открытіями своимъ соперничество. Они молчали; да если бы и рассказывали, то Европа отъ нихъ не узнала бы, вѣроятно, ничего, кромѣ подробностей ихъ неважной торговли. Такимъ образомъ ни встрѣченные ими на пути подводные камни, ни осмотрѣнные острова, ничто не было извѣстно. Поэтому то Крузенштернъ въ гидрографическомъ очеркѣ этого архипелага, въ 1824, долженъ былъ прибѣгнуть къ матеріаламъ не точнымъ и не пользующимся авторитетомъ.

Все, что узнали о сношеніяхъ нашихъ Европейскихъ купцевъ съ Витійцами, заключается въ томъ, что въ слѣдствіе раздоровъ, коихъ обстоятельства не извѣстны, вдругъ послѣдовалъ кровавый разрывъ, и далъ поводъ ужаснымъ мщеніямъ со стороны тузем-

цель. Вотъ два изъ этихъ несчастныхъ случаевъ: одинъ заимствованъ нами изъ путешествія Тарибула, изданнаго въ 1813, другой изъ путешествія Диллона, которое не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ сдѣлалось извѣстно публикѣ.

Первый отрывокъ относится къ кораблю *Фавориту*. Капитанъ Кембель, сталъ на якорь въ Октябрѣ 1809, въ бухтѣ Sandal Wood, 7-го того же мѣсяца помощникъ капитана этого судна, Томасъ Смитъ, и двое лейтенантовъ, Локерби и Грэмъ, на трехъ шлюпкахъ оставили корабль, съ тѣмъ чтобы посѣтить бухту Вайлеа и добыть тамъ красиваго дерева. Прибывъ, они нашли жителей въ большомъ волненіи: съ минуты на минуту ожидали могущественнаго начальника области Вухіа, Буландама, объявившаго войну островитянамъ Тафея или Тафера. Воины Вайлеа должны были участвовать въ этой борьбѣ. Случай не благопріятствовалъ *Фавориту*. Прѣхавъ въ надеждѣ на мирную торговлю, онъ засталъ начало непріятельскихъ дѣйствій. Два изъ шлюбокъ упорствовали въ достиженіи своей цѣли; третья, подъ начальствомъ Грэма, безъ малѣйшей опасности возвратилась къ кораблю. На слѣдующій день, когда другія хотѣли сдѣлать тоже, они встрѣтили препятствія.

И въ самомъ дѣлѣ, на пространствѣ, отдѣлявшемъ Вайлеа отъ корабля, Гг. Смитъ и Локерби встрѣтили флотъ Буландама, въ числѣ 140 байдаръ, приближавшихся длиннымъ полукрутомъ. Избѣгнуть этой многочисленной флотилии было невозможно. Г. Смитъ предпочелъ маневрировать, какъ будто ему нечего было опасаться; онъ направился къ центру. Подъѣхавъ на довольно близкое разстояніе, шлюбки получили вдругъ приказаніе идти прямо къ флоту; но лишь только хотѣли они исполнить это, какъ самая большая изъ непріятельскихъ байдаръ бросилась на китоловное судно; ударила его и разбила надвое. Локерби и люди его были тотчасъ взяты въ плѣнъ; между тѣмъ какъ съ другой стороны сѣмь или карабелныхъ служителей на захваченной шлюбкѣ, на которой находился лейтенантъ Томасъ Смитъ съ товарищами.

Первыя минуты плѣненія были ознаменованы насильствомъ. Дикари готовы уже были растерзать плѣнныхъ; когда одинъ изъ начальниковъ воспрепятствовалъ имъ тому, убеждая, что они должны быть неприкосно-

венными до особеннаго на то приказанія командира флота. И такъ они цѣлы и невредимы предстали предъ Буландамомъ. Этотъ вовсе не спѣшилъ избавиться отъ своихъ плѣнныхъ, напротивъ того, въ ту же минуту изъявилъ желаніе употребить ихъ въ свою пользу. Онъ просилъ Смита сопровождать его въ экспедиціи противъ островитянъ Тафере, въ надеждѣ, что ружья матросовъ облегчатъ ему побѣду. Къ несчастію, пороховые запасы были подмочены въ схваткѣ, и Смитъ долженъ былъ признаться, что оружія людей его были бесполезны. Не смотря на это, Буландамъ щадилъ своихъ плѣнныхъ; онъ запретилъ малѣйшее противъ нихъ насиліе, а Смиту, какъ офицеру, оказывалъ особенное благорасположеніе. Онъ, казалось, гордился его товариществомъ, просилъ его всегда сопутствовать ему, когда онъ сходилъ на берегъ, и сдѣлалъ изъ него родъ своего тюлохранителя. Впрочемъ, когда офицеръ казался безпокойнымъ на счетъ участія, которая его ожидала, онъ тотчасъ его успокоивалъ, оказывая ему самое дружеское расположеніе и увѣрялъ, что когда Тафере будетъ покоренъ, онъ не только возвратитъ ему свободу, но даже заставитъ солдатъ своихъ нагрузить корабль его сандаловымъ деревомъ.

Между тѣмъ силы, долженствовавшія идти на непріятельскій островъ, мало по малу собирались. 11-го Октябрю, соединенный флотъ оставилъ Вайлеа, и споря нѣкоторое время съ вѣтромъ, къ вечеру направился на с. в. часть страны, которую хотѣли завоевать. Буландамъ первый сошелъ на берегъ, взявъ съ собою Смита; подъ охраненіемъ стражи, состоявшей изъ 10 человекъ, вооруженныхъ коньями и стрѣлами, онъ расположился на берегу бивакомъ. На слѣдующій день, 12-го Октябрю, они вознамтрелись, чтобы прямо идти на Тафере. Лишь только Буландамъ показался въ виду селенія, какъ явилась флотилія, составлявшая непріятельскій авангардъ, готовая вступить съ нимъ въ бой.

Дѣло завязалось; тучи стрѣлъ открыли бой; потомъ, когда байдары столкнулись, копья и палки употреблены были въ дѣло. Схватка была упорна и кровава, но Таферійцы были малочисленнѣе и очевидно должны были погибнуть. Чтобы избѣгнуть неминуемой смерти, они все бросились въ воду и поплыли къ берегу. Тщет-

по Буландамъ пекущимъ движеніемъ, въ-
которыхъ байдари хотѣли отразить бѣгу-
щимъ отступленіе. Маневръ этотъ отдалъ въ
руки побѣдителей, одни только пустые чел-
ноки, и въ одномъ изъ нихъ одного живаго
человѣка, бѣднягу, который спрятался, вмѣ-
сто того чтобы бѣжать. Война была безпо-
щадна; плѣннаго убили передъ Европейца-
ми, а тѣло отдали служителю съ приказан-
іемъ изжарить его для стола начальниковъ.
Это варварство было только началомъ еще
ужаснѣйшихъ жестокостей. Тафере былъ
совершенно пустъ; мужчины бѣжали, но
враги знали, что женщины, старики и дѣти
были недалеко. Вся эта беззащитная часть
населенія скрывалась вѣроятно въ сосед-
ствѣ. Рывено было схватить и задушить
ихъ. Одинъ челнокъ былъ отправленъ, съ
тѣмъ чтобы рекогносцировать мѣсто и у-
знать, не было ли какой опасности; по у-
словленному знаку, грозная орда устре-
милась къ берегу. Зажженная хижина оз-
наменовала начало разрушенія. Несча-
стные жители колоніи Тафере спрятались
за густою оградой зелени. Полагая себя въ
безопасности, или падъясь на пощаду со сто-
роны побѣдителей, они не пытались бѣг-
ствомъ избѣгнуть гибели: заботливость о дѣ-
тяхъ удержала матерей, дряхлость сковала
поги старцевъ. Бѣдныя существа, сокры-
тыя въ убѣжищѣ, которое должно бы оста-
ваться священнымъ для воиновъ, ожидали
удаленія флотиин отъ ихъ береговъ, чтобы
возвратиться въ жилища, и забыть разоре-
нія войны. Но вдругъ ужасный крикъ послы-
шался около ограды, крикъ тигра рыкаю-
щаго вокругъ добычи своей. Несчастныя
жертвы поняли значеніе его и покорились
судьбѣ. Со всѣхъ сторонъ внезапно явились
убійцы; булавы поднялись на дѣтей, на
женщинъ, на старцевъ, только стонавшихъ,
плакавшихъ, но не имѣвшихъ возможно-
сти защищаться. Это мѣсто превратилось
въ бойню; тѣла валялись одно на другое,
составляя пирамиду искаженныхъ труповъ,
основаніе которой утопало въ крови. Когда
кровопролитіе прекратилось, добычу пота-
щили къ берегу. Горе тѣмъ, въ комъ оста-
лась еще искра жизни, кто не былъ добытъ
булавою; не внемля крика и стenanій, не об-
рашая вниманія на предсмертныя муки, не-
счастливыхъ тащили по утесамъ, по песку, по
острымъ подводнымъ камнямъ, чтобы сва-
лить ихъ, иныхъ еще живыхъ, въ огром-

ную байдару, назначенную складочнымъ мѣ-
стомъ для труповъ. Плѣнные Англичане ви-
дѣли, какъ таскали молодыхъ дѣвушекъ, от-
роковъ, женщинъ, грудныхъ дѣтей, дрях-
лыхъ стариковъ, и какъ побѣдители броса-
ли ихъ въ это огромное пріемнище тѣлъ. Пе-
реноска труповъ, казалось, была праздни-
ствомъ для людоедовъ: огромное количество
человѣческаго мяса для пожранія, было при-
готовленіемъ радостнаго пиришества. Мнот-
му ихъ аппетиту. 42 трупа были отщитаны
и особо положены на высокія подмостки чел-
нока Буландама, гдѣ ихъ выткнули и разо-
брали; начальникъ замѣтивъ въ числѣ дру-
гихъ тѣло молодой дѣвушки, приказалъ от-
ложить его для собственной своей кухни.

Тафере остался пустъ; здоровые и не со-
вершенно еще изнуренные люди разбѣжа-
лись, остальные всѣ были перертзанцы. —
Буландамъ въ сопровожденіи Г. Смита овла-
дѣлъ этою пустынею. Она представляла са-
мья очаровательная изъ всѣхъ видѣнныхъ
ими до того времени мѣстоположеній; преле-
стное селеніе состояло изъ сотни красивыхъ
домиковъ, построенныхъ вдоль по пригорку,
мѣстами перертзанному густыми группами
кокосовыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ; почти
каждый домъ былъ обнесенъ каменною стѣ-
ною. Буландамъ велѣлъ сжечь всѣ эти жи-
лища, распространяя гнѣвъ свой на суще-
ства одушевленные, онъ довершалъ пожа-
ромъ начатое убійство. Зрѣлище было нео-
писанно-ужасное.

По окончаніи послѣдняго мщенія, побѣ-
доносные суда поплыли обратно къ боль-
шой землѣ, гдѣ побѣдители должны были
пировать, пожирать человѣческое мясо. По-
лучивъ отвращеніе отъ этихъ ужасныхъ зрѣ-
лищъ, Смитъ ежедневно, ежечастью требо-
валъ исполненія обѣщаній Буландама: онъ
просилъ, чтобы его и товарищей освободили
изъ неволи, на что начальникъ отвѣчалъ,
что сдержитъ данное слово, и что тотчасъ
же по окончаніи главнаго пиришества ихъ от-
везутъ на корабль. Наконецъ отвратитель-
ный пиръ былъ отпразднованъ; всѣ тѣла бы-
ли разрублены на куски, и части, уже при-
готовленныя для жаренья, висѣли на при-
брежныхъ деревьяхъ. Когда они были до-
жарены, ихъ стали раздавать. Кусокъ мя-
систой лядвенъ былъ поднесенъ Сми-
ту, который съ ужасомъ отъ него отказался, хотя
уже въ продолженіе пяти дней ничего не
ѣлъ. Дикари съ удивленіемъ спрашивали о

причинъ этого отвращенія, и едва поняли, когда Смитъ сказалъ имъ, что человѣческое мясо будетъ для него ядомъ. Вся ночь прошла въ ужасномъ пришествіи. Куски, оставшіеся послѣ этой бойни, были полузажарены и уложены въ корзины; для сохраненія, какъ обыкновенно водится между дикими.

Неволя Смита продолжалась еще нѣсколько времени, если вѣрить ему, онъ провелъ среди людей сихъ цѣлые десять дней, совершенно безъ пищи. — Начальникъ челока, взявшаго его въ плѣнъ, требовалъ обратно своей добычи, говоря, что хочетъ самъ везти ее на корабль, и взять за выкупъ три китовыя уса и двѣнадцать топоровъ. Однако предложеніе это не имѣло ни какого послѣдствія. Наконецъ, 16 Октября, умертвивъ въ глазахъ Смита одного туземца, спасагося какимъ то чудомъ изъ Таферской экспедиціи, его и шестерыхъ его товарищей отвезли на корабль, при одномъ изъ начальниковъ, Испратъ, которому поручено было вытребовать за него выкупъ; двое Европейцевъ, Г. Локерби и матросъ были возвращены позже; но благодаря неуныннымъ стараніямъ капитана Кембеля, *Фаворитъ* вступилъ подъ наруса, не лишивъ ни одного челока изъ своего экипажа.

Дикари эти, прибавляетъ реляція, удивительно настойчивы въ исполненіи своихъ предпріятій; воля ихъ можетъ сравниться только съ злобною точностію воинскихъ ихъ распоряженій. Дѣйствія всегда приготовлены съ такою смѣшленною, выполнены съ такимъ хладнокровіемъ и силою, что право могутъ удивить даже Европейцевъ. Съ тѣсною силою они соединяютъ глубокое пренебреженіе опасностей и совершенную безпечность объ утратахъ и утомленіяхъ. Нытѣннѣйшій вождь ихъ, Буланданъ, сдѣлался грознымъ; онъ постоянно стремится къ владыкованію всѣми островами.

Вотъ первое происшествіе, общенное со всѣми подробностями, самими дѣйствующими лицами. Разсказъ ихъ, за исключеніемъ девятидневнаго поста, кажется, довольно справедливъ; его можно принять за достовѣрный. Но слѣдующій за нимъ отрывокъ не имѣетъ уже ни той простоты, ни того правдоподобія, не смотря на то, что онъ переданъ намъ Диллономъ, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ онъ, въ нѣсколько сокращенномъ ви-

дѣ, противу оригинала, гдѣ онъ носитъ печать необыкновенной странности и баснословія. Мы сообщаемъ его съ именемъ сочинителя, ибо на немъ лежитъ вся ответственность.

Диллонъ былъ офицеромъ на кораблѣ *Hunter*, капитанъ котораго, Робсонъ, старый знакомецъ съ островами Вити, пріобрѣлъ тамъ нѣкоторую власть, вступивъ въ раздоры островитянъ, и участвовалъ въ ихъ войнахъ. Бонасаръ, главный правитель Вайлеа, былъ предпочтительно его другомъ. Февраля 19-го 1813 года, *Hunter* сталъ въ заливъ Вайлеа, противъ маденькой рѣчки, излившейся въ селеніе, лежащее на полмили отъ берега, на возвышенномъ открытомъ мѣстѣ; прибрежная часть его опущена была лѣсомъ манговыхъ деревьевъ.

Когда Робсонъ помѣстился на рейдѣ, владыка острова, другъ его Бонасаръ, посетилъ его и разказалъ, какъ въ ихъ отсутствіи счастіе ему измѣнило, и какъ покоренныя имъ племена вновь возмущались, вызвавъ на помощь сильныя покодѣи съ береговъ Наннакабъ, что произвело жестокую и разорительную войну. Бонасаръ надеялся, что присутствіе друга его поможетъ ему устроить дѣла, и прибавилъ, по внутреннему влеченію, что подданнымъ его невозможно будетъ ходить на горы для рубки сандаловыхъ деревьевъ, доколь защита береговъ требуетъ ихъ присутствія, и что слѣдовательно его политическія выгоды связаны съ коммерческими выгодами капитана. Впрочемъ послѣ этого объясненія, обращеніе его не сдѣлалось ни менѣе радушиимъ, ни менѣе чистосердечнымъ.

Въ то время всякій Витѣйскій глава имѣлъ подѣ властію своею нѣсколько Европейцевъ; бывшихъ или оставшихся послѣ кораблекрушенія; принятыя ласково и хорошо содержимые, они сдѣлались постоянными жителями этой страны; нѣкоторые только изъ нихъ употребили во зло пріобрѣтенную воинскими ихъ заслугами власть и были преданы насильственной смерти жителями Бао, вѣроятпо Имбао; впрочемъ этому жестокому мнѣнію были подвержены только трое: Король Бао, вступившій во время въ дѣло, спасъ другихъ отъ злобы своихъ подданныхъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла въ то время, какъ *Hunter* прибылъ. Робсону очень хотѣлось какими нибудь медлительными средствами отвѣчать на прямую и поспѣшную просьбу друга своего Бонасара

Онъ приступилъ съ переговорамъ, и старался дить ихъ сколько можно. Наступалъ уже конецъ Марта, а онъ еще ничего не успѣлъ сдѣлать. Тотъ же доводъ туземцевъ: «помогите намъ и мы вамъ поможемъ, старайтесь за насъ, и мы дадимъ вамъ всѣ лѣса, которые пожелаете,» былъ немедленно изложенъ и представленъ Робсону. Наконецъ капитанъ согласился, и перваго Апрѣля, далъ въ разпоряженіе своимъ союзникамъ три судна, въ конхъ помѣщалось 20 вооруженныхъ солдатъ и маленькая пушка 2 фунт. калибра. Соединясь съ тремя или четырьмя тысячами дикихъ, отрядъ прямо поплылъ къ небольшому островку, называемому Нампакабъ; тамъ высадились, напали на жителей и огнестрѣльное оружіе въ скоромъ времени рѣшило побѣду. Жители покинули островъ Нампакабъ, оставя въ добычу корыстнаго побѣдителя только 10 труповъ. Поплыли вверхъ по рѣкѣ, пожгли жилища и плантаціи и возвратились на берегъ, гдѣ устроили пиръ для пожранія труповъ побѣжденныхъ, «Тѣла непріятелей», говоритъ Диллонъ, были разложены на травѣ, и разрублены на куски ихъ священникомъ. Вотъ какъ обыкновенно дѣлается эта операція: сперва начинаютъ тѣмъ, что отрубляютъ ступню ноги, лѣшкы, бока, а потомъ кисть руки, локоть, плеча, и наконецъ отдѣляютъ отъ туловища голову и шею. Каждую отдѣльную часть человеческого тѣла тщательно завертываютъ въ зеленый банановый листъ, сажаютъ въ печь, и жарятъ вмѣстѣ съ корнями таро.

Робсонъ выполнилъ условія договора, но Бонасаръ не сдержалъ ихъ съ своей стороны. Въ Матмѣсяцъ, когда къ кораблю, стоявшему уже на якорѣ, присоединилось судно *Елизавета*, нагрузка лѣса еще продолжалась весьма медленно. Около этого времени, Европейцы, поселившіеся въ Бао, посетили капитана Робсона, который за некоторую плату взялъ ихъ къ себѣ въ службу; однако же, не взирая на это, работы шли медленно, и въ Августѣ мѣсяцъ едва было нагружено около 150 бочекъ сандалнаго дерева, то есть, третья часть того, что могло помѣститься. — Туземцы объявили, что не могутъ давать болѣе дерева, потому что лѣса были истощены. Сграснась однако же гнѣва капитана Робсона, котораго они такъ долго обманывали, дикие перестали ходить на суда, чтобъ не быть захваченными въ плѣнъ или удержанными въ залогъ.

Робсонъ былъ взбѣшенъ; другъ его Бонасаръ смѣялся надъ нимъ: онъ пользовался помощью Европейцевъ, съ видимымъ намѣреніемъ не помогать имъ въ свою очередь. Эти хитрые и неоткровенныя дѣйствія требовали мщенія. Робсонъ хотѣлъ сдѣлать его гласнымъ. Перешедъ на кутѣръ, стоявшій въ 60 туазахъ отъ берега, онъ напалъ на флотилію Вайлеа и взялъ въ плѣнъ 14 лодокъ. Бывъ принужденъ повалить *Елизавету* для починки; онъ рѣшился не оставить туземцамъ ни одной байдары, чтобъ отнять у нихъ до малѣйшей возможности ему вредить.

Для исполненія этого внезапнаго нападенія, онъ воспользовался двумя лодками съ 250 воинами, прибывшими изъ Бао для вытребованія Европейцевъ, находившихся въ службѣ ихъ короля. Завербовавъ суда, и вспомошествомый Англичанами, Американцами и Испанцами, находившимися въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ его службѣ, онъ собралъ моряковъ, пришедшихъ на двухъ послѣднихъ судахъ, и почиталъ себя довольно сильнымъ, чтобъ предпринять нападеніе. Декабря 6 сдѣлалъ десантъ подъ главнымъ начальствомъ Г. Нормана, помощника капитана.

По выходѣ на землю, тотчасъ была сдѣлана важная ошибка. Вмѣсто того чтобъ идти вмѣстѣ, толпою, люди раздѣлились на маленькіе отряды, по три и четыре человека: это значило явно отдаться въ руки дикарей. Дикари поняли эту ошибку и хитро воспользовались ею. Они очистили берегъ, позволяя Англичанамъ и ихъ союзникамъ съ Бао углубляться все далѣе. Отряды вдалились въ обманъ, подошли къ небольшой долинтѣ, прикрытой косою горомъ. Нѣсколько частныхъ сопротивленій, преодоленныхъ первымъ выстрѣломъ, казалось, обѣщали войнѣ скорое и счастливое окончаніе, какъ вдругъ небольшой отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Г. Нормана, услышалъ со всѣхъ сторонъ ужасные и продолжительные крики. То былъ знакъ общаго, неожиданнаго нападенія. Стоя въ засадѣ, дикие всѣ въ одно время кинулись на отдаленныя толпы Европейцевъ и растерзали всѣхъ, за исключеніемъ двухъ человекъ, успѣвшихъ добѣжать до лодокъ. Отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Г. Нормана и Диллона, одинъ оставался невредимъ. Онъ состоялъ изъ 8 вооруженныхъ матросовъ, двухъ старшинъ и одного воина съ Бао. Послѣ этого совер-

шенного пораженія, оставалось только удалиться къ лодкамъ, стоявшимъ въ кучѣ, но должна была устоя дикими, вооруженными и въ ужасномъ изступленіи. Всякое покушеніе бѣгства было бы смертнымъ приговоромъ: одинъ изъ людей, попытавшійся бѣжать, былъ тотчасъ же окруженъ и зарѣзанъ. Г. Норманъ приказалъ ретироваться, до косогора; отступленіе было совершенно счастливо, но тамъ явились островитяне и преградили дорогу отряду. Ихъ было нѣсколько сотенъ противъ 12 человекъ; чтобъ придать себѣ видъ еще болѣе ужасный, они вымазали лица кровью Европейцевъ, оставшихся на полѣ сраженія. Завязалась борьба, и Г. Норманъ палъ, пронзенный копьемъ; Диллонъ остался командиромъ отряда; ужасное и злополучное начальствованіе. Европейцы, окруженные со всѣхъ сторонъ, потеряли тогда всю надежду на отступленіе; имъ оставалось только дорого продать жизнь свою. Однако въ этомъ отчаянномъ положеніи, Г. Диллонъ замѣтилъ посреди долины утесъ, уединенный, почти неприступный, родъ крѣпости, какъ бы поставленной для его спасенія: стрѣлы едва могли долетать до вершины этого природнаго вала. Увидѣвъ его, показать товарищамъ и взобраться на это укрѣпленіе, было дѣломъ минутнымъ. Г. Диллонъ помѣстился въ этомъ гнѣздѣ съ четырьмя Европейцами, называемыми: *Севеджъ, Бучардъ, Дефни, Вильсонъ*, и съ Китайцемъ *Люисъ*. Прочіе въ отрядѣ находившіеся были убиты, какъ и старшина Бао. Дефни самъ былъ проколотъ пикой и носилъ въ себѣ четыре стрѣлы, вонзенныя въ его спину.

По счастью, утесъ, доступный съ одной только стороны, удобной для защищенія, былъ такъ высокъ, что все, бросаемое островитянами на него, не долетало до вершины. Сопротивленіе этихъ четырехъ отчаянныхъ, подавало надежду на нѣкоторый успѣхъ. Едва показываясь дикій на узкомъ вѣходѣ къ вершинѣ утеса, ружейный выстрѣлъ останавливалъ его на пути. Отъ десяти до двѣнадцати осаждающихъ, являясь поочередно, пади прострѣленные пулями. Это навело страхъ на прочіихъ, и заставило ихъ довольствоваться только удерживающимъ моряковъ въ этой крѣпости. Съ этого маяка, воздымавшаяся надъ моремъ и долиною, Диллонъ могъ видѣть, съ одной стороны, корабль спокойный, и лишенный возможности, подать

ему помощь; съ другой своихъ товарищей изрѣзанныхъ на куски, изжаренныхъ и съѣденныхъ въ его глазахъ; жалкое и горестное зрѣлище, напоминавшее Европейцамъ, оставшимся еще въ живыхъ, близкую участь, ожидавшую ихъ.

Однако неистовство дикихъ, казалось, немного успокоилось. Заговорили о перемиріи и мировыхъ сдѣлкахъ. Восемь плѣнныхъ, взятые Робсономъ, оставались на кораблѣ; въ числѣ ихъ былъ братъ *Намбео* или главнаго жреца Ваи-теа. Диллонъ основалъ договоръ на этомъ условіи: ежели насъ убьютъ, говорилъ онъ, то плѣнные будутъ также убиты. Случилось, что Намбео былъ самъ между дикими, находившимися на равнинѣ. Онъ подошелъ парламентеромъ, спросилъ о братѣ, котораго полагалъ уже убитымъ, и объявилъ, что согласенъ на обмѣнъ плѣнныхъ на кораблѣ, съ людьми, которые находились на утесѣ. Надо было послать кого нибудь на корабль, чтобъ хорошенько окончить этотъ важный переговоры. Дефни, раненый и неспособный къ войнѣ, былъ избранъ Диллономъ. Ему надлежало склонить ихъ къ обмѣну и предупредить капитана, чтобы онъ отпустилъ одну только половину своего залога, а другую оставилъ порукою на случай измѣны островитянъ. Дефни дѣйствительно отправился съ Намбео, и осажденные могли слѣдовать глазомъ за ихъ лодкою, пока они достигли корабля.

Вовремя миролюбивыхъ переговоровъ, начальники Витянъ подошли къ утесу, завели разговоръ съ Диллономъ и его товарищами, стараясь въ особенности склонить ихъ оставить это недоступное убѣжище, и предаться имъ въ руки. Диллонъ не вѣрилъ ни знакамъ, ни обѣщаніямъ; онъ совѣтовалъ товарищамъ соблюдать ту же осторожность; однако одинъ изъ нихъ, Севеджъ, который уже около 5 лѣтъ жилъ на этихъ островахъ, положившись на искренность островитянъ, дерзнулъ сойти и присоединиться къ ихъ толпамъ. Его отвели къ Бонасару, который сначала принялъ его дружески. Ободренный этимъ примѣромъ, Китаецъ Люисъ также сошелъ и отдался подъ покровительство старшины, которому онъ оказывалъ уже разныя услуги. Полагая, что Диллонъ не воздержится послѣ двухъ этихъ предшественниковъ, начальники опять стали уговаривать его; но онъ отвѣчалъ, что дожидаетъ возвращенія на берегъ лодки, посланной къ кораблю. Ви-

дѣ, что всѣ убитіи безполезны, измѣнники перестали притворяться. Испустивъ ужасный крикъ, они схватили Саведжа, опустили его головою внизъ, въ ровъ, наполненный водою, и удушили; въ то же время, Витинскій воишь булавою разможжалъ черепъ Китайца. Искрошенные на части, и тотчасъ изжаренные трупы, были съедены въ глазахъ Диллона. Осторожность хорошо его вразумила.

Тогда оставались на утесѣ только Диллонъ, Бучартъ и Вильсонъ, трое противъ несколькихъ тысячъ осаждающихъ! Полагая, что завладѣть ими будетъ уже немногого стоить, дикіе напали съ новымъ неистовствомъ, стараясь укрываться отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Эта осторожность оправдывалась послѣдствіями прежняго нападенія. Некусный стрѣлокъ Бучартъ, по словамъ Диллона, сдѣлавъ 28 выстрѣловъ; убилъ 27 дикихъ. Самъ Диллонъ истребилъ также довольно большое число; Вильсонъ не стрѣлялъ, а только заряжалъ ружья. Такимъ образомъ доступъ къ цитадели былъ заваленъ трупами, и уже самые смѣлые не дерзали идти на смерть почти неизбежную. (Рис. XXI.) Утомленные этою бесполезною битвою, дикіе перестали нападать; время было имъ союзникомъ. Темнота и голодъ, рано или поздно должны были предать имъ послѣдніи ихъ жертвы.

Тогда возобновились въ глазахъ Европейцевъ явленія ненормальной ярости этихъ людей; какъ бы въ насмѣшку имъ, дикіе вытанили мясо изъ печей, раздѣлили и его между племенами, которые съ зверскою жадностію пожирали эту яству. Прерывая на мигъ трапезы, старшины, держа въ рукахъ куски окровавленнаго тѣла, подходили къ Диллону и его товарищамъ, и уговаривали ихъ сойти. — «Вы избавите насъ такимъ образомъ отъ излишняго труда ночью васъ изжарить и разрѣзать на куски.» На подобные вызовы и ругательства, Диллонъ отвѣчалъ, что ежели убьютъ на берегу оставшихся Европейцевъ, всѣ островитяне на кораблѣ будутъ перерѣзаны. — «Ого!» возражали люди; пусть капитанъ Робсонъ съестъ нашихъ, ежели это ему нравится, но мы хотимъ съестъ васъ трехъ. Когда наступитъ ночь, вамъ нельзя будетъ въ насъ цѣлить; мы возьмемъ, пережемъ васъ, и съядимъ!

Дѣйствительно, день угасалъ, положеніе осажденныхъ было едва стерпимо; у нихъ уже

оставалось только 12 патроновъ, и при первомъ ночномъ нападеніи, имъ должно было бы сдѣлаться добычею этихъ безщадныхъ изверговъ. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ отдаться живой; они рѣшились ночью убить другъ друга и прекратить жизнь, не выжидая пистизаній. Надежда на минуту ободрила ихъ. Лодка, посланная къ кораблю, отчаливала и плыла прямо къ берегу. Коково же было удивленіе и горестъ Диллона; когда онъ увидѣлъ непростительную ошибку капитана, отпущившаго всѣхъ восьмерыхъ плывшихъ вдругъ! Последняя надежда на спасеніе исчезла. Не страшась мщенія, какую бы выгоду имѣли дикіе щадить ихъ! Недовѣрчивость, измѣна, коварство—ничего имъ не стоили. И такъ Диллона и его храбрыхъ товарищей можно было считать погибшими. Какъ освободился онъ изъ этого вертепа? Пусть самъ разскажетъ.

«Черезъ нѣсколько минутъ, по прибытіи на берегъ восьми плывшихъ, ихъ привели ко мнѣ обезоруженныхъ съ жрецомъ, который сказалъ, что капитанъ Робсонъ, отпустивъ ихъ всѣхъ, прислалъ ящикъ съ разнымъ стальнымъ и желѣзнымъ товаромъ, какъ плату за нашъ выкупъ, начальникамъ, и приказываетъ намъ, отдать имъ наше оружіе. Жрецъ прибавилъ, что въ случаѣ исполненія этого приказанія, онъ проведетъ насъ невредимо, до нашихъ судовъ. Я отвѣчалъ, что до послѣдней минуты жизни не отдамъ своего ружья, которое есть моя собственность, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ; что съ товарищами и со мною поступать точно такъ, какъ съ Карломъ Саведжемъ и Лунсомъ.

«Тогда жрецъ обратился къ Мартину Бучарту, убѣжденіями стараясь заставить его согласиться на предложенія. Тутъ пришла мнѣ счастливая мысль, взять въ плѣнъ жреца и убить его, или исходатайствовать себѣ свободу, обѣщая отпустить его. Я привязалъ галстухомъ ружье Карла Саведжа къ поясу, а дуло своего приставилъ къ его лицу, объявляя, что убью его, ежели онъ осмѣлится попытаться бѣжать, или если кто либо изъ его собратій, сдѣластъ малѣйшее движеніе, чтобъ напасть на насъ или остановить наше отступленіе. Тутъ я велѣлъ ему идти прямо къ лодкамъ, грозя неизбежною смертію, въ случаѣ неповиновенія. Онъ повиновался и проходилъ сквозь толпу дикихъ, уговаривая ихъ съестъ и не дѣлать ни какого вреда ни Петеру, ни товарищамъ его; «Въ

противномъ случаѣ; говорилъ онъ, меня убьютъ, и тогда сѣдящіе въ облакахъ боги, раздраженные неповиновеніемъ, взволнуютъ море, которое неминуемо поглотитъ весь островъ и его жителей.»

«Дикіе съ глубочайшимъ уваженіемъ приняли увѣщанія жреца и смиренно ушли на траву. Намбети (такъ называютъ они главнаго жреца) направился, по приказанію моему, къ лодкамъ. Бучартъ и Вильсонъ шли по сторонамъ, нацѣливъ ружья ему въ голову, а я, чтобъ заставить его скорѣе идти, толкалъ его въ спину концемъ своего ружья. Приближеніе почти понудило меня приблизиться къ этому способу; я зналъ силу вліянія, которое имѣютъ жрецы на умъ этихъ варваровъ.

«Подойдя ближе къ лодкамъ, Намбети вдругъ остановился. Я понуждалъ его идти впередъ; но онъ рѣшительно отказывался, объявляя, что не пойдетъ далѣе, и что если я хочу, то могу убить его на мѣстѣ. Я страхалъ его смертію, спрашивая, отъ чего онъ не хочетъ идти на край берега? Онъ отвѣчалъ: «Вы хотите меня живаго затанцить на корабль, чтобъ предать мученіямъ.» Нѣкогда было терять времени; я запретилъ ему двигаться съ мѣста, и не спуская съ него ружей, мы шли пятясь, и достигли такимъ образомъ до одной изъ нашихъ лодокъ. Едва успѣли мы отчалить, какъ дикіе толпою кинулись къ берегу, привѣтствуя наше отплытіе несмѣтнымъ множествомъ стрѣлъ и камней; но вскорѣ мы были на такомъ разстояніи, что ни стрѣлы, ни камни не могли долетать.

«Увидѣвъ себя въ безопасности, мы благодарили святое Провидѣніе, и налегая сильнѣе на веслы, достигли до корабля, когда солнце совсѣмъ садилось.»

Вотъ рассказъ Диллона, не смотря на нѣкоторое неправдоподобіе, мы передаемъ его безъ измѣненій. Впрочемъ главная ошибка въ рассказѣ капитановъ купческихъ кораблей состоитъ не въ драматическихъ и часто вымышленныхъ повѣствованіяхъ по болѣе въ недостатокъ какого либо вѣрнаго документа, какого либо подробнаго описанія житей и народовъ, на нихъ обитающихъ. Изъ двухъ выписанныхъ нами эпизодовъ, можно имѣть понятіе о селеніяхъ Вап-геа, Нанпакабъ, Тафере и Бао. Можно ли показать на картѣ мѣста, ими занимаемыя, опредѣлить важность ихъ, и узнать путь къ нимъ ведущій? Плавающіе на купческихъ судахъ отъ

безпечности ли, или слѣдуя уже системѣ своей, скорѣе стараются рассказать намъ героическія приключенія путешествія своего, обязательства постороннія и ничтожныя, нежели доставить географическія свѣдѣнія о земляхъ, къ которымъ они приставали, свѣдѣнія, гораздо болѣе любопытныя и общепользныя.

Какъ бы то ни было, всѣ свѣдѣнія объ островахъ архипелага Вити, были необыкновенно невѣрны, когда капитанъ Дюрвилъ предпринялъ подробное обозрѣніе этихъ мѣстъ. Можно судить, какъ трудно и непріятно было исполненіе этого намѣренія, послѣ несчастій, постигшихъ его въ Тонга-табу. Онъ не имѣлъ ни малыхъ якорей, ни всего необходимаго для этихъ мѣстъ, гдѣ нужно безпрестанно класть якорь, и неожиданно снова сниматься. Безчисленные опасности ожидали *Астролибію*, среди моря покрытаго мелями; а въ случаѣ какого нибудь несчастія, экипажъ нашелъ бы на берегу дикихъ, жестокихъ губителей.

Не смотря на опасности и затрудненія, капитанъ Дюрвилъ не хотѣлъ уклониться отъ этой важной стороны своего предпріятія; на всѣхъ парусахъ онъ направился прямо къ группѣ острововъ Вити, отплылъ островокъ Батоа (Batoa) и 25 Мая 1827 года вошелъ съ экипажемъ своимъ въ проходы Онгъ-геа и Булангъ-га; по этому пути и не доходя до Лагвембы, онъ встрѣтилъ и отплылъ многіе примѣченные имъ острова. Близъ Онгъ-геа-лебу подошелъ къ Французскому корвету челнокъ съ Тонгайскими островитянами. Въ челнокѣ находился старшина семейства Фота-фанъ, по имени Муки; онъ вошелъ на *Астролибію* и вступилъ въ разговоръ съ капитаномъ. Отъ него узнали, что въ Лагвембѣ находился маленькій якорь, отъ потонувшаго близъ Батоа Американскаго судна. При состояніи, въ которомъ находился корветъ, предметъ этотъ былъ очень драгоцененъ, и по словамъ Муки, король Лагвембы, Туи-неао, отдалъ бы его безприсловно. Направившись къ Лагвембѣ на всѣхъ парусахъ, а челнокъ съ островитянами слѣдовалъ за корветомъ, оставя на корабль Испанца по имени Медіола, одного изъ спасшихся съ корабля *Conception* во время его крушенія.

Рѣшившись достать отъ островитянъ якорь, капитанъ Дюрвилъ подошелъ къ Лагвембѣ, тотчасъ послалъ на берегъ большую

вооруженную лодку, под начальством офицера Лотена. Дикій Муки и Испанецъ Медіола отирались въ ней въ качествѣ ходатаевъ и переводчиковъ. Лодка шла вдоль берега, и Г. Лотенъ, боясь внезапнаго нападенія, придерживался теченія. Сперва на берегу показалось очень мало жителей, но вскоре, когда извѣстіе о прибытіи лодки распространилось, въ далекъ появились вооруженные копьями и булавами дикари до 200 человекъ. Скромные и смиренные до того времени, они вдругъ сдѣлались докучливы и шумливы. Г. Лотенъ остерегался; онъ наблюдалъ за толпами, и старался предугадывать ихъ намѣренія. Наконецъ, видя, что дикіе направлялись къ лодкѣ, и стали ее тащить къ берегу, съ намѣреніемъ опрокинуть, онъ счелъ нужнымъ принять свои мѣры. (Рис. XXII.) Испанецъ и Тонгаецъ спрятались на дно лодки, дрожа всѣми членами: положеніе ихъ выражало болѣе нежели слова. Вѣрно было отчалить. Лодку оттолкнули отъ берега и возвратились къ кораблю безвредно.

Между тѣмъ *Астролябія* не оставалась безъ посѣтителей. Трое Испанцевъ, спасшіеся отъ кораблекрушенія того же корабля *Conception*, явились къ капитану Дюрвилю, рассказывая со слезами, что уже два или три капитана не хотѣли дать имъ убѣжища на своихъ корабляхъ, и умоляли Французскаго начальника быть великодушнѣе и гостепріимнѣе. Г. Дюрвиль взялъ ихъ, пассажирами, какъ и товарища ихъ Медіола. Съ ними были также люди довольно знатные съ архипелага Вити: Туренгъ-токи, братъ короля Лагвембы, Луа-лали его двоюродный братъ, метисъ отъ Тонгайца и Витянки, по выраженію фizioноміи и благородной наружности, совершенный Европеецъ, но съ курчавыми волосами и смуглый какъ Индіецъ. Наконецъ явился человекъ знатнѣе ихъ обоихъ, Тумбуа-накаро, племянникъ великаго Оривы, главнаго старшины Имбао и всѣхъ острововъ восточныхъ. Находясь тогда по дѣламъ въ Лагвембѣ, онъ вздумалъ посѣтить *Астролябію* и въ обхожденіи былъ скромнѣе и благороднѣе.

Посѣтители были еще на палубѣ, когда Г. Лотенъ возвратился и рассказалъ свое приключеніе. Туренгъ-токи и Луа-лали старались оправдать своихъ подданныхъ. Они приписывали это ни ненависти, нисколько любопытству и докучливости. Однако капитанъ Дюрвиль рѣшилъ вести перегово-

ры съ Туренгъ-токи объ якорѣ на корабль. Торгъ былъ заключенъ. Братъ короля обязался послать за нимъ самую большую изъ своихъ лодокъ; этимъ занялись; но съ наступленіемъ ночи принуждены были отложитъ до слѣдующаго дня окончаніе предпринятаго. Трое начальниковъ Вити съ тремя жителями Тонги, остались на корабль порокою.

Между тѣмъ море взволновалось и поднялся вѣтеръ, предвѣщавшій бурю; *Астролябія* не могла болѣе продолжать крейсировки вдоль этого берега. Выйдя въ море, корветъ былъ принужденъ въ теченіе двухъ днѣй плавать среди неизвѣстныхъ острововъ. Наконецъ 28 Мая утромъ, увидѣвъ, что теченіемъ его несло къ сѣверу, капитанъ Дюрвиль рѣшился смѣло продолжать свое изслѣдованіе, съ тѣмъ однако же, чтобы искать убѣжища, въ случаѣ переменъ погоды къ худшему.

Онъ осматривалъ по очереди и со вниманіемъ, острова Неоу, Данзіа, Бату-бара, Азата, Таби-уни и Лаудзала, упорствуя въ тягостномъ предпріятіи, не смотря на бурю, вздувшееся море и безчисленное множество подводныхъ камней, прикрытыхъ этими тревожными водами. 31 *Астролябія* попала въ лабиринтъ подводныхъ камней, плывя въ рукавъ между островами Лаудзала и Нугу-лаудзала, она старалась отыскать проходъ къ сѣверу. Неоднократно корветъ доходилъ до границъ мели, и всякій разъ его встрѣчала длинная полоса пѣны, неразрывная на огромномъ протяженіи; мѣсто было непроходимое. Капитанъ рѣшился нейти далѣе; направившись къ южнымъ берегамъ, онъ опять видѣлъ тѣ же острова, и кромѣ ихъ, Коро, Нейран и Нао; наконецъ неизвѣстный до того островокъ Муама.

Во время этого продолжительнаго гидрографическаго объѣзда, жители Вити и Тонги нехотя катились на *Астролябію*; они бранили бурю и волны, плакали, отчаявались, не зная, придется ли имъ опять увидѣть ихъ островъ. Братъ короля Лагвембы, Туренгъ-токи, плакалъ какъ ребенокъ; Луа-лали, былъ погруженъ въ ужасную горестъ. Тумбуа-накаро, одинъ умѣрялъ страхъ, предпринялъ смѣло приготовить себя ко всему худшему, и объявилъ, что ежели Французы хотѣтъ его увезти, то онъ готовъ путешествовать съ ними; но предавая себя ихъ власти, ходатайствовалъ за товари-

щей и настанвалъ, чтобъ отпустили Туренгтоки и Луа-лалу, людей знатныхъ, жены которыхъ будутъ неминуемо заръзаны, если бы они не вскорѣ возвратились.

На эти горестныя жалобы и просьбы, капитанъ Дюрвилъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не намѣревался увозить такихъ гостей, но что при первой хорошей погодѣ онъ въ цѣлости доставитъ ихъ на одинъ изъ острововъ. Доколь корветъ шелъ по направленію къ северу, начальники дикихъ не вѣрили этому обѣщанію, но поворотъ къ югу немного обнадежилъ ихъ, и когда увидѣвъ Муалу, имъ объявили, что намѣреваются ихъ отправить, восторгъ ихъ дошелъ до безумія. Муала была земля пріятельская.

2-го Іюня, дикіе сошли съ корабля, осыпанные подарками, и по видимому, признательные. Пребываніе Тубуа-накары на кораблѣ всѣхъ болѣе оставило воспоминаній: честный, степенный, храбрый, скромный, онъ кромѣ того съ дѣлательною услужливостію отвѣчалъ на всѣ дѣлаемые ему вопросы. Одаренный поспѣлостію, довольно свѣдущій для челоука его происхожденія, онъ умѣлъ дать подробный отчетъ о нравахъ и обычаяхъ этихъ народовъ. Онъ путешествовалъ по архипелагу и хорошо зналъ его. Ему извѣстно было имя каждаго открываемаго острова; извѣстія, которыя онъ сообщалъ намъ на этотъ счетъ, переводились Испанцами, хорошо знавшими туземный языкъ. И такъ пребываніе его на кораблѣ принесло большую пользу ученымъ этой экспедиціи: оно прибавило къ географическимъ открытіямъ земель точныя ихъ названія.

Послѣ пребыванія въ Муалѣ, *Астролябія* терпѣла еще нѣсколько отъ дурной погоды. 5 числа прошли 15 миль не въ далекомъ разстояніи отъ опасныхъ буруновъ, окружающихъ ю. в. сторону прекраснаго острова Вити-леву. Ночью, пустившись опять лавировать къ югу, для открытія острова, расположеннаго на картахъ въ разстояніи 30 миль отъ Вити-леву, корветъ едва успѣлъ пройти 12 миль, какъ вдругъ луна, показавшись изъ-за густыхъ облаковъ, освѣтила длинную полосу подводныхъ камней, которые бѣлѣлись на нѣсколько кабельтововъ. Черезъ пять минутъ, корабль разбился бы; но быстрое движеніе спасло его. *Астролябія* плыла по вѣтру, и ударила о камень. Предвѣщаніе было ужасное; всю ночь провели на стражѣ, и

днемъ увидѣли огромный бурунь, около группы большихъ и маленькихъ острововъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ Кадабона, который находится гораздо ближе отъ Вити-леву, нежели показано на картахъ: это и было причиною ночной ошибки.

Осмотрѣвъ еще разъ Умбегу и Кадабонъ, *Астролябія* направилась на сѣверъ къ Вити-леву; но рядъ буруновъ, которые были, можетъ, продолженіемъ видѣнныхъ ими накануне, опять преграждалъ фарватеръ. Седьмаго числа показался небольшой и пріятнаго вида островъ Вату-леле, и къ вечеру уже находились близъ ю. в. берега Вити-леву. Нѣсколько дружескихъ сношеній съ жителями большаго острова, были единственными воспоминаніемъ этого кратковременнаго пребыванія. Десятаго числа, показалось множество большихъ и малыхъ острововъ, составлявшихъ возвышенныя группы Мало-ло, Накаро, Битонго и Бивуа. Наконецъ 11 числа, корветъ дошелъ до опасныхъ мѣстъ, и принужденъ былъ удалиться отъ земли. Этимъ окончилось обозрѣніе острова Вити. Капитанъ Дюрвилъ отправился на всѣхъ парусахъ къ другимъ мѣстамъ, не менѣе важнымъ, означеннымъ въ его запискахъ.

Такимъ образомъ въ этомъ затруднительномъ плаваніи, корветъ, подвергаясь ежедневно непредвидѣннымъ опасностямъ, указалъ по крайней мѣрѣ правильно положеніе множества острововъ, до тѣхъ поръ наудачу на картѣ означенныхъ; онъ повѣрилъ прежнія открытія, и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ; опредѣлилъ старыя названія, и пріобрѣлъ новыя; онъ доставилъ точныя и новыя понятія о жителяхъ этихъ острововъ: свѣдѣнія, драгоцѣнныя для науки, вѣрные и полезныя указатели, которые ведутъ необходимо къ ближайшему и полному знакомству съ этими странами.

ГЛАВА XI.

Архипелагъ Вити. — Нравы. — Обычаи. Языкъ.

Выше уже сказано было, что жители Вити принадлежатъ къ племени Меланезійскому, и составляютъ самую красивую его отрасль. Большіе ростомъ, статные, проворные и мужеловатые, они неимѣютъ, подобно Полинезійцамъ, расположеніе къ тучности, которое

такъ часто встрѣчается даже въ жителяхъ Тонга. Верхняя часть лица ихъ широка, носъ широкій, толстый и сплюснутый, ротъ большой, губы толстыя, зубы бѣлые, брови густыя; по характеристическіе ихъ признаки заключаются въ законченномъ цвѣтѣ лица и курчавыхъ волосахъ, которые придаютъ ихъ лицамъ мрачный и суровый видъ.

Трудно бы было въ точности описать ихъ характеръ. Они давно извѣстны своею жестокостію и коварствомъ, это основано на неоспоримыхъ, кажется, событіяхъ. Впрочемъ до полученія подробнѣйшихъ свѣдѣній, не будемъ буквально вѣрить преувеличеннымъ рассказамъ тѣхъ изъ Европейскихъ путешественниковъ, которые болѣе всѣхъ вправъ жаловаться на этихъ дикарей. Если бы дикіе также могли изъяснять свои обиды, то, можетъ быть, оказалось бы, что оскорбленія были равны съ обѣихъ сторонъ, и что варварства островитянъ были возбуждены однимъ желаніемъ мести. Наблюдатели, вооруженные пушками, бывають обыкновенно не слишкомъ миролюбивы и кротки: они не бдѣтъ туземцевъ, но и не совѣстятся кормить ихъ картечью.

Невозможно однако же сомнѣваться въ людоедствѣ этихъ народовъ. Эта ужасная привычка, эта варварская склонность обнаруживается въ нихъ сильнѣе, нежели въ жителяхъ Новой Зеландіи. Въ Новой Зеландіи религія играетъ главную роль при жертвоприношеніяхъ человѣческихъ: она поощряетъ къ нимъ и умножаетъ ихъ; но въ архипелагѣ Вити одна только склонность, одно чувственное побужденіе влечетъ людоеда къ его звѣрскому аппетиту. Меринеръ рассказываетъ, что одинъ Тонгайскій эгуи присутствовалъ при пиршествѣ, данномъ двумя Витіеками вельможами. То былъ обѣдъ, вмѣстѣ ужасный и великолѣпный: онъ состоялъ изъ двухъ сотъ корзинъ, наполненныхъ ямсомъ, изъ двухъ сотъ курицъ, двухъ сотъ свиней и двухъ сотъ человѣческихъ труповъ, изжаренныхъ въ печи. Гости, частью съ Тонги, частью съ Вити, встали съ мѣста не прежде, какъ когда всѣ съѣстные припасы были поглощены. Впрочемъ, надо предполагать, что и въ Вити обычай этотъ имѣлъ нѣкоторымъ образомъ религіозную наружность, потому что Смитъ, о похожденіяхъ котораго мы не разъ упоминали, рассказываетъ, что трупы отдавались жрецамъ, которымъ поручено было готовить ихъ.

Жители Вити не имѣють почти никакой одежды, кромѣ маро. Весь нарядъ ихъ ограничивается убранствомъ волосъ, которые они красятъ, завивають, и причесываютъ на сто различныхъ ладовъ. Кромѣ обыкновеннаго татуированія Полинезійцевъ, многіе изъ народовъ Малазійскихъ покрываютъ тѣло выпуклыми узорами; это дѣлается посредствомъ глубокихъ прорѣзовъ, которые оставляють на кожѣ выпуклые слѣды.

Два большіе острова, по видимому, разделены на различныя поколѣнія, изъ которыхъ каждое признаетъ другихъ начальниковъ. Главный старшина Имбао, на восточной сторонѣ Вити-леву, носитъ титулъ Абуи-валу, и владѣтъ почти всѣми восточными землями. Упои-лебу, властитель западной части, пользуется, кажется, тоже большою силою. Вауа-лебу (Буа), Наипакабъ, Вуга и Даганъ-робе вѣроятно также имѣють своихъ не извѣстныхъ намъ монарховъ.

Ориво, начальникъ Имбао, говорятъ, имѣлъ сто женъ. Въ наследственномъ порядкѣ, престолъ переходитъ отъ старшихъ къ младшимъ, потомъ возвращается дѣтямъ старшихъ. Власть королей неограничена, лишь бы только они повиновались внушеніямъ жрецовъ. Жрецы называются намбео, или намбетти; главный изъ нихъ имѣетъ титулъ: намбетти-леву. У первосвященника три жены; онъ обладаетъ несмѣтными богатствами, состоящими изъ киповыхъ усовъ. Упоминають также о главной жрицѣ, называемой Намбетти-левуа, женѣ старшины остр. Нао. Всѣ эти лица имѣють большое вліяніе на умы жителей. Ихъ, кажется, не приглашають для исполненія какихъ либо обрядовъ при рожденіи или смерти; но въ случаѣ болѣзней, къ нимъ всегда прибѣгають.

О религіозныхъ понятіяхъ островитянъ почти нѣтъ свѣдѣній. Занъ-хуалу есть божество первостепенное. Калу есть божество *тамбу*, тоже что *табу* въ Полинезій. Второстепенные боги суть: Калу Ниуза, Рейро, Вазонги-тонха и проч. Жрица призываетъ богинь Гульо-раваро и Голи-коро. Всѣ эти существа обитають въ небѣ или нума-ланги.

Богъ, Ондень-ги или Ондень-гей, по мнѣнію островитянъ, сотворилъ небо, землю, всѣ предметы и всѣхъ боговъ. Они вѣрятъ, что послѣ смерти душа соединится съ Ондень-ги. Боги эти не изображены вѣщественно, но имѣють маленькія модельки или

священные дома, называемые *амбуръ*, гдѣ имъ приносятъ въ жертву свиней, бананы, разные ткани и проч. Подарки эти дѣлаются по случаю болѣзни родственника или начальника. После кончины одного изъ близкихъ, островитяне имѣютъ привычку отрѣзывать себѣ палецъ на рукѣ или ногѣ. Когда старшина умираетъ, то многихъ изъ женъ его убиваютъ на его могилѣ.

Начальники имѣютъ отъ десяти до ста женъ, смотря по состоянію. Мужчины низшаго происхожденія имѣютъ только одну. Дѣвицы выходятъ замужъ тотчасъ по вступленіи въ зрѣлый возрастъ; но мужчины не могутъ жениться прежде двадцати лѣтъ; они увѣрены, что если бы нарушили это воспрещеніе, то лишились бы жизни. Жену можетъ имѣть только тотъ, у кого выросла уже длинная борода.

Оба пола никогда не ѣдятъ вмѣстѣ. Рыбная ловля, кухня, заготовленіе пищи, дѣланіе тканей, суть занятія женщинъ; мужчины же ходятъ на войну, обрабатываютъ поля, строятъ челноки и дома.

У Витійцевъ кава въ большомъ употребленіи; но ботеля они вовсе не знаютъ. Они не бреютъ бороду. При рожденіи ребенку даютъ имя; когда вырастетъ, онъ переименуетъ его. На пятнадцатомъ году мальчиковъ обрѣзываютъ, употребляя для этого тоненькую и острую раковинку; кровотеченіе останавливаютъ лоскутомъ тонкой ткани. Жители вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ; но у нихъ обнаруживаются иногда любовнаго характера болѣзни. Тѣхъ изъ нихъ, которые лишаются ума, задушаютъ.

Самоубійство встрѣчается въ Вити; жители, обиженные старшинами, прибѣгаютъ иногда къ самопроизвольной смерти. Воровство также не рѣдко. Что же касается до наказаній, они совершенно зависятъ отъ старшинъ.

Между этими людьми нѣтъ обычая мѣняться именами въ знакъ дружества и братства, какъ у Полинезійцевъ. Но когда начальникъ убиваетъ врага, онъ принимаетъ его имя. Оружія островитянъ состоятъ изъ стрѣлъ, копій, и булавъ, самыя опасныя изъ нихъ послѣднихъ суть коротенькія округленныя на концѣ (Рис. XXIII. Ф. 1.) Дома и домашняя утварь походятъ на утварь и дома обитателей Тонга.

Витійцы выше всего цѣнятъ китовые усы; они служатъ имъ вмѣсто драгоценной моне-

ты. Они дѣлятся вдоль на четыре или пять частей; изъ нихъ дѣлаютъ еще ожерелья, которыя одни старшины имѣютъ право носить. Сокровища Оривы состоятъ болѣею частью изъ безчисленнаго множества этого матеріала.

На островахъ Вити находится разрядъ людей, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ Тонгайскими матабулеями; ихъ называютъ *матанивану*. Главныя обязанности ихъ состоятъ въ собираніи подати и всенародномъ возглашеніи рѣчей. Въ архипелагѣ этомъ встрѣчаются также и невольники обоего пола, извѣстные подъ названіемъ канси. Ориво имѣетъ сто невольниковъ мужескаго пола.

Послѣ сраженія, когда побѣдители уносятъ тѣла убитыхъ, чтобы рѣзать ихъ на куски и жарить, они все хоромъ начинаютъ пѣніе, слова котораго переданы старшиною Тумбуа-накаро, Г. Гемару; но онъ не умѣлъ изъяснить значенія ихъ. То же самое было и съ *Миге* Ново-Зеландцевъ; Г. Дюрвилль имѣлъ рукопись, но никакъ не могъ достать истолкованія ея.

Языкъ Витійскій, хотя и перемѣняемый съ нѣкоторыми Тонгайскими словами, значительно различается отъ всѣхъ Полинезійскихъ нарѣчій. Въ немъ уже часто встрѣчаются буквы *м* и *н* въ началѣ словъ и даже предъ согласными. Это, по замѣчанію Дюрвиля, часто повторяется въ нарѣчіяхъ многихъ народовъ чернаго племени; встрѣчается и въ Контскомъ языкѣ, и въ ротловѣ другихъ древнихъ Египетскихъ нарѣчій.

Извѣстныя до сихъ поръ произведенія острововъ Вити, по видимому, тѣ же какъ и на островахъ, лежащихъ ближе къ востоку. Впрочемъ надо полагать, что на обширныхъ и высокихъ земляхъ Вануа-лебу и Вити-леву находятся произведенія другаго рода, не принадлежація почвѣ Полинезійской; переходъ необходимый и усиленный отъ бѣдныхъ и ограниченныхъ произрастеній вос. острововъ, къ изобильнымъ и разнообразнымъ произведеніямъ Флоры острововъ западныхъ.

Если вѣрить рассказамъ Меринера, то жители По, на островахъ Вити, въ началѣ этого столѣтія видѣли плавающую близъ морскаго берега исполинской величины лисеричу. Она поглотила многихъ изъ купавшихся поочередно; обстоятельство это привело въ ужасъ все народонаселеніе. Островитяне соединились, съ тѣмъ чтобы умертвить чудовище, но стрѣлы отскакивали и притупля-

лись очешую его. Тогда дикіе вообразили себѣ, что то было злоторное божество, посланное съ неба, для истребленія ихъ, и рѣшились съ самоотверженіемъ вытерпѣть нападеніе страшнаго животнаго. Одинъ только старый, неустрашимый и опытный воинъ предпринялъ избавить страну отъ этого бѣдствія. Онъ велѣлъ приготовить крѣпкую веревку, которую привязали однимъ концемъ къ дереву, у другаго же конца стали пятнадцать челоувѣкъ готовые дѣйствовать. Только что показалась лщерица, храбрый воинъ смѣло пошелъ къ ней встрѣчу и такъ ловко закинулъ петлю, что голова и лапы животнаго попали въ нее; тогда люди, которые держали другой конецъ веревки, сильно дернули, и животное было поймано и схвачено, не смотря на удивительныя усилія, чтобъ освободиться. На него напали толпою, и убили булавами; послѣ чего, по обыкновенію, побѣжденнаго изжарили и съѣли лучшія части. По разсказамъ стариковъ, мясо было чрезвычайное вкусно.

Ужасная лщерица была вѣроятно кайманъ, водоземное животное, найденное послѣ того Г. Дюрвилемъ у береговъ Новой Ирландіи; отъ одного острова къ другому оно могло распространиться до самаго архипелага Вити.

ГЛАВА XII.

Ново-Гебридскіе острова. Географія. Исторія.

Океанія только что удалась отъ острововъ Вити, на вѣсѣхъ парусахъ направлялась къ Новымъ-Гебридамъ, какъ горестное событіе повергло экипажъ въ глубокую печаль. Несчастный Филиппъ давно уже былъ опасно боленъ; сильный кровавый поносъ, на которую вначалѣ не обратили вниманія, усилившаяся еще отъ образа жизни, наблюдаемаго на экипажѣ, убивала понемногу добраго моряка. Болѣзнь долго тянулась, прерываясь по временамъ. При малѣйшемъ облегченіи, Филиппъ выходилъ на палубу и не позволялъ другимъ исполнять свои обязанности. Но веселость его исчезла, здоровье и полнота пропадали; онъ худѣлъ со дня на день. Съ самаго отъѣзда изъ Тонга, болѣй не выходилъ изъ своей койки: ему суждено было уже не вставать. Пендлестонъ, един-

ственный докторъ на кораблѣ, истощилъ надъ нимъ все старанія и все искусство свое. Пять ночей онъ просидѣлъ у изголовья Филиппа; заботясь о немъ, какъ о своемъ сынѣ; онъ употребилъ почти всю свою аптеку, и привелъ въ исполненіе лучшія предписанія Англійской медицины. Ничто не могло остановить хода болѣзненнаго припадка; который, какъ бы вопреки желаній, видимо свирѣлѣлъ.

5 Іюня поутру Филиппъ былъ при последнемъ издыханіи. Я сидѣлъ у койки его. «Не смѣю просить Пендлестона,» сказалъ онъ мнѣ тихимъ голосомъ, «но я бы хотѣлъ умереть на палубѣ, въ виду моря, подѣлѣ вахтенной скамьи и подѣ распущенными парусами; въ каютѣ воздухъ такой тяжелый; мнѣ бы легче было наверху.» — Я передалъ капитану желаніе умирающаго. «Конечно,» отвѣчалъ онъ мнѣ со слезами на глазахъ; «пусть дѣлаютъ все, что онъ проситъ.» Мнѣ дали четырехъ рабочихъ, для исполненія приказаній моихъ. Мы тихо и съ осторожностію отвязали койку больнаго, внесли ее на корму, гдѣ привязали ее удобнѣйшимъ образомъ. Когда бѣдный нашъ Филиппъ увидѣлъ океанъ, глаза его оживились, мертвое лицо покрылось какимъ то багровымъ огнемъ; онъ протянулъ руки, и видимо хотѣлъ приподняться. Но мощь дупін не могла сообщиться тѣлу: Филиппъ упалъ назадъ. Движеніе это впрочемъ было послѣднимъ. Послѣ этого испытанія силъ своихъ, достойный морякъ, сложилъ накрестъ руки, и въ безмолвномъ восторгѣ съ веселымъ и довольнымъ видомъ смотрѣлъ то на море, то на паруса, то на снасти: казалось, онъ прощался съ корветомъ какъ братъ, а съ моремъ какъ старый его пріятель. Мысль о предметахъ земныхъ возродилась въ немъ уже позже, при последнемъ его часѣ. Пендлестонъ приблизился тогда къ койкѣ. «Капитанъ,» сказалъ онъ ему; вы будете опекуномъ моихъ дѣтей; вы будете заботиться о состояніи ихъ. Послѣднія желанія мои написаны: вы найдете ихъ въ моемъ ящикѣ, вмѣстѣ съ описью небольшого моего имуществва. Я хочу, чтобъ Томъ былъ морякомъ, какъ я, и чтобъ Нелли вышла замужъ за моряка.» Произнеся это, Филиппъ ничего уже не могъ выговорить внятнаго. Онъ бормоталъ псалмы, пока не началась судорожная икота. Предсмертный стонъ продолжался съ четверть часа. Филиппъ вдругъ выпрямился, и испустилъ духъ.

Весь экипажъ присутствовалъ при его кон-

чили на палубѣ и среди дна Филиппъ былъ любимымъ матросами; эти добрые люди оплакивали его. Вечеру въ тотъ же день, парусной мастеръ съ помощниками подошли къ покойнику, чтобы занести его въ койку, долженствовавшую служить ему саваномъ. Тѣло одѣли въ лучшее платье, привязали къ ногамъ два ядра, потомъ крѣпко зашили этотъ свертокъ, похитившій наружностію на Египетскую мумію. Все вмѣстѣ, положили въ рѣшетчатую корзину и перенесли на гака-бортъ. Два фонаря горѣли всю ночь надъ покойникомъ, прикрытымъ флагомъ Союза. Зрѣлище было печально и величественно. Въ продолженіе всей ночи, никому на *Океаніи* не впадало бы на мысль уснуть. Говорили очень мало и тихо, и почти все объ умершемъ; вътеръ и море также совершенно стихли: казалось, и они раздѣляли общую грусть.

На другой день въ одиннадцатомъ часу совершилось погребеніе. Одинъ нижній паруса оставлены были для управленія корветомъ; всѣ верхніе реи были сложены крестомъ, и корабельный флагъ былъ спущенъ до половины мачты. По данному Пендлетонъ знаку, большой колоколъ возвѣстилъ начало церемоніи; чтобъ придать звуку его плачевный и глухой звукъ, языкъ обернулъ паклею. При этомъ знакомъ звукъ, всѣ матросы взошли на палубу и разстѣллись одинъ за другимъ, на галлерей, у малыхъ мачтъ, вокругъ большой мачты и на шканцахъ. Нѣсколько марсовыхъ взлѣзли на мачты. Потомъ шесть человекъ въ полной формѣ пошли за корзиною, въ которой лежало тѣло моряка: такимъ образомъ подошли они въ должномъ порядкѣ къ вѣсть-реему и поставили пошу свою къ лѣстницѣ шкафута. Оттуда надо было бросить ее въ море.

Настала торжественная минута. Три пушечные выстрѣла возвѣстили ее. Пендлетонъ, капеланъ корабля своего, также какъ онъ былъ и докторомъ, подошелъ къ гробу и произнесъ слѣдующую молитву, которую всѣ матросы повторяли вслѣдъ за нимъ:

«Всемогущему Богу, въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ угодно было призвать къ себѣ душу возлюбленнаго брата нашего, здѣсь лежащаго, и потому мы предаемъ тѣло его морю, но только до воскресенія общаго, ибо тогда и море: представить своихъ мертвыхъ къ жизни будущей.»

Въ ту минуту, какъ Пендлетонъ произно-

силъ слова: «мы предаемъ тѣло его морю», два матроса нагнулись, огvizали флагъ, прикрывавшій брѣнные остатки усопшаго, и бросили корзину въ волны. Молитва только что кончилась, какъ тѣло, отягощенное двумя ядрами, погрузилось въ океанъ, оставляя за собою на поверхности его быстрыя волны и круги. Потомъ все стихло на морѣ и на кораблѣ, молитва замолкла, и слѣдъ исчезъ на водѣ. Три другіе пушечные выстрѣла окончили погребальный обрядъ.

Такъ лишился я одного изъ моихъ спутниковъ, добраго Филиппа, оригинальное чистосердечіе котораго доставляло мнѣ столь частыя и пріятныя развлеченія. Я былъ знакомъ съ нимъ недавно, но жалѣлъ о немъ, какъ о старомъ другѣ. Что такое корабль? Семейный тѣсный кругъ; мы невольно привязываемся къ тѣмъ, кто его составляетъ, и горько оплакиваемъ выбывающихъ. Отсутствіе, смерть одного, въ обществѣ едва замѣтна, но на кораблѣ она поражаетъ и занимаетъ на долгое время.

Седьмого Іюня, на другой день похоронъ Филиппа, облака упорно скопившіеся на одной точкѣ небосклона, обнаружили намъ землю. То былъ Еронанъ. Пендлетонъ рѣшился бросить якорь въ архипелагъ, чтобъ удостовѣриться, до какой степени надлежало вѣрить недавнимъ рассказамъ капитановъ нѣкоторыхъ коммерческихъ судовъ. По словамъ ихъ, подводныя скалы, окружающія островъ Ганна, изобиловали трипангами, агоры, находящіяся на срединѣ, садаломъ. Они увѣрили, что большія выгоды ожидали корабль, который остановится тамъ.

До того времени, *Океанія* плыла все по благодатному морю при ю. в. вѣтрѣ; все, казалось, благопріятствовало его открытіямъ. Пендлетонъ приказалъ направляться къ Ново-Гебридскимъ островамъ. Коническая оконечность Еронапа уже отдѣлилась отъ облаковъ, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно паруса обстѣпало; вѣтръ изъ ю. в. перешелъ въ ю. з. и мы вышли изъ вѣтра. Лейтенантъ Рембоу, находившійся на вахтѣ, сердился, ругалъ и посылалъ всѣхъ къ чорту. Если бы Пендлетонъ не выбѣжалъ на его крикъ, мачты *Океаніи* вѣроятно потеряли бы поврежденіе.

Въ пять минутъ, искусный мореходецъ все поправилъ; корветъ пошелъ лѣвымъ галсомъ на с. з. Конечно, путь этотъ отдалялъ насъ отъ земли; но держаться прямо не

было возможности; къ тому же, вѣтеръ, перемѣнившись на ю. з., сдѣлался неровнымъ и бурнымъ; онъ дулъ сильными порывами, и казалось, колебался между 5 и 6 румбами компаса. Мы были тогда въ виду Таинна, въ Гебридахъ, гдѣ Пендлстонъ полагалъ бросить якорь. Но теченіе, качка и вѣтеръ безпрестанно удаляли насъ. Напрасно старались посредствомъ лавировки подвинуться впередъ; верхушка Таинна мало по малу убѣгала отъ насъ и исчезала въ облакахъ. Ночью только слабый свѣтъ возвыщалъ намъ вдали положеніе волкана. Наконецъ послѣ осмидневнаго труднаго и безуспѣшнаго плаванія, мы прошли уже всю цѣпь Ново-Гебридскихъ острововъ, и находились между островами Фатака и Тикопіа: одинъ лежалъ на востокъ отъ насъ, другой на западъ. Пендлстонъ отказался отъ обозрѣнія этихъ острововъ, следовательно и не имѣлъ случая самъ осмотрѣть ихъ, и долженъ былъ довольствоваться замѣчаніями, сдѣланными другими, болѣе счастливыми мореходцами.

Обращаясь къ открытію этого архипелага, мы прежде всѣхъ встрѣчаемъ Испанца Квироса; онъ первый видѣлъ Ново-Гебридскіе острова. Посланный для открытія большихъ Австральскихъ земель, онъ узналъ отъ жителей Таумака, что на югъ отъ ихъ острова есть группа, называемая Манникола, гдѣ живутъ люди бѣлые, черные и мулаты. Руководствуясь этими нелѣпыми свѣдѣніями, онъ направился прямо на югъ, и 25 Апрѣля 1606 года, открылъ подъ 14° 30', широты нѣсколько высокихъ острововъ, изъ которыхъ одинъ названъ былъ *Нуэстра Сеньора-де Лусъ*. Берега эти были крутые, опасные и безпрестанно перерѣзанные водопадами, сливавшимися въ море.

Смотря съ открытаго моря, земля казалась покрытою плантаціями. Жители, выбѣжавъ на побережье при видѣ плывущаго на всѣхъ парусахъ корабля, махали кокосовыми вѣтвями, зазывали къ себѣ Испанцевъ криками, знаками; огоньками, раскладываемыми на горахъ. Квиросъ послалъ на землю офицера съ 20 солдатами, вооруженными ружьями и круглыми топорами. Они вошли въ прекрасную рѣчку, протекающую между двухъ утесовъ; на берегу нашлось множество свиней. Дикіе были трехъ различныхъ цвѣтовъ: одни совершенно черные, другіе бѣлые съ рыжими бородами, и наконецъ мулаты. Испанцы знаками изъясняли жителямъ дружеское рас-

положеніе, но въ то время уже начинали проявляться немилослюбивые дѣйствія. Одинъ изъ дикихъ съ вершинны утеса бросился въ воду и впасть достигъ до лодки. Его схватили, «ибо, говоритъ реляція, онъ казался чрезвычайно храбръ и силенъ, а по тѣлодвиженіямъ и выраженію лица, отъ него нельзя было ожидать добраго.» Трудно однако же догадаться, какой вредъ могъ нанести одинъ человекъ 20 вооруженнымъ. Дикій вѣроятно былъ старшина: такъ полагали по браслетамъ изъ кабаньихъ клыковъ; украшенію, принятому за отличіе тѣмъ болѣе, что другой островитянинъ, пойманный хитростью, не имѣлъ ничего подобнаго. Чтобы удержать этихъ людей, ноги ихъ были скованы; шлюбка поплыла назадъ къ кораблю. Болѣе участливая его ожидала; одинъ изъ плѣнныхъ расторгъ свои оковы и бросился въ воду, таща за собою конецъ цѣпи. Но было уже довольно темно; онъ не могъ добраться до земли и снова былъ принятъ на палубу. Квиросъ принялъ ихъ ласково, успокоилъ, велѣлъ имъ выбрить бороды и волосы, одѣлъ ихъ красною тафтою и приказалъ отвести обратно на берегъ, куда послалъ вмѣстѣ съ ними нѣсколько кусковъ матерій, долженствовавшихъ служить для обмена на съестные припасы. Все было въ точности исполнено. Старшина, бывший въ неволѣ у Испанцевъ, оказалъ въ обменахъ чрезвычайное великодушіе и благодарность. Онъ наполнилъ лодки свиньями, ямсомъ, пататами, и наиболѣе прекрасными и вкусными бананами. Поощренный этими сношеніями, Квиросъ рѣшился продлить время своего пребыванія близъ этихъ острововъ. Онъ пытался даже, если вѣрить его словамъ, основать тамъ родъ колоніи. Вотъ впрочемъ собственный его разсказъ, немного баснословный и преувеличенный, но простой, непритворный и характеристическій по впечатлѣніямъ и по самому времени.

«Мы продолжали,» говоритъ онъ, «при видѣ другаго гораздо многочисленнѣшаго племени, плыть на лодкѣ вдоль берега; люди эти были высоки, болѣе пепельнаго цвѣта, нежели предъидущіе. Кажется, они принадлежали низшему сословію. Вскорѣ послѣ изъясненія знаками дружескаго расположенія, всѣ женщины внезапно убѣжали къ лѣсу, а мужчины пустили въ насъ цѣлую тучу стрѣлъ; одна изъ нихъ нанесла небольшую рану солдату, Испанцу, въ лице. Ружейные наши выстрѣлы заставили ихъ тотчасъ раскатыться въ

этой хитрости; между тѣмъ ночь наступала и лодка возвратилась къ флоту, чтобъ разсказать о случившемся.

«Желаніе подробно узнать обширную землю, видѣнную на ю. в., заставило насъ сняться съ якоря. Люди, посланные туда 30 Апрѣля, объявили, что нашли довольно широкую и хорошо защищенную бухту въ 30. брассовъ глубины, удобную для якорной стоянки. Они говорили еще, что берегъ далеко выдается впередъ, изгибался потомъ къ S. S. W.; что жители закигали, для привлеченія ихъ вниманія, по горамъ огни; что они были велики ростомъ и вышли къ намъ на встрѣчу въ челнокахъ, знаками желая выразить дружеское, хотя вовсе не искреннее, какъ мы въ послѣдствіи испытали, и подарили намъ безподобный султанъ изъ перьевъ. Донесеніе это чрезвычайно обрадовало экипажъ, который открытіемъ этой обширной земли и хорошей гавани, достигъ уже цѣли своихъ желаній. Мая 1 дня эскадра вошла въ заливъ, названный тутъ же, въ честь святыхъ того дня, заливомъ Св. Якова и Св. Филиппа. Входъ бухты имѣлъ до восьми лигъ раскрытія, которое идетъ по направленію отъ с. на ю., восточная сторона тянется на 12, а западная почти на 15 миль (подъ шир. 15° 40'). 3 Мая мы бросили якорь въ удобномъ мѣстѣ, при устьѣ двухъ рѣкъ, на чистомъ песчаномъ днѣ, на глубинѣ 40 брассовъ. Окружившіе насъ въ челнокахъ Индійцы знаками приглашали идти впередъ; но мы не сочли за пужное сѣдовать ихъ желанію. Это было въ самый день Обрѣтенія Честнаго Креста, и потому мы назвали этотъ портъ Вера-крузъ, а твердую землю, Австральскою землею Св. Духа; одна рѣка получила названіе Іордана, другая была наименована рѣкою Спасителя. Берега этихъ двухъ рѣкъ, усыпанные цвѣтами и роскошною зеленью были совершенно очаровательны. Морское побережье широко, отлого, и такъ хорошо защищено отъ вѣтра, что какъ бы онъ ни бушевалъ въ заливѣ, воды оставались тихи и спокойны въ этомъ углубленіи; берегъ до самаго подножья горъ покрытъ деревьями; горы, зеленѣющіяся, какъ и равнины, раздѣлены пространными и обильными долинами, орошаемыми рѣками; однимъ словомъ, нѣтъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ столь живописнаго мѣстоположенія. На этой чрезвычайно плодородной землѣ произрастаютъ почти безъ обработки плоды превосходнаго вкуса, пататы, ямсъ, ананасъ, по-

путникъ; апельсины, сладкіе лимоны, миндаль, обосы и множество другихъ вовсе намъ не извѣстныхъ; тамъ находятся также алоэ, мускатные орѣхи, черное дерево; водятся курицы и свиньи; а глубже, во внутренности острова, судя по указанію туземцевъ, можно было найти крупный скотъ, пѣвчихъ птицъ куропатокъ, тетеревей, попугаевъ и пчелъ. Жители черные; они обитаютъ въ хижинахъ, крытыхъ соломой. Страна эта подвержена землетрясеніямъ, что доказываетъ уже, что твердая земля занимаетъ довольно большое пространство.

«Люди, казалось, были весьма довольны нашимъ прибытіемъ; когда мы сошли на землю, старшина ихъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и поднесъ нѣсколько плодовъ, показывая намъ знаками, чтобъ мы удалились; но какъ мы все не желали повиноваться, то онъ провелъ черту по песку, какъ бы означая, чтобъ мы не смѣли перешагнуть за нее, и точно, едва Торресъ переступилъ за нее, они пустили нѣсколько стрѣлъ, что побудило насъ также стрѣлять; причемъ нѣсколько человекъ были убиты, и между ними старшина; всѣ тотчасъ убѣжали къ горамъ. Другой отрядъ нашихъ матросовъ направился въ противоположную сторону искать съѣстныхъ припасовъ, и стараться завести сношенія съ туземцами. Но туземцы такого дурнаго нрава, что нѣтъ ни какой возможности быть съ ними въ пріязни. Когда мы проходили, они всегда стрѣляли въ насъ, но безъ успѣха; ибо вѣтви, останавливая полетъ ихъ стрѣлъ, не могли защищать ихъ отъ нашихъ пуль. Мы провели тамъ нѣсколько дней, для отдохновенія отъ трудовъ, отслужили божественную литургію въ шалашѣ, сплетенномъ изъ вѣтвей, среди прекрасной, усаженной деревьями, дороги, отпраздновали тамъ праздникъ Христовъ, воздвигнули крестъ и приняли землю во владѣніе короля Филиппа III. Однажды толпа нашихъ матросовъ, ища овощей, открыла съ высоты горъ прекрасную долину, перешла ее, и съ вершины другой горы, въ двухъ миляхъ уже отъ берега, услышала барабанный бой. Это возбудило въ нихъ любопытство, они рѣшились тихонько подкрасться къ мѣсту, откуда слышался шумъ. Испанцы пробрались къ жилищу, гдѣ дикіе безпечно плясали. Завидѣвъ матросовъ, они покинули женъ и дѣтей и всѣ убѣжали въ горы; Испанцы вскорѣ увѣрились, что эти люди скрылись только отъ того, что были безоружны. Матросы остава-

лись полными хозяевами этого жилища, вошли въ хижины, увели трехъ ребятнишек и четырнадцать свиней; торопясь возвратиться къ намъ до прихода Индійцевъ, ибо были безъ всякой помощи и изнурены усталостью. Проходя снова по этой прекрасной долине, они слышали крики островитянъ, сопровождаемые стукомъ барабана, выдланнаго изъ ния пустаго дерева. Люди наши, страшась быть пойманными, побѣжали со всѣхъ ногъ къ подошвѣ горы, взобрались на вершину столь быстро, сколько имъ дозволила то тяжелая ихъ ноша. Но необходимость перевести духъ заставила ихъ остановиться на нѣсколько минутъ. Дикіе подоспѣли между тѣмъ, и громко крикнувъ, по обыкновенію, пустили въ нашихъ безчисленное множество стрѣлъ, изъ которыхъ, къ счастью, ни одна ни въ кого не попала. Ружейные выстрѣлы послышались имъ въ отвѣтъ; многіе были ранены и тогда отступили, но не на долго: дикіе снова погнались за матросами по скату горы до самаго берега, такъ, что они принуждены были ретироваться зарядить ружья и отстрѣливаться отъ преслѣдователей. Но не смотря на раны и смерть, наносимыя нашимъ оружіемъ, дикіе не останавливались; встѣпивъ всѣ свои стрѣлы, они стали на высоты и бросали въ матросовъ огромными камнями. Впрочемъ, одному только изъ Испанцевъ переломилъ руку въ этомъ опасномъ отступленіи; другіе остались невредимы. Матросы выдержали всѣ нападенія съ удивительною храбростью, не покинувъ своей добычи. Услышавъ пушечные выстрѣлы съ корабля, и увидѣвъ, что со всѣхъ сторонъ снѣзаться къ нашимъ на помощь, Индійцы прекратили свои преслѣдованія и спаслись въ горы.

«Послѣ кратковременнаго пребыванія въ этомъ небольшомъ заливѣ, корабли снялись съ якоря, и мы пустились въ путь, но вскорѣ принуждены были вернуться, ибо люди почти всѣ внезапно занемогли, до того, что нѣкому было исправлять работу. Приключеніе это нельзя было примѣнить къ свойству рыбы, которую мы во множествѣ ѣли въ заливѣ; полагали, что рыба, можетъ быть, питалась какою нибудь другою ядовитою рыбою, или была чищена и рѣзана на ядовитой травѣ. Въ короткое время оба наши корабля сдѣлались подобными госпиталямъ очумленнаго города. Люди до того занемогли, что полагали, что они болѣе уже не встанутъ; но докторъ, хотя и сами чрезвычайно были нездо-

ровы, пользовали ихъ съ такимъ стараніемъ и искусствомъ, что болѣзнь вскорѣ прекратилась и ни одинъ изъ матросовъ не умеръ. Во время вторичнаго нашего пребыванія, мы нѣсколько разъ выходили на землю, отпустили даже дѣтей, увезенныхъ изъ хижины, въ надеждѣ, что они послужатъ орудіемъ къ дружественному между нами союзу, но это не состоялось, и мы снова спялись съ якоря. Пятаго Іюня поспѣшно осмотрѣвъ острова, лежащіе на вѣтрѣ, мы заняли ихъ во имя короля, и основали тамъ селеніе, какъ сдѣлали уже то въ заливѣ, гдѣ построили городъ, называемый Новымъ Іерусалимомъ, въ которомъ поселили алькодовъ, корегидоровъ и другихъ королевскихъ чиновниковъ. Среди открытаго моря вѣтрѣ былъ противный и море было такъ взволновано, что передняя часть кораблей часто совершенно покрывалась водою. Это принудило насъ снова войти въ заливъ. Оба корабля и маленькое судно съ опасностью плыли къ нему въ продолженіе двухъ сутокъ; на третій день два изъ нихъ дошли до рѣчки и бросили якорь въ хорошо защищенномъ мѣстѣ, несравненно углубленіе того, гдѣ мы передъ тѣмъ останавливались. Но главная галера нашего флота никакъ не могла къ нему подойти, и подверглась въ заливѣ столькимъ опасностямъ, что принуждена была выйти въ открытое море, откуда, безпрестанно относимая вѣтромъ, никакъ не могла попасть въ бухту.»

Тутъ оканчивается разсказъ Г. Квироза о Ново-Гибридскихъ островахъ. Не смотря на ясныя и точныя подробности, Земля Св. Духа, показанная Испанскимъ мореплавателемъ, казалась совершенно потерянною для географовъ, до тѣхъ поръ, пока Бугенвиль и Кукъ снова не подтвердили разсказовъ Квироза и Торреса.

Бугенвиль, находясь 28 Мая 1768 года въ этихъ мѣстахъ, увидѣлъ двѣ возвышенныя земли, которыя назвалъ Тропцею и Авророю, потомъ къ сѣверу отъ нихъ еще небольшою островкомъ, имѣющій видъ сахарной головы; и наконецъ, ближе къ востоку, третій островъ, несравненно выше всѣхъ прочихъ и совершенно покрытый лѣсомъ. Байдары плавали около берега, не показывая ни малѣйшаго желанія приблизиться къ кораблямъ. Въ различныхъ мѣстахъ острова дымъ столбами тянулся въ воздухъ, что и заставило полагать, что земля многолюдна.

Когда подошли ближе къ берегу, Бугенвиль послалъ три лодки для осмотра острова. Увидѣвъ матросовъ, дикіе, вооруженные луками и стрѣлами, не хотѣли было допустить ихъ высадиться; но какъ Французы, не смотря на это, прямо продолжали путь свой, то островитяне отступили на нѣкоторое разстояніе и приняли оборонительное положеніе. Напрасно имъ знаками старались показать дружелюбное расположеніе, напрасно къ нимъ подходили спокойно безъ оружія, они все отступали. Наконецъ принцъ Нассаускій, находившійся въ этой экспедиціи по собственному желанію, одинъ вышелъ впередъ къ дикимъ. Увидѣвъ, что онъ никѣмъ не сопровождается, они остановились. Этимъ воспользовались, чтобы вымѣнять у нихъ на Европейскія бездѣлки нѣсколько плодовъ; но когда просили оружія, они отказывали и снова принимали важный и суровый видъ. Многіе изъ нихъ держали пращи въ готовности къ бою. Догадались, что они вѣроятно находились въ войнѣ съ сѣднимъ племенемъ и ожидали неминуемой битвы. Точно, въ скоромъ времени съ западной стороны острова появилась толпа совершенно различныхъ съ ними дикихъ, которая построилась передъ этою небольшою арміею; присутствіе Французовъ воспренятствовало однако же сраженію.

Между тѣмъ Бугенвиль наполнялъ лодки свои дровами и фруктами, и приказавъ вырѣзать на дубовой дощечкѣ актъ принятія этихъ острововъ во владѣніе Франціи, велѣлъ зарыть подъ деревомъ это тѣсное доказательство мечтательнаго своего владычества. Удовлетворивъ своему тщеславію, Французы обратно поплыли къ судамъ; этой пменномъ пути и ожидали дикіе. Увидѣвъ, что лодки двинулись въ открытое море, они бросились на берегъ и пустились вслѣдъ за ними безчисленное множество стрѣлъ и каменьевъ, Европейцы отвѣчали имъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами на воздухъ, но видя, что упорство осаждающихъ можетъ сдѣлать опасно, они стали отвѣчать на ихъ покушенія мѣткими и частыми ружейными выстрѣлами. Едва нѣсколько жертвъ пало въ рядахъ дикарей, толпы съ ужаснымъ ревомъ кинулись въ лѣсъ, тинувшійся до самаго прибрежья.

Бугенвиль различилъ на этихъ островахъ людей двухъ породъ: одни были совершенно черные, другіе мулаты; у тѣхъ и другихъ гу-

бы были толстые, волосы шерствидные; и чрезвычайно некрасивыя лица; эти дикари худо сложены и искажены проказою: обстоятельство, побудившее Бугенвиля назвать эту землю островомъ Прокаженныхъ. Французы видѣли мало женщинъ, и тѣ были столь же отвратительны, какъ мужчины. Мужчины ходили нагѣ, едва прикрывая нѣкоторыя части тѣла; женщины, также полунагѣ, носили дѣтей въ чемъ то похожемъ на шарфы, изъ ткани, нѣсколько сходствующей съ папирусомъ, испещренной красными узорами и отороченной каймою яркаго краснаго цвѣта. Бороды у мужчинъ были весьма коротки; хрящъ между ноздрями проткнутъ у нихъ для привѣщиванья различныхъ украшеній; на рукахъ они носятъ браслеты изъ кабаньихъ клыковъ, а на шеѣ черепаховыя бляхи. Оружіе ихъ состоитъ изъ буловъ, луковъ, стрѣлъ, камышовыхъ тростей съ заостренными костяными наконечниками, сабель изъ твердаго дерева, и наконецъ изъ каменьевъ, которые они швыряли пращами или просто руками. Таинственный Утуру, находившійся на кораблѣ Бугенвиля, не понималъ ни слова туземнаго нарѣчія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ экипажъ вышелъ на землю, берегъ постепенно возвышаясь, былъ покрытъ густымъ лѣсомъ. Собранные тутъ плоды были вкусомъ несравнено хуже тѣхъ, которые росли на островахъ Таити; тропики въ этомъ лѣсу протоптаны во все стороны; кой гдѣ встрѣчались изгороды или заборники, назначенія которыхъ не могли угадать. Видѣли пять или шесть палатокъ, столь низкихъ, что входить въ нихъ нельзя было иначе, какъ ползкомъ.

Въ продолженіе двухъ или трехъ сутокъ, безвѣтріе удерживало корабли Бугенвиля въ небольшомъ бассейнѣ, образованномъ приподою среди возвышеній. Мая 26 мореплавателъ подошелъ къ западному возвышенію. Это мѣсто, по словамъ его, было покрыто деревьями и хорошо обработанными полями. Нѣсколько челноковъ съ людьми подѣхали къ намъ, но не смотря на приглашенія, держались отъ насъ почти на ружейный выстрѣлъ. Весь берегъ, подобно муравейнику, былъ засѣянъ черными головами.

Бугенвиль хотѣлъ предпринять вторую рекогносцировку, для ближайшаго знакомства съ островомъ. Замѣтивъ углубленіе, образующее родъ пристани, онъ послалъ вооруженныя лодки, чтобъ осмотрѣть его; между тѣмъ какъ самъ на кораблѣхъ крейсировалъ

на милю разстояніемъ отъ берега. Одна изъ этихъ лодокъ, отдѣлившись отъ прочихъ, была внезапно осыпана стрѣлами, на которыя отвѣчали ружейными залпами и выстрѣлами изъ фалконета. Эти враждебныя дѣйствія уничтожили всякую надежду на дружескія сношенія. Однако лодки могли удостовѣриться, что бухточка, о которой говорено, не образовала пролива. Дикіе были совершенно схожи съ жителями острова Прокаженныхъ. 27 числа, проходя вдоль берега на милю разстояніемъ отъ него, замѣтили, что на одной плоской оконечности прибрежья деревья были насажены дорожкою, какъ въ саду, а земля казалась утоптана и посыпана пескомъ; все окончилось однимъ этимъ наблюдениемъ. Бугенвиль поспѣвалъ еще, но безуспѣшно, мѣста, гдѣ бы можно было бросить якорь, 28 Мая пустился въ море, и продолжалъ путь къ западу.

Послѣднія земли, мимо которыхъ проходилъ Бугенвиль, были два большіе острова: Св. Духа и Мошикола; островъ Св. Варфоломея и множество маленькихъ островковъ къ нимъ прилежащихъ. Слѣдя свои наблюденія съ показаніями Квироза, Французскій мореплаватель началъ подозрѣвать, что острова эти были не что иное, какъ тѣ, которые названы Испанцемъ Землею Св. Духа (*Tierra del Espíritu Santo*). Но основываясь на безчисленномъ множествѣ подробностей, отвергающихъ это предположеніе, онъ воспользовался правомъ открывателя, и назвалъ архипелагъ Большими Цикладами. Бугенвилю принадлежитъ по крайней мѣрѣ неоспоримая слава открытія многихъ группъ острововъ, которые считали уже совершенно для насъ потерянными; онъ опередилъ даже капитана Кука въ одномъ обзорѣ, которое послѣдній долженъ былъ совершить съ необыкновенною точностію, отличающею его отъ прочихъ мореплавателей того времени.

Кукъ увидѣлъ островъ Авроры 16 Іюля 1774 года. Онъ обогнулъ его съ сѣверной стороны, и шелъ вдоль берега, скрываемого безпрестанно то облаками, то туманомъ. «Мы видѣли, говоритъ Форстеръ, кокосовыя деревья на самыхъ вершинахъ горъ. Земля эта, сколько позволяла намъ разглядѣть густой туманъ, покрыта дикимъ прекраснаго вида лѣсомъ. Отецъ мой видѣлъ мелькомъ небольшой остроконечный утесъ, названный Бугенвилемъ пикомъ Звѣзды, или Авдари; облака, несшіеся съ необычайною

быстротою, вскорѣ совершенно скрыли его.

Восемнадцатаго Іюля, капитанъ Кукъ пошелъ къ острову Прокаженныхъ; два человека выѣхали къ его кораблю, но держались отъ него на ружейный выстрѣлъ. На берегу толпилось безчисленное множество островитянъ, вооруженныхъ стрѣлами. Всѣ черные, почти нагіе, они имѣли на груди и на рукахъ какое то украшеніе. На одномъ только, въ видѣ шарфа, былъ кусокъ какой то матеріи грязнаго бѣлаго цвѣта, съ яркою красною каймою.

На слѣдующій день шли вдоль Авроры, и прямо направились къ острову Св. Троицы, казавшемуся несравненно лучше, обильнѣе и многолюднѣе. Дымокъ взвивался со всѣхъ сторонъ острова. Оттуда отправились къ сѣвернымъ берегамъ Амбріма, чтобъ перетѣхать къ восточнымъ землямъ. Приближаясь къ нимъ, увидѣли, что они составляютъ весьма большой островъ, называемой туземцами Манникола. Найдя на ю. в. небольшой заливъ, Кукъ бросилъ въ немъ якорь 21 Іюля.

Когда лодки, посланныя впередъ, подъѣхали къ берегу, жители толпою выбѣжали на встрѣчу, издали махая зелеными вѣтвями, черная руками воду и наливая на головы. Экипажъ Кука отвѣчалъ тѣмъ же дружескими привѣтствіями. Байдары подъѣхали къ кораблямъ, а находившіеся въ нихъ дикіе продолжали махать вѣтвями, крича: *томаръ!* восклицаніе, которое, казалось, означало то же что: *таіо!* (братья, друзья), употребляемое жителями острова Таити. Не смотря однако на дружелюбное расположеніе, большая часть этихъ людей была вооружена. Обѣимъ начался, но за дикарями надо было присматривать. Англичане отдавали матеріи, вывезенныя ими изъ Таити, а дикіе стрѣлы съ лезвіями, выдѣланными изъ кости, обмазанныя какою то черноватою смолою. Наконецъ покричавъ и покруживъ долгое время вокругъ корабля, дикіе къ вечеру отправились на берегъ, и разложивъ большіе огни, снова появились въ челнокахъ, украшенныхъ зажженными факелами. Они долго катались по заливу. На берегу танцы и пѣсни продолжались почти до самаго разсвѣта.

На слѣдующій день всѣ они снова собрались вокругъ насъ; одна въ лодкахъ другіе просто вплавь. Едва вздумалъ Кукъ пригласить одного изъ островитянъ взойти на палубу, какъ весь корабль наполнился дикими. Въ одну минуту они пробрались съ па-

лубы до самого низу, закрались въ самые отдаленные уголки. Одни бѣгали между деками и по каютамъ, другіе какъ искусные марсовые взлѣзали на самыя вершины мачтъ, нѣкоторые прохаживались по пикамъ, или старались проникнуть въ трюмъ. Люди эти казались очень смѣшны: они понимали малѣйшія тѣлодвиженія и въ весьма непродолжительное время научили матросовъ выговаривать множество словъ ихъ нарѣчія. Они на все смотрѣли жадно, но не трогали ничего, если имъ то воспрещали. Зеркало наиболѣе возбудило ихъ любопытство; впрочемъ дѣйствіе отраженія удивило ихъ на одну только минуту; вскорѣ, привыкнувъ къ нему, они съ удовольствіемъ смотрѣлись. (Рис. XXIII. ф. 2).

Все шло какъ нельзя лучше, но внезапный случай едва не нарушилъ добраго согласія. Одинъ изъ островитянъ, видя, что ему не позволяютъ взлѣзть на корабль, направилъ стрѣлу на одного изъ гребцовъ. Спутники хотѣли препятствовать, но онъ настойчиво сплился исполнить намѣреніе и даже прицѣлился въ самаго Кука, который ему погрозилъ. Тогда капитанъ, всегда нетерпѣливый и строгій, предупредилъ дикаря, выстрѣливъ по нему дробью. Дикій покачнулся, но все еще продолжалъ цѣлиться, и при второмъ только выстрѣлѣ опустилъ лукъ. За этими не миролюбивыми дѣйствіями послѣдовало смѣтеніе; челноки внезапно удалились, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, на что отвѣчали пушечнымъ выстрѣломъ; потомъ, послѣ перемирія, продолжавшагося около часа времени, бѣглецы снова приблизились, окружили корабль и начали мѣну, какъ будто вовсе ничего не произошло. Только при пушечномъ выстрѣлѣ какой то звукъ, подобный барабанному бою, послышался на землѣ. То была вѣроятно знакъ общаго соединенія.

Послѣ полудня Кукъ снова потѣхалъ на берегъ въ двухъ вооруженныхъ лодкахъ; онъ хотѣлъ запасись водою и дровами. Хотя около 500 дикихъ съ дубинами, стрѣлами и луками стояли на берегу, но не было ни малѣйшаго неприязнаго дѣйствія. Капитанъ, никто не сопровождаемый, шелъ на встрѣчу толпѣ махая зеленою веткою, а со стороны дикихъ, старшина ихъ дѣлалъ то же самое. Они обмѣнялись вѣтвями, пожали руки и миръ былъ заключенъ. Кукъ раздалъ подарки главнымъ начальникамъ и получилъ въ обмѣнъ поросенка, нѣсколько кокосовыхъ

орѣховъ и немного свѣжей воды. Кукъ показавъ знаками, что онъ нуждается въ дровахъ; ему позволили ихъ нарубить, съ условіемъ не удалиться отъ берега.

Послѣднее воспрещено было весьма строго. Натураллисты Форстеръ и Спарманъ найдя въ кустахъ небольшую тропинку, нарушили было запрещеніе и уже начали свои ботаническія изслѣдованія, какъ вдругъ попались на глаза одному изъ дикихъ, который немедленно сообщилъ это своимъ соотечественникамъ. Въ ту же минуту, всѣ они бросились къ нимъ, и не смотря на просьбы и убѣжденія, естественныя испытатели должны были отступитъ къ берегу. Тамъ матросы все еще рубили дрова, окруженные толпою шумно разговаривавшихъ дикарей. Около полудня островитяне разошлись, и одинъ изъ ихъ начальниковъ предложилъ Куку проводить его къ себѣ въ жилище. Но капитанъ отказался и отправился съ людьми своими на корабль; вечеромъ онъ возвратился на берегъ, для полученія обратно томбуя, похищеннаго дикимъ: это была сдѣлавшаяся покража, сдѣланная во все время пребыванія здѣсь кораблей Кука. Похититель отдалъ назадъ томбуй и проводилъ Кука и Форстера до хижинъ, построенныхъ не вдалекѣ. Обиталищъ было не болѣе шести; они низки и покрыты твердыми латановыми листьями. Нѣмая была со всѣхъ сторонъ окружена досками, вмѣсто двери было вырублено четырехъ угольное отверстіе; оно было заперто, и дикари отказали открыть его посѣтителямъ. Вокругъ хижинъ было нѣсколько плантаций, обнесенныхъ заборникомъ; мѣстами возвышались кокосовыя, хлѣбныя и банановыя деревья; большіе запасы мяса разложены были на какихъ то подмосткахъ; свиньи и курицы бродили вокругъ хижинъ, гдѣ онѣ вѣроятно были вмѣстѣ съ хозяевами. Прежде нежели Кукъ вышелъ изъ этой бухты, онъ хотѣлъ осмотрѣть противоположные берега, и потому сошелъ на землю, но пробылъ тамъ не болѣе четверти часа; ибо жители знаками показывали ему, что весьма желали, чтобъ онъ удался; къ тому же, Куку достаточно было одного взгляда, чтобъ увѣриться, что на этой землѣ не было ни одного ручья, а онъ только этого и искалъ. Утромъ 23 Іюля корабль снялся съ якоря, назвавъ это удобное для стоянки мѣсто *Портъ-Сандвичъ*.

Въ ту минуту, какъ корабль покидалъ уже островъ, дикіе все еще толпились на берегу

последнія мѣны были произведены съ такою честностью, что Англичане удивились. Корабль шелъ довольно скоро, и потому многія байдары отстали прежде, нежели дикіе успѣли вручить Европейцамъ условенныя за обмѣнъ вещи. Во всей Полинезій, подобное обстоятельство было бы принято, какъ выгодная для туземцевъ случайность; но Меланезійцы были чрезвычайно честолюбивы; они хотѣли вести торгъ, а не обкрадывать; и потому многія байдары съ особеннымъ усиліемъ догоняли корабль и отдавали сполна вещи, назначенныя для обмѣна. Благородная черта одного изъ этихъ дикарей, заслуживаетъ особое вниманіе. Успѣвъ догнать судно, островитянинъ взобрался на палубу, держа въ рукахъ вещи, въ обмѣнъ за которыя получилъ уже другія. Европейцы начали было ихъ снова у него торговать, но онъ отъ этого отказался, заботливо отыскивая того, съ кѣмъ договоръ уже былъ заключенъ. Человѣкъ этотъ наконецъ появился, и не узнавъ дикаго, предложилъ новый обмѣнъ за сего вещи. Честный островитянинъ не воспользовался этимъ случаемъ, показавъ полученную отъ него вещь, онъ оставилъ свои товары, выражая знаками, что теперь только съ нимъ рассчитался. Честность, достойная удивленія, среди племенъ, необыкновенно склонныхъ къ воровству.

Кукъ осмотрѣлъ *Амбризъ* и *Паумъ*, и 24 Апрѣля подошелъ къ Апи, гдѣ на берегу увидѣлъ вооруженныхъ луками жителей, пѣвшихъ большое сходство съ обитателями Маликоло. Штиль удержалъ корабль у острововъ Стефенъ, гдѣ внезапная болѣзнь поразила весь штабъ Кука. Двѣ нѣсколько красноватая рыбы, схожія паружиностію и величиною съ большими лещами, были пойманы и приготовлены къ столу офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Тотчасъ послѣ обѣда почти весь экипажъ занемогъ; почувствовали сильную боль въ головѣ и членахъ, онемѣніе во всѣхъ сгибахъ тѣла и жаръ, отъ котораго кожа какъ бы горѣла: таковы были признаки этой отравы. Ночью страданія больныхъ вдвое увеличались; мучась безсонницею, они не могли лежать въ койкахъ, выползали на палубу, изнуренные сильнымъ слюнотеченіемъ и нестерпимою болью отъ опухолей и сыпи, покрывшихъ все тѣло. Тѣ изъ больныхъ, которые менѣе страдали, казалось, болѣе упали духомъ. Даже на животныхъ отразились ужасныя дѣйствія этой отравы;

свинья и собака околѣли. Заболѣвшіе люди выздоровѣли только по истеченіи десяти сутокъ. Такимъ то образомъ повторилось въ экипажѣ Кука то, что, за 150 лѣтъ ранѣе, поразило товарищей Квираса, и въ послѣдствіи, даже послѣ Кука, многіе мореплаватели претерпѣли подобныя несчастія. Признаки болѣзни всегда были одинаковы. Форстеръ приписываетъ ихъ, не свойству рыбы, но ядовитости травъ, конми она питается на этихъ берегахъ. Потому что въ другихъ мѣстахъ та же самая рыба употребляется въ пищу, безъ всякой опасности.

Попеременно осмотрѣвъ маленькіе острова Стефена, Монументъ (*Monument*), Трихолма (*Trois-collines*), Два-холма (*Deux-collines*), Гору (*Montagne*) и Гинчипрукъ, капитанъ Кукъ открылъ прекрасную и обширную землю, которую назвалъ островъ Сандвичъ; обильная и вся покрытая эсленію, она казалась менѣе населена, нежели стверная. Августа перваго дня подошли къ острову Еро-манго, или лучше Короманго, какъ въ послѣдствіи узнали; 3 числа Кукъ бросилъ якорь на южной сторонѣ этого острова, который защищенъ отъ однихъ только восточныхъ и юго-восточныхъ пасатныхъ вѣтровъ. Мѣсто это названо было мысомъ Измѣнниковъ, вслѣдствіе происшествій, которыя мы тотчасъ опишемъ.

2 Августа Кукъ въ двухъ лодкахъ подѣлхалъ къ берегу, гдѣ, судя по наружнымъ знакамъ, нашелъ жителей, весьма дружелюбно расположенныхъ. Они указали ему хорошій песчаный берегъ, куда капитанъ, пикетъ не сопровождаясь, вышелъ, держа въ рукахъ зеленую вѣтвь, поданную ему однимъ изъ дикихъ. Островитяне при первомъ повелительномъ знакѣ, скромно и даже учтиво отходили отъ лодокъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно старшина, построилъ своихъ соотечественниковъ въ полукругъ около лодокъ, и билъ тѣхъ, которые изъ любопытства осмѣливались выступить впередъ. Раздавъ нѣкоторые подарки, Кукъ попросилъ свѣжей воды и плодовъ; ему подали сосудъ изъ бамбука, ямсъ и нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ.

Все это какъ нельзя лучше, хотя островитяне были вооружены копьями и стрѣлами. Кукъ слѣдилъ всѣ ихъ движенія, наблюдалъ за начальниками, словомъ, не предавался излишней довѣрчивости, могущей сдѣлаться опасною. Послѣдствія оправдали его осторожность; непріязненные дѣйствія открылись

именно, когда хотѣли предпринять обратный путь къ судамъ. Дикіе, укравъ сходню по которой можно было, не промоча ногъ, перейти къ лодкамъ, тащили самыя лодки на берегъ, насильно вырывая весла у гребцовъ (Рис. XXIV. ф. 1). Однако видъ ружей немного пріостановилъ ихъ; но вскорѣ, предводительствуемый главнымъ старшиною, дикари съ новою силою устремились на Европейцевъ. Желая наказать старшину, Кукъ приложился по нему, но ружье осѣклось; это придадо еще болѣе смѣлости островитянамъ; они въ ту же минуту пустили въ лодки безчисленное множество стрѣлъ и камней. Болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ противупоставить силу силъ.

Три залпа, произведенные одинъ за другимъ, освободили наконецъ Англичанъ отъ этихъ наступателей. Четверо изъ нихъ упали замертво, всѣ прочіе разбѣжались, и Европейцы наконецъ могли отплыть къ судамъ своимъ. Два моряка были ранены стрѣлами; въ щеку одного изъ нихъ попалъ дротикъ, толстое острие котораго вошло въ два пальца въ тело. Вечеромъ нѣсколько островитянъ, полпившись на плоской оконечности утеса, показывали намъ пару веселъ, намѣреваясь вѣроятно отдать ихъ обратно, но вмѣсто переговоровъ, Кукъ велѣлъ выстрѣлить изъ четырехъ-фунтовой пушки, чтобы научить дикарей понимать силу орудій. Впрочемъ отвѣтъ этотъ врядъ ли что нибудь значилъ.

Выстрѣлъ былъ прощальнымъ привѣтствіемъ, ибо Кукъ оставилъ Коро-манго, чтобъ направиться къ острову, замѣченному имъ на югъ, и обозначавшемуся ночью волканическими сіяніями. 9 Мая, въ разстояніи трехъ или четырехъ миль къ с. в., увидѣли эту огнедышущую землю. Форстеръ описываетъ ея слѣдующимъ образомъ: Кратеръ находится въ срединѣ самаго низкаго возвышенія, цѣпи; онъ имѣетъ видъ конуса, красно-коричневаго цвѣта, и составленъ изъ груды безплодныхъ, перетертыхъ камней. Столбъ густаго дыма, подобный огромному дереву, порою вырывался изъ середины, и взвиваясь на воздухъ, мало по малу расширялся; при всякомъ нововылетающемъ клубѣ дыма слышался шумъ, подобный громовымъ ударамъ; клубы слѣдовали одинъ за другимъ довольно часто; дымъ не всегда былъ одного цвѣта: онъ казался намъ иногда бѣло-голубымъ, иногда сѣро-

красноватымъ. Мы заключили, что разница эта частью происходила отъ огня кратера, освѣщавшаго дымъ и пепель. Весь островъ, исключая вулканъ, былъ покрытъ лѣсомъ и красивыми пальмовыми деревьями. Мы видѣли свѣжую и неподобную зелень въ то время года, которое считается зимою въ этихъ климатахъ. Кукъ нашелъ на ю. в. отъ этого острова, называемаго Таинна, удобное мѣсто для якорной стоянки, и проведя тамъ нѣсколько дней, пріобрѣлъ нѣкоторые свѣдѣнія о другихъ земляхъ этого архипелага. Донынѣ островъ Таинна есть одинъ нѣсколько извѣстный изъ Ново-Гибридскихъ острововъ.

Жители сначала робко прятались, но ободрясь немного, начали обмѣны, и сдѣлались въ скоромъ времени дерзкими ворами; они силою хотѣли похищать все, что имъ попадалось въ руки: флаги, шесты отъ руля, томбун и т. п. Ни угрозы, ни ружейные выстрѣлы, ни даже грохотъ пушекъ не могли ихъ утѣшить; нечего дѣлать, надо было показать имъ, что оружіе находилось тутъ не для украшенія; когда нѣсколько пуль просвистали мимо ихъ ушей, они стали осторожнѣе.

Форстеръ описываетъ двѣ замѣчательныя черты ихъ храбрости. При пушечномъ выстрѣлѣ около 200 дикихъ, окружавшихъ корабль, испуганные, бросились въ море. Одинъ молодой человекъ, красивой наружности, хорошо сложенный, среди общаго смѣтенія, ни мало не удивляясь и не боясь, стоялъ на своей байдарѣ, и только улыбка насмѣливаго презрѣнія оживила лице его при видѣ малодушія соотечественниковъ. Въ другой разъ, старикъ, занятый покражею томбунъ, получилъ рану пулею; не оставя своего предпріятія, онъ выдержалъ еще нѣсколько другихъ выстрѣловъ, и послѣ преспокойно явился на корабль, чтобъ предложить кокосовый орѣхъ. Цѣлзл, кажется, явить болѣе храбрости и безпечности.

Таковы обитатели Таинны. 9 Августа Кукъ съ большимъ отрядомъ сошелъ на берегъ. Слѣдуя обычаю этого архипелага, онъ держалъ въ рукъ зеленую вѣтвь, и шелъ на встрѣчу островитянъ, которые вооружались луками и булавами, (Рис. XXV.), толпою стояли на берегу. Вскорѣ толпа эта раздѣлилась на двѣ части; одна половина зашла съ правой, другая съ лѣвой стороны Англичанъ, какъ бы для того, чтобы наблюдать за ихъ малѣйшими движеніями. Кукъ раздалъ

нѣсколько подарковъ старикамъ, и потомъ далъ имъ уразумѣть, что онъ нуждается въ дровахъ и водѣ. Старики указывали на деревья, растущія вдоль берега, какъ бы позволяя рубку, но предупреждая не трогать кокосовыхъ деревьевъ, столь полезныхъ имъ.

Такъ окончился день; ночь была свидѣтельницаю совершенно другихъ явленій: огнедышущая гора царствовала во всемъ блескѣ, и палагала на небо багровую пелену, которая передивала все оттѣнки пурпуроваго цвѣта. Каждая четверть часа, слышенъ былъ ужасный шумъ, подобный пушечной стрѣльбѣ двухъ враждующихъ армій. Воздухъ, наполненный вулканическимъ пепломъ, жегъ глаза, палуба и все корабельныя снасти покрывались этимъ дождемъ, состоявшимъ изъ пепла землянаго угля, мелкаго песку и изъ обломковъ пемзы, которая въ множествѣ находилась на этихъ берегахъ. Огнедышущая гора была только въ пяти или шести миляхъ отъ того мѣста, гдѣ моряки пристали къ землѣ; но находившіеся между ними пригорки, не позволяли видѣть возвышеннаго ея хребта. Одинъ дымъ и яркія огненные сверканія обозначали ея положеніе.

На слѣдующій день, корабль подвинулся въ углубленіе залива. Тамъ снова начался мѣны, сперва со всею возможною честностью, но мало по малу насильственные дѣйствія опять проявились. Желая прекратить ихъ, Кукъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ надъ байдарами; это не смутило островитянъ.

Тогда капитанъ на трехъ лодкахъ, наполненныхъ вооруженными матросами, попытался вновь выйти на берегъ; гдѣ до 900 дикихъ ожидали его. Они не воспрепятствовали ему выйти; но когда онъ сталъ просить ихъ бросить стрѣлы и булавы, они рѣшительно отказали, вопреки всемъ убѣжденіямъ пріятеля Европейцевъ, стараго Паованга, который совѣтовалъ имъ оказать это снисхожденіе посетителямъ. Дикари никакъ не измѣнили своего грознаго положенія, и когда Кукъ, желая ихъ испугать, приказалъ выстрѣлить изъ пушки, они въ отвѣтъ начали дразнить Англичанъ разными непристойными тѣлодвиженіями. Наконецъ надо было приблизиться къ фальконетамъ и къ несравненно дѣйствительнѣйшей ружейной стрѣльбѣ, имѣвшей болѣе успѣха. Тогда только можно было спокойно начать работу; по песку провели нѣсколько по-

лосѣ, служившихъ границею между дикими и моряками; старикъ Паовангъ одинъ имѣлъ право переходить ее, прочіе островитяне, по прошествіи перваго страха, хотя и подходили къ ней, но не смѣли нарушить запрещенія.

Принятый съ ними способъ обращенія, то строгій, то снисходительный, помогъ наконецъ немного укротить этихъ буйныхъ дикарей. Довѣренность ихъ конечно не дошла до той степени, до которой доведены были все народы Полинезійскаго племени, за то съ ними завели сношенія несравненно дружественнѣе, нежели съ какимъ либо другимъ Меланезійскимъ племенемъ. Старикъ Паовангъ былъ посредникомъ этихъ миролюбивыхъ сношеній, и обнаруживалъ всегда удивительную честность. Другой другъ Англичанъ былъ Ва-аку, тотъ самый молодой человекъ, который такъ презрительно надсмѣхался надъ своими соотечественниками, когда они въ испугѣ отъ пушечнаго выстрѣла бросились въ воду. Паовангъ былъ также чрезвычайно храбръ: въ немъ узнали того старца, который, для кражи тамбула, перенесъ три ружейныя раны.

И такъ самые неустрашимые изъ туземцевъ, были со стороны Англичанъ. Ва-аку, замѣченный Кукомъ и Форстеромъ, описанъ послѣднимъ весьма лестнымъ для него образомъ. «Черты лица его были прекрасны,» говорить натуралистъ; «въ большихъ, необыкновенно быстрыхъ глазахъ и во всей его физіономіи выражалась пріятность, веселость и проницательность. Вотъ доказательство его понятливости. Капитанъ Кукъ и отецъ мой, слыша свои словари, замѣтили, что небо выражено было у нихъ двумя различными словами, и обратились къ Ва-аку, чтобы узнать которое изъ двухъ справедливо. Въ ту же минуту онъ протянулъ руку къ небу и положилъ ее на одно изъ двухъ словъ; потомъ зашевелилъ другою рукою подъ нимъ и произнесъ второе слово, давая намъ знать такимъ образомъ, что первое значило собственно твердъ небесную, а второе облака, которыя движутся. Отъ него мы узнали также названія соседнихъ острововъ. За столомъ обращеніе его исполнено было пріятности и даже вѣжливости; одно только показалось намъ неопытнымъ: онъ вмѣсто вилки употреблялъ маленькую палочку, которую носилъ въ волосахъ, и которою изрѣдка почесывалъ въ головѣ; волосы его уб-

раны были по принятому тамъ обыкновенію, т. е. взбиты на подобіе иглъ дикобраза и напнтаны масломъ и краскою, и потому это еще болѣе казалось противнымъ; но онъ не думалъ вовсе, чтобъ въ этомъ заключалась какаянибудь нестыжливость.

По истеченіи нѣсколькихъ дней, недовѣрчивость жителей умѣрилась и дозволила наблюдателямъ совершить нѣкоторыя внутреннія обозрѣнія, иногда даже въ разстояніи трехъ или четырехъ миль отъ берега. Ученый Форстеръ осмотрѣлъ островъ въ различныхъ направленіяхъ безъ малѣйшаго препятствія со стороны жителей. Ему запретили приближаться только къ огнедышущей горѣ. Когда жители замѣчали, что онъ направлялся въ ту сторону, то преграждали дорогу и никакъ не позволяли продолжать путь. Можетъ быть, эта дорога вела къ одному изъ ихъ селеній, которое они хотѣли скрыть отъ Европейцевъ? Можетъ быть, суевѣріе содѣлывало для нихъ священнымъ приближеніе къ кратеру; какъ бы то ни было, Форстеръ встрѣчалъ непреодолимые препятствія, и никакъ не могъ узнать причины ихъ. По сіе время изъ Европейцевъ, только одинъ Форстеръ осматривалъ Таинну, съ остроуміемъ художника и вниманіемъ ученаго. Приводимъ отрывокъ собственнаго его разсказа.

«Съ 11-го на 12-е Августа, въ продолженіе цѣлой ночи вулканъ ревѣлъ ужаснымъ образомъ, и представлялъ самое величественное зрѣлище. При изверженіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, не болѣе какъ черезъ три или четыре минуты, пламя и дымъ столбами вздымались къ небу. Съ корабля въ то же время видны были камни огромной величины, излетающіе изъ жерла, маленькіе столбы пара, выходящіе въ окрестностяхъ горы, казались огнями, зажженными островитянами.

«Дымъ, подымавшійся огромными клубами, озарялся внутреннимъ огнемъ жерла; приставъ къ берегу: мы направились немного къ западу по узкой тропинкѣ, ведущей на крутой пригорокъ. Безъ труда мы прошли сквозь рошу, изъ предѣстѣйныхъ деревьевъ и кустовъ, разсаженныхъ самою природою, и наполнившихъ воздухъ благоуханіемъ и свѣжестью; густая зелень украшалась различныхъ рода цвѣтами; навилка обвивалась, какъ плющъ, вокругъ самыхъ высокихъ деревьевъ, и убирала ихъ до вершины голубыми и пур-

пуровыми гирляндами; множество различныхъ птицъ летали надъ нами и оживляли эту пылнтельную мѣстность. Ни одинъ туземецъ не попался намъ до первой извилины этой горы, и ни одна плантація не встрѣтилась на пути. Прошедши съ полмили, различными извилинами, мы достигли до маленькой прогалины, покрытой свѣжею травою, и окруженной прекраснѣйшими деревьями. Солнце сильно палило это мѣсто, защищенное со всѣхъ сторонъ отъ малѣйшаго вѣтра. Мы почувствовали странные пары, выходящія изъ земли; духота воздуха была нестерпима. Влево отъ тропинки, мы замѣтили, скрытое почти совершенно дикими фиговыми деревьями, возвышеніе бѣловатой земли, изъ котораго ежеминутно вырывались пары. Земля была напнтана сѣрою и такъ раскалена, что нельзя было ступить на нее. Разрывъ ея нѣсколько, мы увидѣли, что пары пошли въ болѣебольшомъ количествѣ, и что они имѣли стягивающее и вяжущее свойство, подобно квасцамъ. Вошедъ нѣсколько выше и достигнувъ другой площадки, совершенно безплодной, мы открыли два кратера, извергающіе пары, но въ меньшемъ количествѣ и не столь сильнаго запаха. Земля, покрывавшая эти отдушины, была одного качества съ первою, и отъ наполнившей ея сѣры, имѣла зеленоватый цвѣтъ. Мы набрали въ окрестностяхъ красной охры, которою островитяне раскрашиваютъ себѣ лица.

«Въ это время вулканъ буневалъ еще сильнѣе: при всякомъ изверженіи, дымъ выходилъ изъ окружныхъ отверстій съ необыкновенною силою и образовывалъ густыя бѣлыя облака, что и доказывало, что они имѣли подземныя сообщенія съ огнедышущею горою, внутреннее волненіе которой дѣйствовало на нихъ видимымъ образомъ. Замѣтивъ, что уже въ другой разъ изверженіе вулкана начиналось послѣ дождя, мы думали, что оно произведено дождемъ, который, можетъ быть, способствовалъ броженію находящихся въ немъ минеральныхъ веществъ. Осмотрѣвъ эти странныя отдушины (сольфатары) мы поднялись еще на нѣсколько шаговъ и открыли въ разныхъ частяхъ лѣса множество плантацій. Сойдя съ другой стороны пригорка, по узенькой тропинкѣ, среди камышевыхъ плетней, мы увидѣли между деревьями огнедышущую гору; казалось, оставалось не болѣе двухъ миль, чтобы достигнуть до нея чрезъ долины и пригорки. Изъ

верженіе продолжалось, гора изрыгала въ облакахъ дыма огромныя отколки скалъ: нѣкоторые изъ нихъ равнялись величиною съ нашей плюбкой. Не встрѣтивъ на пути ни какого препятствія и не видя ни одного туземца, мы вознамѣрились къ ней приблизиться; но безъ сомнѣнія разговорами встревожили владѣльцевъ плантаціи; въ ту же минуту нѣкоторые изъ нихъ затрубили въ большія раковины, употребляемыя дикими, а въ особенности обитателями Южнаго океана, въ знакъ тревоги. Мы рѣшились тогда возвратиться назадъ.

«По полудни, мы обошли восточный берегъ, на который за два дня до того островитяне насъ не пускали. Нѣсколько Индійцевъ разговаривали съ нами пять или шесть минутъ, въ это время мы примѣтили человека, притаившагося за деревомъ, и державшаго въ рукахъ натянутый лукъ; съ стрѣлою, обращенною на насъ. Лишь только онъ замѣтилъ, что былъ открытъ и что въ него уже цѣлили ружьемъ, въ ту же минуту бросилъ въ кустарникъ свое оружіе, и на четверникахъ поползъ къ намъ: я полагаю, что онъ точно не имѣлъ дурныхъ намѣреній, однако опасно было довѣрять подобнымъ шуткамъ. Мы намѣревались черезъ вершину продолжать нашъ путь, но были окружены десятками двумя жителей, которые неотступно умоляли насъ возвратиться. Мы не хотѣли было ихъ слушать, но они усиливая просьбы знаками, старались заставить насъ понять, что насъ тамъ убьютъ и съѣдятъ. Мы притворились, будто не понимаемъ, и полагаемъ что они намъ предлагаютъ есть, изъясняя въ то же время согласіе принять ихъ предложеніе; но они употребили всевозможныя старанія чтобъ разувѣрить насъ, выражая пантомимою, какъ они убиваютъ человека, отрѣзываютъ его члены, одинъ за другимъ, и отдѣляютъ мясо отъ костей; наконецъ они кусали себѣ руки; чтобы легче убѣдить насъ, что они питаются человѣчскимъ мясомъ.

«Не смотря на это, мы продолжали путь къ жилищу, лежащему на скатѣ и замѣченному нами шагахъ въ пятидесяти оттуда. Нѣсколько человекъ вышли съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы заставить насъ возвратиться. Тутъ мы почли необходимымъ умирить свое любопытство. Ежедневно мы точно слышали въ той сторонѣ рано утромъ торжественное и тихое пѣніе, продолжавшееся

съ четверть часа, и полагали, что дикари отправляютъ богослуженіе; думали, что въ этихъ кустарникахъ скрывался какой нибудь храмъ; усиліе, съ которымъ туземцы желали насъ удалить, подтверждаемо наши догадки.

«Возвратясь, мы вошли на вершину близлежащей плантадки, возвышавшейся футовъ на сорокъ, и очутились въ обширной плантаціи, состоявшей наиболѣе изъ множества банановыхъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ кокосовыми и другими густыми деревьями, загораждавшими видъ со всехъ сторонъ. Плантація была обведена тростниковымъ плетнемъ въ родѣ употребляемыхъ въ Тонга. Островитяне возобновили угрозы, показывая намъ самыми выразительными знаками, что мы будемъ все съѣдены, ежели пойдемъ далѣе. Мы бы должны были воротиться, если бы не встрѣтили пріятеля нашего Паованга. Мы изъяснили обоимъ радость при этомъ свиданіи, и старикъ провелъ насъ тотчасъ по краю пригорка къ западной оконечности. Тутъ мы увидѣли множество фиговыхъ деревьевъ; дикіе обрабатываютъ ихъ для фруктовъ и листьевъ; мы нашли также прохладительныя, кисловатыя плоды *eugenia* и нѣсколько пальмовой капусты. Пройдя черезъ маленькій лѣсокъ цвѣтущихъ кустарниковъ, мы достигли до прелестной саванны, простирающейся на сто квадратныхъ туазовъ, на краяхъ которой мы увидѣли три жилища, высокія, украшенныя густою зеленью; деревья ограждали это убѣжище такъ, что снаружи оно вовсе не было замѣтно. На одномъ концѣ этого луга находилось удивительной величины дикое фиговое дерево: стволъ его имѣлъ девять футовъ въ діаметръ, а вѣтви живописно простирались на сто двадцать футовъ, во все стороны (Рис. XXIV. Ф. 2). У подножія этого дерева, сохранявшаго еще всю красу и свѣжесть; сидѣло близъ огня семейство Индійцевъ; они жарили бананы и мясо. Увидѣвъ насъ, все бросились бѣжать въ обиталище; но воротились, когда Паовангъ увѣрилъ ихъ, что имъ нечего опасаться. Женщины и дѣвушки стали какъ можно далѣе, и украдкою смотрѣли на насъ изъ-за кустарниковъ. Мы съли между Индійцами, и они предложили намъ раздѣлить съ ними ихъ лѣства, съ тѣмъ привѣтливымъ гостепріимствомъ, которое восхитило насъ на другихъ островахъ; жилища ихъ были простыя, но довольно большіе сараи. Вершина крыши окачивалась остріемъ; она

покрывасть ихъ до земли; съ обѣихъ концовъ находятся отверстія, прикрытыя рѣшеткою изъ тростника и палокъ футовъ въ восемь вышины. Ширина самыхъ большихъ хижинъ отъ девяти до десяти футовъ, вышина почти столько же; длина ихъ доходила до тридцати пяти футовъ. Устройство этихъ жилищъ весьма просто: въ землю всажены колья, въ два ряда переплетенные и связанные между собою: эти стѣны покрыты плетенками изъ кокосовыхъ листьевъ, что доставляетъ жилью достаточную защиту отъ непогоды. Мы не замѣтили въ этихъ домахъ ни какой мебели или посуды. Полъ покрытъ сухими листьями, а въ некоторыхъ мѣстахъ рогожами изъ пальмовыхъ листьевъ; внутренность вся покрыта копотью отъ дыма; въ каждомъ жилищѣ по нѣскольку печей; посрединѣ три большіе шеста изъ кокосовыхъ вѣтвей, одинъ возлѣ другаго, соединенные на вершинѣ поперечными планками; множество маленькихъ палочекъ воткнуты были въ эти шесты, сверху донизу, послѣдніе въ разстояніи десяти или девяти футовъ отъ земли; онѣ все увѣшаны были старыми кокосовыми орѣхами: вѣроятно такъ они собирали орѣхи, изъ ядеръ которыхъ дѣлаютъ масло, а изъ скорлупы вырѣзываютъ браслеты.

Видя, что мы, осматривая ихъ жилища, не дѣлаемъ ни какого вреда, не перемѣщаемъ и не беремъ вещей, туземцы скоро съ нами ознакомились; и мальчики отъ шести до четырнадцати лѣтъ, стояшіе въ сторонѣ, подошли къ намъ и позволяли брать себя заруки. Мы дали имъ нѣсколько монетъ, шелковыхъ лентъ и платковъ, дѣланныхъ въ Гантѣ; эти маленькіе подарки приобрѣли намъ ихъ благорасположеніе и совершенно устранили ихъ страхъ и робость. Узнавъ имена ихъ, мы старались ихъ запомнить; и снискали ихъ дружбу этою хитростію; они очень довольны были, когда мы объ нихъ вспоминали, и на зовъ нашъ прибѣгали съ радостью. Проведя нѣсколько часовъ между ими, мы обратно направились къ берегу. Старикъ Павангъ, нежелая насъ провожать, ибо солнце было уже на закатѣ, поручилъ двумъ или тремъ молодымъ людямъ сопровождать насъ ближайшею дорогою.

«Странное свойство жерла, находившагося на западномъ пригоркѣ, до того занимало наше вниманіе, что на другой же день, 12 числа утромъ, мы отправились туда съ

нѣсколькими офицерами. Волканъ бушевалъ весь день и извергалъ немовѣрное количество мелкой черной золы, которую разсмотрѣвъ ближе, мы признали за шерсть въ видѣ полупрозрачныхъ иглъ. Вся земля была устлана этими частицами, и когда мы ботанизировали, онѣ много вредили нашимъ глазамъ, ибо листья были ими совершенно покрыты. Должно замѣтить, что волканъ съ его принадлежностями, кажется, значительно способствуетъ роскошному произрастенію этого острова. Многіе изъ растений вдвое выше, нежели на другихъ островахъ; листья шире, цвѣты больше и запахъ ихъ сильнѣе.

«Вскорѣ мы достигли до перваго мѣста, откуда выходилъ дымъ; но увидѣвъ надъ собою туземцевъ, мы поднялись къ нимъ не останавливаясь. Это были тѣ самые люди, которые наканунѣ такъ хорошо угостили насъ; увидѣвъ насъ, они тотчасъ послали трехъ изъ своихъ соотечественниковъ во внутренность острова. Г. Ходжъ снялъ нѣсколько видовъ, въ то время какъ мы разсматривали растенія и вѣшали въ тѣни деревь thermometer. На кораблѣ въ половинѣ девятаго часа, во время нашего отъѣзда, столбическій thermometer показывалъ 25°, 6. Человѣкъ несшій thermometer, держалъ его близко къ тѣлу, и онъ поднялся до 30°, 6; но повнѣвъ минутъ пять на деревь, шагахъ въ тридцати отъ жерла, онъ остановился на 26°, 7. Мы прокопали въ землѣ отверстіе, во всю длину thermometer, и придерживая его на палкѣ, опустили въ эту ямку; чрезъ полминуты онъ поднялся до 78°. Мы оставили его тамъ еще минуты на четыре; но и по истеченіи этого времени, онъ все стоялъ на той же высотѣ. Паръ, исходящій изъ этого мѣста, былъ чрезвычайно горячъ. Жители, замѣтя, что мы копаемъ въ землѣ, просили насъ перестать, увѣряя, что земля воспламенится и что огонь будетъ подобенъ огню, называемому ими *Ассооръ*. Они, казалось, опасались несчастья, и были весьма встревожены при малѣйшемъ покушеніи съ нашей стороны расшевелить эту сѣрную землю. Взошедъ выше, мы открыли еще дымящееся мѣсто, того же свойства какъ и выше описанныя. Между тѣмъ посланники этихъ добрыхъ Индійцевъ возвратились, и принесли сахарнаго тростника и кокосовыхъ орѣховъ, подчивали насъ также какъ наканунѣ утромъ. Послѣ этой закуски мы поднялись еще выше, на другой

замѣченный нами пригорокъ; откуда надѣялись видѣть вулканъ ближе. Но, подходя къ плантаціямъ, были встрѣчены жителями, которые указали намъ дорогу, по словамъ ихъ, ведущую прямо къ вулкану или асоору. Нѣсколько миль шли мы по этой дорогѣ извилинами, заросшими лѣсомъ, который заграждалъ намъ видъ мѣстоположенія со всѣхъ сторонъ. Наконецъ достигли морскаго берега, откуда первоначально пустились въ путь; тутъ мы догадались, или лучше сказать, увѣрились, что дикіе употребили эту хитрость, чтобы удалить насъ отъ жилищъ своихъ.»

Во вторичномъ путешествіи своемъ на этотъ островъ, Форстеръ старался проникнуть въ одно изъ таинственныхъ убѣжищъ, откуда слышно было пѣніе, и снова не былъ допущенъ; но эта попытка была полезна хотя тѣмъ, что онъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нравахъ островитянъ.

«Индійцы, говоритъ онъ, провели насъ по другой дорогѣ черезъ плодородныя и хорошо воздѣланныя плантаціи. Мальчики бѣжали впередъ, выказывая искусство свое въ военныхъ упражненіяхъ. Они ловко бросали вверхъ камень, и вмѣсто дротика употребляли стебли толстой травы или зеленаго тростника. Дротикъ ихъ всегда попадалъ въ цель; они съ такою силою управляли тростникомъ, который отъ малѣйшаго вѣтра колеблется, что онъ вонзался въ дерево, иногда глубже нежели на дюймъ; они владѣли имъ, не дотрогиваясь до него пальцами, но держа его въ сгибѣ между большимъ пальцемъ и ладонью. Дѣти пяти или шести лѣтъ привыкли уже къ этому упражненію, приготовляясь быть полезными на войнѣ. Извилистою дорогою мы достигли до того мѣста, гдѣ женщины приготовили свой обѣдъ, жаря ямсовые корни на огнѣ, разложенномъ подъ деревомъ. Увидя насъ, онѣ испугались и пустились бѣжать; но проводники наши успокоили ихъ, и онѣ снова принялись за свои занятія. Мы расположились подъ деревомъ противъ одного жилища и старались завести разговоръ съ Индійцами; между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ отправились, чтобы принести намъ чего нибудь закусить. Я записалъ множество словъ на ихъ языкъ, и мы съ удовольствіемъ удовлетворили ихъ любопытству о нашей одеждѣ, оружіи, и т. п. То были первые ихъ вопросы на счетъ этихъ предметовъ. Владѣльцы окрестныхъ плантацій, узнавъ о нашемъ прибытіи, собрались

и окружили насъ толпою; они, казалось, были очень довольны, видя, что мы дружески и ласково разговаривали съ ними. Нечаянно я что-то сталъ напѣвать; они тотчасъ начали просить меня спѣть имъ что нибудь; ни одинъ изъ насъ не былъ музыкантомъ, но мы согласились на ихъ желанія, и пропѣли имъ нѣсколько пѣсень. Больше другихъ имъ понравились веселыя Нѣмецкія и Англійскія пѣсни; Шведскіе же напѣвы доктора Спармана приобрѣли всеобщія похвалы. Когда мы кончили, то въ свою очередь просили ихъ доставить намъ также удовольствіе слышать ихъ пѣніе; одинъ изъ островитянъ запѣлъ въ ту же минуту весьма простую, но пріятную мелодію; до того времени мы не слышали еще подобныхъ между обитателями Южнаго океана. Пѣсни ихъ составлены были изъ бѣднаго числа нотъ, нежели у Тантянъ и обитателей Тонга-табу; звуки имѣли какую то важность, отличающую ихъ отъ нѣжнаго и сладострастнаго пѣнія другихъ острововъ. Слова, казалось, были писаны стихами и выговаривались пѣвцами свободно. Только что первый кончилъ, другой запѣлъ другую пѣсню; она различествовала отъ первой, но имѣла тотъ же отпечатокъ важности, составляющій общій характеръ этого народа. И точно, мы рѣдко видѣли, чтобы они смѣялись или шутили, какъ жители острововъ *Дружества* и *Товарищества*, которые умѣютъ уже цѣнить эти увеселенія. Островитяне показали намъ музыкальный инструментъ, составленный изъ восьми тростниковыхъ лозъ, наподобіе свирѣли жителей Тонга-табу, съ тою разницею, что толщина тростниковыхъ трубочекъ постепенно и правильно уменьшалась, и что они составляли октаву, хотя въ звукахъ ихъ не было совершеннаго согласія.

Послѣ обѣда, сойдя на берегъ съ докторомъ Спарманомъ, мы отправились посѣтить жителей плоскаго холма. Нѣкоторые вышли къ намъ на встрѣчу и провожали насъ къ своимъ жилищамъ. Только что мы съшли съ главою одного изъ семействъ, человекомъ среднихъ лѣтъ и пріятной наружности, пріятель нашъ просилъ насъ опять пѣть. Мы охотно согласились. Увидѣвъ, что ихъ удивляетъ различіе нашихъ напѣвовъ, мы старались растолковать имъ, что мы разныхъ націй. Тогда указавъ намъ одного старика въ толпѣ слушателей, они сказали, что онъ родомъ изъ Короманго и просили его спѣть что нибудь.

Индійцы вышли на средину и запѣлъ пѣсню, продолженіе которой онъ дѣлалъ различными тѣлодвиженіями, что насъ очень забавляло, какъ и вѣсѣхъ зрителей. Пѣніе его несколько не походило на пѣніе островитянъ Тання, и было довольно пріятно. Оно, казалось, имѣло размѣръ, но отличный отъ того величественнаго и тихаго размѣра, который мы слышали утромъ. Когда онъ кончилъ, мы замѣтили, что жители Тання говорили съ нимъ его нарѣчіемъ, но что онъ не понималъ ихъ языка.

«Между тѣмъ какъ уроженецъ Коро-манго пѣлъ, женщины вышли изъ хижинъ и группами размѣстились вокругъ насъ. Онѣ вообще были ростомъ меньше мужчинъ, и одѣты въ старыя юбки изъ травы и листьевъ, болѣе или меньше длинныя, сообразно съ лѣтами этихъ дамъ. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ были уже дѣти, т. е. женщины лѣтъ тридцати, были лишены пріятности и ловкости ихъ пола. Молодыя дѣвушки лѣтъ четырнадцати имѣли черты лица очень милыя, и улыбку, прелесть которой увеличивалась по мѣрѣ того, какъ онѣ переставали бояться насъ. Онѣ были стройны; руки ихъ отличались необыкновенною пѣжностію; а грудь была полна и кругла. Онѣ прикрывались только по колѣна. Волосы ихъ локонами развивались по головѣ, а зеленый банановый листъ, которымъ онѣ украшали голову, выгодно выказывалъ черныя цвѣты ихъ волосъ. Въ ухахъ онѣ носили черепаховыя кольца. Мы замѣтили, что число украшеній увеличивалось съ годами; самыя дурныя и старыя были увѣшаны ожерельями, подвесками, серьгами въ поздрахъ и браслетами. Намъ казалось, что женщины повиновались малѣйшему знаку мужчинъ, которые не имѣли къ нимъ ни какого уваженія. На женщинахъ лежали все вообще работы, и, можетъ быть, это было причиною ихъ малаго росту, ибо тѣлѣсти, который онѣ носятъ и поднимаютъ, не всегда соответствуютъ ихъ силамъ.

Мы видѣли между жителями острова Тання образецъ привязанности, которая доказываетъ, что страсти человѣческія и добрыя качества во вѣсѣхъ странахъ одинаковы. Дѣвочка лѣтъ восьми, пріятной наружности, смотрѣла на насъ изподъ плеча, черезъ головы сидящихъ на землѣ Индійцевъ; замѣтивъ, что на нее смотрятъ, она тотчасъ побѣжала прятаться въ хижину. И знаками просила ее воротиться, и чтобы склонить ее къ

тому; показать ей кусокъ Тантаской ткани; но это не помогло намъ заставить ее приблизиться. Отецъ ея всталъ и ласками побудилъ дѣвочку возвратиться. Я взялъ ребенка за руку и далъ ей матерію и кое-какія бездѣлки; радость и удовольствіе выразились на лицѣ отца. «Мы остались до заката солнца между островитянами. Они пѣли и забавлялись разными опытами ловкости. По просьбѣ нашей, они пускали стрѣлы на воздухъ и въ цѣль, съ удивительною ловкостью, хотя и не на дальнее разстояніе; булавами, они отражали стрѣлы противниковъ, почти также какъ и Тантине. По словамъ ихъ, булавы съ боковымъ остріемъ въ видѣ вымпела, они получаютъ съ плоскаго острова, называемаго ими Иммеромъ. Но мы не могли дознаться, дѣлаютъ ли ихъ жители, или островъ этотъ необитаемъ, и онѣ ѣздятъ только туда для сбора раковинъ и рубки лѣса.

«Передъ отбытіемъ, женщины зажгли огонь внутри и снаружи жилищъ и принялись готовить ужинъ. Индійцы стремились къ этимъ огнямъ; казалось, что вечерній воздухъ былъ слишкомъ прохладенъ для нихъ пагаго тѣла. У многихъ изъ нихъ на верхней вѣткѣ была опухоль; мы принесли ее дѣйствию дыма, въ которомъ они безпрестанно сидятъ; она до того мѣшала имъ смотрѣть, что эти люди должны закрывать голову совсѣмъ назадъ, чтобы глазъ находился въ горизонтальномъ положеніи съ предметомъ, который они хотѣли видѣть. Многие мальчики, лѣтъ восьми или шести, имѣли эту опухоль, что заставляло насъ думать, что она переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому.»

Послѣ Форстера и Спармана, Кукъ самъ пытался достигнуть до огнедышащей горы. Онъ отправился 14 числа утромъ, къ пригорку, гдѣ натуралисты замѣтили дымящіяся сопки. Опять закопали въ землю термометръ. На открытомъ воздухѣ онъ показывалъ 26°, 7; но въ горячемъ пескѣ поднялся до 98°, то есть, почти до степени кипящей воды. Поверхность этой раскаленной почвы простиралась на четыре или пять квадратныхъ сажень; роскошное фиговое дерево покрывало тѣнюю своею это пространство земли снѣдаемой внутреннимъ огнемъ. Путешественники встрѣчали изрѣдка домики жителей и воздѣлываемыя земли. Для обработыванія земли, покрытой лѣсомъ, жители обрѣзали вѣтви большихъ деревьевъ, потомъ подкапывали зем-

лю: подъ корнями и обращали все въ пепелъ.

Дикій, встрѣтившійся Спарману и Форстеру, предложилъ служить имъ проводникомъ; на перекресткѣ двухъ тропинокъ, другой туземецъ, менѣе услужливый, вооруженный пращемъ и камнемъ, заслонилъ имъ дорогу. Направленное на него дуло ружья заставило его уронить изъ рукъ оружiе; но онъ началъ кричать, и на крики его прибѣжали трое мужчинъ и молодая женщина, вооруженная дубиною. Они повели путешественниковъ на вершину пригорка, и оттуда, указывая путь, ведущій къ кораблю, просили ихъ возвратиться туда. Не менѣе того, Англичане рѣшившись продолжать свое предпріятіе, не хотѣли оставить прежняго направленія. Проводникъ покинулъ ихъ; они одинъ вѣзлись на другую гору, которая казалась почти смежною съ огнедышущею. Ожиданіе это было обмануто; они были еще очень далеко отъ цѣли странствованія, почти также далеко, какъ и въ минуту отправленія, множество горъ отдѣляли ихъ отъ волкана. Безуспѣхъ нѣсколько охолодила изыскателей; они думали уже возвратиться, какъ вдругъ нѣсколько дикихъ явились съ оружiемъ и заставили ихъ силою привести въ исполненіе отступленіе, на которое они рѣшились добровольно. Однако все уладилось. Лишь только путешественники направились къ берегу, люди эти сдѣлались совсѣмъ другими; они указывали Англичанамъ дорогу и предложили имъ кокосовыхъ орѣховъ, банановъ и сахарнаго тростнику. Впрочемъ это было послѣднее покушеніе приблизиться къ огнедышущей горѣ.

16 числа, явился на берегу дикій, по имени Югай; его называли королемъ острова, или арики. Кукъ вышелъ на берегъ, чтобы видѣть его и сдѣлать ему нѣсколько подарковъ; онъ принялъ ихъ и удалился. То былъ человекъ престарѣлый съ открытымъ и улыбающимся лицомъ. Ничто, казалось, не обнаруживало его сана, кромѣ пояса, который испещренъ былъ черными и красными узорами, тогда какъ у другихъ островитянъ онъ былъ весь коричнечво-желтоватаго цвѣта. Впрочемъ старикъ Паовангъ вовсе не изъявлялъ уваженія, должнаго званію этого человека. Съ начальникомъ былъ сынъ его, лѣтъ сорока. Толпа пришедшихъ съ нимъ туземцевъ покрывала берегъ.

Могущество этихъ начальниковъ осталось

загадкою для Кука. Одинъ изъ нихъ не имѣлъ даже довольно власти надъ присутствующими островитянами, чтобы заставить одного взлѣзть на вершину кокосоваго дерева, съ котораго онъ хотѣлъ пмѣть нѣсколько орѣховъ. Тѣсно обращавшись ко многимъ другимъ, онъ наконецъ рѣшился самъ взлѣзть, чтобы исполнить желаемое. Мщеніе къ ослушавшимся его людямъ обнаружилось только тѣмъ, что не оставилъ на деревѣ ни одного орѣха. Онъ сорвалъ все и отдалъ ихъ матросамъ. Впрочемъ оба старшины безъ церемоніи напросились обѣдать за столомъ Кука: оба съ аптетитомъ кушали овощи, но соленого вовсе не ѣли.

На другой сторонѣ бухты, Форстеръ нашелъ источникъ горячей воды, въ которой ртуть поднималась до 88 и 95°. Нѣсколько черепакожныхъ животныхъ, брошенныхъ въ него, сварились въ двѣ или три минуты. Вода бѣзетъ здѣсь ключемъ, черезъ черноватый песокъ, у самой подошвы крутаго утеса, соединяющагося съ дымящимися горами; она стремится по направленію къ морю, которое, во время прилива, доходитъ до этого мѣста и поглощаетъ ее.

Царствовавшее съ нѣкотораго времени между островитянами и Европейцами согласіе едва не нарушилось несчастнымъ приключеніемъ. Англіійскій лагерь, расположенный на островѣ, былъ обведенъ демаркаціонною линіею, которую часовые охраняли отъ нападенія дикихъ. Однажды пять или шесть туземцевъ непременно хотѣли перейти черту; часовою выстрѣлилъ и убилъ одного; но не того, который былъ виноватъ. Кукъ сдѣлалъ солдату строгій выговоръ; выговора недостаточно было, чтобы уладить дѣло. Къ счастью, островитяне казались болѣе опечалены, нежели озлоблены; чтобы обезоружить ужасныхъ мужестранцевъ, они принесли на берегъ плоды и не старались удерживать въ залогъ или какъ жертву Форстера, который находясь въ то время въ походеженіяхъ на островѣ, былъ совершенно въ ихъ власти. Форстеръ возвратился невредимъ. Встрѣтивъ на дорогѣ двухъ островитянъ, которые несли трунъ соотечественника своего, онъ слышалъ отъ нихъ вмѣсто жалабы одно только слово *маркомъ* (онъ умеръ).

Кукъ вытхалъ изъ гавани острова Таины 21 Августа, обогнулъ землю съ южной стороны, видѣлъ низкій островъ Иммеръ, высокіе острова Ерронацъ и Аннатомъ, и потомъ

направился къ с. зап. На слѣдующій день онъ плылъ вдоль западнаго берега Сандвичева острова, и обошелъ на разстояніи полумили юго-восточную оконечность Маликоло; берегъ котораго устья были островитянами. Вслѣдъ за симъ онъ проходилъ между Маликоло и Землею Св. Духа; плывя около сей послѣдней по всей восточной ея части; потомъ, 24 вечера, направился къ сѣверной ея оконечности. Судно его мавировало въ продолженіе двухъ дней, въ намѣреніи попасть въ обширную бухту, глубоко врѣзывающуюся въ берегъ. Тутъ показалось нѣсколько байдаръ; но обильные страхомъ островитяне не смѣли подходить близко. Эти люди были лагіе, за исключеніемъ пояса, къ которому были подвязаны широкіе листы, прикрывавшіе ихъ до коленъ. Островитяне были черны, весьма худощавы, и имѣли завитые короткіе волосы.

26 числа, около полудня, судно находилось не болѣе какъ въ двухъ миляхъ отъ залива; Кукъ отправилъ двѣ лодки для обозрѣнія. Жители опять отважились слѣдовать за судномъ въ челнокахъ, но никакъ не хотѣли подойти; только издаиска они принесли сдѣланные имъ подарки, и отвѣчали какъ умѣли на все вопросы.

Офицеръ посланный для обозрѣнія, рассказывалъ, что выйдя на берегъ, нашелъ тамъ рѣку, достаточно глубокую для плаванія лодокъ. Обстоятельство это было характеристическое: Кукъ не могъ ошибиться. Вторично, заливъ этотъ былъ тотъ самый, который Кларкъ называлъ залвомъ Св. Іакова и Св. Филиппа, и гдѣ онъ построилъ мнимый свой городъ Новый Іерусалимъ. Англійскій капитанъ не искалъ новыхъ доказательствъ для подтвержденія этого сходства. Съ наступленіемъ ночи онъ выѣхалъ изъ залива, весь западный берегъ котораго, казалось, освѣщенъ былъ огнями, отъ прибрежія до самой вершины горъ. Изъ этого заключили, что вѣроятно дикари выжигали землю для удобренія. Наконецъ, 1 Сентября Кукъ потерялъ изъ виду острова, которымъ онъ далъ названіе Ново-Гебридскихъ и донынѣ сохранившееся.

Таковы походы Кука. Мы должны были рассказать ихъ обстоятельно и со всеми подробностями, потому что онъ одинокъ хорошо обозрѣлъ этотъ важный архипелагъ. Въ 1793 году д'Антркасто довольствовался здѣсь быстрымъ обзоромъ; онъ видѣлъ

острова Ерронаиъ, Аиннатомъ и Танна, гдѣ огнедышущая гора была узнаваема по большому неподвижному облаку, среди чистаго голубаго горизонта. Хотя Крузенштернъ и говоритъ, что Головиннъ приставалъ къ острову Танна въ 1809 году, но записки его объ этомъ намъ вовсе не извѣстны. Наконецъ въ 1827 году капитанъ Дюрвилъ проходилъ въ южной части группы, подтвердилъ положеніе Ерронана, и шелъ ближе, нежели кто либо изъ предшественниковъ, отъ острова Аиннатомъ. Время не позволило ему подробно заняться этимъ частнымъ обзоромъ.

ГЛАВА XIII.

Острова Ново-Гебридскіе — Географія. Нравы.

Архипелагъ Ново-Гебридскій образуетъ узкую цепь, простирающуюся почти на 120 лгъ отъ N. N. W. къ S. S. O., между 15° и 20° южной широты, и между 164° и 168° долготы къ востоку отъ Парижа. Онъ состоитъ изъ девяти большихъ острововъ и множества меньшихъ. Въ немъ находятся, начиная съ юга:

Аиннатомъ, открытый Кукомъ въ 1774 году, видѣнный потомъ въ 1793 Г. д'Антркасто, и осматрѣнный въ 1827 Дюрвилемъ: земля состоитъ изъ высокихъ горъ съ весьма узкимъ прибрежьемъ, въ особенности съ сѣверной стороны. Прибрежіе покрыто кокосовыми и множествомъ другихъ деревъ, съ бѣловатыми и обнаженными пнямъ. Г. Дюрвилъ относитъ ихъ къ роду *mela-leuca leucadendron*; изъ котораго дабываютъ каучутовое масло. Во всей этой части не было ни какого признака обитаемости. Протяженіе до десяти миль отъ востока къ западу, и до шести миль въ ширину. Западная оконечность лежитъ подъ 20° 11' южной широты и 167° 15' вост. долготы.

Ерронаиъ, открытый Кукомъ въ 1774, увидѣнный вторично Г. д'Антркасто въ 1793 и Дюрвилемъ въ 1827 году, островъ высокій, имѣющій видъ отдельнаго усѣченнаго конуса, съ крутыми краями. По словамъ Форстера, жители сходятся съ типомъ Полинезийскимъ. Островъ имѣетъ въ окружности пять миль. Высшая точка его лежитъ подъ 19° 31' южной широты и 167° 46' восточной долготы.

Иммеръ, открытый въ 1774 году Кукомъ, маленькій, низенькій островокъ, въ двѣ или три мили окружности; подъ 19° 21' южной широты и 167° 10' восточ. долготы.

Танна, открытый въ 1774 году Кукомъ, вторично виданный въ 1793 Г. д'Антркасто. Высокій островъ, значительно населенный. Имѣющій около 22 миль съ N. N. W. къ S. S. O.; и до десяти миль въ ширину. Онъ лежитъ отъ 19° 20' до 19° 40' южной широты, и отъ 165° 53' до 167° 10' восточной долготы.

Островитяне Танна, бронзоваго цвѣта; худощавы, костлявы, малы ростомъ и тонки. Носъ у нихъ широкій, глаза большіе, имѣющіе пріятное выраженіе; черты лица обнаруживаютъ живость и умъ. Почти все, по словамъ Кука, имѣли фізіономію открытую, мужественную и честную; весьма немногіе были не такъ счастливо одарены и казались злыми и коварными. Легкіе и проворные, туземцы владѣли оружіемъ съ ловкостью; но сберегая все силы свои для военнаго времени, предоставляли женщинамъ попеченіе о трудныхъ работахъ. На берегу женщины безпрестанно проходили, обремененныя тяжкими ношами; мужчины носили одно только оружіе.

Женщины острова Танна, малорослы и довольно красивы въ молодости. Глаза ихъ выражаютъ нежность и доброту; поступъ не лишенъ пріятной ловкости (Рис. XXVI. Ф. I). Одежда мужчинъ состоитъ изъ передника, который вмѣсто того чтобы прикрывать ихъ паготу, еще болѣе выказываетъ ее. «Они походятъ, говоритъ Форстеръ, на бога хранителя вертоградовъ, въ Греческой міѳологіи.» Женщины обвертываются кускомъ ткани изъ банановыхъ волоконъ, покрывающимъ ихъ отъ пояса до коленъ.

Кромѣ обыкновеннаго татуированія, производимаго накалываніемъ, здѣсь употребляютъ другое татуированіе, посредствомъ нарубокъ или наръзокъ. Они вырѣзываютъ мясо бамбукомъ или острою раковиною; потомъ прикладываютъ особенное растеніе, чтобы приподнять кожу, пока рана не заживетъ. Татуированіемъ изображаютъ обыкновенно цвѣты, животныхъ, или фантастическія фигуры; подобное украшеніе здѣсь въ большой чести.

Оба пола употребляютъ еще различныя притиранія, то чернаго свинцоваго цвѣта, то красноватаго, иногда краснаго или коричневаго; они размазываютъ ихъ на лицѣ, на

шеѣ и на плечахъ, косвенными полосами въ два или три дюйма ширины. Бѣлая краска очень рѣдко употребляется; случается, что одна половина лица разрисована краснымъ, тогда какъ другая все покрыта черною краскою.

Волосы, отъ природы курчавые и завитые, черные или темнорусые; бываютъ раздѣлены на маленькіе клочки, и въ нижней части имѣютъ видъ скрученныхъ веревочекъ. Чтобы достигнуть этого, островитяне нарѣдка наворачиваютъ ихъ на тоненькое растеніе. Другіе, предоставляли прическу своей природѣ, сваливаютъ только волосы зелеными листьями, дучками на верхушкѣ головы; въ этотъ шиньонъ втыкаютъ иногда маленькую палочку, чтобы чесать ею голову (большую частію пренебреженную пастыкомы); кромѣ того, носятъ еще маленькую бамбуковую тросточку, украшенную птичьими перьями. Нѣкоторые изъ туземцевъ носятъ шляпы плетенныя изъ банановыхъ листьевъ. У женщинъ волосы вообще коротки, также какъ у молодыхъ людей, до совершеннолѣтія. Борода мужчинъ коротенькая и густая; иногда они расчесываютъ ее на скрученные клочки, точно такъ какъ волосы (Рис. XXVI. Ф. 2).

Мужчины и женщины обвѣшаны браслетами, ожерельями, серьгами и амулетами. Украшенія эти выдѣлываются изъ грубаго камня, изъ раковинъ, черепахи, орѣховой и кокосовой скорлупы, или просто изъ полированныхъ кусочковъ дерева, смотря по состоянію. Островитяне въ особенности предпочитаютъ зеленый нефритъ, привезенный Англичанами изъ Новой Зеландіи. Хрипъ, раздѣляющій поздри, проткнувъ, и въ отверстіе продѣтъ цилиндрической камень, или кусокъ бамбука въ полдюйма толщиною.

Туземцы не имѣли ни какаго понятія объ употребленіи жѣлѣза до прибытія Европейцевъ, и отъ того сначала пренебрегали имъ. Но, узнавъ пользу его, во время пребыванія Англичанъ, они мало по малу начали показывать желаніе пріобрѣтать этотъ металлъ. Достойно примѣчаніе, что каменные топоры ихъ походятъ паружнымъ видомъ болѣе на обыкновенные топоры, нежели на скиры Полинезійскихъ племенъ.

Промышленность ограничивается здѣсь обработываніемъ земли, выдѣлываніемъ тканей, цыпунковъ и оружія, и сооруженіемъ домовъ и челноковъ. Челноки и дома очень ху-

до построены; оружія состоятъ изъ копій, дротиковъ, луковъ и булавъ, но любимое есть дротикъ, на трехъ-угольной оконечности котораго находятся острия бородки: они бросаютъ его посредствомъ плетённого шнурочка длиною въ шесть дюймовъ, съ петлею на одномъ концѣ и съ узломъ на другомъ. Указательный палецъ правой руки кладется въ петлю, а другой конецъ обвертывается вокругъ дротика, между тѣмъ какъ этотъ поддерживается большимъ пальцемъ и другими, чтобъ дать ему желаемое направленіе. Полетъ понуждается указательнымъ пальцемъ, и когда дротикъ вылетитъ, шнурокъ остается на пальцахъ. Этими дротиками, они убиваютъ птицъ и рыбъ на разстояніи отъ 20 до 30 футовъ, попадаютъ въ цѣль величиною въ 6 дюймовъ и никогда не даютъ промаха; но на двойномъ разстояніи, рѣдко уже попадаютъ въ цѣль, не смотря на то, что дротикъ могутъ пролетать болѣе сорока саженей.

Молодые люди обыкновенно употребляютъ пращи и луки; люди же возмужалые дротикъ и дубины! Луки ихъ сдѣланы изъ прекраснаго дерева казуарина, вмѣстѣ крѣпкаго и упругаго; отъ времени до времени они смазываютъ ихъ масломъ, чтобы поддерживать ихъ гибкость. Булавы бываютъ пяти или шести различныхъ видовъ; предпочитаютъ длинныя въ 4 фута, съ рукою изъ округленныхъ узловъ, и съ покрытымъ колючками шаромъ на оконечности; другія различной длины имѣютъ то узелъ съ боку, то остріе особеннаго вида. Между этимъ оружіемъ, есть одно, которое можно назвать карманною булавою: это кусокъ коралла длиною въ десять дюймовъ, которымъ иногда бросаютъ въ непріятеля.

Занятія кухонныя предоставлены женщинамъ; они пекутъ и жарятъ ямсъ и бананы, варятъ зеленые листья фиговаго дерева и *hibiscus esculentus*. готовятъ пудинги изъ тѣста, сдѣланнаго изъ банановъ и таро съ примѣсью маниада и листьевъ. Множество различныхъ фруктовъ употребляются въ пищу, безъ всякаго приготовленія. Бѣлятъ свинину и птицъ, но рыбы и устерсы составляютъ основу пищи. Другаго питья не употребляютъ, кромѣ воды съ кокосовымъ молокомъ.

Ничего не дознано касательно образа правленія. Есть вожди, власть которыхъ, кажется, весьма ограничена. Только старику Югаю

оказывалось нѣкоторое почтеніе. Въ окрестностяхъ залива, осмотринаго Кукомъ, жители не признавали надъ собою ни чьей власти. Въ каждой деревушкѣ обитали нѣскольکو семей во взаимной враждѣ и все ходили съ оружіемъ. Форстеръ ошибочно полагаетъ, что число жителей острова Танны простирается до 20,000; вѣроятно оно доходитъ до половины. Орелитинъ, не смотря на все изысканія, не удалось ничего узнать; не извѣстно, имѣютъ ли эти люди какую нибудь религію. Полагаютъ, что племни, которыя слышались каждое утро на восточномъ берегу, были не что иное, какъ молитвы.

Когда дикіе видѣли что нибудь новое, они восклицали *gibu!* Этотъ же словомъ выражалось удивленіе и желаніе; они придавали ему особенное значеніе выговоромъ, и иногда, произнося его, щелкали пальцами. Форстеръ полагаетъ, что ихъ языкъ столько же отличается отъ Тонгайскаго нарѣчія, сколько отъ Маликоайскаго: большая часть словъ состоитъ изъ звуковъ гортанныхъ и хрипыхъ, впрочемъ звонкихъ, преполненныхъ гласными и довольно легко выговариваемыхъ. Географическія познанія островитянъ не простирались далѣе Коро-манго; они не знали ни Маликоло, ни Апи, ни даже гораздо ближайшаго къ нимъ Сандвича.

Главныя произведенія острова суть: плодъ хлѣбнаго дерева, кокосовый орѣхъ, какой-то фруктъ, похожій на перенкъ, но въ пищу негодный, ямсъ, пататы и дикія фиги. Плоды хлѣбнаго дерева, кокосы и бананы не столь хороши и не такъ изобилуютъ, какъ въ Таити; но сахарный тростникъ произрастаетъ роскошно и замѣчательнъ качествомъ и ростомъ. Найдены корни ямса въ пятьдесятъ шесть фунтовъ весомъ! Свиной много, но дворовыя птицы рѣдки. Лѣсныхъ птицъ не такъ много какъ въ Таити, за то здѣсь онѣ ярче пѣютъ персвѣ; у береговъ этого острова Англичане нашли неизмѣримо богатую рыбную ловлю. Форстеръ замѣтилъ, что въ лѣсахъ водилось множество растений, которыхъ нѣтъ въ Таити; изъ нихъ одни можно отнести къ разряду Азіатскихъ, другія принадлежали собственно этимъ группамъ.

Натураллисты, путешествовавшіе съ Кукомъ, сдѣлали подробное изслѣдованіе геологическаго состоянія почвы острова Танны. — «Разсмотрѣнныя нами скалы», говоритъ Форстеръ, «составлены болѣею частию изъ нѣкотораго рода глинистаго камня, съ

примѣсью мѣла. Камень сей обыкновенно темнаго или желтоватаго цвѣта; онъ лежитъ горизонтальными слоями около шести дюймовъ толщиною. Во многихъ мѣстахъ мы замѣтили камень черный и мягкій; составленный изъ золы и хорла изверженныхъ волкановъ, съ примѣсью глины или особеннаго рода триполи, называемой пемзою. Это вещество лежитъ иногда перемежающимися слоями съ чернымъ камнемъ. Волканическій песокъ, смѣшанный съ черноземомъ, составляетъ лучшую почву острова, на которой, какъ я уже сказалъ, произрашеніе изобильно. Дѣйствіе волкана безъ сомнѣнія причиняетъ большія перемены въ минеральныхъ его произведеніяхъ, и въ этой части острова мы бы конечно сдѣлали какія нибудь открытія, если бы жители не препятствовали намъ. Мы нашли самородную сѣру, въ бывшей землѣ, которая покрывается солфатарами, изрыгающими водяные пары. Здѣсь почва, сильно напитанная квасцами, содержитъ также соляныя частицы. Поблизости замѣтили красныя нарки; сверхъ того, жители украшаютъ храмы между ноздрями бѣлымъ камнемъ (сеяепитомъ). Попадались весьма большіе куски лавы, но не въ значительномъ количествѣ; къ жерлу волкана намъ не удалось приблизиться.

Островъ *Коро-манго*, открытый Кукомъ въ 1774, отстоитъ отъ Танны не болѣе двадцати миль къ северу. Почва его довольно высока; на восточной сторонѣ образуются пространный заливъ, съ низменными берегами; окрестности его кажутся довольно плодородны; съ двухъ сторонъ тянутся обширныя и живописныя лѣса; съ южной стороны почва представляетъ обширную хорошо воздѣланную отлогость. Островъ имѣетъ двадцать миль протяженія отъ N. къ S. и почти столько же отъ O. къ W. Ю. шир. отъ 18° 40' до 19° 21', в. долг. отъ 166° 30' до 166° 50'.

Жители этого острова вмѣстѣ съ жителями другихъ острововъ, лежащихъ отъ него на югъ, составляютъ племя, отдѣльное отъ племени, обитающаго на северныхъ островахъ, и говорятъ другимъ языкомъ. Ростомъ они не велики, но хорошо сложены; ихъ лица довольно пріятны; цвѣтъ кожи весьма темный; лице красятъ черною или красною краскою, и завиваютъ волосы. Путешественники мало видѣли здѣсь женщинъ, нѣтъ были весьма дурны собою; онѣ носятъ корот-

кую юбку изъ листьевъ; а мужчины не имѣютъ другой одежды кромѣ поясовъ. Дома покрыты пальмовыми листьями, а плантаціи окружены камышевыми плетнями.

Сандвичъ, открытый Кукомъ въ 1774 г., лежитъ въ двадцати двухъ лигахъ на N. N. W. отъ предыдущаго; имѣетъ въ окружности 22 лиги; самое большее его протяженіе 10 лигъ отъ S. O. къ N. W. Этотъ островъ, одинъ изъ красивѣйшихъ въ группѣ, представилъ Англичанамъ виды восхитительные. Луга и деревья покрыты самою яркою зеленью; въ тѣни высокихъ пальмъ укрывались красивыя хижины; на прибрежьи лежали вытаспанные изъ моря байдары. Въ другихъ мѣстахъ густыя лѣса; и поля желтыя и обработанныя, напоминали правильное размѣщеніе деревъ и посѣвовъ въ Европейскихъ мызахъ. Ю. ш. отъ 17° 34' до 17° 54', в. долг. отъ 165° 47' до 166° 15'.

Гинцибрукъ, открытый въ 1774 г. Кукомъ; небольшой островокъ у северо-западныхъ береговъ Сандвича. Ю. ш. 17° 31', в. д. 166° 6'.

Монтегю, открытый Кукомъ въ 1774, не великъ, но высокъ и населенъ; лежитъ въ пяти или шести миляхъ на северъ отъ Сандвича. Ю. ш. 17° 26' в. долг. 165° 57'.

Монументъ, открытый Кукомъ въ 1774, черноватая скала, съ трещинами, покрытая немногими кустами, вышиною въ 25 сажень. Ю. ш. 17° 16', в. долг. 166° 3'.

Два холма, открытъ Кукомъ въ 1774; небольшой островокъ, составленный изъ двухъ отвѣсныхъ холмовъ, соединенныхъ низкимъ и узкимъ перешейкомъ; протяженіе его не болѣе мили или двухъ. Ю. ш. 17° 16', в. долг. 166° 1'.

Три холма, открытъ Кукомъ въ 1774; имѣетъ въ окружности четыре лиги; такъ названъ отъ трехъ холмовъ, имѣющихъ форму пиковъ; онъ лѣсисто и населенъ дикими, похожими на Маликолайцевъ. На S. O. отъ него въ близкомъ разстояніи находится плоскій островокъ, а на N. W. въ пяти миляхъ рифы, о которые дробится бурунъ. Ю. ш. 17° 31', в. д. 165° 57'.

Стеффердъ, открытъ Кукомъ въ 1774. Эта группа островковъ разной величины; они населены и тянутся на пять миль отъ S. O. къ N. W.

Апи, открытъ Кукомъ въ 1774, имѣетъ въ окружности двадцать лигъ, а протяженія восемь отъ N. W. къ S. O. Возвышенъ, го-

ристь, изрѣзаны долинами и лѣсами; и населенъ; какъ должно думать по дыму, который былъ видѣнъ на немъ. Его S. O. оконечность лежитъ подъ $16^{\circ} 50'$ ю. ш. и $166^{\circ} 5'$ в. д.

Паумъ, открытъ Кукомъ въ 1774, значительно высокъ, и представляетъ форму скирды сѣна. Протяженія его не болѣе четырехъ лнгъ. Кукъ полагаетъ, что онъ раздвоенъ узкимъ каналомъ. Онъ обитаемъ. Восточная оконечность лежитъ подъ $16^{\circ} 27'$ ю. ш. и $165^{\circ} 51'$ в. долг.

Амбримъ, открытъ въ 1768 г. Бугенвилемъ, и усмотрѣнный Кукомъ въ 1774; имѣетъ въ окружности около семи лнгъ; берега низменны, но постепенно возвышаются до горы средней высоты, находящейся посреди острова. Около этой горы былъ замѣченъ дымъ, что и заставляло думать, что она заключаетъ вулканъ. *Амбримъ* почитается многолюднымъ. Юго-восточная его оконечность лежитъ подъ $16^{\circ} 18'$ ю. ш. и подъ $165^{\circ} 55'$ в. долг.

Духова-дилъ (Pentecôte), открытъ Бугенвилемъ въ 1768 г. и видѣнный Кукомъ въ 1774, высокъ и покрытъ лѣсомъ, за исключеніемъ обработанныхъ земель, которыхъ много; онъ имѣетъ не менѣе тридцати трехъ миль отъ N. къ S. и миль 8 или 10 въ ширину. Спутники Кука замѣтили ночью, что лѣса горны, и заключили изъ этого, что жители занимались разработкою земли. Ю. ш. $15^{\circ} 26'$ до $15^{\circ} 58'$, в. долг. $165^{\circ} 50'$.

Аврора, открытъ Бугенвилемъ въ 1768, и усмотрѣнный Кукомъ въ 1774; высокъ и населенъ; онъ имѣетъ до одиннадцати лнгъ отъ N. къ S. и четыре или пять въ ширину. Отъ морскаго берега до вершины горъ покрытъ лѣсомъ; всѣ долины его перерѣзаны ручьями. Центральныя пикъ весьма высоки. Ю. ш. отъ $14^{\circ} 51'$ до $15^{\circ} 22'$, в. долг. отъ $165^{\circ} 47'$ до $165^{\circ} 53'$.

О. Прокаженныхъ, открытъ Бугенвилемъ въ 1768, усмотрѣн Кукомъ въ 1774. Высокій, населенный, овальной; формы онъ имѣетъ въ окружности до 20 лнгъ. Вся сѣверо-восточная его сторона показалась Форстеру менѣе возвышенною, нежели остальная часть; она покрыта различными деревьями, между коими было множество пальмъ. Величественныя каскады низвергались съ горъ. Ю. ш. $15^{\circ} 24'$, в. д. $165^{\circ} 27'$ (вершина горы).

Маликоло, открытъ Квирсомъ въ 1606,

увидѣнный Бугенвилемъ въ 1768 и Кукомъ въ 1774. Этотъ большой и прекрасный островъ имѣетъ 18 лнгъ отъ N. W. къ S. O. и 6 или 7 въ ширину. Кукъ представляетъ его плодороднымъ и многолюднымъ. Почва, образуя въ центрѣ острова цѣпь горъ средней высоты, постепенно склоняется къ берегамъ. У юго-восточной оконечности лежитъ портъ Сандвичъ, а нѣсколько южнѣе три островка, именуемые *Маскеллиами*. Ю. ш. отъ $15^{\circ} 50'$ до $16^{\circ} 36'$, в. долг. отъ $164^{\circ} 47'$ до $165^{\circ} 26'$.

По описанію Кука, жители этого острова малорослы, бронзоваго цвѣта, съ продолговатою головою и плоскимъ лицомъ; они болѣе похожи на обезьянъ, нежели на людей, не столько физіономією, сколько слабостію и неправильностію сложенія. Ихъ волосы черные или темные, короткіе, курчавые, хотя не шерстянистые; бороды густыя, черныя и короткія. Природное безобразіе этихъ людей еще увеличивается отъ веревочнаго пояса, которымъ они такъ стягиваются, что тѣло перерѣзано какъ тѣло муравья; что весьма непріятно для глаза.

Мужчины не носятъ другой одежды, кромѣ листьевъ или куска рогожи подъ брюхомъ. Женщины, красотою не лучше мужчинъ; намазываютъ красною краскою голову, лице и плечи.

Украшенія и оружія этого племени такія же какъ у жителей Таити. Языкъ показался Форстеру совершенно различнымъ отъ языковъ, до того имъ изученныхъ. Особенно повторялся звукъ *бrr* съ сильнымъ на него удареніемъ; такъ напримѣръ одинъ изъ островитянъ, съ которыми ознакомились Англичане, назывался *Мамбрумъ*, другой *Бо-иол-бруай*; слышалъ на ихъ языкъ *брой*, часто повторяли они слово *толарра* (другъ). Впрочемъ они гораздо легче приспособлялись къ выговору Европейскихъ языковъ, нежели Таитійцы. Удивленіе выражали они звукомъ, похожимъ на шипѣніе гусей.

Св. Варфоломелъ, открытъ Бугенвилемъ въ 1768, увидѣнный Кукомъ въ 1774; низенькій, населенъ, низменнъ, имѣетъ шесть или семь лнгъ въ окружности, и лежитъ въ проливѣ, разделяющемъ Маликоло отъ о. Св. Духа. Къ юго-восточной его сторонѣ прилежитъ другой небольшой островокъ. Ю. ш. $15^{\circ} 42'$, в. долг. $164^{\circ} 51'$ (вершина).

Св. Духа, открытъ въ 1606 Квирсомъ, вновь открытъ Бугенвилемъ, и усмотрѣнъ

Кукомъ въ 1774. Онъ имѣетъ 22 лиги, протяженія отъ N. N. W. къ S. S. O., въ ширину же отъ 10 до 12 лигъ; въ северную его часть врызывается просторная бухта, а къ южной прилегаютъ многіе островки; въ западной части почва возвышена, и образуетъ цѣпь горъ, которыя во многихъ мѣстахъ спускаются отвѣсно къ морю. Весь островъ, за исключеніемъ прибрежій и некоторыхъ гористыхъ мѣстъ, гдѣ торчатъ нагія скалы, покрытъ лѣсомъ и плантаціями. Прозрѣніе его показалось Форстеру самымъ богатымъ и разнообразнымъ. Согласно съ Квирсомъ, который ему предшествовалъ двумя вѣками, онъ называетъ этотъ островъ одною изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ странъ. Ю. ш. отъ 14° 41' до 15° 42', в. долг. отъ 164° 7' до 164° 55'.

Малое число жителей, которыхъ видѣли Англичане, показали имъ здоровье и лучше сложеніе, нежели Маликолайцы. Изъ этого заключили, что они принадлежатъ другому племени; предположеніе это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что ихъ языкъ не имѣетъ ни какого сходства съ языками Таины, и Маликоло, но болѣе близокъ къ Тонгайскому нарѣчію. Ихъ волосы то коротки и курчавы, то длинны и гладки. Они носятъ браслеты и ожерелья; у одного висѣла на лбу бѣлая раковина; другіе были намазаны черноватою краскою. Изъ оружій видѣли только копья и багры для рыбной ловли. Изъ подарковъ, которые имъ были сдѣланы, они наиболѣе дорожили гвоздями. Дикари съ своей стороны подарили Европейцамъ вѣтвь шинера.

Цикъ звѣзды, вѣроятно тотъ же самый, который у Квирса названъ *Nuestra-Senora de Luz*, былъ замѣченъ Бугенвилемъ въ 1768. Это небольшой островокъ при скалѣ, имѣющая нѣсколько миль въ окружности. Ю. ш. 14° 21', В. долг. 165° 32'.

Вотъ все острова архипелага, который Кукъ называлъ Новыми Гебридами; но къ нимъ можно причислить еще слѣдующіе:

Банксъ (Banks), открыты Блейемъ въ 1789, когда онъ шелъ на шлюбокѣ отъ о-ва Тонга въ Тиморъ. Это группа изъ четырехъ острововъ, высокихъ и населенныхъ, и нѣсколькихъ скалъ на южной сторонѣ; она занимаетъ отъ 15 до 20 лигъ пространства отъ N. къ S. Самый большой изъ нихъ имѣетъ до 20 лигъ въ окружности, а остальные отъ 5 до 6. Самый малый, который дежитъ бли-

же къ югу; отличается горою, имѣющею форму сахарной головы. Ни одинъ мореплаватель послѣ Блея не видалъ этихъ острововъ, и потому форма ихъ и географическое положеніе донынѣ не довольно ясно опредѣлены. Ю. ш. отъ 13° 27' до 14° 11', в. долг. отъ 166° 31' до 166° 30' (?) Можетъ быть, это тѣ же самые острова, которые видѣлъ Квирсъ на пути къ острову Св. Духа.

Блей, открытый Блейемъ въ 1789; небольшой и не весьма высокій. Ю. ш. 13° 50', в. долг. 165° 17'.

ГЛАВА XIV.

Тикопія. — Ваникоро.

Океанія, кое какъ подвигаясь впередъ при противныхъ вѣтрахъ, находилась 15 Юня между островами Фатака и Тикопія. Фатака представлялся намъ въ видѣ митры, отъ чего и получилъ въ 1791 году, отъ открывшаго его капитана Эдварса, названіе *острова Митры*. Съ того времени его видѣлъ въ 1822 Русскій капитанъ Хрущевъ; въ 1827 Диллонъ; а въ 1828 Дюрвилъ, опредѣлившій его географическое положеніе подъ 11° 55' ю. ш. и подъ 167° 48' в. долг. По его изслѣдованіямъ оказалось, что это скала, имѣющая не болѣе мили протяженія, довольно лѣсистая, утесистая и возвышающаяся надъ моремъ на 60 или 80 футовъ. Она составлена изъ двухъ неровныхъ пригорковъ, а въ северной части находится скала, почти отдѣльная, цилиндрическая и съ сквознымъ отверстіемъ посрединѣ. Диллонъ говоритъ, что жители Тикопіи почитаютъ этотъ островъ принадлежностію ихъ острова; — ежегодно они туда отправляются въ пору западныхъ вѣтровъ, для охоты и ловли акулъ; охота птицъ доставляетъ имъ перья; акулы — зубы. Чтобы никто не отнялъ у нихъ острова, съ котораго получается этотъ двойной доходъ, они вырубилъ на немъ все кокосовыя деревья, и такимъ образомъ Фатака остался не воздѣланъ и не населенъ.

Въ то время какъ съ одной стороны Фатака терялся въ отдаленіи, съ другой показывался, какъ точка на горизонтѣ, островъ Ануа, открытый Эдварсомъ въ 1791 г., прозванный имъ Чернъ (*Cherry*); усмотрѣнный Хрущевымъ въ 1822, и Дюрвилемъ 1828. Это небольшой и невысокій островокъ, въ

три мили въ окружности, населенный Полинезійскимъ племенемъ. Капитанъ Дюрвилль опредѣляетъ его положеніе подъ 11° 37' ю. ш. и 167° 27' в. долг.

Эти два острова, съ двумя банками, *Пандорою* и *Шарлоттою*, изъ коихъ первая открыта Эдварсомъ въ 1791, а вторая Жильберомъ въ 1788, представляютъ, кажется, вершины подводной цѣпи горъ, которая тянется съ восточной стороны по островамъ Ротума, Валисъ, Алу-фату и Гамоа, а на западной опирается въ Тикопію, Ваникоро, Питенди и Саломоновы острова.

Пендлетонъ придерживался къ Тикопіи, которая давно уже была въ виду, хотя мы находились отъ нея еще въ 15 лигахъ. Къ двумъ часамъ пополудни мы были на разстояніи одной мили на S. W. отъ острова, и удостовѣрились, что онъ на видъ представляется обширѣйшимъ, нежели въ самомъ дѣлѣ. Островъ имѣетъ не болѣе четырехъ или пяти миль въ окружности; но на этомъ тѣсномъ пространствѣ, какимъ могущественнымъ и роскошнымъ прозябеніемъ онъ украшенъ! Цѣлый островъ есть букетъ деревъ среди зеленоватой равнины моря; это какъ будто одинъ изъ тѣхъ искусственныхъ островковъ, которые создаются рукою человека на озерахъ или баесейнахъ. (Рис. XXVII. ф. 1).

Когда мы были подъ вѣтромъ отъ острова, Пендлетонъ легъ въ дрейфъ, дожидаясь байдары, которая отчалала отъ берега. Издали можно было видѣть, что изъ семи человекъ, находившихся въ ней одинъ отличался отъ другихъ одеждою и цвѣтомъ кожи. Когда байдара пристала, задача разрѣшилась. Одинъ изъ людей былъ Англичанинъ, по имени Джонъ-Петерсонъ, бѣжавшій безъ сомнѣній изъ Портъ-Джаксонскихъ тюремъ, выдававшій себя за матроса, оставленнаго на островѣ капитаномъ для какихъ то коммерческихъ дѣлъ.

Намъ нѣкогда было узнавать, кто онъ и откуда, лишь бы только онъ удовлетворилъ нашему любопытству. Петерсонъ сдѣлалъ это весьма охотно. Онъ рассказывалъ, что ему очень хорошо у островитянъ, описывалъ ихъ народомъ кроткимъ, съ которымъ легко ужиться и представилъ намъ своего покровителя Тафуа, который съ благодарностію принялъ отъ Пендлетона подарки. Рассказъ Англичанина внушилъ капитану желаніе съѣхать на берегъ; онъ приказалъ уже спускать шлюбку, но Петерсонъ остановилъ

его: «Васъ не пустятъ на берегъ, сказалъ онъ»;—Отъ чего же? спросилъ Пендлетонъ; вы сами говорили, что жители добры и гостепріимны.—«О! отъ чего? это длинная исторія. Пріѣзжіе употребили во зло ихъ гостепріимство, и теперь они никому не довѣряютъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ зашелъ сюда корабль, подъ бѣлымъ флагомъ, съ множествомъ народу и съ пушками. Съѣхала на берегъ шлюбка и островитяне отправились съ пріѣзжими на корабль. Нѣтеро изъ нихъ были задержаны и корабль поплылъ къ западу. Вскорѣ послѣ того эпидемическая болѣзнь истребила почти четверть народонаселенія всего острова. Тикопійцы приписали это несчастіе злему духу, который былъ занесенъ къ нимъ кораблемъ подъ бѣлымъ флагомъ. Они заключили, что каждый корабль имѣетъ съ собою, или можетъ имѣть, злыхъ духовъ, и рѣшили не допускать къ себѣ шлюбокъ. Если случайно одинокій Европеецъ будетъ занесенъ къ нимъ, это другое дѣло; они нѣсколько разъ принимали уже людей, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и не испытывали ни какого несчастія.»

Такъ говорилъ Петерсонъ. Можнобы было не вѣрить ему; но рассказъ подтверждался тѣмъ, что островитяне съ своей стороны сильно противились отъѣзду шлюбки съ *Океани*, и убѣдительно просили между тѣмъ, съ ласками и съ обѣщаніями всякаго рода, чтобы наши матросы у нихъ погостили. Просьбы были такъ заманчивы, что Пендлетонъ, опасаясь чтобы матросы не бѣжали, вышелъ въ море и продолжалъ плаваніе къ востоку.

Тикопія открыта Квирсомъ въ 1606. Послѣ него первый увидѣлъ этотъ островъ корабль *Барвелъ*, въ 1798 году, и далъ ему свое имя. Наконецъ въ 1813 зашелъ сюда Диллонъ, и оставилъ на берегу матроса Бушарта, родомъ Пруссака, Ласкара по имени Джоэ, и женщину изъ Вити; они были хорошо приняты жителями, и оставались на островѣ до 1826, когда Диллонъ вторично сюда зашелъ. Бушартъ и Джоэ сообщили ему первыя извѣстія о кораблекрушеніи Лаперуза; это открытіе было главною побудительною причиною отправления корабля Индійской компаніи *Research*. Онъ былъ въ Тикопіи въ 1827; а въ 1828 капитанъ Дюрвилль посѣтилъ этотъ островокъ.

Находясь посреди Меланезійскихъ группъ, жители Тикопіи представляютъ одну изъ

красивѣйшихъ породѣ Полинезій. Они большаго роста, крѣпкаго и красиваго сложенія, права тихаго, веселаго и гостепріимнаго. Борода у нихъ не велика, но волосы длинны и распущены по плечамъ. Женщины бѣлые мужчинъ, имѣютъ станъ легкій, стройный, пріятныя лица и красивыя формы (Рис. XXVII. ф. 2).

Находясь на рубежѣ двухъ различныхъ породъ, Тикопійцы заимствовали обычай отъ той и другой. Они татуируются, подобно Тонгайцамъ, и навививаютъ себѣ на носъ и на уши разныя украшенія изъ черспахи, подобно жителямъ Ваникоро; употребляютъ и кава и бетель. Впрочемъ у нихъ вовсе нѣтъ обычая изувѣчивать себѣ, подобно другимъ Полинезійцамъ, выбивать себѣ зубы или отнимать составы пальцевъ. Они любятъ пляску; но не имѣютъ другаго музыкальнаго инструмента, кромѣ доски, по которой бьютъ тактъ двумя палочками.

Тикопійцы имѣютъ какое то вѣроисповѣданіе, подобное Тонгайскому. Для нихъ духовъ или *атуаевъ* храмами служатъ казы, въ которыхъ имъ поклоняются съ нѣкоторыми обрядами. Когда садятся обѣдать, бросаютъ на землю часть кушанья, безъ сомнѣнія для божества. Они боготворятъ даже нѣкоторыхъ рыбъ, будто духовъ; и между прочимъ мурена служитъ предметомъ глубокаго почитанія. Летучая мышь или лучше летучая собака пользуется божественными почестями подъ именемъ *Атуа-тану*.

Народонаселеніе Тиконіи не превышаетъ 4 или 500 человекъ; они размѣщены по четыремъ деревнямъ, изъ которыхъ каждая признаетъ одного вождя. Духовная власть находится въ рукахъ первосвященника и трехъ подвѣдомыхъ ему жрецовъ. Островитяне живутъ въ мирѣ между собою и войны не знаютъ. Если случится какой раздоръ, вожди утишаютъ его, грозя народу гнѣвомъ боговъ. Вожди пользуются такимъ уваженіемъ, что иначе къ нимъ не приступаютъ, какъ распростирался ницъ.

Тикопійцы питаются плодами, рыбою, и улитками. У нихъ были прежде свиньи; но они причинили вредъ огородамъ, и потому жители рѣшились истребить ихъ всѣхъ; съ того времени это полезное животное не водится болѣе на островѣ.

Власть вождей наследственна; отцу наследуетъ сынъ, или братъ, если сынъ еще сани-

комъ молодъ. Вождей хоронятъ въ самыхъ домахъ, гдѣ они жили.

Женщинъ болѣе нежели мужчинъ; по этому родителю лучше желаютъ имѣть сына, нежели дочь; рожденіе сына празднуется и родители принимаютъ подарки отъ соседей. Многоженство допускается; нѣкоторые имѣютъ до трехъ женъ. Ничего нѣтъ прощѣ брачныхъ обрядовъ. На ночь мужчина дѣлаетъ посѣщеніе своей любезной, на другой день она объявляетъ вождю, что довольна; вождь скрѣпляетъ бракъ, и молодые подносятъ ему корзину съ плодами.

Иноземцы иначе жениться не могутъ, какъ на вдовѣ. Ласкаръ-Джос сочтается бракомъ съ вдовою имѣвшею взрослыхъ дѣтей. Однажды онъ зашелъ къ ней вечеромъ: она предложила ему свою руку; онъ молчалъ; она приняла это за согласіе, натерла его красною краскою и дѣло было кончено.

Жены въ Тиконіи болѣею частію вѣрны мужьямъ, которые имѣютъ право наказывать смертію не вѣрность; Впрочемъ они рѣдко пользуются этимъ. Молодыя дѣвушки свободны, и часто употребляютъ во зло свою свободу; послѣ, для прикрытія стыда, онѣ прибѣгаютъ къ самоубійству. Самоубійство весьма рѣдко.

Когда свирѣпствуетъ повальная болѣзнь, жители стараются отвлечь ее какимъ нибудь очистительнымъ обрядомъ. Такимъ образомъ въ 1827 г., по отправленіи капитана Диллона, въ Тиконіи была язва; островитяне построили небольшую лодку и украсили ее букетами. Когда все было готово, четверо изъ сыновей главнѣйшихъ вождей носили ее на плечахъ въ сопровожденіи всего народа. Процессія обошла кругомъ островъ съ громкими восклицаніями, сильно ударяя по кустарникамъ, находившимся на пути. Возвратясь къ мѣсту, откуда началось шествіе, присутствующіе спустили лодку въ море, и оставили ее на произволъ вѣтровъ. Мы видели уже, что Цингалезцы совершаютъ подобный обрядъ для утишенія бога бурь. Тикопійцы впрочемъ сами не приписывали этому обряду болѣе важности, нежели сколько онъ заслуживаетъ. Они сильнѣе вѣрили дѣйствительности карантиннаго оцѣпленія противъ Европейскихъ судовъ.

Океанія оставила Тиконію при юго-восточномъ вѣтрѣ, всегда свѣжемъ въ это время года. 16 поутру высоты Ваникоро показались предъ нами подобно тремъ плоскимъ

низменнымъ островкамъ. Мало по малу эти три островка соединились въ одинъ. Ввечеру, при захожденіи солнца, шлюпъ былъ не далѣе какъ на двѣ лиги отъ восточнаго берега. Въ этомъ разстояніи Ваникоро казался лѣснымъ; почва его представляла живописныя неровности. Кругомъ острова тянулась полоса скалъ, которыя дѣлали его неприступнымъ, кромѣ восточной стороны, гдѣ значительное углубленіе врывалось внутрь острова.

Таковъ видъ Ваникоро, этого острова, мало кѣмъ видѣннаго и малоизвѣстнаго, до того времени, пока онъ не сдѣлался предметомъ особенныхъ изысканій капитановъ Диллона и Дюрвиля. Здѣсь возвышается памятникъ, построенный новою *Астролябією*, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ погибла старая. Могъ ли я оставаться равнодушнымъ при этомъ двойномъ эпизодѣ печали и возрожденія? Я былъ одинъ Французъ на Американскомъ кораблѣ, и чувство народности, не разделяемое никѣмъ изъ моихъ спутниковъ, внушало мнѣ живѣйшее желаніе ступить на землю острова. Другіе смотрѣли на насъ равнодушно, въ то время какъ я пожиралъ островъ глазами. Никто не понималъ моего положенія, кромѣ Пендлетона. «Неудается,» сказалъ онъ; «для васъ и для себя, я имѣлъ намѣреніе бросить якорь у Ваникоро; для васъ, потому что я угадываю ваши чувства; для себя, потому что изслѣдованія Диллона и Дюрвиля придаютъ весьма важную занимательность этому уголку земли. Но погода намъ не благопріятствуетъ. Взгляните на горизонтъ къ S. O.; отсюда грозитъ вѣтеръ, сильный для нашихъ парусовъ у этого берега, и вы, я думаю, не желаете, чтобы бѣдный Пендлетонъ претерпѣлъ участь Лаперуза. Впрочемъ еще есть надежда; если вѣтеръ позволитъ, мы постараемся держать-ся недалеко отъ якорнаго мѣста, пока можно будетъ безопасно положить якорь.»

Ночь была бурная, какъ капитанъ предвидѣлъ. Мы были принуждены держаться, съ зарифленными марселями, лѣвымъ галсомъ въ открытое море, подальше отъ мелей. На разсвѣтѣ мы придержались опять къ острову, но теченіемъ насъ уносило къ западу и насилью мы могли пройти вдоль острова подъ вѣтромъ, въ двухъ или трехъ лигахъ отъ полосы западныхъ отмелей. Не сходя съ налубы, я искалъ, при помощи превосходной подзор-

ной трубы, мѣсть, о которыхъ упоминается въ описаніяхъ Диллона и Дюрвиля, деревень *Maïu*, *Vanu*, *Naïa*, недавно сдѣлавшихся извѣстными. Я немогъ ничего разсмотрѣть хорошенько; видѣлъ только массу лѣсовъ, покрывающихъ островъ отъ самыхъ береговъ до вершинъ горъ. Окружающая полоса утесовъ представляла зрѣлище болѣе любопытное. Мѣстами черноватые скалы, отъ восьми до десяти футовъ вышиною, подымались среди моря, и широкія волны, дробясь объ одиночкіе камни, составляли будто фонтаны надъ пѣнистою поверхностію океана. Съ этой стороны цѣпь подводныхъ скалъ простирается иногда на лигу отъ берега; разстояніе между ею и берегомъ составляетъ широкій внутренній бассейнъ, всегда спокойный, подобно водамъ озера; съ отливомъ, измѣняющимся въ цвѣтъ, судя по цвѣту грунта.

И такъ мы должны были отказаться отъ посѣщенія Ваникоро; вѣтеръ и море не допускали насъ. *Океанъ* проникъ даже подъ вѣтромъ отъ Тулузы такъ близко, что можно было разглядѣть на берегу домики островитянъ. Ни одна байдара не посмѣла, при столь дурной погодѣ, выйти въ открытое море. Наконецъ шлюпу удалось обогнуть восточную оконечность большаго острова Нитенди или Санта-Круцъ; послѣ чего онъ продолжалъ идти вдоль сѣверной полосы до залива Граціоза, гдѣ мы положили якорь на глубинѣ 40 брасовъ, въ одной милѣ отъ берега. Это было 18 Іюня въ полдень.

ГЛАВА XV.

Ваникоро. — Исторія. — Кораблекрушеніе Лаперуза.

Ваникоро сдѣлался славнымъ въ лѣтописяхъ Французскаго мореходства. Здѣсь погибъ Лаперузъ. Долго не знали, гдѣ совершилось это бѣдствіе. Никто не спасся, никто не вышелъ изъ борьбы великаго мореплавателя съ стихіями, чтобы разсказать намъ, какимъ образомъ онъ былъ побѣжденъ ими. Только новѣйшія путешествія Диллона и Дюрвиля нѣсколько объяснили этотъ предметъ. Чтобы изложить его здѣсь, мы должны обратиться къ началу экспедиціи Лаперуза.

Въ то время, когда Кукъ прославилъ Великобританію цѣною смѣло предпринятыхъ и

искусно совершенныхъ путешествій, Франція, побужденная примѣромъ, рѣшилась отправить значительную экспедицію кругомъ свѣта. Ученый Флерьеначерталъ планъ; Людовикъ XVI, который самъ былъ отличный географъ, написалъ собственноручно инструкціи, превосходныя, если бы даже и не королевскою рукою онѣ были писаны. Въ начальники экспедиціи былъ назначенъ капитанъ Лаперузъ, заслужившій лестную извѣстность во Французскомъ флотѣ своею экспедиціею противъ Ангійскихъ заведеній въ Гудсоновомъ заливѣ. Въ помощники ему далъ капитана Делангла, его пріятеля, прекраснаго офицера; ученые и моряки, люди съ отличными достоинствами, были вызваны для принятія участія въ этомъ трудномъ предпріятіи.

Двѣ флейты, *Компасъ* и *Астроллбл*, были снаряжены. 1 Августа 1785 г. онѣ вышли изъ Бреста, зашли въ Мадеру, въ Тенерифъ, въ Св. Екатерину, въ Бразилію, въ Хили, видѣли островъ Пасхи, островъ Мави въ Гавайской группѣ, и потомъ начали изслѣдованіе сѣверо-восточнаго берега Америки, что было главнѣйшимъ предметомъ ихъ назначенія.

У этихъ береговъ Лаперузъ испыталъ первое несчастіе. Въ бухтѣ, названной имъ *Портомъ Французовъ*, двѣ шлюбки были поглощены буруномъ со всеми находившимися на нихъ людьми. Шесть офицеровъ и шестнадцать матросовъ погибли въ этомъ крушеніи.

Лаперузъ оставилъ роковой берегъ въ концѣ Іюня 1786 г., зашелъ въ Монтере, въ Калифорнію, прошелъ Тихій океанъ, едва не разбившись на двухъ неизвѣстныхъ скалахъ, названныхъ имъ островами *Меккеръ* и *Низменными Французскими островами*, прошелъ потомъ острова Маріанскіе, выше острова Успенія, обогнулъ острова Бенни (*Vashie*) и 3 Января 1787 года положилъ якорь въ Макао.

Здѣсь оставался онъ два мѣсяца; потомъ пробылъ сорокъ дней въ Манилѣ, которую оставилъ 10 Апрѣля; придержался на сѣверъ, осматривалъ нѣкоторыя мѣста Японскаго берега, сдѣлалъ прекрасную опись неизслѣдованнаго до тѣхъ поръ пролива, названнаго имъ *Тартарійскимъ*, всего полуострова и нѣкоторыхъ изъ Курильскихъ острововъ, и наконецъ зашелъ въ гавань Петра и Павла въ Камчаткѣ, откуда отпра-

вилъ сухимъ путемъ молодого Лесеппа съ копіями своихъ журналовъ. Изъ всѣхъ людей, находившихся въ экспедиціи Лаперуза, одному этому переводчику было суждено возвратиться во Францію.

Въ концѣ Сентября 1787 г., Лаперузъ направился изъ Камчатки къ югу, перешелъ чрезъ экваторъ 21 Ноября, видѣлъ 9 Декабря одинъ изъ острововъ Гамоа, гдѣ погибъ несчастный Деланглъ, направилъ путь къ Австраліи и вошелъ 26 Января 1788 года въ Ботани-бей. Случайно, въ то же время коммодоръ Филиппъ стоялъ на якорѣ недалеко отъ этого мѣста въ Портѣ-Джаксонѣ, съ первыми колонистами Южнаго-Новаго-Валлиса. Французскій и Ангійскій капитаны были весьма учтивы другъ къ другу, и Филиппъ взялся доставить депеши Лаперуза, послѣдніе полученныя отъ этого мореплавателя. Въ письмѣ своемъ къ морскому министру, капитанъ давалъ отчетъ о своихъ приключеніяхъ. Онъ намѣревался послѣ Ботани-бея посѣтить Тонгайскіе острова, потомъ изслѣдовать нѣкоторыя части Новой Каледоніи, Саломоновы острова, Луизіаду, и чрезъ проливъ Торреса зайти въ Нидерланды въ Декабрѣ того же года. Онъ располагалъ возвратиться во Францію въ Іюнь 1789 г.

Однако жъ прошли 1789 и 1790 годы, и не было ни какого извѣстія о Лаперузѣ. Это возбуждало опасенія. Общество Естественной Исторіи обратилось къ Народному Собранію, съ требованіемъ, чтобы была отправлена экспедиція для отысканія кораблей Лаперуза. Народное Собраніе приняло это предложеніе, и декретомъ, отъ 9 Февраля 1791 г., утвержденнымъ королемъ, рѣшено было снарядить экспедицію.

Двѣ большія флейты *la Recherche* и *l'Esperance* отправились изъ Бреста 28 Сентября 1791 подъ начальствомъ д'Антркасто. У Мыса Доброй Надежды этотъ капитанъ узналъ, что коммодоръ Гантеръ въ своемъ донесеніи полагалъ, что Лаперузъ претерпѣлъ крушеніе у острововъ Адмиралтейства. Немедленно обѣ флейты отправились въ этотъ архипелагъ, но какъ погода не благопріятствовала, и притомъ обѣ были тяжелы на ходу, то онѣ прибыли туда не ранѣе 28 Іюля 1792 г. Изысканія ихъ были безплодны; не было ни какого признака крушенія Европейскаго корабля въ этихъ моряхъ; д'Антркасто продолжалъ предписанныя ему работы. Ученыя открытія, изданныя Росселемъ и Лабильердіе-

ромъ, были единственнымъ плодомъ огромныхъ издержекъ и трудовъ. Экипажи кораблей претерпѣли бѣдствія небывалыя: три первые начальника экспедиціи, д'Антркасто, Гюонъ-де-кармадекъ и Дорибо, умерли; за ними померли многіе офицеры и матросы. Наконецъ оба корабля были конфискованы Голландскимъ правительствомъ по прибытіи ихъ въ Яву. Замѣчательно, что они прошли предъ островомъ Ванноро, гдѣ погибъ Лаперузъ и гдѣ они нашли бы безъ сомнѣнія еще свѣжіе слѣды этого несчастія, и можетъ быть, даже людей съ его экипажа.

Съ того времени до 1825 года не было, кажется, предпринято ничего. *Уранія* и *Раковина*, отправленные въ полуденныя моря, по возвращеніи Бурбоновъ во Францію вышли въ море не для этой цѣли. *Раковина* въ ночь съ 1 на 2 Августа 1823 года проходила въ трехъ или четырехъ лигахъ отъ Ванноро, не подозревая, что на этомъ островѣ хранились свидетельства гибельнаго событія. Въ концѣ 1825 г., министерство приняло проектъ капитана Дюрвиля о новыхъ изысканіяхъ по этому предмету. Тогда пропелся слухъ во Франціи, что экипажъ китоловнаго судна видѣлъ крестъ Св. Людовика и нѣсколько медалей въ рукахъ дѣлкихъ въ Аунизадѣ и въ Новой Каледоніи. Извѣстіе казалось основательнымъ. Морской министръ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, и Г. Дюрвиллю было поручено удостовѣриться въ истинѣ его и заняться разрѣшеніемъ вопроса о судьбѣ Лаперуза. Кораблю, носившему прежде названіе *Раковины*, было дано названіе *Астролябии*.

При отправленіи своемъ изъ Франціи, *Астролябия* имѣла весьма не точныя свѣдѣнія, но на пути она нашла признаки очень важныя. Въ Портъ-Джаксонѣ Дюрвилль не только не убѣдился въ основательности разнесшихся во Франціи слуховъ, но даже нашелъ ихъ совершенно ложными. Въ Тонга-табу онъ былъ счастливъ; ему удалось узнать отъ Тамаги, что Лаперузъ, оставивъ Боганн-бей, зашелъ въ Намука. Впрочемъ не ранѣе какъ въ концѣ 1827 г., въ бытность свою въ Говартъ-тоунъ, онъ получилъ извѣстія болѣе положительныя. Здѣсь знали объ открытіи, сдѣланномъ капитаномъ Диллономъ.

Этотъ старый мореходецъ послѣ двадцатилѣтняго плаванія на купеческихъ корабляхъ по Тихому океану, командовалъ въ 1826 г., кораблемъ *Св. Патрикій*, который на пути

изъ Валпарайзо въ Бенгалъ прошелъ 15 Мая близъ Тикопіи. На байдарахъ, навѣстившихъ его судно, находились Прусакъ Бушартъ и Ласкаръ-Джоо, которыхъ онъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, оставилъ на этомъ островѣ. Джоо имѣлъ кое-какія сдѣлки съ экипажемъ, и между прочими вещами продалъ оружейному мастеру серебряную рукоятъ шпанаги, на которой были вырѣзаны буквы. На вопросы объ этомъ предметѣ, онъ отвѣчалъ, что рукоятъ вмѣстѣ съ другими Европейскими вещами, которыя находились въ Тикопіи, были туда доставлены изъ сѣдѣняго острова Ванноро, у котораго разбились въ прежнее время два большіе корабля. Ласкаръ увѣрялъ, по сказанію Диллона, что онъ самъ за шесть лѣтъ предъ тѣмъ бѣднѣ въ Ванноро и видѣлъ тамъ двухъ старыхъ моряковъ, которые были живы со времени крушенія; онъ присовокупилъ, что еще существовали обломки кораблей и что можно даже достать нѣкоторыя вещи изъ моря. Диллонъ заключилъ, что то были корабли Лаперуза. Онъ упросилъ Бушарта вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Ванноро; но безвѣтріе и теченія воспрепятствовали плаванію. Возвратившись въ Калькутту, онъ сообщилъ свои подозрѣнія Индійской компаніи и Азіатскому Обществу, въ официальномъ донесеніи, въ которомъ гораздо болѣе точности, нежели въ описаніи, публикованномъ въ послѣдствіи.

«Разсматривая рукоятъ шпанаги,» говоритъ онъ, «я усмотрѣлъ на ней начальныя буквы имени Лаперуза, что заставило меня сдѣлать сколько можно подробныя распросы объ этомъ предметѣ. Посредствомъ Бушарта и Ласкара я выведалъ у островитянъ, какимъ образомъ ихъ сосѣди достали всѣ находившіяся у нихъ серебряныя и золотыя вещи. Они отвѣчали, что жители Маликоло (Ванноро) разсказывали, что за много лѣтъ предъ тѣмъ, два большіе корабля шли весьма близко отъ ихъ острововъ, и стали на якорѣ, одинъ у острова Вану, другой у острова Ниау, не весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго.

Нѣсколько дней спустя, прежде нежели они вошли въ сношенія съ берегомъ, сдѣлалась буря, корабли нанесло почти на землю; тотъ изъ двухъ, который стоялъ на якорѣ у островка Вану, съѣлъ на мель. Островитяне собрались тогда толпою вооруженные булавами, кошками, луками, и начали пускать стрѣлы на корабль. Съ корабля отвѣчали пушечными выстрѣлами, которые убили

многихъ. Наконецъ отъ волненія и сильныхъ ударовъ о камни, корабль разбился, часть экипажа бросилась на шлюпки, которыя были прибиты волнами къ берегу, гдѣ всѣ Европейцы были убиты; другіе вплавь достигли берега, чтобы раздѣлить участь своихъ товарищей; такимъ образомъ ни одинъ человекъ съ этого корабля не избѣгъ смерти. (Рис. XXVIII. Ф. I.).

Корабль, стоявшій на якорѣ у острова Паіу, былъ выброшенъ на песчаную мель. Островитяне собѣжались и стали пускать въ него стрѣлы; но экипажъ имѣлъ осторожность не отвѣчать имъ огнемъ. Напротивъ, матросы стали показывать островитянамъ топоры, стекла и другія вещицы, какъ бы предлагая ихъ въ знакъ мира. Непріятельскія дѣйствія были прекращены, и лишь только вѣтръ утихъ нѣсколько, отъ берега отчалилъ на байдарѣ старикъ и присталъ къ кораблю. То былъ одинъ изъ старшинъ; его встрѣтили ласково и предложили ему подарки, которые онъ принялъ. Онъ потѣхалъ обратно на берегъ, и успокоилъ своихъ соотечественниковъ увѣреніемъ, что люди на кораблѣ добры и обходительны; тогда дикари во множествѣ посетили корабль, гдѣ каждому были сдѣланы подарки. Вскорѣ они привезли матросамъ ямса, птицъ, банановъ, кокосовыхъ ореховъ, словомъ, съ обѣихъ сторонъ возстановилась взаимная довѣренность.

Экипажъ долженъ былъ оставить корабль; бѣлые люди съѣхали на берегъ, взявъ съ собою провизію. Они нѣсколько времени оставались на островѣ и построили изъ обломковъ своего корабля небольшое судно. Когда оно было готово, на него съѣли столько человекъ, сколько могли удобно помѣститься, и тотчасъ же эта лодка вышла въ море; хорошо снабженная со стороны островитянъ свѣжими провизіями. Командиръ общался людямъ, которыхъ онъ оставлялъ на островѣ, возвратиться въ скоромъ времени за ними, и принести съ собою подарки, для островитянъ. Но объ этомъ судить съ тѣхъ поръ не было слуха. Оставшіеся на островѣ бѣлые пристали къ разнымъ вождамъ, при которыхъ и оставались по смерти. Товарищи оставили имъ ружья и порохъ, что дало имъ средство оказать большія услуги своимъ друзьямъ, въ ихъ войнахъ съ жителями соседнихъ острововъ.

Прусакъ никогда не ѣздилъ въ Маликоло вмѣстѣ съ островитянами; но Ласкаръ былъ

тамъ одинъ или два раза. Онъ утверждалъ, что видѣлъ въ Паіу двухъ Европейцевъ, которые говорили на языкѣ островитянъ, и что самъ съ ними разговаривалъ. Они были очень стары, и рассказывали ему, что претерпѣли крушеніе, много лѣтъ тому назадъ, на одномъ изъ кораблей, которыхъ обломки ему показывали. Они увѣрили также, что ни одинъ корабль не заходилъ къ островамъ Маликоло съ того времени, какъ они тамъ находились, что большая часть ихъ товарищей уже померли, и что такъ какъ они были разбѣганы по разнымъ островамъ, то и не могли съ точностію знать, сколько ихъ еще оставалось въ живыхъ.

По прочтеніи этого донесенія, компанія рѣшила, чтобы одинъ изъ ся кораблей, *Research*, отправился подъ начальствомъ капитана Диллона, осмотрѣть острова Ваникоро и изслѣдовать положительнымъ образомъ дѣло о кораблекрушеніи Французскаго капитана. Вѣсть съ тѣмъ ничего не было упущено для усилійныхъ дѣйствій экспедиціи въ пользу Естественной Исторіи: Докторъ Титлеръ, извѣстный своимъ учеными трудами, былъ назначенъ медикомъ, натуралистомъ и исторіографомъ экспедиціи. Ему и Диллону дали огромное содержаніе. Компанія не скупилась въ этомъ предпріятіи. Двѣ тысячи рупій было назначено на покупку вещей, которыя экспедиція брала съ собою для раздачи въ видѣ подарковъ островитянамъ; сумма, равная опредѣляемой обыкновенно Французскимъ правительствомъ на снабженіе экспедиціи провизіею въ продолженіе трехлѣтней компаніи. Компанія сдѣлала еще больше: она послала на корабль *Research* Французскаго агента по имени Шенно, занимавшаго должность въ Шандернагорѣ, для офиціального засвидѣтельствованія предполагаемыхъ открытій.

23-го Января 1827 года, *Research* вступилъ подъ паруса; чрезъ нѣсколько дней произошло ссора между докторомъ Титлеромъ и капитаномъ Диллономъ; дѣло дошло до того, что по прибытіи въ Гобартъ-таунъ докторъ жаловался военному суду. Диллонъ былъ обвиненъ, и присужденъ къ двухмѣсячному заключенію и уплатѣ пени въ 50 фунтовъ стерлинговъ; кромѣ того, съ него требовали залога въ 400 фунтовъ стерл., для обезпеченія его поведенія на будущее время. Такъ какъ это опредѣленіе суда причиняло замедленіе, то хотѣли назначить вмѣсто Дилло-

на кого нибудь другаго; но хитрый морякъ никому не сообщалъ положенія Ванноро, и подъ начальствомъ другаго, экспедиція ни въ чемъ бы не успѣла. Но неволѣ надо было оставить не исполненною одну часть приговора; Диллона заставили заплатить пеню и представить залогъ, избавивъ его отъ заключенія.

По окончаніи этого неспріятнаго дѣла, *Research* вступилъ подъ паруса 30 Мая; 3 Іюня, онъ прибылъ въ Портъ-Джаксонъ, откуда въ тотъ же день снялся и 1 Іюля положилъ якорь въ Корора-река, въ заливѣ острововъ. Потомъ онъ заходилъ въ Тонга-табу, въ Ротуму и въ Тиконію. Съ этого послѣдняго острова онъ взялъ съ собою островитянина, по имени Ратіа, который долженъ былъ служить ему проводникомъ и переводчикомъ. Здѣсь онъ досталъ также нѣсколько вещей съ Лаперузовыхъ судовъ. Наконецъ 7 числа прибывъ къ острову Ванноро, онъ употребилъ шесть дней на лоцію, послѣ чего сталъ на якорь въ небольшой бухтѣ Осни, на восточной сторонѣ острова.

Диллонъ немедленно сталъ собирать все предметы, оставшіеся на островѣ отъ разбитыхъ кораблей; онъ щедро платилъ за это желѣзными инструментами, полотнами, стеклушками, и потому успѣлъ набрать огромное количество вещей. Большею частію то были крючья, болты, звенья цѣпей и другія желѣзные вещи, шкуры съ блоковъ, костюмы, ложки, блюда, воронки, мѣдные отломки астрономическихъ инструментовъ и кухонной посуды. Особеннаго замѣчанія заслуживалъ большой бронзовый колоколъ, имѣвшій одинъ футъ въ діаметрѣ. На одной сторонѣ былъ вырѣзанъ крестъ посреди двухъ изображеній; съ другой сіяло солнце; вокругъ была надпись *Vazin m'a fait* (Дѣлалъ Базенъ). Изъ совершеннаго послѣ изслѣдованія оказалось, что этотъ штемпель употреблялся въ литейномъ заводѣ Брестскаго арсенала около 1785 года. Достали также на подводныхъ каменьяхъ, на западной сторонѣ острова, четыре маленькія бронзовыя пушки, 18 фунтовое ядро, Испанскій талеръ, куски стекла, фарфора, фаянсу, бутылки и стаканы, наконецъ куски желѣза, мѣди и свинца. Но несравненно драгоценнѣйшая находка заключалась въ деревянной штукѣ въ четыре фута длиною, и шириною въ 14 дюймовъ, на которой были вырѣзаны лилія и другія украшенія. Эта доска была привезе-

на во Францію, гдѣ признано, что она составляла часть кормы одного изъ Лаперузовыхъ кораблей, и потому служить неоспоримымъ доказательствомъ его крушенія у этихъ береговъ; въ Ванноро островитяне сдѣлали изъ нея дверь. Въ томъ же самомъ жилищѣ былъ найденъ каменный жерновъ отъ ручной мельницы.

Островитяне много говорили о кораблекрушеніи, но всякій рассказывалъ на свой ладъ. Диллонъ приводитъ все слышанные имъ рассказы. Мы избираемъ тотъ, который представляетъ болѣе точности и вѣроятія. Подробности его сообщилъ Валій второй, алигуи Вану (Рис. XXVIII. ф. 2.).

«Много времени тому назадъ», говорилъ онъ, «жители острова, выходя поутру изъ своихъ жилищъ, увидѣли часть корабля на мели противъ Паіу. Она стояла тамъ до полудня, пока не была разбита моремъ; тогда огромные обломки были прибиты волнами къ берегу. Корабль былъ брошенъ на мелъ ночью при ужасномъ ураганѣ, которымъ сломало множество нашихъ фруктовыхъ деревьевъ; мы не видали его наканунѣ. Четыре человека спаслись и выплыли на берегъ не далеко отъ этого мѣста; мы хотѣли ихъ тотчасъ убить, но они сдѣлали какіе то подарки стариннѣ, который оставилъ имъ жизнь. Пробывъ у насъ весьма не долго, они отправились къ своимъ товарищамъ, которые находились въ Паіу. Тамъ они построили маленькій корабль и на немъ отплыли. Ни одинъ изъ этихъ четырехъ человекъ не былъ начальникомъ, все они были подчиненные. Вещи, которыя мы продаемъ, достались намъ отъ корабля, разбишагося на мели. Наши люди часто отправлялись туда, рыли и доставали разныя вещи. Много обломковъ было выброшено на берегъ, мы брали все, что было можно; но съ нѣкотораго времени уже ничего нельзя было доставать, потому что корабль изгнѣлъ и разнесенъ совершенно моремъ. Мы не убили никого изъ людей этого корабля; но волнами выбросило на нашъ берегъ множество труповъ, безъ рукъ и ногъ, вѣроятно отъѣденныхъ акулами. Въ ту же ночь другой корабль ударился о подводный камень близъ острова Вану и потонулъ. Многіе изъ людей спаслись. Они построили маленькій корабль, и отправились въ море пять дней спустя послѣ крушенія большаго корабля. Мѣсто, на которомъ они строили маленькій корабль, было окружено

крѣпкимъ палисадомъ, для защиты отъ островитянъ; жители также боялись ихъ и потому между тѣми и другими мало было сообщеній. Бѣлые люди имѣли обыкновеніе смотрѣть на солнце, чрезъ какія то вещи, которыхъ я не могу изобразить вамъ, ни позать, потому что намъ не досталось ни одной подобной вещи. Два бѣлые остались по отправленіи отсюда ихъ товарищей; одинъ былъ начальникъ, другой ему служилъ. Первый умеръ года три тому назадъ; полгода спустя, начальникъ того округа, гдѣ жилъ другой бѣлый, былъ принужденъ бѣжать съ острова, и бѣлый послѣдовалъ за нимъ. Округъ, гдѣ они обитали, назывался Паукори; но мы не знаемъ, что стало съ племенемъ, которое тогда населяло его. Бѣлыхъ людей мы никогда не видали на нашемъ островѣ, кромѣ тѣхъ, которые претерпѣли это крушеніе, и васъ, которыхъ видимъ теперь.

Г. Диллонъ посѣтилъ разныя части острова; жители, хорошо расположенные къ нему послѣ щедрыхъ его подарковъ, нисколько не беспокоили его. Впрочемъ наблюденія, сдѣланныя имъ и представленныя въ его донесеніи, не заслуживаютъ большаго вниманія.

Составленный имъ планъ острова Ваникоро весьма невѣренъ и исполонъ.

Въ началѣ Октября, опасаясь, чтобы восточные вѣтры не заперли его въ заливѣ, онъ благополучно вышелъ изъ опаснаго восточнаго пролива, и положилъ якорь на спокойномъ рейдѣ Маневан, гдѣ оставался три дня; потомъ прошелъ сѣвернымъ каналомъ и поплылъ къ Тубуа и Нитенди, а оттуда къ Новой Зеландіи. Простоявъ здѣсь довольно долго, онъ перешелъ въ Портъ-Джаксонъ, откуда направился къ Калькутѣ, и прибылъ туда 7 Апрѣля 1828 года. Щедро награжденный правленіемъ компании, онъ получилъ позволеніе отправиться во Францію, съ вещами, которыя свидѣтельствовали о его открытіи. Во Франціи онъ былъ принятъ отличнымъ образомъ; былъ представленъ Карлу X, получилъ крестъ Почетнаго Легіона, десять тысячъ франковъ и пенсію отъ государственной казны въ четыре тысячи франковъ. Все это было за мѣсяцъ до возвращенія *Астролябии*. *Астролябія* столько же сдѣлала открытій, сколько и *Research* въ Ваникоро, и это составляло только часть ея долгой экспедиціи; но Французское правительство иначе оцѣнило ея услуги.

Капитанъ Дюрвилъ узналъ объ открытіяхъ

Диллона 20 Декабря 1827, у Гобартъ-тоупа, по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ въ журналахъ. Правду сказать, Диллону не очень вѣрили въ колоніи; его рассказы слыли весьма подозрительными и преувеличенными. Итти такимъ образомъ, основываясь на пустыхъ слухахъ, искать острова, можетъ быть, выдуманнаго, или свидѣтельствъ, которыхъ въ немъ не бывало; посвятить себя этому фантастическому и безплодному плаванію, между тѣмъ какъ не оконченная опись береговъ Новой Зеландіи требовала еще нѣсколькихъ мѣсяцовъ ученыхъ трудовъ и изысканій,—могъ ли на это рѣшиться капитанъ Дюрвилъ? Хорошо, если бы ему удалось рѣшить задачу о гибели Лаперузовыхъ кораблей; все было бы оправдано тогда, и отступленіе отъ главной цѣли его экспедиціи, и перемѣна пути. Но если бы плаваніе его осталось безплоднымъ, его стали бы обвинять въ легкомысленной довѣрчивости къ выдуманнымъ рассказамъ.

Къ тому же не достаточно было хотѣть; надо было имѣть средства. Диллонъ говорить о Тикопіи и Ваникоро, не опредѣляя ихъ географическаго положенія; въ этомъ-то и состояла тайна, на которой онъ основывалъ все свои расчеты. Пришлось бы искать ощупью загадочнаго острова. Капитанъ Дюрвилъ побѣдилъ эту препону. Слѣдя съ осторожностію рассказы и недоговорки Диллона, онъ удостовѣрился, что Тикопія была не что иное, какъ островъ, наименованный Барвель въ Англійскихъ картахъ, и что Ваникоро могъ быть изъ числа острововъ лежащихъ на S. O. отъ Санта-круца, или та самая группа, которую открылъ Блей на сѣверѣ отъ Новыхъ Гебридъ. Онъ тотчасъ составилъ свой планъ, и рѣшился искать Тикопіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ на картахъ стоялъ Барвель, и тамъ уже узнать отъ жителей, у какого изъ ближнихъ острововъ случилось крушеніе.

Въ то время какъ Дюрвилъ дѣлалъ свои приготовленія къ экспедиціи, были получены въ Гобартъ-тоупъ два письма отъ Диллона, противорѣчащія одно другому: въ одномъ онъ говорилъ, что хочетъ отложить свое отправленіе, по причинѣ, будто бы, противнаго муссона; въ другомъ извѣщалъ, что совершилъ свое плаваніе съ совершеннымъ успѣхомъ. Хотя эти странныя извѣстія должны были еще болѣе затруднить Французскаго капитана; однако же онъ устоялъ въ

своимъ намѣреніи; 6 Января 1828, *Астро-лабил* вступила подъ паруса; она видѣла островъ Норфолькъ и вулканъ Мсёю, острова Фатака и Ануда, и 10 Февраля была уже въ виду Тикопіи. Корветъ былъ еще далеко въ морѣ, когда къ нему присталъ на байдарѣ Прусакъ Бушартъ, тотъ самый, который сопровождалъ Диллону въ Ваникоро. Онъ подтвердилъ истину экспедиціи Диллона, и тѣмъ вывелъ капитана Дюрвиля изъ долгой неувѣренности. Это много значило; но оставалось еще самому удостовѣриться, посѣтитъ ли самъ тотъ островъ, который сдѣлался гробомъ благородныхъ жертвъ науки и мореходства.

Офицеры и натуралисты съѣхали на берегъ Тикопіи, и были приняты въ общественной казѣ островитянъ: ихъ повелъ туда Бушартъ. Онъ сперва общался капитану проводить его въ Ваникоро, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы его жена, молодая Зеландка, была принята съ нимъ на корабль; но отказался потомъ отъ своего слова. Однимъ изъ предлоговъ его отказа былъ нездоровый воздухъ Ваникоро. Островитяне, которыхъ приглашалъ капитанъ, отвѣчали точно такъ же. Ласкаръ-Джое, къ которому также обратился, въ свою очередь отказался. Онъ утверждалъ, что никогда не говорилъ капитану Диллону, что посѣщалъ этотъ островъ.

Тогда капитанъ Дюрвиль взялъ на свой корабль двухъ Англичанъ, жившихъ въ Тикопіи уже девять мѣсяцовъ, одинъ изъ нихъ порядочно объяснялся на языкъ островитянъ, и могъ служить переводчикомъ. Пятеро Тикопійцевъ случайно и нехоти участвовали въ этой экспедиціи. Они были оставлены на корабль, когда всѣ байдары ушли.

Капитанъ Дюрвиль направилъ путь къ Ваникоро, географическое положеніе котораго было угадано имъ, не смотря на уловки и недоговорки Диллона. Остановленный штормомъ, онъ не прежде достигъ острова, какъ 14 числа, прошелъ вдоль отмелей, послалъ шлюбку осмотрѣть, гдѣ находится якорное мѣсто, воспользовался противнымъ N. W., чтобы идти отыскать островъ Таумако, который, по показанію Квираса, лежалъ по близости Санта-круца, но послѣ былъ потерянъ; употребилъ три дня на это плаваніе; безъ всякаго успѣха, потомъ возвратился въ Ваникоро, и 21 числа, положилъ якорь въ тихомъ и опасномъ рейдѣ Осиди, гдѣ сто-

ялъ и *Research*, и который былъ указанъ ему жителями деревни Маневай.

Первою заботою Дюрвиля, лишь только былъ отданъ якорь, было приобрести благосклонность жителей подарками. Вещи, подаренныя имъ, имѣли бы въ глазахъ этихъ людей весьма высокую цѣну, если бы они не были избалованы неумѣренными щедротами Диллона: они принимали все съ замѣтною холодностію.

Не въ одномъ этомъ обстоятельствѣ выказались впрочемъ недовѣрчивость и неблаго-расположеніе островитянъ къ Французамъ. Много примѣтъ заставляють думать, что умышленно были посѣяны между ними предубѣжденія и опасенія противу новыхъ посѣтителей. Сами они въ послѣдствіи сознались, что имъ было сказано, что Французы были соотечественники тѣхъ, которые претерпѣли кораблекрушеніе, и что они безъ сомнѣній придутъ отмстить за несчастіе своихъ предшественниковъ.

Эти важныя и разнородныя препоны не остановили однако же Дюрвиля. Онъ послалъ шлюбки съ офицерами обойти кругомъ островъ, съ тѣмъ чтобы искать вдоль береговъ признаковъ кораблекрушенія, собрать свѣдѣнія объ этомъ несчастіи, и въ то же время сдѣлать опись острову и изучить его естественную исторію.

Первая экспедиція, подъ начальствомъ офицера Грессіена, доставила на корветъ весьма незначительные обломки и ни какого свѣдѣнія. На всѣ вопросы Французовъ островитяне отвѣчали или молчаніемъ или невѣдѣніемъ. Казалось, всѣ они съ общаго согласія приняли эту систему. Если кто изъ нихъ, болѣе откровенный, или прельщенный подаркомъ, хотѣлъ сообщить какое либо извѣстіе, то въ ту же минуту товарищи окружали его съ видомъ неудовольствія, и просили его молчать, или заставляли удалиться.

Вторая экспедиція, подъ начальствомъ Г. Жакино, испытала сперва тѣ же препятствія. Деревня Вану была встревожена приближеніемъ Французовъ; женщины и дѣти бѣжали въ лѣсъ, взявъ съ собою все лучшее, что имѣли; мужчины вышли на встрѣчу къ посѣтителямъ, но съ примѣтнымъ безпокойствомъ и робостію. На всѣ вопросы они отвѣчали, что ничего не знаютъ; наконецъ признались, что долго имѣли у себя черепъ *Мара* (такъ называли они Евронейцевъ), но что бросили ихъ потомъ въ море.

Только вождь Вали, о котором упоминает Диллонъ, показавшись болѣе откровеннымъ. Нѣсколько разъ онъ совсѣмъ было хотѣлъ все рассказать; но земляки останавливали его съ угрозами. Въ Нама встрѣтили то же молчаніе, ту же скрытность. Ни какія предложенія не могли склонить жителей указать на мѣсто, гдѣ разбились корабли. Наконецъ, когда Г. Жакино сталъ развѣрживать предъ ними кусокъ краснаго сукна, одинъ изъ дикихъ, прельщенный этою яркою краскою, вскочилъ въ шлюбку, показывая, что онъ поведетъ на то мѣсто, котораго искали, если ему дадутъ сукно. Жакино принялъ предложеніе и такимъ образомъ отыскалъ роковую отмель. Это было весьма важное открытіе, на которое, кажется, не обратилъ вниманія Диллонъ, по крайней мѣрѣ онъ объ этомъ не упоминаетъ.

Цѣпь рифовъ, опоясывающая Ваникоро, занимаетъ пространство въ двѣ или три мили, предъ Паіу и Амби, то весьма близко къ берегу, то на разстояніи одной мили. Тамъ въ проходѣ, среди буруна, дикій остановилъ шлюбку и указалъ на море. Французы осмотрѣли и на глубинѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ увидѣли среди коралловъ: якоря, пушки, ядра и много листового свинца. Это разсѣло всякое сомнѣніе. На оконечности этой скалы разбилось одно изъ судовъ Лаперуза (Рис. XXIX. ф. 1.).

Дерева не оставалось болѣе, оно было потреблено водою; оставался только металлъ, болѣе прочный. Положеніе якорей заставило думать, что четыре изъ нихъ потонули вмѣстѣ съ кораблемъ; а остальные два, можетъ быть, были прежде отданы. Кроме того, мѣстоположеніе заставляетъ полагать, что корабль хотѣлъ чрезъ этотъ проходъ пройти внутрь рифа, съѣлъ здѣсь и не могъ освободиться. Нѣкоторые изъ островитянъ утверждали, что экипажъ этого корабля высадился въ Паіу и построилъ маленькое судно, а что другой корабль, брошенный на рифъ съ противоположной его стороны, былъ совершенно поглощенъ волнами.

Г. Жакино, открывъ такимъ образомъ мѣсто крушенія, немедленно занялся добычаніемъ вещей изъ моря. Онъ пробовалъ поднять одинъ изъ якорей, но онъ такъ крѣпко присталъ ко дну, что это было невозможно. Потомъ Г. Гильбертъ былъ болѣе счастливъ: съ усиліями, отъ которыхъ сдѣлалась трещина въ шлюбкѣ, онъ извлекъ

изъ среди коралловаго нароста якорь въ 1,800 фунтовъ и короткую восьми-фунтовую чугунную пушку, которые были оба покрыты ржавчиною и коралловымъ наростомъ въ два дюйма толщиною. Еще достали маленькую бронзовую пушку, мѣдный фалконетъ, мушкетонъ, большой листъ свинца, и куски фарфора, предметы, пролежавшіе сорокъ лѣтъ на днѣ моря. *Астролябія* сильно терпѣла въ этомъ дурномъ рейдѣ Осипа. Злыбъ мучила ее, и если бы цѣпи не выдержали, ее бы ударило о вертикальныя скалы, она близъ нихъ непремѣнно утонула бы, на глубинѣ 15 сажень. Командиръ рѣшился перемѣнить мѣсто. Посредствомъ верповъ и шпринговъ онъ перетянулся въ обширный Маневайскій заливъ, спокойный и защищенный отъ ярости стихій. (Рис. XXIX. ф. 2).

Жители были здѣсь дружелюбнѣе; они находились въ враждѣ съ жителями Тевай, и съ радостію явились на *Астролябію*. Вожди приветствовали капитана, цѣлуя, по мѣстному обычаю, свою руку, и одинъ изъ нихъ, первый арики и жрецъ Маневая, по имени Моэмбъ, въ особенности завѣрилъ его въ своей дружбѣ. (Рис. XXVIII. ф. 3.).

Ему было лѣтъ пятьдесятъ. Этотъ малорослый человѣкъ, уродъ даже между своими, казался весьма добрымъ, миролюбивымъ, недокучливымъ и, можно сказать, пріятнымъ въ обхожденіи среди суровыхъ своихъ единоземцевъ. Моэмбъ сдружился съ Г. Дюрвилемъ и сталъ часто его навѣщать. Онъ охотно отвѣчалъ на все вопросы, самъ ничего не спрашивалъ, терпѣливо ждалъ обещанныхъ подарковъ и съ признательностію принималъ, что ему давали.

Не такимъ показался Неро, вождь Тевай. Мрачный, грубый, испасытый, онъ все принималъ съ видомъ недовольнымъ и все просилъ. Однажды чуть не вышла весьма непріятная сцена. Капитанъ Дюрвилъ позвалъ навѣстить его въ Тевай въ сопровожденіи офицеровъ и безъ ружья. Старый Неро принялъ ихъ въ *домъ духовъ* и въ кругу своихъ воиновъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. По обыкновенію онъ сталъ жаловаться, что ему ничего не давали; онъ неоднократно просилъ топоровъ, говоря, что *Пита* (Диллонъ) подарилъ ему много. Французскій капитанъ отвѣчалъ, что если онъ пошлетъ припасовъ на корабль, и въ особенности свиней, то ему дадутъ топоровъ. Онъ даже предложилъ три топора за каждую

свинью; на что Неро согласился, между тѣмъ свиньи не являлись; командиръ хотѣлъ уже ѣхать обратно на корабль; но дикіе внезапно приняли такой грозный видъ, что было бы безумнымъ для безоружныхъ ссориться съ ними. Капитанъ рѣшился употребить хитрость; онъ подошелъ къ Неро, и предложилъ ему большой топоръ и ожерелье, говоря ему, что это дается въ счетъ того, что ему следовало по условію за свиней; потомъ всталъ и спокойно пошелъ къ своей шлюбкѣ. Неро, удивленный и довольный подаркомъ, не остановилъ его; такимъ образомъ дѣло обошлось безъ непріятностей.

Между тѣмъ ученые труды продолжались своимъ порядкомъ. Натуралистъ Гемаръ получилъ отъ капитана позволеніе отправиться безъ провожатыхъ на западную часть острова. Изъ предосторожности, дали ему въ спутники Англичанина Гамбилтона, который кое-какъ зналъ Ваникорійскій языкъ. Жители радушно приняли этихъ посѣтителей; но въ продолженіе пяти дней, проведенныхъ Гемаромъ и Англичаниномъ между ними, они не всегда казались гостепріимными и кроткими. Поездка натуралиста, связанная съ большими опасностями, не принесла ни какого плода. Пять дней спустя онъ возвратился съ сильною лихорадкою, и жалуюсь на раздражительность и буйство жителей, отъ которыхъ на силу могъ отдѣлаться. Онъ не могъ получить отъ нихъ ни какого свѣдѣнія; его даже не допустили въ деревню Нама.

Послѣ всѣхъ этихъ открытій не оставалось уже сомнѣній въ томъ, что эти острова были театромъ несчастія Лаперуза. Капитанъ Дюрвилъ созвалъ своихъ спутниковъ, и показывая имъ найденныя вещи, спросилъ, какого они были на ихъ счетъ мнѣнія. Всѣ единогласно отвѣчали, что, по убѣжденію ихъ, вещи эти принадлежатъ кораблямъ Лаперуза. Тогда онъ сообщилъ имъ свое давнишнее намѣреніе, соорудить на самомъ островѣ мавзолей въ память соотечественниковъ, умершихъ жертвами науки. Это было съ восторгомъ принято, и каждый хотѣлъ содѣйствовать сооруженію памятника.

Такъ какъ не было возможности построить памятникъ въ самомъ Паіу; гдѣ совершилось несчастіе, то избрали мѣсто, гдѣ находилась купа мангаферовыхъ деревьевъ, на рифѣ, тянущемся предъ Маневайскимъ рейдомъ. Положено было дать памятнику видъ четверо-

сторонной призмы, въ шесть футовъ длиною, съ пирамидою такого же размѣра сверху. Весь памятникъ былъ составленъ изъ коралловъ, и кругомъ закрѣпленъ вбитыми въ землю кольями, а вершину сдѣлали изъ досокъ, купленныхъ въ Новой Зеландіи. Чтобы предохранить его отъ хищничества жителей, не употребили въ его построеніи ни гвоздей, ни железа. Постройка посѣтительно подвигалась; не смотря на корабельныя работы и на бѣдствія, постигшія новую *Астролябію* утѣхъ самыхъ береговъ, которые были столь роковыми для старой (Рис. XXX. ф. 1.).

Лихорадка натуралиста Гемара усиливалась; самъ капитанъ, когда собирался навѣстить то мѣсто, на которомъ спасшіеся отъ кораблекрушенія соотечественники его строили свое маленькое судно, почувствовалъ сильныя и опасныя лихорадочныя припадки.

Время дотолъ стояло сухое; оно измѣнилось въ дождливое и нездоровое, и лихорадка сдѣлалась эпидемическою въ экипажѣ *Астролябіи*.

Однако же 14 Марта мавзолей былъ оконченъ; въ тотъ же день было совершено его освѣщеніе, въ присутствіи одной части команды. Ружейные салюты состояли изъ троекратнаго залпа, на который отвѣчали пушки корвета. Обрядъ былъ совершенъ среди глубокаго и благоговѣйнаго молчанія. Все было грустно у этихъ береговъ, и печальное воспоминаніе прошедшаго, и настоящее, пренеподенное черныхъ опасеній. Половина экипажа *Астролябіи* лежала въ лихорадкѣ, другая половина могла ожидать того же со дня на день. Корветъ находился въ величайшемъ затрудненіи: онъ былъ лишенъ рукъ, чтобы вырваться изъ опаснаго прохода. Еще нѣсколько дней, и построенный на отмели мавзолей могъ бы послужить надгробнымъ памятникомъ самимъ строителямъ. Капитанъ постигъ всю опасность своего положенія. Самъ одержимый болѣзнію, онъ имѣлъ еще силы отдавать приказанія, необходимыя для выхода изъ этого роковаго мѣста. Нѣсколько разъ пытался сдѣлать это, и каждый разъ число больныхъ увеличивалось; наконецъ 17 Марта экипажъ соединилъ всѣ свои усилія для спасенія.... Но приведемъ разсказъ самаго Дюрвиля:

«Сорокъ человекъ больныхъ на корветѣ, говоритъ онъ, и если пройдетъ и этотъ день (17 Марта), завтра, можетъ быть, будетъ уже поздно, чтобы оставить берега Ваникоро. По

этому я рѣшаюсь сдѣлать послѣднюю попытку. Въ шесть часовъ утра корветъ сталъ притягиваться къ якорямъ, и поднимать ихъ одинъ за другимъ; работа тѣмъ болѣе трудная и продолжительная, что канаты, цѣпи и кабельтовъ перепутались, а у насъ мало рукъ.

Къ восьми часамъ, между тѣмъ какъ мы занимались этою работою, шесть Тевайскихъ байдаръ подъѣхали къ кораблю; это тѣмъ болѣе удивило меня, что три или четыре Маневайца, находившіеся на кораблѣ, не показались нисколько утраченными, хотя за нѣсколько до того дней говорили, что Тевайцы смертные ихъ враги. Когда я выразилъ имъ мое удивленіе, они съ двусмысленнымъ смѣхомъ отвѣчали, что помирились съ Тевайцами, и что эти послѣдніе везутъ намъ кокосовые орѣхи. Но я вскорѣ увидѣлъ, что они имѣли съ собою только лукъ и стрѣлы. Два, три изъ нихъ взонили на палубу съ видомъ рѣшительнымъ, и стали изъ большаго люка смотрѣть въ живую палубу, чтобы удостовѣриться, сколько было больныхъ.

Бѣсовскіе ихъ взоры выражали злую радость. Тогда же нѣкоторые изъ матросовъ замѣтили мнѣ, что двое изъ Маневайцевъ, бывшихъ на кораблѣ, уже три или четыре дня сряду дѣлали тоже. Г. Грессіенъ, который съ утра замѣчалъ ихъ движенія, видѣлъ, что воины двухъ племенъ собрались на берегу, и долго между собою совѣщались.

«Все это было признакомъ самыхъ коварныхъ замысловъ; я видѣлъ всю опасность нашего положенія. Немедленно было приказано островитянамъ оставить корветъ. Они имѣли дерзость посмотрѣть на меня съ гордымъ и грознымъ видомъ, какъ бы смѣясь надъ моимъ повелѣніемъ. Тогда я приказалъ отворить арсеналъ, который былъ постоянно запертъ; и съ строгимъ видомъ, одною рукою показавъ имъ на блестящіе двадцать ружей, а другою на ихъ байдары. Они знали силу огнестрѣльнаго оружія и съ трепетомъ спустились въ свои байдары. На этихъ людей гораздо лучше дѣйствовать однимъ видомъ огнестрѣльнаго оружія; страхъ, внушаемый имъ, спасительнѣе для Европейца, нежели самое употребленіе. Увидя пистолетъ, двадцать дикихъ разбѣглись; но они въ состояніи броситься съ неистовствомъ въѣвъ на цѣлый отрядъ, который бы далъ уже залпъ по нимъ.

Какъ бы то ни было, послѣ этой явной ссоры съ островитянами, мы болѣе нежелали ко-

гда нибудь должны были думать объ отплытіи. Я ободрялъ экипажъ, и сколько мнѣ позволяли слабыя мои средства, ускорялъ минуту отправленія. Сами больные, изнуренные лихорадкою, приняли участіе въ работахъ; и намъ удалось наконецъ остаться на одномъ верпѣ, на глубинѣ въ тридцать саженей.

Въ четверть двѣнадцатаго часа 17 Марта, *Астролябилъ* вступила подъ паруса. Мы держались сперва какъ можно ближе къ вѣтру, при довольно свѣжемъ О. С. О.; потомъ спустились къ проливу; но въ самомъ трудномъ мѣстѣ, тамъ гдѣ наиболѣе подводныхъ камней, нежданый шквалъ ограничилъ нашъ горизонтъ кругомъ, на 80 туазовъ не болѣе.

Измученный лихорадкою, я едва могъ держаться на ногахъ, чтобы отдавать приказанія; слабость глазъ была такова, что я не могъ смотрѣть на пѣнистыя волны, которыя обѣляли обѣ стороны пролива; офицеры обнаружили въ этомъ случаѣ всю свою дѣятельность, въ особенности Г. Грессіенъ, которому я поручилъ вести корветъ. Онъ служилъ намъ лоцманомъ, и исполнилъ свою обязанность съ такимъ хладнокровіемъ, благоразуміемъ и искусствомъ, что корветъ благополучно прошелъ узкій и трудный проливъ, которымъ мы должны были выйти въ море. Эта минута рѣшала участь экспедиціи, и малѣйшая ошибка влекла за собою неминуемую гибель корвета среди отмелей пролива. Нѣсколько минутъ продолжались наши опасенія; за то, когда мы увидѣли себя освобожденными отъ всѣхъ опасностей этого роковаго острова, не смотря на болѣзненное состояніе, мы испытали такую жерадость; какую не испытываютъ плѣнники, вырвавшіеся изъ самой мучительной неволи. Сладкая надежда ободрила насъ, взоры наши еще разъ устремились къ берегамъ отечества, отъ котораго насъ отдѣляло пространство въ пять или шесть тысячъ лигъ.»

Впрочѣмъ долгое пребываніе *Астролябилъ* у этихъ береговъ, хотя и связанное съ такими опасностями, принесло пользу наукъ; были сдѣланы важныя наблюденія: Г. Грессіенъ снялъ самый вѣрный и полный планъ всего острова; формы его береговъ; его рифы, самая почва были съ подробностію описаны. Карта его составляетъ одну изъ капитальныхъ работъ экспедиціи. Ваникоро, такъ недавно открытый, теперь есть одно изъ наилучше описанныхъ мѣстъ Южнаго Океана;

Натуральная исторія его тщательно изслѣдована, и въ музеумъ хранятся многочисленныя образцы, доставленные Дюрвилемъ. Кроме этихъ изслѣдованій, общихъ и полезныхъ; сдѣлано также изслѣдованіе о кораблекрушеніи, и этотъ предметъ, бывший главною цѣлію экспедиціи Дюрвиля въ Ваникоро, заключаетъ много любопытнаго, и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

«Съ самой минуты нашего прибытія, говоритъ Дюрвиль, островитяне, суровые и подозрительные, какъ и всѣ дикіе чернаго Океанійскаго племени, приняли, казалось, постоянную систему отрицанія; во всемъ, что относилось къ этому несчастію, или давали отвѣты уклончивые: *Не знаю.—Не видѣлъ. Это случилось весьма давно.—Мы слышали отъ нашихъ отцовъ.* Было очевидно, что обхожденіе ихъ съ несчастными жертвами кораблекрушенія было самое безчеловѣчное. Безъ сомнѣнія, они боялись насъ какъ мстителей, особенно если узнали отъ Англичанъ и отъ Тиконійцевъ, что мы одного племени съ Мара. Впрочемъ, когда они удостовѣрились, что мы не имѣли ни какого непріязненнаго намѣренія, и что, напротивъ, мы ихъ дарили и ласкали, они стали сговорчивѣе и нѣкоторые охотнѣе отвѣчали на мои вопросы. Я исключительно обращался къ старикамъ, которые могли быть очевидцами роковаго событія, и къ тѣмъ изъ молодыхъ, которые казались мнѣ понятливыми и одаренными лучшею памятію, и потому могли помнить то, что слышали отъ своихъ отцовъ.

«Въ моемъ повѣствованіи я представилъ результаты распросовъ; наиболѣе пользовался показаніями Валико, вождя селенія Ваникоро, одного весьма стараго вождя Маневая, и Моэмба, духовнаго главы того же селенія; изъ другихъ болѣе заслуживаютъ вниманіе Тангалоа и Кавалики, молодые вожди, весьма умные, гордившіеся прохожденіемъ своимъ отъ отца Тиконіица и матери изъ Ваникоро, что ихъ сближало съ настоящимъ Полинезійскимъ племенемъ. Изъ сравнительнаго изслѣдованія различныхъ разсказовъ, я составилъ слѣдующее, самое вѣроподобное, по мнѣнію моему, описаніе Лаперузова кораблекрушенія.

«Послѣ весьма мрачной ночи, въ продолженіе которой дулъ сильный S. O., островитяне видѣли поутру на нижнемъ берегу, на противъ округа Танема, огромную байдару на мели. Она вскорѣ была смыта волнами, и

совершенно исчезла; послѣ чего имъ не удалось ничего спасти изъ нея. Изъ бывшихъ въ ней людей весьма немногіе спаслись на шлюбкѣ и вышли на островъ. На другой день, утромъ же, дикіе замѣтили другую байдару, подобную первой, сдѣвшую также на мели предъ Паіу. Она была на подвѣтренной сторонѣ отъ острова, слѣдовательно мѣше терпѣла отъ волненія, къ тому же она спѣла на ровномъ грунтѣ, въ глубинѣ отъ 12 до 15 футовъ; и потому долго оставалась цѣлою; находившіеся въ ней люди съѣхали въ Паіу, гдѣ вмѣстѣ съ людьми, спасшимися съ другаго корабля, немедленно занялись постройкою небольшого судна, изъ обломковъ того, которое стояло на мели.

«Французы, которыхъ островитяне прозвали *Мара*, всегда были, по ихъ разсказу, уважаемы; къ нимъ не иначе приступали, какъ цѣдуя имъ руки, что часто дѣлали они съ офицерами *Астроляби*. Впрочемъ нѣсколько разъ происходили драки, и въ одной изъ этихъ стычекъ островитяне потеряли много воиновъ, въ томъ числѣ трехъ вождей; два Француза были тоже убиты. Наконецъ послѣ шести или семи дней, маленькое судно было окончено, и всѣ иноземцы оставили островъ: такъ, по крайней мѣрѣ разсказывали болѣею частію; впрочемъ нѣкоторые говорили, будто остались двое *Мара*, но жили недолго. Какъ бы то ни было, нельзя думать, чтобы теперь существовалъ кто нибудь изъ спутниковъ Лаперуза, ни въ Ваникоро, ни въ Тиконіи, ни даже въ Нитенди или на другомъ изъ соседнихъ острововъ. Что касается до череповъ несчастныхъ Французовъ, умерщвленныхъ дикими, весьма вѣроятно, что они долго сохранялись, какъ трофеи, и что если они и существовали до нашего прихода, то были тщательно скрыты отъ всѣхъ поповъ.

По всему должно думать, что Лаперузъ отъ острововъ Дружбы и Новой Каледоніи направился къ сѣверу и продолжалъ плаваніе къ Санта-Крүцу, сообразно съ данною ему инструкціею, и какъ онъ самъ говоритъ въ послѣднемъ своемъ донесеніи морскому министру. Подходя къ этимъ островамъ, онъ рѣшился продолжать плаваніе ночью, какъ онъ это часто дѣлалъ, и неожиданно попалъ на ужасныя рифы, лежащія кругомъ Ваникоро, существованіе которыхъ было совершенно не извѣстно. Вѣроятно фрегатъ шелъ впереди (вещи, доставленныя Диллономъ, застав-

млютъ думать; что то былъ фрегатъ *la Boussole*) и ударившись о мели, не могъ сняться; другой корабль успѣлъ подняться къ вѣтру и удалиться отъ рифовъ въ море; но освободясь отъ этой первой опасности, онъ не могъ рѣшиться покинуть людей перваго корабля, и можетъ быть, самаго начальника экспедиціи, на произволъ дикарей, а потому не отдаляясь отъ острова, долженъ былъ употребить всѣ средства для ихъ спасенія. Нѣтъ сомнѣній, что это было причиною гибели втораго судна. Самый видъ мѣста, гдѣ оно осталось, подтверждаетъ это мнѣніе; при первомъ взглядѣ можно точно подумать, что тамъ есть проходъ между скалами. Можетъ быть, второй фрегатъ пробовалъ проникнуть чрезъ этотъ проходъ внутрь цѣпи рифовъ, и не прежде узналъ свою ошибку, какъ въ то время, когда гибель была уже неизбежна.

«Не смотря на то, что нѣтъ ни какого положительнаго и примаго доказательства, что эти обломки действительно принадлежатъ экспедиціи Лаперуза, кажется, не остается уже въ этомъ ни какого сомнѣнія. Свѣдѣнія, собранныя мною отъ островитянъ, совершенно согласны въ существѣ дѣла съ повѣствованіемъ Диллона, между тѣмъ я нисколько не могъ руководствоваться показаніями его, потому что узналъ о сдѣланномъ имъ донесеніи въ Пль-де-Франсъ, не прежде какъ два мѣсяца послѣ отправленія моего рапорта въ министерство. Слѣдовательно эти показанія вполне заслуживаютъ вѣру; изъ нихъ видно, что два большіе корабля погибли лѣтъ сорокъ тому назадъ на мели близъ Ваникоро; что въ нихъ было много народа; жители помнили даже, что суда тѣ были подъ бѣлымъ флагомъ. Все это, равно какъ и пушки и мортиры, добытыя на самомъ мѣстѣ, доказываетъ, что корабли были военные; съ другой стороны положительно извѣстно, что за долго до этой эпохи и долго послѣ, ни одно военное судно не погибло въ тѣхъ моряхъ, кромѣ фрегатовъ Лаперуза и *Надоры*, которою командовалъ Эдвардъ и которая разбилась на рифѣ Торресова пролива. Кромѣ того, нѣкоторые изъ вещей, доставленныхъ капитанами Диллономъ и Дюрвилемъ, доказываютъ, что корабли, на которыхъ онѣ находились, заняты были важными работами. Наконецъ доска съ лиліями совершенно соответствуетъ сохранившимся рисункамъ рѣзбы, которою была украшена корма фрегата

la Boussole. Столько данныхъ составляютъ доказательство неоспоримое.

«Читатель ожидаетъ вѣроятно моего мнѣнія о пути, которымъ шли Французы, отправляясь изъ Ваникоро; я полагаю, что они держались сперва на Новую Ирландію, чтобы оттуда отправиться къ островамъ Моллокскимъ и Филиппинскимъ, по слѣдамъ Картерета или Бугенвиля. Тогда одинъ этотъ путь могъ представлять нѣкоторую надежду слабому и худо вооруженному судну, построенному въ Ваникоро; кромѣ недостатка средствъ, должно полагать, что Французы были изнурены лихорадкою и войною съ жителями.

«Я почти убѣжденъ, что на западномъ берегу Саломоновыхъ острововъ откроются, можетъ быть, въслѣдствіи, слѣды ихъ странствія.»

Это заключеніе Дюрвиля казалось ему такъ основательнымъ, что онъ отъ Ваникоро хотѣлъ плыть къ Саломоновымъ островамъ, дабы искать слѣдовъ своихъ предшественниковъ; но отчаянное состояніе его экипажа заставило его слѣдовать прямо къ островамъ Маріанскимъ, какъ единственному пристанищу, гдѣ больные могли ожидать какого нибудь пособія.

Когда первыя извѣстія объ открытіяхъ Диллона достигли Франціи, министерство опасалось, что Дюрвиль не воспользуется этими данными, и не посѣтитъ самаго мѣста крушенія. На всякій случай морской министръ приказалъ Г. Легоарану, командиру корвета *Bayonnaise*, стоящаго тогда у западныхъ береговъ Америки, отправиться въ Тикопію и Ваникоро, чтобы тамъ изслѣдовать самымъ подробнымъ образомъ все, что относится до гибели Лаперуза.

Легоаранъ вступилъ подъ паруса 8 Февраля 1828 г., изъ Вальпарайзо посѣтилъ острова Гавай, Фанингъ, Сидней, Фениксъ, Ротуму и Тикопію, и на последнемъ видѣлъ Прусака Бушарта и Ласкара-Джозъ. Бушартъ не принялъ ни какихъ предложеній; а Джозъ, жившій въ недавнюю жену, согласился отправиться на корветъ. Корветъ пришелъ въ Ваникоро 3 Іюня, и, по словамъ капитана, простоялъ подъ парусами двѣнадцать дней. Этимъ онъ избѣгъ лихорадки, но за то въ отношеніи къ наукѣ и къ географіи не сдѣлалъ ничего; вопросъ о крушеніи Лаперуза остался въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Дюрвиль. Нельзя не сожалѣть о томъ, что *Bayonnaise*, имѣя экипажъ вдвое многочислен-

ите, пежели *Астролябия*, не послали сильного отряда въ Паіу; для розыска, который; можетъ быть, доставилъ бы новыя доказательства пребыванія Французовъ. Самое примѣчательное обстоятельство пребыванія здѣсь этого корвета заключается въ томъ, что одна изъ его любоекъ открыла памятникъ, недавно сооруженный капитаномъ *Астролябии*. Жители не только не разрушили мавзолея, но еще окружили его нѣкоторымъ почтеніемъ, и едва позволили морякамъ съ Байонеза приступить къ нему, чтобы прибить медаль, долженствующую свидетельствовать о посѣщеніи ими этого мѣста. Следовательно, можно надѣяться, что этотъ мавзолей будетъ существовать сколько позволитъ то слабые матеріалы, изъ которыхъ онъ построенъ. Ужели Франція не сдѣлаетъ для моряковъ, погибшихъ въ ея службѣ, чего нибудь прочнѣе этого простаго и непрочнаго памятника, воздвигнутаго благоговѣйною мыслию?

Другіе мореплаватели безъ сомнѣнія постигли Ваникоро послѣ Дюрвиля и Легоарана, потому что въ морской музей доставлено дерево съ цифрою 1788, вырѣзанною безъ сомнѣнія однимъ изъ спутниковъ Лаперуза. Но какъ мы не имѣемъ ни какого положительнаго на этотъ счетъ свидѣнія, то ограничимся этимъ показаніемъ. Судьба славнаго Французскаго мореплавателя, погибшаго на меляхъ Ваникоро, безъ сомнѣнія заслуживала историческаго отступленія въ нашемъ разсказѣ; мы представили только то, что собрали наиболѣе вѣрнаго или правдоподобнаго.

ГЛАВА XVI.

Ваникоро. — Географія. — Нравы.

Группа Ваникоро, открытая въ 1788 г. Лаперузомъ, который дорого заплатилъ за это открытіе, была усмотрѣна Эдвардсомъ въ 1791 г., и названа имъ *островомъ Питтъ*. Въ Матъ 1793 г., д'Антраксто, посланный съ кораблями *la Recherche* и *l'Esperance* послѣдамъ Лаперуза, проникъ въ разстояніи двѣнадцати лигъ отъ береговъ Ваникоро и далъ ему названіе своего корабля. Потомъ сюда приходили, какъ мы уже видели, въ 1823 г.; капитанъ Дюперре, за нимъ Диллонъ, послѣ Дюрвиля и наконецъ Легоаранъ.

Два острова не равной величины составляютъ группу Ваникоро; они окружены коралловымъ рифомъ, имѣющимъ въ окружности около тридцати шести миль. Дюрвиль далъ большому острову названіе *Recherche*, а меньшему *Тевай*, по имени главнаго селенія. Первый имѣетъ тридцать миль въ окружности; Тевай не болѣе десяти. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ *Астролябією*, залитъ Осии лежить подъ 11° 40' шир. и 164° 32' в. дол.

Оба острова покрыты лѣсомъ отъ прибрежья до внутреннихъ возвышенностей. Гора Каного, высочайшая точка всей группы, имѣетъ 474 тоаза высоты; ее можно видѣть въ разстояніи двадцати лигъ.

Кромѣ двухъ главныхъ острововъ есть еще во внутреннемъ залитѣ два островка, изъ коихъ одинъ называется Маневай, по обитающему въ немъ племени (Рис. XXX. ф. 2); и еще не большой островъ Напуна въ сѣверо-западной части группы; каждый изъ этихъ островковъ имѣетъ не болѣе 500 тоазовъ въ окружности.

Рифъ, облегающій всю группу, перерезанъ промежуткомъ около восьми миль, только въ восточной части. Въ другихъ мѣстахъ есть проходы болѣе или менѣе узкіе, чрезъ которые можно проникнуть внутрь рифа, гдѣ обыкновенная глубина отъ тридцати до сорока брассовъ, съ огромными коралловыми глыбами, возвышающимися до десяти футовъ.

Другой рифъ тянется кругомъ острова вдоль самаго берега, отъ чего весьма трудно приставать къ нему. Только въ Осии и въ Паіу песчаный грунтъ у береговъ позволяетъ любкамъ приставать къ нимъ. Жалкое и немногочисленное племя обитаетъ на этихъ островахъ, которые впрочемъ довольно плодородны. Жителей, кажется, не болѣе 1500; внутренность острова представляетъ обширный и непроницаемый лѣсъ; только берега населены. Земля обработана не далѣе какъ на одну милю отъ берега. Главные предметы земледѣлія суть: таро, ямсъ, бананы и кава.

Жители вообще малорослы, худощавы; слабы и болѣзненны; цвѣтъ кожи черный; фizioноміи непріятны. Чрезмѣрная высота лба и сжатость головы между висками, придаютъ имъ что-то странное и дикое. Они курносы, и протыкаютъ въ хрищъ раздѣляющій ноздри куски дерева и раковинки. Почти все они гибки, поворотливы

и дѣлательны, хотя встрѣчаются прокаженные и большыя вереданы (Рис. XXXI. ф. 1).

Женщины, сравнительно, хуже мужчинъ. Но не смотря на отвратительную ихъ наружность, мужчины чрезвычайно ревнивы, и показываютъ ихъ гостямъ не иначе какъ подъ собственнымъ охраненіемъ. Ихъ груди, вѣдая съ раннихъ лѣтъ, висятъ очень некрасиво; Ваникоряки ускоряютъ еще дѣйствіе годовъ стягиваясь поясомъ выше груди (Рис. XXXI. ф. 2.)

Одежда мужчинъ состоитъ обыкновенно въ поясъ изъ матеріи, дѣлаемой изъ волоконъ гибискуса или плетеного тростника, къ которому привязывается небольшой кусокъ полотна, служащаго вмѣсто маро. Женщины носятъ такой же поясъ; но передникъ ихъ спускается до самихъ коленъ. Для наряда женщины и мужчины поднимаютъ волосы сзади, и обтягиваютъ голову кускомъ матеріи, который виситъ на спинѣ какъ длинный мѣшокъ. (Рис. XXXI. 1. и XXVIII. 2. и 3). И тѣ и другіе навѣшиваютъ себѣ къ ушамъ, а иногда и къ носу, множество колецъ изъ черепахи. Они носятъ также браслеты изъ маленькихъ круглыхъ раковинъ и кокосовыхъ орѣховъ, и весьма высоко цѣнятъ это украшеніе.

Ваникорійцы много употребляютъ бетеля; что чрезвычайно портитъ ихъ десны. Для дѣланія бетеля они воздѣлываютъ *pipep* или кава, употребленіе котораго, какъ хмельнаго напитка, имъ не извѣстно. Известка, обращенная въ самую мелкую пыль, хранится въ небольшихъ кувшинкахъ изъ тыквы, украшенныхъ рѣзбою и закуроренныхъ кускомъ дерева. Арскъ и бетель хранятся въ двухъ маленькихъ мѣшечкахъ. Здѣсь извѣстно татуированіе посредствомъ накалыванія, но татуируютъ только спину, гдѣ изображаютъ рыбъ, ящерицъ и линіи зигзагами или городками. Впрочемъ этихъ изображеній почти не видно отъ черноты кожи.

Островитяне питаются рыбою, черепахами, раковинами, таро, кокосами, бананами и особеннымъ родомъ сладкаго картофеля. У нихъ есть также два рода хлѣбнаго дерева, плоды которыхъ употребляются въ пищу; но арумъ или таро, который они трутъ особеннымъ образомъ (Рис. XXXII. ф. 1); составляютъ главную ихъ пищу. Свины были весьма рѣдки во время пребыванія тамъ *Астроллби*; дворовыхъ птицъ вовсе не замѣчено.

Хижины островитянъ имѣютъ отъ десяти до двадцати футъ въ длину и отъ шести до десяти въ ширину; кровли спускаются на обѣ стороны не доходя до земли на четыре или пять футъ и поддерживаются тремя рядами кольевъ.

Грубый плетенки изъ кокосовыхъ листьевъ служатъ для кровель и для стѣнъ этихъ хижинъ; въ одной оконечности находится дверь, посрединѣ четырехъ угольный очагъ, а по угламъ небольшія прилавки для складыванія домашней утвари.

Нѣкоторые казы, красивѣе, просторнѣе и лучше построенныя, называются домами атуаевъ и служатъ арсеналами, залами для совѣщаній и въ то же время храмами (Рис. XXXII. ф. 2). Въ многихъ изъ нихъ хранятся луки и стрѣлы, а по стѣнамъ сдѣланы эстрады, на которыхъ въ военное время сѣли островитяне.

Байдары ихъ чрезвычайно грубой постройки; болѣею частию это простыя бревна, почти цилиндрическія, выдолбленныя внутри, но такъ, что верхнее отверстіе едва имѣетъ достаточную широту, чтобы продѣвать туда ноги; часто даже это отверстіе заделано досками, чтобы вода не наливалась внутрь. Эти байдары снабжены поперечнымъ коромысломъ и держатъ треугольный парусъ необыкновенно высокій (Рис. XXXIII. ф. 1). Ваникорійцы далеко отстали отъ своихъ сосѣдей Полинезійцевъ въ искусствѣ мореплаванія.

Доселѣ ничего положительнаго не дозволено о ихъ религіи; извѣстно только, что они имѣютъ какую то религію. Она должна быть родъ фетишизма, потому что старикъ Моэмъ, Маневайскій жрецъ, по просьбѣ капитана Дюрвиля, чтобы показать ему своихъ атуаевъ *Лубо* и *Бани*, повелъ его въ казу весьма жалкаго вида и показалъ ему пору краба или водоземнаго рака, говоря, что это *Лубо*, и землянное гнѣздо настькомыхъ въ родѣ пчелъ или муравьевъ, которое называлъ божествомъ *Бани*. Когда Дюрвиль сдѣлалъ свои приношенія этимъ страннымъ божествамъ, благочестивый Моэмъ прочиталъ длинную молитву каждому изъ нихъ, потомъ взявъ поднесенныя вещи, завернулъ ихъ весьма осторожно и отнесъ къ себѣ въ домъ. Моэмъ говорилъ также, что вершина горы Капого, и въ особенности бѣловатая и нагая скала, съ которой сливались дождевыя пото-

ки, есть мѣстопребываніе другаго, болѣе могущественнаго, бога.

Ваникорійцы утверждаютъ, что они вовсе не людотѣды, но сознаются, что трупы убитыхъ на войнѣ вымачиваются ими въ морѣ, дабы отдѣлнить кости отъ мяса. Они сохраняютъ черепы, какъ трофеи, и употребляютъ кости для острія стрѣлы.

Говорятъ, что подобныя стрѣлы наносятъ раны смертельныя, чего не бываетъ отъ обыкновенныхъ; но это подвержено сомнѣнію и не подтверждено опытами, произведенными на *Астролабии* и корабль *Research*.

Ваникорійскій языкъ весьма различенъ отъ Полинезійскихъ діалектовъ, хотя и имѣетъ общія съ ними выраженія. Впрочемъ на самомъ Ваникоро существуетъ много нарѣчій, и Г. Гемаръ удостовѣрился, что нарѣчія эти измѣняются въ каждомъ колѣнѣ, и на каждомъ мысѣ. Языкъ довольно звученъ; жители имѣютъ нѣкоторую способность къ изученію языковъ и выговариваютъ Европейскія слова чинче, нежели другіе Полинезійцы.

Жители Ваникоро раздѣлены на восемь селеній; каждое состоитъ изъ тридцати или сорока хижинъ. Селенія эти суть: на островѣ *Research*: Мамбили, Вапу, Нама, Папу и Танема; на Тесафъ, деревушки Ваникоро и Тевай; на островкѣ Мансвай, деревушка того же имени. Еще недавно было селеніе въ Осли, но оно совершенно разрушено. Каждое изъ племенъ признаетъ надъ собою вождя или алигу, котораго власть и права трудно опредѣлить. Капитанъ Дюрвиаль узналъ только, что въ случаѣ войны, вожди остаются нейтральными и никогда между собою не воюютъ. Если это правда, то подобный обычай дикаго острова могъ бы служить полезнымъ примѣромъ нашимъ просвѣщеннымъ государствамъ, гдѣ короли перѣдко большіе охотники до войнъ, когда народъ жалеетъ мира.

Произведенія этого острова суть чисто Океанійскія; но въ нихъ уже болѣе видна природа Азіи. Капитанъ Диллонъ нашелъ здѣсь мангу.

Птицъ и рыбъ множество всѣхъ родовъ, а въ подводныхъ скалахъ чрезвычайное изобиліе улиткообразныхъ животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, новыя и любопытныя, были описаны въ путешествіи *Астролабии*.

ГЛАВА XVII.

Островъ Нитенди или Сайта-крюцъ — Острова Туна, Мендана, Даффа, Тау-мако.

Океанія, выйдя изъ водъ Ваникоро, положила якорь, какъ мы видѣли, у острова Нитенди, 18 Іюня. По правой и лѣвой сторонамъ залива, въ который мы вошли, показывались многолюдныя и большія селенія, и съ разныхъ точекъ слышались къ намъ байдари. Не всѣ достигали насъ, потому что заливъ весьма обширенъ, а мы отдали якорь въ самой его глубинѣ; однако же насъ тотчасъ окружили до ста лодокъ изъ двухъ деревень близкаго берега. На каждой изъ нихъ было отъ трехъ до пяти человекъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и по видимому, привыкшихъ къ Европейцамъ. Они подняли ужасный шумъ кругомъ шлюпа, но вели себя довольно миролюбиво и честно. Многіе принесли намъ кокосовыя орѣхи, лѣсъ, родъ огурцевъ, спондіасъ, большіхъ голубей, нѣсколько дворовыхъ птицъ, и весьма небольшое число свиней. Такъ какъ мы не снабжались ничѣмъ со времени отпавленія изъ Тонга-табу, то *Океанія* чувствовала недостатокъ въ свѣжей провизіи. Мы воспользовались случаемъ купить ее, хотя цѣны были несравненно выше существовавшихъ на Полинезійскихъ островахъ. За свинью, напримѣръ, весьма маленькую, должно было платитъ топоръ.

Кромѣ свѣжей провизіи, Пендлетонъ нуждался въ дровахъ и водѣ, и желалъ заимѣть ими здѣсь. Для этого онъ хотѣлъ сблизиться съ какими нибудь вождями; но всѣ его познанія въ Океанійскихъ языкахъ были бесполезны: ни одинъ изъ дикихъ не понималъ его. Онъ думалъ уже отказаться отъ этихъ попытокъ, когда замѣтилъ въ одной байдарѣ человека, не столь чернаго цвѣтомъ какъ другіе; черты его лица видимо различествовали отъ типа черныхъ. Пендлетонъ, пригласивъ его на корабль, сталъ съ нимъ говорить, успѣлъ объясниться, и узналъ отъ него, что онъ былъ родомъ изъ Тикопи, по имени Фатаку, и былъ занесенъ бурей къ берегамъ Нитенди. Этотъ переводчикъ былъ для насъ находкою. Когда капитанъ изъяснилъ ему желаніе объясниться съ однимъ изъ вождей. Тикопіецъ показалъ ему старика довольно пріятной наружности, который, при первомъ сдѣланномъ ему знакѣ, взмошелъ на корабль,

Топоръ, кусокъ красной матеріи и нѣсколь-
ко бездѣлокъ, подаренныхъ этому человѣку,
привели его въ восторгъ; онъ ихъ показы-
валъ людямъ, бывшимъ въ байдарахъ, какъ
побѣдитель дорогую добычу. Послѣ пер-
выхъ порывовъ радости, онъ вспомнилъ од-
нако, что нужно также съ своей стороны дать
что нибудь взаменъ полученныхъ драго-
цѣнностей, и спросилъ у Пендлетона, чего
онъ отъ него ожидаетъ. Тикопійскій драго-
манъ объяснилъ, что шлюпъ нуждается въ
дровахъ и въ провизіи, на что вождь от-
вѣчалъ, что въ его селеніи можно достать все.
Селеніе находилось въ нѣкоторомъ разсто-
яніи отъ насъ, на восточномъ берегу залива.
Чтобы показать намъ вполне свою добрую
волю, вождь, по имени Ламоа, просилъ что-
бы тотчасъ же перевели туда судно. Но намъ
нужно было сперва удостовѣриться, не соеди-
нено ли это съ опасностію.

Было положено, что вождь воротится къ
себѣ въ тотъ же вечеръ, и на другой день при-
будетъ самъ въ качествѣ лодчана, чтобы про-
вести двѣ шлюбки въ Мамбо. Условясь въ
этомъ онъ сѣлъ въ свою байдару; его можно
было слѣдить глазами, до того времени, какъ
онъ присталъ къ берегу, и съ гордостію по-
казывалъ жителямъ, собраннымъ на берегу,
новыя свои богатства. Впрочемъ этотъ дикій
очеръ хорошо понималъ, чего Пендлетонъ же-
лалъ отъ него; онъ зналъ, что между нимъ и
капитаномъ будетъ существовать дружеская
связь, и охотно перемѣнялся съ нимъ име-
нами по Полинезійскому обычаю. Онъ назы-
валъ капитана Ламоа, а тотъ называлъ его
Пендлетономъ.

Байдары, удалившіяся отъ насъ съ зака-
томъ солнца, прибыли опять съ разсвѣ-
томъ. Онъ были нагружены провизіею,
но въ небольшомъ количествѣ; изъ чего
мы заключили, что островъ не столь плодо-
роденъ, какъ казалось, или что произведеній
его было только достаточно для народонасе-
ленія. Другъ нашъ, вождь Ламоа, прибылъ
изъ первыхъ сопровожденіи одного изъ
своихъ сыновей. Онъ поднесъ Пендлетону,
въ замѣнъ вчерашнихъ его подарковъ, мяса,
сладкихъ пататовъ, арековыхъ орѣховъ, но
всего понемногу и съ видимою бережливостію.
Послѣ того онъ сѣлъ на одно изъ на-
шихъ гребныхъ судовъ, а его сынъ на дру-
гое. Я присоединился къ нимъ въ качествѣ
любителя: нельзя было найти лучшаго слу-

чая для осмотра острова, столь рѣдко по-
сѣщаемого мореплавателями.

Въ семь часовъ утра мы отправились; и
чрезъ часъ были уже въ Мамбо. Одинъ взглядъ
на эту часть залива, и лодъ, брошенный въ
море, удостовѣрили лейтенанта Ренбоу, что
Океанія не могла безъ большой опасности
перейти сюда. Берега кругомъ были плоски
и открыты; посрединѣ протекала небольшая
рѣчка. Шлюпки плыли по ней вверхъ, на двѣ-
сти или триста сажень. Она имѣла до сорока
футовъ въ ширину и три фута глубины. Вода
была совершенно прѣсная.

Наскоро налили нѣсколько бочекъ, а я ус-
пѣлъ между тѣмъ сходить въ деревню. При-
лель Ламоа сперва не соглашался на это;
но съ моей стороны были употреблены ар-
гументы, предъ которыми онъ не могъ усто-
ять: я подарилъ ему стеклянное ожерелье, и
онъ позволилъ своему сыну провести меня
въ Мамбо.

Эта деревушка, заключаетъ до сорока
казъ, просторныхъ, удобныхъ, съ дверьми
по всемъ четыремъ сторонамъ, окруженныхъ
стѣнами изъ дикаго камня безъ смазки, въ
четыре или пять футовъ вышиною и почти та-
кой же толщины. Стѣна составляла родъ ук-
рѣпленія, и каждая каза могла обратиться въ
отдѣльную крѣпость. Я заглянулъ въ одну
казу чрезъ полуразрушенную дверь, и ви-
дѣлъ циновки на полу; а посрединѣ жили
очагъ съ огнемъ. Жителей было отъ шести
до восьмидесяти челоуѣкъ. Они опрятны и
здоровы, что заставляетъ предполагать, что
пища здѣсь хороша и изобильна. Никто
впрочемъ не оказалъ мнѣ того учтиваго госте-
примства, какое я всегда находилъ у жи-
телей Полинезіи, даже у самыхъ нерадушныхъ.
Напротивъ, люди смотрѣли на меня съ подо-
зрѣніемъ, и даже выражали суровыми взгля-
дами свое неудовольствіе сыну Ламоа, за то
что онъ ввелъ меня въ тайны ихъ пенатовъ.
Поэтому и онъ не оказалъ мнѣ большого
усердія въ качествѣ чичероне. Чрезъ часъ
онъ повелъ меня обратно къ шлюбкамъ. Въ
этой краткой прогулкѣ я видѣлъ нѣсколько
женщинъ, довольно пріятныхъ, не смотря на
закопченный дѣтъ лица и на испорченный
употребленіемъ бетеля и извѣстки ротъ.
Одежда ихъ состояла изъ передника, кото-
рый спускался отъ пояса до коленъ, и лоскута
толстой матеріи, которымъ онъ покрывалъ
голову и плеча. Мужчины также употребля-
ють бетель, и такъ усердно, что ихъ зубы

принимаютъ видъ свинныхъ зубовъ, вставленныхъ въ челюсть.

Къ двумъ часамъ по полудни мы поѣхали обратно на корабль, гдѣ Пендлстонъ нетерпѣливо насъ ожидалъ. Онъ очень досадовалъ, что не могъ стать у селенія Мамбо, ибо жители ближнихъ селеній доставляли весьма мало живности; сверхъ того, между ними проявлялись признаки опаснаго буйства.

Въ числѣ различныхъ эпизодовъ этой стопки, нельзя умолчать объ одномъ обстоятельстве, весьма характеристическомъ. Оно покажетъ, какъ велико вліяніе жрецовъ на народъ, и какими немощными плутнями они пріобрѣтаютъ и поддерживаютъ его. Между дикими, подѣхавшими на байдарахъ къ кораблю, находился жрецъ; лишь только Ламоа завидѣлъ его, то просилъ капитана, чтобы ему позволили войти на палубу. На это отнѣсивъ онъ имѣлъ права, по мнѣнію вождя, какъ жрецъ, колдунъ, и въ случаѣ необходимости, вдохновенный. По этимъ естественнымъ или сверхъестественнымъ качествамъ, жрецъ слылъ во всемъ околдѣ лицемъ весьма важнымъ. Пендлстонъ не могъ отказать; онъ приказалъ пустить его на корабль и даже хотѣлъ тотчасъ сдѣлать ему кое какіе подарки, когда тотъ предупредилъ его и занялся болѣе нужнымъ дѣломъ. Онъ хотѣлъ тутъ же выказать свое искусство въ колдовствѣ; онъ не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы получать дары, но чтобы удивить насъ своими талантами. Войдя на палубу, жрецъ тотчасъ сбросилъ съ плеча суму, сталъ дѣлать странныя тѣлодвиженія, хохотать, кричать и говорить, точно бѣснующійся: это значило, что духъ овладѣлъ имъ. Бывшіе тутъ островитяне смотрѣли на него съ почтительнымъ вниманіемъ; байдары въ знакъ уваженія отошли отъ шлюпа, чтобы не мѣшать духу. Только байдара вдохновеннаго имѣла право остаться близъ корабля. Въ то время, какъ актеръ разигрывалъ такимъ образомъ свою роль, два его собрата, оставшіеся въ байдарѣ, взошли на палубу и въ нѣсколько пріемовъ объявили капитану, что надо дать колдуну топоръ. Пендлстонъ сдѣлалъ это и даже присовокупилъ къ подарку нѣсколько стеклянныхъ ожерелій. Жрецъ не обращалъ на то ни какого вниманія, потому что ожидалъ болѣе, или потому что хотѣлъ докончить свою комедію, не зная. Онъ продолжалъ дуть, кричать; ротъ его пѣнился; вѣроятно божество мучило его все болѣе и болѣе. Онъ цѣлые полчаса ре-

велъ, дѣлалъ гримасы, самымъ утомительнымъ образомъ кривлялся и кончилъ продолжительнымъ и острымъ визгомъ: то былъ знакъ, что духъ оставилъ его. Тогда, собравъ поспѣшно, что было положено передъ нимъ, топоры и ожерелья, онъ бросилъ ихъ въ свою суму, вскочилъ въ байдару и сталъ грести къ берегу, продолжая оглашать воздухъ пронзительными криками. Мы были удивлены этимъ явленіемъ. Чего хотѣлъ этотъ человекъ? Ужели дѣлалъ онъ всѣ эти гримасы затѣмъ, чтобы получить подарокъ, или имѣлъ другую цѣль? Мы ничего не могли понять. Фатаку и Ламоа, которыхъ мы объ этомъ спрашивали, не могли или не хотѣли намъ дать удовлетворительнаго ответа. Они сказали только, что этотъ жрецъ имѣлъ большое вліяніе, и что мы очень хорошо сдѣлали, что надарили ему вещи по вкусу.

На слѣдующій день объ шлюпки поѣхали опять въ Мамбо. Въ этотъ разъ я намѣревался сдѣлать прогулку далѣе вчерашней, и постѣтить прекрасный ключъ живой воды, который бьетъ среди скалъ недалеко отъ берега. Это, кажется, тотъ самый источникъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ повѣствованіи Испанецъ Мендана. Я хорошо обдумалъ свой планъ. Зная слабость Ламоа, я пріобрѣлъ его благосклонность великодушнымъ ожерельемъ. Онъ былъ мнѣ душевно преданъ, и въ угожденіе былъ готовъ взбунтовать весь островъ. Только мы вышли на берегъ, онъ повелъ меня самъ къ мѣсту, которое я хотѣлъ видѣть. Все шло хорошо; но шагахъ во ста отъ берега, я встрѣтилъ вчерашняго жреца, который началъ свои проклятыя фарсы съ дьявольскимъ неистовствомъ, и формально загородилъ мнѣ дорогу. Напрасно хотѣлъ я умирить его, подарками купить позволеніе идти далѣе; бѣшеный жрецъ ни на что не смотрѣлъ и выдержалъ свою роль до конца. Ламоа сталъ тогда уговаривать меня, чтобы я повиновался волѣ служителя боговъ, съ которымъ, можетъ быть, онъ предварительно составилъ програму этой глупой комедіи. Такъ какъ я стоялъ на своемъ, онъ удалился, и оставилъ меня одного противъ бѣсновавшагося жреца и человекъ двадцати здоровыхъ островитянъ, прибѣжавшихъ на его крики. Эти люди не имѣли ни какой причины уважать и бояться Европейца; они стали на меня посматривать злобно и съ угрозою стучать луками. Я понялъ, чего они хотѣли, и

рѣшился отказаться отъ намѣреній, потому что схватка была бы для меня невыгодна. Я возвратился къ матросамъ, которые наливали бочки, и сѣлъ въ шлюбку, не замѣтивъ ничего особеннаго на этомъ берегу, который и положеніемъ и растительностію былъ совершенно похожъ на двадцать другихъ береговъ, видѣнныхъ мною.

Когда мы возвратились на шлюпъ, Пендлтонъ готовился спматься. Вѣтерокъ съ берега благопріятствовалъ намъ. Мы желали скорѣе выйти изъ этого залива, не весьма безопаснаго, и оставить свирѣное и жадное народонаселеніе, отъ насилій котораго охраняли насъ только пушки.

Островъ *Нитенди* или *Инденди*, или *Индени*, смотря по тому, какъ разные мореплаватели поняли это мѣстное названіе, былъ открытъ Менданою 7 Сентября 1595. Испанскій генералъ былъ посланъ изъ Перу, для основанія колоніи на Саломоновыхъ островахъ, открытых имъ въ первое его путешествіе въ 1568. Въ ночь 8 Сентября, при большой темнотѣ, адмиральскій корабль предъ островомъ Нитенди отдѣлился отъ другихъ, и безъ сомнѣнія разбился у какого нибудь изъ ближнихъ острововъ, потому что объ немъ не было уже ни какого слуха.

9 Сентября остальные три корабля, стоявшіе въ заливѣ Граціоза, были окружены множествомъ байдаръ. Островитяне подѣхали къ кораблямъ съ продолжительнымъ криками и махая руками. Нѣкоторые изъ этихъ людей были весьма темнаго цвѣта; другіе совершенно черные; ихъ курчавые волосы были выкрашены бѣлою, красною и желтою красками; другой одежды они не имѣли, кромѣ передника изъ тонкаго полотна. Лице и руки ихъ были чернаго лоснящагося цвѣта съ разными полосами; они носили на рукахъ и ногахъ разнаго рода браслеты. Вооруженіе состояло изъ луковъ и стрѣлъ съ остріями изъ кости или закаленными въ огнѣ; булавы были сдѣланы изъ весьма тяжелаго дерева; конья оканчивались тройнымъ остріемъ и съ большимъ камнемъ на одномъ концѣ; у нѣкоторыхъ висѣли чрезъ плечо сумки, сшитыя изъ пальмовыхъ листьевъ; они клали туда провизію.

Сперва Мендана принялъ ихъ за людей одного племени съ жителями Саломоновыхъ острововъ. Онъ попалъ свою ошибку, когда увѣдѣлъ, что они не знали языка Саломоновыхъ острововъ, на которомъ онъ сталъ

съ ними говорить. Дикіе долго любовались кораблемъ, но никто не смѣлъ взойти на него, не смотря на неоднократныя дружескія приглашенія Испанцевъ. Посовѣтовавшись между собою, они вдругъ взяли за оружіе. Главнымъ вождемъ былъ слабый и худощавый старикъ, которому все повиновалось безпрекословно. Наконецъ они пустили на корабль тучу стрѣлъ, сопровождаемую всеобщимъ оглушительнымъ крикомъ; впрочемъ никто не былъ раненъ.

Тогда Испанцы, оставя свое оборонительное положеніе, отвѣчали ружейнымъ залпомъ. Изъ дикихъ одинъ былъ убитъ, другой раненъ; все въ испугъ разбѣжалось. После этого корабль бросилъ якорь при входѣ въ заливъ, довольно опасный и не глубокій. Одинъ изъ кораблей подрейфовало при перемѣнѣ вѣтра; онъ едва не разбился прежде, нежели успѣлъ выйти въ море.

Мендана во весь слѣдующій день искалъ гавани, и наконецъ нашелъ довольно безопасный заливъ противъ селенія, недалеко отъ котораго протекала рѣка. Онъ высадилъ двѣнадцать солдатъ съ сержантомъ, но жители напали на этотъ отрядъ и принудили Испанцевъ укрыться позади хижинъ, гдѣ безъ сомнѣнія ихъ схватили бы, если бы не поспѣла шлюбка съ корабля, чтобы выручить своихъ. На другой день открыли множество селеній и лучшее якорное мѣсто, близъ рѣки. Здѣсь Испанцы нашли болѣе благопріятный пріемъ, и ввечеру вмѣсто звука оружія можно было слышать на берегу дикій оркестръ изъ барабана и двухъ палокъ, которыми били тактъ для пляски, при крикахъ и веселыхъ пѣсняхъ.

Головы и руки жителей, подѣхавшихъ къ кораблю, были убраны красными цвѣтами. После повторительныхъ приглашеній, нѣкоторые рѣшились взойти на палубу, безоружные. Между ними былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, темнаго цвѣта, но не черный, худощавый, сѣдой, съ головнымъ уборомъ изъ голубыхъ, красныхъ и желтыхъ перьевъ, съ лукомъ и стрѣлами, которыхъ острія были сдѣланы изъ кости. По обѣимъ его сторонамъ шли два человека, по видимому, также вожди, но какъ казалось, не столь значительные. Убранство старика и почтительность къ нему окружавшихъ, доказывали, что онъ по званію и по вліянію своему былъ выше всѣхъ прочихъ. Взойдя на палубу, онъ знаками спросилъ, гдѣ начальникъ, и когда

генералъ съ отверзтыми объятіями подошелъ къ нему; онъ объявилъ ему, что онъ называется Малоу. На это Испанецъ отвѣчалъ, что его имя Мендана, и предложилъ дикому вождю обмѣняться именами; на что тотъ съ радостію согласился. Онъ даже до того сталъ дорожить своимъ новымъ именемъ, что если кто его называетъ Малоу, онъ показывалъ на генерала; а о себѣ говорилъ, что онъ другого имени уже не имѣетъ, какъ Мендана. Онъ сказалъ между прочимъ Испанцамъ, что его называли также Таурикомъ, что они приняли за названіе его сана.

Послѣ этихъ предварительныхъ любезностей, Мендана сдѣлалъ подарки вождямъ, а его люди другимъ островитянамъ. Подарки состояли въ перьяхъ, погремушкахъ, стеклушкахъ и въ лоскуткахъ матерій. Дикіе навѣшивали все себѣ на шею. Принимая подарки, они повторяли слово *amigos* (друзья); которое Испанцы старались ихъ заставить повторить; потомъ брали за руку матросовъ и солдатъ и нѣсколько разъ ихъ обнимали. Съ ними дѣлали все, что хотѣли: выбрали имъ головы, обрзали ногти на рукахъ и на ногахъ, что чрезвычайно ихъ забавляло и внушило имъ желаніе имѣть также бритвы и пожинцы, для этого же употребленія. Цвѣтъ Европейскаго платья заставилъ ихъ сперва думать, что оно составляетъ одно съ тѣломъ; потомъ, когда имъ показали, что одежда не принадлежитъ къ тѣлу и снимается, они дѣлали множество странныхъ кривляній, чтобы выразить свое удивленіе.

Это продолжалось четыре дня, говоритъ авторъ повѣствованія, въ теченіе которыхъ они постоянно приносили намъ живность. Малоу часто бывалъ у насъ и показывалъ самое дружеское къ намъ расположеніе. Однажды онъ пріѣхалъ съ пятьюдесятью плутокми, въ которыхъ было спрятано оружіе. Взойдя на флагманскій корабль, онъ увидѣлъ, что солдатъ случайно взялъ въ руки ружье; Малоу убѣжалъ; и ничто не могло его остановить. Люди приняли его на берегу съ изъявленіями радости. Они совѣщались между собою и въ тотъ же вечеръ унесли все свои вещи изъ ближайшихъ къ гавани домовъ. Впродолженіе ночи видны были огни на противоположномъ берегу залива; лодки безпрестанно тѣснились отъ одной деревни къ другой; словомъ, можно было замѣтить, что у дикарей что нибудь готовилось. На утро матросы, съ галіота посланнаго пали-

ваться водою, попали въ засаду. Индійцевъ, которые преслѣдовали ихъ, стрѣляя изъ луковъ. Съ кораблей открыли огонь, чтобы унять ихъ. Когда перевязали раненыхъ, генералъ отрядилъ офицера съ тридцатью солдатами, чтобы сжечь деревни и умертвить всѣхъ, кто ни попадется. Индійцы сопротивлялись и обратились въ бѣгство не прежде, какъ когда у нихъ было человѣкъ пять убитыхъ. Мы не потеряли ни одного человѣка въ этой стычкѣ. Сожгли нѣсколько байдаръ и домовъ, и срубили кругомъ пальмы. Капитанъ Донъ-Лоренцо былъ посланъ съ фрегатомъ искать адмирала, а офицеръ съ своимъ отрядомъ пошелъ противъ ближайшей деревни Индійцевъ. Этимъ хотѣли испытать, можно ли напугать ихъ, причиня небольшой вредъ, чтобы не быть принужденными вредить имъ еще болѣе. Индійцы не ожидали насъ; село изъ нихъ находилось въ домахъ, когда ихъ подожгли; они храбро защищались, потомъ бросились на нашихъ; не щадя своей жизни, и погибли, за исключеніемъ одного, который бѣжалъ и былъ раненъ. Офицеръ возвратился съ своимъ отрядомъ, въ которомъ было два человѣка раненыхъ. Деревня принадлежала Малоу; ввечеру онъ показался на берегу, билъ себя въ грудь, и звалъ генерала своимъ именемъ, называя себя въ то же время Менданою. Онъ знаками показывалъ, что съ нимъ поступали несправедливо; что совѣтъ не его люди, но Индійцы, живущіе на другомъ берегу залива атаковали, въ то утро нашихъ матросовъ. Махая лукомъ, онъ показывалъ, что былъ готовъ съ нами соединиться, чтобы наказать ихъ, если мы того желаемъ. Генералъ сдѣлалъ ему нѣкоторое удовлетвореніе, и съ обѣихъ сторонъ возобновились изъявленія дружбы.

При всемъ томъ, 21 Сентября флотилія перемѣнила мѣсто въ заливѣ. Лоренцо, отправленный для отысканія потеряннаго судна, не нашелъ ни какого слѣда, но въ северной части острова открылъ заливъ, берега котораго казались болѣе населены и плодороднѣе, нежели тѣ, которые имѣла экспедиція въ виду для основанія колоніи; кромѣ того, въ восьми лигахъ на S. W. отъ Нитенди онъ открылъ островъ, имѣвшій въ окружности до восьми миль (безъ сомнѣнія Тупуа) и въ десяти лигахъ на N. W. другіе три острова, населенные племенемъ не столь чернымъ, покрытые кокосами, и окруженные столь обширными рифами, что не было вид-

но ихъ конца. Дождно полагать, что то были острова Мендана.

По возвращеніи Лоренцо, эскадра перешла въ северный заливъ. Впродолженіе этой ночи съ судовъ было слышно, что дикіе хохотали и ясно выговаривали слово *amigos*. Но лишь только показался день, они стали метать въ Испанцевъ стрѣлы и каменья. Корабли стояли далеко; дикари все почти бросились къ нимъ вилавы и стали тянуть томбунъ съ громкими криками, думая притянуть суда ближе къ берегу. Испанцы, боясь, чтобы они не отрѣзали у нихъ томбунъ, послали шлюбку, которая живо атаковала ихъ. Дикіе, не смотря на слабыя свои средства, храбро защищались, ранили двухъ Испанцевъ, и не прежде обратились въ бѣгство, какъ потерявши трехъ убитыми. Такимъ образомъ берегъ очистился и Испанцы занялись основаніемъ колоніи.

Однако жъ доброе согласіе не могло возникнуть между островитянами и Испанцами; дѣло дошло до того, что послѣдніе измѣною убили вождя Малюпа. Съ этой минуты прервалось всякое дружеское сношеніе, и дикіе дышали уже только мщеніемъ. Къ большій еще бѣдѣ, сдѣлался бунтъ между новыми поселенцами; въ которомъ участвовали и офицеры. Мендана, принужденный употребить строгость, казнивъ трехъ зачинщиковъ: двумъ отрубилъ голову, а третьяго повѣсилъ. Но эти мѣры до того разстроили его здоровье, что онъ скончался, и вдова его Донна Изабелла-де-Барретосъ, взявъ начальство надъ эскадрою, отплыла отъ этого роковаго острова, близъ котораго эскадра простояла шестьдесятъ девять дней, и который былъ тогда названъ Санта-круцъ.

Неудачный опытъ колонизаціи не оставилъ, кажется, по себѣ на островъ и слѣдовъ, кромѣ немногихъ Испанскихъ словъ, найденныхъ потомъ въ употребленіи у островитянъ. Послѣ Менданы островъ Санта-круцъ былъ забытъ, до того времени, когда его постигъ Англичанинъ Картеретъ.

Это второе открытіе было сдѣлано 12 Августа 1767 г. Экипажъ Картерета страдалъ тогда отъ болѣзни и всякаго рода несчастій; корабль, измученный ужасными бурями, едва могъ маневрировать. Открылась течь, нѣсколько выше ватеръ-линии. Другаго средства къ спасенію не было, кромѣ отдыха въ какомъ нибудь портѣ, гдѣ бы можно было исправить поврежденія.

Картеретъ бросилъ сперва якорь на сѣверо-восточной сторонѣ Нитенди; но найдя это мѣсто невыгоднымъ, перешелъ на северную сторону острова, гдѣ оставался подъ парусами, отправивъ шлюбку съ пятнадцатью хорошо вооруженными матросами, для предварительнаго осмотра берега. Боцману, начальствовавшему шлюбкою, было приказано прежде всего отыскать якорное мѣсто, потомъ войти въ сношенія съ жителями, сдѣлать имъ подарки и взаменъ достать припасовъ. При этомъ строго подтверждено было, чтобы экипажъ не оставлялъ шлюбку, и чтобы на берегъ не выходили болѣе двухъ человекъ разомъ.

Лишь только отправилась эта первая шлюбка, на другой сторонѣ берега появились островитяне, знаками приглашая Европейцевъ къ себѣ. Картеретъ послалъ другую шлюбку, подъ начальствомъ лейтенанта; встрѣченный стрѣлами, онъ былъ принужденъ немедленно возвратиться. Подобный пріемъ заставлялъ сильно опасаться за людей, отправленныхъ съ боцманомъ. Дѣйствительно, черезъ часъ, они возвратились, послѣ сильнаго нападенія со стороны дикихъ. Боцманъ былъ раненъ тремя стрѣлами; многіе матросы были тоже ранены. Вотъ какъ это случилось.

Въ двухъ или трехъ лигахъ къ з. отъ того мѣста, гдѣ крейсировалъ корабль, боцманъ увидѣлъ нѣсколько хижинъ. Въ противность приказаній капитана, онъ вышелъ на берегъ съ нѣсколькими матросами, вооруженными ружьями, пистолетами. Островитяне разбѣжались; но успокоенные подарками, они возвратились, сдружился съ Европейцами, и по просьбѣ ихъ, доставили имъ не только кокосовыхъ орѣховъ, но еще жареной рыбы и паренаго мяса. Ободренный этимъ дружелюбнымъ пріемомъ, боцманъ пошелъ къ домамъ, расположеннымъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега. Его приняли съ радостными изъявленіями пріязни, и предложили снова нѣкоторое количество припасовъ. Все шло хорошо; установилось, по видимому, совершенное согласіе; но боцману пришло на мысль приказать одному изъ своихъ людей срубить кокосовое дерево. Несмотря на неудовольствіе, обнаруженное дикими, онъ настоялъ на этомъ. Озлобленные островитяне, не употребляя еще насилія, удалились, кромѣ одного, который имѣлъ, казалось, власть надъ другими; потомъ стали собираться по

близости этого мѣста и вскорѣ промежъ деревьевъ показались многочисленныя группы. Боцманъ, свѣдавъ это отъ одного матроса, выстрѣлилъ въ воздухъ изъ пистолета. Оставшійся близъ него вождь въ ту же минуту бѣжалъ и присоединился къ своимъ. Боцманъ, вмѣсто того чтобы поспѣшно удалиться, видя, что дикіе готовятся къ нападенію, до того мѣшкалъ, что когда направился къ шлюбкѣ, островитяне вышли къ нему на встрѣчу съ оружіемъ и въ большемъ числѣ. Одинъ изъ нихъ устремился къ шлюбкѣ, другіе къ отряду, находившемуся на берегу, чтобы атаковать ихъ въ одно время.

Дикарей было отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ. Оружіе ихъ состояло изъ луковъ въ шесть футовъ длиною и стрѣлъ въ четыре фута. Первая туча стрѣлъ была пущена съ нѣкоторымъ порядкомъ, разомъ, какъ задъ регулярнаго войска. Европейцы находились въ опасномъ положеніи; желая открыть себѣ дорогу къ шлюбкѣ, боцманъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ; многіе дикари были убиты и ранены; не менѣе того, они продолжали пускать стрѣлы въ томъ же порядкѣ. Англичане успѣли съѣсть на шлюбку, но тутъ случилась остановка при поднятіи кошки, и половина экипажа была переранена въ это время. Перерубивъ наконецъ свой пердинъ, шлюбка отчалила и была преслѣдуема неистово; дикіе погнались за нею въ байдаркахъ, и только выстрѣлы изъ большихъ мушкетеровъ, заряженныхъ каждымъ восемью или десятью пулями, остановили эту погоню; одну байдару пустили на дно и перебили много народа.

Три дня спустя, боцманъ и три матроса умерли отъ ранъ. Картеретъ рѣшился войти въ заливъ, бывшій предъ нимъ, и названный имъ *Swallow* по имени его корабля. Въ этотъ разъ, собираясь послать людей, онъ сдѣлалъ два выстрѣла по берегу. Не смотря на это, съѣхавшихъ за водою, Англичанъ встрѣтили стрѣлами; одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ. Шлюбки были огозваны обратно; послѣ чего выстрѣлъ картечью по берегу: разсѣялъ толпу, состоявшую изъ двухъ или трехъ сотъ дикарей, которые бѣжали къ селенію, и вскорѣ возвратились въ несравненно большемъ числѣ, собираясь въ одной точкѣ далѣе отъ корабля, куда вѣроятно, по ихъ мнѣнію, не могли долетать ядра. Но ядро, упавшее въ эту толпу, доказало дика-

рямъ, что они не въ опасности. Толпы разсѣялись, и уже болѣе не показывались. Однако жъ каждый разъ, когда посылали людей на берегъ, дѣлали съ корабля нѣсколько предварительныхъ выстрѣловъ по окружающимъ лѣсамъ; а шлюбки въ то же время производили ружейную пальбу.

17 Августа, Картеретъ вновь вступилъ подъ паруса и прошелъ вдоль всей сѣверной полосы острова. Въ трехъ миляхъ на западъ отъ деревни, гдѣ боцманъ былъ атакованъ, показалась другая группа домовъ, несравненно многочисленнѣе, и съ каменною со стороны моря стѣною, въ четыре фута вышиной, и съ углами, выдававшимися и вдававшимися, какъ въ Европейскихъ укрѣпленіяхъ. Нѣсколько далѣе протекала рѣка, входившая довольно далеко внутрь берега; она казалась удобною для плаванія небольшихъ судовъ. Еще далѣе на западъ берегъ образовалъ пространный заливъ. «Въ окрестностяхъ, говоритъ Картеретъ, есть городъ весьма обширный, жители рдятся въ немъ какъ пчелы въ ульѣ. Когда корабль проходилъ мимо, выпило неимоверное множество Индійцевъ, которые держали въ рукахъ что-то похожее на связку зелени, и этимъ, казалось, били другъ друга, въ то же время прыгали или бѣгали вокругъ.» Предъ островомъ Гуэрта и близости залива Граціозы, народонаселеніе казалось еще многочисленнѣе; берегъ представлялъ непрерывную цѣпь селеній. Была послана шлюбка для измѣренія глубины; дикіе пустили по ней множество стрѣлъ, но выстрѣлы картечью и ружейный огонь принудили байдары къ отступленію.

18-го Августа, Картеретъ оставилъ этотъ островъ. Онъ положительно знаетъ, что эти земли за двѣсти лѣтъ предъ симъ были открыты Менданою; однако жъ называлъ эту группу ост. королевы Шарлоты, а ост. Нитенди островомъ Эгмонтъ, всѣмъ другимъ островамъ онъ тоже далъ свои названія. Впрочемъ карта, имъ оставленная, оказалась весьма несовершеннымъ очеркомъ архипелага, когда д'Антркасто предпринялъ точную опись этихъ мѣстъ. Д'Антркасто находился предъ островомъ Нитенди 19 Мая 1793, и въ слѣдующіе дни осмотрѣлъ его берега почти кругомъ. 21, увидѣвъ глубокий заливъ, онъ послалъ шлюбку для изслѣдованій, и удостовѣрился, что то былъ проливъ между островомъ Гоу и главнымъ островомъ. Матросы шлюбки не ожидали вовсе нападенія;

но внезапно пущенная стрѣла ранила одного изъ нихъ. Виновникъ былъ наказанъ выстрѣломъ изъ ружья; товарищи его спаслись впасть.

Затѣмъ д'Антракасто шелъ вдоль южнаго берега, на которомъ видѣлъ множество казъ въ близкомъ одна отъ другой разстояніи; все окружены были каменными заборами. На прибрежьи лежали вытасенныя изъ воды байдары. 22, числа обогнувъ западную оконечность острова, Французскій мореплаватель видѣлъ сѣверный его берегъ, который казался еще многлюднѣе южнаго. Дикіе въ особенности толпились на островъ Гуэрти или Треваніонъ, грозно махая копьями и палками.

На другой день, гребныя суда съ эскадры имѣли сношенія съ дикарями деревушки, расположенной на берегу моря въ живописной мѣстности. Европейцы съѣхали на прибрежную скалу, куда толпою сбѣжались островитяне, привлеченные вещами, которые имъ показывали. Мѣна различныхъ предметовъ производилась спокойно, но съ нѣкоторою недоувѣрчивостію: дикіе неохотно оставляли свое оружіе, и то развѣ отдавали лукъ гребцамъ одной шлюбки, а стрѣлы гребцамъ другой. Отъ нихъ получили браслеты изрядной работы, ожерелья и нѣкоторыя другія туземныя украшенія. Изъ вещей Европейской работы, замѣчены только стеклянныя бусы и топоръ, сдѣланный изъ желѣзнаго обруча. Д'Антракасто полагалъ что эти вещи достались дикимъ отъ Картерета; но гораздо вѣрнѣе думаютъ, что то были остатки кораблекрушенія Лаперуза, перешедшіе въ Нитенди отъ Ванникорійцевъ. Женщины, которыхъ мало видѣли на берегу, носили передникъ, спускавшійся до коленъ и покрывали голову лоскутомъ матеріи.

Д'Антракасто послѣ краткаго и ничѣмъ не ознаменованнаго пребыванія, оставилъ Нитенди. Безъ сомнѣнія, съ того времени китоловныя и другія Европейскія суда посѣтили этотъ островъ въ различныя эпохи. Но одинъ Диллонъ упоминаетъ объ немъ. Изъ Ванникоро онъ направился прямо сюда, надѣясь добыть провизіи и получить свѣдѣнія о судьбѣ спутниковъ Лаперуза, послѣ ихъ кораблекрушенія и отправленія изъ Ванникоро на построенномъ ими суднѣ. 10. Октября 1827, Диллонъ появился у сѣверныхъ береговъ острова; множество байдаръ вышли къ нему на встрѣчу, но не могли догнать корабля;

онъ продолжалъ свое плаваніе къ заливу Граціоза, и на близкомъ разстояніи увидѣлъ множество черныхъ точекъ по скаламъ; то были головы дикихъ. Нѣсколько далѣе, двадцать пять байдаръ подѣвхали къ кораблю съ восклицаніями: *Токи! Токи!* Но ни одинъ изъ островитянъ не согласился взойти на палубу, хотя два Тикопійца, бывшіе съ Диллономъ, звали ихъ.

Задержанный безвѣтріемъ, Диллонъ только на слѣдующій день успѣлъ войти въ заливъ. Число байдаръ увеличилось. Европейцамъ стали доставлять свиней, дворовыхъ птицъ, большихъ голубей, родъ огурцовъ; мангустановъ и плодовъ спондіаса. Вскорѣ до 135 байдаръ собрались кругомъ корабля; безчисленное множество дикарей шумѣли на этихъ лодкахъ, такъ, что на корабль нельзя было слышать другъ друга. Къ этому присоединились дѣйствія болѣе непріятныя. Было пущено нѣсколько стрѣлъ въ офицеровъ, сидѣвшихъ на ютъ; Европейцы разогнали наконецъ ружейнымъ залпомъ безпокойныхъ посѣтителей.

Все это происходило на западной сторонѣ залива. Диллонъ сталъ ближе къ противному берегу, откуда явились также байдары съ людьми, которые впрочемъ вели себя честнѣе и были спокойнѣе. Новые посѣтители осуждали даже поведеніе своихъ единоплеменцевъ, и говорили Европейцамъ, что они весьма хорошо сдѣлали, что стрѣляли: такимъ образомъ Диллонъ вошелъ въ самую внутреннюю часть залива Граціоза. Здѣсь онъ познакомился съ Ламоа, и послалъ шлюбку за водою и дровами въ деревню Мамбо. Капитанъ сдѣлалъ здѣсь между прочимъ странное пріобрѣтеніе. Замѣтивъ необыкновенную величину зубовъ у жителей, онъ пожелалъ имѣть одинъ изъ нихъ, чтобы лучше осмотрѣть эту рѣдкость. Вотъ какъ онъ къ этому приступилъ.

«Я замѣтилъ наканунѣ,» говоритъ онъ, «человѣка, который привлекъ на себя вниманіе наше своими зубами. Въ передней части верхней челюсти они были чудовищной величины. Позвавъ его на корабль, чтобы осмотрѣть поближе эту невидальщину, я думалъ сперва, что то, что я принялъ за зубы, были куски кости, вставленные въ челюсть, или просто вунутые между губою и настоящими зубами. Я пересталъ уже заниматься этими зубами, равнявшимися величиною съ бычачьими, почитал ихъ фальшивыми, но се-

годня поутру еще болѣе удивился, замѣтивъ, что у многихъ островитянъ зубы были еще больше. Я убѣдилъ двухъ изъ нихъ взойти на палубу, и просилъ одного уступить мнѣ одинъ изъ своихъ зубовъ. Тутъ я удостовѣрился, что они крѣпко держались въ челюсти, и составили принадлежность рта, а не фальшивое украшеніе. Мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, имѣть одинъ изъ этихъ зубовъ, и потому я предложилъ законному владѣтелю ихъ желѣзо для струга и другой инструментъ; но онъ не почелъ эти вещи достаточнымъ вознагражденіемъ. Наконецъ я предложилъ ему топоръ. Тогда пріятель, имѣвшій въ нижней своей челюсти зубъ огромнѣе всѣхъ тѣхъ, которые возбудили мое удивленіе, сталъ пробовать вырвать его, но всѣ успѣи его были тщетны. Я послалъ къ хирургу за инструментомъ, употребляемымъ въ подобныхъ операціяхъ, но щипцы эти не довольно раскрывались, чтобы захватить гигантскій зубъ островитянина. Прибѣгнули къ клещамъ нашего плотника. Хирургъ захватилъ этимъ инструментомъ, будто шутя, зубъ пациента, и сильнымъ оборотомъ кисти выдернулъ его. Ротъ дикаго наполнился кровію, но онъ не обращая ни какого вниманія на эту бездѣлицу, просилъ обѣщаннаго топора, и лишь только получилъ его, сталъ прыгать отъ радости, что сдѣлалъ столь выгодную мѣну.

Разсмотрѣвъ внимательно этотъ зубъ, я понялъ причину чудовищнаго его объема. Его легко можно было рѣзать пожемъ: въ центрѣ мы нашли зубъ обыкновенной величины, къ которому пристало множество слоевъ какого то цемента, образовавшагося отъ извести, смѣшанной съ сокомъ бегеля; слон, накопляясь съ годами, далъ зубу необычайно огромный размѣръ.»

Диллонъ не долго оставался въ Нитенди. Лихорадка мучила его экипажъ: половина людей лежали въ койкахъ. 14 онъ снался, оставивъ у Ламоа, Англичанина, по имени Стюарта, котораго взялъ на корабль въ Тикопіи. Годъ спустя, т. е. въ 1828 г., Легоаранъ имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ островомъ Нитенди, впрочемъ находясь подъ парусами. Жители показали честными и хорошо расположенными. Они съ веселымъ пѣснями навезли припасовъ. Французы многое взяли у нихъ въ замѣнъ другихъ вещей.

Протяженіе острова Нитенди до 24 мил. отъ О. N. O. къ W. S. W., ширина отъ 9

до 10 милъ. Почва хотя не весьма возвышенна: но гориста, и совершенно покрыта лѣсомъ, кромѣ воздѣланныхъ полей. Нитенди весьма различествуетъ отъ Ваникоро: въ окружности его нѣтъ вовсе мелей, или по крайней мѣрѣ эти мели очень близки къ берегамъ, кромѣ трехъ или четырехъ мѣстъ, гдѣ онѣ простираются почти на полъ-мили въ море. Лежитъ между 10° 40' и 10° 53' ю. ш. и 163° 22' и 163° 45' в. д.

Народонаселеніе Нитенди очень значительно. Большая часть его жителей черные съ толстыми губами, плоскимъ носомъ, курчавыми волосами и весьма широкимъ лбомъ; они здоровы и стройны, за исключеніемъ ногъ, которые кажутся нѣсколько слабы. Нѣкоторые отличаются темно-оливковымъ цвѣтомъ, что сближаетъ ихъ съ Полинезійцами. Кромѣ того, они имѣютъ одинаковый съ ними обычай протыкать уши и носъ для навѣшиванія колецъ изъ черепахи. Островитяне носятъ также на головѣ, какъ украшеніе, красный цвѣтокъ. Подъ браслетами и въ поясы свои они кладутъ разныя ароматическія травы. Татуировка и обрѣзаніе составляютъ у нихъ необходимыя обряды.

Жилища ихъ обширны: въ каждомъ могутъ жить отъ 30 до 40 человекъ. Каждое селеніе состоитъ изъ тридцати или сорока домовъ, между которыми одинъ только назначенъ для общественныхъ и религіозныхъ церемоній. Диллону сказали, что внутренность острова населена не менѣе береговъ. Каждый округъ имѣетъ свое партіе, каждое селеніе своего особеннаго вождя; хотя случается что одинъ вождь управляетъ четырьмя или пятью селеніями. Платаніи обрабатываются съ большимъ тщаніемъ, и окружены налессадами изъ камыша, чтобы свиньи не портили ихъ.

«Островъ этотъ,» говоритъ Диллонъ, «изобилуетъ свиньями, дворовыми птицами, голубями, цаплями, дроздами; есть также родъ ласточекъ. Почва его производитъ кокосы, сахарный тростникъ, хлѣбное дерево, разныхъ родовъ бананы, лѣсные коренья въ сомѣ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ, и картофель различныхъ сортовъ. Островитяне пекутъ картофель въ земляныхъ печахъ или въ золѣ. Таро они рѣжутъ на тонкіе дощечки и высушиваютъ на солнцѣ. Въ этомъ состояніи оно можетъ сохраниться нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, когда его жарятъ, оно получается довольно пріятный вкусъ. Есть такъ-

же нампельмусы и родъ орѣховъ, такихъ какъ въ Танги.

Въ западной части своей Нитенди имѣетъ въ ширину менѣе трехъ миль, но, причиняя заливовъ, которые прѣзываются довольно глубоко внутрь острова. Съ южной стороны находится прекрасный и обширный заливъ Граціоза, открытый Менданою. Напротивъ самаго входа въ него лежитъ небольшой, но многоводный и плодородный островъ, имѣющій отъ 5 до 6 миль въ окружности и прозванный Испанцами *Huerta* (садъ). Картеретъ далъ ему названіе Треваніона. Островъ этотъ защищаетъ внутренность залива отъ зыби и вѣтровъ.

Съ юго-восточной стороны Нитенди лежитъ островокъ средней высоты, отдѣленный отъ него только проливомъ, имѣющимъ въ ширину не болѣе мили; Картеретъ назвалъ его островомъ *Gove* (*Нове*); онъ имѣетъ въ длину три мили, и въ ширину одну.

Въ сорока миляхъ на S. O. отъ Нитенди лежитъ островъ Топуа, возвышенный, многолюдный, раздвоенный, можно сказать, низменною полоскою земли, которая занимаетъ его середину. Пространство его должно быть отъ десяти до двѣнадцати миль. Капитанъ Дюрвилъ опредѣляетъ его положеніе подъ 11° 16' ю. ш. и 164° 7' в. д.

Онъ былъ открытъ Менданою въ 1595 г.; потомъ издаиска его видѣлъ Картеретъ въ 1767, и обманутый видомъ двухъ его вершинъ, принявъ ихъ за два отдѣльные острова, которыми далъ названія *Edgescumbe* и *Ouiry*. Эдвардъ видѣлъ его въ 1791 г.; д'Антркасто въ 1793, а Дюперре въ 1823. Первый посетилъ его Диллонъ въ 1827; онъ узналъ, что Тупуа есть одинъ только островъ, частію окруженный рифомъ, который выступаетъ на двѣ мили въ море. Дюрвилъ опредѣлилъ его географическое положеніе, и несколько времени спустя Легоаранъ имѣлъ сношенія съ жителями, которыхъ представлялъ добрыми и гостепріимными.

Шлюбки посланныя Диллономъ для осмотра Топуа, видѣли у береговъ много бухточекъ. Англичане направлялись къ красивой деревнѣ, гдѣ жители приняли ихъ дружелюбно. На вопросы о Европейцахъ и терпѣвшихъ кораблекрушеніе въ Ваникоро, они отвѣчали, что ни одинъ не прѣзжалъ къ нимъ на островъ. Имъ отъ кораблекрушенія досталось только желѣзо на топоры (*токи*). Островитяне эти были видомъ несравненно

лучше Ваникорійцевъ, хотя и принадлежали къ тому же племени; они оказывали Европейцамъ болѣе довѣренности и были не столь робки. Ихъ дома, просторные, Ваникорійскихъ и составляютъ улицы, которыя перестраиваются подъ прямымъ угломъ, и съ обѣихъ сторонъ украшены кокосовыми деревьями. Англичане видѣли здѣсь большія и многочисленныя селенія. Легоаранъ также видѣлъ много большихъ селеній, въ особенности одно, которое, какъ и самый островъ, называется Тупуа. Изобиліе почвы и благодѣтельность воздуха, вѣроятно причиною неоспоримаго превосходства жителей Тупуа предъ Ваникорійцами.

Въ 15 миляхъ къ сѣверу отъ Нитенди возвышается островъ Тинакоро или вулканъ. Онъ открытъ въ 1595 Менданою; въ 1767 его видѣлъ Картеретъ, въ 1793 д'Антркасто, въ 1823 Дюперре, а въ 1827 Диллонъ. Онъ имѣетъ форму весьма высокаго конуса, вершина котораго есть кратеръ. Во время Менданы онъ постоянно извергалъ пламя; Картеретъ видѣлъ только дымъ; д'Антркасто не видѣлъ ни какого признака подземнаго огня; при Диллонѣ онъ чрезъ каждыя пять минутъ извергалъ пламя. Диллонъ рассказываетъ даже, что за годъ предъ тѣмъ штилюя въ виду острова, онъ видѣлъ, что вулканъ извергалъ большое количество лавы, которая струилась потокомъ по скату горы. Островъ этотъ имѣетъ въ окружности отъ 5 до 6 миль; вершина его лежитъ подъ 10° 24' ю. ш. и 163° 25' в. д.

Острова Мендана лежатъ въ пяти или шестнадцати миляхъ къ O. N. O. отъ Тинакоро. Они открыты въ 1595 г. Менданою, и безъ сомнѣнія суть тѣ самыя, которые Картеретъ назвалъ въ 1767 *Swallow*. Вильсонъ видѣлъ ихъ въ 1797, а Легоаранъ въ 1828. Это группа изъ девяти острововъ, низменныхъ, плоскихъ и необитаемыхъ, болѣею частію малыхъ, но соединенныхъ между собою обширными рифами. Она тянется на тридцать миль отъ W. N. W. къ O. S. O.; центръ ея лежитъ подъ 10° 15' ю. ш. и 163° 36' в. д.

Въ небольшомъ разстояніи къ В. лежатъ острова Даффъ, открытыя капитаномъ Вильсономъ въ 1797. Это группа изъ десятка острововъ; самый высокій и большой названъ ос. *Disappointment*; онъ имѣетъ двѣнадцать лнгъ въ окружности. Въ восточной части группы есть скала, имѣющая форму обелиска. По

показаніямъ Вильсона, жители этихъ острововъ велики, хорошо сложенны, цвѣта мѣднаго, и видимо принадлежать къ Полинезійскому племени. Ихъ жилища, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, составляютъ маленькія селенія, изъ которыхъ одно лежитъ въ юго-западной части острова *Дизаппонгтементъ*. Вся группа имѣетъ пятнадцать миль отъ N. W. къ S. O. Дизаппонгтементъ лежитъ подъ $9^{\circ} 57'$ ю. ш. и $164^{\circ} 40'$ в. д.

Наконецъ въ недалекомъ разстояніи къ N. O. или O. N. O. отъ острововъ Даффъ, должны лежать Таумако, открытый Кирсомъ 7-го Апрѣля 1606, если только этотъ островъ не самый Даффъ, что позволено думать по сходству положенія и фигуры. Но съ большою достоверностію можно полагать, что Таумако есть островъ Моту-ити, открытый въ 1801 г. капитаномъ Кеннеди, командиромъ корабля *Nautilus*, по показанію котораго этотъ островъ возвышенъ и многолюденъ. Кеннеди опредѣляетъ его положеніе подъ $8^{\circ} 40'$ ю. ш. и $165^{\circ} 40'$ в. д. Въ 1828 Дюрвилъ, тщетно отыскивая его въ этомъ мѣстѣ и подозревая, что его поставили слишкомъ далеко къ O. Дюрвилъ кромѣ разсказа Кирроса, нѣтъ изысканій о существованіи этого острова, а потому мы считаемъ не безполезнымъ привести здѣсь этотъ разсказъ, для проверки его, если когда-либо отыщется островъ, о которомъ мы говоримъ.

«До 7-го Апрѣля 1606, мы плавали, оставляя за собою землю то вправо, то влѣво, по крайней мѣрѣ мы имѣли право такъ думать по множеству птицъ и пемзовымъ скаламъ, являвшимся съ обѣихъ сторонъ. Но полудни большое судно замѣтило на W. S. W. землю, черную, обгорѣлую будто вулканъ. Ночью мы легли въ дрейфъ, опасаясь мелей, а на другой день придержались къ острову; въ продолженіе двухчасоваго хорошаго плаванія мы имѣли отъ двѣнадцати до пятнадцати сажень глубины; послѣ чего лотъ не находилъ болѣе дна. Надо было еще повременить до затраго. Горресъ пошелъ впередъ на маленькомъ суднѣ; вдоль юго-западнаго берега, и вошелъ въ проливъ между двумя небольшими островами, гдѣ замѣтилъ недалеко отъ берега хижины между деревьями. Якорь былъ положенъ на глубинѣ двадцати пяти брасовъ между большимъ островомъ и двумя островками; шлюбки отирались къ берегу и привезли оттуда прѣсной воды, картофеля, кокосовъ, сахарнаго тростника и раз-

ныхъ кореньевъ, чтобы показать намъ произведенія острова. Было рѣшено послать пятьдесятъ или шестьдесятъ человекъ, дабы вступить въ переговоры съ жителями. Огправленные съ корабля люди открыли посредн островка, окруженнаго битой дорогой, горку изъ дикаго камня, по видимому, искусственную, надъ нею находились до шестидесяти хижинъ, покрытыхъ пальмовыми листьями и внутри убранныхъ циновками. Мы узнали впоследствии, что это мѣсто служило островитянамъ крѣпостію, въ которой они укрываются отъ нападений сосѣдей, хотя сами часто на нихъ нападаютъ, имѣя большія и хорошія байдары, въ которыхъ безопасно плаваютъ между островами. Люди вышли изъ лодокъ на берегъ и направились къ этому мѣсту, но скоро увидѣли нѣсколько байдаръ, наполненныхъ Индійцами; магросы тотчасъ приняли оборонительное положеніе. Эта тревога оказалась напрасною: островитяне желали мира. Они бросались въ воду по самый поясъ, чтобы скорее выйти на берегъ, дружелюбно приветствовали нашихъ, и сѣдла за вождемъ своимъ, который опирался на лукъ, вмѣсто палки, направились къ селенію; указывая намъ дорогу. Впрочемъ, видъ такого множества сильныхъ людей, внушалъ намъ нѣкоторое опасеніе. Мы возвратились къ шлюбкѣ боясь, чтобы они не потопили ее во время нашего удаленія.

«Между тѣмъ сигналами было потребовано подкрѣпленіе отъ капитанской шлюбки, и даже отъ кораблей, стоявшихъ въ виду; получивши подкрѣпленіе, мы пошли къ селенію; по эти движенія съ нашей стороны заставили Индійцевъ скрыться. Мы двинулись впередъ въ порядкѣ, осторожно, осматривались кругомъ, чтобы не попасть въ засаду между хижинами; не видя нигдѣ живой души, мы возвратились къ берегу, и подняли бѣлый флагъ въ знакъ мира. Тогда Индійцы появились снова съ веселымъ видомъ. Начальникъ ихъ держалъ пальмовую вѣтвь, которую подавъ Пасъ-де-Горресу, обвиняя его; другіе сдѣлали то же. Подобный пріемъ въ странѣ, гдѣ можно было запасть водою и дровами, въ которыхъ мы такъ нуждались; радовали насъ чрезвычайно. Между тѣмъ пришли два старика, и положивъ оружіе на землю у берега рѣчки, почтительно поклонились намъ. Изъ пантомимы островитянъ мы поняли, что одинъ изъ нихъ былъ отецъ или дядя вождя, котораго они называли Талик-

веномъ. Мы вмѣстѣ остановились на небольшой эспланадѣ предъ крѣпостію. Островитяне дивились нашему оружію и одеждѣ, а мы, въ свою очередь, удивлялись не менѣе, здоровому и красивому ихъ тѣлосложенію и ловкости.

«Убѣжденные въ совершенной безопасности, когда вождь Индійскій разослалъ своихъ людей, удержавъ при себѣ только двухъ островитянъ и одного мальчика, мы рѣшились отдохнуть нѣсколько; часовые были поставлены у шлюбки и въ хижинѣ; остальные люди, оставя оружіе, пошли въ лѣсъ, гдѣ набрали фруктовъ, между тѣмъ какъ дикіе привозили на байдарахъ дрова и воду для эскадры.

«Это было въ Вербное Воскресеніе: въ одной изъ хижинъ была отслужена обедня, и большая часть нашихъ людей причастились Св. Тайнъ. Мы оставались здѣсь семь дней. Имѣя надобность для остальнаго пути въ островитянахъ, знавшихъ эти берега и языкъ другихъ острововъ, мы рѣшились увезти четверыхъ изъ нихъ. Вождь самъ прибылъ на корабль съ своимъ сыномъ, чтобы требовать ихъ назадъ. Возвращаясь безуспѣшно и въ большой печали, онъ встрѣтился съ шлюбою, на которой везли на корабль плѣнниковъ; увидѣвъ его, они стали кричать и плакать. Вождь рѣшился тогда на все; онъ далъ своимъ байдарамъ приказаніе атаковать насъ; но холостой выстрѣлъ съ корабля до того напугалъ его, что онъ тотчасъ же знаками показалъ плѣннымъ, что ничего не можетъ предпринять для ихъ спасенія, и со слезами удалился. На другой день, одинъ изъ островитянъ бросился за бортъ. Это заставило насъ смотрѣть за другимъ: на каждомъ корабль ихъ было по два. Но и второй, не смотря на нашу бдительность, также бросился въ море, 21 Апрѣля, когда мы находились въ виду прекраснаго берега, лежащаго на юго-восточной сторонѣ, покрытаго лѣсомъ, зеленью, пальмами и воздѣланными землями. Это было подъ 12° шир. Мы дали знать о побѣгѣ дикаря на адмиральскій корабль, что въпрочемъ не помѣшало одному изъ находившихся на немъ плѣнниковъ сдѣлать то же; четвертый не последовалъ этому примѣру, потому только, что онъ былъ рабъ и что ему лучше было оставаться съ нами, нежели у своихъ господъ на островѣ Таумако!»

ГЛАВА XVIII.

Соломоновы острова.

Океанія прошла 20 Іюня при захожденіи солнца въ десяти миляхъ отъ величественнаго конуса Тинакоро, вершина котораго была увѣнчана облакомъ, составленнымъ, можетъ быть, изъ дыма, изрыгаемаго кратеромъ. Впрочемъ во время ночи мы не видали пламени.

Первая земля, которую мы послѣ того увидѣли, былъ островъ Сесарга; мы шли мимо его на другой день поутру. Сесарга тотъ самый островъ, который названъ Дюрвилемъ *Contrariétés*. Пендлетонъ, хотя весьма не расположенный къ жителямъ, согласился, по просьбѣ моей, придерживаться довольно близко къ берегу. Не имѣя возможности ознакомиться съ островитянами, я довольствовался видомъ ихъ острова, богатаго природными красотою. На разстояніи одной лиги мы видѣли восхитительныя мѣстности; верхніе кокосовыхъ лѣсовъ выказывались надъ прибрежными скалами, принявшими самыя странныя формы.

Океанія держала малые паруса идя мимо Сесарги, когда вдругъ до двадцати байдаръ, съ шестью или восемью челоуѣками въ каждой, подошли къ кораблямъ. Мы предложили островитянамъ взойти на палубу; сначала они колебались; но когда имъ показали вещицы по ихъ вкусу, одинъ изъ нихъ, который, судя по виду и пріемамъ, былъ вождемъ, поднялся по трапу. Первымъ его дѣломъ было схватить то, что ему бросилось въ глаза: увидѣвъ матросскую куртку, которая сушилась, онъ схватилъ ее, и насилу его уговорили оставить. Потомъ онъ побѣжалъ къ кормовому флагу и спустил его, чтобы взять себя; пришлось опять уговаривать его отказать отъ этой новой добычи. Тогда онъ пошелъ по ваптамъ, какъ лучшій марсовой, взобрался такимъ образомъ до самаго бранселя, усѣлся тамъ какъ обезьяна, и съ судорожною почти живостію движеній долго осматривалъ матѣйшія части корабля. Спустившись, онъ сталъ скакать съ мѣста на мѣсто и дѣлать неимоверныя прыжки; потомъ, возвратясь къ своимъ товарищамъ, оставившимся въ байдарахъ, произнесъ имъ весьма длинную и вѣроятно прекрасную рѣчь. Безъ сомнѣнія онъ описывалъ имъ то, что видѣлъ на

корабль, и убеждалъ ихъ туда войти. Чтобы придать болѣе силы своему красноречію, онъ присовокупилъ къ словамъ жесты, билъ себя по задней части тѣла и дѣлалъ множество странныхъ кривляній.

Всѣ эти аргументы побѣдили перышинъ-слухателей; они взопли на корабль. Отъ нихъ требовали, чтобы оставили оружіе въ байдарахъ, въ которыхъ мы замѣтили множество луковъ, копій и стрѣлъ съ зубцами. Эти дикари совершенно нѣге и составляютъ нѣчто среднее между чернымъ и желтымъ племенами. Вождь былъ только смуглаго цвѣта; онъ и еще другой островитянинъ имѣли волосы длинныя и гладкіе; остальные были черны, съ курчавыми, иногда окрашенными въ красный цвѣтъ волосами на огромныхъ и безобразныхъ головахъ.

У одного изъ нихъ волосы были напудрены известью, и кусокъ дерева былъ проткнутъ въ хрищъ между поздравей; другіе привѣщивали къ поздравьямъ треугольные и округленные куски перламутра, украшенные резьбою. У всѣхъ нижняя мочка уха была прорѣзана, чтобы вставлять туда бусы и вѣнки изъ ароматическихъ листьевъ, которые они носятъ также на шеѣ, на рукахъ и на другихъ частяхъ тѣла. Ниже локтя носятъ браслеты изъ раковинъ. Вождь, кромѣ того, имѣлъ браслеты и по лѣтъ изъ маленькихъ кружковъ черныхъ и бѣлыхъ, искусно связанныхъ между собою, а на головѣ султанъ изъ двухъ перьевъ, которымъ онъ до того дорожилъ, что не позволялъ даже къ нему коснуться.

Островитяне не велики, но широкогруды, крѣпки въ плечахъ и мускулисты. Ихъ байдары, особенно та, на которой сидѣлъ вождь, можно назвать образцами вкуса; они были обиты цвѣтнымъ деревомъ, съ кусками перламутра, совершенно гладкими и вставленными съ большимъ искусствомъ. На бакѣ развѣвался родъ флага изъ пучковъ соломѣ или тростника, окрашеннаго въ красный цвѣтъ. На кормѣ рѣзба изображала собакъ и другихъ животныхъ.

Когда нѣсколько дикихъ взопли на палубу, начался разговоръ между ними и тѣми, которые оставались въ байдарахъ; разговоръ одушевленный и продолжительный, но изъ котораго мы ничего не поняли. Пендлетонъ сталъ уже съ недоувѣрчивостію поглядывать на нихъ, когда неожиданное приключеніе положило всему конецъ. Мы предостерегали

себя какъ могли отъ ежеминутныхъ покушеній покражи, строго смотря за каждымъ движеніемъ дикихъ; но наконецъ одинъ изъ нихъ, счастливѣе и смѣлѣе прочихъ, подкрался сзади къ капитану, выхватилъ у него изъ рукъ рупоръ и бросился въ море. Другіе тотчасъ последовали его примѣру; вождь остался одинъ на кораблѣ, вѣроятно считая бѣгство неприличнымъ для его сана. Онъ съ безпокойствомъ ждалъ послѣдствій. Но Пендлетонъ былъ спокоенъ и остановилъ даже двухъ часовыхъ, которые хотѣли стрѣлять въ дикихъ. «Вы виноваты,» сказалъ имъ капитанъ; «вы должны были смотрѣть за негодеемъ, когда онъ комитъ подкрался.» Вождь островитянинъ не могъ ожидать подобнаго милосердія; онъ былъ тронутъ, изъяснилъ самое искреннее и глубокое сожалѣніе о случившемся; потомъ съ необыкновенными ласками и учтивостями пригласилъ Англичанъ на берегъ, говоря, что тамъ найдутъ они все, что только пожелаютъ.

Пендлетонъ вовсе не довѣрялъ этимъ людямъ; онъ зналъ, какъ они вѣроломны и сколько разъ увлекали Европейскіе экипажи въ западни. Но я такъ усердно его просилъ, что онъ наконецъ согласился. Берегъ былъ необыкновенно живописенъ, а мы находились въ такомъ близкомъ отъ него разстояніи! Спустили гичку; шесть матросовъ, хорошо вооруженныхъ, съ нимъ въ числѣ лейтенантомъ Рембоу; разумѣется, я былъ въ числѣ отъѣзжавшихъ. Индійскій вождь съѣлъ также въ свою байдару и отправился вмѣстѣ съ нами.

Едва мы отъѣхали на двѣсти сажень отъ корабля, какъ увидѣли, что флотилія байдаръ соединилась будто на совѣщаніе; послѣ чего четыре изъ нихъ отделились, и придержались къ нашей шлюбкѣ, маневрируя, чтобы окружить ее. Дикіе уже готовы были стрѣлять изъ луковъ, когда Пендлетонъ, который слѣдилъ насъ отеческимъ взоромъ, пустилъ ядро, для диверсіи, по главному корпусу флотиліи; риконшеты ядра устрашили и привели въ безпорядокъ дикихъ; они обратились въ бѣгство къ берегу.

Мы также возвратились къ шлюпу: опасно было отправляться въ маломъ числѣ на островъ; экипажъ гички былъ удвоенъ и положены запасныя ружья. Послѣ чего мы снова пустились въ дорогу, съ строгимъ запрещеніемъ отъ капитана выходить на берегъ. Пендлетонъ приказалъ даже своему лейтенанту наблюдать крайнюю осторожность,

когда мы будемъ далѣе пушечнаго выстрѣла отъ корабля.

Мы придержались прямо къ берегу, желая обогнуть сперва мысъ, за которымъ былъ виднѣть заливъ и во глубинѣ его селеніе. Но у самаго мыса показался цѣлый флотъ байдаръ; приветствовавшій насъ страшнымъ крикомъ. Они бросились на гичку какъ на легкую добычу, и въ самомъ дѣлѣ, мы бы съ трудомъ съ ними раздѣлялись, если бы Рембоу не имѣлъ осторожности тотчасъ повернуть назадъ къ *Океаніи*. Волненіе и вѣтеръ были намъ противны; нѣсколько легкихъ байдаръ догнали насъ, пуская стрѣлы; но два ружейные залпа уняли жаръ этого авангарда. Байдара спустилась къ кордебаталіи флота дикарей, и гичка благополучно достигла *Океаніи*. Байдары впрочемъ не переставали приближаться; ихъ дерзость была наказана картечью изъ шести пушекъ. «Ну, что же!» сказалъ мнѣ Пендлстонъ, съ улыбкою полною доброты и насмѣшливости; «не правду ли я вамъ говорилъ, что вся Меланезія населена настоящими дикарями?» После этого *Океанія* продолжала свой путь.

На другой день мы находились предъ островомъ Арзасидовъ, который, по виду почвы, покрытой плантаціями, и по множеству дымящихся точекъ, показался намъ плодородною и многочисленною странною. Но вчерашній урокъ не былъ забытъ; я не хотѣлъ употребить во зло снисходительности капитана; не смотря на привлекательную картину берега, я не просился туда; къ тому же островитяне вѣхали къ намъ сами: съ берега отчалили три красивыя байдары, подобныя Сесаргійскимъ, съ шестью людьми въ каждой. Кормы и носы этихъ лодокъ были загнуты вверхъ въ видъ конца шпоры; на одной изъ нихъ было изображеніе птичьей головы; по двѣ кисти висѣли на каждомъ концѣ; наружные борты были украшены рѣзьбою. Нагнѣ, которыми гребли, имѣли узкія и острокопечныя лопасти, такъ, что въ случаѣ можно бы ихъ употребить вмѣсто копій (Рис. XXXIII. ф. 2).

Жители этого острова, одного племени съ Сесаргайцами, столько же свирѣпы, какъ они, и еще болѣе недовѣрчивы; они равнодушно смотрѣли на вещи, которыя мы имъ хотѣли подарить, и никакъ не соглашались взойти на палубу. Но приглашали насъ знаками на берегъ, показывая, что тамъ мы получимъ все, чего желаемъ. Мы вовсе не были располо-

жены однако же принять ихъ приглашеніе: вчерашняго урока было довольно. Тогда, объѣхавъ вокругъ корабля, все три байдары возвратились къ берегу.

Вѣтеръ, благопріятствовавшій намъ постоянно, вдругъ переицель къ Н. сопровождался то штилями, то пиквадами. Это было признакомъ близости высокихъ горъ, которыя измѣняютъ направленіе періодическихъ вѣтровъ. Въ одномъ изъ нашихъ поворотовъ мы увидѣли кокосовыя деревья острововъ Стюартъ, Изменныхъ и обгннутыхъ рифами; но Пендлстонъ не рѣшился; по причинѣ непостоянной погоды, осмотрѣть близинъ этого опаснаго берега. Мы продолжали плаваніе; на другой день видѣли островъ Говеръ, потомъ высокія горы Изабеллы и Шуазели, въ виду которыхъ мы находились два дня; наконецъ 30 числа плыли на разстояніи двухъ или трехъ лигъ, вдоль возмѣтныхъ острововъ Бутенвилля и Бюка. Мы очень хотѣли постыть этотъ берегъ; но зная дикій нравъ жителей, я довольствовался зрѣлищемъ цвѣтущаго берега съ палубы *Океаніи*. Впрочемъ 1-го июля поутру къ намъ пристали двѣ-три байдары; находившіеся въ нихъ островитяне, казалось, привыкли видѣть Европейцевъ. Они вели себя довольно смирно и предложили намъ таро и ямсъ взаменъ нашихъ вещей. Люди эти были черны, почти совершенно наги, но бодры, здоровы и хорошо сложены; ихъ лица болѣе непріятны, нежели свирѣпы. Постытели приглашали насъ съѣхать на берегъ, указывая мѣсто, гдѣ видѣлись среди деревъ бывшія казны селенія. Весь берегъ былъ покрытъ черными головами, которыя, казалось, нетерпѣливо ожидали, чтобы шлюбка отплыла отъ корабля; но мы не заблагоразсудили доставить имъ это удовольствіе и продолжали свой путь; кое-какія мѣны были сдѣланы съ островитянами, прѣхавшими къ намъ на байдарахъ. Я вымѣнялъ за одинъ аршинъ красной саржи, великолѣпный лукъ, длиною въ шесть футовъ, изъ арковаго дерева; чрезвычайно гладкій и прекрасной выдѣлки. Этотъ лукъ также трудно натягивать, какъ лукъ Улисса; раны, которыя наносились пушечными изъ него стрѣлами, безъ сомнѣнія, были соразмѣрны труду; съ какимъ онъ натягивался. Островитяне имѣли видъ здоровый и крѣпкій, и были чрезвычайно раздражительны и обидчивы. При малѣйшемъ неудовольствіи они хватали стрѣлы и цѣлились въ того, кто ихъ раз-

гивать. Благодаря нашей терпеливости, мы разстались без драки.

Едва остров Бука исчез за горизонтомъ съ восточной стороны, какъ на западъ показались другія земли. При входѣ въ проливъ Св. Георгія, *Океано* начали снова мучать теченія и непостоянные вѣтры. Наконецъ 3 Юля мы находились въ виду острова Кокосовъ и положили якорь въ заливѣ Картеретъ, у восточнаго берега; такимъ образомъ мы прошли большую часть Саломоновыхъ острововъ, и мнѣ не удалось самому ихъ посетить: должно было довольствоваться свѣдѣніями, собранными отъ другихъ.

Архипелагъ Саломоновъ открытъ въ 1567 Менданю, который зашелъ въ заливъ Эстреллу на островъ Изабелла, лежащій, какъ полагаютъ на Н. О., — вой сторонѣ жители, но свидѣтельству Менданы, боготворятъ змѣй, жабъ и другихъ животныхъ. Цвѣтъ ихъ кожи темный, волосы курчавые; они ходятъ совершенно нагіе, за исключеніемъ средней части тѣла; питаются кокосовыми орѣхами, и корнемъ, который называется *Yepaus*; мяса не ѣдятъ; пьютъ только воду. Впрочемъ почти нѣтъ сомнѣній въ томъ, что они людоеды; вождь ихъ послалъ Менданъ, какъ гостинца, четверть ребенка съ рукою. Генераль, сказано въ повѣствованіи этого путешествія, велѣлъ похоронить эту часть трупа въ присутствіи островитянъ, которые принесли се. Они обидѣлись, были смущены неудачею своего посольства и удалились съ ношиками головами. Народъ раздѣленъ на племена, которыя ведутъ между собою безпрерывную войну. Плѣнники обращаются въ рабство.

Мендана построилъ бригаантинь, на который посадилъ восемнадцать солдатъ и двѣнадцать матросовъ, и послалъ его подъ начальствомъ офицера Ортеги и перваго штурмана Гернана-Галего осмотрѣть ближніе острова. Ортега посетилъ острова Малаита, Галера, Буана-виста, Сесарга, на которомъ видѣлъ вулканъ, постоянно дымящійся; потомъ открылъ островъ гораздо обширнѣе, названный имъ Гвадалканалъ. Широкая и глубокая рѣка протекала по нему; множество байдаръ съ островитянами вышли на встрѣчу къ Испанцамъ, Ортега съѣхалъ на берегъ и посетилъ селеніе, въ которомъ процвѣтало земледѣліе. Оттуда онъ возвратился назадъ на островъ Изабеллу, открылъ островъ Сень-Жоржъ (нынѣшнюю Георгію) и видѣлъ

здѣсь другое селеніе. Жители вступили въ сношенія съ Европейцами.

Это мѣсто такъ изобиловало жемчугомъ, что онъ цѣнился ни во что.

Ортега продолжалъ свое плаваніе. У западной оконечности Изабеллы онъ открылъ множество островковъ и пространные рифы, гдѣ замѣтитъ родъ летучихъ мышей, которыя имѣли пять футовъ въ длину съ конца наконецъ распущенныхъ крыльевъ. Обогнувъ островъ Изабеллу, Ортега не могъ достигнуть залива Эстреллы, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, и послалъ на шлюбку часть своихъ людей съ проводникомъ изъ островитянъ, дать отчетъ Менданъ о своихъ открытіяхъ. Но шлюбка разбилась у рифовъ, и экипажъ ея былъ принужденъ возвратиться на бригаантинь, который нѣсколько дней спустя вошелъ въ заливъ Эстреллу.

Мендана оставилъ тогда это мѣсто и перешелъ въ другой заливъ у острова Гвадалканара, въ мѣстѣ, названномъ имъ *la Cruz*; тамъ онъ торжественно объявилъ островъ владѣніемъ Испанскаго короля, и рѣшился водрузить на берегу крестъ; жители протесовали стрѣлами, а Мендана отвѣчалъ залпомъ изъ ружей, и убилъ двухъ изъ нихъ. Прочіе разбѣжались. Штурманъ Энрикесъ былъ посланъ съ тридцатью солдатами во внутренность острова, но нѣсколько тысячъ островитянъ остановили этотъ отрядъ у небольшой рѣчки; онъ возвратился, завладѣвъ только двумя курицами и дѣтухомъ, и доносилъ, что эта рѣчка наноситъ много золота.

Бригаантинь былъ посланъ вторично на открытіе. Онъ посетилъ много острововъ, видѣлъ много рѣкъ, и былъ принятъ жителями иногда дружески, иногда непріятельски. До возвращенія его, на флотѣ случилось несчастіе: девять матросовъ и экономъ, съѣхавшіе на берегъ за водою были убиты островитянами. До той поры вождь этого округа оказывалъ дружбу къ Менданъ; но когда генераль задержалъ у себя молодаго островитянина, и не захотѣлъ его отпустить по просьбѣ вождя, война возгорѣлась.

Мендана рѣшился наказать убійство. Капитанъ Сарціенто былъ дважды посланъ противъ селенія, убилъ въ немъ до тридцати человекъ, и сжегъ почти всѣ дома. Въ одномъ изъ домовъ были найдены вещи убитыхъ Испанцевъ.

Послѣ этихъ дѣйствій флотъ вступилъ подъ паруса 13 Юля 1567, и сталъ на якорь

рѣ у острова Христоваля. Самъ генералъ съѣхалъ на берегъ. Островитяне, увидѣвъ его, самымъ выразительнымъ образомъ стали просить, чтобы онъ оставилъ ихъ; это желаніе не было исполнено; они повторяли первоначальные свои знаки, самымъ страннымъ образомъ двигая руками и ногами; они терли землю, бросали въ воздухъ песокъ или бѣгали къ берегу и били по водѣ, какъ изступленные.

Мендана, нисколько не встревоженный этимъ, приказалъ затрубить, и Сармиэнто явился съ своимъ отрядомъ. Островитяне не только не бѣжали при появленіи войска, но выступили на встрѣчу ему, вооруженные копьями, луками, стрѣлами и булавами. Когда они подошли на выстрѣлъ, имъ сдѣлали знакъ, чтобы они отступили, но какъ они неповиновались, то Испанцы дали залпъ изъ ружей; одинъ дикій былъ убитъ, другіе разбѣжались. Тогда Испанцы вступили въ селеніе и нашли кокосовъ и миндали, болѣе нежели на корабельный грузъ. Испанцы нагрузили свои шлюпки этою добычею.

Бригантинъ былъ посланъ въ третій разъ. Онъ открылъ два острова, Анду и Каталину, которыми съ этой стороны оканчивается Саломоновъ архипелагъ. Первый изъ нихъ круглый и низменный, съ холмомъ по срединѣ, на подобіе крѣпости, населенъ и плодороденъ. Дикіе напали и здѣсь на Испанцевъ, которые разогнали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они носили поясъ и красили тѣло разными красками, голову убрали древесными вѣтвями; сила ихъ мускуловъ до такой степени велика, что стрѣла, пущенная дикаремъ, пробилла насквозь щитъ Испанскаго офицера, и руку его. Это было послѣднее открытіе, сдѣланное Менданою у этихъ береговъ. По возвращеніи бригантина, эскадра снялась и въ началѣ Марта 1568 прибыла въ Перу.

Долго не имѣли ни какого результата открытія, сдѣланнаго во время этого путешествія; скрывали ли ихъ Испанцы отъ своихъ Европейскихъ соперниковъ, или преувеличенные ихъ рассказы были сочтены баснями, но Саломоновы острова два вѣка были забыты, и географы наконецъ вообразили, что они никогда не существовали. Картеретъ снова открылъ ихъ. Въ 1767 г. онъ видѣлъ двѣ точки этого архипелага: острова Говеръ, Маланта (которая получила названіе *Картеретъ*) и Симисонъ, потомъ сѣверную

часть острова Бука, который называлъ *Винчелси*. Шлюбка, посланная на островъ Говеръ, была атакована жителями; но Англичане одержали верхъ и овладѣли байдарамъ, искусно построенными, и украшенными раковинами и рѣзбою. Жители употребляли копья и стрѣлы, острія которыхъ были сдѣланы изъ кремня. Картеретъ не долго оставался у этихъ острововъ; онъ не подозрѣвалъ, чтобы они были тѣ же, что Саломоновъ архипелагъ, открытый Менданою, и счелъ племя, здѣсь обитавшее, отпрыскомъ племени, видѣннаго имъ въ Нитенди. Въ Июль слѣдующаго года, Бугенвиль открылъ еще болѣе число этихъ острововъ, и называлъ ихъ второю частию своей Лунзіады. Продолжая свое плаваніе отъ мыса *Satisfaction*, онъ увидѣлъ большой островъ, названный имъ *Шуазель*, у западной оконечности котораго около двадцати байдаръ подыхали къ его кораблю; на каждой находились отъ пятнадцати до двадцати человѣкъ, черныхъ какъ Африканскіе негры, съ курчавыми но длинными волосами, и у нѣкоторыхъ рыжими; на лбу и на шеѣ у нихъ висѣли бляхи; на рукахъ они носили браслеты. Оружіе состояло изъ копій и луковъ, которыми они грозно махали.

Въ проливѣ между островомъ Шуазель и островомъ Бугенвиль, меліи и неправильныя теченія поставили фрегаты въ большую опасность. Шлюбки были посланы осмотрѣть обширный и прекрасный заливъ у западной оконечности острова Шуазель; онъ уже начали было свои работы, когда вдругъ изъ залива, скрытаго за мысомъ, вышла флотилія байдаръ, на которой было до 150 человѣкъ съ луками, копьями и щитами; флотилія подвигалась впередъ въ порядкѣ; потомъ, раздѣлившись на два отряда, устремилась на шлюбки со всевозможною быстротою; сильно гребя пагелями. Пронзительный крикъ былъ сигналомъ нападенія. Французскія шлюбки отвѣчали на это залпомъ, который нисколько не устранилъ дикихъ. Они продолжали беззастѣнчиво стрѣлами Европейцевъ; впрочемъ вторичный залпъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Поле битвы осталось за Французами; длинные хорошо построенныя байдары съ весьма высокими кормами и носами, достались побѣдителямъ. Въ одной изъ нихъ на носу была изваяна человѣческая голова съ глазами изъ перламутра, съ ушами изъ черепахи, съ длинною бородою и съ кра-

сными губами. Въ байдарахъ былъ найденъ запасъ копій, щитовъ, кокосовъ, аркевыхъ ореховъ, разныхъ мелкихъ орудій, съей весьма тонкихъ и хорошо плетенныхъ, и человеческая челюсть полуизжаренная. Эти дикіе черны, съ курчавыми волосами; окрашенными блюю, красною и желтою красками; они не имѣли ни какой одежды кромѣ пояса. Щиты ихъ овальной формы, сплетены изъ тростника, крѣпки и не пробиваются стрѣлами.

Вышедши изъ пролива, Бугенвилъ продолжалъ плаваніе кругомъ восточнаго берега острова, получившаго его имя и увѣщаннаго въ центрѣ весьма высокими горами. 4 Юля онъ обогнулъ сѣверную оконечность острова Бука, который нашелъ многолюднымъ и хорошо воздѣланнымъ. По берегу тянулась живописная равнина, покрытая кокосовыми деревьями. Предъ нею плавали множество байдаръ; нѣкоторые изъ нихъ подъѣхали къ кораблю; дикіе показывали кокосовые орѣхи громко крича: *Бука! Бука!* потомъ отправились къ берегу, дѣлая знакъ, что ѣдутъ туда за орѣхами, однако на прощаніе пустили въ корабль стрѣлу. Эти люди были также черны, съ курчавыми волосами, нижній мочкушей были проткнуты и вытянуты, а зубы окрашены жеваніемъ бегеля; луки ихъ длиною въ шесть футовъ, стрѣлы изъ весьма крѣпкаго дерева. Но байдары не такъ велики, какъ у жителей Шуазеля, и оконечности ихъ не столь высоки.

Годъ спустя послѣ Бугенвиля, Французскій капитанъ Сюрвилъ, явился у этихъ береговъ; онъ осмотрѣлъ южную часть архипелага, и его то путешествію обязаны мы единственнымъ, нѣсколько подробнымъ, свѣдѣніемъ объ этой странѣ.

Сюрвилъ положилъ якорь 7 Октября 1769 предъ проливомъ, разделяющимъ острова Шоазель и Изабеллу; два дня спустя, онъ послалъ шлюбку на островъ, лежащій въ самомъ проливѣ и прозванный имъ *Первозиднымъ островомъ*.

По донесенію офицера, объѣхавшаго этотъ островокъ на шлюбкѣ, онъ былъ необитаемъ, но покрытъ фруктовыми деревьями; здѣсь видѣли много птицъ; между прочими и попугаевъ; прибрежныя воды изобиловали рыбою. Въ слѣдующіе дни Сюрвилъ боролся съ противными вѣтрами и теченіями, и положилъ якорь 13 числа у Н. О. берега Изабеллы, въ пространномъ и уединенномъ остро-

вами заливѣ, который называлъ: *Портъ Пра-ленъ*.

Едва корабль вошелъ въ заливъ, къ нему подошли байдары. Островитяне не соглашались взойти на палубу; не смотря на многократныя приглашенія; они взяли подарки, и уѣхали, сказавъ, что во внутренней части залива можно достать прѣсную воду и съѣстные припасы. Вскорѣ явилась другая байдара; въ ней были три человека. Одинъ изъ нихъ, ставъ на бакъ, хотѣлъ пустить стрѣлу въ корабль, но былъ усмирень подарками. Было уже поздно, и все байдары возвратились къ берегу. Европейцы видѣли съ корабля, какъ дикіе устались вокругъ огня и слышали, какъ нѣкоторые изъ нихъ пересаживали корабельныя команды и свистки бонмановъ.

На другое утро корабль перетягивался вовнутрь залива; въ это время къ нему подъѣхали съ разныхъ сторонъ до двѣнадцати байдаръ, съ десятью или двѣнадцатью людьми въ каждой; одна изъ нихъ была въ пятьдесятъ шесть футовъ длиною и въ четыре ф. шириною. Дикіе также какъ и наканунѣ тѣшились повтореніемъ командныхъ словъ, которыя въ это время раздавались на кораблѣ. Когда заиграли флейта съ барабаномъ, дикари сперва въ нѣмомъ восхищеніи вслушивались, потомъ вдругъ стали бить по водѣ тактъ, пагелями (веслами), и кружить байдары съ признаками совершеннаго восхищенія.

Такимъ образомъ музыка первая сблизила съ Европейцами дикихъ; одинъ изъ нихъ рѣшился взойти на корабль; вскорѣ нашлось столько послѣдователей его примѣру, что капитанъ велѣлъ соблюдать при этихъ посещеніяхъ невозможный порядокъ и осторожность. Впрочемъ все еще видна была недовѣрчивость и нѣкоторое безпокойство между дикими; въ ихъ разговорахъ, во взглядахъ, во всемъ выражались опасенія и подозрительность. При малѣйшемъ движеніи на кораблѣ, они бросались въ байдары, даже въ морѣ, и не смотря на то что имъ были сдѣланы подарки, они хватали все, что было подъ рукою.

Около полудня Сюрвилъ послалъ двѣ шлюбки подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Г. Лаббе, чтобы отыскать, гдѣ бы можно было налить сѣводою. Когда шлюбки отвалили, все байдары послѣдовали за ними; одна шла впередъ какъ бы указывая дорогу; дикій, который, по видимому, начальствовалъ

сю, стоялъ, держа въ рукахъ двѣ связки травы, которыя поднималъ надъ головою, дѣлалъ разныя движенія. Въ срединѣ байдары стоялъ другой, молодой человѣкъ, весьма важно опершись на длинное копье. Красныя цвѣтки были воткнуты въ его уши и поздри; волосы были опудрены извѣсткою. Въ этомъ полуторжественномъ и полувоенномъ плаваніи, было замѣтно, что между байдарами велись совѣщанія, съ какою-то заботливостію; но Французы сочли все это слѣдствіемъ ихъ безпорядка въ отправленіи.

Байдары, находившіяся впереди, вели шлюбки къ устью узкаго канала, по берегамъ котораго росъ кустарникъ; въ немъ, по словамъ дикихъ, скрывался ключъ прѣсной воды. Лаббе не заблагоразсудилъ пристать сюда; онъ отрядилъ только четырехъ матросовъ съ капраломъ, которые вскорѣ возвратились съ извѣстіемъ, что нѣтъ другой воды, кромѣ болота, въ которомъ можно увязнуть по поясъ.

Имѣя новую причину недовѣрять дикимъ, Лаббе жаловался, что его обманывали, и снова спрашивалъ, гдѣ можно достать воды. Тогда они указали ему позади группы островковъ, въ трехъ лигахъ отъ корабля, у подошвы лѣснаго холма. Былъ сдѣланъ новый опытъ; тѣ же люди были посланы, и вошли скалу, съ которой падала вода капля по каплѣ. Здѣсь проводники ихъ оставили, и они съ трудомъ отыскали дорогу къ шлюбкамъ.

Между тѣмъ, на берегу, островитяне задумали другое. Сперва они всѣми средствами старались заманить на берегъ Французовъ, чтобы послѣ выгнать на мель ихъ шлюбки. Они показывали имъ прекрасныя кокосы, которыми были покрыты деревья, и когда это не подѣйствовало, пытались притянуть шлюбки къ берегу. Это продолжалось до возвращенія людей, бывшихъ на берегу. Тогда дикіе, которыхъ было до 250 человѣкъ, вооруженные стрѣлами, копьями и булавами, искали минуты, чтобы напасть на Европейцевъ. Лишь только они увидѣли возвращавшихся пять человѣкъ, бросились на этотъ маленькій отрядъ, убили одного солдата, и ранили копьями капрала и трехъ остальныхъ. Самъ Лаббе получилъ двѣ раны въ ладвенъ стрѣлами, и въ ногу камнемъ. При этомъ неожиданномъ нападеніи, Французы открыли огонь, который былъ тѣмъ убійственнымъ, что дикіе находились весьма близ-

ко. Толпою завладѣлъ внезапный страхъ, и при второмъ залпѣ дикари разбѣжались. Смерть одного изъ вождей была причиною общаго и внезапнаго ужаса. Самъ Лаббе убилъ его. Увидѣвъ дикаго, который стоя отдѣльно, поднялъ руки къ небу и одушевлялъ другихъ, онъ прицѣлился и положилъ его на мѣстѣ. Съ нимъ легло сорокъ человѣкъ дикихъ; раненые были унесены.

Однакожь Сюрвилъ хотѣлъ, во чтобы то ни стало, достать воды, и для достиженія этой цѣли, рѣшился поймать одного изъ дикарей. Первая его попытка была произведена съ пятью или шестью, которые захвали на ближній островокъ; но они столкнули въ воду свою байдару, прежде нежели ихъ успѣли схватить. Всѣ они, одинъ даже тяжело раненый, спаслись вплавь до берега. Въ другой разъ байдара подъѣхала на довольно близкое разстояніе къ кораблю, и Сюрвилъ, чтобы заманить ихъ, употребилъ слѣдующую стратегию: два матроса, родомъ Кафры, съѣхали на байдарѣ, совершенно похожей на байдары дикихъ. Они были наги, съ напудренными головами, убранны точно какъ островитяне и дѣлали тѣ же жесты. Обманутые дикари разсудили, что и они могутъ подъѣхать также близко къ кораблю, какъ воображаемые ихъ единоплеменники. Ихъ допустили, и потомъ вдругъ погнались за ними, но видя, что нѣтъ возможности ихъ догнать, Французы выстрѣлили; одинъ изъ дикарей былъ убитъ, и падая въ море, опрокинулъ байдару. Второй хотѣлъ спастись вплавь, но его поймали, не смотря на то, что онъ безпрестанно нырялъ, и привезли на корабль. То былъ молодой человѣкъ лѣтъ пятнадцати; онъ защищался съ удивительною неустрашимостію, даже зубами, по неимѣнію другаго оружія. Когда его связаннаго подняли на палубу, онъ цѣлый часъ представлялся мертвымъ; его пробовали нѣсколько разъ ставить на ноги, позволяя ему падать всѣмъ тѣломъ; причемъ замѣтили, что онъ выставилъ плечо такъ, чтобы предохранить голову. Наконецъ онъ пересталъ играть эту комедію, открылъ глаза, и видя, что экипажъ былъ въ то время сухарей, попросилъ самъ сухарь, который съѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Впрочемъ его все держали связаннымъ, чтобы онъ не бросился въ море.

Чтобы держать дикарей въ страхъ, въ тотъ же день съ корабля стрѣляли по двумъ шедшимъ мимо байдарамъ. На другой день

плѣнникъ указаль ключъ, котораго такъ несли; нѣсколько разъ были посылаемы шлюбки наливаться водою; имѣя всегда предосторожность стрѣлять по байдарамъ, которыя подходили близко. Провизіи достать не могли ни какой, кромѣ кокосовъ, пальмовой канусты, устерей и другихъ родовъ раковинъ. Это было весьма недостаточно для корабля; экипажъ страдалъ отъ лихорадокъ, и съ каждымъ днемъ ослабѣвалъ. Капралъ умеръ отъ ранъ, и самъ Лаббе мучился цѣлые десять мѣсяцевъ, что заставляетъ думать, что стрѣлы дикихъ были намазаны ядомъ.

Пребываніе здѣсь Сюрвиля пришло однако же ту пользу, что тогда были собраны имъ самимъ, или офицерами его, нѣкоторые свѣдѣнія, тѣмъ болѣе драгоценныя, что другихъ мы не имѣемъ, о Саломоновыхъ островахъ.

Жители этого архипелага роста средняго, но здороваго и крѣпкаго сложенія. Одни совсѣмъ черны, другіе мѣднаго цвѣта. Черные имѣютъ волосы курчавые, лобъ малый, нижнюю часть лица остроколючую и носятъ небольшую бороду. Въ физіономіи ихъ есть что-то суровое, можно сказать, свирѣпое; изъ тѣхъ у которыхъ цвѣтъ лица бронзовый, нѣкоторые имѣютъ волосы гладкіе. Вообще они остригаютъ волосы по самыя уши. Нѣкоторые сохраняютъ только пучъ волосъ на темени; остальное бреютъ, кромѣ клочковъ въ нижней части затылка. Многіе раздѣляютъ этотъ пучъ волосъ на маленькіе хвостики, которые помазаны какою-то смолою. Большею частию они красятъ брови и волосы известкою въ желтую краску, и проводятъ, надъ бровями отъ одного виска до другаго, бѣлую полосу. Женщины видѣны весьма мало; онѣ имѣли подобныя волосы вдоль по щекамъ и поперегъ шеи.

И мужчины и женщины не носятъ другой одежды, кромѣ лоскута цыновки на поясницѣ. Мужчины татуируютъ себѣ лице, руки и другія части тѣла; рисунки довольно пріятны. Уши и поздри протыкаются для привѣщиванія разныхъ украшеній. Браслеты изъ ракушекъ и черепаховой чешуи надеваются выше локтей; за неимѣніемъ такихъ браслетъ, носятъ на нижней части руки браслеты изъ рыбьихъ или другихъ косточекъ, панизанныхъ на снуркѣ. — Иногда навѣшиваютъ на шею родъ гребня изъ бѣлаго камня, весьма уважаемаго. Другіе прикрѣпляютъ себѣ на лбу раковину, похожую на перламутръ. Но

изъ всѣхъ украшеній наиболѣе поразили Сюрвиля и его спутниковъ ожерелья, серги и даже цѣлые поясы изъ человѣческихъ зубовъ. Должно думать, что это трофеи отъ непріятелей, убитыхъ въ сраженіи.

Луки островитянъ сдѣланы изъ чернаго, эластическаго, но несильнаго гибкаго, дерева, а тетивы изъ волоконъ латана. Стрѣлы длиною въ нѣсколько футовъ составлены изъ нѣсколькихъ кусковъ камыша, склеенныхъ весьма крѣпкою мастикою. Остріе этихъ стрѣлъ сдѣлано изъ костей рыбы ската.

Отъ подобныхъ стрѣлъ всегда остаются частицы въ ранѣ, которую онѣ отравляютъ. Копья сдѣланы изъ чернаго латановаго дерева; они имѣютъ отъ восьми до девяти футовъ въ длину и оканчиваются костію, въ шесть дюймовъ, съ зазубринами, отъ которыхъ раны дѣлаются весьма опасны. Булавы длиною въ два съ половиною фута, имѣютъ форму плоскаго ромбона, обыкновенно дѣлаются изъ краснаго дерева весьма тяжелаго; островитяне продвигаютъ ихъ въ поясъ. Наконецъ щиты ихъ дѣлаются изъ тростника, сплетеннаго рядами; съ одной стороны, дѣлаютъ ухо, въ которое продвигается рука, другую украшаютъ иногда кистями изъ красной и желтой соломы. Щиты эти имѣютъ двойное употребленіе; иногда служатъ они зонтиками.

Дикари имѣютъ молоты изъ чернаго камня, крѣпко привязаннаго тростниковымъ ремнемъ къ рукояткѣ; скобели изъ кусковъ камня, спущеннаго остріемъ, прикрѣпленныхъ къ древку, отъ природы изогнутому. Въмѣсто ножей употребляютъ острыя раковины, а обточенные кремни служатъ бритвами для бороды и для волосъ на головѣ. Сѣти ихъ дѣлаются изъ мочалъ латановой коры. Въ ихъ байдарахъ нашли какое-то сѣмя бальзамическаго запаха, которое сначала приняли за лекарственную мазь, но потомъ узнали, что оно служить островитянамъ вмѣсто масла для освѣщенія; свѣтъ отъ него чище, нежели отъ восковыхъ свѣчей, и притомъ оно издаетъ весьма пріятный запахъ.

Острова эти производятъ кокосовыя и банановыя деревья, сахарный тростникъ, ямсъ и разнаго рода миндаль. *Binao*, безъ сомнѣнія то же, что Мендана называетъ *venausa*, служитъ вмѣсто хлѣба. Въ богатыхъ и цвѣтущихъ мѣстностяхъ этихъ острововъ есть множество какатоесовъ, голубей и дроздовъ, которые несравненно болѣе Европейскихъ

Въ болотахъ...летаютъ морскіе жаворонки, родъ бекасинъ и дикія утки; наконецъ водятся саламандры, которыя перѣдко имѣютъ футовъ пять длины отъ головы до хвоста. Четвероногихъ не видали; извѣстно однако, что въ лѣсахъ большихъ острововъ водятся много дикихъ свиней. Одинъ изъ офицеровъ, занимавшійся Естественною Исторіею, замѣтилъ наука особеннаго рода, муравьевъ необыкновенной величины, мухъ величійю какъ наши и слѣпней, которые болѣе кусаютъ. Онъ видѣлъ также въ лѣсу ужа толщиною съ палецъ и длиною въ два фута, съ желтыми и сѣрыми квадратами на спинѣ, и съ брюхомъ свѣтложелтаго цвѣта. Въ особенности привлекло его вниманіе пресмыкающееся, которое онъ называетъ жабою, по которому скорѣе должно быть базиликъ. «Его спинна, говоритъ онъ, представляетъ правильный горбъ вдоль всего тѣла: близъ плечъ, его голова или рыло принимаетъ форму копья, съ возвышенностію посрединѣ, и глаза прикрыты какою то чешуею или оболочкою и находятся въ самой высокой части головы; лапы его не имѣютъ ничего особеннаго; это животное скачетъ, какъ Европейскія жабы.»

Къ подробностямъ, заимствованнымъ изъ наблюдений Сюрвилля и его офицеровъ, не безполезно присовокупить свѣдѣнія, сообщенныя имъ платиннымъ дикаремъ, когда онъ могъ кое какъ выразаться по Французски. Лова-сарегга (такъ звали этого молодого человека) оставался два года съ Французами. Вотъ что говоритъ объ немъ Г. Мошперонъ, одинъ изъ офицеровъ Сюрвилля.

«Послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія дикаря на кораблѣ, мы замѣтили, что онъ съ необыкновенною легкостію изучалъ нашъ языкъ; по трехмѣсячномъ пребываніи у Испанцевъ въ Перу пріостановило нѣсколько его успѣхи. Впрочемъ въ продолженіе этого времени онъ уже могъ нѣсколько объясняться на двухъ этихъ языкахъ.

Въ Лимѣ болѣе возбудила его удивленіе величина и вышина домовъ. Онъ не могъ вѣрить, чтобы эти зданія были прочны, и пробовалъ потрясти ихъ стѣны. Удивленіе его возрастало съ каждымъ днемъ при видѣ работъ Европейцевъ, и вскорѣ онъ долженъ былъ признать ихъ великое превосходство надъ своими соотечественниками. Во время перехода изъ порта Прадена въ Перу, Сюрвилль сожалѣлъ его всегда за свой столъ: онъ

понялъ, что то была особенная милость, потому что съ другими черными со всѣмъ иначе обходились, нежели съ нимъ. По смерти Сюрвилля, утонувшаго въ морѣ, по прибытіи въ Каллао передъ Лимой, молодой Лова самъ оставилъ столъ офицеровъ и сталъ слугою.

«Ему всегда оказывали особенное вниманіе, и безъ сомнѣнія онъ заслуживалъ это своими прекрасными качествами: его признательность доказывала, что онъ чувствовалъ цѣну подобнаго обхожденія; онъ никогда не употребилъ во зло благорасположенія къ нему офицеровъ.

«Единственный порокъ, въ которомъ можно его упрекать, состоялъ въ какомъ то чувствѣ досады или отчаянія, которому онъ предавался весьма легко, и которое можно приписать только его чрезмѣрной раздражительности; но онъ противъ самаго себя обращалъ эти порывы; волненіе проходило чрезъ минуту, и походило на гнѣвъ незлобнаго дитяти. Одаренный проникательнымъ умомъ, онъ легко и съ удовольствіемъ изучалъ все, что отъ него требовали, и безъ сомнѣнія въ самое короткое время научился бы читать, если бы кто этимъ занялся.

«Онъ всегда велъ себя честно; любилъ украшенія, но легко отъ нихъ отказывался. Весьма хорошо зналъ цѣну и употребленіе денегъ, но не очень ими дорожилъ. Другихъ сильныхъ побужденій онъ, кажется, не имѣлъ, кромѣ чувства голода. Можно съ увѣрительностію сказать, что онъ владелъ самыми счастливыми наклонностями, и былъ лишенъ многихъ пороковъ, отъ которыхъ и тщательное воспитаніе не всегда освобождаетъ человека.»

На вопросы о его роднѣ Лова-сарегга отвѣчалъ, что этотъ архипелагъ раздѣляется безпрерывными войнами, что всякій островъ воюетъ съ соседнимъ и что военнопленные обращаются въ рабство. Власть царя или вождя неограничена; всѣ подданные должны представлять ему произведенія своей рыбной ловли, своихъ фруктовыхъ деревьевъ, своихъ работъ, и добычи, взятыя у непріятеля. Вождь беретъ, что захочетъ, а остальнымъ пользуется хозяинъ. Кто отнесетъ къ себѣ что нибудь, не представивши предварительно вождю, подвергается строгому наказанію. Подданный, который наступитъ на тѣнь своего государя, немедленно подвергается казни. Впрочемъ, замѣчалъ Лова, вельможа могъ вы-

купить свою жизнь пожертвованіемъ всего имущества.

Лова не сказалъ ничего положительнаго объ ихъ религіи; онъ говорилъ только, что люди по смерти идутъ на небо, и отъ времени до времени сходятъ посѣщать своихъ прежнихъ друзей на землѣ. Эти духи являются по ночамъ, предсказываютъ хорошее или дурное, и указываютъ самыя выгодныя для рыбной ловли мѣста. Когда ему въ этомъ не вѣрили, то онъ отвѣчалъ, что никто лучше его не могъ знать, что происходитъ въ его землѣ.

Французы, во время своего пребыванія у этихъ острововъ, замѣтили, что передъ тѣмъ какъ дикіе аттаковали ихъ шлюбки, начальникъ одной байдары молился въ сторонѣ, а другой вождь странными кривляніями, казалось, призывалъ содѣйствіе сверхъестественной силы.

Врачи, которые вообще стары, имѣютъ большое вліяніе на этотъ народъ. Лова даже послѣ долговременнаго пребыванія на кораблѣ, говорилъ, что врачи его родины несравненно искуснѣе Европейскихъ медиковъ, которые, по мнѣнію его, умѣютъ только дить болѣзни. Дѣвушки, сговоренныя съ самыхъ юныхъ лѣтъ, переходятъ въ домъ своихъ будущихъ родственниковъ, и лишь только возрастъ позволить, ихъ выдаютъ замужъ. Многоженство позволительно.

Когда богатый человѣкъ умираетъ, тѣло его кладется на рѣшету, подъ которымъ вырыта яма. Ожидаютъ, чтобы дѣйствіе дождя, солнца и тѣмъ разрушили мясо, которое падаетъ въ яму; потомъ собираютъ кости и голову, и относятъ ихъ на общее кладбище. Когда забросаютъ яму, надъ нею строятся каза, въ родѣ надгробнаго холма. На могилы дѣтей сажаютъ только цвѣты.

Лодки ихъ кажутся слабыми; однако дикіе плаваютъ на нихъ по десяти и двѣнадцати дней сряду. Они руководствуются въ своемъ плаваніи звѣздами, и умѣютъ узнавать нѣкоторыя изъ нихъ. По словамъ Ловы, они ведутъ торговлю съ народомъ почти бѣлымъ, или по крайней мѣрѣ несравненно менѣе ихъ чернымъ. Лова-сарегъ утверждалъ, что онъ самъ видѣлъ, что къ его острову пристала лодка, въ которой было пятнадцать человѣкъ черныхъ, три черныя женщины и одна бѣлая. Черныя женщины болтали только; бѣлая плакала по бѣлому человѣку; который бросился въ воду, чтобы поймать черепаху и

былъ съѣденъ рыбами. Она была беременна и родила двухъ бѣлыхъ дочерей, изъ которыхъ одна померла. Но хотя она и должна была сохранить свою жизнь для другой дочери, ничто не могло ее утѣшить; она задумалась маленькимъ снуркомъ, который носила на шеѣ, и который служилъ ей безъ сомнѣнія (какъ квинтосъ у Перуанцевъ), чтобы узлами означать на немъ число дней, проведенныхъ далеко отъ родины. Лова имѣлъ также подобный снурокъ и вѣрно велъ этотъ счетъ; онъ присовокупилъ, что бѣлая женщина имѣла весьма большія серьги, цвѣта золотаго; что волосы у нея были длинныя, поздри проткнутыя, и что она была нагая съ кускомъ только ткани отъ поясицы до колыма. Лодка, на которой она прѣехала, привезла также много свиней и кокосовъ.

Лова говорилъ, что отецъ его часто совершалъ поѣздки на десять или на двѣнадцать дней, къ народу менѣе черному, что онъ тамъ мѣнялъ своихъ черныхъ невольниковъ на бѣлыхъ и доставлялъ оттуда тонкія съ рисунками полотна, изъ которыхъ дѣлались посылы. Эти рассказы, запечатлѣнные точностію и истиною, заставляютъ думать, что племя желтое или Полинезійское, занимаетъ еще нѣкоторые пункты Саломоновыхъ острововъ, хотя окрестности порта Пралена представляютъ только маловажныя селенія; внутренность острова однако содержитъ значительныя деревни. Лова нѣсколько разъ говорилъ это; но онъ забылъ сказать настоящее имя своего отечества.

Сюрвилъ оставилъ портъ Праленъ 21 Октября, и чрезъ пять дней полагалъ, что въ виду нѣтъ ни какихъ береговъ, когда вдругъ на горизонтѣ появился островъ, названный имъ *островомъ Нежданымъ*. Это тотъ самый, который у Картерета называется *Говеромъ*; на другой день, 27 числа, онъ открылъ островъ (Препятствій) *Contrarietes*, такъ названный по причинѣ штисей и внезапныхъ цкваловъ, которые задержали караванъ у его береговъ. 2 Ноября, когда онъ стоялъ недвижный среди мертваго моря, къ нему приблизились многія байдары; онъ самъ хотѣлъ даже послать на берегъ шлюбку, но открылись непріязненные дѣйствія съ островитянами, и это заставило его отказаться отъ своего намѣренія. 3 числа Сюрвилъ открылъ острова *Три-сестры*, и четвертый, который онъ называлъ *островомъ Залива*. Хотя отъ всѣхъ этихъ острововъ отправля-

лись байдары къ кораблю; ни одна изъ нихъ не согласилась пристать, не смотря на то, что людей приглашали. Наконецъ 6 числа Сюрвилъ обогнулъ два островка, *Анну и Каталину*, которые онъ назвалъ *островами Спасенія*. Потомъ, думая, что весь берега, мимо которыхъ онъ прошелъ, составляли одинъ большой островъ, онъ прозвалъ его *землею Арсасидовъ*; это названіе впоследствии сохранено однимъ изъ острововъ. Другихъ открытій Сюрвилъ не сдѣлалъ.

Открытія Сюрвила и Бугенвила обратили вниманіе Европы на этотъ архипелагъ, котораго описаніе сходствовало съ разсказомъ Менданы. Трудопобивый Бюанъ и искусный Флёрё занялись изслѣдованіемъ этого предмета, и впоследствии не осталось ни какого сомнѣнія въ томъ, что открытый Менданою архипелагъ Саломоновъ, былъ не что иное, какъ острова, открытые Сюрвилемъ и Бугенвилемъ.

Послѣ Сюрвила, Англичанинъ Шортландъ первый увидѣлъ эти острова. 31 Іюля 1788, онъ зашелъ къ южной оконечности острова Гвадальканара, и продолжалъ плаваніе вдоль южной полосы архипелага, вошелъ въ проливъ, въ которомъ былъ Бугенвилъ за двадцать лѣтъ до него. Шортландъ видѣлъ всѣ эти острова издалика, и считъ ихъ однимъ большимъ островомъ, который назвалъ *Новою Георгіею*; это названіе сохранено однимъ изъ острововъ, имъ видѣнныхъ. Шортландъ только у мыса *Desception* имѣлъ сношенія съ островитянами. Байдары подъѣхали къ Англическому кораблю, чтобы промѣнять браслеты, кольца, цѣпи изъ кости или изъ рыбныхъ костей, на подобные же вещи Европейской работы; дикари всегда впрочемъ предпочитали желѣзные вещи. Люди оказались весьма честными; въ этой сдѣлкѣ не было замѣчено покушеній къ обману или кражѣ. Они особенно желали, чтобы экипажъ съѣхалъ на берегъ; чтобы склонить къ этому Англичанъ, они показывали имъ кору разныхъ фруктовъ и перья птицъ, стараясь истолковать, что все это находится на берегу. Эти люди называли свой островъ *Симбу*; въ немъ были замѣчены полосы хорошо воздѣланной земли. Ихъ байдары были хорошо построены, украшены рѣзною работою и размазаны красною краскою; на каждой помѣщалось 10-12 челов. Кромѣ колецъ и браслетовъ изъ рыбныхъ и другихъ костей и чешуи, они носили на головѣ черепокъ съ перомъ. Они

слѣдовали за кораблемъ два или три часа, потомъ поплыли обратно къ своему берегу.

Ни одно изъ путешествій не доставило столько географическихъ свѣдѣній о Саломоновыхъ островахъ, какъ путешествіе д'Антракосто. 9 Іюля 1792 года, онъ началъ свои наблюденія предъ островомъ Георгіею; потомъ осмотрѣлъ, одинъ за другимъ, острова Казначейства, Шортландъ, и западную полосу острововъ Бугенвила и Бука. Но это ничего не прибавило къ прежнимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ архипелагѣ. д'Антракосто нигде не заходилъ и весьма мало имѣлъ сношеній съ островитянами. Только неподалеку отъ острововъ Казначейства эскадра замѣтила жителей и байдары, плававшія кругомъ острововъ. Затѣмъ, неподалеку отъ сѣверной оконечности острова Бука, множество байдаръ отвалили отъ берега; въ каждой было по восьми человекъ; одна только, несравненно болѣе другихъ заключала, до сорока человекъ; изъ нихъ шестнадцать дѣйствовали веслами, остальные двадцать четыре были воины. Нѣсколько часовъ флотилія эта оставалась въ нерѣшимости; наконецъ она пристала къ кораблямъ. Островитяне промѣняли на Европейскія вещи свои стрѣлы, отказываясь дать со стрѣлами и луки. Но когда одинъ изъ офицеровъ заигралъ на скрипкѣ пѣсню довольно живую, тотчасъ всѣ дикіе пришли въ движеніе, стали смѣяться, прыгать, скакать въ байдарахъ и предлагать взамѣнъ за скрипку не только лукъ, но даже булавы, которыхъ до того времени они не показывали. Они легко повторяли множество Французскихъ словъ. Ихъ байдары не имѣли поперечныхъ рычаговъ для равновѣсія и были весьма скоры на ходу подъ парусами.

Въ слѣдующемъ году д'Антракосто съ 25 Мая началъ вновь изслѣдованіе этихъ острововъ, съ острововъ Анны и Каталины, потомъ по всему западному берегу острова Кристоваля, который, казалось, былъ покрытъ селеніями въ N. W. части своей. Байдары, приставшія къ кораблямъ, приняли все, что имъ дали, не представляя взамѣнъ ничего. Къ ночи число ихъ умножилось; набралось до шестидесяти, и дикіе, надѣясь на многочисленность, сдѣлались дерзки; они пустили нѣсколько стрѣлъ по кораблю. Французы отвѣчали имъ выстрѣломъ изъ ружья и ракетой; послѣ чего всѣ они разбѣжались.

Затѣмъ д'Антракосто постигъ островъ

Сесарга, съ котораго семь байдаръ прибыли къ его кораблю; находившіеся на нихъ островитяне не согласились взойти на палубу, и только знаками приглашали Французовъ на берегъ. Байдары были красивѣе всѣхъ видѣнныхъ прежде; островитяне щеголяли прекрасными ожерельями изъ раковинъ, браслетами, и перьями на головѣ. Затѣмъ д'Антракосто продолжалъ свое плаваніе вдоль южнаго и западнаго береговъ большаго острова Гвадалькапара; потомъ, обогнувъ мысъ Маршъ, окончилъ описъ свою южную частію острова Георгіи. 7 Юня эскадра потеряла изъ виду берегъ.

Нѣкоторыя части Саломоновыхъ острововъ были усмотрѣны, одинъ за другимъ, въ 1792 г. Меннингомъ, который прошелъ между Изабелою и Шоазелемъ; въ 1794 г., ихъ видѣли съ корабля *Indispensable*, проходившаго между Кристовалемъ и Гвадальканаромъ, потомъ между Изабелою и Малантою; наконецъ Батлеръ видѣлъ ихъ въ 1794 г. Но ни одинъ изъ этихъ мореходцевъ не оставилъ намъ важныхъ наблюдений, потому что всѣ были у этихъ острововъ только подъ парусами.

ГЛАВА XIX.

Саломоновы острова. Географія.

Архипелагъ Саломоновыхъ острововъ заключается между 5 и 12 градусами ю. ш. и 152 и 160 в. д. Протяженіе его до 200 лигъ отъ N. W. къ S. O., а средняя широта 40 лигъ. Въ немъ до десяти острововъ, высокихъ и многолюдныхъ, и множество меньшихъ. Изъ нихъ извѣстны намъ, следуя отъ N. къ S.

Бука, открытый въ 1767 г., Картеретомъ и названный имъ Вичельсен, видѣнный въ 1768 г. Бугенвилемъ, въ 1788 г. Шортландомъ, въ 1792 г. д'Антракосто, и въ 1823 г. Диопере; онъ высокъ, лѣсистъ и многолюденъ; имѣетъ 25 миль отъ N. къ S. а въ ширину до 18; около южной его части прилегаютъ къ нему много островковъ. Донынѣ не изслѣдовано съ достоверностію, отдѣленъ ли этотъ островъ отъ слѣдующаго за нимъ. Ю. ш. его 5° 01'; в. д. 152° 14' (сѣвер, оконечность).

Бугенвилъ, открытый Бугенвилемъ въ 1768, видѣнный въ 1788 Шортландомъ и описанный въ 1792 д'Антракосто, есть высокій, мно-

голюдный островъ, имѣющій 96 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. Ширина его отъ 18 до 20 миль. На юго-восточной его сторонѣ находится множество безыменныхъ островковъ. Положеніе его между 5° 32' и 6° 55' ю. ш. и 152° 14' и 155° 25' в. д.

Шортландъ, видѣнный Бугенвилемъ въ 1768, Шортландомъ въ 1788 и д'Антракосто въ 1792. Это одинъ островъ изъ многихъ, весьма близко одинъ отъ другаго лежащихъ и имѣющихъ въ окружности отъ 30 до 36 миль. Къ западной его сторонѣ прилегаютъ множество островковъ. Ю. ш. (южной оконечности) 7° 9'; в. д. 153° 20'.

Казначейства (de la Tresorerie), открыты. Бугенвилемъ въ 1768, видѣнные Шортландомъ въ 1788 и д'Антракосто въ 1792, составляютъ группу низменную, лѣсистую, въ 7½ миль протяженія отъ N. N. O. къ S. S. W.—Ю. ш. (средины группы) 7° 25'; в. д. 153° 10'.

Шуазель, открытый втроятно Менданою въ 1567, но упоминаемый въ первый разъ Бугенвилемъ въ 1768, и видѣнный Сюрвилемъ въ 1769, Шортландомъ въ 1788, а частію капитаномъ корабля *Cornwallis* въ 1796, въ восточной части своей еще мало извѣстенъ. Это высокій и многолюдный островъ; протяженіе его до 80 миль отъ N. W. къ S. O., при ширинѣ, мѣняющейся отъ 10 до 20 миль. Лежитъ между 6° 36' и 7° 34' ю. ш. и 153° 41' и 154° 57' в. д.

Алленъ и Миддлетонъ, открыты Шортландомъ въ 1788, который принялъ ихъ за два мыса. Крузенштернъ полагаетъ, что это два небольшихъ острова. Ю. ш. 7° 28'; в. д. 153° 54' (ос. Миддлетонъ).

Симбу, открытый Бугенвилемъ въ 1768, и видѣнный Шортландомъ въ 1788, есть пространный и многолюдный островъ, но форма его совершенно неизвѣстна; къ ю. отъ него лежитъ островокъ *Satisfaction*. Ю. ш. 8° 17'; в. д. 154° 12'. (Южная оконечность острова *Satisfaction*).

Первовидный (de la Première vue), открытый въ 1769 Сюрвилемъ и видѣнный Меннингомъ въ 1792, возвышенъ, имѣетъ протяженія отъ 5 до 6 миль. Ю. ш. 7° 20'; в. д. 154° 59'.

Изабелла, открытый Менданою въ 1569 году и видѣнный Меннингомъ въ 1792, обширенъ, гористъ и многолюденъ. По картѣ Крузенштерна, онъ имѣетъ 105 миль протяженія отъ N. W. къ S. O., а въ ширину

отъ 14 до 16 миль; но пространство, занимаемое имъ, еще не известно въ точности. Съ N. W. стороны прилегаютъ къ нему небольшіе островки, изъ которыхъ два получили отъ Меннинга названія *Jane* и *Nairn*. Ю. ш. между $7^{\circ} 16'$ и $8^{\circ} 28'$; в. д. между $155^{\circ} 18'$ и $156^{\circ} 54'$.

Ортега, два острова, открыты Менданою въ 1567 г. и увидѣнные кораблемъ *Indispensable* въ 1794; каждый имѣетъ отъ 5 до 6 миль протяженія; они мало известны. Ю. ш. $8^{\circ} 8'$; в. д. 157° (середина).

Рамосъ, открыты Менданою въ 1567, и видѣны кораблемъ *Indispensable* въ 1793; это группа изъ двухъ или трехъ островковъ, окруженныхъ рифомъ. Ю. ш. $8^{\circ} 24'$; в. д. $157^{\circ} 42'$.

Говеръ, открытый Картере въ 1767 г., усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769 и названъ имъ *Нежданымъ островомъ* (*Innatendue*); по Картерету, онъ низменъ, плоскъ и многолюденъ, простирается на двѣ съ половиною лиги отъ О. къ W. Ю. ш. 8° ; в. д. $158^{\circ} 12'$.

Малапта, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Картеретомъ въ 1767 и Сюрвилемъ въ 1769; по показанію Картерета, онъ высокъ; гористъ и имѣетъ десять лигъ отъ О. къ W. Ю. ш. $8^{\circ} 24'$; в. д. $158^{\circ} 10'$ (сѣв. оконечность).

Симсонъ, открытый Картеретомъ въ 1767, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769. Небольшой и низменный, по показанію Картере. Ю. ш. его $8^{\circ} 30'$; в. д. $158^{\circ} 43'$.

Ос. Арсасидовъ, открытый Менданою въ 1567 и усмотрѣнный Сюрвилемъ въ 1769, есть высокій островъ, по показанію Крузенштерна, имѣющій 36 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. и восемь въ ширину; но это только предположеніе, весьма неопредѣлительное. Онъ лежитъ между $8^{\circ} 36'$ и $9^{\circ} 7'$ ю. ш. и $158^{\circ} 37'$ и $159^{\circ} 4'$ в. д.

Галера, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769. По словамъ Ортеги, онъ имѣетъ шесть лигъ въ окружности и окруженъ мало известнымъ рифомъ. Ю. ш. $9^{\circ} 28'$; в. д. $159^{\circ} 6'$.

Буэна-Виста, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769. По словамъ Ортеги, онъ плодороденъ, воздѣланъ и многолюденъ; имѣетъ въ окружности около 29 лигъ; близъ него лежатъ обитаемые островки; но все это весьма мало

известно. Ю. ш. $9^{\circ} 42'$; в. д. $157^{\circ} 18'$ (южн. оконечность).

Сесарга, открытъ Менданою въ 1567, усмотрѣнъ въ 1769 Сюрвилемъ; который назвалъ его *островомъ Препитстей*; въ 1790 его видѣлъ Балль, назвавшій его *островомъ Шмидтъ*. д'Антракто видѣлъ его въ 1792; онъ высокъ, многолюденъ, имѣетъ около семи миль отъ N. къ S.; середина его лежитъ подъ $9^{\circ} 49'$ ю. ш. и $159^{\circ} 43'$ в. д.

Три Сестры, открыты Сюрвилемъ въ 1769, усмотрѣны д'Антракто въ 1792. Это цѣпь весьма маленкихъ и высокихъ островковъ, занимающихъ до девяти миль отъ N. N. W. къ S. S. O.; средний изъ нихъ лежитъ подъ $10^{\circ} 33'$ ю. ш. и $159^{\circ} 40'$ в. д.

Залива, открыты Сюрвилемъ въ 1769, и видѣны д'Антракто въ 1792. Два высокіе острова; изъ которыхъ болѣе имѣетъ болѣе четырехъ миль отъ N. къ S. и лежитъ подъ $10^{\circ} 14'$ ю. ш. и $159^{\circ} 27'$ в. д.

Прищесса, весьма не великъ, на картѣ Арроусмита показанъ на S. W. отъ острововъ Гаммондъ; въ двѣнадцати миляхъ къ N. N. O. отъ Принцессы лежитъ рифъ, именуемый *Бриджъ-Уатеръ*. Къмъ и когда открытъ, не известно. Ю. ш. $9^{\circ} 51'$; в. д. $154^{\circ} 46'$.

Гаммондъ, открыты Шортландомъ въ 1788, усмотрѣны д'Антракто въ 1792. Три высокіе лѣсные и населенные острова, изъ коихъ самый большой имѣетъ, по картѣ Крузенштерна, отъ 14 до 15 миль. Впрочемъ они мало известны. Северо-западная оконечность ихъ лежитъ подъ $8^{\circ} 32'$ ю. ш. и $154^{\circ} 55'$ в. д.

Георгія, открытый Шортландомъ въ 1788, усмотрѣнъ издалика Меннингомъ въ 1792. д'Антракто осмотрѣлъ южную его часть въ 1792. На картѣ Крузенштерна онъ показанъ островомъ высокимъ, населеннымъ, и въ сорокъ миль протяженія отъ О. къ W, при десяти или двѣнадцати миляхъ въ ширину. Но форма его и протяженіе къ сѣв. совершенно не известны. Онъ лежитъ между $8^{\circ} 35'$ и $8^{\circ} 53'$ ю. ш. и $155^{\circ} 14'$ и 156° в. д.

Меррей (Murray), вѣроятно открытъ Меннингомъ въ 1792, и въ томъ же году усмотрѣнъ д'Антракто. Онъ высокъ, имѣетъ не болѣе пяти или шести миль въ окружности и лежитъ подъ $9^{\circ} 34'$ ю. ш. и $156^{\circ} 30'$ в. д.

Маррз открытъ въ 1788 Шортландомъ, который принялъ его за мысъ; Меннингъ и д'Антракто видѣли его въ 1792. Онъ высокъ, имѣетъ болѣе десяти миль отъ N. N. W. къ S. S. O. и окруженъ многими островами. Протяженіе этой группы къ N. O. совершенно неизвѣстно. Западная его оконечность лежитъ подъ $9^{\circ} 6'$ ю. ш. и $156^{\circ} 48'$ в. д.

Гвадалканаръ, открытъ въ 1567 Менданою, усмотрѣнъ Шортландомъ въ 1788 и Меннингомъ въ 1792; д'Антракто въ 1792 сдѣлалъ описъ части его. Плаваніе корабля *Indispensable* доказало, что онъ совершенно отдѣленъ отъ острова Арсасидовъ и другихъ близлежащихъ острововъ, но весь сѣверный его берегъ неизвѣстенъ. Этотъ островъ гористъ и многолюденъ; имѣетъ 78 миль въ длину отъ W. N. W. къ O. S. O. при широтѣ отъ 20 до 25 миль. Нѣсколько островковъ лежатъ около сѣверо-восточной его оконечности, близъ юго-восточной и въ заливѣ *Indispensable*; они оставлены безъ именъ и малоизвѣстны. Гвадалканаръ лежитъ между $9^{\circ} 16'$ и $9^{\circ} 59'$ ю. ш. и $157^{\circ} 22'$ и $158^{\circ} 34'$ в. д.

Кристоваль, открытъ Менданою въ 1567, и усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769, а Шортландомъ въ 1788; д'Антракто описалъ дѣтъ трети его въ 1792; корабль *Indispensable* видѣлъ его въ 1794; онъ великъ, гористъ и населенъ; имѣетъ 72 мили отъ N. W. къ S. O. при ширинѣ отъ 16 до 18 миль. Восточный берегъ мало извѣстенъ; лежитъ между $10^{\circ} 11'$ и $10^{\circ} 53'$ ю. ш. и $159^{\circ} 2'$ и $160^{\circ} 3'$ в. д.

Анна, открытъ Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769, а въ 1790 Баллемъ, назвавшимъ его островомъ *Сириусомъ*; д'Антракто видѣлъ его въ 1792. Островъ этотъ высокъ и имѣетъ отъ 5 до 6 миль въ окружности. Ю. ш. $10^{\circ} 51'$; в. д. $160^{\circ} 8'$.

Каталина, открытъ Минданою въ 1567; въ 1769 его видѣлъ Сюрвиль, назвавшій его вмѣстѣ съ предыдущимъ, островомъ *Освобожденій* (*Delivrance*); Балль видѣлъ его въ 1790 и назвалъ островомъ *Массей*; д'Антракто видѣлъ его, 1792. Онъ высокъ, имѣетъ три или четыре мили въ окружности. Ю. ш. $10^{\circ} 54'$; в. д. $160^{\circ} 6'$.

Беллона открытъ въ 1794 г. Батлеромъ, капитаномъ корабля *Вальполъ*; онъ имѣетъ шесть миль въ діаметрѣ. Ни одинъ

мореплаватель не видѣлъ его послѣ Батлера и потому существованіе его еще весьма сомнительно. Ю. ш. $11^{\circ} 11'$; в. д. $157^{\circ} 34'$; (середина).

Реннель, открытъ также Батлеромъ въ 1794, и усмотрѣнъ въ томъ же году кораблемъ *Indispensable*, по показанію адмирала Крузенштерна, имѣетъ двѣнадцать лигъ отъ N. W. къ S. O. Юго-восточная его оконечность лежитъ подъ $11^{\circ} 38'$ ю. ш., и $158^{\circ} 21'$ в. д.

Этимъ оканчивается списокъ острововъ, собственно называемыхъ Саломоновыми: но мы должны упомянуть еще, какъ о геологическомъ ихъ продолженіи, о двухъ опасныхъ рифахъ, лежащихъ недалеко къ ю. отъ нихъ; 1) *Рифъ Пандоры*, открытъ капитаномъ Эдвардсомъ въ 1791, и безъ сомнѣнія есть тотъ самый, который былъ усмотрѣнъ въ 1794 кораблемъ *Indispensable*, а въ 1804 Рюо-Кутансомъ. Эта опасная отмель тянется, какъ говорятъ, на 40 почти миль отъ N. къ S.; оконечность ея лежитъ подъ $12^{\circ} 8'$ ю. ш. и 159° в. д. 2) *Рифъ Веллсъ*, усмотрѣнный также Эдвардсомъ въ 1791, подъ $12^{\circ} 21'$ ю. ш. и $156^{\circ} 22'$ в. д.

Можно еще упомянуть оцѣпи небольшихъ группъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ Саломоновыхъ, и почти параллельныхъ имъ; начнемъ съ южной стороны.

Острова Стюартъ, открыты Гантеромъ въ 1791, и усмотрѣны Вильсономъ, капитаномъ корабля *Дабблзъ*, въ 1797. Это группа изъ пяти небольшихъ острововъ; два большіе изъ нихъ имѣютъ три мили протяженія. Ю. ш. $8^{\circ} 24'$; в. д. $161'$.

Опасный рифъ *Бредли*, открытъ Гантеромъ въ 1791; лежитъ подъ $6^{\circ} 52'$ ю. ш. и $158^{\circ} 46'$ в. д.; столь же опасный рифъ *Канделарія*, открытъ Минданою въ 1567, и усмотрѣнъ въ 1781 Морелемъ, который назвалъ его *Ронкадоромъ*; онъ лежитъ, какъ полагаютъ, подъ $6^{\circ} 20'$ ю. ш. и $157'$ в. д. Необходимо еще опредѣлить съ большею точностію положеніе этихъ мелей, которыя несравненно опаснѣе для кораблей, нежели самыя опасныя острова.

Острова Гоу, открыты въ 1791 Гантеромъ, который видѣлъ только южную ихъ часть. Можетъ быть, это тѣ самыя острова, которые въ 1616 году, были усмотрѣны Шутеномъ и въ 1643 Гасманомъ, давшимъ имъ названіе *Оттонгъ-Явы*; можетъ быть также, это двѣ отдѣльныя группы. Какъ бы то ни

было, группа, усмотрѣнная Гантеромъ; состоитъ изъ множества низменныхъ и обитаемыхъ острововъ; протяженіе ея не определено съ точностію. Ю. ш. 5° 39', в. д. 157° 6' (южная оконечность).

Острова Маркесъ, открыты въ 1616 Шутеномъ, и усмотрѣнные Тасманомъ въ 1643, вѣроятно тѣ же, которые видѣлъ корабль *Indispensable* въ 1794, и назвалъ *Кокосовыми островами*, и тѣ же, что видѣлъ Мортлокъ въ 1799 и назвалъ Гантеровыми, хотя онъ даетъ имъ положеніе нѣсколько ниже къ югу. Это группа, состоящая изъ четырнадцати или пятнадцати острововъ, низменныхъ, обитаемыхъ и занимающихъ пространство около двадцати миль. Ю. ш. 4° 30'; в. д.

Острова Картерета, открыты въ 1767 Картеретомъ, который назвалъ ихъ *Десятью островами*; они были усмотрѣны въ 1781 Морелемъ, который принялъ ихъ за Онтонгъ-яву Тасмана, Шортландомъ въ 1788 и Гантеромъ въ 1791. По Картерету только одинъ изъ этихъ острововъ имѣетъ значительную величину; остальные малы, низменны, полуспелы и многочисленны. Жители ихъ черные; съ курчавыми волосами, вооружены луками и стрѣлами; и имѣютъ большія байдары, которыми ходятъ подъ парусами. Срединна группы лежитъ подъ 4° 42' ю. ш. и 153° 10' в. д.

Зеленые острова, открыты Шутеномъ въ 1616, и усмотрѣны въ 1767 Картеретомъ, который назвалъ ихъ островами *Гардін*; Бугенвилъ видѣлъ ихъ издалика въ 1767; въ 1781 ихъ видѣлъ Морель, давшій имъ названіе *Каймановъ*; въ 1792 и 1823 д'Антрасто и Дюперре видѣли ихъ на весьма дальнемъ разстояніи. Они составляютъ зеленую и населенную группу, размѣры и протяженія, ихъ мало извѣстны; лежатъ подъ 4° 33' ю. ш. и 151° 49' в. д. (южная оконечность).

ГЛАВА XX.

Саломоновъ архипелагъ. — Острова Убийства.

Къ одной изъ группъ, послѣдніе упомянутыхъ нами, относится; *острова Убийства* (*du Massacre*), гдѣ пребываніе Американца Мореля составило длинный и драматическій эпизодъ. Неточности въ показаніяхъ географическаго положенія такъ часты въ запискѣ

Американскаго мореплавателя, что съ нею нельзя обойтись безъ догадокъ и предположеній. И такъ, переходя отъ сомнѣній къ соштію, будемъ искать острововъ *Убийства* въ островахъ *Картерета*; должно съ осторожностію читать разсказъ капитана Мореля, во многихъ мѣстахъ неспрерывный подробностями, которыя кажутся, если несовершенно ложными, то по крайней мѣрѣ слишкомъ преувеличенными.

Морель командовалъ красною шхуною *Антарктикъ*, и рыская по морямъ подобно собрату своему Пендальтону, зашелъ 24 Мая 1830 къ островамъ Убийства, гдѣ положилъ якорь въ безопасной бухтѣ. Островитяне, почти совершенно черные, незамедлили показаться въ своихъ байдарахъ; сперва они боязливо смотрѣли на корабль, не дерзая приблизиться къ нему, но вскорѣ сдѣлались смѣлы. Ихъ начальникъ, котораго Морель называетъ фантастическимъ именемъ Неро, отличался множествомъ ожерелій изъ раковинъ и гирляндъ изъ цвѣтовъ на головѣ и на шее.

Онъ первый взомель на шхуну, гдѣ все возбудило въ немъ удивленіе. Онъ сталъ однако мало по малу осматривать предметы, находившіеся на палубѣ, и дѣлать вопросы за вопросомъ, не дожидаясь отвѣта; наконецъ началъ прыгать, хохотать и кричать, какъ сумасшедшій. Удивленіе его въ особенности выражалось восклицаніемъ: *Ретъ стиллеръ!* что Морель переводитъ словами: «какъ это прекрасно!»

Неро не иначе согласился сойти въ капитанскую каюту, какъ пославъ для предварительнаго осмотра трехъ изъ своихъ подданныхъ, которыми Морель показалъ блестящіе ружья и пистолеты своего арсенала. Дикари громче прежняго кричали *Ретъ стиллеръ.* Видъ зеркала подалъ поводъ къ явленію еще болѣе забавному. Сперва они испугались; потомъ, когда удостоверились, что зеркало отражаетъ собственные ихъ черты, они стали обнимать другъ друга, съ радостными восклицаніями и громкимъ хохотомъ. Эта веселость заставила Неро сойти въ каюту. Капитанъ для потѣхи подвергъ дикихъ разнымъ испытаніямъ, возродившимъ въ нихъ совершенно новыя впечатлѣнія. Такъ наприимѣръ, при видѣ пороховой вспышки на палубѣ всѣ они упали.

Морель поднесъ подарки Неро, который, чтобы отплатить тѣмъ же, послалъ на берегъ

за кокосами и фруктами для капитана; после чего пригласил гостей к себе на берег. Капитан поехал вместе с ним и посетил его казу, которая только величиною отличалась от прочих. Там они были на цыновках в кругу довольно милостивых женщин, и Неро угостил посетителей рыбкою и плодами. Морель поднес несколько подарков цариче, между прочим он дал ей ножницы, которым она чрезвычайно обрадовалась. Тогда только в первый раз Неро стал щупать платье своего гостя, чтобы удостовериться, действительно ли под платьем есть тело и кости; при этом излѣдованіи онъ нѣсколько разъ оказывалъ удивленіе, а по окончаніи, обратясь къ своимъ людямъ, произнесъ имъ длинную рѣчь, которую они слушали разинувъ рты и недвижно устремивъ на него глаза. Когда такимъ образомъ островитяне сдружились съ посетителями, мужчины и женщины стали дарить ихъ ожерельями изъ черепашки, шапками изъ перьевъ и цыновками, плетеными съ большимъ искусствомъ. Число бывшихъ тутъ островитянъ умножалось мало по малу; ихъ собралось до четырехъ сотъ человѣкъ кругомъ Американцевъ. Они пропѣли торжественный гимнъ, который казался выраженіемъ благодарности къ великодушному иностранцу; капитанъ отвѣчалъ на эту любезность дикихъ, подражалъ сколько могъ ихъ тѣлодвиженіямъ и кривляніямъ.

Морель объяснилъ дикому вождю, что онъ желаетъ осмотрѣть внутренность острова, и Неро охотно согласился на это. Немедленно пустились въ путь; Неро былъ проводникомъ; дикіе слѣдовали за нимъ прыгая и кривляясь. Морель въ самомъ началѣ этой прогулки замѣтилъ, что всѣ деревья были молоды, что доказывало недавнее образованіе острова. Въ центральной его части обратили на себя его вниманіе небольшія глыбы коралловъ, расположенныя правильными рядами, перемеженныя тропинками и обнесенныя частоколомъ. Неро объяснилъ капитану, что то были царскія гробницы, и что глыбы коралловъ суть надгробныя памятники знатныхъ людей. Тѣла простыхъ островитянъ бросались прямо въ море.

На S. W. берегу Морель замѣтилъ мѣсто, выгодное для рыбной ловли и для приготвленія тринанговъ, и тотчасъ же рѣшился перейти туда съ своимъ судномъ. Неро не только согласился на это, но даже обѣщалъ

ему содѣйствовать въ этой работѣ своимъ народомъ. Для вѣщаго удостовѣренія въ дружескомъ расположеніи, онъ послалъ на шхуну запасъ кокосовъ, банановъ и рыбы.

На другой день двадцать пять человѣкъ, съ топорами, были посланы, чтобы очистить нѣкоторое пространство на берегу противъ ихуны. Затѣмъ занялись постройкою сарая длиною въ 45 футовъ, шириною въ 14 и вышиною въ 35. Эти работы чрезвычайно нравились островитянамъ; они съ удивленіемъ смотрѣли на быстроту, съ которою Европейцы рубили деревья. Кроме того, Морель приказалъ очистить небольшой участокъ на берегу, посѣять тамъ полезныя сѣмена, и старался объяснить островитянамъ, какую пользу они могли получить отъ нихъ.

Во время этого человѣколюбиваго занятія къ нему подошелъ островитянинъ, взявъ его за руку съ выраженіемъ благодарности и далъ ему понять, что онъ постигаетъ его мысли. Физиономія островитянина выражала энергію и понятливость. Впоследствии узнали, что его звали Генненъ, и что онъ былъ частный вождь этого острова; Неро былъ могущественнѣе его, и царствовалъ надъ всею группою. Онъ находился тамъ по случаю объѣзда острововъ; обыкновенное же его мѣсто-пребываніе было на самомъ большомъ изъ острововъ, который лежалъ гораздо южнѣе. Когда посѣвъ окончился, Генненъ обвелъ это мѣсто палисадомъ. Неро былъ чрезвычайно доволенъ, узнавъ, что сдѣлали иностранцы для успѣховъ земледѣлія на его островѣ; онъ обратился къ своимъ и объяснилъ имъ благотельныя намѣренія капитана. Дикіе отвѣчали восклицаніями.

На слѣдующій день Морель съѣхалъ на берегъ съ двадцатью восемью человѣками. Онъ послалъ также оружейнаго мастера и кузнеца, чтобы продолжать начатыя работы. Островитяне охотно содѣйствовали; они работали надъ покрышею кровли кокосовыми листьями. Когда начались кузнечныя работы, дикіе, видѣвши это, пришли въ изумленіе. До того все шло прекрасно; наконецъ зрѣлище подобныхъ чудесъ внушило островитянамъ желаніе овладѣть инструментами, и снарядами, которыми онѣ производились. Сперва было совершено нѣсколько незначущихъ покражъ; потомъ, когда мастеръ отошелъ отъ кузницы, въ одну минуту было похищено все, что находилось на берегу. Впрочемъ лишь только Морель сказалъ объ этомъ

Неро, разгнѣванный вожь заставилъ виновныхъ возвратить всѣ похищенные вещи.

Затѣмъ капитанъ пригласилъ къ себѣ на корабль дикихъ вождей. Неро прибылъ, но Генненъ отказался; подѣ какимъ то предлогомъ. Послѣ угощенія, Морель съѣхалъ на берегъ, и узналъ, что покражи возобновились и что Генненъ очевидно въ нихъ участвовалъ. Онъ обратился вновь къ Неро, но въ этотъ разъ царь разгнѣвался уже не на воровъ, а на капитана, и объявилъ, что не хочетъ болѣе мѣшаться въ это дѣло; Генненъ отвѣчалъ также, когда къ нему обратились съ жалобою.

Морель рѣшился строгимъ примѣромъ прекратить злоумышленія. Онъ взялъ съ собою шесть хорошо вооруженныхъ матросовъ, и пошелъ съ ними въ селеніе Геннена, въ надеждѣ поймать здѣсь этого вожда, и заставить его волею или неволею возвратить украденныя вещи: но каково было его удивленіе, когда выйдя изъ кустовъ, онъ вдругъ увидѣлъ предъ собою двѣсти воиновъ съ луками и стрѣлами, и окрашенныхъ въ красную краску, что означало готовность ихъ къ бою; и оборотясь назадъ, увидѣлъ другой столь же многочисленный отрядъ дикихъ! Такимъ образомъ онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и находился во власти дикарей.

Но Морель тотчасъ рѣшился (здѣсь мы слѣдуемъ его повѣствованію, котораго не можемъ ни подтвердить, ни опровергнуть). Онъ съ двумя матросами пошелъ прямо къ Неро, настигъ его, и приставилъ ему пистолетъ въ лобъ, между тѣмъ какъ матросы держали обнаженные сабли надъ его головою. При видѣ опасности вожда, дикіе бросили свои луки, и позволили Морелю пройти до берега, вмѣстѣ съ царемъ, котораго онъ вводилъ въ плѣнъ; ихъ было однако 300 человекъ, противу шестерыхъ! Урокъ такъ подействовалъ, что дикіе принялись опять работать надъ кровлею. Неро съ своей стороны помирился съ капитаномъ, получилъ подарки, и казалось, совершенно позабылъ утреннее приключеніе.

На слѣдующій день, 28 Мая, двадцать человекъ съ *Аитарктика* подѣ начальствомъ Г. Валласа и Вилея продолжали работы сарая. Европейцы ласками ихъ, и подарками привязали къ себѣ вождей, которые, казалось, не думали уже о новыхъ нападеніяхъ. Свеженные на берегъ люди приготовляли трипанги.

До половины втораго часа все шло прекрасно; но въ это время раздался на берегу воинственный крикъ дикихъ. Морель на кораблѣ услышалъ это съ безпокойствомъ: онъ велѣлъ выстрѣлить изъ пушки ядромъ, и тѣмъ по крайней мѣрѣ предупредить людей своихъ, находившихся на берегу, объ угрожающей имъ опасности. Но было уже поздно; дикіе въ боевомъ порядкѣ отрезали имъ дорогу къ отступленію. Два Американца пали уже подѣ ихъ ударами; они убили стрѣлами еще троихъ, и переранили почти всѣхъ остальныхъ. Была поспѣшно послана шлюбка съ корабля, но въ то время какъ она приближалась, жертвы падали одинъ за другимъ на полѣ сраженія. Когда она пристала къ берегу, уже не стало четырнадцати изъ двадцати Американцевъ. Видѣ шлюбки одушевилъ тѣхъ, которые были еще на ногахъ: залпъ съ ихъ стороны и въ то же время залпъ со шлюбки открыли имъ дорогу. Семь человекъ достигли до шлюбки, которая немедленно отравилась обратно; куча байдаръ погналась за нею, но залпъ картечью съ *Аитарктика* прикрылъ отступленіе Американцевъ. Двѣ байдары разлетѣлись въ дребезги, остальные бѣжали. *Аитарктикъ* находился въ жалкомъ положеніи. На немъ оставалось всего одиннадцать человекъ, которые были въ состояніи сражаться, между тѣмъ море покрылось тысячами байдаръ стекавшихъ со всѣхъ сторонъ.

Вѣтеръ съ О. вывелъ Мореля изъ затрудненія. *Аитарктикъ* вышелъ въ море; Морель говоритъ, что бывъ удержанъ безвѣтріемъ въ виду острова, онъ самъ могъ видѣть въ подозрѣнную трубу, какъ людотѣды жарили, пожирали тѣла убитыхъ его товарищей, и раздѣляли между собою добычу. Какъ бы то ни было, онъ называлъ эти острова *островами Убійства*, и опредѣляетъ мѣсто, гдѣ онъ стоялъ на якорѣ, подѣ 4°. 50' ю. ш. и 153° 50' в. д. (что впрочемъ очевидно ложно). Онъ оставилъ на островѣ тѣла четырнадцати изъ своихъ товарищей, китоловное судно, бочки, много оружія, инструментовъ, и такелажа, желѣзную цѣпь и якорь. Возвратившись въ Маннилю, Морель снабдилъ свой корабль вещами, которыхъ не доставало, укомплектовалъ экипажъ шестюдесятью шестю туземными матросами, и вторично отправился къ островамъ Убійства, какъ для того чтобы узнать, не пайдетъ ли тамъ кого нибудь изъ матросовъ, такъ и для добытія

трипанговъ, которые здѣсь были лучше нежели гдѣ либо.

14 Сентября *Антрактикс* положилъ якорь у острововъ *Убийства*, напротивъ самаго селенія. Еще наканунѣ ввечеру островитяне узнали корабль, и со всѣхъ сторонъ сошлись, въ надеждѣ легко раздѣлаться съ нимъ, помня, что онъ былъ безоруженъ и не могъ сопротивляться. Этого-то и ждалъ Морель. Когда флотилія дикихъ, подъѣхавъ на выстрѣлъ, пустила тучу стрѣлъ, Морель отвѣчалъ залпомъ картечи изъ всѣхъ орудій, дикіе отступили въ изумленіи и въ ужасѣ; тогда Морель открылъ огонь по селенію, предъ которымъ стояла его шхуна; бамбуковыя казы разлетѣлись въ клочки отъ ядеръ и отъ картечи.

Однако жъ отъ берега отчалила небольшая байдара. На ней былъ раскрашенный человѣкъ. Онъ съ чрезвычайными усиліями гребъ нагаями; на шхунѣ пріостановили огонь. Когда байдара подъѣхала, и спросили кто гребетъ, раздался голосъ: «это я, старый Шау!» Пельзя себя представить радости всего экипажа. Всѣ съ участіемъ распрашивали стараго Шау о его приключеніяхъ. При разсказахъ претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, чувство мщенія возгорѣлось въ цѣломъ экипажѣ, и капитанъ съ трудомъ могъ укротить своихъ матросовъ.

На другой же день островитяне явились съ повинною головою; они изъявили раскаяніе, и обѣщали впередъ вести себя честно. Капитанъ вступилъ въ переговоры съ Генненомъ, чтобы получить въ свое владѣніе маленькій островокъ, на которомъ хотѣлъ поселить промышленниковъ для ловки трипанговъ; условія были заключены, и островъ купленъ за нѣкоторое количество пожей и другихъ вещей, переданныхъ Геннену. Шау служилъ переводчикомъ.

Островку было дано имя Валасть, и семьдесятъ человѣкъ туда съѣхали. Выбрали два огромные дерева, срубили ихъ на высотѣ сорока футовъ отъ земли, и построили площадку, на которой пятьдесятъ человѣкъ могли укрыться отъ непогоды и отъ дикихъ, втащили туда четыре фалконета и учредили постоянную стражу изъ шестнадцати лучшихъ матросовъ; для сообщеній съ этою воздушною крепостію служила веревочная лѣстница, которую всякій разъ поднимали на верхъ. Крепостца командовала берегомъ и моремъ; подъ ея прикрытіемъ восемьдесятъ человѣкъ ра-

ботали каждый день, чтобы очистить кругомъ пространство на 100 сажень, на которомъ построили сарай въ 140 футовъ длиною, 35 шириною и 23 вышиною, для приготовленія въ немъ трипанговъ. Нѣсколько дней сряду работы продолжались спокойно.

Но 19 числа, поутру, предъ островомъ показались пятьдесятъ байдаръ. Шау объявилъ, что онѣ были съ соседственныхъ острововъ, и что ихъ присутствіе подозрительно. Морель принялъ всѣ мѣры осторожности; онъ не послалъ на берегъ ни одного работника. Къ восьми часамъ показался на берегу Генненъ съ фруктами, какъ онъ каждый день дѣлалъ то, но ни одна байдара не выходила, чтобъ везти этотъ гостинецъ. Тогда вождь рѣшился отправиться самъ на островъ Валасть, чего онъ прежде не дѣлалъ. Въ то же время туда направились байдары со всѣхъ сторонъ, и на первый воинственный крикъ находившихся въ нихъ людей отвѣчали дѣсти человѣкъ дикихъ, которые почевали въ кустахъ на островѣ. При этомъ сигналѣ туча стрѣлъ полетѣла въ крепость, фалконеты отвѣчали такъ верно и такъ удачно, что дикіе тотчасъ обратились въ бѣгство, унося съ собою раненыхъ, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, многіе были ранены смертельно. Со стороны Американцевъ только два матроса нѣсколько потерпѣли.

На другой день, какъ будто ничего не было, Генненъ опять появился на берегу. Морель уже зналъ вѣроломство этихъ людей; онъ послалъ яликъ, но съ приказаніемъ стрѣлять при малѣйшемъ признакѣ измѣны. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Генненъ направилъ свой лукъ на человѣка, находившагося въ яликѣ, тотъ прицѣлился и положилъ его на мѣстѣ. Тогда флотилія байдаръ устремилась туда, и завязалось дѣло, которое было бы пагубнымъ для слабой шлюбки, если бы Морель не послалъ къ ней на помощь; байдары обратились въ бѣгство, взявъ съ собою раненаго вождя, который испустилъ духъ, не дотхавъ до берега.

Смерть Геннена поразила островитянъ; они оставили свой островъ и укрылись на другихъ островахъ этой группы. Американцы никого не нашли на берегу; но предъ домомъ Геннена увидѣли черепы пятерыхъ изъ своихъ товарищей, которые и предали земле.

Засимъ обратились опять къ работамъ,

которые продолжались целый мѣсяцъ, не смотря на частыя стычки.

Наконецъ, потерявъ надежду окончить свой трудъ, среди безпрестанно возобновляемыхъ нападений со стороны дикихъ, къ тому же нуждаясь отъ недостатка припасовъ, Морель рѣшился оставить эти острова съ двумястами пикулями тринайговъ въ 133 фунта каждый; сарай и крепость были сожжены, и 3 Нолбра *Аитарктикъ* вступилъ подъ паруса и направился къ востоку; на другой день онъ находился недалеко отъ сѣвернаго берега острова Бука, жители котораго всею казались подобными жителямъ острововъ *Убийства*, съ тою только разницею, что ихъ байдары были больше и быстрее на ходу, вмѣщая въ себя отъ 16 до 45 человекъ.

Взаключеніе извѣстій объ этой экспедиціи Мореля, намъ остается сказать о заключеніяхъ матроса Шау: причѣмъ мы должны нѣсколько смягчить его преувеличенный рассказъ.

Шау бѣжалъ въ лѣсъ, въ то время какъ товарищи его падали подъ ударами дикихъ, за нимъ погнались, уже догнали его, когда онъ вздумалъ прислониться къ дереву и тотомъ прицѣлится будто изъ ружья, въ того, кто ближе къ нему наступалъ. Это заставило островитянина бѣжать, и Шау пошелъ далѣе въ лѣсъ. Ночью онъ добрался ползкомъ до морскаго берега; но каково было его положеніе, когда онъ увидѣлъ, что корабля уже не было. Первою его мыслию было идти самому и отдаться въ руки островитянъ; пришедши къ ихъ каземъ, онъ увидѣлъ, какъ они лакомялись трупами его товарищей. Еще сохраняя присутствіе духа, онъ убѣжалъ опять въ лѣсъ, гдѣ жилъ двѣ недѣли, питался ракушками, и много терпѣлъ отъ дождливой погоды.

Наконецъ онъ былъ замѣченъ однимъ изъ островитянъ, который далъ объ этомъ знать своимъ. Прибѣжали и схватили несчастнаго Американца; онъ упалъ на колѣна, прося помилованія и простѣрая руки къ любѣдѣмъ. Однимъ изъ вождей уже, казалось, сжалился надъ нимъ, когда другой изъ присутствовавшихъ ударилъ его булавою по головѣ; Шау лишился чувствъ. Нѣсколько часовъ спустя онъ опамался съ разбитымъ черепомъ. Онъ обратился къ одному изъ вождей, и знакомъ предложилъ ему свои услуги; на этомъ условіи ему была дарована жизнь. Господниъ

его взялся лечить его рану, и тотчасъ же наполнилъ въ нее горячѣй воды; затѣмъ онъ наполнилъ рану золою, и оставилъ больного въ покоѣ.

По выздоровленіи своемъ, Шау долженъ былъ работать для своего господина, который заставилъ его дѣлать небольшіе пожны изъ желѣза, добытаго изъ Американской кузницы; въ продолженіе этой работы его мучили дикаренки, которымъ онъ служилъ задовою. Когда онъ окончилъ работу, его отвезли на другой островъ, гдѣ было мѣстопробываніе царя этой группы; что бы сойти на берегъ, Шау долженъ былъ приходиться по острымъ коралламъ, и предсталъ къ царю съ окровавленными ногами; онъ распростерся предъ нимъ и цѣловалъ ему руки и ноги, послѣ чего царь приказалъ его отвести во дворъ. Несчастный Американецъ не могъ держаться на ногахъ; его повезли на байдарѣ. Кромѣ мучений, претерпѣваемыхъ отъ дикихъ, онъ долженъ еще былъ терпѣть отъ ихъ дѣтей, они щипали у него бороду, пока ему удалось кое-какъ обрѣчься острыми ракушками. Онъ терпѣлъ еще другое мученіе, и самое жестокое, голодъ; онъ бы умеръ, если бы не ловилъ крысъ, но эту ловню должно было производить тайкомъ, потому что крысы служили лакомствомъ для вождей.

Шау пережилъ впрочемъ все эти страданія; онъ мало по малу вынулъ золу, насыпанную въ его рану, и вымылся. Но его ожидали другія испытанія: за восемь дней до вторичнаго появленія *Аитарктика*, его бы изжарили и съѣли, если бы царь прѣтхалъ во время въ назначенное для жертвоприношеній мѣсто. Жертва была уже готова къ закланію; Шау повели въ то самое мѣсто, гдѣ были съѣдены его товарищи; онъ былъ связанъ и булава уже была поднята надъ его головою; но царь не прѣтхалъ, и убійство было отложено до другаго дня.

Лишь только показался *Аитарктикъ*, дикіе прибѣжали къ Шау; онъ сперва хотѣлъ ихъ увѣрить, что это другое судно, но они его узнали; было бесполезно разувѣрять ихъ. Настала ночь, ужасная ночь для бѣднаго Американца. На утро началось нападеніе байдаръ на корабль, и пальба съ корабля. Тогда дикіе въ перепугъ обратились къ Шау, прося его, чтобы онъ сдѣлалъ ихъ парламентеромъ. Шау сперва уклонился отъ этого, боясь, нѣтъ ли злаго умысла; онъ сказалъ, что ни за что не покинетъ дикихъ и добраго сво-

его господина. Дикіе полагаясь на эти увѣренія, еще болѣе просили его отправиться на шхуну, и такимъ образомъ были спасены.

Вотъ приключенія Шау; представимъ теперь, по разсказу его и Мореля, нѣсколько этнологическихъ извѣстій объ островахъ Убийства. Жители здѣсь вообще ростомъ велики, хорошо сложены, здоровы и ловки. Ихъ кожа гладка и мягка на осязаніе и нѣсколько свѣтлѣе, нежели у Мальгашей. Волосы нѣсколько курчавы, но мягки и шелковисты; они имѣютъ глаза большіе, черные и блестящіе, лобъ выпуклый, носъ правильный, губы посредственные, зубы бѣлые и правильные. Если радость и удовольствіе не оживляютъ ихъ фیزیономіи, она имѣетъ выраженіе свирѣпства и дерзости. Татуировка, которою покрыто ихъ тѣло, еще болѣе увеличиваетъ это дикое выраженіе. Женщины также велики ростомъ, черны, хорошо сложены, лица ихъ круглы; вообще они нѣсколько походятъ на мулатокъ картеронокъ.

Мужчины и женщины не носятъ другой одежды кромѣ передниковъ, плетеныхъ изъ волоконъ кокосоваго дерева; но чаще они ходятъ безъ всякой одежды, только съ украшеніями, перьями, раковинами, костями, рыбьими зубами, которые носятъ на носу, на шеѣ, ушахъ, рукахъ, на поясицѣ, ладвѣхъ и ногахъ. Вожди отличаются перевязью изъ красныхъ перьевъ на лбу. Гирлянды изъ перьевъ служатъ также весьма щегольскимъ украшеніемъ по обѣимъ сторонамъ поясицы.

Оружіе дикихъ состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ, булавахъ и палицахъ. Луки длиною въ семь футовъ дѣлаются изъ кокосоваго дерева; они легки, крѣпки и весьма упруги. Изъ коры того же дерева дѣлается тетива, а стрѣлы изъ весьма длинныхъ камышей, которые растутъ на одномъ изъ острововъ этой группы. Они длиною въ пять футовъ, и оканчиваются остріемъ изъ крѣпкаго дерева. Копья длиною въ пятнадцать футовъ, дѣлаются изъ того же дерева, какъ и луки; съ обѣихъ концовъ имѣютъ острія, и притомъ полированы, и посреди покрыты весьма красивыми узорами. Изъ того же дерева дѣлаются и палицы длиною въ четыре фута; одинъ изъ концовъ ихъ бываетъ плоскій и острый по обѣимъ сторонамъ; другой конецъ, который служитъ рукоятію, округленъ; верхъ его представляетъ фигуру человѣческой головы. Ихъ топоры длиною въ восемь дюймовъ;

одинъ конецъ служитъ рукоятію; другой, толщиною въ кокосовый орѣхъ, представляетъ изображеніе вонна, татуированнаго и готоваго къ сраженію.

Байдары островитянъ изъ весьма легкаго дерева, цѣльнаго, крѣпкаго, и выдолбленнаго внутри; они имѣютъ до двадцати футовъ въ длину, двѣнадцать въ ширину и два въ глубину. Пагеп дѣлаются изъ такого же дерева, какъ и оружіе, длиною въ четыре фута; лопатка не шире шести дюймовъ.

Всѣ эти острова повиновались одному вождю, самодержцу группы; великій изъ нихъ кромѣ того имѣлъ своего вождя съ другими вождями, ему подчиненными. Шау не могъ открыть между ними ни какихъ слѣдовъ религіи, ни какого признака вѣрованія въ высшее существо. Вожди позволяли себѣ многоженство, но большая часть народа довольствовалась одною женою. Женщины казались глупыми и скромными, можетъ быть, столько же изъ добродѣтели, сколько изъ боязни, потому что мужья безжалостно ихъ убивали при первомъ подозрѣніи въ нечѣстности. Шау показалось, что кромѣ вождей, всѣ убивали своихъ дѣтей. Казы строятся весьма просто: это бамбуковыя кѣтки, съ кровлею изъ кокосовыхъ листьевъ.

ГЛАВА XXI.

Новая Ирландія. — Новая Британія и соподственные острова.

Пендлтонъ зашелъ въ заливъ Картерета для того только, что бы налиться водою и запастись дровами. Во всякомъ другомъ отношеніи было бы совершенно бесполезно заходить сюда, потому что во всей Океаніи нѣтъ острова бѣднѣе всѣмъ, что нужно кораблю. *Кокосовый островъ* обманываетъ своимъ названіемъ; на немъ нѣтъ ни одного кокоса, ни какихъ плодовъ, ничего съѣстнаго. Даже рыбная ловля здѣсь бѣдна и трудна, потому что коралловый грунтъ рветъ сѣти. Оставалось только охотиться на голубей и лорій, которыхъ много во внутренней части острова, на вершинахъ весьма высокыхъ деревьевъ. Къ тому же вдоль всего берега Картерстова залива поднимается стѣна утесовъ, отчего весьма трудно приставать къ нимъ; едва только можно прошикнуть на разстояніе полумили вънутрь ост-

рова, со стороны источника, идя вдоль его теченія.

Постытивъ эту неблагодарную почву, я разстался съ гаванью Картерета. Портъ-Праленъ, казалось, обѣщаль пріятѣйшія мѣста, и я проговаривалъ уже объ этомъ Пендл-тону. «Будьте спокойны, мы поѣдемъ вмѣстѣ», отвѣчалъ мнѣ добрый капитанъ; «я самъ имѣю намѣреніе съѣздить туда.»

Мы дѣйствительно отправились туда на слѣдующій день, и пользуясь прекраснымъ вѣтромъ, вышли на берегъ въ 8 часовъ утра на зап. оконечности небольшого острова Ламбома (который Бугенвилемъ названъ *île au Marteau*). Умѣренно позавтракавъ въ тѣни калофиллума (*Calophyllum*), широко развѣсившаго свои вѣтви надъ моремъ, мы стали искать на отмеляхъ тѣхъ драгоцѣнныхъ раковинъ, которыя сообщили ему его Французское названіе. Во время этихъ тщетныхъ поисковъ, одинъ изъ нашихъ матросовъ былъ ужаленъ какимъ то животнымъ, котораго онъ не могъ найти. Рана весьма скоро загноилась, и продолженіе нѣсколькихъ дней онъ страдалъ ужасно. Впослѣдствіи одна-кожъ боль утихла.

За проливомъ, отдѣляющимъ Ламбому отъ зеленаго островка Латао, мы вышли къ западной оконечности порта Пралена, и оглябляя ее, услышали крикъ: «Байдары дикихъ!» Я взглянулъ и увидѣлъ большое судно, въ глубинѣ залива, свѣсившее на мель; вокругъ него суетились нѣсколько туземцевъ.

Мы приготовились къ оборонѣ, хотя надеялись, что останемся съ дикарями въ миролюбивыхъ отношеніяхъ, потому что объ этихъ островитянахъ прежде не слышно было ничего худаго: экипажъ *Риковины* жилъ съ ними весьма дружно: ожиданія наши не были обмануты. Эти люди доверчиво и ласково подошли къ намъ; даже оружіе наше, казалось, не внушало имъ ни какихъ опасеній.

Отдавъ приказанія, которыя требовались благоразуміемъ, Пендлстонъ вышелъ съ двумя людьми на берегъ. Я послѣдовалъ за нимъ. Мы знаками дали понять островитянамъ, что хотимъ видѣть водопадъ. Двое изъ нихъ вызвались быть нашими провожатыми. Водопадъ находится только въ 5 минутахъ ходьбы отъ берега, и потому мы скоро дошли до него. (Рис. XXXIV. ф. 2.). Бугенвилъ преувеличилъ важность этого водопада. Это просто довольно широкій потокъ, низвергающійся съ мадрепорической скалы выши-

ною въ 40 или 50 футовъ. Выступы и впадины утеса производятъ множество небольшихъ каскадцевъ и бассейновъ, которые разнообразятъ игру воды и придаютъ зрѣлищу видъ необыкновенно живой и ослѣпительный, особенно когда солнце облекаетъ бѣлую массу водъ въ переливы радужныхъ цвѣтовъ. Фонтаны Версаля и Сен-Клу могутъ дать объ этомъ водопадѣ довольно точное понятіе. Вѣроятно, Бугенвилъ видѣлъ его въ дождливое время, когда количество его воды значительно увеличивается.

Внутренность порта Пралена очень различается отъ гавани Картерета, и представляетъ на болотистой равнинѣ множество величественныхъ и богатыхъ зеленыхъ деревьевъ. Климатъ, то жаркій, то сырой, способствуетъ сильной растительности. Инокарпусъ достигаетъ здѣсь необычайной вышины; стволъ его раздѣляется на тонкія колѣнца, иногда до 5 или 6 футовъ отъ средней его толщины. Отъ этого вокругъ главнаго ствола образуется какъ бы родъ небольшихъ келесекъ. Здѣсь встрѣчается тоже родъ арековаго дерева съ гибкимъ стеблемъ, множество цикасовъ, пандановъ, каріотасовъ и пр. Плющи, раскиданные по всему лѣсу, украшаютъ его живыми фестонами.

Птицы предпочитаютъ портъ Праленъ, гавани Картеретовой. Здѣсь раздаются жалобныя воркованія разнаго рода дикихъ голубей; крикъ попугаевъ, лоріи, кукушекъ, зимородковъ, дронговъ, ласточекъ мушеловокъ, и маленькихъ сунманговъ; всѣ онѣ болѣе или менѣе замѣчательны яркостію перьевъ и видомъ; наиболѣе же отличается родъ ворона, крикъ котораго до того походитъ на лай собаки, что можно легко обмануться. Прекраснѣйшія бабочки порхаютъ по огромнымъ стеблямъ вьющихся растений: красивѣе всѣхъ блестящій пріамъ, бабочка, которая на лету походитъ на маленькую птичку; тератъ, порхающая по низкимъ растеніямъ; трикондилъ; медленно ползающая по корнямъ баррингтоній и калофиллумовъ. Голосъ стрекозы слышывается съ пѣніемъ птицъ. Фазмы покрываютъ стебли нѣкоторыхъ растений, а огромные муравьи напоминаютъ о себѣ болѣе ужаливая. Морской прыгунъ (Коммерсона) выходитъ на берегъ; эта странная амфибія выскакиваетъ изъ воды подобно лягушкѣ; иногда даже взбирается на вѣтви растений и при первомъ шумѣ снова бросается въ море.

Постранствовавъ цѣлый часъ, мы возвратились къ берегу, гдѣ все шло весьма хорошо. Наши люди вымѣняли нѣсколько оружія и браслетовъ на гвозди и другія бездѣлки. Дикіе уступили намъ рыбу, которую ловили посредствомъ острыхъ вилъ. Эти островитяне были вообще небольшого роста, слабы; лица ихъ непріятны; они все въ ялы и хилы. Цвѣтъ тѣла ихъ разнообразенъ до крайности. Большая часть очевидно принадлежала къ Меланезійскому племени; но остальные казались не столь темнаго цвѣта. Одинъ изъ нихъ по сложенію и цвѣту нѣсколько не отличался отъ Полинезійцевъ. Все ходили нагѣ съ нанудренными и разнообразно украшенными волосами: они носили браслеты изъ раковинъ и другія украшенія изъ чешуи и дерева. Наружность ихъ была скорѣе робкая, нежели свирѣпая. Они приняли насъ ласково и даже предложили намъ таро и амесъ, не требуя вознагражденія; когда мы стали навѣдываться о ихъ жилищахъ, то на лицахъ выразилась какая то недовѣрчивость. Одинъ изъ нихъ, менѣе скрытный, уже произнесъ слова: *Лики-лики* указывая на другую сторону острова, но онъ былъ остановленъ товарищами, которые не допустили его продолжать своихъ объясненій. Они, казалось, вовсе не хотѣли познакомиться насъ съ своими жилищами, и мы не настаивая болѣе, показали имъ только мѣсто, гдѣ находился корабль и приглашали доставлять намъ съѣстные припасы. Дикари отвѣчали знаками: что боясь непріятелей, не могутъ отважиться на столь дальній путь.

Мы вышли около полудня изъ порта Пралена и чрезъ нѣсколько времени пристали къ порту Англичанъ, отличившейся гавани, гдѣ безопасно могутъ становиться на якорь самые большіе корабли. Въ этотъ заливъ впадаетъ прекрасная рѣка; нѣсколько пустыхъ палашей на берегу, доказываютъ, что туземцы иногда посѣщаютъ его. По ту сторону порта Англичанъ, плывя противу теченія, мы были принуждены употребить весла, пока не соединились со шхуною. Каждые полчаса стрѣляли съ корабля во время нашего отсутствія.

На слѣдующій день эти выстрѣлы привлекли къ намъ посѣтителей на двухъ байдаркахъ; на одномъ было пятеро, на другомъ семеро дикихъ. Эти люди казались еще безобразнѣе жителей порта Пралена (Рис. XXXV. ф. 1.); они были жалки, наги и

столь же недовѣрчивы; ни одинъ не соглашался взойти на корабль и указать намъ свое жилище. Съѣстные припасы, ими привезенные, состояли изъ дурныхъ корней таро, сырыхъ или полусваренныхъ. Байдары ихъ были легки и весьма красивы (Рис. XXXV. 2). Островитяне, спокойно постоявъ часъ или два близъ корабля, отплыли и пристали къ берегу на другой сторонѣ залива. Желая набрать нѣсколько раковинъ, я еще разъ передъ отъѣздомъ посѣтилъ Кокосовый островъ. Я не встрѣтилъ тамъ ни одного дикаго, но за то, обогнувъ сѣверную оконечность, вдругъ наткнулся на огромнаго каймана, съ выкатившимися глазами и чешуйчатою кожею (Рис. XXXVI. ф. 1.). Не привыкнувъ къ подобнымъ встрѣчамъ, я уже хотѣлъ воротиться; но животное было еще боязливѣе меня: оно кинулось въ море и скрылось въ волнахъ. Эти пресмыкающія обжились въ Новой Ирландіи; весьма вѣроятно, что отсюда переселяясь съ одного острова на другой, они такимъ образомъ достигли архипелага Вити.

9 Июля *Океанія* снова снялась съ якоря. При противномъ теченіи и вѣтрѣ, мы прошли въ нѣсколькихъ тузахъ отъ сѣв. оконечности Кокосоваго острова; потомъ вышли въ море и направились на Н. Н. О., вдоль канала Св. Георгія. Однообразный берегъ Новой Ирландіи на всемъ протяженіи своемъ представляетъ длинную и высокую цѣпь горъ, поросшихъ непроходимыми лѣсами. Земли Новой Британіи, показывающіяся въ 7 или 8 лигахъ, кажется, обѣщаютъ разнообразнѣйшую и плодороднѣйшую природу; особенно же болѣе населенную, судя по дыму который поднимался надъ этими мѣстами. Когда мы приблизились къ острову Амакатъ (Юрку Картерета), семь или восемь байдаръ, съ семью или осьюю туземцами на каждой, подошли къ намъ. Они спокойно промѣняли свою утварь и плоды на разныя бездѣлки, особливо же на желѣзные вещи, которыя цѣнили выше всего. Люди послѣдней байдары, получившіе топоръ, были столь обрадованы этимъ пріобрѣтеніемъ, что не пуская веселые крики, поспѣшно удалились, какъ будто опасаясь, чтобы мы не отказались отъ этой мѣны. Эти островитяне похожи на жителей гавани Картеретовой, но сильнѣе ихъ и не столь покрыты проказой.

На слѣдующій день *Океанія* была еще въ семи или восьми лигахъ отъ береговъ Новой

Ирландіи, Амакаты и Новой Британіи. Мы замѣтили на послѣдней три горы, которымъ Картеретъ далъ названіе *Матери и двухъ дочерей*.

Коническая форма, голые скаты и положеніе первой, на низменной почвѣ, обнаруживаютъ вулканическое ея происхожденіе.

Тихая и жаркая погода нѣсколько дней задержала насъ въ этихъ странахъ. Море было гладко, какъ поверхность самаго закрытаго бассейна. Это обстоятельство объясняется очертаніемъ здѣшнихъ береговъ. Длинная и узкая полоса земли, составляющей Новую Ирландію, защищала насъ отъ в. зыби, а Новая Британія прикрывала насъ съ ю., наконецъ ю. в. вѣтеръ увлекъ шхуну, которая оставила въ нѣсколькихъ шагахъ за собою небольшіе Портландскіе острова, и 13 числа была уже въ виду острововъ Адмиралтейства (Рис. XXXVI. ф. 2.).

Прежде всѣхъ открылся островъ Венда, имѣющій видъ круглаго холма. Возвышенныя мѣста, кажется, назначены для воздѣлыванія питательныхъ растений, а берега представляютъ амфитеатръ жилищъ. Издали эти жилища кажутся многочисленными, просторными и красивыми. Дикари, сотнями сбѣжавшись на берегъ, всевозможными знаками приглашали насъ къ высадкѣ. Они кричали, махали вѣтвями, показывали намъ кокосы и другіе плоды, и бѣжали по берегу вслѣдъ за кораблемъ. Въ самомъ дѣлѣ, они въ одно время съ нами достигли западной стороны.

Тогда мы спустили китоловную лодку. Однако же не смотря на желаніе Пендълтона выйти, сильный бурунъ принудилъ насъ остановиться на пол-кабельтова отъ берега. Островитяне, видя, что мы не могли быть у нихъ, сами отправились къ намъ, одни вплавъ, другіе переходя по отмелимъ. Всѣ имѣли видъ кроткій и пріятный. Они тотчасъ промѣнили свое оружіе, украшенія и плоды на разныя бездѣлки, но подобно жителямъ Новой Ирландіи, всему предпочитали желѣзо, и показывали, что знаютъ его употребленіе и цѣну.

Нѣкоторыя выходки убѣдили насъ, что между ими существуетъ какая-то гражданская іерархія.

Одинъ изъ начальниковъ даже въ нашемъ присутствіи выразилъ довольно странно права свои. Въ то время, какъ дикіе смотрѣли на насъ съ рифа, не отвѣчиваясь ни да-

же, одинъ островитянинъ, отличившійся отъ прочихъ вѣнцемъ, составленнымъ изъ двухъ рядовъ раковинъ, приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ доставить на корабль нѣсколько кокосовъ, взаменъ которыхъ мы предлагали ножъ. Дикій оробѣлъ и не рѣшался. Тогда начальникъ, не привыкшій къ подобному послушанію, далъ ему по брюху нѣсколько палочныхъ ударовъ, такъ сильно, что несчастный рѣшился исполнить приказаніе. Чтобы вознаградить его за столь худое обращеніе, мы, кромѣ ножа, подарили ему лоскутъ красной ткани и нѣсколько гвоздей, чему онъ чрезвычайно обрадовался. Эта щедрость приобрѣла намъ благосклонность всего народа; наша лодка вскорѣ была окружена островитянами.

Ихъ миролюбивыя наклонности не измѣнились; но нѣкоторыя попытки къ кражѣ, заставили насъ быть гораздо внимательнѣе и осторожнѣе. Первоначальныя покражи ихъ остались безъ наказанія, и потому они пустились воровать наперерывъ другъ передъ другомъ. Не успѣвъ похитить одну вещь, они хватились за другую. Одинъ изъ нихъ укралъ было ножъ, который отъ него отняли; но чрезъ минуту пропалъ съ лодки коверъ, и когда замѣтили эту потерю, воръ былъ уже далеко. Не желая окончить наказаніями день, начатый столь мирно, мы возвратились на корабль.

Хотя эти островитяне курчавы, но кожа ихъ не очень черна; фizioномія ихъ пріятна и черты не весьма отличаются отъ Европейскихъ. Они неоспорно составляютъ красивѣйшее племя изъ всей Меланезійской породы. Плодоносная почва и довольство сохраняютъ ихъ здоровье. Мужчины ходятъ совершенно нагіе и закрываютъ среднія части тѣла бѣлыми раковинами; извѣстными подъ именемъ лицъ Леды. Женщины кругомъ пояса носятъ плетенки. Безъ всякаго сомнѣнія, они негреблютъ себѣ бороду посредствомъ острыхъ обсеидіановъ, потому что дѣлали знакъ одному изъ нашихъ матросовъ, чтобъ онъ обрѣзалъ себѣ усы такимъ камнемъ.

Палка, по видимому, составляетъ самое употребительное убѣжденіе здѣшнихъ начальниковъ; мы уже сказали, какъ одинъ изъ нихъ на рифѣ заставлялъ повиноваться своего подчиненнаго. Еще повторилось нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Впрочемъ, эти дикіе обращались съ нами весьма дружелюбно.

Во время нашего отъезда они казались очень опечаленными и упрашивали насъ сойти на островъ: самыя женщины, которыя дотолъ стояли въ сторонѣ, подъ стѣною прибрежныхъ кокосовъ, подошли вмѣстѣ съ мужчинами и стали умолять насъ съѣхать. Онѣ, казалось, были чрезвычайно оскорблены нашимъ равнодушіемъ къ ихъ просьбамъ.

Въ тотъ же вечеръ *Океанія* обогнула небольшіе острова *Лосъ Реіесъ* (*Los Reyes*), и на другой день была у сѣвернаго берега большого острова Адмиралтейства, который составляетъ гористую и довольно возвышенную землю, но окруженную низкими, приятными и зеленѣющими островками. Скоро цѣлая флотилія байдаръ, по семи и девяти человекъ въ каждой, двинулась къ намъ. Каждую лодкой предводительствовалъ, по видимому, старшина, управлявшій движениемъ съ высоты площадки. Эта флотилія остановилась во ста туазахъ отъ корабля, и главный начальникъ произнесъ непонятную для насъ рѣчь, но по знакамъ его мы догадались, что онъ приглашалъ насъ сойти на берегъ. Видя, что мы не трогались съ мѣста, дикіе рѣшились подойти къ *Океаніи* и начали торгъ такимъ же точно образомъ, какъ производили его жители Вендолы. Однако же они болѣе ихъ уважали права собственности. Они принадлежали къ той же породѣ, казалось, имѣли тѣ же привычки, также обращались съ подчиненными и также, въ случаѣ непослушанія, употребляли палку.

Этимъ дикимъ извѣстно было употребленіе бегеля и парека. У многихъ между поздрей былъ проколотъ хрящъ для подвѣски, изъ двухъ зубовъ; вдвое превосходившихъ величиною обыкновенныхъ. На рукахъ у нихъ были браслеты изъ раковинъ, а въ нижнюю часть ушей они продѣвали эластическіе обручи, которые чрезвычайно расширяли это отверстіе. Ихъ черные и курчавые волосы выкрашены красною охрою, распущенною въ маслѣ, а у иныхъ, сверхъ того, подняты кверху и связаны тесьмою изъ древесной коры. Темночерная кожа у многихъ натерта красною краской. Байдары ихъ, сдѣланныя изъ выдолбленнаго дерева и обшитыя досками, не велики, но красивы и снабжены рычагами для равновѣсія. Они ходки и весьма быстры, какъ на парусахъ, такъ и на веслахъ. О. S. O. вѣтеръ поднялся, и Пендльтонъ возвратился, выбравшись изъ этихъ острововъ

до наступленія ночи. Въ самомъ дѣлѣ, при закатѣ солнца, мы прошли очень близко отъ послѣднихъ подводныхъ камней, которыми оканчиваются острова къ W. Вышедъ изъ тѣнины, мы направили путь къ Новой Гвинее.

Оставленные нами острова, долгое время почитались продолженіемъ и отраслями Новой Гвинеи. Тасманъ и Шутенъ, отличнѣйшіе мореплаватели XVII вѣка, имѣли объ нихъ сбивчивое понятіе. Англичанинъ Дэмпиръ (*Dampier*) первый исправилъ эти ложныя свѣдѣнія, пройдя въ 1700 году проливъ, отдѣляющій Новую Гвинеею отъ Новой Британніи, которому далъ свое имя. Въ 1767 году, Картеретъ, открытіемъ канала Св. Георгія, сдѣлалъ новый шагъ въ Географію. Такимъ образомъ одну землю почитали тремя особенными странами. Д'Антрекасто и Дюрвиль, подробнѣйшими и точнѣйшими изслѣдованіями, не жели ихъ предшественники, составили наконецъ опредѣлительныя очертанія этихъ земель.

Новая Британія. Земля эта не была постьцаема съ самаго времени ея открытія Дэмпиромъ въ 1700 г. Онъ началъ свое изслѣдованіе съ мыса Орфорта, пропелъ часть берега, и 14 Марта бросилъ якорь въ довольно глубокой бухтѣ, образованной изъ нѣсколькихъ островковъ. Онъ назвалъ ее портомъ Монтаю. Около сорока человекъ прибыло въ шести байдарахъ осмотрѣть корабль; стоявшій въ 4 или 5 миляхъ въ открытомъ морѣ. Дэмпиръ подалъ знакъ дикимъ возвратиться, но какъ его не послушали, то онъ выстрѣлилъ изъ ружья надъ ихъ головами; это убѣдило островитянъ поспѣшно возвратиться на берегъ. Тамъ повстрѣчали они три другія байдары, изъ коихъ на самой большой было до 40 человекъ. Чувствуя себя довольно сильными, дикіе возвратились къ кораблю, который удерживало безвѣтріе; еще одна большая байдара, замѣчательная по своей высотѣ и полная народа, приближалась съ другой стороны. Очевидно что то было, бдущее нападеніе. Дэмпиръ, чтобъ разрушить намѣреніе дикарей, приказалъ выстрѣлить картечью въ два самыя большія суда. Шумъ и картечь вселили такой ужасъ въ дикихъ, что вся армада ихъ разстѣлась. Байдары были вытѣщены на берегъ, а экипажи разошлись по шаламамъ. Дэмпиръ не ограничился этимъ изъясненіемъ своей силы; онъ вошелъ въ бухту, вы-

стрѣлилъ по селенію и наконецъ сталъ на якорь близъ устья рѣчки, въ которой намѣревался заpastись водою.

Слѣдующіе дни были посвящены этому занятію. Когда уже кончилась работа, замѣтили, что туземцы имѣютъ множество свиней, ямса и другихъ корневеъ, удобныхъ для пищи. Дѣмпиръ пытался добыть нѣсколько такихъ припасовъ посредствомъ мѣны; но островитяне вмѣсто того любовались только, глядя на ножи и топоры, которые имъ предлагали. Съ трудомъ и съ большими предосторожностями и недоверчивостію уступили они Англичанамъ нѣсколько кокосовъ. Ихъ недоброжелательство дошло до того, что они снiali съ кокосовыхъ деревъ, растущихъ на берегу, все орѣхи и угнали свиней, чтобы ничто не досталось въ руки чужеземцевъ.

Въ такомъ положеніи дѣла оставались нѣсколько дней. Англичане запасались водою и дровами, не заботясь о подозрѣніяхъ островитянъ и не навязываясь на сношенія, которыхъ они, по видимому, избегали. Но къ концу стоянки на этихъ островахъ, была сыграна шутка, достойная разбойниковъ.

Дѣмпиръ, столь замѣчательный какъ торговый мореходецъ, какъ естественныиспытатель и наблюдатель, никогда не умѣлъ поддерживать у себя строгой дисциплины, которая всегда должна господствовать на казенномъ суднѣ. Въ настоящемъ случаѣ экипажъ былъ сильнѣе капитана, и въ противность его приказаній совершилъ дѣло, достойное пиратовъ. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Дѣмпиръ: «На другой день утромъ (19 Марта) я взялъ двѣ шлюбки, чтобы ѣхать къ пристани и увидѣть, можно ли посредствомъ бездѣлокъ и желѣзныхъ орудій нашихъ, склонить жителей къ какой либо мѣнѣ; но я нашелъ ихъ исполненными страха и коварства. Я видѣлъ только одного мальчика и двухъ взрослыхъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, убѣжденный нашими знаками, приблизился къ шлюбкѣ. Я далъ ему ножъ, ожерелье и стеклянку. Тогда онъ началъ кричать: «*кокосъ! кокосъ!*» и указалъ намъ на соседнее селеніе, какъ будто бы хотѣлъ идти туда за этими орѣхами; однако жъ не пошелъ. Какъ бы то ни было, я отправился самъ къ ихъ жилищамъ сопровожденіемъ осьми или девяти моихъ людей, и нашелъ ихъ столь бѣдными, что двери въ нихъ держались только на простомъ тростникѣ. Я обошелъ три се-

ленія, оставленные жителями, которые угнали съ собою всехъ свиней. Я взялъ въ нихъ нѣсколько малыхъ неводовъ, дабы вознаградить себя за то, что жители получили отъ насъ. На возвратномъ пути мы встрѣтили двухъ туземцевъ. Я показалъ имъ то, что мы унесли, и въ то же время кричалъ: «*кокосъ! кокосъ!*» чтобы чрезъ то дать имъ почувствовать, что я унесъ это, потому что они не сдержали обѣщанія своего, сдѣланнаго знаками и повтореніемъ слова: «*кокосъ.*» Во время этой прогулки, наши люди наполнили водою двѣ бочки и нѣсколько боченковъ. Мы возвратились на корабль около часу по полудни, и я нашелъ, что все офицеры и матросы чрезвычайно желали отправиться въ бухту, гдѣ, какъ говорили, находились свиньи. Мнѣ очень не хотѣлось на это согласиться, опасаясь, что они слишкомъ круто обойдутся съ туземцами. Въ два часа поднялось множество черныхъ тучъ надъ берегомъ, и я надѣялся, что это отвратитъ ихъ отъ ихъ намѣренія; но они просили меня такъ убѣдительно, что я былъ принужденъ согласиться. Я далъ имъ разныя бездѣлки, которые утромъ бралъ съ собою, и болѣе всего совѣтовалъ употребить снисходительныя мѣры и поступать съ осторожностью, для собственной своей безопасности. Бухта, куда они отправились, была на разстояніи около двухъ миль отъ корабля. Едва они уѣхали, я приказалъ привести все въ состояніе подать имъ помощь, въ случаѣ нужды, и защищать ихъ моею тяжелою артилеріею. Когда они готовились пристать къ берегу, жители толпою явились, что бы не допустить ихъ высадиться; они махали копьями и старались угрожать имъ; между ними были даже смѣльчаки, которые вошли въ воду, вооруженные щитами и копьями. Напрасно люди мои предлагали имъ вещицы, которыхъ имѣли съ собою и подавали имъ дружескіе знаки; это не послужило ни чему: они никакъ не могли склонить ихъ къ вольному и честному торгѣ. Рѣшась однако достать припасовъ, они сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, чтобы испугать ихъ. Это удалось въ отношеніи къ толпѣ; ибо она тотчасъ разбѣжалась, исключая двухъ или трехъ, которые продолжали оставаться въ угрожающемъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока смѣлѣйшій изъ нихъ не бросилъ щита и не обратился въ бѣгство. Весьма вѣроятно, что онъ былъ раненъ ружей-

пою пулею, и что вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его товарищей онъ узналъ на опытѣ достоинство нашего пороха, хотя, впрочемъ, ни одного изъ нихъ не убили, ибо мы имѣли въ виду только испугать ихъ. Наконецъ наши люди вышли на берегъ и нашли множество ручныхъ свиней около домовъ. Убивъ девять и ранивъ нѣсколькихъ, они поспѣшно возвратились; ибо дождь пошелъ меньше нежели черезъ часъ послѣ ихъ отъѣзда, а я приказывалъ имъ въ такомъ случаѣ не долго оставаться. Едва они доставили свиней на корабль, какъ погода прояснилась и они опять просили у меня позволенія еще разъ вечеромъ съѣздить туда. Я согласился, но съ тѣмъ, чтобы они вернулись до ночи; тогда было около пяти часовъ; точно, они возвратились въ сумерки, съ осемью большими убитыми свинями и съ живымъ поросенкомъ. Превжій были уже засолены; но этихъ мы успѣли только еще выпотрошить, ошпарить и посыпать солью для слѣдующаго дня. Съ наступленіемъ дня я отправилъ объ шлюпки на берегъ, чтобы снова записаться припасами, свинями или кореньями. Но жители, ночью, успѣли перенести свои запасы въ другое мѣсто, не смотря на то, что многіе изъ нихъ возвратились въ свои хижины, и что ни одинъ не противился высадкѣ нашихъ людей. Напротивъ, они сдѣлались столь учтивыми, что одинъ изъ нихъ принесъ нѣсколько кокосовыхъ ореховъ на берегъ и исчезъ, показавъ ихъ людямъ нашимъ. Эти послѣдніе не нашли ни чего кромѣ стѣй и кое-какихъ извѣстій; они взяли нѣсколько изъ нихъ, положили ихъ въ маленькую лодку и потомъ возвратились. Я приказалъ боцману беречь стѣи до удобнаго случая, а извѣстія оставилъ у себя.

«Послѣ полудня, я отослалъ лодку на то мѣсто, гдѣ ее взяли; въ нее положили: два топора, два серпа, изъ которыхъ одинъ былъ снабженъ рукою, шесть зеркальцевъ, шесть ножей, большую связку бусъ и четыре стеклянные бутылки. Люди мои, вытащивъ лодку на берегъ и уложивъ въ ней всѣ эти вещи, возвратились въ ботъ, который былъ посланъ для ихъ безопасности.»

По словамъ Дэмпира, туземцы украшали головы разноцвѣтными перьями. Они ходили съ копьемъ въ рукахъ. Женщины носили поясъ изъ листьевъ; и на головахъ переносили корзины, наполненныя ямсомъ.

«Окрестности», прибавляетъ Дэмпиръ, «гористы, наполнены лѣсами, долинами и свѣтлыми ручейками. Почва въ долинахъ глубока и желтовата; но въ холмистыхъ мѣстахъ она имѣетъ темнубурный цвѣтъ, не очень глубока и камениста, хотя удобна для плантацій. Деревья вообще не весьма прямы, не густы и не высоки; но они кажутся зелеными и пріятны на видъ. Нѣкоторыя были покрыты цвѣтами, другія ягодами, третью большими плодами разнаго рода, вовсе намъ не извѣстными. Кокосовыя деревья произрастаютъ весьма хорошо, какъ въ бухтахъ, ближайшихъ къ морю, такъ и глубже во внутренности острова между плантацій. Орѣхи на нихъ средней величины; но молоко и ядро густы и пріятнаго вкуса. Тутъ находили имбирь, ямсъ и другіе коренья, годные для пищи; мы пробовали ихъ. Я не знаю, есть ли еще какіе плоды и коренья. Изъ земнородныхъ животныхъ, мы видѣли только свиней и собакъ. Что касается до птицъ, намъ извѣстныхъ, здѣсь водятся голуби, попугаи, кокодоры и вороны, точно такіе же какъ и въ Англіи. Сверхъ того, мы видѣли птицъ, величиною съ дрозда, и другихъ меньшихъ породъ. Море и рѣки изобилуютъ рыбою; мы видѣли ихъ множество, но выловили нѣсколько *кавалли*, рыбъ съ желтыми хвостами и прыгающихъ скатовъ.

Дэмпиръ оставилъ портъ Монтегіу 26 Марта. Черезъ нѣсколько дней онъ открылъ проливъ, который получилъ его имя, и оставилъ берега *Новой Британіи*, по его словамъ, населенныя сильными и хорошо сложенными, смѣлыми и предприимчивыми неграми.

Картеретъ, въ 1767 году, видѣлъ только издали восточный берегъ Новой Британіи; но онъ опредѣлялъ сѣверную ея границу и замѣтилъ три характеристическія горы, которыя находятся на этой оконечности.

Въ Іюнь 1793 года, д'Антрасто прошелъ черезъ Дэмпировъ проливъ, изслѣдовалъ западную часть Новой Британіи, которую нашелъ прекрасною по ея виду и которой приписалъ весьма многочисленное народонаселеніе, по причинѣ берега, покрытаго кокосовыми деревьями и усеяннаго казами. Послѣ того, онъ открылъ нѣсколько новыхъ острововъ различной величины, въ сѣверной полосѣ Новой Британіи, не имѣвъ впрочемъ сообщенія съ землею. Экипажъ его находился тогда въ самомъ плачевномъ

состоянии и самъ онъ умеръ нѣсколько дней спустя.

Въ Июль 1827 года, капитанъ Дюрвилъ подходилъ къ этой землѣ близъ мыса Батлера, въ намѣреніи изслѣдовать всю южную ея часть. Но лишась малыхъ якорей, потерянныхъ имъ въ Тонга-табу, и будучи застигнутъ дождливою погодою и сильными шквалами, онъ съ большимъ трудомъ могъ выбраться изъ этого опаснаго берега. Не смотря на препятствія, онъ оставался 13 дней въ виду острова, и успѣлъ снять очертаніе берега, на пространствѣ около ста лигъ. Второго Августа, утромъ, при самомъ входѣ въ Дампировъ проливъ, *Астролябія* ударила два раза о коралловые рифы, до тѣхъ поръ не извѣстные. Еслибъ ее не спасло волною, то она погибла бы. Трудамъ Г. Дюрвиля обязаны мы свѣдѣніямъ о пикѣ *Куой* (Quoy), конической горѣ величественнаго вида, близъ мыса Орфорта, о бухтѣ Жакино и о нѣсколькихъ малыхъ островахъ, между прочими о живописной группѣ острововъ Прелестныхъ. (*Gracienses*); изъ его изслѣдованій открылось, что Новая Британія составляетъ длинную цѣпь, которая однако въ нѣкихъ мѣстахъ не широка. Капитанъ Дюрвилъ держался весьма близко западной оконечности этого острова, такъ, что могъ замѣтить его частности. Вотъ что онъ говоритъ объ этой части берега:

«Также какъ Дампиру и д'Антркасто, эта земля представила намъ прелестный видъ. Рѣдко одаряетъ природа землю, еще не измѣненную рукою человека, такими прелестными, разнообразными перспективами. Вездѣ берегъ здоровъ, доступенъ и омывается спокойными волнами; почва, поднимающаяся амфитеатромъ на разныхъ планахъ, то обсыена дремучими лѣсами, то покрыта густымъ валежникомъ, то наконецъ обширными полянами, желтѣющій цвѣтъ которыхъ составляетъ рѣзкую противоположность съ темнозеленымъ цвѣтомъ лѣсовъ и окрестныхъ рощъ. Два утеса горы Глочестеръ грозными массами своими вѣщаютъ этотъ превосходный видъ, и перѣдко скрываютъ свои величественныя вершины въ облакахъ экватора.

Вообще, *Новая Британія*, есть островъ, имѣющій около 95 лигъ длины отъ О. Н. О. къ W. S. W. Ширина его чрезвычайно неровная, и въ нѣкихъ мѣстахъ простирается на 36, а въ другихъ только на 8 или на 10 миль,

какъ напримѣръ въ бухтѣ Жакино и Моптегю. Это, нѣкоторымъ образомъ, длинная и узкая цѣпь высокихъ горъ, идущая кривою линіею, и впадиною своею обращенная къ N. N. Вершины горъ: Матери и двухъ дочерей, Дешана, Куоя и Глочестера, отличаются въ гористомъ остовѣ этого края и, по видимому, обнаруживаютъ вулканическое происхожденіе. Географическія границы этой земли суть: съ одной стороны 4°, 8' и 6°, 30' юж. шир., съ другой 145° 57' и 150° 2' в. долг. Близъ южнаго берега находятся малые острова: Южнаго мыса, Роосъ и Прелестные, съ нѣкоторыми другими низменными и лѣсистыми, открытыми въ 1827 году капитаномъ Дюрвилемъ. На сѣверной сторонѣ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ берега находятся острова: Виллаумецъ, Рауль, Жиккель, Филтъцъ, Дюпорталь и Ле-Дансёртъ; нѣкоторые изъ нихъ высоки и довольно пространны. На первомъ, который значительно прочнѣе, Французы замѣтили кое-гдѣ дымъ и видѣли деревья, покрывающія всю почву отъ берега до высочайшихъ вершинъ.

д'Антркасто, открывшій эти острова въ 1793 году, нашелъ немного далѣе къ N. группу острововъ, которые назвалъ *Французскими*. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ получили наименованія: Мерить, Делахъ, Форестъ и Сѣверный. Эта группа составляетъ треугольникъ въ 30 миль съ каждой стороны: середина ихъ лежитъ подъ 4° 41' юж. шир., и 146° 55' в. долг. Близъ с. в. оконечности Новой Британіи лежитъ небольшой островъ Манъ, открытый *Картеретомъ* въ 1767 году. Онъ имѣетъ отъ 6 до 7 миль въ окружности и находится подъ 4° 8' юж. ш. и 149° 40' в. долготы.

Амаката, островъ, открытый въ 1767 году *Картеретомъ*, который назвалъ его *Горкомъ*, посѣщенъ въ 1791 году *Гантеромъ*; осмотрѣнъ въ 1792 году *д'Антркасто* и въ 1823 году Г. *Дюперре*. Это высокій, населенный островъ, съ хорошею гаванью въ сѣв. части. Онъ имѣетъ 8 миль длины отъ N. O. къ S. W. и 5 миль ширины, и лежитъ подъ 4° 10' юж. ш., 150° 4' в. долг. с. вост. оконечность.

Новая Ирландія. Голландецъ Шутенъ открылъ эту землю въ 1616 году. Онъ прошелъ, кажется, вдоль всей восточной стороны ея и имѣлъ нѣсколько разъ сношенія съ туземцами. Первые, которыхъ увидѣли,

бросали на корабль камни из пращей, что заставляло отвечать им ружейными выстрѣлами. Корабль простоялъ одну ночь у берега, и жители, при лунномъ свѣтѣ, развѣзжались вокругъ него. Сколько ни старались привлечь ихъ ласковыми словами и подарками, они остались нечувствительными ко всѣмъ усиліямъ. По словамъ мореплавателей, то были люди совершенно дикіе и необразованные.

Нѣсколько дней спустя, восемь байдаръ обѣхали кругомъ корабля; на каждой изъ нихъ было отъ 8 до 10 человекъ, вооруженныхъ дротиками, камнями, дубинами, деревянными саблями и пращами. Имъ роздали нѣсколько бездѣлокъ и старались дать понять, что отъ нихъ ожидаютъ свиней, куръ, кокосовъ и кореньевъ. Но вмѣсто отвѣта, они пустили на корабль свои дротики, на что съ него отвѣчали артиллерією. Десять или 12 дикихъ было убито; одна большая и три малыя байдары были потоплены. Шлюбка преслѣдовала бѣглецовъ: убили еще нѣсколько дикихъ, и поймали троихъ опасно раненыхъ. Одинъ изъ нихъ умеръ, другіе были перевязаны, свезены на землю и отданы соотечественникамъ ихъ за выкупъ, состоявшій изъ свиней.

Эти островитяне сильны и хорошо сложены; цвѣтъ тѣла ихъ черный, а волосы курчавые. Почти всѣ были нагіе; очень немногіе носили поясы изъ древесной коры и кольца въ носу и ушахъ. На головѣ были колпаки изъ раскрашенной древесной коры, составленные изъ двухъ или трехъ кусковъ, связанныхъ веревочкою, и надѣтые на самой маковкѣ головы, какъ у женщины. Они употребляли арекъ и бетель. У нихъ, почиталось знакомъ учтивости: снять шапку и класть руки на голову. Рукояти ихъ оружія были украшены настькою. Байдары ихъ чрезвычайно различны, отъ самыхъ малыхъ, могущихъ содержать не болѣе двухъ человекъ, до большихъ, имѣющихъ до 17 паръ веселъ. У одной изъ нихъ бока были соединены швами, хорошо смазанными дегтемъ и натертыми смолою.

Пройдя къ Н. мысу *Новаго Гановера*, *Шутенъ* назвалъ его мысомъ *Solomon Sweet*, и продолжалъ свой путь къ О.

Тасманъ въ 1643 году объѣхалъ въ свою очередь большую часть этого берега, принимая его также, какъ и его предшественникъ, за южную часть *Новой Гвинеи*. описа-

ніе, его упоминая о названіи *Cabo Santa Maria*, заставляетъ предполагать, что Испанцы посѣщали эту землю еще до экспедицій *Шутена* и *Лемера*.

Въ 1700 году, Англичанинъ *Дэмпиръ* плавалъ вдоль этой же земли въ другомъ направленіи, т. е. отъ Н. къ С. Около середины берега и предъ *островомъ Дэмпира*, корабль былъ окруженъ 46 байдарами, на которыхъ было до 200 черныхъ. Они не хотѣли пристать къ нему, не смотря на дѣлаемые имъ дружескіе знаки и показанные имъ подарки, но часто били себя въ грудь правою рукою, и держали толстыя палки надъ головами. Все это было принято за увѣренія въ дружбѣ. Время не позволило *Дэмпирю* бросить якорь въ бухтѣ и сойти на берегъ, гдѣ тогда находилось около 400 дикихъ. Когда корабль вышелъ въ море, островитяне пустили въ него тучу стрѣлъ и получили въ отвѣтъ пушечный выстрѣлъ, который разсыпалъ ихъ, убивъ и ранивъ нѣкоторыхъ. *Дэмпиръ* оставилъ этому мѣсту названіе: *бухты Пращниковъ*. Почва здѣсь, говоритъ онъ, высока и гориста, покрыта прекрасными зеленѣющими деревьями. На скатахъ горъ было множество большихъ плантацій; нѣкоторыя обработанныя земля и видѣнный нами дымъ заставляли полагать, что это мѣсто весьма населено.»

Миновавъ юж. оконечность этой земли, *Дэмпиръ* вошелъ въ углубленіе, находящееся на в. сторонѣ, принятое имъ за большую бухту и названное *бухтою Св. Георгія*; потомъ направилъ путь къ *Новой Британіи*.

Картеретъ въ 1767 году приставалъ по очереди въ *портъ Пралена*, въ гавани Англійской, и въ пристани Картерета, въ S. W. части *Новой Ирландіи*, гдѣ онъ запасся дровами и водою и досталъ нѣсколько пальмовой капусты и кокосовъ. Ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ онъ не видѣлъ жителей. Онъ продолжалъ свой путь къ N. N. W. и открылъ каналъ *Св. Георгія*, отдѣляющій оба острова отъ *Новой Ирландіи* и *Новой Британіи*, между Саидвичевымъ островомъ и *Новой Ирландією*. Къ нему прибыло десять байдаръ, на которыхъ было около 150 человекъ, пріѣхавшихъ отъ берега *Новой Ирландіи*. Въ мѣстѣ, эти островитяне всему предпочитали желѣзо. Одна изъ нихъ байдаръ имѣла до 80 футовъ длины, хотя была изъ одного дерева, по бокамъ былъ

рѣзныя украшенія; она имѣла рычаги для равновѣсія, но не имѣла парусовъ и вмѣстѣ 30 человекъ. Эти люди были черны, съ курчавыми волосами, плоскимъ носомъ и толстыми губами. Они были совершенно нагие и носили браслеты, раковины на рукахъ и ногахъ, и блестящія головные уборы; большая часть дикихъ привязывали надъ ухомъ перо, казалось, пѣтушье. Оружіе ихъ состояло въ копьяхъ и палкахъ. Видъ пушекъ, казалось, внушалъ имъ нѣкоторую недовѣрчивость.

Въ Іюль 1768 года, *Бугенвиль* сталъ на якорь въ портъ Праленъ и провелъ тамъ 8 дней, во время которыхъ занятія экспедиціи были разстроены безпрестанными дождями. Солнце показалось только въ одинъ день. Іюля 22 около 10 часовъ утра, ударъ потрясъ корабль. То было землетрясеніе. Море возвышалось и понижалось нѣсколько разъ сряду, что очень испугало ловившихъ рыбу на рифахъ. *Бугенвиль* во время этой стоянки не видалъ островитянъ; онъ только замѣтилъ слѣды ихъ пребыванія, и нашелъ даже байдару, стоявшую между двухъ жилищъ. Не зная объ открытіи *Картерета*, *Бугенвиль*, оставивъ портъ Праленъ, миновалъ мысъ Св. Георгія, и также какъ *Шуттенъ* и *Тасманъ* шелъ вдоль южной полосы Новой Ирландіи. 29 Іюля нѣсколько байдаръ подъѣхали къ фрегатамъ; на каждой изъ нихъ было 5 или 6 черныхъ дикарей, курчавыхъ, высокихъ, ловкихъ и сильныхъ. Они приглашали Французовъ на берегъ; но сами не хотѣли взойти на корабль. Имъ дали нѣсколько кусковъ тканей. Получивъ ихъ, они уѣхали, бросая камнями въ Французовъ. На другой день, они прибыли въ большемъ числѣ и пристали къ кораблямъ безъ труда. Старшина ихъ, поднявъ палку надъ головою, казалось, показывалъ тѣмъ, что онъ предводитель. Эти черные очень нарядились: волосы у нихъ были покрыты красною пудрою, на головахъ были перья, нагрудники, подвѣски въ ушахъ и носу, браслеты на ногахъ, словомъ, они были въ полномъ убранствѣ. Напрасно пытались завести съ ними мѣны; они брали то, что имъ давали, и ничего не предлагали въ зачетъ. Послѣ тревоги, произведенной 31 Іюля флотиліею, которая была удалена пушечными выстрѣлами, *Бугенвиль* поднялъ якорь и оставилъ эти воды.

Въ Іюль 1792 года, *д'Антраксто*, въ

свою очередь, сталъ на якорь въ гавани *Картерета* и провелъ тамъ недѣлю: Это была недѣля совершеннаго потопа; потоки воды лились во все время. Онъ едва могъ достать пять или шесть кокосовыхъ орѣховъ и не видѣлъ ни одного туземца. Послѣ этой стоянки, *д'Антраксто* постилъ всю западную часть Новой Ирландіи, до него почти неизвѣстную. Онъ замѣтилъ, что островъ състоялъ вообще изъ двухъ цѣпей горъ, въ 2 тыс. метр. отвѣсной высоты: только передъ Сандвичевымъ островомъ земля была не такъ высока.

Капитанъ Дюперре въ 1823 г. стоялъ въ портѣ Праленъ и снялъ его планъ. Благодаря сносной погодѣ, онъ имѣлъ частыя сношенія съ жителями, пріѣзжавшими на байдарахъ изъ селенія *Лики-лики*, лежащаго на восточной сторонѣ острова. Они казались миролюбивыми и недовѣрчивыми, и опасались, чтобы Французы не вздумали посѣтить ихъ. Когда воспитанникъ *Блосвиль* прогуливаясь, приблизился къ ихъ селенію, то они всячески силились заставить его возвратиться; потомъ, видя, что онъ не оставляетъ своего намѣренія, стали за нимъ наблюдать и спрыгали женщинъ. Французы видѣли небольшой храмъ, наполненный разными идолами, поставленными на возвышеніи, окруженномъ стѣнами изъ камня безъ смазки. Г. Дюперре полагаетъ, что туземцы называютъ Новую Ирландію *Томбара*, а Новую Британію *Вира*: эти названія употреблены на его картѣ. Но Г. Дюрвиль, номенклатуръ котораго мы слѣдуемъ, нѣсколько не увѣренъ въ точности этихъ наименованій. Онъ полагаетъ, что они относятся къ особенымъ округамъ, и что за нимъиіемъ полнѣиіхъ свѣдѣній, лучше держаться именъ, которыя существуютъ.

Наконецъ въ Іюль 1827, капитанъ Дюрвиль провелъ 12 дней въ гавани *Картеретовой* и снялъ точный и подробный ея планъ. Туземцы, нѣсколько разъ подъѣзжавшіе къ *Астролябии*, казались недовѣрчивы и робки, какъ и жители *Лики-лики*. Они ни за что не соглашались ни показать мѣста своего жительства, ни дозволить Французамъ идти съ ними. Полагаютъ впрочемъ, что они живутъ на низкомъ и лѣсистомъ островѣ, находящемся къ N. W. отъ гавани. На Кокосовомъ островѣ не нашли ни одного кокосоваго дерева; но убили тамъ каймана.

Взаключеніе мы можемъ сказать о Новой

Ирландія, что она имѣетъ отъ N. W. къ S. O. около 194 миль длины, при ширинѣ отъ 8 до 30 миль. Внутренняя часть ея покрыта цѣнью высокими горъ, поросшихъ деревьями до самыхъ вершинъ. Народонаселеніе состоитъ изъ черныхъ Меланезійцевъ и типъ измѣняется, смотря по странѣ, ими обитаемой, но общій характеръ ихъ заключается въ робости и недовѣрчивости. Предѣлы; ю. широты $2^{\circ} 31'$ и $4^{\circ} 51'$, а в. долготы $148^{\circ} 13'$ и $150^{\circ} 48'$. Въ южной части, на западной ея сторонѣ находятся небольшіе острова: Кокосовый; Лейгъ (*Leigh*), Ламбомъ и Латао, о которыхъ мы уже упоминали, а на восточной лежатъ островки Эйроо и Лунгасъ.

Близъ N. W. оконечности Новой Ирландіи находится островъ Сандвичъ, открытый въ 1767 Картретомъ и посещенный въ 1792 д'Антраксто. Это высокая, лѣсистая и населенная земля, въ 12 миль отъ в. къ зап. и семь отъ с. къ ю. Замѣчательный утесъ, въ видѣ сахарной головы, возвышается въ сѣверной ея части. На холмахъ этого острова старыя деревья, лишенные вѣтвей, и увитыя плющемъ, имѣютъ видъ колоннады, украшенной фестонами. Ю. широты $2^{\circ} 49'$, в. долготы $148^{\circ} 33'$ (вост. оконечность).

Новая Ирландія отдѣляется только каналомъ въ 6 миль шириною отъ Новаго Гановра. Въ этомъ каналѣ находится нѣсколько небольшихъ острововъ, совершенно низменныхъ, за исключеніемъ одного, отличающагося замѣчательною горою, которую Картретъ называлъ *Бирономъ*, а д'Антраксто *Мавзолеомъ*.

Новый Гановеръ, видѣнный въ 1616 г., Шутеномъ, который называлъ оконечность его мысомъ *Salomon-Sweert*, потомъ посѣщенный Тасманомъ, Дампиромъ и Бугенвилемъ, изслѣдованъ только Картретомъ и д'Антраксто. Это возвышенная земля, покрытая деревьями, между которыми видны многія плантаціи. Почва мыса *Salomon-Sweert* очень низменная и мѣстами лѣсиста. Островъ имѣетъ 38 миль отъ O. S. O. къ W. N. W.; ширина его еще не известна, но она не менѣе 12 миль. Предѣлы съ одной стороны $2^{\circ} 32'$ и $2^{\circ} 44'$ ю. широты, а съ другой $147^{\circ} 31'$ и $148^{\circ} 7'$ в. долготы.

Портландскіе острова открыты въ 1767 Картретомъ, посѣщены въ 1791 Гантеромъ и осмотрѣны въ 1792 и 1793 д'Антраксто. Они составляютъ цѣпь изъ 7 небольшихъ, низменныхъ и лѣсистыхъ острововъ, между кото-

рыми мѣстами находятся буруны; протяженіе ихъ O. N. O. къ W. S. W. почти восемь миль. Самый большой имѣетъ двѣ мили въ длину. Лежатъ подъ $20^{\circ} 38'$ ю. шир. и $147^{\circ} 12'$ в. дол. (ю. з. оконечность).

Возвращаясь къ мысу Св. Георгія, встрѣчается рядъ острововъ, составляющихъ цѣпь, параллельную съ Новой Ирландіею.

Островъ Св. Іоанна, лежащій въ 30 миляхъ противъ мыса Марин, открытъ Шутеномъ или правильнѣе Схоутеномъ (*Schouten*). Тасманъ посѣщалъ его въ 1643, а Дампиръ въ 1700. Последний говоритъ, что онъ имѣетъ отъ 9 до 10 миль въ окружности и производитъ много кокосовыхъ деревьевъ. Отлогіе берега его покрыты зеленью, а возвышенности очень лѣсисты. При видѣ Дампирова корабля, три байдары отплыли отъ берега, но ни одна не хотѣла пристать къ судну. Впрочемъ островитяне ничѣмъ не отличались отъ жителей Новой Ирландіи. Картретъ посѣщалъ островъ Св. Іоанна въ 1767; Бугенвиль въ 1768 называлъ его островомъ Бурно (*Bournaud*); Морель осматривалъ его въ 1781. Положеніе его, худо определенное, должно быть почти подъ $3^{\circ} 51'$ ю. шир. и $151^{\circ} 15'$ в. долг.

Абгарисскіе острова, открыты между 1820 и 1825; судномъ *Абгарисомъ*. Они составляютъ группу низменныхъ острововъ, на пространствѣ отъ 20 до 25 миль, вѣроятно ту самую, которую въ 1826 видѣлъ капитанъ Реннекъ, командиръ *ла-Лура*, и которую онъ называлъ островами *Фидъ* (*Feed*) и *Гудманъ* (*Goodman*). Это двѣ группы, простирающіяся на 27 миль отъ N. W. къ S. O. и составляющія цѣпь низкихъ, лѣсистыхъ, населенныхъ острововъ и песчаныхъ мелей, съ отдѣльнымъ рифомъ на S. Предѣлы отъ $3^{\circ} 51'$ до $3^{\circ} 33'$ ю. шир., и отъ $152^{\circ} 21'$ до $152^{\circ} 25'$ в. долг.

Каэнь открытъ Тасманомъ въ 1643. Въ 1700 Дампиръ имѣлъ сношенія съ туземцами: это курчавые Меланезійцы, высокіе, здоровые, хорошо сложенные и распеширенные разными красками. Дампиръ показывалъ имъ мускатные орѣхи и золотой песокъ и воображалъ, что островитяне тѣлодвиженіями давали ему знать, что эти предметы находятся на островахъ, на которые они указывали крича: *Машиль! машиль!* Байдары ихъ хорошо построены и по бокамъ украшены выуклыми изображеніями рыбъ. Дампиръ полагаетъ, что Каэнь имѣетъ не болѣе 4 или 5 миль въ окружности. Этотъ ост-

ровъ высокъ и покрытъ лѣсомъ; скаты его холмовъ обогащены плантаціями. На приморьѣ растутъ много кокосовыхъ деревьевъ. Къ S. O. находятся два небольшіе острова, также покрытые этими деревьями. Одинъ изъ нихъ высокъ и утесистъ, другой низокъ и плоскъ, но очень населенъ. Народонаселеніе большаго острова также значительно. Бугенвиль посѣщалъ Каэнъ въ 1768 и называлъ его островомъ *Молимвы* (*Oraison*). Въ 1781 Морель далъ ему имя *убѣжища* (*Refugio*), а два соседніе островка назвалъ *Санта-Розою* и *Магдаленою*. Каэнъ долженъ лежать подлѣ $3^{\circ} 28'$ ю. шир., и $150^{\circ} 48'$ в. долг.

Гарретъ - Денисъ (*Garret-Denys*) открытъ Шутеномъ въ 1616, а въ 1643 посѣщенъ Тасманомъ. Дампиръ, проходившій близъ его въ 1700, одинъ только оставилъ о немъ нѣкоторыя подробности. «По словамъ его, это высокій, гористый и покрытый лѣсомъ островъ, имѣющій 14 или 15 миль въ окружности. Плоскія прибрежія все покрыты кокосовыми деревьями. Множество плантацій видны на холмахъ, вновь воздѣланная земля красноватаго цвѣта. Островъ населенъ черными, сильными и хорошо сложенными людьми. Головы у нихъ большія, круглыя; волосы курчавые, короткіе и покрыты красною, бѣлою или желтою краскою; лице широкое; носъ плоскій; въ хрящъ между поздравей проткнутъ деревянный гвоздь толщиною въ палецъ. Оружіе ихъ состоитъ изъ копій, дубинъ, пращей, луковъ и стрѣлъ. Байдары длинны и узки, снабжены рычагами для равновѣсія и украшены спереди и сзади хорошо вырѣзанными изображеніями птицъ, рыбъ, рукъ и т. п.; выговоръ ихъ нарѣчій чистъ: приглашая Англичанъ сойти на землю, они часто повторяли: *Вакуси аламан*, и указывали на берегъ. Для выраженія своего дружелюбія они клали на голову толстую палку или вѣтвь и часто ударили себя по головѣ рукою.» Въ 1768 Бугенвиль посѣтилъ этотъ островъ и назвалъ его *Дюбушаземъ*, а Морель въ 1781 далъ ему названіе *Санъ-Влаза*. Положеніе его опредѣлено еще невѣрно и должно быть около $3^{\circ} 12'$ ю. шир., и $150^{\circ} 15'$ в. долг.

Ост. *Дампира*. Дампиръ, посѣтившій его въ 1700, говоритъ, что онъ имѣетъ отъ 4 до 5 миль въ окружности, высокъ, лѣсистъ, и на скатахъ холмовъ обогащенъ плантаціями. Вероятно, это тотъ самый островъ, который Мо-

рель въ 1781 назвалъ *Санъ-Лоренцомъ*, и тотъ же, которому въ 1616 Шутенъ далъ имя *Моисей*. 25 байдаръ, наполненныхъ туземцами, окружили корабль. Два якоря были приготовлены и висѣли съ крапбалки. Одинъ изъ туземцевъ съ помощію своего весла взобрался на якорную лану, полагая, что можетъ оттуда привести корабль къ берегу. Между тѣмъ товарищи его готовились къ нападенію, которое открылось тучею стрѣлъ, копій и камней, пущенныхъ въ корабль. Камни были брошены съ такою силою, что откалывали щепы отъ мачтъ; матросы должны были укрываться отъ ихъ ударовъ. Дикіе уже провозглашали побѣду, какъ вдругъ раздался залпъ артиллеріи и ружей; 12 или 13 человекъ было убито, много изранено, остальные обратились въ бѣгство. За ними отправили шлюбку и взяли въ плѣнъ молодаго человека лѣтъ 18, раненаго въ началѣ сраженія; его назвали по имени острова Моисеемъ. Островитяне, продолжаясь религія, питались нѣкоторымъ родомъ хлѣба, приготовляемаго ими изъ древесныхъ корней. Положеніе острова съ точностію не извѣстно, но можетъ быть около $3^{\circ} 12'$ ю. шир., и 150° в. долг.

Фишеръ (*Vischer*) или Рыбачій, въ первый разъ посѣщенъ Шутеномъ въ 1616, а потомъ въ 1643 Тасманомъ, наконецъ въ 1700 Дампиромъ, который говоритъ, что это возвышенный, большой островъ, расположенный въ 6 лигахъ отъ твердой земли. Онъ замѣтилъ, что надъ нимъ поднимались столбы дыма, и не подошелъ къ нему. Бугенвиль въ 1768 назвалъ его островомъ *Сузаннетъ*, а Морель, въ 1781, кажется, увидѣвъ его вершины, заключилъ, что это отдѣльные острова, и назвалъ ихъ *Санъ-Франиско*, *Санъ-Хозе* и *Санъ-Антоніо*. Пространство и положеніе совершенно не извѣстно. Сѣв. оконечность лежитъ около $2^{\circ} 33'$ ю. шир. и $149^{\circ} 40'$ в. долг.

Бурный открытъ въ 1700 Дампиромъ, въ 1768 посѣщенъ Бугенвилемъ и названъ имъ остр. *Керуэ*, въ 1781 онъ посѣщенъ Морелемъ. По словамъ Дампира, онъ низменъ, ровень, и покрытъ высокими, зелеными и частыми деревьями. Онъ имѣетъ отъ 2 до 3 миль въ длину, а на S. W. его оконечности находится плоскій и лѣсистый островокъ, въ одну милю окружности. Положеніе $1^{\circ} 40'$ ю. шир., и $148^{\circ} 9'$ в. долг.

Матіасъ, открытъ въ 1700 Дампиромъ, по-

сѣщенъ Бугенвилямъ въ 1768 и Морелемъ въ 1781. По словамъ Дэмпіра, онъ гористъ, и имѣетъ мѣста, покрытыя рощами а частью землями, по видимому, обработанными. Длина его около 9 или 10 миль. Положеніе $1^{\circ}30'$ ю. шир., и $147^{\circ}10'$ в. долг.

Ост. *Адмиралтейства*, въ 1616 открытые Шутеномъ, который только видѣлъ ю. в. ихъ часть и назвалъ ихъ *двадцатью пятью* островами. Картеретъ лучше осмотрѣлъ ихъ въ 1767 г., и далъ имъ имя, которое они удержали донынѣ. Они представляютъ прелестный видъ. Густые и высокіе лѣса ихъ пресѣкались лужайками и обработанными полями, покрытыми кокосовыми рощами и многочисленными казами. Впрочемъ Англійскій командиръ слишкомъ по *путешественничьи* выражается, рассказывая, что каждый изъ этихъ острововъ могъ бы составить цѣлое королевство. Дикіе приблизились къ кораблю Картерета, который собирался было уже открыть съ ними дружелюбныя сношенія, какъ вдругъ они пустили цѣлую тучу дрогнковъ. Нечего было дѣлать; Картеретъ былъ принужденъ отвѣчать имъ фалконетами и ружьями. Урокъ былъ полезенъ, и въ 1781 жители гораздо лучше обошлись съ Морелемъ, хотя и бросались съ жадностію разбойниковъ на все, что видѣли, даже на овощи, которые вносили на кормъ. Морель далъ разнымъ именамъ этимъ островамъ. Они сохраняются на картахъ, въ ожиданіи, пока будутъ извѣстны настоящія названія, употребляемыя туземцами. Наконецъ въ 1792 д'Антракто тщательно изслѣдовалъ сѣверную часть этой группы и входилъ въ сношенія съ жителями, на которыхъ не имѣлъ причины жаловаться. Вотъ что говоритъ самъ д'Антракто:

«Продавъ цѣлый часъ и не успѣвъ ихъ приманить къ себѣ, я вздумалъ пустить ракету, предвидя, что она должна сперва поразить ихъ, но потомъ возбудить удивленіе и наконецъ любопытство. Когда ракета взлетѣла, они тотчасъ замолчали и перестали перескакивать съ нами. Но когда она лопнула и огненнымъ дождемъ посыпалась въ низъ, ужасный страхъ овладѣлъ ими, они поспѣшно удалились. Вскорѣ послѣ того они возвратились, и стали въ отдаленіи. Я вздумалъ положить на доску гвозди и другія мѣшковые вещи, и прилѣпивъ на нее свѣчу въ бумажномъ фонарѣ, пустить на воду, чтобы они могли замѣтить и поймать ее. Но этотъ свѣтъ, который, отблѣнившись отъ фрегата,

казалось, идя по водѣ, приближался къ нимъ, еще болѣе напугалъ ихъ, нежели взрывъ ракеты. Безъ сомнѣнія, они приняли за нѣчто сверхъестественное этотъ ходъ по волнамъ блуждающаго огня, ибо по мѣрѣ того, какъ нась отдаляло отъ свѣча, они думали, что сами приближаются къ ней; они удалились, произнося громко и поспѣшно слова, которыми, по видимому, заклинали злаго духа. Наконецъ они совсѣмъ скрылись. Время было такъ хорошо и море столь тихо, что свѣча горѣла около двухъ часовъ. Выйдя на берегъ, туземцы тотчасъ зажгли огни, для того ли, чтобы, по мнѣнію ихъ, привлечь предметъ, который, какъ они думали, плылъ къ нимъ, или, напротивъ, чтобы удалить его отъ своихъ жилищъ. Впрочемъ зрѣлище, такъ напугавшее ихъ было очень пріятно для экипажа. Если бы я могъ предвидѣть произведенное имъ дѣйствіе, то конечно не причинилъ бы дикарямъ испуга, который могъ только увѣличить ихъ врожденную недовѣрчивость.»

Группа острововъ Адмиралтейства занимаетъ пространство около 120 миль отъ О. къ W. и 40 или 50 отъ N. къ S. Она состоитъ изъ островъ болѣе или менѣе пространныхъ, высокихъ, пріятнаго и разнообразнаго вида, и населенныхъ красивѣйшею порою Меланезійцевъ. Географическіе ея предѣлы почти между, $1^{\circ}53'$ и $2^{\circ}34'$ ю. шир., и $143^{\circ}51'$ и $145^{\circ}50'$ в. долг.

Главнѣйшіе острова этой группы суть.

Большой Адмиралтейскій, названный Морелемъ въ 1781 островомъ *Васко*, и болѣею частью изслѣдованный д'Антракто въ 1792. Это высокая, неровная, лѣсная и населенная земля, имѣющая около 50 миль длины отъ О. къ W. и отъ 18 до 20 миль ширины отъ N. къ S.; южная часть его совершенно не извѣстна. Предѣлы отъ $1^{\circ}57'$ $2^{\circ}17'$ ю. шир., и отъ $144^{\circ}10'$ къ $145^{\circ}60'$ в. долг.

Иезусъ-Марія, названный такъ Морелемъ въ 1781 и посѣщенный въ 1792 д'Антракто. Высокій островъ, имѣющій около 20 миль въ окружности. Ю. шир. $2^{\circ}18'$, в. долг. $145^{\circ}27'$ (середина).

Санъ-Габріель, *Санъ-Мигуэль*, *Ла-Вендола*, *Лосъ-Рейесъ* *Лос-Негросъ* названные такъ Морелемъ въ 1781, и изслѣдованные въ 1792 и въ 1793 д'Антракто. Два первые имѣютъ отъ 5 до 6 миль въ окружности; остальные не столь значительны. Всѣ они населены и

очень дѣсны. Положеніе $2^{\circ} 14'$ ю. шир., и $145^{\circ} 50'$ в. долг. (О. Вендола).

Сверхъ того, къ S. отъ большого Адмиралтейскаго остр. находится еще множество небольшихъ неизвѣстныхъ острововъ; *Парди* и *Елисавета*, согласно съ картою Парди, показанные на картѣ адмир. Крузенштерна можетъ быть, принадлежать къ этой же группѣ. Къ S. находится рифъ Сидней, гдѣ 1 Мая 1806 г. кап. Остенъ Форрестъ (Austin Forrest) претерпѣлъ кораблекрушеніе. Онъ означенъ подъ $3^{\circ} 20'$ ю. шир., и $144^{\circ} 30'$ в. долг.

Ост. *Анахоретовъ*, открытый Бугенвилемъ, который въ 1768 проходилъ очень близко. Это цѣль низменныхъ острововъ, расположенныхъ на одной и той же отмели, на протяженіи около 3 лигъ. На нихъ много деревьевъ, особенно кокосовыхъ. Французскій мореплаватель говоритъ, что берега ихъ покрыты казами и чрезвычайно населены. Этихъ жины были высоки, хорошо покрыты, почти квадратныя и видомъ своимъ напоминали Тантскія жины. Нѣсколько прои или байдаръ ловили рыбу на рифахъ, но ни одна изъ нихъ не удостоила фрегатовъ никакого вниманія. По этой причинѣ ихъ дано названіе *Анахоретовъ*. Морель посѣтилъ ихъ въ 1781, а д'Антркасто въ 1793. Лежатъ подъ $0^{\circ} 43'$ ю. шир., и $143^{\circ} 14'$ в. долг. (Мысъ N. O.

Коммерсонъ, небольшой островъ, въ 1793 видѣнный изъ Бугенвилемъ, и посѣщенный въ 1793 д'Антркасто, а въ 1860 Ибаргоией (Ibargoitia). $0^{\circ} 45'$ ю. шир., и $142^{\circ} 55'$ в. долг.

Ост. *Пустынные*, (Hermites), открыты въ 1768 Бугенвилемъ, и посѣщенные въ 1781 Морелемъ и въ 1792 д'Антркасто. Прои приближились къ фрегатамъ этого мореходца, но не хотѣли пріегать къ нимъ, хотя старались предложить плоды, и бросали ихъ на корабль; почему сначала ихъ приняли было за камни; островитяне высоки и хорошо сложены. Пустынные ост. составляютъ небольшую группу высокихъ и населенныхъ острововъ, занимающую 14 миль отъ O. N. O. къ W. S. W. и 6 миль ширины. Ю. шир. $1^{\circ} 29'$; в. долг. $142^{\circ} 48'$ (остр. N. O).

Сварливый (Boudeuse), небольшой островъ, открытый въ 1768 Бугенвилемъ и въ 1792 посѣщенный д'Антркасто. Ю. шир. $1^{\circ} 27'$; в. долг. $142^{\circ} 14'$.

Шахматные (Echiquier), открыты Бугенвилемъ въ 1768, посѣщенные въ 1781 Мо-

лемъ, который назвалъ ихъ Тысячью остро-
вовъ, и изслѣдованные въ 1792 д'Антркасто. Грунна, состоящая изъ 30 небольшихъ, низ-
менныхъ и населенныхъ острововъ, окру-
женныхъ подводными камнями. Она зани-
маетъ 30 миль отъ N. N. O. къ S. S. W. Ю.
шир. $1^{\circ} 13'$, в. долг. $142^{\circ} 2'$. (Мысъ Ео).

Дюруръ, небольшой плоскій островъ, от-
крытый Картеретомъ въ 1767 и посѣщенный
въ 1792 д'Антркасто, который помѣщаетъ
его подъ $1^{\circ} 34'$ ю. шир. и $140^{\circ} 53'$ в. долг.

Матти, небольшой плоскій и населенный
островъ, открытый въ 1767 Картеретомъ, ко-
торый видѣлъ, что жители его бѣгали ночью
по берегу противъ корабля, держа въ рукахъ
свѣточн; д'Антркасто опредѣляетъ положе-
нія его подъ $1^{\circ} 46'$ ю. шир. и $140^{\circ} 36'$ в.
долг.

ГЛАВА XXII.

*Новая Гвиней. — Луизіада и сосѣдственные
острова.*

Океанія, какъ уже сказано, на всѣхъ на-
русахъ отправилась отъ Адмиралтейскихъ
острововъ къ Новой Гвиней. Ноутру 16 Ю-
ля мы находились въ 6 или 7 миляхъ къ с. отъ
О. Лесона, самаго восточнаго изъ острововъ
Шутена. О. Лесонъ есть просто огромный,
коническій утесъ, имѣющій при основаніи
отъ 5 до 6 миль окружности и покрытый са-
мою пріятною зеленью. Другіе острова этой
группы, расположенные полукружіемъ, бы-
ли похожи на ожерелье изъ зеленыхъ камней,
оправленныхъ въ темной синевѣ моря. На
горизонтѣ, въ лѣво отъ насъ, возвышались
вершины острова Вулкана и другихъ горъ
Новой Гвиней.

Находясь передъ плодоноснымъ и гори-
стымъ островомъ Роаси (Roissy), мы сначала
полагали, что *Океанія* будетъ имѣть какія
нибудь сношенія съ туземцами. Двѣ байдары,
отдѣлившись отъ берега, казалось, направ-
лялись къ намъ. Въ ожиданіи ихъ, мы легли
въ дрейфъ, и онѣ, по видимому, должны были
скоро пріегать къ кораблю; но приближив-
шись на полмили, онѣ остановились и ни
знаки, ни настоянія не могли убѣдить ихъ къ
намъ подойти; потомъ, когда мы хотѣли плыть
къ нимъ, они удалились со всевозможною бы-
стротою. Съ помощію труб мы могли видѣть,
что на каждой изъ байдаръ было по пяти или

шести человекъ чернаго цвѣта, почти нагихъ, съ курчавыми волосами, и породы низшей, нежели жители острововъ Адмиралтейства.

Мы прошли въ 3 или 4 лигахъ отъ о. Дюрвилля, самаго значительнаго изъ всей группы, имѣющаго отъ 15 до 18 миль въ окружности при средней высотѣ, и весьма пріятнаго вида; послѣ чего Пендлетонъ направился на О. Н. О., придерживаясь на 10 лигъ, въ среднемъ разстояніи отъ берега, чтобы обезопасить совершенно наше плаваніе ночью. Американскій капитанъ очень хорошо зналъ, что нельзя было ничего ожидать добраго отъ дикихъ племенъ, населяющихъ этотъ архипелагъ; ему были извѣстны прошедшія и новѣйшія свѣдѣнія о ихъ нравахъ и характерѣ. Я одинъ только изъ всего экипажа внутренно жаловался на эту осторожность. Быть такимъ образомъ въ виду любопытной и малолюдной земли, и не изслѣдовать ее, значило, по мнѣнію моему, испытывать мученія Таитала. Мы прошли близъ огромныхъ горъ Бугенвилля и Циклопа, опредѣлявшихъ положеніе залива Гумбольдта, недавно указаннаго Географіи капитаномъ Дюрвиллемъ. Вѣтеръ былъ тихъ, небо ясно, море спокойное. Казалось, что мы опять въ Индійскомъ морѣ, и что непогоды Тихаго океана исчезли. Вѣтеръ дулъ такъ слабо, что теченіе влекло насъ сильнѣе его. Такимъ образомъ мы сдѣлали отъ 20 до 30 миль къ W. Два раза только сила его была такова, что мы прошли по 40 миль въ день, а одинъ только разъ 60 миль. Сгранице всего казалось мнѣ то, что это движеніе воды было для насъ постоянно нечувствительно; единственное, видимое его дѣйствіе состояло въ совершенной тишинѣ, но истиннѣ удивительной на столь открытомъ морѣ.

Ночью 26 Іюля *Океанія* прошла между двухъ небольшихъ острововъ Аримоя и земли, очень низкой и покрытой большими деревьями. На другой день мы замѣтили, на противъ мыса Дюрвилля, измѣненіе въ цвѣтѣ воды, которое, по видимому, означало меліи; обстоятельство, замѣченное уже капитаномъ, сообщившимъ свое имя этому мысу. За этой безцвѣтною полосой показалась байдара, которую з. вѣтеръ гналъ къ кораблю. Это было довольно большое судно, съ площадкою, на которой находилось до 40 человекъ. Между ними отячался одинъ; онъ былъ полуодѣтъ и имѣлъ на головѣ шляпу конической

формы, похожую на Китайскую. По мѣрѣ приближенія байдары, этотъ человекъ частъ отъ часа живѣйшими знаками приглашалъ насъ пристать къ землѣ. Наконецъ въ 500 тоазахъ онъ отдалъ парусъ и продолжалъ свои тѣлодвиженія съ живостію, которую трудно себѣ представить. Полагая, что Пендлетонъ согласится на столь убѣдительныя приглашенія, я просилъ его взять меня съ собою. «Вѣрно вамъ очень захотѣлось, сказалъ мнѣ капитанъ, служить обѣдомъ для этихъ дикихъ? Новая Гвинія чертовская земля; мы имѣемъ объ ней ужасныя извѣстія. Годъ или два тому назадъ, одно несчастное китоловное судно отважилось бросить якорь близъ большаго залива Гесльвинка. Обманувшись наругными гостепріимствомъ и услужливостію жителей, оно отправило къ нимъ лодку, которая не возвратилась. На другой день, чтобы отыскать ее, послали другую. Она была окружена; двухъ или трехъ человекъ убили; остальные, съ ужасомъ поспѣшно возвратились. Безъ сомнѣнія, тѣла жертвъ для два служили пищею этимъ людямъ. И такъ не хотители вы, чтобы *Океанія* также послала свѣжаго мяса людотѣдамъ?» Я замолчалъ; мнѣ было извѣстно, что Пендлетонъ не любилъ преувеличивать опасностей.

Желая избавиться отъ тишины пролива Іовія, *Океанія* не входила въ него, но направилась къ N., чтобы пройти въ большемъ разстояніи отъ низменныхъ острововъ *Измѣнниковъ*, и отъ береговъ большаго острова Мизори, вершины котораго однако жъ я могъ видѣть. 29 Іюля корабль обогнулъ небольшіе острова *Провидѣнія*; потомъ на очистившемся къ S. W. горизонтѣ открылъ величественныя вершины Арфакійскихъ горъ, высоко возвышавшіяся надъ Дореемъ. Не смотря на то, мы находились отъ нихъ на разстояніи еще 75 миль, или около 36 лигъ, что доказываесть чрезвычайную ихъ возвышенность. Впрочемъ вершина ихъ была ниже пояса постоянныхъ снѣговъ, подъ экваторомъ. Тревожимые волненіемъ, мы носились два или три дня и только 1 Августа достигли Дорейской гавани, гдѣ должны были имѣть кратковременную стоянку.

Входъ въ Дорей представляетъ видъ истинно восхитительный. На лѣво развивается длинная цѣпь низменныхъ и зеленѣющихъ острововъ, примыкающихъ къ возвышенному песчаному побережью. На право тянется лѣсистая опушка земли, надъ которою гос-

подступают берега, покрытые сильным произрастением. Наконецъ въ глубинѣ картины, базальтовою стѣною возвышается огромный островъ Арфакійскихъ горъ, возвышающійся на пяти или шести послѣдовательныхъ планахъ, и оканчивающійся нѣсколькими острыми вершинами, которыя какъ будто бы нависли надъ гаванью: такъ отвѣсны ихъ склоны.

Когда мы стали въ виду, то множество байдаръ тотчасъ насъ окружили. Можно было бы думать, что это племя совершенно различное отъ предшествовавшего: столь доверчивы и беззаботны были эти туземцы. Причиной того были нѣсколько разъ возобновленные Французскими мореходцами сношенія, на которыя дикіе не имѣли повода жаловаться. Объ Европейцахъ имѣли въ Дорсе хорошия мнѣнія; капитаны Дюперре и Дюрвилъ, своимъ обращеніемъ заставили жителей жалеть о себѣ. Прибывшіе въ байдарахъ туземцы съѣзжанною толпою уже собирались взлѣсть на бортъ, но Пендлетонъ, опасаясь, чтобы это не помѣшало исправленію корабельныхъ работъ, позволилъ взойти на палубу только небольшому числу старшинъ или *кораносовъ*. Онъ объяснилъ имъ однако жъ на Малайскомъ языкѣ, который они нѣсколько разумѣли, что когда бросятъ якорь, то тотчасъ всѣмъ позволить идти на корабль и начать мѣну. Какъ скоро кораносы объяснили это байдарамъ, то онъ сейчасъ отделился отъ корабля и спокойно, безъ крика и ропота провожали насъ, держась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ *Океана*. Столь умѣренное и скромное поведеніе не только было приличнѣе поступковъ Меланезійцевъ, но далеко превосходило довольно шумныя обычаи самыхъ образованныхъ племенъ Полинезіи.

Мы бросили якорь въ Дорейской гавани, которая представляеть совершенно закрытый бассейнъ, въ 200 или 300 тоазовъ въ поперечникѣ, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ со стороны открытаго моря. Когда якорь былъ положенъ, туземцамъ дозволили входить на корабль, и 20 байдаръ пристали къ *Океану*. Палуба сдѣлалась настоящимъ базаромъ. Каждый раскладывалъ свои товары: одинъ предлагалъ кипу корки мисоя, тотъ корзину табаку, одинъ луки, стрѣлы, плетенки изъ банановыхъ листьевъ, испещренныхъ страннымъ образомъ, другіе бамбукъ съ драгоценною райскою птичкою. Меньшее

число привезли таро и особеннаго рода овощи, называемыя *абру*, сверхъ того нѣсколько рыбы и раковинъ. Торгъ былъ довольно удобенъ, пока дѣло шло о съѣстныхъ предметахъ, оружіи и тому подобныхъ предметахъ, хотя легко было замѣтить, что они весьма ловкіе торговцы; но когда приступили къ райскимъ птичкамъ, мѣна сдѣлалась затруднительнѣе. Владѣльцы презрительно качали головой при всѣхъ предложеніяхъ топоровъ, ножей, даже тканей, и отвѣчали только словомъ: *Компангъ*! Долго не понимали мы, что означало это слово; наконецъ, когда одинъ изъ нихъ показалъ намъ серебряный браслетъ, который былъ у него нарукѣ, мы догадались, что *компангъ* значитъ серебро или деньги. Чтобы въ томъ убѣдиться, показали имъ пиастры: увидѣвъ ихъ, они начали прыгать отъ радости и кричать *компангъ! компангъ!* За райскихъ птичекъ они желали имѣть пиастры, и такъ изъ предложили ихъ; но трудно было поладить. За птичку посредственной доброты требовали 3 доллара, а за лучшихъ по 5 и по 6. Это ужасная цѣна! Пендлетонъ не хотѣлъ вовсе покупать ихъ. «Оценеры *Раковины* и *Астролибии* набилъ намъ цѣны,» сказалъ онъ мнѣ. «Лѣтъ 15 назадъ можно было получить райскую птичку за большой ножъ, за гинею, или за нѣсколько фунтовъ сухарей, а нынѣ цѣны истинно сумасшедшія. Надобно умѣть отказать съ первой поры; къ концу торговцы сдѣлаются уступчивѣе.» Не смотря на этотъ советъ капитана, я не могъ удержаться, чтобы тутъ же некупить нѣсколько этихъ прекрасныхъ птичекъ, и случай доставилъ мнѣ даже весьма выгодную покупку. У меня было, между вещами для небольшой моей мѣны, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ, купленныхъ въ Кантонѣ, которыя мнѣ не удалось еще употребить съ пользою ни на одномъ изъ острововъ: я промѣнялъ ихъ за двѣ довольно хорошо сохраниныя райскія птички, *манукоду* и *супербу*.

Вечеромъ я воспользовался поѣздкою нашей лодки на берегъ за водою, чтобы обозрѣть виды прибрежья. Мы высадились у прозрачнаго потока, текущаго по коралловому руслу. Въ немъ удобно можно добывать воду при отливѣ; но во время прилива, морская вода проникаетъ въ него и дѣлаетъ вкусъ ея солоноватымъ. Должно идти фарватеромъ самаго ручья, чтобы видѣть его, ибо берега покрыты густымъ и колючимъ кустарникомъ.

Вдоль береговъ находилось множество прекрасныхъ раковинъ, изъ породы, обыкновенно называемой *ушами Мидаса*, весьма уважаемой любителями конхилиологін.

Молодой Рейнбоу, искусный стрѣлокъ, предложилъ мнѣ идти съ нимъ на другой день стрѣлять райскихъ птичекъ. Два, три молодые туземца, хорошо знавшіе мѣстность, должны были служить намъ проводниками. Мы отправились очень рано. Берегъ повсюду окруженъ густою опушкою, такъ, что мы бы безъ сомнѣнія должны были издрать платье о сучья, и потому мы прошли во внутренность лѣса фарватеромъ ручья. Шаговъ двѣсти или триста должно по поясъ идти водою; но далѣе едва только можно замочить ноги во время засухи. Гдѣ оканчивается приморская опушка, тамъ лѣсъ дѣлается свободнымъ, и въ немъ можно ходить во все стороны. Онъ состоитъ изъ огромныхъ растений и нерѣдко представляетъ два яруса зелени; въ первомъ итерокарпусы, смоковницы, инкарпусы, родъ акаціи или мимозы, и другія неизвѣстныя мнѣ растенія возносятся голые свои штабы на сто и болѣе футовъ, и потомъ раскидываются высокими вершинами, увеличивающимися въ соразмѣрности; а во второмъ не столь высокія деревья, какъ на примѣръ тектоны, гибискусы, герландіи, арековыя пальмы, сачовыя деревья, корифы и пр. возвышаются иногда на 80 футовъ, и не смотря на то, составляютъ только второстепенный лѣсъ. Земля, до которой сквозь этотъ двойной сводъ не можетъ проникнуть ни одинъ лучъ солнца, представляется кой гдѣ тощія кустарники, и почти ни одного травянистаго растенія, кромѣ однихъ, злаковъ и травъ весьма обыкновенныхъ подъ экваторомъ. Почва, состоящая изъ чернозема, чрезвычайно сыпкого, во многихъ мѣстахъ такъ изрыта, что дѣлается очень затруднительною для путешественника. Этому причиною дикія свиньи, многочисленныя въ здѣшнихъ лѣсахъ.

Мы застрѣлили множество разнаго рода птицъ: калао, отличающихся шумливымъ полетомъ, огромныхъ и прекрасныхъ голубей, инкобаровъ, металлическаго цвѣта, прелестныхъ горлицъ, красивыхъ зимородковъ, какаду, попугаевъ, лоріи и разныхъ цвѣтовъ параклитокъ. Но райскія птички, блистательные изумруды, умѣли избѣжать нашихъ выстрѣловъ. Намъ случалось иногда слышать пискливые и хрипловатые крики

уакъ, уакъ уако, или *куа, куа, куа*, которыми они зовутъ къ себѣ самокъ; но лишь только мы шли къ нимъ, они умолкали, или сѣдя на вершинѣ высокаго дерева, скрывались отъ глазъ. Мы стрѣляли по нимъ раза два или три, но не могли попасть; нѣкоторые изъ нихъ мы видѣли довольно близко, когда онѣ перелетали черезъ ручей; полетъ ихъ быстръ, неровенъ, порывистъ и какъ бы волнистъ. Любопытно видѣть, какъ прекрасные оранжевые ихъ хвосты переливаются по зелени деревьевъ; въ быстротѣ ихъ полета можно только замѣтить ихъ пушистый и яркій зобикъ. Сѣдя на деревѣ, райская птичка продолжаетъ свои живыя и отрывистыя движенія; можно сказать, что она ни на минуту не бываетъ покойна; то трепещетъ крылышками, то подымаетъ свои перья, то отряхивается всѣми членами и повторяетъ свое монотонное пѣніе *уакъ, уакъ, уако*. Самка, не столь богатая перьями, также повторяетъ этотъ однозвучный крикъ, но не столь явственно. Мы начинали думать, что самки гораздо обыкновеннѣе самцовъ, потому что видѣли ихъ гораздо болѣе; но естественныя испытатели *Астролліи* доказали, что эта несоразмѣрность только наружная. Въ молодости самцы не имѣютъ своего богатаго украшенія, такъ что на взглядъ ихъ легко можно смѣнять съ самками. Хвостъ увеличивается съ возрастомъ. Эти птички питаются плодами, и въ особенности текомъ и нѣкоторымъ родомъ смоквъ. Волнистый полетъ ихъ, кажется, происходитъ отъ расположенія перьевъ, длинныхъ и отдѣльныхъ между собою. Изобиліе перьевъ заставляетъ ихъ всегда летать противъ вѣтра. Такое направленіе приглаживаетъ длинныя ихъ перья къ тѣлу, между тѣмъ какъ противоположный полетъ могъ бы ихъ взъерошить и затруднить движенія. Вотъ почему при наступленіи бури эти птички не пускаются въ открытый воздухъ, но прячутся въ дуплахъ деревьевъ. Изумруды отважны и мстительны, они безъ пощады преслѣдуютъ своихъ враговъ. Не было примѣра, чтобы удалось сдѣлать ихъ домашними (Рис. XXXVII. ф. 2.)

Охота наша была не безъ приключеній. Въ самой чащѣ лѣса, гдѣ мы не полагали встрѣтить никого, кромѣ животныхъ, вдругъ раздался человѣческіе голоса. Проводники остановились въ испугѣ. *Арфаки*, сказали они, подавая намъ знакъ, чтобы мы ввели курки ружей. Мы сдѣлались внимательнѣе и пошли

прямо на звуки. Наши проводники, казалось, удерживали дыханіе, боясь гибельной встрѣчи; но подойдя ближе, они вскрикнули радостно. Они узнали своихъ одноземцевъ, охотившихся также какъ и мы, только счастливые нашего, и занимавшихся приготовленіемъ своей добычи для завтрашней продажи знакомымъ покупателямъ на *Океани*. У нихъ было два кабана средней величины, и еще два очень маленькіе. Дикіе опаливали ихъ на огнѣ, разведенномъ изъ хвороста и сухихъ листьевъ. Я сталъ торговать у нихъ эту добычу, и они уступили ее мнѣ, хотя не совсемъ охотно, за нѣсколько піастровъ, съ доставкою на бортъ.

Слѣдующій за этою прогулкою день мы посвятили посѣщенію Папуйскихъ селеній, расположенныхъ по берегу. Два изъ нихъ были на сѣв. берегу гавани, и назывались Дорей и Куао; а третье на островкѣ Мана-Суари. Все они одинаковаго вида. Это очень длинныя сараи, сдѣланные изъ теса и грубо обдѣланныхъ жердей, поставленные на сваяхъ вышиною отъ 8 до 10 футовъ надъ поверхностію моря. Все они построены такимъ образомъ, и нѣтъ ни одного на твердой землѣ (Рис. XXXVIII. ф. 1). Длинные бревна съ глубокими настьчками служатъ лѣстницами къ этимъ жилищамъ. Ночью и во время приближенія неприятелей ихъ втаскиваютъ во внутренность. Обыкновеніе Папуйцевъ непременно имѣть жилища надъ водою, не было достаточно объяснено. Одни видѣли въ немъ религіозную мысль; другіе простое желаніе укрыться отъ настькомыхъ и наиболѣе отъ беспокойныхъ муравьевъ, которыхъ здѣсь великое множество; наослѣдокъ иные предполагали въ этомъ средство къ безопасности отъ нападений.

Я вошелъ въ одну изъ этихъ казъ; то былъ настоящій дрожацій, трепещущій замокъ; свѣтившійся со всехъ сторонъ. Длинный и узкій корридоръ, устроенный по серединѣ, раздѣлялъ рядъ конуръ, изъ которыхъ въ каждой помѣщалось по семейству. Вся утварь въ нихъ состояла изъ двухъ или трехъ роговъ, изъ одного глинянаго горшка, одной или двухъ фаясовыхъ чашъ, да изъ мѣшочковъ съ мукою изъ саго. Комнаты корановъ (старшинъ), которыхъ они называютъ также и *капитанами*, убраны лучше другихъ, и кромѣ того имѣли нѣсколько лщиковъ или корзинъ, сплетенныхъ изъ листьевъ банана или пандануса, въ которыхъ они сохраняютъ свои товары и богатства. Въ другой жилищѣ,

которая, по видимому, служила нѣкотораго рода гаремомъ или гinekесмъ, я видѣлъ много женщинъ, собранныхъ въ одной комнатѣ и занимавшихся различными работами. Однѣ изъ нихъ плели рогожки, другія мѣли глину и дѣлали изъ нея сосуды разной величины. Одна пѣла, а остальные, казалось, съ удовольствіемъ слушали эту мелодію. У одного изъ бывшихъ съ нами моряковъ, былъ въ карманѣ флажолетъ. Онъ заигралъ на немъ. Невозможно описать, какое дѣйствіе произвела эта неожиданная гармонія. Все женщины бросили работу и окружили музыканта. Потомъ онъ зачалъ снова пѣть свои пѣсни, которыя показались мнѣ согласные и лучше Малайскихъ, вообще монотонныхъ. Мы предложили нѣсколько бездѣлокъ этимъ пѣвицамъ: сначала онѣ краснѣя отказались; потомъ принесли нѣсколько корзинокъ банановъ, променялись съ нами на стекляныя вѣнцы. Такимъ образомъ это была уже мѣна, а не даръ. Въмѣсто того, чтобы нести бананы на корабль, мы роздали ихъ маленькимъ дѣтямъ, наполнившимъ домъ; они взяли ихъ скромно и учтиво, безъ жадности и нахальства, подымая всякой разъ на голову, руку, въ знакъ благодарности. Воспитанные такимъ образомъ дѣти, безъ сомнѣнія, будутъ общежительны и благонравны. Во все время, пока мы были въ домѣ женщинъ, Папуйцы, казалось, очень беспокоились. Они знаками просили насъ выйти и были въ восторгѣ, когда мы исполнили ихъ желаніе.

Въ числѣ домовъ, вытянутыхъ вдоль берега, одинъ возбудилъ мое любопытство. Онъ состоялъ изъ одной комнаты, съ трехугольною кровлею; вмѣсто пола въ немъ было шесть толстыхъ поперечныхъ бревенъ, положенныхъ каждое на чѣтыре прочныя сваи. Онъ составляли нѣкоторый родъ колоннады въ чѣтыре ряда, изъ коихъ каждый былъ въ шесть столбовъ. Все столбы имѣли видъ людей, хотя очень грубо, если угодно, но такъ, что легко можно было узнать мысль. Все они были совершенно нагіе, и половина вѣшняго ряда принадлежала мужскому полу, а другая, внутренняго ряда, была женскаго. На каждомъ была нѣкотораго рода чалма или шапка, которая служила капителю, такъ, что соединеніе ихъ съ верхними бревнами представляло видъ правильной архитектуры. Все что мы узнали отъ проводниковъ объ этомъ зданіи, заключалось въ томъ, что оно имѣло религіозное назначеніе. Впро-

чемъ не видно было ни одной жерди, съ надтресками, по которой бы можно было въ него взойти.

Почтеніе, отдаваемое мертвымъ, кажется, составляетъ существенную часть религіи туземцевъ. Они очень тщательно содержатъ гробницы и ставятъ на могилахъ приношенія и статуйки, страннаго вида. Нѣкоторыя изъ ихъ гробницъ имѣютъ сложныя и симметрическія формы (Рис. XXXVIII. ф. 2). Живя, такъ сказать, при дверяхъ Малезіи, Филиппинскихъ острововъ и Китая, Папуицы должны были получить отъ этихъ странъ нѣкоторые неопредѣленные понятія объ Азіатскомъ искусствѣ и объ Европейской промышленности. Эти первоначальныя основанія уже проявляются у нихъ въ успѣхахъ архитектуры, торговли и строенія. Лодки ихъ совершенно отличны отъ Меланезійскихъ. Формою своею онѣ очень похожи на Молуккскіе *коро-коро* (Рис. XXXIX. ф. 1). Одно изъ этихъ судовъ въ особенности поразило меня своею фигурою и пропорціями. Оно было гораздо совершеннѣе Малайскихъ и представляло нѣкоторое сходство съ нашими большими рыбачьими лодками. Проводники объявили намъ, что на этомъ суднѣ жители Дорен отсылаютъ черезъ каждые два года дань, состоящую изъ невольниковъ, черепахъ, птицъ, и корки миссой, Тидорскому Султану, признаваемому ими повелителемъ ихъ земли.

Одинъ изъ молодыхъ проводниковъ папануи нашего отъѣзда предложилъ намъ идти на поминки, которыхъ должны были отправляться ночью при свѣтѣ факеловъ. Пейдѣтонъ пошелъ туда со мною. Обрядъ происходилъ на открытой площадкѣ одного дома. Собравшись вокругъ бюдъ, наполненныхъ жареною свининою, бананами, ямсомъ и таро, семейство умершаго выражало свою горестъ пресыщаясь безъ пощады въ честь покойнаго. Фетншей, расположенныхъ около стола, носили кругомъ, и каждый изъ собесѣдниковъ говорилъ имъ рѣчь. Двадцать туземцевъ находились въ этомъ собраніи, которое продолжалось очень поздно, за полночь. Было 9 часовъ, когда мы возвратились на бортъ. Такъ какъ домъ, въ которомъ мы были, находился на краю деревни, то намъ предложили переправиться черезъ мосты, по тамошнему обычаю. Мостъ состоитъ просто изъ бамбука, укрѣпленнаго отъ пола одного дома къ другому: путь, довольно схожій съ натянутымъ канатомъ акробатовъ. Наши Па-

пуйцы шли по нимъ какъ по широкому шоссе. Мы же, не искусные вовсе въ эквилибристикѣ, не иначе рѣшились отправиться въ эту дорогу, какъ съѣвъ верхомъ на мостъ, чтобы безпрепятственно достигнуть отъ одного дома до другаго (Рис. XXXIX. ф. 2).

Въ послѣдній день нашего пребыванія на берегу, я старался уговорить одного изъ моихъ проводниковъ сопутствовать мнѣ къ Арфакійцамъ; но все убѣжденія остались тщетны. Папуицы, когда имъ говорятъ объ этомъ, качаютъ головою и твердятъ, что «это дурачество; что отправляться къ этимъ людямъ, значитъ подвергаться опасности быть зарѣзаннымъ.» Это отвращеніе, впрочемъ, по видимому, имѣло другую причину, которую они не обнаруживали. Мы увидимъ, какія подозрѣнія имѣли на этотъ счетъ Форрестъ и капитанъ Дюрвилъ. Принужденный отказаться отъ этого намѣренія, я отправился еще разъ прогуляться по побережью. Тамъ видѣлъ прекрасныя плантаціи, по большей части состоящія изъ овощей.

Между вновь распаханыхъ земель, коегдѣ оставались большія деревья, на которыхъ порхали изумруды съ блестящими хвостами. Возвращаясь въ селеніе, я услышалъ удары молота, какъ будто въ слесарнѣ или кузницѣ; подойдя, я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ кузницу, — кузницу Папуйскую, устроенную на открытомъ воздухѣ и придуманную умно и живописно. Туземцы передѣлывали тамъ въ браслеты полученныя отъ насъ пиастры. Кузница состояла изъ поддувала; камень служилъ наковальнею. Поддувало, самой простой формы, было устроено изъ двухъ цилиндрическихъ толстыхъ бамбуковыхъ камышей, вертикально расположенныхъ одинъ подлѣ другаго, какъ двѣ большія насосныя трубы; тростники, горизонтально прикрѣпленные къ этимъ двумъ камышамъ, и соединяющіяся у оконечности въ одинъ каналъ, даютъ истокъ воздуху, попеременно всасываемому въ каждую трубу, посредствомъ двухъ поршней, которыми дѣйствуетъ человекъ, сидящій на пилѣ, пылинною равняющемся цилиндрамъ (Рис. XL. ф. 1.). Наковальня изъ гранита. Такъ какъ средства растапливать и лить серебро имъ не извѣстны, то они довольствуются тѣмъ, что размягчаютъ его въ огнѣ и потомъ сообщаютъ ему произвольную форму посредствомъ молота. Такимъ образомъ у нихъ теряется много металла, и нужно большое количество пиастровъ,

чтобы сдѣлать одну браслету. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ по три и по четыре браслета на каждой рукѣ; сдѣланные изъ пѣстровъ, полученныхъ ими въ мѣнѣ съ Бугійцами, Китайцами и Европейцами.

Никогда мы не видѣли въ нихъ столь сильнаго желанія имѣть пѣстры, какъ въ день нашего отъѣзда. Мы поднимали якорь 7 Августа по утру, толпа Папуйцевъ окружила насъ, предлагая, съ уступкою, своихъ райскихъ птичекъ. Дѣвъ большія байдары прибили даже изъ Эмбарбакена, деревни, находящейся на зап. отъ Дорен, гдѣ изумруды весьма обыкновенны. Можно полагать навѣрное, что въ одно это утро было продано сто райскихъ птичекъ. Правда, ни одна изъ нихъ не была хорошо сохранена. Однѣ были полусточены насѣкомыми, а блескъ другихъ былъ совершенно затмѣненъ разными предохранительными средствами. Туземцы имѣютъ обыкновеніе, для лучшаго сохраненія этихъ животныхъ, отрѣзывать у нихъ ноги, что заставило нѣкоторыхъ путешественниковъ полагать, что онѣ вовсе безъ нихъ рождаются! Безъ сомнѣнія это заблужденіе заставило самаго Линнея дать маленькому изумруду имя *Paradisaea aroda*.

Выйдя изъ Дорейской гавани, *Океанія* обогнула мысъ Мамори, выдающуюся часть полуострова, и при весьма слабомъ вѣтрѣ, между перемежающейся тиши и удушливаго жара, приняла направленіе къ З. Одно или почти только одно теченіе дозволило намъ подвигаться впередъ. Благодаря этому, мы могли обойти мысъ *Goede-Hoop* (Доброй Надежды) Новой Гвиней, отличающійся горою, которая возвышается надъ утесомъ, имѣющимъ вырѣзку въ видѣ полумѣсяца. Этотъ утесъ Г. Дюрвилъ назвалъ горою *Diceras*. Все пространство береговъ до весьма значительной высоты покрыто деревьями; по судя по небольшому количеству подымавшихся оттуда дымовъ и по рѣдкости обработанныхъ земель можно было заключать, что оно мало населено.

Еще высоки были на горизонтѣ горы Новой Гвиней, когда взорамъ нашимъ представились земли Вежіу. *Океанія* медленно, въ теченіе двухъ дней, 12 и 13 Августа, шла вдоль береговъ этого большаго острова. Тамъ были мѣста, описанныя капитанами Фрейсине и Дюперре, роцци Равака и Фофана. И эта то земля должна была ускользнуть отъ нашего любопытства: мы не могли

видѣть ее иначе, какъ находясь подъ парусами. Пендлестонъ имѣлъ намѣреніе, до возвращенія своего въ Яву, посѣтить нѣкоторые изъ острововъ Молуккскихъ. Последніе мѣсяцы S. мусона наступили; надобно было ими пользоваться. И такъ *Океанія* потеряла изъ виду Вежіу и на всѣхъ парусахъ направилась къ Молуккамъ.

Оставленные нами земли суть послѣднія, изъ принадлежащихъ собственно называемой Меланезіи. Онѣ сходятся съ Малазією или Малезією и во многихъ этнологическихъ отношеніяхъ заимствовали у нея нѣкоторыя черты. Папуйцы составляютъ какъ бы промежуточную породу, поселившую на этой границѣ, ведущую къ племенамъ болѣе или менѣе дикимъ, оканчивающимся на островахъ Вити.

Новая Гвиней, земля Папуйцевъ или Папусовъ, открыта, какъ полагаютъ, около 1511 года Португальцами: Аитоніемъ Абреу и Франсискомъ Серрано. Около 1526 года Донъ-Хозе-де-Менсезесъ, въ переездѣ отъ Малакки къ Молуккамъ, былъ въ свою очередь отнесенъ вѣтромъ и теченіемъ весьма далеко къ в. отъ Борнео.

Направляясь къ ю., онъ достигъ подъ экваторомъ пристани на островѣ Папуйцевъ, называемой Верзія, гдѣ пробылъ нѣсколько времени въ ожиданіи благопріятнаго мусона. Объ этомъ мѣстѣ извѣстно только то, что оно находится подъ экваторомъ въ двухъ стахъ лигахъ отъ Молуккъ и было населено курчавыми людьми. Пунктъ этотъ безъ сомнѣнія былъ недалеко отъ Дорен.

Два года спустя, въ 1528, Испанскій Генераль Альяръ де Сааведра также наткнулся на землю Папуйцевъ; онъ даже прожилъ два мѣсяца между этими людьми въ двухъ стахъ пятидесяти лигахъ отъ Молуккъ. Жители были черные съ короткими и курчавыми волосами, ходили нагые; но не менѣе того имѣли у себя разные желѣзные орудія. Сообразно съ духомъ времени, эти острова были названы *Islas de Oro*: Испанцы вездѣ и во всемъ видѣли золото. На сто лигъ далѣе жители напали на корабль и потеряли тронхъ пѣстныхъ. Сааведра послѣ неудачнаго своего переезда возвратился въ Молукки; потомъ чрезъ годъ послѣ того (1529) отправился тѣмъ же путемъ и шелъ около береговъ Папуйцевъ до самаго того мѣста, гдѣ прежде захватилъ въ плѣнъ тронхъ дикихъ. При видѣ земли, двое изъ нихъ бросились

въ воду и вплавь достигли берега; третій, сдѣлавшись Христіаниномъ, также отпра-вился туда съ согласія Испанцевъ, но въ на-мѣреніи обратить въ Христіанство своихъ единоземцевъ. Два первые бѣглеца убили своего товарища, не давъ ему достигнуть берега. Сааведра, по видимому, обошелъ эти берега на протяженіе пяти сотъ лигъ и по-томъ принялъ курсъ къ Н. О.

Въ 1537 году суда Гримальвы посетили близъ экватора два острова, называемые *Менсу* и *Буфу*, населенные Папуйцами. «Жители,» сказано въ донесеніи, «черны и курчавы; ѣдятъ человѣческое мясо, большіе мошенники и предаются такимъ злодѣй-ствамъ, что сами черти могутъ считаться ихъ товарищами. «Въ донесеніи упоминается объ одной птицѣ, величиною съ журавля, кото-рая не можетъ летать, но бѣгаетъ съ чрез-вычайною скоростію, и перья которой упот-ребляются жителями для украшенія головы ихъ кумировъ. Въ 1545 году Инго-Ортизъ-де-Гатезъ, также, кажется, посѣщалъ боль-шую часть сѣвернаго берега земли Папуй-цевъ, и останавливаясь на различныхъ пунк-тахъ, описалъ многіе новые острова. Въ этой то экспедиціи Испанцы назвали ее *Новой Гвинеею*, по причинѣ сходства, замѣченна-го ими между туземцами и жителями Гвиней.

И такъ около этого времени уже, какъ мы видимъ изъ неполныхъ и сбивчивыхъ опи-саній, земля Папуйцевъ была неоднократно изслѣдывалась. Изданное Николаемъ Стрѣй-комъ въ 1753 году, грубое описаніе сѣверна-го берега Новой Гвиней еще болѣе доказы-ваетъ справедливость сего положенія; въ э-томъ описаніи встрѣчается для наименованія разныхъ мѣстъ пропастъ Португальскихъ названій, теперь трудно согласующихся съ позднѣйшими изслѣдованіями капитана Дюр-вила.

Впрочемъ достоверно, что Голландецъ Шутенъ первый привелъ въ ясность свѣдѣ-нія, пріобретенныя объ этой землѣ. Онъ при-сталъ къ ней 7 Іюля 1616 года, у острова Вулкана, который въ то время былъ еще на-стоящимъ вулканомъ. Островитяне окружи-ли корабль на пяти или шести байдарахъ, но никто не понималъ ихъ языка, даже и Меланезіецъ Монсей, взятый за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Новой Ирландіи.

9-го Іюля, пройдя острова, получившіе имя *Шутена*, Голландскій мореходецъ сталъ на якорь въ виду острова, тождественнаго

съ тѣмъ, который въ послѣдствіи былъ наз-ванъ *островомъ Дюрвила*. По словамъ до-несенія, жители имѣли короткіе, курчавые волосы, носили въ ноздряхъ и ушахъ коль-ца, перья на головѣ и на рукахъ, обручи изъ свинныхъ зубовъ на носу, и большое у-крашеніе на груди. Они употребляли бе-тель и были подвержены различнымъ болѣз-нямъ и безобразію. Жилища ихъ возвыша-лись на восемь и на десять футовъ отъ земли. Двѣ деревни были видны на берегу. Отъ нихъ тотчасъ отправились нѣсколько бай-даръ къ кораблю; но производить мѣну съ ними было весьма трудно. Они привезли съ собою только нѣсколько кокосовыхъ орѣ-ховъ, которые цѣпили чрезвычайно дорого, требуя за каждыя четыре плода по аршину ткани. Что касается до свиней, то они вовсе не соглашались ихъ уступить.

Шутенъ впродолженіе нѣсколькихъ дней плавалъ вдоль берега, не зная навѣрное самъ гдѣ находился. 15-го бросилъ якорь близъ двухъ острововъ, изобилующихъ кокосовы-ми деревьями и отдѣленныхъ отъ большой земли каналомъ на пространствѣ одной ми-ли. Но лишь только онъ отправилъ на бе-регъ лодки, какъ туземцы, спрятавшіеся въ лѣсъ, пустили въ нихъ оттуда тучу стрѣлъ. Имъ отвѣчали выстрѣлами изъ фалькопетовъ; но число дикихъ такъ увеличилось, что долж-но было возвратиться на корабль. Послѣ э-того острова, Шутенъ встрѣтилъ два другіе, отстоящіе на пять или на шесть миль отъ берега и называемые *Аримоа*. Не доволь-ствуясь собранными тамъ кокосами, Гол-ландцы сожгли еще нѣсколько жилищъ. Туземцы пришли въ величайшую ярость и испускали вопли бѣшенства; но не смѣли напасть на корабли, боясь пушекъ, кото-рыя рикошетными выстрѣлами посылали ядра на берегъ. Вечеромъ миръ былъ заклю-ченъ и запечатланъ нѣсколькими кокосовы-ми орѣхами. Дѣло было кончено полюбовно и произведена значительная мѣна. Голанд-цы получили столько плодовъ и живности, сколько хотѣли, взаменъ за стекляныя бу-сы, старыя гвозди и ржавыя ножи. Впро-чемъ дикари, казалось, имѣли довольно ча-стыя сношенія съ Европейцами. Безъ сомнѣ-нія, они вели войну съ сосѣдними племе-нами, потому что при видѣ приближающих-ся отъ В. байдаръ, просили стрѣлять по-нимъ.

21-го показались другіе острова, втрое-

но острова Измишниковъ; жители ихъ пріѣхали торговать на большихъ прояхъ, наполненныхъ сушеною рыбою, кокосами, бананами и табакомъ. Они приблизились съ тихимъ и робкимъ видомъ, поливая себя голову водою въ знакъ дружбы. Нарѣчіе ихъ было отлично отъ языка острововъ Ари-моа. Оловяныя кольца висѣли въ хрящѣ между поздрей, а на рукахъ были перламутровыя браслеты. Кроме того, пріѣхала еще байдара отъ другаго острова и привезла съ собою припасы и Китайскій фарфоръ. Пріѣхавшіе на ней туземцы были выше и чернѣе прежнихъ. Имъ очень нравились стекляныя вещи и желѣзо. Въ ушахъ у нихъ были подвѣски изъ синяго стекла разныхъ тѣней. Оставивъ этотъ островъ, Шутенъ прошелъ еще вдоль другаго, очень высокаго, западную часть котораго онъ называлъ: *Goede-Hoer*, имя сообщенное впоследствии Демпиромъ пункту болѣе западному. Послѣ этой удачной кампаніи, Шутенъ возвратился къ Молуккамъ.

Въ 1622 году Роггевенсъ также посѣтилъ нѣкоторыя мѣста Новой Гвиней. Онъ приставалъ къ Аримойскимъ островамъ, гдѣ двѣсти байдаръ доставили ему провизію; прошелъ близъ группы названной имъ *Тысячью острововъ* (безъ сомнѣнія острова Измишниковъ), жители конхъ, по словамъ его путевого журнала, имѣли головы, покрытыя густою и курчавою шерстью, а въ хрящѣ между поздрей носили кусочки дерева. Они назывались Папуйцами.

Въ 1643 году Голландецъ Абель Тасманъ посѣтилъ островъ Вулкана и его огнедышущую вершину; имѣлъ сношеніе съ жителями острова Жамы; отъ которыхъ вымѣнялъ провизію; видѣлъ на в. островъ Моа, гдѣ пріобрѣлъ шесть тысячъ кокосовыхъ орѣховъ и сто тюковъ пизанги. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ одинъ изъ жителей ранилъ стрѣлою матроса, но виновный тотчасъ былъ выданъ Голландцамъ; впрочемъ всѣ сношенія его были совершенно миролюбивы.

Послѣ Тасмана Новая Гвиней въ теченіе 60 лѣтъ была совершенно оставлена.

Англичанинъ Демпиръ въ Январѣ 1700 года первый извлекъ ее изъ забвенія. Онъ посѣтилъ самую западную часть берега, открылъ небольшой островъ Пуду-Сабуда передъ Маклюэрскимъ заливомъ, потомъ плавалъ на большое разстояніе вдоль сѣвернаго берега. Сверхъ того, посѣщалъ ост-

ровъ Шутена и открылъ островокъ Провидѣнія. Возвращаясь, онъ открылъ путь черезъ проливъ, носящій его имя, опредѣлилъ раздѣленіе двухъ большихъ острововъ, описалъ небольшую огнедышущую землю въ фарватерѣ, другіе острова названные имъ Рукомъ (Rook), Короною и Ричемъ (Rich), и вулканъ Горящаго острова (Brulante); напоследокъ посѣтилъ острова Шутена, между коими замѣтилъ байдары съ парусами. Послѣ чего направился къ з., прошелъ на высоту Мизори и Провидѣнія, и наконецъ оставилъ воды Новой Гвиней.

Въ 1705, небольшой Голландскій корабль *Geelwink* подробно изслѣдовалъ большой заливъ, получившій его имя; но по причинѣ ли систематической тайны, или по недостатку наблюдений, отъ этой потѣдки не осталось ни одного точнаго документа. Флерье даже помѣстилъ посѣщенный ими заливъ слишкомъ на двѣсти лнгъ къ востоку отъ настоящаго его мѣста. Въ томъ же году Англичанинъ Фуннель видѣлъ нѣкоторыя части W. N. берега Новой Гвиней; но не замѣтилъ въ жителяхъ ни малѣйшаго желанія посѣтить корабль.

Шестидесятъ лѣтъ прошло съ того времени, когда наконецъ, въ 1768, Бугенвиль приблизился къ землямъ Новой Гвиней, около того мѣста, гдѣ капитанъ Дюрвилъ помѣщаетъ заливъ Гумбольдта, и прошелъ вдоль береговъ ея значительное пространство. Въ 1770, Кукъ посѣтилъ въ свою очередь южный берегъ, у котораго приставалъ около мыса Вальша. Онъ пытался даже выйти на берегъ, чтобы заставить провизіею; но туземцы привѣтствовали Англичанъ изъ засады стрѣлами, сверхъ того, многіе изъ нихъ стрѣляли изъ ружей, сдѣланныхъ изъ пустаго камыша, о свойствѣ и употребленіи которыхъ никто не могъ подозрѣвать; въ нѣкоторомъ разстояніи выстрѣлы совершенно походили на ружейные, за исключеніемъ звука. По наблюденіямъ Кука, островитяне имѣли сходство съ жителями Новой Голландіи; они показались ему только не столь темнаго цвѣта. Английскій мореходецъ первый сообщилъ нѣкоторыя точныя подробности о южной части Новой Гвиней, хотя, по его мнѣнію, она была еще въ прежніе вѣки посѣщаемая Испанцами, Голландцами и Португальцами, которые молчали о своемъ открытіи.

Въ 1774, капитанъ Форрестъ на Малайскомъ коро-коро пріѣзжалъ изъ Молуккы въ

западную часть Новой Гвинеи за мускатным деревомъ. Онъ входилъ въ Дорейскую гавань и первый собралъ достоверныя свѣдѣнія о землѣ Папуйцевъ. Въ 1790 и 1791, Маклюеръ, кажется, привелъ въ исполненіе важныя труды относительно западной части этой земли. Достоверно, что онъ открылъ глубокий каналъ, который почти совершенно отдѣляетъ з. часть этого большого острова. Это открытіе, впрочемъ мало извѣстное, кажется, подверглось упрекамъ въ большихъ неточностяхъ. Въ 1792, д'Антраксто посѣщалъ берега Новой Гвинеи въ S. O. части, почти на 40 лигъ въ окрестностяхъ залива Гюона, и почти на столько же около мыса *Goede-Hoop*; но не имѣлъ ни какихъ сношеній съ туземцами.

Въ 1823 капитанъ Дюперре довольствовался съемкою острововъ Шутена; онъ замѣтилъ въ 15 или 20 лигахъ нѣкоторыя вершинныя горы большой земли; въ слѣдующемъ году, онъ простоялъ 13 дней въ Дорейской гавани и снялъ берегъ на протяженіи 20 или 30 лигъ отъ гавани къ W. Въ продолженіе этой стоянки изысканія и труды натуралистовъ сообщили наукѣ много свѣдѣній о произведеніяхъ края. Реляція этого путешествія еще не издана; но у насъ въ рукахъ находится журналъ Г. Дюрвиля, служившаго лейтенантомъ при экспедиціи; мы почерпаемъ нѣкоторыя подробности. Дѣло идетъ о стоянкѣ въ Дорей и поѣздкѣ въ окрестности гавани.

«Сдѣланные мною нѣкоторымъ жителямъ вопросы на Малайскомъ языкѣ, заставили подозрѣвать, что они большую часть своихъ растительныхъ произведеній, какъ-то, спиртовыя жидкости, табакъ, таро, и т. п., получали отъ Гарфуровъ; въ этомъ мнѣніи убѣждало меня и описаніе Форреста. Ему ни какимъ образомъ не удалось имѣть ни малѣйшаго сношенія съ этими людьми; Папуйцы не соглашались и, казалось, были очень недовольны желаніемъ его къ нимъ пробраться.

«Также поступали они и со мною, вслѣдствіе стараясь отклонить меня отъ намѣренія посѣтить Гарфуровъ. Эта мысль имъ чрезвычайно не нравилась. Одни не хотѣли меня слушать; другіе представляли, будто меня не понимаютъ, а самые учтивые употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить меня оставить эту мысль. Наконецъ приманка *компана* (піастра) и хорошаго пожа заставили одного молодого Папуйца, очень ум-

ной паружиости, рѣшиться проводить меня къ Гарфурамъ. Не знаю, сообщилъ ли онъ объ этой сдѣлкѣ кому нибудь изъ своихъ, или самъ вдругъ переѣхалъ намѣреніе, но едва сѣли мы въ лодку, робость овладѣла имъ, онъ старался всѣми средствами найти этому извиненіе, говорилъ, что голоденъ, что ему очень хочется пить, и наконецъ что ему тошно.

«Когда мы вышли на берегъ, близъ жилищъ, робость его удвоилась; онъ вооружился лукомъ и стрѣлами, увѣряя, что Арфакийцы люди весьма злыя, и что они непременно убьютъ насъ, если мы не возьмемъ съ собою ружей. Я не согласился однако жъ взять ихъ, чтобы не возбудить опасеній въ новыхъ знакомцахъ, къ которымъ мы отправлялись, и запасся только маленькою лопаткою для вырванія растений. Со мною былъ одинъ человекъ, также безъ оружія; онъ несъ ботаническій ящикъ.

«Не слушая моего проводника, я пустился по первой тропинкѣ, которую увидѣлъ, и которая, казалось, вела во внутренность острова. По странному случаю, я узналъ въ послѣдствіи, что изъ множества дорожекъ это была одна только, которая должна была привести меня къ моей цѣли; ибо судя по расположенію моего проводника, весьма вѣроятно, что онъ не вывелъ бы меня на настоящую дорогу, если бъ я заблудился. Мы прошли довольно узкую полосу, покрытую порослью очень пріятнаго вида, между которой кое-гдѣ возвышались большія деревья. Туземецъ не преставаля охотѣ и употреблять все усилія, чтобы убѣдить меня возвратиться, или по крайней мѣрѣ, идти по окружнымъ тропинкамъ. Соскучась его степеніями, я рѣшительно объявилъ ему, что не имѣю въ немъ надобности, и что безъ него могу идти къ Гарфурамъ. Тогда онъ рѣшился мнѣ сопутствовать, и вздыхая, пошелъ впередъ, желая безъ сомнѣнія пріобрѣсти обѣщанную ему награду.

«Пройдя около четверти часа, и поворачивая отъ прибрежной полосы къ холму, возвышавшемуся надъ нею, я увидѣлъ большое, огороженное мѣсто, наполненное внутри бананами и таро, очень зелеными и густыми, но худо содержанными; все это обнесено было плотнымъ частоколомъ. Въ то время, какъ я остановился, чтобы взглянуть, что это такое, мой дикарь подошелъ ко мнѣ и грубо сказалъ, что тутъ скрыты Арфакий-

скія женщины, и что если я не хочу быть зарѣзаннымъ, то не долженъ туда входить. Я не вѣрилъ его угрозамъ; но взявъ себя, замѣтилъ на отлогомъ холмѣ, господствовавшемъ надъ долиною, большое зданіе, поставленное на высокихъ сваяхъ и имѣвшее видъ укрѣпленія. Пока я разсматривалъ странную наружность этого строенія, Папуецъ началъ кричать; ему отвѣчали и я разслушалъ въ этомъ крикѣ женскіе голоса.»

«Папуецъ снова убѣждалъ меня возвратиться; но я начиналъ отгадывать истинную цѣль его продѣлокъ. Было совершенно не правдоподобно, чтобъ эти люди, съ которыми онъ такъ спокойно перекинулся, были тѣ ужасныя Арафайцы, чьей встрѣчи онъ столь опасался. Все доказывало, напротивъ, что это было мѣсто, куда сокрылись Папуйскія женщины съ своими дѣтьми, чтобы не показываться Французамъ. Наканунъ, посѣщая съ Дюперре селеніе, я удивлялся, найдя большую часть жилищъ пустыми: въ нихъ не было ни одной женщины. Туземцы, при появленіи новаго судна, съ незнакомымъ для нихъ флагомъ, вѣроятно сомнѣвались въ намѣреніяхъ чужестранцевъ и полагали безопаснѣйшимъ удалиться отъ взоровъ пришельцевъ женъ и дѣтей своихъ, опасаясь, чтобы ихъ не похитили. Случай привелъ меня въ мѣсто ихъ убѣжища, вотъ причина опасеній, безпокойства и увертокъ моего Папуйца.

«Я объяснилъ, какъ умѣлъ, проводнику, что нисколько не желаю видѣть запертыхъ здѣсь женщинъ; но что непремѣнно хочу посѣтить Гарфуровъ. Хотя не въ этомъ состояло его желаніе, но онъ нѣсколько успокоился, и мы стали взбираться на берегъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ довольно крутъ и текущіе по граниту ручьи дѣлаютъ дорогу очень скользкою. Иногда она пересѣкается оврагами и развѣсами, черезъ которые переброшены бревна, вмѣсто мостовъ. Когда мы начали подыматься, человекъ пятнадцать дикихъ, вооруженные широкими ножами, луками и стрѣлами, появились передъ нами; впрочемъ они не дѣлали угрозъ, и не показывали враждебныхъ намѣреній. Я посмотрѣлъ на Папуйца; онъ, казалось, былъ затрудненъ, но нисколько не испуганъ. Изъ этого я заключилъ, что не было ни какой опасности. Я подошелъ къ нимъ, предложилъ нѣкоторые подарки и

старался внушить имъ, что не имѣю никакихъ видовъ на ихъ женъ. Дикіе слушали и смотрѣли съ удивленіемъ. Видно было, что они не понимали моихъ словъ; однако жъ спокойно посторонились и дали мнѣ дорогу. Одинъ изъ нихъ, взявъ моихъ подарковъ, предложилъ мнѣ райскую птичку, изъ породы *превосходныхъ* (сюпербъ), довольно хорошо сохранныую, и сверхъ того живаго, молодаго кангару. Я принялъ птичку и отправилъ кангару на бортъ.

«Въ продолженіе нашего пути, Папуецъ казалось, немного ободрился, разговаривалъ о встрѣченныхъ нами дикихъ, говорилъ, что они не Папуйцы такіе, какъ онъ, а скоты, животныя, которые не умѣютъ говорить и не понимаютъ *Малайо*. Въ выраженіи его о нихъ отзывались глубокимъ презрѣніемъ. Наконецъ я очутился передъ обширнымъ дворомъ, окружавшимъ жилище, на вершинѣ холма. Я шелъ туда безъ всякаго препятствія и сказалъ двумъ или тремъ дикимъ, что желаю бы посѣтить внутренность дома. Они согласились, по видимому, довольно охотно, и ввели меня туда. Наклоненное, толстое бревно, съ глубокими зарубками, служило лѣстницею; зданіе представляло огромный сарай, около ста футовъ длины, вышиною футовъ въ 20, очень сложно выстроенное изъ дерева. Внутренность состояла изъ корридора, во всю длину, съ небольшими комнатами по сторонамъ. По концамъ были площадки. Словомъ, расположеніе этого строенія совершенно одинаково съ домами, выстроенными Папуйцами у самаго берега. Женщины и дѣти были удалены; новые хозяева мои подавали мнѣ хлѣбъ, саго, таро и др. кушанья; они учтивѣе, или по крайней мѣрѣ гостепріимнѣе Папуйцевъ, которые никогда мнѣ этого не предлагали. Когда я вышелъ изъ дома, проводникъ мой и нѣсколько присоединившихся къ нему товарищей, снова пытались уговорить меня возвратиться. Но я продолжалъ идти по пробитой дорожкѣ; мы видѣли прекрасный источникъ прѣсной воды; потомъ взобрались на другой холмъ. На вершинѣ его я увидѣлъ еще одно жилище, похожее на первое, и также огороженное. Не смотря на предостереженія моихъ спутниковъ, я подошелъ къ самой загородкѣ, но не входилъ внутрь. Подъ строеніемъ паслись небольшія свиньи, совершенно желто-рыжаго цвѣта: ихъ формы были гораздо легче и красивѣе, а хвостъ

длиньше, нежели у Европейскихъ. Я замѣтилъ также нѣсколько куриць. Это второе жилище находится на сто двадцать тоазовъ отъ уровня моря и на поллиги отъ берега.

«Дикари мои и особенно проводникъ болѣе еще чѣмъ прежде убѣждали меня возвратиться. Я рѣшительно объявилъ имъ, что непременно хочу видѣться и говорить съ Арфакійцами. Папуйцы сначала, казалось, были въ большомъ затрудненіи; потомъ проводникъ мой объявилъ мнѣ, что оба видѣнные нами жилища принадлежали Арфакійцамъ, а тѣ, которые находились на берегу моря, были Папуйскія; онъ все это объяснилъ мнѣ такимъ образомъ, что я долженъ былъ подтвердить справедливости его словъ. Обитатели этихъ жилищъ тѣлодвиженіями старались подтвердить справедливость его рассказа. Но я, не смотря на то, объявилъ имъ, что хочу непременно видѣть Гарфуровъ; тогда все они начали увѣрять меня, что ихъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Я остался въ совершенной неизвѣстности: относится ли выраженіе Гарфуръ къ Арфакійцамъ или къ жителямъ горъ? Извѣстно ли оно въ Дорей, или должно означать племена, поселенныя далѣе во внутренности? Нужно было знать лучше языкъ этихъ народовъ, чтобы разрѣшить подобныя вопросы.

«Я продолжалъ путь еще на одну или на двѣ мили, но не встрѣчалъ ничего кромѣ мрачныхъ и величественныхъ лѣсовъ; въ нихъ кое-гдѣ видѣлись поляны; пространства, гдѣ лѣсъ былъ частію выжженъ, частію вырубленъ, по видимому, были приготовлены для плантацій. Впрочемъ я не нашелъ ни какого слѣда жилищъ. Наконецъ время начало становиться пасмурнымъ; дикари не переставали надѣяться мнѣ совѣтами возвратиться; я думалъ, что если выведу ихъ наконецъ изъ терпѣнія, то весьма легко нѣсколько стрѣлъ могутъ быть пущены въ меня, такъ, что я и не догадаюсь даже откуда, а на корабль и не узнаютъ, гдѣ я остался, и потому рѣшился возвратиться, приобрести довольно хорошій запасъ растений и насекомыхъ. Въ особенности породы жесткокрылыхъ (coleoptera) представили мнѣ между плантаціями, около жилищъ, множество новыхъ видовъ, которыхъ напрасно бы сталъ искать я въ лѣсахъ, находящихся у гавани. Въ 2 часа я былъ уже дома.

«Проводникъ, продолжалъ идти со мною до береговаго селенія; я сдѣлалъ ему выго-

воръ за его непрерывныя обманы и за неохотность, показанную имъ во время моей прогулки. Бѣдикъ, казалось, былъ тронутъ моими упреками и столь смущенъ, что мнѣ наконецъ стало его жаль. Онъ, безъ сомнѣній, въ поступкахъ со мною слѣдовалъ приказаніямъ своего начальника. Я далъ ему ожерелье, ожерелье и зеркало, которые тѣмъ болѣе его обрадовали, что онъ потерялъ уже всю надежду получить награду.»

Не смотря на все эти послѣдовательныя посѣщенія, Новая Гвиней, восемь лѣтъ тому назадъ, была еще очень несовершенно извѣстна. Не знали фигуру ея земли, изгибы береговъ и положеніе широкихъ заливовъ и губъ, ее окружающихъ. *Астролябія* должна была исполнить этотъ важный географическій трудъ, хотя потерн; понесенныя ею въ Тонга-табу, дѣлали для нея эту операцію чрезвычайно затруднительною; корветъ, пройдя 2 Августа 1827 года противъ Дэмпира, началъ подробную съемку всего берега и продолжалъ ее съ строжайшею точностію на протяженіи 350 лигъ.

Такимъ образомъ *Астролябія* посѣтила въ проливѣ островъ Вулкана и нашла кратеръ его потухшимъ; острова Рукъ (*Rook*), Топиньѣ, Лоттенъ, Длинный, Короу и Ричъ (*Rich*), дотолѣ едва назначенныя; опредѣлила направленіе огромной цѣпи горъ Финистере; первая описала заливъ *Астролябіи*; посѣтила еще разъ острова Дэмпира и Вулкана, обозрѣла все острова Шутена, сдѣлала съемку другихъ неизвѣстныхъ острововъ близъ берега, открыла губу Гумбольдта, по краямъ которой возвышаются огромныя вершины горъ Бугенвиля и Циклоповъ. Еслибъ *Астролябія* предъ тѣмъ не лишилась якорей своихъ; отъ чего стоянки были для нея трудными и опасными, то она сдѣлала бы повѣрку внутреннему положенію этой важной губы.

Астролябія, находясь около десяти лигъ къ О. отъ пристани, была отнесена тншью и теченіемъ къ берегу. Жители тотчасъ явились на байдарахъ и показывали видъ; что хотѣли на нее напасть; но выстрѣлы изъ ружья и изъ пушки избавили Французовъ отъ этихъ посѣтителей. Это былъ единственный эпизодъ въ этомъ родѣ. Капитанъ Дюрвилъ продолжалъ путь; прошелъ между островами Аримоа и землею, миновалъ полосу безцвѣтныхъ водъ къ сѣверу отъ мыса, получившаго его имя, и полагалъ, что

на этой высотѣ какая-нибудь большая рѣка должна впадать въ море. Вступилъ потомъ въ каналъ Ювіа, до него не посѣщенный, начертилъ фигуру острововъ Ювіа, Мизора, Бюльтига и Длиннаго, а 25 отправился стоять въ Дорейскую гавань, гдѣ провелъ 10 дней.

Едва успѣлъ корветъ бросить якорь, какъ былъ окруженъ байдарами, прибывшими для торговли. Предшественники *Раковины* умѣли поселить такую довѣренность, что самыя женщины уже не думали оставлять свои жилища. Прибытіе Франгузовъ нисколько не измѣнило образа жизни туземцевъ, а только усугубило торговую дѣятельность. Выйдя на берегъ, Г. Дюрвилъ вознамѣрился возобновить начатыя имъ за четыре года предѣтъмъ изысканія объ Арфакійцахъ, въ надеждѣ получить нѣкоторые свѣдѣнія объ этихъ таинственныхъ племенахъ. Послушаемъ еще разсказъ самаго Г. Дюрвила:

«Четыре молодые Папуйца, которымъ я обѣщалъ въ награду кой-какія бездѣлки, должны были проводить меня въ то мѣсто, гдѣ ластають райскія птвички. Пройдя милю десять по пріятной долинѣ, расположенной у самаго моря, мы подошли къ берегу довольно крутому, но не очень высокому, и вообще покрытому большими деревьями. Дорожка отъ бывшихъ дождей сдѣлалась очень скользкая и чрезвычайно трудна. Взойдя на высоту около ста тоазовъ, мы очутились на нѣкотораго рода плоскости, населенной и обрабатываемой племенемъ Арфакійцевъ, живущимъ мирно съ прибрежными Папуйцами. Несмотря на то, взаимная недовѣрчивость царствуетъ между этими двумя племенами. Во время путешествія *Раковины*, когда я еще въ первый разъ открылъ мѣстопробываніе этого племени, береговые Папуйцы употребляли всевозможныя средства, чтобы воспрепятствовать сношеніямъ моимъ съ горцами, утверждая, что они убьютъ и отрубятъ мнѣ голову, или говоря, что они чрезвычайно глупы и не понимаютъ ни моего, ни ихъ языка, и вообще не заслуживаютъ вниманія. Очевидно было, что Папуйцы желали удержатъ за собою монополію торговли, и что участіе Арфакійцевъ въ выгодахъ, извлекаемыхъ ими изъ сношеній съ нами, имъ не нравилось.

«Въ то время цѣлое племя Арфакійцевъ, состоявшее, по мнѣнію моему, изъ полутора человѣкъ, помѣщалось въ двухъ деревянныхъ строеніяхъ, поставленныхъ на стол-

бахъ отъ 30 до 40 футовъ вышиною. Въ нихъ входили по приставленному, нарубленному бревну, которое по ночамъ и при приближеніи непріятеля отнимали прочь. Каждое семейство имѣло отдѣльную конуру, и каждый сарай содержалъ въ себѣ до 20 такихъ конуръ.

«Арфакійцы приняли меня очень хорошо и были гораздо гостепріимнѣе Папуйцевъ; они предложили мнѣ угощеніе, чего послѣдніе никогда не дѣлали.

«Оттуда, гдѣ первоначально находились два жилища на берегу глубокаго оврага, и съ прилегающей къ нимъ площадки, видъ былъ восхитительный. Дорейская гавань, во всемъ ея пространствѣ, смыющаяся острова Мапа-Суари и Масмани, весь берегъ, уходящій къ S. и теряющійся въ горизонтѣ, и далѣе величественная цѣпь Арфакійскихъ горъ, въ самомъ дѣлѣ, представляли удивительную картину. То была дикая природа во всей своей красотѣ и строгости! Подъ огнями экватора, путешественники съ изумленіемъ созерцаютъ изобиліе соковъ, силу растительности, покрывающую деревьями, папоротниками и дикими растеніями почву, по видимому, самую безплодную и каменистую. Нигдѣ въ мірѣ не видалъ я столь огромныхъ растений. Обыкновенная вышина деревьевъ въ здѣшнихъ лѣсахъ превосходитъ все, что я видѣлъ въ этомъ родѣ.

«Теперь два большіе сарая оставлены и развалились; Арфакійцы живутъ въ 5 или 6 зданійхъ меншей величины, построенныхъ почти такъ же, но не столь возвышенныхъ и расположенныхъ на 200 или на 300 шаговъ далѣе. Они окружены прекрасными плантаціями изъ таро, куржи, манса, калаванци, баановъ и проч. Эти люди дружелюбно подошли ко мнѣ и предложили мнѣ пищу; но я поблагодарилъ ихъ и отправился далѣе (Рис. XL. ф. 2 и XLI. ф. 1).

«Скоро мы очутились въ огромномъ и мрачномъ лѣсу; проводники утѣрали, что тутъ находятся птицы, которыхъ я ищу. Но потому ли что почью шелъ дождь, или по другой какой причинѣ, я не видалъ ни одной изъ этихъ блестящихъ птицъ и даже не слыхалъ обыкновеннаго ихъ крика *куа, куа*, столь пронзительнаго и столь отличающагося отъ крика другихъ птицъ. Эти мѣста, въ которыхъ очень мало подростковъ, весьма удобно проходимы и представляютъ пріятное глѣбище, подъ огромными своими вер-

пиннами, непроницаемыми въ самое жаркое время дня.

«Послѣ 2 часовъ усиленной ходьбы, пройдя многіе овраги и густые перелѣски, и не встрѣтивъ ничего занимательнаго, мы спустились по скату, гораздо болѣе отлогому, нежели тотъ, по которому поднялись, и очутились на берегу моря, у входа въ Дорейскій каналъ, между мыса Вакало и Амбела.

«Вся часть берега отъ этого мѣста до селеній образуетъ долину около милн шириною, расположенную вдоль прибрежья и занимаемую плантаціями разнаго рода. Хотя онѣ содержатся плохо, но не менѣе того представляютъ почву болѣе открытую и удобнѣйшую, нежели гдѣ либо изъ окрестностей Дорейской гавани. Узкія тропинки позволяютъ Европейцу прогуливаться безъ затрудненія. Я замѣтилъ также, что многія породы насекомыхъ здѣсь гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе, нежели въ мѣстахъ, предоставленныхъ одной природѣ. Я видѣлъ, какъ между небольшими числомъ деревьевъ, уцѣлѣвшихъ въ этихъ плантаціяхъ, порхали пчелы; но мнѣ никакъ не удалось подойти къ нимъ на ружейный выстрѣлъ.

«Слѣдуя по тропинкѣ, ведущей вдоль берега, я пришелъ въ селеніе Дорей и Куао. Женщины при нашемъ приближеніи еще показывали нѣкоторую робость, но мужчины и дѣти совершенно съ нами ознакомились и сопровождали насъ вездѣ, куда мы ходили. Поговоривъ нѣсколько съ ними подъ тѣнію прекраснаго артокарпуса (*artocarpus*), я около 3 часовъ возвратился на корабль. Самою любопытною добычею моей охоты была прекрасная манната (*mainate*), птица, какую видѣлъ я за 3 года предъ тѣмъ въ Сурабаи у полковника Боннеля. Ее можно также выучивать, какъ нашихъ дроздовъ и скворцовъ.»

Доброе согласіе, царствовавшее между Папуйцами и экипажемъ *Астролябии*, чуть не было нарушено по непредвидѣнному случаю, который безъ наблюденій, сдѣланныхъ еще прежде того Г. Дюрвилемъ надъ характеромъ жителей, остался бы неизъяснимымъ. Наканунъ отъѣзда, одинъ изъ матросовъ, бывшихъ на берегу за водою, внезапно и безъ всякихъ предварительныхъ непріязненныхъ дѣйствій, былъ раненъ стрѣлою, пущенною изъ лука. Товарищи его, ожидая умышеннаго нападенія, криками своими подняли тревогу, и Г. Дюрвиль приказалъ вы-

стрѣлять изъ пушки, какъ для того, чтобы испугать дикихъ, такъ и затѣмъ, чтобы собрать находившихся въ разныхъ мѣстахъ на берегу людей, и особенно отправившихся на охоту 4 офицеровъ, 2 боцмановъ и 2 матросовъ.

«Съ самаго начала тревоги, говоритъ Дюрвиль, дѣти дикихъ, бывшія на корветѣ, поспѣшно спустились въ байдары, крича въ испугъ *Арфаки! Арфаки!* Вскорѣ послѣ того изъ устья ручья вышла байдара большая, на которой взяли матроса Беланже, опасно раненаго. Стрѣла, сдѣланная изъ простаго камыша, съ чрезвычайно острымъ лезвиемъ, ударивъ ему въ спину, глубоко вошла въ мясо и потомъ опустилась отъ движенія, когда онъ пустился бѣжать.

«Пришедъ въ себя, Кеменеръ и Виппо рассказали, что они вмѣстѣ съ Беланже черпали воду, какъ вдругъ онъ упалъ, пораженный стрѣлою. Въ ту же минуту двое дикихъ бросились къ намъ, чтобы схватить ведро, которое они держали. Наши тотчасъ убѣжали въ шлюбку, а дикие въ свою очередь скрылись въ лѣсъ. Посланные мною на катерѣ не могли ничего открыть и принесли только пагубную стрѣлу, которую я сохранилъ.

«По этому разсказу весьма вѣроятно, что мы обязаны этимъ оскорбленіемъ Арфакійцамъ, единственнымъ жителямъ горъ. Крики дѣтей, когда они бѣжали съ корабля, и постоянно дружелюбное поведеніе Папуйцевъ, придавали новый вѣсъ этому мнѣнію.

«Во всякомъ случаѣ, чтобы не оставить ничего безъ надлежащаго вниманія и обезопасить возвращеніе нашихъ охотниковъ, я отправилъ къ селенію Дорей хорошо вооруженный катеръ, подъ начальствомъ Гг. Гресевене и Париса. Я приказалъ имъ держаться на выстрѣлъ отъ берега и тщательно наблюдать за движеніями туземцевъ. Они тотчасъ должны были возвратиться, если бы движенія эти оказались очевидно непріязненными; въ противномъ случаѣ, я приказалъ имъ спокойно ожидать возвращенія нашихъ охотниковъ, не позволяя себѣ ни малѣйшаго подозрительнаго или неосторожнаго поступка. Если бы туземцы вздумали дѣйствовать непріязненно, я рѣшился подвинуться съ корветомъ сколь можно къ берегу, чтобы разгромить все, что попадется; только быстрое и строгое наказаніе могло воспрепятствовать дерзкимъ намѣреніямъ этихъ островитянъ.

«Но 20 минутъ спустя, послѣ отбытія лод-

ки, оба начальника попеременно являлись на побережье. Инну-камонди, каждый въ сопровожденіи Папуйцевъ, которые не переставали оказывать по прежнему дружбу и радушіе, что уже очень успокоило меня на счетъ участіи прочихъ людей.

«Вскоръ Г. Бертранъ, дрожа весь отъ страха, пріѣхалъ въ маленькой байдаркѣ, управляемой капитаномъ Укема, который одинъ изъ Папуйцевъ осмѣлился пріѣхать на корабль. Честный капитанъ былъ на рыбной ловлѣ; услышавъ пушечные выстрѣлы и звуки большихъ раковинъ, онъ приблизился къ селеніямъ, взялъ Г. Бертрана въ свою байдару и отвезъ на корабль. Жители обоихъ селеній готовились бѣжать въ лѣса: мужчины вооружились, женщины и дѣти захватили пуживѣйшую утварь. Несчастные, казалось, страдали отъ нашествія Арфаковъ и вмѣстѣ мщенія Европейцевъ.

«Наконецъ, около половины 12 часа, большая лодка, возвратившись къ кораблю, привезла въ цѣлости трехъ послѣднихъ охотниковъ Гг. Куп, Гильбера и Дюдемса. Они ничего не замѣтили, чтобъ могло подать поводъ къ малѣйшему подозрѣнію на счетъ искренности островитянъ, и были уже далеко на островъ, когда услышали пушечный выстрѣлъ. Они вообразили, что мы уже деремся съ Папуйцами. Можно представить, каково было безпокойство этихъ людей, находившихся совершенно въ ихъ власти. Однако, доѣхавъ до села, они успокоились. Островитяне были единственно заняты собственнымъ спасеніемъ; они думали о побѣгѣ и едва обращали вниманіе на Французовъ, которые безъ труда добрались до большой лодки.

«Тогда добрый Укема, то говоря Малайскимъ языкомъ, который онъ довольно хорошо зналъ, то объясняясь знаками, старался убѣдить меня, что одинъ Арфакъ могъ сдѣлать покушенія на нашихъ людей. Арфаки, непримиримые враги ихъ, скитаются по лѣсамъ, цѣлые дни сторожатъ Папуйцевъ, и когда поймаютъ, прокалываютъ стрѣлами, потомъ бросаются на добычу, отрубаютъ голову и съ торжествомъ несутъ ее и вѣшаютъ на дверяхъ домовъ. Папуйцы поступаютъ такимъ же образомъ съ своими непріятелями. Головы, которыя мы видѣли на некоторыхъ изъ ихъ хижинъ и на гробницахъ, были трофеи ихъ походовъ.

Впрочемъ капитанъ нашъ увѣрялъ, что ни Папуйцы, ни Арфаки не были людоедами;

но Харфуры, внутренніе жители, безъ зазрѣнія совѣсти сознаются въ этой ужасной привычкѣ. Они бьютъ райскихъ птицъ и продаютъ ихъ Папуйцамъ за топоры, пожи и ткани. Главное складочное мѣсто этой торговли есть, какъ кажется, Ембарбакинъ. Арфаки не занимаются охотою за райскими птицами, но обрабатываютъ множество табаку.

«Я въ свою очередь употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить Укема, что Папуйцамъ нечего было насъ страшиться, и въ залогъ моего искренняго къ нимъ расположенія, подарилъ ему два платка и бронзовую медаль, растолковавъ ему ея значеніе. Онъ надѣлъ медаль на шею и завязалъ оба платка вокругъ головы въ видѣ чалмы, потомъ просилъ у меня позволенія показаться своимъ соотечественникамъ.

«Часъ спустя, байдары собрались въ большемъ числѣ, нежели когда либо, и островитяне начали опять свой торгъ съ прежнею доверенностью и безпечностію.»

На слѣдующій день *Астролабія* тронулась, чтобъ выйти изъ гавани Дорейской. Островитяне толпою наѣхали въ байдарахъ, желая успѣть пронзести еще нѣсколько мѣтъ на корабль. Но страшась, чтобъ толпа не загрозидила всей палубы и не помѣшала движеніямъ, капитанъ позволилъ войти одному только капитану Укема. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, несчастные Папуйцы горестно смотрѣли на корветъ, оставившій серебристый слѣдъ на поверхности залива.

Г. Дюрвилль шелъ вдоль берега Новой Гвиннеи, до двухъ небольшихъ островковъ Миспало, за мысъ *Goede-Hoop*; потомъ, окончивъ это важное для Географіи обозрѣніе, оставилъ эти мѣста. Онъ надѣялся на слѣдующій годъ свершить подобное же обозрѣніе полуденной части острова; но пребываніе его въ Ваникоро и болѣзнь экипажа принудили его дать кораблю другое направленіе. И такъ оставалось осмотрѣть южную часть Новой Гвиннеи. Трудъ сей долженъ принадлежать Франціи, ибо она же обозрѣвала и сѣверную ея часть.

Новая Гвиннея имѣетъ 400 лгтъ длины въ направленіи отъ О. S. O. до W. N. W., ширина ея весьма неровная, однако среднее можно полагать около 70 миль. Предѣлы ю. шир. суть 0° 19' и 10° 2' и 128° 23' и 146° 15' в. долг. Пролитъ Меклюаръ и заливъ Гельвинкъ въ западной части, образуютъ два

полуострова, почти совершенно отдаленные; еще не известно, составляет ли восточная часть, заливомъ Гюонъ, одну землю, или состоитъ изъ собранія нѣсколькихъ острововъ, подобно островамъ Луизіады. До сихъ поръ мысъ Радии считали самою восточною ея оконечностью. Вдоль всей сѣверной стороны лежитъ въ небольшомъ разстояніи отъ берега цѣпь высокихъ горъ, возвышенныя части которыхъ суть в. и з. концы, т. е. на в. отъ залива Астроляби и на з. отъ залива Гельвинкъ. Цѣпь эта предъ мысомъ Дюрвиля, сгибается или подается нѣсколько во внутренность. Острова, лежащіе на сѣверъ, все вообще высокіе, доступны и не имѣютъ близъ себя подводныхъ камней, какъ и берегъ большой земли. Но тѣ, которые находятся на полуденной сторонѣ, наиболѣе же въ проливѣ Торреса, напротивъ того, все почти низменны и соединены запутанною сѣтью коралловыхъ рифовъ.

Вся Новая Гвинія и большіе и малые острова, вокругъ нея лежащіе, кажется, совершенно населены Меланезійцами, вообще дикими и необщественными, какъ утверждаютъ записки почти всѣхъ мореплавателей. Папуйцы острова Дорел и окрестныхъ, примѣтнымъ образомъ разнствуютъ отъ этого огромнаго семейства, хотя, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, почитавшихъ ихъ потомками Вѣджусовъ изъ Борнео, они одного происхожденія съ Меланезійцами; впрочемъ, изъ всѣхъ жителей Новой Гвиніи, за одними Папуйцами могли наблюдать такъ продолжительно и съ такою точностію; ими и ограничилось разсмотрѣніе нравовъ и обычаевъ Новой Гвиніи, основанное болѣею частью на личныхъ замѣчаніяхъ капитана Дюрвиля, сдѣланныхъ имъ въ 1824 и 1827 годахъ.

Ничто не можетъ быть измѣнительнѣе типа этихъ островитянъ, между коими Г. Дюрвиль отличаетъ три главные первообраза: собственно называемыхъ Папуйцевъ, Гарфуровъ, или внутреннихъ жителей, и Метисовъ, имѣющихъ сходство болѣе или менѣе съ племенемъ Меланезійскимъ. Папуйцы все вообще тощи, средняго росту (Рис. XL. ф. 2), тѣлосложеніе довольно красивое, но члены слабые. Лица ихъ правильны, скулы нѣсколько выдаются, губы тонкія, ротъ не большой, носъ красивой (Рис. ХLI. ф. 1). Кожа ихъ, тонкая и гладкая, смугловата, но не совсемъ черна. Бороды у нихъ маленькія, во-

лосы курчавые, не столько отъ природы, какъ отъ привычки завиваться. Они въ особенности слѣдуютъ обыкновенію откидывать ихъ на подобіе гривы, или всчесывать огромнымъ хохломъ. Въ Дорелъ, люди этого племени скромны и не воинственны. Они почти не удаляются отъ прибрежья, гдѣ строятъ свои дома на сваяхъ надъ моремъ. Названіе *Папу-Папуецъ*, по самому простому истолкованію, означаетъ ихъ черный цвѣтъ, въ противоположность *Буги-Бугистамъ* и жителямъ бронзоваго цвѣта острововъ Малайскихъ.

Гарфуры, между коими Г. Дюрвиль считаетъ и Арфаконъ, живущихъ въ Дорелъ, народъ проворный, небольшого росту и гораздо сильнѣе Папуйцевъ. Они еще отличаются выраженіемъ лицъ, которыя болѣе дикі, цвѣтъ лица болѣе загорѣлый, кожа грубѣе и шерстистѣе, и обыкновенная худощавость ихъ напоминаетъ типъ Меланезійскій, болѣе всѣхъ распространенный на этомъ морѣ. Они татуируются посредствомъ нартзокъ. Обыкновенно ходятъ нагіе или прикрываются только поясомъ. Волосы ихъ распущены или закручены. Племя это образуетъ впрочемъ настоящихъ жителей этихъ острововъ; ими населены вѣроятно еще неизвѣстныя страны Новой Гвиніи. Слова: Арфуръ, Алфуръ, Харафора, какъ говорятъ все мореплаватели, означаютъ на всѣхъ Молуккахъ, вообще дикарей, живущихъ во внутренности, острова, какова бы они впрочемъ цвѣта и происхожденія ни были. Изгнанные съ прибрежья Папуйцами, Гарфуры укрываются на земляхъ центральныхъ, гдѣ обрабатываютъ нѣсколько участковъ и живутъ въ домахъ, выстроенныхъ на сваяхъ. Арфаки или Гарфуры гавани Дорейской, все, за исключеніемъ нѣсколькихъ колоній, во враждѣ съ Папуйцами, живущими на берегу. Папуйцы явно наложили монополію на все продукты земли своей, хотя эта монополія вовсе не такъ существенна, какъ полагалъ капитанъ Форрестъ.

Если вѣрить этому мореплавателю, то Гарфуры должны бы снабжать Папуйцевъ плодами и овощами, не получая ничего въ замѣнъ; и напротивъ того, если Папуецъ разъ дѣль Гарфуру топоръ, либо ножъ, или другое орудіе, то земли, получившій подарокъ, навсегда остаются въ подданствѣ того, кто подарилъ. Изрѣдка, Гарфуръ обязанъ доставлять Папуйцу то, въ чемъ онъ нуждается. Если Гарфуръ потеряетъ ору-

дѣе, онъ все еще остается поземельнымъ подданнымъ; но если оно сломается или изотрется, Папуецъ долженъ дать другое. Причиной этого страннаго обычая заключается въ томъ, что Харфуры неизмѣнно высоко цѣнятъ все желѣзныя вещи, не имѣя возможности добывать ихъ безъ помощи Папуйцевъ, владѣльцевъ прибрежья. Не смотря на это, трудно повѣрить подданству; когда знаешь, съ какимъ страхомъ Папуецъ приближается къ жилищамъ Гарфуровъ.

Метисы, третій разрядъ здѣшнихъ жителей, небольшого росту, плотные, сильные; лица ихъ костлявы, четверугольны, плоски, скулы выдавшіяся; ротъ у нихъ большой, губы толстыя, носъ плоскій, но иногда бываетъ и острый. Они перемѣшаны съ Папуйцами, и живутъ съ ними. По цвѣту кожи ихъ, по волосамъ, менте курчавымъ, и по прическѣ въ видѣ тюрбана, легко можно узнать Малайское происхожденіе: таково по крайней мѣрѣ мнѣніе Г. Дюрвиля, который считаетъ ихъ смѣшеніемъ, болѣе или менѣе давнимъ, племени Малайскаго съ Полинезійскимъ. Между ними находятся кораносы, капитаны, раджи и вообще всѣ имѣющіе какую либо власть надъ туземцами. Большая часть изъ нихъ говорятъ по Малайски болѣе или менѣе бѣгло.

Въ окрестностяхъ гавани Дорейской и въ селеніяхъ, около нея лежащихъ, считаютъ не болѣе 1500 жителей. Оружія островитянъ суть стрѣлы, копья, узкій и длинный щитъ, стальной ножъ, называемый также парарапгъ и служащій на разныя домашнія употребленія. Они питаются хлѣбомъ, сдѣланнымъ изъ саго, мясомъ черепахъ, рыбою, ракушками, фруктами, кореньями и зеленью. У Папуйцевъ нѣтъ земляныхъ пещей, какъ у Полинезійцевъ, но они на чистомъ воздухѣ устраиваютъ шестки, на которые кладутъ бамбуковую рѣшетку и варятъ свою пищу. Такимъ образомъ готовятъ они въ особенности черепахъ и рыбу.

Папуйцы не имѣютъ понятія о кавѣ; они жуютъ бетель; татуируются накалываніемъ, хотя узоры весьма мало проявляются на темной ихъ кожѣ. Большая часть изъ нихъ ходятъ нагіе; одни начальники прикрываются цыпковою изъ банановыхъ листьевъ, выкрашенною яркими красками и обшитую бахрамой, вырѣзанной съ такимъ искусствомъ, что легко можно принять ее за кружево. Любимое ихъ украшеніе состоитъ изъ браслетъ,

колецъ, гребней, которые страннымъ образомъ торчатъ на ихъ головахъ; серьги изъ раковины, черепалы, или когда достанутъ и серебриныя, тоже въ модѣ. Они еще выдѣлываютъ множество корзинъ изъ банановой соломѣ и папануса. Музыкальные инструменты ихъ суть: Азіятская литавра, обтянутая съ одной стороны кожей лисерицы, варганъ изъ бамбуковой пластинки, Папова-Флейта и морская труба изъ просверленной раковины.

Племена, живущія въ окрестностяхъ этой гавани, содержатъ весьма мало домашнихъ птицъ и свиней; но въ сосѣднихъ лѣсахъ находится множество свиней дикихъ. По замѣчаніямъ Г. Дюрвиля, свиньи у Папуйцевъ есть самое большое изъ четвероногихъ; прочія суть: сабака, кангару изъ Арру, фалангеръ и новый родъ перамели. Казоаръ находится тоже въ нѣкоторыхъ посѣщенныхъ мѣстахъ.

Языкъ Папуйцевъ есть общее нарѣчіе всѣхъ жителей отъ Вайгу до Дорел; оно столько же отличается отъ Малайскаго, какъ нарѣчіе Гарфуровъ. Судя по тому, что намъ извѣстно, языкъ не непріятенъ и не грубъ въ произношеніи; въ устахъ женщинъ онъ даже пріятенъ и благозвученъ; мы рѣдко слышали у этихъ народовъ крики раздражительныя и пронзительныя, которые бы обнаруживали ихъ дикость.

Испуганные покушеніями Англичанъ завести колонію на ю. берегу, и страшась для Молукковъ сосѣдства этихъ предприимчивыхъ мореплавателей, Голландцы въ 1828 году прежде ихъ явились на берегахъ Новой Гвиней и поселились въ окрестностяхъ мыса Вальша. Они выстроили тамъ крѣпость на берегу большой рѣки, названной Дурга, и начертанной въ путешествіи Колфа (Рис. ХLI. ф. 2). Съ тѣхъ поръ объ учрежденіи этомъ извѣстно только, что большая часть новыхъ поселенцевъ погибла отъ нездороваго воздуха. Крѣпость существуетъ вѣроятно и нынѣ, но гарнизонъ долженъ быть весьма незначителенъ.

Луизіада, на в. отъ Новой Гвиней, есть группа значительныхъ острововъ, высокихъ и населенныхъ дикарями, курчавыми и непріступными, какъ дикіе Новой Британіи и Новой Ирландіи. Бугенвиль въ 1768 году первый открылъ эти земли. Держась ближе къ южному берегу на пространствѣ около 100 миль, до огромной открытой бухты, которую онъ

назвалъ *Cul-de-sac de l'Orangerie*, онъ возвратился назадъ, миновалъ мысъ Освобожденія (*Délivrance*), и поплылъ къ островамъ Саломоновымъ. Во время этого похода, онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ островитянами; видѣлъ только нѣсколько лодокъ, плывшихъ вдоль берега, гдѣ были разложены большіе огни. Вотъ что онъ пишетъ объ этой сторонѣ, начиная отъ *Cul-de-sac de l'Orangerie*.

«Я мало видѣлъ странъ, которыя бы представляли столь очаровательный видъ. По берегу моря была равнина, пересѣкаемая кустарникомъ и возвышавшаяся амфитеатромъ въ три уступа, до горъ, вершины коихъ терялись въ облакахъ. Самая высокая цѣпь простиралась въ внутренность земли на 25 миль. Жалкое положеніе, въ которомъ мы находились, не позволило намъ пожертвовать нѣсколько времени для осмотра этой прекрасной страны, гдѣ все возвышалось плодородностью и богатствомъ.

Въ 1793 году, д'Антркасто осматривалъ этотъ архипелагъ, и подверженъ былъ большой опасности въ этомъ морѣ, усыпанномъ подводными камнями. Между островами Бонвулуаръ и С. Эпьянъ подплывала къ кораблю байдара съ людьми робкими, средняго роста, сложенія слабого; волосы ихъ были курчавые, а лице измаранно чѣмъ то чернымъ. Имъ подарили нѣсколько вещей, взявъ изъ которыхъ съ трудомъ достали отъ нихъ немного ямса, пататовъ и банановъ. Они не имѣли оружія и не хотѣли отдать каменнаго топора за желѣзные инструменты, которые въ глазахъ ихъ не имѣли цѣны. Лодки ихъ были страшны, тѣмъ что имѣли двѣ мачты и одинъ топсантагъ съ широкой рѣшеткой, впрочемъ хорошо построенный и выкрашенный разными красками. На берегу около мыса Пирсонъ встрѣчались мѣста восхитительныя.

Страна эта, говоритъ д'Антркасто, изъ всѣхъ видѣнныхъ нами была самая красивая: зелень необыкновенно свѣжа и разнообразна; горы перерѣзаны не столь однообразно, какъ на южномъ берегу мыса Пирсонъ; кокосовыя деревья, растущія даже на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, доказывали, что земля плодородна и могла питать большое народонаселеніе. Видно было нѣсколько деревень, которыхъ жители собирались на берегу, чтобъ насладиться зрѣлищемъ одного изъ нашихъ кораблей. Жилыща были разныхъ видовъ и живописно украшали пейзажъ.

На байдарахъ, подплывавшихъ къ кораблямъ, были дикіе, подобныя тѣмъ, коихъ мы уже видѣли. Они сдѣлали нѣсколько обмѣновъ; потомъ, не имѣя другаго оружія, они пустили въ корабль кучу камней, на что имъ отвѣчали ружейными выстрѣлами. Немного подалѣе и противъ острова Вель двѣ байдары, съжавшіяся съ двухъ противоположныхъ сторонъ, доставили Французамъ случай видѣть ихъ морское сраженіе. Дикіе, оставшіеся зрителями, растолковали Евронейцамъ, что объ байдары будутъ сражаться и что побѣдители съдѣлятъ побѣжденныхъ. Это было передано знаками, выражающими ихъ удовольствіе, и звѣрекими тѣлодвиженіями, дѣйствительно отвратительными. Байдары сѣпились. Сражающіеся стояли на выдававшихся площадкахъ, вооруженные въ одной рукѣ камнями, а въ другой щитомъ для отраженія ударовъ. Камни летали около получаса съ обѣихъ сторонъ съ удивительною быстротою и ловкостью; потому ли что сраженіе было отложено, или вослѣдовало примиреніе, но объ лодки перестали драться и поплыли каждая въ свою сторону.

Эти байдары были несравненно больше всѣхъ нами видѣнныхъ до того времени на берегахъ Луизіады. Одна изъ нихъ, въ 50 футовъ длины, казалось, была удивительно хорошо устроена для быстрого хода. Островитяне, все еще недовѣрчивые, не хотѣли взойти на палубу, но приглашали Французовъ сойти на землю, вѣроятно не съ добрыми намѣреніями. Они показывали намъ разныя вещи, выдѣланныя изъ человеческихъ костей. Желѣзо ихъ не соблазняло; они прельщались только красными матеріями, яркій цвѣтъ которыхъ поражалъ ихъ взоры. Почти нагіе, они прикрывали кушакомъ одну только поясницу. Люди эти впрочемъ, казалось, были права дикаго и вѣроломнаго. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ на палубѣ помощника лекаря корабля *Надежды*, направилъ въ него свое копье, но по счастью, былъ во время замѣченъ; въ него прицѣлились, и этого достаточно было, чтобъ его остановить.

Луизіада занимаетъ пространство около 120 лигъ отъ О. S. О. къ W. N. W. т. е. отъ мыса Освобожденія до острововъ Люзансей и до *Cul-de-sac de l'Orangerie*. Нав. онъ не очень широкъ, но на зап. имѣетъ, какъ полагаютъ, 40 лигъ. Острова, составляющіе его, неопредѣленно назначены на картахъ; даже не начертаны берега самыхъ лучшихъ и по-

вѣйше открытыхъ; и такъ должно довольствоваться, назвавъ только острова Россель, С-тъ Енъанъ, д'Антраксто, Трѣбидъ, и Люзанси, какъ самыя примѣчательныя. Извѣстныя границы этого архипелага суть отъ $8^{\circ} 19'$ до $11^{\circ} 43'$, ю. шир. и отъ $151^{\circ} 56'$ до $147^{\circ} 10'$ в. долготы. Замѣтимъ, что наружное очертаніе съ зап. стороны не извѣстно; отдельно отъ Луизады, и въ 45 лигахъ на с. отъ острова Россель, лежитъ группа изъ восьми низменныхъ островковъ, лѣсныхъ и населенныхъ, открытыхъ Г. Логланомъ, капитаномъ карабля Мерри, котораго имя онъ далъ имъ. Въ 1827, капитанъ Діорвилъ осмотрѣлъ географическое положеніе ихъ и открылъ, въ девяти миляхъ къ западу, небольшую возвышенную скалу, которую назвалъ Каннакомъ. Группа Логлана во всѣхъ направленіяхъ имѣетъ не болѣе пяти миль въ діаметръ; но островки, составляющіе ее, покрыты лѣсомъ, въ особенности прекрасными кокосовыми деревьями, и представляютъ самый очаровательный видъ. Они походятъ на сады, какъ бы брошенные среди мрачнаго и скучнаго океана.

Мы укажемъ только мимоходомъ на острова, лежащіе къ югу отъ Новой Гвинеи, среди подводныхъ скалъ Торресова пролива, и между которыми главнѣйшіе суть: острова Мёрре, Вариваксъ, Бристонъ, Дэлримпль, Реннелъ, Регуръ, Карнуэлль, Талботъ и Освобожденіе (*Délivrance*); самыя большіе имѣютъ только три или четыре мили пространства. Они довольно низменны, и не смотря на то, населены дикими Меланезійцами, схожими съ жителями Новой Гвинеи, вооруженными луками, стрѣлами, людьми суровыми, жестокими и коварными. Случалось нѣсколько разъ, что купеческія суда погибали подъ ударами этихъ варваровъ; такъ между прочими пострадали Честерфилдъ и Кормузъ, останавливавшіеся въ 1793 году между островами Вариваксъ и Мёрре. Нѣсколько человекъ, по выходѣ на берегъ, были окружены туземцами и убиты.

Осмотрѣвъ земли, смежныя съ восточнымъ берегомъ Новой Гвинеи, намъ остается только взглянуть на западныя страны, образующія дальнѣйшую оконечность Меланезіи. Далѣе слѣдуютъ уже Малайскія земли.

Первая изъ нихъ есть Салавати, (*Sallawatty*) высокая, населенная земля, почти въ 80 миль окружности, отдѣляемая отъ Новой Гвинеи узкимъ проливомъ, извилистымъ

и устьями маленькими островками, замѣченными въ первый разъ въ 1764 году капитаномъ Уатсономъ. Географическое положеніе середины этого острова подъ $1^{\circ} 8'$ шир. и $128^{\circ} 35'$ в. долг. Полагаютъ, что островъ Салавати населенъ многочисленнымъ и жестокимъ Папуйскимъ племенемъ, которымъ управляетъ независимый раджа. Народы на немъ обитающіе, питаются рыбами, черепахами и сердцевинною пальмовыхъ деревьевъ. Нѣкогда островитяне эти соединились съ воинами соседнихъ группъ, чтобы многочисленною толпою нападать на тѣ мѣста Молуккскихъ острововъ, которыя заняты Голландскими конторами.

Форрестъ рассказываетъ, что въ Мартѣ и въ Апрѣлѣ мѣсяцахъ Папуйцы Новой Гвинеи, и изъ Салавати соединились въ большомъ числѣ, чтобы идти войною въ Гилоло. Серамъ Амбонну и до самаго Ксюлла Бесси. Они опустошили остр. Амблу близъ Буру, и увезли многихъ жителей.

«Въ 1770, году,» говоритъ тотъ же капитанъ, «100 лодокъ Папуйскихъ изъ Новой Гвинеи, съ острововъ Арру, Салавати и Мизоль, собрались во время весенняго равноденствія, когда море совершенно спокойно, и поднялись вверхъ по проливу *Patience*, раздѣляющему Бачіанъ отъ Гилоло. Они не учинили никакихъ насилій; но Голландская компанія, которая опасалась ихъ, послала начальникамъ въ подарокъ, чрезъ депутатовъ, куски тканей и проч.; флотъ разсѣлся, нѣсколько дней занялся рыбною ловлею и охотою въ лѣсахъ, послѣ чего отправился обратно. Раджа острова Салавати имѣлъ неосторожность остаться позади. Надо замѣтить, что ни онъ, ни кто изъ другихъ начальниковъ не нанесли ни какихъ опустошеній.

«Голландцы, желавшіе увезти его, придумали слѣдующую хитрость: посланный привезъ ему бумагу съ подписью и печатью губернатора Терната, говоря, что это прощеніе преступленія, которое онъ сдѣлалъ, войдя съ вооруженными силами во владѣнія Голландцевъ; что онъ долженъ считать себя счастливымъ другихъ раджей Папуйскихъ, возвратившихся въ свои жилища безъ этого разрѣшенія. Въ то же время его приглашали пріѣхать въ Тернатъ, гдѣ губернаторъ хотѣлъ оказать ему все почести, должныя сану его, и для того, чтобы онъ могъ купить въ магазинахъ компаніи то, что ему понравится. Приглашеніе это сопровождается было мѣш-

комъ долларовъ. Индійскій начальникъ прельстился; чувствуя, что доллары будутъ ему бесполезны въ его отечествѣ, и слышавъ много разсказовъ о прекрасныхъ вещахъ, продаваемыхъ Голландцами въ Тернатѣ, онъ не могъ воспротивиться желанію съ пользою употребить деньги, пріобрѣтенныя имъ такимъ неожиданнымъ образомъ; последовавъ за посланнымъ съ десятью или двѣнадцатью изъ своихъ подданныхъ, онъ вошелъ въ укрѣпленія, и явился къ губернатору, который принялъ его съ вниманіемъ и почестями.

Губернаторъ, отославъ тогда тѣлохранителей Индійскаго князя, считалъ себя такъ утѣреннымъ въ плѣнникѣ, что не велѣлъ даже затворить дверей. Когда принцу объявили, что онъ долженъ сдаться, онъ потихоньку велѣлъ людямъ своимъ, которые были готовы къ *монгамо*, или къ умерщвленію нѣсколькихъ Голландцевъ, для спасенія своего вождя, не дѣлать ни малѣйшаго покушенія къ защитѣ его, но самимъ спасаться: и точно, они бѣжали въ то самое время, когда раджа отдавалъ свой крикъ (*кижалъ*); и лишь только вышли изъ укрѣпленія, они съѣли въ коронѣ и скрылись. Можетъ быть, Голландцы съ намѣреніемъ дали время Индійцамъ спастись. Но раджа и понынѣ находится плѣнникомъ подъ строгимъ присмотромъ.»

Эта подлая измѣна, разумѣется, не уладила дѣла Голландцевъ въ Салавати и земляхъ Папуйскихъ. Съ того времени этотъ народъ изъ мщенія продолжалъ свои нападенія и грабительства. Незадолго до прибытія Г. Дюрвиля въ Буну, въ 1824 году, островъ былъ осажденъ; потому то Малайцы не иначе говорили о Папуйцахъ, какъ о тиграхъ, жаждущихъ крови. Не было, по мнѣнію ихъ, ничего ужаснѣе этихъ лютыхъ дикарей, и они не могли постигнуть, какъ Французы, прибывшіе на *Раковинъ* могли войти съ ними въ дружеское сношеніе.

Проливъ Питтъ или Сагевейтъ, отдѣляетъ Салавати отъ Батганта, высокой земли, въ 26 миль длины и въ 6 миль въ ширину. Западную оконечность ея образуетъ мысъ Мабо, столь знаменитый въ разсказахъ первыхъ мореплавателей, которые принимали его за конецъ Новой Гвиней. Близъ этого мыса маленькій заливъ, гдѣ можно снабжаться дровами и водою, принимая однако же всѣвозможныя предосторожности отъ нападенія лютаго племени Папуйцевъ. Середина ост-

рова лежитъ подъ 0° 50' ю. шир. и 128° 20' в. долгот.

Проливъ Гаменъ или Дэмпира, открытый этимъ мореплавателемъ въ 1700 году и устьяный множествомъ острововъ, отдѣляетъ Батганту отъ острова Вангу. Черезъ этотъ то проходы идутъ противъ стремленія и вѣтра всѣ суда, отправляющіяся въ Китай; проездъ опасный и трудный.

Островъ Вангу, значительнѣе и извѣстнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, открытъ былъ, кажется, первымъ Европейскимъ мореплавателемъ, поселившимся на Молуккскихъ островахъ. Впрочемъ Дэмпиръ первый въ 1700 году подтвердилъ, что онъ отдѣленъ отъ Новой Гвиней. Бугенвилъ, въ 1768, плавалъ вдоль южнаго берега его; Форрестъ въ 1774, д'Антраксто въ 1793, Фрейсине въ 1818, Дюперре въ 1823 и 1825, наконецъ Дюрвилъ въ 1827, всѣ поочередно продолжали обзоръ, и собрали различныя свѣдѣнія объ этомъ островѣ. Форрестъ былъ въ гаваняхъ Фофатакъ, Равакъ, и Піапискъ, удобныхъ для якорной стоянки; онъ досталъ тамъ рыбы, сердцевитыя пальмовыхъ деревьевъ, и нѣсколько черепашъ. Весь островъ, по сказанію туземцевъ, содержалъ 100,000 жителей, раздѣленныхъ между многими старшинами, изъ коихъ самый могущественный принималъ титулъ раджи Вангу, и имѣлъ пребываніе свое на одномъ изъ южныхъ острововъ.

Товарищи д'Антраксто въ свою очередь останавливались въ заливѣ Бони, гдѣ они провели 12 дней. Сношенія ихъ съ Папуйцами были чрезвычайно дружелюбны; всякой день приносили на корабль рыбы, куръ, черепашъ, свиней, огородныхъ овощей и различнаго рода плодовъ. Туземцы очень боялись Голландцевъ. Нѣсколько старшинъ постигли корабль, а паканунъ отплытія его, начальникъ Равака ужиналъ, и провелъ ночь на *Надеждѣ*. Но видя, что готовились сдѣлать, онъ бросился въ воду, боясь, чтобы его неувезли. Опасеніе это впрочемъ могло быть оправдано множествомъ похищеній, сдѣланныхъ Голландцами, которые еще недавно увезли, среди праздника, даннаго на корабль, брата Индійскаго раджи. Слѣдствіемъ этого насильственнаго поступка была война, продолжавшаяся еще и въ то время. Собранные подъ начальствомъ самаго сильнаго султана тѣхъ странъ и соединенные съ воинами Серама, жители Вангу отправились стеречь Амбоннскаго гу-

бернатора, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ Молуккскіе острова, долженъ былъ проходить около береговъ этихъ группъ. Передъ отплытіемъ въ экспедицію, островитяне скрыли въ безопасныя убожища женъ и дѣтей своихъ, отъ чего берега казались тогда пустынными и необитаемыми.

Въ концѣ 1818 года, Г. Фрейсине, стоялъ также три недѣли въ небольшой гавани Равакѣ, гдѣ Папуицы изъ Бони и Кабарен приходили торговать съ Французами. Эти люди казались столь же застенчивыми, какъ ихъ описывали предприимчивыми и храбрыми. Папуецъ Сруанъ, старшина острова Бони, подкупленный подарками, сдѣлался другомъ и застольнымъ товарищемъ капитана. Офицеры и натуралисты свободно обошли страну, и Г. Куа могъ довольно подробно описать общій характеръ этой земли.

«Съ разсвѣтомъ, говоритъ онъ, мы отправились въ Бони, гдѣ наканунѣ замѣтили довольно значительное число домовъ. Остановясь противъ небольшого залива, близъ котораго они лежали, мы замѣтили, что цѣлая связь подводныхъ скалъ не позволяла приблизиться къ нимъ. После нѣсколькихъ безуспѣшныхъ покушеній перейти эту преграду, покушеній, едва не сдѣлавшихся намъ пагубными, мы рѣшились направиться къ южной сторонѣ острова, гдѣ море гораздо спокойнѣе, и потому обѣщало намъ не столь опасный доступъ; но тамъ деревья, которыя покрывали утесы, выдаваясь въ самую воду, окружали берегъ почти непроходимой оградой. Маленькая бухта показалась намъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ бы можно было пристать. Впрочемъ, мы вездѣ любовались силою и блескомъ растительности; то поцуганъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ украшал и вмѣстѣ оживлялъ зелень; то какатоссы ослѣпительной близости выказывались въ дали изъ за темной зелени листьевъ; мы замѣтили нѣсколькихъ совершенно черныхъ, что весьма рѣдко между этимъ родомъ говорящихъ птицъ.

«Продолжая плыть вдоль берега острова Бони, мы увидѣли устье небольшой рѣки, посредствомъ которой море вливалось воды свои во внутренность земель; это подало намъ мысль войти въ нее; мы съ трудомъ пробрались подъ вѣтвями манговыхъ деревьевъ, корни которыхъ ежеминутно останавливали лодку и наконецъ совершенно заградили ей проходъ. Къ счастью, мы могли остановиться у выдающейся остріемъ скалы,

не въ дальнемъ отътуда разстояніи, и собрали нѣсколько образцовъ для минералогической нашей коллекціи. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, показался челнокъ, направившійся къ намъ; то былъ Сруанъ, старшина острова Бони, который, увидя насъ въ то время, когда мы боролись съ бурунами, подошелъ къ намъ на помощь. Мы просили его привезти насъ обратно въ его селеніе; онъ не отказался рѣшительно, но и не советомъ охотно согласился. Казалось, онъ такъ былъ озабоченъ, что мы сами не могли удержаться отъ нѣкотораго страха. Онъ бѣжалъ, то сзади лодки, то возлѣ и никогда не опережалъ ее; одинъ разъ подбѣжалъ даже къ острову, чтобы взять третьяго товарища; наконецъ проведя насъ почти тою же дорогою, которою мы прибыли, онъ вдругъ въѣхалъ въ открытое море, и обойдя около буруновъ, остановившихъ насъ, вошелъ въ узкій между ними проѣздъ. Тогда мы послѣдовали за нимъ, но не съ совершенною безопасностью, ибо могло случиться, что встрѣтивъ мелкое мѣсто, лодка наша погнѣбла бы въ переправѣ, безопасной для байдары, которая гораздо легче. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ хотѣлъ нарочно завести насъ въ западню, чтобы послѣ удобнаго воспользоваться добычею? Благодаря Бога, подозрѣнія наши были несправедливы: Сруанъ провелъ насъ со всею ловкостью, свойственною искусному лодману: шлюбка, пройдя злосчастные буруны, вступила въ тихія, спокойныя воды, хотя и не слишкомъ глубокія. Каково было наше удивленіе, когда, приставъ къ берегу, мы увидѣли, что всѣ двадцать жилищъ или домовъ, изъ которыхъ состоитъ селеніе Бони, были только что оставлены, и что туземцы скрылись въ лѣсахъ. Очевидно было, что цѣлою замедленіемъ Сруана было желаніе предупредить жителей селенія, и дать имъ, а особливо женщинамъ, время спрятаться.

Раджа оставилъ нѣкоторымъ образомъ въ наше распоряженіе пустое селеніе Бони; онъ показалъ намъ всѣ дома, за исключеніемъ одного, который, какъ мы полагали, долженъ быть родъ храма. Они построены на сваяхъ сверхъ воды, близъ самаго берега. Г. Дюперре приказалъ людямъ ни до чего оставленнаго жителями не дотрогиваться, что и было въ точности исполнено. Что же касается до Сруана, онъ, проведя съ нами нѣсколько времени, раздѣливъ завтракъ и выпивъ вина, которое ему чрезвычайно понравилось,

оставилъ насъ, съ тѣмъ чтобы идти на рыбную ловлю.

«Видя невозможность войти въ сношеніе съ жителями этого острова, рѣшено было, не дожидаясь возвращенія раджи, выѣхать проѣздомъ, который онъ намъ показать: что мы и сдѣлали, хотя не безъ труда, и тотчасъ же поплыли въ глубину гавани, съ намѣреніемъ взглянуть на рѣку, гдѣ некогда адмиралъ д'Анграсто наливался водою. Она узка, извилина и течетъ на каменистомъ грунтѣ: берега ея покрыты деревьями: огромной вышины, образующими живописный видъ; подъ тѣнью ихъ находятся прелестныя убѣжища. Солнце уже садилось: вокругъ насъ вѣяла пріятная прохлада. Вдругъ, три райскія птицы прилетѣли, какъ бы затѣвъ, чтобы оживить эту величественную картину; одна изъ нихъ летѣла черезъ рѣку и волновала надъ нею неподобный хвостъ свой; на самой срединѣ она поднялась перпендикулярно, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы поймать какую нибудь добычу; и тѣмъ доставила намъ долгое время удовольствіе любоваться ею. Я выстрѣлилъ въ нее; но разстояніе было слишкомъ велико: испуганныя выстрѣломъ, эти удивительныя птицы улетѣли и не возвращались болѣе.

«Мы поднялись вверху, по теченію, почти на разстояніе мили: но тамъ лодка, идущая глубоко въ водѣ, остановлена была грудой камней, «стланцевъ», горныхъ кремней, и прочіе, которые покрывала дно рѣки, заставили насъ сдѣлать небольшой обходъ.

«Вода выступаетъ на оба берега и образуетъ обширныя болота, гдѣ произрастаетъ множество растений и деревь. Мы увидѣли, на маленькихъ островкахъ, развалившіеся хижины, которыя казались давно уже необитаемы, и нѣсколько заброшенныхъ челноковъ. Нездоровости ли воздуха надо было приписать это безлюдство, или опустошенію войны?

«Не видя ни какого удобнаго жилища, мы возвратились къ прежнему почлегу; огонь тамъ еще не потухъ, что весьма пріятно, даже подъ экваторомъ, гдѣ почти бываютъ свѣжи и чрезвычайно сыры. Гуляя въ окрестностяхъ, я увидѣлъ на землѣ знаки, походившіе на слѣды кабановъ; мнѣ пришло въ мысль, что тутъ проходили эти животныя, довольно обыкновенныя въ той странѣ; можетъ быть, это были и слѣды Индійскихъ свиней, которыхъ также не удивительно было бы найти на островѣ Вайгу. Я легъ спать, съ оружіемъ

подъ головою; но предосторожность была бесполезна: въ продолженіе всей ночи я ничего не слышалъ.»

Во время пребыванія Г. Фрейссне въ Равакѣ, кималаха, или морской начальникъ Двеба, пріѣзжалъ къ нему въ вооруженномъ своемъ коро-коро. Но пріѣздъ Двебейцевъ, всѣ Пауицы, окружавшіе *Урапио*, вдругъ исчезли. Замѣтно было, что эти чужестранцы приводили ихъ въ страхъ. Изъ этого заключили, что кималаха и люди его обращались жестоко съ бѣдными жителями Вайгу.

Въ 1823 году, Дюперре въ свою очередь выходилъ на эти земли и сталъ на якорь въ Фофагакъ. Также какъ и предшественникъ его, онъ имѣлъ съ туземцами только дружескія и миролюбивыя сношенія. Однако жители берега продолжали прятать женщинъ отъ Европейцевъ. Робкіе и недоверчивые, они не менѣе того въ торговыхъ дѣлахъ были весьма искусны. Нѣсколько свѣдѣній о правахъ и обычаяхъ, и нѣсколько географическихъ познаній ознаменовали это путешествіе, о которомъ, за недостаткомъ извѣстнаго еще свѣту донесенія капитана, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь не напечатанный еще отрывокъ Г. Дюрвиля.

«Въ теченіе двухъ дней туземцы не показывались; въ прежнія поѣздки никто изъ насъ не могъ подойти къ нимъ близко, ни я, ни офицеры корвета. Однако я хотѣлъ подробнѣе рассмотреть это поколѣніе людей, о которомъ показанія всѣхъ путешественниковъ были такъ различны; одни описывали ихъ свирѣпыми и кровожадными дикарями, которые искали только случая обмануть чужестранцевъ, чтобы ихъ задушить или отрезать имъ головы; другіе, видѣли въ нихъ только людей смиреннѣхъ, кроткихъ и застѣнчивыхъ; кромѣ того, я хотѣлъ увѣриться въ справедливости показаній Форреста, будто узкій перешеекъ отдѣлялъ гавань Фофагакъ отъ южной бухты.

«Въ шесть часовъ утра, я поѣхалъ съ Г. Лессономъ и Ролландомъ въ большой лодкѣ, съ семью матросами; въ числѣ ихъ я взялъ Англичанина Вильмеа, котораго преданность, добрая воля и неустранимость наиболѣе внушали мнѣ довѣренность. Мы прошли мимо высокаго полуострова, который оканчивался возвышеннымъ пригоркомъ, странная наружность представляетъ его видъ Фригійскаго колпака; и передъ небольшимъ островомъ *Могина* (des Tombearx),

который соединялся съ полуостровомъ посредствомъ каменнаго подводнаго рифа, покрытаго только на нѣсколько футовъ водою во время отлива. На берегу острова, около десяти туземцевъ, стоявшихъ у челноковъ своихъ, съ безпокойствомъ смотрѣли, какъ мы подъѣзжали, и казалось, были готовы бѣжать. Свѣдѣнія, собранныя мною о характерѣ дикихъ, показывали, что для вступленія съ ними въ сношенія, нѣтъ ничего хуже, какъ идти прямо къ нимъ, когда они болтаютъ васъ; но что, напротивъ того, надо показать, будто не видимъ ихъ, или не заботиться о нихъ, и недовѣрчивость ихъ поемному исчезаетъ. Впрочемъ извѣстно, что вообще надо употреблять этотъ способъ и для приближенія къ дикимъ звѣрямъ.

И такъ я велѣлъ товарищамъ своимъ не обращать на дикарей вниманія. Мы продолжали путь, спустились по южному берегу гавани, который очень крутъ, и гдѣ нѣтъ ни одного мѣста, куда бы можно было удобно пристать; на немъ растетъ множество деревьевъ, довольно высокихъ, наибольше казуаринъ. Когда мы сходили съ корабля, небо было уже пасмурно; но я думалъ дождать до дождя; въ 7 часовъ, тучи собравшись надъ головами нашими, вдругъ разразились и облили насъ такимъ сильнымъ дождемъ, что въ одну минуту мы промокли до костей; я очень сожалѣлъ, что время потѣшало ботаническимъ и энтомологическимъ моихъ изслѣдованіямъ.

«Около половины восьмага, мы дождались до глубины залива, оканчивающаго западный рукавъ гавани Фафагакъ, вразстояніи одной мили отъ того мѣста, гдѣ мы бросили якорь. Мѣсто, къ которому мы прибыли, представляло взорамъ самый печальный видъ. Въмѣсто свободнаго поморья, доступнаго и даже населеннаго, который я ожидалъ найти, на берегу видны были грязныя болота, покрытыя высокими мангловыми деревьями изъ роду *bruguiera*, которыхъ сплетенныя корни, выгнутые и соединенные во всѣхъ направленіяхъ, разстилались по болоту безпредѣльнаго събыю. До невѣроятія тягостно и трудно идти по такому грунту; ноги скользятъ по корнямъ, ежеминутно страшишься упасть и разбить голову. Мы остались въ лодкѣ позавтракать, въ надеждѣ, что дождь скоро перестанетъ; но онъ продолжался съ прежнею силою. Не желая безплодно совершить эту поездку, я рѣшился идти и углубиться въ

середину острова, такъ далеко, какъ только будетъ возможно.

«Меня сопровождали Роландъ, Виллемсъ, и два другіе моряка; Г. Лесонъ предпочелъ остаться близъ лодки. Мы нашли на берегу двѣ байдары, которыя, казалось, недавно были вытасканы на берегъ; изъ этого заключить, что дикіе иногда бываютъ здѣсь, и что я могъ по дорогѣ встрѣтить новыя слѣды ихъ. Пройдя около ста шаговъ вдоль по теченію довольно глубокаго потока, мы очутились у домика, который, судя по наружности и по свойству матеріаловъ, казалось, могъ только служить защитою отъ непогоды на перенутьи; неподалеку находились два гораздо значительнѣйшія строенія. Земля въ этомъ мѣстѣ покрыта мангловыми, пальмовыми и другими чрезвычайно высокими деревьями. У болышой части изъ нихъ стволы до неизмѣримой вышины покрыты большими безвѣстными растеніями и плющами. Отъ этого домика начинается довольно прочищенная тропинка, по которой мы шли, окруженные густою тканью смѣшавшихся растеній; перейдя нѣсколько разъ черезъ потокъ свѣжей и холодной воды, мы очутились у подошвы возвышенія. Дорога сдѣлалась удобнѣе, грунтъ земли былъ крѣпче и суше; я собралъ здѣсь нѣсколько родовъ новыхъ для меня растеній, изъ коихъ назову только самое любопытное и въ первый разъ видѣнное мною: *perenthes mirabilis*, съ чашечками всегда наполненными водою. К несчастью, дождь шелъ съ прежнею силою, и обращики эти не могли хорошо сохраниться.

«По мѣрѣ того, какъ мы поднимались, тропинка шла круче; глинистая земля была такъ скользка, что всѣ старанія наши взобраться на вершину остались бы, вѣроятно, безуспѣшными, еслибъ не выкопанныя туземцами уступы, которые служили намъ вмѣсто ступеней. Не менѣе того, намъ часто случалось скользить, и тогда, однимъ скачкомъ назадъ, мы теряли пространство, пройденное долгими усиліями. Мы утѣшались, смѣясь отъ всего сердца надъ этими неудачами. Наконецъ мы достигли до вершины перешейка, вышиною коего я полагаю почти во сто туазовъ. Тутъ же на мѣстѣ разрѣшился вопросъ, для объясненія котораго я сюда прибылъ. Въ направленіи къ Фафатаской бухтѣ, деревья заслонили море, и я могъ только видѣть зубчатый гребень, который возвышался далѣе; но на противоположной сторонѣ, т. е. въ направленіи къ S.

S. O., я съ радостію увидѣть огромный бассейнъ, который, казалось, лежалъ отъ S. S. O. къ N. N. W.; я не могъ видѣть входа въ него, но замѣтилъ на поверхности нѣсколько острововъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Открытіе это ободрило меня; между тѣмъ погода начинала поправляться, и я хотѣлъ до-полнить мое изслѣдованіе.

«Тропинка была удобно проходима; мы начинали спускаться. Спускъ гораздо круче съ этой стороны, нежели на противоположной покатости. Для облегченія схода, туземцы разложили поперегъ большія вѣтви, вмѣсто ступеней, чтобы опираться на нихъ ногами. Эти предосторожности доказывали, что здѣсь производилось постоянное сообщеніе между обѣими бухтами. Кроме того, мы очень ясно видѣли на грязи свѣжій еще слѣдъ ногъ туземцевъ. Менѣе нежели черезъ полчаса мы достигли до берега небольшой рѣчки, близъ которой возвышался сарай, подобный находившемуся на той сторонѣ горы. Кругомъ земля была покрыта кучами раковинъ. Я даже замѣтилъ, мимоходомъ, что вдоль всей этой дороги, которую мы прошли, то есть на разстояніи почти цѣлой мили, земля была усыпана различнаго рода раковинами: должно полагать, что люди эти ходятъ всегда съ запасомъ и вѣять дорогою. Если бѣ Вольтеръ увидѣлъ это, то онъ вѣроятно торжественно подтвердилъ бы этимъ обстоятельствомъ свою систему о присутствіи раковинъ на возвышенности горъ.

«У домика дорога прекращалась; далѣе земля была покрыта мангловыми деревьями, съ переплетенными корнями, которые орошались приливомъ моря. Сначала я пробовалъ итти по руслу рѣчки; но вскоре вода подступила мнѣ по самую шею, и принудила меня отказаться отъ этого предпріятія. Послѣ цѣлаго часа, посвященнаго столь же труднымъ, какъ и тщетнымъ покушеніямъ, я рѣшился возвратиться съ Ролландомъ къ домику, и ожидать тамъ Вильмса, ушедшаго къ самому морю. Долгое обращеніе сго съ дикими народами, нѣкоторымъ образомъ, приучило сго ко всемъ ихъ упражненіямъ; онъ безъ труда могъ ходить по бугристымъ стѣгамъ корней, по которымъ я едва могъ держаться на ногахъ. Блуждая около домика; я нашелъ обломки вѣселя, сорвалъ нѣсколько новыхъ растений; между тѣмъ солнце показалося, бабочки начали порхать во многихъ мѣстахъ, и я сожалѣлъ, что оставилъ свою сѣтку въ шлюп-

кѣ. Вильмсъ, возвратясь, разсказалъ мнѣ, что пройдя по корнямъ разстояніе почти полмили, онъ дошелъ до берега небольшого залива, окруженнаго болотами, со входомъ отъ дуга и съ двумя маленькими островами внутри. Впрочемъ берегъ показался ему недоступнымъ со всехъ сторонъ; это заставило насъ предполагать, что туземцы подъезжали въ байдарахъ во время прилива къ домику, лежащему у самой подошвы перешейка. Было уже половина одиннадцатаго; мы не могли бы предпринять ничего безъ пособія дикихъ, и потому отправились къ лодкѣ.

«На вершинѣ перешейка, я взлѣзъ на высокое дерево, чтобы лучше осмотрѣть южную бухту. Тогда я удостоверился, что часть, видѣнная Вильмсомъ, была не что иное, какъ небольшой заливъ большой бухты, которая простиралась съ одной стороны далеко къ западу, а съ другой къ S. S. O. На одномъ довольно возвышенномъ островѣ видны были, по берегу моря, три большіе дома, окруженные воздѣланною землею: вѣроятно, то было мѣстопребываніе раджи, о которомъ упоминалъ Форрестъ. Кроме того, я удостоверился, что открытая мною тропинка, служила путемъ сообщенія между двумя бухтами; земля, значительно возвышалась по правую и по лѣвую сторону, становилась еще недоступнѣе. Дорогою Ролландъ подѣлилъ молоденькаго фалангера, брошеннаго матерью.

«Мы возвратились къ шлюпкѣ въ половинѣ перваго часа, и отправились къ небольшому заливу, открытому: наканунъ нашими офицерами, на югъ отъ острова Могиль (des Tombeaux). Группа изъ двѣнадцати или пятнадцати кокосовыхъ деревьевъ, окружавшихъ маленькій домикъ, построенный на сваяхъ, сушила намъ прохладительный сокъ своихъ плодовъ и возможность погулять въ тѣни ихъ, ибо вездѣ, гдѣ находятся деревья, земля обыкновенно бываетъ удобопроходима. Морс было низко; илѣ едва ли на два фута былъ покрытъ водою, такъ, что намъ стоило большихъ трудовъ подтащить шлюпку къ домику. Я вскоре увидѣлъ, что это было не что иное, какъ большая клетка изъ бамбука, покрытая латановыми листьями и поддерживалась четырьмя столбами, на четыре или на пять футовъ отъ поверхности воды, какъ все жилища Папуйцевъ. Во внутренности было только пять квадратныхъ комнатокъ; во всякомъ углу сдѣлана маленькая площадка, на

которой находились корзина и несколько высушенных трианговъ.

«Мы поспѣшили удостовѣриться, взяли ли дикіе пожи, оставленные наканунѣ Г. Бераромъ, взамѣнъ кокосовъ, которые онъ велѣлъ собрать. Еще прежде, нежели мы причалили къ берегу, я замѣтилъ между мангловыми деревьями молодого дикаго, который хотѣлъ спрятаться, чтобъ наблюдать наши движенія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика, на томъ мѣстѣ, по которому я шелъ на ловлю бабочекъ, лежали на пескѣ двѣнадцать или пятнадцать *самыхъ священныхъ кокосовъ*, связанныхъ по два вмѣстѣ, и воткнутые въ нихъ два пожа, изъ оставленныхъ наканунѣ. Эта любезность со стороны скрывающагося незнакомца показала мнѣ весьма изысканною: она обнаруживала дружелюбныя расположенія. И товарищи мои воспользовались подаркомъ; онъ былъ въ пору: чрезвычайный жаръ томилъ насъ, и не было даже воды, для утоленія жажды. Молодой Папуецъ, вѣроятно, довольный тѣмъ, что вниманіе его намъ понравилось, подошелъ къ намъ, одинъ и безъ оружія, и доверчиво протянулъ руку, говорилъ: *бангусъ* (хорошо), показывая, что онъ съ намѣреніемъ положилъ тутъ эти кокосы для насъ.

«Онъ первый отважился приблизиться къ намъ, и потому я обошелся съ нимъ особенно дружески; ему были подарены подвѣски къ серьгамъ и прекрасное ожерелье. Щедрость, вѣроятно, вовсе немисливаемая, казалась, снискала совершенную его пріязнь, и онъ далъ намъ понять, что все мы можемъ брать кокосовъ, сколько желаемъ. Я позволилъ тогда матросамъ нарезать ихъ для себя, советуя притомъ не тратить ихъ напрасно, и въ случаѣ появленія другихъ островитянъ, обходиться съ ними какъ можно лучше. Я бродилъ часъ или два въ лѣсу, который съ этой стороны довольно удобопроходимъ, и собралъ порядочное количество чешуекрылыхъ насекомыхъ. Кроме того, приобрѣтилъ нѣсколько драгоценныхъ бабочекъ *igania orontes*, которые садятся подъ мангловые листья на подобіе нашихъ ночныхъ бабочекъ; и порхаютъ неровными прыжками. Этотъ прекрасный родъ бабочекъ здѣсь въ болотистыхъ мѣстахъ.

«Возвратясь наконецъ къ плѣнбѣ, чтобы пообѣдать, я съ большимъ удовольствіемъ нашелъ тамъ десять или двѣнадцать Папуицевъ, которые играли тѣмъ съ гребцами, какъ бы старые знакомые. Они вскорѣ обступили

меня, повторяя: *капитанъ бангусъ; собатъ*, и проч., и обходились со мною очень ласково. Эти люди вообще маленькаго роста, худощавы, слабого сложенія и подвержены проказѣ: черты ихъ лица впрочемъ не безъ нѣкоторой пріятности, голосъ нѣженъ, осанка степенна и вѣжлива, и даже носятъ на себѣ печать нѣкоторой свойственной имъ меланхолической, обнаруживающейся въ нихъ постоянно.

«Въ четыре часа мы отправились къ кораблю. Проходя передъ островомъ Могиль (*des Tombeaux*); я нарочно держался очень близко къ берегу, но не показывалъ виду, что хочу пристать къ нему. Одинъ изъ туземцевъ, приближаясь въ водѣ съ большимъ голубемъ въ рукахъ, знаками приглашалъ насъ подъѣхать; вскорѣ мы были между ними и разсматривали ихъ кочевье. На огнѣ жарился большой кусокъ мяса черепашь; маленькое убѣжище изъ пальмовыхъ листьевъ, возвышалось на три фута сверхъ поверхности земли: оно было выстроено для тѣхъ, которые показались намъ начальниками этого отряда, и лежали безпечно на циновкахъ, имѣя подъ головою маленькій подмостокъ изъ рѣзнаго дерева. Размѣняясь съ ними нѣсколько Малайскихъ словъ, я растолковалъ имъ, какъ могъ, что если они привезутъ на корабль съѣстные припасы, или какіе либо предметы ихъ промышленности, то взамѣнъ получатъ разныя вещи Европейскихъ фабрикъ; они обѣщали быть на другой же день. Уже было болѣе пяти часовъ; я простился съ ними и возвратился на корабль, къ заката солнца, весьма довольный своею экспедиціею.»

Папуицы сдержали обѣщаніе. На другой день они показались около *Раковины*, и до самаго отъѣзда судна не переставали пріѣзжать къ нему, торгуя добросовѣстно и обходясь самымъ честнымъ образомъ. Два дня послѣ похождения Г. Дюрвиля; юнгъ Блосевиль, дѣлая наблюденія, дошелъ съ Вильямсомъ до самаго мѣстопребыванія раджи, въ южной бухтѣ; онъ нашелъ тамъ тихихъ, скромныхъ жителей, подобныхъ тѣмъ, которые пріѣзжали уже къ Французамъ. Раджа самъ прибылъ на корабль и подарилъ капитану Дюперре двухъ неподобныхъ райскихъ птицъ; но за корзинку изъ довольно хорошей черепахи онъ просилъ ружья, и видя, что на обмѣнъ не соглашался, увезъ ее назадъ.

Народъ, населяющій Вайгу мало различается отъ жителей на Дорен. Все, что

сказано было о первомъ, можетъ отпестись и къ послѣднему. Надо только прибавить, что офицеры *Раковины* напѣли, въ селеніи, лежащемъ на востокъ отъ бухты, родъ часовни, украшенной странными изображеніями, которыя размалеваны были различными красками, убранны перьями и дыновками и расположенны въ симметрическомъ порядкѣ; вѣроятно, то былъ храмъ, а деревянныя фигуры—идолы. Впрочемъ о вѣроисповѣданіи этихъ народовъ ничего болѣе не могли узнать.

Значительно возвышенный въ среднѣхъ, гористый, и почти совершенно покрытый лѣсомъ, островъ Вайгу, простирается отъ в. къ з. почти на шестьдесятъ шесть миль, а отъ с. къ ю. на тридцать. Большая южная бухта, которая вдается почти до сѣвернаго берега, кажется, какъ будто разрѣзываетъ островъ надвое. Южная часть впрочемъ совсѣмъ не извѣстна. Границы острова Вайгу между $0^{\circ} 24'$ и $0^{\circ} 01'$ юж. шир.; $127^{\circ} 49'$ и $128^{\circ} 57'$ вост. дол.

На сѣверѣ отъ Вайгу разстѣяны нѣсколько маленькихъ островковъ: Вонн, Равак, Мануаранъ, острова Енъ, и цѣль острововъ Вайгскихъ, имѣющая одиннадцать миль отъ O. S. O. къ W. N. W., всеъ утесистые, лѣсистые и необитаемые. Должно упомянуть особо объ островѣ Рунбъ, который въ окружности имѣетъ болѣе двѣнадцати миль; на вершинѣ его возвышается величественный конусъ, видный за пятнадцать или двадцать миль; обстоятельство весьма важное и значительное для этихъ мѣстъ. Вершина лежитъ подъ $0^{\circ} 21'$ юж. шир. и $127^{\circ} 45'$ вост. дол.

На сѣверѣ отъ Вайгу, и въ 20 миляхъ съ восточной его стороны, представляется группа Айу (Aiau), составленная изъ маленькихъ островковъ, опоясанная подводною скалою въ 50 миль окружности. Форрестъ открылъ эту группу. Онъ былъ на многихъ островахъ въ 1775 году; по словамъ его, они населены Папуйцами, которые питаются рыбою и черепаками. Туземцы пріѣзжаютъ по временамъ доставать саго, необходимое имъ для печенія хлѣба; они увозятъ съ собою женъ и семейства; кроме того, они производятъ неважную торговлю черепаками и гнѣздами Индійскихъ ласточекъ съ Тернатскими и Амбонскими Китайцами.

Айу-Баба, самый южный и важнѣйшій изъ острововъ группы, имѣетъ пять миль въ окружности и пять сотъ футовъ въ вышину.

Форрестъ различаетъ трехъ главныхъ старшинъ подъ названіями мудо, синагви и кималаха. Мудо имѣетъ нѣсколько женъ; изъ нихъ двѣ Малайскаго племени увезены были изъ Амблу, близъ Амбоины. Когда Форрестъ изъяснялъ старшинѣ удивленіе на счетъ того, что онъ осмѣливался покушать Голландскихъ подданныхъ, дикій начальникъ отвѣчалъ, что на этихъ островахъ объ нихъ не беспокоятся, по причинѣ отдаленности ихъ; что впрочемъ туземцы имѣли тысячу способовъ избѣгнуть ихъ мщенія: такъ напри- мѣръ, когда Голландцы требовали голову одного Папуйскаго начальника, то имъ вмѣсто этой головы послали другую, отсѣченную у одного изъ невольниковъ.

Арду и Конибаръ, два главнѣйшіе острова послѣ Айу-баба, имѣютъ каждый не болѣе трехъ миль въ окружности и 200 футовъ высоты. Въ Конибарѣ есть, какъ говорятъ, плантаціи лѣса, пататовъ, сахарнаго тростника и другихъ тропическихъ произведеній.

Во время пребыванія Фрейсине въ Равакъ въ 1818 году, старшина острова *Айу-Баба* пріѣзжалъ къ нему. Это тотъ самый, котораго мореплаватель называетъ *Моро*: измѣненіе, вѣроятно, происшедшее отъ названія *мудо*.

«Папуйцы, съ которыми мы входили въ сношеніе, говоритъ Фрейсине въ своемъ доносѣ, показались намъ понятливыми и остроумными; но никто изъ начальниковъ острововъ Айу не могъ равняться въ этомъ отношеніи съ Моро; онъ легко говорилъ по Малайски, дѣлалъ намъ тысячи вопросовъ и требовалъ истолкованія всего, что онъ видѣлъ у насъ необыкновеннаго. Онъ убѣдительно просилъ меня подарить ему термометръ. Незнаю, понялъ ли Моро употребленіе его, но долго что то рассказывалъ товарищамъ своимъ, и можно было подуматъ, что онъ объяснял имъ пользу этого инструмента.

«Моро ходилъ пагой: онъ носилъ только простой *лангуги*, изъ коры фиговаго дерева; онъ былъ плотный мужчина и имѣлъ густые волосы, какъ все его соотечественники. Нравъ его живъ и веселъ; онъ лѣстилъ съ удивительною ловкостью, когда хотѣлъ пріобрѣсть какую либо вещь; онъ далъ мнѣ понять, что желая пользоваться обществомъ монимъ, долженъ былъ непременно имѣть одежду нѣсколько пристойнѣе. Для этого

онъ непримѣтнымъ образомъ выпросилъ панталоны, потомъ рубаху, потомъ платокъ, чтобы завязать голову и т. д. Довольный новымъ нарядомъ своимъ, онъ уѣхалъ въ бухту Кабарей, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы похвастать тамъ своимъ щегольствомъ.

«На другой день онъ возвратился очень рано, съ двумя черепахами, которыя были имъ проданы. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался нашимъ обыкновеннымъ товарищемъ, не только застольнымъ, но даже почевалъ на кораблѣ. Онъ изучалъ насъ и подражалъ нашимъ приемамъ легко и съ такою ловкостью, которая удивила насъ; за столомъ онъ употреблялъ ножикъ и вилку также хорошо, какъ мы. Однажды онъ вздумалъ опрокинуть всю перепицу въ ладонь и проглотить разомъ весь перецъ. Я думалъ, что онъ задохнется; ничего не бывало: онъ только выхвалилъ превосходство этого лакомства, повторяя: *бангусъ! бангусъ!* Онъ съ такимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на все, что стояло на столѣ, что я, желая потѣшить его, согласился отдать ему стаканъ, бутылку, тарелку и все прочія вещи, которыя онъ употреблялъ. Радость его была неизяснима, когда я далъ ему маленькую корзиночку, чтобы уложить все эти сокровища. Онъ изъяснилъ благодарность свою, подаривъ мнѣ нѣсколько жемчужинъ, и самую лучшую райскую птицу изъ всѣхъ, которыхъ я привезъ съ собою. Онъ не довольствовался этимъ, и оказалъ намъ гораздо важнѣйшія услуги. Мы безпрестанно окружены были толпою байдаръ: онъ взялъ самъ на себя должность полицеймейстера и купческаго маклера, совершалъ торги съ своими соотечественниками и всегда въ пользу нашу; правду сказать, онъ находилъ тутъ и свою выгоду. Если, напримеръ, мы соглашались дать девять пожей за извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ, онъ говорилъ мнѣ, что довольно будетъ и пяти, но отдавалъ только четыре торговцу, который, казалось, оставался доволенъ, а пятый оставлялъ себѣ. Онъ настоятельно хотѣлъ доказать мнѣ, что этотъ способъ дѣйствовать былъ для меня очень выгоденъ, и я охотно съ нимъ соглашался, смѣясь надъ его хитростью.»

Г. Дюрвиль, въ свою очередь, въ 1828 году сдѣлалъ географическое описаніе группы Айу. Байдары хотѣли подъѣхать къ кораблю, но лихорадка и диссентерія господствовали на кораблѣ, и потому Г. Дюрвиль не хотѣлъ останавливаться. Изъ наблюденій его

видно, что географическія границы этой группы заключаются между 0° 19' и 0° 41' сѣв. шир. и 128° 21' и 128° 45' вост. долг.

Въ шестнадцать миль къ Н. Н. О. отъ острововъ Айу находится еще маленькая группа острововъ *Азіа*, открытая въ 1805 военнымъ судномъ того же имени. Въ 1823 году ихъ видѣлъ вторично капитанъ Мекензи, а въ 1828 обозрѣвалъ Г. Дюрвиль. Все три островка низменны и лѣсисты. Не извѣстно, населены ли они, или нѣтъ. Они лежатъ подъ 0° 58' сѣвер. шир. и 128° 48' вост. долг.

ГЛАВА XXIII.

Малезіи или Малазія—островъ Целебесъ.

Мы оставили Океанію 13 Августа у острова Вайгу. Въ слѣдующіе дни, Пендлетонъ шелъ быстро по вѣтру, съ намѣреніемъ обогнуть на с. островъ Морти, одинъ изъ Молуккскихъ, и направиться потомъ къ острову Целебесу. Хотя дуть довольно сильный вѣтерокъ съ S. S.-W., но море было гладко, какъ зеркало; его можно было принять за прудъ: до такой степени близость большихъ земель давала этимъ мѣстамъ совсѣмъ иной видъ противъ Южнаго океана. 14 числа ввечеру мы завидѣли мысъ Салавай острова Гидоло; 15, обогнули Морти; 17, Целебесъ былъ уже въ виду. Передъ Океанією былъ мысъ Кофинъ, на с. в. оконечности острова, и прилежащіе къ ней небольшіе острова Банка. За выдающимся языкомъ и во внутренности земли возвышалась гора Коблатъ и гора Двухъ-Сестеръ. Коблатъ есть правильный конусъ, который въ ясное время видѣтъ на большомъ разстояніи. Двѣ-Сестры состоятъ изъ двухъ горъ, вышиною вполонину противъ первой, но весьма замѣтныя для идущихъ съ этой стороны. Въ трехъ миляхъ къ с. в. отъ сѣверной изъ этихъ высотъ находится третья гора, на которой замѣтно углубленіе, съ острыми краями, обнаруживающее потухшій кратеръ; далѣе къ востоку есть еще одно возвышеніе, коническое, черное, совершенно обнаженное, со всеми признаками вулканическаго свойства. Первая изъ этихъ горъ названа была Г. Дюрвилемъ, Вулканомъ. Вся эта страна была, какъ кажется, въ прежнія времена, совершенно пережжена подзем-

нымъ огнемъ, и можетъ быть, и нынѣ тамъ еще есть дымящіяся мѣста.

18 Августа ввечеру *Океанія*, застигнутая штормомъ, находилась еще передъ мысомъ Кофинъ. Впередѣ ея открывался проливъ Банка, въ который мы вошли на слѣдующій день. Берегъ былъ чрезвычайно крутъ. *Океанія* шла въ полмиліа разстоянія отъ мыса Кофинъ, квадратно отсѣаннаго холма, лѣснаго и мало возвышеннаго; потомъ поочередно прошла мимо лежащихъ въ этомъ узкомъ каналѣ острововъ Банка, Гаугуа, Салисъ и Кабруканъ; видѣла небольшое селеніе Ликупангъ, гдѣ развѣвался Голландскій флагъ; потомъ обогнула въ двухъ или трехъ брассахъ разстояніемъ с. мысъ Семба; открыла конусъ Туа-манада, и маленькіе островки Пенъ-мантро, Сіандіенъ и Бунакпінъ, и наконецъ явилась передъ обширною бухтою Манадо, пространною, не слишкомъ открытою и опасною гаванью, гдѣ весьма трудно стать на якорь, потому что море еще въ полъ-кабельтова отъ берега уже глубиною отъ 60 до 80 брассовъ.

Океанія, вступивъ на рейдъ, подняла флагъ свой, и стала было входить въ углубленіе, когда къ ней подошла Голландская шлюбка. Офицеръ и трое солдатъ, войдя на палубу, просили переговорить съ капитаномъ. Пендльтонъ свелъ ихъ въ каюту, гдѣ совѣщаніе продолжалось около получаса. Вышло что Монадскій рейдъ, получившій привилегію для однихъ только Голландскихъ судовъ, заставлялъ покупать свое гостепріимство слишкомъ дорогою цѣною, ограничивая при томъ на весьма малое число дней время ихъ пребыванія. Американецъ, казалось, совсемъ небылъ расположенъ согласиться на эти условія.

Пендльтонъ былъ взбѣшенъ. «Голландцы злые жида!» закричалъ онъ; «они, кажется, если бы могли, заставили бы платить имъ за воздухъ, которымъ здѣсь дышутъ. *Океанія* ни за что въ свѣтъ не дастъ имъ ни одного доллара. Они не знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.» Сказавъ это, Пендльтонъ обратился къ офицеру. «Милостивой государь, я хотѣлъ запастись у васъ водою и съѣстными припасами, но вижу, по счетамъ, которые вы мнѣ дѣлаете, что они будутъ здѣсь слишкомъ дорого стоить. Я сейчасъ иду въ Манилю.» Въ ту же минуту приказалъ лечь въ дрейфъ, чтобъ не двинуться еще болѣе въ углубленіе бухты.

Уже съ нѣкотораго времени я уговорился съ Пендльтономъ и хотѣлъ разстаться съ нимъ въ Манадо. Последняя кампанія *Океаніи* была безплодна. Предъ возвращеніемъ въ Нью-Йорку, Пендльтонъ хотѣлъ еще разъ обойти с. з. берегъ Америки, а этотъ путь былъ совершенно противенъ моимъ намѣреніямъ, ибо часть Малезіи и самыя большія полуденныя земли не были еще мною осмотрѣны, и обѣщали пространное и любопытное изученіе, доложенствовавшее составить драгоценнѣйшее пріобрѣтеніе; и такъ не было причины колебаться: я долженъ былъ непременно оставить моего друга, добраго капитана. Слезы навернулись у меня на глазахъ, когда я цѣловалъ его; самъ Пендльтонъ былъ глубоко тронутъ. «Мы увидимся,» сказалъ онъ, «непременно увидимся. Такіе крейсера, какъ мы, найдутъ другъ друга, хоть на томъ свѣтъ. Выдавайте себя вездѣ за моряка съ *Океаніи*: это морская рыба, которую вездѣ знаютъ.» Чемоданы мои были снесены въ шлюпку Голландцемъ, который вызвался свезти меня на берегъ; послѣ чего я спустился по трапу, стараясь сколь можно сократить минуты прощанія. Голландскіе гребцы увлекли меня къ берегу, а *Океанія* направилась въ открытое море. Еще нѣсколько минутъ я видѣлъ Пендльтона на югъ; онъ дѣлалъ мнѣ разные знаки рупоромъ, а я долго махалъ ему платкомъ, долго не сводилъ глазъ съ этого милаго судна, бывшаго въ продолженіе двухъ лѣтъ моимъ единственнымъ жилищемъ,—съ *Океаніи*, къ экипажу которой я принадлежалъ. Уже бывше паруса красивой *Океаніи* далеко блеснули въ морѣ, убѣгая, покидая меня одинокого среди чужой земли, и вскорѣ совершенно скрылись изъ глазъ моихъ.

Лестное вниманіе Голландскаго офицера облегчило нѣсколько сожалѣніе мое о внезапной разлукѣ. На полдорогѣ отъ берега насъ догнала еще одна лодка, въ которой сидѣли два Европейца въ бѣломъ холстинномъ платьѣ, одеждѣ всѣхъ Креоловъ, и въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ. То были два Француза, давно уже поселившіеся въ Манадо, Гг. Барбье и Мартенъ. Барбье былъ отставной офицеръ императорскаго флота, совершившій на *Симильантѣ* походъ въ Индію, и выключенный изъ службы, за слишкомъ вольныя мнѣнія, въ 1815 году; онъ командовалъ тогда голюетомъ, посредствомъ котораго велъ торговлю съ Молукками.

Непредвидѣнная встрѣча и ласковый при-

емъ этихъ господъ и резидента Манадскаго, въ продолженіе краткаго моего пребыванія тамъ, заставили меня сожалѣть, что я не могъ остаться долѣе для осмотра острова Целебеса. Едва я прибылъ, какъ уже долженъ былъ помыслить о средствахъ, какъ выйти изъ Малезскихъ морей; Г. Барбье предполагалъ ѣхать въ Амбоину, не ранѣе какъ дней черезъ 20; и такъ я принужденъ былъ ожидать три недѣли, если бы *Сава*, военный Голландскій бригадиръ, назначенный на службу въ Манадо, не получилъ приказанія, по какому то необходимому порученію, выступить тотчасъ въ море. Резидентъ, Г. Питерма, предложилъ мнѣ на некое мѣсто, которое я съ радостью принялъ. Мы должны были выѣхать 23 числа.

Для осмотра Целебеса мнѣ оставалось только два дня, употребленные; благодаря стараніямъ Г. Барбье, съ большою пользою. Добрый мой соотечественникъ представилъ меня резиденту, который принялъ пріѣзжаго какъ нельзя лучше, и сдѣлалъ меня участникомъ всѣхъ празнествъ и удовольствій. На другой же день была назначена прогулка на озеро Тондано; полу-ученое, полу-живописное путешествіе, устроенное для какихъ то знатныхъ Голландцевъ, путешествовавшихъ, подобно мнѣ. Меня пригласили, и я, разумеется, не отказался осмотрѣть прибрежье. Оставался одинъ только день; я спланилъ провести его съ пользою.

Подлѣзая къ Манадо съ открытаго моря, вы ничего не видите, кромѣ кучи домовъ съ отлогими крышами; надъ ними возвышается двухъэтажное строеніе, жилище резидента; стѣны, унизанныя нѣсколькими пушками, есть единственная защита этого замка, надъ которымъ развѣвается Голландскій флагъ. (Рис. XLII. Ф. I). Съ лѣвой стороны селенія, построеннаго на самомъ берегу моря, возвышался Коблагъ; съ правой оной прикрыто волнистою цѣпью горъ, которыхъ отрасль на двѣ мили отъ берега совершенно погружается въ море. По ту и другую сторону отъ этого укрѣпленія сгруппированы прочіе дома селенія, совершенно особенной архитектуры, исключительно принадлежащей острову Целебесу; они выстроены на обтесанныхъ скалахъ изъ досокъ, съ окошками, которые были украшены разными вырѣзками. Дома начальниковъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе; они снабжены четырехъугольнымъ перистилемъ съ возвышенною прямою

оконечностью, покрытою соломою. Поселившіеся здѣсь Голландцы, кажется, не заботились о введеніи другаго рода построеній. Жители Манадо, хотя, по видимому, и принадлежали къ Малайскому племени, но не имѣли того четырехъугольнаго и скулистаго оклада лица, который отличаетъ это племя на всѣхъ прочихъ островахъ. Цвѣтъ кожи ихъ не такъ темный, лице круглѣе, тѣлосложеніе не столь плотно. Весьма вероятно, что между племенами, живущими во внутренней части острова Целебеса, это несходство еще разительнѣе.

21-го Августа, въ 6 часовъ утра, когда все уже къ нашему путешествію на озеро Тондано было приготовлено, мы съ многочисленнымъ обществомъ отправились въ путь. Желая угощать лично гостей своихъ, резидентъ самъ присоединился къ нашему каравану. Прекрасныя лошади, смиренія, по полныя огни, ожидали насъ на дворѣ резиденціи. Полтора ста слугъ, верхомъ и пешкомъ, должны были намъ сопутствовать или нести наши чмоданы. Однимъ словомъ, роскошь была царевала. Нѣсколько паланкиновъ съ разставленными на дорогѣ перемѣнными носильщиками, были приготовлены для тѣхъ, кто предпочитаетъ этотъ способъ путешествія.

Окрестности Манадо, усилившия множествомъ красивыхъ домиковъ, окруженныхъ садовымъ частокормомъ, показались мнѣ очаровательными, при восходѣ солнца, среди этого торжественнаго шествія. Широкая и покойная дорога шла сперва по скату довольно отлогому, покрытому густымъ боромъ; но скоро началась цѣпь высокихъ и лиственныхъ пригорковъ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами; лошади наши, привыкшія взлѣзать и спускаться по этимъ крутизнамъ, выбитымъ на подобіе лѣстницы, ни разу не споткнулись на этихъ почти отвѣсныхъ выступкахъ, съ которыхъ переброшены были чрезъ рвы деревянные мостики на подобіе Китайскихъ. Представьте себѣ многочисленную кавалькаду, болѣе 150 человекъ, растянутую по уступамъ извилистой горы; ѣхавшіе впереди уже въ галопъ скакали чрезъ мосты, тогда какъ послѣдніе едва показывались на вершинѣ горы (Рис. XLIII). Малайцы, составлявшие прислугу, предупреждали всѣ наши желанія. Число ихъ было такъ велико, что нѣмъ едва ли доставалось что либо дѣлать. Одинъ несъ птичьи гнѣздышки,

другой бутылку; каждый Европеец имѣлъ по 12 человекъ прислуги.

Такимъ образомъ мы проѣхали черезъ Тапангангъ, красное селеніе въ кантонѣ Дарезъ, въ пяти миляхъ отъ Манадо. Капала-балакъ (начальникъ) этого селенія былъ въ нашей свитѣ; оставивъ за собою высокій шницъ Коблата, мы прибыли въ Пасанг-гулангъ, гдѣ насъ ожидалъ великолѣпный завтракъ. Тридцать или сорокъ туземцевъ въ бѣлыхъ холстинныхъ платьяхъ были выстроены, почетной въ видѣ гвардіи, въ два ширинги. За рядами воиновъ, стояли нѣсколько робкихъ и боязливыхъ женщинъ. Онѣ были молоды и хорошо одѣты, но не имѣли въ чертахъ лица ничего привлекательнаго. Ротъ на ихъ сплюсненномъ лицѣ чрезвычайно далекъ отъ ноздрей, носъ маленький, плоскій; разно-глазые и безъ всякаго выраженія, эти лица носили только отпечатокъ глупости. Впрочемъ мужчины на этомъ островѣ, казалось, были во всѣхъ отношеніяхъ выше женщинъ, которыхъ умственные способности совершенно оправдывали глупое выраженіе ихъ лицъ. Онѣ скорѣе рабы, нежели супруги; мужчины берутъ столько женъ, кто сколько въ состояніи содержать.

Въ 10 миляхъ отъ Манадо, уже за Паунтерингомъ, начинаются густые дремучіе лѣса, непроходимые ни въ какихъ другихъ мѣстахъ, кромѣ дорогъ, вновь проложенныхъ Голландцами. Лѣса эти произрастающими своими и животными, которыми населены, напоминаютъ лѣса Новой Гвиней. Только птицъ тутъ казалось менѣе, и тѣ не столь разнообразны; за то племя млекопитающихъ несравненно обильнѣе; есть животные, совершенно не извѣстныя Меланезіи, какъ напр. бабирусы и сани-утанги.

Бабируса имѣетъ много общаго съ свиньей и кабаномъ: ручная, какъ первая, она вооружена клыками подобно послѣднему. Комасъ называетъ ее *свинья-олень*; Валентинъ и Себа, также описывали это животное. Оно не такъ тучно, какъ однородныя съ нимъ; шерсть пепельно-рыжеватаго цвѣта бываетъ обыкновенно коротка, а кожа жесткая и совершенно гладкая. Животныя эти никогда не мѣшались съ дикими кабанамъ. Когда ихъ преслѣдуютъ, они кидаются обыкновенно въ море и нырлютъ чрезвычайно ловко. Валентинъ говоритъ, что они не вырываютъ пищу свою изъ земли, но питаются травой и листьями. (Рис. XLII. ф. 2). Сани-утангъ еще лю-

бопытнѣе: онъ похожъ на теленка, или на маленькую корову, какъ то доказываетъ его названіе, означающее на Малайскомъ языкѣ *sani* (корова), *утангъ* (лѣсная). Морда и ноги вообще видъ имѣютъ коровьихъ, съ двумя толстыми рогами, немного выгнутыми назадъ. Шерсть его всѣмъ около двухъ или трехъ сотъ фунтовъ, тучность его тѣмъ болѣе замѣчательна, что онъ причисленъ къ породѣ антилопъ подъ названіемъ *antilopa depressicornis*. (Рис. XLII. ф. 3).

Въ этихъ лѣсахъ, населенныхъ примѣчательными животными, видѣли между растеніями саговую пальму или гомоту (*saguerus, gomutus Rumph*); прекрасное пальмовое дерево, покрытое колючками только на самой вершинѣ и въ промежуткахъ между листьями; наружный видъ его совершенно схожъ съ саговымъ деревомъ; стволъ, вышиною въ 30 или 40 футовъ, гладокъ, прямъ, и вершина его, какъ у смоковнаго дерева, украшена красивымъ пучкомъ листьевъ; еще встрѣчались прекрасныя арековыя пальмы, иногда вышиною до 80 футовъ; птерокарпусъ весьма тамъ обыкновененъ; также и родъ смоковницъ (*figus*), дерево, называемое святымъ у Яванцевъ. Что же касается до геологическаго описанія этой страны, надо сказать, что почва болѣею частію составлена изъ трахита или разложennaго базальта, прикрытаго слоемъ чернозема, глубиною отъ 15 до 20 футовъ. Поверхность земли иногда камениста, но никогда песчана.

Мы находились тогда въ самомъ живописномъ мѣстѣ этой дороги. Овраги становились глубже и круче, и мы ежеминутно принуждены были сходить съ лошадей; пѣныстые потоки, между которыми находились и Манадо, часто прерывали намъ дорогу. Прейдя эти преграды, мы очутились на Тондано, прелестной равнинѣ, гдѣ зеленые посты сарацанскаго шена колыхались подъ легкимъ вѣяніемъ вѣтра, который на этой высотѣ былъ несравненно свѣжѣе. Тамъ, обѣжавъ сначала селеніе Тонзеа-Лама, гдѣ находились гробницы изъ кусковъ базальта съ іероглифическими фигурами, мы пришли къ водопаду Манадо, который здѣсь уже довольно значителенъ, хотя только что упадалъ изъ озера Тондано. Быстрый потокъ, удерживаемый базальтовымъ утесомъ, мало по малу проточилъ преграду, и, подобно току воды, устремляемому на колесо мельницы, проложилъ себѣ путь. Воды, сжатая въ э-

томъ узкомъ пространствѣ, быстро изъ него вырываются и съ шумомъ, наполняющимъ все окрестности, падаютъ серебрянымъ потокомъ въ бассейны, наполненные пѣнистыми клубами. Внутреннія стѣны бассейна составлены изъ черныхъ скалъ, снизу обнаженныхъ и покрытыхъ въ верхнихъ частяхъ различными породами напоротника. Надъ пропастью и въ извилинахъ ущелій рѣки Индійскія ласточки, красуются блестящими, низкими отливомъ крыль, покрытыхъ снизу атласистоголубыми перьями. Чтобы сдѣлать для путешественниковъ мѣсто это вполне привлекательнымъ, одинъ изъ послѣднихъ резидентовъ выстроилъ на утесѣ отъѣсно надъ пропастью, на подобіе птичьего гнѣзда, бесѣдку изъ древесной коры и прутьевъ саговыхъ пальмъ. (Рис. XLIV. ф. 1).

Приближаясь къ Тондано, дорога расширяется, селеніе становится обширнѣе, плангачинъ значительнѣе. Въ честь намъ, по обѣимъ сторонамъ дороги выстроены были воины, вооруженные щитами и деревянными саблями. Многочисленный отрядъ капала-балаковъ, т. е. высшего начальства, и хоккумовъ, низшаго начальства, ожидалъ насъ передъ входомъ въ красивый, чистый и щеголеватый городокъ съ обширными домами, тянувшимися въ линію по обѣимъ сторонамъ Тондано (Рис. XLIV. ф. 2.). Теченіе этой рѣки раздѣляетъ городъ и мѣстность на двѣ равныя половины, составляющія двѣ области, имѣющія каждая своего капала-балака. Народонаселеніе въ Тондано полагаютъ до 2000 душъ. Одна изъ областей называется Тондано-тули-ангъ; другая Тондано-тули-мамба. Слово Тондано происходитъ, кажется, отъ двухъ корней, *тонгъ* человекъ, *дану* вода (водяной человекъ); вѣроятно отъ того что большая часть домовъ построена здѣсь на свалхъ. Теперь однако же значительная часть Тондано выстроена на твердой землѣ; но по бревнамъ, торчащимъ еще и доннымъ, видно, что селеніе это было построено прежде въ самомъ озерѣ. Оно было выдвинуто изъ него слѣдствіемъ мѣстнаго возмущенія, заставившаго Голландцевъ употребить пушки противъ Гарфуровъ Тондано, и съ тѣхъ поръ имъ воспрещено строиться гдѣ бы то ни было, кромѣ берега; однако же этому рыболовному народу позволяется и понынѣ строиться такъ близко отъ воды, какъ имъ заблагоразсудится. Красивыя строенія Тонда-

но съ своими выгнутыми оконечностями, заимствованными отъ Китайцевъ, глядятся въ воды озера или рѣки.

Мы остановились въ домѣ резиденціи, выстроенномъ на небольшомъ островѣ, лежащемъ среди Манадо. Домъ этотъ весьма красивъ, оштукатуренъ известью и построенъ, какъ все дома Гарфуровъ, на свалхъ, которые, приподнимая нижній этажъ отъ земли, образуютъ подъ домомъ обширную галерею. (Рис. XLV. ф. 1.). Лишь только мы успѣли развѣститься, какъ начальники страны явились съ привѣтствіемъ. Поклонясь, они дотрогивались до нашей руки, выпивали стаканъ араку и снова уходили. Выполнивъ этотъ обрядъ, мы стали обѣдать; намъ подали превкусныя блюда изъ рыбъ, пойманныхъ въ озерѣ, раковъ, пойманныхъ въ прѣсной водѣ, и пальмовой капусты отличнаго вкуса.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня, мы были уже на озерѣ, которое должны были объѣзжать въ маленькихъ челнокахъ, украшенныхъ зонтиками изъ листьевъ. До бассейна, отъ самаго города, разстилается родъ болота, покрытаго высокими злаками изъ рода *arundo* или *saccharum*, среди которыхъ кое гдѣ видны были блестящіе колокольчики, выюнки (*convolvulus*), или пурпуровые колюсы (*polygolum*). За этимъ болотомъ начинается безподобный бассейнъ въ 5 или 6 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. на двухъ миляхъ средней широты. Берега его, заключающія со стороны Тондано, весьма чисты и живописны. Надъ ними разстилается длинная цѣпь горъ, изъ коихъ восточныя почти все огнедыщія и извергаютъ небольшое количество дыма. Не должно ли заключить изъ этого, что прежде озера тутъ были кратеръ.

На сѣверъ возлѣ Тондано, глубина озера не болѣе трехъ или четырехъ брассовъ; но вездѣ въ прочихъ мѣстахъ *лотъ* съ удивительною точностію показываетъ отъ 12 до 14. Слѣдовательно, если бы осушить это озеро, тутъ бы сдѣлалась прегладкая равнина. На берегахъ разстланы пять или шесть деревушекъ, населенныхъ рыбаками; челноки ихъ переръзывщи безпрестанно этотъ обширный бассейнъ; одна изъ деревушекъ, а именно Пасуи, построена въ самомъ углубленіи залива, и весьма некрасива. Выйдя на землю, мы увидѣли на крутомъ берегу весьма толстыя бревна, въ которыхъ продѣ-

лапы были круглыя отверзтія, такъ, что пять или шесть человекъ, съ пестиками въ рукахъ, могли бы свободно все вдругъ толочь въ нихъ рисъ. На обихъ оконечностяхъ одной изъ этихъ машинъ, предназначенныхъ, какъ намъ сказали, для торжественныхъ случаевъ, выдѣланы были двѣ фигуры, со всеми принадлежностями обоюго пола, весьма грубо, хотя очень отчетливо, выработанныя, и совершенно въ родѣ тѣхъ, которыхъ я впоследствии видѣлъ въ Новой Зеландіи. Окрестности этихъ селеній, разбросанныхъ вокругъ озера, заняты были рисовыми и кофейными полями; сборъ съ нихъ принадлежитъ Голландскому правительству.

Осмотрѣвъ все деревни и поля, мы опять въ челнокахъ нашихъ прѣѣхали въ Тондано, занимаясь на пути охотою или рыбною ловлею. Хорошихъ рыбъ было весьма мало поймано; но въ вознагражденіе за то, мы убили множество птицъ, утокъ, порфирокъ, лысухъ, а всего болѣе черныхъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ цапель. (Рис. XLV. ф. 2).

Вопреки желаніямъ моимъ продлить пребываніе въ этихъ прелестныхъ мѣстахъ и въ столь здоровомъ климатѣ, день отъѣзда изъ Манадо приближался; надо было оставить Тондано. Возвращаясь другою дорогою, мы проѣхали богатые кофейныя плантаціи и рисовыя огороды. Первое встрѣтившееся намъ на пути селеніе было Коа, потомъ мѣстечко Томогонъ, населенное Гарфурами; они были извѣщены о нашемъ прѣѣздѣ и приготовили для насъ самыя пышныя празднества.

И точно, едва успѣли мы съѣсть подъ галереюю канала-балака, какъ ограда осаждена была толпою народа. Пантомимы, танцы, различныя игры слѣдовали одна за другою. Въ первой пляскѣ участвовали осьмнадцать туземцевъ, одѣтые въ древній національный костюмъ Гарфуровъ. Одѣяніе это состояло изъ наряднаго передника, вышитаго золотомъ, подвязаннаго на перехватъ стана и спущеннаго спереди въ видѣ бахромы. На головѣ были турбаны, украшенные райскими птицами; шея была увѣшена безчисленнымъ множествомъ стеклянныхъ ожерелій; на колѣнахъ подвязки съ побрякушками; копыя убраны перьями; въ рукахъ были щиты рѣзной работы: этотъ нарядъ нѣсколько схожъ съ нарядомъ мнимыхъ дикихъ, которыхъ мы видимъ иногда на сценѣ нашего театра. Противоположность первобытнаго наряда была тѣмъ разительнѣе,

что подлѣ Гарфуровъ стояли стражи начальника, одѣтые по Европейски. (Рис. XLVI. ф. 1.).

За первую пляскою слѣдовала другая, болѣе живописная и общая. Отъ полтора до двухъ сотъ Гарфуровъ, одѣтые въ простые саронги (родъ Малайскихъ блузовъ), съ повязанными на головѣ въ видѣ чалмы платками, украшенными райскою птицею, пришли вдругъ въ движеніе, по треску пущенныхъ шутливыхъ и звуку гумъ-гумовъ, томъ-тамовъ и металлическихъ цимбаловъ. Они начали плясать съ щитами и коньями, производя весьма замысловатыя маневры, по простому знаку главнаго хореографа, изображая битвы, вытигиваясь въ линію, извиваясь въ видѣ арабесковъ, крутясь и раскручиваясь попеременно. Послѣ многихъ разнообразныхъ фигуръ, они заключили пляску, составивъ кругъ, танцуя и прищипывая тихимъ, единообразнымъ голосомъ. Каждый опирался правою рукою на плечо сосѣда, держа въ лѣвой щипъ; они довольно долго продолжали эту симметрическую, пріятную пляску. (Рис. XLVI. ф. 2.).

Селеніе Гарфуровъ доставило мнѣ случай изучить нравы этого страннаго народа. Шлемъ это, по видимому, совершенно отличное отъ природныхъ Малайцевъ: кожа ихъ бѣлая, лица круглыя. Почти во всехъ жителяхъ замѣтны отличительныя черты обоихъ племенъ. Глаза у нихъ овальныя, на прямой горизонтальной линіи расположенныя; но не сжатые, какъ у Китайцевъ; волосы черные, гладкіе и длинныя, въ особенности у мужчинъ; борода у нихъ весьма мала. Впрочемъ цвѣтъ кожи ихъ перемѣняется, сообразно съ полемъ, въ которомъ они обитаютъ: кожа живущихъ на побережьи темнѣе; обитающіе во внутренности острова бѣлѣе. Тѣ изъ нихъ, которые родились отъ смѣси Гарфуровъ съ Европейцами, имѣютъ пріятныя лица и стройный станъ. Гарфуры небольшого роста, но хорошо сложены; все почти одѣваются по восточному, хотя многіе изъ нихъ исповѣдуютъ Магометанскую вѣру. Женщины одѣваются; мужчины же, низшаго званія, ходятъ почти нагіе, въ одной рубашкѣ, или въ передникѣ, который прикрываетъ ихъ отъ пояса до колѣнъ. Они кротки, добры и весьма гостепріимны; не имѣютъ жестокости, свойственной Гарфурамъ Молуккскихъ острововъ и Новой Гвиней. Они подвластны Голландцамъ, и повинуютъ

ся резиденту; какъ полубогу; когда ему случается объѣзжать островъ, это бываетъ предлогомъ праздника во всей странѣ. Мы имѣли случай видѣть образецъ подобныхъ народныхъ увеселеній.

Гарфуры не имѣютъ положительнаго вѣроисповѣданія. У нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни идоловъ, ни священниковъ. Вѣра ихъ ограничивается какимъ то механизмомъ, подобно жителямъ Тонги; они вѣрятъ злымъ духамъ, для умоленія которыхъ возлагаютъ на себя добровольныя пожертвованія, въ родѣ Полинезійскаго табу. Эти злые духи имѣютъ большое сходство съ атуами Новой Зеландіи и хатуами Тонги. Гарфуры имѣютъ священниковъ, или лучше сказать, предсказателей, которые толкуютъ, подобно Римскимъ оракуламъ, пѣніе, полетъ птицъ и движеніе трепещущей внутренности. Часто они доводятъ фиглярство до того, что кладутъ голову въ дымящееся чрево жертвы, и вынувъ ее оттуда окровавленную, предсказываютъ будущее плавнымъ и мѣрнымъ слогомъ. Прежде покоренія, эти племена Гарфуровъ, присоединенныя къ конфедераціи Манадской, управляемы были начальниками, которые съѣзжались на конгрессъ, для рѣшенія общихъ дѣлъ. Голландцы, овладѣвъ страной, не нарушали первобытныхъ обычаевъ. Они только предоставили губернатору право утверждать выборъ главныхъ начальниковъ (капала-балаковъ), которые въ свою очередь, съ согласія резидента, выбирали начальниковъ селеній (гокумовъ). Множество обоюдныхъ выгодъ ограждаютъ Голландцевъ отъ злоупотребленія власти, данной островитянамъ. Ни одна изъ должностей не есть наследственная; капала-балаки находятся подъ властью резидента, который при малѣйшемъ проступкѣ сажаетъ ихъ въ тюрьму; вотъ почему они чрезвычайно покорны: рабы не могли бы быть покорнѣе и послушнѣе. Голландецъ, кто бы онъ ни былъ, есть для нихъ особа священная; даже трость начальника, несомая однимъ изъ его служителей, имѣетъ могущественную силу. Этого знака владычества Голландцевъ достаточно, чтобы внушить почтеніе и заставить немедленно исполнять всякое приказаніе.

Послѣ этихъ любопытныхъ изслѣдованій, мы оставили Томогонъ и гостепріимный кровъ капала-балака; домъ его, одинъ изъ лучшихъ, видѣнныхъ мною по сіе время, хорошо выстроенъ и меблированъ; въ немъ

находятся диваны, современныя покрывала, и нѣсколько серебряныхъ вазъ Европейскаго издѣлія. Весь грунтъ земли, нами поппраемой, вулканической, и устья кое гдѣ горами базальта, а во рвахъ черною каменною смолою. Нигдѣ не было замѣтно значительныхъ потоковъ лавы. Главныя произведенія суть рисъ и кофе. Прошедъ по извилистымъ площадкамъ, мы достигли вершины Гунонгъ-эмпонга; горы духовъ (*mont des Esprits*), подиравшаго гору Локонгъ и возвышающуюся на 3.500 футовъ надъ поверхностью моря. Съ этой вершины представлялась взорамъ нашимъ удивительная перспектива, открылись заливъ Манадо, лежащіе на немъ острова и окрестныя земли до горы Клобать. Отъ Эмпонга мы отправились на Лоту, гдѣ насъ ожидали другіе пиры, праздники и пляски. Селеніе прекрасно; широкая, чистая улица, устья по бокамъ домиковъ, поставленными на сваяхъ или столбахъ; многіе изъ нихъ украшены лѣпными узорами. Нѣкоторые изъ скульптурныхъ изображеній представляли Европейцевъ въ шапкахъ и пиляпахъ. Изъ Лота мы въ нѣсколько часовъ достигли до Манадо, куда караванъ нашъ прибылъ весьма поздно. Мнѣ едва достало времени, чтобы проститься съ новыми моими пріятелями. *Сива* должна была сняться съ якоря на другой день съ разсвѣтомъ; я въ тотъ же вечеръ отправился почевать на корабль.

Целебесъ, большой островъ, имѣетъ около двухъ сотъ миль длины, простирается отъ экватора почти до 6° юж. шир. обнимая до 16,000 квадр. миль пространства. Въ геологическомъ отношеніи, можно раздѣлить его на четыре части, изъ коихъ каждая будетъ представлять полуостровъ. Въ отношеніи политическомъ, можно раздѣлить островъ на двѣ части: на непосредственныя и посредственныя Голландскія владѣнія.

Между непосредственными Голландскими владѣніями находятся:

Области Манадо и Горонтало, изъ коихъ одну часть мы осмотрѣли. Первая находится подъ непосредственною властью Голландцевъ, вторая управляется султаномъ, подвластнымъ резиденту Манадскому. Эти двѣ области, составляютъ полуостровъ с. в. части Целебеса. Почва весьма роскошная и народонаселеніе находится на степеніи благосостоянія, непрерывно возрастающаго. Тамъ собираютъ кофе, рисъ, золото, и дѣлаютъ

превосходный веревки изъ гумути. Три главные города этихъ двухъ областей суть: Манадо, Горонгало и Кема.

Владѣніе Макассарское раздѣлено на нѣсколько окружныхъ областей: маленькая область Макассаръ съ тремя селеніями, Кампонгъ-Бару, Малайо, и Бугисъ; потомъ южныя области резиденціи Бонгенъ и Маросъ. Область Макасаръ, прежде довольно значительная, ибо именемъ ея былъ названъ проливъ, и по сіе время есть главное мѣстопрѣбываніе Голландской власти на Целебесъ; она заключаетъ восемь квадратныхъ миль пространства и 15,000 жителей, въ томъ числѣ три острова, лежащіе противъ рейда безопасной и обширной пристани. Въ области Макассаръ нѣтъ города, называемаго этимъ именемъ. Существовавшій прежде городъ, называемый Малайцами Уджонгъ-падангъ, давно уже уничтоженъ; вмѣсто его находится крѣпость Роттердамъ и городъ Флардингенъ, заключающій въ себѣ до восьми сотъ Европейцевъ, служащихъ, или пегоціантовъ, и триста или четыреста человѣкъ гарнизона. Гражданскою частью управляетъ губернаторъ, имѣющій подъ властью своею пятерыхъ резиденговъ, или намѣстниковъ, размѣщенныхъ въ северныхъ и южныхъ областяхъ и въ областяхъ Булекомба и Бонтепъ, также на островахъ Самбова и Салайеръ.

Южные округа (*Zuider districten*), занимающая пространство въ двѣсти квадратныхъ лигъ, раздѣлены на двѣнадцать намѣстничествъ и содержатъ 75,000 жителей.

Округи Булекомба и Бонтепъ, имѣютъ до двухъ сотъ шестидесяти квадратныхъ лигъ и 25,000 жителей.

Округъ Маросъ, составляющій прекрасную резиденцію этого имени, весь раздѣленъ на намѣстничества, изъ коихъ нѣкоторыя, присоединенныя во время послѣдней войны Голландіи съ Англіею къ владѣніямъ Танетъ и Бони, недавно завосваны опять Голландцами и присоединены къ ихъ владѣніямъ. Область эта простирается на двѣсти тридцать квадратныхъ лигъ и заключаетъ 100,000 жителей.

Большая часть Целебеса состоитъ изъ непосредственныхъ владѣній Голландцевъ. Ихъ скорѣе можно было бы назвать независимую частью острова; ибо князья, управляющіе ими, почти совсѣмъ не подвластны Голландцамъ; и соблюдаютъ подчиненность только

изъ наружныхъ причинъ. Эта часть острова раздѣляется на безчисленное множество маленькихъ владѣній, которыя ежедневно клонятся къ большому раздѣленію, отъ того что многія части отдаются въ видѣ удѣльныхъ собственности. Всѣ эти князьки живутъ довольно согласно, и составляютъ родъ конфедераціи или союза; главнаго члена, они считаютъ первымъ союзникомъ. Важнѣйшія обязанности этого званія состоятъ въ томъ, чтобы служить посредникомъ между князьями въ раздорахъ ихъ. Сверхъ того, хранители владѣній должны присягать на вѣрность, и обязаны подчинять выборъ нововзбранныхъ на ваканціи уполномоченію Европейскаго начальника; наконецъ мореплаваніе островитянъ должно быть подчинено подати, собираемой Голландцами; обязанность болѣе хлопотливая, нежели полезная; отъ нея болѣе издержекъ, нежели выгодъ.

Вотъ посредственный владѣній Голландцевъ: Манфаръ, раздѣленный между семью союзными князьями.

Владѣній Сидерсенгъ.

Королевство Танетъ, на западномъ берегу острова:

Владѣніе Лугу, Ваджо и Сопенгъ, на северъ отъ залива Бони. Первое, лежащее на восточномъ берегу острова, есть главнѣйшее изъ этихъ государствъ: оно занимаетъ почти четверть пространства всей земли; по числу жителей его невозможно опредѣлить. Ваджо и Сопенгъ, на пространствѣ двухъ сотъ квадратныхъ лигъ, имѣютъ до 40,000 жителей. Эта часть острова наилучше обработана. Всѣ владѣнія эти населены *Бугисами*, поколѣніемъ, занимающимся торговлею и промышленностію и снабжающимъ Малайскія суда (про) хорошими моряками; люди этого поколѣнія находятся во всѣхъ частяхъ здѣшнихъ архипелаговъ.

Владѣнія короля Бони весьма многочисленны, но бѣдны; по вѣрнѣйшимъ спискамъ 1824 года, извѣстно, что онъ можетъ вооружить 40,000 человѣкъ; изъ чего можно заключить, что на шести стахъ квадратныхъ лигахъ находится 200,000 жителей. Эта военная сила возбудила недавно въ королѣ Бони желаніе завладѣть частью соседнихъ областей, отъ чего произошли войны, съ трудомъ прекращенныя. Если бы Голландцы не воспрепятствовали, то король Бони привелъ бы вѣрно въ исполненіе предположенія объ

этих завоеванійхъ. Начальники, живущіе на полуостровахъ Балаггъ, или восточныхъ, и юго-восточныхъ, принуждены уже были признать его своимъ покровителемъ. Байоа, столица королевства, имѣетъ 8,000 жителей.

Король Макассарскій значительно утратилъ власть свою, никогда нераздѣльную, въ одномъ изъ могущественнѣйшихъ Малайскихъ государствъ. Въ путешествіи XVII вѣка говорятъ это о Макассарцахъ и ихъ монархѣ; нынѣ не осталось почти и слѣда ихъ могущественной морской силы. На трехъ стахъ квадратныхъ лигахъ Макассарскаго королевства едва ли находятся 65,000 душъ. Нынешній король живетъ въ Гоа (Goak), стѣны котораго разрушены въ 1778.

Область Телло управляется королевою, подвѣстною королю Бони.

Владѣнія Туранъ, раздѣлены между тремя князьями, давнишними вассалами короля Бони; но пріобрѣтшими независимость во время войны Англичанъ въ 1814 году.

Еще нѣсколько островковъ, болѣе или менее замѣчательныхъ по географическому ихъ раздѣленію, причисляются къ Целебесу. Въ этомъ числѣ надо упомянуть о группѣ острововъ Салайеръ, раздѣленной между нѣсколькими князьями этого острова; признавшими власть Голландцевъ; острова Вутопъ, принадлежащіе султану, и гдѣ находится городокъ Калла-сусонгъ, служащій ему столицею; Сайгуръ на с. оконечности полуострова Манадо; *Ciao*, еще меньшій островокъ, лежащій къ югу отъ вышеозначеннаго; *Банка*, очень маленькій островокъ, но весьма плодородный; группа острововъ Кеула, изъ коихъ Кеула-мангала, кажется, есть самой большой, а Кеула-бесса самый малый. На послѣднемъ Голландцы содержатъ гарнизонъ.

Не смотря на то, что мѣстоположеніе Целебеса болѣею частью гористое, земля во многихъ мѣстахъ очень плодородна. До тѣхъ поръ, пока корыстный расчетъ Голландскихъ откупщиковъ не уничтожилъ деревьевъ, въ берега этого острова были покрыты разнаго рода пряными произрастеніями. Мушкатныя и гвоздичныя деревья, снабжали изобильною жатвою прибрежныя части острова. Теперь произведенія этой страны ограничиваются сборомъ лучшаго сорта кофе и добываніемъ золота, въ довольно значительномъ количествѣ. Въ Макассарѣ есть также мѣдныя и желѣзныя руды. Въ лѣсахъ, по-

крывающихъ островъ, много строевыхъ деревьевъ, какъ-то: кедровъ, дубовъ, кленовъ, чернаго дерева, желтника, калембака и сандалаго дерева. Здѣсь замѣчательнъ бамбукъ, который достигаетъ до трехъ фут. ширины и поднимается футовъ на сорокъ въ вышину. Это растеніе усвѣяно изрѣдка узлами, которые пускаютъ множество вѣтокъ, покрытыхъ листьями, похожими на тростниковые, и длинными крѣпкими шипами. Молодые отпрыски дерева употребляютъ въ соусы, а изъ стволовъ его дѣлаютъ бревна для построеній домовъ. Всѣ фруктовыя деревья земель, подъ тропиками лежащихъ: пальмы, хлѣбныя деревья, мангаферы, апельсинныя, банановыя и миндальныя, произрастаютъ здѣсь весьма хорошо. Въ числѣ полезныхъ деревьевъ и растеній, надо упомянуть о деревѣ, производящемъ хлопчатую бумагу, кофе, сахарномъ тростникѣ, рисѣ, перцѣ, бетелѣ, арекѣ, о рисѣ, произрастающемъ на горахъ, и рисѣ, производимомъ мѣстами, омываемыми моремъ. Пататы и ямсъ растутъ въ огородахъ съ цикоріемъ, портулакомъ, капустою и Европейскою рѣдкой. Эти страны производятъ также Турецкое пшено, маниокъ, соль, сахаръ, добываемый изъ дерева, росной ладанъ и табакъ. Поморье изобилуетъ рыбою и черепахами, которыя составляютъ предметъ весьма значительной торговли.

Целебесъ, покрытый пастбищами, изобилуетъ множествомъ четвероногихъ животныхъ. Лошади изъ Макассара славятся во всей Индіи своею красотою, огнемъ и крѣпостью. Ихъ вывозятъ въ Яву, Калькутту, Кантонъ, иногда даже и въ Нль-де-Франсъ, и вообще, на какомъ бы онъ рынокъ не появились, ихъ всегда охотно раскупаютъ. Губернаторъ Батавіи недавно велѣлъ привести нѣсколько кобылъ съ Целебеса для своихъ конскихъ заводовъ, въ Ганжаръ. Кажется, что отъ смѣшенія этой породы съ Явайскими жеребцами, произойшли превосходные жеребцы. Въ числѣ домашняго скота, здѣсь находятся еще коровы, козы, бараны и свиньи. Въ лѣсахъ и поляхъ водятся во множествѣ олени, кабаны, Индійскія свиньи, саппу-танги и зайцы. Обезьяны весьма многочисленны и вредны. Если бы эти животныя не были непрерывно преслѣдуемы змѣями (боа), то они овладѣли бы страной. Змѣи боа на Целебесѣ удивительной величины: онѣ бывають длиною до двадцати пяти футовъ, и до девяти

люймовъ въ діаметръ; но не пьютъ ни жала, ни зубовъ, ни яда. Языкъ ихъ кривъ и гибокъ; спина черная кольчатая съ золотымъ отливомъ; брюхо сребристоблago цвѣта. Другія змѣи, также всегда въ войнѣ съ обезьянами; наиболѣе же родъ змѣй весьма проворныхъ, подражающихъ крику дрозда; есть удавы величиною съ боа; они постребляютъ крысъ, полевыхъ мышей и кроотовъ; змѣи *cobra di capello* здѣсь также страшны, какъ и на Цейланѣ; спина ихъ стро коричневая съ черными пятнами, брюхо пепельнаго цвѣта, глаза огненные, голова плоская съ перепончатымъ хохолкомъ, образующимъ родъ шлема, отвратительной паружности. Семейства птицъ чрезвычайно разнообразны и замѣчательны яркостью цвѣтовъ. Орлы и ястребы кружатъ надъ горами; черныя стаи Европейскихъ галокъ покрываютъ почти весь островъ; голуби, фазаны, утки, водяныя куры и бѣлыя цапли, доставляютъ прекрасную дичь; голуби и куры водятся также въ большомъ количествѣ. Въ лѣсахъ множество разнаго рода попугавъ: бѣлые какатоесы съ желтыми хохлами, которые они то распускаютъ, то складываютъ, какъ вѣеръ; красноперые лоріи, всѣ съ черными и пурпуровыми шейками; наконецъ зеленые попугаи, самые обыкновенные. Другой родъ птицъ, здѣсь весьма уважаемый, есть *теренгулонъ*, величиною съ воробья, но украшенный перьями удивительно яркихъ цвѣтовъ; спина зелено-изумруднаго цвѣта, брюшко золотисто-желтое, хвостъ небесно-голубаго цвѣта, а носикъ и лапки пунцовые.

Жители этого острова должны принадлежать различнымъ поколѣніямъ, хотя подробности о нихъ и не известны. Два главнѣйшія раздѣленія представляются какъ бы сами собою: прибрежные Малайцы и Гарфуры, обитающіе въ центрѣ острова; первые смуглы и не столь красивы, какъ вторые; они скрытны и не столь спокойны и покорны. Мы замѣтили уже это въ Манадо. Но различіе, о которомъ мы говоримъ, не достаточно: кромѣ не известныхъ, находятъ еще два племени; обитающія на берегу, и значительно отличныя въ нравахъ, обычаяхъ, законахъ и вѣроисповѣданіи: это Макассарцы и Бугисы. Макассарцы большаго роста, плотнаго сложенія, любятъ работу и легко переносятъ всякую усталость. Черты лица ихъ были бы довольно правильны, если бы они,

по общему на Малайскихъ островахъ обыкновению, не сплющивали носовъ у дѣтей. Магометанскіе священники или *агвы*, обязаны воспитывать юношество и отправлять богослуженіе. Мужчины нрава веселаго, ревнивы, хотя въ обращеніи пріятны; женщины воздержны и скромны. Макассарцы любятъ военныя упражненія, воинственные танцы подъ звукъ гумъ-гумовъ и тамъ-тамовъ; они отличные наѣздники, очень хорошо стрѣляютъ изъ лука и ловко владѣютъ саблею и крикомъ (кинжаломъ), который почти всегда напѣтанъ ядомъ.

Пища островитянъ состоитъ изъ вареной и жареной говядины и рыбы, приправленной пряностями; они ѣдятъ два раза въ день: первый разъ въ девять часовъ утра, въ другой, при закатѣ солнца. Между обѣдомъ и ужиномъ, жуютъ бетель и арекъ, курятъ или пьютъ шербетъ, лимонадъ, приправленный гвоздикой и мускатнымъ орѣхомъ. Пальмовое вино употребляется обыкновенно во время пищи. Одежда островитянъ состоитъ изъ длиннаго закрывающаго колѣни камзола и панталонъ изъ легкой ткани. Богатые носятъ платья изъ парчи; средній классъ прикрывается лоскутьями, въ родѣ передника. Иногда набрасываютъ сверхъ камзола маленькій плащъ. На головѣ носятъ то вышитыя шелковыя шапочки, то кусокъ матеріи, въ видѣ чалмы. И знатные и бѣдные бръются; но не стригутъ волосъ. Эти островитяне, какъ и многіе Малайскія племена, подпливаютъ и красятъ себѣ зубы. Операция совершается на двѣнадцатомъ году отъ роду. Они весьма чистоплотны, и какъ всѣ Магометане, ходятъ въ бани и втираютъ въ тѣло душистый мазь. Женщины носятъ кисейныя рубахи съ коротенькими узкими рукавами, закрывающимися на боку; шелковыя панталоны, нисходящія до ступни, а сверхъ нихъ еще другія кисейныя панталоны; они весьма искусно завиваютъ и плетутъ волосы. Въ ихъ одеждѣ и роскоши проявляется вкусъ жителей Востока.

Макассарцы женятся на пятнадцатомъ или шестнадцатомъ году. Между богатыми людьми; отецъ жениха обязанъ выстроить домъ для помѣщенія новобрачныхъ. Утромъ, въ день свадьбы, женихъ, на дѣвѣ лучшее платье, отправляется въ сопровожденіи свѣдѣтеля въ церковь, откуда онъ посылаетъ подарки невестѣ; когда эготъ обрядъ

исполнень, агвй вводитъ жениха въ храмъ, объясняетъ ему его обязанности, потомъ спрашиваетъ: хочетъ ли онъ имѣть супругою такую то дѣвушку; послѣ утвердительнаго отвѣта онъ беретъ его одной рукою, а другую протягиваетъ свидѣтелю, потомъ обоихъ подводитъ къ невестѣ. Ей повторяется вопросъ: «желаете ли вы имѣть такого то супругомъ?» Если она скажетъ да, агвй соединяетъ руки ихъ, и повобращая даетъ мужу своему золотое кольцо. Послѣ того садятся за столъ; по окончаніи трапезы забираютъ молодыхъ на три дня въ темную комнату, освѣщенную одною лампадою, куда старая прислужница доставляетъ имъ пищу. По истеченіи этого времени испытанія, они могутъ поселиться въ приготовленномъ для нихъ домѣ, гдѣ празднество оканчивается великолѣпнымъ пиромъ.

Прежде Макассарское владѣніе было могущественнѣйшее на Малайскомъ морѣ. Государство это, процвѣтавшее въ шестнадцатомъ столѣтіи, имѣло колоніи на большей части окружающихъ его острововъ; войска, флотъ и сокровища его были многочисленны; нынѣ кажется, все это исчезло. Правда, императоръ Макассарскій еще существуетъ, но имперіи уже нѣтъ. Императоръ просто членъ конфедераціи Целебесской, несчастный подданный Голландцевъ. Нѣкогда корона была наследственна; считали даже, что втѣченіе десяти столѣтій сряду, законныя наследники занимали престолъ. Армія, состоявшая почти изъ 15,000 человекъ, получала плату только въ военное время. Национальное знамя было съ краснымъ, устьянное расбросанными на немъ листьями, птицами и изображеніями четверти луны, шитыми золотомъ.

Около середины шестнадцатаго столѣтія, Макасарцы поклонились еще идоламъ. Въ то время Евангелическое исповѣданіе было тамъ водворено купцами, прибывшими изъ Терната; говорятъ, что король и подданные были окрещены Португальцами; но черезъ полстолѣтія, Магометанское исповѣданіе вкралось въ страну, отъ сообщенія Макасарцевъ съ Ахиньянами изъ Суматры; съ тѣхъ поръ островитяне сдѣлались истинными фанатиками-Мусульманами.

Буги или бугисы также мусульмане, хотя между ними болѣе терпимости, нежели между ихъ сосѣдями. Вся промышленность мореходная и мануфактурная находится въ ру-

кахъ Бугіевъ, народа трудолюбиваго и занимающагося мореплаваніемъ. Они выдѣлываютъ множество бѣлыхъ и голубыхъ тканей изъ хлопка, также шелковыя матеріи изъ сирцу, передники и другія ткани. Рыбная ловля и каботажное судоходство составляютъ ихъ важнѣйшія занятія. Они обходятъ не только все соседственныя группы, острова Молуккскіе, Суматру, Борнео, Яву, Филиппинскіе, но пристають и къ Индійскимъ странамъ, посѣщаютъ Макао и Кантонъ, Мадрасъ, Калькутту, Сурачъ и Бомбей; они направляютъ свои суда даже и въ Черное море. Буги, искусные и отважные моряки, доходятъ до береговъ Австраліи, въ заливъ Корнентарію для ловли трипанговъ, предмета, составляющаго самую важную отрасль торговли съ Китайцами.

Островъ Целебесъ принадлежалъ сперва Португальцамъ, поселившимся тамъ въ 1525 году, и удержавшимся даже послѣ изгнанія ихъ изъ Молуккскихъ острововъ. Голландцы овладѣли имъ только въ 1660 году, и сохранили не столько для выгоды, доставляемыхъ этимъ мѣстомъ, какъ изъ опасенія, чтобы онъ не достался какой либо другой державѣ. Расходы, требуемые занятіемъ, всегда превышали доходы. Надѣются однако, что перемѣны, введенныя барономъ Фандеръ-Капелленомъ, приведутъ дѣла въ лучшій порядокъ. Безразсудныя монополіи могли уничтожить на Целебесѣ все выгоды отъ произведеній богатой его почвы, но свободная торговля и земледѣліе должны возвратитъ ему богатства, которыми природа его одарила. Впрочемъ, мы обратимся еще къ этому вопросу, когда общимъ и короткимъ взглядомъ обнимемъ всю систему правленія, которая такъ долго тяготѣла надъ такъ называемыми островами Приностей (*Iles à épices*).

До Голландцевъ, исторія мало извѣстна. Жители острововъ, называемые Бугисами, величтосчисленіе по времени царствованія ихъ государей. По ихъ счисленію, которому они еще и по сіе время слѣдуютъ, царствовали въ Гоа-Макасаръ тридцать девять королей, отъ начала нынѣ царствующей династіи до 1809 года. Это государство, полагая среднимъ числомъ въ тридцать лѣтъ каждое царствованіе, существовало, стало бытъ, пятьсотъ девять лѣтъ; и началось только въ 1302 году нашей эры. Въ 1610, Макасарцы, принявъ Магометан-

скую вѣру, и возбуждаемые духомъ завоеваний, принудили жителей Бони и Ваджу принять ихъ вѣроисповѣданіе. Въ 1640 году Ламасерама, король Бони, желая обратить въ Христіанство своихъ подданныхъ, началъ ихъ притѣснять; они призвали Макассарцевъ, которые побѣдили короля Бони, и оставили владѣніе его подъ своею властью. Съ того времени, побѣды ихъ продолжались; они покорили еще Сумбаву въ 1650, Кеулу и Бутумъ въ 1665, и на послѣднемъ истребили Голландскія поселенія. Успѣхи ихъ длились до того времени, пока Адмиралъ Спильманъ, встрѣтивъ флотъ ихъ изъ 700 кораблей съ 20,000 человекъ войска, истребилъ его. Съ того времени начинается владычество Голландцевъ. Это было въ 1672 году, въ царствованіе Индійскаго раджи Палака, императора Макассарскаго.

ГЛАВА XXIV.

Малазія. — Молуккскіе острова.

Сива, которымъ командовалъ капитанъ Нарботъ, было красивое военное судно, одно изъ тѣхъ, которыми Голландцы употребляли для своихъ колоній. Пovýходъ 24 Августа изъ Манадо, наше судно, сопровождаемое пріятнымъ вѣтеркомъ, обогнуло острова, лежащіе на с. в. концѣ Целебеса; достигши должной высоты, оно держалось къ югу, т. е. направилось прямо къ Тернату. Этотъ переездъ, по гладкимъ водамъ спокойнаго моря, при тихой погодѣ и попутномъ вѣтрѣ, на легкомъ суднѣ, совершился безъ малѣйшаго приключенія. 27, *Сива* стала на рейдъ Тернатскій, передъ островомъ Тидоръ.

Тернатъ и Тидоръ, близнецы, оба весьма маленькіе, но важнѣйшіе изъ группы острововъ Гилоло, извѣстной подъ названіемъ собственно Молуккскихъ острововъ. На обоихъ видны весьма схожіе между собою острокопечныя вершины, возвышающіяся на 6,000 футовъ отъ поверхности моря. Нѣсколько маленькихъ островковъ, какъ то: Банжанъ, Мотиръ, называемый однимъ изъ древнихъ путешественниковъ *островомъ Ньги*, Батчанъ и Макіанъ, на которомъ находится кратеръ, разверзтый вдоль бока горы, суть принадлежности этихъ двухъ острововъ; султаны

ихъ колоній на большомъ островѣ Гилоло.

Тернатъ, лежащій подъ 0° 52' сѣв. шир. и 125° 12' вост. долг. отъ Парижа, имѣетъ въ окружности десять лнѣ. Онъ принадлежитъ Магометанскому султану, котораго великолѣпный дворецъ (*далемъ*) выстроенъ между городомъ и Голландскимъ укрѣпленіемъ, называемымъ Оранскимъ. Султанъ, соединенный съ Голландіею политическими и торговыми договорами, покорился, во время монополіи, необходимости вырвать все деревья, приносящія приносы: мѣра разорительная и не сообразная съ здравымъ разсудкомъ, недавно прекращенная барономъ Ванъ-деръ-Капеленомъ. Теперь монополія замѣнена строгимъ тарифомъ. Землепашцамъ Терната и Тидора платятъ десять су за фунтъ гвоздики, двѣнадцать за фунтъ мускатнаго цвѣта и восемь за фунтъ мускатныхъ ореховъ.

Тернатъ, выстроенный амфитеатромъ на берегу моря, очень красивый городъ, съ 5,000 жителей. Почва острова весьма хороша и плодородна; она производитъ все растенія земель, за тропиками лежащихъ. Жители тихи и кротки; они лѣнны, потому что ни въ чемъ не пугаются. Жители острова Мотиръ дѣлаютъ очень хорошую глиняную посуду, которую они продаютъ на всехъ окрестныхъ островахъ. Издавна Голландцы почитали Тернатъ мѣстомъ весьма важнымъ, какъ по торговымъ, такъ и по военнымъ отношеніямъ. Онъ служитъ границею Голландской Малазіи. Осаждаемый во время послѣдней войны нѣсколько разъ, Тернатъ сильно защищался. Какъ мѣсто мѣшовой торговли, онъ имѣлъ бы неисчислимое множество выгодъ, если бы умѣли лучше цѣнить ихъ важность. Голландское правительство составлено тамъ изъ резидента, нѣмцоваго секретаря и двухъ чиновниковъ; есть магистратъ, судъ и сиротскій домъ.

Тидоръ, еще многочислѣе Терната; на немъ есть городъ того же имени; этотъ островъ управляется тоже султаномъ, подвластнымъ Голландцамъ. Почва и произведенія почти тѣ же.

Оба султана имѣютъ, какъ уже было сказано, пристанище на большемъ островѣ Гилоло; обширѣйшемъ изъ Молуккскихъ острововъ, и представляющимъ въ уменьшенномъ

видѣ четыре полуострова Целебеса; съ большими заливами, обращенными также къ востоку. Внутренняя часть города управляется независимыми начальниками. Битжолн подвластна султану Тернатскому; Галела султану Тидорскому. На томъ и другомъ находится нынѣ Голландскіе резиденты.

Въ числѣ другихъ острововъ, принадлежащихъ собственно Молуккамъ, надо упомянуть о Мотсугъ, Макіанъ, Батчіанъ, о которыхъ уже было говорено; потомъ о принадлежностяхъ послѣдняго, Типъ, Мій, Мандолин, Таваллин и Даммеръ; наконецъ о Серамютъ и Горамъ, которые составляютъ, какъ кажется, независимое владѣніе. Большой Оби, подвластный Батчіану, Мизоль, подвластный Тидору, Попа съ принадлежащею ему группою острововъ Бо, Мартай, обширѣйшій островъ этого архипелага, но почти ненаселенный, покоряется власти султана Тернатскаго, Салибабо, группа острововъ, раздѣленная между нѣсколькими начальниками и заключающая въ себѣ острова Толюри, Салибабо и Каброанъ, наконецъ Менжисъ, состоящій изъ трехъ острововъ, Намуза, Каротта и Каркарланъ, который, по видимому, скорее принадлежит Филиппинскимъ, нежели Молуккскимъ островамъ, ибо они подвластны султану Минданаоскому.

Бригъ *Сива*, останавливаясь только на нѣсколько часовъ въ Тернатѣ, для полученія тамъ депешей отъ резидента. Мы постепенно обозрѣвали острова Тавадлин, Кеудла-Мандола и Кеудла-Бессен. На высотѣ послѣдняго, въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ нашего судна, прошла байдара или корокоро. Два, три человека въ Малайской одеждѣ стояли на палубѣ, и казалось, отдавали приказанія толпѣ пагихъ людей бронзоваго цвѣта, съ вежлокошенными волосами, несчастнымъ поденщикамъ изнуреннымъ усиліями гребцкой должности. Спереди и сзади развѣвались флаги, голубые съ красными трехугольниками, окруженными голубыми фигурами въ видѣ карточныхъ бубенъ. Въ центрѣ трехугольника были еще два или три квадратика. Наконецъ въ срединѣ корокоро развѣвался третій флагъ, бѣлый; гораздо больше другихъ; на срединѣ было изображеніе двойнаго ножа, острія котораго были обращены одно къ другому; То былъ вѣроятно гербъ раджи, двойной *парангъ* (такъ называютъ здѣсь большіе, широкіе ножи). Въ

роятно, для развлеченія грусти хозяина, и приданія духа гребцамъ, плаваніе сопровождало было звуками тамъ-тамовъ и гумъ-гумовъ.

31-го Августа, *Сива* вошелъ въ проливъ Буру, направился къ оконечности Руба, и положилъ якорь въ заливъ Кайели, на тридцати брассахъ глубины передъ укрѣпленіемъ, называемымъ Защита (*Défense*); спустили шлюпку въ море, и я поѣхалъ съ капитаномъ Нарботомъ, который полюбилъ меня и былъ уже моимъ пріятелемъ, къ резиденту. Резидентъ, Г. Янсенъ, принялъ насъ очень ласково. Домъ резидента, одноэтажный, покрытый соломою; имѣлъ наружную галерею, подъ которою можно было защищаться отъ солнца (Рис. XLVII ф. 1). Къ ней прилежалъ большой и хорошо разведенный садъ. Неподалеку выстроены были пять мечетей, не столь простой архитектуры, съ четырехъ угольными пирамидами и двумя кровлями, одна надъ другою, поверхъ всего былъ родъ фриза; крыльцо, о шести или семи ступеняхъ, служило входомъ въ мечеть. На вершинѣ остроконечнаго конуса было украшеніе въ видѣ оливки (Рис. XLVII ф. 2).

Кайели представляетъ множество пріятныхъ мѣстоположеній. Рейдъ обширенъ и красивъ: онъ можетъ вмѣщать цѣлую эскадру; но здѣсь останавливаются только изрѣдка суда, плавающія около береговъ. Укрѣпленіе командуетъ гаванью, и находится въ довольно хорошемъ состояніи; оно выстроено въ центрѣ острова, по правую и лѣвую сторону его находятся бамбуковые домики, въ которыхъ живутъ Малайцы. Селеніе это, довольно обширное и населенное, составляетъ полукружіе; между жилищами, защищаемыми тѣнію прекрасныхъ арековыхъ деревьевъ, самыхъ красивыхъ изъ тропическихъ деревьевъ, извиваются ручейки. Горы, покрывающіе Кайели, довольно отдалены отъ береговъ и открываютъ свободный ходъ въ поля. Тропинкою, лежащею по правой сторонѣ крѣпости, можно пройти цѣлую милю, по алеемъ хлѣбныхъ деревьевъ и другихъ растений, чрезвычайно высокыхъ. Попугаи, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, летаютъ въ лѣсахъ многочисленными стадами. Островъ, называемый по Малайски Буру, что значитъ птица, наполненъ множествомъ птицъ разнаго рода и различной величины. Въ особенности замѣчательны тутъ морин, красноперые попугаи, которыми такъ дорожатъ наши любители

Естественной Исторіи; по причинѣ глянцовитаго и разнообразнаго отлива ихъ перьевъ; эти птицы такъ пѣжны, что не могутъ жить въ нашихъ климатахъ. Жители Буру выкармливаютъ ихъ и отправляютъ въ Амбонъ и Яву. Островъ изобилуетъ всякою птицею; яйца отдаются тамъ почти даромъ. Это происходитъ отъ фальшивыхъ расчетовъ Голландцевъ, которые не позволяютъ иностраннѣмъ судамъ приставать къ владѣніямъ ихъ на Молуккскихъ островахъ. Во время монополии, когда опасались, чтобы мысль о возможности вывозить свои произведенія, не возбудила въ туземцахъ желанія воздѣлывать непозволенные растенія, эта предосторожность, впрочемъ всегда безразсудная, могла еще быть полезною; но нынѣ, когда запрещеніе это уже не существуетъ, и Голландцы, кажется, обратились къ лучшему экономическому устройству въ ихъ колоніяхъ, къ чему служить это препятствіе, отъ котораго страна, чрезвычайно плодородная, лишается возможности сбывать богатства своей почвы?

Въ короткое время нашего пребыванія, резидентъ хотѣлъ угостить насъ праздникомъ. Главное увеселеніе состояло изъ воинной пляски, произведенной на площади Кайеин островитянами съ Амбду, острова, сосѣдняго и принадлежащаго острову Буру. Изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, одинъ былъ совершенно нагой по поясъ, и имѣлъ узкое короткое нижнее платье, а на головѣ простую шапочку; на другомъ былъ передникъ, доходившій отъ пояса ниже колѣна, открытый камзолъ и шапочка съ металлическими украшеніями (Рис. XLVIII. ф. 1). Оба вооружены были щитами и саблями; они наносили и отражали удары, подъ звукъ гумъ-гума, производимаго музыкантомъ, который, казалось, ободрялъ ихъ и поддерживалъ стройность движеній битвы. Борьба происходила среди общаго смѣха; ибо движенія танцующихъ были сопровождаемы самыми смѣшными и выразительными тѣлодвиженіями. Псалъ этой пляски, слѣдовали національныя пляски Малайцевъ, Палуйцевъ и Гарфуровъ. Дитя Г. Янсена, отъ Малайской женщины, отличалось въ этомъ упражненіи. Пляски по характеру и подробностямъ напоминали намъ свое двоякое происхожденіе, Азіатское и Полинезійское, какъ и происхожденіе самой страны.

Островъ Буру, крутой и высокій, выходитъ изъ средины Молуккскаго моря, какъ

стѣна. Гористый и неровный, онъ населенъ Гарфурами не столь кроткаго и покорнаго нрава, какъ находящіеся въ Манадо. Привыкшіе съ дѣтства къ воинскимъ играмъ, островитяне съ недовѣрчивостію поддавались на предложенія Голландцевъ. Они, конечно, не нападаютъ ни на прибрежные караулы, ни на замокъ, который защищаетъ ихъ; но не одинъ отдаленный караулъ пострадалъ отъ ихъ нападений. Народонаселеніе берега состоитъ изъ Малайцевъ и Китайцевъ, довольно бѣдныхъ. Малайцы исповѣдуютъ Магометанскую вѣру, ходятъ въ мечети, имѣютъ имамовъ, которые проповѣдуютъ и исполняютъ обрядъ обрѣзанія. Кладбища находятся обыкновенно въ живописныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ; тамъ ставятъ деревянные памятники, которые отъ сырости климата скоро сгниваютъ. Въ Буру, какъ и во всѣхъ Магометанскихъ странахъ, женщины скромны и избѣгаютъ мужчинъ. Черты лица ихъ пріятны, волосы черные, шелковистые и длинные, глаза живые, ноги и руки маленькія; ко всему этому онѣ присоединяютъ нѣкоторый вкусъ и кокетство въ одеждѣ. Шелковая юбка и магія составляютъ главную часть ихъ наряда. Онѣ любятъ украшенія и ожерелья. Если бы онѣ не имѣли отвратительной привычки жевать бетель, который чернитъ ихъ зубы и придаетъ багровый цвѣтъ губамъ, то были бы очень красивы.

Между жителями, самые бѣдные занимаются рыбною ловлею; богатые же выкармливаютъ Явайскихъ быковъ мелкой породы, которыхъ потомъ отвозятъ въ Амбунъ, гдѣ ихъ употребляютъ въ пищу. На островѣ Буру выкармливаютъ еще другихъ быковъ, дикихъ, кабановъ, оленей, буйволловъ и бабировъ. Простыя, но ядовитыя змѣи наполняютъ лѣса, гдѣ встрѣчаются прекрасныя деревья эбеновыя, Малайскія калпотовыя, изъ листьевъ которыхъ добываютъ каипуть, также тековое и желѣзное дерево. Вѣроятно, въ мрачной гущи этихъ лѣсовъ растутъ гвоздичныя и мускатныя деревья, не смотря на запрещеніе Голландцевъ. Воздухъ въ Буру весьма сырой; мохъ покрываетъ деревья и составляетъ родъ опухли около ручьевъ и ключей. Природа изобильна, какъ и во всѣхъ странахъ подъ экваторомъ, и чудно украшена золотыми и пурпуровыми отливками солнца.

Сива не долго стоялъ на рейдѣ. По назначенію своему, это судно должно было служить

эстафетою между островами Зондскими и Молукскими, останавливаясь во всякой намѣстнической пристани только нужное время для отдачи и принятія депешей. Исполнивъ эту обязанность въ Кайели, мы вышли въ море 1 Сентября, обогнули мысъ Пелы, и лавировали въ проливъ противъ вѣтровъ S. S. O. и S. Къ вечеру, достигнувъ высоты острова Амблу, мы придержались къ восточному берегу, правя такъ, чтобы достичь Амбонскаго рейда. Задерживаемые противнымъ вѣтромъ, мы вошли въ заливъ только 4 Сентября. Въ восемь часовъ утра, мы уже стояли въ портъ кабельтова противу скаль Ноессанива (Noessa-niva). После чего капитанъ Нарботъ приказалъ править прямо къ укрѣпленію Витторіа. Въ эту минуту ост. Амбонитъ почти весь развертывался передъ нами; вѣтръ приносилъ намъ благоуханіе его гвоздичныхъ деревъ. На плоскомъ, низкомъ, изумрудномъ берегу толпились домики и хижины, казались, опираясь о высокую гору, на которой строеніе и плантаціи становились рѣже. (Рис. XLVIII. ф. 2.) Укрѣпленіе, съ флагомъ своимъ на вершинѣ мачты и амбразурами для орудій; рейдъ въ видѣ лошадиной подковы, усаженный стоящими на якоряхъ судами, челноками и движущимися корокоро; городъ, вставленный въ раму этого пейзажа, и вдалекѣ горы острова Церама, скрывающія горизонтъ: вотъ что представляется при первомъ взглядѣ на островъ съ моря. Его географическое очертаніе придаетъ итѣчно странное наружному виду; не смотря на длину Амбонна, простирающуюся до 20 лигъ, онъ разрѣзанъ, на два почти равные полуострова, широкою бухтою, которая образуетъ въ немъ зубристую выемку, и даетъ ему видъ лошадиной подковы. Островъ раздѣленъ такимъ образомъ на двѣ части, столь рѣзко обозначенныя, что Голландцы дали каждой изъ нихъ особенныя названія: Гиту и Лейтиморъ, части, раздѣленныя косою землею, имѣющею едва полиги въ ширину. Море, проникнувъ въ этотъ полукругъ, образуетъ въ немъ двѣ бухты, могущія служить якорнымъ мѣстомъ для самыхъ большихъ судовъ. Здѣсь-то у большой или южной бухты, Португальцы построили крѣпостцу Витторію, въ которой еще понынѣ помѣщается Голландскій гарнизонъ. Городъ отстоитъ на 100 туазовъ во внутренности острова.

Шлюбка губернатора, подъѣхавъ къ Сивъ, взяла насъ на берегъ. Капитанъ Нарботъ

долженъ былъ немедленно отправиться въ Бату-Гаджа, резиденцію губернатора. Офицеры корабля предложили мнѣ осмотрѣть городъ. По окончаніи этой прогулки, мы сами должны были ѣхать въ Бату-Гаджа, куда были отозваны обѣдать.

Нашъ первый отдыхъ былъ въ крѣпости, слабо защищенной, построенной Португальцами и почти развалившейся. Обыкновенный гарнизонъ ея состоитъ приблизительно изъ 700 чел.; большую часть его составляетъ туземная милиція. Черезъ нѣсколько дней, на площади, находящейся въ самомъ городѣ, мы имѣли случай видѣть часть этого войска въ строю. Въ одномъ углу площади, солдаты лучше другихъ обученные, строились повзводно, дѣлали ружейные пріемы и маневрировали, между тѣмъ какъ на другомъ концѣ, туземные конскрипты учились передъ офицеромъ первымъ началамъ воинскаго искусства (Рис. XLIX. ф. 1). Это войско было чисто одето и хорошо содержано; но составленное изъ туземныхъ рекрутовъ, и имѣя въ рядахъ едва сорокъ Европейцевъ, оно, конечно, разыграло бы самую жалкую роль, если бы пришлось ему когда нибудь вѣряться съ Ангійскими или Французскими войсками.

Неподалеку отъ крѣпости, подымаясь на гору, мы могли уже видѣть нѣсколько типовъ Малайскихъ красавицъ. У источника, бьющаго въ скалѣ, стояла молодая дѣвушка, ожидавшая, чтобы вода наполнила ея сосуды. Безъ шляпы, съ зачесанными кверху волосами, одѣтая въ платье съ рукавами, покрывавшее ее подобно блузѣ, отъ шеи до ступней, въ высокихъ башмакахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ въ Сингапурѣ, состоящихъ изъ простой деревянной подошвы, прикрѣпленной ремнемъ, который проходилъ между пальцами ноги, эта дѣвушка была въ самомъ дѣлѣ хороша, стройна, исполнена прелести. Подлѣ нея стоялъ милиціонный солдатъ, въ полужофрѣ, въ фуражкѣ, съ босыми ногами. Молодой Малаецъ, находившійся позади источника, довершалъ группу. (Рис. XLIX. ф. 2).

Мы продолжали путь къ городу вдоль по аллеѣ прекрасныхъ деревъ; параллельно съ ними тянулись хорошенькіе домики, выстроенные по Европейски. Амбонитъ лежитъ въ долину, представляли фигуру полумѣсяца; центръ его занятъ кварталомъ Европейцевъ. Большія зданія, дома, окруженные богатыми и обширными галлереями, прямыми, широкими, сквозными улицами, сады, изобилующіе прекрас-

ными деревьями: вотъ что представила намъ эта дѣятельная и почетная часть города.

Кварталь Малайцевъ занимаетъ значительное пространство. Если въ немъ нѣтъ роскоши, замѣчаемой въ Европейскомъ, то въ замѣнъ есть болѣе частей живописныхъ и природныхъ красотъ. На каждомъ шагу вы встрѣчаете прелестныя группы хижинъ изъ бамбука; стѣны изъ саговаго дерева, посреди щеголеватыхъ портиковъ и нависшихъ пальмъ, тѣнью своею охраняють красныя мечети. Этотъ Малайскій кварталъ занятъ бѣднѣйшимъ племенемъ цѣлой конторы, рабочими Европейцевъ и Китайцевъ, ихъ господами по силѣ и уму. Навсемъ этомъ пространствѣ устроены въ нижнихъ частяхъ хижины, жалкія лавочки, гдѣ помѣщаются торгующіе мелкой рыбой и плодами. Главное занятіе Малайцевъ составляетъ рыбная ловля. Ихъ байдары, нагруженныя сетями и снастями, покрываютъ днемъ рейдъ, и отправляются на промыселъ, при звукѣ тамъ-тама, безъ котораго гребцы, казалось, потеряли бы силы. Вечеромъ рейдъ освѣщенъ огнями рыболюбныхъ лодокъ.

Третій и послѣдній кварталъ Амбонна, есть Китайскій. Тамъ эти кочующіе купцы завели колоніи, какъ въ Сингапурѣ, въ Манилѣ и въ Батавіи, какъ будутъ заводить они вездѣ, гдѣ только почувуютъ прибыль; Китайцы настоящіе Израилѣи Востока. Тѣ, которыхъ я видѣлъ здѣсь, ничѣмъ не отличались отъ видѣнныхъ мною прежде: та же дѣятельность, тотъ же толкъ въ дѣлахъ, та же чистота въ складкѣ товаровъ, тотъ же порядокъ въ ихъ молчаливыхъ домахъ, изъ которыхъ не выглядываютъ женщины. Но всего болѣе привлекъ мое вниманіе *кампонгъ*, или базаръ. Я видѣлъ его въ тотъ часъ, когда жители Амбонна приходили запасаться на день всѣми потребностями. Здѣсь продають лучшіе фрукты, лучшую рыбу, лучшую бойную говядину. Есть ткани и предметы роскоши Китая и Европы; есть зонтики, лаковые вещи, чай, трипанги, соленая рыба. Ничто не можетъ дать понятіе о движеніи, царствующемъ внутри рынка, образующаго зданіе, подпертое двадцатью большими столбами и покрытое соломеною кровлей. Голландскіе офицеры встрѣчаются съ Малайскими рыбаками; Китайскіе томоженныя, приставленные для надзора губернаторомъ, прилежно исправляютъ свое дѣло, между тѣмъ какъ толпа туземцевъ толкается, мѣшается, говоритъ, спо-

рить и кружится на площади. (Рис. L. ф. 1). Съ наступленіемъ ночи, базаръ нѣсколько не теряетъ своей дѣятельности; напротивъ, въ это время купцы преимущественно любятъ собираться и остаются здѣсь до 9 часовъ. Каждая лавка освѣщается однимъ или двумя естественными факелами, обвернутыми листьями саговаго дерева, что составляетъ освѣщеніе, почти не дающее дыма, и весьма дешевое.

Такимъ образомъ народонаселеніе Амбонна состоитъ изъ Европейцевъ, Малайцевъ и Китайцевъ, трехъ различныхъ племенъ, живущихъ въ одномъ городѣ, не мѣшавшихъ почти вовсе, если исключить нѣсколько женитбъ Китайскихъ и Малайскихъ, нѣсколько смѣшанныхъ Европейцевъ съ хорошеенькими Малайками. Не смотря на противоположность нравовъ, происхожденій и исповѣданій, Амбоннъ есть городъ тихій и удобноуправляемый. Все здѣсь предусмотрено, все заблаговременно рассчитано для этого десятка тысячъ жителей; флегматическая попечительность Голландцевъ установила законъ, которому они должны покоряться.

Когда мы вышли изъ кампонга, было уже нѣсколько поздно, и мы едва, едва успѣли къ обѣду губернатора. Дорога изъ Бату-Гаджа, дворца резиденціи, представляетъ восхитительную прогулку: она то проходитъ между купами саговыхъ деревьевъ, то пролегаетъ подъ роскошными навѣсами кокосовыхъ и арековыхъ купъ, между тѣмъ какъ съ правой и съ лѣвой стороны безпрестанно возникаютъ населенныя птицами кущи манговыхъ деревьевъ, мангустановъ, билимбинговъ, лаюзовъ, папай, банановъ и т. п. Въ наше распоряженіе были даны носилки и лошади; но я прошелъ всю эту дорогу пѣшкомъ, и ни какой въ мірѣ праздникъ не могъ быть для меня лучше этой прогулки, посреди природы, исполненной красотъ самыхъ изящныхъ и живыхъ. То былъ восточный ландшафтъ во всемъ его великолѣпін, огромный, очарованный садъ, какъ бы вызванный маговіемъ жезла Феи. Восхищенный всѣмъ, что видѣлъ, я пришелъ въ Бату-Гаджа, прелестнѣйшее мѣстопробываніе, прислоненное къ горѣ, окруженное прохладными садами и изрѣзанное по всѣмъ направленіямъ бѣгучими прозрачными водами. Бату-Гаджа состоитъ изъ разныхъ строеній, расположенныхъ вокругъ внутренней площадки, на которой возвышается мачта съ флагомъ; здѣсь обширное зданіе съ колоннадами, образующее сквозную и прохладную

гаймерсю; далее главный корпусъ, гдѣ живеть губернаторъ; наконецъ службы. Косгдѣ, для сообщеній, вьстѣи мостикъ надъ ручьями, пересѣкающими эту прелестную виллу (Рис. I. Ф. 2.)

При входѣ, мы нащли капитана Нарбота, который ожидалъ насъ; онъ представилъ насъ губернатору; вѣжливому и любезному человеку. Веселый обѣдъ отличался богатствомъ и роскошью, вмѣстѣ Европейскою и колоніальною. Голландская чистота и изобиліе замѣтны были во всѣхъ подробностяхъ. За десертомъ, мнѣ въ первый разъ случилось ѣсть дюріоны и рамбутаны. Первый изъ этихъ плодовъ, чувствительно отзывавшійся чеснокомъ, показался мнѣ отвратительнымъ; второй понравился: онъ походилъ нѣсколько вкусомъ на плоды лitchi. Прислуга состояла изъ Малайцевъ, но гораздо лучше одѣтыхъ, нежели тѣ, которыхъ мы встрѣчали до сихъ поръ; они были обуты, носили не чалмы, а круглыя шляпы, и волосы прижатые, подвязанные на затылкѣ и вьсѣвшіе хвостомъ.

Слѣдующіе дни прошли въ ѣздѣ по окрестностямъ. Прежде всего мы посетили садъ компаніи, вмѣняющій въ себѣ мало замѣчательнаго; потомъ гробницу знаменитаго натуралиста Румфуса, смиренный мавзолей, окруженный хорошенькимъ растеніемъ, называемымъ *ramix fruticosum*. После углубились во внутренность этой страны, одной изъ богатѣйшихъ и прелестнѣйшихъ, какую когда либо можно видѣть. Первое попавшееся намъ дерево, было саговое; отросточки его, бывъ срызаны и употреблены въ ту же минуту, даютъ изъ себя пріятный сокъ, который собираютъ посредствомъ кусковъ бамбука. Каждое изъ этихъ деревьевъ можетъ давать ежедневно и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ 6 до 8 литровъ соку. Чтобъ помѣшать его броженію, жители употребляютъ древесницу *somlonnea*. Кроме сока, во время соченія дерева, образуется еще родъ чернаго сахара, который Малайцы называютъ *гула-итанъ*, и который кристаллизуется лепешечками. Саговое дерево даетъ также волокны, изъ которыхъ туземцы выдѣлываютъ весьма хорошія веревки. Но виду и черному цвѣту волоконъ, ихъ можно легко принять за конскій волосъ. Наконецъ, молодые плоды саговаго дерева, приготовленные съ сахаромъ, составляютъ прекрасное лакомство.

Далѣе мы увидѣли саговое дерево; около

котораго трудился туземецъ. Оно было недавно срублено, раскрыто во всю длину и имѣло до половины метра въ толщину. Большая часть саго была изъ него уже выбрана. Эта пальма даетъ почти столько же саго изъ верхней части штамба, сколько при корнѣ. Стволъ наполненъ муцистымъ веществомъ, черезъ которое проходятъ вдоль всего дерева тонкія волокны. По полученіи саго, его растираютъ, ссынаютъ въ мышки, сдѣланные изъ листовыхъ хвостиковъ кокосоваго дерева; на подобіе канвы; мышки по нѣскольку разъ спрыскиваютъ водою, которая увлекаетъ мукою составъ, между тѣмъ какъ капли удерживаютъ волокнистыя части. Воду, съ муцистымъ веществомъ, перемываютъ изъ одного корыта въ другое, до тѣхъ поръ, пока она вовсе не отдѣлится отъ себя постороннихъ частицъ.

Другіе любопытные предметы изъ царства растений привлекли наше вниманіе. Мы разсматривали попеременно: *eleocarpus monogynus*, покрытый до самыхъ нижнихъ вѣтвей цвѣтами краснаго вида; арелин, извѣстный подъ названіемъ *cussonia thyrsiflora*; *begonia*, замѣчательная малыми размѣрами своихъ частей; цѣлые букеты *agave vivipara*; меластомы, *canarium commune*; *cynometra cinniflora*, или *намъ-намъ* Малайцевъ, которое, своимъ вяжущимъ вкусомъ, нѣсколько напоминаетъ сидровые яблоки; пальма *ина*, листья которой употребляютъ на покрытіе хижинъ; *sexvola lobelia*, растеніе, водящееся преимущественно на песчаныхъ берегахъ моря; *heritiera*; *laurus culilaban*, изъ котораго добывается драгоценное ароматическое масло; борщевикъ съ остроконечными листьями; *erythrina corallodendron*; *pandanus odoratissima*, гнущій вѣтви своими сферическими плодами; *eugenia malanensis*, *averrhoa corambola*, съ вяжущимъ плодомъ; *anona muricata*; *jatropha curcas*, изъ котораго дѣлаютъ прекрасные изгороды; руку; красивое растеніе *abroma angusta*; наконецъ въ нѣкоторыхъ садахъ мы видѣли Китайское дерево; пестрые подсолнечники: всѣ эти растенія замѣчательны по красотѣ своихъ цвѣтовъ и зелени.

Изъ животныхъ замѣтили мы летучую ящерицу, хорошенькое созданіе, которое вытянувъ свои оба члена въ видѣ крыльевъ, держится нѣсколько минутъ на воздухѣ; *lacerta amboinensis*, животное, одѣтое двуличнымъ цвѣтомъ, какъ хамелеонъ, но временамъ оно дѣлается изъ зеленаго темнокоричневымъ;

papilio Agamemnon, съ великолѣнными крыльями; *cancer caminus*, особеннаго рода ракъ, весьма обыкновенный въ рѣкахъ, орошающихъ островъ.

Жители, населяющіе окрестности Амбонна, суть Малайцы, безъ сомнѣнія перемѣшавшіеся съ первобытными обитателями. Мы вошли въ одну ихъ казу, составленную просто изъ бамбуковыхъ тростей, приставленныхъ одна къ другой и накрытыхъ сверху листьями саговаго дерева. Въ этой бѣдной хижинѣ находились три женщины, которыя, увидя насъ, испугались. Мы объявили, что хотимъ купить у нихъ кое какія вещи, но въ отвѣтъ получили одни отказы. *Трада! Трада!* пѣтъ! пѣтъ! говорили онѣ. Безъ сомнѣнія, недовѣрчивость ихъ происходила отъ дурной славы, которую Европейцы заслужили здѣсь. И точно, едва мы только предложили хозяйкѣ дома нѣсколько бездѣлокъ, какъ получили гораздо болѣе, нежели требовали. Намъ подали патаговъ, ямса и вина изъ саго, которое слегка бродило. Изъ трехъ бывшихъ тутъ женщинъ, только одна была пожилая, сама хозяйка; двѣ другія, можетъ быть, ея дочери, были молоды, хороши собой, прекрасны сложенны; обнаженные части тѣла доказывали, что и прочія ихъ формы также совершенны; кромѣ рубахи, спускавшейся до коленъ и подпоясанной вокругъ талии, на нихъ ничего не было. Что же касается до пришедшихъ мужчинъ, родъ нижняго платья, подобнаго лаугутти Негровъ, служило имъ для прикрытія наготы. Они тихи, умѣренны въ пищѣ, искусны въ промыслахъ, хотя и безпечны. Ихъ казы, почти совершенно, внутри, какъ и снаружи, сдѣланы изъ саговаго дерева. Крыша и стѣны также убраны листьями этой пальмы. Обѣ стороны крыши наклонены подъ угломъ въ 45°, а часть ея, обращенная ко входу, составляетъ маленькій чердакъ, служащій вмѣсто балкона и назначенный для храненія припасовъ. Внутри, кромѣ рѣшетчатыхъ скамей изъ брусковъ, оставленныхъ на 3 вершка; одинъ отъ другаго, не было ни стульевъ, ни кроватей. Подъ ними лежала часть домашней посуды, состоявшей изъ трехъ глиняныхъ горшковъ собственнаго издѣлія, трехъ бутылокъ, купленныхъ у Европейцевъ, ложекъ, выдѣланныхъ изъ большихъ раковинъ, весьма обыкновенныхъ на Амбоннѣ, заступа и пожа, похожаго на поварешку.

Оставивъ казу, чтобъ возвратиться въ Амбоннъ, мы увидѣли у подошвы горы двухъ

фалангеровъ, бѣгущихъ съ необыкновенною быстротою. Далѣе проводникъ нашъ указалъ намъ *mate*, одинъ изъ надгробныхъ памятниковъ, воздвигаемыхъ по обычаію и священнымъ для туземцевъ. Эти *mate* суть обыкновенно маленькій сарай, съ крышею, вышиною около 2 фут., покрытый листьями нины и поддерживаемый четырьмя бамбуковыми столбами. Съ середины крыши падалъ бамбуковый сукъ, привязанный къ веревкѣ и накрытый половиной кокосоваго орѣха. Намъ сказали, что въ орѣхъ были спрятаны нѣкоторыя вещи покойника, который здѣсь погребенъ. Кокосъ, бамбукъ, столбы, крыша: все было священно, и всякое прикосновеніе уже почиталось оскверненіемъ.

Но мѣръ того, какъ мы приближались къ городу, мускатныя и гвоздичныя плантаціи являлись чаще и становились значительнѣе; самыя большія изъ мускатныхъ деревьевъ едва ли имѣли 20 ф., но иногда они равняются съ самыми высокими перенными деревьями. Листья ихъ, перемежающіеся и овальные, на короткихъ стебелькахъ, жестки, гладки, самаго яркаго зеленаго цвѣта на поверхности, блѣватые, мутно-зелены снизу. Это дерево растетъ какъ померанецъ или лавръ, и даетъ плоды, начиная отъ десяти лѣтъ до ста. Гвоздичное дерево доходитъ до 40 ф. вышины и простираетъ далеко свои остроконечные листья. Цвѣточные почки его, извѣстныя у насъ подъ именемъ гвоздики или гвоздичныхъ головокъ, собираются отъ Нолбрия до Февраля мѣсяца. На Амбоннѣ попадается также дикое гвоздичное дерево, которое отличается отъ перваго болѣе длинными листьями и стволомъ болѣе высокимъ. Дикое мускатное дерево растетъ также на островахъ Банда.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ города, въ близъ лежащемъ саду, странная музыка привлекла наше вниманіе. Звуки ея были правильны и не совершенно лишены мелодіи. Мы подошли, чтобъ узнать, какой инструментъ производилъ ихъ. То былъ бамбукъ въ 60 ф. выш., утвержденный туземцами на берегу моря, въ вертикальномъ положеніи. Между каждымъ колѣномъ находилась скважина, имѣвшая безъ малаго вершокъ, и всѣ эти скважины, открывая свободный входъ вѣтру, издавали пріятные и жалобные тоны. Это было Эолова арфа; тихіе звуки ея дрожали въ воздухѣ, какъ звуки гармоникки. Отверстія были догадливо расположены на разныхъ сторонахъ, чтобы вѣтеръ, откуда бы

онъ ни дулъ, могъ во всякое время оживлять этотъ инструментъ своимъ дыханіемъ. Близъ этой чудной флейты, и какъ бы для аккомпанимента, туземецъ игралъ на какой то скрипкѣ со струнами, сдѣланной также изъ бамбука и обтянутой съ одного конца кожею на подобіе барабана. Три нити изъ коры ротанга, натянутыя на кобылку, служили струнами: крайній составляли октаву, а среднія была квинта первой; звуки извлекались смычкомъ изъ бамбуковыхъ веревочекъ. Этотъ аккомпаниментъ, не смотря на однообразие, казалось, приводилъ въ восторгъ слушателей, окружавшихъ виртуоза. Другой изъ ихъ музыкальных инструментовъ есть родъ флейты съ загнутымъ носкомъ, нижняя часть которой дѣлится на двѣ трубки съ дырками, просверленными на каждой въ равномъ разстояніи; отъ чего звуки выходятъ тождественные.

Мои прогулки въ окрестностяхъ Амбонна каждый день знакомилъ меня съ новыми красотами этой безподобной страны. Лежащій въ пріятномъ полѣ, въ атмосферѣ ровной и здоровой, Амбоннъ есть одно изъ самыхъ благопріятныхъ мѣстопребываній Молуккскихъ острововъ. Его кремнистый грунтъ даетъ жизненный сокъ пряностямъ, составляющимъ его богатство. Скаты горъ надълены изобиліемъ, равнины и песчаный берегъ моря производятъ кокосовое и саговое дерево. Рисъ разводится хотя въ маломъ количествѣ, но хорошо родится; опыты, произведенные надъ сахаромъ и индиго, всегда удавались; дерево каю-путти во множествѣ доставляетъ лекарственное масло, извѣстное подъ названіемъ калпутъ. Но все эти богатства исчезаютъ передъ гвоздичнымъ деревомъ (*caryophyllus aromaticus*), предъ этимъ сокровищемъ, причинившимъ долги и кровопролитныя войны. Монополизмъ споръ о томъ, кому исключительно разводить это растеніе, стоило много крови архипелагу; вся прибыль, полученная производителями, не вознаградила этихъ жестокихъ жертвовацій. Округи Амбонна, Гаруко, Ларикъ, Сапаруа и Гилла, были исключительные прочіихъ предоставлены этой отрасли; ихъ подраздѣлили на кантоны, управляемые туземными старшинами, которые принимаютъ титулъ *раджа или пантиксъ*, по еще обыкновеннѣе *орангъ кайе*. Въ этихъ кантонахъ парки или сады, называемые по Малайски *Танагъ-дате*, и имѣющіе нѣкоторое количество гвоздичныхъ деревьевъ, находятся подъ

надзоромъ *орангъ туасовъ* (старшихъ), подвластныхъ чиновниковъ, которые смотрятъ за плантаціями, наблюдаютъ за ихъ содержаніемъ и присутствуютъ при сборѣ, продолжающемся два или три мѣсяца. Утверждаютъ, что среднее произведеніе одного гвоздичнаго дерева простирается до пяти или шести фунтовъ гвоздики, хотя видѣли деревья, которые давали до 25 ф. Самое дерево, съ своими короткими вѣтвями и продолговатыми листьями темнозеленаго цвѣта, чудесно. Въ пятнадцать лѣтъ, гвоздичное дерево приноситъ плоды; въ двадцать, оно во всей своей силѣ. Гвоздики, по Малайски *тжанке*, сначала бываетъ свѣтло-зеленаго, потомъ оранжеваго цвѣта; наконецъ, принимаетъ темный цвѣтъ, который показываетъ, что время приступить къ сбору. Когда хотятъ сохранять гвоздику для посѣва, то оставляютъ ее еще мѣсяцъ на деревѣ: въ это время зерно тучнѣетъ, терять свой ароматическій запахъ, и падаетъ. Сутки спустя, будучи брошено въ землю, оно выходитъ и пускаетъ отростки. Гвоздичное дерево разводится также посредствомъ отростковъ и прививки въ обыкновенный годъ; сборъ гвоздики можетъ простирается отъ 250 до 300,000 фунтовъ. Въ извѣстные годы, онъ несравненно превосходитъ это количество, но въ другіе бываетъ гораздо бѣднѣе.

Амбоннъ былъ нѣсколько вѣковъ исключительнымъ мѣстомъ произрастанія гвоздичнаго дерева, и лишь въ послѣдніе годы позволено разводить на немъ мускатный орѣхъ. Изъ этихъ двухъ существенныхъ продуктовъ *Пряныхъ острововъ*, Голландцы, распредѣляя монополію, отдали, — одному острову, другой другому, Амбонну гвоздичное дерево, Бандѣ, мускатное. Гвоздичное дерево, не могло существовать на Бандѣ, на Амбоннѣ не родилось мускатное. Кромѣ того, по всѣмъ окружающимъ островамъ были разосланы агенты съ приказаніемъ истреблять все гвоздичные и мускатные разводки, срыть ихъ до основаній, и жестоко наказывать Малайцевъ и Гарфуровъ, которые осмѣлятся, изподтишка, продолжать не позволенное имъ занятіе. Вооружили войско, затрубили въ походъ, долго и тяжело воссали, послали дорогого стоявшаго флотиіи противъ растений. Огонь и мечъ опустошили холмы, долины, дабы земля не производила болѣе того, сколько хотѣли монополисты. Въ подкрѣпленіе этого негребительнаго расчета, нужно было

еще строить крѣпости, содержать многочисленныя караулы, платить жалованье туземнымъ властямъ. Эти поступки экономическаго вандализма не заключились въ пределахъ сихъ отдаленныхъ странъ и не укрылись отъ взоровъ Европы. Когда система мѣстнаго запрещенія оказывалась недостаточною для уменьшенія урожаевъ, до того, чтобы цѣнность пряностей удержалась на высотѣ тарифа компаній, въ Амстердамѣ и въ Гамбургѣ учреждали большіе отто-дафе для корицы, мускатныхъ орѣховъ и гвоздики, и предавали такимъ образомъ новыя жертвы де-ному монополіи и спекуляціи.

Можетъ быть, подумаютъ, что эта система, продолжаемая съ осторожностію и неслышанными строгостями, осыпала золотомъ тѣхъ, которые ей вѣрили. Напротивъ, никогда компанія не могла сбыть въ Европѣ болѣе какъ на 2-м. флориновъ гвоздики, мускатнаго орѣха и масиса, между тѣмъ какъ содержаніе *Принныхъ острововъ* стоило около 3-м. привилегированнымъ производителямъ. И такъ, монополія (какъ убѣждаетъ насъ въ томъ долгій опытъ) есть оружіе обоюду острое, равно гибельное для тѣхъ, которые имъ дѣйствуютъ, такъ и для тѣхъ, противъ которыхъ оно устремлено. Съ недавнихъ поръ Голландія, кажется, обратилась къ болѣе здоровымъ приложеніямъ коммерческой экономіи. Первый шагъ состоялъ въ томъ, что расширили кругъ воздѣланія и уничтожили смѣшанныя запрещенія. Можетъ быть, со временемъ, допустить она свободный торгъ пряными кореньями; тогда много приобретется выгодъ. Въ слѣдствіе мудрыхъ представленій барона Фанъ-деръ-Капеллена, Нидерландскій кабинетъ нѣсколько лѣтъ запылъ этимъ вопросомъ и уже обдумываетъ, какъ бы удобѣе согласить старую систему съ новою, и какими мѣрами съ меньшими издержками произвести переворотъ, сдѣлавшійся необходимымъ.

Амбоннъ можетъ почитаться главнымъ мѣстомъ Молукскихъ острововъ, которые зависятъ отъ генеральнаго правленія, учрежденнаго на Явѣ. Губернаторъ Амбоннскій имѣетъ подъ своимъ начальствомъ нѣсколькихъ резидентовъ и подрезидентовъ: въ Тернатѣ, Бандѣ, въ Сапаруа, въ Гила, въ Ларинтѣ, въ Буру, въ Церамѣ, въ Манадо и въ Горонтало. Подъ начальствомъ Молукскаго губернатора находится главноуправляющій (*hoofd administrateur*), которому поручено общее управленіе колоніею; онъ

имѣетъ при себѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, на довольно плохомъ жалованьи. Судебныя мѣста существуютъ во всѣхъ резиденціяхъ. Подъ главноуправляющимъ и его чиновникомъ находится *орангъ-касы*, туземные старшины, избираемые Голландцами преимущественно изъ среды обращенныхъ въ Христіанство. Каждый *орангъ-касы* имѣетъ подъ надзоромъ своимъ сто туземцевъ. Шпага съ серебрянымъ эфесомъ, пожалованная компаніею, черныя Европейскія костюмы, трехугольная шляпа и башмаки, отличаютъ этихъ чиновниковъ отъ ихъ подчиненныхъ. Ихъ мѣсто есть средство къ обогащенію, и они не забываютъ этого. Голландская система управленія, вмѣстѣ отеческая и фискальная, даетъ поводъ къ множеству злоупотребленій, коимъ удивительно умѣютъ пользоваться Малайскіе старшины и Китайскіе сборщики. Изъ этого выходитъ, что стѣсненный со всѣхъ сторонъ Амбоннецъ, зная что, онъ работаетъ на господъ своихъ, терлетъ бодрость духа и становится небреженъ въ дѣлѣ. Туземцы говорятъ Малайскимъ языкомъ; благозвучнымъ и пріятнымъ. День цѣлый они жуютъ бетель, да употребляютъ еще настой изъ горькихъ растений, извѣстный подъ именемъ *гамбергъ*. Они питаются рыбой, мясомъ и овощами. Общее народонаселеніе страны можетъ простирается отъ 45 до 50,000 душъ, изъ числа коихъ около 2,000 Европейцевъ, прочіе Малайцы или Китайцы. Въ томъ же числѣ полагаютъ еще нѣсколько невольниковъ, болѣею частию изъ Макасара и Церама.

Послѣдній островъ отдѣленъ отъ Амбонна только узкимъ каналомъ. Послѣ Гвилоло, Церамъ самой большой изъ Молукскихъ острововъ, самой большой изъ Амбоннской группы. Значительная часть острова зависитъ отъ султана, данника Голландцевъ. Нынешній султанъ, раджа Илоосскій получаетъ даже пенсію изъ Амбонна, за возложенную на него обязанность унимать морской разбой, производимый близъ береговъ корокорами туземцевъ. Этому царьку выстроили на сѣверномъ берегу крѣпость, съ помощію которой онъ управляетъ съ округомъ. Эта мѣра принесла уже хорошіе плоды. Главные порты Церама суть: *Савай* и *Вару*. Въ послѣднее время Голландцы основали военный постъ въ Атилингѣ, близъ *Савая*. Главные туземные старшины зависятъ, одни отъ губернатора Амбоннскаго, другіе

отъ резидента Банды. По показаніямъ Форреста, Церамъ имѣетъ 67 лигъ длины, и отъ 13 до 14 шир. Онъ производитъ саго, гвоздику, не смотря назапрещеніе Голландцевъ, и весь покрытъ прекрасными казуаринами. Быстрые потоки перестѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ страну гористую, и если бъ не деревья, которыя наклоненіемъ съ одной вершины на другую образуютъ природные мосты, то внутреннія сообщенія были бы почти невозможны. Высшіе пункты этой системы имѣютъ до 8000 фут. возвышенія отъ уровня моря. Въ ихъ глубокихъ лѣсахъ обитаютъ казоары. На Церамъ; какъ и на Целебесъ, существуетъ, во внутренности, племя Гарфуровъ; но если допустить тотъ же жестокий характеръ, который приписываютъ имъ прежніе путешественники, то другаго соотношенія, кромѣ одинаковыхъ названій (люди земель) не существуетъ между этими Гарфурами и мирными обитателями береговъ озера Тондано. По словамъ Фалсштейна, эти люди ходятъ нагѣ, за исключеніемъ скрученнаго пояса вокругъ бедръ, съ цвѣтами и пальмовыми листьями, прикрѣпленными на голову, на плечахъ и на колѣняхъ. Ихъ квадратные щиты испещрены вставками изъ слоеной кости, мелкихъ раковинъ и перламутра. Побѣдить сердце двѣушки, можно у нихъ только цѣною 5 или 6 головъ непріятельскихъ. Для пріобрѣтенія такихъ трофеевъ; они прячутся въ лѣсахъ, покрываются мхомъ, стараются преобразить себя въ деревья или кустарники, дабы вѣрнѣе обмануть неосторожнаго, который отваживается постѣтить эти глубокія чащи. Врасплохъ нападаютъ они сзади на непріятеля, отрубаятъ ему голову, и возвращаются въ селеніе при шумѣ общихъ кликовъ. Голландскій проповѣдникъ, Монтанусъ, рассказываетъ, что одинъ Гарфурскій старшина, желая позабавить его пріятнымъ зрѣлищемъ, приказалъ произвести воинственную пляску, кончившуюся, не на шутку, кровопрлитіемъ и трупами, и когда священникъ сталъ умолять короля прекратить это побойще, тотъ отвѣчалъ: «Вѣдь это невольники!»

Кромѣ Амбонна, Буру и Церама, Амбоннская группа имѣетъ еще *Горамъ*, одинъ изъ крайнихъ восточныхъ пунктовъ, далѣе которыхъ не простирается Магометанская вѣра; *Гаруко*, *Машина*, *Сапаруа* и *Нусса-Лаутъ*, состоятъ подъ непосредственнымъ владычествомъ Голландцевъ.

Остается еще группа *Банда*, одна изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ въ Молукскомъ архипелагѣ, группа, которую можно назвать землею мускатныхъ орѣховъ. Главные острова ея суть: *Банда-Непра*, самый большой изъ группы, и резиденція Голландскаго губернатора; *Розингенъ*, *Лонтуаръ* и *Пуло-Айжъ*; наконецъ *Гунонгъ-Апи*, который замѣчательнѣе только своимъ неогнѣвающимъ вулканомъ. Изъ сихъ острововъ, Розингенъ населенъ менѣе прочихъ, съ тѣхъ поръ какъ приказано вырывать на немъ мускатныя деревья. Однако, говорятъ, что съ недавняго времени поселились на немъ отпущенные невольники и успѣли придать ему нѣкоторую важность.

По три существенные пункта суть Банда-Непра, Лонтуаръ и Пуло-Айжъ; острова образующіе вмѣстѣ съ Гунонгъ-Апи прекрасный и безопасный рейдъ Бандскій, защищаемый крѣпостцами *Бельгика* и *Нассау*, а съ высотою Лонтуара крѣпостцами *Голландія*. По доносеніямъ Голландскихъ инженеровъ, эта позиція была непреступна, а между тѣмъ Банда сдалась Англичанамъ. Крѣпостца Нассау, основанная Португальцами, упала въ развалины, когда адмиралъ Петеръ Вильямсъ Фергофе положилъ якорь у Нейра 8 Апрѣля 1609, и перестроилъ ее. Не смотря на это, предпріятіе окончилось бѣдствіемъ: адмиралъ, съ частию экипажа, были убиты. Не прежде какъ въ 1621 г. генералъ-губернаторъ Кунъ, съ помощію вспомогательнаго Амбонскаго войска, привелъ въ покорность Банду и близлежащіе острова. Въ промежутокъ сего времени, была построена крѣпостца Бельгика. Въ началѣ нескладная, она была выстроена вновь, по плану болѣе обширному, храбрымъ адмираломъ Спеельманомъ.

Банда обязана своимъ благосостояніемъ привилегіи добыванія мускатныхъ орѣховъ, (*bona-pala*) и масиса (*kambong-pala*); добыванія, дорогаго стоящаго жителямъ, по причинѣ вредности климата и страшныхъ землетрясеній. Въ 1691 г. вулканическое изверженіе было столь опустошительно, сопровождалось столь сильнымъ повышеніемъ моря и такими потрясеніями во всемъ составѣ острова, что самая зажиточная часть народонаселенія переселилась на Амбоннъ, Тернатъ и Макасаръ.

Каменистый грунтъ Банды кажется способнымъ единственно къ разведенію мускат-

наго орѣха и масиса, хотя и находятъ въ лѣсистыхъ частяхъ канарскаго ерева, изъ котораго получаютъ масло, предпочитаемое кокосовому, также саговилъ, лимонилъ, бамбуковыя и кокосовыя деревья. Банда можетъ ежегодно доставлять 500,000 ф. мускатнаго орѣха и 150,000 ф. масиса. Масисъ есть внутренняя оболочка орѣха.

Нигдѣ мускатное дерево не разрасталось въ такомъ прекрасномъ видѣ, какъ на Бандѣ. Правда, что дерево вырастаетъ весьма долго, и что опыты, произведенные на прочихъ островахъ, были предприняты недавно. Когда цвѣтъ мускатнаго дерева падаетъ, начинается образованіе орѣха; онъ полнѣетъ медленно, принимая видъ абрикоса. Его скорлупа, желтовато-зеленая, начинаетъ лопаться и раскрывается такъ, что можно видѣть мускатъ, прикрытый своимъ масисомъ, превосходнаго краснаго цвѣта. Годовое произведеніе, получаемое съ одного дерева, среднимъ числомъ, простирается отъ 5 до 6 ф. орѣховъ; однако есть деревья, которыя даютъ отъ 15 до 20 ф. Эти орѣхи, будучи отдѣлены отъ ихъ зеленой скорлупы и масиса, раскладываются на плетенки изъ лозъ и ставятся въ дымъ, въ стросеніяхъ (*kombaisen*), нарочно назначенныхъ для того; послѣднѣе начинаютъ отъ внутренней скорлупы и обмакиваютъ въ известъ, распущенную въ морской водѣ. Все это приготовленіе требуетъ безчисленныхъ заботъ. Что же касается до масиса, то и онъ долженъ быть высушенъ, но только на солнцѣ и вѣтрѣ. Если, для ускоренія дѣла, употребляютъ плетенки и дымъ, тогда масисъ принимаетъ дурной цвѣтъ и въ послѣдствіи мокнетъ.

Обработка мускатнаго дерева на Бандѣ и гвоздичнаго на Амбонѣ, значительно различаются. На Амбонѣ, этимъ дѣломъ занимаются туземцы, на Бандѣ креолы, рожденные отъ Европейцевъ. Здѣсь трудъ невольный, тамъ свободный. Причина этой противоположности заключается въ одномъ, очень старинномъ, событіи. Въ 1621 г., когда Банда-Непра и Лонгуаръ были покорены сплюю, большая часть туземныхъ племенъ погибла отъ оружія или добровольно осудила себя на изгнаніе. Чтобы одушевить эту опустѣвшую страну, компанія обратила ее въ колонію, и раздѣлила земли, даромъ, между всеми Европейцами, изъявившими желаніе ее воздѣлывать. Единственнымъ стѣпненіемъ для получателей была исключительная продажа компаніею производимыхъ

этимъ мѣстомъ припостей, и то въ сроки, предписанные постановленнымъ тарифомъ. Въ замѣнъ компанія дала колонистамъ другія выгоды. Раздѣлила землю Нулу-Айжа на тридцать одинъ паркъ, землю Лонгуара на 34 парка, и землю Банда-Непра на 3 парка, каждый въ 25 *душъ* земли, т. е. образуя пространство, для обработки котораго достаточно было 25 невольниковъ. Въ это время разочли, что одинъ паркъ можетъ принести владѣльцу отъ 625 до 650 рейхсталеровъ. Когда уступка приведена была къ концу, плантажисты Европейскіе вызвали невольниковъ, и обработываніе муската началось.

Нало сказать, что этотъ опытъ не былъ благопріятенъ для системы заселенія, посредствомъ раздачи земель. Поселившіеся Европейцы, пріобрѣли собственность, вмѣсто того чтобы дѣйствовать съ усердіемъ, предоставили хожденіе за работами своимъ невольникамъ, употребляя въ дѣло самыхъ плохихъ, и оставляя самыхъ красивыхъ и сильныхъ для прислуги въ своихъ пышныхъ жилищахъ. Слѣдствіемъ этой праздной и изнеженной жизни, было то, что почти всѣ разводчики (*parkeniers*) мало по малу разорились, отягощая свои земли залогами и истрачивая въ шесть мѣсяцевъ пятнадцатую сложность своихъ доходовъ. Въ 1796 г. насчитывали долгъ этой маленькой колоніи возвышался уже до 300,000 рейхсталеровъ, и тѣ изъ колонистовъ, которые остались богатыми, одной контрбандѣ одолжены были своими постыдными богатствами. Одинъ изъ послѣднихъ, сдѣлавшійся миллионщикомъ, будучи призванъ къ суду и осужденъ на каторгу, осмѣлился предложить компаніи 100,000 флоринновъ, чтобы получить право носить золотую цѣпь вмѣсто желѣзной!

Для окончательнаго исчисленія острововъ Молукскаго архипелага, должно упомянуть о малыхъ островахъ, въ юго-западной части, управляемыхъ старшинами, данниками Голландцевъ, какъ то: *Летти*, *Моа*, одинъ изъ самыхъ значительныхъ, который доставляетъ барановъ весьма хорошей породы; *Доммаръ*, съ вулканомъ; *Габберъ*, на которомъ Голландцы содержатъ караулъ; *Сермата*, *Лаккаръ*, *Киссуръ*, гдѣ находится Голландскій военный постъ, посреди необразованнаго народонаселенія; наконецъ *Веттеръ*, большой изъ всехъ, но малоплодный, и кото-

рый скорѣе можетъ быть отнесенъ къ системѣ Сумбава-тиморъ.

Въ цѣпи юго-восточной, также управляемой старшинами, данниками Голландцевъ, находятся три острова *Кеисъ*, изобилующіе кокосовыми и померанцовыми деревьями, заселенные Малайскимъ племенемъ, нѣкоторые обычаи котораго, какъ напримѣръ, поклоненіе фетишамъ, помазаніе и бальзамированіе мертвыхъ тѣлъ, напоминаютъ о соседствѣ Оксанін; *Лааратъ* и *Тиморлаутъ*, острова менѣе примѣчательные, чѣмъ обширные, обитаемые племенами мирными и лѣнливыми; наконецъ группа *Арру*, которую нѣкоторые географы относятъ къ Меланезіи, и которая состоитъ изъ острововъ обитаемыхъ и плодородныхъ, гдѣ Голландцы имѣютъ нѣсколько заведеній.

Молукскіе или *Царскіе острова*, отъ Арабскаго слова *Эль-мелекъ* (царь), имѣютъ всѣ несомнѣнные признаки земель вулканическихъ. Изрытый видъ острововъ, огромныя вершины, одиноко стоящія въ глубокомъ морѣ, группы утесовъ, въ самыхъ страшныхъ положеніяхъ, и высоко выдающихся вверхъ, наконецъ множество вулкановъ, потухшихъ и горящихъ, свидѣлствуютъ, что страна сія была долгое время жертвою физическихъ переворотовъ, и испытала, можетъ быть, потопъ въ эпоху неопредѣленную.

Исторія этого архипелага, до прибытія Португальцевъ, имѣетъ баснословный характеръ, который внушаетъ недоувѣренность. Достоверно лишь то, что въ 1250 г. одна колонія изъ Гилоло поселилась на Тернатѣ, и основала здѣсь династію, первымъ королемъ которой былъ Хико. За нимъ слѣдовали: въ 1277, король Понть; въ 1298, Калабата; въ 1304, Комала, который былъ и завоевателемъ; въ 1317, Паифаранга-Маламо; въ 1322, Сиди-Арифъ-Маламо; потомъ, сряду; Пажи-Маламо, убитый въ 1332, Шагъ-Алемъ и нѣкоторые другіе, до Моломатъ-Хая, который покорилъ острова Кеула. Въ 1372 г. Комала-Пулу возстановилъ прямое наследство, до него похищенное, и сдѣлался самымъ могущественнымъ королемъ Молукковъ: потомъ слѣдовалъ въ 1432 г. Газин-Бугуна II, и въ 1465 Маргунъ, сдѣлавшійся Магометаниномъ. Съ этого времени Китайцы, Малайцы, Явайцы посѣщали Тернатъ, и производили на немъ торговлю пряностями. Зайнале-динъ, въ 1486 г. овладѣлъ Бурю, Амбонномъ и Церамомъ.

Около этого времени, исторія Молуккскихъ острововъ сливается съ исторіею Альбукерка и Португальскихъ мореплавателей. Альфонсъ Суза обязываетъ весь архипелагъ; Гарсія Генрикесъ, Бритто-Галаванъ пристають къ нему въ свою очередь. Королева правительница Тернаты и король Тидорскій оспариваютъ другъ у друга почестъ имѣть въ своихъ владѣніяхъ крѣпость, которую бы защищали Португальцы. Король отдаетъ предпочтеніе; но въ 1527 г., въ награду за ея приверженность, Бритто, командиръ Португальской эскадры, лишаетъ ее престола.

Въ послѣдствіи, обвиненный въ колдовствѣ своимъ дядею, юный царь Тернатскій бѣжалъ въ цитадель, гдѣ и погибъ въ то самое время, какъ собирался броситься изъ окна. Но тогда его народъ отказался снабжать крѣпость провіантомъ, что произвело съ обѣихъ сторонъ вражду. Командиръ Португальской эскадры, Менезесъ, завладѣвъ тремя старшинами, изъ коихъ двумъ велѣлъ отрубить правыя руки, а третьяго отдалъ на съѣденіе двумъ огромнымъ псамъ, которые растерзали его. Выведенные изъ терпѣнія такими жестокостями, туземцы осадили крѣпость и довели гарнизонъ до голода. Португальская лѣтопись сказываетъ, что дабы выпутаться изъ этой крайности, нужно было побѣдить 30,000 туземцевъ, и что вслѣдъ за симъ чудеснымъ избавленіемъ, короля Тернатскаго послали въ Индію для обращенія въ Христіанство. Эти успѣхи были не продолжительны: Ауру, король Тернатскій, по возвращеніи изъ своего путешествія, былъ убитъ генераль-губернаторомъ Лопецъ-де-Меркито; послѣ чего, сынъ убитаго, Баберъ, удалился въ горы со всеми туземцами, а въ 1580, Бабъ-Умахъ, король Тернатскій, изгналъ Португальцевъ, которые были принуждены бѣжать на Амбонъ, гдѣ уже 50 лѣтъ, какъ Св. Францискъ Ксавье проповѣдывалъ Христіанскую вѣру.

Около этого времени появились Голландцы въ Индіи, подъ предводительствомъ Петербота, перваго генераль-губернатора Батавіи. Побѣждая то Португальцевъ, то Англичанъ, около 1620 г. они поселились на Молуккскихъ островахъ и учредили здѣсь колоніальную систему, которая, не смотря на свои недостатки, устояла столѣтія и едва ли будетъ ограничена въ наше время. Король Тернатскій долженъ былъ отправиться въ

Батавию, для подписанія трактата, концы онъ дозволилъ вырывать на своемъ островѣ мускатныя и гвоздичныя деревья. Съ короля Тидорскаго взяли такую же подписку. Цѣною этого пожертвованія, былъ приобретенъ первымъ пенсіонъ въ 70,000 ливровъ, а другимъ пенсіонъ въ 13,000 ливровъ.

И такъ, съ того времени, какъ Стефанъ Фергейе и вице-адмиралъ Яковъ Геескеркъ, заключили первый трактатъ съ орангъ-кай-ясами, т. е. около первыхъ годовъ 17 столѣтія до конца 18, Голландцы сохраняли подъ своимъ неоспоримымъ патронствомъ *Пряныя острова*, и саразмѣрно съ своими купеческими выгодами, надѣляли ихъ произведеніями Европу, которая имѣла къ нимъ тогда сильную страсть. Это владѣніе продолжалось два столѣтія спокойно, если исключить нѣсколько мѣстныхъ возмущеній, которыя благодаря распорядительности генералъ-губернаторовъ Бота, Рейнста. Кѣна и Фанъ-Димена были останавливаемы силой или убѣжденіемъ. Въ 1796 г. явились непріятели важнѣйшіе: Англичане, отъ имени штатгудера, завладѣли всѣми Молукскими островами, Амбоинномъ, Бандой, Буру. динъ Тернатъ сдался только въ 1801 г. Въ промежутокъ времени, пока продолжалось это завладѣніе, оплотъ, воздвигнутый съ такими усиліями Голландскою монополіею, рушился. Понимая свою привилегію въ обратномъ смыслѣ, Англійская Восточно-Индійская компанія вывезла съ 1776 по 1798 г. 817,312 фунтовъ гвоздички, 93,742 фунт. мускатнаго орѣха и 46,730 фунт. маслица, не считая въ томъ числѣ частныхъ вывозовъ. Трактаты 1514 и 1815 г. возвратили Голландцамъ, вмѣстѣ съ ихъ Малайскими владѣніями, всѣ конторы на Молукскихъ островахъ. Каковъ бы ни былъ духъ предпріимчивой колонизаціи, который показали Англичане, но они не имѣютъ той осторожности, той попечительности, флегматической и строгой, той мѣстной опытности, тѣхъ привычекъ мудрой бережливости, которыя облегчали Нидерландцовъ въ отдаленномъ владѣніи группами, лежащими вѣдъ пути кораблей. Молукскіе острова были въ тягость Англіи; они будутъ выгодны Голландіи, если она не отклонится отъ пути преобразованій, которые впервые ввелъ некусный Фанъ-дсръ-Капелленъ.

ГЛАВА XXV.

Малазія. — Островъ Тимори.

Сива оставилъ Амбоинскій рейдъ 10 Сентября. Замѣтивъ нѣкоторые изъ подводныхъ камней и низменныхъ островковъ, концы это море устыло, 15-го мы прошли вдоль острова Тимора, и на другой день стали на якорь въ главной его бухтѣ, Купангъ, известной также подъ именемъ Бабао. Это обширная протоцина или вѣзка, которая, по виду, должна имѣть не менѣе 5 или 6 лигъ въ углубленіи на 3 или 4 въ ширину; открытая съ в., она бываетъ безопасна только съ начала Мая до конца Октября. Но мѣръ того, какъ подаешься во внутренность этого бассейна, виды растутъ и воздвигаются амфитеатромъ. Мало по малу взоръ открываетъ рядъ зеленѣющихъ холмовъ, покрытыхъ кустарникомъ; изъ средины ихъ всходятъ великолѣпныя кущи кокосовыхъ деревьевъ. Голландская крѣпость Конкордія съ своею каменною оградой, и вѣтвь, маленькое Малайское селеніе, раздѣленное рѣкою, дополняютъ эту картину, въ подробностяхъ и въ цѣломъ увеселяющую зрѣніе (Рис. LI. ф. 1.). Посреди бухты лежитъ низменный островъ, называемый Кеа; онъ окруженъ рифомъ; два другіе острова также необитаемы какъ первый, Тикуръ и Буру, находятся на в. отъ мыса Пакула. Въ ю. в. части бухты есть широкая коралловая отмель, известная у Малайцевъ подъ названіемъ *Мешики*.

Черезъ полчаса послѣ нашего прибытія, гичка брига была уже у крѣпостной пристани. Со стороны моря эта крѣпость естественно защищена утесами, и со стороны земли имѣетъ ограду, которая обороняетъ ее отъ нападеній туземцевъ. Но свойство мѣстности предало бы ее въ руки десанта войскъ хорошо обученныхъ. При вышеніи воды можно бы сдѣлать высадку въ виду самой крѣпости, въ лукъ, находящейся при входѣ въ рѣку. При низкой водѣ лодки садятся на прибрежныя отмели. Раздѣленная на двѣ части рѣкой, которая протекаетъ черезъ нее, Малайская деревня имѣетъ для сообщенія одного берега съ другимъ деревянный мостъ, довольно прочно выстроенный. Голландская крѣпость находится на з., Китайскій кварталъ на в.

деревни состоитъ изъ двухъ сотъ домовъ, расбросанныхъ въ безпорядкѣ, безъ всякаго основнаго плана. Все они почти выстроены изъ дерева или изъ расколотыхъ бамбуковъ и состоятъ изъ одного этажа, двумя ступенями возвышеннаго надъ землею. Внутренность деревни также блеститъ зеленью, какъ и окрестности. Манговыя, и огромныя смоковныя деревья изъ породы баньяновъ, образуютъ надъ каждою улицею непроницаемыя своды зелени. Дома ограждены и пользуются самою упоительною свѣжестью: драгоценное благодѣяніе въ подэкваторномъ полѣ.

Мы имѣли два свободные дня для осмотра Тимора. Нашъ эстафетъ-бригъ давалъ едва время своимъ пассажирамъ подышать береговымъ воздухомъ. Оставалось ограничиться осмотромъ того, что находилось любопытнаго въ Купангѣ и его окрестностяхъ, а затѣмъ довольствоваться описаніями Перона, Гоохендорпа и Фрейсине. Съ первой нашей прогулки по острову, мы стали сожалѣть, что не имѣемъ болѣе времени для обозрѣнія этой страны, украшенной чудеснымъ прозлѣбіемъ. Величественныя пальмы, арековыя съ ихъ красными султанами, только рѣдкими просѣками открывали взорамъ окружныя виды; но и то, что видно было, состояло изъ востантительныхъ и разнообразныхъ мѣстоположеній. Въ окрестностяхъ самой деревни, и въ долину болѣе открытой, мы увидѣли Малайское кладбище, усыпанное небольшими надгробными памятниками изъ камня, на подобіе Римскихъ тумуловъ (*tumulus*). Наружный видъ ихъ, казалось, измѣнялся, смотрѣли по значительности покойнаго. Здѣсь была четырехугольная пирамида, увѣнчанная сверху, съ внутреннимъ сводомъ и четырьмя малыми пирамидками по угламъ; тамъ, одинъ камень съ вѣданнымъ посерединѣ желѣзнымъ кольцомъ, далѣе родъ плать-формы, составленной изъ двухъ цоколей, и увѣнчанной чѣмъ-то въ родѣ украшенія, закругленнаго по угламъ; въ другомъ мѣстѣ, простая будочка, съ дверью въ центрѣ, выставила свои покатыя кровельки, между тѣмъ какъ усѣженный на холмѣ, и занимая широкое пространство, массивный четырехугольникъ, тщательно отѣланный изъ камня, являлся поддерживавшимъ множествомъ контрфорсовъ, для доставленія ему болѣе прочной (Рис. II. ф. 2).

Все окрестности Купанга украшены виноградниками и садами; лежащими, большою частію, по берегамъ рѣки. Сюда то богатые

граждане Купангскіе удаляются отъ знойныхъ жаровъ берега. Принятые въ одно изъ этихъ жилищъ, мы долго удивлялись его природнымъ красотамъ и пышно удовлетворимымъ удобствамъ. Оно лежало въ прелестномъ мѣстѣ, въ легкѣ разстояніи отъ города. Множество деревьевъ, осыпанныхъ цвѣтами и плодами, благоуханіе воздуха, журчаніе воды, скользившей по слоямъ гранитныхъ утесовъ, шопотъ зефира въ листьяхъ, воркованіе горлицъ, крикъ попугайчика и плѣшиваго кака: все содѣйствовало къ очарованію въ этомъ прѣстольномъ мѣстѣ. Рѣка, спокойно текущая подъ навѣсами возвышенныхъ бамбуковъ, казалась купальнымъ заломъ, куда сосѣдніе владыки приходили коротать продолжительное время каникулъ. После купанья, со всемъ семействомъ, они ложились на плетенки, подытѣнно померанцовыхъ и тамариндовыхъ рошъ. Тамъ, съ щепоткой бетеля во рту, эти сибариты засыпали, потираемые по телу молодыми невольниками, которые въ то же время стерегли ихъ сонъ отъ неспящихъ насекомыхъ, употребляя на это онахало изъ латановыхъ листьевъ.

Домъ, въ который мы должны были войти, представился намъ послѣ долгой дороги, идущей параллельно направленію рѣки; середина аллея была пространна и усыпана пескомъ; она вела къ большому квадратному бассейну, въ которомъ водились прекрасныя рыбы. По ту сторону находились широкій перистиль, подпираемый колоннами; верхняя часть его составляла родъ Китайскаго кіоска, легкаго и живописнаго. Заслѣдъ дворянъ, а наконецъ и домъ, описанный двумя рядами витинныхъ галерей, съ паркетомъ, меблированныхъ хорошенькими креслами изъ тростника. Это мѣсто принадлежало одной Малайкѣ, женщинѣ пожилой, нѣсколько родной, но не безъ благородства, и не безъ достоинства. Одѣтая въ богатые передники, она вышла къ намъ въ сопровожденіи толпы молодыхъ дѣвушекъ, покрытыхъ бѣлыми тканями, и съ заплетенными волосами на верхней части головы. Нѣсколько невольниковъ, въ жилетахъ и бѣлыхъ шароварахъ, казалось, ожидали приказаній. Едва мы успѣли расположиться подъ галереей, посреди этихъ листьевъ, цвѣтовъ, водъ бѣгущихъ или ниспадающихъ, какъ вся эта толпа молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ приняла въ движеніе, для приготовленія намъ завтрака. Завтракъ былъ поданъ съ быстротой, которая походила на

волшебство. Сахарные конфеты, на Китайских судочках, чай, варенья, пирожки, плоды, эссенции, были въ ту же минуту обнесены, между тѣмъ какъ парика мѣста, владѣтельница этой резиденціи, истинно царской, присутствовала при угощеніи, соблюдая самую благосклонную внимательность.

Послѣ завтрака, мы сдѣлались предметомъ праздника. Молодыя дѣвушки возвратились въ нарядномъ костюмѣ, съ волосами намазанными масломъ, и черными какъ смоль, собранными по Гречески прикрѣпленными золотую булавою, въ легкихъ передникахъ, которые ниспадали только до полъ-колена; онѣ были милы и воздушны какъ сифиды. Молодые невольники, всѣ стройные и хорошаго вида, вѣшались въ группы женщинъ, и праздникъ начался пѣніемъ и танцами. Пѣніе, протяжное и однозвучное, исполнено дикой потрясающей душу гармоніи; пляска женщинъ состоитъ изъ положеній, въ которыхъ тѣло ихъ обнаруживало всю прелесть и соразмѣрность формъ. Танецъ мужчинъ состоялъ изъ военныхъ пантомимъ, изъ театральныхъ сраженій, которыя часто принимали суровый характеръ. Засмѣ слѣдовало конный турниръ, въ которомъ противники скакали другъ на друга, въ галопъ, копы на перевѣсъ, осаживая коней и уклоняясь отъ ударовъ, не прежде, какъ когда лыханіе ихъ лошадей уже смѣшивалось вмѣстѣ. Я не знаю ничего страннѣе, смѣтѣ этихъ Тиморскихъ всадниковъ, сидящихъ на коняхъ, которые своими членами и размѣрами напоминаютъ лучшія Арабскія породы; наездники въ бѣлыхъ курткахъ, развѣвающихся по ветру, съ платкомъ вкругъ головы, изъ подъ котораго падаютъ длинныя ряды волосъ, съ рукой, обхваченной кольцами, со щитомъ и мечемъ, попуская плеткою коней, то ищутъ, то убѣгаютъ другъ друга, сталкиваются и ускользаютъ, съ странною и чудною ловкостью (Рис. LII. ф. 1). За всадниками явились островитяне Омбайскіе, съ сѣвѣнаго острова, доставляющаго часто невольниковъ Тимору. Эти люди были въ одеждѣ своей земли. Ихъ волосы, зачесанные сверху пучками, какъ мы видали у нѣкоторыхъ Океанійцевъ, были у нѣкоторыхъ убранны вѣтвями папоротника въ видѣ султанчика. Грудь и бедра были обложены двойнымъ желѣзнымъ щитомъ или кирасою, между тѣмъ какъ на лѣвой рукѣ они носили третій щитъ. Передній щитъ оканчивался вырѣзкою для шеи;

задній имѣлъ прибавленіе, поднятое вровень съ головою и предохраняющее ее отъ непредвидѣнныхъ ударовъ; рукою щитъ имѣлъ наверху вырѣзку, такъ, что защищая лице сражающагося, онъ не препятствовалъ глазамъ видѣть противника (Рис. LII. ф. 2). Нѣкоторые изъ этихъ людей имѣли крикъ или кшечаль, другіе зубчатую пилу; они угрожали ими другу другу, иногда дѣйствительно задѣвая по груди. Иногда эти военные игры, изъ простыхъ поединковъ, измѣнились въ маленькую войну, въ стычку. Построенные въ два ряда, Малайцы, изображали людей, которые пробираются на цыпочкахъ для открытія непріятеля, и послѣ, вдругъ, какъ бы отыскавъ его, бросались съ смутнымъ и продолжительнымъ крикомъ.

Когда наступилъ вечеръ, праздникъ продолжался при огнѣ ста зажженныхъ факеловъ, несомыхъ невольниками, которые, какъ канделябры, стояли вкругъ ограды бала. Усленная музыка состояла изъ 50 или 60 гумъ-гумовъ и тамъ-томовъ, которые далеко распространяли свою страшную дикую гармонію. Танцоры появились снова, въ очень коротенькихъ передникахъ, безъ оружія, безъ щитовъ, украшенные по рукамъ и по ногамъ листьями латана и цвѣтами малати, вилетеными въ ихъ волосы. Они протанцовали при шумѣ оркестра и подъ пѣсни присутствовавшихъ; балетмейстеръ дирижировалъ фигурами, и то ускорялъ, то замедлялъ мѣру. Эти новыя пляски изображали охоту и гимнастическія упражненія. Движеніе ихъ было медленно, но сопряжено съ такими кривляньями, что вскорѣ танцоры запыхались и покрылись потомъ. Въ междудѣйствіяхъ, молодые невольники, одѣтые въ синіе и красныя передники, подносили намъ, на подносахъ, плоды, пирожное, чай, ликеры; все это было съ большимъ вкусомъ размѣщено въ корзинкахъ.

Приглашенные на праздникъ, окрестные раджи прибыли довольно поздно, съ своими подругами, между которыми были восхитительныя лица. Всѣ раджи были красивые мужчины; съ большою важностію выступали въ своихъ платьяхъ изъ ситца съ цвѣтами и разводами. Сидя на тростниковыхъ креслахъ, каждый изъ нихъ имѣлъ передъ собой маленький столикъ, на который была поставлена корбка съ бетелемъ и арекомъ; позади ихъ стояли слуги, хорошо одѣтые, вооруженные длинными пиками и предводимые старши-

пою или дворецкимъ, котораго легко было узнать по трости съ серебрянымъ набалдашиникомъ — атрибуту господской власти; наконецъ, по сторонамъ, на низенькихъ сидѣлкахъ, находились ихъ жены, вполвину покрытыя вуалями, и только по этому случаю вышедшія изъ гарема. Эти знатныя женщины были гораздо болѣе закрыты, нежели простыя невольницы. Передникъ, спускавшійся до икры, былъ прикрытъ еще длиннымъ платьемъ, которое не доходило до колѣна, и застегивалось на груди золотыми булавками. Всѣ были надушены эссенціями и благоуханными маслами. Ихъ одежды издавали запахъ роснаго ладола и сандаловаго дерева. Онѣ даже жевали *какиудель*, который придаетъ пахучесть дыханію. Эта страсть къ благоуханіямъ простирается между ними до того, что онѣ посыпаютъ душистыми цвѣтами свои постели; изъ цвѣтовъ дѣлаютъ гирлянды, ожерелья и браслеты. Для этихъ Малаекъ цвѣты составляютъ не одно украшеніе, а служатъ также языкомъ. Какой нибудь цвѣтокъ или листы бетеля, сложенные особеннымъ образомъ, имѣютъ извѣстное значеніе на языкѣ любовниковъ.

Мы оставили это очарованное мѣсто уже поздно ночью. Когда пришло время откланяться вдовѣ раджа, тридцать изъ ея служителей отбыли отъ толпы, чтобы пронести новые смолистые факелы, и составивъ двѣ свѣтящія черты по сторонамъ дороги, проводили насъ до самаго Купанга.

Вотъ единственное событіе нашего пребыванія въ этой бухтѣ. Мы не могли, какъ бы хотѣлось, слѣдовать дорожнику Перона во внутренности Тимора и повѣрить точность его наблюденій, имѣющихъ нѣсколько романтическій характеръ. Заимствуемъ изъ самыхъ положительныхъ частей его описанія краткое извлеченіе.

На с. з. отъ Тимора находится Португальское заведеніе Делли, гавань, лежащая на ю. отъ острова Камби, и фарватеры которой довольно опасны. Манатати, въ двадцати четырехъ миляхъ отъ Делли, есть Португальскій же постъ, и втроятно тотъ самый, который у Дампира названъ былъ Купангомъ. Гавань Сикакольская, есть также стоянка на этомъ берегу; но она подвержена сѣвернымъ вѣтрамъ и въ нее входитъ трудно.

На милью къ в. отъ Купанга, и въ окружности ея обширной бухты, встрѣчается Оба, ихоршенькое селеніе, по ту сторону котораго

находится песчаная равнина, весьма пространная, называемая *Passer Panguian*, и тянущаяся до устья рѣки Озапа. Заними идуть Калапра, Лима; потомъ Озапа-Киткиль, важное селеніе, въ виду котораго разстилаются два низменные острова, покрытые мангиферами. Послѣ сего дорога идетъ посреди прекрасныхъ кокосовыхъ деревьевъ, перевитыхъ плющами, до Осопа-Безасъ, мѣстечка, населеннаго 400 ж. въ числѣ конхъ полагаютъ нѣсколько Китайцевъ. За мѣстечкомъ, дорога становится ровнѣе. Тогда встрѣчаешь Нонзунсъ, гдѣ водятся самыя лучшія и быстрыя лошади этой страны. Пасясь на свободѣ, эти животныя возвращаются вечеромъ въ конюшни, по одному голосу ихъ проводниковъ, настоящихъ кентавровъ, которые ѣздятъ на нихъ, не зная ни удилъ, ни уздечки. Далѣе Меники съ 300 жит. и ручья Тарусъ и Паннефоной; послѣдній считается священнымъ по крокодиламъ, которые въ немъ водятся; Нобакки, Панамутти, маленькія деревушки; Цебелло, гдѣ начинается обширная равнина, которая прелегаетъ до горъ Амфоа, составляющихъ сѣверную цѣпь бухты Купангской; наконецъ Бабао, за которымъ начинаются болоты, оканчивающіяся не прежде какъ у городка Олипама. Олипама есть собраніе хижинокъ, просторныхъ, прелестныхъ, съ сквозными прорѣзами и отбѣлѣныхъ большими деревьями. Тамъ жили семейства, подѣ властію нѣсколькихъ старцевъ, сохраняя нравы совершенно патріархальныя: женщины прали бумагу; мужчины занимались дѣланіемъ корзинокъ; дѣти, уже сильныя, рѣзвились на зелени, между тѣмъ какъ младшихъ качали на бамбуковыхъ веревкахъ, въ тѣни дерева.

Здѣсь-то, въ Олипамѣ, Перонъ и его спутники убили крокодила, кожа котораго хранится въ музеумѣ Парижскаго Ботаническаго сада. Крокодилъ, на Тиморѣ, какъ въ Египтѣ, есть священное животное. Короли Тиморскіе ведутъ свое происхожденіе отъ крокодила; всѣ знатныя люди острова, болѣе или менѣе сродни крокодилу. Вступая на престолъ, государь дѣлаетъ свое приношеніе этой амфибіи. Въ извѣстное мѣсто складываютъ принасы, до которыхъ крокодилъ очень лакомъ, и животное, по извѣстному звуку, является въ избранное мѣсто за своею пищей. Тогда говорятъ, что онъ послушенъ зову и что онъ является народу. До сихъ поръ это увеселеніе весьма невинно; но что

менше забавно, это принесеніе въ жертву молодой дѣвственницы, которую, въ этотъ день, отдають на съѣденіе прибрежнымъ крокодиламъ. Убранную цвѣтами, и наряженную въ лучшія платья, насильно или съ согласія, ее оставляють на *каибль*, роковомъ мѣстѣ, куда приползають за нею амфибіи и увлекають въ подводную глубь. Полагають, что дѣвственность есть необходимое условіе для жертвы, потому что однажды крокодилы принесли назадъ въ цѣлости дѣвушку, которая не была дѣвицей. Во время праздника, приносятъ въ жертву борова съ красною шегинной.

При такомъ благоговѣніи къ крокодиламъ, туземцамъ было противно смотрѣть на смѣлыхъ охотниковъ, которые приходили убивать этихъ животныхъ, даже въ ихъ болотныхъ убѣжищахъ. Перонъ рассказываетъ, что послѣ его экспедиціи всѣ жители бѣжали отъ нихъ, какъ отъ поганныхъ. «Король насъ ожидалъ,» говоритъ онъ, «и едва лишь завидѣвъ издали, какъ послалъ чиновника сказать намъ, чтобы мы сложили подъ дерево, подалѣе отъ его жительства, *свитотатствешую* жертву, которую несли за нами. Насъ удивило, что окружавшія насъ въ оба первые дня толпы любопытныхъ, теперь съ поспѣшностью бѣжали отъ насъ прочь; самъ раджа, хотя и принялъ насъ съ обыкновеннымъ добродушіемъ, но не хотѣлъ къ намъ приблизиться, пока мы предварительно не очистились: онъ далъ намъ это уразумѣть, указавъ пальцемъ на корыто, выдолбленное въ пнѣ дерева, куда мы должны были войти для совершенія потребныхъ омовеній. Эта церемонія не такъ-то полюбилась намъ; но не было средства отдѣлаться. Всѣ Малайцы, мужчины, женщины и дѣти, стояли въ кружку около насъ, и не смотря на правила предписываемыя Европейскими приличіями, мы должны были раздѣться до-нага. Такъ какъ корыто не могло вмѣщать болѣе одного человѣка, то Г. Лесюеръ и я, чередовались: два псевольника принесли большіе сосуды, наполненные водою, и вымыли ихъ намъ на голову; такимъ образомъ каждый изъ насъ подвергся двадцати омовеніямъ. Между тѣмъ какъ все это происходило, одинъ Малаецъ съ помощію длиннаго бамбука приподнималъ наши платья, и не прикасаясь къ нимъ иначе, снесъ ихъ въ струи соседняго ручья. Когда мы были достаточно очищены, раджа велѣлъ подать намъ большіе передники, употребляемые въ томъ краю, мы должны

были надѣть ихъ. Съ этой минуты всѣ стали подходить къ намъ безъ страха, и каждый, шутя надъ нашимъ новымъ нарядомъ, считалъ особеннымъ удовольствіемъ называть насъ *орангъ малайо* (Малайскіе люди).

Послѣ краткаго пребыванія въ Олиамо и Бабао, Перонъ и его спутники возвратились въ Купангъ. Съ тѣхъ поръ, документы, болѣе достоверные и многочисленные, наполнили все, что было сбивчиво и невѣрно въ этомъ обзорѣ.

Лежащій между 8° и 11° южн. шир., и между 121° и 124° вост. долг., центральною своею частію Тиморъ имѣетъ семьдесятъ пять миль въ длину и отъ 16 до 17 въ ширину. Крутой и возвышенный, онъ представляетъ мало якорныхъ стоянокъ; воды глубоки вплоть до самаго берега. Западный берегъ, наиболѣе извѣстный, имѣетъ нѣсколько рейдовъ, каковы въ Купангъ, Аифао или Делъ; на южномъ берегу находится гавань Амакари, откуда Голландцы добываютъ строевой лѣсъ. Въ противность прочимъ островамъ, которые тянутся къ с. з. на ю. в., онъ обращенъ къ ю. з. и с. в. всею длиною своего протяженія. Его земля есть сѣпленіе высокихъ лѣсистыхъ горъ, перерѣзанныхъ удобными и правильными ущеліями. Въ южной части, эта цѣпь, носящая названіе Аифао и Фателеу, кажется совершенно известковою и мадрепорическою. По скатамъ горъ бѣгутъ золотоносные потоки. Почва, почти вездѣ плодородная, представляетъ мѣстами плоскости мѣловыя и бѣловатыя, пополамъ съ глиною, какъ *карпусы*, на мысѣ Доброй Надежды.

Подобно всѣмъ странамъ, лежащимъ между тропиками, Тиморъ имѣетъ два времени года, которыя измѣняются сообразно съ муссонами: сухое отъ Мая до Ноября, дождливое отъ Ноября до Мая. Отъ времени до времени чувствуемо бываетъ нѣсколько землетрясеній, хотя безопасныхъ для жителей. Приводятъ даже въ примѣръ какъ-какого нибудь страннаго феномена, высокую гору въ королевствѣ Амонубангскомъ, у подошвы которой есть отверстіе, отъ 10 до 12 ф. въ окружности; изъ него исходитъ столь сильный вѣтеръ, что нельзя было бы подойти къ нему безъ опасности. Посреди этого непостоянства засухъ и дождей, климатъ, можетъ быть, здоровый во внутренности, нездоровъ на берегахъ. Кровавый поносъ свирѣпствуетъ съ убійственнымъ упорствомъ, даже между туземца-

ми; сила его такова, что въ известномъ періодѣ болѣзни, она почти неизлечима.

Природныя богатства страны, многочисленны и разнообразны. Изъ царства ископаемыхъ должно упомянуть о весьма изобильныхъ золотыхъ и мѣдныхъ рудникахъ, находящихся близъ Делли, Ада и Мантото; но вѣроятно добываніе этого металла изъ земли здѣсь не известно, и получаемое количество достается отъ промывки рѣчныхъ песковъ. Мѣдь Тиморская, смѣшанная съ золотомъ, даетъ родъ амальгамы, столь же хорошей, какъ и та, которая была составлена изъ Японской мѣди.

Изъ царства прозябаемаго, первое мѣсто занимаетъ сандалное дерево, — главная статья вывоза. Потомъ бамбуковое, растущее въ такомъ изобиліи, что образуетъ непроницаемые лѣса; латановое, листья котораго употребляются на паруса прои; бананъ, съ плодомъ сладкимъ и мучнистымъ; кокосовое дерево, самое всеобщее изъ прозябавшихъ, между тропиками; Китайскій померанецъ; манга, съ своими плодами, отзываются терпентиномъ; пампельмусъ, папая, гранатъ, аттъ, жака, карамбола, жамбозія, билимбингъ, еугенія, замѣчательный по красотѣ своей зелени; саговое, финиковое, арековое и тамаринное дерева; текъ, розы, акаціи, мимозы, смоковницы; наконецъ казуарины и хлѣбное дерево, которыя напоминаютъ еще Океанійскія группы. Это прозябаніе, богатое, изобильное, плодородное, принадлежитъ уже центральной Малезіи, и содержитъ въ себѣ всѣ виды растений, свойственные сему полу. Земледѣльскія произведенія также многочисленны. Рисъ, мансъ, пататы, хлопчатая бумага, табакъ, сахарный тростникъ, кофейное и кокосовое дерево покрываютъ долины. Индиго обыкновененъ на Тамарѣ, но образъ его приготовленія весьма несовершенъ; еще воздѣлываютъ на немъ гиравонъ, ямсъ, ананасъ, дыню простую и мускатную. Растенія огородныя, лекарственныя, ядовитыя безчисленны.

Царство животныхъ не менѣе изобильно. Нигдѣ нѣтъ такого множества обезьянъ; туземцы охотятся, убиваютъ и ѣдятъ ихъ мясо, до котораго они весьма лакомы. Восточный филиандръ, также очень обыкновенный, ведетъ дѣтельную войну съ птицами. Его ѣдятъ, хотя мясо его и менѣе уважается, нежели мясо обезьянъ. Въ лѣсахъ встрѣчаются буйволы и бабпрусы или кривоzubы свиньи,

конгуру, вампиры огромной толщины, пестрые бичи випоградниковъ; олени, козы, между которыми Спрійская коза даетъ отличное молоко; бараны, безъ сомнѣнія, Индійскаго происхожденія, покрытые волосомъ, а не перстью; быки довольно рѣдкіе; очень простые лошади, малорослыя, быстрыя и плотныя. Внутри лѣсовъ находятся также дикія кошки, наводящія ужасъ на птицъ. Птицы бываютъ тысячи родовъ: морскіе орлы, ястребы, дятлы, дикія утки, хохлатые бѣлые попугаи, лоріи, миловидныя попугайчики, покрытые блестящими отливками. Кромѣ крокодила, до такой степени уважаемаго, здѣсь существуетъ множество опасныхъ пресмыкающихся, змѣй съ ядовитымъ жаломъ, скорпионовъ, тысяченожекъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что онѣ непримѣтно подкрадываются. Черепаха изобилуетъ на этихъ берегахъ: исполнитъ черепаха и черенковая черепаха, весьма уважаются Малайцами: первая за ея мясо, которые считаютъ очень здоровымъ; другая, за ея черепъ. Изъ числа насѣкомыхъ замѣчательны бѣлыя мушки и стрекозы, которыя прилетаютъ съ ю. тучами и опустошаютъ все на своемъ пути; бабочки, блистающія великолѣпными цвѣтами, дикія пчелы, которыя складываютъ свой медъ въ дуплы большихъ деревьевъ: это произведеніе составляетъ одну изъ самыхъ выгодныхъ статей вывоза. Въ рѣкахъ и въ морѣ, ловятъ рыбу самаго изыскаго вкуса и добываютъ нѣсколько незначительныхъ жемчужинъ, устеръ и прекрасныя раковины. Ракообразныя и черепокожныя также представляются во множествѣ; но всего занимательнѣе на этомъ мадрепорическомъ берегу живые зоопиты, міриады микроскопическихъ животныхъ, которыя наконецъ постепенно превращаются въ окаменѣлости. Скалы, кажется, оживаютъ подъ чистыми и изысканными цвѣтами этихъ зоопитовъ, посреди которыхъ *tubiposa musica* представляетъ свои зеленныя, косматыя щупальцы, и образуетъ надъ волнами эти большія выпуклыя массы, которыя имѣютъ видъ зеленыхъ луговинъ, разстилающихся по коралловому дну.

Тиморъ имѣетъ обитателей четырехъ племенъ: собственно называемые Тиморійцы, родъ Папуевъ или Гарфуровъ; Малайцы, которые занимаютъ берегъ, и вѣроятно дали острову его нынѣшнее прозваніе *Тиморъ* (востокъ); Китайцы, поселившіеся на вѣсѣхъ

конторахъ, Жиды Индіи; наконецъ Европейцы—Португальцы или Голландцы.

Португалія и Голландія встрѣтились на Тиморѣ въ началѣ XVII вѣка, также какъ онѣ встрѣчались на всѣхъ Молуккскихъ островахъ. Спокойные владѣтели до 1612 г., Португальцы были въ этомъ году изгнаны изъ Купанга Голландскою эскадрой. Но это завоеваніе еще не очистило вполне острова. Португальцы, потерявши Купангъ, основали заведеніе въ Лифао, и перенесли его въ Делии, строя, кроме того вспомогательныя заведенія въ Бату-Годи и Манатуги. Съ этого времени Португальское мореплаваніе склонилось день ото дня болѣе къ упадку. Португальцы не посылали людей на смѣну старымъ, почему и образовалось смѣшанное племя, болѣе Малайское, нежели Португальское. Делии, за исключеніемъ губернатора и двухъ или трехъ агентовъ, населенъ людьми смѣшаннаго племени. Голландская кровь, хотя чаще возобновляемая постоянными экспедиціями метрополіи, также производитъ смѣшанное племя, но гораздо болѣе, и имѣетъ черты лица, болѣе правильныя; вообще нынѣ смѣшанное племя преобладаетъ на Тиморѣ. Въ 1801 г., когда Англичане похитили эту контору у Голландцевъ, это самое народонаселеніе истребило Британскій гарнизонъ. Въ 1811 г., получивъ снова обладаніе колоніей, Англичане сохраняли ее до исполненія договоровъ 1814 и 1815 г.

Тиморійцы хорошо сложены и обнаруживаютъ силу: они чернаго или тѣяннаго цвѣта, имѣютъ волнистыя волосы, которые окрашены въ рыжій или черный цвѣтъ. Всѣ жители, какъ мужчины, такъ и женщины, имѣютъ приплюснутый носъ, въ слѣдствіе обряда, производимаго надъ дѣтьми, съ самаго рожденія; этотъ обычай повторяется также между разными Океанійскими племенами, и это еще не единственное сходство, замѣчаемое на этомъ островѣ, смежномъ съ Австралією. Привѣтствіе посредствомъ прикосновенія къ носу, разрисовка кожи посредствомъ царапанія, нажиманіе рукою на тѣло, считаемое лечебнымъ способомъ, обмѣнъ именъ въ отношеніи къ незнакомому человѣку, съ которымъ желаютъ подружиться, всѣ эти обычаи, усмотрѣнные и описанные въ Полинезійскихъ группахъ, снова встрѣчаются на Тиморѣ, изгнанные, но легко могутъ быть узнаны. Одежда Тиморійцевъ состоитъ изъ двухъ полотнищъ бѣлой холстины, съ крас-

ною каймою, имѣющихъ отъ 4 до 5 ф. длины на 2 ширины; у богатыхъ, они вышиваются по краямъ, и дополняются иногда, (что служить доказательствомъ большой роскоши), кусками разрисованной холстины и двумя платками вокругъ головы. Въ военное время, воины надѣваютъ султаны изъ перьевъ отборнѣйшихъ птицъ острова; величайшее убранство состоитъ въ золотыхъ и серебряныхъ бляхахъ, и въ браслетахъ изъ раковины, которая цвѣтомъ очень близко подходитъ къ слоновой кости. Въ торжественные дни, король и вельможи, ставятъ на голову кусокъ золота, въ видѣ полумѣсяца. Непосредственные вассалы Голландцевъ носятъ длинные сюртуки Европейскаго покроя. Жены знатныхъ, которыя показываются изрѣдка, отличаются золотыми и серебряными браслетами, коралловыми ожерельями и мѣдной проволокой, которою онѣ себѣ обвиваютъ руки и ноги. Почти всѣ части ихъ тѣла означены или разрисованы маленькими черными точками, въ видѣ цвѣтка, сдѣланными посредствомъ остраго инструмента, обмокнутаго въ индиго. Въ домахъ, женщины сидятъ закутанныя въ широкій кусокъ бумажной матеріи, которымъ они опоясываются вокругъ бедеръ; тогда онѣ оставляютъ грудь открытою и закрываются лишь, когда выходятъ. Мужчины, изъ простаго народа, повязываютъ голову платкомъ и носятъ передники, обыкновенно оставляя открытымъ туловище. Когда идетъ дождь, то они набрасываютъ себѣ на плечи другой передникъ.

Многоженство позволено на Тиморѣ. Дочери служатъ здѣсь обогащеніемъ семействъ: ихъ продаютъ, также какъ въ Магометанскихъ странахъ, на золото, или мѣняютъ на скотъ. Если условленные статьи не выполнены зятемъ, то отецъ имѣетъ право взять назадъ свою дочь, и даже дѣтей, рожденныхъ отъ сего брака. Впрочемъ свадьбы совершаются безъ лишннихъ наружныхъ обрядовъ: дѣлаютъ предложеніе, условливаются въ цѣнѣ, и потомъ убиваютъ какое нибудь животное для совѣщанія съ его внутренностями: если знаки благопріятны, то и бракъ готовъ. Въ рукахъ мужа, женщины представляются мало случаевъ къ совершенію проступковъ; но будучи дѣвушкою и независимою, она вполне управляетъ собою, и на ея слабости не обращаютъ вниманія.

Хронологія Тиморійцевъ состоитъ изъ

именъ разныхъ губернаторовъ, которые управляютъ нхъ страню. Для обозначенія времени года, они приводятъ жатвы, имъ соотвѣтственныя, заставаніе риса и манса; зрѣлость плодовъ, цвѣтеніе тамариндовъ. Иногда также для опредѣленія прошедшаго времени, они начинаютъ считать съ возраста возмужалости. Если кто нхъ долженъ деньги, то они навязываютъ на шнурокъ столько зеренъ манса, сколько нужно для того, чтобы выходила вся сумма. Умѣренные въ пищу и терпѣливые, Тиморійцы, въ дальнѣйшихъ своихъ путешествіяхъ ничѣмъ болѣе не питаются, какъ жаренымъ и толченымъ мансомъ. Нѣсколько зеренъ этой каинцы уже достаточны для нхъ стола. Напротивъ того, путешественникамъ они подаютъ все, что имѣютъ лучшаго: теплое буйволовое молоко въ большихъ бамбуковыхъ цилиндрахъ, цѣлаго барана, варенаго съ рисомъ. Обыкновенная пища береговыхъ Малайцевъ состоитъ изъ дичи, рыбъ, свиный, вареной въ кокосовомъ маслѣ, всегда съ приправой перца и другихъ пряностей.

Трудно опредѣлить образъ Тиморійскаго правленія. То, что называютъ здѣсь королями, суть не что иное, какъ старшины или раджи, власть которыхъ, кажется, довольно ограничена. Все они называютъ себя близкими родственниками крокодила, нхъ священнаго бога. Тѣ изъ нхъ, которые завязать отъ Европейскаго правительства, подчинены въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстнымъ формамъ, предписаннымъ Голландцами. При малѣйшемъ отступленіи, резидентъ приказываетъ схватить виновныхъ, и отсылаетъ плѣнниками на Батавію. Ежегодная подать, собираемая торжественно, служитъ всенароднымъ означеніемъ подданства. Исполнивъ эту обязанность, они могутъ составлять свой собственный доходъ, облагая предварительно сборомъ изъ урожая своихъ подданныхъ извѣстнаго количества риса, манса, воска и сандалнаго дерева. Не смотря на то, Малайскіе раджи кажутся не столько господами своихъ подвластныхъ, сколько нхъ сотоварищами. Въ нхъ образованіи есть нѣсколько республиканскаго равенства. Кроме нѣкоторыхъ маловажныхъ украшеній, платья изъ ситца съ цвѣтами и казы, лучшее вытросенной, ничто не отличаетъ нхъ отъ народа. Раджи изъ внутреннихъ частей острова, суть самовластѣйшіе изъ всѣхъ. Они могутъ требовать къ себѣ своихъ подданныхъ, всякій

разъ, какъ случится въ томъ надобность. Они сами чинятъ судъ, не имѣя нужды прибѣгать къ посредничеству резидента; наказываютъ виновнаго иногда рабствомъ, иногда пенями, иногда смертію, что впрочемъ рѣдко. Въ иныхъ владѣніяхъ, старшина не можетъ произносить такихъ сентенцій безъ разрѣшенія вельможъ.

Въ нѣкоторыхъ королевствахъ, женщины по преступленіи наслѣдниковъ мужскаго пола, могутъ вступать на престолъ. Большая часть вельможъ принадлежать царской крови. Въ обыкновенномъ порядкѣ, сынъ наслѣдуетъ отцу; но рѣдко случается, чтобы перемѣны государей обходились безъ смуты. Каждое королевство имѣетъ свои сокровища, заключающіяся въ серебрѣ или въ драгоценныхъ камняхъ, которые выставляются въ большіе праздничные дни для почитанія народнаго. Подданные думаютъ, что если бы случилось пропасть одной вещи изъ этого сокровища, то государство потеряло бы великія бѣдствія. Потому-то эти богатства никогда не запираются: они лежатъ въ большихъ открытыхъ шкафахъ, посреди королевскаго жилища.

Погребеніе короля совершается не такъ просто и скоро, какъ погребеніе частнаго человека. При первомъ извѣстіи о кончинѣ государя, все его подданные брѣютъ себя головы. Его жены и наложницы расточаютъ знаки вышнлаго траура, ломаютъ руки, рвутъ волосы, ударяютъ себя въ грудь. Всенародно приносятъ жертвы, убиваютъ буйволовъ и свиней. Потомъ наряжаютъ трупъ, лежащій на столѣ посреди дома, облачаютъ его въ лучшія платья, покрываютъ золотыми бляхами, цѣпами, ожерельями, и оставляютъ въ этомъ положеніи два дня, которые проводятъ въ плачъ и рыданіи. Между тѣмъ въ сосѣднемъ лѣсу срубаютъ огромное дерево, въ которомъ выдалбливаютъ пространство, достаточное для вмѣщенія тѣла, со всеми его драгоценностями. Когда тѣло помѣщено, то отверстіе закупориваютъ смолой и вносятъ эту мумію въ сосѣдній домъ, гдѣ она должна оставаться до тѣхъ поръ, пока не соберутъ суммы денегъ, потребной для совершенія дорогаго погребенія. Сумма эта такъ значительна, что нерѣдко выдали государей, которые лежали три, четыре и пять лѣтъ засмоленные въ своихъ пняхъ. Наконецъ когда складчина готова, начинается церемонія. Сосѣдніе короли посылаютъ

своихъ женъ, чтобъ плакать и сидѣть съ женами покойника у гроба. Погребеніе начинается споромъ между женщинами и носильщиками; одиѣ хотѣтъ удержать тѣло, другіе снѣтся поднять его на плечи. Послѣ краткаго сопротивленія, женщины уступаютъ, и тогда опускаютъ тѣло въ гробъ ницъ лицомъ къ востоку, иногда лежа, иногда стоя, потому что гробница имѣетъ форму колодца. Возлѣ этого мѣста ставятъ рисъ и пинангъ; послѣ чего убиваютъ лошадей, собакъ и буйволовъ. Погребеніе оканчивается подарками присутствующимъ; народу раздаютъ мансъ и рисъ, старшинамъ—золотыя бляхи.—Агенты Голландской компаніи упускаютъ рѣдко этотъ случай.

Когда Тиморійцы предпринимаютъ войну, они приносятъ въ жертву нѣсколько живогныхъ и совѣщаются съ ихъ внутренностями, прежде нежели вступать въ борьбу. Послѣ этого они выступаютъ въ походъ, съ ужаснымъ крикомъ и трубя въ буйволовые рога. Ихъ аванъ-гардъ состоитъ изъ воиновъ, закутанныхъ въ козлиныя кожи съ длинною черною шерстью, изъ воиновъ или *орангъ-браши*, которыхъ легко узнать по ихъ бубенчикамъ, число конхъ соразмѣрно числу убитыхъ непріятелей. Война начинается грабежомъ, опустошеніемъ и убійствомъ. Отрубивъ известное число головъ, сражающіеся пляшутъ вокругъ ихъ съ пѣснями, приостанавливаясь только для того, чтобъ вопрошать ихъ, зачѣмъ они были имъ врагами. Многіе писатели полагали даже, что пиры, бывшіе по сему случаю, сопровождались каннибальскими сценами. Послѣ этихъ оргій, они приносятъ въ жертву буйволовъ и свиней, останкамъ тѣхъ, которыхъ они погубили, и высушиваютъ ихъ черены, служащіе украшеніемъ ихъ общему дому, — большому крытому жилищу, стоящему рядомъ съ жилищемъ короля, и обнесенному въ военное время стѣною изъ терновника, которая защищала ихъ отъ нападеній со стороны непріятеля.

Местисы, изъ конхъ состоитъ смѣшенное племя Тимора, составляютъ самую богатую и самую образованную его часть. При встрѣчѣ, они сначала робки, но тихи, добры, гостепріимны, имѣютъ характеръ ровный и сердце, расположенное къ пріязни. Происходя отъ смѣшенія Европейцевъ съ туземцами, они различествуютъ въ цвѣтѣ кожи, смотря по степени смѣшенія. Такъ какъ ихъ доволь-

но рано встрѣчаютъ приему Малайскихъ невольниковъ, то рѣдко выдаются изъ нихъ образованные люди. Воспитаніе большинства ограничивается умѣніемъ читать, писать и вести счетъ своихъ капиталовъ. Жиллица этихъ богатыхъ креоловъ просты, но удобны, чисты, безъ роскоши, окружены деревьями, размножены на нѣсколько комнатъ, и иногда снабжены проточною водою. Здѣсь то хозяинъ дома, поджавъ колѣни на рогожкахъ, проводитъ большую часть дня въ куреніи или въ жеваніи бетеля. Его жена и дѣти, расположась вокругъ него, работаютъ небольшія вещи изъ соломы, изъ риса, или изъ листьевъ латановаго дерева.

Промышленность жителей Тимора почти вся состоитъ въ постройкѣ судовъ. Они дѣлаютъ *шампаны* или *сампаны*, которые могутъ поднять до ста тоннъ, — легкія суда, плавающія иногда подъ парусами. Якори ихъ деревянные, бакены бамбуковые, канаты изъ расщипленнаго тростника или изъ волоса, веревки изъ волоса или изъ кокосовыхъ волоконъ. Ихъ прои не очень велики, за то весьма прочны. Они бываютъ съ палубами и безъ палубы. Къ мачтѣ изъ бамбука, привѣшивается парусъ, имѣющій видъ трапеціи и сдѣланный изъ листьевъ латановаго дерева. Весла, изъ длинныхъ бамбуковъ, образуютъ на концѣ круги, имѣющіе въ діаметрѣ около фута; эти весла служатъ пособіемъ въ тихую погоду и когда прои придерживается къ вѣтру. Широги бываютъ разныя, съ рычагомъ для равновѣсія, или безъ него; но всѣ состоятъ изъ выдолбленнаго пни, унитаннаго непроницаемой мастикой изъ мха и извести. Широги съ рычагомъ, походятъ на тѣ, которыя существуютъ на нѣкоторыхъ Полинезійскихъ группахъ. Они такъ быстры, что Европейцы ихъ прозвали *летучими*.

Для производства этихъ предметовъ, Тиморійцы имѣютъ топоры и ножи Европейскаго издѣлія. У нихъ есть также сабли, пикн и порохъ. Они плавятъ золото и выдѣлываютъ изъ него большія кольца для своихъ женъ. Кромѣ того, они выдѣлываютъ грубыя ткани на одежды, плетенки или рогожки, сосуды глиняные и подушки, набитыя хлопчатой бумагой или ватой.

Вокругъ Тимора, и въ разстояніи нѣсколькихъ миль, находится нѣсколько острововъ и островковъ, которые суть какъ бы части большаго острова. Самые большіе изъ нихъ

суть Симао и Роттіа. Симао, отдаленный от Тимора небольшимъ проливомъ, имѣетъ около 17 миль длины и 6 шир. Онъ низменнѣе Тимора, лѣсистъ и неплодороденъ; кромѣ манса, на немъ едва ли что нибудь сѣютъ. Жители повиновались раджѣ Купангскому, который нѣкогда имѣлъ здѣсь свою резиденцію. Разсказываютъ, что на этомъ островѣ есть ключъ, желѣзистой и купороватой воды, имѣющей свойство мыла: она очищаетъ въ минуту бѣлье, которое въ него опускаютъ. Берега источника чернаго цвѣта и издаютъ смрадный запахъ. Неподалеку стоитъ дерево столь обширное, что тысяча человекъ могли бы помѣститься подъ его вѣтвями. Пуло-Симао имѣетъ впадины, въ которыхъ находятъ на небольшой глубинѣ стривоватыя пласты. Посреди пролива, между Симао и Тиморомъ, есть небольшой вулканическій островокъ, называемый Пуло-Камбингъ (островъ оленей), островокъ съ милою въ окружности, похожій на усѣченный конусъ, который подымается въ правильномъ направленіи на 24 футахъ. Стривоватая и грязистая воды вытекаютъ изъ конуса. Какое-то растеніе, изобилующіе на этихъ берегахъ, кажется, одарено цѣлебнымъ свойствомъ.

На ю. з. отъ Купанга лежатъ *Rottia*, имѣющій 9 миль длины и $2\frac{1}{2}$ шир. На немъ считаютъ пятнадцать мелкихъ княжествъ, изъ коихъ Термано, бывшее нѣкогда мѣсто-пробываніемъ одного Голландскаго повѣреннаго, есть самое значительное. Роттійскіе туземцы краснѣе Тиморійцевъ. Ихъ жены, Черкешенки Малазіи, посылаются даже въ Батавію и продаются тамъ владѣтелямъ гаремовъ. Будучи возвращенные Тиморскихъ острововъ, они за то храбрѣе и предприимчивѣе ихъ. Они не одинъ разъ сопротивлялись вторженіямъ Голландцевъ. Пальмовый сокъ составляетъ ихъ обыкновенное питье, часто даже ихъ пищу, за неимѣніемъ другой. Они дѣлаютъ изъ него родъ арака, известнаго подъ именемъ *ларо*, который по видимому служитъ сильнымъ возбуждательнымъ средствомъ. За то и любовь у этихъ народовъ составляетъ важнѣйшее дѣло. Къ свиному и буйволовому мясу, они примѣшиваютъ кровь этихъ животныхъ, вмѣсто питья. На з. отъ Роттіа находится *Дао*, замѣчательный промышленностію своихъ жителей, которые всѣ почти золотыхъ дѣлъ мастера и бриллиантники соседнихъ острововъ.

Тиморъ и принадлежащіе къ нему острова, составляютъ часть одного архипелага, недавно названнаго *Сумбава-Тиморъ* и заключающаго въ себѣ еще слѣдующіе острова:

Сумбава, имѣетъ сто восемьдесятъ миль въ длину и сто сорокъ въ ширину; она раздѣляется на двѣ половины глубокимъ залвомъ, врывающимся въ средину острова. При устьѣ залива находится островокъ Пуло-Майо, въ двадцать миль длины и отъ десяти до одиннадцати ширины; къ восточной его оконечности прилежитъ островъ Ситуда, а къ западной островъ Платъ. Сумбава раздѣлена на второстепенныя владѣнія, какъ то: Бима, Домпо, Томборо, Сангаръ, Пекатъ и Сумбава; они управляются разными начальниками, которые, исключая послѣдняго, находятся подъ властью компаніи Голландскихъ владѣній въ Индіи. Округъ Бима, лежащій на восточной оконечности острова, гораздо сильнѣе другихъ; онъ не только первенствуетъ надъ ними, но даже владычествуетъ надъ островомъ Мангарей и западною частью Флореса. Столица этого округа, Бима, маленькій городокъ съ прѣмestною гаванью, служитъ мѣстомъ пребыванія султана, который покоряется покровительству Голландіи. Въ округъ Томборо находится вулканъ того же имени, пріобрѣтшій печальную извѣстность изверженіемъ 1815 года, погубившимъ пятую часть жителей этого округа. Во время этого ужаснаго изверженія, пепелъ доносился въ большомъ количествѣ даже до юго-восточной части острова Явы, находящагося въ ста лигахъ отъ кратера; подземный трескъ слышенъ былъ даже въ Суматрѣ, въ двухъ стахъ тридцати лигахъ. Ужасный трескъ волкана походилъ на пушечные залпы; послѣ чего кратеръ извергъ три огненные столба, и обильные потоки лавы излились на скаты горы. Тогда поднялся вѣтеръ, который вырывалъ съ корнями самыя большія деревья, и превращалъ въ щепы, разносилъ въ воздухъ; люди, животныя, хижины, крутились сорванные съ земли; море, вышедшее изъ предѣловъ, залило поля и смыло жилища! Послѣ сего злополучнаго событія, островъ покрытъ былъ ужаснымъ мракомъ въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. Вулканъ былъ окруженъ дымомъ и пепломъ, и съ неумалывшеюся силой извергалъ камень. Небо было помра-

чено даже и на Целебестъ. Сумбава подверглась чрезвычайному опустошенію. Кровля резидента Бимы была расплющена каменьями. Санджиръ былъ поглощенъ какъ Геркуланумъ; Томбаро и Пекатъ были также поглощены съ жилищами и жителями. Въ Сумбавѣ спаслось только двадцать шесть чело-вѣкъ. Всѣ растенія были уничтожены; мѣсто ихъ замѣнили лава и каменья. Близъ Томбаро, только на одномъ клочкѣ земли, уцѣлѣли нѣкоторые деревья, свидѣтельствующія о плодородіи страны до сего опустошительнаго происшествія. Голодъ былъ слѣдствіемъ этого несчастія. Дочь раджи этого округа умерла съ голоду, и его самого постигло бы то же бѣдствіе, если бы резидентъ не послалъ ему нѣсколько кояиговъ риса. Городъ Сумбава, худо еще поправившійся послѣ изверженія, представляетъ теперь пустыню, усыпанную развалинами.

Островъ *Ломбокъ*, независимый отъ Голландцевъ, также причисляется скорѣе къ группѣ острововъ Сумбава-Тиморъ, нежели къ группѣ Явы. Эта страна прелестна; высокія горы ея украшены вѣчною зеленью; самая возвышенная изъ нихъ имѣетъ около восьми тысячъ Англійскихъ футовъ. Народъ многочисленъ, привыкъ къ военнымъ упражненіямъ, но по сіе время еще не колонизованъ настоящимъ образомъ. Туземцы свободно владѣютъ своею землею, и въ обработываніи ея кажутся довольно сведущими; они орошаютъ землю, какъ Индусы, посредствомъ большихъ резервуаровъ и прудовъ. Другія сходства, какъ то: сугги или сожиганіе вдовъ, сближаютъ еще болѣе соотношеніе этихъ островитянъ съ жителями Карната. Два главные города на Ломбокѣ суть Аппирамъ и Бали.

Флоресъ также принадлежитъ къ группѣ Сумбава — Тиморской. Этотъ островъ до двухъ сотъ миль длины и сорока или пятидесяти ширины; внутренность его мало извѣстна. Западная часть подвластна Бимскому султану; остальная раздѣлена на нѣсколько независимыхъ владѣній. Въѣзжая въ Флоресъ, проливомъ того же имени, находящимся между берегами этого острова и острова *Солоръ* или *Адинара*, видѣтъ высокій вулканъ *Ловотиво*, который поставленъ тамъ природою, будто блестящій маякъ. Болѣе къ сѣверу находится селеніе Ларентука, мѣсто самое извѣстное на этомъ островѣ; жители его почти всѣ исповѣдуютъ Христіанскую вѣру.

Ларентука, подвластный раджѣ, свободенъ для мореплавателей и представляетъ имъ множество пособій всякаго рода. Зерновой хлѣбъ, буйволы, свиньи, козы, птицы, вымѣниваются здѣсь на каменья, пули, порохъ, стаканы, рюмки и простые кожаные товары. Прежде получали здѣсь. сандалное дерево. На югѣ Флоресса, куда Голландцы никогда не могли проникнуть, поселены Бугійцы.

Солоръ, лежащій возлѣ Флоресса, имѣетъ сорокъ миль длины. На немъ извѣстенъ только округъ Лавайжангъ, въ которомъ Голландцы имѣютъ укрѣпленіе Фридерихъ-Гейнрихъ. Вамбукъ составляетъ часть богатства этого острова. На берегахъ его ловится *сверный канеръ*, родъ кита, изъ жиру котораго дѣлаютъ масло, а въ пузырь находятъ янтарь. Прибрежные жители, всѣ Магометане, искусные купцы и ловкіе мореходы. Они мѣняють птичьи гнѣзда, рыбу, масло, янтарь и другіе произведенія, на слоновые клыки, шелковыя матеріи и желѣзо. На островъ находится нѣсколько кангару.

Между Флоресомъ и Тиморомъ лежатъ нѣсколько островковъ, кажется, составляющихъ часть группы Малайскихъ острововъ, пачиная отъ Суматры до Тимора. Въ числѣ ихъ находится *Сабрао*, управляемый султаномъ, имѣющимъ пребываніе въ Адинарѣ; *Ломблемъ*, управляемый независимымъ раджею; *Пантеръ* и *Омбай*, населенные воинственными, жестокими и даже людоедными племенами.

На югѣ отъ Флоресса, находится островъ *Сумба*, называемый также *Сандельбошъ* или *Сандель-вудъ* (сандалный лѣсъ), названіе, заимствованное, вѣроятно, отъ Малайцевъ, которые называютъ его Чиндана. Южный берегъ крутъ, угрюмый и кажется вовсе необитаемъ. Сѣверную часть составляетъ степь, лишенная всякаго произрастанія. На западномъ берегу находились ловли трипанговъ, пользовавшіяся извѣстностію до тѣхъ поръ, какъ въ заливѣ Карпенцари нашли въ болшемъ количествѣ голотурій. Самое сандалное дерево, отъ котораго этотъ островъ получилъ свое названіе, не такъ хорошо, какъ на островѣ Тиморъ, потому его и не разводятъ болѣе. Въ замѣнъ сего, хлопчатая бумага составляетъ весьма выгодную отрасль торговли. На островѣ находятся лошади, свиньи, буйволы, фазаны и птица съ большимъ посомъ, которую Голландцы называютъ *аръ-фогель* (годовая птица), потому что годы ее

легко можно узнать по числу паростовъ, дѣлающихся на носу ел. Жители этого острова нрава печальнаго, меланхолическаго; они довольно рослы, но нестройны. Оружіе ихъ состоитъ изъ копій, щитовъ и саблей, которыми они весьма ловко владѣютъ.

Маленькіе острова *Савву* болѣе извѣстны, нежели *Сумба*. Ихъ три: *Савву*, *Бенжоаръ* и *Новый-Савву*; они лежатъ въ двадцати лигахъ отъ Ротти на О. Н. О. Полагаютъ, что *Новый Савву* необитаемъ; впрочемъ островокъ этотъ, на которомъ возвышается пиктъ, весьма веселой наружности. Болѣе къ востоку лежитъ *Бенжоаръ*, островъ высокій и лѣсистый, имѣющій пять лигъ въ діаметръ; наконецъ *Савву*, главнѣйшій изъ группы, покрытый домиками и кокосовыми лѣсами, омываемый моремъ. Лучшая бухта въ *Савву* есть бухта *Тимо*, на юго-восточной оконечности. Кукъ приставалъ къ *Себа*, на с. в. части острова.

Савву, находившійся сперва подъ властью Португальцевъ, принадлежитъ теперь Голландцамъ. Онъ раздѣленъ на пять владѣній: *Лаан*, *Себа*, *Редгюйя*, *Тимо* и *Массара*; соединенными силами они могутъ выставить отъ пяти до семи тысячъ войска. Растительность въ *Савву* и другія произведенія, почтиже, какъ и въ *Тиморѣ*. Въ чертахъ лица природныхъ жителей острова видно смѣшеніе типовъ Малайскаго съ Океанійскимъ; ими управляютъ раджи, которые съ давнихъ уже временъ живутъ мирно. Рабство владычеству здѣсь, какъ въ *Тиморѣ* и востѣхъ Малайскихъ островахъ; вѣроисповѣданіе ихъ состоитъ изъ нѣкоторато рода многобожія, которое объяснить трудно. Пищу жителей составляютъ свиньи, буйволы, птицы, рыба, пататы, ямсъ и овощи. Годли, крепкая перебродившая жидкость, извлекаемая изъ пальмовыхъ деревьевъ, составляетъ любимый напитокъ; сиропъ, называемый *гула*, походитъ на патоку. Употребленіе бетеля и татуированіе доказываетъ что жители подражаютъ то Индійцамъ, то островитянамъ Океаніи. Одежда, нравы, уборы изъ золота и драгоценныхъ камней, парчіе, гражданское правленіе и вѣроисповѣданіе, тѣ же, что на Малайскихъ островахъ, о которыхъ мы уже писали, или будемъ еще писать.

ГЛАВА XXVI.

Малазія. — Борнео.

Послѣ двухдневнаго отдыха въ *Купангѣ*, *Сива* вышелъ 18 Сентября, направился къ северу, перешелъ проливъ между *Омбайсмъ* и *Солоромъ*, потомъ прошелъ мимо южной стороны острова *Маду*, и далѣе, вдоль западной части группы острововъ *Салайеръ*; и 23-го, постигъ южную оконечность *Целебеса*, поднялся нѣсколько въ ширину, чтобы обойти группу низкихъ острововъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Нуло-Лотъ*; обогнулъ мысъ *Салатанъ*, и 26 Сентября бросилъ якорь у устья рѣки *Банжермасингъ*, передъ главнымъ мѣстомъ, занимаемымъ Голландцами на островѣ *Борнео*. Капитанъ *Норботъ* почелъ опаснымъ идти по рѣкѣ; онъ дожидаясь прибытія агента резиденціи на корабль для переговоровъ. *Борнео* опасенъ для Европейцевъ: несчастное происшествіе, недавно случившееся съ майоромъ *Мюллеромъ*, служитъ ужаснымъ примѣромъ пріема, который готовятъ имъ островитяне. Я только издали и стоя на якорѣ могъ осмотрѣть эту землю.

Борнео, есть самый большой изъ острововъ *Земнаго Шара* послѣ *Мадагаскара* и *Новой Голландіи*, если только послѣдняя можетъ быть названа островомъ; *Борнео*, который туземцы и многіе писатели называютъ *Брней*, *Г. Гамильтонъ Варуш*, а *Г. Ріензи Клематикомъ*, простирается на триста лигъ отъ юга къ северу, а въ ширину имѣетъ мѣстами пятьдесятъ, а мѣстами даже до двухъ сотъ пятидесяти лигъ. Онъ лежитъ между 4° 20' юж. шир. и 7° сѣв. шир. между 106° 40' и 116° 45' вост. долг.; чрезмѣрная ширина острова не дозволила Европейцамъ проникнуть въ эту обширную страну. Нѣсколько разъ покушался завести тамъ колоніи, но тщетно. Первый опытъ былъ сдѣланъ Англичанами въ 1774 году на островѣ *Валамбаганъ*, лежащемъ въ с. в. части острова и смежномъ съ собственно называемымъ *Борнео*; но заведеніе это, находившееся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ архипелага *Суму*, откуда натажуютъ самые смѣлые пираты Малайскихъ морей, вскорѣ было опустошено и уничтожено. Колонисты съ трудомъ успѣли скрыться на *Кохининскомъ* островѣ *Нуло-Кондоръ*; другая такого же рода попытка въ 1803 году была совершена не удачно.

Голландцы также не упустили случая устроитъ себѣ пристанища на этомъ берегу. Первый опытъ ихъ окончился одними дипломатическими переговорами. По договору, сдѣланному съ султаномъ Бантами (Явайскаго округа), какъ съ главнымъ властителемъ Ланданакъ и Суккадана въ Борнео, они успѣли поселиться въ Понтіанакъ и сдѣлались главными его повелителями. Послѣ того, по оказаннымъ Султану Банжермасинга услугамъ, они получили позволеніе учредить родъ конторы въ области того же имени. Князь, изъ признательности за оказанную ему помощь, обязался въ 1787 году покориться покровительству Голландіи, и получить отъ нее владѣнія свои, какъ наследственный помѣсть, исключая нѣкоторыхъ, лежащихъ на берегу, и половины области Дузунъ, которая компаніа оставила за собою. Въмѣстѣ съ тѣмъ, она сама управляла таможенною и рудникою; доходы раздѣлялись съ султаномъ, исключая доходовъ съ рудниковъ Дуку-канангъ, и Дуку-кири, которыми султанъ пользовался исключительно. Договоръ казался бы непостижимымъ, если бы не припомнили, что Банжермасингъ съ давнихъ временъ былъ владѣльцемъ подвѣдомственныхъ Явайскому царству, и что въ цвѣтущія времена государства Маджапахитскаго; владѣтелями Борнео были Явайцы, платившіе дань могущественному императору.

И такъ съ одной стороны, Понтіанакъ на с. з., съ другой Банжермасингъ на югѣ, были мѣста, въ которыхъ Голландцы старались утвердить и поддержать власть свою. Говорятъ, что позже они хотѣли сдѣлать то же самое и въ восточной части Борнео, въ государствѣ Коти, зависимомъ отъ Сулу; но послѣдствія были неуспѣшны.

Съ давнихъ временъ и во всѣхъ частяхъ этой страны, Европейская власть никогда не могла безопасно утвердиться; успѣвали иногда учредиться на нѣсколько времени во владѣніяхъ Борнео, удерживались тамъ по дружескому расположенію властителей, весьма непрочному и измѣнчивому по обстоятельствамъ, спокойно торговали, и на короткое время внушали даже нѣкоторое уваженіе; но черѣдко несчастные случаи уничтожали совершенно права на власть, которою Европейцы полагали всегда пользоваться; хитрость туземцевъ всегда разрушала планы колоніальныхъ владѣльцевъ и агентовъ, дѣйствовавшихъ для ихъ выгоды. Капитанъ Пед-

леръ, былъ убитъ въ 1679 году; Англичане были выгнаны въ 1774 году изъ Баламбангана; въ 1788, Голландскій капитанъ былъ лишенъ жизни со всѣмъ экипажемъ своимъ, на рейдѣ Борнео, во время обѣда; капитанъ Павенъ въ 1800 попалъ въ подобную западню; корабль *Рубингъ*, избѣгнувъ этой участи какимъ то счастливымъ случаемъ. Подобныя явленія неожиданно возобновлялись въ 1803, 1806, 1810 и 1811 годахъ; наконецъ недавно капитанъ Мюллеръ, подобно Кланпертону, пожертвовалъ собою для осмотра внутренности острова Борнео. Все это доказываетъ, сколь непрочно надежды людей, желающихъ твердо поселиться на этихъ обширныхъ и плодородныхъ берегахъ, и въ пылу умоэрическихъ теорій надѣющихся пользоваться золотыми рудами, находящимися въ здѣшнихъ горахъ, и богатыми лѣсами, которыми онѣ окружены. Если бы не эти великія и видимыя опасности, то непростительно бы было географамъ, что въ такое время, когда самыя ничтожныя части Земнаго Шара въ подробности уже изслѣдованы, земли, изобилующіясячу лигъ въ окружности, почти на границахъ Азіи, посреди архипелага многолюднаго и просвѣщеннаго, менѣе извѣстна, нежели части земли самыя дикія и отдаленныя. Ясно видно, что берега Борнео образовались отъ земли, которую постепенно наносили большія и тишныя рѣки, текуція изъ внутренности острова. Думаютъ даже, что эта обширная земля составлена изъ нѣсколькихъ земель, которыя въ продолженіе времени соединились. По нѣкоторымъ Малайскимъ преданіямъ, гора Гунонгъ-кандангъ, находящаяся на Борнео въ округѣ Ланданакъ и отстоящая теперь на девять лигъ отъ берега, въ началѣ XV вѣка была на островѣ Пуло-кандангъ. Эти постепенныя намыывы все еще продолжаются, въ особенности на западной сторонѣ острова, гдѣ жители строятъ дома свои на столбахъ, вбиваемыхъ въ приморскій илъ и грязь.

На островѣ текутъ во всѣ стороны рѣки, между которыми должно упомянуть о Банжермасингъ и Понтіанакъ. Банжермасингъ вытекаетъ, какъ думаютъ, изъ озера Кенейбаллу, лежащаго въ с. в. части острова; это обширное озеро называется туземцами моремъ; одинъ только Г. Рензи успѣлъ обозрѣть его. Потоки составляютъ изъ прибрежной части обширное болото. Но далѣе, на нѣкоторомъ разстояніи, во внутренности, начи-

нается цѣнь горъ; самая высокая вершина называется *Хрустальною* горою. Кажется, что всѣ эти внутреннія скалы давно уже образованы. Между ими не видать ни одной изъ каменныхъ грудъ, столь обыкновенныхъ на островахъ, лежащихъ на югѣ, называемыхъ географами цѣпью Сондскихъ горъ. Изъ этого заключили, что на Борнео никогда не бывало землетрясеній. Горы изобилуютъ, по видимому, минералами; въ нихъ находятъ золото, сурьму, цинкъ, жезъ и желѣзо. Здѣсь добываютъ самые лучшіе алмазы на Земномъ Шарѣ. Находимые въ Ланданакѣ и Банжермасингѣ наиболѣе извѣстны. Изъ звѣрей, водятся слоны, носороги, родъ леопардовъ, медвѣди, лошади, свиньи, козы, кошки, собаки и всѣ вообще дворовыя птицы. Слоны, носороги и леопарды видны только въ северныхъ областяхъ; ихъ уже не встрѣчаютъ ни на одномъ изъ острововъ, лежащихъ восточнѣе этой долготы. Буйволъ, также уроженецъ Борнео, который есть настоящее отечество орангъ-утанговъ. Они вѣроятно отсюда переселились на островъ Суматру, гдѣ мы уже замѣтили ихъ странные и любопытные обычаи. Въ окрестныхъ моряхъ добываютъ жемчужины, черепаху и трипанги. Растительное царство производитъ рисъ, саго, черный перецъ, канфорный, лимонныя деревья, ямсъ, бетель и пр. Пальмовая капуста составляетъ главную пищу туземцевъ. Въ лѣсахъ находятъ деревья удивительной вышины; одни употребляются для строенія, другія для красокъ; нѣкоторые даютъ лучшую канфору и росной ладонь. Ротангъ изобилуетъ на всѣхъ частяхъ острова, и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли. Хлопчатая бумага, инбирь, мускатные орѣхи и гвоздика, возрастаютъ усильно.

Чтобъ перейти отъ этого общаго обозрѣнія къ подробностямъ, надобно раздѣлить страну на слѣдующія части: 1. Владѣнія собственно Борнео; 2. страна Дайяковъ, или резиденція Понтианакъ на с. з. сторонѣ; 3. владѣнія Банжермасингъ, лежащая на южномъ и восточномъ берегахъ, включая и владѣнія Котти. Вотъ три главныя раздѣленія, подлежащія еще многимъ другимъ раздробленіямъ, не включая раздѣленій, которымъ островитяне, въ свою очередь, подвергаютъ всѣ внутреннія страны.

Собственно называемый Борнео принадлежитъ съ одной стороны къ Дайякамъ, а съ другой къ Гузунамъ и Тагамамъ; ему подвла-

стны острова Малавели, Баинг, и Баламбаганъ, гдѣ Англичане два раза, въ 1774 и 1803, годахъ старались завести конторы. Въ этомъ то государствѣ знаменитый Александръ Далримплъ предполагалъ основать столицу воображаемаго Полинезійскаго государства.

Природные жители Борнео суть смѣшеніе Кайяновъ, Суліеновъ, Идаановъ, Малайцевъ Жегорскихъ, Вѣджусовъ, Тидуновъ, Марутовъ, Дузуновъ и множества другихъ народовъ. Между ними, числомъ и образованностью, Малайцы берутъ верхъ. Другія поколѣнія дикихъ, которыхъ можно, согласно съ Г. Ріензи, назвать Гарфурами Борнео, ходятъ нагіе и обвертываютъ вокругъ пояса кусокъ бумажнаго холста или древесной коры. Нѣкоторые изъ Кайянскихъ воиновъ надеваютъ платье и шапку изъ леопардовой шкуры. Оружія ихъ суть сарбаканъ, чрезъ который они пускаютъ отравленные стрѣлы, шпиги, колья и длинныя щиты; упоминали даже о пушкахъ, находящихся въ столицѣ Кайяновъ: но это можно приписать только одной игрѣ воображенія путешественниковъ. Эти многоразличныя поколѣнія чрезвычайно жестоки и кровожадны; они отрубываютъ головы щиты, и украшаютъ ими свои жилища въ видѣ трофеевъ; живутъ или въ большихъ домахъ, выстроенныхъ на сваяхъ, или въ деревянныхъ пѣбахъ, крытыхъ листьями. Въ большихъ домахъ вмѣщаются цѣлыя селенія до ста и двухъ сотъ человѣкъ.

Понимъ не извѣстно, какого роду неповѣданія придерживаются жители Борнео, и до какой степени они набожны въ дикомъ образѣ жизни. По видимому, у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни храмовъ, ни идоловъ. Они однако вѣрятъ злымъ и добрымъ духамъ. Не имѣютъ ни какой азбуки, что и заставляетъ почитать ихъ ниже другихъ островитянъ, соседей ихъ, которые имѣютъ свои азбуки.

Все, что извѣстно объ образѣ ихъ правленія, относится только къ странамъ, гдѣ господствуютъ Малайскія поколѣнія. Вотъ почему устройство тамъ большею частью почти то же, какъ и въ Суматрѣ. Король, султанъ, раджа или *жаидги-реръ-тоаани* (тотъ, котораго признаютъ за господина) не встрѣчаетъ почти ни какого противурѣчія своей неограниченной власти, кромѣ отрицательнаго вліянія *панджеранъ*, или мѣстныхъ князей, родъ мѣстной аристократіи, находящейся и въ другихъ архипелагахъ. Эти панджераны раздѣляютъ между собою главнѣйшія

должности государства. Одинъ имѣетъ обязанности исполнительныя, и называется: *бандахара*; *дегадонгъ*, есть главный управитель султанскаго дома; *домогангъ*, командуетъ арміею; *паманша*, есть судья. Доходы государя состоятъ изъ добровольныхъ податей, собираемыхъ почти всегда натурою.

Часть острова, извѣстная подъ именемъ собственно Борнео, нынѣ безплодна и не приносящая почти ничего, могла бы подвергнуться многимъ улучшеніямъ, какъ по земледѣльству, такъ и по торговлѣ. Столица Борнео, мѣсто пребываніе султана, лежитъ въ пятнадцати миляхъ отъ устья судоходной рѣки; это городъ важный и вмѣщающій 10,000 жителей. Онъ выстроенъ на сваяхъ, пересѣкается множествомъ каналовъ, и походить, по мнѣнію Г. Ріензи, на маленькую Венецію. Также какъ и въ землѣ Папуйцевъ, дома сообщаются здѣсь одинъ съ другимъ посредствомъ мостиковъ, состоящихъ изъ одной доски. Только крѣпость этого острова выстроена на твердой землѣ.

Находясь на рѣкѣ, удобной для плаванія судовъ, поднимающихъ до 300 тоннъ; пользуясь удобствомъ сообщенія съ Китаемъ, Филиппинскими островами, съ архипелагомъ Сулу и государствомъ Сіамскимъ, Борнео производилъ прежде обширную торговлю; но недавняя междоусобная войны, значительно уменьшили ее. Въ цвѣтущія для его торговли времена ежегодно приставали къ нему два Китайскіе корабли изъ Сіангъ-Фе (провинція въ Нанкинѣ), два изъ Лю-По (провинція Ханъ-Си), и наконецъ одинъ изъ Кантона. Изъ Макао также высылались туда Португальскіе корабли. Непосредственными повѣренными въ этихъ торгахъ были Китайскіе колонисты, изъ собственныхъ выгодъ установившіе и увеличившіе торговлю. Сообщенія Борнео съ Сулу, прежде столь дѣятельныя, почти совершенно прекратились; сообщенія съ Манилѣю тоже весьма уменьшились. Нынѣ Борнео имѣетъ дѣятельныя сношенія только съ Сингапуромъ и полуостровомъ Малакою. Съ тѣхъ поръ, какъ ужасное безначаліе опустошаетъ эту страну, Европейцы не смѣютъ болѣе допускать туда своихъ судовъ, хотя никогда не имѣли причины жаловаться на жителей Борнео. Въ то время, какъ жители Сулу выгнали Англичанъ изъ Баламбангана, островитяне Борнео приняли съ доброжелательствомъ искавшихъ убежища, и даже предложили имъ уступить

островъ Балуанъ, дабы они могли устроить тамъ новое заведеніе. Можетъ быть, не худо бы было попробовать завести колонію посреди этого народа, имѣющаго уже понятіе о коммерческихъ дѣлахъ, мореплаваніи и географіи. Въ Борнео былъ выстроенъ корабль, въ пять сотъ тоннъ, изъ лучшаго лѣса этой страны.

Главнѣйшіе округи отъ с. къ ю. суть: 1^о Владѣнія султана Самба; сѣверная часть ихъ до Танжонгъ-дати (мысъ Дати) занята нѣсколькими независимыми князьями и пиратами. Во внутренности находятся Семини и Лара, имѣющіе рудники. Столица этого округа есть Самба, въ пятнадцати миляхъ отъ берега, при рѣкѣ того же имени. Тутъ находится Голландское укрѣпленіе.

2^е Владѣнія Мумпава простираются далеко во внутренность, и заключаютъ Мандаръ и Монтрадо, съ золотыми ихъ рудниками, богатѣйшими во всей Океаніи. Округъ Монтрадо или Монтрадокъ, у подошвы горы Традокъ, населенъ Китайцами, которые не только позволяютъ даже Малайцамъ приставать и поселяться здѣсь. Эта Китайская колонія была заведена, назадъ тому два столѣтія, мореплавателями, заброшенными бурей на эти берега. Не многочисленные, они жили сперва въ неволѣ и нищетѣ; умножившись мало по малу, разными бродягами, пристававшими къ этой части, они усилились и успѣли хитростью и искусствомъ приобрести нѣкоторую свободу. Теперь они совершенно свободны, и эта страна принадлежитъ уже Китайцамъ. Главное богатство ее составляютъ золотыя руды; металлы добываются средствами, извѣстными въ Южной Америкѣ. Они перегораживаютъ ручьи въ нѣсколькихъ мѣстахъ; сперва работаютъ мужчины, потомъ женщины, послѣ старшія изъ дѣтей, наконецъ младшія подбираютъ, чего не доглядѣли старшія. Работы въ рудахъ почти облагораживаютъ тѣхъ, кто ими занимается. Рудокобы составляютъ въ Китайской колоніи высшій кругъ. Повоприбывшіе не вдругъ бывають приняты: они сперва должны быть солдатами или мелочными продавцами. Главныя гавани, гдѣ сбываются здѣшніе продукты, суть Силака и Сунги-райясъ. Желаящіе достигнуть Монтрадока, пристають обыкновенно къ одной изъ нихъ. Дорогою, проложенною среди прѣлестной деревни, и уединенною речушкою, служащими защитою и вмѣстѣ складочными мѣстами для металловъ, достигаютъ до города Монтрадока,

лежащаго среди долины въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи. Дома выстроены въ Китайскомъ вкусѣ. Городъ, раздѣленный на базары, или кварталы, имѣетъ три мили длины и полмили ширины; жители кротки, трудолюбивы и спокойны. Это маленькое государство, которому столицею служить Монтрадокъ, вѣроятно увеличится, и весьма возможно, что весь Борнео будетъ со временемъ во власти здѣшнихъ Китайскихъ креоловъ.

На с. з. части находятся еще:

3) Государство Понтианакъ, основанное въ 1770 году Арабомъ Абдуль-Рахманомъ, который въ то время былъ въ переговорахъ съ Голландскою компаніею, и съ помощію ея увеличилъ владѣнія свои съ ущербомъ для сосѣдей. Онъ похитилъ землю султана Матанскаго, разорилъ городъ Сукадана, и отдалъ его во владѣніе сыну своему Касиму Цумпау. Касимъ, сдѣлавшись въ свою очередь королемъ, въ 1808 году, долженъ былъ защищаться отъ нападений Китайцевъ, которые составивъ конгъ-си (общество), стали до того опасны, что онъ принужденъ былъ опять прибѣгнуть къ Голландцамъ и просить ихъ содѣйствія. Понтианакъ, столица этого государства, лежитъ при рѣкѣ того же имени и имѣетъ 3,000 жителей.

4) Ланданакъ и Сангѹ лежатъ на востокъ отъ вышеозначеннаго государства. Ланданакъ извѣстенъ своими алмазами; султанъ Матанскій обладаетъ однимъ, который въ исчищенномъ видѣ вѣситъ 367 кратовъ, а выдѣланный можетъ вѣсить 183 крата.

5) Симпангъ, принадлежащій *Паумъ-хабану*, или князю, подвластному Матану.

6) Владѣнія Матанъ, или древнее государство Сукадана, бывшее долго во власти Явайскихъ князей; въ подвластны королямъ Бантама. Древняя Сукадана, столица этого государства, лежитъ во внутренности на берегахъ Катапана, и извѣстна общирною своею торговлею и сообщеніями съ Голландскою компаніею въ первоначальные времена ея основанія.

7) Земли князя Кандавагана, подвластнаго также Матанскому султану.

Всѣ эти мѣста, географически описанныя нами, прилежатъ къ землѣ Дайяковъ; народы или независимы, или находятся подъ властью князей; о которыхъ мы упомянули. Они составляютъ такъ называемую сѣверо-западную резиденцію, простирающуюся отъ Айеръ-

хитама, который считается южною границею земель Матанскихъ, до Пало, сѣверной границы владѣній Самба. Судя по картѣ этой страны, начертанной несчастнымъ маіоромъ Мюллеромъ, она вообще весьма низменна. Данао-малайя течетъ вверхъ не болѣе какъ на сто футовъ отъ поверхности моря, даже въ сорока пяти миляхъ отъ устья. Здѣсь не видать цѣпей горъ. Исключая нѣкоторыхъ остроконечныхъ возвышеній и уединенныхъ холмовъ, вся страна есть плоскость напесенной водою земли, пересѣченной потоками, которые всѣ имѣютъ при устьѣхъ свои барры. Тамъ находится одно только озеро Данао-малайя, лежащее подъ 1° 51 с. шир. и 114° 20' в. долго., посѣщеніе въ первый разъ Европейцами въ Сентябрѣ 1823 года. Она имѣетъ восемь англъ длины и четыре ширины; глубина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до восемнадцати футовъ. На немъ находятся нѣсколько островковъ, изъ коихъ одинъ называется Фанъ-дерь-Капелменъ.

Руды округа Ланданака, составляютъ, какъ уже было сказано, главное богатство этой страны. Аренгъ или конгломератъ, есть родъ желтой каменной земли, смѣшанной съ кремнистыми обломками. Его встрѣчаютъ на различныхъ глубинахъ; самая большая простирается до 60 футовъ. Для этой работы рудокопы выкапываютъ колоды въ одинъ или два фута въ діаметрѣ. Достигши до пласта конгломерата, имѣющаго два или три фута толщины, они дѣлаютъ въ немъ углубленіе на семь или восемь футовъ, и вынимаютъ его посредствомъ небольшихъ бамбуковыхъ корзинъ. Отыскиваніе алмазовъ производится способомъ также весьма простымъ. Маленькіе круглые черпаки, наклонно сходящіеся къ одной точкѣ, почти совершенно наполняются аренгомъ. Работникъ, садясь возлѣ ручья, погружаетъ черпакъ и помѣшываетъ конгломератъ рукою на поверхности воды, сообщая ей такимъ образомъ крутотворительное движеніе, до тѣхъ поръ, пока вода не насытится совершенно распустившимся въ ней землестымъ веществомъ. Когда на днѣ сосуда, отъ такой промывки, останутся только одни кремнистые обломки, ихъ растираютъ и разсматриваютъ. Китайцы, болѣе Дайяковъ смѣтливые, дѣлаютъ загородки въ рѣкѣ, и посредствомъ шлюзовъ отдѣляютъ землю отъ воды. Самые лучшіе алмазы, добытые этимъ средствомъ, вѣсятъ тридцать шесть кратовъ. Маленькіе каменья продаютъ въ Пон-

тианакъ; большіе, которые труднѣе сбывать, отплавляютъ въ Батавію. Кажется, что въ послѣдніе годы найдено мало алмазовъ. Золото находится и по сіе время въ изобиліи. Его находятъ и въ конгломератѣ. Золото, добытое въ Симпангѣ, Сангу и Ландакѣ, есть самое чистое; за нимъ слѣдуетъ находимое въ Ментехари и Мандортѣ; а потомъ уже Монтрадокское. Железо добывается въ Джеле; оно такъ лучшей доброты. Другіе предметы торговли на с. з. части Борнео суть воскъ, bezoаръ, сушеное оленьи мясо, оленьи рога, и птичьи гнѣзда, въ маломъ количествѣ.

Дайяки составляютъ большую часть этого народа; ихъ можно считать до 200,000. Одежда та же, какъ и у жителей Борнео. Стекланія бусы и кусочки желтой мѣди служатъ имъ украшеніями. Соль считается у нихъ изысканнѣйшимъ кушаньемъ; они страстно любятъ табакъ. Дайяки, почти всегда миролюбивые, имѣютъ однако, по видимому, нравъ жестокой; это происходитъ отъ существующаго между ними тщеславія, состоящаго въ томъ, чтобы имѣть какъ можно болѣе человѣческихъ череповъ, для украшенія своихъ жилищъ. Они добываютъ ихъ, убивая людей другихъ племенъ. Черепы дѣтскіе и женскіе доставляютъ большую славу, ибо для защиты ихъ мужчины употребляютъ болѣе усилій. Эта страсть и жадность къ человѣческимъ черепамъ составляетъ почти единственное занятіе Дайяковъ. Они только и думаютъ о нападеніи на какое нибудь селеніе, или о засадѣ въ лѣсу. Когда подобныя средства бываютъ неуспѣшны, то они присоединяются къ Малайскимъ морскимъ разбойникамъ, выговаривая на свою часть, всѣ добытые черепы. Тотъ кто болѣе отрубилъ головъ, пріобрѣтаетъ болѣе уваженіе и почтеніе; молодой человѣкъ не можетъ жениться, доколе не отрѣзалъ хотя одну непріятельскую голову; тѣло важной особы погрѣбается всегда съ недавно отрубленною головою. Радостныя восклицанія встрѣчаютъ удачную экспедицію. Женщины хватаютъ окровавленные головы, бросаются съ ними въ воду и пачкаются кровью, изъ нихъ истекающею. Домъ, украшенный пятидесятью черепами, есть павѣтрнѣйшее доказательство благородства.

Весьма понятно, что будучи въ безпрерывной осторожности, селенія укрѣплены по возможности. Для защиты ихъ, Дайяки дѣлаютъ окопы или бейтнги. На фасадѣ дома

строится веранда или галерея, служащая сообщеніемъ одного дома съ другимъ. Выстроенные на сваяхъ домики не имѣютъ другаго хода, какъ открытую дверь, къ которой приставляютъ лѣстницу; къ вечеру же ее снимаютъ. Эти жилища построены кучками, по шести или семи вмѣстѣ; домъ старшаго стоитъ по срединѣ.

Когда два племени, находившіеся давно во враждѣ, заключаютъ миръ, то каждый изъ нихъ жертвуетъ однимъ невольникомъ, котораго другое племя должно убить. Начальникъ самъ наноситъ жертвѣ первый ударъ въ грудь, и цѣлое племя слѣдуетъ его примѣру; кромѣ этой жертвы, происходятъ еще между ними обмѣны съѣстныхъ припасовъ, золотого песку и Сіамскихъ чашъ, которыя они дорого цѣнятъ, и которыя служатъ оракулами ихъ предсказателямъ.

Главное колыбо Дайяковъ, суть Кайяны, мѣстопробываніе которыхъ находится въ Сегао, въ двадцати пяти дняхъ разстоянія отъ Понтіанака. Дайяки этого города говорятъ на семи различныхъ языкахъ. Они не имѣютъ другой вѣры, кромѣ какого то почитанія оленей.

Послѣ Дайяковъ, племя Борнейскихъ Китайцевъ есть самое многочисленное; ихъ считаютъ до 100,000 душъ. Племя это, происшедшее отъ Дайяковъ и Китайцевъ, извѣстно въ провинціи подъ именемъ Орангъ-кхе. Мы уже видѣли, каковы они въ резиденціи ихъ, Монтрадокѣ. Надобно прибавить, что одежда ихъ совершенно въ Китайскомъ вкусѣ, и дѣлается изъ толстой голубой и бѣлой холстины.

Малайцевъ считаютъ до 60,000 душъ; они всѣ дровосѣки, рудокопы или моряки. Буговъ до 5,000; эти люди почти всѣ купцы или мореплаватели. Есть еще нѣсколько Арабовъ и Индусовъ.

Послѣ Понтіанака, самаго важнаго мѣста для Голландской торговли, остается познакомиться съ Банжермассингомъ, государствомъ южныхъ и западныхъ береговъ, состоящимъ изъ владѣній султана того же имени, и изъ округовъ, уступленныхъ Голландцамъ. Земли, составляющія этотъ округъ, суть Комаай, лежащій на рѣкѣ того же имени, Памбуанъ, Мадава, Большой и Малый Дайякъ и полуостровъ Тапахъ-лотъ, на ю. в. части отъ Борнео. Во внутренности находятся еще округи: Танасъ, Марта-Шура, Карапъ-нитангъ, Дуку-капангъ, Дуку ки-

ри, также какъ Дугунъ, названіе, какъ кажется, принятое для внутреннихъ земель.

Государство Котте, возлѣ Банжермасинга, подвластно Малайскому султану, который сдѣлалъ изъ столицы своей притонъ разбойниковъ, столь же ужасный для Малайскихъ морей, какъ прежде былъ Алжиръ для Средиземнаго моря. Онъ подражаетъ въ этомъ сосѣду своему султану Сулуйскому, имѣющему подъ властью своею пиратовъ чрезвычайно опасныхъ. Султанъ Сулуйскій владѣетъ въ Борнео нѣкоторыми прибрежными городами, какъ то Малуду, Абай и Талапанъ. Новѣйшія свѣдѣнія доказываютъ, что вся западная часть земли принадлежитъ султану Борнеоскому.

Вотъ полныя, хотя весьма неполныя, свѣдѣнія о Борнео. Какъ въ географическомъ отношеніи, такъ и въ описаніи нравовъ и обычаевъ они недостаточны. Многія племена мало извѣстны; другіе, какъ Дайяки, имѣютъ двоякія занятія. Вотъ впрочемъ какъ описывается это этнографическое раздѣленіе: «Природные жители внутренней части;» говоритъ Г. Ріенэнъ, «получили многія названія: Дайяками называютъ жителей на ю. и з.; Идаканами на с., и Тидунами, на восточной сторонѣ обитающихъ; но все они происходятъ отъ природныхъ Алфорезовъ (Гарфуровъ). Островитяне эти большею частью съ острововъ Малезіи и Австраліи; нѣкоторые изъ нихъ родомъ изъ Папу, или Негры Океаніи. Но Алфорезы не такъ черны, сплѣтсе, живѣе и способнѣе Папуйцевъ. Дайяки суть земледѣльцы, рудокопы и продавцы; наружностью они красивѣе Малайцевъ. Они поклоняются *Деуану* (сотворившему міръ) и праху своихъ предковъ; у нихъ, какъ у большей части жителей Полинезіи, въ большомъ уваженіи нѣкоторые птицы, служащіе имъ предвѣстниками. Послѣ нихъ слѣдуетъ замѣтить Біаджусовъ, а наиболѣе обитающихъ на с. з., и наконецъ Тидуновъ, народъ совершенно дикій. Въ с. в. части острова, жители неустрашимые моряки; они занимаются пиратствомъ и нѣкоторые изъ нихъ антропофаги. На югѣ отъ султанства Борнео находится еще дикія поколѣнія Кайяновъ, Дузуновъ и Марутовъ. Однимъ словомъ, эта обширная страна есть сборище разныхъ поколѣній; здѣсь множество Біаджусовъ, посѣщающихъ Целебесъ, Борнео и Филиппинскіе острова; они происходятъ отъ смѣшенія разныхъ

народовъ, какъ то: Китайцевъ съ длинными, гладкими волосами и косвенно лежащими глазами, безбородыхъ Японцевъ и Макасарцевъ съ черными глиняноватыми зубами.» Вотъ какъ неполны свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ ос. Борнео. Ихъ должно излагать съ осторожностью, свойственною великому труду, въ который входятъ предположенія, и дожидаться, пока Географія не откроетъ намъ о внутренности этой обширной страны болѣе, нежели, что могутъ указать гипотезы.

ГЛАВА XXVII.

Малазія. — Ява.

Странствующее судно наше скоро оставило за собою Борнео и устье Банжермасинга. 2 Октября, при свѣжѣмъ ю. з. вѣтрѣ, оно распустило паруса, и пустилось по спокойному бассейну, называемому Явайскимъ моремъ; это настоящій фарватеръ, окруженный высокими землями. Въ теченіе двухъ дней, вѣтеръ постепенно утихалъ, и вскорѣ, подъ защитою высокихъ земель, насъ застигло безвѣтріе. Мы принуждены были провести нѣсколько дней въ этомъ застойномъ озерѣ, и только 10 и 12 увидѣли Каримонъ-Яву. Обогнувъ окопечность Каравана, мы положили якорь въ обширной гавани Батавіи. *Сива* стала сперва въ морѣ и послала къ генералъ-губернатору депешу, собранную ею по дорогѣ; потомъ, получивъ приказаніе занять мѣсто на рейдѣ, приблизилась къ матчевому мѣсту судовъ, видимыхъ ею издали.

Видъ Батавіи съ рейда представлялъ вдаль цѣль горъ, на которую она опиралась, цѣль низкую, но покрытую прекрасными растеніями, не требующими ни ухода, ни содѣйствія; потомъ, ближе, на второмъ планѣ, видны были по правую и лѣвую сторону города, нѣсколько увеселительныхъ домиковъ, прелестныя жилища, окруженные рощами и огородами; наконецъ на первомъ планѣ самый городъ, почти утопій въ этомъ плоскомъ берегу, выдающийся только тысячами своихъ кровель и высокихъ деревьевъ садовъ. Еще ближе къ *Сивѣ*, которая только что стала на якорь, видны были нѣсколько островковъ, какъ зеленые кусточки; между тѣмъ на рейдѣ показывались корабли, и безчисленное множество барокъ плавали въ об-

ширномъ полукружїи, переходя отъ одной пристани къ другой.

Въ числѣ этихъ островковъ, теперь многіе необитаемы; но прежнюю Индійскою компаніею, они почти все были употреблены въ пользу. На нихъ находились верфи, магазины, госпитали и разныя мастерскія. Главная изъ нихъ есть Опрастъ, или по Малайски Пуло-каппаль, лежащій на с. з., въ трехъ миляхъ отъ города. Онъ былъ весьма важенъ до занятія этого мѣста Англичанами, которые уничтожили все работы острова; они срыли эту голову, казалось съ высока смотрѣвшую на рейдъ. Богатыя верфи, удобныя для починки кораблей, обширныя магазины, запасные сараи, въ конхъ можно было помѣстить до 2,000 кадиговъ риса, прелестныя дома для житья; двѣ мельницы, церковь, все это было разрушено, приведено въ невозможность быть полезнымъ. Однако въ 1823 году, Опрастъ началъ возобновляться; но приведеніе его въ совершенно прежнее положеніе будетъ трудно, обойдется дорого и потребуетъ много времени.

Послѣ острова Орнаста слѣдуетъ Эдамъ или Пуло-даммеръ, получившій Малайское названіе отъ находившагося на немъ маяка безъ огня. Далѣе виденъ островъ Пармерендъ или Пуло-сакитъ, который былъ обращенъ въ больницу для Прокаженныхъ; наконецъ нѣсколько далѣе къ югу, островъ Кипперъ или Пуло-буронгъ, гдѣ находятся понынѣ развалины огромныхъ магазиновъ. Другіе не столь большіе острова суть: Пуло-келюръ, Пуло-рамбу, Пуло-утонгъ-Ява, Пуло-оби, Пуло-айеръ, Пуло-ніамокъ, Пуло-потрижъ, или островъ Вадеръ-пингъ, почти уничтожившійся и нынѣ состоящій изъ отмели, покрываемой водою при приливѣ. Многочисленные острова, показывающіеся въ отдаленности, называются *Duizend-Elanden*. Многіе изъ нихъ населены Малайскими семействами, промышленными ловящими рыбу, агаръ-агаровъ, трипанговъ и коралловыхъ (которые употребляютъ для изготавленія извести). Пуло-пангангъ, самый большой изъ этихъ острововъ, населенъ тридцатью семействами туземцевъ подъ начальствомъ Малайскаго старшины.

На другой день прибытія *Сивы*, 13 Октября, съ разсвѣтомъ, я сѣлъ въ лань и направился къ пристани. Мы вышли на берегъ въ Бумъ (*Boom*), гавани, находящейся

передъ старымъ городомъ. Это самый опасный, самый вредный участокъ города, уже извѣстнаго во всей Индіи нездоровостию своего климата. Кромѣ четырехъ или пяти улицъ, посѣщаемыхъ только по утрамъ, эти кварталы города почти пусты; ихъ покинули съ тѣмъ, чтобы переселиться толпою къ Вельтевреду и Коинингсъ-плейну (*Konings-Plein*), гдѣ разстилается новый городъ. Новыя улицы начинаются у прежняго предметства или (*Buiten Nieuw Poort-sstraat*); эти прелестныя улицы украшены по обѣимъ сторонамъ деревьями и красивыми домиками съ хорошенскими садами. Рис. LIII. ф. 1.). Движеніе народа напоминаетъ большіе Европейскіе города. Безчисленное множество каретъ, прекрасныхъ колясокъ, заложенныхъ парами лошадей, молодыхъ людей верхами укрывающихся отъ солнечныхъ лучей, подъ широкими зонтиками, все оживляетъ и украшаетъ эти прелестныя мѣста; узнаешь Батавію, излищную столицу Малайзіи, городъ роскоши, шума, удовольствій и торговыхъ оборотовъ. Милыя жилища, осыпанныя тѣнію деревьевъ, тянутся вдоль канала Мооленфилтъ и Рижсвижкъ на пространствѣ почти въ три четверти мили. Далѣе открывается большая квадратная равнина, обширный лугъ съ рядами Европейскихъ домовъ: это Вельтевреденъ, или военный кварталъ, отъ котораго новый городъ получилъ свое наименованіе; еще далѣе, болѣе къ правой сторонѣ, является другая квадратная равнина Каннингсъ-плейнъ, окруженная также безподобными строениями и хорошо содержимыми садами. Большая Буйтензоорская дорога, идущая за Вельтевреденъ, есть гладкій и ровный шоссе, обстроенный по сторонамъ дачами и домиками, и продолжающійся почти на двѣ лиги за крѣпостцу *Meestes-Cornelis*. Если прибавить къ сему еще нѣсколько боковыхъ аллей, составляющихъ какъ бы радіусы, идущіе отъ этихъ точекъ: *Принзенъ-панъ*, дорогу *Гонпангъ-сакари* и *Танаабонъ*, тогда можно имѣть нѣкоторое понятіе о наружномъ видѣ Батавіи. Между этихъ кварталовъ и позади нихъ находятся многіе другіе, занятые Азіатскими колоніями, поселившимися въ Малайской столицѣ. Китайскій станъ, или кварталъ, расположенъ за оградой, на западъ отъ стараго города, котораго онъ прежде составлялъ обширное предметство; впрочемъ нынѣ, этотъ, дѣятельный и хлопотливый на-

родъ, распространился не только по всему городу, но и по всему острову.

Батавія лежитъ подъ 6° 12' юж. шир. и 104° 33' вост. долг.; она основана въ 1616 году, на мѣстѣ, которое занимаетъ Индійскій городъ Жаккатра. Настоящее свое названіе она получила 11 Марта 1619 г., въ то время, когда было окончено укрѣпленіе, которое командуетъ городомъ. Въ 1629 году сооруженъ губернаторскій замокъ, у вѣзда въ городъ со стороны гавани; генераль-губернаторы жили въ немъ болѣе 150 лѣтъ. Къ замку пристроили зданіе для собраній Индійскаго совѣта, для канцелярій и магазиновъ компаній. Всѣ эти строенія еще цѣлы, и могутъ дать понятіе объ обширности и великолѣпнѣ колоніальныхъ архитектурныхъ произведеній, выполненныхъ Европейскими рабочими, изъ матеріаловъ, привезенныхъ изъ метрополіи.

Въ то время городъ составлялъ параллелограмъ, почти въ шесть сотъ сажень длины на четырехъ стахъ ширины, перестѣкаемый на двѣ почти равныя части большою рѣкою, называемою Тжиливонгъ. Обнесенный бастіонами и стѣнами, съ пятью большими воротами, онъ заключалъ четыре церкви и нѣсколько регулярныхъ строеній.

Въ теченіе всего XVII столѣтія: чиновники компаній и негодіанты, жили во внутренней части города; но около начала XVIII, когда войны съ Бантамами были прекращены и когда возрастающее благосостояніе города потребовало новыхъ жилищъ, начали строить за валомъ и сооружать предместье, понынѣ еще называемое южнымъ. Около этого времени, жители, имѣвшіе состояніе, построили себѣ дачи, вдоль паружнаго канала и по дорогѣ Жаккатрской, между городомъ и наружными укрѣпленіями; составлявшими первую линію; потомъ, ободренные миролюбивымъ расположеніемъ туземцевъ, они продолжали строиться до подошвы второй линіи укрѣпленій, частью по дорогѣ Вантомской и Шерибонской, частью же по дорогѣ Преантерской. Эти присвоенія были производимы поемногу, одно за другимъ. Въ началѣ XVII вѣка укрѣпленіе Меестръ-корнелса было Геркулесовымъ столбами Голландскихъ креоловъ; перейти за нихъ, считалось опасною экспедиціею, и еще болѣе гридцати лѣтъ тому назадъ, въ народныхъ церквахъ совершали молитвы всякій разъ, когда генераль-губернаторъ уѣзжалъ въ уве-

селительный домъ своей въ Бунтензоортъ; перетѣздъ совершался тогда въ три дня; нынѣ онъ совершается въ три часа.

При генераль-губернаторѣ Деидельсѣ начали только выѣзжать изъ стараго города и оставлять его. Въ политическомъ отношеніи Ява показалась этому правителю довольно независимою; онъ не считалъ нужнымъ укрѣплять городъ стѣнами, для предохраненія его отъ внутреннихъ нападений. Вниманіе его было вполнѣ обращено на наружную оборону. «Оттуда», говорилъ генераль-губернаторъ, «оттуда только грозитъ намъ непріятель. Изъ внутренности же намъ нечего опасаться». Это было въ то время, когда Батавія дѣлалась могилою почти всѣхъ новопріѣзжавшихъ Европейцевъ. Зловѣщныя мѣзмы по временамъ, казалось, заражали атмосферу, и ужасная смертность господствовала даже между тѣми изъ жителей, которые уже свыклись съ климатомъ. Эпидемія причинила гораздо болѣе опустошеній, нежели сколько могла бы сдѣлать война. Деидельсъ обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Первоначально онъ намѣревался совершенно покинуть Батавію, и перенести столицу Голландскихъ владѣній въ Сурабаю; но встрѣтивъ многія препятствія, онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ мѣрамъ не столь рѣшительнымъ; за городомъ и не далеко во внутренности страны были выстроены казармы и удобныя жилища для гарнизонныхъ офицеровъ. Постройка губернаторскаго дворца была начата въ то же время; но это зданіе окончено не прежде 1827 года.

Лишь только это было сдѣлано, какъ всѣ Европейскіе жители, имѣвшіе состояніе, покинули старыя жилища и переселились въ новыя красивыя жилища, не столь вредныя для здоровья, расположенныя вдоль Моолс-фанта, Рижвижскаго канала, и въ Вельтерреденъ, а наконецъ, позже, вдоль обширнаго Конингсъ-плейна и по дорогѣ Меестръ-корнелса. Архитекторамъ былъ данъ правильный планъ; но междоцарствіе, послѣдовавшее отъ занятія города Англичанами, было причиною столь большаго безпорядка между строеніями, что нынѣ невозможно бы было устроить для Батавіи оборонительную систему, не покрывъ развалинами всю окрестную равнину.

Пристрастіе и мода вѣдѣлись въ дѣло переселенія; и вскорѣ старыя жилища, Батавіи, были совершенно покинуты. Упадокъ и

разрушеніе поразили его совершенно. Въ теченіе двадцати лѣтъ, лучшіе кварталы были сломаны по частямъ, домъ за домомъ. Въ 1816, когда Европейскіе договоры возвратили Голландіи лучшую изъ ея колоній, прежній городъ едва считалъ жителями своими нѣсколько устарѣвшихъ въ немъ Европейцевъ и Китайцевъ. Присутственныя мѣста, конторы и магазины хотя все еще оставались тамъ, но по причинѣ близости рейда, по съ наступленіемъ вечера, ихъ оставляли, чтобы возвращаться къ новымъ частямъ города, гдѣ все дышало беззаботностію о дѣлахъ.

Что генералъ-губернаторъ Дендельсъ предвидѣлъ, совершилось. Батавія была вредный городъ; только въ первобытномъ положеніи своемъ, городъ былъ совершенно Голландскій, построенный на сыромъ и низкомъ мѣстѣ, съ узкими улицами, подъ знойнымъ небомъ тропиковъ; дома были взгромождены, какъ въ Амстердамѣ, какъ въ Роттердамѣ, вдоль каналовъ, наполненныхъ стоячею, гнилою водою. Къ этимъ важнымъ причинамъ смертности присоединились еще другія, т. е. пр: снисхождение къ Малайцамъ и Китайцамъ, кладбища которыхъ были расположены вдоль самыхъ городскихъ воротъ и заражали воздухъ. Наконецъ на берегу рѣки оставляли кучи всякой нечистоты и грязи; согрѣваемая солнцемъ, она наполнила воздухъ заразительными и зловонными испареніями.

Перенеся резиденцію свою за черту прежняго города, генералъ-губернаторъ старался уничтожить все эти вредныя для здоровья жителей вліянія; въ послѣдствіи губернаторъ Фанъ-деръ-Капеленъ привелъ въ исполненіе улучшенія, предполагаемыя Дендельсомъ.

Во время правленія Фанъ-деръ-Капелена проложены были новыя улицы въ Коппингс-плейнъ, самомъ здоровомъ изъ всехъ окрестныхъ мѣстъ города. Пожалованіе земли подъ строенія, удобность самыхъ построекъ, ускорили развитіе этой красивѣйшей части города. Владѣльцамъ и архитекторамъ предписаны были правила, въ которыхъ были соображены выгоды частныя, съ приличіемъ и пользою общею. Китайцамъ отведено было мѣсто для ихъ кладбища въ отдаленности отъ города. Нѣкоторые изъ каналовъ стараго города, признанные бесполезными, были засыпаны съ намѣреніемъ уничтожить ихъ вредное для здоровья влія-

ніе, а тѣ изъ нихъ, которые были оставлены, получили черезъ то большее количество воды чистой, не столь наполненной гнилыми веществами. Бойни перенесены были на окраинность города; берега рѣки обдѣланы для того, чтобы вода теченіемъ своимъ наполняла все русло, и не оставляла бы разлиновъ и застоевъ воды, которая портилась отъ вліянія солнечныхъ лучей. Красивая и вмѣстѣ удобная для складки товаровъ дамба въ гавани, довершила эти важныя и полезныя учрежденія. Съ тѣхъ поръ, какъ они существуютъ, Батавія не болѣе другихъ пунктовъ Малайскаго архипелага и Индійскаго материка, вредна для здоровья. Народонаселеніе Батавіи, чрезвычайно измѣнчивое, было предметомъ многихъ, болѣею частью невѣрныхъ, смѣтъ и показаній. Въ 1824 году сдѣлано исчисленіе болѣе точное: изъ него явствуетъ, что въ Батавіи считается 3,025 Европейцевъ, или людей, происходящихъ отъ Европейцевъ, 23,108 Явайцевъ, или Малайцевъ, 14,708 Китайцевъ, 601 Негръ, 12,412 невольниковъ; всего въ городъ и окрестностяхъ 53,861 душа, не считая гарнизона. Народонаселеніе цѣлой провинціи раздѣлено на четыре части.

Европейцы или креолы составляютъ часть народонаселенія служащаго; сюда входятъ также негочанты, отставные офицеры на пенсіи, или помѣщики, наконецъ Португальцы, которые въ Батавіи, какъ и во всей Индіи, составляютъ поколѣніе мулатовъ, гораздо болѣе смуглое, нежели Малайцы, и употребляющее нарѣчіе почти непонятное.

Батавія въ нынѣшнемъ состояніи заключаетъ множество замѣчательныхъ общественныхъ зданій. Въ прежнемъ городѣ уцѣлели также нѣсколько строеній, доказывающихъ первоначальное его великолѣпіе. Таковы между прочимъ, таможня, морскіе магазины, прекрасныя и хорошо сохранившіеся двухъэтажныя строенія; даже за воротами превосходные ломбонги (деревянные амбары) для складки кофе послѣ сбора.

Отъ стараго замка, сломаннаго при генералѣ Дендельсѣ, осталась одна дверь стороны города. По архитектурѣ городской думы, хотя красивой и благородной, можно узнать эпоху, въ которую это зданіе было выстроено. Центральное зданіе состоитъ изъ двухъ залъ, которыя были занимаемы уголовнымъ и гражданскимъ судомъ, сиротскимъ домомъ и казначействомъ. Нынѣ различныя

управленія переведены въ Вельтевреденъ. Оба флигеля этого зданія до 1827 года служили вмѣсто тюрьмы; но съ тѣхъ поръ, надо полагать, они также заняты были присутственными мѣстами.

Во внутренности старой Батавіи осталась одна только церковь, между городскою думою и дверьми стараго замка. Этотъ Лютеранскій храмъ обширенъ и хорошо выстроенъ; онъ не обезобразилъ бы и Европейскаго города. Единственная реформатская церковь, есть прежняя церковь Вуйтенкергскаго предместья; зданіе старое и непрочное, но во внутренности простое и весьма красивое; Католическая же церковь, напротивъ того, мала и бѣдна.

Пыль въ Батавіи есть одинъ только военный госпиталь для Европейцевъ въ Вельтевреденѣ, очень хорошо устроенный; городскіе больные пользуются здѣсь вмѣстѣ съ гарнизонными. Для бѣдныхъ Китайцевъ и Малайцевъ есть другой госпиталь за Утрехтскими воротами. Кромѣ палатъ для обыкновенныхъ больныхъ, находится отдѣленіе для прокаженныхъ, и другое для сумасшедшихъ. Это обширное заведеніе можетъ содержать отъ 200 до 300 человекъ. *Стандъ-Вербандъ* есть второкласный госпиталь, куда принимаютъ раненыхъ, только на время. Ихъ перевязываютъ и отсылаютъ въ семейства. Это учрежденіе, исполненіемъ коего обязаны барону Фанъ-деръ-Капелену, вынуждено было важными происшествіями, почти ежедневными въ улицахъ Батавіи, и потому основаніе обширнаго мѣста, назначеннаго для непредвидимыхъ несчастій, сдѣлалось выполненіемъ потребности существенно важной. Одно изъ прекрасныхъ зданій города есть домъ, занимаемый обществомъ Нидерландской торговли; онъ возвышается въ прежепей городской чертѣ набережной рѣки. Недалеко находится биржа, небольшое строеніе съ открытою колоннадою, простое и безъ всякихъ украшеній, хотя недавно построенное. Но все эти строенія превосходятъ обширное и великолѣпное зданіе, сооруженное генераломъ Дендельсомъ на изгибѣ Рижзвизкекаго и Моолсфлитскаго каналовъ. Это истинно царское зданіе называется Гармоніа. Это храмъ удовольствій частной жизни, назначенный для концертовъ, которые даются по подпискѣ и для губернаторскихъ баловъ; здѣшнія залы служатъ также мѣстомъ соединенія гражданъ и зажиточныхъ воен-

ныхъ, которые собираются разговаривать, играть на биліардѣ или читать газеты. Строеніе состоитъ изъ четырехъ большихъ смежныхъ залъ; въ каждой можетъ помѣститься до 400 особъ. Въ торжественные дни, когда Европейское общество Батавіи собирается при блескѣ тысячъ свѣчей, залы представляютъ очаровательный видъ. Подлѣ Гармоніи находится зданіе, определенное наукамъ и художествамъ. Этимъ Батавія также обязана генералу Дендельсу. Общество наукъ и художествъ въ Батавіи оказало уже нѣкоторую пользу ученому свѣту. Поощряемое въ занятіяхъ своихъ губернаторами, которые сами были членами этого общества, оно рѣшило много задачъ, и къ общей суммѣ человѣческихъ познаній присоединило свою лепту. Библіотека общества богата драгоценными и рѣдкими твореніями.

Въ Батавіи есть также театръ, мало замѣчательный какъ строеніе; любители отъ времени до времени даютъ здѣсь представленія для отдохновенія публики, составленной изъ пріятелей и короткихъ знакомыхъ.

Генералъ-губернаторы во время пребыванія въ Батавіи, занимаютъ большой, красивый, частный домъ, въ Рижзвизкѣ, въ самой здоровой и любимой части Батавіи. Жилище это, слишкомъ маленькое и скромное, будетъ замѣнено новымъ дворцомъ въ Вельтевреденѣ. Дворецъ, начатый постройкою при генералѣ Дендельсѣ, и прерванный нѣсколько разъ за недостаткомъ денегъ, недавно только что оконченъ. Въ него перевели всѣ гражданскія и военныя присутственныя мѣста Батавіи, уступивъ частнымъ людямъ дома, которые прежде были заняты различными служебными мѣстами.

Многочисленные базары или рынки въ положенные дни, учреждены въ Батавіи и ея окрестностяхъ. Многіе изъ нихъ бывъ первоначально открыты въ извѣстное время, мало по малу превратились во всенедельные рынки, благодаря Китайцамъ, которые въ званіи купцовъ неизмѣнно дѣлательны и настойчивы. Между базарами замѣчательны рыбный рядъ, у входа въ городъ; базаръ Лимъ-топганъ въ Китайской части; базаръ Борунгъ, изъ котораго правительство хотѣло сдѣлать проходной рынокъ, какъ въ Европѣ, куда бы жители Бантама могли приносить свои холсты, глиняную посуду, цыновки и известъ, добываемую въ этой области; базаръ Тапабонъ, старый и новый Вельтевреденскіе ба-

зары; наконецъ здѣсь есть еще тринадцать другихъ базаровъ, или ярмарокъ, учрежденные на нѣсколькихъ лигахъ разстоянія около столицы, и нѣкоторые другіе въ Буйген-зооргской резиденціи.

Торговля Батавіи двоякая: одна сосредоточенна въ рукахъ общества Нидерландской торговли, другая раздѣлена между множествомъ первоклассныхъ и второклассныхъ Голландскихъ, Англійскихъ и Американскихъ домовъ. Общество Нидерландской торговли состоитъ изъ скопленія частныхъ капиталовъ, которымъ правительство дало родъ привилегій, по видимому, не слишкомъ тягостной. Первоначальныя послѣдствія этого учрежденія были счастливы; они будутъ еще усиливше, если господствующая мысль не склонилась бы къ несправедливому исключенію для выгодъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Весьма понятно, что соединеніе капиталовъ должно быть полезно, когда оно умѣрится дѣятельною конкуренціею. Тогда это уже не монополия, но просто соединеніе средствъ, экономія времени, трудовъ и издержекъ; это сосредоточеніе силъ, которыя расточились бы порознь. Благодаря вспоможеніямъ членовъ общества, открыты были новыя источники и пути для торговыхъ сношеній, и торговля раздвинула кругъ своей дѣятельности. Торговые дома Батавіи не только не пострадали отъ первенства компаній, но еще приобрѣли вѣрнѣйшіе и выгоднѣйшіе способы для сбыта товаровъ, увеличеніе на нихъ таксы и распространеніе оборотовъ. Не смотря на это сильное соперничество, въ Батавіи считали въ 1827 году шестнадцать Голландскихъ торговыхъ домовъ, шесть Англійскихъ и одинъ Американскій. Изъ этого числа десять домовъ занимаются торговлею изъ вторыхъ только рукъ.

Купеческій флотъ Батавіи состоитъ изъ сорока трехъ судовъ и одного парохода; изъ этихъ кораблей семь поднимаютъ болѣе нежели по сту тоннъ. Привозные товары состоятъ изъ предметовъ Европейскихъ мануфактуръ, изъ тканей, роскошныхъ и самыхъ необходимыхъ для употребленія, изъ дорогихъ оружій, суконовъ, щепетильныхъ и желѣзныхъ товаровъ, шелковыхъ издѣлій Европейской, Китайской, Индійской и Малайской торговли; матерій различнаго рода и всякихъ цѣнъ; также изъ съѣстныхъ припасовъ и произведеній, несвойственныхъ грунту земли Явы, какъ то, вино и водки Фран-

цузскія и Испанскія, Китайскій чай, Индійскій и Малайскій рисъ. Въ замѣтъ этихъ предметовъ, Ява снабжаетъ Азію и Европу сахаромъ, кофе, рисомъ, табакомъ, катжангомъ, Турецкимъ шпеномъ, хлопчатой бумагой; она отправляетъ даже индиго; наконецъ множествомъ произведеній мѣстной промышленности, довольно усовершенствованной.

Между промышленными заведеніями должно упомянуть о заводахъ, на которыхъ изготовляютъ аракъ, о заводахъ кирпичныхъ, и для обжиганія извести, о кожевенныхъ фабрикахъ. Заводовъ, гдѣ гонятъ аракъ, не болѣе осьми; они изготовляютъ ежегодно 1200 боченковъ этой водки, которой Китайцы употребляютъ весьма много, хотя съ умѣренностью. Для выдѣлыванія этого спиртуознаго напитка употребляютъ рисъ, сахарный сиропъ, туакъ и смѣсь называемую нека, изъ корицы, анису, чесноку и рису. Кирпичныхъ заводовъ тоже восемь; они наиболѣе процвѣтали въ то время, какъ воздвигали новый городъ по планамъ генералъ-губернатора Дендельса. Китайскіе работники занимаются въ четырехъ кожевняхъ. Красильни также въ рукахъ неважныхъ туземныхъ фабрикантовъ, которые ткуть и красятъ матеріи въ деревняхъ. Женщины обыкновенно занимаются этою работою. Вещества, употребляемые ими для крашенія, состоятъ болѣею частью изъ индиго, манкудуваго корня, изъ семянъ *Bixa orellana*, изъ семянъ хлопчатника, изъ корней желтняка или куркума, изъ пибиря и катжанговаго масла. Чтобы окрасить матерію, ее погружаютъ и окунаютъ нѣсколько разъ въ кубы, наполненные растворомъ. Для тканей съ узорами покрываютъ растопленнымъ воскомъ тѣ мѣста матеріи, которые должны остаться неокрашенными или свѣтлыми, и погружаютъ потомъ куски въ жидкую краску. Выдѣлываютъ также платки, и саронги, (Индійскіе передники, весьма тонко тканые и окрашенные въ яркіе и разнообразныя цвѣта).

Другія промышленности, какъ то салотопни и фабрики глиняныхъ издѣлій находятся въ довольно цвѣтущемъ состояніи; карточные фабрики, также занимаютъ много рукъ; игры картъ этихъ, какъ у Китайцевъ составлены всегда изъ двухъ десятковъ. Другія рукодѣлія производятся, какъ въ Европѣ, мастерами, которые подѣлываютъ своимъ имѣютъ подмастерьевъ и работниковъ. Въ Батавіи находятся плот-

ники, столяры, каменщики, кузнецы, слесари, мѣдники, жестяники, маляры, каретники, сѣдельники, башмачники, булочники, и проч. Почти всѣми ремеслами занимаются съ особеннымъ искусствомъ Китайцы или Малайцы. Весьма немногіе изъ Европейцевъ захотѣли бы и могли бы оспорить у нихъ первенство. Знойность климата, чрезвычайная разниа въ задѣльной платѣ, все удаляетъ ремесленниковъ нашихъ изъ Азіатскихъ колоній. Они никакъ не могли бы поддерживать соперничество цѣны своихъ съ туземными рукодѣльями; такимъ образомъ во всѣхъ этихъ отдаленныхъ владѣніяхъ вѣчно будетъ не доставать того *средняго* класса людей, который усиливаетъ и упрочиваетъ связь общества. Нѣсколько Европейцевъ, поселенныхъ съ тысячами Китайцевъ и Малайцевъ, никогда не создадутъ въ Явѣ народа Европейскаго, между тѣмъ какъ колонія Новой Голландіи, гдѣ находится разрядъ людей работающій, дѣятельный, почти богатый, занимающійся всѣми возможными оборотами, и пользующійся покровительствомъ, можетъ еще осуществиться, и разрытый задачей переселенія просвѣщенія.

Жизнь въ Батавіи есть жизнь довольства и роскоши. Европейцы первые подали примѣръ; у нихъ съ самаго начала завоеванія явились пышная мебель, богато убранные дома, многочисленная прислуга, золотая и серебряная посуда, экипажи, лошади и стаи собакъ. Увлеченные примѣромъ, Явайцы и Малайцы въ свою очередь захотѣли имѣть богатую одежду, драгоценные уборы и дорогія ткани; они стали проводить жизнь на балахъ и празднествахъ, какъ будто бы каждый изъ нихъ владѣлъ сокровищами Индійскаго раджы. Китайцы также, хотя и гораздо умереннѣе, предались пышности своего рода: они ввели у себя роскошь во внутреннемъ устройствѣ, великолѣпіе въ годовыхъ празднествахъ, при свадьбахъ и похоронахъ. Обыкновенно бережливые и экономные, они въ эти дни расточаютъ огромныя суммы, особливо когда наступаетъ новый годъ и сопровождающій его обрядъ гань-боме. Что касается до Аравитянъ и Мавровъ, они предпочитаютъ всему прочія и дѣйствительныя богатства; роскошь ихъ состоитъ въ обладаніи драгоценными камнями, золотыми и серебряными сосудами и въ брилліантахъ, которыми украшаются ихъ жены.

Генераль-губернаторы всегда болѣе способствовали, нежели препятствовали развитію роскоши, которая въ то же время есть легкій и мирный способъ къ просвѣщенію; посреди образованности, такъ сказать, матеріальной, начальникъ не забывалъ, что умъ требуетъ также образованія, чтобы поддерживаться на одной ступени съ жизнью физическою, въ этомъ отношеніи весьма пріятною; нѣсколько первоначальныхъ училищъ учреждены были въ Батавіи. Главное изъ нихъ, куда Европейцы посылаютъ дѣтей своихъ, основано въ 1817 году въ Вельтевреденѣ, въ самой здоровой части города; это заведеніе можетъ равняться съ лучшими нашими учебными учрежденіями. Въ послѣдствіи основана была вспомогательная школа, куда ходятъ дѣти сословія, называемаго Португальскимъ, къ которымъ присоединяются нѣсколько молодыхъ Малайцевъ и Китайцевъ. Вспомогательная школа есть разсадникъ чиновниковъ Голландскихъ канцелярій. Тамъ образуются писцы и служки, отправляющіе главную работу. Къ этимъ двумъ заведеніямъ, которыя уже принесли очевидную пользу, прибавили еще, въ 1824, пансіонъ молодыхъ дѣвцъ, управляемый наставницами, выписанными изъ Европы на счетъ Батавской казны. Но около 1826 года, пансіонъ былъ уничтоженъ, потому ли что число воспитанницъ не было достаточно для поддержанія его, или, можетъ быть, отъ того, что наставницы, еще въ цвѣтъ лѣтъ и во всемъ блескѣ красоты, предпочли выгодное замужество удовольствію образовывать воспитанницъ.

Воспитаніе туземнаго юношества вѣрнее болѣею частію Магометанскимъ священникамъ, отправляющимъ богослуженіе въ различныхъ мечетяхъ. Мы увидимъ позже, что такое эти священники, и какое вліяніе имѣютъ они на народъ. Они раздѣлены на нѣсколько разрядовъ, различаемыхъ названіями имамовъ, катиховъ и хитамовъ. Начальникъ имамовъ носитъ титулъ пангулу. Получая плату отъ правительства, онъ исполняетъ всенародно обязанности *приландъ-раадъ* и въ другихъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ въ присутствіи его присягаютъ Магометанскіе свидѣтели. Мечетей, гдѣ отправляютъ эти священники службу, семнадцать; каждая изъ нихъ находится подъ начальствомъ особы, соответствующей ея важности. Доходы духовенства не слишкомъ значитель-

ны; они состоятъ изъ произведеній земель, приписанныхъ къ мечетямъ, изъ пожертвованій, приносимыхъ во время жатвы, или при наступленіи большихъ праздниковъ, наконецъ изъ случайной прибыли отъ свадебъ, погребеній и другихъ торжественныхъ духовныхъ обрядовъ.

Вотъ поверхностное описаніе Батавіи, города, въ которомъ меня ожидало самое радушногостепріимство. Въ числѣ писемъ, давно мною забытыхъ въ бумажникѣ, нашлось одно отъ Вильмота изъ Калькутты, адресованное одному изъ лучшихъ домовъ Явайской столицы. Рекомендательныя письма, столь обыкновенныя въ Европѣ, доставляющія едва ли какое вниманіе или приглашеніе на обѣдъ, имѣютъ здѣсь истинную цѣну. Лишь только я вручилъ эти нѣсколько строкъ, какъ сдѣлался уже жильцомъ Г. Перкуса; волею или неволею, надо было принять предложенную мнѣ квартиру. Не буду описывать вниманія, заботъ и попеченій, оказанныхъ мнѣ въ кругу этого семейства. Въ продолженіе немногихъ дней, проведенныхъ мною въ Батавіи, я жилъ какъ богатый тамошній гражданинъ; меня возили съ праздника на праздникъ, съ бала на балъ, съ одного пира на другой. Въ распоряженіе мое дали четырехъ прислужниковъ, паланкинъ, карету, двѣ упряжки и двѣ верховыя лошади. Со всѣхъ сторонъ меня осыпали приглашеніями главнѣйшія лица правительства и зажиточные арматоры. Въ собраніяхъ царствовала Азіятская роскошь; ароматы, изысканныя кушанья, тысяча разнчнаго рода прохладительныхъ яствъ и напитки, составляли угощенія, сопровождаемыя царскимъ изобиліемъ и расточительностью. Всѣ старались превзойти другъ друга въ роскоши; никто не хотѣлъ отстать отъ соседей своихъ.

Послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ тягостной крейсеровкѣ, среди морей Океанія; находясь еще подъ впечатлѣніемъ ужасныхъ явленій канибализма, и помня живо дѣйствующія лица, которыхъ я самъ видѣлъ, можно представить, былъ ли я изумленъ этою Азіатскою пышностію, этими Европейскими правами? Въ продолженіе цѣлой недѣли я предавался имъ съ увлеченіемъ, которое нетрудно постигнуть. Мнѣ казалось, что я опять нашелъ Францію, съ ея веселыми и кроткими обычаями, съ ея веселымъ и остроумнымъ обществомъ; я терлся въ забвеніи и былъ уже неспособенъ къ наблюденіямъ.

Прогративъ нѣсколькихъ дней въ нѣтъ, я вспомнилъ наконецъ, что нахожусь въ Малайской странѣ, куда прибылъ вовсе не для того, чтобы видѣть богатыхъ, благородныхъ арматоровъ и молодыхъ красавицъ креоловъ. Тогда я старался удалиться отъ Европейскаго общества Батавіи, чтобы наблюдать туземцевъ. Мысль мою поняли и способствовали приведенію ея въ исполненіе, устроивъ нѣсколько потѣзокъ въ окрестности города и въ смежныя округа.

Первая потѣзка имѣла цѣлію посѣщеніе одного изъ могущественнѣйшихъ окрестныхъ старшинъ. Онъ жилъ въ великолѣпной резиденціи, на берегу ручейка, къ жилищу вела открытая колоннада, составлявшая галерею, свободно освѣжаемую дуновѣніемъ вѣтра. Старшина былъ человѣкъ еще молодой, знатной фамиліи, весьма уважаемой въ странѣ. Одежда его состояла изъ жарита изъ Индійской матеріи, гораздо полнѣе саронга, или обыкновенной юбки. Сверхъ жарита онъ носилъ шелковый сабукъ, довольно похожій на камзолъ. Отправляясь съ нами гулять, онъ надѣлъ бархатный тикопанъ, обшитый кружевами и похожій на полукафтаны, который носилъ лѣтъ сто тому назадъ. Изъ подъ тикопана былъ виднѣсь бѣлый жилетъ, застѣгнутый до воротника и застилющій рубаху Европейцевъ. Головной уборъ состоялъ изъ широкаго куска сукна или бархата, обернутаго вокругъ головы въ родѣ жокейскихъ каскетокъ. (Рис. LIII. Ф. 2).

Этотъ старшина, съ которымъ домъ Перкуса былъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, принималъ насъ какъ нельзя лучше. Гостепріимство его имѣло нѣкоторую важность и достоинство, который придавали ему еще болѣе цѣны. Онъ показалъ намъ со всеми подробностями богатое свое жилище, прекрасныя пашни, плантаціи кофе, содержимыя какъ сады, поля сахарнаго тростника и для опыта разсаженный индиго. Владѣніе нашего новаго пріятеля, раджи оцѣнили не менѣе какъ въ 200,000 піастровъ.

Вторая потѣзка моя имѣла цѣлію посѣщеніе Буйтензоорга. Губернаторъ въ то время объѣзжалъ соседніе уѣзды; но другіе военные начальники приняли насъ въ резиденціи. Дорога отъ Батавіи къ Буйтензооргу, нѣкогда пролегавшая чрезъ пустынные поля, нынѣ составляетъ длинную аллею, обстроенную по обѣимъ сторонамъ домами; ее можно принять за предметъ большаго

города. Дорога оканчивается замкомъ, украшеннымъ великолѣпнымъ фасадомъ; до него не болѣе двухъ часовъ ѣзды. Строеіе состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ флигелей. Центральное зданіе покрыто острокопечнымъ куполомъ и обнесено кругомъ галлереею съ колоннами. (Рис. LIV. ф. 1). Многія другія строенія присоединены къ главному зданію. Однѣ служатъ казармами, другія квартирами прислуги губернатора, который живетъ какъ принцъ. Новый дворецъ существуетъ только съ 1816 года, въ которомъ перестроили многія части его и расположили ихъ съ большимъ порядкомъ и симметриею. Старые и некрсивые сады превращены въ Англійскіе; воспользовавшись изобиліемъ воды въ долину, ихъ обратили въ водометы и каскады. Къ этимъ наружнымъ улучшеніямъ Фанъ-деръ Капелленъ присоединилъ вскорѣ полезный нововведеніи. Онъ учредилъ въ Буйтензооргѣ ботаническій садъ и вручилъ управленіе имъ ученому Рейнварту (Reinwardt, место котораго заступилъ въ послѣдствіи докторъ Влугъ. Здѣсь, съ большими издержками соединены не только растенія обильной Явайской почвы, но и множество растеній Молуккскихъ, Бенгальскихъ, изъ Бразиліи, Китая, Японіи и Австраліи.

Мы разсмотрѣли одинъ изъ другіхъ эти удивительные предметы, дворецъ съ великолѣпными его пріемными залами, ботаническій садъ, пруды, водометы, паркъ, роіи, сады съ апельсиновыми деревьями, и долины, пересѣкаемыя тысячами ручейковъ. Это зрѣлище посреди Явайскихъ земель было поистинѣ разительное; противоположности казались еще ярче, отъ характера Азіатскаго мѣстоположенія, отъ неровностей грунта и маленькихъ Малайскихъ домиковъ, разсыпанныхъ въ окрестностяхъ большаго зданія (Рис. LIV. ф. 1).

Прежде присоединенія Буйтензооргской резиденціи вмѣстѣ съ Кравангскою къ Батавской, она составляла пять округовъ: собственно Буйтензооргскій и четыре другихъ, именно: Наронгъ, Яссинга, Тжи-бингонгъ, и Тжи-барусса. Каждый изъ округовъ повиновался туземному начальнику; они завѣдывали полиціею и носили названія, въ первомъ, Анди-патта, а въ трехъ другихъ Демагговъ. Это самыя богатые изъ округовъ острова Явы; но доходовъ ихъ едва было бы достаточно для издержекъ по управленію, если бы правительство не прибѣгнуло къ налогу значительной цѣны на кофейный откупъ, который

приноситъ значительныя выгоды. Резиденція ежедневно уменьшается, и нынѣ, въ следствіе непрестанныхъ уступокъ земель въ собственность, состоитъ только изъ замка и нѣсколькихъ незначущихъ мѣстъ, между рѣками Тжиливонгъ и Тжидани, на разстояніи не болѣе полулиги одна отъ другой.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ мѣста, подвластныя Голландіи, я горѣлъ желаніемъ видѣть земли чисто Малайскія, гдѣ бы древніе туземныя нравы и обычаи не были еще измѣнены. Благопріятный для меня случай представился: прикащикъ одного изъ Голландскихъ домовъ, молодой человѣкъ, Питеръ, долженъ былъ ѣхать въ Бантамъ, для надзора за большою закупкою риса, который надо было отплатить въ Анжеръ, одинъ изъ соседнихъ портовъ. Я сдѣлалъ спутникомъ Питера.

Мы выѣхали изъ Батавіи 19 Октября, въ прекрасной коляскѣ; и на другой день, перѣхавъ рѣку Тжиканди, обогащенную восхитительнымъ мѣстоположеніемъ окрестностей, мы выѣхали въ Церамъ, нынѣшнюю столицу государства Бантамскаго. Владѣнія Бантамскія раздѣлены на два регентства, сѣверное и южное; въ нихъ считаютъ до 983 *десса*, или селеній. Это одно изъ любопытнѣйшихъ частей Явы. Долгое время Бантамъ былъ независимъ отъ Батавской власти; но съ тѣхъ поръ, какъ генералъ-губернаторъ Дендельсъ оружіемъ покорилъ одного изъ тамошнихъ султановъ, безпокоившихъ нападеніями соседніе округи, Бантамъ былъ почти присоединенъ къ округамъ Батавіи. Церамъ, лежащій во внутренней части земель, есть красивый городъ, довольно населенный и хорошо выстроенный. Домъ резидента, у котораго мы остановились, расположенъ противъ Далама, туземнаго правителя. Это жилище красиво и удобно; возлѣ него находится домъ секретаря резиденціи, нѣсколько другихъ Европейскихъ строеній, гаубъ-вахта и казармы для гарнизона.

Въ Церамѣ я видѣлъ Малайцевъ въ ихъ отдѣліяхъ, съ ихъ народными нравами и обычаями. Въ окрестныхъ селеніяхъ я замѣтилъ множество мужчинъ и женщинъ простаго народа, совершенно различно одѣтыхъ. Самая обыкновенная одежда состояла, у мужчинъ изъ большаго саронга, родъ юбки изъ матеріи съ цвѣтами; сверху надѣваютъ коламби, платье съ короткими рукавами; одежда женщинъ состоитъ изъ клѣтчатоі юбки и спенсера, который стягиваетъ верхнюю часть тѣ-

ла. На головѣ мужчины носятъ платокъ, свернутый въ видѣ чалмы; у всѣхъ за поясомъ воткнутъ кинжалъ. У женщинъ волосы подплеты на макушку головы, а въ уши продѣты длинныя подвески; и женщины и мужчины ходятъ босые (Рис. LIV. ф. 2).

Въ высшихъ классахъ одежда измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, времени, мѣсту и обязанностямъ каждаго. Сановники, окружающіе султановъ, употребляютъ нарядъ придворный и военный. Придворное одѣяніе требуетъ, чтобы плеча, руки и вестуловнище были открыты; при немъ позволено носить только одинъ кинжалъ, на правой сторонѣ, и другое острое оружіе на лѣвой; это послѣднее, называемое *ведунгъ*, имѣетъ видъ ножа и составляетъ оружіе почти символическое, означающее, что тотъ, кто носитъ его, готовъ рѣзать траву и деревья по приказанію своего государя. Необходимый уборъ головы при одѣждѣ придворной есть *кулукъ* (*kuluk*); бѣлая шелковая или бархатная шапка, шитая золотомъ, въ подражаніе Арабамъ, введенная въ Яву султаномъ Малапгономъ. Всѣ открытыя части тѣла патерты пудрою, бѣловатою или блестящаго желтаго цвѣта. Самъ султанъ обязанъ строго держаться этого форменнаго наряда (Рис. LV. ф. 1. и 2). Военный нарядъ еще многосложнѣе. Онъ требуетъ непременно три кинжала: первый долженъ быть пріобрѣтенъ тѣмъ, кто его носитъ; другой оставленъ предками; третій есть даръ отъ женныхъ родителей. Два изъ нихъ заткнуты по обѣимъ сторонамъ кушака; третій носится сзади. На лѣвомъ боку виситъ на поясѣ шпага. Остальное одѣяніе состоитъ изъ панталонъ, называемыхъ *шелана*, изъ полосатаго камзола въ обтяжку, изъ бѣлаго жилета, застегнутой до горла, и наконецъ изъ большой бархатной шляпы, которая во время битвы, кажется, не должна приносить большой пользы. (Рис. LV. ф. 1. и 2). Между прочимъ заслуживаетъ вниманіе нарядъ жениховъ и невѣстъ, когда они идутъ въ храмъ, гдѣ имамъ долженъ благословить бракъ ихъ. Въ этомъ случаѣ высклаиваютъ все самое утонченнѣйшее въ Явайскомъ нарядѣ. Покрытый отъ пояса до пятъ великолѣпнымъ передникомъ, съ грудью и руками обнаженнымъ, по обвѣшаннымъ браслетамъ и золотымъ бляхамъ, съ головою, украшенною діадемою, изъ подъ которой падаютъ въ нѣсколько рядовъ бусы, женихъ идетъ впереди, тихо, спокойно и съ нѣкоторою важностью; за нимъ слѣ-

дуетъ невѣста, одѣтая, какъ и онъ, въ лучшіе наряды, съ полуоткрытою грудью и голыми руками, съ длиннымъ передникомъ, въ кавтанѣ начинающимся подъ мынками и поддерживаемымъ поясомъ; на головѣ ея, какъ и у жениха, діадема; на рукахъ золотыя бляхи и браслеты (Рис. LV. ф. 3. и 4).

Я видѣлъ эти одежды только мимоходомъ и какъ бы въ торопяхъ. Въ Церамѣ мы должны были остаться нѣсколько часовъ; но возвратясь въ Батавію, я имѣлъ по крайней мѣрѣ довольно точное и вѣрное понятіе о внутреннихъ странахъ; я выведенъ былъ изъ сферы идей, порожденныхъ зрѣніемъ этого обширнаго города, болѣе Европейскаго, нежели Малайскаго. Мое продолжительное странствіе не было еще окончено, и потому я долженъ былъ остерегаться пышной и изнѣженной жизни креоловъ. Суровыя моря, дикія страны, ожидали меня еще съ тысячами различныхъ испытаній! На другой же день по возвращеніи въ Церамъ, представился случай ѣхать въ Австралію; я простился съ моимъ хозяиномъ, который почти со слезами на глазахъ умолялъ меня снова не подвергать себя добровольно опасностямъ и довольствоваться первымъ путешествіемъ, столь уже разнообразнымъ и обширнымъ. Не внимая дружескимъ убѣжденіямъ, я рѣшился ѣхать съ капитаномъ Новеллемъ на *Кангуроо*, который долженъ былъ отплыть 23 Октября, прибыть въ Сурабайю съ восточной стороны Явы и застѣнись тамъ жизненными припасами, чтобы отправиться въ Новую Голландію.

Планъ этотъ ничѣмъ не былъ разстроенъ. 23 Октября съ разсвѣтомъ мы вышли съ большаго рейда, и съ помощію попутнаго береговаго вѣтра плыли вдоль сѣверной части Явайскаго берега. При хорошей погодѣ, благоприятномъ вѣтрѣ и придерживаясь берега, намъ достаточно было трехъ дней для этого переезда, которому обыкновенно противятся восточные вѣтры. Мы обогнули, въ близкомъ разстояніи, мысы Бантаманъ и Бонангъ, образующіе оконечности полуострова Жапары; потомъ на выпинѣ мыса Панка, вошли въ проливъ, отдѣляющій островъ Мадюрѣ отъ материка. Въ возвышенности этого острова, покрытаго чрезвычайно изобильною растительностью, открылся намъ въ одно время. Мы могли различить плантаціи Херибонскаго и Жепарскаго кофе, стелющіяся у подошвы внутренней гѣбы. На всемъ берегу выказывались изъ-за зелени деревъ множество се-

лений, съ домиками, выстроенными изъ бамбука и Индійскаго тростника. За полуостровомъ Жапара воздвиганіе земли, казалось; измѣнилось. Видно было менѣе кофе, но болѣе рисовыхъ полей. Кофейныя поля появились потомъ въ Сурабайскомъ округѣ, тогда какъ на островѣ Мадюрѣ болѣе встрѣчались рисовыя.

Кангуроо, обогнувъ оконечность Панка, вошла въ проливъ шириною, тогда, въ пять лигъ; множество Явайскихъ лодокъ, спертыхъ въ томъ мѣстѣ, играли вокругъ нашего судна своими веслами и трехъугольными парусами. Мы обогнули мысъ Орангскій, самое узкое мѣсто во всемъ проѣздѣ; здѣсь на берегу выстроено главное укрѣпленіе. По обѣимъ сторонамъ лежатъ прелестныя деревушки, отъ которыхъ отделились нѣсколько челноковъ. Нашъ *Кангуроо*, судно небольшого размѣра и легкое на ходу, скользнуло среди этихъ тинистыхъ проходовъ, и тогда передъ нимъ открылся рейдъ Гриссе, одна изъ знаменитѣйшихъ гаваней на Явѣ, для починки каравелъ; мы положили якорь 26 Октября передъ резиденціею Сурабайскою.

Сурабайя, послѣ Батавіи наиболѣе обязана генераль-губернатору Дендельсу. Здѣсь находятся: морской арсеналъ, широкія прочныя набережныя по берегамъ рѣки Кедири, которая протекаетъ черезъ городъ, длинныя плотины, предохраняющія устье сл отъ скопленія тины, монетный дворъ, каравельныя верфи, литейная, и наконецъ губернаторскій дворецъ.

Эти зданія, выстроенныя за городомъ, соединены съ нимъ широкими и длинными улицами, застроенными по сторонамъ каменными домами съ наружными галлерейми. Береговая часть, не столь красивая и здоровая, большую часть года бываетъ затоплена. Сурабайя обязана генералу Дендельсу превосходною дорогою, проведенною до Самаранга чрезъ болота и горы, и соединяющеюся въ Батавіи съ прежнею Самарангскою дорогою.

Кангуроо, не могло долго оставаться въ Сурабайѣ, и потому я долженъ былъ наскоро собрать свѣдѣнія, которые могли бы по крайней мѣрѣ руководить въ послѣдствіи для обсужденія точнѣйшихъ наблюденій. Сойдя съ капитаномъ на одну изъ дамбъ, выступающихъ при входѣ въ гавань, мы были осмотрѣны таможенными приставами, единственными владѣльцами этого мѣста, по ту сторону

котораго начинаются Европейскіе дома. Городъ, при первомъ на него взглядѣ представлялъ былыя стѣны, крыши съ террасами и красивыя крытыя галлерей, съ колоннами на противоположной сторонѣ таможни; надъ рѣкою находится баттарей; ея заключаетъ предмѣстье. Далѣе слѣдуютъ верфи и кварталы; занимаемые Китайцами, чистые, шумные, одушевленные, какъ во всѣхъ городахъ, гдѣ эти кочующіе промышленники учреждаютъ свои торговыя палатки; еще далѣе, жилища креоловъ, красиво выстроенныя и хорошо населенныя; наконецъ двухъэтажный домъ резидента, обозначенный флагомъ, и отражающійся въ рѣкѣ. (Рис. LVI. фиг. 1 и 2). Въ домѣ резидента собирается самое лучшее общество города, состоящее изъ небольшого числа креольскихъ и Европейскихъ семействъ. Здѣсь весьма мало женщинъ, говорящихъ на какомъ либо другомъ языкѣ, кромѣ Малайскаго. Многія изъ нихъ красивы; лица ихъ не лишены выразительности, а обращеніе исполнено особенной пріятности и доброжелательности. При наступленіи вечера, все это общество собирается въ обширныхъ и красивыхъ залахъ, освѣщенныхъ лампами съ стеклянными капками; залы со всѣхъ сторонъ открыты, такъ, что прохожій можетъ нѣкоторымъ образомъ участвовать въ обществѣ, въ его заботахъ, почти въ его разговорахъ.

Народонаселеніе Сурабайи состоитъ, какъ и въ Батавіи, изъ Малайцевъ и Китайцевъ. Жители соседняго острова Мадюре, которые составляютъ между Явайцами особый типъ, также посѣщаютъ Сурабай. *Кангуроо* не могъ оставаться болѣе сутокъ, и потому я не успѣлъ побывать на этомъ островѣ, часть котораго видна съ рейды Сурабайской. Тамъ, я бы могъ ознакомиться съ обычаями, правами, политическимъ устройствомъ народа; который находится въ весьма слабой зависимости отъ Голландцевъ, я могъ бы, подобно офицерамъ *Фавориты*, находившейся подъ начальствомъ капитана Лапласа, участвовать въ празднествахъ, садиться на пирахъ маленькихъ владыкъ того крал и наблюдать ихъ въ ихъ странной и пышной жизни.

Простоявъ на якорѣ, нѣсколько дней на рейдѣ въ Сурабай, *Фаворита* получила отъ султана Банкалангскаго, одного изъ трехъ султановъ Мадюрескихъ, приглашеніе столь убѣдительное, что командиръ почелъ нужнымъ не отказать отъ него для себя и нѣсколькихъ офицеровъ корабля. Мы прибыли

къ берегу, гдѣ сынъ султана ожидалъ Французовъ. Послѣ чаю и Китайскихъ лакомствъ, сѣли въ двѣ коляски, долженствовавшія везти путешественниковъ въ Банкалангъ, столицу властителя. Сынъ этого государя, переводчикъ иностранцевъ; высокій молодой человекъ, бронзоваго цвѣта, командовалъ Мадюрейскими войсками въ службѣ Голландцевъ; въ знакъ отличія своего достоинства, онъ носилъ офицерскій мундиръ начальника Голландской кавалеріи. Одежда была бы даже къ лицу этому Мадюрейскому воину, если бы онъ не вздумалъ оставить на головѣ турбанъ изъ красной и бѣлой тканей, подъ форменной шляпою.

Первый представившійся намъ видъ не могъ дать слишкомъ выгоднаго понятія о землѣ, которую мы посѣщали. Здѣсь не было уже свѣжей и блестящей растительности Сурабайскихъ равнинъ; напротивъ, повсюду являлись поля, разсѣвшіяся отъ солнечнаго зноя, деревья недоросшія, жатвы скудныя и невѣрныя; въ Мадюре нѣтъ воды, а вода подъ тропиками, есть благодѣаніе, котораго ничѣмъ нельзя замѣнить: отъ того то доходы султана состоятъ менѣе въ сборѣ произведеній земли, нежели въ сборѣ соли, довольно впрочемъ прибыльнымъ, несмотря на Голландскую монополію; главную же статью богатства составляетъ чрезвычайное изобиліе гнѣздъ Китайскихъ ласточекъ (салапановъ), устилающихъ круглыя и изгибистыя утесы стѣннаго берега.

По дорогѣ, мѣстами, расположены Мадюрскія селенія; каждое жилище обнесено заборомъ изъ плетенаго тростнику и походить на небольшой островъ.

Въ три часа, не болѣе, коляски прибыли въ Банкалангъ, ко дворцу султана, который принялъ иностранцевъ ласково и съ достоинствомъ; при немъ находился Голландскій резидентъ, служившій переводчикомъ командиру *Фавориты*. Дворецъ Султана занимаетъ цѣлую сторону самой обширной площади въ Банкалангѣ. Онъ имѣетъ выходъ на обширный дворъ, на которомъ выстроены казармы для Мадюрейской гвардіи, и по срединѣ котораго находится два прекрасныя дерева, живыя доказательства древности титула нынѣшняго властителя; они посажены рукою его предка съ большою церемоніею, въ тотъ самый день, когда его наименовали *бангъ-горамомъ*. На оконечности двора, находится дворецъ, пріятное на видъ, щегольское зда-

ніе, украшенное небольшими колоннами, за которыми расположена главная часть дома, составляющая обширную прямоугольную галерею, со всѣхъ сторонъ открытую. Этотъ огромный кіоскъ раздѣленъ на четыре прямыя части, двумя другими рядами колоннъ. Двѣ изъ этихъ залъ болѣе похожи на магазины, нежели на комнаты; такъ онѣ загромождены канделябрами, люстрами, часами и другими драгоценностями; двѣ другія служатъ столовыми залами. Вокругъ зданій, довольно страннаго архитектурою, было множество принадлежностей; зала для купанья, кухни, комнаты для женщинъ или прислуги, наконецъ зала съ музыкальными инструментами. Тамъ мы замѣтили инструменты однострунные, довольно похожіе на нашу скрипку; они состоятъ изъ кишки, натянутой на половинѣ большаго кокосоваго орѣха, впадина котораго покрыта очень тонкою кожей. На немъ играютъ смычкомъ съ слабо натянутыми волосами; близъ этихъ инструментовъ находились другіе, издававшіе еще ужаснѣйшіе звуки. Такъ на пр. гонгъ или джендеръ, составленный изъ восьми металлическихъ неравныхъ бляхъ, который подъ искусною пальчкою музыканта издавалъ звуки, соразмѣрные ихъ величинѣ; даже мы видѣли пустой деревянный ящикъ, въ которомъ висѣли одна возлѣ другой шесть мѣдныхъ вазъ различной величины. Музыкантъ, ударяя каждую изъ нихъ, извлекалъ звуки, подобныя гулу отъ ударенія въ мѣдный тазъ. Тамъ были также, музыкальный инструментъ съ побрякушками, большой барабанъ, гумъ-гумы и тамъ-тамы разнаго рода, подражающіе въ совершенствѣ грохоту громовыхъ ударовъ (Рис. LVII. ф. 1).

Лишь только Французы пріѣхали, султанъ поспѣшилъ устроить для нихъ нѣсколько увеселительныхъ зрѣлищъ. Первое состояло изъ воинской пантомимы, представленной красивыми мужчинами, богато одѣтыми и вооруженными пиками и *кинжалами*; они храбро приближались въ двѣ линіи; каждая состояла подъ предводительствомъ начальника. Красныя, золотомъ шитыя, повязки, бѣлый шарфъ, обвивавшій шею и упавшій на обнаженные плеча, разноцвѣтныя запятыя, за поясомъ котораго находились нѣсколько кинжаловъ, все это придавало особенно красивый видъ представленію. Пантомима изображала вонзовъ, идущихъ на встрѣчу непріятелю; движенія тѣла такъ естественно выражали намѣренія, что самые искусные актеры

могли бы у нихъ поучиться. За представленіемъ послѣдовалъ обѣдъ менѣе національный. Прислуга, столъ, вина, все было Европейское; большая часть гостей были въ Голландскихъ мундирахъ. Одинъ только султанъ былъ въ нарядѣ полу-Малайскомъ и полу-Батавскомъ. На немъ былъ камзолъ съ генеральскими эполетами, надѣтый сверхъ форменнаго жилета; грудь и шея были обнажены; вмѣсто панталонъ на немъ былъ занавъ, едва прекрывавшій его голыя и худыя ноги. Султанъ, мужчина лѣтъ 50; цвѣтъ лица его смуглый; носъ плоскій, огромный; ротъ вымаранный бетелемъ; зубы черные, испорченные; лобъ маленькой и выпуклой; скулы рѣзко выдающіяся; глаза маленькіе; желтые: но въ замѣтъ этихъ недостатковъ, онъ имѣлъ въ лицѣ нѣчто умное, веселое, даже привлекательное.

Властитель былъ въ особенности обходителенъ съ Французами. Онъ, казалось, придумывалъ всевозможныя средства, чтобы ихъ занять; старался однако же не пропустить ничего, чтобы могло дать имъ выгодное понятіе о его величинѣ и великолѣпіи. Послѣ обѣда началась безконечная и звонкая музыка и раздался несогласный, пронзительный хоръ женщинъ. Хористки, по большей части старыя и некрасивыя, были изъ числа обитательницъ гарема сладострастнаго султана. За концертомъ слѣдовали игры. Всѣ сѣли вокругъ стола и начали играть въ *Vingt-et-un*. Голландскіе агенты и Китайскіе колекторы оказались мастерами въ этой игрѣ. Наконецъ пышный ужинъ заключилъ празднества этого дня.

Слѣдующій день былъ также пріятно проведенъ. Съ восходомъ солнца, иностранцы пошли на небольшой пригорокъ, на вершинѣ котораго были гробницы владыкъ Банколанга, родъ ограды, гдѣ находились нѣсколько навѣсовъ, а подъ ними саркофаги. По виду этихъ памятниковъ, легко можно было угадать время ихъ основанія: такъ велика была разница между ними; одни отличались архитектурою, другіе матеріалами. Самые древніе были изъ кирпича, другіе, новѣйшіе, изъ грубо выработаннаго камня, другіе изъ бѣлаго мрамора или жилистаго гранита. Подъ однимъ изъ этихъ навѣсовъ находились гробницы древнихъ султановъ Мадюре, окруженныя множествомъ другихъ, отъ которыхъ онѣ отличались вышиною; почти все имѣютъ форму четырехсторонной уступенной

пирамиды; тѣ, которыя ниже, суть гробницы женъ и родственниковъ покойнаго султана.

Послѣ полудня, празднества усилились. Поощренный нѣсколькими подарками, довольно драгоценными, султанъ старался превзойти самого себя. Велѣвъ заложить въ ликолѣпный лондо, шестью лошадьми, въ Европейской эбруѣ, онъ хотѣлъ торжественно прокататься съ офицерами *Фавориты*. Экипажи выѣхали со двора при звукахъ разногласной музыки и дорогой встрѣчались съ толпою мужчинъ, дѣтей и женщинъ, съ распростертыми руками, въ почтеніи падавшихъ на колѣна (рис. LVIII. ф. 3.); далѣе стояли Мадюрскіе полки, вновь сформированные; старый султанъ смотрѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ.

Мадурейцы не только набожныя мусульмане, но фанатики; ежегодно миссіонеры, прибывающіе изъ Аравіи, возбуждаютъ усердіе этихъ поклонниковъ исламизма. Отъ различія характера самыхъ племенъ, или отъ образа богослуженія, они гораздо неустрашимѣ Явайцевъ, которые боялись и избѣгаютъ ихъ. Они худощавы и рѣдко высокаго роста; члены ихъ тощи, носъ плоскій, широкій, волосы жесткіе и курчавые, глаза черные, но не ясные, ротъ всегда вымаранъ бетелемъ, а зубы выкрашены чѣмъ то чернымъ. Они одѣты почти также, какъ и Явайцы; нарядъ ихъ состоитъ изъ пестраго запана, камзола съ рукавами, довольно широкаго турбана; каждый носитъ при бедрѣ кинжалъ. Они ходятъ босые. Мадуреецъ впрочемъ трезвъ, правдушечъ, неустрашимъ, вѣренъ своему слову; онъ набоженъ, постояненъ, любитъ пышность и вѣрить въ преданія. (рис. LVII, ф. 2).

Всечеру, офицеры *Фавориты* были приглашены на праздникъ къ сыну султана. Тамъ не было придворнаго этикета, и Мадюрскіе сановники явились въ простой одеждѣ. Жилище наследника престола выстроено по Европейски; галлерей съ колоннами, большія открытыя комнаты, дворъ, окруженный строениями для женщинъ, музыка такая же адская, какъ и у султана, хористки, такіе же дурныя и такіе же крпкуньи. За ужиномъ все было весело, провозглашали нѣсколько тостовъ, которые разгорячили головы собесѣдниковъ, и когда встали изъ-за стола, офицеры-корветы и Мадюрскіе начальники пустились танцовать съ балдерками гарема, которымъ поручено было увеселить гостей.

Вскорѣ явились танцоры въ Европейскихъ мундирахъ; молодые офицеры присоединились къ женщинамъ, и танцуя, составляли очень красивыя группы, держа въ рукахъ длинныя шарфы. Увлеченный ихъ примѣромъ и немного разгоряченный виномъ, добрый султанъ самъ началъ съ ними танцовать. Смѣшно было видѣть, когда этотъ маленькій старичекъ, некрасивый, худой, сгорбленный, съ цвѣтнымъ платкомъ на головѣ, безъ галстука и жилета, въ желтомъ запанѣ и кушакѣ, съ любовію обнималъ двухъ изъ своихъ одалыкъ, покачивая съ ловкостью тѣломъ и головою; когда онъ принималъ рукоплесканія зрителей, сѣрдился, если они утихали, и билъ своею рукою тѣхъ, кто не довольно усердно восхищался. Лишь только султанъ присоединился къ танцамъ, восторгъ сдѣлался общимъ. Все танцовали, Мадюрейцы, Голландцы, даже Китайскіе сборщики, которые съ комическимъ отвращеніемъ поддавались заманчивымъ зазывамъ разгоряченныхъ веселіемъ и пляскою танцорокъ.

Наконецъ праздникъ кончился великопѣнымъ театральнымъ представленіемъ; то было дѣтство искусства; зрителей тѣшили Китайскими тѣнями на натянутомъ полотнѣ. На другой день офицеры *Фавориты* возвратились на корветъ, гдѣ имѣли честь въ свою очередь угостить Мадюрескаго монарха.

Фаворита, передъ тѣмъ, чтобъ вступить въ предназначенный ей для круговѣтнаго плаванія путь, останавливалась у многихъ мѣстъ этого берега. Она бросала якорь въ Пасаруангъ, главнымъ мѣстъ резиденціи того же имени, находящемся въ открытомъ заливѣ на берегу Гумпангъ, маленькой рѣчки, по которой могутъ ходить однѣ только лодки. Пасаруангъ торгуетъ рисомъ, солью и Европейскими овощами, растущими на соседнихъ высотахъ. Потомъ *Фаворита* заходила въ Безуки въ 14 лигахъ отъ Пасаруанга, мѣсто, лежащее также при устьѣ небольшого потока Безуки, маленькой городокъ съ красивыми жилищами, между коими примѣчательны дома резидента Голландскаго, и туземнаго начальника. Населенная 400,000 жителей, Безуки есть самая большая резиденція острова Явы; однако однѣ только прибрежныя части обитаемы; нагорная часть служитъ убѣжищемъ чернымъ медвѣдямъ, кабанамъ и тиграмъ. Берега усажены красивыми селеніями; главный предметъ производительности состоитъ изъ плантацій кофе и рису.

Въ мѣстечкѣ Панаруканъ въ нѣсколькихъ лигахъ къ югу отъ Безуки, находятся самыя значительныя посты. Мѣстоположеніе прелестное; къ Безуки ведетъ красивая аллея, окруженная деревянными домами, покрытыми соломою. Офицеры *Фавориты* посетили другое мѣстечко Бадиканъ, находящееся во внутренности въ 10 миляхъ отъ Безуки и въ направленіи къ горамъ. Здѣсь много тигровъ. Въ части болѣе дикой находятся красивыя четвероногія; въ числѣ ихъ замѣчательны быки, которыхъ разводятъ стадами. Тамъ воспитываютъ дикихъ воловъ для цирка; однѣ изъ старшинъ Бодиканскихъ устроили для Французовъ такого рода представленіе.

Изъ Безуки, *Фаворита* направилась въ Суманапу, второе султанство въ Мадюре, лежащее на восточной оконечности острова. Заливъ Суманапа труденъ для доступа, по причинѣ подводныхъ камней. Вблизи берега Мадюре такая тина, что корветъ долженъ былъ остановиться на мѣстѣ глубиною въ 4 брасса, почти въ двухъ миляхъ отъ предмѣстья.

Султанъ Суманапы встрѣтилъ Французскаго начальника не такъ радушно, какъ султанъ Банколанга, но не менѣе гостепріимно. Дворецъ этого властителя ничѣмъ не отличается отъ дворца соседа его; но музыка его Европейская, а не Мадюрейская. Этотъ султанъ избранъ Голландцами, которымъ его храбрость была часто полезна. Въ время послѣдней войны онъ привелъ изъ Явы самыхъ отважныхъ союзниковъ. Онъ высокъ, тученъ, силенъ и смѣлъ; выраженіе его лица важное, но непріятное; глаза черные, живые; вообще онъ наружностію походитъ на Азіятскаго начальника. Суманапа, мѣстечко весьма незначущее, состоитъ изъ одного ряда каменныхъ и деревянныхъ домовъ, одна сторона которыхъ обращена къ морю, а другая въ сады. Во внутренности острова почва довольно неблагоприятна; она только послѣ большихъ успій, производитъ рисъ, манисъ и сахарный тростникъ. Суманапа можетъ быть скорѣе почтена военнымъ пунктомъ, нежели мѣстомъ доходнымъ и производительнымъ. Голландцы въ особенности поручили султану, начальствовавшему этимъ округомъ, наблюдать за безопасностью соседнихъ водъ и постоянно и дѣлательно истреблять прои морскихъ разбойниковъ, безпокоившихъ округи Бали и Ломбоки. Иногда пираты собирались значительными флотиліями, и вмѣсто того, чтобъ ожидать нападенія, смѣло приближались къ

острову и выходили на берегъ. Для защиты отъ подобныхъ покушеній, въ Суманапъ выстроено укрѣпленіе, несчастное произведеніе военной архитектуры; валы, прикрытые дерномъ, едва вмѣщаютъ 6 пушекъ 8 ф. калибра и 100 человекъ гарнизона.

Пребываніе въ Суманапѣ не было лишено увеселеній и празднествъ; офицеровъ угощали парадными Мадюрескаго войска, большими пирами, на которыхъ султанъ выказывалъ немовѣрное щегольство въ серебрѣ и хрусталѣ, баломъ съ разительными противоположностями, гдѣ Европейскіе наряды крепко смѣшивались съ одеждою Малайскаго, сіяющею драгоценными камнями, и съ одеждою Мадюреской, еще болѣе легкою и почти дѣлкою. Султанъ принималъ гостей съ ловкостью и вмѣстѣ съ достоинствомъ.

Изъ Суманапа, *Фоварита* направилась къ проливу Бали, миновавъ мысъ Сандана, мѣсто, известное всѣмъ мореплавателямъ, посѣщавшимъ эти воды. Вскорми показався передъ корветомъ проливъ, ознаменованный несчастіемъ многихъ судовъ, мѣсто, обращенное соседними островитянами въ вертепъ убійствъ и грабежа. Бали, есть одинъ изъ тысячи притоковъ разбойничихъ проей, разоряющихъ Малайскія моря. Каждая бухта скрываетъ обманъ; при каждомъ мысѣ подвергается опасность.

Сказываютъ, что Бали населена колоніею островитянъ Сулу, дурнымъ обхожденіемъ ихъ начальства изгнанныхъ изъ отечества. Они укрылись на этомъ островѣ и основали Бали-балу, резиденцію одного изъ трехъ султановъ, раздѣлившихъ между собою островъ. Въ Бали-балу, лежащій при небольшомъ заливѣ, едва найдешь нѣсколько хижинъ, населенныхъ полудикими. Они все почти морскіе разбойники; весьма немногіе занимаются земледѣіемъ. Они ежегодно отправляютъ въ Сингапуръ хлопчатую бумагу, кокосовые орѣхи, и множество прекрасныхъ плодовъ, растущихъ въ лѣсахъ. Въ замѣнъ получаютъ разныя Китайскіе товары, простыя матеріи, желѣзные вещи и другія Европейскія издѣлья. Быки здѣшніе колосальны и весьма красивы; эта порода отличается бѣлымъ пятномъ на крутѣ и лямкахъ. Эти сильныя животныя дорого цѣнятся для обрабатыванія земли, но мясо ихъ не вкусно. Жители Бали состоятъ изъ людей одиночаль, лютаго, но сильнаго племени; они какъ рабы заняты ручною работою. Ужасные предраз-

судки тяготеютъ надъ строною, гдѣ самая фанатическія жестокости Индійцевъ властвуютъ еще во всей своей силѣ. По видимому, здѣсь первоначальное богослуженіе Явы сохранилось со всею точностію. Религія была прежде Буддистская, но 300 или 400 лѣтъ тому назадъ Брамминская взяла верхъ. Нравы священниковъ Бали тѣ же; постоянность ихъ та же, какъ и у священниковъ Индійскихъ; они ведутъ ту же таинственную жизнь, состоящую изъ созерцанія и моленій. (Рис. LIX. ф. 1.)

Последнее мѣсто, гдѣ останавливалась *Фаворита* на Явайскомъ берегу, было Баніу-ванги, юго-восточный округъ острова. Мѣсто это, нѣкогда заброшенное и опустошенное, нынѣ засажено кофейными плантаціями. Баніу-ванги состояло прежде изъ скопища скудныхъ жилищъ, выстроенныхъ около укрѣпленія, защищаваго берегъ. Тигры разоряли окрестности, а соседніе кратеры заливали берега лавою. Не смотря на то, среди этихъ ужасныхъ пустынь правительствомъ вздумало развести плодоносныя и прибогачивающія плантаціи. Надо было расчистить лѣса, учредить сообщенія среди земли почти непроходимой. Для этой страшной работы назначили туземцевъ, сосланныхъ за убійства и грабежи. Сначала несчастные принимались за дѣло съ отвращеніемъ, соглашались скорѣе умереть съ голоду въ лѣсахъ, нежели влечь въ томительномъ трудѣ бѣдственное свое существованіе. Тогда увидѣли, что предпріятіе могло окончиться побѣгою людей, и заведеніе колоніи сдѣлалось бы невозможно; принявъ предосторожности. Осужденнымъ позволили вызвать своихъ семействъ, завести хозяйство. Средство это было также удачно въ Баніу-ванги, какъ и вездѣ. Плантаціи распространились, селенія основались, у тигровъ отняли земли, и выстроили жилища на внутреннихъ равнинахъ. Домъ резидента находится недалеко отъ берега; онъ красивъ, съ колоннами, и окруженъ жилищами туземцевъ. (Рис. LIX. ф. 2.) Длинная аллея, обсаженная кокосовыми деревьями, ведетъ въ селеніе и къ заливу. По лѣвую сторону находится крѣпость обнесенная глубокимъ ровомъ, а изъ амбразуръ вала, покрытаго дерномъ, видны десять орудій. Каменные магазины, казармы и пороховой заводъ довершаютъ оборонительную систему мѣста. Постоянный гарнизонъ состоитъ изъ 50 человекъ. Во внутренности находятся огромныя рощи

кофе, какъ бы заглушенные высокими дѣвственными лѣсами. Поселенцы окружены огромными тиграми и живутъ съ ними безопасно; некоторые ходятъ иногда даже около домовъ, что вовсе не пугаетъ женщинъ и дѣтей. Доставка что нибудь поѣсть, страшные сосѣди возвращаются спокойно въ свои лѣса, гдѣ гоняютъ ланей и оленей. Однако тигры не всегда такъ ласковы: случается, что лошади, собаки и быки исчезаютъ; когда подобныя похищенія становятся часты, устраиваютъ норы, выкапываютъ ямы, ставятъ капканы, прикрывая ихъ листьями, и тигры попадають въ руки непріятелей.

Единорогій носорогъ, извѣстный натуралистамъ подъ названіемъ носорога съ Явы, часто встрѣчается въ этихъ лѣсахъ, наиболѣе въ мѣстахъ болотистыхъ. Рѣдко случается, чтобъ животное это нападало на человека. Одаренный немовѣрною силою, носорогъ употребляетъ ее только для защиты, когда его стараются удержатъ. Дювоссель, лучше всѣхъ описавшій этого звѣря, говорить, что изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ породъ эта меньше другихъ ростомъ. Рогъ животного, растущій съ лѣтами, кажется полнѣе и округляется отъ тренія. Кожа его сморщена подъ шеей, подъ лишками, за плечами и на лядвяхъ. Складка за плечами обхватываетъ все тѣло, а складки на лядвяхъ опоясываютъ всю толщину ихъ. Другія складки незаметнымъ образомъ оканчиваются, не доходя до конца тѣла, куда они сгнѣваются; но самое примѣчательное отличіе кожи носорога состоитъ въ образованныхъ на ней наростахъ, почти всегда пятистороннихъ. Она, какъ бы покрыта мешукою, хотя эти наросты, суть только возвышенія на кожной оболочкѣ, оставляющія слѣдъ свой на верхнемъ слое кожи. Шерсть, прикрывающая тѣло носорога, вырастаетъ только въ углубленіяхъ, находящихся среди наростовъ; она чернаго цвѣта, въ двухъ только мѣстахъ густая, на краяхъ ушей и сверху и снизу хвоста. Носорогъ Явы, какъ всѣ однородныя съ нимъ животныя, питается травою, кореньями и молодыми отростками деревьевъ. Онъ предпочитаетъ мѣста сырыя, тинистыя и влажныя съ наслажденіемъ въ грязь болотъ. (Рис. LX. ф. 1.).

Простоявъ нѣсколько дней въ Баніу-вангъ, *Фаворита* оставила заливъ и направилась къ Гобартъ-тоуну. Она такимъ образомъ обошла, заливъ за заливомъ, мѣсто за

мѣстомъ, почти весь восточный берегъ Явы, рѣдко посѣщаемый и малозвѣстный.

Кангуроо, стоялъ тогда также недалеко отъ берега. Онъ оставилъ рейдъ Сурабайскій и вступилъ 30 Октября въ проливъ Бали, чтобъ пройти оттуда въ большія южныя моря. Но прежде нежели разстанемся съ Явайскими владѣніями, предметомъ трудныхъ изысканій, почитаемъ не безполезнымъ вкратцѣ рассказать все, что исторіею, географіею и археологіею приобрѣтено объ этомъ островѣ любопытнаго, новаго, и правдоподобнаго.

ГЛАВА XXVIII.

Ява. — Внутреннія резиденціи.

Резиденція Батавія, есть самая значительная во всей колоніи; не смотря на то, она одна изъ менѣе пространныхъ. Въ 1818 году, во время введенія Голландцевъ въ потерянныя ими владѣнія, она простиралась къ з. до рѣки Тжиканди, образующей въ 13 лигахъ отъ столицы границы провинціи Бантамской къ в. до рѣки Тжи-жирумъ, которая отдѣлила ее отъ резиденціи Кравангъ, находящейся въ разстояніи тоже около 13 лигъ; наконецъ къ ю. до границъ резиденціи Буйтензоргской. Считая такимъ образомъ, поверхность ее состояла изъ 180 квад. миль; жителей считалось до 180,000 чел. Съ тѣхъ поръ, въ 1826 году, соединили резиденціи Буйтензоргъ и Кравангъ съ Батавіей, что почти вдвое увеличило обширность последней. Буйтензоргъ, одинъ изъ самыхъ изобильныхъ и болѣе населенныхъ округовъ острова; онъ заключаетъ 12 кантоновъ, изъ коихъ прежде было образовано нѣсколько регентствъ. Округъ Кравангъ, граничитъ на с. съ моремъ, на з. съ округомъ Шерпонтъ, на ю. Иранжеромъ. Прекрасныя плантаціи сахарнаго тростника и нильныя мельницы свидѣтельствуютъ о земледѣльческой и мануфактурной промышленности этой резиденціи.

Намъ извѣстно уже, что была резиденція Бантамская съ ея 983 дессами или селеніями. Доходы этого владѣнія возвышаются почти до 200,000 флоринновъ. Тамъ фабрикують простыя гниганы, глиняную посуду, тростниковыя и бамбуковыя цыновки, также родъ мелкой извести, употребляемой для смазки

стнѣ Европейскихъ домовъ и для приправы бетеля.

Возлѣ резиденціи Бантамской находится резиденція Преанжерская, самая обширная, богатая и примѣчательная. Изъ Батавіи въ Преанжеры четыре буйвола съ трудомъ могутъ тащить коляску по крутымъ скатамъ. Съ возвышенныхъ мѣстъ дороги, видны по правую сторону гора Геде, и понинѣ извергающаяся изъ вершины столбъ дыма, по лѣвую тянется длинная волнистая цѣпь, простирающаяся за горизонтъ. Тамъ находятся Преанжеры, провинція, по статистической картѣ сира Стамфорда Рафля, занимающая двѣ девятыхъ части всей поверхности Явы, или 10,000 квадратныхъ Англійскихъ миль.

Резиденція Преанжеры раздѣлена на 4 округа или регенства, Сумадангъ, Бандонгъ, Тжанжоръ и Лимбадангъ. Нынешніе регенты или туземные начальники, суть еще наслѣдники, и прямые потомки найденныхъ тамъ въ началѣ XVII вѣка Голландскою компаніею, также происшедшихъ въ прямой линіи отъ короля Панджасорама, владѣвшего восточною частью острова Явы, до возмущеній, возникшихъ при распространеніи Магометанской вѣры.

Тжанжоръ большое предмѣстье въ 6 лигахъ отъ Буйтензорга, сестъ резиденція Преанжерская, и самый красивый изъ собственно Явайскихъ городовъ. Тамъ вмѣсто улицъ тянутся широкіе аллеи, выравненные по шурку, обсаженные палисадникомъ изъ грабины или окруженные бамбуковыми изгородями; изъ-за этихъ оградъ видны фруктовые деревья, кустарники благоухающихъ цвѣтовъ, которые какъ зонтикъ разстилаясь надъ низкими жилищами, прикрываютъ ихъ отъ солнечнаго зноя. Боковые переулки чисты, тѣнисты и правильны. Дома сами по себѣ не имѣютъ разительной красоты, но во всѣхъ видѣнъ порядокъ, симметрія и удобство. Среди города находится прекрасный базаръ, на который не допускаютъ Китайцевъ. До 1825 года Тжанжоръ было предмѣстье, не весьма значущее, но съ сѣдство Буйтензорга и попеченія барона Фанъ-дер-Капеллена, образовали изъ него красивый промышленный городокъ, снабжающій работниками всю провинцію. Другія столицы резиденціи Бандонгской и Сумадангской, ни мало не уступаютъ Тжанжору, ни мѣстоположеніемъ, ни народонаселеніемъ. Последний регентъ Сумаданги, умершій нѣсколько лѣтъ тому

назадъ, носилъ титуло Панджерама; дворецъ его или *даламъ* отличался необыкновеннымъ великолѣпіемъ; властитель принималъ Европейцевъ действительно по царски. Въ южной части округа Бонданга находится Гунонгъ-гунгуръ, ужасная огнесдышащая гора, о недавнихъ изверженіяхъ которой остаются живыя и бѣдственные воспоминанія.

На владѣніи Преанжерскомъ, по колоніальнымъ законамъ, и нынѣ еще лежитъ монополія, тягостная для поселенцевъ. Тогда какъ въ прочія резиденціи свободно занимались земледѣліемъ, избирая мѣста для сбыта своихъ товаровъ, частный законъ лишилъ Преанжеры общаго права и образовалъ изъ него родъ откупнаго мѣста подъ покровительствомъ генераль-губернатора и его агентовъ. Собираемый въ Преанжерѣ кофе не позволено продавать прямо купечеству, но должно прежде передать его комиссіонерамъ за 9 флориновъ, 12 копѣекъ пикля, какова бы впрочемъ ни была пошлина на товаръ, и недостатокъ или изобиліе его на рынкѣ. Эта цѣна, установленная между производителемъ и правительствомъ, единственнымъ покупателемъ, цѣна невыгодная, но доставляющая Голландскому начальству всегда отъ 30 до 40 на 100. И такъ 100,000 пиклей, собираемые въ Преанжерѣ, не могутъ быть проданы свободно купечеству; ихъ забираютъ въ складочныя мѣста правительства.

Всѣ усилія для зашщненія этого уничтоженія общаго права, были не только дѣяніями несправедливыми, но еще не политическими, разорительными и для обиженныхъ, и для тѣхъ, кто находилъ въ немъ пользу. Если плодovitость земли Преанжерской доведетъ жителей до цвѣтущаго состоянія, не смотря на препятствія монополіи, то нужно будетъ еще болѣе сожалѣть, что столь дѣятельныя начальныя основанія при ихъ развитіи такъ подавлены; нужно забыть настоящее положеніе страны и только подумать, чтобы она могла быть при другой системѣ управленія.

Резиденція Шерибонъ, находится къ с. отъ Преанжеры; она раздѣлена на пять регентствъ или округовъ: Шерибонъ, Маджа, Гало, Бенгаванъ-ветанъ и Кунипганъ, къ коимъ были присоединены округи Индромаю и Кандангъ-увіе. Въ этихъ низменныхъ мѣстахъ собирается рисъ, кофе и арабговый сахаръ. Тамъ находятся также обшир-

ные тековые леса. Почти во всех округах; поземельная областная система ныне усилилась. Шерибонг не вступившая въ туземную борьбу, столь долго изнурявшую внутреннюю часть Явы. Въ этой провинции считаются 658 дессасовъ или селеній, въ округахъ, принадлежащихъ правительству. Поземельная подать съ рисовыхъ полей принята, въ 1822 году, 302,144 флоринновъ доходу; столица провинции Шерибонгъ или по Малайски Тжи-рибунгъ, по имени рѣки въ ней протекающей, прежде была значительнѣе. Тамъ находится древняя крѣпость, вовсе незначущая, а въ окрестностяхъ гробница знаменитаго шаха Муланы, который былъ первымъ Магометанскимъ учителемъ на островѣ Явѣ. Нѣсколько Европейскихъ семействъ, Китайскихъ и Арабскихъ негодіантовъ, составляютъ вольную часть народонаселенія Шерибонгскаго; остальные всѣ Малайцы. На границахъ этой провинции разстилается обширный лѣсъ Дау-лугуръ; длину его опредѣляютъ не менѣе 50 Англійск. миль. Лѣса тамъ нецѣльные, но раздѣлены группами, между концами степи безъ растений. Лѣсъ расположенъ перемежающимися кунами, между которыми находятся невоздѣланныя и вовсе не производящія лѣсныя; лѣсистыя мѣста состоятъ изъ деревьевъ, которыя такъ сплетаются листья и сучья, что образуютъ родъ куполовъ, или навѣсовъ, до того непроницаемыхъ, что подъ этими сводами, даже среди дня, нужно ходить съ зажженными факлами.

Слѣдующая засимъ резиденція, есть Тагалъ, раздѣленная на три регентства: Тагалъ, Бребъ и Намалангъ; она изобилуетъ рисомъ, кофе, табакомъ и каджангомъ. Жители занимаютъ 1141 селеніе. Тогалъ, маленькій городокъ, съ крѣпостью, ведетъ со внутренними городами значительную торговлю, почти нераздѣльно находящуюся въ рукахъ Китайцевъ. Климатъ тамъ не совсѣмъ здоровый.

Резиденція Пекалонгангъ, раздѣленная на два регентства: Пекалонгангъ и Батангъ, съ резидентомъ въ Карангъ-кобаръ, считаетъ 1,656 деревень, хорошо населенныхъ и изобилующихъ рисомъ, кофе, табакомъ, масломъ, индиго и скотомъ. Небольшое предмѣстье, одного имени съ резиденціею, служитъ ей главнымъ мѣстомъ; оно занято купцами Китайскими и туземными, которые посред-

ствомъ береговаго плаванія ведутъ торговлю съ Батавіей.

Резиденція Самарангъ раздѣлена на три регентства: Самарангъ, Кендаль и Дамакъ; она значительнѣе предшествовавшей. Въ ней находятся 1951 селеніе. Городъ Самарангъ, будучи главнымъ мѣстомъ провинции, выстроилъ по Европейски, при рѣкѣ, образующей грязную топь при устьѣ.

Въ городѣ вмѣстѣ съ Китайскими или Азіятскими кварталами, считается до 38,000 жителей. Тамъ гораздо жарче, нежели въ столицѣ. Термометръ, никогда почти не опускается ниже 80 градусовъ Фаренг., даже ночью. Климатъ въ Самарангъ очень вреденъ для здоровья.—По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ географовъ, хотя и сомнительному, этотъ городъ былъ колыбелью Азіятской холеры.

Изъ Самаранга, лежащаго на сѣверномъ берегу острова, спускался къ югу въ округи, слѣдующіе за Преанжерами, подлѣжающіе къ классической части Явы, гдѣ сохраняются тайны первоначальнаго состоянія страны. Тамъ находятся храмы, остатки коихъ ни сколько не уступаютъ въ великолѣпіи ни одному существующему на Индійскомъ материкѣ. Будизмъ произвелъ чудеса архитектуры, прежде нежели Магометанская пропаганда вовсе не уничтожила этого поклоненія, въ странѣ, которая принадлежала ему нераздѣльно. Тамъ были храмы Боро-боды, Брам-бананы, дворцы Куласаны; тысячи ишей въ стѣнахъ съ статуями Будды спокойными, согбенными, объ этихъ монументальныхъ преданіяхъ, мы будемъ говорить подробнѣе; тамъ находятся тѣ три регентства, въ коихъ отважный Явасъ Дяпо Нигоро велъ такъ долго портизанскую войну, которая напугала верховную власть Голландцевъ, войну, слѣды коей и нынѣ еще ясно видны въ резиденціяхъ Каду, Суракангъ и Джоккокарта.

Резиденція Каду, раздѣленная на два регентства: Магелангъ и Миноретъ, заключаетъ не менѣе 4,205 селеній, платящихъ ежегодно около 600,000 флоринновъ подати. Главное мѣсто резиденціи, Магелангъ, есть красивое предмѣстье, окруженное пахатыми землями. Рисъ, кофе, масло и табакъ здѣсь въ большомъ изобиліи; на кормныхъ паствахъ бродитъ вмѣстѣ съ прекраснымъ скотомъ самыя лучшія лошади всего острова. На границахъ резиденціи Каду, но уже во владѣніяхъ сул-

тана Джакжокарского, находятся развалины знаменитаго храма Боро-бодо.

Резиденція Джакжокарта и Суракарта, состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Явайскихъ князей, потомковъ императоровъ Матарамы, которые были столь могущественны въ концѣ XV вѣка. Послѣ войны 1755 года Голландская компанія раздѣлила между двухъ князей это великолѣпное владѣніе. По какому то искусному расчету, каждому назначили довольно значительныя собственности съ титуломъ панджерана. Наслѣдники этихъ князей, осажденные Голландцами, не обманули доверенности владѣтелей острова. Въ послѣднихъ возмущеніяхъ Дипо-Негоро, они сплано возстали противъ бунтующихъ. По статистическимъ исчисленіямъ Рафия, площадь обихъ владѣній вмѣстѣ составляетъ около 11,300 кв. ад., Англ. миль, а народонаселеніе доходитъ до 1,656,934 душъ, изъ коихъ 973,727 подданы императора Суракарты, а 685,207 повинуются султану Джакжокартскому. И такъ, по видимому, страна эта самая населенная изъ всѣхъ Явайскихъ владѣній. Красивыя и плодородныя равнины, обширныя и древніе города, археологическія драгоцѣнности, собственный характеръ жителей этихъ резиденцій, все достойно быть предметомъ изслѣдованій, важныхъ, спеціальныхъ. Столица Суракарта, есть городъ довольно хорошо обстроенный, во вкусъ Явайскихъ архитекторовъ. Дворецъ или *кратанъ* султана очень великъ; его составляетъ множество строеній; каждое имѣетъ особенное назначеніе. Въ Суракартѣ есть также Европейскій кварталъ, защищенный крѣпостью, гдѣ постоянно находится Голландское войско. Городъ этотъ, или лучше сказать, соединеніе множества селеній, на одной и той же дощипѣ, содержитъ, какъ говорятъ, 100,000 душъ. Народонаселеніе Джакжарты, по мнѣнію Г. Гамильтона, простирается также до 100,000 душъ. Она лежитъ въ трехъ лигахъ отъ океана, на ю. з. отъ Суракарты.

Развалины древнихъ зданій встрѣчаются по всей этой странѣ. Въ Брабананѣ, въ Кобандаманѣ, видны разрушенные храмы; далѣе *чанды* или храмы Джонгрангъ и Сяву, въ округахъ Маддионъ, Киртазанъ, Кетирн и Шенгати; потомъ еще остатки древняго города Дара, о коемъ часто упоминается въ летописяхъ Явайскихъ; храмъ въ лѣсу Сантальскомъ; жилища, извѣщенные въ утѣхъ Клотокекомъ, развалины Гидакскія, древности въ Пената-

ранѣ, наконецъ красивыя и знаменитыя руины Сукуни, и подошвы горы Лаву. Гора-Гунунгъ-диенгъ, лежащая на с. з. отъ горы Сидаръ, на границѣ резиденцій Пекалонгангъ, есть сѣмѣйность, пригъбательная развалинами, находящимися въ окрестностяхъ его, на площадкѣ лежащей во 1000 футахъ надъ поверхностію моря. Тамъ, говорятъ, открыли остатки 400 храмовъ, которые по расположенію своему составляли прямоугольныя улицы. Четыреста храмовъ! примѣра подобной роскоши въ священныхъ зданіяхъ не представляетъ намъ понынѣ исторія какого бы то ни было народа. Неестественныя ли предположить въ огромномъ скопищѣ этихъ разрушенныхъ зданій развалины цѣлаго города. Но чтобы то ни было, Гунунгъ-диенгъ, по древнимъ Явайскимъ преданіямъ, было пребываніе боговъ Арджуна, Бима и Гатукатша. Это олимпъ Малайскихъ мифологовъ.

Оставляя мѣстопробываніе князей, первыхъ жителей земли, чтобы вступить на непосредственныя владѣнія Голландскія, прѣвѣжашь въ резиденцію Жапара и Жоана, главное мѣсто коей названо первымъ изъ этихъ именъ. Жапара находится на оконечности полуострова и лежитъ внѣ дороги, идущей вдоль всего сѣв. берега Явы изъ Батавіи въ Сурабаю. Резиденція Жапара состоитъ изъ 947 селеній; она подраздѣляется на 4 регентства: Жапара, Куду, Цатти и Жоанна. Вся страна покрыта прекрасными тековыми лѣсами. Жапара, лежащая на приморьѣ, почти противъ острова Манделика, есть мѣсто свиданія Малайскихъ морскихъ разбойниковъ и довольно значительный городъ. Здѣсь находится прекрасная пыльная мельница.

Резиденція Рембангъ, прилежащая къ Жапарѣ, состоитъ изъ четырехъ регентствъ: Рембангъ, Тубанъ, Раджаквеси и Блора. На земляхъ ея находятся самыя лучшіе тековые лѣса. Тамъ сперва было учреждено общее управленіе лѣсовъ. Въ этомъ вѣдомствѣ считаются до 1,200 селеній. Главное мѣсто резиденцій есть Рембангъ, имѣющій наплучшій рейдъ. Береговая навигація довольно значительна; нѣсколько корабельныхъ верфей были учреждены въ этой резиденціи, какъ и въ Рембангѣ, Тубанѣ и Бантгарѣ, гдѣ построено уже нѣсколько бриговъ, шхунъ и военныхъ кораблей, для колоніальнаго флота; между прочими, фрегатъ *Ива*, поступившій нынѣ въ королевскій флотъ.

Грисе, составлявший сперва изъ 1318 селений частную резиденцію, образуетъ нынѣ часть Сурабаи. Грисе есть красивый и здоровый городъ; въ немъ обитають, обыкновенно, оставившіе торговлю Европейцы, удаленные отъ столицы слишкомъ сильною роскошью. Съѣстные припасы здѣсь дешевы и квартиры удобны.

Сурабаи, главный городъ Сурабайской резиденціи, заключаетъ 5 регентствъ: Сурабаи, Джанапъ, Грисе, Сидайо и Ламонганъ. Смежная съ нею резиденція Пасаруангъ, также раздѣленная на три регентства, Пасаруангъ, Бангиль, Малангъ, имѣетъ 1688 селений. Въ Грагъ, одномъ изъ этихъ округовъ, находится достопримечательное озеро, именуемое Рану-Клидонганъ. Если вѣрить словамъ туземцевъ, крокодилы, находящіеся въ этомъ озерѣ, живутъ въ совершенномъ согласіи съ людьми, обитающими въ соседствѣ, и нападаютъ на однихъ только чужеземцевъ. Явайцы, кидая въ воду достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, казалось, съѣдали этихъ ужасныхъ амфибій совершенно ручными. Хогендорпъ говоритъ, что онъ доставляють Европейцамъ, посѣщающимъ озеро, весьма странное зрѣлище. Завтракъ, приготовленный для крокодиловъ, кладется на паромъ; 20 или 30 Явайцевъ спускаются въ воду, подвигая передъ собою плоть съ добычею, жертвуемою владыкамъ озера, которые тотчасъ показываются на поверхности воды, хватають и уносятъ назначенный имъ дичь и мяса, не трогая людей.

Два послѣднія резиденціи этого восточнаго берега суть: Безуки и Вану-ванги; главные города ихъ уже описаны выше; въ первой считается 899 селений; земли второй еще распахиваются.

Два главнѣйшіе острова, завсѣянные отъ Явы, суть Мадюре и Бали; Мадюре принадлежатъ 1100 селений и 200,000 жителей, раздѣленные по султанствамъ Банкалангъ и Суманангъ. Островъ Бали принадлежитъ Голландцамъ только по имени. Земля эта раздѣлена на восемь независимыхъ владѣній, устройство коихъ весьма мало извѣстно. Стамфордъ Рэфъ считаетъ здѣсь до 800,000 душъ, а Тернъ только 100,000. Островъ довольно гористъ; длина его до около 70 миль, а ширина около 35. Группы земли постепенно возвышаются отъ берегу до самой вершины горъ, находящихся во внутренности. У подошвы самой большой изъ нихъ лежитъ селеніе Ка-

рантъ-Асемъ, которое считаютъ въ той странѣ самымъ богатымъ; далѣе слѣдуетъ городъ Блилингъ.

Разность религій всего болѣе отличаетъ Бали отъ Явы. Бали не приняла Магометанскаго вѣроисповѣданія. Въ цѣлой странѣ едва встрѣтишь сотню послѣдователей Магомета; жители болѣею частью браминсты и буддисты. Вѣроисповѣданіе Индусовъ принято въ Бали со всеми его кровавыми обрядами многосложною категоріею. Тутъ встрѣчаются четыре разныя между собою касты: каста Брамовъ, каста Кеатриевъ, Вескиевъ и Судровъ. Жители острова Бали несравненно выше ростомъ, сильнѣе и крѣпче Явайцевъ; они также болѣе горды, дики и нетакъ общительны. Многоженство у нихъ въ большой силѣ. Желаніемъ жениться на молодой дѣвушкѣ, платитъ отцу ея извѣстную сумму, которую можно считать какъ бы платою за покупку. Самая обыкновенная такса состоитъ изъ 300 піастровъ. Если же ихъ не въ состояніи выплатить всей суммы, то онъ входитъ въ услуженіе къ тестю и продастъ ему работу свою до полной уплаты долга. У жителей острова Бали есть собраніе гражданскихъ законовъ, называемое *дигамо*, и уголовныхъ, *агамо*; законы эти всегда читаются судьями. Воровство наказывается смертію: виновнаго закалываютъ кинжаломъ. За смертоубійство или измѣну подвергаются казни, подобной колесованію: члены несчастнаго раздробляютъ и рубятъ топоромъ. Имущество приговореннаго отдаются старшинамъ или судьямъ. Приговоры суда должны быть подтверждены раджами.

Жилища на островѣ Бали нѣсколько не похожи на дома въ селеніяхъ Явайскихъ. Они, подобно жилищамъ Индійцевъ, выстроены изъ земли и обложены сырми или обожженными кирпичами. Механическія искусства весьма мало извѣстны въ Бали. Но тамъ выработываютъ шерстяныя матеріи и оружія. Книжки пользуются нѣкоторою славою въ Малайскомъ архипелагѣ.

ГЛАВА XXIX.

Ита. — Общій географіал. — Нравы, вѣроисповѣданіе. — Древности — Исторія.

Ита, если вѣрить этимологамъ, получилъ названіе свое отъ (*Ита-гумъ*), *panicum itali-*

сит, которое составляло главную пищу туземцев, называющихся также этот остров Тапа.

Он лежит между 103° и 112° вост. долготы, и $5^{\circ} 52'$ и $8^{\circ} 46'$ юж. широты. Протяжение его от мыса Явы до самой восточной оконечности заключает 192 морс. лиги; а ширина между ю. з. оконечностью залива Паджиганъ и мыса Жапара до 66 лигъ; а между устьями рѣкъ Серайу и Сурабая мѣняется от 16 до 19 лигъ. Островъ имѣетъ видъ прямоугольника; бока его такъ параллельны, что можно бы было раздѣлить его на 5 или 6 частей, образовать столько же параллелограмовъ. Западные и сѣверные берега чрезвычайно извилистые, имѣютъ нѣсколько хорошихъ гаваней и весьма надежныхъ бухтъ.

Островъ очень узокъ; на всемъ протяженіи его только двѣ рѣки достойны быть здѣсь упомянуты, Соло и Кидери; первая, протекая поцентральной части Явы, впадаетъ въ Явайское море; а вторая, стекая съ вершинъ Святыхъ горъ, впадаетъ въ Сурабатъ въ заливъ того же имени. Прочія рѣки едва заслуживаютъ быть названы; онѣ суть: Чп-манокъ, Чи-тандонн, величайшая изъ всѣхъ текущихъ на югъ, Чи-канджонганъ и Читорунгъ. Въ каждомъ округѣ есть своя главная рѣка, судоходная для однихъ только береговыхъ судовъ. На островѣ Явъ нѣтъ тоже достопримѣчательныхъ озеръ. Вода образуетъ большія логовища въ дождливыя времена года; но эти лужи, называемыя равась, тотчасъ высыхаютъ при перемены мусона и открываютъ поля, которыя обрабатываютъ. Самая пространная изъ этихъ равась, есть Бюйтензе (внутреннее море). Въ провинціи Багаланъ на ю. острова есть небольшое, но богатое рыбою, озеро.

Почва единообразно ровная. Весь сѣверный берегъ унизанъ маленькими островками, образуемыми землею, наносимою рѣками: это страна плоская, пещаная и тишстая. Южный берегъ, напротивъ того, гористъ и покрытъ базальтовыми утесами. Такимъ образомъ весь островъ съ ю. къ с. представляеть видъ амфитеатра, исключая нѣкоторыхъ провинцій, которыя пересѣкаются цѣпами небольшихъ горъ, тянущимися по внутренней части острова. Первобытныи грунтъ земли кажется вулканической. По крутизнамъ огнедышащихъ горъ, оканчивающихся острыми шпичами, прорѣзываются глубокіе оп-

раги и трещины, по которымъ въ дождливое время вода стремится быстрыми потоками. Мѣстами небольшія цѣпи пригорковъ выступаютъ въ воздухъ базальтовые утесы чуднаго вида; мѣстами известковыя скалы представляя возвышенныя плоскости; или цѣпи полувулканическихъ, полуизвестковыхъ горъ, чрезвычайно разнообразныхъ, тянутся вдоль береговъ по всемъ направлениямъ. Здѣсь встрѣчаются сѣрые и минеральные клочки, колодцы, наполненные нефтью и горною смолою, гризевыя или огненные изверженія, однимъ словомъ, все явленія, сопутствующія вулканическому образованію земли.

Геологія этого острова носитъ совершенно особенную печать; по крайней мѣрѣ, она, по видимому, нѣсколько не согласуется съ гористою системою полуострова Малакки и острова Суматры. Горы Явы не составляютъ уже одну непрерывную цѣпь, но образуютъ совершенно отдѣльныя группы, тянущіяся всегда по длинѣ земли. Впрочемъ это не единственное различіе, существующее между Суматрой и Явой. Тековое дерево, въ изобиліи растущее на Явъ, нигдѣ не встрѣчается на Суматрѣ; послѣдній изобилуетъ драгоценными минералами, а въ Явъ ихъ совершенно нѣтъ; наконецъ, хотя почва острова Явы несравненно плодороднѣе, но она не производитъ камфорнаго дерева, составляющаго главное богатство Суматры.

Высота первостепенныхъ Явайскихъ горъ простирается отъ 4500 до 10,000 футовъ надъ поверхностію воды. Первая цѣпь начинается въ Бантамъ; примѣчательнѣйшій пикъ ея называется Гунонгъ-карангъ. Вторая цѣпь называется Салакъ и извѣстна у моряковъ подъ именемъ голубыхъ или синихъ горъ; наконецъ третья цѣпь есть Гедѣ или Пангоранго, заключающая нѣсколько вулканическихъ. Далѣе къ востоку находится большая цѣпь вулканическихъ горъ съ ихъ огнедышащими жерлами, Унгарангъ, Мербабу, Мерапа, а еще далѣе къ востоку вершина Жапара. Всѣ эти цѣпи составляютъ 38 довольно явственно обозначающихся горъ, послѣднихъ на себя признаки угасшихъ кратеровъ; всѣ онѣ покрыты безподобною растительностію. Въ различныя времена онѣ извергли на Яву потоки лавы и дождь пепла. Странное явленіе случилось здѣсь въ 1772 году, во время непродолжительнаго, но ужаснаго изверженія. На западной сторонѣ округа Шерибонъ, на-

ходила въ то время самая большая огнедышущая гора, называемая Пападаангъ. Въ ночь съ 11 на 12 Августа, какое то необыкновенное свѣтлое облако, окружило гору; вслѣдъ за симъ, чрезъ нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ испуганные жители успѣли разбѣжаться, вся гора съ ужаснымъ трескомъ мгновенно провалилась. Шумъ можно было уподобить продолжительнымъ залпамъ артиллеріи, сопровождаемымъ вулканическимъ изверженіемъ камней, брошенныхъ за нѣсколько миль. Съ разсвѣтомъ, горы уже не существовало. Земля на пространствѣ 15 Анг. миль въ длину и 6 въ ширину вся была переверочена; обработанныя поля исчезли и 2957 жителей погибли. Гора эта, возвышавшаяся прежде на нѣсколько тысячъ миль и имѣвшая въ діаметрѣ основанія своего до пятнадцати миль, была такъ разрушена, что теперь едва можно отличить мѣсто отъ окружающей ея равнины, надъ коей оно подымается только на одинъ метръ.

Подземный огонь, буилъ въ недрахъ этого огромнаго острова, терзаетъ и точитъ его постоянно. Грунтъ земли болѣею частью покрытъ базальтовыми утесами, на которыхъ возвышаются известковыя массы, весьма легко отличаемыя по ихъ плоскимъ вершинамъ. Базальтовые обломки встрѣчаются также на днѣ всехъ почти рекъ. Изъ чего надо заключить, что архипелагъ этотъ не состоитъ изъ раздѣлившихся частей материка, но, напротивъ того, изъ островковъ, которые сами собою образовались и присоединялись постепенно одинъ къ другому.

Не взирая на то, что пребываніе въ Явѣ считаютъ вреднымъ, климатъ здоровъ почти на всехъ частяхъ острова. Температура мѣняется только съ мусонами: она сыра, когда мусонъ дуетъ съ юго-запада, тепла, когда съ с. в. — Ю. з. мусонъ продолжается отъ Октября до Апрѣля, а с. в. отъ Апрѣля до Сентября. Дожди сопровождаются всегда грозою; гулъ грома съ ужаснымъ трескомъ перекатывается въ горахъ, и все потоки выступаютъ тогда изъ береговъ. Теплота мѣняется по мѣрѣ возвышенія земли. Въ Пеге въ 6 часовъ утра стоградусный термометръ показываетъ 14°, и въ самое знойное время дня рѣдко превышаетъ 22°. Въ долинѣ Самарангъ на 1000 ф. высоты отъ поверхности моря, онъ показываетъ 7 и нѣсколько болѣе градусовъ. На одной изъ вершинъ горы Суидаро, термо-

метръ опустился до трехъ градусовъ, и ледъ былъ толщиною въ 5 франковую монету.

Та же самая разница замѣчается въ растительности. Отъ берега до самой вершины горъ считаютъ шесть различныхъ температуръ, и шесть различныхъ между собой видовъ растительности; тутъ является постепенно цѣлая дѣтвица растений, отъ болотныхъ до горныхъ. Вся часть этого острова покрыта прозябаніемъ, то злаками и папоротникомъ, разстилающимся по землѣ; то кустарниками или необыкновенно высокими деревьями. Въ первомъ разрядѣ считаются растенія и деревья полезные, какъ то рисъ, котораго здѣсь до ста различныхъ сортовъ, мансъ, бобы или каожангъ, сахарный тростникъ, орѣхи, кокосовыя деревья и множество другихъ, принадлежащихъ къ семейству пальмъ; здѣсь находятся также хлѣбное дерево, возвращаемое въ нѣкоторыхъ областяхъ; равенала, Мадагаскарское дерево-странника, разведенное въ Явѣ Г. д'Антркасто; паракъ, или мыльное дерево (*sapindus saponaria*); хлопчатобумажникъ, разныхъ родовъ; бендудъ, изъ котораго вытекаетъ каучукъ; папоротникъ, вышиною иногда въ 90 футовъ. Тековое дерево, называемое по Малайски *погонгъ-жаттиръ*, въ большомъ употребленіи для строенія и растетъ въ Явѣ цѣлыми лѣсами; бамбукъ, достигающій до 35 ф. вышины и имѣющій въ діаметрѣ отъ одной линии до полуфута; драгоценное растеніе, изъ коего выдѣлываютъ колонны для поддержанія зданій, доски для перегородокъ въ домахъ, и которое употребляютъ на разные плотничныя и столярныя работы. Между растеніями должно упомянуть еще о тамариндѣ (*tamarindus indica*), по Малайски *погонгъ ассамъ*, фруктъ котораго весьма вкусенъ въ вареньи; *ficus benjamina*, святое дерево Явайцевъ; сверхъ того множество строеваго лѣсу, розамала (*liguindomar rosamala*), кибима (*pinus damara*), изъ котораго истекаетъ ароматическая и душистая резина; *гурру*, *laurus geminiflora*; *laurus mangliet* разнаго рода; *налагаларъ-микужангъ*, *dicterocarpus retusus et trinervis* Влума, достигающій иногда 150 футовъ вышины; *погонгъ-канару* (*canarium comune*), изъ плодовъ котораго получаютъ масло; *пиангъ* (*areca catechu*); *погонгъ-аренгъ* (*arenga saccharifera*), изъ котораго добываютъ сахаръ; лавровыя деревья разныхъ родовъ; *погонгъ-миенгангъ* (*styrax benzoe*); точащій смолу, которая имѣетъ лекарственное

свойство; *погонъ-дассанъ* (*erythrina indica*); *джаракъ* (*palma christi*), вырастающая только на 12 футовъ и производящая плодъ, похожій на трехугольный орѣхъ, изъ котораго добываютъ масло, известное въ аптекахъ подъ названіемъ кастороваго; *джаракъ маира*, или краснолистый жаракъ, служащій Явайцамъ лекарствомъ отъ глухоты. Списокъ всѣхъ лекарственныхъ растений былъ бы слишкомъ великъ; въ числѣ фруктовыхъ деревьевъ находятъ: мангустаны, мангловыя деревья, аттовыя, апельсинныя, лимонныя, жамбозы, гранатовыя, рамбутаны, тамнамъ, голлы, папал, ананасы, райскія смоковницы и пр. Всѣ Европейскіе фрукты, исключая клубники, не принялись на этомъ островѣ. Цвѣтистыя растенія рѣдки, за неимѣніемъ искусныхъ садовниковъ; но въ вознагражденіе за то природа щедро надѣлила страну цвѣтущими деревьями и кустарниками; къ первымъ принадлежатъ: *погонъ-тжампака* (*michelia tjampaka*); *погонъ-кананга* (*ivaria odorata*), *малами-каста* (*gynopachis acuminata*) и пр. къ другимъ относятся: *камѣжа-мурингъ* (*gardenia florida*), обыкновенный *малами* (*jasminum sambac*), *камбангъ-канаму* (*hibiscus rosa sinensis*), *кабангъ-мантега* (*tabernaemontana coronaria*), *мануѣ-кулиѣмъ* (*mytus longifolia*), *гаса-мурра* (*rhododendron*). Наконецъ между растеніями, находятъ: *камбангъ-малангъ* (*polyanthes tuberosa*); *нукиль-ампанъ* (*mirabilis jalappa*), *панѣжаръ-тжжина* (*impatiens balsamina*), *камбангъ-сопе* (*mirabilis dichroma*), *комбангъ-сахари* (*vinca rosea*.) Что касается до огородныхъ овощей, то Китайцы имѣютъ въ нихъ монополию. Въ огородахъ ихъ растутъ всѣ извѣстные въ ихъ отечествѣ овощи, морковь, бобы, капуста, горохъ, огурцы, рѣпа, спаржа, шпинатъ, портулакъ, лукъ, латукъ и пр.

Въ числѣ этихъ растеній находится одно, послужившее поводомъ ко многимъ страннымъ и невѣроятнымъ разсказамъ; его называютъ *погонъ-унисъ*, или ядовитое дерево. Путешественники XVII и XVIII столѣтій безпрестанно разсказывали о его ужасныхъ и быстрыхъ дѣйствіяхъ. Если вѣрить ихъ словамъ, то дерево это растетъ всегда одиноко, въ пустынь, уничтожая все растущее около себя. Птица, пролетѣвшая надъ нимъ, немедленно околѣваетъ; человекъ, проходящій подъ его тѣнью, падаетъ въ обморокъ; или въ совершенное онемѣніе. Говорятъ, будто бы ядовитый сокъ этого дерева добывался пре-

ступниками, приговоренными къ казни, и эти несчастные всегда почти умирали, въ слѣдствіе своей опасной работы.

Нынешніе естествоиспытатели смѣются надъ этими сказками. Кажется, что *погонъ-унисъ*, или ядовитое дерево, есть ничто иное, какъ родъ *strychnos* или *antiaris*, ядовитое свойство которыхъ извѣстно и определено. Два сорта деревьевъ, кажется, наиболее относятся къ этому ядовитому семейству. Одно изъ нихъ есть *arbor toxicaria* Румфуса, названное *antiarъ*, въ Явѣ, гдѣ оно растетъ въ восточныхъ областяхъ. Цвѣтокъ его, мужскаго рода, имѣетъ чешуйчатую черепацеобразную чашечку безъ вѣнчика, коротенькія жловатія тычинки, покрытыя кожицею ложа, коническую продолговатую форму, немного скругленную на оконечностяхъ. Цвѣтокъ, женскаго рода, не имѣетъ вѣнчика, а имѣетъ только ростокъ яйцеобразнаго вида съ продолговатыми стеблями и остроконечнымъ рыльцемъ. Продолговатые листья его растутъ въ некоторомъ отдаленіи другъ отъ друга. *Arbor toxicaria* есть самое большое растеніе острова Явы. Прямой цилиндрическій и совершенно голый стержень его, вышиною въ 80 ф.; кора въ нижней части своей бываетъ толщиною въ полтора дюйма; ее стоитъ только проткнуть или надѣлать, чтобъ тотчасъ же выступила желтая жидкость, которая есть ядъ; жидкость гораздо опаснѣйшая, нежели сокъ Европейскаго *rhus radicans*. Внутренняя оболочка коры такъ волокниста, что могла бы замѣнить *morus papyrifera*.

Другое ядовитое дерево (*tieté* Лешено) скорѣе можно принять за растеніе, нежели за дерево. Стебель его въ 1½ дюймъ; въ діаметръ обвивается вокругъ ближайшихъ деревьевъ, омачивая коричнево-красноватую кору свою горькою и вонючею жидкостью: эта жидкость ядъ. Верхнія вѣтви, противоположныя одна другой, перисты и сидятъ кучками по двѣ или по три пары; опъ дѣлы, овальны и оканчиваются остріемъ; сверху совершенно гладки, но имѣютъ снизу нѣсколько параллельныхъ жилокъ; черешекъ ихъ коротенькой и бываетъ иногда выгнутъ. *Tieté* стелется только въ тѣни, а *antiar* загнувшись собою все вокругъ него растущее. Ядовитыми соками, добываемыми изъ этихъ деревьевъ, отравляютъ книжалы, болѣе же топенькія бамбуковыя стрѣлы, бросаемыя посредствомъ сарбакаповъ. Нѣсколько опытовъ

было сделано этими отравленными оружіями. Собака околѣла черезъ часъ послѣ раны, мышь черезъ двѣ минуты, обезьяна черезъ 7, а курица черезъ 10, а огромный буйволъ черезъ два часа и 10 минутъ.

Зоологія острова Явы доставляетъ обширный и богатѣйшій списокъ. Главою полезныхъ животныхъ въ этой странѣ надо поставить буйвола (называемаго по Малайскіи *карбовъ* (а на горномъ нарѣчій *мандингъ*.) Буйволъ въ Индійскомъ архипелагѣ можетъ быть сравненъ съ Европейскимъ быкомъ. Мясо его доставляетъ самую здоровую и лучшую пищу; онъ употребляется для обработки полей, перевозитъ плоды жатвы, и иногда изъ нужды закладывается въ экипажъ при опасныхъ переездахъ.—Порода буйволовъ въ Явѣ очень великорослая, коротко-шерстная съ длинными горизонтальными рогами; эти животныя бываютъ бѣлыми и черно-сѣрыми; послѣдніе предпочитаютъ, потому что сильнѣе и что мясо ихъ лучше. Мясо бѣлыхъ буйволовъ не такъ здорово.—Буйволы чрезвычайно любятъ воду; они, кажется, всю жизнь провели бы лежа въ рѣкѣ; они любятъ, чтобъ ихъ мыли нѣсколько разъ въ день, и вечеромъ, лишь только ихъ освободить изъ упряжи, они бѣгутъ уже къ ближайшей лужѣ и съ нѣкою погружаются въ нее, выставляя изъ воды одну только морду, чтобъ вдыхать чистый воздухъ. Размноженіемъ этихъ животныхъ, столь полезныхъ острову, стоило бы внимательнѣе заняться. Быковъ и коровъ, туземцы весьма мало цѣнятъ; они только въ нѣкоторыхъ внутреннихъ округахъ причисляются къ числу сѣльского хозяйства. Въ Маджоре и въ восточныхъ резиденціяхъ они болѣе въ чести. Однако въ Батавіи и Бюйтенборгѣ пасутъ отъ шести до восьми сотъ головъ рогатаго скота, для снабженія мясныхъ рядовъ столицы. Коровы на островѣ Явѣ весьма малы и тощи; тщетно желали улучшить породу, выписывая быковъ изъ Бенгаліи, съ мыса Доброй Надежды изъ Новой Голландіи, и даже изъ Европы. Успѣхи похвѣстъ этихъ животныхъ еще весьма незначительны.

Лошади малорослы, но сильны и горячи. Не взирая на неуспѣшныя старанія улучшить ихъ породу, донынѣ принуждены прибѣгать къ лошадямъ острововъ Целесбесскихъ и Тиморскихъ, которыя несравненно лучше. Негуанскія, Бирманскія и Макасарскія лошади высоко цѣнятся въ Батавіи. Непременно

каждый держитъ здѣсь упряжныхъ и верховыхъ лошадей. Любители имѣютъ даже свой Ипсомъ и Нью-Меркъ. Въ Тжавжорѣ, въ Преанжерѣ, правительство содержитъ конскій заводъ, учрежденный Барономъ Фандеръ-Капелленомъ, съ большими издержками выписаннымъ для него Англійскихъ и Персидскихъ жеребцовъ.

Явайцы почти все Магометанскаго вѣроисповѣданія, и потому не пасутъ свиней, мясо которыхъ не употребляется ими въ пищу; напротивъ того, Китайцы содержатъ ихъ во множествѣ. Свинина въ Явѣ вкуснѣе и жирнѣе нежели въ Европѣ; говорятъ, что въ Пидіи она здоровѣе говядины и баранины для пищи. Камбингъ-воланда (Голландская коза), есть туземное названіе овецъ, что уже доказываетъ, что это животное родомъ не съ острова Явы. Овцы болѣею частью тощи, малы, съ щетинистою шерстью и весьма рѣдки на островѣ. Напротивъ того, козъ весьма много. Явайцы пасутъ ихъ огромными стадами, и питаются ихъ мясомъ, которое несравненно вкуснѣе и сочнѣе, нежели въ Европѣ.

Живность на островѣ Явѣ въ изобиліи; она во множествѣ потребляется Европейцами и Явайцами. Куры и утки снабжаютъ кухню богатыхъ и бѣдныхъ; соленныя утиныя яйца вывозятся отсюда жителями округа Дави, которые одни содержатъ болѣе 10 тысячъ штукъ этой птицы. Утиныя яйца, какъ кажется, имѣютъ совершенно особый и пріятный вкусъ.

Въ Явѣ чрезвычайно много разной дичи. Тамъ встрѣчаютъ кабановъ, оленей, киданговъ, родъ маленькихъ дикихъ козлятъ, весьма вкусныхъ зайцевъ, павлиновъ, глухарей, перепелокъ, которыя несравненно болѣе Европейскихъ, и бекасовъ въ нѣкоторыя времена года.

Хищныя и дикіе звѣри рыщутъ во всѣхъ мѣстахъ. Царемъ ихъ считаютъ королевскаго тигра и Леопарда, отъ коихъ, кажется, происходитъ черный тигръ; потому что въ одномъ гнѣздѣ найдены были и обыкновенныя крапчатые и черныя тигры съ нестрѣмными пятнами; эти звѣри дѣлаютъ ужасныя опустошенія въ той странѣ. Они съѣдаютъ въ обыкновенный годъ отъ 200 до 300 жителей. За то Явайцы имѣютъ къ тигру родъ какого то сувереннаго почитенія. Въ одной деревнѣ, дѣлаютъ даже сборъ для удовлетворенія ярости этого плотояднаго звѣря; сборъ

состоитъ изъ говядины, разнаго рода падаль и остатковъ съ боенъ; пожертвованія приносятся ежедневно, въ надеждѣ, что эта подать смягчитъ царей лѣсовъ, и сохранитъ людей и ихъ стада отъ ярости ихъ. Разумѣется, что это мало приносить пользы. Колониальное правительство, желая способствовать постепенному уничтоженію опасныхъ животныхъ, назначило награду за каждую принесенную голову этого звѣря; съ того времени въ годъ убиваютъ отъ 350 до 400 тигровъ. Для охоты на тигра обыкновенно сажаютъ козу въ широкій и глубокій ровъ, сверху котораго ставятъ западню. Лишь только звѣрь попадетъ въ ловушку, его закалываютъ коньями, или запираютъ въ плотную деревянную клетку, которую послѣ выносятъ на травно буйволовъ.

Травля буйвола и тигра, составляющая любимый предметъ забавы саповниковъ и главнѣйшихъ лицъ той страны, представляетъ довольно занимательное зрѣлище. — Благодаря старанію, съ которымъ подтачиваютъ рога буйвола, онъ всегда почти остается побѣдителемъ. Тигръ всегда боится противника, явно на него наступающаго; онъ смѣлый зачинщикъ только тогда, когда нападаетъ на непріятеля сзади и неожиданно; весьма часто, вмѣсто того, чтобъ выскочить изъ клетки на буйвола, онъ со страхомъ сжимается клубкомъ въ уголъ и принуждаетъ выгнать себя оттуда насильно, рогами, зажженными головнями, или горячею водою. Иногда владѣльцы тѣщутся зрѣлищемъ, называемымъ у нихъ *ракмак-матжанг*. Это травля, въ которой вмѣсто того, чтобъ выпустить тигра на буйвола, его выпускаютъ среди четырехъугольнаго пространства, окруженнаго двумя или тремя тысячами вооруженныхъ коньями людей, составляющихъ какъ бы щетинистую желѣзную стѣну. Сперва тигръ кружится среди этого пространства; потомъ, возбуждаемый криками толпы, старается, перескочить черезъ воиновъ, и всегда почти наткнется на непріятельское оружіе.

Носорогъ въ Явѣ не такъ опасенъ, какъ тигръ; онъ нападаетъ на человека только тогда, когда тотъ хочетъ заслонить ему дорогу. Шакалы и тигръ-кошка, встрѣчаются во множествѣ въ этихъ лѣсахъ, какъ обезьяны и разнаго рода олени. Слоновъ вовсе не замѣчено.

Изъ птицъ въ Явѣ водятся всѣ называемыя

мѣ въ Европѣ домашними. Семейство попугаевъ изобилуетъ породами совершенно не извѣстными въ прочихъ странахъ жаркаго пояса. Въ числѣ ихъ бѣлые катакуа съ желтымъ хохломъ, и красный лори съ радужно — фіолетовыми крылышками, наиболѣе отличаются своею красотою и почитливостію. Лори, покрытый черными и голубыми перьями, знаменитъ по одной изъ сказокъ *Тысли одной ночи*. Казуаръ, курообразная птица, безъ нуху на перьяхъ своихъ крыльевъ, имѣетъ наружный видъ строуса, перья похожія на шерсть кабана и козлиную голову; и во множествѣ встрѣчается на Явѣ. Но самая достопримѣчательная птица въ этой странѣ есть конечно саланганъ, Индійская ласточка (*hirundo esculenta*), о которой мы уже нѣсколько разъ упоминали. Это маленькія голубыя птички, многотысячными стадами обитающія въ глубокихъ и мрачныхъ ущельяхъ южныхъ береговъ. Всѣ знаютъ, какъ дорого цѣнятся Китайскіе Дукуды гнѣзда этихъ ласточекъ, видомъ похожія на апельсинную корку. Вымоченныя въ водѣ, до того, чтобъ онѣ отдѣлились слизистыми жидкостями, гнѣзда эти употребляются въ приправу къ соусамъ, супамъ и пирогамъ. Ихъ возбуждательное свойство; какъ полагаютъ, во многомъ способствуетъ къ возвышенію въ глазахъ Китайцевъ ихъ цѣны и достоинства.

Бѣлая масса, изъ которой составлены эти гнѣзда, не была еще подробно разсмотрѣна. Одни считаютъ ее за морскую птицу, другіе, мнѣніе которыхъ наиболѣе принято, за остатки различныхъ насѣкомыхъ, которыми питается птица. Г. Хогендорпъ тщательно разсматривалъ одно изъ богатѣйшихъ, населенныхъ саланганами, ущель въ Клампа-пунгалѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бюйтенцорга. Ласточки, вылетая изъ жилищъ своихъ безчисленными толпами, какъ пчелы изъ ульевъ, никогда не отлетаютъ отъ нихъ на дальное разстояніе; потому то, кажется невозможнымъ, чтобъ эта птица летала къ морю за матеріалами, изъ которыхъ составляетъ гнѣзда, находящіяся въ ущельяхъ, лежащихъ весьма далеко отъ прибрежій.

Гнѣзда ласточекъ, въ такомъ множествѣ потребляемыя и добываемыя безъ труда, послужили многимъ владѣльцамъ острова средствомъ быстраго обогащенія. Ущелья и земля Клаппа-пунгала, о которой мы говорили, приносятъ ежегодно отъ 70 до 80,000 піа-

стровъ дохода (отъ 350 до 400,000 фран.). Сорокъ лѣтъ тому назадъ, это богатство было вовсе не известно. Какой то бѣдный Португальскій купецъ печально замѣтилъ отверзгіе ущелья, вокругъ котораго вилась миллионы ласточекъ. Постигнувъ все достоинство открытой имъ драгоценности, онъ купилъ у правительства нѣсколько пустыррей, лежавшихъ у подошвы горы, включивъ въ свое владѣніе драгоценное ущелье. Имѣя сынъ этого Португальскаго купца есть богатѣйшій изъ набавовъ острова, и платитъ огромнѣйшую подать, ибо ему принадлежатъ три округа острова.

Для добыванія гнѣздъ, туземцы употребляютъ длинныя бамбуковыя лѣстницы, посредствомъ коихъ они пробиваются къ самымъ крутымъ утесамъ, перелѣзая изъ одного ущелья въ другое, изъ одного грота въ другой. Иногда въ утесѣ бываетъ одно только подземелье, а иногда нѣсколько, расположенныхъ одно надъ другимъ. Изъ предосторожности, чтобъ туземцы, на которыхъ возложенъ сборъ гнѣздъ, не похищали ихъ, этихъ людей пускаютъ въ ущелья совершенно нагими. Магометанскій священникъ благословляетъ ихъ при вступленіи на лѣстницу и по возвращеніи: обычай, подѣляющій набожности служащей просто надзоромъ; священники, которымъ впрочемъ платятъ за это чрезвычайно дорого, дѣлаются просто надсмотрщиками сбора гнѣздъ.

Иваецъ, получивъ благословеніе, спускается въ подземелье, держа въ рукѣ каучуковый факель (*Ficus elastica*) съ калпачкомъ. Дотрогиваясь до гнѣзда, онъ быстро подымаетъ калпачекъ; пламя отъ скорой загаремости резины сейчасъ показывается и позволяетъ такимъ образомъ удобно и скоро собирать гнѣзда, не пугая многочисленныхъ обитателей ущелья. Для сбора нужно только замѣчать время, въ которое ласточки несутъ яйца и когда молодыя птички покидаютъ гнѣзда. Въ продолженіе этого времени ихъ обыкновенно оставляютъ въ совершенномъ покоѣ; но эта часть гнѣздъ бываетъ собираема прежде, нежели ласточки положатъ яйца, потому что они тогда чище: эти гнѣзды называются гнѣздами *перваго разбора*. Второго, третьяго и четвертаго разбора гнѣзда суть тѣ, которыя бываютъ сдѣланы во второй разъ, и въ которыхъ ласточки воспитываютъ своихъ птенцовъ. Они не столь чисты и красивы какъ первыя, и всегда

покрыты маленькими перышками, отстающими отъ нихъ съ большимъ трудомъ, даже съ помощію воды. Обыкновенная цѣна гнѣзда, перваго разбора 3000 піастровъ за пикль, въ 125 ф.; фунтъ въ 16 унцій вмѣщаетъ отъ 50 до 60 гнѣздъ. Гнѣзды втораго разряда продаются отъ 1,400 до 1,500 піастровъ; третьяго отъ 700 до 800 піастровъ за пикль. Въ резиденціяхъ Джоккарта и Суракарта, гнѣзда изъ нѣкоторыхъ ущельй добываются на счетъ правительства.

Райскія птицы, введенны въ Яву, имѣютъ ихъ считаютъ отъ 10 до 12 разныхъ сортовъ.

Пресмыкающіеся встрѣчаются во множествѣ; рѣки наводнены кайманами, а лѣса змѣями. Последнія такъ же многочисленны, какъ разнообразны; здѣсь находятся всѣ виды, начиная съ боа до билудака, змѣйки отъ 8 до 10 дюймовъ длины, но столь ядовитой, что отъ укушенія ее чрезвычайно скоро умираютъ. Лекарствомъ противъ нанесенной раны служить пріемъ въ известномъ количествѣ спирта изъ оленьихъ роговъ и летучей щелочи, или прижиганіе каленымъ желѣзомъ и адскимъ камнемъ. Въ числѣ ядовитыхъ наѣсковыхъ, надо считать скорпионовъ и тысячножекъ, наполняющихъ здѣсь почти всѣ дома. Противъ боли, чувствуемой отъ ужаленія этихъ наѣсковыхъ, Явайцы употребляютъ катапласмы изъ лука, или мелкой извести, которую они кладутъ въ составъ бетеля.

Валентинъ насчиталъ въ Явѣ 538 сортовъ различныхъ рыбъ. Имѣвшіе естественныя испытатели, Гг. Темминкъ, Рейнвардъ и Блумъ, еще увеличили этотъ списокъ. Научны обязаны этимъ терпѣливымъ и добросовѣстнымъ ученымъ многими отдельными трудами, въ которыхъ естественная исторія Явы представлена подѣлами видами и со всѣми подробностями.

Этиология этого острова чрезвычайно занимательна для изученія. Обитающее здѣсь племя есть измѣненіе Малайскаго, которое распространено по всей длинной цѣпи острововъ, простирающихся отъ оконечности Суматры до южной оконечности Тимора. Люди эти загорѣлаго цвѣта, плотны и хорошо сложены; ротъ у нихъ широкій, носъ короткій, острый и мало выдающійся, глаза маленькіе, темные, быстрые, и длиннѣе, но твердые черные волосы. Женщины двумя дюймами ниже мужчинъ; кожа ихъ желтовато-золотистаго цвѣта, воспитываема въ Явай-

ской поэзии, какъ румянецъ нашихъ дамъ въ нашихъ мадригалахъ и романахъ. Для Явайцевъ изобрѣтены разныя пригиранія желтаго цвѣта, какъ для Европейцевъ румянъ и бѣлизна.

Почти всѣ люди этой породы трудолюбивы, искусны, проворны, хитры, иногда даже злопамятливы; ихъ считаютъ или первобытными тамъ, или уроженцами Бирманскаго полуострова. Последнее мнѣніе принадлежитъ доктору Буханану; но Кравфурдъ не раздѣляетъ его.

Жители Явы одарены чрезвычайно сильнымъ и здоровымъ сложеніемъ. Долголѣтіе ихъ почти то же, что и у Европейцевъ; нерѣдко встрѣчаются люди столѣтніе. Воспалительныя болѣзни не столь опасны и часты, какъ въ Европѣ. Но за то лихорадкою умираютъ десять человѣкъ изъ ста. Оспа, до введенія прививки, также во множествѣ истребляла жителей. Чума же и водобоязнь вовсе не извѣстны; однако полагаютъ, что Самарангъ, одна изъ пристаней острова Явы, была колыбелью холеры.

Въ странѣ, столь жаркой и находящейся подъ властію Магометанскаго закона, кунанье есть необходимость, привычка, даже обязанность, и потому Явайцы кунаются во всякое время дни, то въ рѣчныхъ, то въ ключевыхъ водахъ. Солнце въ нѣкоторое время года бываетъ такъ знойно, что одинъ ударъ его луча можетъ лишить жизни. Затѣмъ то мужчины весьма рѣдко ходятъ безъ платка на голову. Женщины же достаточно защищены длинными сплетенными волосами. Въ снѣдствіе какого то чуднаго предразсудка, лунный свѣтъ считаютъ здѣсь опаснымъ, до того, что Европейскіе матросы, убѣжденные въ вредномъ его дѣйствіи на здоровье, со всевозможнымъ тщаніемъ укрываются отъ него.

Явайцы кротки, безпечны и сговорчивы. Господинъ повелѣваетъ рабамъ своимъ добродушно, и наказываетъ ихъ безъ излишней строгости. Сверхъ того, они угрюмы, терпѣливы, довольствуются малымъ, покорны начальникамъ, гостепріимны съ чужеземцами, привержены къ преданіямъ ихъ рода и къ семейственнымъ узамъ, и любятъ землю, на которой родились. Въ противоположность этихъ хорошихъ качествъ, надо прибавить, что они ревнивы, злопамятны, лукавы, часто злы, имѣютъ разныя предразсудки, и вмѣстѣ съ тѣмъ легковѣрны. Послед-

ній недостатокъ укоренился въ нихъ съ неистощимой силою. Почти всѣ Явайцы, исключая тѣхъ, которые частыми сношеніями съ Европейцами поставлены выше всѣхъ суевѣрій, вѣрятъ снамъ, колдовству, волшебству и разнымъ предзнаменованіямъ. Они увѣрены, что гении обитаютъ въ лѣсахъ и на горахъ. Когда воры обокрадутъ какой нибудь домъ, то они бросаютъ на него много земли изъ свяжевырытой ямы, полагая погрузить въ летаргической сонъ всѣхъ обитающихъ въ домѣ. Бросивъ же землю на постель, они считаютъ чары еще болѣе дѣйствительными. Вѣрованія этого рода сводятъ иногда съ ума цѣлое народонаселеніе. Старой волшебницѣ приснилось однажды, что небесная сила низойдетъ съ Сумбинга, самой высокой горы, на святой землѣ; въ ту же минуту пять или шесть тысячъ работниковъ принялись за дѣло, и неустанно работали въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, чтобъ ожидаемому божеству удобнѣе было сойти въ долину.

Близъ Явайцевъ на томъ же островѣ обитаютъ еще многія другія племена, всѣ уже извѣстныя и описанныя нами, какъ то: Китайцы, эти кочующіе промысленики, Мавры, пришедшіе съ полуострова Деккана, Малайцы и Вуги полу-пегеоціанты, полу-индусы, и наконецъ сословіе людей, рожденных отъ Европейцевъ и Индійцевъ, Метисы, названныя Португальцами.

Почти всѣ Явайцы Магометанскаго вѣроисповѣданія. Исламизмъ введенъ въ этомъ архипелагѣ уже около трехъ сотъ лѣтъ, и съ такою ревностію, что въ Явѣ считаютъ теперь только два селенія, въ которыхъ устояло прежнее буддическое вѣроисповѣданіе. Одно изъ этихъ племенъ, именуемое Ведун, находится въ отдаленной странѣ Бантамской резиденціи; другое въ восточной части острова.

Явайцы, строгіе Магометане только для внѣшнихъ обязанностей. Они въ точности соблюдаютъ обрѣзаніе, омовеніе, рамазанъ; не ѣдятъ многихъ запрещенныхъ имъ мясъ, но не имѣютъ ни какого понятія ни о правдивости, ни о догматахъ вѣры, и не всегда воздерживаются отъ крѣпкихъ напитковъ, какъ то предписано всякому истинному послѣдователю Магомета. Почти всѣ они невѣжды и не имѣютъ даже ученыхъ священниковъ; рѣдко кто изъ нихъ умѣетъ читать Коранъ, а еще рѣже встрѣчаются лю-

ди, которые трудными и долговременными путешествіями въ Мекку, приобрѣли наипочвеніе *хаджи*. Эти пѣны едва умѣютъ читать, писать, бормотать нѣкоторые стихи священной книги; и дѣлать всякаго рода тѣлодвиженія, которымъ придаютъ видъ обряда. Отъ того то они сами, и правовѣрные, ими руководимые, все почти люди совершенно безправственные. Религія въ Явѣ чрезвычайно снисходительна и легко соблюдается; она принимаетъ разныя средства къ примиренію, смягчаетъ устами пѣнамовъ строжайшія свои правила, приводя все къ правственности весьма мало назидательной. Иногда здѣсь исламизмъ съ видимыми признаками древнихъ преданій первобытнаго вѣроисповѣданія, превращается въ магометанство съ примѣсью будизма. Отъ того то, кромѣ двухъ большихъ праздниковъ, предписанныхъ Кораномъ, здѣсь имѣютъ еще третій, въ честь предковъ; это древнее празднество, соединено въ церковныхъ ихъ книгахъ со днемъ рождества Магомета, главѣйшимъ ихъ праздникомъ. Во время служенія поклонники плагаютъ на себя раззолоченныя изображенія змѣй, животнаго, похожаго на птицу и другаго звѣря въ родѣ ланг. Все фигуры, по видимому, имѣютъ браманнческія аллегорическія значенія, и составляютъ какъ бы противорѣчіе нѣмъ царствующему вѣроисповѣданію.

Множество господствуетъ въ Явѣ, какъ во всехъ странахъ магометанства; оно болѣею частію введено между людьми богатыми, имѣющими возможность; цѣною золота, покупать себѣ женъ, и содержать гаремы. Принцы крови, и главѣйшіе начальники имѣютъ обыкновенно, исключая наложницъ, четыре законныя жены; низшіе начальники двѣ, и не болѣе трехъ, все прочіе жители должны довольствоваться только одною женою. Правда, что законъ ихъ, наэтотъ счетъ весьма снисходительный, позволяетъ частые разводы. Но всегда жена, или потому что имѣетъ дѣтей, или умѣя взять первенство въ семействѣ, овладѣваетъ этимъ правомъ, и наконецъ совершенно уничтожаетъ его въ свою пользу. Принцы и регенты никогда не разводятся съ первыми своими женами, потому что званіе и семейство жены обыкновенно бываютъ равны съ званіемъ мужа. Въ этомъ случаѣ супружескіе договоры бываютъ обѣчены такою силою, что только самыя важнѣйшія причины могутъ оправ-

дать разводъ. Впрочемъ женщина высшаго сословія пользуется большими преимуществами. Она равна своему мужу; сама принимаетъ гостей въ *даламъ*, и владычеству надъ прочими женами, сама ограничиваетъ ихъ права и преимущества.

И такъ женщины въ Малайскомъ архипелагѣ не доведены до того униженія, въ которомъ находятся въ прочихъ Магометанскихъ земляхъ. Конечно мужъ платитъ за жену свою; но покупая ее, онъ не покупаетъ права пренебрегать ею; она обѣщаетъ съ нимъ за однимъ столомъ, раздѣлять его богатство и бѣдность; можетъ безъ стыда и препятствій показываться въ обществѣ, ибо она изъ него не исключена. и участвуетъ въ совѣтахъ и пирахъ. Нѣсколько женщинъ даже царствовали въ Малайскихъ странахъ.

Женщины въ Явѣ весьма искусны: онѣ занимаются разными мастерствами, и чтобы промышлять ими, ходятъ по улицамъ. Однѣ только знатнаго рода женщины живутъ затворницами, и къ тѣмъ однако же нѣкоторые Европейцы были впущены въ гаремы.

Явайцы выходятъ замужъ въ весьма молодыхъ лѣтахъ. Въ 20 лѣтъ дѣвушка считается уже старушкою. Когда отецъ молодого Явайца полагаетъ, что сынъ нашелъ подругу, которая ему нравится, онъ предварительно сговаривается съ отцемъ дѣвицы; послѣ чего женщины продолжаютъ неговореніе, обыкновенно оканчивающуюся бракомъ. Тогда женихъ посылаетъ свой подарокъ, состоящій въ перстнѣ, или въ кускѣ матеріи; это сопровождается посылкою ареновыхъ орѣховъ, называемыхъ *пѣнангъ*, откуда произошло и глаголъ *маттѣнангъ* (обручать). Послѣ этого перваго обряда, семейство и друзья жениха являютъ съ подарками *ламарамъ*, что дѣлается для обнародованія женитьбы. Затѣмъ родственники уговариваются между собою о цѣнѣ, которая будетъ заплачена за невесту, деньгами, драгоценностями, полотнами, рисомъ, буйволами и пр.

Когда все это кончится, женихъ идетъ въ мечеть, гдѣ *пангулу* спрашиваетъ его, заплатитъ ли онъ условленную цѣну, и получивъ утвердительный отвѣтъ, произноситъ заповѣдную формулу: «Соединяю тебя (имя жениха) узамъ супружества съ (такою-то), которая будетъ женою твоею на семь

свѣтъ. Ты долженъ исполнить условія обязательства, или останешься должникомъ. Ты отвѣчаешь за поступки твоей жены. Если ты будешь въ домѣ твоего болѣе семи мѣсяцевъ на землѣ, и болѣе года на морѣ, и не доставишь женѣ средствъ существованія, то бракъ твой будетъ уничтоженъ при первомъ требованіи со стороны твоей жены, безъ всякаго суда, и ты подвергнешься наказанію, предписанному Магометанскимъ закономъ.» Послѣ этого духовнаго обряда, требуемаго исламомъ, слѣдуютъ собственно Малайскіе обряды. Они состоятъ въ томъ, что супруговъ, наряженныхъ въ драгоценныя одежды и богато украшенныхъ, водятъ на лошадяхъ, или въ носилкахъ, по самымъ многолюднымъ мѣстамъ деревни, или города, въ которомъ они живутъ. На свадьбахъ знатныхъ особъ, человекъ, наряженный шутомъ, идетъ впереди процессіи, кривляясь и дѣлая различныя гримасы. Процессія такимъ образомъ входитъ въ домъ отца невесты, гдѣ молодые садятся рядомъ, дѣлятъ рисъ изъ одного блюда, и жуютъ бетель изъ одной коробки; этотъ обрядъ точно тотъ же, который соблюдался у древнихъ Римлянъ при бракосочетаніяхъ. Иногда молодая должна омыть ноги мужу. Въ некоторыхъ округахъ введено въ обыкновеніе нести горящую головню предъ невестою и тушить ее потомъ въ водѣ. На слѣдующій день супругъ беретъ жену въ свое жилище, гдѣ ихъ ожидаютъ другіе, окончательные, обряды бракосочетанія.

Многоженство въ этомъ архипелагѣ не уменьшилось, кажется, народонаселенія. По статистическимъ изслѣдованіямъ видно даже, что народонаселеніе Явы увеличилось. Некоторые вожди имѣютъ множество дѣтей, такъ напримѣръ, у Тубанскаго регента, ихъ было шестьдесятъ восемь. Родины празднуютъ съ большимъ торжествомъ. Когда женщина беременна въ первый разъ, то въ домъ учреждается праздникъ, послѣ седьмого мѣсяца другой, и наконецъ, при родахъ, третій; тутъ дается новорожденному имя, какое вздумаютъ, потому что именъ семейныхъ нѣтъ. Благочестивыя особы даютъ своимъ дѣтямъ имена Арабскія; другія какойнибудь Малайскій эпитетъ: *добрый, любезный, великодушный*, и пр. При этомъ соблюдается только, здѣсь, какъ и въ Аравіи, чтобы отецъ прибавлялъ къ своему имени имя, данное новорожденному его сыну.

Обрядъ обрѣзанія исполняется надъ мальчиками, отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ.

Похороны совершаются скромно, безъ крика и шума: умершаго въ ночь хоронятъ на другой день; если же кто умретъ днемъ, то похороны совершаются до захожденія солнца. Ограда или плетень и земляная насыпь, означаютъ мѣсто, гдѣ погребено тѣло; рѣдко ставится надгробный камень и надпись. Вокругъ кладбища сажаютъ самбан (*plumieria obtusa*); зелень ихъ располагаетъ къ задумчивости. Впрочемъ при похоронахъ знатнаго или богатаго человека, соблюдается болѣе торжественности въ церемоніяхъ. Все родные собираются въ домъ покойника, гдѣ имъ раздаютъ серебряныя монеты. Каждому имаму дается по пиастру, по куску полотна и по небольшой цыновкѣ. Покойника омываютъ, обертываютъ бывлымъ полотномъ, и кладутъ въ гробъ, покрытый крашенымъ холстомъ и цвѣточными гирляндами. Чѣмъ великолѣпнѣе похороны, тѣмъ болѣе видно дорогихъ коней, и зонтиковъ. Друзья и родственники слѣдуютъ за гробомъ до могилы, и не прежде расходятся, какъ по произнесеніи имамомъ окончательной молитвы. Затѣмъ въ продолженіе цѣлой недѣли, имамы приходятъ ежедневно въ домъ покойнаго молить Бога о спасеніи его души. На третій, на седьмой, на четырнадцатый, на сотый и на тысячный день, совершаются такъ называемыя *сидика*, родъ поминанья. Разумѣется, все это дѣлается только послѣ покойниковъ, которые оставляютъ большое состояніе. Похороны Китайцевъ, согласно съ народнымъ ихъ обычаемъ, бываютъ столь же пышныя и гораздо болѣе шумныя. Каланги обыкновенно разбиваютъ кокосовый орѣхъ и выливаютъ изъ него молоко на гробъ, а куски кладутъ у головы и у ногъ покойника. Явайцы соблюдаютъ особенно простоту за своимъ столомъ. Сидя на землѣ, на цыновкахъ, они ѣдятъ рыбу, рисъ или мясо, пальцами, и моютъ руки прежде и послѣ обѣда. Главное ихъ питье состоитъ изъ отвараенной воды, которую иногда настаиваютъ кореньями. Два или три раза въ день они пьютъ чай. Впрочемъ на народныхъ обѣдахъ подается множество блюдъ. Ѣдятъ обыкновенно два раза въ день: предъ полуднемъ и въ осьмомъ часу вечера. Поутру пьютъ чашку кофе съ широккомъ изъ риса.

Сири, приготовляемый изъ бетеля, во всеобщ-

щемъ употребленіи въ Явъ, какъ во всѣхъ земляхъ, населенныхъ Индійскимъ и Малайскимъ племенами. На листъ сиріи натираютъ ложкою небольшое количество *terra japonica*, вещества пріятно-горькаго, и нѣсколько негашеной извести. Къ этому прибавляютъ ареховаго орѣха, имѣющаго наркотическое свойство, и дѣлаютъ изъ этой смѣси шарикъ для жеванія. Употребленіе *сиріи*, какъ известно, портитъ ротъ, чернитъ зубы, и производитъ на губахъ кровавую слюну; но Явайцы никакъ не хотятъ отъ него отказываться. Все безъ исключенія, мужчины и женщины, носятъ при себѣ всегда коробку съ *сиріи*. Нюхательный табакъ здѣсь извѣстенъ съ 1600 года, и называется *табако*. Сигары Явайскіе превосходны.

Хмѣльные напитки здѣсь двухъ родовъ, *бадекъ* и *бромъ*. Бадекъ дѣлаютъ изъ клейкаго риса, называемаго *кетангъ*, варя его вмѣстѣ съ дрожжами, называемыми *ражи*, и составленными изъ лука, чернаго перца и *capsicum*. Смѣсь обращаютъ въ шарикъ, которые изпускаютъ изъ себя жидкость, она-то и есть *бадекъ*; остатки, или выжимки, имѣющія тоже хмѣльной вкусъ, продаютъ на рынкѣ, какъ лакомство. Для полученія *брома*, также варятъ *кетангъ* и *ражи*, и даютъ имъ просочиться; но получаемая изъ смѣси жидкость зарывается въ землю на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы сдѣлаться болѣе спиртуозною; иногда даже ее вывариваютъ. Бромъ бываетъ темнаго цвѣта, желтаго или краснаго, судя по качеству употребленнаго риса; если онъ простонѣтъ нѣсколько лѣтъ, то легко можно опьянѣть отъ небольшого количества. Въ Суракартѣ дѣлается также родъ пива изъ листьевъ *паріи*, съ сахаромъ и пряностями; но нельзя его держать болѣе пяти или шести дней.

Весьма немногіе изъ Явайцевъ имѣютъ страсть къ этимъ хмѣльнымъ напиткамъ. Къ тому же религія запрещаетъ ихъ употребленіе. Что касается до опиума, то употребленіе его доводитъ этихъ людей до лихорадочнаго и восторженнаго состоянія. Хотя на Малайскомъ языкѣ и говорятъ: *пимъ опиумъ*, но его не пьютъ, а курятъ; для чего употребляютъ трубки изъ дерева или изъ тростника (*падудангъ*), толщиною и длиною съ обыкновенную флейту. Одинъ изъ концовъ берется въ ротъ; въ другомъ сдѣлана дыра, въ которую вставляется маленькая мѣдная воронка съ табакомъ, мелко истрошеннымъ и смѣшаннымъ съ опиумомъ, но пригото-

леннымъ нарочно для этого употребленія. Дымомъ затягиваются или выпускаютъ его изъ ноздрей; нѣсколькихъ глотковъ достаточно для опьяненія и возбужденія сопровождающихъ его ощущеній. Говоря о Китайцахъ, мы видели, какія дѣйствія производитъ это наркотическое куреніе; однажды привыкнувъ къ этимъ неопысываемымъ наслажденіямъ, нельзя отъ нихъ отказаться: легче отстать отъ пищи. Каждый день надо прибѣгать къ опиуму, и съ каждымъ днемъ надобно увеличивать пріемъ; за то чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ обнаруживаются послѣдствія этой несчастной страсти. Аппетитъ теряется; глаза становятся красные, опьянѣлые; умственные способности притупляются; тѣло вянетъ, худѣетъ и томится изнурительною чахоточною болѣзнію.

Во всѣхъ повѣствованіяхъ объ Индіи говорятъ о курителяхъ опиума, которые въ болѣзненномъ изступленіи бѣгаютъ по улицамъ съ книжалою въ рукахъ и нападаютъ на прохожихъ; мѣстныя власти должны были объявить ихъ лишенными покровительства законовъ, и позволять жителямъ убивать ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Г. Хогендорпъ, долго управлявшій Батавскою колоніею, доставилъ намъ достовѣрные свѣдѣнія объ этомъ предметѣ; онъ въ повѣствованіи своемъ замѣнилъ истинными фактами всѣ сказки объ *амонъ-амонъ* (убивай, убивай), сочиненныя путешественниками-романтиками.

«Путешественники,» говоритъ этотъ разумный наблюдатель, «съ преувеличеніемъ рассказывали о преступленіяхъ, которыя совершаютъ въ опьяненіи курители опиума. Долготѣе пребываніе между Явайцами, и непрерывныя сношенія мои съ тамошнею полиціею убѣдили меня въ томъ, что подобныхъ примѣровъ не было, или было очень мало. Весьма рѣдко нарушается спокойствіе въ *амбеозикиттенахъ* (лавкахъ, гдѣ продается опиумъ приготовленный, и гдѣ собираются курители подъ надзоромъ полиціи); напротивъ того, эти лавки нерѣдко служили къ важнымъ открытіямъ и навели на слѣды преступленій, долго скрывавшихся въ тайнѣ. Въ старинныхъ повѣствованіяхъ часто упоминается объ *амокенуэрахъ*, которые въ слѣпомъ изступленіи бѣгали по улицамъ, нападали на прохожихъ, убивали ихъ, доколотъ не удавалось кому нибудь убить ихъ самихъ. Подобныя явленія стали гораздо рѣже со вре-

мени прекращенія торго невольниками. Истинствомъ, о которыхъ мы говоримъ, предавались обыкновенно Бугійцы или Балійцы, только что привезенные и проданные; между ними весьма многіе, отъ грусти по родныхъ и родныхъ, но невѣсть, по женѣ, или отъ того что не могли исполнить приказаній, которыхъ не понимали и за то страшились наказаній, чувствовали столь сильное отвращеніе къ жизни, что проходили въ совершенное истомство, и съ первымъ появившимся имъ оружіемъ слѣпо нападали на всякаго, зная, что ихъ вскорѣ убьютъ, и тѣмъ прекращать ихъ страданія. Бываютъ также случаи *амокъ* между Явайцами и во внутренней части острова; впрочемъ я никогда не видѣлъ, чтобы они были слѣдствіемъ опіума; напротивъ того, къ подобнымъ дѣйствіямъ вынуждаютъ ревность, мщеніе, весьма часто отчаяніе преступника, попавшаго въ руки правосудія, сдѣлавшагося, по выраженію Малайцевъ, *мата-глабъ* (слѣпымъ, ищущимъ смерти), и стремящагося убить всякаго, кто ему попадется.

«Выраженіе: *мата-глабъ*, собственно значить *потемнѣлые глаза*: оно въ больномъ употребленіи между жителями острововъ Индійскаго архипелага; пѣтъ сомнѣнія въ томъ, что бывъ надѣлены умственными способностями весьма ограниченными, эти люди легко впадаютъ въ безуміе при каждомъ чрезвычайномъ обстоятельстве или большой опасности; но, съ другой стороны, они перѣдко употребляютъ во зло этотъ предлогъ, почитая его законнымъ извиненіемъ всѣхъ дурныхъ поступковъ. Приведутъ ли въ судъ вора, зажигателя, убійцу, на вопросъ о томъ, что побудило къ преступленію, можно считать смѣло, что изъ десяти человекъ, девять станутъ отвѣчать: *мата-глабъ*, увѣряя, что они были ослѣплены, потеряли разсудокъ.

У Явайцевъ множество игръ и увеселеній. Они выдумываютъ тысячу способовъ убивать время и развлекать себя. Самыя дѣтскія забавы правятся ихъ беззаботному характеру. Развлеченія женщинъ состоятъ въ взаимнымъ посѣщеніяхъ, въ продолженіе которыхъ онѣ жуютъ *сири*, рассказываютъ исторіи, или поютъ съ акомпаниментомъ тамбурина. Мужчины, страстные охотники, какъ и всѣ Малайцы, до драки пѣтуховъ. Бой перепелокъ, или *буру-гука*, составляетъ также одно изъ народныхъ увеселеній; дѣти, слѣдуя этому примѣру, заставляютъ драться кузнечиковъ.

Даже взрослые не пропускаютъ случая заставить драться сверчковъ. Они закладываютъ значительныя суммы за каждое изъ сражающихся насекомыхъ, и понуждаютъ ихъ, щекоча имъ члены сухою травою.

Бываютъ однако же драки болѣе важныя. Явайцы отъ природы не забіяки, но дерутся въ урочное время, послѣ предварительныхъ условій о всѣхъ обстоятельствахъ боя, который у нихъ называется *актонъ*. Эта игра состоитъ въ томъ, что поединщики бьютъ другъ друга палкою въ такту, пока одинъ изъ двухъ не объявитъ себя побѣжденнымъ. Можно наносить удары по всѣмъ частямъ тѣла, но должно предохранять голову отъ ранъ, окутывая ее кускомъ полотна, такъ, что только глаза остаются открытыми. Каждый разъ можно наносить одинъ ударъ, потомъ слѣдуетъ отступить и получить ударъ въ свою очередь. Поединокъ иногда продолжается при звукахъ музыки цѣлый часъ; воители выходятъ съ широкими кровавыми ранами. Зрители, какъ судьи на турнирѣ, разнимаютъ ихъ, если замѣтятъ, что не соблюдаютъ установленныхъ правилъ.

Таковы народные игры; знатные люди имѣютъ также свои забавы, болѣе благородныя. Драки буйвола и тигра, смерть тигра среди густаго куста копейщиковъ, зрѣлища, о которыхъ мы уже говорили, принадлежать къ этому разряду. Прежде устроивали также борьбы тигра съ преступникомъ. Это вышло; по въ 1812 г. было возобновлено по поводу двухъ преступниковъ, о которыхъ упоминаетъ Кравфурдъ. Каждому изъ нихъ дали кинжалъ, съ притупленнымъ концемъ; потомъ открыли кѣтку, откуда вышелъ тигръ, и тотчасъ же раздѣлялся съ однимъ преступникомъ; по другой послѣ двухъ часовато боя убилъ звѣря, нанесъ ему множество ударовъ по головѣ, подъ глазами и за ушами. Побѣдитель не только былъ прощенъ, но произведенъ въ чинъ *монтри*. Бой буйволовъ весьма обыкновенны въ Мадюре; устроены даже бой бараповъ съ свиньями. Охота въ Явѣ не представляетъ ни того удовольствія, ни того изобилія, какъ на Целебѣ. Дичь скрывается въ неприступныхъ убожищахъ, среди безконечныхъ равнинъ центральной части острова, и когда ее беспокоятъ, прячется въ горы, гдѣ нельзя ее преслѣдовать.

Въ числѣ увеселеній Явайцевъ мы должны упомянуть также и о театральныхъ представленіяхъ. Театръ построенъ въ видѣ открыта-

го сарая, кругомъ котораго садятся зрители. Посрединѣ стоитъ чтецъ, или суфлёръ (*далангъ*) съ палкою въ рукѣ. Онъ открываетъ представленіе прологомъ, поименовываетъ дѣйствующихъ лица, и даетъ каждому изъ нихъ знакъ выступить на сцену, ударяя палкою по полу. Должно бы было ожидать, что каждый актеръ, выйдя на сцену, станетъ говорить свою роль. Ничего не бывало. Самъ *далангъ* за нихъ продолжаетъ говорить, а актеры дѣлаютъ только приличные своей роли пантомимы; драма идетъ такимъ образомъ до конца: одинъ читаетъ, другіе продолжаютъ пантомиму. Актеры богато одѣты въ свои народные костюмы. Женскія роли играютъ молодыми людьми, которые надѣваютъ бѣлыя маски, довольно хорошо сдѣланныя, одичъ правильныя, натурального вида, другія самой странной и уродливой формы (Рис. LX. ф. 2.) Первыя употребляются обыкновенными актерами, вторыя шутами. Замѣчательно, что у Явайцевъ мы находимъ сценическія маски Грековъ и Римлянъ. Впрочемъ драматическое искусство здѣсь еще въ младенствѣ. Вотъ содержаніе одной драмы, о которой упоминаютъ путешественники. Дочь одного Явайскаго царя вышла за князя Балийскаго, который потомъ развелся съ нею, чтобы жить съ одною изъ своихъ наложницъ. Отецъ обиженной принцессы хочетъ отомстить своему зятю оружіемъ. Онъ является къ нему и застаетъ въ разномыслии объятыхъ любовницы. За этимъ слѣдуетъ общій драка между Явайцами и Балийцами. Оба супруга, предводительствуя войсками, встрѣчаются. Принцесса неуязвима, потому что богъ хранитъ ее; она щадитъ преступнаго супруга, но побѣжденная числомъ, попадаетъ въ плѣнъ. Тогда стараются оболести ее множествомъ предложеній, которыя склонили бы сердце не столь ревнивое; мужъ хочетъ ей уступить все, кромѣ своей наложницы; онъ отдаетъ ей половину своихъ сокровищъ, полцарства... гордая Явайка отвергаетъ его предложенія, наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ столь упорной привязанности, Явайку сажаютъ въ байдару и передаютъ волнамъ. Спасенная чудомъ, принцесса входитъ съ свѣжимъ войскомъ въ земли своего супруга, побѣждаетъ его, и овладѣвъ его столицею, еще разъ предлагаетъ ему свое сердце и руку, но невѣрный мужъ предпочитаетъ смерть: онъ убиваетъ себя кинжаломъ, и дьяволъ, по обыкновенію являясь, уноситъ его, и кончаетъ драму.

Этого рода спектакли называютъ *топангъ*; сюжеты почерпаются изъ Явайскихъ хроникъ; элементы состоятъ изъ войны и любви. Когда царь присутствуетъ на представленіи, актеры не носятъ масокъ, и декламируютъ сами свои роли; иначе *далангъ* или главный чтецъ декламируетъ за всѣхъ. Звукъ *гамелана* сопровождаютъ актеровъ и придаютъ болѣе выраженія ихъ декламаціи. *Топангъ* состоитъ обыкновенно изъ десяти чело-
вѣкъ, кромѣ *даланга*.

Топангъ есть удовольствіе высшаго общества; простой народъ, въ замѣнъ его, имѣетъ свой *валингъ*, нѣчто въ родѣ Китайскихъ тѣнѣй. Это маріонеты, ростомъ отъ шестнадцати до двадцати дюймовъ, изъ буйволовой кожи, вырѣзанные съ большимъ тщаніемъ; они каррикатуричнаго вида съ большими носами. Руки, черты лица, острокопечныя ходунки, странные головные уборы, все въ этихъ *валингахъ* имѣетъ форму фантастическую. Итъ сомнѣнія, что Явайцы приписываютъ имъ аллегорическій смыслъ (Рис. LX. ф. 2.) Различныя части этихъ фигуръ прикрѣплены одна къ другой небольшими роговыми гвоздями, и приводятся въ движеніе посредствомъ ниточекъ, привязанныхъ къ концу каждой руки. Бѣлое полотно, въ родѣ занавѣси, натянуто передъ зрителями. Отъ привѣшенной позади лампы занавѣсь сквозитъ. Считаютъ три рода *валинговъ*: *валингъ-пура*, есть древнѣйшій изъ всѣхъ, лица взяты изъ Явайской мифологіи, до эпохи царствованія Паракизита, здѣсь боги и полубоги являются на сцену согласно съ поэмами Рама и Минтараго; *валингъ-гедодъ*, изображаетъ періодъ времени отъ Паракизита до злополучнаго Панжи; наконецъ третій разрядъ, *валингъ-клитикъ*, болѣе маріонеты, нежели Китайскія тѣни, съ фигурами изъ дерева, до десяти дюймовъ величиною, окрашенными и золочеными съ большимъ тщаніемъ. Для этого послѣдняго рода не употребляютъ прозрачной занавѣси. Предметы представленія заимствуются изъ исторіи Панжакарамской имперіи до конца царствованія Маджапагита. *Далангъ* заводитъ всѣми этими представленіями: роль *даланга*, весьма почетная здѣсь, соответствуетъ роли древнихъ бардовъ. *Даланги* даютъ благословеніе первородному сыну cadaго семейства, читая надъ нимъ мѣста изъ древнихъ хроникъ.

Кромѣ *валинговъ* есть еще другія шутовскія представленія для народа: сцены между обезъ-

ляною, собакою и пучкомъ, или пантомима, именуемая *барунганъ*, въ которой дѣйствующія лица наряжены дикими звѣрями; въ заключеніе сниска увеселеній Явайскихъ, должно упомянуть о пляскѣ, называемой *тендакъ*. При наступленіи ночи играетъ музыка и народъ изъ домовъ выходитъ на публичныя площади, гдѣ танцовщицы должны дать свое хореографическое представленіе. Зрители садятся подъ палатку, наскоро разбитую и освѣщенную лампами. Выходятъ танцовщицы; волосы ихъ собраны на теменн; руки, грудь и плечи обнажены; одежда ихъ не скрываетъ отъ взора зрителей ни одной изъ ихъ формъ. Онѣ поютъ и пляшутъ при звукѣ инструментовъ (Рис. LXI. ф. 1.) Узорчатый передникъ, шарфъ, который онѣ держутъ за оба конца и развѣиваютъ по воздуху или легко окидываютъ вокругъ стана, гармоническія и гибкія движенія, низкіе голоса, сладострастные положенія тѣла: вотъ средства, которыми эти женщины, именуемыя *ронгуэнъ*, стараются прельщать Явайцевъ. Заохоченные пляскою, мужчины силится подражать танцовщицамъ, и возбуждаютъ только смѣхъ.

Ронгуэны, твари презрительныя; по султаны имѣютъ у себя другихъ танцовщицъ, называемыхъ *бедойо* или *срими*, соперницъ Индійскихъ баядерокъ. Онѣ составляютъ правильныя балеты, которые могутъ нравиться Европейцу болѣе кривлянію *ронгуэнъ*. До сего времени зрѣлище этихъ плясокъ остается заключеннымъ въ султанскихъ даламахъ. Нажи Явайскихъ государей идутъ предъ ними, когда они показываются всенародно, особеннымъ маршемъ, который можетъ тоже назваться *милскою*. Кромѣ этой, мужчины не имѣютъ другихъ военныхъ плясокъ, подобно ихъ сосѣдямъ, жителямъ Целебеса, Молукскихъ острововъ и Тимора.

Обыкновенныя жилища Явайскихъ поселянъ обходятся не дорого. За четыре рупіи (менѣе 12 франковъ) поселянинъ можетъ имѣть казу съ перегородками изъ плетенаго тростника, и съ кровлею изъ листьевъ нипа или изъ бамбука. Мѣсто, которое служитъ кроватью, нѣсколько выше пола. Отецъ и мать живутъ на одной сторонѣ казы, дѣти на другой. Свѣтъ входитъ въ двери. Вдоль фасада устроена галлерейка (Рис. LXII. ф. 1). Дома знатныхъ людей обширнѣе и строителъ лучше. Они состоятъ изъ пяти или шести комнатъ и имѣютъ деревянный помостъ (Рис.

LXII. ф. 2). Дома эти отличаются отъ Малайскихъ общимъ своимъ расположеніемъ, и тѣмъ, что имѣютъ окна. (Рис. LXII. ф. 3).

Жители полей почти всегда строятся деревнями. Каждая деревня расположена въ типъ деревъ; каждая имѣетъ своихъ сановниковъ и жрецовъ. Здѣсь можно видѣть патриархальное правленіе во всей его простотѣ. Самые города Явайскіе суть не что иное, какъ нѣсколько деревень вмѣстѣ. Въ главномъ городѣ каждого округа находится *кадатонъ*, или царскій домъ, внутренняя часть котораго составляетъ даламъ. Кадатонъ почти всегда укрѣпленъ стѣнами, рвомъ, пушками.

Въ древнемъ правленіи этой страны не было іерархіи слишкомъ сложной. Политическимъ главою общества былъ *сусунамъ* или султанъ; званіе это было наследственное по праву первородства. Сусунамъ имѣлъ власть деспотическую, неограниченную: собственная воля была исключительнымъ для него закономъ. Онъ жаловалъ и разжаловалъ сановниковъ, дарилъ и отнималъ имуществъ, словомъ, былъ полнымъ властелиномъ лицъ и государства. Подъ нимъ правилъ государствомъ vizиръ или *раденъ-адинати*, которому были предоставлены все заботы правленія, а все удовольствія принадлежали султану. За *раденъ-адинати* слѣдовали *банати*, или правители областей, имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ *панджерановъ*, *тумугонговъ*, *анджебайевъ* и *монтриевъ*, правителей разныхъ округовъ. При каждомъ *адинати* или *пати* былъ намѣстникъ, занимавшій его мѣсто въ случаѣ нужды. Все эти сановники, назначаемые волею сусунама, или его министровъ, получали часть той неограниченной власти, которая принадлежала главу правительства. Все они были маленькіе деспоты. Только власть деревенскихъ старшинъ пронеслася нѣкоторымъ образомъ отъ народа. *Петинджи*, или старшина, былъ ежегодно избираемъ жителями. Онъ имѣлъ при себѣ советъ изъ почетнѣйшихъ лицъ того мѣста и долженъ былъ также совѣтоваться съ *мудиномъ*, или жрецомъ, о мѣрахъ, какія считать нужными предпринимать.

Правосудіе было ввѣрено великимъ жрецамъ, *пугулу*, и судьямъ, *джасакъ*. Первые судили преступленія противъ духовнаго закона; вторые преступленія противъ гражданскаго. Все эти должности давались отъ султана, также какъ и военныя чины. Выс-

нимъ военнымъ чинамъ было еще присвоено званіе *сипанати*, или *господина войны*. Войска почти исключительно состоятъ изъ пѣхоты. Прежде введенія дисциплины Голландцами, главнымъ оружіемъ были кинжалы, или *кризы*, *седунги*, длинные охотничьи ножи, коныя, стрѣлы, пращи и продолговатые щиты. (Рис. LXI. Ф. 2).

Чины отличались ношеніемъ кинжала или цвѣтомъ зонтика. Только царь могъ имѣть золоченный *пайонгг* или зонтикъ; царица и наложницы носили пайонги желтые; родственники царицы и царскія дѣти бѣлые; *банати* или *тумугонги*, зеленые съ золочеными краями и оправою; *анджибаи*, *монтри*, *руггаи* и офицеры низшихъ чиновъ—голубые.

Казы поселянъ не имѣютъ другой мебели, кромѣ тонкихъ циновокъ и подушекъ, покрытыхъ крашеными циновками. Несколько небольшихъ мѣдныхъ и фарфоровыхъ сосудовъ составляютъ всю ихъ домашнюю утварь. Ложки употребляютъ только для веществъ совершенно жидкихъ; ножи и вилки рѣдко употребляются. Въ богатыхъ домахъ мебель несравненно многочисленнѣе: вездѣ циновки, ковры, ряды подушекъ и кровати. У знатныхъ Явайцевъ, которые сблизились съ Европейцами, находятся въ предметахъ Европейской роскоши: зеркала, стулья, столы, диваны, бронзы, стѣнные часы и пр.

Мы говорили уже, какъ одѣвались прежде Явайцы. Теперь у нихъ въ употребленіи большая часть нашихъ Европейскихъ матерій; они знаютъ сукно, бархатъ, кисей, холстишки, и до невѣроятности утончили свой вкусъ въ туалетѣ. Они имѣютъ разнаго рода одежды; ихъ *саронгг*, родъ передника, похожъ на мышокъ снизу открытый; *колаambi*, верхнее платье съ короткими рукавами; *джа-рингг*, сѣть юбка, шире саронга; *сабукг*, куртка холстинная или шелковая; *сикабангг*, платье изъ шелковой матеріи или изъ барката съ кружевами; наконецъ *самбонгг*, родъ пояса, изъ шелковой желтой матеріи, съ красными краями.

Должно думать, что исконн Явайцы и Явайки особенно занимались своимъ туалетомъ. Вотъ описаніе одежды, извѣщенное изъ поэмы, писанной прежде введенія сюда магометанства. Оно можетъ служить свидѣтельствомъ образованности этого народа, въ ту эпоху, и вѣрнѣе представляетъ намъ образецъ Явайской поэзіи, которая имѣетъ свои

гениальныя произведенія. Поэтъ описываетъ свою любовницу:

«Ея лице сіяетъ какъ луна; блескъ солнца затмѣвается ею; она похитила лучи небеснаго свѣтила. Она такъ хороша, что прелесть ея не можетъ быть описана. Станъ ея—образецъ совершенства; волосы, когда они распущены, волнуются черными кудрями до самихъ ногъ. Брови подобны двумъ листамъ дерева имбо; глаза—звѣзды; носъ орлиный; черные ея зубы лоснятся правильнымъ строемъ; губки какъ свѣжая корка мангустана; груди—цвѣта слоновой кости, совершенно круглы и клонятся одна къ другой. Ея руки подобны луку; пальцы длинные и гибки какъ тернъ лѣсной; ногти—жемчугъ; кожа ослѣпительно желта; нога плоско лежитъ на землѣ; походка величественна, какъ поступь слона.

«Красавица одѣта въ зеленое *шинди-патола*, съ золотымъ поясомъ; на пальцѣ у нея кольцо, произведеніе моря; ея серьги изъ алмазовъ съ изумрудами; ея волосы скрѣплены золотою иглой, и на вершинѣ ихъ рубинъ, оправленный въ золото и въ изумруды; ожерелье ея сдѣлано изъ семи драгоценныхъ камней. Она вся такъ благоухаетъ, что нельзя различить запаха какого либо аромата.»

Вотъ какъ любовникъ и поэтъ, со всемъ восточнымъ преувеличеніемъ, описываетъ красавицу. Посмотримъ теперь въ *Джасал-Лангара*, каковы отличительныя свойства истиннаго феніонсбля.

«Молодой человекъ благороднаго происхожденія соединяетъ въ себѣ семь необходимыхъ условій. Должно: во 1, чтобы онъ былъ изъ хорошаго семейства; во 2, чтобы имѣлъ умъ понятливый; въ 3, чтобы онъ могъ самъ собою управляться; въ 4, чтобы онъ не забывалъ наставленій састраса; въ 5, чтобы его взгляды были обширны; въ 6, чтобы онъ соблюдалъ свою религію; въ 7, чтобы онъ былъ твердъ въ хорошихъ качествахъ.

«Его духъ и сердце должны быть спокойны; онъ будетъ уметь укрощать свои страсти, и молчать, когда должно; никогда не скажетъ лжи; не будетъ страшиться смерти; не будетъ гордъ въ своемъ благочестіи, и будетъ помогать несчастнымъ. Его наружность и станъ не должны имѣть ни какихъ недостатковъ; видъ его долженъ быть кротокъ, подобно *Баттара-Асмара*, богу любви, когда онъ нисходитъ на землю. Всякій, глядя на него, скажетъ: «онъ долженъ быть великъ на

войти!» Все части его тела должны быть соразмерны; кожа его должна походить на самородное золото, прежде нежели его расплавить. Голова его будет велика; волосы длинные и гладки; глаза легко должны наполняться слезами; брови будут подобны листу имбы; нос великъ; небольшой усъ долженъ покрывать верхнюю губу; губы должны быть подобны свѣжей корѣ мангустана; зубы будутъ вычернены; грудь широка.

«Все, что онъ скажетъ, произведетъ впечатлѣніе въ слушателяхъ; его голосъ будетъ пріятенъ. Онъ будетъ носить *шелана-шинди*, съ темнозеленымъ *бодотъ* и съ золотымъ поясомъ. Клинокъ его кинжала будетъ изъ *самрианъ*, а рукоять изъ *тунгъ-гакми*. *Сумпингъ* (родъ искусственного цветка, привѣшеннаго къ уху) будетъ изъ золота, и на манеръ *суренгъ-нети* (храбръ до смерти), онъ долженъ носить золотое кольцо на большомъ пальцѣ правой руки.»

Безъ сомнѣнія эта поэзія можетъ показаться нѣсколько странною: но ея нравственная цѣль, важный цвѣтистый тонъ, доказываютъ высокую степень образованности древнихъ Явайскихъ народовъ.

Неоспоримымъ тому доказательствомъ служить также великолѣпіе развалинъ, которыми усаженъ островъ. Нѣтъ страны болѣе богатой археологическими сокровищами. Древняя Явайская религія, почти совершенно истребленная магометанствомъ, сохранила обломки своихъ храмовъ, какъ будто для того чтобы торжествовать этими великими останками надъ ничтожными зданіями счастливой соперницы. Развалины находятся во всей восточной части острова, въ округѣ Бранбананъ, въ Боро-бодо, въ Кулассанъ, въ Синга-сори, въ Бранбананъ и въ Малангъ. Здѣсь повсюду видны группы каменныхъ храмовъ, съ статуею посреди каждаго; также развалины кирпичныхъ храмовъ; наконецъ храмы не столь совершенной постройки, относящіеся къ позднѣйшимъ эпохамъ.

Чанди или храмы Бранбана, совершенно заросли кустарникомъ, сквозь который съ трудомъ можно проникнуть въ нихъ. Предъ ними поставлены огромные *реша*, статуи духовъ хранителей храмовъ; ваятели изображали ихъ сидящими сложа ноги, и съ кинжаломъ или *ведунгъ* въ рукѣ. Маленькій храмъ Бранбанана имѣетъ *реша* колоссальной величины. Они похожи на Индійскихъ

факировъ, съ широкими въ ушахъ серьгами, наподобіе тѣхъ, какія носятъ Явайки, съ браслетами и съ ожерельями; огромный поясъ виситъ до коленъ; къ нему привязана съ правой стороны небольшая шпага; въ лѣвой рукѣ *реша* держитъ свернутую змѣю, которая смотритъ на его грудь. Эти стражи поставлены предъ массивнымъ каменнымъ памятникомъ, поросшимъ зеленью паноротниковъ. Зданіе въ основаніи своемъ представляетъ четвероугольникъ, и оканчивается четырехстороннею пирамидою, (Рис. LXIII. ф. 1). Стѣны внутри изъ бѣловатаго кремнистаго камня. Извѣстна архитектура чрезвычайно проста, внутри все плоско. Въ Бранбананѣ два храма, одинъ большой, другой малый; оба одинакаго стили. Недалеко отъ Бранбанана находится *Чанда-сиву*, или тысяча храмовъ; онъ есть одно изъ лучшихъ собраній древностей, покрывающее собою пространство въ шесть сотъ футовъ въ длину и въ пять сотъ тридцать футовъ въ ширину. Эти храмы группированы по четыре въѣзды, крестообразно; все имѣютъ пирамидальную форму; все покрыты изваяніями, съ четырьмя большими входами, противу четырехъ странъ свѣта.

Вся эта полоса полна такихъ развалинъ. Можно еще видѣть такія же въ Рандонъ-гонтингъ, на Джококартайской дорогѣ; еще далѣе въ Кали-бенингъ; наконецъ въ Кулассанъ, деревнѣ, не далеко отъ Бранбанана. Кулассанскія развалины представляютъ массивное каменное зданіе съ множествомъ оконъ и дверей по фасаду (Рис. LXIII. ф. 2). Оно отличается изваянными пинами, красивыми крыльцами и нѣкоторою гармоніею въ линіяхъ. Но эти красоты ничто въ сравненіи съ чудесами Боро-бодесскаго храма. Стросіе его относится къ VI и VIII вѣкамъ нашей эры. На вершинѣ коническаго храма, построено огромное четырехугольное зданіе съ семью рядами стѣнъ, изъ конхъ каждая выше стоящей предъ нею. Должно думать, что вершина холма была сровнена для этого зданія. Оно покрыто куполомъ, имѣющимъ до пятидесяти футовъ въ діаметръ, и окруженнымъ тройнымъ рядомъ башенъ, которыхъ 72, и въ которыхъ поставлены статуи, обращенныя спиною къ храму, (Рис. LXIV. ф. 1.) Все это зданіе покрыто весьма хорошими изваяніями. Во внешней стѣнѣ около шестидесяти пиней, и въ каждой изъ нихъ поставлена статуя Буд-

ды, сидящаго, съ опущенными глазами, съ вытянутою головою, съ обнаженными торсомъ, съ длинными ушами, и съ Фригійскою шапкою на головѣ, (Рис. LXIV. Ф. 2.); словомъ, это Будда, какимъ его изображаютъ въ большей части Индійскихъ храмовъ. Внутренность храма имѣетъ объемъ около шести сотъ квадратныхъ футовъ. Зданіе кажется правильнымъ, но если посмотреть издалека, то можно видѣть, что оно искривлено, потому что строитель хотѣлъ дать ему форму, сообразную неправильному очертанію вершины холма: всякая терраса соответствуетъ этому. Общая высота около ста футовъ. Боро-бодо лежитъ поблизости Гуонгъ-дінга, мѣстопробыванія боговъ. После этихъ великолѣпныхъ развалинъ, бесполезно упоминать о другихъ менѣе примѣчательныхъ, какъ то о развалинахъ Кедри, Синга-серри и Маланга. Вездѣ находятся изваянія, напоминающія религиозные предметы, изображенные на стѣнахъ пагодъ Бенареса, священнаго города Индійцевъ, вездѣ Будда и его эмблемы; Гансса съ слоновымъ хоботомъ; фантастическіе фигуры, получеловѣковъ и полуживотныхъ; химеры; рисунки, которыхъ значеніе также темно, какъ Египетскіе іероглифы. Таковы любопытные предметы, собранные въ этихъ священныхъ мѣстахъ неутомимыми археологами; впрочемъ донинѣ только незначительная часть срисована путешественниками. (Рис. LXV).

Эти памятники и священныя зданія свидѣтельствуютъ о древнихъ любопытныхъ судьбахъ сихъ странъ. Туземцы имѣютъ три исторіи, о которыхъ упоминаетъ Г. Рефоль, и изъ которыхъ каждая безъ сомнѣнія заключаетъ свое баснословіе. Англійскій писатель полагаетъ, что первые обитатели Явы были Египетскіе выходцы. Миддлекотъ съ большею достоверностію почитаетъ ихъ Индійцами. Древнѣйшая эпоха, о которой упоминаютъ ихъ книги, не восходитъ далѣе 72 года до нашей эры. Древнѣе этой эпохи все основывается на гипотезахъ. Хронологическая таблица, полнѣйшая изъ всѣхъ, именуетъ тридцать восемь царей отъ 1 года Явайскаго лѣтосчисленія, до 1200, т. е. до XII вѣка нашей эры. Къ этому времени принадлежитъ императоръ Панжи, прославленный въ Явайской поэзіи своими подвизами съ принцессою, на которой онъ женился въ Индіи; затѣмъ слѣдуютъ Кунда, Лалиапъ, Мундингъ, Ванжи и Баниакъ; Ве-

ди, основатель столицы обширнаго государства на томъ мѣстѣ, гдѣ произошла священная война Брата-юдала. «Построимъ здѣсь столицу этого государства», сказала онъ своимъ воинамъ, «и назовемъ ее *Маджапагитъ* (т. е. *горечь*).» Такимъ образомъ было основано Маджапагитское царство, около 1221 года Явайскаго лѣтосленія. Оно вскоре распространилось по всему острову, и даже существовало послѣ введенія магометанства, въ началѣ XV вѣка по Р. Х. Въ половинѣ этого столѣтія оно достигло высшей степени силы; всѣ ближніе архипелаги, Бали, Флоресъ, Сумбава, Тиморъ, были его данниками; но пятьдесятъ лѣтъ спустя открылась религиозная война, и древняя династія Маджапагитскихъ царей пала подъ ударами послѣдователей Корана. Капища были замѣнены мечетями, цари султанами, огромное Маджапагитское царство царствомъ Матарамскимъ.

Новое царство существовало до появленія Европейскихъ мореплавателей. Альбукеркъ завоевалъ Малакку въ 1511 и 1521 г. Антонио-де-Бритто на пути къ Молуккскимъ островамъ открылъ островъ Мадуре. Первый Голландецъ, постигившій эти моря, былъ нѣкто Гоутманъ, который случайно въ Лиссабонскихъ тюрьмахъ узналъ отъ другаго узника о торговлѣ Португальцевъ на островахъ Сондскихъ. Гоутманъ основалъ въ Бантамѣ, въ 1596 г., первую Голландскую контору; но не прежде 1610 г., Петръ Ботъ, первый генералъ-губернаторъ Голландскій, основалъ контору на самой Явѣ, на берегу небольшой рѣки Якатры: это нынѣшняя Батавія. После этой эпохи Голландцы должны были бороться то съ Португальцами, то съ Англичанами, то съ туземцами, для утвержденія своей власти въ Индіи. Адмиралъ Спильманъ покорилъ Макаassarъ; Де-Вильдъ заключилъ съ разными мелкими князьми Явы трактаты, по коимъ они признали надъ собою Голландское владычество; непокорный вождь Монгкуралъ явился съ повинною головою къ генералъ-губернатору Фанъ-Гоофу; баронъ Фанъ-Имгофъ усмиривъ бунтъ Китайцевъ, едва не распространившійся по всему острову, и даже его преемники только долгими и тяжкими трудами искоренили семя этого бунта. Наконецъ въ 1749 г. Явайскій императоръ, или *сусунамъ*, предъ смертію своею завѣщалъ царство Голландской Остъ-Индійской компаніи, предоставляя ей

назначить ему преемника. Голландцы должны были выдержать еще несколько войн по случаю этого политическаго завѣщанія; но ихъ устойчивость превозмогла все преграды, и Ява сдѣлалась наконецъ тѣмъ, что она теперь — данникою Голландіи. Въ 1811 г., когда на мѣсто генерала Дандельса былъ назначенъ генералъ Янсенъ, Англичане заняли Батавію и все Голландскія колоніи, и возвратили ихъ не прежде 1814 года.

Должно отдать справедливость Голландцамъ, въ томъ, что хотя ихъ правленіе строго, но они лучше другихъ достигли какъ управлять колоніею, такимъ образомъ, чтобы она могла приносить пользу отдаленному государству, которому принадлежитъ, и чтобы туземцы въ ней не столько терпѣли. Въ этомъ Голландія была умѣе и умѣреннѣе Англіи. Она не срубала дерева, чтобы снѣть съ него плодъ; она не истощала земли, чтобы получить съ нее лучшую жатву; она не дѣйствовала подобно расточителю, который спѣшитъ насладиться жизнію, предвидя, что она кратковременна. Голландіи уважила, сколько то согласовалось съ ея выгодами, нравы, обычаи, законы туземцевъ; она оставила имъ ихъ князей и судей, предоставляя себѣ только судить этихъ судей и князей; она почтила древнее раздѣленіе собственности, и когда рѣшилась ввести монополію, то сдѣлала это такъ осторожно, что жители почти не почувствовали того.

Надо впрочемъ сказать, что самый характеръ жителей Голландскихъ колоній болѣе благопріятствовалъ Голландцамъ, нежели Англичанамъ. Нравъ ихъ колонистовъ въ Явѣ не имѣетъ того фанатизма и нетерпимости, которыя въ Индіи заставляютъ

народъ избѣгать всякаго сближенія съ побѣдителемъ. Явайцы добры, съ ними не трудно сладить; ихъ нравы какъ будто сохраняютъ отпечатокъ языка, пріятнаго, поэтическаго и сладкозвучнаго. Онъ принадлежитъ, кажется, къ языкамъ Санскритскаго корня; въ немъ считается двадцать согласныхъ и шесть гласныхъ буквъ. Явайская литература и поэзія имѣютъ правила, и обнаруживаютъ понятія весьма развитыя. Народныя пѣсни благородны, величественны и исполнены силы и смѣлости. Науки также не чужды Явайскому народу: онъ знаетъ счисленіе и первыя начала математики; Арабскій календарь замѣнилъ здѣсь календарь браминскій. Въ прежнее время Ява вела свое лѣтосчисленіе по гражданскому году или саливана. Это продолжалось еще 150 лѣтъ послѣ введенія магометанства. Въ царствованіе великаго султана Агунга (1633) было введено Магометанское лѣтосчисленіе. Явайцы кромѣ счисленія годичнаго, имѣютъ также много другихъ періодическихъ счисленій, и между прочимъ семигодовое, которое существуетъ въ Сіамѣ и въ Тибетѣ. Названіе семи годовъ, составляющихъ этотъ кругъ времени, суть слѣдующія: *мангара*, морской конекъ (рыба); *менда*, коза; *калабангъ*, тысяченожка; *вишитръ*, червь; *минтона*, рыба; *васъ*, скорпионъ; *манша*, буйволъ; все эти имена заимствованы отъ Санскритскаго языка.

Явайцы имѣли также познанія въ мореплаваніи и географіи. Они раздѣляли горизонтъ на восемь частей. Земледѣльцы различали только четыре страны свѣта. Старикъ и старухи занимаются медициною. Нѣкоторые рецепты достались имъ отъ Аравитинъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Океанія. — Сожалѣнія Пендлетона; острова Бассъ и Рана; посѣщеніе послѣднихъ Элнсомъ. — Острова Вавиту; пріязнь съ дикимъ королемъ; цѣлованіе посомъ. Остр. Тубуэ, Огитерда, Риметара, Манжіа, Маути; быстрое введеніе Христіанства на посѣдимъ. Остр. Мити—аро, Ватіу, Фенуаити, Мауа, Вайту—таки, Раро—тонга и Рокебургъ. — Группа Пальмерстонъ, отъѣздъ къ островамъ Тонга, обходъ для посѣщенія острововъ Гамоя. Перечень острововъ, лежащихъ между архипелагомъ Гаваи и островами Гомоя.....

1—13.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Острова Гамоя открываются; видъ острововъ Розы, Опуны, Леона и Фаифу. Остр. Мауа, очаровательная его природа; посѣщеніе Океаніи туземцами; докучливость ихъ; Океанія вырывается изъ толпы байдаръ. — Остр. Ойолова. Остр. Платъ; торговля лобимал Филиппомъ; дикій *огуи*, выразительная его мимика; онъ успѣшно приглашаетъ мореплавателей на берегъ. — Океанія направляется къ югу.....

13—19.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Острова Гамоя. Исторія. Географія. — Открытіе острововъ; — посѣщеніе восточныхъ острововъ Ланерузомъ; гибель капитана Делангилля. — Очеркъ наружности и нравовъ туземцевъ.....

19—23.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Переездъ отъ остр. Гамоя къ остр. Тонга. Группа Пуа; открытіе и посѣщеніе ихъ Шутенемъ; коварство и неудачное нападеніе туземцевъ. — Океанію посѣщаютъ жители Намука; характеръ ихъ; Океанія удерживаетъ заложниковъ и нападается водою; прогулка на берегу; живописныя мѣстности; возвращеніе на корабль; отплытіе; скалы Гунга—тонга и Гунга—тапан; узкій, опасный проходъ; торжественная минута; якорь положенъ у остр. Магай—моду. Знакомство съ туземцами; вожди Лавака, Тагофа, Наму; постановленіе сношеній; мѣны. Сѣздъ на берегъ; селеніе Гифо; начальникъ Гата; угостительный обрядъ; кава; поваренное искусство островитягъ. Посѣщеніе окрестностей: чеканчики, кораллы; пѣніе. Мѣстопробываніе вождей Тубо; Таптіеіскіе проповѣдники. Святое мѣсто: Мачанга; посѣщеніе старой Тунгонга—ваини. Тагофа и его политика. Осмотрѣніе Фай—токовъ. Ипръ у Наму; визитъ Тамагъ, сестры изгнаннаго правителя. Колоссальный *меа*. Приготовленіе полотна изъ *брусоненци*. Приношеніе на жертву составовъ мизинца. Игра *лаагви*. Охота (*Фанакалай*). Праздникъ, приготовленный Наму; военные игры, единоборства и пляска. Комедія. Опасенія на счетъ пѣмны при отъѣздѣ на Нипопъ; счастливое окончаніе. Выходъ Океаніи изъ канала.....

23—45.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Архипелагъ Тонга; общая географія; положеніе, статистика и краткое описаніе каждаго острова.....

45—74.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Архипелагъ Тонга; исторія. — Открытіе острововъ; Тасманъ; рассказъ о первомъ посещеніи этихъ мѣстъ Кукомъ; второе и третье прибытія Кука; начальственная іерархія Тонгайцевъ; торжество *натчи*. Посѣщеніе Вавао Морелемъ; кава; визитъ правителю Тюбо; единоборства. — Прибытіе Лаперуза, за нимъ Блелъ, Эдвардсонъ и д'Антракасто; наблюденія его; примѣръ страшнаго уваженія жителей къ членамъ священнаго семейства. — Прибытіе Вильсона съ миссіонерами; намѣренія о поселеніи Европейцевъ; заговоръ; отплытіе Даффа; смерть за жизнь; кончина вождя; погребальные и троурные обряды. Судьба миссіонеровъ; землетрясеніе. Сверженіе и смерть владѣтеля Тагай-табу; междоусобія, изгнаніе и смерть миссіонеровъ. — Погибелъ кораблей Аргоса и дюка-Портлендскаго. Вѣдствіе кораблей и экипажей *Союзъ*, и *Port-au-Prince*; Меринеръ дѣлается Тонгайцемъ. — Замысли Финау; побѣды его; миръ. — Что такое деньги. — Финау II. Образецъ Тонгайскаго политическаго красноречія. Преобразование. — Состояніе острововъ со времени отплытія Меринера. — Прибытіе *Астроллинъ*; бѣдственное ея положеніе; близость гибели. Знакомство съ страной. Изысканія объ участи Лаперуза. — Открыть заговоръ; отмищеніе; удачное окончаніе дѣла. — Опасности, которымъ подвергались корабли *Supply* и *Research*. — Прѣбываніе Вальдеграва; описаніе празднествъ; объясненіе причинъ насильственной смерти Англичанъ на Вавао; Финау посѣщаетъ корабль Вальдеграва. Дѣйствія миссіонеровъ.....

17—81.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Острова Тонга; жители; происхожденіе ихъ; наружность; нравы; раздѣленіе на классы; военное дѣло; понятія о преступленіяхъ; игры; разговоры; занятія и промышленность; пища; почитаніе старшинъ. Женщины; женитьбы; жилища; одежда; музыка; пѣсни. Религія; Тонгайская мифологія; образецъ литературы. Табу. Празднества: *натчи* и *тао-тао*; церемонія *пауджіо*; погребальные обряды. Чары, врачевное искусство. Языкъ. — Произведенія архипелага.....

81—91

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Отплытіе къ архипелагу Вити; пріятный маршрутъ; сокрушеніе надеждъ путешественника. — Ост. Лагвемба, туземцы; Манилеуъ Иернадо и его бѣдствія. — Непріятная погода. Витійскій начальникъ Тумбуапокоро на Океаніи; обзоръ нѣкоторыхъ острововъ архипелага. — Ост. Вити-леву; свиданіе съ старшиною Уунгъ-лебу; филологическія наблюденія. — Отплытіе изъ архипелага къ Новымъ Гебридамъ.....

91—96.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Архипелагъ Вити. — Географія острововъ.....

96—102.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Архипелагъ Вити. — Исторія. Открытіе. Кука, д'Антракасто, Мейтландъ, Вильсонъ и другіе посѣщаютъ эти мѣста. — Сношенія Европейцевъ съ Витійцами; раздоры; плѣненіе Смита, Іонербъ и ихъ людей; война Витійцевъ съ жителями Тафера. — Рассказъ Диллона о капитанѣ Робсонѣ; ужасное положеніе его экипажа; храбрость трехъ Европейцевъ; присутствіе духа спасаетъ ихъ. — Прибытіе Дюрвилля; поискъ якоря въ Лагвембѣ; посѣщеніе корабля туземцами; опасность *Астроллинъ* на пути отъ Муанъ; осмотрѣніе остальныхъ острововъ; проверка карты этого архипелага.....

102—111.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Архипелагъ Вити. — Происхожденіе жителей; наружность; характеръ; продовольство; пищенство двухъ Витійскихъ вельможъ; одежда; власти. Религія. Многоженство. Нравы и обычаи. Языкъ. Произведенія. Рассказъ объ испанской лшерицѣ.....

111—114.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Океанія подходитъ къ Новымъ Гебридамъ; болѣзнь Филиппа, смерть его, погребеніе въ морѣ. — Ост. Ерроантъ. Неблагопріятное море. — Время открытія Гебридскихъ острововъ Квирсомъ; онъ описываетъ видъ ихъ съ моря. Наружность дикарей; драки. — Посѣщеніе острововъ Бугенвилемъ; рекогносцировка; извѣстія о туземцахъ. — Прибытіе Кука; пріемъ Европейцевъ дикими; нарушеніе согласія. Необыкновенная честность островитянъ. — Кука осматриваетъ поочередно острова; испробованы дѣйствія жителей Короманго; ост. Таппа; дерзкая настойчивость туземцевъ; огневидящая гора; портретъ Ва-аку. Описаніе Таппа и его жителей Форстеромъ. Осмотрѣніе Кукомъ огневидящей горы. Безвластіе тамошнихъ начальниковъ. Горячіе источники. Несчастное приключеніе. — Кука отплываетъ отъ этихъ острововъ.....

114—131.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Острова Ново-Гебридскіе. — Географія. — Краткое описаніе острововъ Апатомъ, Ерроанъ, Иммеръ и Таппа; жители послѣдняго изъ нихъ; одежда; татуированіе; годовные уборы; промышленность; оружія; пища. — Нравы; познанія островитянъ. — Произведенія. — Описаніе остальныхъ острововъ; извѣстія объ обитателяхъ.....

131—136

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Океанія въ водахъ Фатака и Тиконія. — Байдара съ Тиконіи. Англичанинъ Пестерсонъ. — Свѣдѣнія о Тиконіи; жители; нравы ихъ; вероисповѣданіе; браки и понятія о чистотѣ нравовъ; обрядъ по случаю похоронныхъ болѣзней. — Видъ Ваникоро; чувства, возбуждаемыя имъ въ Французскомъ путешественникѣ. — Буриная погода не допускаетъ Океанію до Ваникоро; она кладетъ якорь близъ залива Граціозы, у острова Нитенди. 136—139.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ваникоро. — Исторія. — Подробный извѣстія о кораблекрушеніи Лаперуза. 139—151.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ваникоро. — Географія этой группы. Жители; одежда; пища; жилища; байдары; религія; оружія; языкъ; селенія; произведенія группы. 151—153.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Островъ Нитенди; дороговизна провизіи. Переводчикъ; условія съ вождемъ. — Деревушка Майбо; жители. — Эпизодъ столыки; жрецъ Ламоа. — Исторія Нитенди; открытіе его Минданою; какъ онъ описываетъ островитянъ; ссоры; неудачный опытъ колонизаціи. — Прибытіе Картерета; гибель Европѣйцевъ; отъѣздъ Картерета. — д'Антракasto посѣщаетъ эти мѣста. — Пріѣздъ Диллона; непріятности; Диллонъ входитъ въ заливъ Граціоза. Огромные зубы. — Положеніе Нитенди; жители; жилища; произведенія. — Островъ Топуа; вождь Тинакоро; остр. Мендана и группа Датъ. — Островъ Тоумако; повѣствованіе о немъ Квироса. 153—164.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Саломоновы острова. — Видъ ост. Сесарга; одинъ изъ туземцевъ выходитъ на корабль; знакомство съ дикарями; кража рупора. — Свѣдѣнія на берегъ; намѣренія островитянъ уничтожены однимъ выстрѣломъ. — Люди жителей остр. Арасидовъ. — Метеорологическіе признаки горъ; острова Говеръ, Изабелла, Шуазель, Бугенвиль и Бука; знакомство и мѣны съ жителями послѣдняго. — Свѣдѣнія о Саломоновомъ архипелагѣ; открытіе его Менданою; жители; изобиліе женсчуга; Мендана водружаетъ крестъ; убійство Испанцевъ; отищенія; островъ Христоваль; открытіе ост. Аниа и Каталина; Испанцы возвращаются въ Пе-

ру. — Картеретъ снова открываетъ Саломоновы острова. Бугенвиль продолжаетъ открытія. — Прибытіе Сюрвилля; новыя открытія; музыка сблизжаетъ дикарей съ Европѣйцами; экспедиція лейтенанта Лаббе; убійства; стратегія Европѣйцевъ; притворство дикаря Ловасарега; свѣдѣнія, собранныя Сюрвиллемъ о жителяхъ; одежда ихъ; оружія; произведенія земли. Пребываніе Ловасарега на кораблѣ; извѣстія, сообщенныя имъ о своемъ отечествѣ. — Дальнѣйшія открытія Сюрвилля. — Шортландъ посѣщаетъ эти острова; — д'Антракasto сообщаетъ о нихъ самыя подробныя свѣдѣнія. 164—173.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Саломоновы острова. — Географія. — Краткое описаніе и положеніе каждого изъ острововъ архипелага. — Свѣдѣнія о цѣпи близъ лежащихъ группъ. 173—178.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Острова Убійства; сомнѣнія; рассказъ Морели; знакомство съ туземцами; начальникъ Перо; осмотрѣніе внутреннихъ частей острова; учрежденіе для рыбной ловли и приготавленія тринанговъ; начала обработки земли. Первые кражи; дѣйствительный урокъ. Возстаніе дикарей; гибель Американцевъ; мученіе. Морель возвращается въ Манилю. — Онъ снова является у остр. Убійства; мировая съ дикарями; построеніе крѣпости; война съ дикими; Американцы рѣшаются покинуть свои работы. — Походъ матроса Шау. — Наружность туземцевъ; оружіе; байдары; нравы и пр. 178—183.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Океанія посѣщаетъ Кокосовый островъ. — Потѣшка на Ламбонъ; ужасныя не извѣстныя животныя; знакомство съ туземцами; водопадъ; естественная исторія Порта-Пралена; дикіе посѣщаютъ ихуну; кайманъ. — Океанія прибываетъ въ Новую Ирландію; видъ Новой Британіи; мѣны съ жителями Амакаты; гора *Матери и Дочерей*. Причина спокойствія моря. — Острова Адмиралтейства; знакомство съ островитянами; обращеніе старшины съ низшими; кражи; дѣйствіе палки. Жители Лосрейеса. — Свѣдѣнія о Новой Британіи; открытіе ее Дампиромъ; приключеніе съ частью его экипажа; жители и произведенія земли. — Картеретъ и д'Антракasto посѣщаютъ эти воды; положеніе экипажа послѣдняго. — Дюпрель и труды его здѣсь. — Географія острововъ. — Свѣдѣнія о Новой Ирландіи; открытіе ея Шутеномъ; посѣщеніе Тасманомъ, Дампиромъ, Картеретомъ, Бугенвильемъ, д'Антракasto, Дюперре и Дюрвиллемъ. — Описаніе новаго Гаювера, острововъ Портлендскихъ, Св. Іоанна и Агарискихъ. — Ост. Каэнъ, Гаредени,

Дэмпиръ, Фишеръ, Бурный и Матиасъ.— Острова Адмиралтейства; открытіе ихъ; краткія свѣдѣнія о каждомъ. Острова Анахоретовъ, Пустынные, Комерсонъ и пр....

183—196.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Океанія направляется къ Новой Гвинее; путевыя замѣтки. — Вершины Арфакійскихъ горъ; входъ въ Дорейскую гавань. — Животность мѣста; якорь брошенъ; палуба обращается въ базаръ; знакомство съ туземцами; дѣйствіе *копангъ* (денегъ); райскія птички. — Сѣвѣдѣнія на берегъ; лѣсъ; охота; орнито-логія страны. — Посѣщеніе Папуйскихъ селеній; священное званіе; почтеніе къ умершимъ; поминки при свѣтѣ факеловъ; Папуйская кузница; страсть къ піастрамъ; Океанія направляется къ Молуккамъ, оставивъ за собою Вежіу. — Исторія открытія Новой Гвинееи Португальцами. Шутенъ первый приводитъ въ ясность свѣдѣнія объ этой странѣ; повѣствованіе объ его плаваніи. — Прибытіе Бугенвилля, за нимъ Форстера, и наконецъ Дюперре; разсказъ послѣдняго. — Астролябія окончательно знакомитъ насъ съ географіею этой земли; повѣствованіе Г. Дювервилья объ Арфакійцахъ; лѣса; неприязненные дѣйствія со стороны Арфакійцевъ; торговли съ Папуйцами. Типъ и первообразы жителей; Гарфуры; метисы; нравы ихъ; языкъ; опытъ поселенія Голландцевъ. — Луизіада; красота страны; сраженіе двухъ байдаръ; побѣдители свѣдятъ побѣжденных; и положеніе Луизіады. — Острова къ югу отъ Новой Гвинееи. — Западныя земли; разсказъ Форреста относительно сношеній жителей Салаватъ съ Голландцами и нѣмцы послѣднихъ. — Остр. Вайгу. — Пребываніе товарищей д'Антраксто въ заливъ Вонн. — Фрейсине посѣщаетъ эти мѣста; повѣствованіе его о странѣ. — Свѣдѣнія о нравахъ, обычаяхъ, природѣ и пр., сообщаемыя Г. Дювервильемъ. — Земли къ сѣверу отъ Вайгу.

196—222.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Мелезія или Малазія — Океанія направляется къ Целебесу мимо остр. Морти. — Штѣль предъ мысомъ Кофинотъ; Манадскій рейдъ; неудовольствіе Пендлетона. Разлука съ Океаніею и Пендлетономъ; встрѣча съ одноземцами. — Обзоръ Целебеса; видъ Мападо съ моря; путешествіе къ озеру Гондано; лѣса; бабирусы; растенія; живописныя мѣстоположенія; Гондано; домъ резиденціи; озеро; обзоръ деревьевъ и полей; увеселенія; нравы Гарфуровъ; религія; правленіе. — Свѣдѣнія о Целебесѣ, Голландскихъ владѣніяхъ и разныя его областью. — Произведенія; жители; пища; обычаи; правленіе и значительность прежней Макассарской имперіи. Перечень исторіи до утвержденія владычества Голландскаго.....

222—233.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Малазія. — Молуккскіе острова; Сива становится предъ островомъ Тидоромъ на Тернатскій рейдъ. Описаніе Терната и Тидора; Корокоро туземцевъ. — Пролетъ Буру. — Кайе.ли; военная пляска; описаніе острова Буру; жители; произведенія. — Прибытіе въ Амбоину; видъ острова; сѣвѣдѣнія на берегъ; крепость; войско; Малайскія красавицы. Городъ; различныя его кварталы; прекрасная дорога въ Бату-годжа; дворецъ резиденціи. Угощеніе у губернатора. Поездка въ окрестности; саговое дерево; произведенія; жители, одежда ихъ, жилища, надгробныя памятники; гвоздичныя плантаціи; странная музыка. — Очеркъ исторіи Амбоины; монополія Голландцевъ; политическое положеніе. — Нѣсколько словъ о другихъ Молуккскихъ островахъ; Гарфуры; жестокость ихъ. — Главнѣйшіе пункты: Бандашера, Лонтуаръ и Пулу-айжъ. — Банда; воздѣлываніе мускатнаго дерева; индѣта и огромное богатство колонистовъ. — Исчисленіе остальныхъ острововъ Молуккскаго архипелага. — Очеркъ исторіи Молуккскихъ или *Эль-Мелекскихъ* (царскихъ) остр. прибытіе Португальцевъ. Голландцы поселяются; Англичане завладѣваютъ островами; Голландія снова входитъ во владѣніе оными.....

233—245.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Островъ Тиморъ; обзоръ Купанга и окрестностей; угощеніе у богатой Малайки; нѣтъ и танцы; Тиморскіе всадники; островитяне Омбайскіе; праздникъ при факелахъ; языкъ цвѣтовъ. — Окрестныя мѣста: Делии, Оба, Калаара, Лима, Озапакитиль, Олиамо и пр. Важность крокодила, родоначальника королей; омовенія Перона и его спутниковъ, для очищенія отъ грѣха, за убійство крокодила. — Положеніе Тимора; климатъ; произведенія; обитатели; наружность ихъ, одежда, нравы, хронологія, правленіе, войны, промышленность. — Острова лежащіе вокругъ Тимора: *Симао, Роттіа, Сумбава, Ломбокъ, Флорессъ* и прочіе ост. группы Сумбава-Тиморской; описанія ихъ.....

245—256.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Малазія. — Сива проходитъ вдоль группы остр. Салаерскихъ, посѣщаетъ южную оконечность Целебеса, и бросаетъ якорь близъ устья Банжермасинга. — Остр. Борнео, первый на Земномъ Шарѣ по величинѣ послѣ Мадагаскара и Новой Голландіи; положеніе его; попытка колонизаціи; договоръ Голландцевъ съ султаномъ Бантами; затрудненія для утвержденія Европейской власти. — Географія острова; произведенія; политическое раздѣ-

леніе; торговля.—Свѣдѣнія о каждомъ владѣніи частно.—Племя Дайяковъ, ихъ нравы; кайяны; Борнеоскіе Китайцы; Малайцы..... 256—262.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Малазія.—Сива прибываетъ въ Батавію; видъ ея съ рейда; перечень острововъ.—Сѣзздъ на берегъ; знакомство съ городомъ; исторія его; замѣчательныя зданія; торговля; купеческій флотъ; промышленность; образъ жизни; роскошь; воспитаніе юношества.—Посѣщеніе Буйтен-зорга.—Дворецъ, водометы, ботаническій садъ.—Отъѣздъ въ Церамъ, столицу Бантамскаго королевства; жители, одежда.—Отплытіе на *Кангуроо*; прибытіе въ провинцію, отдѣляющую Мадоре отъ материка. Сурабая. Посѣдка въ Банкалангъ; дворецъ султана; воинская пантомима, пиръ; музыка, игра. Посѣщеніе гробницъ; наружность, одежды и нравъ Мадорейцевъ.—Праздникъ у султанскаго сына. Обзоръ и другіе мѣсты этого берега. Суманапа, морскіе разбойники.—Бали, порода прекрасныхъ быковъ.—Бапу-вангу; трудная

обработка этого округа; множество хитрыхъ звѣрей; Явайскій носорогъ..... 262—277.

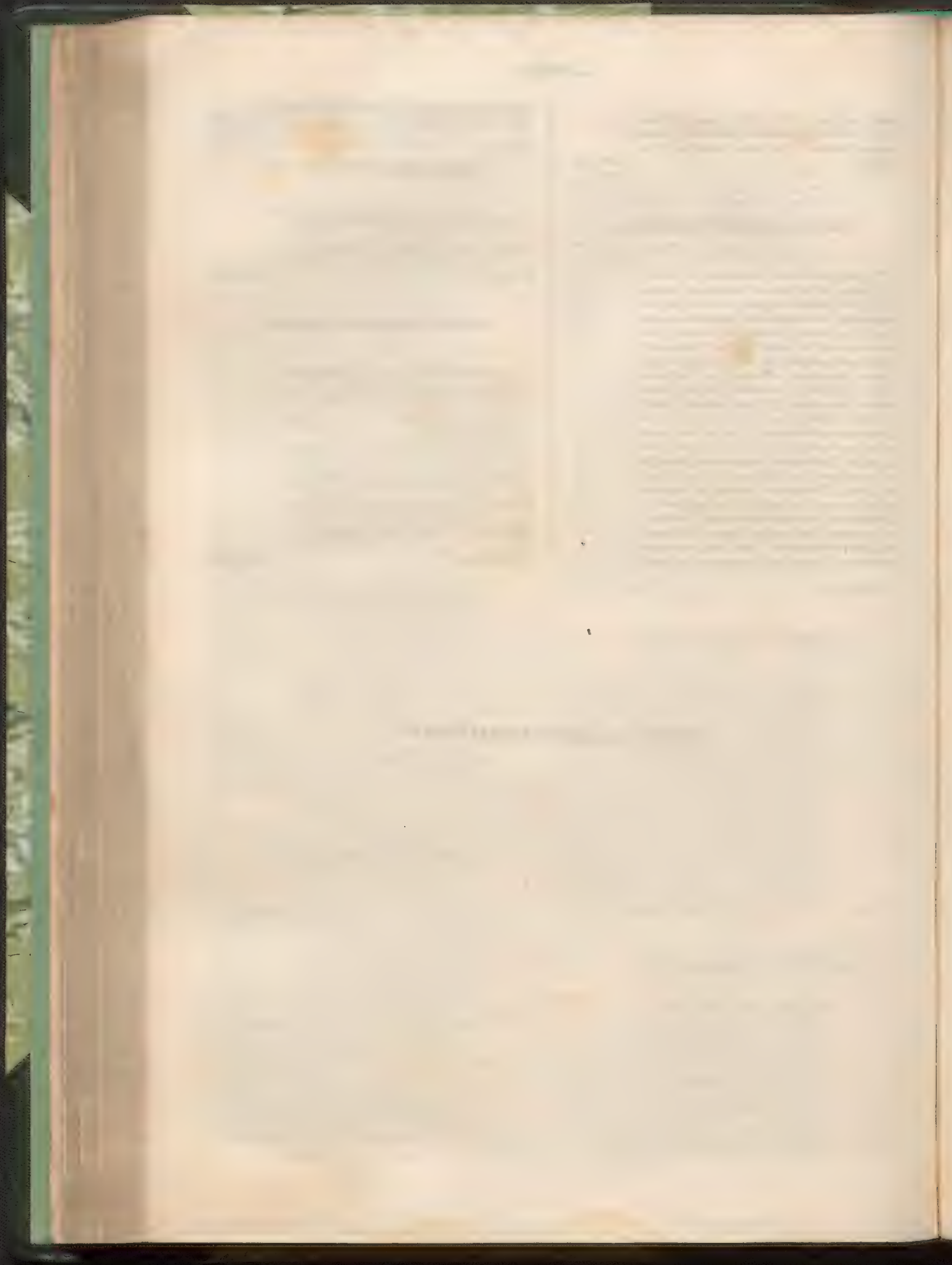
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

Ява.—Внутреннія резиденціи; обзоръ ие оныхъ въ отношеніяхъ географическомъ и статистическомъ.—Мадоре и Бали, острова зависящіе отъ Явы; религія; законы; жилища..... 277—281.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ява.—Общая Географія; произведенія Саламанганы; этнологія; нравъ жителей; въроисповѣданіе; состояніе женщинъ; женитьбы; погребальныя обряды; пища, страсть къ бродячимъ наиткамъ; опиумъ; игры и увеселеніе Явайцевъ; жилища; правительственная іерархія; законы; одежда; отличія благородства; признаки древней образованности; остатки храмовъ; знаменитыя развалины храма Боро-бодоскаго. Первоначальная исторія страны; появленіе Европейцевъ; правленіе Голландское. Характеръ народа; состояніе просвѣщенія..... 281—298.

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

РИСУНКИ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА.

Ном. Рис. Ном. Изобр.
сунки.

Стр. текста.

Стр.

Nº	I.—1. Житель острова Маджіа.....	6.
	2. Остатки моряка или каница на ост. Маденѣ.....	11.
	II.— Гибель Делапгя и его спутниковъ на ост. Мауна.....	14.
	III.— Карта къ описанію острововъ Тонга.....	
	VI.—1 Прибытіе на берегъ острова Намука (*).....	26.
	2.—3. Портреты Тагофы и Палу....	29-30.
	V.—1. Домъ миссіонеровъ въ Гифо (*)	31.
	2. Старшина Тонги въ военномъ парадѣ.....	32.
	VI.—1. Кава.....	33.
	2. Печь въ землѣ.....	34.
	VII.—1. Памятники (Фан-тока) въ Гифо	35.
	2. Малай или публичная площадь въ Мафангѣ.....	37.
	VIII.—1-2. Супругъ Тагофа и ея сынъ..	38.
	2. Паучъ и л. байдаръ.....	39.
	IX.—1. Фан-тона, гдѣ пребываетъ душа Туи-тонги.....	39.
	2. Офицеры съ Астролябии посѣщаютъ Тамагу.....	40.
	X.—1. Гигантское дерево (Меа).....	40.
	2. Кулачный бой женщинъ въ Тонга-табу.....	42.
	XI.— Кука присутствуетъ на буме, почной пляскѣ женщинъ.....	43.
	XII.—1. Тага, старшина въ Тонга-табу..	49.
	2. Туи-тонга-пулаго.....	51.

XIII.—	Игры и празднества въ Тонга-табу.....	53.
XIV.—1.	Меринеръ въ плыну на ост. Вавао.....	64.
	2. Первоначальное жилище миссіонеровъ въ Тонга-табу.....	71.
XV.—1.	Астролябія въ опасности на коралловыхъ глыбахъ.....	72.
	2. Нападеніе островитянъ на гичку Астролябии.....	75.
XVI.—1.	Сраженіе моряковъ Астролябии	76.
	2. Укрѣпленіе Мафанги.....	77.
XVII.—1.	Матабулей Тагофы: Вай-тотай	77.
	2. Оружія и украшенія Тонгайцевъ.....	82.
XVIII.—1.	Игры и пляски дѣвушекъ.....	83.
	2. Внутренній видъ жилища въ Тонгѣ.....	84.
XIX.—1.	Заговариваніе больного ребенка	87.
	2. Тумбуа-накоро, на Европейскомъ кораблѣ.....	94.
XX.—1.	Видъ острова Каидабона.....	95.
	2. Жители Вити-леву.....	95.
XXI.—	Сраженіе трехъ Европейцевъ съ жителями Вити.....	108.
XXII.—	Нападеніе на шлюпку Астролябии у береговъ Лагвембы.....	110.
XXIII.—1.	Оружія и украшенія Витійцевъ	113.
	2. Мужчина съ Маликоло.....	121.
XXIV.—1.	Высадка Кука на берегъ Коро-мандо.....	123.
	2. Видъ на островъ Таппа.....	126.
XXV.—	Высадка Кука на островъ Таппа	123.
XXVI.—1.	Женщина съ острова Таппа...	132.
	2. Мужчина съ острова Таппа...	132.
XXVII.—1.	Видъ острова Тикопіа.....	137.
	2. Жители этого острова.....	138.

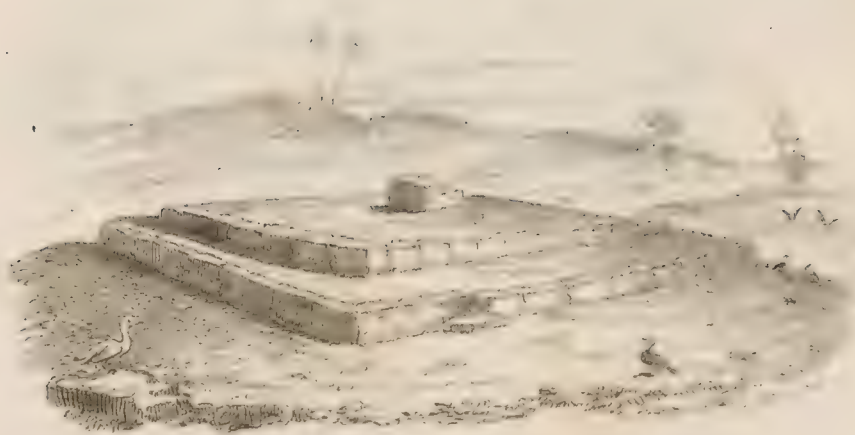
(*) Эта картинка тиснута ошибкою на одномъ листѣ съ рисункомъ XII.

(**) Тоже тиснута на одномъ листѣ съ рис. XII.

XXVIII.—1. Крушение Лаперузова корабля	124.	XLVI.—1. Манадскіе Гарфурмы.....	227.
2. Портретъ Вани, алингуи Вану	143.	2. Военная пляска Целебесскихъ	
3. Моембъ	146.	Гарфуровъ	227.
XXIX.—1. Шлюбки Астролябин наместъ		XLVII.—1. Домъ резиденства въ Кайелн .	234.
крушения Лаперуза.....	146.	2. Мечеть, тамъ же.....	234.
2. Селеніе Манепай.....	—	XLVIII.—1. Военная пляска въ Буну.....	235.
XXX.—1. Памятникъ Лаперуза, въ Вани-		2. Амбонискій рейдъ.....	236.
коро.....	147.	XLIX.—1. Военная площадь въ Амбонгъ	236.
2. Бухта Мансвайская.....	151.	2. Группа Амбонцевъ.....	236.
XXXI.—1. { Жители Ваникоро.....	152.	L.—1. Рынокъ въ Китайскомъ Кам-	
2. {		понгъ.....	237.
XXXII.—1. Способъ тереть таро.....	—	2. Боту-раджа, резиденція губер-	
2. Внутренность жилища въ Вани		натора.....	238.
коро.....	—	LI.—1. Бухта Купангъ или Бабао, на	
XXXIII.—1. Байдары Ваникорейцевъ.....	—	островѣ Тиморъ.....	245.
2. Байдара островитягъ Арзасид-		2. Малайское кладбище въ Купан-	
скихъ	166.	гъ.....	247.
XXXIV.—1. Видъ Картеретова залива.....	183.	LII.—1. Тиморскій всадникъ.....	247.
2. Водопадъ въ Портъ-Праденъ..	184.	2. Омбайскіе бойцы.....	247.
XXXV.—1. Жители Картеретовой бухты.	185.	LIII.—1. Улица въ Батавіи.....	263.
2. Байдары ихъ.....	185.	2. Явайскій старшина.....	269.
XXXVI.—1. Новоирландскій кайманъ.....	185.	LIV.—1. Буйтензоргскій дворецъ.....	270.
2. Видъ острововъ Адмиралтей-		2. Женщина и мужчина изъ Це-	
ства.....	186.	рама.....	271.
XXXVII.—1. Жители острововъ Адмирал-	—	LV.—1. Нарядъ придворный. — 2 На-	
тейства.....		рядъ военный.....	271.
2. Райскія птички, самецъ и самка	199.	3. Невеста.—4 женихъ.....	271.
XXXVIII.—1. Жилища въ Дорей.....	200.	LVI.—1. Дворецъ резидента, въ Сура-	
2. Гробница старшины Папу....	201.	бав	272.
XXXIX.—1. Байдары Дорейцевъ.....	201.	2. Видъ Сурабав.....	
2. Птени, погребальные пиры;		LVII.—1. Музыка Банкалангскаго султана	273.
мостъ отъ дома къ дому.....	201.	2. Житель Мадоре.....	274.
XL.—1. Папуайская кузница.....	201.	LVIII.—1. Прогулка съ султаномъ Мадю-	
2. Жители Дорей.....	208 и 211.	рескимъ	274.
XLI.—1. Портреты мужчины и женщи-		LIX.—1. Жрецъ въ Бани.....	276.
ны съ Дорей.....	208 и 211.	2. Резиденція въ Бану-вангу.....	276.
2. Крѣпость Голландская при рѣ-		LX.—1. Явайскій посолъ.....	277.
кѣ Дургъ.....	212.	2. Маски, куклы и кнжаны Явай-	
XLII.—1. Видъ Манадо съ моря.....	224.	цевъ	283.
2. Кабирусъ или свиный олень	225.	XLI.—1. Явайскіе пласунны.....	294.
3. Сапиутангъ (<i>antilopa-depresti-</i>		2. Оружіе, намена Явайцевъ..	295.
<i>cornis</i>)	225.	XLII.—1. Малайскіе	
XLIII.—1. Караванъ путешественниковъ		2. Избы, 3 Жилища старшины.	294.
въ горахъ Целебесскихъ.....	224.	LXIII.—1. Развалины храма Брамбан-	
XLIV.—1. Паденіе рѣки Тондано.....	226.	скаго	296.
2. Видъ Тондано.....	226.	2. Развалины дворца въ Кулассавъ	
XLV.—1. Домъ резиденціи въ Манадо..	226.	LXIV.—1. Великій храмъ Боро-бодоскій	296.
2. Прогулка и охота на озерахъ		2. Одинъ изъ пишей храма.....	297.
Тондано.....	227.	LXV.—1. Барельефы, найденные близъ	
		Боро-бодора	297.

Manuscript copy of a portrait of a man

Obelisk in the ruins of a city

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
FROM THE FOUNDATION
TO THE PRESENT
STATE

Indians in the neighbourhood of the mouth of the Amazon

THE HISTORY OF THE AMERICAN INDIANS

1. — Maréchal comte de Bér. 2. — Maréchal comte d'Alge

1. — Maréchal comte de Bér. 2. — Maréchal comte d'Alge

1. Village

2. Making the basket

View of the Village

View of the Village

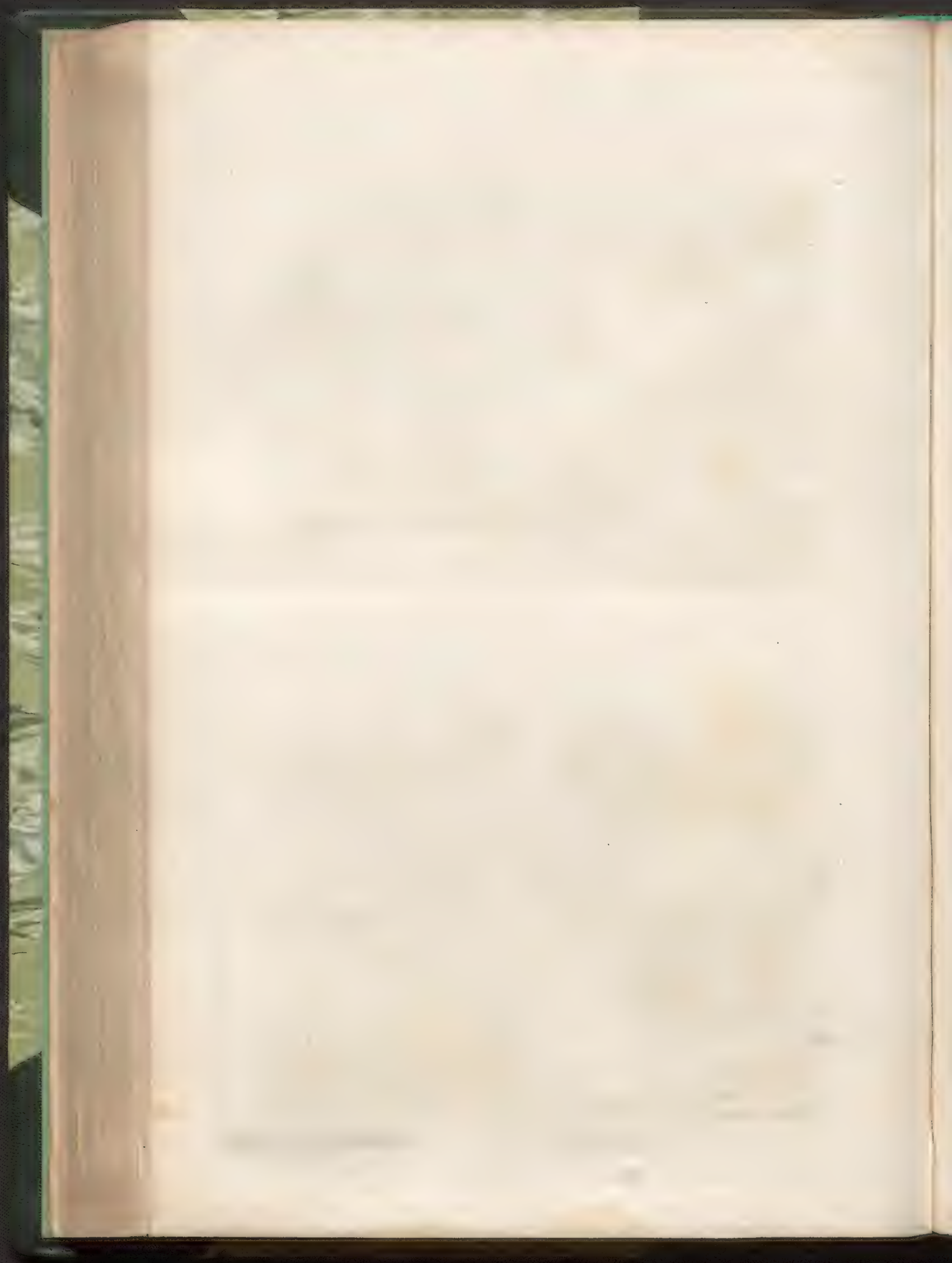

Fig. 1. Woman and child at work.

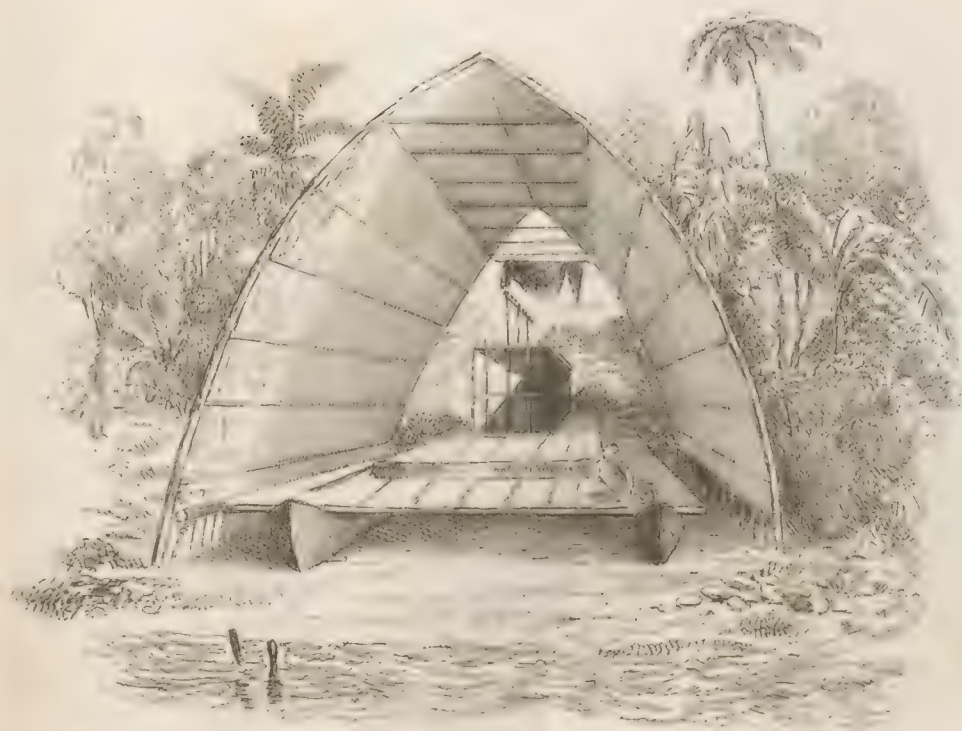

Fig. 2. Thatched-roof hut.

1. *Wai-maha Co' Mya' Menia*

2. *Ofuapua a. Conspicua nomenclatur. Maritima*

THE HISTORY OF THE
CITY OF ABERDEEN
IN THE
REIGN OF
JAMES VI.

1. - *Tournefortia repens* L. - *Alga*

2. *Hydrocotyle* L. - *Marine Plant*

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW
1597

Fig. 10. Market scene, showing the people of the island.

ANALYTICAL CHEMISTRY

Un homme originaire de l'Inde. Peinture.

Un village de l'Inde. Peinture.

Moya - M. and M. Moya

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW

Alpea apajiramba in Mena Mena

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW
1597

1. Mapunopu a. Baito

2. Mapunopu a. Baito. Muir's post to the river side

THE HISTORY OF THE

1. Компанія наших медвѣдихъ въ Арктикѣ

2. Жители на берегахъ Арктики

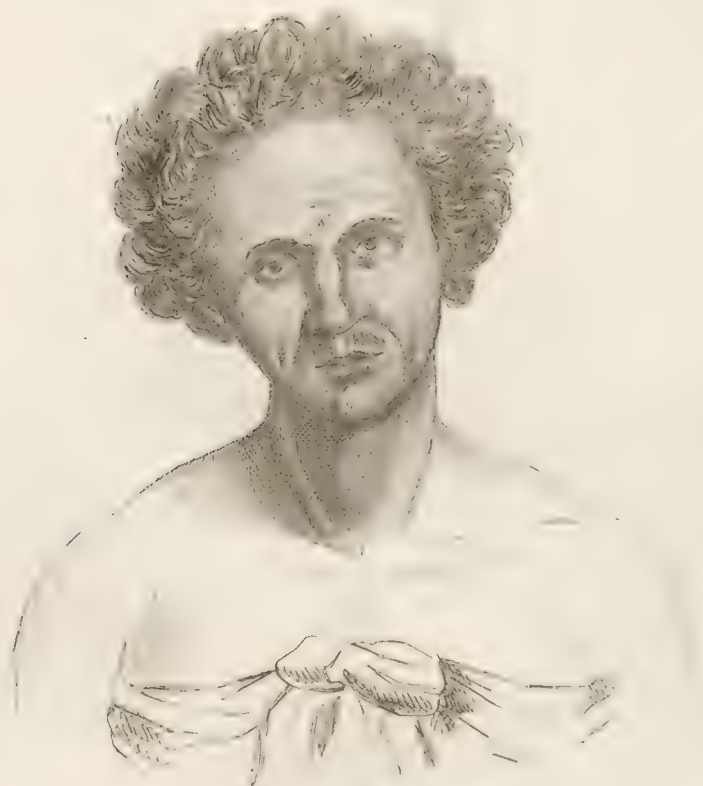

1. Spavento, aspect de l'île de la

W. C. C. V. 1871

Mammalia americana

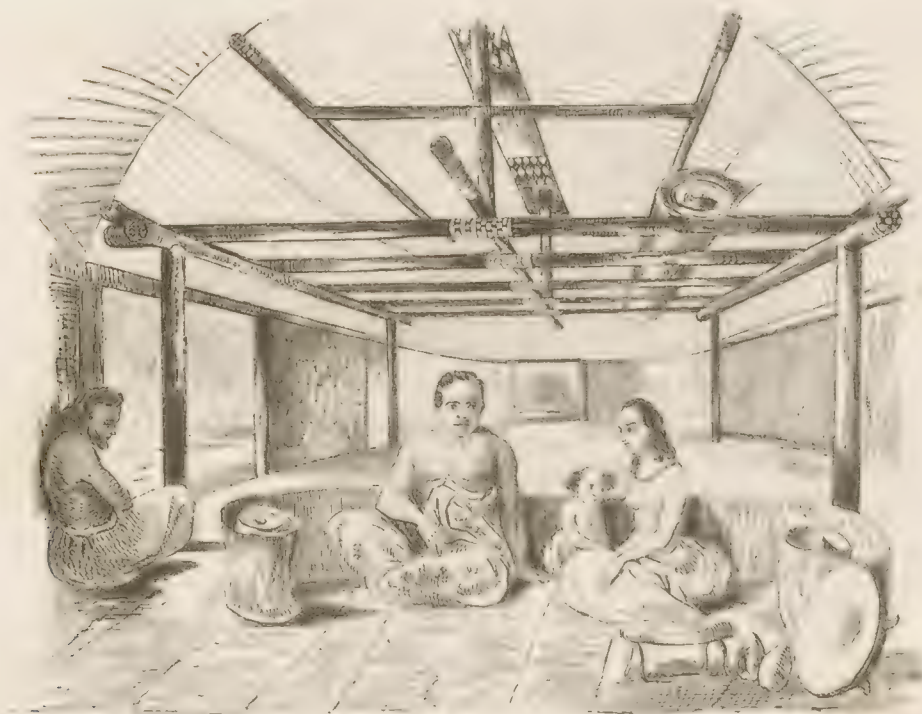

Figurae in figurae in figurae

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW
1597

1. *Uyari a macku uyari*

2. *Uyari a macku uyari*

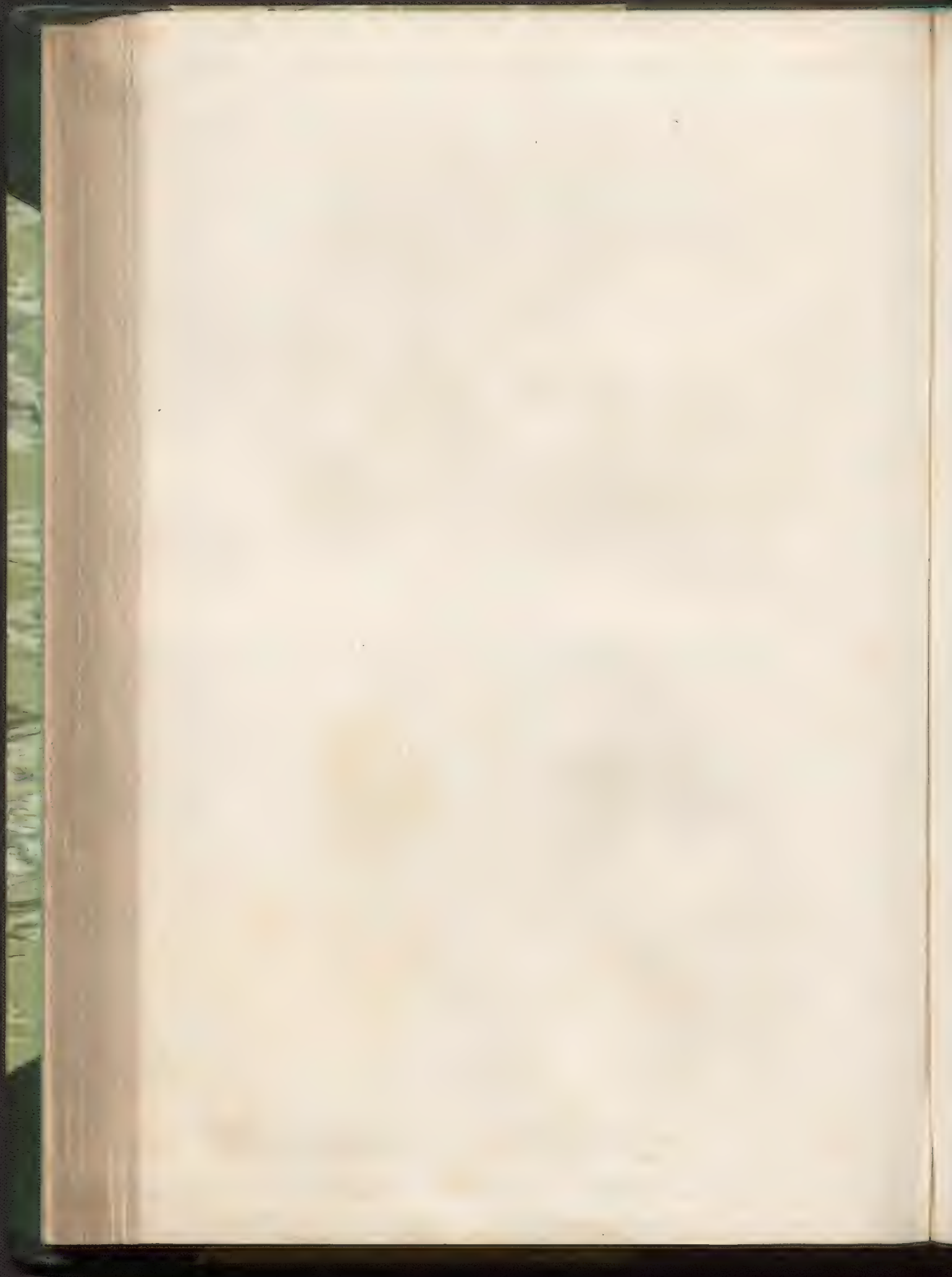
THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
FROM THE FOUNDATION
TO THE PRESENT
BY
JOHN STOW
1618

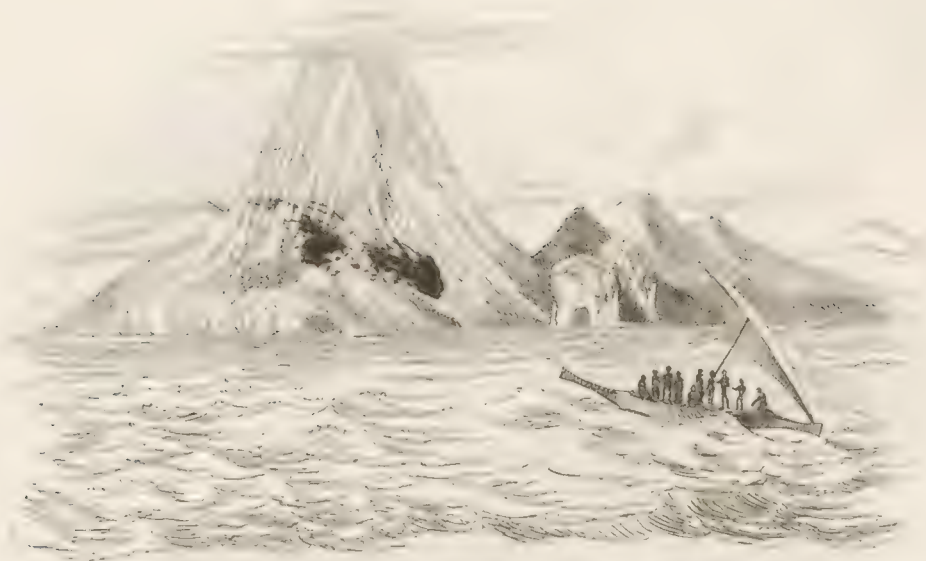

1. *Societatis in hunc finem*

2. *Thyngs of the day in the house*

1. *Papuaia competa — Naidadōna*

2. *Mamau — Puma's lady*

A. M. 1865. Vol. VII. Atlantic City. N. J.

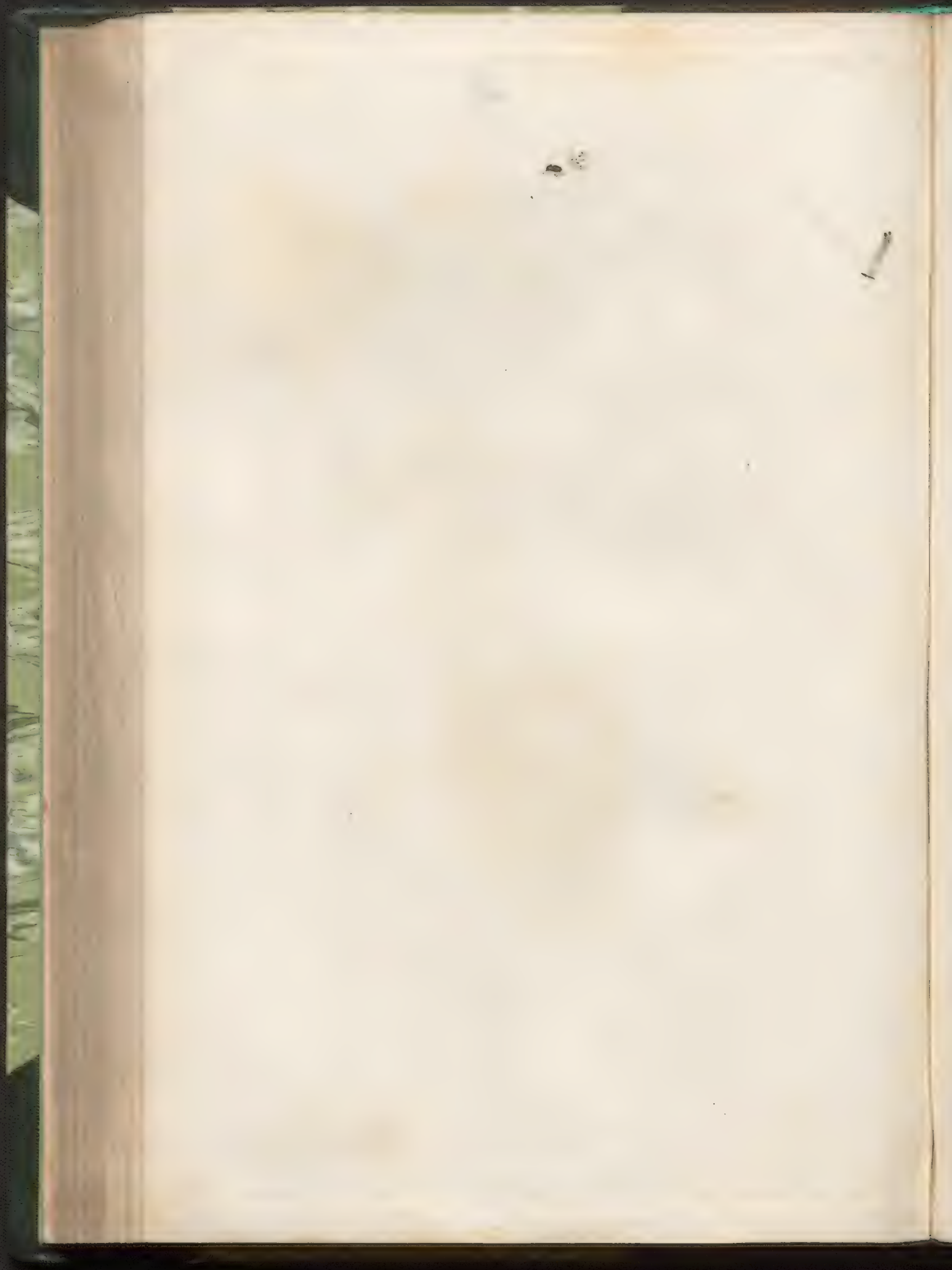

Fig. 1. A group of people, with a bison, in the mountains of the Pacific.

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
FROM THE FOUNDATION
TO THE PRESENT
STATE

Ullmark en d'empresari i del poble de ...

Opuntia & Cereus & cacti & cacti & cacti

Amos & Amos & Amos

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
FROM THE FOUNDATION
TO THE PRESENT
STATE

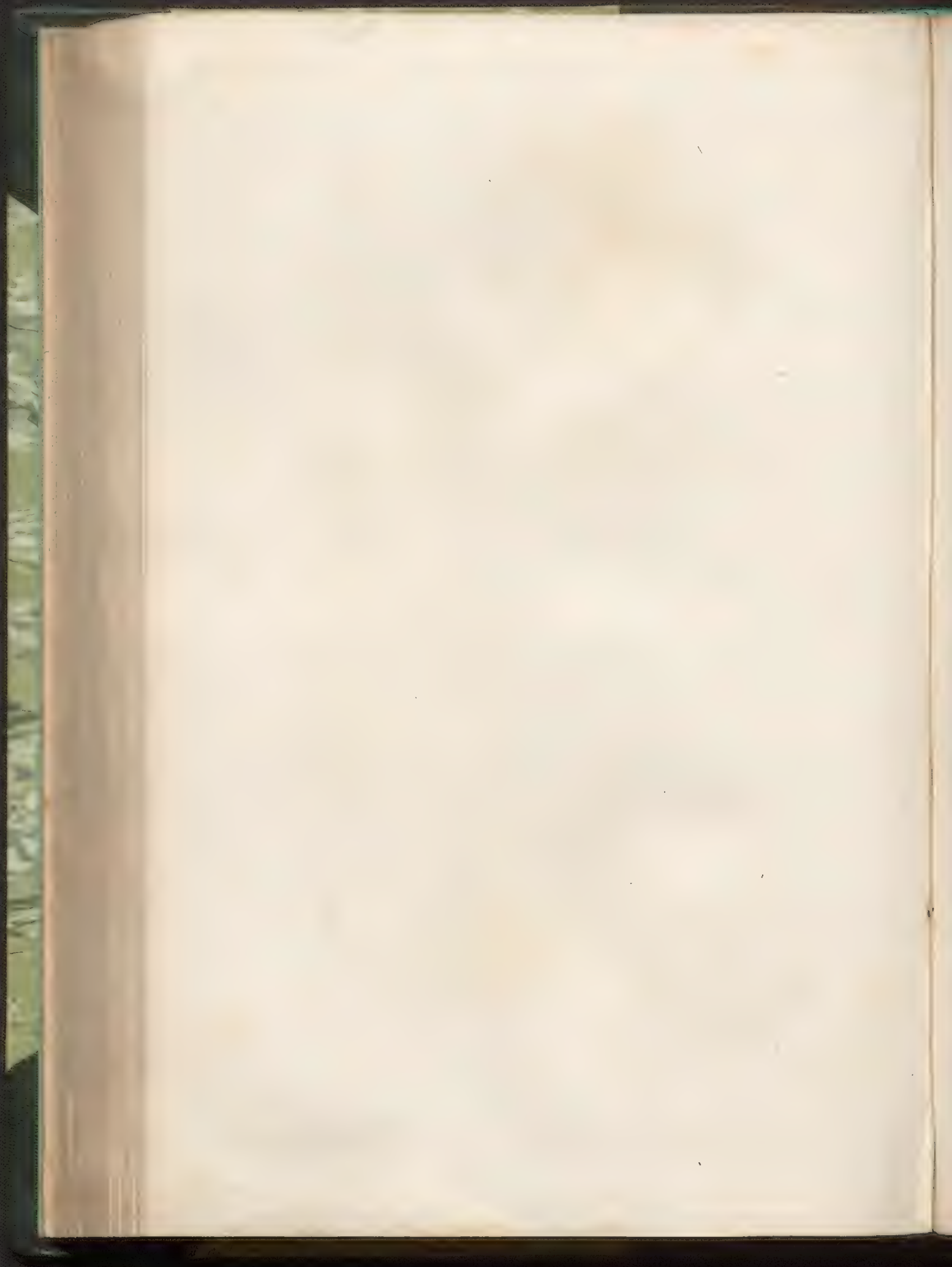
1. - *Cabana de pesca de Nipo, Peru.*

2. - *Barraca de pesca de Nipo, Peru.*

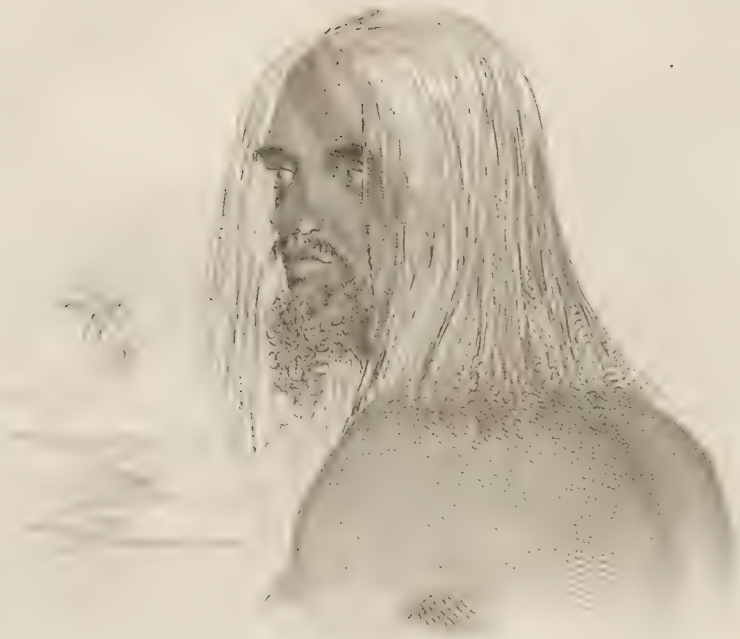
THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW
1597

1. *Minuciana a comp. Tanna.*

2. *Nguruna a comp. Tanna.*

1. Bay of Mankona.

2. Mankona Mankona.

1. *Whymene & Vanyfy de la Bahia.*

2. *Paua*

3. *Wanana*

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW
1597

1. *Waka in Compagnia di sacca di grano e Canoa*

2. *Villaggio di Canoe*

ALPHABETICAL INDEX

1. *Massachusetts & Cambridge to Boston*

2. *From Boston to New York*

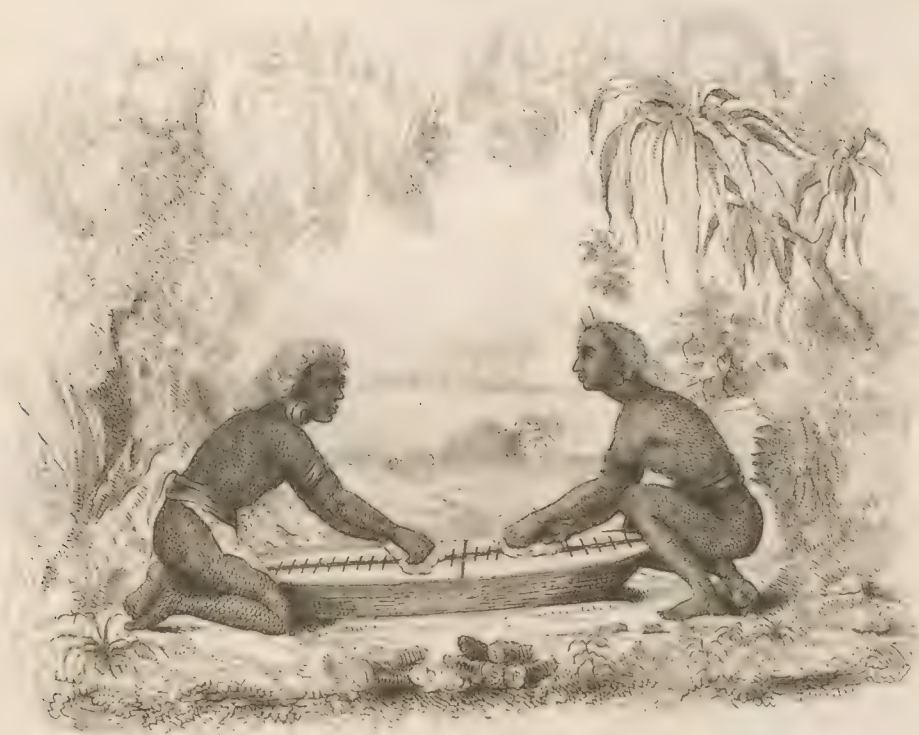

1. *Wimau Waukepe.*

2. *Wimau Waukepe.*

1750
1751
1752
1753
1754
1755
1756
1757
1758
1759
1760
1761
1762
1763
1764
1765
1766
1767
1768
1769
1770
1771
1772
1773
1774
1775
1776
1777
1778
1779
1780
1781
1782
1783
1784
1785
1786
1787
1788
1789
1790
1791
1792
1793
1794
1795
1796
1797
1798
1799
1800

1. Construcción de un Bote.

2. Interior de una Casa de Bateles.

1. — *Tuicapa Panahipoua.*

2. *Tuicapa conchocoma.*

1. *Monte de la Cruz*

2. *Monte de la Cruz*

ALPHABETICALLY

Alouatta palliata

Alouatta palliata

1. *Heteropneustes* *Indicus*

2. *Boat* *Indicus*

ALPHABETICALLY

1. Homem com Canoa-pau.

2. Aves de nome canoa-pau.

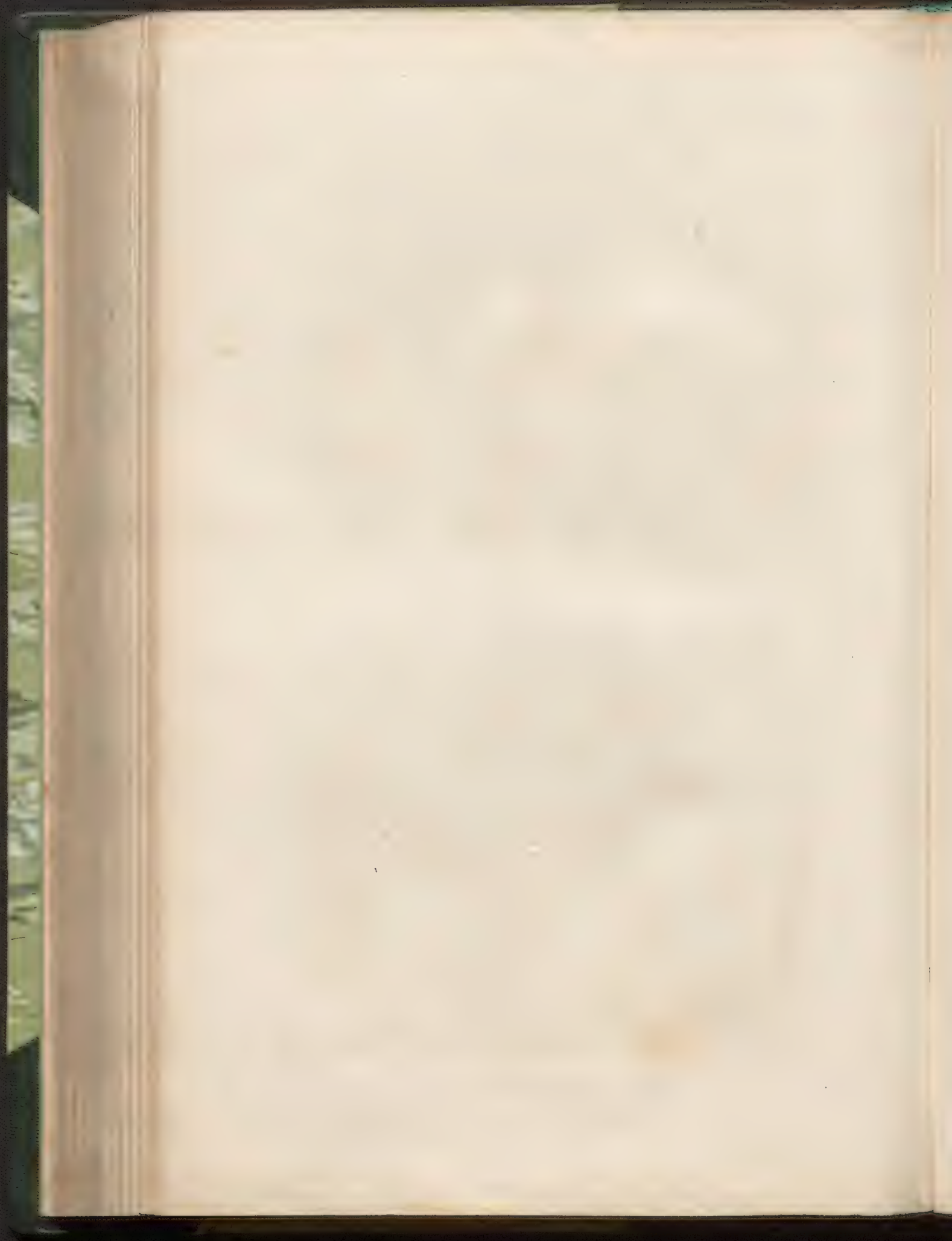
THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW
1597

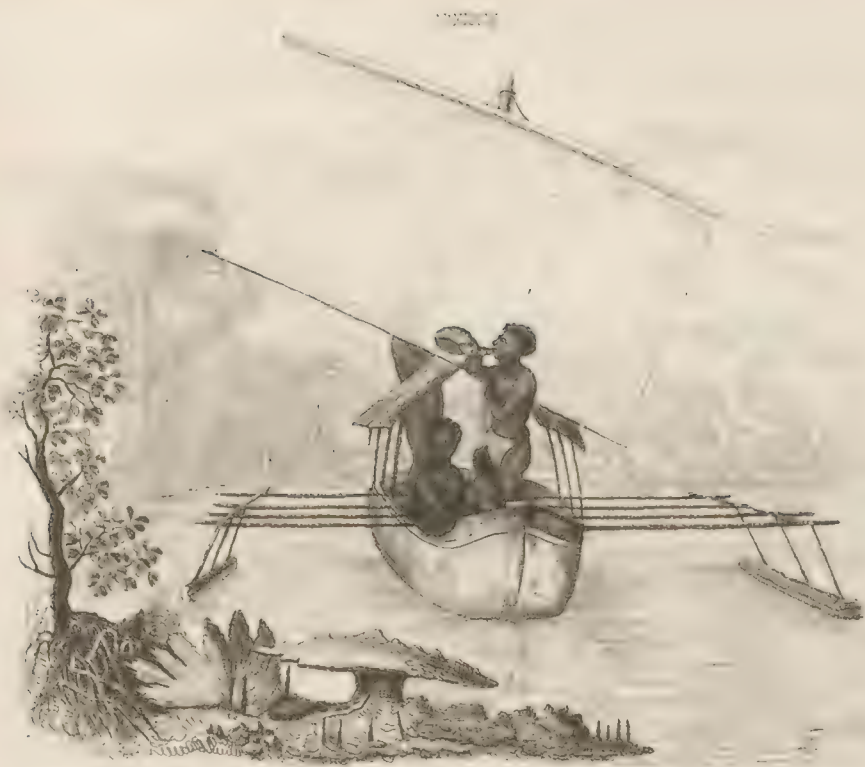

1. Kake Toge

2. Kago Toge

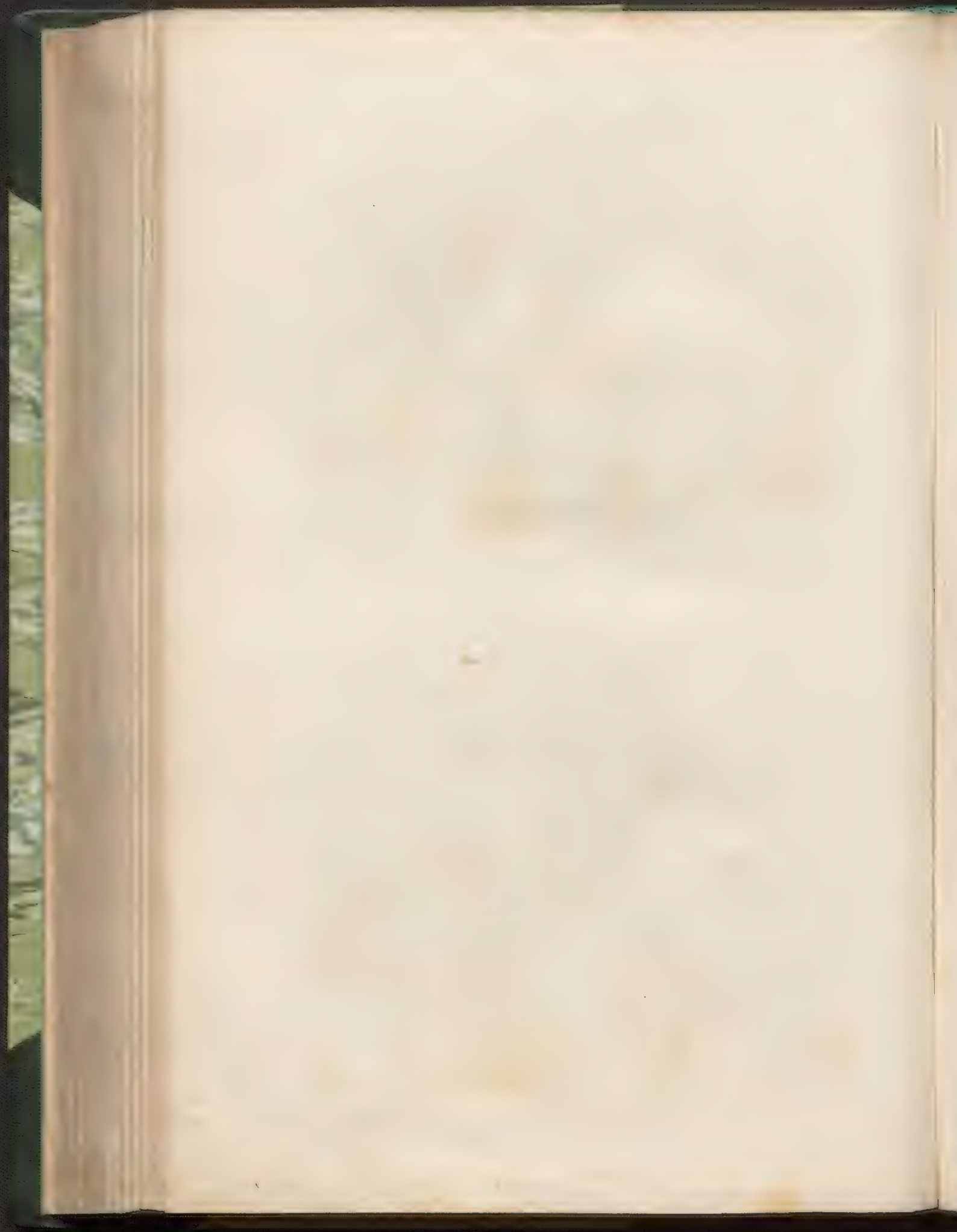

1. Canoa de T. J. J. J.

2. Casa e repouso sobre T. J. J. J.

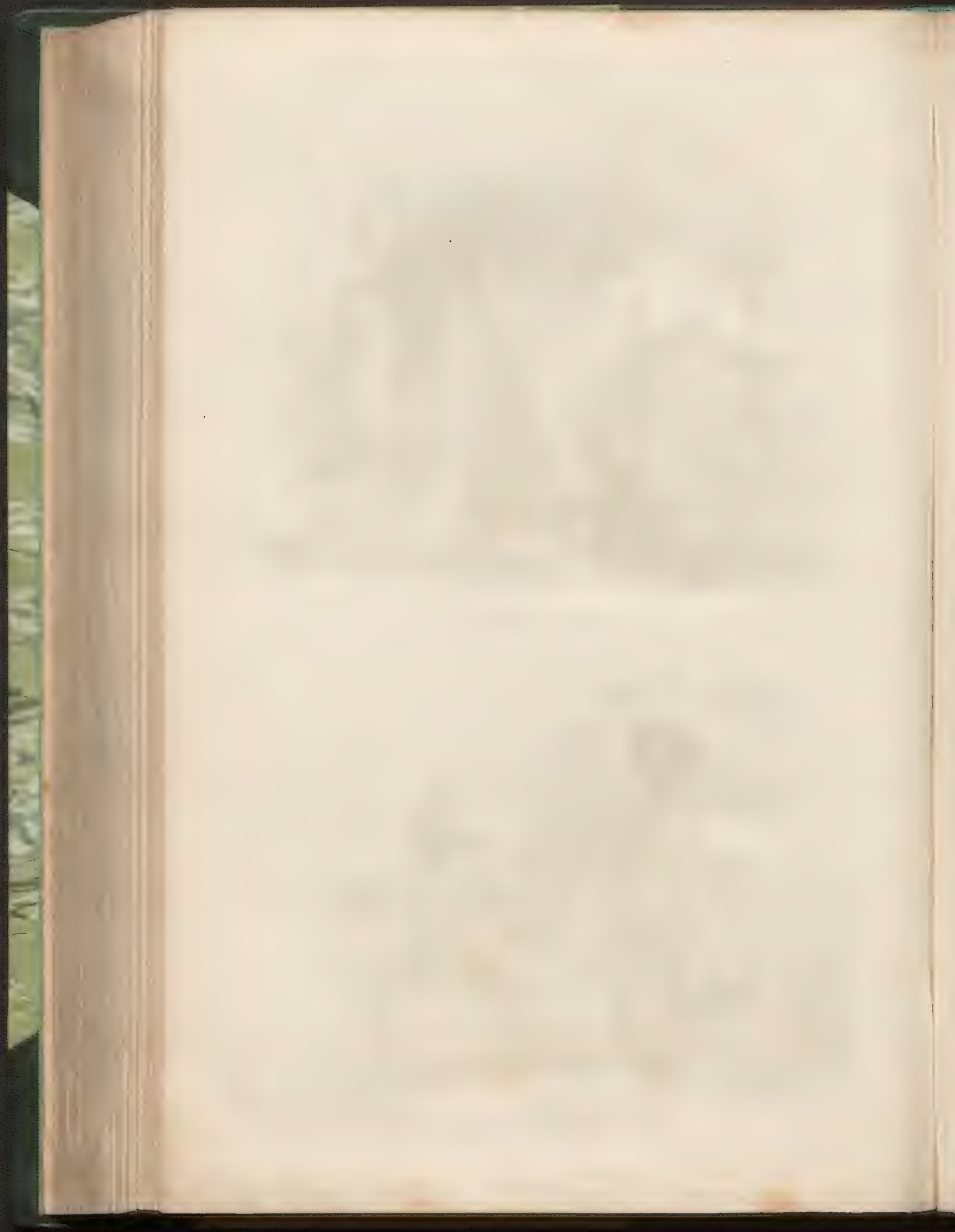

1. Nigama - Nigama.

2. Nigama - Nigama.

Two young people from the Pacific Islands.

A view of a small island in the Pacific.

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW
1618

1. *Peta. Hutan. S. Jawa*

2. *Fig. 1. Hutan. S. Jawa*

3. *Cera. Hutan*

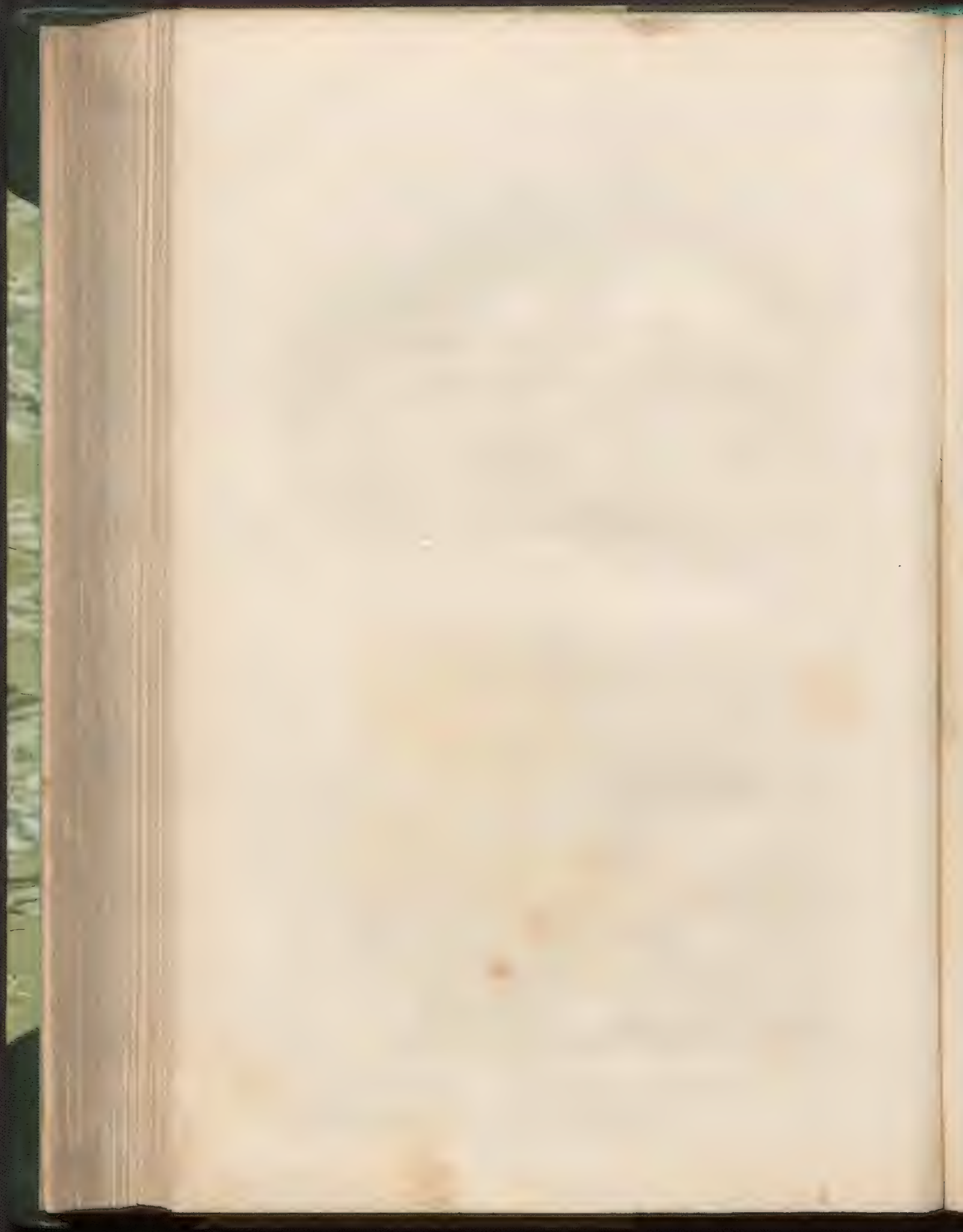

Fig. 1. A view of the interior of the house of the Governor of the Province of Rio de Janeiro.

1. Wasserfall bei M. ...

2. Wasser ...

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
IN THE REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN STOW

1. Fortification at Manava.

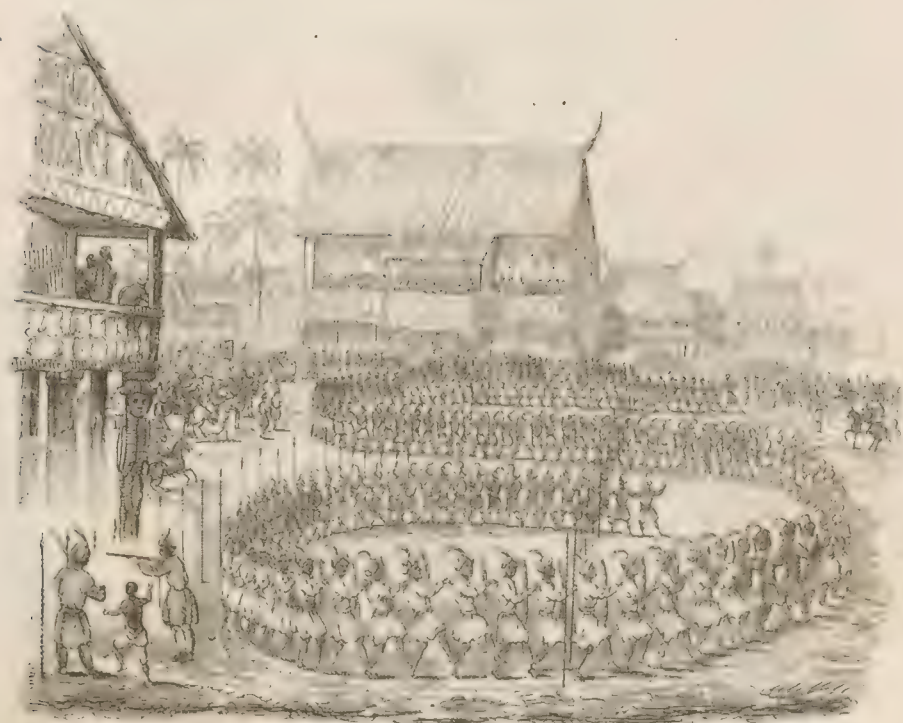

2. View of the river at Manava.

ALCANTARA DE ALCAZAR

Three men standing together.

A large crowd of people gathered in an open area.

View of the residence of the Governor of the Straits Settlements

View of the temple of the goddess of the Straits Settlements

THE HISTORY OF THE
CITY OF ABERDEEN
IN
SCOTLAND
BY
JAMES MONRO
ESQ.
OF ABERDEEN
IN
SCOTLAND
1793

L. P. ...

L. P. ...

2. *Chandee, Sumatra*

1. *Palace, Sumatra*

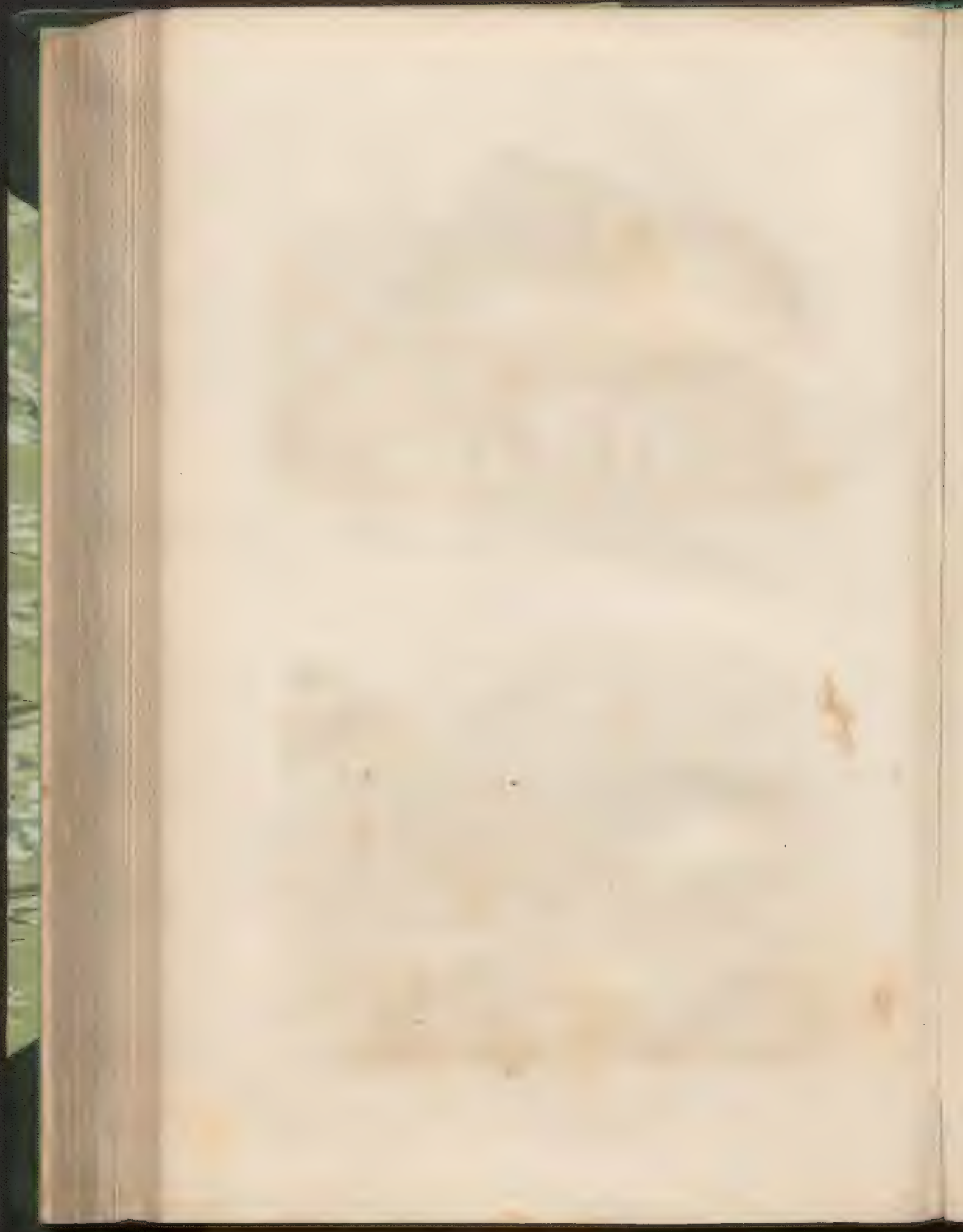

View of the Market at Kandy.

View of the Government Buildings at Kandy.

S. Agostino am Meer

S. Agostino am Meer

— Minsipikeu a Minsipikeu

— Ombatla a Minsipikeu

遊

遊

1. *Quai de Pondicherry.*

2. *Composant de Pondicherry.*

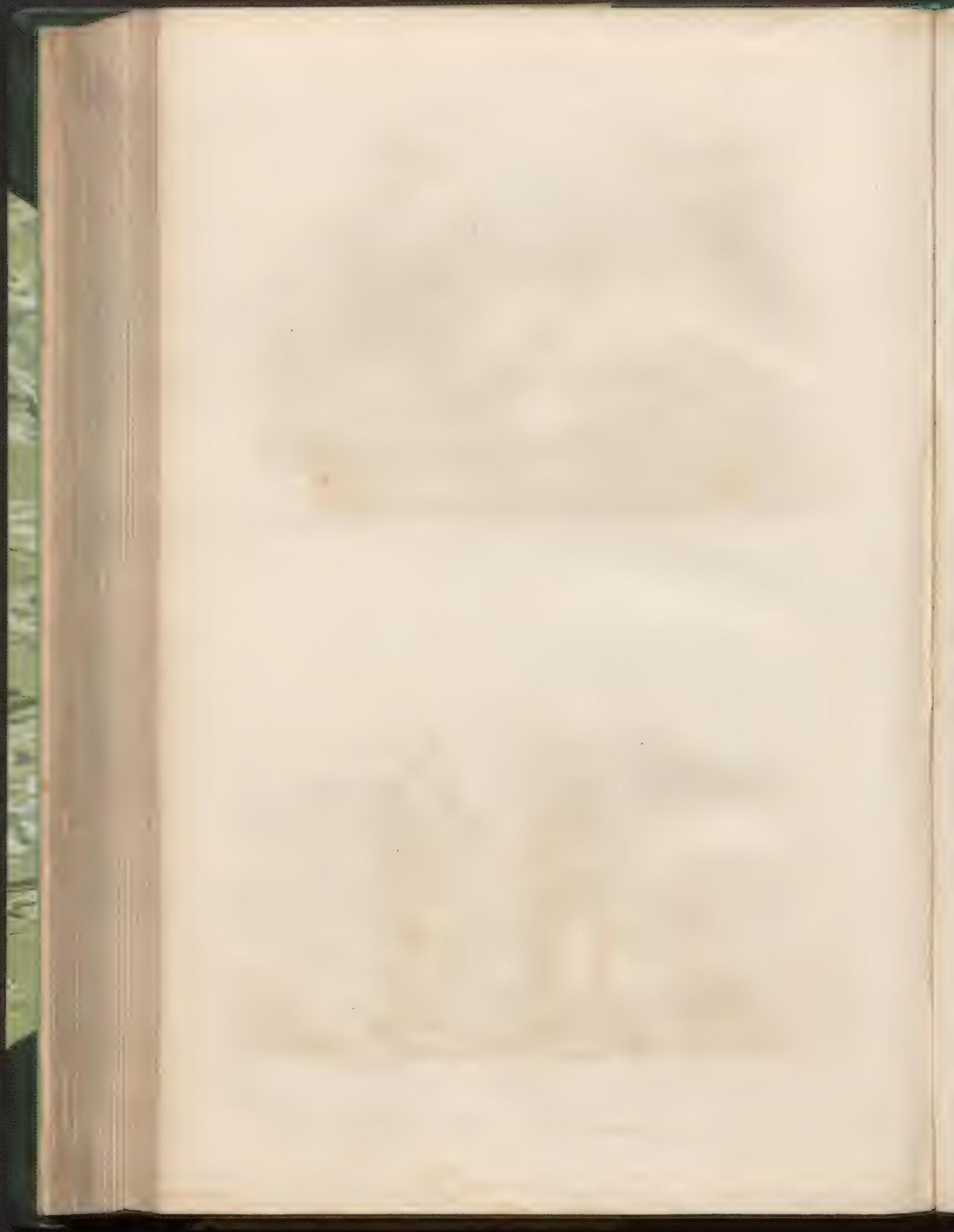

1. *Temple of the Virgin Mary*

2. *Women in the market*

1. *Musapuri rajah* 2. *Chavandi rajah*

3. *Chavandi* 4. *Chavandi*

1. *El Real Fuerte de San Juan*

2. *Rio de San Juan*

1. *Peasants, Punjab.*

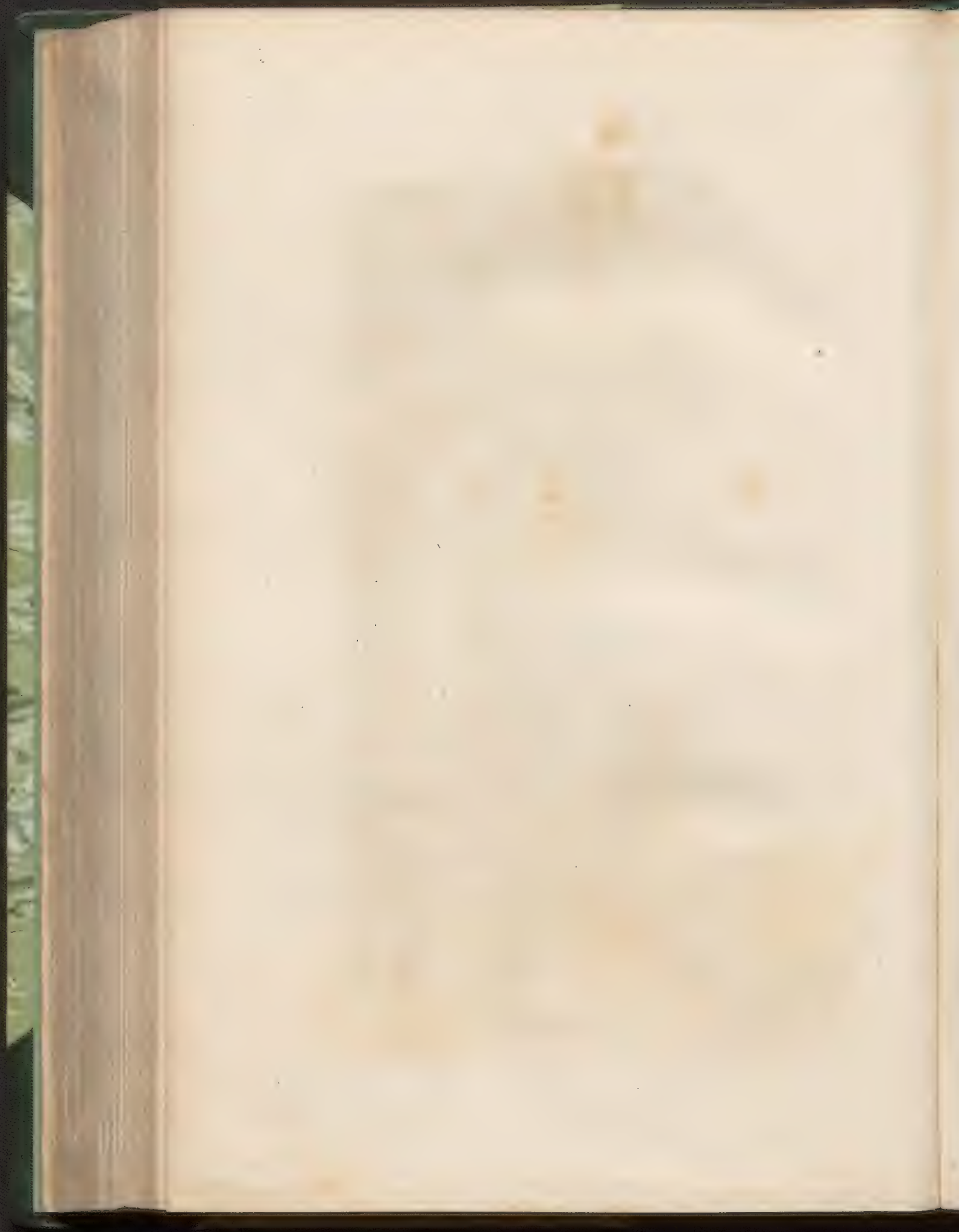

2. *Assembly, Government of India.*

The Palace of the King of the Netherlands

1. *Wipour in India*

2. *Temple in the Valley of the River*

1. Water Buffalo

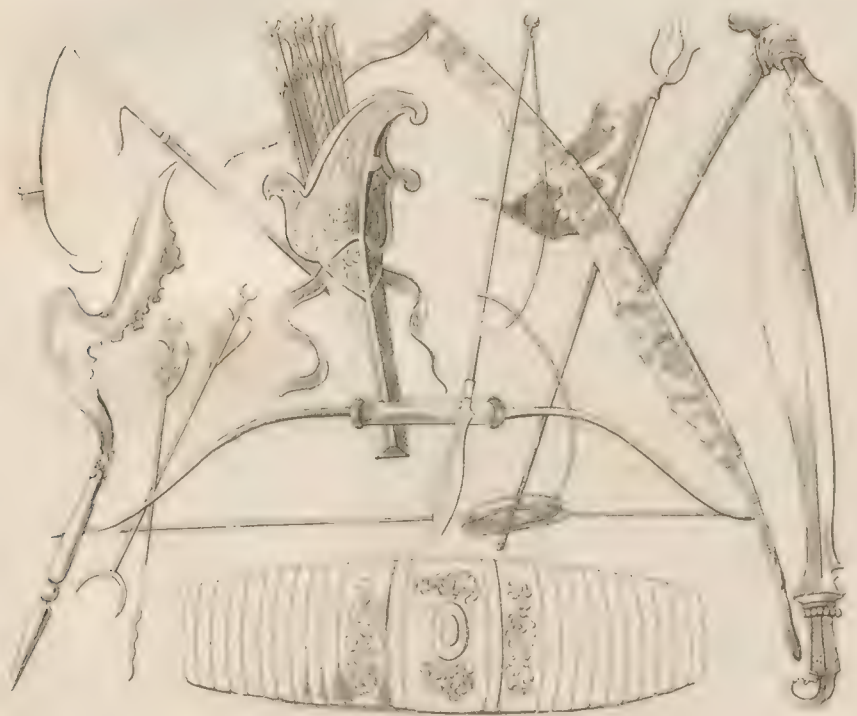

2. Three Figures in a Tropical Landscape

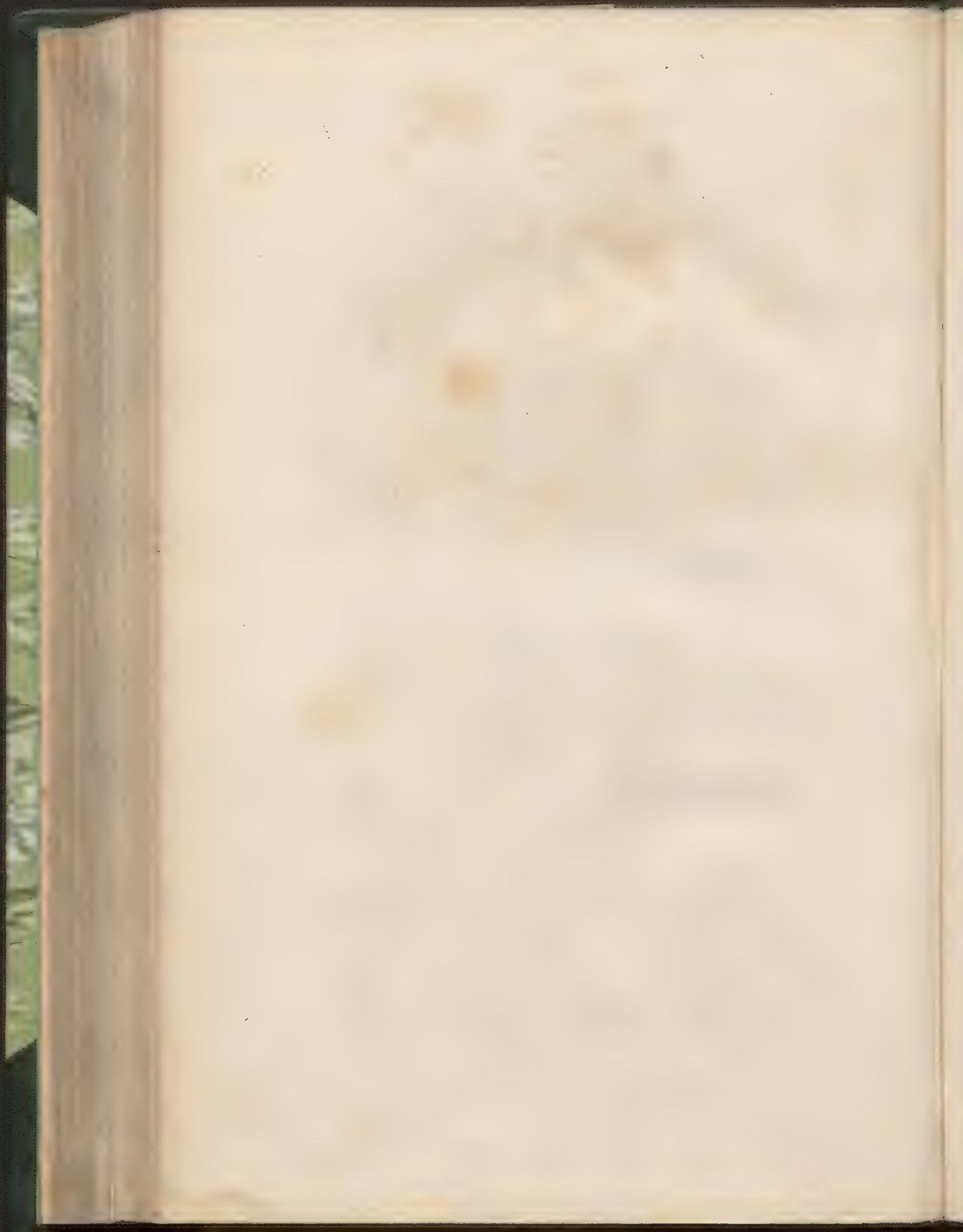

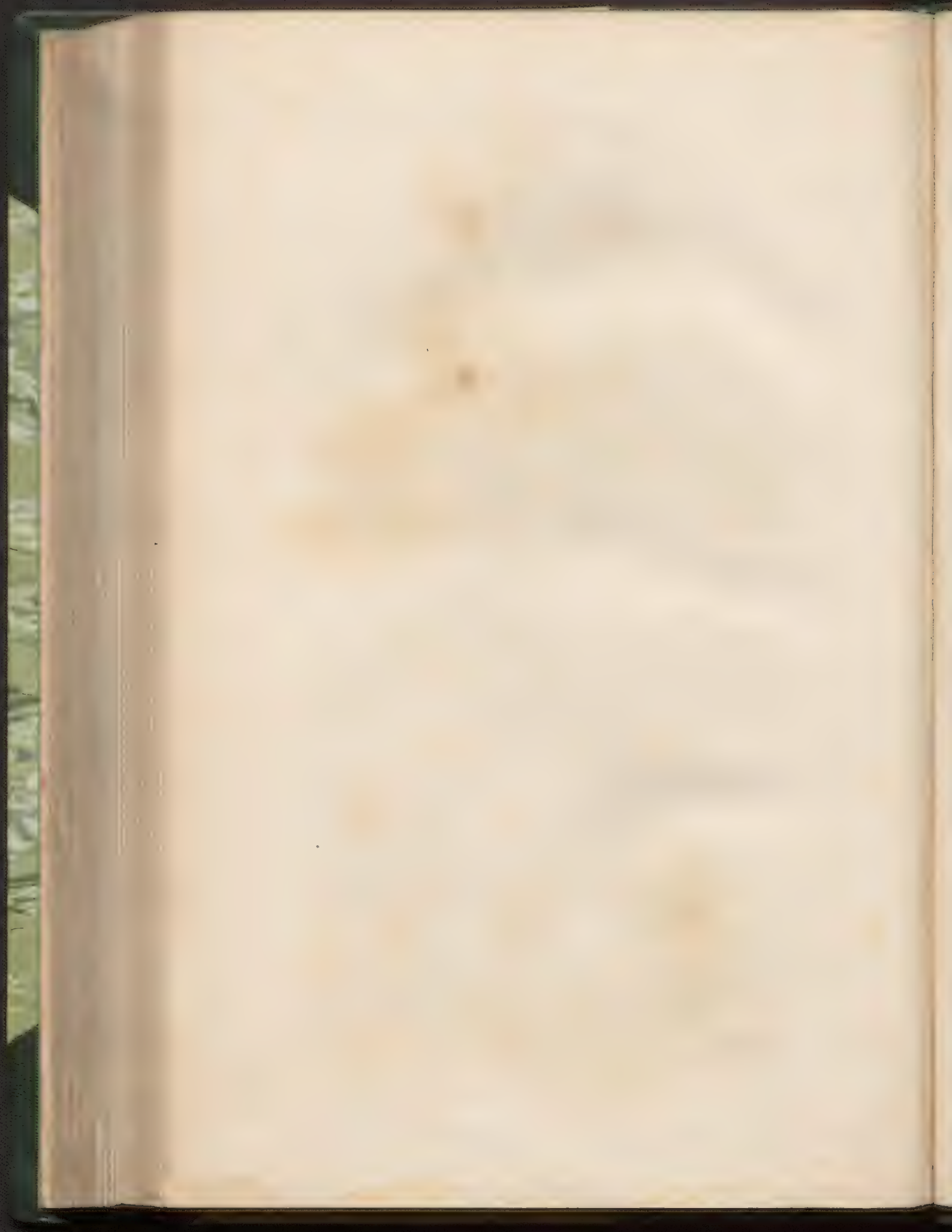

1. *Widow. T. 1. 1.*

2. *Organ. 1. 1. 1.*

Temple of Minerva at Capri

Palace of the Kings at Capri

1. Pancha. Gave. M. de. M. de. M. de. M. de.

2. Gave. M. de. M. de. M. de. M. de.

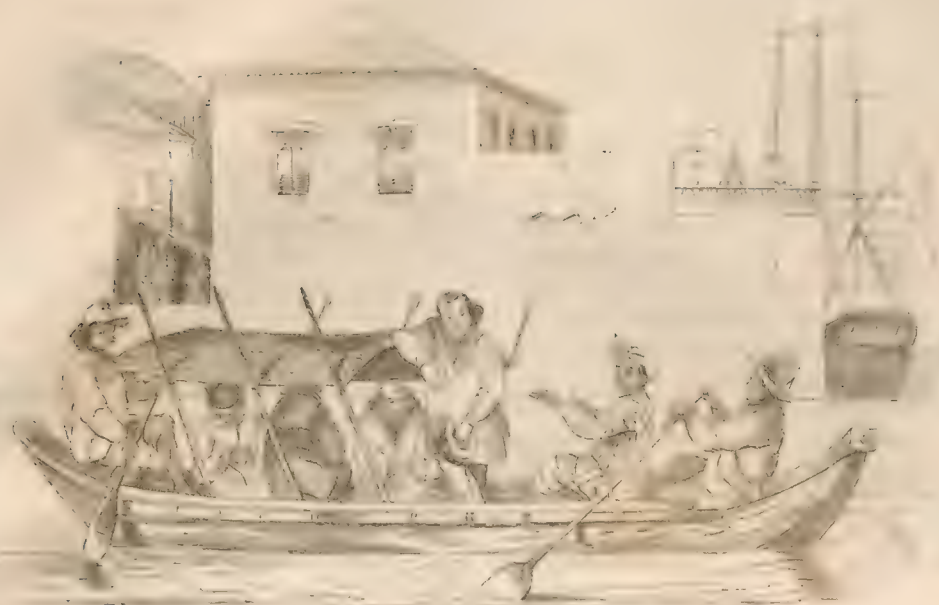

Barca, a più persone rema

Canotto, con rete a arco

ней, съ пятью кораблями, онъ прошелъ 1-го Нолбря противъ, сохранившій его имя, и въ день Св. Лазаря, замѣтилъ группу острововъ, которую по этому случаю называли архипелагомъ Св. Лазаря. Въ концѣ Мая Магеланъ достигъ до Минданао, и водрузивъ на немъ крестъ, въ знакъ владѣнія, отправился на островъ Зебу, гдѣ обратилъ въ христіанство и окрестилъ владѣтеля, его семейство и народъ; потомъ, приставъ къ острову Мактану, и погибъ здѣсь въ сраженіи съ владѣтелемъ, который не хотѣлъ принять христіанства. Вслѣдъ за Магеланомъ погибъ и оставшійся начальникомъ эскадры Жуанъ-де-Серано, отъ засады, приготовленной новообращеннымъ владѣтелемъ острова Зебу. Тогда возникли раздоры на оставшихся трехъ корабляхъ, и одинъ только Себастьянъ Кано, командовавшій Викторією, возвратился въ Гвадалупивиръ, 7 Сентября 1522 года, обогнувъ мысъ Доброй Надежды и совершивъ такимъ образомъ первое путешествіе вокругъ Свѣта.

Открытіе этого новаго архипелага и новаго пути къ нему, долгое время оставалось безъ всякихъ послѣдствій. Многіе годы продолжались споры съ Португальцами о владѣніи Молуккскими островами и вооруженныя толкованія двусмысленной буллы Папы Александра IV. Нѣсколько позже, Вильялбось, утвердившій названіе Филиппинскихъ острововъ, въ честь царствовавшего короля Филиппа II, потерпѣлъ неудачу въ экспедиціи своей и умеръ въ Амбуанѣ. Въ Нолбрѣ 1564 года, изъ порта Рождества вышла небольшая эскадра для утвержденія Испанскаго владычества на этихъ берегахъ. Два корабля, составлявшие эту экспедицію, которою командовалъ Лопесъ-де-Легаспи, человекъ необыкновенно отважный, открыли островъ Бородатыхъ (*Barbus*), прошли мимо Разбойничьихъ острововъ, 22 Января 1565 года, а 13 Февраля пристали къ Тагдахо и Абухо, находящимся въ группѣ Филиппинскихъ острововъ. Здѣсь, Легаспи сталъ искать жизненныхъ припасовъ; но отвергнутый туземцами, онъ отправился къ Биссаоскимъ островамъ и бросилъ якорь въ Боголъ, гдѣ получилъ нѣсколько провизіи, подвергнувшись сначала необходимости выпить крови дикаго владѣтеля, смѣшанной съ своею Испанскою кровью. Изъ Боголи онъ направился къ Зебу, бомбардировалъ главный городъ острова, овладѣлъ имъ и построилъ

крѣпость, которая была зародышемъ поселенія. Мало по малу начали вступать въ переговоры съ островитянами и ихъ владѣтелемъ, удалившимися во внутреннія части острова; овладѣли соседственными островами; стали получать жизненные припасы изъ Напая, изъ Масбатта или изъ Лусона; наконецъ, изъ метрополи прибыло подкрѣпленіе кораблями и войскомъ; иначе всѣ эти приготовительныя дѣйствія остались бы безъ существенными.

Въ это время Легаспи замыслилъ завоеваніе Лусона. Онъ отправилъ туда своего племянника Жуана-де-Сальседо, который разбилъ туземцевъ и основалъ Манилью въ 1571 году. Тщетно старались противиться ему туземные раджи: они должны были сдаться горсти Испанцевъ, владѣвшихъ самыми сильными и рѣшительными средствами для покоренія. Вскорѣ новый городъ былъ окруженъ валомъ, и съ тѣхъ поръ Лусонъ принадлежалъ Мадридскому двору.

Лусонъ, самый значительный изъ Филиппинскихъ острововъ, названъ такъ побѣдителями отъ слова *лусонгъ*, что означаетъ на языкѣ туземцевъ, пестъ для шелушенія саранинскаго пшена, который жители обыкновенно вѣшали надъ входомъ въ домъ. Островъ этотъ, имѣющій въ длину отъ сѣвера къ югу 175 лигъ, а въ ширину 75, былъ населенъ тогда различными племенами.

На берегахъ обитали народы очевидно Малайскаго происхожденія, не смотря на нѣкоторые незначительныя измѣненія; они назывались Тагалами, Пампангами, Цимбалами, Папагасиманами, Люкосами и Кайаганами; цвѣтъ тѣла ихъ былъ болѣе оливковый, нежели черный; волосы прямые, черты лица правильны. Всѣ они составляли общества, имѣли родъ полу-образованнаго правленія и начальниковъ или раджей; также особенныя привилегированныя касты: дворянъ или *багнановъ*, и *каліановъ*, или людей низшаго и бѣднѣйшаго сословія. Имъ извѣстны были права наследства; они говорили языкомъ правильнымъ и гармоническимъ; кодексъ ихъ уголовныхъ законовъ, также ихъ общественная іерархія, во многомъ обнаруживали въ ихъ обычаяхъ сходство съ обычаями и правами большихъ острововъ архипелага. Имъ извѣстны были: бракосочетаніе по *жуэжуру*, обрядъ моленія за усопшихъ прародителей, и заклинаніе злыхъ духовъ; словомъ, они весьма многимъ

напоминали островитянъ Борисо; Явы и Су-матры.

Но въ горахъ Люсона, въ пустынныхъ ихъ ущельяхъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, обиталъ другой народъ, который у Тагадовъ назывался Этасами или Аетосами, а у Испанцевъ Игоротами или чаще *Негритосъ-дель-Монте* (горными Неграми). Эти Негритосы или Этасы, главными чертами совершенно отличны отъ обитателей долины; они малорослы, черны, съ маслянистою кожею; волнистыми и курчавыми волосами, сплюснутымъ носомъ, неблаговидными чертами лица и толстыми выдающимися губами. Живя въ дикомъ состояніи, они инстинктомъ не превосходятъ животныхъ; всегда нагой, убѣгалъ заселенныхъ мѣстъ, Негритосъ съ трудомъ можетъ быть пойманъ, а если и попадется въ неволю, то при первомъ удобномъ случаѣ убѣгаетъ въ свои дикія ущелья. Охота, въ которой они удивительно искусны, составляетъ единственное ихъ средство существованія. Нуждаясь въ жизненныхъ припасахъ, они рѣшаются явиться иногда въ селенія, лежащія на Испанской границѣ; и мѣняютъ тамъ застрѣленную ими дичь на сарацинское шено.

Изъ мѣстныхъ преданій видно, что Негритосовъ должно гораздо скорѣе почитать аборигенами Люсона, нежели людей оливковаго цвѣта. По мѣрѣ того, какъ прямоволосыя племена распространялись по берегамъ и во внутренности острова, люди съ волнистыми и курчавыми волосами мало по малу вытѣснялись; и наконецъ удалились на самыя возвышенныя мѣста. Въ началѣ, вѣроятно между ними происходила борьба; кровь вѣрно была пролита съ обѣихъ сторонъ; безъ этого нельзя обойтись; но въ слѣдствіе общаго закона, по которому грубые типы уничтожаются мало по малу предъ типами болѣе благородными, дикія племена уступили племенамъ болѣе образованнымъ; Негритосы постепенно загнанные въ тѣнѣйшій кругъ, страдали отъ нищеты и голода, съ каждымъ вѣкомъ уменьшались въ числѣ, и будутъ уменьшаться до тѣхъ поръ, пока ихъ племя вовсе не угаснетъ или не переродится.

Впрочемъ постепенное уничтоженіе черныхъ племенъ и поглощеніе ихъ племенами желтыми и бѣлыми, не есть отдѣльный и единственный фактъ. Эта великая переработка вѣроятно началась еще съ незапамят-

ныхъ временъ, и можетъ служить доказательствомъ тому, что Земной Шаръ скорѣе на пути къ совершенству, нежели къ упадку.

Присутствіе черныхъ племенъ на островѣ Люсонѣ подаю поводъ ко множеству теорій и гипотезъ; но ни одна изъ нихъ не представила до сихъ поръ полныхъ и удовлетворительныхъ результатовъ. Известно только, что въ Океаніи, въ Малайскомъ архипелагѣ, на Азіатскомъ материкѣ и въ Индійскомъ морѣ, эта дикая каста занимала мѣста, которыми владела иногда нераздѣльно, а иногда принуждена была бороться за владѣніе ими, съ новыми пришельцами. Такимъ образомъ, не принимая въ уваженіе нѣкоторыхъ незначительныхъ отггггговъ, какъ неизбежное слѣдствіе мѣстности, пищи и климата, нетрудно узнать типъ Люсонскихъ Этасовъ или Негритосовъ въ Кохинхинскихъ Мойяхъ, въ островитянахъ Апдаманскихъ, въ Цейланскихъ Бедасахъ, въ нѣкоторыхъ горскихъ племенахъ Малайскаго архипелага и вообще во всѣхъ странахъ, лежащихъ по ту сторону экватора и далѣе, даже во всей Австраліи, въ Тасманіи; гдѣ они въ способностяхъ не превышаютъ животныхъ; на островахъ Соломоновыхъ и Вити, и въ землѣ Папуанской. Слѣдуетъ вопросъ: какимъ образомъ этотъ народъ, сходный по многимъ чертамъ своимъ съ туземцами Африканскаго материка, съ черными обитателями Заггебара, съ Каффрами, Мозамбійцами и Мальгашами, какимъ образомъ, говоримъ мы, этотъ народъ могъ разселиться по мѣстамъ столь различнымъ, столь отдаленнымъ отъ мѣста его происхожденія? какимъ образомъ онъ могъ удержаться на этихъ пунктахъ? какимъ образомъ другія племена, очевидно различнаго съ нимъ происхожденія, тмднаго цвѣта, съ гладкими волосами, болѣе красной и лучшей природы, племена болѣе общечеловѣчныя и промышленныя, поселились возлѣ народа вовсе имъ чуждаго, на островахъ лежащихъ къ востоку, отъ острововъ, занимаемыхъ тѣми, и разбѣянныхъ на пространства 71° широты, т. е. отъ 23° N. до 48° S., отъ острововъ Гавайскихъ до Новой Зеландіи? Рѣзкая противоположность между этими соседями, еще болѣе запутываетъ эту этнографическую загадку.

Не допустить ли, что различныя материкъ, попеременно участвовали въ населеніи этихъ Океанійскихъ земель, можетъ быть послѣднихъ высотъ нѣкогда поглощенного мѣ-

ра? Не пзъ Африки-ль вышли, въ неизвѣстное намъ время, цѣлыя колоніи Зингвовъ и Малагашей, тогда какъ на сѣверѣ, Аравіи и Индіи, отнимая у черныхъ племенъ занятія ими пространства, очищали мѣсто на Земномъ Шарѣ для Малайскаго племени, очевидно отличнаго отъ всѣхъ его окружающихъ народовъ?

Эти данныя, совершенно умоположительныя, не могутъ однако жъ объяснить: какими мореходными способами всѣ эти племена могли достигнуть неизвѣстнаго архипелага. Догадка наша не въ состояніи показать, какая необходимость, какое желаніе, какой случай, или какая сила могли пробудить ихъ къ подобному переселенію. Отличительнѣе ученые занимаются рѣшеніемъ этой задачи, сравнивая для того съ удивительнымъ терпѣніемъ языки, нравы, вѣншія черты и привычки огромнаго Океанійскаго семейства, съ другими извѣстными племенами. Но очень сомнительно, чтобы эти полезныя труды могли привести къ какимъ нибудь удовлетворительнымъ выводамъ. Исторія человека, на какомъ бы пунктѣ Земнаго Шара ни наблюдать его, всегда будетъ не доставать вещественныхъ, неоспоримыхъ и очевидныхъ доказательствъ; потому что человекъ ничего не оставилъ намъ отъ своего дѣтства; хронологія, созданная имъ, была не прежде того времени, когда въ немъ глубоко пробудились уже чувство памяти и понятіе о сравненіи. Для объясненія этихъ тайнъ, надобно быть или вѣдѣ фактовъ нашего сотворенія, или выше ихъ; а это возможно только Богу! — Однако жъ Люсонскіе Этасы завели насъ далеко; возвратимся къ землѣ, на которой они обитаютъ и къ исторіи ея завоеванія.

Испанцы, по завоеваніи побережья и основаніи Мапили, нашли въ Тагалскихъ племенахъ орудіе, покорное ихъ предпріятіямъ. Объ Этасахъ или Негритосахъ они мало заботились, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ обратить въ христіанскую вѣру это бѣдное и неуловимое племя, смотрѣли на него, какъ на обезьянъ, пастылевшихъ лѣса.

Первый періодъ водворенія Испанскаго владычества, ознаменованъ борьбою между политическою и религіозною властями; всегда спорившимъ и о своихъ преимуществахъ

Августинскіе монахи, сопровождавшіе Лесапса, добивались сильнѣйшаго участія въ колоніальномъ правленіи; они умѣли поставить главу своего выше военнаго начальника и успѣли воспользоваться слабостями и уступками гражданской власти. Этимъ окончилось бы все, если бы духовныя особы, монахи и священники, не были между собою въ раздорахъ. Пренія о первенствѣ между различными орденами; борьба между Августинцами и Францисканцами, Доминиканцами и Реколлетами; союзъ монаховъ противъ блага духовенства, и въ особенности противъ архіепископа; словомъ, всѣ эти распри, столько же пагубныя для колоніи, сколько вредныя для достоинства духовныхъ особъ, продолжались въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и только въ наше время, высшее духовенство Мапили обратилось къ единодушію и смиренію, которыя проповѣдуетъ Евангеліе.

Къ чести первыхъ духовныхъ особъ, прибывшихъ въ Люсонъ, должно сказать, что проповѣдь ихъ дышала кротостію и терпѣніемъ. Орудіемъ ихъ было слово, а не мечъ, какъ на Американскомъ материкѣ: они обращали въ христіанство, не употребляя насилья совѣсти, не прибѣгая къ пыткамъ и мученіямъ тѣлеснымъ. Августинцы были наиболѣе дѣятельными орудіями распространенія христіанства. Благодаря ихъ усиліямъ, Люсонъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался совершенно христіанскимъ островомъ; созданы сотни приходовъ, церквей, монастырей; туземцы покорились закону пастыря, говорившаго во имя Бога, прежде нежели признали силу альякада, говорившаго о власти короля Испанскаго. Можно однако жъ поставить въ упрекъ монахамъ употребленіе нѣкоторыхъ средствъ слишкомъ принудительныхъ, такъ напр. не только для обращенія въ христіанство, но даже для побужденія своихъ прихожанъ къ строгому соблюденію духовныхъ обязанностей, они подвергали ихъ наказанію кнутомъ. Тагалку, которая не была у обѣдин, сѣкли у самаго входа въ церковь, и малѣйшее неисполненіе священныхъ правилъ, заслуживало болѣе или менѣе строгое наказаніе въ томъ же родѣ.

Едва установилось религіозное и политическое устройство Люсона, островъ подвергнулся нападеніямъ Малайцевъ съ Борнео и Минданао, несправедливо называемыхъ Маврами. Эти хитрые морскіе разбой-

ники, не смѣя вступать въ открытый бой, неожиданно выходили гдѣ нибудь на берегъ, рѣзали или подвергали тяжелой подаѣ священниковъ и увозили туземцевъ, которыхъ продавали потомъ въ рабство.

Но 1574 годъ былъ ознаменованъ нападеніемъ гораздо важнѣйшимъ, нежели эти разбойничьи высадки. Передъ Манильею появился Китайскій пиратъ, прозванный царемъ Лимагономъ. Долго державшись противъ эскадры своего императора, но наконецъ уступивъ многочисленности, и вынужденный обратиться въ бѣгство, онъ замыслилъ покорить Люсонъ, съ 62 шампанями, на которыхъ находилось двѣ тысячи солдатъ, не считая матросовъ, и 1500 женщинъ. Высадка совершена была 29 Октября 1574 года, въ то самое время, когда Лопесъ-Легасп утвержденъ былъ генераль-губернаторомъ Филиппинскихъ острововъ. Китайцы шли прямо на Испанскій городъ, думая неожиданно завладѣть имъ; но небольшой передовой отрядъ, подъ командою капитана Власкеса, далъ время собраться гарнизону; генеральное сраженіе завязалось, и вскоре окончилось разбитіемъ Китайцевъ. Тщетно старался Лимагонъ возобновить нападеніе; онъ былъ снова прогнанъ къ устью рѣки Лингайена, въ Пангаппанъ, сѣверной провинціи Люсона. Испанцы держали его на этомъ пунктѣ въ блокадѣ, но онъ успѣлъ однако же спастись съ частию своего войска и перескочить на островъ Формозу. Другіе Китайцы, участвовавшіе въ этой экспедиціи, скрылись въ горахъ, гдѣ сѣмивались съ независимыми туземцами, образовали племя, извѣстное нынѣ подл именемъ метисовъ *Сангалаевъ*; ихъ легко можно узнавать по разрыву глазъ и цвѣту кожи, болѣе бѣлому, нежели у Тагаловъ и Илокозовъ.

Въ 1590 году, Японецъ Кикмонъ, бывшій нѣсколько разъ въ Манильи по коммерческимъ дѣламъ, вздумалъ сдѣлаться посредникомъ между Испанцами и Японскимъ императоромъ. Онъ просилъ отпратить съ нимъ пословъ, и ему даны были пять Францисканскихъ монаховъ, которые послѣ довольно счастливаго начала, подверглись гоненіямъ и были умерщвлены, вытерпѣвъ ужаснѣйшія мученія.

Между тѣмъ Испанцы упрочивали свое владычество на Филиппинскихъ островахъ, и становились завоевателями въ соседственномъ архипелагѣ. Властитель Борнео избѣ-

рался уже Манильскимъ начальствомъ; Десмарина смѣло, хотя и неудачно, оспаривалъ у Португальцевъ право владѣнія Молуккскими колоніями; Баретто пытался учредить поселеніе на вновь открытыхъ Соломоновыхъ островахъ, а когда онъ умеръ, жена его Изабелла, сдѣлавшись начальницею корабля, ввела его въ Манильскій рейдъ; словомъ сказать, политическая, религіозная и военная организація Люсона, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе дополнялась и совершенствовалась. Туземцевъ мало по малу крестили, покорили и обратили въ колоніальное войско.

Въ эту эпоху непрерывныхъ успѣховъ, внезапный заговоръ грозилъ Испанской власти гибелью. Въ 1603 году явилось на Манильскомъ рейдѣ странное посольство изъ Китая. Уполномоченные Китайскаго императора объявили, что они по повелѣнію его прибыли удостовѣриться: «точно ли весь «полуостровъ Кавитъ состоитъ изъ золота». — При этомъ странномъ объявленіи, губернаторъ Педро д'Акунья выдержалъ всю возможную важность, показавъ Китайскимъ сановникамъ почву полуострова: — «Вы видите», сказалъ онъ имъ, «что въ этихъ скалахъ нѣтъ золота; вотъ гдѣ оно», продолжалъ онъ указывая на плантаціи, покрывавшія долину.

Это посольство конечно не оставило въ себѣ и воспоминанія, если бы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ него всеобщее возстаніе Китайцевъ, живущихъ въ Люсонѣ, не обнаружилось настоящей причины посѣщенія императорскихъ агентовъ, скрытую ихъ смѣшнымъ предлогомъ. Давно уже Пекинскій дворъ жаловался на Испанцевъ, за ихъ притязанія на островъ Формозу и рѣшился наконецъ отмстить имъ, по своему — хитростью и коварствомъ. Китайскіе поселенцы Манильи, имѣя въ рукахъ свою всю мелочную торговлю, были сильны и многочисленностію и вліяніемъ. Въ одномъ Бидондскомъ предместьи, которое они создали, считалось болѣе 25,000 Китайцевъ. Здѣсь то составилъ заговоръ. Въ слѣдствіе плана Китайцевъ, должна была произойти *Испанская вечерня*, подобная Сицилійской; они положили рѣзать всѣхъ кто бы ни повстрѣчался; совершенно очистить островъ отъ Европейцевъ и покорить его властителю небесной имперіи. Весь Манильскій гарнизонъ, всѣ сановники, негодяи и духовенство погибли въ непремѣнно въ этомъ мл-

тежъ, если бы Тагала, жена Китайца, узнавъ о заговоръ, не открыла его наканунѣ назначеннаго для Квиленскому священнику, который немедленно сообщилъ это извѣстіе губернатору.

Готовые къ сопротивленію, Испанцы сосредоточили свои силы; но нападеніе было такъ внезапно, что они не успѣли вызвать изъ предмѣстій передовые караулы; тамъ до 150 человекъ были умерщвлены. Нѣтъ сомнѣнія, что Китайцы удачно бы совершили свое намѣреніе, если бы не были преждевременно утѣрены въ побѣдѣ и не умертвили бы всѣхъ Тагаловъ, находившихся подъ руками ихъ. Тогда вмѣсто одного врага, у нихъ стало два. Монахи, почти все войны, состарившіеся въ Фландрскихъ войнахъ, священники, купцы, женщины, все для этой безпощадной войны взяли за оружіе; отецъ Флорестъ придумалъ и совершилъ стратегическое движеніе, посредствомъ котораго всѣ силы мятежниковъ были раздѣлены на двѣ части, немѣвній ни какой возможности соединиться. Галлигато напалъ на Паріамскихъ Китайцевъ, а Люнесъ на Бидондскихъ. Такимъ образомъ раздѣленные, окруженные со всѣхъ сторонъ мятежники принуждены были отступить къ Сентъ-Поль-дель-Монте, а оттуда въ область Батангасскую. Мятежъ окончился убійствомъ Анго, зачинщика и главы бунтовщиковъ; голова его, вѣдтая на палку, была принесена Мапильскому губернатору, въ знакъ искупленія преступныхъ дѣйствій.

Послѣдовавшіе затѣмъ годы были гораздо спокойнѣе. Разбой Мавританскихъ пиратовъ, возстаніе Биссаевъ, въ которомъ погибло нѣсколько миссіонеровъ, предшествовали новому мятежу Китайцевъ, вспыхнувшему въ 1639 году, и окончившемуся, подобно первому, разбитіемъ бунтовщиковъ. Китайцы цѣлыми селеніями загнаны были на дикіе равнины Люсона, гдѣ они поселились, и недавно экспедиція во внутреннія части острова открыла Испанцамъ, къ удивленію ихъ, цѣлыя племена бѣлыхъ, довольно образованныхъ и занимающихся земледѣліемъ, среди самыхъ неприступныхъ и уединенныхъ ущелій острова. Безъ всякаго сомнѣнія, то были дѣти Бидондскихъ мятежниковъ, и можетъ быть потомки воиновъ Лимагона.

Землетрясеніе 1645 года причинило Мапиль большаго вреда, нежели всѣ эти войны и

бѣдствія. Дома, церкви, монастыри, обрушились на жителей; цѣлыя горы исчезли; селенія осыпаны и провалились. Городъ и окрестности сдѣлались грудой развалинъ.

Такъ прошло цѣлое столѣтіе, безъ великихъ замѣчательныхъ происшествій. Нападенія Мавровъ; бунтъ туземцевъ: Пампанган Пангазиана; судъ надъ губернаторомъ Діего де Сальседо, обвиненнымъ въ религіозныхъ нововведеніяхъ; ссора Іезуитовъ съ Доминиканцами; высадка Голландцевъ на островъ Формозу и изгнаніе ихъ оттуда; взятіе нѣсколькихъ гагіотовъ державами непріязненными Испаніи; наконецъ, въ 1719 году, возстаніе, устроенное духовенствомъ противъ губернатора Фернанда Бустаменте, погибшаго отъ удара, нанесеннаго ему ножомъ монаха, среди жаркой схватки, — вотъ перечень исторіи этой страны до 1762 года, когда нападеніе Англичанъ едва не погубило Мапилью.

Мапильею начальствовалъ тогда архіепископъ Донъ Маносель Рокса, обязанный этимъ мѣстомъ уваженію, которымъ пользовалось духовенство; Ангійскою эскадрою, состоявшею изъ четырехъ военныхъ кораблей, командовалъ адмиралъ Корнишъ; десантная войска находилась подъ начальствомъ бригаднаго генерала Дрепера, который занялъ городъ 23 Сентября, съ 3000 солдатъ, бѣлыхъ, сипасъ или Кафировъ, и сталъ требовать, чтобъ Испанскія власти сдались.

Это происходило въ то время, когда Англія утверждала свое всемогущество въ Индіи: Калькутта росла съ каждымъ днемъ; почти весь Коромандельскій берегъ зависѣлъ отъ адмиралтейства, или отъ компаній; Нондинерн только что былъ взятъ: словомъ, Мапилья имѣла дѣло съ самымъ страшнымъ непріятелемъ. Однако жъ укрѣпленія ея были довольно важны, всюду обнесены рвами и вооружены сильною артиллеріею, а въ небольшомъ Мапильскомъ гарнизонѣ, состоявшемъ изъ 1000 человекъ, было много опытныхъ и храбрыхъ офицеровъ; не доставало только начальника: архіепископъ Маносель, какъ человекъ духовный, не имѣлъ достаточно мужества для военнаго дѣла и довольно твердости для совѣщаній. При неожиданномъ нападеніи Англичанъ, онъ не нашелъ въ себѣ рѣшимости, чтобъ погибнуть съ мечемъ въ рукѣ, или самоотверженія, чтобъ поручить военное начальство кому нибудь другому. Къ несчастію, въ то время сильный

распри раздѣляли правителей колоній, а предстоящая опасность не только не уничтожала взаимной ненависти, но еще болѣе усилила ее и сдѣлала гораздо опаснѣе.

Однако жъ первое слово архіепископа генералу Дреперу было рѣшительно и почтительно. «Я сдамъ Манилю вместе съ моею жизнію», сказалъ онъ парламенту; но съ этимъ словомъ, казалось, истощилось все его мужество.

Дѣло началось взятіемъ предметовъ почти безъ всякаго сопротивленія. Дреперъ укрѣпился въ нихъ, занялъ церкви и монастыри, повышавшіеся надъ Манилею, и всталъ артиллерію даже на соборную колокольню. Тщетно Испанцы старались уничтожить неприятельскія работы мужественными и частыми вылазками; они были опрокидываемы и принуждены скрываться въ укрѣпленіяхъ. Оборонительными дѣйствіями Испанцевъ распоряжались каноникъ Анда, Французъ Фаллеръ, офицеръ Бустосъ, человѣкъ удивительно неустрашимый, и племянникъ самаго архіепископа, молодой человѣкъ, достойный лучшей участи: онъ былъ взятъ въ плѣнъ при вылазкѣ и растерзанъ почти передъ глазами несчастнаго дяди.

Съ самаго начала осады, Анда отправился изъ Манилы для возмущенія туземныхъ племенъ противъ Англичанъ. Его крестовый походъ удался ему въ нѣсколько дней, и 2 Октября уже 6,000 воспламененныхъ имъ Тагаловъ, шли подъ его начальствомъ на еретиковъ. Эта новая сила, вместе съ вылазкою гарнизона, наиболѣе направлена была на баттаренъ Санъ-Діего и Санъ-Андрео, огонь которыхъ наносилъ вредъ укрѣпленіямъ Манилы. Съ перваго взгляда можно бы было подумать, что Англичане погибли: туземцы бросались на пушки съ невыразимымъ бѣшенствомъ; они въ рукопашномъ бою отбивали ихъ у непріятеля и тотчасъ же обращали противъ него. Никогда не видали въ нихъ такого усердія къ дѣлу; Кафферское войско особенно раздражало ихъ: они думали найти въ немъ старыхъ своихъ враговъ, горныхъ Негровъ. Еще нѣсколькимъ мгновеній подобнаго натиска, и войско генерала Дрепера было бы опрокинуто: тогда только быстрое отступленіе могло бы спасти его остатки. Но мужество одного Европейскаго полка измѣнило все: выдержавъ первый натискъ, онъ далъ время баттареймъ возобновить свой огонь, и сильнымъ дѣйствіемъ, раз-

бивъ сперва неустрашенные колонны Тагаловъ, началъ постѣ на Испанцевъ, преслѣдовалъ первыхъ до равнины, а послѣднихъ загналъ въ укрѣпленія.

Съ тѣхъ поръ дѣло было уже выиграно Англичанами; атаку 5 Октября, послѣ которой городъ сдался имъ, можно и должно было предвидѣть. Между тѣмъ заблужденіе архіепископа на этотъ счетъ было такъ сильно, что въ то самое время, когда Англичане занимали Манилю, онъ переважно толковалъ съ Г. Фаллеромъ и однимъ *ониторомъ* (совѣтникомъ) о необходимости сдаться на капитуляцію. Сто Испанскихъ солдатъ, рѣшившіеся не сдаваться, пали съ оружіемъ въ рукахъ у королевскихъ воротъ; другіе бросались отъ преслѣдованій въ рѣку Пасигъ; остальные сдались Англичанамъ. Тогда начались во взятой съ бою крѣпости грабежъ и неистовства, превосходящіе всякое описаніе; не только Англіійскіе баталіоны, раздраженные сопротивленіемъ, искали въ добычѣ вознагражденія за труды, но сипан и Каффы предались вполне своей врожденной дикости и буйству, и къ довершенію ужаса, самые Тагалы, изъ союзниковъ сдѣлались неумолимыми убійцами и безстыдными грабителями.

Это еще продолжалось, когда въ архіепископскій дворецъ вошелъ Англіійскій офицеръ съ предложеніемъ мира и условій капитуляціи. Генералъ Дреперъ предоставилъ побѣжденнымъ свободу совѣсти, сохраненіе правъ собственности и свободную торговлю для всѣхъ жителей; городъ обязанъ былъ заплатить военный выкупъ. Условія были приняты и порядокъ возстановился въ Манили. Черезъ нѣсколько дней Кавитъ тоже сдался.

Выкупъ, назначенный въ четыре милліона піастровъ, былъ легко принятъ, но его не столь легко было заплатить. Провинціи рѣшительно отказались отъ участія въ уплатѣ; должно было прибѣгнуть къ церковнымъ украшеніямъ и деньгамъ богоугодныхъ обществъ, и даже къ папѣрскому перстню архіепископа: все это, превращенное въ монету, едва составило четвертую часть назначеннаго выкупа. Генералъ Дреперъ довольствовался и этимъ; оставивъ синаевъ, онъ отправился съ остальнымъ войскомъ въ Мадрасть.

Утвердись въ Манили, Англичане стали далѣе распространять свои завоеванія. При

помощи союзныхъ Китайцевъ, они одержали побѣду въ сраженіи при Булаканѣ и покорили Тагальскую страну; но скоро каноникъ Анда и офицеръ Вустосъ, вооруживъ противъ нихъ всю остальную часть острова, взяли перевѣсъ и въ свою очередь осадили Англичанъ въ укрѣпленномъ городѣ. Нельзя составить себѣ настоящаго понятія объ этомъ странномъ ополченіи, одушевленномъ болѣе релігіозною ревностью, нежели мыслию объ отечествѣ и народности. Каждый сельскій священникъ извѣлъ свой отрядъ и водилъ своихъ восторженныхъ прихожанъ подъ самый огонь укрѣпленій. Эти отряды походили на фаланги, послушныя голосу Петра пустытника, худо одѣтыя, полувооруженныя, неустойчивыя, несвязныя, но ревностныя и стремившіяся на смерть какъ на пиршество. Тактика начальниковъ состояла сначала въ партизанской войнѣ, продолжавшейся почти два года; потомъ, когда Англичане вынуждены были принять оборонительное положеніе и держаться въ своихъ укрѣпленіяхъ, сильная осада съ блокадою замѣнила эти мелочныя схватки. Окруженные со всехъ сторонъ, изнуренные голодомъ и болѣзнями, уменьшаясь въ числѣ отъ безпрестанныхъ ошибокъ, Англичане готовы были уже сдаться на честное слово, когда одинъ изъ фрегатовъ ихъ, стоявшій передъ городомъ, принесть извѣстіе о заключеніи мира между Испанією и Англією. Возвращеніе Манилы прежнимъ владѣтелямъ было однимъ изъ условій трактата; Мадраскіе снаряды немедленно очистили городъ и 31 Марта 1764 года каноникъ Анда торжественно вступилъ въ Манилю съ Испанско-Тагальскимъ войскомъ.

Но это великое политическое потрясеніе не могло остаться безъ послѣдствій. Туземцы, отторгнутые отъ спокойной домашней жизни, привыкшіе къ беспорядочному бивачному быту, по водвореніи тишины съ трудомъ возвратились къ брошеннымъ полямъ своимъ, къ прежнему образу жизни и къ мирнымъ занятіямъ. По несчастію, война принеся горькіе плоды; ненаказанность убійствъ и грабежей возбудили въ этихъ людяхъ неизвѣстныя имъ до тѣхъ поръ страсти; они находили этотъ способъ существованія удобнымъ, болѣе волновавшимъ чувства, и привыкли смотрѣть на страну, какъ на завоеванную землю. Духъ мятежей распространился въ войскахъ; когда объявили о распусcenіи его по

домамъ и о водвореніи всеобщей тишины, оно разсыпалось по селеніямъ, всюду оставило крѣпко опустошенія, и не только неслучалось священниковъ, которымъ до тѣхъ поръ было покорно, но даже умерщвляло ихъ. Къ довершенію этого бѣдственнаго положенія, Китайцы взбунтовались и заняли городъ Наву, откуда они были вытѣснены послѣ кровопролитнаго сраженія. Въ то же самое время обнаружилось возстаніе въ областяхъ Лагунской и Батангской; между тѣмъ Илюкостъ и Кагайланъ возводили на престолъ своего царя, а Пангазинанъ выгонялъ изъ границъ своихъ Испанскихъ сборщиковъ податей.

Въ такомъ положеніи находился Люсонъ, когда каноникъ Анда былъ назначенъ генералъ-капитаномъ. При этомъ твердомъ и дѣятельномъ правителѣ, раны, нанесенныя острову войною, мало по малу закрылись. Анда заставилъ исполнить приказъ о распусcenіи войска; онъ очистилъ всю страну отъ опустошавшихъ ея разбойниковъ; возстановилъ внутреннія сообщенія; прекратилъ или предупредилъ мятежи туземцевъ, и далъ сельскимъ священникамъ всѣ средства вновь пріобрѣсть прежнее вліяніе. Ему обязана Манила возрожденіемъ и спокойствіемъ; при немъ, наслаждаясь тишиною, она успѣла отдохнуть отъ бѣдствій и принять мѣры къ исправленію нанесеннаго ей вреда.

Пріемникъ его Баско былъ столько же способенъ и благонамѣренъ. Онъ открыто боролся съ духовенствомъ, которое съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливалось и угрожало его власти. Это подало поводъ къ заговору, въ которомъ приняли участіе военачальники и *la real hacienda*.—Комендантъ крѣпости извѣстилъ Баско о происходившемъ, зачинщики тотчасъ же были схвачены и переданы на корабль, отправлявшійся въ Европу. Знаменитый Лаперузъ останавливался въ Манильскомъ рейдѣ во время управленія Баско, который принялъ его самымъ радушнымъ и учтивымъ образомъ. Къ этому же времени должно отнести неудачное учрежденіе компаніи Филиппинскихъ острововъ.

Мѣсто Баска заступилъ Рафаель Марія д'Агвиларъ. Облеченный сильною властію, продолжая идти по пути успѣховъ и преобразованій, онъ первый осмѣлился открыть Люсонскіе порты для всехъ мореплавателей; до него Испанія воспрещала допускъ къ нимъ иностранныхъ флаговъ. Онъ создалъ новое

военное устройство; улучшилъ состояніе финансовъ и подарилъ колоніи нѣсколько полезныхъ заведеній.

Но вскорѣ наступило время продолжительныхъ морскихъ войнъ, въ слѣдствіе которыхъ Англичане завладѣли Индійскимъ океаномъ. Потерявъ мало по малу свою значительность, лишившись принадлежавшихъ ей Американскихъ колоній, изнуренная войнами съ Наполеономъ, Испанія бросила Манилью; оставила ее безъ помощи, безъ совѣта, безъ управленія. До 1814 года Люсонъ былъ вовсе отдѣленъ отъ метрополіи; онъ существовалъ собственными средствами и съ каждымъ днемъ клонился къ упадку. Миръ пробудилъ его, однако жъ не далъ ему средствъ необходимыхъ для возрожденія. Люсонъ впалъ въ великую коммерческую борьбу, двигавшую тогда Земнымъ Шаромъ, сохранивъ все свои старинныя предразсудки объ исключительности и монополіи и нѣсколько не измѣнилъ своей морской силы и тарифовъ, составленныхъ за два вѣка до того времени.

Однако около этого же времени Манильскій губернаторъ получилъ изъ Испаніи приказаніе: дозволить иностраннымъ негодіантамъ пріѣзжать и жить въ Манильскомъ портѣ. Въ слѣдствіе этого распоряженія, явились здѣсь Французы, Англичане, Американцы и Голландцы; но съ самаго начала, сколько непріятностей должны были они вытерпѣть со стороны туземцевъ, сколько ненависти, клеветы, зависти, преслѣдованій тайныхъ и явныхъ? Можно было бы подумать, что эти пришельцы селились на Манильской почвѣ, съ тѣмъ, чтобы отнять ее у монаховъ, которые водворивъ христіанство, покорили ее своей власти; потому, что монахи болѣе всѣхъ преслѣдовали, иностранцевъ, православныхъ и еретиковъ. Ненависть посягна была успешно и принесла плоды столь ужасные, что сами монахи застонали подъ ихъ тяжестью. Въ 1820 году, когда холера распространилась по Манильѣ съ полною силою, съ своими неотразимыми ударами, съ своею безобразною смертію и съ тысячами жертвъ, народъ, умиравшій толпами, былъ пораженъ ужасною мыслію, что иностранцы, которыхъ такъ чернили въ глазахъ его, были, можетъ быть, единственною причиною столь немилосердой казни. Роковая мысль эта, все болѣе и болѣе укрѣпляясь, переходя отъ одного къ другому, распространилась бы-

стро, какъ пламя, и вскорѣ безуміе черни обнаружилось въ полной силѣ. Нѣсколько Европейскихъ медиковъ, изучая эпидемію съ самоотверженіемъ, занимались леченіемъ больныхъ, проводя дни и ночи въ госпиталяхъ, и жертвуя здоровьемъ и жизнью; съ нихъ-то начались убійства: они были умерщвлены народомъ, какъ главные отравители. За ними та же участь постигла Бидондскихъ негодіантовъ: ихъ закалывали въ собственныхъ домахъ, таскали по улицамъ, бросали подъ ноги лошадей и даже послѣ смерти ругались надъ ихъ обезображенными трупами. Эти ужасы, которымъ нельзя найти наименованія, продолжались два часа, и два часа мѣстное начальство пребывало въ хладнокровномъ бездѣйствіи. Наконецъ, когда послѣ этого новаго Варѣоломеевскаго дня, толпа, упоенная кровью, еще жаждала ее и послѣгнула уже на дома Испанцевъ, генераль-губернаторъ счелъ необходимымъ выйти на площадь съ своимъ штабомъ, и сдѣлать воззваніе къ монахамъ и священникамъ, которые одни только могли утишить народъ. Вскорѣ убійства прекратились, но ни кто изъ виновныхъ не былъ наказанъ или задержанъ.

Между тѣмъ иностранцы, которыхъ отдали въ жертву народу, какъ некогда отдавали звѣрямъ несчастныхъ въ Римскихъ циркахъ, иностранцы въ пять лѣтъ сдѣлали для Маниль болѣе, нежели лѣтныя ея владычества два вѣка. Имъ обязана Маниль распространеніемъ многихъ ремеселъ, до тѣхъ поръ вовсе неизвѣстныхъ, или мало распространенныхъ. Они основали заводы для выгонки рома; развели обширныя плантаціи сахарнаго тростника; учредили сахарныя заводы, спичныя, табачныя мануфактуры, мастерскія для пряжи и тканей пеньки и абаку (произведеніе банановаго дерева); они привлекли сюда корабли изъ всѣхъ портовъ вселенной, оживили этотъ мертвый рейдъ; покрыли поля посѣвами и плантаціями; мѣною движеніемъ дали жизнь мертвымъ капиталамъ и увеличили ихъ до неслыханности. Благодаря имъ, воздѣлываніе какао, сараинскаго ишена и хлѣба находилось въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Словомъ сказать, имъ обязана была Маниль своимъ возрожденіемъ, когда совершилось это немовѣрное вѣроломство, которое она сама возбудила и котораго остановить какъ будто не хотѣла.

Съ того времени однако же произошло на

островъ сильная реакція въ пользу иностранныхъ колонистовъ: только послѣ этого событія почувствовали, сколько пользы они приносили всѣмъ. Наклонность къ Европейскимъ обычаямъ, употребленіе Европейскихъ предметовъ роскоши и первой необходимости, по всеобщей дешевизнѣ своей чрезвычайно распространились и утвердились; самыя нравы улучшились и стали болѣе кроткими. Испанецъ, метисъ, Тагаль, знали по опыту вредъ причиненный имъ запретительною системою торговли, въ которой метрополія такъ долго держала Филиппинскіе острова; они поняли благотворныя дѣйствія обществѣнности, запечатанной космополитизмомъ. Даже самыя монахи и священники, почти безъ вѣдома своего, подверглись вліянію идей болѣе свободныхъ. Особенно въ Испанскомъ духовенствѣ, занимающемъ высшія мѣста и имѣющемъ первенство надъ духовенствомъ туземнымъ, замѣтно сдѣлалось преобразованіе, стремящееся къ измѣненію прежняго направленія, политическаго и гражданскаго, независимо отъ чистоты догматовъ, остающейся неприкосновенною. Какое прекрасное поприще представилось бы священникамъ въ этой странѣ, гдѣ голосъ религіи еще такъ силенъ, если бы они захотѣли быть истинными апостолами гражданской образованности.

Впрочемъ, если смотрѣть на этотъ предметъ съ высшей точки зрѣнія, то не трудно убѣдиться, что только этою системою общности, владѣтели колоній могутъ на долгое время утвердить власть свою надъ ними. Въ Люсонѣ, какъ и на Антильскихъ островахъ, въ Бенгаліи и во всѣхъ странахъ, гдѣ кровь Европейская смѣшалась съ другою кровью, образовался новый разрядъ, дѣятельный, промышленный, сильный; разрядъ людей могущественныхъ своею многочисленною и сношеніями. Это классъ метисовъ. Онъ господствуетъ въ Бидондо въ мелочной и полуоптовой торговлѣ; онъ владѣетъ большимъ числомъ заводовъ; управляетъ многими значительными плантаціями; доставляетъ миллію гарнизону и матросовъ флоту; онъ вступилъ съ нѣкоторыхъ поръ даже въ духовенство, которое наложило на него бремя двухъ, трехъ тысячъ маленькихъ приходовъ, слишкомъ незначительныхъ для Европейскаго духовнаго лица. Такимъ образомъ метисы находятся вездѣ: Церковь, торговля, каботажное судоходство, земледѣіе, промыш-

ленность, — метисы заняли все, проникли всюду, и если кто изъ нихъ достигнетъ до высшихъ свѣтскихъ должностей трудолюбивою своею проникательною, то въ другомъ отношеніи, всегда будетъ стоять на послѣдней ступени по безправственности, лѣности, невѣжеству и грубымъ своимъ формамъ.

Испанія должна знать, что Люсонъ сограждаетъ и раститъ змѣю, которая погубитъ его, если заранѣе не вырветъ ей жала. Уже въ 1824 году неудавшійся заговоръ показалъ ей, что предстоитъ Люсону въ будущемъ. Нѣсколько офицеровъ гарнизона и небольшое число Испанскихъ негодяитовъ, согласились тогда съ туземцами: провозгласить независимость Люсона, подъ вліяніемъ духа пробудившаго возстаніе Испаніи и Испанско-Американскихъ колоній. Въ Мѣсяцъ мятежъ вспыхнулъ; заговорщики овладѣли однимъ изъ воротъ города; отсюда, направясь прямо ко дворцу, они неожиданно напали на него и зарѣзали генераль-капитана. Это смѣлое и столь рѣшительное начало, имѣло бы самыя пагубныя послѣдствія, если бы вѣрность войска и смерть одного изъ начальствовавшихъ мятежниками, не дали другой оборотъ дѣлу. Бунтовщики, бывшіе по утру побѣдителями, ввечеру сидѣли уже въ тюрьмахъ цитадели, откуда всѣ мало по малу были отправлены въ Европу. Ссылка или смерть были справедливымъ возмездіемъ этой первой попытки; но кто можетъ ручаться, что впередъ подобныя явленія не возобновятся съ болѣею силою и не окончатся удачно.

Правленіе Филиппинскихъ острововъ, со времени ихъ завоеванія, осталось безъ всякой перемѣны. Генераль-капитанъ, назначаемый Испаніею, есть политическій глава всѣхъ острововъ, и хотя полномочіе дается ему только на шесть лѣтъ, однако жъ оно всегда почти возобновляется. Мало было генераль-капитановъ, которыхъ власть не простиралась бы гораздо далѣе шести лѣтняго срока. Генераль-капитанъ получаетъ 18,000 піастровъ ежегоднаго жалованья: изъ нихъ четыре тысячи остаются въ королевскомъ казначействѣ, какъ залогъ, въ случаѣ расхищенія государственныхъ денегъ. Оставляя свое мѣсто, генераль капитанъ обязанъ прожить въ колоніи еще шесть мѣсяцевъ, какъ частный человекъ; но этотъ мудрый и предусмотрительный законъ почти никогда не исполняется. Нынешній ге-

генераль-капитанъ, Донъ Генрикъ, занима-
етъ это мѣсто съ 1830 года.

Генераль-капитанъ председательствуетъ
въ совѣтъ колоній, и распоряжается ся до-
ходами. При немъ находятся, какъ бы для
контроля, ассессоръ и королевскій фискаль-
ный агентъ. Колоніальный совѣтъ, отъ ко-
торого все зависитъ, состоитъ изъ регента
и четырехъ *ондоровъ*, или совѣтниковъ.
Кромѣ этихъ лицъ, губернаторъ имѣетъ
еще помощника для военнаго управленія,
alter ego, королевскаго намѣстника, прямо
назначаемого Испанією, для надзора надъ
войскомъ и для замѣщенія генераль-капитана
въ случаѣ нужды.

Ниже этихъ главныхъ властей есть мно-
жество второстепенныхъ; важнѣйшіе изъ
нихъ суть: Манильскіе и провинціальные
алькады. Всѣхъ алькадовъ тридцать: два въ
Маниль и 28 въ провинціяхъ; они назы-
ваютъ себя военными начальниками, *capitan
de guerra*. Ниже алькадовъ находятся *capitanes
del pueblo*, начальники народныя или
начальники селеній, избранные изъ числа
самыхъ зажиточныхъ обывателей и наконецъ
cabessas de valangue родъ, туземныхъ сбор-
щиковъ податей для иравительства. Кромѣ
этихъ властей въ Маниль есть особенный
коррегендоръ, начальникъ полиціи, имѣю-
щій въ своемъ завѣдываніи полицейскія кан-
целяріи и тюрьмы. Власть его не переходитъ
извѣстной степени преступленій; великое дѣ-
ло превышающее эти границы, восходитъ
къ ондорамъ.

Вотъ іерархія политическая и граждан-
ская въ Маниль; рядомъ съ нею и почти
совершенно независимо, тянется іерархія
духовныхъ властей. Донынѣ изъ нихъ бо-
лье всѣхъ имѣли и сохранили вліяніе мона-
хи; изъ среды ихъ поступили почти все ар-
хіепископы, ими захвачены для различныхъ
орденовъ приходы самыя богатые; важныя
и прибыльные.

Глава Церкви тамошней, архіепископъ
Манильскій, начальствуетъ тремя еписко-
пами и капитуломъ, состоящимъ изъ двѣ-
надцати канониковъ и ихъ викаріевъ. Епи-
скопы постоянно пребываютъ въ Виганъ
и Нагъ, въ области Камаринской, и въ Зебу,
въ области Биссаоской. За ними слѣдуетъ
великій инквизиторъ, начальникъ чиновъ
инквизиціи, отдѣленіе которой въ Маниль
основано было по примѣру трибунала, при-
обрѣтшаго въ Европѣ столь громкую и вѣс-

стѣ ужасную извѣстность. Въ Люсонѣ, какъ
и въ Испаніи, шпіоны проникали во все
тайны семействъ; были соглadataми рев-
ности христіанъ къ обрядамъ вѣры, наказы-
вали безвѣріе явное или скрытое, во всѣхъ
сословіяхъ и разрядахъ народонаселенія,
запрещали и предавали пламени книги, пред-
писывали сажать-бенито и сжигали на ко-
стрѣ тѣхъ, кого считали виновными.

Четыре духовные ордена, владычествую-
щіе въ Маниль, суть: Августинцы, Домини-
канцы, Реколеты и Францисканцы; каждый
имѣетъ свой капитулъ и причетъ; изъ сре-
ды этихъ монаховъ избираются начальники
для приходовъ провинціальныхъ.

По наблюденіямъ безпристрастныхъ пу-
тешественниковъ, въ различное время, сдѣ-
ланнымъ, эти настыри кажутся уже слиш-
комъ строги къ прихожанамъ, въ отношеніи
соблюденія духовныхъ обязанностей; мно-
гіе подвергались даже за это псудовольствію
епископа. Вотъ что говоритъ объ этомъ Лапе-
рузъ, безпристрастіе котораго еще нѣмъ
не было опровергаемо.

«Народъ былъ раздѣленъ на приходы, и
подвергнутъ отпавленію самыхъ мелоч-
ныхъ и пустыхъ обрядовъ; за всякую вину,
за всякій грѣхъ, наказывали кнутомъ; за
неприсутствіе у обѣдинъ и небытіе на мо-
литвѣ облагали денежнымъ штрафомъ; нака-
занія совершались у самыхъ дверей церкви,
по приказанію приходскаго священника,
мужчинамъ и женщинамъ безъ различія.
Праздники, покаянія и процессіи занима-
ютъ большую часть года; въ климатахъ жар-
кихъ воображеніе и все вообще страсти
удобнѣ приходятъ въ восторженное поло-
женіе, и потому не мудро, что на Стра-
стной недѣлѣ я видѣлъ кающихся, въ ма-
скахъ, влачащихъ тяжелыя цѣпи, запутан-
ныхъ по ногамъ и туловищу связками колю-
чихъ прутьевъ, добровольно принимавшихъ
удары кнута предъ дверями каждой церкви
или часовни, словомъ, подвергавшихъ себя
истязаніямъ столь же жестокимъ какъ истязанія
Индійскихъ факировъ. Эти обряды,
гораздо болѣе способствующие къ распро-
страненію фанатизма, нежели къ утвержде-
нію чистой набожности, нынѣ воспрещены
архіепископомъ; но нѣтъ сомнѣнія, что мно-
гіе исповѣдники, если не предписываютъ
ихъ открыто, то по крайней мѣрѣ совѣ-
туютъ.»

Ренуар-де-Сентъ Круа, бывший въ Маниль двадцать лѣтъ спустя, говорить о тѣхъ же наружныхъ обрядахъ. Онъ увѣряетъ, что видѣлъ на Страстной недѣлѣ, въ улицахъ Бидондо, Тагаловъ полунагихъ, съ терновыми вѣнками на головѣ, въ толпѣ мальчишекъ, которые безпощадно стѣкали этихъ людей; другіе таскали тяжелыя цѣпи. Самые строгіе изъ приходскихъ священниковъ суть туземцы, люди развратнаго поведения, которыхъ ученость ограничивается нѣсколькими Латинскими фразами, смѣшанными съ Тагалскимъ языкомъ. Что касается до монаховъ, то имъ должно отдать справедливость, что нѣтъ, можетъ быть, духовнаго сословія, которое бы вело жизнь, столь примѣрную во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны генералъ-капитанъ, ондоры и алькады, съ другой архіепископъ, епископы, каноники и приходскіе, суть власти, между которыми раздѣлены Филиппинскіе острова. Последнимъ принадлежитъ все нравственное вліяніе; первымъ гарнизонъ изъ 2,000 Европейцевъ и 4000 туземцевъ, не считая земскаго ополченія съ саликотами на головѣ и пикною въ рукѣ.

Послѣ послѣдняго заговора, въ которомъ участвовали множество метисовъ, Манильскіе власти просили метрополию усилить Испанское войско въ колоніи; чтобы въ случаѣ военнаго возстанія туземцевъ противопоставить имъ значительный отпоръ. Тысячи человѣкъ достаточно было для упроченія спокойствія колоніи. Провинціальное ополченіе, или милиція, несетъ службу прямо полицейскую. За весьма умеренную плату и пищу, эта стража охраняетъ безопасность дорогъ и наблюдаетъ за порядкомъ въ селахъ. Въ случаѣ тревоги, тотчасъ составляются роты подъ начальствомъ капитановъ, которые всегда почти суть люди, имѣющіе наибольшее вліяніе въ странѣ; эти отряды собираются въ селенія, гдѣ живетъ алькады. Въ два дня Люсонъ можетъ имѣть отъ 20 до 30,000 воиновъ, недисциплированныхъ, негодныхъ въ жаркомъ обществѣ дѣлать, но ужасныхъ гверильсовъ. Благодаря этому военному образованію, если бы Маниль когда нибудь была покорена, то не менѣе того, нѣтъ возможности завладѣть Люсономъ.

Нѣкогда, сверхъ этихъ сухопутныхъ силъ Люсонъ имѣлъ еще флотъ; нынѣ едва ли до 30 канонерскихъ лодокъ находятся въ его

распоряженіи, подъ начальствомъ командира фрегата.

Всѣ расходы по колоніи, издержки на управленіе, духовенство, войско и т. п. доходятъ до 10 милліоновъ франковъ; они покрываются податями, которые чрезвычайно перемѣчивы и въ количествѣ и въ способѣ взиманія ихъ. Они заключаются въ земской повинности, въ поголовномъ платѣжѣ, производимомъ Китайцами, въ пошлинахъ съ грузовъ, ввозимыхъ въ страну (по 8% съ ихъ цѣны), въ налогахъ на табакъ, бетель, ареку, пѣтушии боп, кокосовое вино; наконецъ въ платѣжѣ за приложеніе штемпеля къ письмамъ и бумагамъ.

Съ 1814 года, количество пошлины съ ввозимыхъ товаровъ постепенно и значительно увеличилось; и возрасло наконецъ до суммы чрезвычайно важной, когда въ 1825 году, закономъ Французскихъ палатъ, вдругъ уменьшена была чрезмѣрная пошлина, наложенная прежнимъ тарифомъ на Индійскій сахаръ; тогда изъ Бордо, Нанта, Гавра и Марселя отправлены были, наиболѣе въ Турану и Манилю, огромные грузы; Французскій флагъ опять появился въ Китайскихъ моряхъ; Французскія мануфактуры открыли тамъ произведенія свои обширный сбытъ, а сахарныя заводы Французскихъ промышленниковъ обогатились покупкою тамъ превосходнаго матеріала. Словомъ, новая и богатая торговля возникла и приходила въ превосходное устройство, когда жалобы привилегированныхъ колоній Бурбона, который взамѣнъ данной ему привилегіи не представлялъ даже и рейда для торговыхъ судовъ, остановили эти счастливыя послѣдствія пониженія тарифа. Правительство Манили, обиженное этими мѣрами, оплатило за нихъ самымъ несприятнымъ образомъ для Филиппинскихъ острововъ и для Франціи. Французскія вина и крепкіе напитки были обложены запретительными пошлинами, и невыгодность торговли вскорѣ отстранила Французскія суда отъ Манильского рейда. Англичане же, болѣе искусные и лучшіе понимавшіе свои выгоды, удержались въ Маниль. Достоинно вниманія, что дальновидный Манерузъ, полъ-вѣка тому назадъ предвидѣлъ и отгадалъ, какая система всѣхъ выгодъ для Испанской колоніи; вотъ что онъ писалъ объ этомъ въ 1727 году; въ наше время нельзя было бы выразиться объ этомъ предметѣ иначе: «Когда

жители получать достаточное для своего пропитания количество пшена, сахару, овощей, и т. п. тогда остаток этих потребностей ни во что не считался; случалось, что сахар продавали дешевле коптейки за фунт; а пшеница гнила на полях. Я думаю, что трудно самому невольственному народу выдумать столь нелзпый образъ правленія. Манильскій портъ, который необходимо долженъ былъ бы пользоваться свободою торговлею, донныи былъ запертъ для всѣхъ Европейскихъ кораблей....» Далѣе онъ говоритъ:—«Индиго, хлопчатая бумага, сахарный тростникъ, прозябаютъ вовсе безъ воздѣлыванія, подъ стопами пренебрегающихъ ими жителей; свободная торговля доставила бы этимъ предметамъ огромный сбытъ, и оживила бы тѣмъ всю отрасль земледѣлія; легкая пошлина на вывозныя произведенія, въ нѣсколько лѣтъ принесла бы правительству доходъ, который покрылъ бы все расходу; вѣротерпимость и нѣкоторыя привилегіи для Китайцевъ, вскорѣ привлекли бы сюда изъ восточныхъ областей до 100,000 жителей, изгоняемыхъ теперь мадаринами.»

Къ этимъ словамъ и совѣтамъ наблюдателя, писаннымъ какъ-будто бы вчера, нельзя ничего прибавить. Здравый и глубокий умъ предвидитъ всегда будущее.

Торговля Филиппинскихъ острововъ подраздѣляется на многія отрасли; каботажное судоходство съ Биссаоскими областями и Китаемъ, мѣна съ Индіею и Малезіею, наконецъ обширнѣйшія сношенія съ Европою. Внутренняя торговля вся безъ изыатія переходитъ чрезъ руки алькада; онъ покупаетъ все произведенія той мѣстности, гдѣ находится, чтобъ перепродать ихъ въ Манилю; тамъ они, переходя отъ метисовъ и Китайцевъ къ негоціантамъ Испанскимъ, Французскимъ, Англійскимъ или Американскимъ.

Манильскими сѣ Биссаосей Бенгальскія полотна, на золото въ порошокъ, воскъ и птичьи гнѣзды; съ Коромандельскимъ берегомъ: камбан, Мадрасскіе платки и холсты на пластры и дерево *сибукао*; съ Китаемъ фрукты, варенья, шелковыя ткани и фарфоръ на произведенія Биссаоскія, птичьи гнѣзды, *шана* или сушеное оленье мясо, оленьи жиры, перламутръ, словую кость; наконецъ съ Европою: сукны, вины, водку, масло, мелочи, на сахаръ, индиго, кофе, раковины, золотой песокъ, находимый въ Люсонѣ

скихъ потокахъ, какао, ромъ, рнсъ, табакъ и кампешевое дерево.

Большая часть всѣхъ этихъ отраслей торговли, принадлежитъ метисамъ; женщины метиски завладѣли торговлею камбаями и Бенгальскими полотнами. Они понимаютъ достоинства этихъ товаровъ лучше мужчинъ, являются на базаръ или *паріамъ*, гдѣ находятся лучшіе магазины, выбираютъ и уносятъ товаръ, не только не платя денегъ, но и не оставляя ни какого залога для росписки. Какъ бы ни былъ продолжителенъ срокъ данный продавцемъ, метиска никогда не подпишетъ долговой записки или заемнаго письма, но заплатитъ всегда деньги въ назначенное время; вообще съ метисами выгоднѣе имѣть дѣло, нежели съ Испанцами и Китайцами; первые самыя дурныя плательщики, а послѣдніе самыя тонкіе мошенники и обманщики въ цѣломъ свѣтѣ.

ГЛАВА XXXIII.

Филиппинскіе острова. — Географія.

Архипелагъ Св. Лазаря, обыкновенно называемый Филиппинскими островами, состоитъ изъ тысячи острововъ и островковъ; изъ которыхъ очень немногіе достойны вниманія, по ихъ важности и обширности. Архипелагъ занимаетъ пространство между 5 и 19° сѣверной широты; цѣпи горъ, перерывавъ острова по всѣмъ направленіямъ, возвышаются въ нѣкоторыхъ точкахъ, какъ полагаютъ, до 1,800 и 2,000 туазовъ; ни одна изъ этихъ горъ не была съ точностію измѣрена. Между ними нѣкоторыя извергаютъ пламя, т. е. пр. Майонъ или Албай на Люсонѣ; вершина ея всегда увѣнчана клубами дыма; на островахъ Мпидоро и Сангун находится тоже сопки, окруженныя пенсчерпаемыми копиями стры.

Люсонъ, на которомъ горы тянутся по направленію Гатскаго хребта на Индійскомъ полуостровѣ, представляетъ ту же атмосферическую противоположность. Въ западной его части дожди царствуютъ въ Іюнь, Іюль, Августъ и началъ Сентября. Это время западнаго вѣтра, въ которое порывы его, называемые тамъ *колла*, бываютъ неописанно жестоки; море бушуетъ, земли покрываются

водою, поля обращаются въ озера. На востокъ и на сѣверъ, въ это же самое время стоитъ прекрасная погода; но съ сѣверо-восточнымъ муссономъ настаетъ для этой части Филиппинскихъ острововъ эпоха бурь и дождей. Такимъ образомъ климатъ обоихъ склоновъ до того различенъ, что перетѣжая, въ известное время, отъ одного къ другому, можно наслаждаться непрерывною весною. Въ междупреставіе двухъ муссоновъ, въ это неопредѣленное и невѣроятное время, когда они какъ будто спорятъ другъ съ другомъ кому владычествовать, возникаютъ тифоны или *багуасы*, которые въ нѣсколько часовъ срываютъ жатвы, опрокидываютъ хижины, вырываютъ деревья и погружаютъ въ бездну корабли. Оптимисты, находящіе хорошую сторону во всемъ, утверждаютъ, что эти великіе перевороты весьма полезны, и что они много способствуютъ къ содѣланію сыраго климата Филиппинскихъ острововъ здоровымъ.

На влажной почвѣ этого архипелага, растительность сильна и безподобна; здѣсь роши, лѣса, поля и горы, всегда одѣты зеленью. Иногда на деревьѣ, покрытомъ плодами, вы видите новыя цвѣты; но Европейскіе фруктовые деревья здѣсь или вовсе не производятъ плода или даютъ его мало; напротивъ того, тропическія: апельсинное, лимонное, манговое, аттовое, даютъ плоды въ чрезвычайномъ изобиліи, и особенно вкусныя. Всѣ наши овощи, кромѣ картофеля, успешно произрастаютъ въ Маниль.

Пшеница составляетъ главнѣйшее богатство Филиппинскихъ острововъ; это первый предметъ пищи. Испанцы развели здѣсь рожь, которая родится хорошо. Къ этимъ предметамъ мѣстнаго потребленія нужно присоединить произведенія, назначаемыя для вывоза или мѣны: хлопчатую бумагу, кофе, сахаръ, пидигу, какао, *cassia lignea*, табакъ, бетель и ареку, которые воздѣлываются, смотря по надобности, въ большемъ или меньшемъ количествѣ.

Быки, телята, козы, свиньи, буйволы, лошади, разведены въ изобиліи. Въ горахъ водятся множество дикихъ звѣрей, оленей, газелей, лосей; въ лѣсахъ попадаются зеленыя и сѣрыя гориллы, другія съ краснымъ пятномъ на груди; табу, птицы зарывающія свои яйца въ песокъ; бекасы, тетерева и проч. Море и озера наполнены прекрасною рыбой, а въ рѣкахъ обитаютъ кайманы гигантскаго

роста: контръ-адмиралъ Ричерчъ говоритъ, что въ числѣ здѣшнихъ змѣй находится порода, называемая туземцами *дамонпалай*: ядъ ея умерщвляетъ въ одно мгновеніе. Въ числѣ ящерицъ замѣчательна *шаконъ*, называемая такъ потому, что она произноситъ это слово, возвышая первый слогъ и понижая послѣдній, и *камоо*, которая всегда въ известные часы дня поетъ какъ пѣтухъ.

Золотыя и желѣзные руды, небогатыя и худо разработанныя; золотоносныя потоки, благодаря терпѣнію Китайцевъ, не безполезны; красильныя деревья и строевой лѣсъ, также воскъ, сѣра, смола, янтарь, жемчугъ, перламутръ, птичьи гнѣзды, раковины и т. п. довершаютъ списокъ богатствъ этихъ избалованныхъ природою острововъ.

Архипелагъ Филиппинскій можетъ быть раздѣленъ на пять главныхъ группъ: Люсонъ, остр. Биссаоскіе, Пирагоа, Минданао, и архипелагъ Сулу.

Въ Люсонѣ считаютъ пятнадцать алькадствъ или областей; Тондо или Маниль, Кавита, Валангасъ, Булаканъ, Лагуна, Батангасъ, Тайямбасъ, Пампангъ, Замбалесъ, Пангасинанъ, Илокосъ, Кагайанъ, Камаринесъ и Албай. Мы познакомили читателя съ Тондо, Саватой, Лагуной и Илокосомъ. Область Валангаская есть Тагальская земля къ западу отъ Маниль; она обширна, но покрыта горами; народонаселеніе ея весьма не многочисленно; Маниль получаетъ отсюда дикія пальмы, бамбукъ и строевой лѣсъ; также нипасъ, который съ особенною выгодною употребляется на покрышу домовъ. Алькадымѣтъ мѣстопробываніе въ Валангасъ, гавани, расположенной при Манильской бухтѣ.

Область Булаканская славится въ Люсонѣ красотою женщинъ; это Филиппинскія Черкешенки. Булаканъ расположенъ къ сѣверу отъ Маниль; сжатая въ тѣсныхъ границахъ, эта область обязана своему плодородію огромнымъ народонаселеніемъ. Здѣсь считаютъ 19 мѣстечекъ, и нѣкоторыя изъ нихъ такъ обширны, что нужно нѣсколько часовъ ходьбы съ конца на конецъ мѣстечка; эти селенія и городки вовсе не походятъ на Европейскіе: дома почти всегда на разстояніи ста шаговъ одинъ отъ другаго; они разбросаны по обѣимъ сторонамъ дороги и окружены хорошими садиками, гдѣ непременно находятся до пятидесяти или шестидесяти различныхъ породъ плодовъ. Рѣки

и каналы пересекают страну по всем направлениям; по этим путям бесчисленные произведения этой чудесно-плодородной почвы везутся в Манилю. Дороги многочисленны и превосходны; их можно угодить садовым аллеям. Лучшие из здешних плодов называются лакатаны и гулансы.

Область Битангасская лежит на юг от Лагуны, которую мы описали. Она лесиста и услана горами; с возвышенных ее точек взору открываются обширные равнины воды: Китайского моря и Южного океана. Главное место Санъ-Пабло-дель-Монте, окружено озерами горькой и сильно пресыщенной стрной воды, занимающими потухшие жерла вулканов. — Глубина этих водохранилищ неизмерима; опускали лоды на двести брассовъ, но не могли достать дна. Семь озеръ, называемых семью братьями; расположены в полны одно отъ другаго; въ нихъ водятся огромные кайманы.

Къ югу отъ Батангаса находится область Таямбасская, послѣдняя въ Тагальской землѣ, и смежная съ полуостровомъ Камариномъ. Прибрежья прекрасны и хорошо возделаны, но внутри страны дороги трудны, почти непроходимы. Скаты высотъ покрыты лесомъ и кустарникомъ такъ густо, что нѣтъ возможности пробиться сквозь эти сплошные стѣны зелени.

Тайлмбасъ, частью лежащій на Южномъ океанѣ, не разъ видѣлъ въ пустынныхъ бухтахъ своихъ галіонъ Аканулескій. Когда Испанія воевала съ какою нибудь Европейскою державою, и крейсера блокировали ее портъ, тогда сигналъ при входѣ въ проливъ Санъ-Бернардино извѣщалъ, что западные берега не безопасны, и богатый галіонъ приставалъ уже къ восточному берегу; тамъ выгружалъ онъ свои товары на прибрежьи, откуда люди, на рукахъ, переносили ихъ до Лагунскаго озера а озеромъ, на лодкахъ, отправляли въ Манилю.

Къ северу отъ Тагальской земли находится земля Пампанговъ; жители ее чрезвычайно сходствуютъ правами и отличительными чертами съ Тагальцами. Эта область обширна и плодородна; она изобилуетъ золотыми рудниками, производитъ превосходный табакъ и огромное количество сахара.

Область Замбалеская лежитъ къ северу отъ Пампанга, отъ мыса Капонеса до мыса Болинао. Замбалесы гораздо менѣе соседей рос-

томъ, но одежда ихъ и степень образованности совершенно одинаковы. Гавань Субекъ превосходна; она закрыта отъ вѣтхъ муссоновъ, и содержитъ до двадцати бухтъ; глубина близъ самаго берега доходитъ до 20 брассовъ.

Область Пампанганъ лежитъ къ северу отъ Пампанга; она составляетъ родъ залива, граничащаго съ восточной стороны народами малозвѣстными и непокоренными; къ северу областью Илокосскою, а къ западу моремъ. Жители ее малорослы, храбры, упрямы и совершенно противоположны во всемъ съ соседями Пампанганцами и Илокосцами, которые сильны, великорослы и чрезвычайно тихи. Можетъ быть, по этой причине, разбойникъ Лимагонъ избралъ ихъ область, какъ самое вѣрное мѣсто для убѣжища отъ Испанцевъ.

Въ соседственныхъ горахъ живутъ племена, носящія на себѣ наиболѣе характеристическіе признаки, отличающіе дикихъ Игровъ или Негритосовъ; они продаютъ Испанцамъ своихъ дѣтей и рѣшаются приходить въ селенія Пампанганскія и Тагальскія, которые находятся не въ прямой зависимости Испанцевъ. Въ этой полосѣ Лусона, весь восточный склонъ занятъ племенами, о которыхъ мы говоримъ, и которые видимо отличаются не только отъ болѣе образованныхъ соседей, но еще и между собою. Различіе заключается менѣе въ нарѣчіяхъ, нежели въ типахъ и нравахъ. — Такимъ образомъ, кромѣ Негровъ Этасскихъ, въ совершенной независимости находятся Малайскіе туземцы, или древніе Лусонскіе обитатели, заведенные въ горы лѣтнюю и непокорностію, или разбойники изъ Биссао и Минданао; за ними слѣдуютъ Китайцы, оставшіеся отъ разбитой шайки Лимагона, и бѣжавшіе послѣ укрощенныхъ возмущеній; или наконецъ Японцы, выброшенные на эти берега бурею; само собою разумѣется, что составились новыя поколѣнія отъ смѣшенія этихъ различныхъ племенъ.

Народы эти, непокоренные Испанцамъ, ведутъ жизнь свободную, занимаются рыболовствомъ и земледѣіемъ, прикрываются тканями, которые выдѣлываютъ сами, ходятъ полунагіе, и имѣютъ нѣкоторые условные общественные законы, болѣе въ горахъ, воздымающихся надъ Виганскими долинами. Здѣсь замѣчательны одиннадцать большихъ селеній, находящіяся между со-

бою въ совершенно дружественной связи; женщины сильны, довольно хорошо сложены; одежда ихъ состоитъ изъ рубашечки, закрывающей грудь, и куска бумажной ткани, опускающейся отъ плеченицы до коленъ. Жители хорошо вооружены, и въ случаѣ надобности, умѣютъ силою обезопасить себя отъ нападений; они дорожатъ своею независимостію, съ подозрѣніемъ смотрятъ на каждаго иностранца, и потому не всегда безопасно посѣщать ихъ, даже просто изъ любопытства. Вѣроисповѣданіе ихъ есть смѣсь сказокъ и суевѣрныхъ обрядовъ. Они имѣютъ законныхъ женъ и наложницъ; раздѣляются на благородныхъ и рабовъ, имѣютъ даже царей, которымъ повинуются. Войны ихъ между собою жестоки до неслыханія; когда военачальникъ умираетъ, то, по обычаю, убиваютъ въ честь его столько невинныхъ жертвъ, сколько у покойнаго останется на рукѣ раскатыхъ пальцевъ. Эти экспедиціи совершаются всегда ночью: воины, вооружаясь луками и стрѣлами, скрываются при дорогахъ, за деревьями; случай назначаетъ тогда несчастныхъ, которые платятъ жизнь за это обыкновеніе. Жители этихъ племенъ состоятъ изъ чрезвычайно низкихъ бамбуковыхъ хижинъ, крытыхъ соломой или травою.

Окрестные Этосы суть счастливѣйшіе изъ жителей острова; они разрабатываютъ довольно богатыхъ золотыхъ руды, и продаютъ произведеніе ихъ съ искусствомъ и выгодною. Утверждаютъ, что одинъ этотъ предметъ доставляетъ имъ до 20,000 піастровъ въ годъ. Между ними встрѣчаются тѣ почти бѣлые Арабы, которыхъ въ Манильѣ называютъ *сынами солнца*. Ренуаръ-де-Сентъ-Круа, видѣвъ между прочимъ дѣвушку, 19 лѣтъ, большого роста, статную, чрезвычайно бѣлую, съ нѣсколько приплюснутымъ носомъ, капитанова цвѣта волосами, и довольно хорошимъ зрѣніемъ; отецъ и мать ея были совершенно черныя. Въ нѣкоторыхъ племенахъ встрѣчается родъ гермафродитовъ; случаи эти даже такъ часты, что туземцы дали этимъ людямъ особенное наименованіе; Тагалы называютъ ихъ *бинабаусаами* (*binabayes*).

Последняя Испанская область къ сѣверу отъ Люсона есть Кагалинь; жители ея самые сильные и прекраснѣйшіе мужчины на Филиппинскихъ островахъ, такъ какъ обитательницы Булакана прекраснѣйшія изъ женъ

цинь; рѣдко можно видѣть Кагалинца менѣе 5 футовъ, 5 дюймовъ ростомъ; сила ихъ совершенно соразмѣрна съ такимъ ростомъ. Они носятъ всегда лукъ и стрѣлы; голову защищаютъ отъ солнца салакотомъ. Область оканчивается двумя мысами, Божадоромъ, на западъ, и Енганьо, на востокъ. Годныя къ воздѣлыванію земли тянутся по побережью; остальное пространство занято высотами, лѣсистыми и почти не приступными, и внутренними лощинами, принадлежащими независимымъ племенамъ.

Къ сѣверу отъ Кагалина, не въ дальнемъ разстояніи отъ берега, лежатъ Бабуяпскіе острова, на которыхъ живетъ красивая порода людей; острова безлѣсны; вмѣсто риса, жители питаются нильямами. Испанцы содержатъ здѣсь караулъ и нѣсколько монаховъ.

Переходя отъ сѣвера Люсона къ югу, мы находимъ полуостровъ Камаринъ, раздѣленный на двѣ части, Камаринъ и Албай. Полуостровъ Камаринъ выдается въ море на Ю. В. отъ Люсона, и соединенъ съ нимъ перешейкомъ въ четыре лиги, находящимся въ границахъ Талмбаской провинціи. На берегахъ обитаютъ народы, платящіе дань Испанцамъ а во внутренности страны живутъ свободные или дикіе Игороты, Италонны и Плонготы. Здѣсь находится нѣсколько огнедышащихъ горъ; между ними Албай непрерывно извергаетъ пламя. Эта область болѣе всѣхъ другихъ на Люсонѣ подвержена землетрясеніямъ. Въ 1804 году, земля колебалась двѣ недѣли сряду.

Въ числѣ произведеній Камаринскихъ нужно обратить особенное вниманіе на полотна *ниппасъ* или *нипписъ* и канаты изъ абака. Ниппасъ дѣлается изъ нитей, добываемыхъ въ самой сердцевинѣ дерева, въ родѣ банана. Это полотно сохраняетъ соломяный цвѣтъ и не имѣетъ гибкости льна; оно нѣсколько свѣтлѣе неотбѣленнаго батиста. Ниппасъ употребляется на Филиппинскихъ островахъ на рубахи, для туземцевъ, мужчинъ и женщинъ; Европейцы дѣлаютъ изъ него иногда куртки и нижнее платье; ткань особенно легка и доставляетъ прохладу, но она жестка и потому не совсемъ пріятна въ носкѣ.

Жители Камаринскіе велики ростомъ, сильны и весьма храбры; они въ непрерывной войнѣ съ Малайцами соседственныхъ острововъ, которые внезапно нападаютъ на ихъ жилища и разомъ изъ цѣлыхъ селеній уво-

зять мужчинъ и женщинъ, для продажи султанамъ, въ Минданао, Сулу и Борнео. Непонятно, какимъ образомъ Испанцы, владея болѣе трехъ вѣковъ Люсономъ, позволили до такой степени утвердиться грабешамъ и разбойничеству; если бѣ строгость была употреблена въ самомъ началѣ, если бѣ Европейскіе корабли посетили самые острова, гдѣ обитаютъ разбойники, и тамъ заплатили имъ кровавымъ возмездіемъ, за расхищеніе селъ и имуществъ, то нѣтъ сомнѣній, что островитяне давно отказались бы отъ опаснаго промысла; самыя преданія объ ихъ грабительствахъ уже были бы забыты, и Филиппинскіе острова не страшились бы теперь этого бича прибрежныхъ жителей. Полумѣры, внутреннее соперничество, и т. п., усилили дерзость Малайскихъ разбойниковъ, и эти моря, спокойствіе и безопасность которыхъ столь важны для Европы, до сихъ поръ остаются страшнымъ для нашихъ купеческихъ кораблей.

Къ югу отъ Камаринской области, лежитъ область Албайская, находящаяся прямо противъ залива Сантъ-Бернардино, путь, по которому идутъ корабли изъ Азіи въ Америку или изъ Америки въ Азію. Албайскіе туземцы, подобно Камаринскимъ, сильны и мужественны; подверженные непрерывнымъ нападеніямъ Малайцевъ, они защищаютъ себя чрезвычайно острымъ ядомъ, можетъ быть, тѣмъ самымъ, которымъ жители Суматры и Явы отравляютъ свои мечи, чтобъ сдѣлать ихъ смертоносными; Албайцы намазываютъ имъ лезвья стрѣлъ. Вѣроятно составленіе и добываніе яда содержится въ тайнѣ между начальниками; иначе употребленіе его не было бѣ такъ ограничено. Должно думать, что ядъ добывается изъ травъ: нужно сперва обмочить стрѣлу въ свѣжій сокъ сахарнаго тростника, а послѣ уже въ сокъ тѣхъ травъ, безъ того ядъ не будетъ дѣйствителенъ; стрѣла должна еще не обсохнуть, если же обсохнетъ то дѣйствіе уже не столь вѣрно. Албаецъ всегда носитъ съ собою два сосуда изъ бамбука; въ одномъ сохраняютъ ядъ, въ другомъ сокъ сахарнаго тростника. Этотъ составъ дѣйствуетъ мгновенно; говорятъ, что онъ разлагаетъ кровь и останавливаетъ ея движеніе. Европейцы были свидѣтелями нѣкоторыхъ испытаній надъ животными. Собака, легко уколотая стрѣлою, прожила не болѣе трехъ минутъ; корова окочевала чрезъ шесть минутъ. Черные горцы стараются до-

бывать этотъ ядъ для охоты противъ дикихъ буйволовъ; убивъ животное отравленнымъ оружіемъ, они безъ боязни рѣжутъ его на части и ѣдятъ мясо. Албайскіе старшины доставляютъ алькадамъ полуострова большое количество этого яда, который употребляютъ ими по усмотрѣнію.

Волканъ Албай, сообщившій названіе цѣлой области, имѣетъ форму высокаго конуса, видимаго съ обонхъ морей; онъ вѣчно извергаетъ пламя, но бывасть опасенъ только послѣ дождливаго времени, т. е. въ Ноябрь и Декабрь. Тогда начинаются землетрясенія, которымъ предшествуетъ блѣсоватый туманъ, совершенно особеннаго рода. Жители знаютъ, по его появленію, что чрезъ 7 или 8 часовъ земля начнетъ колебаться.

Кромѣ этихъ извѣстныхъ областей, осталая часть Люсонской земли заключаетъ въ себѣ всѣ восточные склоны, населенныя независимыми племенами.

Архиелагъ Биссаоскій почти столь же богатъ въ своихъ подраздѣленіяхъ. Острова Самаръ, Лейтъ, Зебу, или Боголь, Негросъ, Папай, Мактанъ, группа Каламіанская, Миндоро, Масбатъ, Мариндукъ и Буріасъ, суть замѣчательнѣйшіе пункты во множествѣ отдѣльныхъ земель.

Архиелагъ, о которомъ мы говоримъ, былъ названъ Испанцами *islas de los Pintados*, (острова окрашенныхъ), отъ обыкновенія жителей раскрашивать лице и тѣло, въ послѣдствіи туземное наименованіе, Биссао, одержало верхъ. Нынѣ два племени основались здѣсь совершенно: туземное, занимающее побережья подъ покровительствомъ Испанцевъ, и Малайцы, всѣ почти выходцы изъ Минданао и Сулу, болѣе кочующіе нежелая живущіе охотой; они на маленькихъ вооруженныхъ лодкахъ, называемыхъ *пропилау*, налетаютъ внезапно на острова Филиппинскіе, тамъ и сямъ, и вооруженною рукой добываютъ себѣ жизненные потребности и рабовъ. Подобно жителямъ Сондскихъ острововъ, Малайцы признаютъ султановъ или датусовъ; они цѣнятъ богатство свое многочисленностію невольниковъ, и продаютъ тѣхъ, которыхъ не могутъ содержать; оружіе ихъ состоитъ въ копѣ, саблѣ особеннаго рода, называемой *кампилау*, и въ Малайскомъ кризѣ. Привыкнувъ жить войною и грабешемъ, эти люди составляютъ самую отчаянную и дикую часть Малайскаго племени. Племена промышленныя, земледѣльскія и

торговля съ трудомъ противится имъ, хотя вооружены ружьями и пушками. Въ Биссао находятся Этосы Люссонскіе, живущіе въ ущельяхъ и тѣснинахъ, такіе же нищіе, какъ и на прочихъ Филиппинскихъ островахъ.

Самаръ, важнѣйшій изъ острововъ Биссаоскихъ, имѣетъ до 134 лигъ въ окружности. Произведенія его тѣ же, что и на Камаринскомъ полуостровѣ. Изрѣзанный прекрасными рѣками и покрытый превосходными равнинами, этотъ островъ, по положенію своему, могъ бы сдѣлаться чрезвычайно важнымъ для Испаніи, если бѣ она не оставила его беззащитнымъ противу грабежей Малайцевъ, истребляющихъ его народонаселеніе. Въ время вторженій ихъ, единственная защита жителей состоитъ въ жалкомъ земляномъ валѣ, которымъ окружена церковь и обитель. Тамъ они ожидаютъ непріятеля съ нѣсколькими пушками и съ запасомъ отравленныхъ стрѣлъ. Алькадъ имѣетъ мѣстопробываніе въ Кабалунгъ и завѣдываетъ тоже островомъ Капультъ.

Къ югу отъ Самара лежитъ Лейтъ; наибольшее протяженіе его до 40 лигъ; онъ также населенъ какъ Самаръ, и также покинутъ и также пустыненъ. Главнѣйшія произведенія заключаются въ птичьихъ гнѣздахъ, балатъ, черномъ деревѣ, воскъ и абакъ. Далѣе находится Зебу; длина его до 28 лигъ; онъ первый изъ острововъ Филиппинскихъ достался въ принадлежность Испанцамъ; наконецъ Мактапъ, на которомъ знаменитый Магелланъ былъ убитъ изъ засады, устроенной королемъ страны. Зебу или Боголь есть утѣсъ, оплодотворенный трудолюбіемъ туземцевъ; это мѣсто сдѣлалось довольно важнымъ алькадствомъ; на островѣ есть небольшой городъ съ 2000 жителей, укрѣпленнымъ замкомъ и епископскимъ дворцомъ. Ежегодно сюда приходятъ брига для нагрузки здѣшними произведеніями, которыя вывозятся въ Маниль; въ внутреннихъ частяхъ острова живутъ Биссагосы, аборигены этого архипелага.

Островъ Негросъ или Лосъ-Негросъ довольно обширенъ, но почти необитаемъ, по крайней мѣрѣ на бережьяхъ, которыя одни только извѣстны. Здѣсь, въ Илокъ находится алькадъ. Должно полагать, что на пространствѣ въ 45 лигъ въ длину и 10 лигъ въ ширину, находятся земли плодородныя и воздѣланныя. Далѣе къ западу, лигъ на 20, лежатъ два очень маленькіе островка, не бо-

лѣе мѣли въ окружности каждый, но знаменитые ловлею жемчуга; ихъ называютъ Малые Кагалинскіе острова. Привилегія ловли принадлежитъ алькадамъ Игритоса и Зебу; добываемый жемчугъ имѣетъ прекрасную воду, но онъ по большей части неправильнаго вида и цѣнится ниже жемчуга, который ловятъ въ Манарскомъ заливѣ.

Къ сѣверо-западу отъ Негроса находится Панай; протяженіе его отъ С. къ Ю. двадцать пять, а отъ В. къ З. пятнадцать лигъ. Это Биссаоская Тринакрія; она составляетъ хорошо населенный и плодородный треугольникъ. Панай лучше всѣхъ другихъ Биссаоскихъ острововъ можетъ защищаться отъ морскихъ грабителей. Кромѣ многочисленнаго населенія острова, Испанцы способствовали его спокойствію, оградивъ его довольно значительнымъ укрѣпленіемъ. Берегъ защищенъ множествомъ маленькихъ крѣпостей, куда жители могутъ собираться при первой тревогѣ. Панай имѣетъ три алькадства: Капильсъ есть житница Биссаоскихъ острововъ; это мѣсто было бы еще богаче, если бѣ алькадъ не обращалъ въ монополію всѣхъ его произведеній. Стада быковъ, коровъ, свиней и наиболѣе овецъ, здѣсь многочисленны и прекрасны. Илоило производитъ множество сарапинскаго пшена. Туземцы многочисленны, храбры и мужественно отражаютъ нападенія Малайцевъ. Въ этой части острова птицы необыкновенно разнообразны и многочисленны; Сонератъ нашелъ здѣсь превосходныя породы, описанныя въ его Ориптологіи. Ріензи упоминаетъ еще о находящихся въ этомъ округѣ портахъ Моло и Кеаро, какъ о богатыхъ и населенныхъ складочныхъ мѣстахъ. Антиге не такъ богато произведеніями, какъ два другіе алькадства; оно имѣетъ съ Манильсю: балате, малое количество золотого песка, дерево черное и сибубао, на холсты и другія произведенія.

Группа Каламіанская имѣетъ только три острова, о которыхъ можно упомянуть: Каламіана, Буснаганъ и Тинакапанъ; единственное здѣсь алькадство находится въ Каліонгъ. Алькадъ завѣдываетъ и конторою, учрежденною на Парагоа, длинномъ и узкомъ островѣ, въ 60 и 10 лигъ по обоимъ протяженіямъ, находящемся къ Ю. З. отъ Паная. Это поселеніе называется Тайтай; оно ненадежно и было часто оспариваемо. Испанцы не смѣютъ углубляться отсюда во внутреннія части острова; по этой причинѣ

нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній о туземныхъ племенахъ; известно только, что нѣкоторыя части береговъ покорны Сулускому султану.

Къ С. В. отъ Парагоа и къ Ю. отъ Люсона лежитъ Минидоро, принадлежащій къ островамъ Биссаоскимъ, плодородный на всемъ протяженіи, способный къ превосходнѣйшему воздѣлыванію, и простирающійся на 40 лигъ въ длину и на 15 въ ширину. Въ теченіе трехъ вѣковъ, Испанцы едва учредили здѣсь маленькое поселеніе, Калапанъ, тѣсное и сжатое на самомъ берегу моря. Въ средней части острова возвышаются горы, увѣнчанныя превосходными лѣсами, изъ которыхъ изливаются прекрасныя рѣки. Чудесный видъ этого мѣста такъ поразилъ Французскихъ мореплавателей, что по разсказамъ ихъ, Дюкъ-Шуазель непремѣнно хотѣлъ основать колонію на Минидорѣ. Онъ сносился съ Испанскимъ кабинетомъ, но послѣдній, вѣроятно полагая, что уступленный островъ вскорѣ разовьется въ свои богатства и сдѣлается для Люсона опаснымъ соперникомъ, не согласился на предложеніе, и Минидоро донынѣ остался невоздѣланнымъ и бесполезнымъ для всѣхъ. Подобныя соображенія называютъ еще и въ наше время политическимъ расчетомъ, какъ будто бы первѣйшій и самый лучший расчетъ не состоитъ въ оплодотвореніи почвы собственными усиліями, или въ оживленіи ея трудами другихъ, когда мы сами не имѣемъ къ тому ни средствъ, ни способностей? — Лѣса Минидорскіе наполнены оленими; сушеное мясо ихъ, изрубленное весьма мелко, просоленное и приправленное перцемъ, употребляется въ пищу, подъ названіемъ *тана*; Китайцы любятъ это блюдо и покупаютъ его въ большомъ количествѣ. Минидорскіе потоки богаты золотоносными песками; островъ производитъ камешевое дерево, хлопчатую бумагу, какао и воскъ, но какъ народонаселеніе весьма ограничено, то жители Лусана и Батанга переправляются чрезъ заливъ, для заѣзда полей и собиранія жатвы. Близость Минидора причиною того, что Малайскіе пираты избрали его пристанью, пристанью и складочнымъ мѣстомъ. Они ссаживаютъ здѣсь невольниковъ, которыхъ захватываютъ въ своихъ потѣзкахъ; здѣсь они снабжаются жизненными припасами и назначаютъ себя мѣсто соединенія. Лапластъ въ повѣствованіи своемъ приводитъ трогательный случай, соединяющій въ себѣ съ

драматическою занимательностію нѣсколько любопытныхъ подробностей о мѣстностяхъ весьма мало известныхъ.

«Я видѣлъ въ Манилѣ», говоритъ онъ, «молодаго Француза, который по особенному покровительству архіепископа, пользовался правомъ торговать на Люсонѣ, золотомъ, добываемымъ туземцами въ рѣкахъ. Онъ взялъ былъ съ своимъ имуществомъ и лодкою, на которой разѣзжалъ по восточному берегу, морскимъ разбойникомъ, привлеченнымъ въ эти мѣста надеждою грабежа, и возвратившимся съ своею добычею въ Минидоро. Плѣнникъ не имѣлъ даже надежды на выкупъ, потому что лишился всего; но онъ сохранилъ храбрость, бодрость духа и былъ обязанъ имъ свободою. Каждая попытка, столь же опасная, сколько и дерзкая, въ случаѣ неудачи вела къ неминуемой смерти. Властитель молодого Француза былъ султанъ многочисленной шайки Малайцевъ, жившихъ съ семействами на судахъ (про), перевозившихъ ихъ часто отъ одного берега къ другому, или для того, чтобъ ускользнуть отъ преслѣдованій непріятеля, или для того, чтобъ найти мѣсто жительства болѣе пріятное и изобилующее рыбой. Начальникъ ихъ жилъ на галетѣ, отнятой у Испанцевъ. Здѣсь страдали и невольники, въ тѣсномъ заключеніи, подъ строгимъ надзоромъ; низкіе и болотистые берега отнимали отъ нихъ всякую возможность къ побѣгу. Товарищемъ Француза былъ плѣнный Тагалъ, тоже смѣлый и пламенно желавшій свободы; изъ матеріаловъ, выкраденныхъ изъ добычи разбойниковъ, два плѣнника успѣли сдѣлать компасъ; они употребили нѣсколько мѣсяцевъ на это трудное дѣло, и понемногу скопили провизію, изъ скудной порціи, которалю выдалась на ежедневную пищу. Когда все было готово, въ темную и дождливую ночь, плѣнники отрѣзали лодку, привязанную къ галетѣ, и на веслахъ, не жалея силъ, вышли въ открытое море. При разсвѣтѣ они были уже въ прѣсной водѣ, и лишились большей части своей провизіи. Поддерживаемые надеждою, смѣлчакъ направился къ С., чтобъ приблизиться къ Люсону, котораго высокія горы снизлись вдалекѣ. Не смотря на душливый жаръ, они гребли весь день и въ продолженіе всей слѣдующей ночи. Время казалось благопріятствовало; погода была тиха и прекрасна. Съ разсвѣтомъ они на-

дѣлалъ уже прѣдтствовать обѣтованный берегъ, но при восходѣ солнца несчастные съ изумленіемъ увидѣли, что сильное теченіе овладѣвъ лодкою относило ее все далѣе, совершенно въ противоположную сторону! Измученные усиліями и жаждою, они боролись до послѣднихъ минутъ этимъ препятствіемъ, и наконецъ, чувствуя совершенное изнеможеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, легли въ лодку, предоставивъ жизнь свою на произволъ случая. Судьба покровительствовала имъ! На слѣдующій день, горы Лусона, показывались уже на горизонтѣ будто прозрачныя фіолетовыя тѣни; но съ противоположной стороны, не въ дальнемъ разстояніи, открывался берегъ, къ которому ихъ несло быстрымъ теченіемъ. Земля, которую они въ отчаянномъ положеніи такъ жадно желали видѣть, соглашаясь даже снова впасть въ руки властителя, озлобленнаго ихъ бѣгствомъ; земля, къ которой они стремились, приводила ихъ теперь въ ужасъ; плыль и смерть можетъ быть ожидали ихъ такъ неизбежно. Однако, приближаясь къ берегу, Французъ узнавалъ его; онъ убѣдился, что неразъ приставалъ сюда съ разбойниками; онъ вспомнилъ, что тутъ находятся христіанскія селенія, подъ покровительствомъ Испанцевъ; и что жители всегда мужественно отражали нападенія пиратовъ. Надежда спасти жизнь и свободу, оживила силы несчастныхъ, они взяли за веслы, и проведя цѣлые сутки въ немовѣрномъ трудѣ, полу-мертвые отъ напряженія физическихъ и душевныхъ силъ, прибыли къ большому селенію, гдѣ имъ тотчасъ же была подана помощь.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, Испанская лодка, прибывшая съ приказаніями Манильскаго губернатора, благополучно возвратила плѣнныхъ друзей ихъ, которые считали ихъ давно умершими.»

Въ Бисаоскомъ архипелагѣ находится еще множество небольшихъ островковъ, какъ то: Масматъ, Мариндукъ, Буріа и др., на которыхъ Испанія не имѣетъ никакихъ учрежденій, какъ по причинѣ ихъ незначительности, такъ и потому, что заведеніе колоній тамъ чрезвычайно затруднительно.

Островъ Минданао находится внѣ группы Бисаосскихъ острововъ и самъ по себѣ образуетъ отдѣльн. островъ Филиппинскихъ; протяженіе его отъ востока къ западу 135 миль, и отъ сѣвера къ югу 75 миль. Минда-

нао раздѣляется на двѣ части: Испанскую и независимую. Въ Испанской считается три области (алькадства), изъ нихъ главнѣйшая Самбоганъ, военный городъ колоніальныхъ учрежденій и мѣстопребываніе губернатора. Другіе два главные города суть Мисами, находящійся почти на срединѣ сѣвернаго берега, при Пангильской губѣ; и Карага, лежащій на восточномъ берегу. Самбоганъ, послѣ Манильи, есть наилучшее укрѣпленный изъ Филиппинскихъ городовъ. Онъ имѣетъ земляные валы, вооруженныя пушками, казармы, острогъ, дворецъ для губернатора, и 1000 душъ народонаселенія. Губернаторъ избирается Мадридскимъ дворомъ, но въ случаѣ смерти онъ замѣщается по назначенію генералъ-капитана Манильи. Говорятъ, что это мѣсто очень выгодно, не столько по жалованью, которое вырочемъ довольно значительно, какъ по не позволенной промышленности военными потребностями.

Мисамійское алькадство имѣетъ нѣкоторую значительность по мѣстной торговлѣ: собираемый въ немъ кофе извѣстенъ высокою добротою. Карага, первое мѣсто, занятое Испанцами на этомъ островѣ, не приносить большихъ доходовъ: почва его становится бесплодною отъ частыхъ южныхъ морскихъ вѣтровъ.

Что относится до независимой части Минданао, то она занимаетъ лучшія и значительнѣйшія земли острова. Минданао имѣетъ безъмалаго 300 миль въ окружности, и нѣтъ страны, которой берега были бы такъ извилисты: они рѣшительно состоятъ изъ мысовъ и заливовъ и пересѣчены во всѣхъ направленіяхъ рѣками, которыя весьма изобильны рыбою. Главнѣйшія произведенія страны суть: рисъ, картофель, пататы и саго. Корицы также много, по качеству и вкусу она гораздо ниже Цейланской. Виноградъ родится хорошо. Въ скалахъ находятся обширныя пещеры, гдѣ живутъ тѣны огромныхъ летучихъ мышей.

Минданао повинуетъ султану, который владѣетъ сверхъ того не большою группою Менгескихъ острововъ, въ Молукскомъ архипелагѣ. Мѣстопребываніе его находится въ Селанганѣ при Пеланджи. Этотъ городъ, лежащій на другомъ берегу рѣки противъ Минданао, плывъ почти совершенно опустѣлъ. Народонаселеніе старой и новой сто-

лицы вообще может простираться до 10 тысяч душъ. Въ нѣсколькихъ лигахъ отъ Минданао лежитъ прекрасное озеро, съ плодотворными и населенными берегами. Второй городъ этой страны есть Полонъ, съ прекрасною безопасною пристанью; онъ ведетъ довольно обширную торговлю. Къ западу отъ Минданао тянутся страны, составляющія Платосскій союзъ (конфедерацію); въ нихъ считается шестнадцать небольшихъ султановъ и семнадцать начальниковъ, независимыхъ другъ отъ друга, а также и отъ Минданаоскаго султана. Значительнѣйшія селенія суть: Магарганъ, Тапаанъ и Тагуло; каждое имѣетъ пристань. Наконецъ въ западной части острова кочуютъ дикія и малонзвѣстные племена. Полагаютъ, что они принадлежатъ къ семействамъ Гарафоровъ, Идановъ и Борнеоскихъ Даяковъ; дѣйствительно, нѣкоторые черты физіогноміи, нарѣчія и нравовъ, оправдываютъ это предположеніе.

Прибрежные туземцы очевидно составляютъ также отрасль Малайскаго племени; въ особенности они имѣютъ много общаго съ островитянами Сондскими; нравы, обычаи, правленіе, языкъ, кажется, сближаютъ ихъ между собою во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ. Они всѣ говорятъ по Малайски, не смотря на то, что собственное нарѣчье ихъ есть Биссаоское, и имѣютъ имамовъ, исповѣдающихъ исламизмъ. Султанъ владычествуетъ датусами, какъ въ Суматрѣ; въ случаѣ опасности, датусы помогаютъ ему своими рабами. Такимъ образомъ великій султанъ Минданао можетъ имѣть въ готовности до 100,000 человекъ. Датусы, съ своей стороны, стараются имѣть болѣе рабовъ, потому что число ихъ опредѣляетъ степень гражданскаго достоинства и богатства; рабы пріобрѣтаются посредствомъ пиратства, которое по этой причинѣ весьма дѣятельно на здѣшнихъ моряхъ. Дату иногда вооружаетъ самъ, а иногда заставляетъ вооружить *пану* или *про*: такъ называется легкое гребное судно, чрезвычайно опасное, неимѣющее другаго балласта, кромѣ людей, и которое въ случаѣ преслѣдованія спасается въ неприступныя бухты. Эти вооруженія не требуютъ большихъ издержекъ. Иногда въ нихъ участвуютъ Испанцы; они вмѣстѣ съ туземцами садятся на суда и наравнѣ съ ними пользуются выгодами этого противозаконнаго торговаго. Въ другихъ случаяхъ, су-

да, вмѣсто того чтобъ добывать невольниковъ, отправляются въ мѣста, гдѣ созрѣла жатва, высаживаютъ экипажъ, который разгоняетъ владѣльцевъ, снимаетъ жатву и увозитъ ее съ собою. Когда ихъ преслѣдуютъ, они отступаютъ медленно, постоянно держась подъ выстрѣлами, потомъ, когда полагаютъ, что у преслѣдующихъ истощились порохи, — они сами начинаютъ наступать, быстро нападаютъ и бросаются на abordажъ. Такимъ образомъ они забираютъ не только коммерческія суда, но даже Кавитскія и Манильскія канонерскія лодки, управляемыя или Испанскимъ экипажемъ, или Испанцами вмѣстѣ съ Тагалами.

Ни что не можетъ сравниться съ безчеловѣчьемъ ихъ противъ Европейскихъ плѣнниковъ. Въ надеждѣ богатаго выкупа, они чрезмерно изнуряютъ ихъ, чтобъ усилить въ нихъ желаніе скорѣе получить свободу. Они заставляютъ плѣнника, привязаннаго двумя веревками за шею и за ногу, работать въ полѣ; концы веревки держитъ сторожъ, не только во время работы, но даже и во время сна. Монахи обязаны сѣять и жать, подобно поденщикамъ; невольность ихъ въ работѣ только увеличиваетъ суровость ихъ хозяевъ. Такимъ образомъ мучатъ этихъ несчастныхъ до самой минуты ихъ освобожденія. Что касается до женщинъ, то ихъ участь не столь достойна сожалѣнія; имъ не только не дѣлаютъ никакого зла, но и не считаютъ даже невольницами; за выкупъ мужчины требуютъ по 300 піастровъ (болѣе 15 тыс. руб.), и болѣе, за женщину не берутъ ничего. Кто станетъ приписывать это уваженію къ полу или чувству чужеземца, тотъ худо знаетъ Малайскія племена. Эти разбойники не требуютъ выкупа за плѣнницъ, только потому, что, по мнѣнію ихъ, никто не будетъ столь глупъ, чтобъ предложить за нихъ что нибудь. Женщины, по понятію ихъ, безцѣнокъ, товаръ, не имѣющій ни какого сбыта. Какъ тѣлесная сила составляетъ у нихъ саоме главное качество, то они считаютъ ни за что полъ слабѣйшій, который въ другихъ мѣстахъ такъ часто владычествуетъ; они не хотятъ имѣть его даже въ рабствѣ! Одно только просвѣщеніе показало людямъ всю цѣну женщинъ.

Послѣдняя, принадлежащая къ Филиппинскимъ островамъ группа, о которой намъ остается говорить, есть архипелагъ Сулу,

или иначе Сулуйское королевство, которого султанъ владычествуетъ тоже Кагайскою группою, на сѣверной оконечности Борнео, и большою частью острова Парагоа. Этотъ архипелагъ раздѣляется на группы Сулуйскую, столица которой есть Беванъ, мѣсто-пробываніе султана и морская пристань съ 6,000 душъ; на Тауйтауйскую, съ городомъ того же имени, и Басиланскую, съ островомъ Басиланомъ, величайшимъ въ Сулуйской группѣ.

Почва острова Сулу богата и плодоносна. Было время, когда Испанцы старались занять это мѣсто и поселиться тамъ. Тотчасъ по высадкѣ на островъ, они захватили королевское семейство, отослали въ Минданао, заставили отречься отъ магометанства и обратили въ христіанскую вѣру. Сулуйскій государь согласился на все; учился Закону Божію, окрестился, и переносилъ, по видимому, довольно равнодушно, совершенное уединеніе, въ которомъ его держали. Между тѣмъ онъ услаждалъ своезачиненіе, воспользовавшись слабостію своей ближайшей родственницы, съ которою по неосторожности его перазлучили. За этимъ грѣхомъ послѣдовали столь строгія взысканія, что король рѣшился бѣжать. Онъ успѣлъ въ намѣреніи, возвратился на свой островъ, выгнавъ Испанцевъ, и не смотря на всѣ ихъ усилія, сохранилъ свою независимость. Въ послѣдствіи, однако жъ, жертвуя политическимъ оскорбленіемъ выгодамъ своимъ, онъ вошелъ въ переговоры съ губернаторомъ и позволилъ Минданайскимъ и Манильскимъ лодкамъ, и даже Англійскимъ судамъ, торговать въ своихъ гаваняхъ. Сулу получаетъ съ Коромандельскаго берега и изъ Бенгаліи полотна и платки, за отпускаемый туда воскъ, золотой песокъ, перламутръ и птичьи гнѣзды. Но въ этой мѣстѣ должно быть чрезвычайно осторожнымъ и недоверчивымъ; нѣтъ торговаго народа вѣроломнѣе и хитрѣе Сулуйцевъ. Въ 1803 году, одинъ Англійскій капитанъ, желая вымѣнить свои товары на золотые слитки, нашелъ ихъ за довольно умеренную цѣну, и отъ времени до времени приобиралъ ихъ у жителей. Онъ замѣтилъ, что по мѣрѣ получения слитковъ и удовлетворенія его требованій, туземцы, предлагая ему новыя продажи, все сбавляли цѣну. Это возбудило въ немъ подозрѣніе; онъ изслѣдовалъ купленные слитки и нашелъ, что вмѣсто золота ему продали лигатуру. Капи-

танъ сердился, грозилъ, жаловался; но все было тщетно; ему отвѣчали: «что сдѣлано, того не воротить». Тоже дѣлаютъ они и съ воскомъ, примѣшивая въ средину его песокъ и камни; они даже умѣютъ поддѣлывать жемчугъ, такъ искусно, что только опытный глазъ Китайца умѣетъ различить его отъ настоящаго.

Вопиственные и предприимчивые Сулуйцы, не только не боятся Европейскаго могущества, но часто пренебрегаютъ имъ открыто. Въ 1804 году султанъ собственною рукою убилъ Англійскаго капитана, который оскорбилъ его на аудіенціи. Впрочемъ отмстивъ за оскорбленіе, онъ не препятствовалъ нагрузкѣ корабля и отпустилъ его безъ задержанія.

Сулуйскій архипелагъ, по причинѣ множества разбойничьихъ судовъ, которыми онъ наполняетъ Малайскія моря, названъ Англійскимъ Алжиромъ. Это обильное гнѣздо извѣстныхъ морскихъ разбойниковъ, опустошающихъ Филиппинскіе острова и собирающихъ дань съ Китайскаго моря и съ его заливовъ. Островъ, въ небольшой окружности, которая составляетъ 12 миль, заключаетъ 40,000 жителей, 800 человекъ туземнаго войска и нѣсколько пушекъ.

Вотъ общій географическій взглядъ на Филиппинскіе острова. Народонаселеніе считаютъ различно. Ренуаръ-де-Сентъ-Круа полагаетъ 2,000,000, душъ подвластныхъ Испанцамъ, и сверхъ того одну треть независимыхъ жителей, Лежантъ упоминаетъ только о 700,000 душахъ; Лаперузъ насчитываетъ 3,000,000 жителей; Рейналь 1,350,000; Бальби 2,640,000, включая въ это число и Маріанскіе острова. Вѣрнѣйшій изъ этихъ расчетовъ есть безъ сомнѣнія Ренуаровъ, которой самъ видѣлъ острова и велъ свои исчисленія по областямъ и по колѣніямъ.

Не смотря на то, что архипелагъ этотъ съ давняго времени считается подъ покровительствомъ Европы, онъ все очень несовершененъ извѣстенъ. Англичане доставили намъ необыкновенно точные и подробные факты о занимаемыхъ ими мѣстахъ, но безпечные Испанцы досихъ поръ не представили свѣту ни одного полезнаго свѣдѣнія о своихъ колоніальныхъ владѣніяхъ. Испанія, бывшая некогда главою торговой про-

лицы и
счѣтъ д
дана о
снѣми
родъ з
сною (с
вольн
Минда
Планос
считас
новъ и
снѣмх
Минда
селені
ло; как
западн
лонзвѣ
принад
Иданов
тельно,
чїа и н
ложеніе

Прис
ляютъ
въ особ
съ остр
чан, пр
ихъ мед
отношен
ски, не
рѣчіе н
мовъ, и
владыч
рѣ; въ с
ему свои
султанъ
ности до
ей сторо
потому ч
граждан
бы пріос
которое
здѣшних
самъ, а
или про
судно,
другаго
въ случа
приступ
буютъ б
нихъ уча
туземцам
ними пол
коннаго

паганды; Испанія, имѣвшая Колумба и Пе-
рувианскіе рудники; Испанія, которой мы
обязаны Новымъ Светомъ, равнодушно утра-
чиваетъ древнюю свою славу; она не только
не имѣетъ баснословно-богатыхъ галіотовъ,

но если бѣ вздумала сдѣлать теперь расчетъ
во сколько ей обходятся колоніи, и сколь-
ко онѣ ей приносятъ дохода, то мы сомне-
ваемся, чтобъ итогъ оказался удовлетвори-
тельнымъ для гордости и выгоды владѣтелей

КОПЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА.

Отъ Переводчика.....
Введение — Польза и занимательность путешествій. — Общія невыгоды подобныхъ книгъ. — Цель и планъ этого сочиненія. — Краткій обзоръ истыхъ путешествій вокругъ Свѣта, совершенныхъ съ 1520 года по 1831 годъ. — Дѣленіе и номенклатура Тихаго океана, по системѣ Дюмонъ-Дюрвилля. — Заключение.

I.—IV.

1.—11.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тулонъ. — Балеарскіе острова.

Приготовленіе къ отъѣзду. — Исторія Тулона; обзоръ города; порты; понтонны; арсеналъ; канатная фабрика; модельный залъ; докъ. — Городокъ Пьеръ. Отплытіе; выходъ фрегата; видъ острова Минорки; Магонъ; положеніе его; взглядъ на исторію; краткое описаніе. — Балеарскіе острова вообще; географія; жители, нравы, одежда; образованіе. — Отъѣздъ. — Кабрера; варварскіе поступки съ Французскими пленными. — Лавированіе близъ Ивисы и Форментеры. — Слизняки. — Видъ Алжира съ моря.

13—19.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. *Испанскій берегъ. — Гибралтаръ.*
деревъ.
дальнѣе; нравы, предрассудки, и
пущихъ ко. Мысъ Гатесъ. — Остр. Ал-
1642 г. — Царь Радеть плаваніи; теченія
Секлавъ Рафарма; успроливъ. — Герку-
ліе колоніи; царица Ралавъ-Гарсія. —
ка. — Война Французовъ съ Алхеси
вышнее состояніе колоній. — Со нап-
рапство Мадагаскара. — Народоуна-
ди;

жиды; цыгане; вредность климата;
— крѣпость; подземныйъ галереи; бой-
ницы; балъ въ подземномъ залѣ; видъ
съ террасъ на море и Африканскій бе-
регъ. — Обезьяны; геологическія замѣт-
ки; памятники; прелестницы; значитель-
ность Гибралтара.....

20—26.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Тарифа. — Тангеръ. — Мадера.

Осада Тарифы въ 1811 году; малкъ;
мѣсто Трафальгарской битвы. — Тангеръ;
положеніе жидовъ; торговля; мавритан-
скіе всадники. — Порто-Санто. — Видъ
Мадеры. — Утесы Пльгео. — Топогра-
фія мадеры; Фунчалъ; описаніе города;
прежніе лѣса; растительность; часов-
ня череповъ; жители; одежда; губер-
наторъ; средства защиты; сообщаніе ви-
нограда; дороги; замѣчательныя деревня;
выдѣлка вина; торговля. — Порто —
Мачико; происхожденіе названія.....

27—30.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Канарскіе острова.

Выходъ въ море. — Острова Сальваж-
скіе. — Видъ Teneriffa. — Санта-Крусъ,
его бухта и безплодіе. Городъ; зданія.
фонтанъ и подопроводъ; церкви; кли-
матъ; жители; нищія; духовенство; Ин-
квизиція; одежда; обычаи; страсть къ
повостямъ. — Топографія Канарскихъ
острововъ; исторія; преданія и предпо-
ложенія; завоеваніе Испанцами; Главчи;
благородный характеръ этого народа;
храбрость; паденіе. — Исторія Гванчей;

43

происхождение ихъ; нравы; образъ жизни; водоточное дерево; вѣра; правленіе; гражданственность; образованіе; слѣды, оставленные этимъ народомъ. — Поездка на Тенерифскій пикъ. — Лагуна; эпоха упадка этого города; произведенія растительности. — Оротавъ; знаменитое драконово дерево. Дорога къ пикъ; климатическіе полсы пика; видоизмѣненія растительности; пикъ — картина съ предпослѣдней его ступени; путь на сахарную голову; высочайшая точка; чудное зрѣлище. — Геологическое описаніе. — Изверженія. — Воздушный завтракъ. — Капарейки. — Возвратный путь; молочай; гербарій; красивый лишай. — Солааты. — Географія Тенерифа; жители; промышленность. — Разсмотрѣніе Канарскихъ острововъ; Ферро и меридіанъ; почва. — Остр. Св. Брандона. — Воспоминаніе о Нейльсонѣ.....

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сенегамбія и Сенегалъ.

Выходъ изъ Санта-Круса; Африканскій берегъ; фосфорическій свѣтъ; морская капуста; красивыя рыбы; рыбы летучія. — Аргуанская мель; разсказъ о крушеніи Медузы. — Акула; описаніе ловли; сила животного; кисть руки, откушенная мертвою акулою. — Строеніе животного; инстинкты; прилипалы и лопманы. Горейскій рейдъ. — Горей; описаніе островка; краткая исторія; жители; торговля; Мулатки или Сигнары; страсть къ нарядамъ; предрасудки Негровъ; Марабуты; тайное судилище; чучело: мама — комба. — Обитатели берега противоположнаго Горей; пища; Бенскал бухта и селеніе Гамъ; баобабъ; Амансонія; пальмовое вино; произведенія растительности. — Естественныя испытанія Пегротетъ. — Ласа. — Городокъ Маріа-Баторетъ. — Французскія конторы въ Гинбин; Алверда; одежда Негровъ; понятія ихъ. Казамацъ; туземные жители; обрядъ похоронный. — Французско-Африканскія селенія: Сентъ-Луи; опасность перехода чрезъ барьеръ; свидѣнія о городахъ Сентъ-Луи, Моринъ и Ричардъ Толь; зоологія страны: крокодилы, бѣа, гипопотамы; растительность. Сбираніе камеди; торговля этою смолой; базаръ Слоны; многочисленность звѣрей въ Африкѣ. — Сборъ къ отъѣзду; галіотъ Корнелия; шипперъ фанъ-Петеръ..

31—45.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Острова Зеленаго мыса. — Переходъ чрезъ экваторъ. — Скалы Мартинъ Вазъ — Острова Троицы.

Острова Зеленаго мыса; печальный ихъ

видъ; населеніе; соль, и другія произведенія; жары. — Санта-Иго и остальные острова. — Пеповоротливость Корнелия. — Штиль. — Шкалы. — Картины неба и воды — Неудачный опытъ. — Иг-ра облаковъ. — Переходъ чрезъ экваторъ; морской обрядъ. — Скалы Мартинъ-Вазъ. — Острова Троицы. — Киты.

54—59.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ріо-Жанейро. — Остр. Тринитатъ д'Акунья.

Прекрасный видъ Ріо-Жанейрскаго рейда. — Органнныя горы; укрупненія; побѣда Дюге-Труэна. — Описаніе города; замѣчательныя зданія; жители; характеръ Бразильскихъ женщинъ; кокетство. — Пища; мапюкъ; окрестности; очаровательная природа. — Свѣтляки; птицы; — Органнныя горы; сокровищница воды; потоки. — Звѣри. — Туземцы. — Лассо и ловля звѣрей. — Смѣсь народонаселенія и необычная исторія. — Раздѣленіе Бразильской имперіи. — Торговля кожами въ Ріо-Гранде — Роскошь и промывка золота въ Санта-Пауло; нравъ жителей. — Географическія свидѣнія о другіхъ провинціяхъ. — Границы имперіи. — Богатства; рудники; растительное царство; животныя. — Законы относительно Негровъ; униженное ихъ состояніе. — Отъѣздъ. — Шлюпъ Капраль Тринтъ. — Ловля тупоголова. — Ловля морскихъ свиней; военныя эволюціи этихъ животныхъ. — Побѣда квартирмейстера Томъ-Милл. — Стрѣлянье птицъ. — Остр. Тринтана д'Акунья. — Исторія ихъ. — Патень. — Своевольная инвентура. — Новый Робинзонъ. — Живописецъ Ирль; чудесныя похожденія его и альбомъ. — Пингвины. — Приключеніе Дю-Пети-Туара. — Капраль Глассъ. — Остр. Діего Алваресъ. — Шашечный бурный птицы. — Близость Игъльной бабки. — Опасный маневръ. Несчастная жертва. — Ужасная буря. — Побѣда надъ природою. — Капскій рейдъ.....

59—74.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Мысль Доброй надежды.

Сходъ на берегъ. Готтентотъ. Родъ Капъ. — Гостепріимный социантъ. — Обзоръ города. — Интернациональная роскошь. — Исторія города; стика и топографія. — Гора; чудный видъ. — Капъ; роскошь. — Звѣри. — Племена. — Раздѣленіе. — Бошисмер. — Архіа. — Бомбаго рода. — Имя его города. —

44—54.

говилъ колоній. — Воздушные феномены; шквалы и штилъ; объясненіе явленія. — Выходъ въ море; Игольная банка; новая птица; остр. Родригезъ, Иль-де-Франсъ..... 71—81.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Иль-де-Франсъ.

Видъ Портъ-Луя съ рейда. — Прибытіе на берегъ. — Правдивая оцінонмія жителей; Французы и Англичане на Иль-де-Франсъ. — Колонистъ Верже. — Осмотрѣніе города; зданія; выгорѣвшій кварталъ. — Негры; ихъ состояніе; мысли по этому поводу; негры марропы; племя Малгашей. — Кожанный домъ, креолы. — Портъ-Луи ночью; пляски негровъ. — Креольскій обѣдъ. — Театръ. — Вечеръ у губернатора. — Топографія острова. — Пампльмусъ; воспоминанія. — Ботаническій садъ. — Пальцевалъ гора; видъ съ нея; — плюши; обезьяны. — Рѣка Мениль; жилища и хозяйства плантаторовъ. — Становища черныхъ; — Москиты и канкрематы. — Капитанъ Жоржъ, его торговля. — Торговля острова. — Отплытіе на таинственномъ голетѣ. — Прибытіе къ ост. Бурбону..... 81—94.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Островъ Бурбонъ.

Городъ Сентъ-Дени. — Чудная пристань. — Невыгодность рейда; геологическій взглядъ; раздѣленіе острова; произведенія. — Сады плантаторовъ. — Пространство; историческія и статистическія свѣдѣнія. — Обзоръ города. — Сентъ-Поль. — Раздѣленіе земель; Индійцы. — Отплытіе. — Страхъ. — Кто капитанъ Жоржъ; открытость. — Видъ береговъ Мадагаскара..... 94—100.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мадагаскаръ.

Вѣнть и его укрѣпленія. — Негры. — Секлавы. — Портъ; Тинтингъ; Мари; земледѣліе; Французскія колоніи; съ постъ; вѣнть; о судрѣтнѣ; туземцы; почва; ролейцевъ; подальство Сіамское; моръ Голландскія области. — Та

ніе. — Нравы и обычаи; клятва крови. — Естественныя произведенія. — Капитанъ Левисъ. — Битва фрегата Перенда 100—116.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Сейшельскій Архипелагъ. — Мальдивскіе острова.

Положеніе Сейшельскихъ острововъ. Французскій флотъ, покинутые Негры. — Дѣленіе архипелага Ампрантскаго. Краткая исторія его; промышленность; морской кокосъ. — Ловля черепахъ. — Жилища. — Коралловые атолы; образованіе ихъ. — Раковина — монета. — Характеръ Мальдивцевъ. — Царскій островъ. — Общія замѣчанія. — Ураганъ. — Тринкомаляскій рейдъ..... 116—121.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Островъ Цейланъ.

Пространство и положеніе; пасатные вѣтры; геологія, географія и міеологическая исторія Цейлана. — Исторія Европейскихъ владѣній. — Внутреннія области. — Кандиское королевство. — Памятники Буддизма. — Духовенство; вѣра; жители; нравы; одежда; жилища; образъ жизни; языкъ; образованность; произведенія; коринда; слоны — палачи; ловля слоновъ. — Адамова гора; дорога къ ней; видъ съ вышины; слѣды Будды. — Ловля жемчуга; Подводная битва. — Европейскія конторы. Торговля. — Выходъ изъ Тринкомала..... 121—133.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Индійскій Полуостровъ. — Пондишери.

Опасность плаванія близъ Цейлана. — Пондишерійскій рейдъ. — Топографія приморья; игра воды; шеленги. — Пріѣздъ въ Индію; даубашы; піопы; церемонность. — Исторія Французскихъ колоній въ Индіи. Начальники ихъ, характеръ и дѣйствія. Дюплен и успѣхи Французовъ. Далии и удачи Англичанъ. Войны. Липноа и славныя его дѣйствія. Фрегатъ Канонеръ. Положеніе послѣ мира 1814 года. — Окрестныя ааден. Газнеръ и его свѣтовшій. — Нравы и обычаи туземцевъ — Малабарскія касты. Гостиныцы. — Фигляры. — Девелассы или балдерки. — Пагода Пондишерійская. — Священные праздники. — Губернаторъ. — Описаніе города; Европейское общество; туземцы. — Бетель и арекъ. — Состояніе колоній; торговля. — Путешествіе въ Мадрасъ. — Та

мул. — Садрасъ. Магабади — пурам-
ские памятники. 153—156

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Английскія владѣнія. — Мадрасъ.

Взглядъ на Мадрасъ; — городъ; въра;
климатъ; атмосферическія явленія. —
Крѣпость Св. Георгія. — Промысле-
ность. Войско. — Строенія города Ев-
ропейскаго; образъ жизни; общество. —
Черный городъ. — Произведенія Мадрас-
са. Мануфактурная дѣятельность. — Отъ-
вѣдъ. 156—161.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Корингуи. — Янауи. — Ягернаутъ.

Прибрежное плаваніе. — Музулипат-
намскій заливъ; — краткая исторія Му-
зулипатнама. — Янауи; Корингуи; ужа-
сная буря; вредный климатъ; торговля.
— Малабарскій врачъ; богѣзні. — Ягер-
наутъ. Дивное капище. Духовные празд-
ники. — Изувѣрство; факиры. 161—167.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Калькута.

Гугли; рукава Ганга; опасное плава-
ніе. — Песчаный головъ. — Грлзи; ти-
гры. — Похороны Индійцевъ. Амазонка
бухта; Фортъ-Вильямъ и жилища. —
Калькута; Сиркары; Индійская дворня;
обворожительный пріемъ. — Адыутанты.
— Черный городъ. — Городъ Европей-
скій. Омовенія. Предмѣстіе Гоура. Су-
ды. Ботаническій садъ. — Баракпуръ. —
Шандернагоръ. — Воспоминанія о Жа-
кемовѣ. — Серампуръ. Ганскіе пра-
ты. — Слоны и гудассы; помятливостъ
слововъ. — Начало страсти. — Женское
училище. — Дирбаръ; пріемъ у Губер-
натора. Натче; ширъ. Пляски; музыка;
расточительность на угощеніе. Праздни-
ки въ честь богини Кали; очиститель-
ный обрядъ. Намтренисъ въхатъ въ Бена-
ресъ. — Рамесваи Пундитъ; ученый
Браминъ. 167—178.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

Индійское вѣроисповѣданіе.

Разнообразіе вѣроисповѣданій; причи-
ны невѣроиятія помятій. — Брамизмъ;
основаніе его. — Пара-Брама. Брами,
Вишну и Шива. — Мірозданіе. — Де-
уты и дѣти. — Притязанія на древ-

ность. — Мнѣя въковъ. — Законы. — По-
топъ. Необытная отдаленность рожде-
нія Брами; — исторія его. — Шива, его
супруга и дѣти. — Вишну и его вопло-
щенія. — Прочіе боги. — Переселеніе
душъ. — Расколы Брамизма. — Сближе-
ніе вѣроисповѣданій. — Веды. — Раздѣ-
леніе на касты; браминъ; изувѣрство
кающихся; Ксатринъ; Весцинъ; Судры; Па-
ринъ. — Обряды при вѣдѣ. — Многожеп-
ство; браки; погребенія; сожиганіе вдовъ;
— Основные обряды; праздники; ше-
ствія; пагоды, ихъ богатства. — Упадокъ
ихъ. — Индійская Литература. — Законы.
— Нарвчія. — Набаби и раджи. — Пле-
мена. — Огнепоклонники Парсинъ. — Ма-
раты. — Раджапуты. — Сенки. — Об-
щія заключенія и выводы. 178—192.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

*Исторія Индостана. — Английская Остъ-Индская
компанія.*

Время отъ Александра до Магеме-
та. — Эпоха Афгановъ, первыхъ завое-
вателей. — Монгольская вѣсть. Лурингъ
Забъ. — Васко-де-Гама, проложитель пу-
ти въ Индію; — прибытіе Португаль-
цевъ, Венеціанъ, Голландцевъ, Датчанъ;
Французовъ, Англичанъ; посѣдніе пе-
ресиливаютъ другъ друга. — Начало компа-
ніи. — Поселенія. — Прекращеніе при-
вилегій; — новое общество. Колонія
другихъ Европейскихъ государствъ. —
Главныя мѣста Английской компаніи:
Калькута, Мадрасъ, Бомбай. — Субабъ
Шираджи беретъ Калькуту. — Лордъ
Клейвъ возстановляетъ колоніи. — Побѣ-
ды. — Начало коммерческихъ привиле-
гій. Голодъ. — Долги компаніи. — Во-
итель Гейдеръ-Али. — Типо-Санбъ,
независимый Англичанъ. — Побѣда и
благоденствіе компаніи. — Сивдіа. —
Новая борьба. Ослабленіе Маратовъ. —
Сенки и царь ихъ Раджеть-Сингъ;
его сила и политика. — Новый врагъ.
— Пытливѣе состояніе компаніи; вы-
годы; невыгоды; взглядъ въ будущее;
непрочность и сомнительность Англий-
ской власти; заключеніе. 192—200.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

*Калькута. — Географія: — Со — истика; Ес-
сеніалъ Историі Индостана.*

Пазваніе; ч; дои; горы, рѣки; агуна. —
мать, состо; а; форовъ. — Р; занятія жи-
Животн; — И; — Пр; до миза. — По-
Торговля. — Географія; — минеральныя во-
— Англо — Индійск; — превосходное мѣсто-
байское презид; — Люди высказыва-

Президентство Канкутское: Дакка, Муршидабадъ, Бергампуръ, Патнахъ, Панджи, Монгиръ, Боглипуръ, Бенаресъ, Газипуръ, Алахабадъ, Агра, Лехи. — Мадрасское Президентство. — Индійскія независимыя отъ компаній владѣнія: Сциндія, Пеноль, Сенки, Синдги. — Конторы Датчанъ, Португальцевъ. Гоа..... 200—208.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

Война Англичанъ съ Бирманцами. — Имперія Бирманская.

Пространство и границы Бирмаи. — Исторія; вѣвроловъ Алоупра; Шембуанъ; эпоха войнъ. — Первое Англійское посольство; эпоха согласія. — Кипбернъ; возмущенія; ненависть къ Англичанамъ; остр. Шапури; причина раздора; начало борьбы. — Взятіе Ассамы. — Овладѣніе Рангунемъ. Пагоды Рангунскія. — Дальнѣйшія военныя дѣйствія. — Система войны Бирманцевъ. — Переговоры; миръ. — Посольство Крафурда; свидѣнія, доставленныя имъ о странѣ; Ава; дворъ; обычаи; пріемъ; — Жители. — Одежда; языкъ; летописи. — Приобрѣтенія Англичанъ. Естественная Исторія Бирмаи. — Торговля. — Монеты; вѣсы; мѣры. — Космографія. Врачебство. Строгость законовъ; обряды; погребеніе. — Топографія оставшихся въ Бирмаи и, отторгнутыхъ отъ нея владѣній..... 208—219.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Суматра.

Отъездъ изъ Ниди. — Морская жизнь. — Андаманскій архипелагъ. — Никобарскіе острова. — Суматра; Падангъ; покореніе; климатъ; почва; произведенія; перецъ; камфора; ладонь; птичьи гнѣзды. — Рудники. — Орангъ-утанги и шампанзен; буйволы. — Итцы. — Пресмыкающіяся. — Народонаселеніе. Религии; одежда; обычаи; жилища; языкъ; образованность; промышленность; законы; браки; страсть къ играмъ; пѣтушьи драки; употребленіе опиума и бетелъ; — Лампунги. — Менангъ-Кабу. — Происхожденіе ихъ; физическія; — странная несообразность. — Мушкетеры по закону; вѣроуповѣжество. — Мѣры; — Гоборанъ. — Труды; исторія; войны; въ Гибралтарскомъ; — пріемы Евлевосы столбы; мысь. — Госу-Каса-Морсельо; мѣсто битвы; — расъ. — Гибралтаръ; древнія еменованія; исторія завоеванія; жители

Острова Инганъ; Шитанъ; Банка; Чауло-Піасъ; жители; красота женщинъ; одежда. — Торгъ ценольниками..... 220—242.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

Пуло-Пенангъ. — Малакка. — Синкапуръ.

Плаваніе. — Опасныя мѣста. — Видъ Пуло-Пенанга; — прекрасный климатъ; капитанъ Лейтъ; естественныя произведенія. — Городъ Джордж-Таунъ; — Народонаселеніе; — торговля. — Ночь; приключеніе въ морѣ. — Видъ Малакки. Городъ; кладбище; причины удержанія малакки Англією. — Отъездъ. — Капитанъ Груидманъ. — Приготовленія къ битвѣ. Малайскіе разбойники. — Пролетъ Правителя. — Синкапуръ; рейды; дѣятельность. — Европейскій городъ; зданія; разные кварталы; окрестности; почва; промышленность. — Основаніе Синкапура. — Топографія; естественныя произведенія; торговля; народонаселеніе. — Причины благосостоянія; опасенія..... 242—253.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сіамское царство. — Банкокъ.

Затрудненія. — Знакомство. — Переездъ на жонгу. — Баронъ Норбергъ. — Капитанъ Тениъ-Фонгъ; Китайскій экипажъ. — Апамбасскіе острова. — Занятія Норберга; ученость Тениъ-Фонга. Сіамскій заливъ. — Устье Мейнана; Пакъ Намъ; укрѣпленія. — Банкокъ; видъ его; продавцы; любопытство жителей. — Португальскій резидентъ; посольство Крафурда; пріемъ; обозрѣніе города; Сіамская чета; Китайскій рынокъ. — Топографія Банкока. — Бѣлые слоны — царя. — Похороны. — Развалины крѣпостей. — Католическій епископъ. — Почтовый праздникъ..... 253.—262.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Исторія и Географія Сіамскаго царства.

Происхожденіе названія. — Начало историческихъ свидѣній. — Католическая пропаганда. — Чау-Парал и Грекъ Фальконъ. — Дѣла съ Францією. — Отецъ Ташеръ. — Генералиссимусъ Форбень. — Похититель престола Питрарша; уничтоженіе Французскаго вліянія; гонимыя. — Бирманцы берутъ Тенассеримъ. — Перевороты. — Фиа-Такъ захватываетъ престолъ. — Границы царства. — Горы; рѣки; мѣста, произведенія. — Топографія Сіама; народонаселеніе; памятники. — Лаосъ. — Ватабингъ. — Различіе пле-

РИСУНКИ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

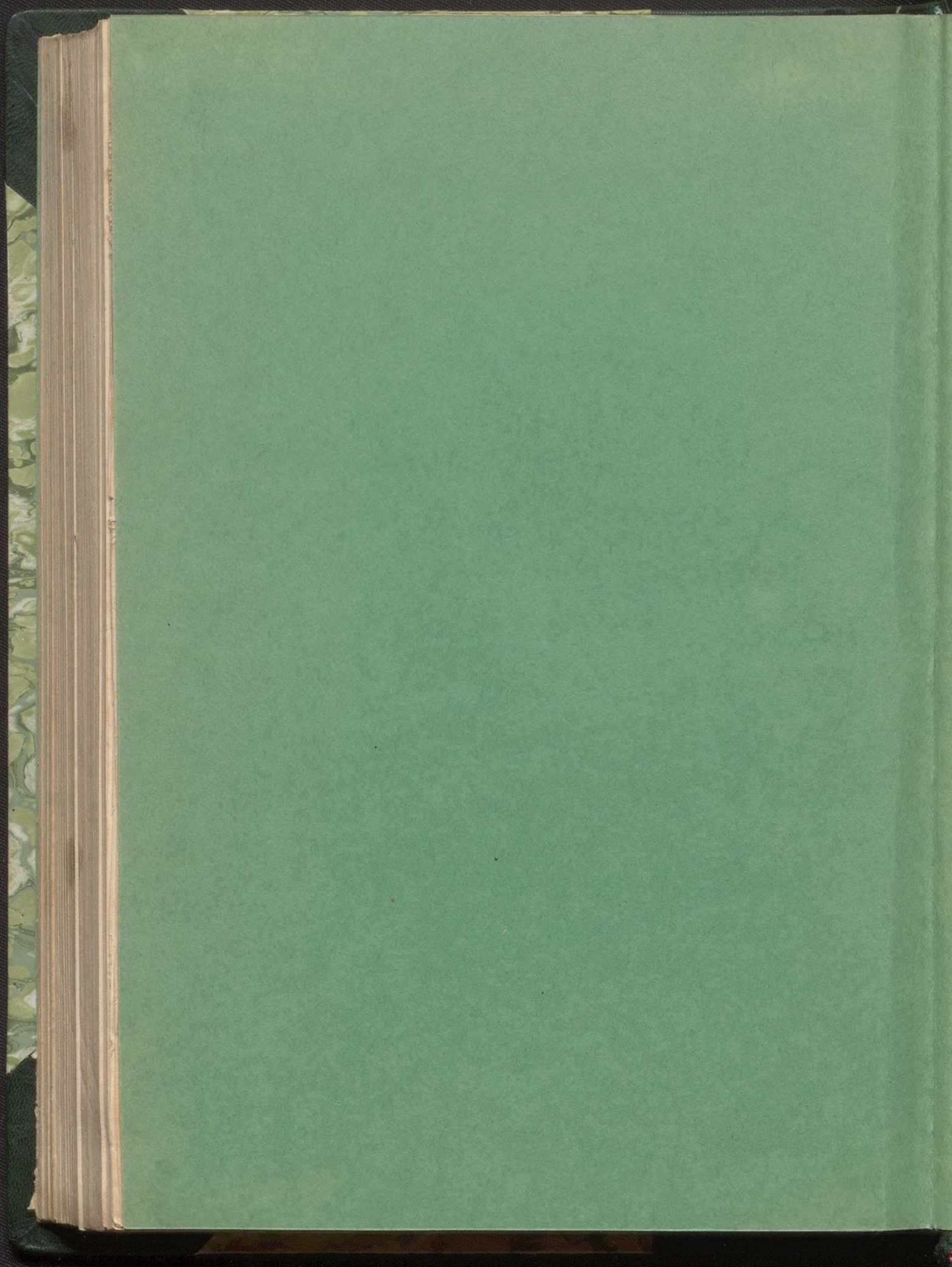
ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА.

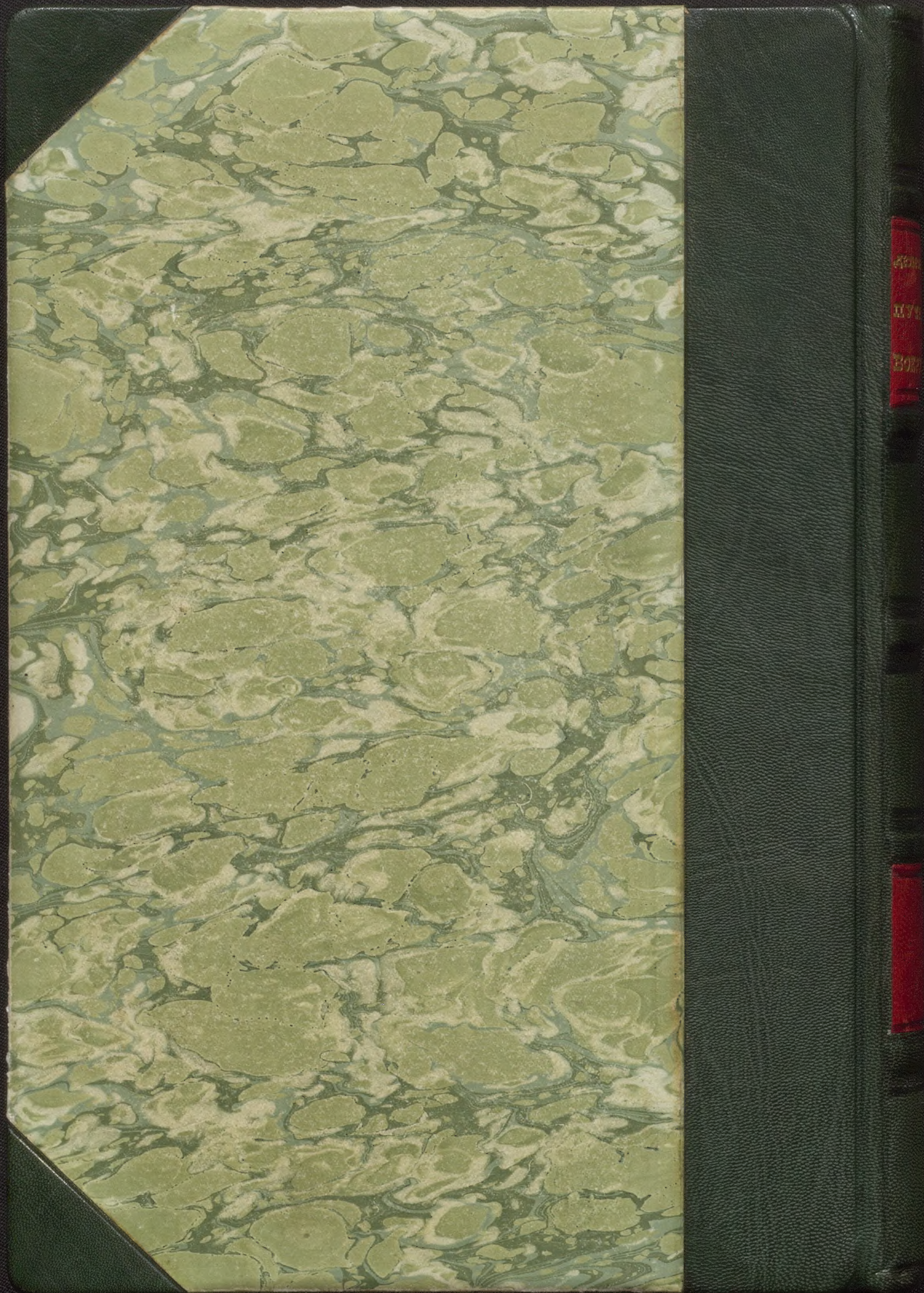
Ном. Рисунок	Ном. Изображенія	Стр. текста.	№	Титулярный Советник	Стр. текста.
I.	1.	Выходъ военного фрегата въ море, изъ Тулона.....	16.		
	2.	Одежда жителей Магонскихъ.....	18.		
II.	1.	Гибралтаръ съ восточной стороны, перерывъ образованный въ скалахъ.....	21.		
	2.	Зала Св. Георгія въ Гибралтарскихъ скалахъ.....	24.		
III.	1.	Видъ части западной стороны Гибралтара.....	25.		
	2.	Тарифскій маякъ.....	27.		
IV.	1.	Видъ Санта-Круза и окружающихъ его горъ.....	31.		
	2.	Одежда Тенерифскихъ женщинъ.....	32.		
V.	1.	Драконово дерево и алоэ.....	39.		
	2.	Вершина Тенерифскаго пика въ различныхъ видахъ.....	40.		
VI.	1.	Изверженіе горы Кагоры, на Тенерифъ, въ 1798 г.....	41.		
	2.	Одежда жителей Канарскихъ острововъ.....	42.		
VII.	1.	Акула висящая на корабельномъ гикъ.....	47.		
	2.	Видъ Горы съ восточной стороны.....	49.		
VIII.	1.	Крушеніе Медузы и плотъ, на которомъ спасается экипажъ.....	46.		
	2.	Одежда Сигнары и черныя магометанскія, киты.....	58.		
IX.	1.	Островъ Тронцадей.....	64.		
	2.	Ловля дикихъ лосей.....	59.		
X.	1.	Видъ Рио-Жанейрскаго рейда.....	71.		
	2.	Ловля пингвиновъ.....	71.		
XI.	1.	Готтентоты: мужчина и женщина.....	75.		
	2.	Положеніе корабля во время бури близъ Игольвой мели.....	73.		
XII.	1.	Городъ Капъ и видъ Столовой горы.....	74.		
	2.	Улица въ Капъ; фура везомая волами.....	76.		
XIII.	1.	Видъ Портъ-Луи, на Иль-де-Франсъ.....	81.		
	2.	Церковь въ Нампльмусъ.....	88.		
XIV.	1.	Мостикъ чрезъ рѣку Мениль.....	90.		
	2.	Сахарный заводъ Г. А', близъ Портъ-Луи.....	92.		
XV.	1.	Видъ Сентъ-Дени, на островъ Бурбонъ.....	94.		
	2.	Висящая приставъ въ Сентъ-Дени.....	94 и 98.		
XVI.	1.	Мостъ и мельница, по дороге съ молла къ городу Сентъ-Дени.....	97.		
	2.	Логовоиты или старшины селеній на Мадагаскаръ, въ 1656 г.....	104.		
XVII.	1.	Секлавская женщина; мужчины Говасы.....	101.		
	2.	Дерево странника, точащее чистую воду.....	102.		
XVIII.	1.	Видъ Тинтингскаго военного селенія.....	102.		
	2.	Плакуръ принимаетъ клятву въ вѣрности отъ Мальгашей, жителей Каркавоссъ.....	104.		
XIX.	1.	Мадагаскарскій Гиппотамъ (бегемотъ).....	115.		
	2.	Рейдъ острова Св. Анны или Маге.....	117.		

N°	LIV.—1. Рыболовные лодки.....	277.	N°	LXI.—1. Манильская таможня.....	298.
	2. Туранская крепость.....	277.		2. Церковь Св. Франциска въ Маниль.....	299.
	LV.—1. Кохинхинский рынок.....	277.		LXII.—1. Каменный мостъ въ Маниль.....	300.
	2. Кохинхинцы высшихъ сосло- вий.....	277.		2. Тагалы, мужчина и женщина.....	301.
	LVI.—1. Одежда простаго народа въ Кохинхинъ.....	278.		LXIII.—1. Иттушій бой.....	302.
	2. Видъ Тураны.....	278.		2. Китайскій кварталъ въ Ма- ниль.....	304.
	LVII.—1. Мандарины гражданскій и военный.....	278.		LXIV.—1. Развалины въ предместьи Маниль.....	305.
	2. Кохинхинскіе солдаты.....	279.		2. Илюкоссы, мужчина и жен- щина.....	307.
	LVIII.—1. Надгробный памятникъ ман- дарина.....	279.		LXV.—1. Видъ на берегахъ рѣки Пас- сигъ.....	309.
	2. Коинюшнн слововъ, въ Тура- нъ.....	279.		2. Каза-Мата-де-Пандаконтъ... ..	310.
	LIX.—1. Видъ съ мраморныхъ скалъ, въ Туранъ.....	281.		LXVI.—1. Гала-Гала, помѣстье Г. Жи- роньера.....	310.
	2. Входъ въ подземную пагоду.....	282.		2. Оврагъ близъ Гала-Гала... ..	312.
	IX.—1. Подземная пагода.....	282.		LXVII.—1. Банка, перевозная шлюбка.....	314.
	2. Кохинхинскій императоръ и депутатъ изъ Камбоджи.....	288.		2. Рыболовные плоты въ Ма- ниль.....	314.

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ РИСУНКОВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОМОЩЬ - ГОРЬКА

ДУТЪ ИЩЕТЕ

КОРПУТЪ ОБЕТА

1